QB10
A-87
c.6 m.1

БИБЛІОТЕКА
Графа К. П. Кутайсова.
Шкафъ.....
Полка .....
№.....

ДБ
10
А-87

АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВРЕМЕННОЮ КОММИССІЕЮ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЮ

ПРИ

Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРѢ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

АКТЫ ОБЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ И ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ XVI—XVIII ВѢКѢ.

(1498—1795).

Томъ I

(Съ **Приложеніемъ** въ особой книгѣ.)

КІЕВЪ
Въ университетской типографіи (І. Завадзкаго).
1876.

атать разрѣшается. 17 іюня 1876 года.

Предсѣдатель Коммиссіи тайный совѣтникъ *М. Юзефовичъ.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
678659

полнит, проверила Харламова

СОДЕРЖАНІЕ АКТОВЪ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

I.

Общественно-бытовое устройство Литовско-Русскаго великаго княжества въ періодъ до изданія Статута.

Общественное устройство Западно-Русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, сословныя подраздѣленія, права и обязанности каждаго сословія, отношенія ихъ между собою и къ власти государственной,—все это въ XV и XVI вѣкахъ подвергалось медленному, постепенному, но радикальному измѣненію, при сильномъ вліяніи порядковъ, сложившихся въ Польшѣ, съ которою княжество это вступало все въ болѣе и болѣе тѣсныя связи, пока наконецъ не слилось съ нею въ одно государство. Люблинская унія, представляющая собою весьма важный моментъ сознанія и признанія совершавшагося переворота, не была однако ни его исходной точкой, ни полнымъ завершеніемъ, какъ ее нерѣдко изображаютъ. Отклоненія отъ господствовавшихъ первоначально въ Литовскомъ княжествѣ древне-Русскихъ началъ общественнаго быта замѣчаются гораздо раньше, и уже первый опытъ общей кодификаціи существовавшихъ отношеній, Статутъ 1529 года,

во многомъ съ ними расходится. Параллели, преводимыя обыкновенно между этимъ памятникомъ и Русскою Правдою, страдаютъ по большей части тѣмъ недостаткомъ, что въ нихъ обращается вниманіе почти исключительно на черты сходства обоихъ кодексовъ, оставляя въ сторонѣ различія, тогда какъ послѣднія-то, частію накопившіяся путемъ самостоятельнаго послѣдовательнаго развитія, частію составляющія послѣдствіе внѣшняго вліянія, именно и заключаютъ въ себѣ результаты пятивѣковой исторической жизни Западно-Русскаго народа.

Положеніе крестьянскаго сословія, опредѣлившееся послѣднею редакціею Статута въ формѣ полнѣйшаго безправія, до того времени подвергалось, на ряду со всѣми прочими сословіями, значительнымъ модификаціямъ, постоянно клонившимся не въ его пользу—и мало по малу доводившимъ его права до минимума. Приписывать такое ограниченіе правъ крестьянства исключительно одному лишь Польскому вліянію было-бы неосновательно, такъ какъ оно обусловливалось и многими другими причинами, вызывавшими аналогическія явленія, и притомъ почти въ то-же самое время, въ Россіи Восточной, вліянію этому не подчинявшейся Польскіе порядки отразились лишь на тѣхъ *окончательныхъ формахъ*, въ какія сложился общественный бытъ Западной Руси, и которыя рѣзко отличались отъ бытового уклада Московскаго государства, въ свою очередь подвергавшагося нѣкоторымъ чуждымъ вліяніямъ совершенно иного характера. Время, когда все съ большею силою стали обнаруживаться и развиваться различія въ положеніи и правахъ крестьянскаго населенія обѣихъ половинъ Россіи, были XV и XVI вѣкъ, которые по этому и послужатъ исходною точкою настоящаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что отъ предшествующей эпохи въ источникахъ, которыми мы располагаемъ, не имѣется почти никакихъ данныхъ, относящихся спеціально къ Западной Россіи. Даже и XV столѣтіе не представ-

ляетъ намъ достаточно матеріаловъ, по которымъ бы можно прослѣдить исторически измѣненія въ положеніи крестьянъ въ этотъ періодъ, такъ что мы должны ограничиться общимъ сводомъ отрывочныхъ указаній памятниковъ за все почти время, предшествовавшее изданію Статута.

Сословное дѣленіе Западно-Русскаго населенія въ эту эпоху и въ эпоху крайняго развитія шляхетскаго господства представляетъ одну сходную черту: какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ два главныя подраздѣленія жителей—на свободныхъ и несвободныхъ. Но громаднѣйшее различіе заключается, во-первыхъ, въ численномъ отношеніи обѣихъ категорій, и во-вторыхъ, въ дальнѣйшемъ ихъ развѣтвленіи: тогда какъ шляхтичи, единственно полноправные, считались въ эпоху своего господства, т. е. послѣ Люблинской уніи, вполнѣ равными между собою по закону, а всѣ остальныя сословія принадлежали къ числу болѣе или менѣе зависимыхъ,—въ XV столѣтіи было совершенно наоборотъ. Тогда существовало весьма немногочисленное—на сколько можно заключать по дошедшимъ до насъ памятникамъ того времени—сословіе вполнѣ безправныхъ рабовъ, но въ то же время лица свободнаго состоянія далеко не пользовались равноправностію, а распадались на множество разрядовъ, стоявшихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, отъ живущаго на чужой землѣ крестьянина и кончая владѣтельными князьями, причемъ отношенія между сопредѣльными разрядами были почти тождественны и носили въ извѣстной степени феодальный характеръ.

Эта послѣдняя черта, то-есть феодальный оттѣнокъ во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ населенія, многими признается непосредственнымъ результатомъ соприкосновенія Литовскаго княжества съ сосѣдями Нѣмцами и ихъ бытомъ [1]). Но едва ли не вѣрнѣе будетъ объяснять ее преемст-

[1]). Напримѣръ: «Весь строй государственнаго устройства, об-

веннымъ развитіемъ тѣхъ бытовыхъ условій, какія существовали уже раньше во всѣхъ Русскихъ земляхъ; Литовскіе завоеватели находили въ пріобрѣтеніи областей Западной Руси не одну только безформенную экономическую или боевую силу, которую они могли безпрепятственно организовать по любому предвзятому образцу. Они встрѣчали здѣсь и извѣстную силу культурно-общественную, во всякомъ случаѣ высшую степени ихъ собственнаго развитія, а потому не только имъ не подчинявшуюся, но даже покорявшую ихъ своему вліянію. Весьма трудно было бы допустить даже a priori, чтобы Западная Русь, послужившая для Литвы первымъ источникомъ христіанства, письменности, многихъ правовыхъ понятій, терминовъ и учрежденій, въ то же время могла бы подвергнуться радикальному измѣненію въ бытѣ общественномъ, и притомъ безъ всякой борьбы, на которую мы не имѣемъ ни малѣйшихъ, хотя бы даже самыхъ отдаленныхъ указаній. Но кромѣ этихъ общихъ соображеній, мы имѣемъ болѣе прямое свидѣтельство въ замѣчательномъ параллелизмѣ государственнаго устройства

разовавшійся въ Литвѣ, основанъ исключительно на военномъ началѣ» (Антоновичъ, изслѣдованіе о городахъ, 3).—«Военное устройство новозавоеванныхъ земель и извлеченіе изъ нихъ возможнаго количества боевыхъ силъ, вотъ задача, господствовавшая попреимуществу при первоначальномъ устройствѣ великаго Литовско-Русскаго княжества; общественное устройство этого княжества и должно было сложиться подъ вліяніемъ этой необходимости. Форма, представлявшаяся при этомъ сама собою, вытекавшая изъ господствовавшихъ въ то время понятій натурально хозяйственнаго государственнаго устройства, образецъ которой въ возможномъ совершенствѣ былъ на лицо въ устройствѣ нѣмецкихъ государствъ,—форма феодальная была примѣнена литвинами» (его же, изслѣд. о крестьянахъ, 9). «Такимъ образомъ въ Литвѣ образуется *самостоятельный* феодальный строй жизни». (Изслѣд. о городахъ, 4).

Руси Западной и Восточной, въ періодъ до болѣе тѣснаго сближенія первой изъ нихъ съ Польшею и до полнаго объединенія второй подъ властью князей Московскихъ. Такой параллелизмъ могъ возникнуть только вслѣдствіе общности происхожденія.

Изъ двухъ главныхъ факторовъ древне-Русскаго общественнаго быта, связь одного изъ нихъ, именно общины со многими позднѣйшими явленіями Западно-Русской жизни, которыя этимъ только путемъ и могутъ быть объяснены, достаточно уже въ настоящее время доказана; но точно также не исчезъ внезапно и безслѣдно и другой элементъ,—опирающаяся на дружину княжеская власть,—а продолжалъ существовать въ обѣихъ половинахъ Русской земли, постепенно лишь измѣняясь въ объемѣ и формахъ, современемъ весьма далеко разошедшихся тамъ и здѣсь, подъ вліяніемъ различія историческихъ обстоятельствъ.

Упроченіе удѣловъ за извѣстными отраслями княжескаго рода естественно вызывало стремленіе князей придать территоріальный характеръ и своимъ дружинамъ, находившимся до той поры въ услуженіи какъ бы личномъ. Главнымъ средствомъ къ достиженію этого послужила, въ концѣ удѣльнаго періода, постепенная замѣна выдававшейся дружинникамъ въ вознагражденіе платы—пожалованіемъ имъ собственности поземельной, которую князья считали себя вправѣ раздавать,—безразлично, были ли то земли пустыя или уже вошедшія въ составъ округа той или другой общины [1]). Вся разница могла заключать-

[1]) Болѣе подробное изложеніе этого предмета см. у г. Сергѣевича, „*Вѣче и Князь*“, стр. 410--411.—Слѣды замѣны земельнымъ жалованьемъ денежнаго можно видѣть въ Литовскій періодъ въ тѣхъ пожалованьяхъ, когда имѣніе записывалось въ извѣстной суммѣ, съ правомъ окупа ее княземъ. Акты Зап. Рос. I, №№ 22, 32,—Ак. Южн. и Зап. Рос., I, № 17, 20,

ся лишь въ томъ, что при пожалованіи земли общинной подразумѣвалось первоначально отчужденіе въ частную собственность не самой земли, а тѣхъ правъ на нее князя, которыя выражались въ обязанности населенія уплачивать князю часть произведеній своей земли, въ формѣ различнаго рода даней или своего личнаго труда, т. е. натуральныхъ повинностей [1]). Такія именно раздачи и послужили источникомъ *русскаго* феодализма, выразившагося въ Московскомъ государствѣ въ помѣстной системѣ, въ Литвѣ,—еще съ большей послѣдовательностью и опредѣленностью, но уже съ замѣтною узурпаціей правъ низшихъ сословій,—узаконеннаго было первымъ Статутомъ, но впослѣдствіи, подъ преобладающимъ вліяніемъ Польши, замѣненнаго полною частною собственностью, какъ ее понимаетъ римское право.

Еще однимъ весьма важнымъ доказательствомъ аналогіи и общаго происхожденія феодальной собственности въ Литвѣ съ помѣстной системою Руси Восточной служитъ Русь Галицкая, перешедшая непосредственно во владѣніе Поляковъ, заставшихъ и здѣсь тѣ же отношенія, но конечно, возникшія помимо всякаго Литовскаго вліянія, и довольно быстро уступившія мѣсто порядку Польскому [2]).

[1]) Слѣды именно такого воззрѣнія на *объемъ* пожалованій въ Литовскій уже періодъ заключаются въ тѣхъ грамотахъ на отдачу людей съ *ихъ* землями, многія изъ которыхъ цитируются г. Антоновичемъ въ его Изслѣдованіи о крестьянахъ, стр. 16.

[2]) См. объ этомъ у Шараневича: Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniey w drugiej połowie XV wieku, Львовъ, стр. 56—68, гдѣ приведены указанія на слѣды феодализма въ Галиціи въ XIV и въ XV вѣкѣ, хотя въ коренной Польшѣ тогда господствовала уже собственность частная.—Ср. жалованную грамоту на имѣніе въ *Перемышльскомъ* повѣтѣ *съ обязанностью службы*, 1408 года. Акт. Юж. и Зап. Рос., I, № 10.—Такое же пожалованіе въ *Снятинской волости*. Тамже, № 15.

Русскій феодализмъ получилъ наибольшее развитіе въ государствѣ Литовскомъ, такъ какъ эта форма общественныхъ отношеній имѣла здѣсь, сравнительно съ другими частями Руси, еще одно существенное основаніе—именно право завоеванія, а отчасти, быть можетъ, въ томъ же направленіи дѣйствовало и соприкосновеніе съ Нѣмцами. Во всякомъ случаѣ, здѣсь феодализмъ развился въ цѣльную законченную систему, проникавшую всѣ общественныя отношенія, начиная съ землевладѣнія, которое здѣсь не имѣло почти вовсе вотчинной формы, столь затрудняющей его пониманіе въ Восточной Руси. Въ Литвѣ всѣ почти княжескія пожалованія условны, несутъ на себѣ не только служебную, но и податныя повинности, а княжеское право на всѣ земли de jure сохраняется даже до второй половины XVI вѣка, когда, въ виду подготовлявшейся уніи съ Польшею, отрекся отъ него Жигмонтъ—Августъ [1]).—Пожалованія на Литовско-Русскомъ правѣ имѣли все значеніе двухсторонихъ обязательствъ и иногда даже принимали вполнѣ ихъ форму, сопровождаясь записью на вѣрность службы [2]); въ этомъ ихъ значеніи кроется и источникъ происхожденія многочисленныхъ подтвердительныхъ грамотъ на имѣнія, выдававшихся тѣмъ

---

[1]) Существуютъ однако указанія, что нѣкоторыя земли составляли частную собственность; по всей вѣроятности, онѣ были таковыми еще въ эпоху до Литовскаго завоеванія и названы въ грамотахъ землями боярскими, въ смыслѣ обѣльныхъ, въ отличіе отъ земель тяглыхъ, т. е. несущихъ государственныя повинности. См. грамоты Казиміра о пожалованіи Ходкевичу четырехъ человѣкъ, и другую, Богдану Вояковичу, на село Приведовъ: «и перво сего за бояры бывали тыи люди»; «тое имѣнье *изъ вѣка боярьское, а не тяглое*». Акты Зап. Рос. 1, стр. 58, 72. Въ этихъ и нѣсколькихъ другихъ грамотахъ пожалованія не обусловлены служебною повинностью.

[2]) Акт. Зап. Рос. I, стр. 67.

же лицамъ новыми государями, или отъ того же государя наслѣдникамъ прежняго владѣльца. Отсюда же вытекли и постановленія Статута о неотчуждаемости земскихъ имѣній безъ разрѣшенія государя, ни путемъ продажи, ни черезъ завѣщаніе [1]).

Точно въ такомъ же отношеніи, какъ большіе поземельные собственники (отчасти еще удѣльные князья) стояли къ государямъ,—такъ же и къ нимъ относились жившіе въ ихъ имѣніяхъ второстепенные князья и бояре. Лица, получившія отъ великаго князя обширныя волости, въ свою очередь раздавали части ихъ отъ себя уже, и такимъ образомъ имѣли этихъ болѣе мелкихъ владѣльцевъ подъ своею рукою на такихъ же феодальныхъ началахъ. Такъ напримѣръ, внукъ Ольгерда, князь Андрей Владиміровичъ, завѣщавая въ 1446 году свои имѣнія (свою отчину и свою выслугу) женѣ и дѣтямъ, говоритъ между прочимъ: «а что есмь подалъ имѣнія боярамъ своимъ, хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити, и они служатъ съ тѣхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити, и азъ тые имѣнія далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ» [2]). Въ 1483 году вдова Слуцкаго князя Михаила Александровича, княгиня Анна, жаловалась королю Казимиру, что нѣкоторые изъ «еѣ» князей и бояръ не хотятъ служить ей со своихъ имѣній, поэтому Казиміръ подтвердилъ «тымъ княземъ, и боярамъ, и слугамъ, изъ ихъ имѣній ей служити и послушными быти, какъ князю Михайлу служили и послушны были» [3]). Первый изъ только что приведенныхъ документовъ показываетъ, что обя-

---

[1]) Первой редакціи раздѣлъ I, артикулъ 15 и 17; второй ред. III, 2 и 36, VII, 3 и 5.

[2]) Акты Зап. Рос., I, стр. 59.

[3]) Тамъ же стр. 104.

занность службы прямо зависѣла отъ пользованія землею, т. е. отъ желанія лица, получившаго имѣніе, удерживать его за собою; кто изъ бояръ захочетъ, говоритъ завѣщатель, тѣ и будутъ служить; имѣнія будутъ отняты только у тѣхъ, кто откажется отъ службы; но онъ вовсе не предоставляетъ своимъ наслѣдникамъ права отнимать земли по своему произволу, пока условія пожалованія выполнялись другою стороною исправно. Иногда, въ случаѣ пожалованія великимъ княземъ кому либо земель, на которыхъ уже жили бояре, такая условная неприкосновенность владѣній послѣднихъ прямо охранялась властью государя. Такъ напримѣръ, это всего яснѣе выражено въ жалованной грамотѣ в. кн. Александра князю Михаилу Жеславскому на Мстиславль и Мглинъ, 1499 года; опредѣляя обязанность тамошнихъ бояръ служить со своихъ имѣній новому »вотчинному« владѣльцу [1]), грамота добавляетъ однако: »а онъ ихъ безъ вины не маетъ рушати;..... а которыи бы бояре зъ нихъ не хотѣли ему служити, ино имъ ѣхати прочъ вольно со всими своими статки, куды хотять, а имѣнья оставивъ« [2]). Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что отношенія бояръ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, къ своимъ князьямъ были вполнѣ аналогичны съ отношеніями послѣднихъ къ великому князю. Они также пользовались и правомъ отчужденія недвижимой собственности, съ разрѣшенія своего князя, какъ это мы видимъ

---

[1]) Хотя въ грамотѣ пожалованіе названо »вотчиною«, но изъ того самого, что она только подтверждаетъ Михаилу Жеславскому право на имѣнія, находившіяся въ »держаньи« его предковъ, скорѣе можно признать это пожалованіемъ леннымъ.

[2]) Акты Зап. Рос., I, № 172. Заслуживаютъ вниманія слова этой грамоты:.. „дали есмо ему (такія то имѣнія) со всими людми и зъ ихъ землями..., и *со всими бояры и зъ ихъ имѣньи*“, т. е. и относительно бояръ употреблена та же формула, какая обычно употреблялась говоря о крестьянахъ, чѣмъ и подтверждается высказанное выше замѣчаніе о ея значеніи.

изъ разрѣшенія, даннаго Слуцкимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ своему боярину Царю на покупку и отчужденіе въ пользу церкви »дворца«, т. е. мызы [1]).

Относительно городскихъ жителей мы не знаемъ порядка и ограниченій, какимъ они должны были подвергаться при отчужденіи имѣній; собственно въ городахъ мѣщане могли свободно распоряжаться своей недвижимостью и пользовались правомъ перехода [2]); но въ достатутовый періодъ они владѣли также и землями внѣгородскими, селами, имѣніями земскими или боярскими, а потому, по всей вѣроятности, пользовались въ отношеніи землевладѣнія одинаковыми правами какъ и бояре. Ограниченія правъ мѣщанъ на пріобрѣтеніе земель появились только въ концѣ XV вѣка; до тѣхъ же поръ такое владѣніе даже подтверждалось великими князьями. Такъ уставная грамота Полоцку (1499 года), хотя уже и пользовавшемуся магдебургскимъ правомъ, опредѣляетъ однако порядокъ судопроизводства »о земляномъ правѣ« между мѣщанами и боярами или путниками, подчиняя такія дѣла не войтовскому суду, но »намѣстнику съ старшими бояры«, т. е. по боярской подсудности; въ той же грамотѣ упоминается о селахъ и земляхъ, купленныхъ боярами у мѣщанъ и обратно [3]). То же мы находимъ и въ другой Полоцкой грамотѣ, съ тѣмъ важнымъ поясненіемъ, что мѣщане владѣли и заселенными имѣніями: »маютъ имѣнья свои и люди и земли сполна держати по давному«[4]). Кромѣ по-

---

[1]) Акт. Зап. Рос. I, № 56.—Ср. постановленія перваго статута объ имѣніяхъ, выслуженныхъ на князьяхъ или на панахъ; разд. III, арт. 15.

[2]) Акт. Зап. Рос. I, стр. 145, 351; II, стр. 90.

[3]) Тамъ же I, стр. 199.

[4]) Акт. Зап. Рос. I, стр. 215.

купки, мѣщане пользовались тѣмъ же самымъ средствомъ пріобрѣтенія, что и бояре: у нихъ тоже были свои *выслуги* [1]).

Но уже въ 1502 году, на просьбу городенскихъ мѣщанъ о подтвержденіи ихъ поземельныхъ правъ, король Александръ, подтверждая эти права, вмѣстѣ съ тѣмъ воспретилъ имъ на будущее время покупку земель безъ особаго разрѣшенія [2]). Это одна изъ первыхъ извѣстныхъ намъ попытокъ выдѣленія городского сословія изъ пользованія тѣми правами, какія были ему предоставлены въ 1457 году королемъ Казиміромъ наравнѣ съ шляхтичами-боярами [3]). Но мѣщанское землевладѣніе повидимому было настолько еще сильно и распространено въ XVI вѣкѣ, что даже Статутъ 1566 года упоминаетъ о немъ, обязывая военною службою мѣщанъ, владѣющихъ земскими имѣніями [4]). Конечно, при окончательномъ объединеніи Литовско-

[1]) Акт. Зап. Рос. I, стр. 353 (Daniłowicz. Skarbiec diplomatów, II, стр. 230).

[2]) Тамъ же. I, стр. 346. Дозволено, впрочемъ, мѣщанамъ принимать земли княжескихъ людей въ заставу, «не на вѣчность куповати».

[3]) Działyński. Zbiór praw Litewskich, I, стр. 23. Необходимо однако имѣть въ виду, что «мѣщане» въ эту эпоху включали въ себѣ не всѣхъ городскихъ жителей; это, повидимому, были только »лучшіе« изъ горожанъ, остальные составляли городское »посполство«.

[4]) Разд. II, арт. 1:.... »Кождый князь и панъ духовный, и тежъ дворянинъ, бояринъ, кождые иные станы, и татарове наши, такъ *мѣщане* мѣстъ нашихъ, маючи *земское имѣнье*, винни будутъ войну служити.... то есть *зъ имѣней и людей*, яко отчызныхъ и похожыхъ, выслужоныхъ и купленыхъ». Эту обязанность службы *по владѣнію* не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать съ такой же повинностью, лежавшей на всѣхъ вообще мѣщанахъ въ качествѣ городскаго сословія. О послѣдней см. Антоновичъ, Изслѣдованіе о городахъ, въ Архивѣ югозападной Россіи, ч. V, т. I.

русскихъ сословій съ польскими, это явленіе исчезло незамѣтно, путемъ включенія мѣщанъ-землевладѣльцевъ въ разрядъ шляхты, на основаніи самаго факта землевладѣнія.

Спускаясь еще ниже въ сословной іерархіи, къ сельскому земледѣльческому населенію, мы не только не находимъ какихъ либо особыхъ ограниченій относительно поземельныхъ правъ этого населенія, но скорѣе имѣемъ основаніе заключать, что права эти ничѣмъ не отличались отъ такихъ же правъ высшихъ сословій [1]). Сельскіе жители, въ разсматриваемую эпоху чаще всего именуемые «людьми», независимо отъ множества частныхъ разнообразныхъ названій, основанныхъ на ихъ спеціальныхъ повинностяхъ, на экономическихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу, и т. п., распадались на двѣ главныя группы, крестьянъ на княжескихъ земляхъ и на владѣльческихъ. Относительно послѣднихъ источники, къ сожалѣнію, скуднѣе всего; и объ условіяхъ ихъ быта мы можемъ заключить преимущественно лишь по той тождественности, какая замѣчается въ устройствѣ княжескихъ и частныхъ имѣній нѣсколько позже, а также изъ самаго отсутствія какихъ либо особыхъ установленій для частныхъ владѣній: князья жаловали ихъ съ тѣми самыми правами и на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ сами владѣли ими, шляхетское же сословіе тогда еще не организовалось и не сплотилось настолько, чтобы взять на себя починъ въ измѣненіи общественно-экономическихъ отношеній, какъ оно это сдѣлало въ половинѣ XVI вѣка. Съ другой стороны, мы имѣемъ прямыя указанія, что—помимо землевладѣнія—въ отношеніи другихъ гражданскихъ правъ не дѣлалось вообще никакого различія между крестьянами на земляхъ господарскихъ и боярскими.

[1]) Здѣсь разумѣется, конечно, только свободное сельское населеніе, о челяди же невольной и о закладняхъ будетъ упомянуто ниже.

Поселенцы на княжескихъ земляхъ, «люди господарскіе», «волостные» или «тяглые», иногда не раздѣляемые отъ княжескихъ «слугъ», какъ напримѣръ путники [1]), владѣли поземельной собственностью тоже съ обязанностью службы, но только самая служба ихъ отбывалась въ иной формѣ. Такъ путная служба соотвѣтствовала ямской повинности въ восточной Россіи и состояла въ обязанности поставлять для княжескихъ пословъ и гонцовъ лошадей, а ѣздили съ послами городскіе дворяне [2]); люди *пригонные,* иногда отождествляемые съ сельскими путниками [3]), обязаны были издѣльной повинностью на потребу князя [4]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались и правомъ отчужденія своихъ земель, съ тѣмъ только, чтобы новый владѣлецъ отбывалъ ту же, пріуроченную къ извѣстному земельному участку, повинность путную или пригонную [5]). Равно они могли покупать и земли у бояръ и мѣщанъ [6]). Отчужденіе земель путниками постороннимъ лицамъ происходило на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у бояръ, т. е. съ разрѣшенія князя или его намѣстника [7]), и при соблюденіи этого условія признавалось верховною властью вполнѣ законнымъ. Такъ напримѣръ, даже еще въ 1499 году, когда нѣсколько путниковъ Полоцкаго повѣта, села Митковичъ, жаловались на сына

---

[1]) Они называются также путными *людьми*, сельскими путниками и путными *слугами*, а позже является и названіе путные *бояре.*

[2]) Акт. Зап. Рос., I, стр. 199; III, стр. 93.—Памятники, т. II, отд. II, стр. 227.

[3]) Тоже, стр. 214.

[4]) Пригонные люди съ тѣми же повинностями упоминаются и участныхъ лицъ. Тамже, I, стр. 357.

[5]) Тамже, I, стр. 215, 346.

[6]) Акт. зап. Рос,, I, стр. 199.

[7]) Примѣръ такого разрѣшенія у Даниловича, Skarbiec diplomatów, I, стр. 296.

Полоцкаго епископа Луки о томъ, что онъ незаконно владѣетъ ихъ «отчиною и дѣдиною», то епископскій сынъ заявилъ, что земля куплена имъ у нихъ «обѣль вѣчно, зъ дозволеньемъ намѣстника Полоцкаго пана Юрья Пацовича», и король Александръ на этомъ основаніи оставилъ землю за нимъ [1]).

Что крестьяне, поселенные на земляхъ частныхъ лицъ, имѣли такое же право отчужденія земли, по разрѣшенію владѣльца и съ передачею повинностей, мы видимъ изъ выданной владѣльцемъ грамоты, 1421 г., которою онъ утверждаетъ продажу дворища однимъ крестьяниномъ другому, «на вѣкы вѣчнѣ, ему и потомкомъ», добавляя при этомъ, что покупатель «имаеть изъ того дворища платити чиншь и роботы поступати»[2]). Есть даже указаніе, что люди, поселенные на земляхъ мѣщанъ магдебургскаго права, могли вести тяжбы о земляхъ между собою подобно мѣщанамъ, но подсудность уже измѣнена, сравнительно съ болѣе раннею грамотой, изъ общей земской въ войтовскую [3]). Но и послѣдеее постановленіе указываетъ между прочимъ на признаніе за мѣщанскими людьми одинаковыхъ гражданскихъ правъ съ мѣщанами, такъ какъ и тѣ и другіе подчинены одному и тому же присуду [4]). Однимъ изъ признаковъ самосто-

---

[1]) Акт. зап. Рос., I, № 173, стр. 197.

[2]) Тамже, I, № 29, стр. 41.

[3]) «Которому мѣщанину будетъ которое дѣло до мѣщанина, або *мѣщанскому чоловѣку* до мѣщанскаго чоловѣка о *земленомъ* дѣлѣ». Акт. зап. Рос., I, стр. 215.—Ср. тамже, стр. 199: здѣсь упомянуты также живущіе въ городѣ боярскіе люди на отчизныхъ и на *купленныхъ* земляхъ.

[4]) Ср. тамже стр. 180, гдѣ магдебургское право распространено на всѣхъ живущихъ «въ селѣхъ мѣщанскихъ», причемъ боярскіе люди, живущіе въ городѣ, категорически изъяты отъ зависимости своимъ владѣльцамъ (стр. 181).

ятельности въ поземельномъ отношеніи можетъ служить также право имѣть экономически зависимыхъ *отъ себя* людей, и мы видимъ, что и крестьяне, сидящіе на жеребьевомъ участкѣ земли, имѣли право держать у себя закладней [1]).

Изъ вышеизложенныхъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что въ достатутовый періодъ землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи [2]); что всѣ свободныя сословія, а слѣдовательно и самое многочисленное изъ нихъ, крестьяне, пользовались въ этомъ отношеніи одинаковыми правами; что всѣ земли, на основаніи признанія суверенной власти на нихъ великаго князя, были обложены въ пользу его повинностями, разнообразіе формъ которыхъ повело къ рѣзкому опредѣленію сословныхъ границъ лишь впослѣдствіи, а въ разсматриваемую эпоху служило только ближайшею причиною передачи князьями своихъ правъ на повинности отдѣльнымъ лицамъ, въ видахъ, такъ сказать, концентраціи этихъ повинностей и приведенія ихъ въ такую именно форму, какая наиболѣе соотвѣтствовала удовлетворенію потребностей государства въ данный моментъ [3]).

---

[1]) Годъ 1479: «на которомъ жеребьи одинъ чоловѣкъ сидитъ, а держитъ за собою закладни». Акты Зап. Рос., I, стр. 88.

[2]) Г. Леонтовичъ («Крестьяне югозападной Россіи», стр. 35) считая его шляхетскою привилегіею по литовскимъ законамъ, ошибочно распространяетъ положенія Статута, притомъ же въ отношеніи мѣщанъ непослѣдовательныя, и на болѣе раннее время, что у него замѣчается и въ другихъ случаяхъ. Замѣтимъ къ слову, что княжескими имѣніями могли владѣть даже и евреи. См. напр. Акт. Зап. Рос., I, № 151.—Ср. Статутъ 1566 г., разд. XII, арт. 5.

[3]) Для лучшаго доказательства, что формула пожалованія *людей съ ихъ землями* имѣетъ только такое значеніе, кромѣ приведенныхъ выше соображеній, укажемъ еще, что даже при порученіи из-

Чтобы судить, до какой степени подобный строй поземельно-сословныхъ отношеній въ *Литовскомъ* государствѣ былъ аналогиченъ съ бытомъ Руси восточной, — что и доказываетъ общность происхожденія этихъ отношеній, — достаточно будетъ привести слова великорусскаго изслѣдователя того же предмета и за тотъ же періодъ, такъ какъ сдѣланная имъ характеристика, за самымъ ничтожнымъ измѣненіемъ въ терминахъ, могла бы быть вполнѣ приложена и къ Руси Литовской. Вотъ что говоритъ г. Чичеринъ: «Сверху былъ князь—верховный землевладѣлецъ, затѣмъ бояринъ имѣвшій право суда и дани, затѣмъ монастырь, распоряжавшійся землею какъ собственностью, затѣмъ сынъ боярскій, владѣвшій ею временно подъ условіемъ службы, наконецъ крестьянинъ, платившій съ нея оброкъ. *На одной и той же землѣ лежало право цѣлой іерархіи лицъ, и всѣ держали ее одинъ надъ другимъ*» [1]).

Такимъ образомъ поземельная собственность, какъ мы старались доказать, не можетъ служить точнымъ признакомъ сословныхъ правъ въ Литовскорусскомъ государствѣ XIV—XV вѣка, а слѣдовательно ею не опредѣляются и права сословія крестьянскаго. Намъ остается разсмотрѣть, на сколько они могутъ быть опредѣлены другими существенными признаками, то есть родомъ повинностей и подсудностью.

Что касается подсудности, то она въ XIV—XV вѣкѣ является крайне неопредѣленною, такъ какъ нерѣдко жители различныхъ мѣстностей, находящіеся совершенно въ одинаковомъ по-

---

вѣстному лицу временно управленія какимъ нибудь округомъ княжескихъ земель, происходило *увязанье*, т. е. вводъ этого лица во владѣніе всѣми мѣстными жителями, въ томъ числѣ и боярами. См. Акты Южн. и Зап. Рос., I, № 39.

[1]) Чичеринъ. Опыты по исторіи русскаго права, стр. 84.

ложеніи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, различаются по подсудности. Послѣдняя въ ту эпоху понимались вовсе не какъ функція государства, а преимущественно какъ регалія въ финансовомъ смыслѣ, которая, по этому самому, могла подлежать пожалованію и другого рода отчужденію; чаще всего она отчуждалась какъ одна изъ принадлежностей права землевладѣнія или, точнѣе говоря, какъ часть общаго права на доходы съ земледѣльческаго населенія. Необходимо впрочемъ замѣтить, что такое совпаденіе подсудности съ поземельнымъ владѣніемъ можетъ быть точно доказано только относительно земель высшихъ сословій, получившихъ ихъ непосредственно отъ великаго князя, и частію у монастырей. Что касается населенныхъ земель, принадлежавшихъ городскимъ общинамъ или отдѣльнымъ членамъ этихъ общинъ, то жители таковыхъ, подчинявшіеся прежде общему присуду, стали судиться на основаніи землевладѣльческаго отношенія только съ пожалованіемъ городамъ нѣмецкаго права, которому подлежали и жители мѣщанскихъ селъ, подчиняясь суду войтовскаго уряда, но не суду отдѣльныхъ землевладѣльцевъ [1]). Измѣненія въ правѣ подсудности начались вообще гораздо раньше, чѣмъ въ правахъ землевладѣнія, а потому уже въ XIV и XV вѣкахъ начинаютъ встрѣчаться здѣсь отклоненія отъ общаго всему населенію суда, основанныя на сословныхъ различіяхъ; отклоненія эти, вызванныя соединеніемъ съ католическою Польшею, относятся первоначально къ однимъ католическимъ членамъ сословія, въ видѣ привиллегіи, и составляютъ, въ сущности, начало тѣхъ измѣненій общественнаго быта, которыя постепенно привели къ объединенію Ли-

[1]) Замѣчательно, что въ Полоцкой землѣ, по грамотѣ 1511 (sic) года, мѣщане пользовались *личнымъ* правомъ суда своими *сябрами*, наравнѣ съ боярами, судившими своихъ людей. Акты Зап. Рос., II, стр. 87.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

товскихъ сословій съ Польскими. Такъ уже Владиславъ Ягелло, во второмъ земскомъ привилеѣ 1387 года, освобождаетъ отъ общаго суда и «дѣтскихъ» имѣнія, пожалованныя въ Литвѣ католическому духовенству, а въ Городельской привилегіи 1413 г. права церковныхъ католическихъ имѣній вообще уравниваются съ польскими, равно какъ и права Литовскихъ пановъ и благородныхъ бояръ, исповѣдующихъ католицизмъ и получившихъ шляхетскіе гербы. Одновременно съ тѣмъ начинается и разложеніе общей подсудности городовъ: Вильно получаетъ магдебургское право въ 1387 г., а въ 1432 г. оно дается и Луцку; окончательно жители Вильна освобождены отъ подчиненія воеводскому суду тоже въ 1432 году, причемъ суду войтовскому предоставлено и право смертной казни. Въ теченіе XV вѣка обособленіе городской юрисдикціи распространилось уже на всѣ главнѣйшіе города западной Руси, причемъ прежніе отдѣльные разряды городскихъ жителей—бояре, мѣщане, городскіе дворяне и поспольство, за исключеніемъ перваго изъ нихъ, объединены въ одно мѣщанское сословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отдѣлены отъ жителей повѣтовъ и волостей въ отношеніи порядка управленія и суда. Ходъ этого обособленія горожанъ и возникшей впослѣдствіи борьбы между старостинскою властью и городскимъ самоуправленіемъ подробно изложенъ въ изслѣдованіяхъ г г. Антоновича и Владимірскаго-Буданова [1]), изъ которыхъ видно, что пожалованіе городамъ магдебургскаго права вызывалось необходимостью охранить по возможности города отъ печальныхъ послѣдствій начавшагося уже разложенія ихъ общиннаго быта, вслѣдствіе выдѣленія бояръ и мѣстичей, путемъ пріобрѣтенія земскихъ имѣній, въ высшее служилое сословіе; это послѣднее явленіе сопровождалось и неразрывно съ нимъ связаннымъ ограниченіемъ само-

[1]) Изслѣдованіе о городахъ въ «Архивѣ югозап. Рос.», ч. V, т. I.—Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Кіевъ. 1869.

суда сельскихъ жителей, по скольку занимаемыя ими земли перешли бо владѣніе бояръ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣетъ жалованная грамота короля Казиміра 1457 г., всему Литовскорусскому дворянству, которою жители шляхетскихъ имѣній изъемлются отъ присуда княжескихъ урядниковъ [1]),—первая общая мѣра, которою вызывалось выдѣленіе крестьянскаго сословія въ одну, а шляхетскаго въ другую сторону. На переходной въ этомъ отношеніи характеръ эпохи указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что изъятіе отъ подсудности княжескихъ судамъ и отъ требованія къ суду черезъ дѣтскихъ здѣсь еще не безусловно, а грамотою только опредѣляется, что ему должно предшествовать требованіе отъ владѣльца удовлетворенія путемъ представленія виновнаго въ судъ; такимъ образомъ, привилегію землевладѣльца составляло пока только перенесеніе на его лицо правительственной судебной функціи дѣцкаго [2]), представлявшее финансовую выгоду, каковою была также и передача владѣльцу права на полученіе присужденнаго взысканія; но самая юрисдикція, опредѣленіе вины, оставлена пока за судомъ. Десять лѣтъ спустя, въ судебникѣ 1468 года, судъ опредѣлялся уже по принадлежности виновнаго къ числу людей господарскихъ или же боярскихъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ владѣльцу предоставлялось не одно представленіе виновнаго на судъ, но и постановленіе приговора [3]). Въ видѣ отдѣльныхъ изъятій, право суда, въ боль-

[1]) Акт. зап. Рос., I, № 61, стр. 76; Działyński, Zb. pr. Lit., I, 28—35.

[2]) Въ землѣ Кіевской порядокъ этотъ сохранился даже еще и въ XVI вѣкѣ. См. уставную грамоту Жигимонта I, 1507 года. Акт. Зап. Рос. II, стр. 34.

[3]) «А коли бы нашъ человѣкъ вину далъ князьскому или паньскому или боярьскому человѣку, ино нашему намѣстнику а любо тивуну *обослати*, ижь бы нашому человѣку стало ся право; а пакъ ли *усхочетъ* на *обчій* судъ, ино ихъ на обчій судъ пустить и рокъ дати.—А будуть ли на нашомъ человѣцѣ князьскыи или паньскыи

шемъ или меньшемъ объемѣ, жаловалось землевладѣцамъ и передавалось ими еще въ болѣе раннее время; первый примѣръ этого предшествуетъ упомянутой грамотѣ Ягелла и относится еще къ 1375 году, когда князь Александръ Коріатовичъ, жалуя землю Смотричскимъ *доминиканамъ* и дозволяя заселять ее людьми, говоритъ: «тые люди дали есмо имъ со всѣмъ правомъ»; въ позднѣйшее время право суда упоминается и у духовенства православнаго, причемъ судятъ иногда совмѣстно съ сельскими «старцами» [1]), и у лицъ свѣтскихъ. Но окончательное установленіе владѣльческаго присуда, не въ качествѣ льготной привиллегіи только, а какъ неотъемлемой принадлежности землевладѣнія, относится къ самымъ послѣднимъ годамъ XV и къ началу XVI вѣка. Такъ въ 1495 г. по жалобѣ Путивльскаго намѣстника князя Богдана Федоровича Глинскаго на намѣстника Черкасскаго, Кмиту Александровича, о привлеченіи имъ къ своему присуду живущихъ въ Черкасахъ слугъ и людей Глинскаго, король Александръ напоминаетъ Кмитѣ: «ино вѣдь мы на то вамъ право наше дали, всей земли Кіевской [2]),

---

или боярскыи люди чого искати: ино тому судъ и право передъ нашими намѣстьникы и тивуны, а нашимъ урядникомъ дати право на обѣ сторонѣ.—А которому человѣку князьскому или паньскому или боярьскому до князьскыхъ и до паньскыхъ или до боярьскыхъ людей дѣло: ино хто ищетъ на комъ, ѣхати сму *искати правомъ предъ осподаремъ его; а не удѣлаетъ ли права,* ино *обчій судъ,* рокъ положивъ со обу сторонъ; пакъ ли будетъ нѣкоторый *отводити,* ино намъ *дати дѣцкого*». Акт. Зап. Рос., I, № 67; другіе списки: тамже и Daniłowicz, Statut Kazimierza Jagiellończyka, Wilno, 1826, перепечатанъ у Дзялынскаго, Zbiór praw Lit, I, 36—55.

[1]) Акт. зап. Рос., I, стр. 198.

[2]) Упоминаемая здѣсь грамота Александра Кіевской землѣ, очевидно уставная, до насъ не дошла, и это о ней единственное извѣстіе. Г. Чарнецкій (Исторія Лит. статута и проч., стр. 87), исчисляя изданные Александромъ областные привилеи, пропустилъ упомянутый здѣсь Кіевскій, одновременный, вѣроятно, съ наданьемъ городу Кіеву магдебургскаго права въ 1494—1497 году.

што врядникъ нашъ не маетъ слугъ и людей князьскихъ и паньскихъ и боярьскихъ нн судити, ни ради́ти, а ни винъ и ни пересудовъ на нихъ брати; нижьли, коли зъ нашимъ чоловѣкомъ пригодиться князьскому або паньскому чоловѣку, а любо боярьскому право мѣть, ино тогды *врядніку нашому судити* его чоловѣка *зъ его судьею:* а коли будетъ нашъ чоловѣкъ виненъ, ино съ него намъ вина: а коли князьскій або паньскій чоловѣкъ а любо боярьскій чоловѣкъ будетъ виненъ, ино вина тому чій чоловѣкъ» [1]). Такимъ образомъ здѣсь нормальнымъ судомъ по дѣламъ между людьми государскими и владѣльческими считается судъ смѣшанный; но нѣсколько позже, въ 1501 году, право суда, по уставной грамотѣ Волынской землѣ, предоставлено владѣльцамъ исключительно: «Били намъ чоломъ и жаловали (вся шляхта Волынское земли), ижъ староста и намѣстники наши вины и заруки ихъ берутъ и на ихъ людей, и людей ихъ судять и радять; ино мы имъ и тое отпустили, старостѣ и намѣстникомъ нашимъ винъ и зарукъ на нихъ самыхъ и на ихъ людяхъ не брати, а людей ихъ не судити и не ради́ти, *судити имъ самымъ люди свои* и вины брати кождому зъ своего чоловѣка». За великокняжескимъ урядомъ остается только право суда по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ: «а далей старостѣ на замку нашомъ судити князскихъ и паньскихъ и земянскихъ людей што ся дотычетъ розбою приличного (т. е. при *лицѣ,* личномъ), кгвалтъ и всилство панское и паней, шляхецкая рана, пожога»; но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнено взиманіе *головщины* съ владѣльца, въ случаѣ совершеннаго его крестьяниномъ убійства [2]). Волынская уставная грамота, устраняя отъ княжескаго

[1]) Акты Зап. Рос., I, № 130, стр. 152. Подсудность крестьянъ исключительно своимъ землевладѣльцамъ подтверждена вновь уставной грамотою Кіевской землѣ 1529 года. Тамъ же II, стр. 211.

[2]) Акты Южной и Зап. Рос., I, № 36, стр. 27.

суда владѣльческихъ крестьянъ и подчиняя ихъ самимъ владѣльцамъ, изъемлетъ въ то же время и послѣднихъ отъ подсудности старостѣ, требуя, для законности его рѣшенія, участія въ судѣ шляхтичей: «а князя и пана и земянина старостѣ и намѣстнику нашому одному ихъ не судити, маеть при собѣ посадити князей и пановъ и земянъ, тоже маеть его зъ ними судити» [1]).

Такъ постепенно, вмѣстѣ съ фактическимъ землевладѣніемъ, ускользала въ XV—XVI вѣкѣ изъ рукъ верховной власти и юрисдикція, переходя къ тому же сословію, которому досталась и большая часть княжескихъ земель [2]). Переходъ судебной власти успѣлъ совершиться даже быстрѣе, чѣмъ превращеніе землевладѣнія въ сословную привиллегію; подсудность, бывшая прежде общею для всего населенія, еще въ достатутовый періодъ обособилась въ четырехъ различныхъ формахъ: 1) земяне стали подчинены лишь непосредственному суду государя, а предъ назначенными отъ него чиновниками судилить только съ участіемъ лицъ своего сословія, вскорѣ замѣненныхъ выборными изъ среды себя судьями; 2) выдѣленныя изъ земской жизни,

---

[1]) Тамъ же, стр. 28.—Ср. Уставную грамоту землѣ Кіевской 1507 года. Акт. Зап. Рос. II. стр. 36.

[2]) Оба явленія тѣсно связаны между собою, такъ какъ юрисдикція первоначально имѣла важность преимущественно своею финансовою стороной и въ этомъ смыслѣ могла быть понимаема какъ естественный атрибутъ землевладѣнія. До какой степени подсудность находилась въ зависимости отъ экономическихъ отношеній, видно напримѣръ изъ того, что закладни подлежали суду тѣхъ лицъ, кому они были должны. »А хто коли человѣка держить въ пѣнязехъ, тые бы сами тыхъ своихъ людей судили и рядили, а околничіе бы и иншіе врядники Смоленскіе въ тое ся не вступовали«. Уставная грамота Смоленской землѣ 1505 года. Акты Зап. Рос., I, № 213, стр. 362.

замкнутыя въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ и разобщенныя между собою городскія общины судились по создавшемуся въ совершенно иныхъ условіяхъ кодексу, занесенному извнѣ, не имѣвшему исторической почвы, а потому и не могшему принести городамъ никакой существенной пользы; 3) прежній общій судъ, княжескій, отправляемый назначенными государственною властью урядниками, сохранялся еще въ предѣлахъ неотчужденныхъ государственныхъ земель, съ подчиненіемъ ему крестьянъ и тѣхъ пограничныхъ, междусословныхъ разрядовъ населенія, которые, какъ путные слуги и мелкіе бояре, выдѣлялись надъ общей массой, но не могли примкнуть ни къ горожанамъ, ни къ усиливавшемуся земскому сословію; наконецъ 4) крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ лицъ, приблизились постепенно къ потерѣ всякой гарантіи со стороны закона, все болѣе и болѣе подчиняясь—хотя еще и не формулированному—произволу землевладѣльцевъ.

Существовала несомнѣнно и еще одна судебная форма, самая древняя, но не опредѣлившаяся пока письменнымъ закономъ и даже почти не нашедшая себѣ мѣста въ извѣстныхъ намъ памятникахъ XIV—XV вѣка [1]),—именно судебная власть

[1]) Замѣчательно, что копные суды, о которыхъ Статутъ говоритъ, что они »на Руси и инде здавна бывали« (третьей редакціи, XIV, 9), пока не могутъ быть прослѣжены вглубь достатутовой эпохи; едва ли не единственный слѣдъ ихъ въ XV вѣкѣ сохранился въ судной грамотѣ 1499 года по спору Смоленскаго епископа Іосифа съ князьями Горскими объ имѣніи Чуриловичахъ, гдѣ упоминается объ обязанности окольныхъ землевладѣльцевъ высылать своихъ людей, для разслѣдованія дѣлъ о воровствѣ, на «сокъ», (терминъ Русской Правды, соотвѣтствующій позднѣйшему «опыту»); при этомъ буквально приводится положеніе копнаго права, по которому невыходъ платитъ шкоду: »а хто не выйдетъ, тотъ безъ суда виноватъ, а шкоду маетъ платити«. Ак. Зап. Рос., I, стр. 169—170.

общины, многократно узурпированная, съ удивительною живучестью выдержавшая впослѣдствіи жестокія преслѣдованія и донесшая многіе остатки своихъ воззрѣній до самаго поздняго времени, но мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить ея роль для характеристики крестьянъ *какъ сословія*, въ ту эпоху, когда самыя сословныя дѣленія въ Литовской Руси только что вырабатывались и не успѣли еще получить рѣзко опредѣленныхъ формъ.

Въ западнорусскихъ памятникахъ XIV—XV вѣковъ находятся прямыя указанія на то, что повинности, въ смыслѣ государственныхъ налоговъ, въ древнѣйшее время не составляли обязанности одного какого нибудь разряда населенія, а въ одинаковой мѣрѣ падали на всѣхъ, сообразно достатку и экономическимъ занятіямъ каждаго. Вообще, на сколько можно систематизировать факты развивающейся исключительно практическимъ путемъ жизни,—однимъ изъ коренныхъ началъ Литовскорусскаго права было пріуроченіе всякаго рода повинностей не къ личности, а къ землѣ: одному и тому же лицу могли принадлежать земли различныхъ разрядовъ, какъ свободныя отъ налоговъ, такъ и подлежащія имъ; съ другой стороны, земли, обложенныя извѣстною повинностью, могли принадлежать лицамъ различныхъ сословій, и тогда эти лица отбывали повинности не по своему лично-общественному положенію, а по свойству принадлежащей имъ недвижимой собственности. Примѣры этого мы видимъ въ боярскихъ имѣніяхъ, хотя сравнительно и немногочисленныхъ, свободныхъ отъ обязанности служить за нихъ, хотя владѣющіе ими бояре и были обязаны службой съ другихъ имѣній; точно также боярскія отчины были свободны и отъ налоговъ денежныхъ, хотя бы были пріобрѣтены путемъ покупки; но если князь жаловалъ боярину имѣніе, до того уже обложенное денежнымъ сборомъ, то сборъ этотъ

падалъ и на новаго владѣльца; исключеніе составляли только земли, впервые расчищенныя изъ подъ лѣсу [1]). Точно также мѣщане, независимо своихъ городскихъ повинностей, служили военную или путную службу, если ими пріобрѣтены были имѣнія отъ бояръ или путниковъ. Бояре, жившіе въ городахъ, обязаны были участвовать и въ городскихъ повинностяхъ, хотя въ XV вѣкѣ и замѣтны уже попытки ихъ уклониться отъ этого; такъ около 1456 года жители Полоцка, «мѣщане и дворяне и чорные люди и все поспольство» жаловались великому князю, что мѣстные бояре «мало помочи имъ даютъ«, когда господарь требуетъ таковой помощи отъ города Полоцкаго, а между тѣмъ они къ этому обязываются установленіями прежнихъ великихъ князей, начиная съ Витовта. По разсмотрѣніи дѣла, король Казимиръ призналъ законность требованій Полоцкихъ горожанъ и вновь обязалъ бояръ принимать участіе въ платежѣ налоговъ на государственныя надобности »на потребизну земскую«), а завѣдываніе денежными суммами возложилъ на особыхъ выборныхъ, по два человѣка отъ каждаго сословія: отъ бояръ, мѣщанъ, городскихъ дворянъ и отъ посполитыхъ людей, такъ что каждое сословіе имѣло свой особый ключъ отъ общей для всѣхъ ихъ казны (скрыни) [2]).

Было весьма естественно, что классъ населенія, къ которому шагъ за шагомъ переходила главная масса поземельной

---

[1]) См. Запись о Смоленской посошинѣ 1453 года, въ Ак. Зап. Рос. I, № 55 (Zbiór praw Lit., стр. 55; Daniłowicz Statut Kazimierza Jagellończyka, стр. 34).—Чарнецкій (Ист. Лит. Стат.) совершенно справедливо замѣчаетъ, что хотя постановленіе это и озаглавлено мѣстнымъ, но содержаніе его указываетъ на его общность, и вѣроятно, только найденный списокъ предназначался для руководства Смоленской области.—Ср. также АктыВиленской Археогр. Коммиссіи, I, предисловіе, стр. 16.

[1]) Акт. Зап. Рос., I, № 60, стр. 72.

собственности, стремился окончательно обѣлить ее отъ всякихъ платежей въ пользу государства; примѣръ сосѣдней Польши, гдѣ предшественникъ Ягелла, Людовикъ Венгерскій, именно этою цѣною пріобрѣлъ корону, подавалъ надежду на успѣхъ [1]). Польскіе совѣтники Ягелла надѣялись именно на эту мѣру для распространенія въ Литвѣ католицизма и для упроченія связи ея съ Польшею; первая же привиллегія его Литвѣ въ 1387 году освобождаетъ бояръ католиковъ отъ государственнаго тягла (labores); имѣнія католическаго духовенства освобождены отъ серебщизны, дякла и всякихъ другихъ платежей и повинностей (angaria et perangaria); въ 1432 году такое же освобожденіе дано всему дворянству Луцкой земли, уже безъ различія исповѣданій [2]), и т. под. Но Западная Русь слишкомъ мало еще была тогда подготовлена къ усвоенію Польскихъ порядковъ, привиллегіи Ягелла не вошли въ жизнь и мало по малу пришли въ забвеніе; уклоненіе боярства отъ платежа общегосударственныхъ повинностей развивается только къ концу XV вѣка, и на Волыни узаконено только уставной грамотою 1501 года, а »воловщина« взималась до 1509 года [3]); въ Смоленскѣ владѣльческіе люди платили наравнѣ съ горожанами сторожовщину и отбывали подводную повинность еще въ 1505 г. [4]); въ Брацлавской землѣ подымщина съ земянскихъ имѣній отмѣнена лишь

---

[1]) См. Будинскую привиллегію Людовика у Bandtkie, Jus Polonicum, стр. 156.—Горемыкинъ. Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. Спб. 1869, стр. 59—70.

[2]) Zbiór pr Lit., стр. 1. 48.— Архивъ Югозап. Рос., ч. V., т. I, № 1. По Городельской привиллегіи 1413 года шляхта обязана была однако, кромѣ военной службы, участвовать въ постройкѣ замковъ и платить подати (tributa dare). Volumina legum, изд. 1859 г., I, стр. 68.

[3]) Акт. Южн. и Зап. Р. I, стр. 28; тамъ же, II, стр 65.

[4]) Акт. Зап. Рос., I, № 213, стр. 362.

въ 1507 году [1]), а въ Кіевской она взималась даже до 1529 года [2]), и т. д.

По отношенію къ крестьянамъ, жившимъ на владѣльческихъ земляхъ, эти льготы и освобожденія имѣли единственно тотъ смыслъ, что взиманіе якобы отмѣняемой подати въ сущности было только переиесеніемъ права на нее съ государства на частнаго владѣльца, ставя крестьянина тѣмъ въ большую зависимость отъ послѣдняго; при этомъ являлся просторъ и для произвольнаго увеличенія подати, уже не регулируемой общимъ законодательствомъ. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить указанная отмѣна Брацлавской подымщины; памятники позволяютъ прослѣдить, какъ эта отмѣна повела къ обоюдной выгодѣ фиска и землевладѣльцевъ, а потерпѣли отъ нея только низшія сословія, мѣщане и крестьяне. Уничтожая подымщину, король выговорилъ въ свою пользу отъ земянъ уступку права торговли напитками, которымъ они на самомъ дѣлѣ пользовались далеко не вполнѣ, такъ какъ этою торговлею занимались здѣсь и мѣщане. Заручившись же фиктивнымъ правомъ отъ земянъ на монополію питейной торговли, король немедленно ввелъ въ Брацлавѣ, по примѣру другихъ городовъ, налогъ извѣстный подъ именемъ каплщизны, въ размѣрѣ пятидесяти копъ ежегоднаго платежа, тогда какъ отмѣненная подымщина доставляла казнѣ не болѣе тридцати копъ даже еще передъ Татарскимъ разореньемъ 1497 года; съ своей стороны, земяне, получивши льготу отъ подымщины въ видахъ привлеченія переселенцевъ, которыхъ, по словамъ земянъ, отталкивала высота налоговъ, стали взимать ее по прежнему, но уже въ свою пользу и въ увеличенномъ размѣрѣ [3]).

---

[1]) Акт. Зап. Рос., II, стр. 28.
[2]) Тамъ же. стр. 210.
[3]) Акт. Зап. Рос., II, стр. 28; Архивъ Югозап. Рос., ч. V, т. I,

Переходъ налогового права къ землевладѣльцамъ завершился только въ XVI вѣкѣ, ранѣе же этого времени замѣчается только постепенное движеніе въ этомъ направленіи, такъ что положеніе крестьянъ въ достатутовую эпоху есть очевидно переходное, когда они не вполнѣ еще утратили право землевладѣнія, считались гражданами государства, взимавшаго съ нихъ налоги, и только отчасти лишились своихъ правъ на общую подсудность. Вообще въ періодъ до изданія статута мы не находимъ ни строго опредѣленныхъ замкнутыхъ сословій, ни того нивеллированнаго de jure положенія, какое замѣчается внутри каждаго изъ нихъ въ послѣдующее время. Князья, паны, земяне, бояре—настолько еще не считались равными между собою, что послѣдніе, при окончательной установкѣ общественныхъ отношеній въ Литвѣ, могли одинаково попадать и попадали на обѣ крайнія ступени сословной іерархіи; принадлежность земель, на которыхъ жили крестьяне, не такъ рѣзко опредѣляла сословныя права послѣднихъ, чтобы они не смѣшивались какъ между собою, такъ напримѣръ и съ городскимъ сословіемъ[1]); повсюду, до послѣднихъ даже лѣтъ XV столѣтія,

---

стр. 530. »О тую подымщину поведили (земяне Брацлавскіе въ 1545 году), иж то есть доходъ з ъ людей нашихъ насъ самыхъ, пановъ; а кромъ того иншыхъ никоторыхъ пожитковъ зъ людей нашихъ не маемъ, зъ того есть якъ поживленіе, такъ и одежа наша». См. № VIII, стр. 24.

[1]) По уставной грамотѣ Кіеву, 1503 года, къ мѣщанскому обществу (хотя только въ податномъ отношеніи) причислены: люди бискупьи, и митрополичьи, и воеводины, и архимандричьи, и князьскіи, и панскіи, и земянскіи, и иныи прихожіи люди, и тежъ ремесники, которые люди *въ мѣстѣ* Кіевскомъ и *по селамъ торгомъ ся обыходятъ*. Акт. Зап. Рос., I, № 207, стр. 355.—Ср. также уставную грамоту Полоцку, того же года, тамъ же, № 210, стр. 358. Но по грамотѣ 1529 года владѣльческіе люди въ Кіевѣ уже освобождены отъ мѣстскихъ поборовъ. Акты Зап. Рос., II, стр. 211. Въ Полоцкѣ владычніе и монастырскіе закладни, если занимались тор-

замѣчаются еще хоть слабые слѣды того бытового устройства удѣльно-вѣчеваго порядка, когда появляются еще только первые зародыши сословій, когда »все населеніе представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого—достоинствомъ, а не правами; когда различій по занятіямъ не существовало: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій могъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей и промыслами« [1]). Два вѣка исторической жизни Западной Руси въ соединеніи съ Литвою въ концѣ концовъ повліяли на радикальное измѣненіе подобныхъ бытовыхъ условій, а усиливавшееся вліяніе Польши и однажды данный толчокъ неуклонно вели къ ихъ полному отрицанію и уничтоженію. Законодательныя реформы эпохи Сигизмундовъ, выразившіяся въ изданіи Статутовъ, и отчасти уже начатыя при Александрѣ, составляютъ такимъ образомъ не формулировку установившихся общественныхъ отношеній, не кодификацію *обычнаго* права, а напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть только отдѣльные фазисы той ломки, какой подвергались послѣдніе остатки старины, и попытку организовать дальнѣйшую историческую жизнь на новыхъ началахъ, несостоятельность которыхъ доказалъ печальный опытъ послѣдующихъ вѣковъ.

Въ XVI вѣкѣ, рядомъ съ ограниченіемъ юридическихъ правъ крестьянскаго сословія, шло все большее и большее стѣсненіе его и въ отношеніи экономическомъ. Поэтому, обзору законодательныхъ реформъ этой эпохи, мы должны предпослать краткій очеркъ тѣхъ условій, которыми опредѣлялось экономическое положеніе крестьянства въ различныхъ мѣстностяхъ Западной Руси, и затѣмъ будемъ разсматривать измѣненія въ томъ и другомъ отношеніи параллельно.

говлею, платили серебщизну и ордынщину наравнѣ съ мѣщанами. Акт. Зап Рос., II, стр. 88.

[1]) Сергѣевичъ. Вѣче и Князь. Стр. 31.

Побѣды Гедимина и его ближайшихъ преемниковъ надъ Татарами передали въ руки Литовскихъ князей богатый край, заселенный сравнительно скудно, простиравшійся до самаго Чернаго моря, включая въ себѣ такимъ образомъ Волынь, Подолію, Украину, или нынѣшнія Юго-Западныя губерніи съ Малороссіею, и »Дикія Поля«, т, е. Новороссійскія степи. Записка о границахъ великаго княжества Литовскаго на югѣ и востокѣ, составленная около 1540 года по показаніямъ старожилыхъ Кіянъ. Черкашанъ и Каневцевъ, такъ опредѣляетъ эти границы: отъ впаденія Мурахвы въ Днѣстръ мимо Тегиню къ устью Днѣстра, лиманомъ мимо Очакова къ устью Днѣпра, оттуда до Тавани, потомъ къ Овечьимъ Водамъ, Овечьими водами до верховья, оттуда къ верховьямъ Самары и Оргѣя, до самаго Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну. Это обозначеніе границъ было произведено въ началѣ второй половины XV вѣка, при Кіевскомъ князѣ Семенѣ Александровичѣ (1454—1471): »А на тые границы князь Семенъ Олельковичъ высылалъ намѣстника своего Свиридова, который отъ него Черкасы держалъ, и тотъ по тымъ мѣстцомъ розъѣздчалъ и по тымъ урочищамъ границы клалъ, яко съ землею Татарскою, такъ и зъ Бѣлымъ-Городомъ, такъ тежъ и зъ землею Волоскою« [1]). Что такъ далеко простирались не однѣ голословныя претензіи Литвы и Польши, а и фактическое владѣніе, видно между прочимъ изъ спора между извѣстными магнатами Язловецкими, владѣльцами гавани Кочубей, потомъ Хаджибей (нынѣшняя Одесса), и Польскимъ правительствомъ о принадлежности вновь образовавшихся въ этомъ мѣстѣ береговыхъ наносовъ; по этому спору состоялось рѣшеніе короля Владислава Ягеллона (Варненьчика) въ 1442 году, въ которомъ упоминается, что поводомъ

---

[1]) Акты Западной Россіи, Т. I, стр. 362.

къ спору было воспрещеніе Язловецкими постройки на прибрежныхъ наносахъ пограничныхъ постовъ [1]).

Такимъ образомъ въ составъ Литовскаго княжества въ XIV—XVI вѣкахъ входили самыя разнообразныя по естественнымъ условіямъ мѣстности, начиная отъ непроходимыхъ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ пущъ и боровъ, съ песчаной или болотистой почвой, до благодатной Подоліи, Побережья и безконечныхъ степей Новороссіи. Сѣверная лѣсисто-болотистая часть государства была заселена гуще, сравнительно съ представляемыми ею средствами къ жизни, чѣмъ переходная полоса Волыни и особенно южнѣе лежащія земли. Не слѣдуетъ однако думать, что Подолія, Брацлавщина и степная Украина представляли собою совершенно обезлюдѣвшую пустыню; и здѣсь существовало уцѣлѣвшее отъ Татарскаго погрома земледѣльческое населеніе, правда, немногочисленное, раскиданное на громадныхъ пространствахъ, неимѣющее никакой *государственной* организаціи, а разбитое на отдѣльныя общины, управляемыя атаманами, и платившее дань Татарамъ. Лѣтописецъ, говоря о пораженіи княземъ Ольгердомъ Татаръ на Синихъ Водахъ и объ отдачѣ имъ затѣмъ Подоліи въ ленъ князьямъ Коріатовичамъ, изображаетъ тогдашнее состояніе этой страны слѣдующимъ образомъ;... »Си три браты Татарскіе князи (т. е. побѣжденные Литовцами) отчичи и дедичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдали ватамани; а боскаки, приездяючи отъ нихъ, у атамановъ имывали исъ Подольской земли дань.., И тогды въ Подольской земли не былъ ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленого, ани каменемъ будованого« [2]). Естественно, что съ под-

[1]) На этотъ документъ ссылается Чацкій, имѣвшій случай видѣть его въ подлинникѣ Литовской метрики.—См. O Litewskich i Polskich prawach, T. II, стр. 185, примѣчаніе 1543.—Ср. у Длугоша, подъ 1415 годомъ.

[2]) Daniłowicz. Latopisiec Litwy i kronika Ruska. стр. 50.—Ср. Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. III, Т. I, предисловіе, стр. XI.

чиненіемъ Подоліи власти Литовцевъ (а потомъ частію Поляковъ), между населеніемъ великаго княжества возникло стремленіе переселяться на новыя земли, представлявшія гораздо большія богатства природы, а правительство, изъ видовъ политическихъ, чтобы прочнѣе закрѣпить за собою новоприобрѣтенную страну, всячески покровительствовало такого рода колонизаціи.

Подольская земля, вскорѣ раздѣлившаяся на собственно Подолію и Брацлавщину, производила своими богатствами чрезвычайно сильное впечатлѣніе на жителей болѣе сѣверныхъ областей, давшихъ ей имя страны »текущеймедомъ и млекомъ«. Необыкновенное плодородіе представлялось имъ самою характеристическою ея чертой, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ описанія Гваньини, или вѣрнѣе говоря, служившаго ему анонимнымъ источникомъ Стрыйковскаго: »Страна эта, говоритъ онъ, чрезвычайно плодородна и изобильна всякими произрастеніями; пахарь кое-какъ зарываетъ въ землю зерно и всегда получаетъ урожай сторицею; степь и луга покрыты роскошною травою, столь высокою, что изъ нея едва видны рога пасущихся быковъ; почва такъ тяжела, что приходится впрягать въ плугъ по двѣнадцати воловъ, и все таки они едва могутъ его тащить; лѣса изобильны пасѣками, всюду видны ульи и выдолбленные пни съ пчелами; по степямъ ходятъ многочисленныя стада скота и табуны лошадей, стаи дикихъ птицъ и множество различныхъ звѣрей« [1]). Даже строго оффиціальный актъ, описаніе Брацлавскаго замка, выражается о принадлежащихъ тамошнимъ мѣщанамъ пасѣкахъ такимъ же образомъ: »суть иншыи пасѣки, ижъ и три селища за одну пасѣку не стоятъ: тамъ же у него пашня, ставы спустныи, пчолъ мно-

[1]) Gwagnin. Sarmacya Europeyska.

жество, звѣрь всякій, сады и огороды овощовые роскошные и всякій иншый пожытокъ« [1]).

Стремленіе колонизировать эти привольныя пустоши, естественно возникшее въ населеніи сосѣднихъ мѣстностей, встрѣчало и прямое и косвенное поощреніе со стороны правительства. Первымъ дѣломъ князей Коріатовичей, получившихъ отъ Ольгерда въ удѣлъ Подолію, было возстановленіе разрушенныхъ при Батыевомъ и послѣдующихъ Татарскихъ нашествіяхъ городовъ, или основаніе новыхъ, съ возведеніемъ въ нихъ оборонныхъ замковъ; такъ уже въ теченіе XIV вѣка упоминаются, какъ вновь укрѣпленные, города: Каменецъ, Бакота, Смотричъ, Червень, Скала, Звенигородъ, Межибожъ, Черноостровъ, Винница, Брацлавъ [2]). Одновременно съ основаніемъ княжескихъ замковъ шла раздача »пустовщинъ« земянамъ, частію членамъ княжеской дружины, частію же, по всей вѣроятности, вліятельнѣйшимъ и храбрѣйшимъ членамъ туземныхъ общинъ; такъ мало по малу образовалось и здѣсь, на мѣсто »атамановъ« времени Татарскаго управленія, землевладѣльческое сословіе, превратившееся современемъ въ шляхту; нерѣдко къ ней примыкали и разныя личности сомнительнаго происхожденія, завладѣвшія селищами въ смутное время и присвоивавшія себѣ потомъ дворянскія права [3]). Жалованныхъ грамотъ на земли въ этомъ краѣ издано до сихъ поръ сравнительно немного [4]), и

---

[1]) № VIII, стр. 26.—Архивъ Ю.-З. Рос. ч. V, т. I, стр. 532.

[2]) Daniłowicz, l. c.—Baliński i Lipiński, Starożytna Polska, т. II, стр. 954, 965, 977, 988, 994, 1003, 1008, 1338, 1364.

[3]) № VIII, стр. 25—26.

[4]) Акты Зап. Рос., т. I, стр. 22, 32, 48, 58, 151, 152, 178.—Грамоты вел. кн. Литовскихъ, стр. 5, 6, 19, 32, 33, 34, 38, 42, 43, 44, 56, 58, 61, 67, 82, 90, 91, 148, 156, 160.—Baliński i Lipiński, Star. Polska, т. II, стр. 949, 955, 959, 965, 969, 970, 971, 973, 1010, 1016, 1031, 1042, 1052, 1359, 1365, 1377.

тѣ относятся по большей части къ XVI вѣку; но изъ упоминаній въ нихъ видно, что пожалованія здѣсь начались еще со временъ Ольгерда, Витовта и Свидригайла. Земли раздавались обыкновенно съ условіемъ военной службы, и даже пожалованія въ пользу монастырей были обусловлены замковыми повинностями. Такъ князь Александръ Коріатовичъ, подтверждая, въ 1375 году, жалованную грамоту брата своего Юрія въ пользу Смотричскаго доминиканскаго монастыря на мельницу съ землями и угодьями, говоритъ: »а кого коли испрячють людій къ себѣ у томъ мѣстѣ, у млина, тые люди дали есмо имъ со всимъ правомъ,—аль то, што жъ коли вси бояре и земляне будуть городъ твердить, тогды тіи люди такожъ имаютъ твердити городъ Смотричь; и тожъ, штожъ коли вси земяне имуть давати дань у Татары, то серебро имають такожъ тіе люди дати« [1]). Въ жалованныхъ грамотахъ само собою подразумѣвалось право заселять жалуемыя земли; иногда это право оговаривалось положительно [2]), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ колонизація ставилась даже въ число условій пожалованія [3]).

Для привлеченія колонистовъ, какъ князья, такъ и частныя лица предоставляли имъ различныя льготы и привиллегіи, какъ-то: освобожденіе на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ повинностей, перечисленіе заселяемой мѣстности изъ разряда сельскихъ поселеній въ городскія, съ установленіемъ торговъ и ярмарокъ, предоставленіе извѣстнаго само-

---

[1]) M. Grabowski i Malinowski. Zrzódła do dziejów Polskich, т. I, стр. 139.—Акты Зап. Р. т. I, стр. 21.

[2]) Такъ напримѣръ въ 1383 г., вел. кн. Витовтъ разрѣшаетъ Василію Карачевскому осадить надъ р. Морахвой, въ Каменецкомъ повѣтѣ, село Княжью-Луку. Акт. Зап. Р. т. I, стр. 22.

[2]) Напримѣръ въ жалованной грамотѣ Сигизмунда-Августа, 1558 года, Федору Каменецкому на пустое селище Петрову-Луку. Грам. в. кн. Лит., стр. 85.

управленія и самосуда по саксонскому праву и т. под. Цѣль всѣхъ подобныхъ льготъ—способствовать возможно быстрому заселенію мѣстности—обыкновенно прямо высказывается въ самихъ жалованныхъ грамотахъ [1]).

---

[1]) Такъ въ 1374 г. князь Юрій Коріатовичъ, желая скорѣе заселить Каменецъ, отвелъ для города двѣсти лановъ земли, съ освобожденіемъ поселенцевъ въ продолженіе двадцати лѣтъ отъ платежа податей за эту землю и съ назначеніемъ на дальнѣйшее время оклада по двадцати широкихъ грошей съ лана; предоставилъ право самосуда передъ радцами; въ случаѣ спора между княземъ, земяниномъ или дворяниномъ съ одной стороны, и мѣщаниномъ съ другой,—назначался судъ смѣсный, изъ воеводы и войта; въ пользу войта шла только третья часть судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, а остальныя двѣ трети обращались на удовлетвореніе нуждъ города, равно какъ доходы съ лавокъ суконныхъ, сапожныхъ, хлѣбныхъ, мясныхъ, и съ бань.—Въ 1448 г. получили магдебургское право города Смотричъ и Хмельникъ; при возстановленіи въ первомъ изъ нихъ замка, въ 1518 г., жителямъ была предоставлена двухлѣтняя льгота отъ податей.—Около того же времени, между 1442 и 1450 г., получилъ магдебургское право городъ Летичевъ, подтвержденное въ 1537 году, причемъ въ городѣ установлены двѣ ярмарки и еженедѣльные торги, а въ 1553 году, послѣ разоренія Летичева Татарами, жителямъ дано десять лѣтъ льготы отъ податей.—Въ 1510 г. городъ Скала получилъ свободу отъ чиншей на четыре года, отъ пчельной десятины на два года, а отъ даванія подводъ и новыхъ, могущихъ быть установленными, податей на восемь лѣтъ; въ 1518 г. подтверждено было городу магдебургское право, ярмарка и еженедѣльный торгъ, а по случаю отягощенія мѣщанъ перестройкою замка, они освобождены на два года отъ городскихъ податей; послѣ сожженія города Волохами, жители вновь были освобождены въ 1539 г. на годъ отъ чиншей и подводъ.—Въ томъ же 1510 году получило магдебургское право мѣстечко Подфилипье, и тогда же даны нѣкоторыя права владѣльцамъ м. Шаравки, а въ 1546 г. въ послѣднемъ установленъ торгъ и двѣ ярмарки; Шаравка пользовалась и магдебургскимъ правомъ, но о времени его пожалованія точныхъ свѣдѣній не имѣемъ.—Торгъ и двѣ годовыя ярмарки въ Кудринцахъ были учреждены въ 1518 году, равно какъ и въ Ягельницѣ, въ которой впослѣдствіи, въ 1531 году, былъ установленъ еще второй недѣльный торгъ.—Въ 1519 и 1523 гг. установленъ былъ торгъ и три ярмарки въ Явловцѣ и двѣ ярмарки въ Чернокозин-

Изъ приведеннаго въ примѣчаніи обширнаго перечня мѣстностей одной только Подольской земли, получившихъ городскія права и различныя преимущества въ XV и XVI вѣкахъ, видно, что подобныя мѣры для привлеченія колонистовъ были въ то время въ большомъ употребленіи. Необходимо замѣтить, что хотя магдебургское право по отношенію къ древнерусскому са-

---

цахъ; послѣднему мѣстечку въ 1578 году дано было магдебургское право.—Въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка переименована была изъ селенія въ мѣстечко Балина.—М. Сатановъ въ 1532 году было освобождено отъ платежа шосовой, чоповой и прочихъ податей на восемь лѣтъ.—Въ 1538 году отстроенъ былъ королевою Боною сожженный еще въ 1452 году Татарами замокъ и городъ Ровъ, съ переименованіемъ его въ Баръ, съ освобожденіемъ колонистовъ на шестнадцать лѣтъ отъ всякихъ податей, чиншей, пошлинъ и повинностей, съ учрежденіемъ трехъ ярмарокъ и торга дважды въ недѣлю; въ 1540 и слѣдующихъ годахъ жителямъ Бара было пожаловано магдебургское право и различныя другія льготы.—Въ 1543 году дано было магдебургское право мѣстечку Сенявѣ, при самомъ его основаніи, вмѣстѣ съ пятнадцатилѣтней льготою отъ податей, учрежденіемъ торга и двухъ ярмарокъ, а въ 1558 году, по случаю Татарскаго разоренія, вновь дана льгота отъ податей.—Въ 1546 году получилъ магдебургское право Ялтушковъ.—Въ 1552 году дано было такое же право строящемуся городу Уланову, съ двухлѣтней льготой отъ чоповой подати, а отъ всѣхъ прочихъ на пятнадцать лѣтъ, съ установленіемъ торга и двухъ ярмарокъ; изъ люстраціи же 1570 г. видно, что жители имѣли еще десять лѣтъ свободы; послѣ разоренія этого города въ 1606 году, ему снова была предоставлена двадцатилѣтняя льгота отъ чиншей, пошлинъ и поволовщизны, а отъ прочихъ податей и даней на четыре года, причемъ жители получили и магдебургское право.—Въ 1556 году село Черный-Островъ переименовано въ городъ, получило магдебургское право, двѣ ярмарки, еженедѣльный торгъ и пятнадцать лѣтъ свободы отъ всѣхъ податей, кромѣ чоповой, отъ которой дана льгота только на одинъ годъ.—Винница въ 1558 г. получила право безпошлинной торговли.—Въ 1559 г. дано магдебургское право, торгъ и три ярмарки Гусятину, при переименованіи его въ городъ.—Въ 1571 году установлены были въ м. Тлустомъ торгъ и двѣ ярмарки, а въ 1580 г. еще двѣ ярмарки.—Въ 1578 г. переименованы были въ города Литинъ и Плоскировъ, съ установленіемъ въ нихъ еже-

мостоятельно-общинному укладу имѣло значеніе попреимуществу отрицательное [1]), но сравнительно съ тѣмъ безправнымъ, вполнѣ подчиненнымъ произволу положеніемъ, въ какомъ постепенно очутились помѣщичьи крестьяне относительно своихъ владѣльцевъ, а крестьяне королевскихъ имѣній относительно старостъ и державцевъ,—право это было все-таки шагомъ впередъ, предоставляя извѣстное, хотя и ограниченное, самоуправленіе и самосудъ. Жители очень хорошо понимали это,

---

недѣльныхъ торговъ и въ первомъ двухъ, а въ послѣднемъ трехъ ярмарокъ.—Тогда же заведены двѣ ярмарки въ м. Черчемъ, и пожаловано жителямъ этого мѣстечка магдебургское право.—Въ 1579 г. основанъ Шаргородъ, жители котораго освобождены на двадцать лѣтъ отъ податей и повинностей, а въ 1588 году получили магдебургское право, торгъ, три ярмарки, освобожденіе отъ торговыхъ пошлинъ и обязательную продажу иногородными купцами провозимыхъ черезъ городъ восточныхъ товаровъ.—Въ 1584 году село Доброцаны переименовано въ городъ Фельштынъ, которому дано магдебургское право, торгъ и три ярмарки.—Въ 1591 году переименованъ въ городъ Межировъ, и въ немъ заведенъ торгъ, а въ 1613 г. установлены три ярмарки, и жители получили право свободной торговли напитками.—Въ 1592 г. переименованы въ городъ Дунаевцы, съ предоставленіемъ магдебургскаго права, еженедѣльнаго торга и двухъ ярмарокъ, а въ 1605 году число ярмарокъ увеличено до четырехъ.—Въ 1598 году обращена въ городъ Деражня, получившая въ 1614 году и магдебургское право.—Въ 1600 году право это пожаловано было мѣстечку Новому-Константинову, вмѣстѣ съ двумя еженедѣльными торгами, тремя ярмарками, съ свободной торговлей напитками и освобожденіемъ отъ платежа торговыхъ пошлинъ на всемъ пространствѣ государства. Starož. Polska. II, 938, 957, 961, 962, 966, 969, 971, 973, 980, 984, 985, 987, 988, 991, 992, 998, 1005, 1008, 1010, 1016, 1020, 1024, 1027, 1028, 1033, 1041, 1053.—Czacki, l. c., I, стр. 201, примѣч. 1048.—Акты Ю. и Зап. Р. I, № 160.—Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. V, т. I, стр. 5, 80.—Акты Зап. Рос. I, № 4, стр. 21.

[1]) Это достаточно разъяснено г. Антоновичемъ, въ его Изслѣдованіи о городахъ Югозападной Руси Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. V, т. I.—См. также: Владимірскій-Будановъ. Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. К. 1869.

и во многихъ грамотахъ, жалующихъ нѣмецкое право тому или другому мѣсту, прямо говорится, что оно дается по просьбѣ жителей или для привлеченія переселенцевъ [1]).

Что касается собственно сельскаго населенія, составлявшаго, конечно, главную массу колонистовъ, то для привлеченія его употреблялась также такъ-называемая »воля« или »слобода«, т. е. освобожденіе переселенцевъ на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ платежей и повинностей въ пользу владѣльца. Такое освобожденіе, какъ ненуждавшееся въ правительственномъ утвержденіи, по этому самому лишь очень рѣдко бывало предметомъ особаго письменнаго документа; къ тому же актовыя книги Кіевскія, Брацлавскія и Винницкія дошли до насъ только со второй половины XVII вѣка, и о срокахъ предоставлявшихся владѣльцами льготъ или о степени распространенности такой мѣры въ XV и XVI столѣтіяхъ мы можемъ заключать только по аналогіи съ другими мѣстностями и съ позднѣйшимъ временемъ, когда »слобода« составляла необходимую принадлежность каждаго вновь основываемаго поселенія. Въ настоящемъ томѣ помѣщенъ одинъ изъ немногихъ документовъ этого рода, относящихся къ XVI вѣку, именно инвентарь имѣнія пановъ Тышкевичей, лежавшаго въ южной части Кіевскаго воеводства, на границѣ Браплавщины [2]). Изъ него мы видимъ, что огромное имѣніе это, почти равное по размѣрамъ нынѣшнему уѣзду, все сплошь состояло изъ слободъ, пользовавшихся двѣнадцатилѣтнею льготою отъ повинностей, впослѣдствіи продолженною, по причинѣ разоренія многихъ селъ окрестными владѣльцами. Иногда, впрочемъ и

---

[1]) Такъ напримѣръ, мѣщане Шаравки »abi porządniey osiedziecz szie mogli y liepiey, thedi proszieli o prawo niemieczkie». Изъ люстраціи 1570 года. Starożytna Polska, II, 1029.

[2]) № LXXVII, стр. 223—232.

правительство принимало болѣе общія мѣры, касавшіяся сельскихъ переселенцевъ; такъ напримѣръ, въ 1493 году, вслѣдствіе Татарскаго разоренья, жители Волыни были освобождены на двѣнадцать лѣтъ отъ платежа воловщины, а десять лѣтъ спустя эта льгота была продолжена на другой такой же періодъ времени [1]). Въ 1507 году былъ отмѣненъ во всей Брацлавщинѣ платежъ подымной подати, именно съ цѣлію привлечь колонистовъ; земяне Брацлавскіе, писалъ король тамошнему намѣстнику князю Михайлу Васильевичу Збаражскому, били челомъ, »штожъ имѣнья ихъ опустошены и накорень сказоны отъ непріятелей, и людей за собою вельми мало мають; а хотя бы и хотѣли которые люди за нихъ прійти зъ заграничья або отынудъ откуль, ино дей для того не смеютъ прійти, штожъ подымщину нашу платятъ; и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тую подымщину зъ ихъ людей отпустили. Ино мы заихъ вѣрную службу и тежъ для сказы именій ихъ тую подымщину имъ есмо вѣчно отпустили« [2]).

Другимъ средствомъ привлеченія колонистовъ было укрѣпленіе селъ замками, и особенно снабженіе жителей оружіемъ. Такъ въ 1599 году Станиславъ Жолкевскій, объѣзжая Подолію, писалъ къ коронному канцлеру Яну Замойскому, владѣльцу Шаргорода: »Хорошо сдѣлаешь ваша милость, если пришлешь въ Шаргородъ оружія, особенно гаковницъ (крѣпостныхъ пищалей) штукъ сто, или и больше, такъ какъ простонародіе видитъ въ этомъ важнѣйшій залогъ своей безопасности, за то оно и станетъ селиться гораздо быстрѣе« [3]). Устройство, укрѣ-

---

[1]) Акты Зап. Рос I, стр. 350.—Daniłowicz. Skarbiec dipl. II, стр. 272.

[2]) Акты Зап. Рос. II, стр. 28.

[3]) Listy Stanisława Żółkiewskiego, стр. 97.

пленіе и вооруженіе замковъ—хотя значеніе послѣднихъ въ исторіи колонизаціи нерѣдко и преувеличивается, особенно Польскими писателями,—было, какъ видно, все таки весьма важнымъ дѣломъ для переселенцевъ въ виду постоянной опасности отъ Татаръ; поэтому-то укрѣпляли не только города и другія значительныя поселенія, но даже села и мелкія деревни.

Богатая производительность страны, во связи со льготными условіями поселенія и сравнительной безопасностью, конечно, повели бы за собою быструю колонизацію Подоліи, Брацлавщины и степной Украины, если бы колонизація эта не встрѣтила на первыхъ же порахъ весьма сильнаго препятствія въ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ.

Пораженіе Татаръ на Синихъ Водахъ, походы Ольгерда въ Крымъ и Витовта къ Азову, сокрушеніе могущества Золотой Орды на Куликовомъ полѣ,—все это нѣсколько обезпечило спокойствіе отдаленной отъ Волжскихъ улусовъ Югозападной Руси, но ненадолго. Уже въ концѣ XIV вѣка, послѣ неудачи Витовта надъ Ворсклою, Едигей разрушаетъ Житомиръ, а въ 1416 году Кіевъ. Затѣмъ слѣдуетъ около полустолѣтія сравнительной тишины, хотя набѣги Татаръ и Ногайцевъ на Югозападную Русь возобновляются послѣ 1453 года, т. е. со взятія Турками Константинополя; они особенно усиливаются послѣ смерти Хаджигирея (1467), поддерживавшаго дружественныя отношенія съ Литовцами, и наслѣдникъ его Менглигирей, признавъ надъ собою верховную власть султана (1475), вскорѣ затѣмъ, въ 1478 г., опустошаетъ Брацлавъ, а въ 1482 году—Кіевъ. Съ этой поры начинается длинный рядъ Татарскихъ набѣговъ, повторявшихся почти изъ году въ годъ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ; въ 1495 году страдаетъ отъ Татаръ Владиміръ-Волынскій, въ томъ же и въ 1497 гг. снова разоренъ Брацлавъ, въ 1498 г. Черниговъ, 1516 годъ ознаменованъ побѣдою надъ Татарами князя Константина Ивановича Острожскаго подъ Виш-

невцомъ на Волыни, и т. д.; значительнѣйшіе набѣги Татаръ въ XVI вѣкѣ упоминаются еще подъ годами: 1532, 1537, 1538, 1550, 1556, 1558, 1566, 1593 и проч. [1]).

Какъ велики бывали иногда опустошенія городовъ и селъ при набѣгахъ Татаръ, можемъ видѣть изъ нѣсколькихъ актовъ XVII вѣка, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ: въ 1617 году встрѣчаемъ заявленіе Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о разореніи Татарами имѣній его въ Острожской волости, и возный доноситъ объ осмотрѣ имъ дѣнадцати разграбленныхъ и сожженныхъ селъ, жители которыхъ по большей части взяты въ Орду въ ясыръ; въ 1618 г. панъ Фасчъ заноситъ объявленіе объ опустошеніи имѣнія его Великаго Волчинца, причемъ взято въ полонъ пятдесятъ крестьянскихъ семействъ, и сожжены всѣ постройки до тла; въ 1619 г. обращены въ пепелъ цѣлыя волости въ имѣніяхъ княгини Порицкой и князей Острожскихъ, и т. д. [2]); особенно характеренъ актъ 1601 года, въ которомъ возные Луцкаго повѣта показываютъ, что послѣ опустошенія Татарами за восемь лѣтъ назадъ, т. е. въ 1593 году, остается еще въ этомъ повѣтѣ разрушенныхъ *двѣсти шестдесятъ девять* мѣстечекъ, селъ и деревень, »и до того часу пусты есть, и людей въ нихъ немашъ« [3]).

Такое запустѣніе, несмотря на его распространенность, едва ли однако бывало совершенно полнымъ и продолжительнымъ:

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники для Малорос. исторіи, стр. 22, 29, 32, 79, 80, 104, 118.—Starož. Polska, II, стр. 961, 962, 964, 971, 989, 999, 1003, 1033, 1339.—Акты Зап. Рос., I, стр. 125, 148, 151, 173, 179, 210, 212.

[2]) № XCIX, стр. 310; № CXVI, стр. 380; № CXXV, стр. 412; № CXXVI, стр. 413; № CXXVIII, стр. 415 и № CXXIX, стр. 417.—Новицкій, Матеріалы для ист. засел. Кіев. губ., стр. 88.

[3]) № XCIII, стр. 289.

жители-поселяне и даже новые поземельные владѣльцы, земяне, при первой возможности возвращались на старыя пепелища. Хотя мы и имѣемъ мало указаній на подобный возвратъ, относящихся къ началу Татарскихъ набѣговъ, но нѣсколько позже, въ XVI и XVII вѣкахъ, такіе факты не составляютъ рѣдкости. Нападеніямъ Татаръ подвергался тогда постоянно весь Югозападъ Руси, такъ что ко всей странѣ могли бы быть примѣнены слова современника Сарницкаго относительно Бѣлой Церкви, куда, по его выраженію, Татары заглядывали столь же часто, какъ собаки на кухню [1]), и несмотря на это, преемственность населенія, не только земледѣльческаго, но и шляхетскаго, сохранялась непрерывно во многихъ мѣстностяхъ; едва ли будетъ ошибкою думать, что и тамъ, гдѣ мы не можемъ точно и достовѣрно прослѣдить этой преемственности,—причины этого заключаются по большей части лишь въ скудости матеріаловъ. Но мы видимъ также, что взятые въ ясыръ крестьяне, успѣвши убѣжать изъ плѣна, идутъ прямо на прежнія мѣста жительства; такъ возный говоритъ, что осматривая опустошенныя Татарами имѣнія князя Януша Острожскаго, онъ нашелъ уже въ нѣкоторыхъ селахъ вернувшихся бѣглецовъ [2]). Точно также возвращались на старыя мѣста и плѣнники, выкупленные или бѣжавшіе изъ Турецкой и Татарской неволи [3]). Города и мѣстечка селились нерѣдко на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, на »Татарскихъ шляхахъ«, какъ мы это знаемъ, напримѣръ, относительно городовъ: Василева (Василькова), Романова, Лысянки, Корсуня, Уланова, Хмѣльника, Торговицы, селъ Кобыльни, Лановецъ и другихъ [4]). Едва ли не убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ

---

[1]) »Saepe huc Scythae visuntur, ut canes spectantes in culinam«.
[2]) № CXVI, стр. 382
[3]) Ambroży Grabowski, «Starożytności Polskie«, II, стр. 501.
[4]) Star. Polska, II, стр. 510, 525, 1017, 1021, 1362, 1396.—

того, что часть жителей возвращалась на прежнія селища, можетъ служить неизмѣнность громаднаго количества названій мѣстъ съ XIV—XVI столѣтія, а многія сохранили свои имена еще отъ временъ Кіевской до—татарской Руси. Трудно предположить, чтобы одни лишь преданія могли донести до нашихъ временъ имена—не говоримъ городовъ—но часто весьма мелкихъ поселеній, хотя временное запустѣніе ихъ, наряду со всѣми ихъ окрестностями, извѣстно достовѣрно и, конечно, оказывало громадное вліяніе на общій ходъ колонизаціи, а тѣмъ самымъ и на возникновеніе или развитіе такихъ или иныхъ формъ общественно-экономическаго быта.

Одновременно съ вліяніемъ Татарскихъ набѣговъ, выступаетъ и быстро усиливается новый факторъ, столь же, если еще не болѣе, важный въ указанномъ отношеніи. Этой силою было козачество. Возникши въ концѣ XV столѣтія, оно вскорѣ уже успѣло организоваться и пріобрѣсть важное политическое значеніе, и какъ военная сила Литовско-Польскаго государства въ его внѣшнихъ войнахъ, и какъ лично-свободное военное сословіе, не пользовавшееся однако дворянскими правами а потому незамкнутое, открывавшее свои ряды для всякаго желающаго и пользовавшееся вслѣдствіе этого живѣйшимъ сочувствіемъ несвободнаго крестьянскаго населенія.

Козачество укоренилось преимущественно въ Украинѣ обоихъ береговъ Днѣпра, въ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ воеводствахъ, а также въ Дикихъ Поляхъ, на Низу, и здѣсь-то, благодаря общей слабости въ этихъ мѣстахъ шляхетскаго элемента, слагался новый или вѣрнѣе—видоизмѣнялся общинный древлерусскій общественный и экономическій

Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. V, т. I, стр. 540.—Акты Зап. Рос. I, стр. 368; тамъ же, III, стр. 309.

строй, рѣзко отличавшійся отъ порядковъ Польши, Сѣверозападной и Червонной Руси и даже Волыни.

Вліяніе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ на относительную степень заселенности помѣщичьихъ земель въ различныхъ мѣстностяхъ Югозападной Россіи и на зависѣвшія отъ этого экономическія отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ сказывалось, въ общемъ итогѣ, почти въ одномъ и томъ же направленіи: обиліе пустыхъ мѣстъ и нужда въ рабочихъ рукахъ побуждали владѣльцевъ предоставлять колонистамъ, для привлеченія ихъ въ свои имѣнія, болѣе льготныя условія на Югѣ и Юговостокѣ государства, чѣмъ въ гуще заселенныхъ мѣстностяхъ Полѣсья; близость къ Татарамъ и постоянныя опасности отъ ихъ набѣговъ заставляли увеличивать эти льготы, такъ какъ иначе трудно бы было удержать населеніе на мѣстѣ; и, наконецъ, непосредственное сосѣдство свободнаго козацкаго населенія еще болѣе ослабляло зависимость крестьянъ отъ владѣльцевъ, облегчая имъ возможность безнаказаннаго бѣгства въ случаѣ какихъ либо притѣсненій.

Результатомъ совокупной дѣятельности всѣхъ этихъ условій была очень большая неравномѣрность крестьянскихъ повинностей въ разныхъ мѣстностяхъ: чѣмъ дальше въ степь, чѣмъ ближе къ Татарамъ и къ козакамъ, тѣмъ повинности эти были легче, и наоборотъ, тяжесть ихъ увеличивалась съ углубленіемъ въ Полѣсье. Такое заключеніе, естественно вытекающее изъ указанныхъ общихъ причинъ, вполнѣ подтверждается, какъ увидимъ ниже, и тѣми фактическими данными, какія заключаются въ настоящихъ актахъ.

II

Постановленія Статутовъ о крестьянахъ и измѣненія въ юридическомъ положеніи послѣднихъ въ теченіи XVI вѣка.—Примѣненіе статутоваго законодательства въ послѣдующую эпоху [1]).

Первый Литовскій статутъ, изданный Жигимонтомъ I въ 1529 году, объединилъ въ систему и формулировалъ сложившійся въ предшествовавшую эпоху феодальный порядокъ, преимущественно въ отношеніи высшихъ сословій, но въ то же время провелъ ужэ довольно рѣзкую грань между ними и сословіями непривилегированными, окончательно опредѣлившуюся законодательствомъ послѣдующаго времени въ теченіи пяти—шести десятковъ лѣтъ.

---

[1]) Хотя положеніе крестьянскаго сословія въ XVI вѣкѣ было уже предметомъ особаго изслѣдованія г. Леонтовича («Крестьяне Югозападной Россіи по Литовскому праву XV и XVI столѣтій». К. 1863), но, къ сожалѣнію, авторъ придалъ этому труду характеръ болѣе догматическаго изложенія, чѣмъ изслѣдованія историческаго, и, вслѣдствіе такой постановки своей задачи, нерѣдко впадаетъ въ анахронизмы, такъ какъ, по употребляемому имъ выраженію »эпоха Статутовъ« есть—время законодательныхъ формъ, и потому не представляетъ собою чего либо цѣльнаго, а самые Статуты 1529, 1566 и 1588 годовъ заключаютъ въ себѣ столько разногласій, что могутъ быть почитаемы не столько за послѣдовательныя редакціи одного и того же памятника, а скорѣе за болѣе или менѣе самостоятельные кодексы.

Феодальное устройство государства выразилось въ первомъ Статутѣ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: здѣсь мы находимъ самую обстоятельную регламентацію военной службы, какою были обязаны всѣ владѣльцы земскихъ имѣній [1]); находимъ ограниченіе права отчужденія этихъ имѣній, путемъ-ли продажи, браковъ или завѣщаній, съ полнымъ воспрещеніемъ пріобрѣтенія имѣній иностранцами [2]); что касается княжескихъ и панскихъ слугъ, владѣющихъ имѣніями отъ своихъ пановъ на помѣстномъ правѣ, то имъ гарантирована полная свобода перехода, оставляя, конечно, имѣнія; при этомъ зависимость ихъ непосредственно отъ государства является болѣе сильною, чѣмъ отъ владѣльца земли [3]), и т. под. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются постановленія, представляющія собою остатокъ прежняго времени. Такъ наименованія *шляхты* и *бояръ* то отождествляются или замѣняются одно другимъ, то бояре сближаются съ мѣщанами; слово *панъ*, получившее нѣсколько позже значеніе очень высокое, здѣсь относится еще иногда къ лицамъ, не имѣвшимъ ни одного крестьянина; мѣщане еще не выдѣлены изъ числа земскихъ людей, владѣютъ населенными имѣніями и обязаны личною повинностью военной службы; даже названіе *подданыхъ* имѣетъ еще настолько неопредѣленное значеніе, что прилагается и къ шляхтѣ, зависимой отъ частныхъ лицъ [4])

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, въ ка-

---

[1]) Раздѣлъ II, passim.

[2]) Разд. I, арт. 16, 17; разд. IV passim; V, 12, 17 и др.

[3]) Во время войны слуги обязаны были являться подъ хоругвъ своего пана, но если они владѣли также имѣніемъ выслуженнымъ или купленнымъ »подъ господаремъ«, то и служить должны были подъ хоругвью господарскою. Разд. III, арт. 15; II, 2.

[4]) Разд. III, арт. 11, 8; II, 1; I, 22; III, 27; VI, 27.

кія ставитъ Статутъ сословіе земледѣльческое, крестьянское. Хотя уже и проведена демаркаціонная линія между шляхтою и остальнымъ населеніемъ, вообще простыми людьми, которыхъ господарь обязывается »не повышать надъ шляхту,« и хотя »хлопъ« противополагается шляхтичу [1]), но полнаго объединенія не находимъ еще и здѣсь. Статутъ признаетъ различныя степени зависимости земледѣльца и вообще работника отъ другого частнаго лица: начиная съ невольничества, потомъ закупничество или временную кабалу, отчизныхъ т. е. прикрѣпленныхъ къ землѣ людей, и наконецъ людей похожихъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода.

Полное рабство, подвергавшееся въ XVI вѣкѣ постепеннымъ ограниченіямъ, существовало издавна, и потому для лучшаго объясненія правилъ Статута по этому предмету необходимо обратиться и къ памятникамъ болѣе древняго времени. Невольники, —называемые также холопами, челядью, челядью невольною или дворною, паробками, —по Статуту могли попадать въ это состояніе по слѣдующимъ причинамъ: военноплѣнные, рожденные отъ рабовъ, выданные по суду истцу за преступленіе, и вступившіе въ бракъ завѣдомо съ лицомъ, состоящимъ въ рабствѣ [2]). Первый Статутъ уже нѣсколько ограничиваетъ распространеніе рабства; такъ онъ опредѣляетъ, что выданные люди не должны оставаться въ неволѣ вѣчно, а лишь до тѣхъ поръ, пока не отработаютъ суммы, за которую были выданы; воспрещается продажа въ неволю крѣпостного, а также самого себя или своихъ дѣтей въ голодное время; въ обоихъ этихъ

---

[6]) Разд. III, арт. 10; VIII, 17.

[1]) Разд. XI, арт. 13, Ср. Акты Зап. Рос. I, 352, о выдачѣ за воровство; годъ 1503. По Статуту же выдача именно за воровство воспрещена. L. c.

случаяхъ опредѣлена и такса годичнаго отработка [1]). Запрещено Евреямъ и Татарамъ имѣть въ рабствѣ христіанъ, которые обязаны были прослужить имъ за свое освобожденіе только семь лѣтъ. Точно такъ же постановлено, что невольники, прогнанные своимъ владѣльцемъ во время голода, бывшаго тогда явленіемъ нерѣдкимъ, становятся свободными [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ обезпечиваетъ владѣніе рабами путемъ наказанія тѣхъ лицъ, которые бы оказывали содѣйствіе бѣглымъ, передерживали ихъ у себя, или сами бы ихъ украли; наказанія эти отличались строгостью, и за кражу челяди опредѣлялась кара какъ вообще за воровство, т. е. смертная казнь [3]). Сами же невольники, какъ люди неправоспособные, за незначительную кражу въ первый разъ подвергались только тѣлесному наказанію; изъ той же статьи видно, что они владѣли движимою собственностью [4]), а другіе памятники указываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли отдѣльныя жилища и пользо-

---

[1]) Для получившаго участокъ полевой земли—12 грошей, а для неполучавшихъ—мужчинѣ полкопы, а женщинѣ 12 грошей. Разд. XI, арт. 7, 11.

[2]) Разд. XI, арт. 6, 12.

[3]) Разд. XI, арт. 9, 10; XII, 7, 8.

[4]) Разд. XIII, арт. 1. Статья эта представляетъ собою почти буквальное повтореніе статьи Судебника 1468 г.—А. Зап. Рос., I, стр. 82. Странно, что въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи снова относятъ Судебникъ Казимира, согласно съ Дзялынскимъ, къ 1492 году, и даже укоряютъ СПетербургскую Археографическую Комиссію въ ошибочномъ опредѣленіи 1468 года. См. И. Сливовъ. Іезуиты въ Литвѣ. Рус. Вѣстн. 1875, № 7, стр. 29.—Акты Вилен. Археогр. Комиссіи, т. I, предисловіе, стр. 16. Между тѣмъ, основанія Спб. Арх. Комиссіи изложены ею въ томъ же томѣ, примѣчаніе 53, и до сихъ поръ ничѣмъ не опровергнуты. Сверхъ того, въ обоихъ названныхъ изданіяхъ указывается мнимый пропускъ въ Акт. Зап. Рос. дополнительныхъ статей къ Судебнику, »о Смоленской посощинѣ«, тогда какъ эти статьи помѣщены тамъ же, т. I, № 55, стр. 69, а различіе датъ показываетъ, что онѣ и изданы отдѣльно отъ Судебника.

вались земельными участками. [1]) Поэтому-то Статутъ считаетъ ихъ не въ числѣ движимаго имущества владѣльца, а принадлежностью самаго имѣнія, наравнѣ съ хозяйственными орудіями и инвентаремъ [2]). Содержались невольники или съ отведенныхъ имъ участковъ или же—преимущественно въ королевскихъ имѣніяхъ—получали мѣсячину [3]). Судъ надъ ними принадлежалъ ихъ владѣльцамъ; но Статутъ не даетъ указаній, допускались ли они сами въ качествѣ свидѣтелей, когда слѣдовало »вести сокъ«, подобно тому какъ это было въ прежнее время [4]). Относительно послѣдняго указанія, изъ котораго видно, что *паробки*, въ случаѣ воровства неизвѣстнымъ лицомъ, должны были являться на *сокъ* наравнѣ съ *людьми*, равно какъ и на основаніи тѣхъ мѣстъ памятниковъ, гдѣ упоминается о движимомъ имуществѣ невольниковъ (»бонда«), съ употребленіемъ того же термина *паробки*, можно высказать слѣдующее замѣчаніе: указанныя права паробковъ, нигдѣ не относимыя къ *челяди*, *холопамъ*, *рабамъ* (о нихъ прямо даже говорится, что »холопу и робѣ вѣры не няти« [5]), а также и самая этимологія слова паробокъ [6]), даютъ нѣкоторое право заключать, что этимъ именемъ не обозначались лично обращенные въ рабство, а только близкіе къ нимъ по состоянію люди, всего вѣроятнѣе потомки рабовъ; если такое предположеніе

---

[1]) А. Зап. Рос., II, № 159.—Также настоящій томъ, № VII, стр. 11—12.

[2]) Разд. IV, арт. 1.

[3]) № VII, стр. 11-12.-Виленск. Археогр. Сб., т I., стр. 147, 149.

[4]) Акты Зап. Рос., I, стр. 169; годъ 1497.

[5]) Ак. Зап. Рос., I, стр. 352 и мн. др.

[6]) Префиксъ *па* вообще заключаетъ въ себѣ выраженіе уменьшительности и какъ бы неподлинности предмета, обозначаемаго словомъ, къ которому онъ приставленъ; ср. напримѣръ слова: пасынокъ, падчерица, пакленъ, паростокъ, паколъ, падубъ, павѣтье, пакисель, паерокъ, парой, и проч. См. Miklosish lexicon palaeslovenico—grae-

справедливо, то въ паробкахъ можно бы видѣть связующее звено между невольниками въ тѣсномъ смыслѣ и отчичами, крѣпостными, съ которыми они и слились впослѣдствіи?

Другой классъ зависимыхъ людей, весьма близкій къ невольникамъ и послужившій обильнымъ источникомъ для умноженія числа крѣпостныхъ, представляли собою закупни или закладни, соотвѣтствующіе кабальнымъ холопамъ Восточной Россіи, т. е. люди, поступавшіе во временное рабство въ уплату долга. Несомнѣнно, что въ ту эпоху неурядицъ, отсутствія правильно устроенной власти и господства права сильнаго, число лицъ, закладывавшихся за кого либо съ главною цѣлью пріобрѣсть себѣ защиту и покровительство, было весьма значительно. По закону они считались лично свободными, какъ это можно заключать изъ того, что при пожалованіи въ 1500 году Полоцку магдебургскаго права, таковое было распространено и на нихъ [1]). Но въ дѣйствительности, закладни находились въ зависимости весьма строгой, такъ какъ они подлежали даже, какъ было уже упомянуто выше, суду своихъ кредиторовъ. Статутъ вообще говоритъ о закупняхъ очень мало, очевидно потому, что условія закупничества опредѣлялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимнымъ договоромъ; онъ и опредѣляетъ цифру годичнаго отработка долга только на случай отсутствія договора [2]); изъ другаго мѣста видно, что въ за-

co—latinum, стр. 550.—Его же: Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, стр. 226.

[1]) Акт. Зап. Рос., I, 215.

[2]) Разд. XI, арт. 8: «Тежъ уставуемъ, ежли бы хто закупа закупилъ мужика або жонку, *а съ нимъ бы не змовилъ*, што маетъ му присевати або пенезей выпускати; тогды маетъ съ пенезей отручоно быти мужику на лето пятнадцать грошей, а жонце десеть грошей». Замѣчательно, что годичный отработокъ закупня опредѣленъ значительно ниже, чѣмъ отработокъ человѣка, выданнаго въ рабство (см. выше, стр. 48, прим. 1).

Относительно приводимыхъ цитатъ изъ Статута 1529 года не-

купъ отдавались также земли, потому и было запрещено закупать землю частнаго крестьянина безъ разрѣшенія его помѣщика, равно и закупать чужихъ людей [1]). (см. на слѣд. стр.)

обходимо замѣтить слѣдующее: при изданіи этого кодекса во »Временникѣ« Моск. Общ. Ист, и Др. (кн. 18) была принята за основаніе рукопись снятая со списка XVI вѣка въ Вильнѣ, а въ примѣчаніяхъ приведены варіанты и разнорѣчія по изданію Дзялынскаго (»Zbiór praw Litewskich«) имѣвшаго, кромѣ собственнаго, еще два списка: Фирлеевскій и Слуцкій, наиболѣе сходный съ Виленскимъ. Редакція »Временника« находитъ послѣдніе два списка древнѣйшими и замѣчаетъ, что »въ нихъ древній русскій языкъ Статута менѣе подвергся вліянію польской рѣчи, нежели въ рукописяхъ Дзялынскаго и Фирлея, очевидно писанныхъ въ тѣхъ областяхъ Литвы, въ которыхъ сильно преобладала польская рѣчь«. Однакоже внимательное изученіе Статута приводитъ къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Что списки Дзялынскаго и Фирлея древнѣе, доказывается слѣдующими соображеніями: 1) Они короче Виленскаго и Слуцкаго; нѣкоторыхъ статей въ нихъ нѣтъ вовсе, другія изложены не столь подробно или не имѣютъ дополнительныхъ разъясненій; такъ въ нихъ вовсе недостаетъ: разд. I, арт. 27; IV, 1, 16, 17; V; 14, 15; VI, 1, 9, 28, 29, 30, 31, 35, 36; VIII, 5, 6, IX, 18, 19, 20; X, 11, 12; XI, 14, 15; XII, 8, 10; XIII, 25, 26, 27, 28,—всего двадцати-девяти статей; изложены менѣе полно по существу: разд. III, арт. 16; IV, 7, V, 11, 13; VI, 4, 11, 13, 14, 18, 22, 32; VII, 17, 19, 23; VIII, 7, 19; XII, 2, 5, 13, и проч.—2) Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ Виленскомъ и Слуцкомъ спискахъ сказано »король«, »королевскій« и т. под.,—у Дзялынскаго и Фирлея стоятъ термины болѣе древніе: »господаръ,« »господарскій».—3) Нѣкоторыя мѣста Виленскаго и Слуцкаго списковъ совершенно непонятны вслѣдствіе искаженія, тогда какъ варіантами Дзялынскаго и Фирлея эти мѣста разъясняются вполнѣ.—4) Вообще языкъ тѣхъ и другихъ списковъ носитъ слѣды польскаго вліянія, но такимъ образомъ, что одинъ разъ полонизмъ попадается у Дзялынскаго и Фирлея, въ другой—въ Виленскомъ и Слуцкомъ спискахъ, такъ что замѣчаніе »Временника« о большей чистотѣ языка послѣднихъ лишено надлежащихъ основаній.

Поэтому—то, цитируя положенія Статута, мы приводили ихъ по изданію »Временника«, которымъ на этотъ разъ пользовались; но во всѣхъ сомнительныхъ, искаженныхъ или неполныхъ мѣстахъ, дополняли или видоизмѣняли ихъ варіантами Дзялынскаго и Фирлея, внося ихъ непосредственно въ текстъ законоположеній; отмѣчать это каждый разъ особо мы не считали необходимымъ, такъ какъ изслѣ-

Крестьяне, поселенные на земляхъ королевскихъ или частнаго владѣнія, носятъ въ Статутѣ частію прежнее названіе людей, частью же называются подданными, мужиками, селянами. При этомъ почти не различаются такъ называемые отчичи отъ людей вольныхъ или похожихъ, законъ говоритъ по большей части о чьихъ нибудь людяхъ или мужикахъ вообще; да и въ дѣйствительности, разница между тѣмъ и другимъ разрядомъ крестьянъ была весьма незначительна: она заключалась едва ли не исключительно въ правѣ перехода; вольный человѣкъ, прослужившій своему землевладѣльцу столько же времени, сколько онъ прожилъ на льготѣ, или расплатившись съ нимъ по 6 грошей за каждую неотработанную недѣлю, былъ властенъ de jure перейти въ другое имѣніе [1]), тогда какъ отчичъ ни при какихъ условіяхъ не могъ получить этого права [2]). Въ

дованіе собственно Статута далеко вышло бы изъ предѣловъ настоящей статьи. Замѣтимъ только для изслѣдователей старинной Западнорусской библіографіи, что, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, не только одинъ третій, но и *первый* (а потому возможно—и второй) Статутъ былъ напечатанъ. Кромѣ указа Жигимонта I, 1522 г. (Dziatyński, Zb. pr. Lit., стр. 121.—Рѣдкинъ. Юридич. Записки, т. I, стр. 14), гдѣ онъ заявляетъ только намѣреніе напечатать Статутъ, встрѣчаемъ въ актѣ *1552 года* (Описаніе Житомирскаго замка) слѣдующее выраженіе: »Пожитки замковые: Вина и пересудъ водлугъ *Статуту друкованого*« (см. Новицкій. Матеріалы для исторіи заселенія Кіевской губерніи, стр. 82. Изъ актовой книги Кіев. Центр. Архива № 209, листъ 896 на об. и слѣд.). Значительная распространенность Статута ранѣе 1588 года видна изъ ссылокъ на него въ актахъ доминіальной юрисдикціи и даже коппыхъ судовъ. См. напр. въ настоящемъ томѣ, № XXVIII, стр. 73: № LVIII, стр 155.—Виленскій »Археографическій Сборникъ«, т. I, № 58, стр. 166.

[1]) Раз. VIII, арт. 21.—Ср. о закупаньи земель въ Акт. Зап. Рос., I, 346.

[1]) Разд. VIII, арт. 20.

[2]) Нѣкоторые, какъ напримѣръ г. Антоновичъ (Изслѣдованіе о крестьянахъ, стр. 11 и 14), выдѣляютъ *данниковъ*. какъ особый разрядъ крестьянъ, но едва ли это вѣрно. Различныя наименованія крестьянъ въ актахъ XV—XVI вѣка имѣютъ двоякій характеръ:

другихъ отношеніяхъ Статутъ ничемъ не отличаетъ похожихъ людей отъ отчичей, отчасти вѣроятно по той же причинѣ, по какой онъ очень скупъ на указанія относительно закупней, т. е. вслѣдствіе существованія и въ этомъ случаѣ обоюднаго договора. Изъ указаній другого памятника видно, что слободичи старались селиться попреимуществу на условіяхъ платежа денежнаго оброка, а потому ихъ отношенія къ землевладѣльцу были гораздо менѣе сложны [1]).

Изъ постановленій Статута можно заключать, что права крестьянъ на находящіяся въ ихъ владѣніи земли—если не въ силу положительнаго закона, то по обычаю—были болѣе или менѣе обезпечены и прочны; такъ арт. 7 разд. IX предусматриваетъ случай отчужденія крестьянами бортныхъ деревьевъ не только своимъ односельцамъ, но даже жителямъ другого села и другого владѣнія, путемъ продажи или отдачи въ приданое, и о подобныхъ случаяхъ говорится даже, какъ о весь-

---

одни опредѣляютъ степень ихъ правоспособности (невольная челядь, закладни, отчичи, люди похожіе), другія же только указываютъ *видъ повинностей*, отбываемыхъ ими въ пользу владѣльца; эти послѣднія названія различались по тому, состояла ли повинность въ платежѣ деньгами, въ дани медомъ или хлѣбомъ, или же въ исполненіи извѣстнаго рода спеціальной службы. Отсюда названія: серебреники, куничники, чорнокунцы, данники, бортники, рыболовы, стрѣльцы, путники, осочники, конюхи, конокормцы, бобровники, гаевники, разнаго рода ремесленники, и т. под. См. Акты Археогр. Эксп. I, № 48.—Ак. Юж. и Зап. Р., I, стр. 29.—Ак. Зап. Рос., I, 365, 53, 351, 214 350, 225 и мн. др —Статутъ 1529 г., разд. XI. арт. 12. Это яснѣе еще доказывается тѣмъ, что данники, въ большинствѣ случаевъ упоминаемые какъ отчичи, иногда опредѣлительно называются вольными (Ак. Зап. Рос., I, 196), а иногда невольниками (Тамже, 113, 76, 163, и проч.)—Крестьяне, обязанные барщиною, называются попреимуществу людьми тяглыми или пригонными, иногда сельскими путниками. Тамже, 150, 186, 192, 350, 362, 365, 214, 215.—Ак. Юж. и Зап. Рос. 12, 19, 20, 35, 37, 38, 40, 43, и проч.

[1]) См. уставъ о похожихъ людяхъ въ »Памятникахъ« Кіев. Комиссіи, т. I, отд. II, стр. 8.

ма нерѣдкихъ [1]). Въ настоящемъ томѣ помѣщенъ весьма замѣчательный документъ, показывающій, что подобный взглядъ на обычное право крестьянъ на свои »отчины« сохранялся до весьма поздняго времени, и притомъ не между крестьянами только, а и среди ихъ владѣльцевъ [2]).—Опредѣленію пеней за нарушеніе поземельнаго владѣнія между крестьянами посвящено нѣсколько указаній Статута, причемъ штрафы вообще положены значительно меньшіе, чѣмъ за подобныя же нарушенія между шляхтичами; такъ за переоръ межи шляхтичу платится три рубли, а между мужиками одинъ; за порубку лѣса шляхтичъ получаетъ 12 рублей, а мужикъ 3 рубля, и т. под. [3]). Выше было уже упомянуто, что крестьяне считали себя вправѣ отдавать свои земли въ закупъ, т. е. распоряжаться ими такимъ образомъ, какъ это мы видимъ и до настоящаго времени въ Малороссіи, въ формѣ такъ называемой заставы.

Въ отношеніи повинностей Статутъ освобождаетъ крестьянъ частныхъ владѣльцевъ отъ всякихъ податей, даней, отъ обязанности возить камень, лѣсъ, дрова, косить сѣно и другихъ работъ, кромѣ содержанія въ исправности дорогъ, мостовъ и замковъ [4]). Такимъ образомъ повинностное право цѣликомъ перешло уже въ руки владѣльцевъ, подчинилось частію обычаю, а еще болѣе произволу, и потому въ Статутѣ не находимъ ни-

---

[1]) »Яко то *много ся здаетъ межи мужиковъ*, ижъ пчолы для недостатку дани продаетъ, або по дочце дасть дерево со пчолами зятю въ чужое село, а тотъ на тыя пчолы знамена свои наложитъ«.

[2]) Приложеніе, № LX стр. 209—217; годъ 1691.

[3]) Разд. № III, арт. 9; IX, 18.

[4]) »Одъ кождое дани плачепья и податку серебщизною званого и тежъ дяколъ и отъ всякихъ беременъ повозовыхъ, которые подводами зовутъ, и отъ везенья каменья, дерева, або дровъ ку паленю плиты и вапна на городы наши, отъ кошеня сена и отъ нашихъ справедливыхъ роботъ».

какихъ опредѣленій крестьянскихъ платежей или отбываемыхъ ими въ дѣйствительности работъ; послѣднія даже вовсе не упоминаются; въ двухъ только статьяхъ говорится о чиншахъ или даняхъ медовыхъ и денежныхъ, серебщинахъ, и притомъ какъ о главныхъ доходныхъ статьяхъ имѣній. [1]).

Судъ надъ крестьянами, какъ мы видѣли выше, перешолъ въ руки землевладѣльцевъ еще ранѣе изданія Статута; Статутъ только опредѣлительнѣе указываетъ случаи, когда крестьяне могутъ быть требуемы предъ общій судъ, урядъ, а именно если панъ отказался взыскать съ обжалованнаго крестьянина на дважды повторенную просьбу о томъ; при этомъ иски за нарушеніе поземельнаго владѣнія должны были и предъявляться непосредственно къ самому пану; даже при обвиненіи въ воровствѣ, подкрѣпляемомъ явными уликами, виновный крестьянинъ не былъ представляемъ въ судъ, а къ своему пану; если воровство было учинено во время ярмарки, то виновнаго слѣдовало представлять мѣстному владѣльцу для заарестованія, а послѣдній долженъ былъ извѣстить помѣщика, которому принадлежалъ крестьянинъ и, въ случаѣ троекратнаго отказа владѣльца »учинить справедливость«, самъ получалъ право суда надъ обвиняемымъ, съ участіемъ сторонних людей [2]). Грабежъ, въ смыслѣ самоправнаго вознагражденія себя за убытки или взысканія долга, по отношенію къ крестьянамъ былъ положительно запрещенъ, не только мѣщанамъ, но и шляхтѣ [3]). Всего же важнѣе было то постановленіе, по которому совмѣстные владѣльцы нераздѣльныхъ имѣній получали право суда надъ крестьянами не только сообща, но и каждый въ отдѣльности, и притомъ какъ по жалобамъ третьихъ лицъ, такъ даже и въ тѣхъ случаяхъ,

---

[1]). Разд. V, арт. 7, 8.
[1]) Разд. VI, арт. 4, 6, 10; XIII, 4, 5.
[5]) Разд. XII. арт. 5, 11.

когда обвинителемъ или истцомъ являлся тотъ именно изъ участниковъ общаго владѣнія, которому предстояло творить судъ и расправу [1]). Вины, т. е. штрафы за уголовные проступки и преступленія, и пересуды, т. е. судебныя пошлины по частнымъ искамъ, упоминаются въ числѣ доходныхъ статей имѣній и принадлежали владѣльцу даже въ такомъ случаѣ, если вслѣдствіе его отказа отъ суда, крестьянинъ былъ судимъ урядомъ [2]). Такимъ образомъ произволу владѣльца, который въ одно и то же время являлся и заинтересованною въ дѣлѣ стороною, и судьей, и представителемъ власти исполнительной, предоставлялся полнѣйшій просторъ, а крестьянинъ, лишонный всякой гарантіи и покровительства закона, тѣмъ самымъ приближался къ положенію раба, хотя сословія эти еще и различались законодательствомъ.

Существенное отличіе ихъ по отношенію къ суду заключалось въ томъ, что крестьянинъ не былъ лишонъ права свидѣтельства и даже активнаго участія въ разбирательствѣ из-

---

[1]) Разд. VI, арт. 32: »Коли бы было братьи колко дѣлное обо неделное, або которые колве иные сяброве мели которые люди суместные перозделные, данники або сумежники, тогды каждый съ тыхъ братьи або сябровъ повиненъ будетъ, особливе каждому суседу и инымъ человѣкомъ суместнымъ, справедливость чинити, неоткладываючи до братьи ани до сябровъ. *А естли бы самому отъ такового человека сталося што кривда, тогды мощонъ будетъ право и судъ на немъ осадити а каждое винности правомъ на немъ искати, хотя безъ братьи своей або безъ сябровъ пречоныхъ.*«

[2]) Разд. VIII, арт. 9; IX, 18; VI, 10: ... „Маетъ (истецъ) тамъ права доводити передъ повѣтовымъ судьею. Естли жъ оный подданый панскій зостанетъ винень тому, хто на немъ ищетъ, тогды иного ничого не маетъ платити, толко тое, въ чомъ зостанетъ виненъ, а тому децкому, который по него сздилъ, децкованое. *А што ся дотычетъ вины*, хотя бы онъ вполъ у вину промстную, або бы заказаная вина на немъ была, тогды *не маетъ его никто тою виною карати, толко его власный панъ.*“

вѣстнаго рода дѣлъ, каковое участіе, въ силу обычая, оказывалось нерѣдко довольно значительнымъ и выходило за предѣлы, очерченные для него писаннымъ правомъ. Крестьяне являлись свидѣтелями главнымъ образомъ въ двухъ случаяхъ: если на чей-либо домъ былъ сдѣланъ наѣздъ съ грабежомъ и нанесеніемъ другихъ убытковъ, то при недостаткѣ явныхъ уликъ, самый фактъ насилія подтверждался присягою истца, а количество понесенныхъ при этомъ убытковъ доказывалось показаніями крестьянъ [1]). Во—вторыхъ, крестьянское свидѣтельство, какъ это вполнѣ естественно, имѣло важное значеніе въ спорахъ о земельныхъ границахъ; въ раздѣлѣ VIII, арт. 4, встрѣчаемъ даже такое постановленіе, по которому показанія крестьянъ—сосѣдей предпочитались въ подобнаго рода дѣлахъ свидѣтельству шляхтичей, если послѣдніе не были помежниками спорныхъ имѣній. [2]).

Что касается самостоятельнаго участія въ разборѣ дѣлъ, т. е. такъ называемыхъ копныхъ судовъ, то роль ихъ и значеніе достаточно уже полно разобраны въ извѣстномъ изслѣдованіи покойнаго Н. Д. Иванишева (»О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи«), и для нашей цѣли здѣсь довольно будетъ указать послѣдовательное измѣненіе постановленій Статутовъ объ этомъ предметѣ. Первый Статутъ говоритъ о копныхъ судахъ сравнительно немного; подъ словомъ »копа« онъ разумѣетъ вообще такое разбирательство, которое требуетъ присутствія судей на спорномъ мѣстѣ, безъ различія, будетъ

---

[1]) Разд. VII, арт. 19:.... »Естли доводу не будеть, маетъ самъ на кгвалту присягати, а на шкодахъ и на грабежахъ люди его.«

[2])..... »А веджо не таковые маютъ розумети светки, штобы была шляхта, але тые светки шляхта *и люди добрые не подозреные*, которые будуть *суседы близкие и сумежники, тые годнейшые будуть у сведецтве*, нижли тые шляхта, которые не граничники и не сумежники.«

ли это разбирательство производиться околичными людьми или судьями урядовыми [1]). Кромѣ граничныхъ споровъ, копѣ, по первому Статуту, подлежатъ также разборы дѣлъ о потравахъ и порубкахъ, а также о »погрáбленьи« порубщиковъ въ пущахъ [2]). Что же касается розысковъ о воровствѣ, которые подлежали также копамъ, нерѣдко даже вмѣстѣ съ судомъ, то о нихъ Статутъ употребляетъ другія выраженія: »сокъ вести«, »гнать слѣдъ [3]), и т. д.

Статутъ 1566 года не только внесъ бóльшую опредѣлительность въ законодательныя постановленія, не только регулировалъ юридически нормы отношеній во многихъ случаяхъ, первымъ Статутомъ не предусмотрѣнныхъ, но представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненія и въ самомъ государственномъ строѣ, весьма быстро развивавшіяся въ ту эпоху подъ вліяніемъ болѣе тѣснаго сближенія съ Польшею, подъ вліяніемъ тамошнихъ идей о равноправности—въ сущности фиктивной—всей шляхты между собою, а равно и объ ея первенствующей роли въ государствѣ, въ виду которой постепенно блѣднѣла и стушовывалась монархическая власть Литовскаго великаго князя съ его ближайшими совѣтниками, »панами—радами«.

Такъ, хотя повинность военной службы, общая для всѣхъ владѣльцевъ земскихъ имѣній осталась въ прежней силѣ, но самое опредѣленіе случаевъ, когда въ такой службѣ предстояла необходимость, предоставлено самой же шляхтѣ, а не власти верховной; запрещеніе отчуждать земскія имѣнія отмѣнено или въ иныхъ случаяхъ значительно ослаблено, т. е. земля изъ государственной переходитъ въ полную частную собственность; въ

[1]) Разд. VIII, арт. 6, 8; VI, 22.
[2]) Разд. IX, 6; XII, 2.
[3]) Разд. XIII, арт. 2, 5.

поземельныхъ спорахъ господарь принимаетъ на себя обязательство подчиняться тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и частныя лица, и т. д. [1]). Соотвѣтственно тому, какъ шляхта узурпировала права верховной власти, старалась она и отдѣлиться возможно рѣзче и прочнѣе отъ прочихъ сословій, возможно полнѣе подчинить ихъ себѣ и возвысить собственное почотное достоинство. Права остального населенія признаны и гарантированы лишь на столько, чтобы вопервыхъ не вызвать внезапною ломкою какого-либо общаго потрясенія, и вовторыхъ, насколько это вызывалось требованіями крайней необходимости или практическими удобствами въ интересахъ самого господствующаго сословія. Мы встрѣчаемъ во второмъ Статутѣ цѣлый рядъ постановленій »о вольностяхъ шляхецкихъ« (раздѣлъ III), о доказательствахъ шляхецкаго званія, объ ограниченіяхъ въ пользованіи шляхетствомъ, которымъ подвергался всякій занимавшійся ремесломъ или торговлею [2]), и о различныхъ преимуществахъ шляхты передъ простыми людьми. Укажемъ изъ послѣднихъ важнѣйшія въ сферѣ уголовнаго права, гдѣ, казалось бы, сословныя различія должны бы проявляться всего слабѣе. Въ этомъ отношеніи мы находимъ, что не только преступленіе противъ личности шляхтича или убытокъ, нанесенный его имуществу, наказывались гораздо строже, чѣмъ подобныя же дѣйствія во вредъ простому человѣку,—но что и за совершенно однородныя преступленія, и притомъ даже за

---

[1]) Разд. II, арт. 2; III, 33; VII, 1, 3, 4, 5; I, 16. Статьи о правѣ свободнаго распоряженія имѣніями нѣсколько противорѣчивы между собой: одна изъ нихъ (разд. VII, арт. 4) содержитъ въ себѣ ограниченіе, что продать можно только третью часть имѣнія, а остальныя двѣ трети только заставить; въ прочихъ же разрѣшается продажа имѣній въ ихъ полномъ составѣ.

[2]) Разд. III, арт. 16:... »Толко бы ремесломъ, а ни шынкомъ се не живили и локтями не мѣрили.

такія, какъ воровство и убійство, шляхтичъ подвергался наказанію болѣе легкому и имѣлъ несравненно бо́льшую вѣроятность избѣгнуть его вовсе. Такъ при обвиненіи въ воровствѣ шляхтича, не подтвержденномъ уликами, ему достаточно было присягнуть самому для доказательства своей невинности; если возникало противъ него новое такое же обвиненіе,—онъ присягалъ совмѣстно съ двумя своими свидѣтелями, въ третій разъ—съ шестью, и только въ четвертый разъ подвергался осужденію; простой же человѣкъ уже на первый разъ долженъ былъ присягать втроемъ, и былъ осуждаемъ при обвиненіи вторичномъ [1]). Если возникло обвиненіе на сельскаго урядника изъ оговора осужденными на смерть преступниками, то урядникъ—шляхтичъ пользовался и здѣсь тѣмъ же широкимъ правомъ очистительной присяги; нешляхтичъ даже и въ первый разъ долженъ былъ вознаграждать за происшедшіе отъ преступленія убытки, а при вторичномъ обвиненіи подвергался смертной казни [2]). Кража, совершенная несовершеннолѣтнимъ не считалась вообще уголовнымъ преступленіемъ: родители виновнаго вознаграждали убытокъ, а самъ онъ долженъ былъ отслужить такую же сумму; но и здѣсь, если дѣло касалось лица простого сословія, судъ могъ подвергать его наказанію по своему усмотрѣнію [3]). Въ случаѣ убійства шляхтича, происшедшаго въ дракѣ, виновный, кромѣ платежа головщины, подвергался еще довольно продолжительному тюремному заключенію, тогда какъ за хлопа наказаніе ограничивалось однимъ только денежнымъ взысканіемъ [4]). Если въ убійствѣ шляхтича было обвинено нѣсколько человѣкъ шляхтичей-же, то казни подвергался только

---

[1]) Разд. XIV, арт. 7, 17.
[2]) Тамъ же, арт. 16.
[3]) Тамъ же, арт. 8: »Врядъ маеть карати водле зданья своего«.
[4]) Разд. XI, арт. 26.

одинъ изъ нихъ, а наказаніе остальныхъ ограничивалось платежемъ головщины и тюремнымъ заключеніемъ; если же виновныэ были хлопы, то ихъ казнили всѣхъ, не свыше однако семи человѣкъ [1]). Такихъ и тому подобныхъ узаконеній весьма много въ статутѣ 1566 г., и тенденція ихъ: возвысить возможно больше шляхетскія привилегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать ихъ строгими карами отъ всякой попытки нарушенія — очевидна.

Измѣненія, внесенныя вторымъ Статутомъ въ опредѣленія юридическихъ условій быта низшихъ сословій, хотя и немногочисленны, но за то нерѣдко имѣютъ весьма существенное значеніе.

Что касается невольниковъ, то Статутъ 1566 г., повторяя прежнія ограниченія относительно обращенія въ рабство людей »выданныхъ«, недѣйствительности продажи въ неволю самого себя или дѣтей вовремя голода, и т. д., прибавляетъ, что невольникъ, купленный не-христіаниномъ, становится свободнымъ немедленно, безъ требовавшейся первымъ Статутомъ семилѣтней выслуги [2]). Другое важное постановленіе относительно смягченія рабства находимъ въ той статьѣ, по которой невольники—слуги не могли быть свидѣтелями въ пользу своихъ пановъ или противъ нихъ [3]): отсюда мы вправѣ заключать, что по отношенію къ постороннимъ лицамъ дворная челядь въ это время уже пользовалась правомъ свидѣтельства, наравнѣ съ другими людьми простого званія. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются правила, имѣющія на первый взглядъ про-

---

[1]) Въ статутѣ 1529 г. о такомъ различіи въ мѣрѣ наказанія ничего не упомянуто. См. разд. VII, арт. 8.

[2]) Разд. XII, арт. 5:.... »Естьлибы который зъ нихъ (жидъ, татаринъ и каждый бесурмянинъ) христіянина купилъ у вѣчную неволю, таковый пенези тратитъ, а тотъ хрестіянинъ маетъ воленъ быти«.

[2]) Разд. IV, арт. 53.

тивуположное стремленіе—обставить положеніе невольниковъ болѣе строгими условіями; такое видимое противорѣчіе позволяетъ съ полною достовѣрностью заключать, что эти послѣднія узаконенія не представляютъ собою въ сущности чего либо новаго, а только формулируютъ существовавшіе въ дѣйствительности и раньше обычаи. Такъ за невольниками не признается права на ихъ движимое имущество, которое они поэтому не могутъ и завѣщать [1]); на этомъ же основаніи они не могли быть и свидѣтелями чужихъ завѣщаній; равнымъ образомъ и владѣлецъ невольника не имѣлъ права оставить что либо изъ движимости по завѣщанію въ его пользу иначе, какъ предварительно отпустивши его тѣмъ же завѣщаніемъ на свободу [2]). Относительно выдачи бѣжавшихъ въ города невольниковъ опредѣлено, что на нихъ десятилѣтняя земская давность не распространяется [3]). Правила перваго Статута относительно увоза и передержательства чужихъ невольниковъ, а равно и относительно ихъ выдачи законному владѣльцу—остались въ своей силѣ, съ распространеніемъ и на нихъ постановленія о бѣглыхъ крестьянахъ, по которому передержатель уплачивалъ владѣльцу вознагражденіе за каждую потерянную для него недѣлю не-

---

[1]) Разд. VII, арт. I: »Ижъ подлѣ права не мають ничого вольного, для того тестаментомъ никому ничого отдати немогуть.«

[2]) Тамъ же арт. 4, 5: »Невольнику своему, не вчинивши его наперед вольнымъ, ничого тестаментомъ записати не можетъ, абы (ажъ бы) его первей вольнымъ учинилъ.«

[3]). По опервому Статуту, изъ сопоставленія разд. VII, арт. 28, и разд. XI, арт. 9, можно бы думать, что къ невольнику относились тѣ же правила, что и къ засидѣлому кретьянину. Во второмъ же Статутѣ, разд. III, арт. 29, сказано: »Што се дотычеть челяди невольное, которые бы пришли до мѣстъ нашихъ, тымъ ани права майдеборского принятье, ани оселость, ани тежъ заседене десети лѣтъ ку помочы быти не маетъ, и повинны будуть войтове и державцы и врядники наши имъ выдавати.«

вольничьяго или крѣпостного труда. Въ этомъ отношеніи нелишены интереса цифровыя нормы, установленныя Статутомъ 1566 года: упомянутое только что вознагражденіе опредѣлялось по 6 грошей въ недѣлю, тогда какъ вознагражденіе отъ владѣльца лицу, задержавшему бѣглыхъ, за ихъ содержаніе, полагалось въ недѣлю только по 2 гроша, т. е. трудъ невольнаго человѣка оцѣнивался второе выше того, что стоило хозяину содержать его [1]).

О закупняхъ въ Статутѣ 1566 г. упоминается только вскользь, что они, наравнѣ съ выданными людьми, должны отрабатывать свой долгъ, при чемъ сумма годичнаго »выпуска« опредѣлена одинаковая для тѣхъ и для другихъ: мужчинѣ полтина въ годъ, а женщинѣ полкопы, значительно больше прежняго, что объясняется общимъ возвышеніемъ цѣнъ въ этотъ промежутокъ времени [2]).

Положеніе собственно крестьянскаго сословія въ тѣсномъ смыслѣ получило также нѣсколько новыхъ законодательныхъ опредѣленій, касающихся частію имущественныхъ правъ крестьянъ, частію же степени значенія ихъ свидѣтельства на судѣ общемъ или участія въ копныхъ разбирательствахъ. Относительно имущества, Статутъ 1566 г. гарантируетъ за крестьянами право на движимость и дозволяетъ даже отчуждать по завѣщанію третью часть ея въ постороннія руки, помимо собственныхъ дѣтей; дѣти, или, при неимѣніи ихъ, землевладѣлецъ, сохраняли право на остальныя двѣ трети движимости, »ку слу-

---

[1]) Разд. IV, арт. 22; XIV, 29; XII, 10; XIII, 5.

[2]) Разд. XII, арт. 7. Въ статьѣ этой сказано, что дѣти лицъ, не успѣвшихъ отработать долга до самой своей смерти, не обязаны уже отслуживаться за своихъ родителей; но изъ дальнѣйшаго смысла самой статьи, а также изъ сопоставленія ея съ соотвѣтствующими статьями перваго и третьяго Статутовъ видно, что здѣсь частица *не* составляетъ ошибку—или рукописи, или редакціи »Временника«. См.—1529 г., разд. XI, арт. 7.—1588 г., разд. XII, арт. II.

жбѣ оного пана на чыей земли сѣдить«; но если дѣти умершаго крестьянина были по происхожденію вольными, а не отчичами, то они пользовались правомъ ухода со всѣмъ движимымъ имуществомъ, оставляя пану только постройки и хлѣбные посѣвы [1]). Опредѣляя такимъ образомъ права крестьянъ относительно движимости, законъ въ то же время начинаетъ строго преслѣдовать всякую попытку съ ихъ стороны получить участіе и въ землевладѣніи, которое и дѣлается только теперь, по выраженію г. Леонтовича, шляхетскою привилегіею. Такъ, повторяя почти буквально положеніе перваго Статута относительно опредѣленія права собственности на бортныя деревья, проданныя или отданныя крестьяниномъ въ приданное въ чужое село, Статутъ 1566 года добавляетъ слѣдующія знаменательныя слова: »И вжо *отъ того часу* хто бы съ подданыхъ нашихъ, князскихъ, панскихъ и земянскихъ дерево бортное за границу пановъ своихъ отдавалъ, даровалъ и якимъ кольвекъ обычаемъ въ чужіе руки заводилъ, *таковый маетъ горломъ каранъ быти.*« [2]).

Въ качествѣ свидѣтелей крестьяне допускались въ довольно многихъ случаяхъ, какъ по дѣламъ имущественнымъ, такъ и по уголовнымъ. Кромѣ свидѣтельства въ дѣлахъ, возникающихъ изъ споровъ о границахъ имѣній, о потравахъ, порубкахъ и т. под., сопоставленіе 1, 5 и 3 артикуловъ VIII раздѣла приводитъ къ заключенію, что крестьяне не были лишены и права быть свидѣтелями завѣщаній, совершаемыхъ шляхтичами. Крестьяне и вообще не поименованы въ числѣ лицъ недопускаемыхъ ко свидѣтельству, такъ что они могли даже быть свидѣтелями за и противъ своихъ владѣльцевъ [3]); если

[1]) Разд. VIII, арт. 5: «Только землю маютъ пану своему подати и съ жытомъ засѣянымъ, и съ хоромами, съ тымъ всимъ, съ чымъ будетъ тую землю пана своего на службу взялъ.«

[3]) Разд. X, арт. 6.

[2]) Разд. IV, арт. 53.

которая либо сторона отводила свидѣтелей противника, подъ предлогомъ ихъ недобросовѣстности, но такое обвиненіе оказывалось несостоятельнымъ, то свидѣтель крестьянинъ имѣлъ право, такъ же какъ и шляхтичъ, получить отъ своего обвинителя вознагражденіе, навязку, такъ какъ будто бы онъ былъ раненъ [1]). Крестьянъ дозволялось приглашать и въ качествѣ »стороны, людей добрыхъ«, т. е. понятыхъ, при осмотрѣ слѣдовъ наѣзда или другихъ насилій, не исключая убійства, если не случалось на тотъ разъ шляхтичей [2]).

Копному суду и во второмъ Статутѣ придается то же преимущественное значеніе разбирательства на мѣстѣ (condescensio, judicium condescensoriale [3]), но область дѣйствій его нѣсколько расширена, сравнительно со Статутомъ 1529 г. Такъ, кромѣ присужденія убытковъ за порубки и потравы, копѣ подчинено разбирательство о воровствѣ пчолъ, причомъ ей предоставлено вора, пойманнаго съ поличнымъ, присуждать къ смертной казни [4]). —Если виновный не платилъ присужденнаго копою взысканія за убытки, то урядъ обязанъ былъ взыскать съ него вдвое [5]).—Въ случаѣ кражи скота и т. под., если можно было прослѣдить взятое воромъ направленіе, копа отправлялась по слѣду, а жители тѣхъ мѣстъ, куда приводилъ слѣдъ, обязаны были отводить его дальше; если же они отъ этого отказывались, то копа присуждала ихъ къ уплатѣ ею же оцѣнен-

---

[1]) Разд. IX, арт. 4.

[2]) Разд. XI, арт. 2: «Кгвалтъ и того забитого..... въ недостатку шляхты, ино околичнымъ сосѣдомъ своимъ, хотя и не шляхтѣ, только людемъ добрымъ вѣры годнымъ маеть оказати.«

[3]) См. разд. IX, арт. 2: »*Рокъ ку граниченью и всякой копе судомъ положоный*«; тамже, арт. 8: »*копу вести о грунтъ земный*«.

[4]) Разд. X, арт. 14.

[5]) Разд. XIII, арт. 2.

ныхъ убытковъ [1]).—Наконецъ копѣ же поручалось и разслѣдованіе о найденныхъ убитыми неизвѣстныхъ людяхъ; въ подобныхъ случаяхъ, если не открывалось никакихъ слѣдовъ преступленія, копа собиралась вторично, а въ третій разъ, на »присяжной копѣ«, всѣ члены копнаго суда обязаны были присягать, что они и сами невиноваты въ убійствѣ, и преступникъ имъ неизвѣстенъ; если же представители котораго нибудь села не являлись на присяжную копу или отказывались принять очистительную присягу, то должны были сами платить головщину за убитаго. [2]).

Постановленія о подсудности самихъ крестьянъ, о порядкѣ требованія ихъ къ суду, взысканій и проч. остались и во второмъ Статутѣ безъ измѣненій, равно какъ и законъ о крестьянскихъ повинностяхъ. Изъ новыхъ заслуживаетъ вниманія только то правило, по которому обремененіе крестьянъ излишними поборами считалось разносильнымъ разоренію имѣнія [3]).

Между прочими »людьми простого стану« во второмъ Статутѣ является разрядъ, ранѣе неупоминаемый, именно »панцырные слуги« или, по другимъ памятникамъ, »панцырные бояре«; цифра головщины показываетъ, что они считались выше всѣхъ другихъ простыхъ зависимыхъ людей [4]). Статутъ же даетъ возможность объяснить и ихъ происхожденіе. При раздачѣ великими князьями шляхтѣ населенныхъ имѣній, производившейся Жигимонтами Старымъ и Августомъ весьма щедрою рукою,

---

[1]) Разд. XIV, арт. 6.

[2]) Разд. XI, арт. 31.

[3]) Разд. V, арт. 10. »А вѣдь же утрата отъ нее (т. е. вдовы, владѣющей имѣніемъ своихъ дѣтей) на именьяхъ иншая не можетъ ее показовати, одно естли бы непобожными податками, винами, серебщизнами людей у въ оныхъ именьяхъ обтяжала, гумна и иные статки домовые нерядне роспрашала«, и т. д.

[4]) Разд. XII, арт. 1.

случалось нерѣдко, что въ числѣ жителей этихъ имѣній были мелкіе, но самостоятельные, феодальные землевладѣльцы, бояре, иногда даже получившіе королевское подтвержденіе на земли, т. е. подтвержденіе шляхетскаго ихъ званія. Новый владѣлецъ, которому жаловалось такое имѣніе, естественно считалъ себя исключительнымъ собственникомъ всей земли, игнорируя права фактическихъ ея владѣльцевъ; если послѣдніе были шляхтичи и имѣли королевскія жалованныя грамоты на землю, то съ ними или приходилось вступать въ соглашенія, или же, дѣйствуя силою, наживать хлопотливые и дорого стоющіе процессы. Вѣроятно, эти то неудобства, въ соединеніи съ принципіальнымъ стремленіемъ шляхты обезпечить гдѣ только возможно достоинство своего сословія, и побудили шляхтичей заявить требованіе, чтобы король отказался отъ права раздавать имѣнія, въ которыхъ живутъ бояре—шляхта; требованіе это было удовлетворено, однако съ оговоркой, что королевскій отказъ не касается тѣхъ имѣній, живущіе въ которыхъ бояре, хотя и выслужили свои земли отъ прежнихъ державцевъ, но не получили на нихъ подтвержденія отъ господаря [1]). Вотъ этотъ-то разрядъ населенія, попадая, путемъ пожалованія, подъ власть частнаго лица, терялъ вмѣстѣ съ правомъ землевладѣнія и личную независимость и, будучи еще недавно равноправенъ съ своимъ новымъ паномъ, мало по малу обращался въ его крѣпостныхъ, сохраненіе за которыми имени бояръ и сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ зависѣло на будущее время только отъ благоусмотрѣнія владѣльца. Разложеніе феодальнаго строя Литовской Руси и сближеніе ея съ Польшею, знавшей только два сословія, шляхту и нешляхту, неминуемо должно было провести новую пограничную черту, такъ сказать, по живому тѣлу

---

[1]) Разд. III, арт. 4.

среднихъ разрядовъ населенія, и тяжеле всего, конечно, отозвалось на тѣхъ, кого обстоятельства и случай бросили книзу отъ этой черты.

Въ промежутокъ времени между изданіемъ второго и третьяго Статута утверждено наконецъ юридически полное объединеніе Литовской Руси съ Польшею, причемъ нынѣшняя Юго-западная Россія причислена къ послѣдней, сохранивши впрочемъ за собою право судиться по законамъ Литвы; на законодательство это Люблинская унія оказала мало вліянія, такъ какъ оно раньше уже видоизмѣнилось въ томъ же направленіи, и потому Статутъ 1588 г. содержитъ менѣе существенныхъ различій отъ предъидущаго, чѣмъ этотъ послѣдній отъ кодекса 1529 года; онъ скорѣе представляетъ только дальнѣйшее развитіе тѣхъ же самыхъ началъ, какія были уже проведены и во второмъ Статутѣ. Поэтому мы и ограничимся здѣсь однимъ указаніемъ важнѣйшихъ постановленій, вносившихъ что либо новое въ бытъ низшихъ сословій.

Сословія эти—оставляя въ сторонѣ мѣщанъ городовъ съ магдебургскимъ правомъ—настолько уже объединились въ своемъ подчиненномъ и малоправномъ положеніи, что выдѣлять изъ среды ихъ еще болѣе безправный класъ невольниковъ не представлялось никакой надобности; это обстоятельство, а частію также, безъ сомнѣнія, и поверхностное вліяніе европейскихъ идей той эпохи, побудило шляхту исключить изъ своихъ законовъ самое имя невольниковъ, оставляя его только въ примѣненій къ военноплѣннымъ, которыхъ впрочемъ третій Статутъ тоже предпочитаетъ называть »полонениками« Но отмѣняя названіе, законъ нисколько не измѣнилъ сущности дѣла: всѣ прежнія постановленія о невольной челяди, теперь называемой

уже »дворною«, остались въ своей силѣ; все такъ же челядники лишены права завѣщать или получать по завѣщанію какую либо движимость, не могутъ быть свидѣтелями, и подлежатъ тому же порядку выдачи въ случаѣ бѣгства [1]). Конечно, тѣ изъ этихъ правилъ, которыя составляли отличіе невольниковъ отъ отчичей, пользовавшихся, напримѣръ, правомъ завѣщанія части движимости, правомъ свидѣтельства въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и т. под., должны были постепенно выйти изъ употребленія, такъ какъ на будущее время челядь зачисляется въ разрядъ крестьянъ отчичей, съ поселеніемъ ея на земельныхъ участкахъ [2]). Отсюда видно, что главной характеристической чертой быта отчичей и вообще «подданыхъ», было пріуроченіе ихъ къ земледѣлію и пользованіе полевыми угодьями [3]). Естественно, что и отчужденіе ихъ происходило только вмѣстѣ съ землею, и ошибочно мнѣніе тѣхъ, кто полагаетъ, что уже въ ту эпоху допускалась продажа крестьянъ безъ земли; яснѣе всего это доказывается запрещеніемъ передавать даже невольную челядь отдѣльно отъ имѣнія, котораго она считалась неотъемлемою принадлежностью; продажа людей безъ земли могла установиться никакъ не ранѣе конца XVI столѣтія, когда крестьяне, слитые

---

[1]) Разд. XIV, арт. 36: »Ижъ што людей и чеядь, которые предъ тымъ невольниками были званы, отъменено назвиско и поменено а написано ихъ челедью дворною або полонениками, тогды тое *отменење назвиска ихъ*, часу права, на кождомъ вряде, кгды бы хто своей челяди невольное поискивалъ, никому съ подданыхъ нашихъ до ужыванья и до важенья справедливости *ничого шкодити и перешкажати не маетъ*«. См. также разд. IX, арт. 78; VIII, 1, 5, 8; XII, 14—20

[2]) Разд. XII, арт. 21: »Челядь невольная и тежъ дети потомъки полоненикова *маютъ быти осаживаны на земляхъ и розумены быти за отчичовъ*«.

[3]) Иногда челядь пользовалась землями и въ болѣе раннюю эпоху. См. настоящій томъ № VII, стр. 11—12, годъ 1542.—Акты Зап. Рос., II, № 159, годъ 1529.

почти всѣ въ одинъ безправный разрядъ, окончательно подчинены частному праву владѣльцевъ [1]).

---

[1]) Г. Леонтовичъ, «Крестьяне югозападной Россіи» стр. 15, говоритъ, что »въ послѣднемъ Статутѣ встрѣчаемъ дозволеніе продажи безъ земли бѣглыхъ людей, откуда вообще развилось право продажи крестьянъ не только съ землею, но и безъ земли«. Но разд. XII, арт. 14, на который онъ ссылается, говоритъ вовсе не о продажѣ, а только о томъ случаѣ, когда пребываніе бѣглыхъ въ чьемъ либо имѣніи было доказано, но ко времени суда ихъ не оказывал ось на лицо; тогда владѣлецъ этого имѣнія обязывался заплатить истцу, кромѣ убытковъ, еще и головщину за бѣглецовъ, а самъ получалъ право разыскивать ихъ, какъ своихъ, и владѣть ими; вотъ въ этомъ— то случаѣ первоначальный владѣлецъ бѣжавшихъ людей имѣлъ право, до истеченія четырехлѣтняго срока, возвратить полученную за нихъ головщину, а ихъ взять обратно къ себѣ.—Далѣе г. Леонтовичъ приводитъ выраженія перваго Статута о пожалованіи, присвоеніи и отчужденіи людей *или* земель (тамже, и стр. 25) и замѣчаетъ: »Здѣсь говорится, очевидно, о пріобрѣтеніи людей отдѣльно отъ земли«. Но внимательное изслѣдованіе памятниковъ показываетъ съ гораздо большей очевидностію, что подъ словомъ *люди* именно подразумѣвалась обыкновенно и занимаемая ими земля, и что такое выраженіе употреблялось для отличія отъ земель незаселенныхъ. »пустовскихъ«. Такъ, при пожалованіяхъ людей безъ упоминанія о землѣ, нерѣдко говорится объ ихъ дани, особенно медовой, что указываетъ на пользованіе ихъ земельными угодьями. См. напр. Акты Зап. Рос., I, стр. 133.—Настоящій томъ, № I, стр. 1., № IX, в), стр. 6. Слово люди употреблялось иногда какъ синонимъ земли (заселенной): см. напр. въ Статутѣ 1566 г., разд. VI, арт. 8, гдѣ въ заголовкѣ сказано »*имѣнье або землю*,« а въ самомъ текстѣ—„имѣнье або *люди*“.—О неотчужденіи безъ земли *челяди* см. первый Статутъ, разд. IV, арт. 1, гдѣ дозволяется мужу записывать женѣ въ вѣно только третью часть дворной челяди, „*бо то не есть рѣчь рухомая, але при имѣньи лежачое*.“ Тоже и въ Статутѣ 1566 г., разд. V, арт. 2; Ст. 1588 г. V, 8. Право продажи безъ земли скорѣе можно видѣть въ законѣ о продажѣ въ голодное время: 1529 года, арт. XI, разд. 11.—1566 г., XII, 11.—А Статутъ 1588 г., XII, 19, расширяетъ такое право на продажу вообще: »хто челядь свою невольную будь въ голодъ, *або зъ якихъ кольвекъ причинъ* продалъ, дле продажи маеть вечне держана быти«.

Положеніе закупней и людей выданныхъ третьимъ Статутомъ нѣсколько облегчено: постановлено, что «выслуга» ихъ у нехристіанъ не можетъ продолжаться болѣе семи лѣтъ, въ какой бы суммѣ у нихъ не заложились или были выданы; что касается христіанъ, то у нихъ нужно было отрабатываться до конца, но если закладень умиралъ ранѣе окончательнаго расчота съ кредиторомъ, то дѣти его обязаны были служить за него тоже не дольше семилѣтняго срока; въ обоихъ случаяхъ кредиторы обязаны были давать закуппямъ одежду и пищу [1]).

Въ отношеніи собственно крестьянскаго сословія, въ составъ котораго теперь прямо зачисляются и бояре, какъ путные, такъ и панцырные, произощли также нѣкоторыя измѣненія. Законъ, стремясь все къ большему изолированію шляхты отъ простыхъ людей, ввелъ новыя гарантіи сохраненія землевладѣнія исключительно за нею; опредѣляя, что на выкупъ заставленнаго имѣнія давности нѣтъ, онъ постановляетъ также, что если бы человѣку простого званія случилось пріобрѣсти землю, принадлежавшую прежде шляхтичу, то подобное же правило распространяется и на нее, т. е. родственники прежняго владѣльца могутъ ее выкупить по опредѣленнымъ въ Статутѣ цѣнамъ и не взирая на земскую давность [2]). Правило о запрещеніи закупать земли крестьянъ распространено и на боярскіе участки, и снова подтверждено запрещеніе крестьянамъ отчуждать какимъ бы то ни было образомъ бортныя деревья [3]).

---

[1]) Разд. XII, арт. 9, 11. Годичный отработокъ положенъ въ рубль мужчинѣ, и копу грошей женщинѣ; но для выданныхъ за навязку малозначительнаго воровства онъ опредѣленъ нѣсколько меньше, именно мужчинѣ въ копу, а женщинѣ въ 50 грошей. разд. XIV, арт. 7.

[2]) Разд. VII, арт. 12.—III, 26.

[3]) Разд. IX, арт. 27.—X, 6.

Исключительное право на пользованіе повинностями крестьянъ утверждено за шляхтою еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде: сверхъ предоставленныхъ ранѣе льготъ, Статутъ 1588 года освобождаетъ крестьянъ частнаго владѣнія и отъ тѣхъ повинностей въ пользу государства, какія лежали еще на нихъ по первымъ двумъ Статутамъ, т. е. отъ обязанности устраивать и подчинять мосты, поддерживать и возобновлять замки, давать посламъ и королевскимъ гонцамъ «стаціи» и т. под. [1]).

Подсудность крестьянъ законъ все болѣе устраняетъ отъ себя, такъ что наконецъ они теряютъ всякое право самостоятельнаго дѣйствія въ судѣ, гдѣ представителемъ ихъ являлся одинъ только владѣлецъ; по Статуту позвы должны были быть писаны непремѣнно отъ имени послѣдняго, хотя крестьяне могли въ менѣе важныхъ дѣлахъ участвовать въ разбирательствѣ и сами; позднѣе отмѣнено и это право, и крестьяне могли являться въ судъ не иначе, какъ «cum assistentia» своего пана.—Наказаніе за продажу въ чужое село бортей, за что по второму Статуту полагалась смертная казнь, теперь предоставлено усмотрѣнію самого владѣльца [2]).—Въ пользу крестьянъ клонится, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, одно важное постановленіе, по которому шляхтичъ въ извѣстныхъ случаяхъ могъ быть казненъ смертью за убійство крестьянина; но самая редакція этого закона, исполненная оговорокъ, и условія, какими обставлена была возможность его примѣненія, должны были парализировать его силу и дѣлать выполненіе его если не совсѣмъ невозможнымъ, то до крайности затруднительнымъ такъ что въ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ памятникахъ не находимъ ни одного подобнаго примѣра [3]).

---

[1]) Разд. III, арт. 29.

[2]) Разд. IV, арт. 102.—X, 6: „Маетъ панъ его карати водлугъ важности выступу“.

[3]) Разд. XII, арт. 1: „Повстегаючи своволенства и зуфальства

А рядомъ съ этимъ шло новое увеличеніе строгости наказанія за убійство шляхтича простыми людьми: казни подвергались, въ случаѣ предумышленнаго убійства, не семь только человѣкъ изъ числа многихъ виновныхъ, а *всѣ*, какъ бы велико ни было ихъ число [1]).

Въ отношеніи права крестьянъ быть свидѣтелями, введены два ограниченія: вопервыхъ, крестьянамъ, какъ прежде невольникамъ, запрещено свидѣтельствовать за или противъ своихъ пановъ; и во вторыхъ, постановлено, что свидѣтелями шляхетскаго завѣщанія, даже совершаемаго въ дорогѣ или во время военнаго похода, должны быть непремѣнно шляхтичи же [2]).

Судебная власть общины, въ формѣ копнаго разбирательства, не только не расширилась, но замѣтно даже противоположное стремленіе—свести ее на простое производство дозна-

---

людские,.... уставуемъ, если бы который шляхтичъ *зъ зухвальства, зъ опилства, и безъ данья причины, своовольне*, умыслне легце поважаючи право посполитое, а паствечися надъ створеньемъ божимъ, человека простого стану не шляхтича забилъ, *а былъ бы пойманъ на гарячомъ учинку*, таковый шляхтичъ *за слушнымъ доводомъ* маеть быти горломъ каранъ кромъ головщизны. Ведъже доводъ на шляхтича въ такой речи не инакший быти маеть, толко если его сторона жалобная при забитомъ *зъ шестьма светками* зъ людьми добрыми веры годными и не подозреными *самъ семый поприсягнеть*, межи которыми шестьма *светки маютъ быти два шляхтичи* веры годные и не подозреные". При недостаткѣ котораго либо изъ указанныхъ условій, шляхтичъ могъ принять очистительную присягу съ *тремя* свидѣтелями, *хотя бы и нешляхтою*, и тогда платилъ только головщину; если же онъ присягалъ въ томъ, что убитый самъ первый началъ драку, то *совершенно освобождался отъ суда*.

[1]) Разд. XI, арт. 39: „Естлибы *люди простого стану*, бояре панцерные, путные, мещане або люди тяглые, забили шляхтича або шляхтянку, тогды *колко ихъ будетъ обвинено, маютъ вси горломъ карани быти*". Исключеніе сдѣлано для убійства въ обоюдной дракѣ, за которое подвергается казни не свыше трехъ человѣкъ.

[2]) Разд. IV, арт. 78: „Не маютъ светчити слуги и подданые за пановъ, ани тежъ противъ пановъ".—VIII, 4.

нія или разслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить ее вмѣшательству правительственныхъ властей. Такъ въ третьемъ Статутѣ вовсе не упоминается о правѣ копы опредѣлять наказаніе за воровство; на присяжную копу по дѣлу о найденномъ убитымъ неизвѣстномъ человѣкѣ представители окрестныхъ поселеній выбирались по назначенію уряда и призывались черезъ вознаго или шли по приказанію владѣльцевъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, находя въ копахъ удобный и дешовый судебный органъ, Статутъ расширяетъ область ихъ дѣйствія въ территоріальномъ отношеніи, вводя ихъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ передъ тѣмъ онѣ не были въ употребленіи [2]). Ниже мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ община постоянно стремилась выйти—и выходила—изъ той узкой сферы дѣйствій въ области суда, какую опредѣлялъ для нея законъ.

Приравнивая дворную челядь къ отчичамъ, положеніе которыхъ понизилось къ тому времени почти до того же уровня, шляхта, въ своихъ нивеллизаторскихъ стремленіяхъ, не могла не обратить вниманія на средства привести къ тому же знаменателю и прочіе разряды простыхъ людей, стоявшіе выше. Мы уже видѣли, какимъ путемъ попали въ частную зависимость мелкіе бояре, которыхъ третій Статутъ помѣщаетъ уже въ чи-

---

[1]) Разд. VI, арт. 26: „Третюю копу присяжную *маетъ врядъ собрати....., а врядъ маетъ* зъ местечокъ и зъ селъ околичныхъ *по три человѣка старѣшыхъ*, яко войтовъ, лавниковъ и иныхъ мужовъ добрыхъ вѣры годныхъ *до присяги обрати*“.

[2]) „Разд. XIV, арт. 9: „На Руси и инде, где здавна копы бывали, тамъ маютъ быти и теперъ копы отправованы на старыхъ коповищахъ, тымъ обычаемъ, яко первей того бывало.—*Где* до сихъ местъ *копы не бывали, коповища* каждый *подъкоморій* въ повете своемъ *назначити и села тыхъ, хто ся тамъ становити будетъ, описати маетъ.—Где доселъ копы не бывали, таковымъ же порядъкомъ и поступкомъ копы збираны и отправованы быти маютъ, яко ся на Руси заховывало и заховуетъ*“.

слѣ отчизныхъ людей, т. е. крѣпостныхъ [1]). Оставался затѣмъ классъ людей вольныхъ, похожихъ, вѣроятно въ то время еще многочисленный, и къ его постепенному закрѣпощенію были приняты слѣдующія мѣры: постановлено, что если похожій проживалъ въ имѣніи одного и того же владѣльца десятилѣтній срокъ, то онъ лишался права свободнаго выхода, а долженъ былъ, кромѣ возврата полученной при первоначальномъ поселеніи ссуды, откупиться еще отъ службы десятью копами грошей, т. е. уплатить сумму, равную половинѣ стоимости, по Статуту, «службы людей», т. е. крестьянскаго хозяйства съ находящимися въ его пользованіи землями. Если принять во вниманіе такую непомѣрную высоту окупа, а съ другой стороны распространенность обычая брать «запоможенье» для перваго обзаведенія [2]), и то наконецъ обстоятельство, что крестьянинъ не могъ и помышлять о выходѣ, пока не отработалъ пану столько же времени, сколько просидѣлъ на волѣ,—а послѣдняя очень часто превышала пятилѣтній срокъ,—то станетъ вполнѣ понятно, что закрѣпощеніе посредствомъ давности поселенія должно было сильно и быстро повліять на сокращеніе числа вольныхъ людей, которые въ болѣе позднее время упоминаются уже только въ рѣдкихъ случаяхъ [3]).

Такимъ образомъ, съ Люблинской уніей и изданіемъ Статута 1588 года, завершилось почти окончательно объединеніе правъ, съ одной стороны шляхтичей между собою, съ другой—различныхъ разрядовъ крестьянъ,—если только условія быта, въ какія были поставлены послѣдніе, могутъ быть названы безъ иронiи *правами*. Дальнѣйшій ходъ законодательства о крестьянахъ касался ихъ уже только какъ шляхетскаго имущества,

---

[1]) Разд. XII, арт. 12; ср. IV, 31, 48; IX, 28.
[2]) Вил. Арх. Сб., т. I, стр. 45, 149.
[3]) Разд. XII, арт. 13—VII, 8—IX, 29,

опредѣляя подробности судопроизводства о выдачѣ бѣглыхъ, взысканій по этому предмету, и т. под. Содержаніе этихъ постановленій, до самого конца XVII вѣка, съ достаточной подробностью изложено г. Антоновичемъ, а потому и приводить ихъ здѣсь не будемъ [1]).

Разсмотрѣвши здѣсь содержаніе постановленій Статутовъ о крестьянахъ, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, въ заключеніе находимъ необходимымъ, чтобы показать *относительное* значеніе простыхъ людей разнаго наименованія, *по взглядамъ самой шляхты*, привести цифры головщины, опредѣляемой за нихъ каждымъ Статутомъ [2]).

	1529 г.	1566 г.	1588 г.
Панцырный слуга или бояринъ	—	50 копъ	60 копъ
Путный - - - - - - -	12 рубл.	30 к.	50 к.
Бортникъ - - - - - -	8 р.	25 к.	40 к
Тивунъ, ключникъ и т. под	12 р.	40 к.	40 к.
Тоже, изъ невольниковъ	10 копъ	20 к.	20 к.
Ремесл. вольный или невольн.	12 р.	20 и 30 к., смотря по ремеслу	30 к.
Тяглый крестьянинъ- -	10 копъ	20 к.	25 к.
Невольникъ или челядникъ	5 к.	10 к.	20 к.
Невольница - - - - - -	5 к.	20 к.	?
Мѣщане въ гор. съ нѣм. правомъ:			
Войтъ, бурмистръ, лавн. и писарь	—	—	50 к.
Заурядный мѣщанинъ - -	—	—	30 к.

---

[1]) См. Антоновичъ, Изслѣдованіе о крестьянахъ, стр. 27—29, въ Архивѣ Ю.—З. Россіи, ч. VI, т. II.

[2]) Статутъ 1529 г. разд. XI, арт. 1—4.—1566 года, разд. XII, арт. 1—3, 6.—1588 года, разд. XII, арт. 3—6, 10.—Ср. тамже цифры „навязокъ“. Лицамъ женскаго пола, кромѣ шинкарокъ, какъ головщина, такъ и навязки опредѣлялись *совито*,—т. е. вдвое противъ мужчинъ того же званія.

Въ непривеллигир. город. урядники	—	30к.
Простой мѣщанинъ - - - -	—	24 к.
Шинкарка - - - - - - -	—	20 к.
Невоенный татаринъ- - - -	12 коп.	12 к.

Обратимся теперь къ дѣйствительной жизни, и постараемся опредѣлить,—на сколько позволяютъ помѣщенныя въ настоящемъ томѣ акты, въ какой мѣрѣ выполнялись на дѣлѣ теоретическія требованія Статутоваго законодательства. При этомъ, въ виду продолжительности подлежащей разсмотрѣнію эпохи, необходимо для ясности изложенія обозначить какой-либо разграничительный предѣлъ внутри ея, какимъ предѣломъ, по нашему мнѣнію, можетъ служить половина XVIII столѣтія, эпохи возстаній, оказавшихъ въ концѣ концовъ громадное вліяніе на всѣ стороны быта Польскаго государства и на его дальнѣйшую политическую судьбу.

Въ настоящемъ томѣ [1]) находимъ примѣры жалованныхъ грамотъ частныхъ владѣльцевъ въ пользу своихъ слугъ и даже крестьянъ, переименовываемыхъ въ бояре, на поземельное владѣніе. Грамоты эти совершенно сходны съ такими же пожалованіями государей нѣсколько болѣе ранняго времени, когда они, сохраняя еще за собою право общаго землевладѣнія и дорожа имъ, оставляли за собою и право выкупа жалуемыхъ земель; точно также, когда землевладѣніе всецѣло перешло къ шляхтѣ, она, употребляя тотъ же пріемъ для вознагражденія своихъ слугъ, ревностно заботилась о сохраненіи недвижимой собственности въ своихъ рукахъ. Сходство это выступаетъ еще яснѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда пожалованіемъ обуслов-

[1]) Изобиліе матеріала заставляетъ насъ ограничиться на этотъ разъ почти исключительно обзоромъ однихъ только нынѣ издаваемыхъ актовъ.

ливалась и повинность военной службы [1]); иногда пожалованіе представляетъ собою только подтвержденіе права на владѣніе, доставшееся по наслѣдству [2]); при надѣленіи боярскою землею, получающій ее освобождается отъ всякъ иныхъ повинностей, кромѣ собственно боярской: ѣздить съ паномъ и возить его письма; такимъ образомъ и здѣсь проявляется намѣченный нами выше (стр. 24—25) принципъ пріуроченія повинности къ землѣ, а не къ лицу [3]). Приведенныя пожалованія, съ гарантіею прочности владѣнія, обезпеченіемъ уплаты вознагражденія за ихъ отнятіе и оговореннымъ правомъ свободнаго перехода,—относятся исключительно къ лицамъ свободнаго состоянія; что же касается зависимыхъ крестьянъ, то ихъ пользованіе землею не было обезпечено нисколько, и даже обычай, поддерживавшій нѣсколько его прочность, постепенно терялъ свою силу; такъ уже въ 1592 г. встрѣчаемъ примѣръ крайне произвольнаго распоряженія крестьянскими землями. Князь Григорій Сангушко отдалъ въ заставу имѣнія свои во Владимирскомъ повѣтѣ, Мѣзово, Ворокомлю и другія, Луцкому епископу Кирилу Терлецкому; это не мѣшало ему вмѣшиваться во внутренній бытъ этихъ селъ черезъ посредство своего арендатора еврея Песаха, которому онъ и выдалъ довѣренность на право суда надъ крестьянами означенныхъ имѣній; Песахъ, между прочими дѣлами, разбиралъ споры и о земляхъ, отнялъ у одной вдовы ея участокъ и отдалъ его другимъ крестьянамъ, взявши съ нихъ взятку, а князь Сангушко подтвердилъ его рѣшеніе [4])

---

[1]) См, № LXII, стр. 166

[2]) № XXII, стр. 55.

[3]) № XXXIV. стр. 91.

[4]) «Кгрунтъ мой увесь, съ чого есми по смерти мужа своего служила и платъ платила, отъ мене поотнималъ и другимъ людемъ,

Привлекая и удерживая при себѣ слугъ свободнаго состоянія посредствомъ различныхъ милостей, паны, особенно болѣе могущественные, не прочь были нодчасъ и совсѣмъ закрѣпить ихъ за собою. Такъ напримѣръ, князь Янушъ Острожскій, Краковскій каштелянъ, нанявши въ свою службу отрядъ Литовскихъ Татаръ, по окончаніи срока службы хотѣлъ оставить ихъ навсегда за собою, и съ этой, вѣроятно, цѣлью замѣшалъ ихъ въ какой-то процессъ, который онъ завелъ съ родственникомъ своимъ, княземъ Павломъ—Янушемъ. »Насъ княжа его милость отпустити не хотелъ, жалуются наконецъ, по чьему-то совѣту, Татары на судѣ,—*хотечи насъ, людей волныхъ собе заневолить*; намъ тежъ, яко людемъ волнымъ, вдаватися въ неволю не годило.» Но привела ли жалоба къ благопріятнымъ для Татаръ послѣдствіямъ,—мы не знаемъ [1]). Въ другомъ случаѣ помѣщикъ, продавая имѣніе, включаетъ кстати въ списокъ крестьянъ и живущаго по сосѣдству королевскаго боярина, которому только съ большимъ трудомъ удается избѣгнуть закрѣпощенія [2]).

Выдача за преступленіе, какъ источникъ зависимаго состоянія, встрѣчается сравнительно рѣдко; въ настоящихъ актахъ мы имѣемъ только одинъ примѣръ выдачи еврею шляхетскаго слуги, не имѣвшаго чѣмъ заплатить навязки за нанесенную имъ рану [3]). Рядомъ съ этимъ является весьма интересная форма сдѣлки между виновными и истцомъ, основанной очевидно на обычаѣ, такъ какъ писанное право ничего подобнаго не установляетъ, и она даже ему отчасти противорѣчитъ. Помѣщичій крестьянинъ, пойманный на мѣстѣ воров-

суседомъ моимъ, *за поклономъ* поотдавалъ, и съ маетности рухомой зобралъ мя». № LXXV, стр. 219.

[1]) № CXXI, стр. 397.

[2]) № LXXI, стр. 208.

[3]) № XLI, стр. 106.

ства, былъ отведенъ въ судъ и, конечно, подвергнулся бы смертной казни, если бы его не отпросили у истца какія-то почотныя лица (люди зацные); тогда воръ, вмѣстѣ со своимъ отчимомъ, сдѣлали на судѣ заявленіе, что они обязываются не нарушать ни въ чомъ интересовъ истца, а если бы случился какой либо вредъ самому истцу или его крестьянамъ по ихъ винѣ или въ связи съ высказанными ими угрозами, то они предоставляютъ истцу право казнить ихъ безъ суда и вознаградить убытки изъ ихъ имущества, причемъ они отказываются напередъ отъ права прибѣгнуть къ защитѣ своего помѣщика. Подобныя записи, которыми одно лицо предоставляетъ другому право жизни и смерти надъ собою въ случаѣ совершенія извѣстнаго поступка, не противорѣчатъ, положимъ, общему духу законодательства, основаннаго на частномъ правѣ; но по буквальному смыслу закона онѣ непремѣнно должны были считаться ничтожными, если воспрещалось и менѣе широкое распоряженіе своею личностью, какъ отдача самого себя въ вѣчное рабство (актъ относится къ 1587 году); съ другой стороны, здѣсь крестьяне совершаютъ такое важное обязательство сами отъ себя, безъ вѣдома помѣщика, тогда какъ законъ не дозволялъ имъ «закупиться» или же заставить клочокъ земли безъ этого условія; наконецъ, тѣ же крестьяне присвоиваютъ себѣ право арбитрально отстранить возможное въ будущемъ вмѣшательство въ ихъ дѣло помѣщика. Вліяніе въ данномъ случаѣ *обычнаго* права станетъ еще яснѣе, если обратимъ вниманіе, что истецъ на этотъ разъ принадлежалъ къ числу околичныхъ шляхтичей (Щеніевскій), которые и въ гораздо болѣе позднее время руководились чаще обычаями, чѣмъ офиціально утвержденнымъ закономъ [1]).

---

[1]) № LX, стр. 158.

Точно такъ же несогласно со Статутами рѣшались иногда и дѣла объ убійствѣ крестьянами шляхтича или обратно; жизнь и здѣсь смягчала суровость закона. Такъ, въ одномъ случаѣ, помѣщичьи крестьяне, убившіе шляхтича и изранившіе другого слугу, не были казнены, а наказаны только платежемъ головщины и навязки, очевидно по заступничеству своихъ владѣльцевъ, на имя которыхъ и совершена мировая сдѣлка по этому предмету [1]; въ другомъ случаѣ панскій слуга убилъ мужика, который самъ подстерегалъ его съ дурною цѣлью на дорогѣ (въ засажце); между убійцею и женою убитаго состоялось соглашеніе, по которому она получила 12 копъ головщизны (Статутъ опредѣляетъ 25 копъ), и сверхъ того убійца обязался выполнять за нее всѣ повинности въ пользу владѣльца, въ теченіе четырехъ лѣтъ [2].

Право суда надъ крестьянами, въ качествѣ доходной статьи служило нерѣдко предметомъ спора или самовольнаго захвата, а равно и временнаго отчужденія, при отдачѣ имѣній въ заставу или аренду. Такъ, записывая своему слугѣ шляхтичу во владѣніе населенное имѣніе, владѣлецъ оставляетъ однако за собой право суда надъ этимъ самимъ слугою; городскіе старостинскіе уряды присвоиваютъ себѣ силою право суда надъ неподвѣдомственными имъ городскими жителями, напр. крестьянами, подаренными помѣщикомъ въ пользу богадѣльни, но съ сохраненіемъ за собою права суда; точно такъ же поступаютъ въ другихъ случаяхъ и городовые магистраты магдебургскаго права; городскіе мѣщане пытались иногда судиться сами, по старому обычаю, копнымъ судомъ, но урядъ не признавалъ законности подобныхъ рѣшеній, такъ какъ они нарушали права его собственной юрисдикціи;

---

[1]) LIX, стр. 156, годъ 1586.

[2]) «Панщизну вшелякую отправовати, чинить, и што ено пану належати будетъ, рокъ отъ року, на лѣтъ чтыри повиненъ есть и будетъ». № CXI, стр. 361, годъ 1611.

иногда владѣлецъ, заставивши имѣніе съ правомъ суда, вмѣшивался потомъ въ разбирательство и производилъ взысканія съ крестьянъ; при отдачѣ имѣнія въ аренду или заставу, передавалось обыкновенно и право суда, причемъ иногда добавлялось и дозволеніе казнить виновныхъ смертью [1]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ владѣлецъ опредѣлялъ, что въ случаѣ совершенія крестьянами важнаго преступленія, арендаторъ обязанъ собрать судъ на мѣстѣ (prawo tameczne osadzić), но не производить наказанія иначе, какъ по соглашенію съ владѣльцемъ [2]).

Право вчинать иски и вообще дѣлать заявленія на судѣ самостоятельно отъ себя не признано Статутомъ за крестьянами; на практикѣ оно иногда допускалось, не только относительно королевскихъ, но и владѣльческихъ крестьянъ: такъ въ 1605 г. находимъ жалобу сельскихъ урядниковъ, атамана и осадцы, отъ имени всѣхъ жителей королевскихъ селъ Михалкова и Соколова о наѣздѣ на нихъ пана Воронича и повѣшеніи имъ нѣсколькихъ человѣкъ; въ другой разъ, уже въ 1640 г., помѣщичьи крестьяне жалуются на двухъ шляхтичей, прервавшихъ своими угрозами копный судъ надъ воромъ, вслѣдствіе чего послѣдній воспользовался отсрочкой разбирательства и бѣжалъ изъ тюрьмы. Иногда шляхтичъ, чтобы отдѣлаться

---

[1]) Въ Статутахъ нигдѣ не выражено прямо право владѣльцевъ казнить крестьянъ смертью; его можно выводить только косвенно изъ опредѣленія смертной казни за извѣстныя преступленія и изъ предоставленія суда по тѣмъ же преступленіямъ помѣщикамъ.—Въ Польшѣ подобное право опредѣлено закономъ 1557 года. Volum. legum. изд. 1859 г. т. II, стр. 12, § 15.

[2]) № XIX, стр. 47; № XXX, стр. 78; № L, стр. 133; № LVIII, стр. 155; № LXI, стр. 162; № LXII, стр. 168—169; № LXVI, стр. 191; № LXXIV, стр. 217; № LXXV, стр. 219; № LXXVIII, стр. 235; № LXXXVII, стр. 265, 268; № XCII, стр. 286; № CXIII, стр. 369—370.

отъ позвавшаго его къ суду королевскаго боярина, не признавалъ за нимъ этого званія и называлъ его помѣщичьимъ крестьяниномъ, т. е. лишеннымъ права иска; если истецъ представлялъ достаточно вѣскія доказательства своего званія, то рѣшеніе такого преюдиціальнаго вопроса восходило на рѣшеніе трибунала [1]).

Что касается самой юрисдикціи надъ крестьянами, т. е. судебнаго разбирательства и постановленія приговора, то она практиковалась въ двухъ главныхъ формахъ: какъ судъ собственно помѣщичій, или какъ общинный, копный. Помѣщики, смотря по важности дѣла, судили одни или же приглашали къ участію постороннихъ шляхтичей, и при такомъ, болѣе формальномъ, разбирательствѣ, обыкновенно присутствовалъ возный, представлявшій потомъ приговоръ для внесенія въ актовыя книги. Въ одномъ случаѣ къ участію въ судѣ были приглашены и почетныя лица изъ мѣщанъ сосѣдняго города; вѣроятно это было сдѣлано потому, что преступникъ оговаривалъ и нѣкоторыхъ горожанъ, какъ участниковъ воровства, за которое его судили [2])

За маловажные проступки, которые обыкновенно помѣщикъ судилъ безъ участія постороннихъ лицъ, употребительнѣйшимъ наказаніемъ были штрафы, для взысканія которыхъ примѣнялся грабежъ, т. е. конфискація или секвестръ какой-нибудь движимости, преимущественно скота. Мы находимъ грабежъ воловъ за «выступокъ» безъ болѣе подробнаго его опредѣленія; за неотдачу въ срокъ оброчной платы за землю; грабили для уплаты *навязки* крестьянину за раны и соотвѣтственной *вины* въ пользу владѣльца [3]). Иногда помѣщикъ, отдавая въ аренду имѣніе, опре-

---

[1]) № XCVII, стр. 302—308; № CLXIII, стр, 532—533; № LXXI, стр. 208—211.

[2]) № LXXII, стр. 211—214.

[3]) № XV, стр. 39; № XXXVI, стр. 94—96; № LXXIV, стр 117—219.

дѣлялъ цифру штрафа съ крестьянина, невышедшаго на работу и предоставлялъ арендатору грабить его въ соотвѣтственномъ размѣрѣ [1]).

Судъ съ участіемъ постороннихъ лицъ, такъ называемый судъ пріятельскій [2]), былъ собираемъ по болѣе важнымъ преступленіямъ, какъ воровство, поджогъ, отравленіе и т. под.; ему подлежали и собственные крестьяне владѣльца, и состоящіе у него въ услуженіи безземельные шляхтичи, и крестьяне постороннихъ лицъ, совершившіе преступленіе въ его имѣніи и пойманные съ поличнымъ. Число постороннихъ судей простиралось отъ трехъ до пяти; иногда при судѣ присутствовали и сосѣдніе крестьяне [3]). Судьи болѣе или менѣе руководствовались Статутомъ, о чемъ упоминается и къ самыхъ приговорахъ [4]). Встрѣчаются, впрочемъ, и произвольныя отступленія, зависѣвшія отъ снисхожденія истца; такъ напримѣръ, слуга пана Бабинскаго, неосѣдлый шляхтичъ Пяновскій былъ обвиненъ въ поджогѣ крестьянской усадьбы; Бабинскій хотѣлъ отослать его въ замковый урядъ, но потомъ согласился на его просьбу— судить его домашнимъ судомъ; приглашенные судьи постановили, чтобы обвиняемый выполнилъ очистительную присягу

---

[1]) № CLXX, стр. 551.—«А если бы ся люди огурили, або который бы чоловекъ зъ нихъ улечы (не ?) хотѣлъ, а на жниво не пошолъ, теды (маетъ) войтъ мой такихъ людей моихъ Белевскихъ каждого за кожды день пограбити такъ, яко бы за два гроши Литовскихъ стояло, и пану (арендатору) або враднику его Дѣковскому тотъ грабежъ отдати, поколь або отожнуть, або двома грошми за кожды день грабежъ выкупить». № L, стр. 133.

[2]) № CVI, стр. 348.

[3]) № XXXIX, стр. 102.

[4]) «Ино мы, межи себе сполне обновивши, права писаного *Статуту чордивишися*,... сказали ссмо» № XXVIII стр. 73, годъ 1570. Отсюда видна значительная распространенность Статута, едва ли возможная, если бы онъ тогда существовалъ только въ рукописи.

съ своей женой и постороннимъ свидѣтелемъ шляхтичемъ; представленный имъ свидѣтель оказался человѣкомъ простого званія, но Бабинскій, бывшій въ этомъ дѣлѣ и судьею и истцомъ, допускалъ его къ присягѣ; и только когда самъ свидѣтель отказался отъ ея выполненія, дѣло было доведено до свѣдѣнія гродскаго суда [1]).—Для разслѣдованія истины доминіальные суды, подобно всякимъ другимъ судамъ того времени употребляли между прочимъ пытку; это средство примѣнялось особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый оговаривалъ другихъ лицъ въ сообщничествѣ съ нимъ или въ какихъ либо самостоятельныхъ преступленіяхъ, или самъ былъ подозрѣваемъ въ таковыхъ; въ подобныхъ случаяхъ судьи, если не желали сами присутствовать при пыткѣ, посылали туда своихъ довѣренныхъ слугъ [2]); пытка, для производства которой призывался палачъ изъ ближайшаго города, состояла обыкновенно во вздергиваньи на дыбу («мистръ взявши на клюбы, тягнулъ разъ и два»), а иногда, въ случаѣ разнорѣчія показаній, употреблялась еще и пытка огнемъ ««огню до боку приложилъ» [3]); если пытаемый не бралъ назадъ своего оговора, то его, послѣ пытки, допрашивали о томъ же еще разъ »добровольно», и снова, когда онъ всходилъ уже на висѣлицу. Оговоръ, подтвержденный »на шибеници седячи», »на остатномъ стопню», считался и по Статуту достаточнымъ поводомъ къ начатію судебнаго преслѣдованія противъ оговоренныхъ [4]).

---

[1]) № CVI, стр. 347—349.

[2]) № XXVIII, стр. 73.

[3]) Ср. изъ осмотра вознымъ пытаннаго крестьянина: «въ которо(го)мъ видѣлъ обадва боки выпаленые, такъже и подъ обема руками выпалено“ № XXV, стр. 65.

[4]) Кромѣ указанныхъ выше, см. еще № LXXII, стр. 211—214; № CXXXIX, стр. 448—451; стр. 453—455.—Актъ подъ № 139 1624 года, кромѣ юридическаго, представляетъ и бытовой интересъ:

Смертная казнь за преступленія примѣнялась довольно часто. Но нужно замѣтить при этомъ, что относительно *собственныхъ* крестьянъ, по весьма понятнымъ побужденіямъ личнаго интереса, паны нерѣдко старались отклонить примѣненіе подобной мѣры, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не касалось ихъ самихъ, а случайный его характеръ позволялъ отнестись безъ особеннаго недовѣрія къ будущему поведенію преступника. Выше мы привели примѣръ освобожденія крестьянъ отъ казни за убійство шляхтича, по заступничеству ихъ пановъ; въ другомъ случаѣ шляхтичъ произноситъ угрозы противъ копы, если она будетъ судить «о горло» обвиняемаго, вѣроятно принадлежащаго къ числу его крестьянъ; иногда владѣлецъ освобождалъ силою своихъ крестьянъ, схваченныхъ въ его же имѣніи на мѣстѣ преступленія, если имѣніе это находилось на ту пору во временномъ владѣніи другихъ лицъ, какъ поступилъ однажды князь (Іоахимъ) Корецкій, отнявшій четырехъ человѣкъ, виновныхъ въ поджогѣ и грабежѣ [1]). Но яснѣе всего выступаетъ чисто экономическая подкладка подобнаго заступничества владѣльцевъ въ одномъ актѣ 1640 года, когда крестьянскія волненія, носившія прежде характеръ личныхъ счетовъ съ владѣльцами, стали принимать болѣе общій, соціально-политическій и частію религіозный характеръ Крестьяне имѣнія пана Людвика Олизара-Волчковича, мѣстечка Коростышева, подгулявши на святой недѣлѣ, вздумали вдругъ «бить Ляховъ»; сначала досталось нѣсколькимъ мѣстнымъ жителямъ-шляхтичамъ, а послѣ попался крестьянамъ проѣзжій панъ Калусовскій, отправлявшійся на сеймъ и въ Люблинскій трибуналъ съ дѣлами короннаго стражника, которымъ былъ тогда Самуилъ Лащъ, знаменитый даже и въ ту эпоху своимъ самоуправствомъ и не-

это слѣдствіе объ отравѣ посредствомъ колдовства, заключающее въ себѣ нѣсколько указаній на суевѣрія той эпохи.

[1]) № CLXIII, стр. 532; № CXXXVI, стр. 443—445.

признаніемъ никакихъ властей [1]). Избивши и ограбивши слугу Калусовскаго, крестьяне напали и на него самого съ ругательствами и крикомъ: «биймо, забиймо того собаку Ляха, зъ его челядю: позабиявши, разомъ одбудемо! такъ что мѣстный управляющій едва успѣлъ увести Калусовскаго отъ разъяренной толпы; послѣдняя осаждала всю ночь квартиру Калусовскаго который бѣжалъ оттуда тайкомъ при помощи мѣстнаго ксендза. Крестьяне при этомъ высказывали, вѣроятно на основаніи преждебывшихъ случаевъ, твердую увѣренность въ заступничествѣ своего владѣльца: »Нашъ панъ Олизаръ насъ не одступить, а мы заплатымъ, бо есть чымъ, а жадному олизарчикови, который есть его милости подданый, шию не утнуть, и онихъ не выдасть». На утро Калусовскій отправился съ жалобою къ Олизару въ другое его имѣніе Студеную Воду, гдѣ жилъ онъ въ то время, такъ какъ Коростышевъ былъ имъ отданъ въ заставу пану Вилькгѣ. Встрѣтившій его на дорогѣ Олизаръ поѣхалъ съ нимъ въ Коростышевъ, разузналъ подробности дѣла и—несмотря на опасность нажить себѣ врага въ патронѣ Калусовскаго, Лащѣ,—далъ такой отвѣтъ: «Кажу тые луны и забраня речей поворочать, учинивши инквизыцию, але о збите челядника и зневаги протестантовой чинить не могу, для тыхъ причинъ, же тую маетность заставилъ; а до того, кгды быхъ мелъ справедливость, ретельную учинить, муселъ быхъ тыхъ хлоповъ всихъ выстинать, *чого учинить не могу, бо быхъ маетность спустошилъ, которую протко выкуплю*». Явившійся на судъ въ качествѣ свидѣтеля возный передаетъ отвѣтъ Олизара нѣсколько подробнѣе и иными словами. «Ачъ мой добрый пріятель, говорилъ онъ о Калусовскомъ, але я для него всего места выстинать не кажу; а же здоровъ зосталъ,—нехай Пану Богу дякуетъ» [2]).

[1]) № CLIX, стр. 515.
[2]) № CLXI, стр. 522—529.

Судъ, происходившій съ соблюденіемъ упомянутыхъ формальностей, считался окончательнымъ, и приговоръ его немедленно приводился въ исполненіе; это былъ судъ правильный не только по закону, но и по общему сознанію населенія: ибо, хотя Статутъ предоставилъ владѣльцамъ, а слѣдовательно и довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ, право самостоятельнаго суда надъ крестьянами, но сила обычая требовала извѣстной гарантіи отъ произвола, заключавшейся въ участіи въ судѣ постороннихъ лицъ. Когда урядникъ одного имѣнія повѣсилъ своею личною властью вора, пойманнаго съ поличнымъ, а потомъ самъ попалъ на судъ въ качествѣ обвиняемаго, то его упрекали между прочимъ и въ томъ, зачѣмъ онъ повѣсилъ этого вора *безъ права*? И самъ онъ не пытался оправдывать своего поступка, а только старался свалить вину на другихъ [1]). Впрочемъ, иные паны, опираясь на свое право по закону или еще проще на свою силу, творили подобіе суда самоправно, пытая безъ повода чужихъ крестьянъ, заставляя нхъ пыткою взводить на себя преступленія, предавая казни невиновныхъ обвиняемыхъ или попросту вѣшая безъ суда чужихъ подданныхъ изъ-за какого-нибудь сосѣдскаго спора, съ оставленіемъ при этомъ висѣлицъ по дорогамъ и селамъ, въ видѣ предупрежденія и угрозы жителямъ послѣднихъ, не исключая и ихъ владѣльцевъ [2]). Подобныя дѣйствія съ такой незамѣтной постепенностью сливаются съ наѣздами, грабежами, убійствами и всякими насиліями вообще, что имъ невозможно придавать какое либо юридическое значеніе. Самоуправству шляхты относительно чужихъ даже крестьянъ прямо покровительствовалъ законъ объ исключительно денежной от-

[1]) № XXIV, стр. 61.

[2]) № XXXV, стр. 64—66; № XXXII стр. 88—89; № CXXXVII, стр. 446; № CLXXVII, стр. 571—572; № LXIV, стр. 175—188; № XCVII, стр. 302—308; № XCVIII, стр. 308—310; № CXXXIII, стр. 427—438; № CXIX, стр. 390—393; № CXXXV, стр. 440—442.

вѣтственности въ подобныхъ случаяхъ; это позволяло панамъ отвѣчать иногда даже съ оттѣнкомъ шутки на упреки въ самоуправствѣ: «И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ: кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ» [1]). Княгиня Настасья Козечина, на вопросъ о безвинномъ истязаніи ею на пыткѣ крестьянина князя Романа Сангушка, отвѣчаетъ съ такимъ же цинизмомъ: «Я его казала змучити, я жъ его и заплачу» [2]).

Юрисдикція копныхъ судовъ простиралась почти на всѣ тѣ же проступки и преступленія, какіе вѣдалъ и судъ доминіальный, а также и на нѣкоторые споры гражданскаго характера. Въ случаяхъ послѣдняго рода къ копамъ обращались безразлично лица разныхъ сословій, особенно если въ нанесеніи какого-либо убытка не замѣчалось злонамѣренности; въ дѣлахъ же уголовныхъ копный судъ собирали преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда виновникъ преступленія не былъ извѣстенъ, а потому оставалось надѣяться на раскрытіе истины посредствомъ *опыта*, т. е. распроса присутствующихъ на копѣ мѣстныхъ и сосѣднихъ жителей; чаще всего къ этому способу разбирательства обращались люди простаго званія, а также и близкіе къ нимъ по быту околичные шляхтичи [3]).

Со времени отдѣльнаго изданія цитированнаго выше изслѣдованія Иванишева (1863 г.) обнародовано уже довольно значительное число актовъ [4]), которые даютъ возможность нѣсколько

---

[1]) Иванишевъ. О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи, стр. 31; годъ 1573.

[2]) № XXV; стр. 65; годъ 1568.

[3]) О послѣднихъ см. изслѣдованіе г. Антоновича: »О происхожденіи шляхетскихъ родовъ Югозападной Россіи», въ »Архивѣ Югозападной Россіи», ч. IV, т. I, стр. 43—48.

[4]) Кромѣ указаннаго тома «Архива», см. также: Виленскій

дополнить это изслѣдованіе, а равно и прослѣдить судьбу общиннаго суда до гораздо болѣе поздняго времени.

Территоріальное распространеніе обычая судить копою было весьма велико; кромѣ Югозападной Руси, онъ былъ въ большомъ распространеніи и на Сѣверозападѣ; замѣчательнѣе всего, что въ мѣстностяхъ по границѣ между Литовскимъ великимъ княжествомъ и собственно Польшею, какъ ее тогда называли—«Коруною», на копы сходились жители обоихъ государствъ и разбирали взаимныя претензіи на опредѣленныхъ урочищахъ, лежащихъ на самой границѣ, у какого-нибудь брода, кургана, болота и т. под. Въ опредѣленіи границъ Литвы и Польши 1546 года находимъ указанія на десять такихъ коповищъ, начиная съ Брестскаго и Кобринскаго повѣтовъ, потомъ на Волыни и въ воеводствѣ Кіевскомъ [1]). Отсутствіе указаній на существованіе копныхъ судовъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ нашего края объясняется истребленіемъ древнѣйшихъ книгъ Брацлавскаго воеводства (едва уцѣлѣло *три* актовыхъ книги XVII вѣка), что же касается Подоліи, то ея древнѣйшіе акты до сихъ поръ почти не тронуты, да и въ нихъ, вслѣдствіе очень ранняго подчиненія Подоліи Польшѣ и ея законодательству, едва ли удастся отыскать слѣды суда обычнаго, народнаго.—Точно также, какъ область распространенія, вновь изданными документами расширяется и *время* существованія копныхъ судовъ: древнѣйшій актъ съ упоминаніемъ о нихъ относится къ 1553 году [2]), а мы указали уже выше слѣды ихъ существованія и въ XV вѣ-

»Археографическій Сборникъ« т. I и III; «Акты» Виленской Арх. Комиссіи, т. VI; настоящій томъ и приложеніе къ нему.

[1]) Виленскій Арх. Сб., I, стр. 50, 53, 101, 106, 110, 115 (три коповища), 117, 122.—Еще одно пограничное коповище упоминается въ Акт. Вил. Ком., т. VI, стр. 146. Росписаніе коповищъ въ Трокскомъ воеводствѣ, см. въ Акт. Вил. Ком., VI, предисловіе, стр. VI.

[2]) Вил. Арх. Сб., I, стр. 129.

кѣ [1]); съ другой стороны, въ настоящемъ томѣ помѣщенъ приговоръ копнаго суда 1712 года [2]), а наиболѣе поздній документъ этого рода, изъ Руси Сѣверозападной, относится даже къ 1773 году [3]). Такъ живуча оказалась эта форма народнаго суда, несмотря на всѣ стѣсненія и преслѣдованія, какимъ она подвергалась уже съ конца XVII столѣтія.

Кромѣ десяти копныхъ судебныхъ округовъ на Волыни, исчисленныхъ у Иванишева, и двухъ въ Овручскомъ Полѣсьи, указанныхъ г. Антоновичемъ, въ настоящихъ актахъ находимъ еще подобныя же юридическія общины: во Владимірскомъ повѣтѣ: 1) изъ селеній Твердыня, Осмиговичъ, Сенявки и Моковичъ; 2) сюда входили села Сыново-Ратенское, Сыново-Монастырское, Соловеевъ, Дороготичи, Зарѣчье, Гридковичи, Шайно, Мезовъ, Сереховичи, Березовъ, Грабовъ (кажется также Бучинъ, Мпковъ и Секунь), имѣвшія опредѣленное мѣсто для судебныхъ собраній, урочище Андрееву-Гору; [4]) въ Луцкомъ повѣтѣ: 3) королевское село Колчинъ и владѣльческія: Тростянки, Рука, Любче и Володковщина [5]); 4) села: Годимичи, Лище, Старый Колкъ, Ситница, Омелно, Холпневъ, Островъ, Трестенецъ, Лычки, Домашовъ и другой Островъ; въ Овручскомъ повѣтѣ встрѣчаемъ 5) слѣды общины, лежавшей въ низовьяхъ Припети, въ составъ которой входили между прочимъ: мѣстечко Волчковъ, села Си-

[1]) Стр. 23, примѣчаніе.

[2]) Приложеніе, № CXXXII, стр. 414.

[3]) Вил. Арх. Сб. III, стр. 239. Замѣчательно, что послѣдній документъ содержащій въ себѣ смертный приговоръ за кражу пчолъ, относится къ тому уже времени, когда право уголовнаго суда надъ крестьянами было отнято у шляхты, по конституціи 1768 года. Впрочемъ, на дѣлѣ примѣненіе права меча встрѣчалось и позже; такъ напр. Потемкинъ, купивши Смѣлянское имѣніе, нашелъ тамъ по всѣмъ селамъ висѣлицы, которыя онъ и приказалъ уничтожить. Рус. Арх. 1879 г., № 8. стр. 920

[4]) № CXLII, стр. 460; Приложеніе, № XXIV, стр. 71.

[5]) № XCI, стр. 282. Эта община отчасти совпадаетъ съ одною изъ указанныхъ Иванишевымъ, (стр. 4, примѣчаніе) въ составъ ко-

доровка, Бобръ и другія мѣстности по сосѣдству мѣстечка Хабного [1]). Кромѣ того, въ силу уже не закона, а обычая, копные суды собирались и въ городахъ надѣленныхъ магдебургскимъ правомъ, какъ Житомиръ и Овручъ. Мы выше привели уже примѣръ отмѣны старостою копнаго приговора мѣщанъ перваго изъ этихъ городовъ по дѣлу между мѣщанами же города Слуцка; но позже снова встрѣчаемъ копу въ Житомирѣ, въ которой участвовали и крестьяне сосѣдняго королевскаго села Вересовъ. Въ Овручѣ еще въ XVIII вѣкѣ составлялись копные суды изъ однихъ горожанъ, для суда, что особенно замѣчательно, надъ околичными шляхтичами, по ихъ обвиненіямъ между собою; къ подчиненію такой подсудности шляхту побуждало, по всей вѣроятности, размноженіе населенія отдѣльныхъ околицъ, которое, будучи связано родственными связями, а по большей части и единствомъ происхожденія, было болѣе расположено всѣми правдами и неправдами защищать своего односельца, родича и однофамильца, чѣмъ разбирать безпристрастно предъявляемыя къ нему претензіи [2]). Такимъ образомъ въ составъ копныхъ судовъ входили лица различныхъ сословій; въ одномъ случаѣ, по дѣлу о потравѣ, убытокъ опредѣляли одни шляхтичи, но донесеніе свое объ ихъ рѣшеніи возный называетъ „копнымъ квитомъ“, т. е. слову копа здѣсь придается то же общее значеніе, что и въ Статутахъ [3]).

Землевладѣльцы однако нерѣдко отрицали компетентность копныхъ судовъ, которые были безсильны приводить свои рѣ-

торой входили между прочимъ м. Рожища и с. Козинъ; споръ между ихъ жителями копа разбирала въ нашемъ актѣ; Рука и Любче переислены и у Иванишева (Рудка и Любечъ), но остальныя мѣстности въ обоихъ актахъ различны.

[1]) № XCVI, стр. 296—297; Приложеніе №CXXII, стр. 366—367

[2]) № LVIII, стр. 155—156, годъ 1586; № CV, стр. 345—347, годъ 1609; Приложеніе: № CXXIII, стр. 368—379; годъ 4733 № CXXXII, стр. 414—417, годъ 1742.

[3]) Вилен. Арх. Сб., I, стр. 166.

шенія въ исполненіе; такъ еще въ 1553 году, на требованіе вижа взыскать съ крестьянъ присужденное съ нихъ копою вознагражденіе за кражу лошадей, земянинъ Тихно Совичъ отвѣчаетъ иронически: «хто будетъ пану вашему на людехъ моихъ тую десять конъ грошей присудилъ, тые судьи нехай и отправу чинятъ».—Нерѣдко паны прогоняли копниковъ отъ своего села, если туда приводилъ слѣдъ вора, не пускали на копу своихъ крестьянъ или разгоняли собравшійся судъ, отказывали и сами въ судѣ надъ своими виновными крестьянами и т. под., при чемъ отвѣты ихъ направлены не противъ самого права копы, а просто выражаютъ нежеланіе ей подчиниться [1]). Необходимо впрочемъ по справедливости замѣтить, что въ ту эпоху точно такъ же относились паны и къ общимъ судамъ, болѣе властнымъ, чѣмъ копные,—если чувствовали за собою достаточно собственной силы или поддержки родныхъ и друзей. Но съ конца XVII вѣка выступаетъ новый мотивъ преслѣдованія копныхъ судовъ, соціально-политическій: въ 1687 г. одинъ шляхтичъ жалуется на другихъ между прочимъ о томъ, что они «вопреки положительному закону, конституціямъ и статутамъ коронным, собирали немалочисленную копу разнаго званія людей, *что служитъ поводомъ къ начатію хлопскихъ бунтовъ*; въ 1713 году панъ Выговскій позываетъ околичнаго шляхтича къ суду «за собираніе запрещеннаго закономъ копнаго суда» [2]). Суды стали и сами по себѣ преслѣдовать копы: такъ по дѣлу

---

[1]) Арх. Ю.-З Рос., ч. IV, т. I стр. 233; тамже, стр. 375.

[2]) См. № LXXXIII стр. 243—№ CV, стр. 346.—№ CXL стр. 532: «Ежели его будете на горло судити, теды васъ всихъ и ката позабиваю».—Приложеніе, № XVIII, стр. 56 «Sprawiedliwości uczynić nie chcę, niech mnie prawem patrzą.—Акты Вил. Ком., VI, стр. 93: На копу не пойду, ани пошлю».—Иваницевъ, стр. 44: «Я на голое слово мужицкое вряднику своему платити не кажу». Ср. тамъ же, стр. 33.

о разныхъ претензіяхъ между шляхтичами Барановскими, гродскій судъ, откладывая рѣшеніе по существу до разслѣдованія дѣла, присуждаетъ отвѣтчиковъ къ двухнедѣльному тюремному заключенію за то одно, что они, «во вредъ шляхетскому сословію, осмѣлились для суда надъ равнымъ себѣ шляхтичемъ собирать хлоповъ и велѣли его судить, изъ каковыхъ своеволій (quibus licentiis) возникаютъ хлопскіе бунты»; нужно замѣтить, что истецъ не касался въ своей жалобѣ законности копнаго суда вообще, а жаловался только на неправильность, вслѣдствіе несоблюденія обычныхъ формальностей, состоявшагося противъ него приговора копы [1]). Постепенное исчезновеніе общинныхъ судовъ именно и зависѣло, кромѣ упроченія помѣщичьей власти, отъ преслѣдованія ихъ со стороны политической неблагонадежности; и если на Сѣверозападѣ существованіе ихъ замѣтно еще и во второй половинѣ XVIII вѣка, то только вслѣдствіе почти полнаго отсутствія здѣсь поводовъ къ подобному заподозриванію. Населеніе здѣсь, по изложеннымъ выше (въ концѣ первой главы) мѣстнымъ обстоятельствамъ, гораздо раньше подпало подъ власть шляхты и, не видя себѣ ни откуда поддержки и исхода, утратило энергію и пребывало въ пассивномъ повиновеніи шляхтѣ. Самая мѣстность, лѣса и болота которой крайне затрудняли сообщенія, а также вліяніе введеннаго здѣсь еще съ начала XVI вѣка волочнаго хозяйства, при которомъ каждый крестьянинъ живетъ совершенно врозь отъ сосѣдей, препятствовали возникновенію какой-либо общей реакціи со стороны крестьянъ. Для характеристики ихъ приниженнаго положенія, ими самими сознаваемаго, не безъинтересенъ актъ копнаго суда 1589 года. У земянина Костюшка, въ повѣтѣ Берестейскомъ, былъ украденъ изъ кладовой сундучокъ, въ которомъ храни-

---

[1]) Приложеніе, № LIV, стр. 163.

лись наличныя деньги, цѣнныя вещи и различные документы, денежные и на имѣнія. Костюшко собралъ для раскрытія дѣла копу, въ которой участвовали представители всѣхъ селъ судебной общины [1]), а также и находящихся въ ея округѣ помѣщичьихъ дворовъ, что составляетъ, очевидно, остатокъ стариннаго обычая, въ актахъ нашего края уже не встрѣчаемаго. Не явился только и не прислалъ никого отъ себя панъ Дмитръ Здетовецкій. Какъ улика, была представлена Костюшкомъ копѣ рукавица, найденная на мѣстѣ воровства, которую опознали за принадлежащую шляхтичу Мочульскому, гостившему у Здетовецкаго; послѣ повторенныхъ нѣсколько разъ вызововъ, явился наконецъ и послѣдній, въ сопровожденіи многихъ лицъ, въ томъ числѣ Мочульскаго, который, признавъ свою вещь, далъ неудовлетворительныя объясненія относительно ея пропажи у него. Копа замѣтила: «коли вже до рукавицы признался, то вжо и дѣло его». Вслѣдствіе отказа Здетовецкаго взять обвиняемаго на поруки и вообще вступиться въ его защиту, Костюшко потребовалъ, чтобы судъ поступилъ согласно обычному праву, т. е. приказалъ пытать подсудимаго. Но копа не рѣшилась взять на себя отвѣтственность за подобную мѣру въ отношеніи шляхтича, что и выразила такимъ отвѣтомъ: «Пане Костюшку! Естли бы то былъ нашъ братъ мужикъ, теды бы сьмо его поймали и на неньку посадили, а по грошу або по два скинули: естли бы смы его не допыталисе, мы бы смо его навезали; а теперъ домышляйсе ваша милость, а его поймай, а до уряду отвези» [2]). Въ Югозападной Руси мы не встрѣчаемъ подобныхъ примѣровъ перенесенія дѣла въ урядъ вслѣдствіе отказа копныхъ судовъ отъ своихъ правъ.

[1]) Села: Дремлевъ, Степанки, Ханки, Блышино, Матіевичи, Бахново, Грынцевичи, Семеновцы, Сехновичи.

[2]) Акты Вил. Ком., VI, стр. 35—38, 41—42.

Въ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ копныхъ актахъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія заслуживающія вниманія данныя: копа иногда разбирала дѣла объ увозѣ (*выкочены*) крестьянъ, и ея признаніе считалось достаточнымъ доказательствомъ факта [1]); пытать, кромѣ прежняго обычая, т. е розогъ и огня, стали впослѣдствіи и посредствомъ дыбы, почему при копѣ присутствовалъ иногда и палачъ [2]), а самая пытка подчасъ принимала характеръ самоправнаго истязанія со стороны истца, несмотря на протесты со стороны копниковъ [3]). Въ наиболѣе позднихъ актахъ копныхъ судовъ встрѣчаемъ замѣчательное смягченіе наказанія за воровство: вмѣсто смертной казни или тѣлеснаго наказанія, опредѣляется только денежное взысканіе вдвое противъ понесенныхъ убытковъ; при этомъ, на случай неуплаты, дозволяется истцамъ грабить имущество виновныхъ; въ одномъ случаѣ является новая форма наказанія,— публичное посрамленіе: шляхтичу, виновному въ кражѣ пчелъ, вѣшаютъ на шею коробку, въ какія подбираютъ медъ, и лезиво, т. е. особаго рода веревку изъ ремня или лыка, съ помощью которой бортники взбираются на деревья, и въ такомъ видѣ трижды обводятъ вокругъ городской ратуши [4]). Подобный пріемъ сохранился до нашего времени и теперь еще примѣняется иногда волостными судами [5]).

---

[1]) № CXL, стр. 163.

[2]) «Катъ», мистръ: «оправца". № CXLII, стр. 456—461; годъ 1625; № CLXIII, стр. 532—533 годъ 1640.—Ср. Вил. Арх. Сб., I, стр. 292—294, годъ 1632.

[3]) Приложеніе, № CXXII, стр. 366—368, годъ 1733.—Ср. Иванишевъ, стр. 35—39.

[4]) Приложеніе, № CXXIII, стр. 368—370; № CXXXII, стр. 414—417.—Ср. Арх. Ю.-З. Р. ч. IV, т. I, стр. 109—111; № L, стр. 169—171.

[5]) Труды экспед. И. Р. Геогр. Общ. для изслѣд. Ю.-З. края, т. VI; рѣшенія волостныхъ судовъ.

III

Подати и повинности крестьянъ въ XVI вѣкѣ.—Уставъ о волокахъ.—Уставъ о похожихъ людяхъ.—Обзоръ инвентарей.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію актовъ, опредѣляющихъ величину крестьянскихъ повинностей въ различныхъ мѣстностяхъ и постепенныя измѣненія этой величины, необходимо упомянуть вкратцѣ о системѣ налоговъ въ Литовско-Русскомъ княжествѣ и объ ихъ болѣе употребительныхъ наименованіяхъ, многочисленность которыхъ можетъ возбуждать недоразумѣнія, вслѣдствіе нерѣдко встрѣчающейся синонимичности этихъ названій. Выше были уже указаны тѣ постановленія Статутовъ, которыми земледѣльческое населеніе шляхетскихъ имѣній освобождалось отъ платежей и повинностей въ пользу государства, т. е. которыми верховная власть уступала землевладѣльцамъ право взиманія этихъ сборовъ; такимъ образомъ, податныя тягости крестьянъ въ пользу владѣльцевъ первоначально соотвѣтствовали ихъ прежнимъ государственнымъ повинностямъ, и только впослѣдствіи, съ развитіемъ крѣпостнаго права, стали возникать новые поборы, падавшіе и на новые предметы обложенія.

Главнымъ предметомъ обложенія всегда являлась земля, а за единицу его, до распространенія волочной системы хозяйства и обусловленнаго ею измѣренія обработанныхъ участковъ, принималось самостоятельное земледѣльческое хозяйство [1]) или заключавшееся въ послѣднемъ количество рабочаго скота. Дани взимались частью деньгами, частью различными продуктами; издѣльная повинность хотя и существовала издавна, но упоминается сравнительно гораздо рѣже; во всеобщее употребленіе она вошла уже въ XVI вѣкѣ, когда особенно сильно развилась вывозная торговля хлѣбомъ, сплавлявшимся по Вислѣ въ Гданскъ, и скотомъ, сбытъ котораго шелъ преимущественно черезъ Силезію. Денежная дань, пока она еще поступала въ пользу государства, носила общее названіе *серебренной дани* а позже это названіе измѣнилось въ *серебщизну*, и оба имени употребляются иногда синонимически въ одномъ и томъ же актѣ [2]). Въ частности она получала еще различныя наименованія по мѣстностямъ; *посощины* въ Сѣверо-Западной Руси, *подымщины* въ Юго-Западной; позже, съ переходомъ налогового права къ землевладѣльцамъ, являются названія *грошовый платъ* и *чиншъ* или *циншъ*; въ употребленіи этихъ терминовъ постепенно выработалось различіе: серебщизною стали называть только подать государственную, размѣръ которой опредѣлялся каждый разъ особымъ повелѣніемъ князя, потомъ постановленіями сейма, и налогъ этотъ позже получилъ имя подымнаго, сохранившееся за нимъ до позднѣйшаго времени; чиншъ обозначалъ спеціально оброкъ въ пользу владѣльца, въ какомъ смыслѣ слово это удержалось и до сихъ поръ.

Раскладка этихъ податей была одна и та же,—по хозяй-

---

[1]) «Зъ дыму такового, въ которомъ земли своей и особного хлѣба уживають», *Ак.* Зап. Рос., III, стр. 95.

[2]) См. напр. Ак. Зап. Рос., I стр. 43,82.

ствамъ или числу скота въ нихъ, что и доказываетъ одинаковое ихъ значеніе. Такъ серебщизна раскладывалась по *сохамъ*; въ 1507 году, напримѣръ, Виленскимъ сеймомъ опредѣлено взимать ее по 6 грошей съ воловой сохи, по 3 гроша съ конной, по стольку же и съ тѣхъ земледѣльцевъ, которые хотя и не имѣютъ своего скота или лошадей, но владѣютъ землею и съ нея получаютъ пропитаніе [1]). Въ 1550 г., съ сохи взималось серебщизны по 5 грошей [2]). Посощина, самое имя которой указываетъ предметъ обложенія, раскладывалась однако также и по дворамъ или дымамъ [3]), тогда какъ въ Московскомъ государствѣ соха какъ податная единица принималась въ значеніи извѣстной единицы земли; подымная же система примѣнялась въ пограничныхъ мѣстностяхъ, платившихъ дани на обѣ стороны, какова была напримѣръ «Ржевская дань» частью денежная, частью натуральная, распредѣлявшаяся не только между князьями Восточной и Западной Руси, но еще и съ участіемъ въ пользованіи ею Новгородскихъ бояръ и особо тамошняго владыки [4]). Тождество подымщины съ серебщизною и посощиною замѣтилъ еще Чацкій [5]), и оно доказывется также тѣмъ, что эти названія упоминаются только въ различ-

---

[1]) Ак. Зап. Рос., II. стр. 9. Однако королевскій универсалъ того же года о сборѣ серебщизны назначаетъ ее въ значительно высшемъ размѣрѣ: съ воловой сохи по 15 грошей, съ конной по 7^1_2 гр., съ земледѣльцевъ не имѣющихъ сохъ по 6 грошей, съ огородниковъ по 3. Тамже, стр. 12.—Ср. Czacki, o Litew. i Pol. prawach, т. I, стр. 202.—№ XXIII, стр. 58.

[2]) Stryikowski, Kronika Polska, Litewska, Żmudzka, etc., изд. 1582 г. стр. 750.

[3]) Запись о Смоленской посощинѣ опредѣляетъ, что̀ если кто посадитъ человѣка на *такой землѣ*, съ которой „хоживала посощина,—съ того человѣка дастъ посощину«. Ак. Зап. Рос., I, стр. 69.

[4]) Ак. Зап. Рос., I, стр. 87.

[5]) O lit. i polskich prawach, т. II, примѣч. 1049.

ныхъ мѣстностяхъ, а никогда въ одной и той же [1]). Въ соотвѣтствіе сохѣ, какъ единицѣ пахатной земли, съ бортныхъ угодій дань опредѣлялась съ *лъзива* [2]).

Иногда подъ тѣми же именами, кромѣ дани денежной, подразумѣвалась и натуральная, какъ въ дани Ржевской, или въ Брацлавской подымщинѣ, гдѣ сверхъ денегъ взимался еще овесъ, хлѣбъ, куры [3]); но чаще подобные сборы натурою назывались данями или подачками; онѣ бывали: *медовыя, куничныя, осыпныя,* дякольныя или *дякла* и т. д.; послѣдніе два термина почти однозначащи, хотя послѣдній нѣсколько шире, такъ какъ онъ означалъ иногда не только сборъ зерновымъ хлѣбомъ, т. е. собственно осыпъ, но и сборъ другихъ продуктовъ, напр. сѣна и т. под. Тѣ же самые сборы, если они не составляли постояннаго налога, а взимались только временно, по случаю проѣзда князя, туземныхъ или чужестранныхъ пословъ, гонцовъ и проч., назывались *стаціями*; впослѣдствіи этимъ именемъ называлась по преимуществу поставка продовольствія для войскъ, обыкновенно превращавшихъ сборъ стацій въ открытый и систематическій грабежъ, нерѣдко опустошавшій цѣлыя мѣстно-

---

[1]) Обложеніе податью земледѣльческаго хозяйства, какъ единицы, подъ именемъ ли дыма или сохи, ведетъ свое начало изъ древнѣйшаго періода Русской исторіи; эту податную систему, и притомъ съ употребленіемъ какъ того, такъ и другого термина, встрѣчаемъ еще въ первомъ времени образованія русскаго государства; такъ лѣтопись говоритъ подъ 859 годомъ, что Козары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей »по бѣлѣ и вѣверицѣ *отъ дыма;* въ 964 т. Вятичи говорятъ Святославу: «Козаремъ по шьлягу *отъ рала* даемъ»; подъ 981 г. читаемъ: «Владиміръ Вятичи побѣди и възложи нань дань *отъ плуга,* яко же и отець его имаше». Лаврентьевская лѣтопись, по отд. изданію 1864 г., стр. 9, 34, 44; ср. тамже стр. 11, 45.

[2]) Ак. З. Р., III, стр. 95.—Памятники, т. II, отд. 2, стр. 41, 51.

[3]) № VIII, стр. 24.

сти. Въ памятникахъ встрѣчается еще множество названій разнаго рода поборовъ частію денежныхъ, частію натуральныхъ, но они по большей части варьировались не только по мѣстностямъ, но даже по отдѣльнымъ имѣніямъ, не составляя общепринятаго обычая [1]).

Натуральныя повинности работою носили названіе *пригона, работизны*, потомъ *панщизны*; сверхъ того были еще *толоки*, т. е. барщина съ владѣльческимъ кормомъ и пивомъ, *шарварки* (иногда *гвалты*)—работы на плотинахъ, и т. под. Общеупотребительна была также повинность извозная, *подводы*, раньше называвшіяся *повозомъ*.

Размѣры повинностей натурою были неодинаковы не только въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, но даже въ одномъ и томъ же имѣніи одни крестьяне давали больше, другіе меньше, смотря по количеству обрабатываемой ими земли-числу скота, а иногда принималось во вниманіе и число работниковъ въ семьѣ. Пока населеніе было рѣдко, и потому значительныя пространства оставались необработанными, величина крестьянской запашки зависѣла главнымъ образомъ отъ количества рабочихъ силъ хозяйства. Мало по малу, рядомъ съ упроченіемъ шляхетскаго порядка, шло регулированіе размѣровъ крестьянскаго хозяйства, причемъ оно подводилось къ извѣстнымъ опредѣленнымъ нормамъ; такая, признаваемая за нормальную, средняя величина владѣнія носила неодинаковое

---

[1]) Поборы эти получали названіе то по предмету обложенія, какъ «роговое, очковое, прилазъ, воловщина и т. д., куда относятся и разнаго рода пошлины: торговое, вѣсчое, или ваговое, помѣрное, погребельное и проч., то по назначенію собираемыхъ денегъ, напримѣръ, кликовщина, сторожовщина, пороховое. Исчисленіе и объясненіе всѣхъ подобныхъ сборовъ могло бы составить предметъ особаго довольно обширнаго изслѣдованія.

названіе въ различныхъ мѣстностяхъ: въ Литвѣ называлась она *службою*, на Волыни и въ Полѣсьи *дворищемъ*, въ Украинѣ *осьдлымъ дымомъ*; термины эти нельзя считать за однозначущіе по размѣру; такъ напримѣръ, Литовская служба была больше Волынскаго дворища; по словамъ Волынскихъ дворянъ, которыя впрочемъ, легко заподозрить въ преувеличеніи по самой ихъ цѣли, даже и два дворища не стоили одной службы [1]); дворища Полѣскія были значительно больше, заключая въ себѣ по нѣскольку отдѣльныхъ хозяйствъ или дымовъ [2]. Вообще размѣръ хозяйствъ при этой системѣ дѣленія, т. е. ранѣе измѣренія земель, могъ быть опредѣляемъ только приблизительно, по глазомѣру, и значительныя колебанія его доказываются различною цифрою чиншей, платимыхъ съ разныхъ дворищъ въ одномъ и томъ же имѣніи [3]). Въ настоящемъ томѣ находится актъ, опредѣляющій размѣръ одного дворища, на какихъ помѣщалось по два крестьянскихъ хозяйства: здѣсь перечислены земли, составлявшіе дворище, по счету на *дни*, т. е. по тому количеству времени, какое нужно для вспашки извѣстнаго пространства; точно такъ же величина сѣнокосовъ опредѣлялась по числу *косарей*, какое нужно для ихъ уборки въ одинъ день косьбы. Въ упомянутомъ актѣ количество земли одного дворища показано: пахатной въ нѣсколькихъ мѣстахъ болѣе 76 дней, сѣнокосовъ на 26 косарей и свободный въѣздъ въ лѣса [4]). Счетъ земли на дни и на косарей сохранился во многихъ мѣстностяхъ Южной Руси до настоящаго времени, и обѣимъ этимъ величинамъ придается одно и тоже значеніе, при-

---

[1]) Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 50
[2]) Памятники, т. III, отд. 2, стр. 158 и слѣд.
[3]) Тамже, стр. 19—56.
[4]) № VI, стр. 10; годъ 1526.

близительно около трехъ четвертей десятины. По этому расчету оказывается, что въ данномъ случаѣ къ дворищу принадлежало около 60 десятинъ пахатной и около 20 дес. сѣнокосной земли; очевидно, что хотя на такихъ дворищахъ помѣщалось и по два хозяйства, обезпеченіе ихъ земельными угодьями слѣдуетъ считать весьма достаточнымъ. Это благопріятное условіе стало измѣняться со введеніемъ и постепеннымъ распространеніемъ волочной системы хозяйства, при которой лучшіе участки земли выдѣлялись для устройства *фольварка*, помѣщичьей фермы, а остальные раздѣлялись на *волоки*, заключавшія въ себѣ около 19 нынѣшнихъ десятинъ каждая, а на этихъ-то участкахъ, естественно меньшихъ прежней величины крестьянской запашки, помѣщикъ селилъ по одному, а впослѣдствіи по два и даже болѣе крестьянскихъ хозяйствъ, смотря по количеству ихъ рабочихъ силъ, а также и по тому отношенію, какое существовало въ данномъ имѣніи между числомъ населенія и пространствомъ обработанныхъ земель. Это разселеніе крестьянъ по отдѣльнымъ участкамъ было главною причиною сохранившейся до сихъ поръ въ Сѣверозападной Руси и на Полѣсьи дробности поселеній, нерѣдко состоящихъ изъ двухъ—трехъ дворовъ, которую иные современные изслѣдователи напрасно объясняютъ исключительно условіями мѣстности или особенностью народнаго характера Бѣлорусовъ и Полѣщуковъ, скорѣе всего—сложившагося именно подъ вліяніемъ указанныхъ историческихъ условій [1].

Такимъ образомъ въ Западной Руси существовало одновременно три системы крестьянскаго пользованія землею:

---

[1]) См въ журналѣ «Знаніе» за 1875 г., кн. 5, библіографическую статью г. Вейдемана. Къ сожалѣнію, не имѣя теперь подъ рукой этой книги, не можемъ сдѣлать болѣе точной ссылки.

1) Древнѣйшая изъ нихъ, обусловливавшаяся сравнительной рѣдкостью населенія и обиліемъ незанятыхъ земель, основывалась исключительно на фактѣ перваго займа, внѣ всякаго вмѣшательства и контроля; ранѣе всего она должна была исчезнуть въ болѣе спокойныхъ и сравнительно гуще заселенныхъ мѣстностяхъ Сѣверозапада; самыя позднія указанія относительно признанія здѣсь права на земли на основаніи факта расчистки ихъ изъ подъ лѣса относятся еще къ XV вѣку [1]). Но въ Юговосточной части государства такая форма пользованія удерживалась гораздо дольше; такъ еще въ половинѣ XVI вѣка мѣщане Житомирскіе пахали городскую землю «гдѣ хотѣли», точно также какъ жители Канева, Черкасъ, Чигирина, Корсуня, Звенигородки, Брацлава и другихъ южныхъ городовъ, территоріи которыхъ были раскинуты на огромныхъ пространствахъ незанятыхъ земель [2]); въ помѣщичьихъ имѣніяхъ этой мѣстности точное опредѣленіе крестьянскихъ земель начало вводиться лишь съ конца XVI столѣтія [3]).

2) Постепенное утилизированіе годныхъ къ обработкѣ земель естественно вело къ упроченію пользованія ими за отдѣльными лицами и ихъ потомствомъ; тому же отчасти способствовало и вмѣшательство землевладѣльцевъ; такимъ образомъ возникло крестьянское землевладѣніе по службамъ, дворищамъ или дымамъ, дольше всего державшееся въ переходной полосѣ—на Волыни и частью въ полѣсьи [4]).

3) Позже всего введена система волочная, заимствованная

[1]) Ак. Южн. и Зап. Рос., I № 47.

[2]) Новицкій, Мат. для ист. заселенія Кіев. губ. стр. 82 Арх. Ю.-З. Р., ч. IV т. I, п. № 21, 24, 32, 212, 213; 216, 317.—настоящій томъ № VIII.—Описаніе замковъ Каневскаго и Черкаскаго Рук Кіев. Арх. Комиссіи).

[3]) № LXXVII, стр. 223—232.

[4]) См. напр. № XXXV, стр. 32; № XXXVI, стр. 37; № XLIII, стр. 108; № XLIV, стр. 110; № XLV, стр. 111—116; № XLVII, стр. 117—126; № LXVIII, стр. 200—202; № LXXXI, стр. 244—253.

отъ западныхъ сосѣдей и несоотвѣтственная вообще прежнему способу поселенія большими или меньшими общинами въ одномъ мѣстѣ. Система эта, представлявшаяся въ то время возможной высшей формой хозяйства съ точки зрѣнія помѣщиковъ, раньше всего привилась въ Сѣверозападной Руси, особенно въ тѣхъ ея частяхъ, которыя отошли къ Польшѣ, въ земляхъ Бѣльской и Дрогицкой; изъ уставной Бѣльской грамоты 1501 года можно заключать, что здѣсь дѣленіе земли на волоки существовало уже во времена Витовта [1]); наиболѣе ранніе инвентари XVI вѣка въ этой мѣстности основаны уже на волочной единицѣ [2]). Но въ Руси Юго-западной волочная система встрѣчается лишь къ концу XVI вѣка [3]), а такъ какъ здѣсь она вводилась иногда въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ господствовало вполнѣ свободное пользованіе землей, и не успѣла еще развиться даже переходная система подворнаго пользованія,— то населеніе относилось здѣсь къ ней особенно враждебно.— Мы находимъ указанія, что крестьяне не соглашались на ея введеніе и составленіе инвентарей, грозя въ такомъ случаѣ бросить землю и уйти всею массою въ другія мѣстности, такъ какъ по ихъ понятіямъ волоки и инвентари именно и составляли сущность закрѣпощенія [4]). Подобное сопротивленіе кре-

---

[1]) «Часу Витовта, коды ку саженью кмѣтове были везваны, теды вшелкій кмѣть *зъ волоки* робилъ» Ак. Зап. Рос., I, стр. 225.

[2]) Вил. Ар. Сб. I, № 22, стр. 31; годъ 1536.—Наст. томъ № X, стр. 30; годъ 1552.

[3]) № LXX, стр. 203—207; годъ 1590.—Памятники, т. III, отд. 2, стр. 60—158; годъ 1598.

[4]) „Wszyscy gromadą krzykneli temi słowy: „Boże tego uchoway, aby my mieli włokami grunt sobie rozbierać y w regestr plemienia swoie wpisać dali;... czego oycewie nasi y my sami mieszkaiąc iuż postarzeli się, a tego iako y nietylko widzieli, ale o tym y nie słyszeli, abyśmy tak wymyślnie, wło-

стьянъ не всегда однако достигало цѣли, и нѣсколько позже въ той же самой мѣстности земли оказываются размѣренными уже на волоки [1]).

Значеніе этихъ трехъ различныхъ хозяйственныхъ формъ въ отношеніи къ экономическому состоянію крестьянъ въ такой мѣрѣ ясно изъ ихъ вышеуказанныхъ особенностей, что степень зависимости крестьянъ отъ землевладѣльца въ той или другой мѣстности не требуетъ даже сопоставленія абсолютныхъ величинъ повинностей,—достаточно знать, какая въ данномъ случаѣ практиковалась система крестьянскаго пользованія землею; сравненіе необходимо—да только тамъ оно и возможно,—гдѣ существовала одна и та же система. Первыя двѣ изъ этихъ системъ не требуютъ особыхъ объясненій: одна по своей первобытной простотѣ, основанной (послѣ раздачи земель шляхтѣ) на желаніи владѣльцевъ привлечь въ свое имѣніе колонистовъ, и потому мало видоизмѣнявшейся отбываніемъ въ годъ нѣсколькихъ рабочихъ дней на *толокахъ*, имѣвшихъ видъ скорѣе одолженія чѣмъ обязанности; вторая—по своей неопредѣленности, вытекавшей изъ фактическаго неравенства бытовыхъ условій каждаго земледѣльца, неодинаковости его рабочихъ силъ—человѣческихъ и инвентаря,—а потому и разной величины запашки и сѣнокоса; крайности этихъ неравенствъ вызвали со стороны землевладѣльцевъ дѣленіе крестьянъ на разряды, на дворищныхъ, полудворищныхъ и огородниковъ, которые иногда были

---

kami mieć mieli; a to my zaraz, iako ludzie wolne, dawszy jegomości panu naszemu teraznieiszemu, który nas trzyma, po groszy dwadzieścia, wychodzim, i dokąd chcem przyidziem, a tu mieszkać niebędziemy"...Taki rozruch między sobą uczyniwszy, a wszystkie poczeli się buntować". № LXXVII, стр. 225; годъ 1593.

[1]) № CXIV, стр. 373.

и землепашцами [1]), а распредѣленіе повинностей дѣлалось уже сообразно этимъ дѣленіямъ, т. е. только съ приблизительнымъ соотвѣтствіемъ земельному надѣлу, а слѣдовательно и состоятельности. Что же касается системы волочной, то она, какъ наиболѣе искусственная и представляющая собою высшую степень землевладѣльческой регламентаціи крестьянскаго хозяйства, представляетъ болѣе цѣльности и послѣдовательности, а рядомъ съ тѣмъ отразилась и въ большемъ числѣ памятниковъ, такъ какъ требовала разнаго рода инструкцій и разъясненій.

Важнѣйшею изъ подобныхъ инструкцій является несомнѣнно «Устава на волоки господаря его милости у во всемъ великомъ князстве Литовскомъ», 1557 года, которою мы и воспользуемся для характеристики волочной системы [2]). Нужно замѣтить впрочемъ, что у владѣльцевъ частныхъ, хотя основанія были и тѣ же, но подробности измѣнялись, обыкновенно не къ выгодѣ крестьянъ, какъ увидимъ это изъ инвентарей волочныхъ имѣній.

Существенныя особенности волочной системы состояли въ точномъ измѣреніи земель и разбивкѣ ихъ на участки одинаковой величины, въ раздѣленіи крестьянъ на разряды, съ надѣломъ членовъ каждаго разряда поровну и съ обложеніемъ ихъ поэтому одинаковыми повинностями. За единицу мѣры принималась волока и моргъ, составлявшій одну тридцать третью

---

[1]) № XLVII, стр. 123 «двенадцать загородниковъ, которые ку огородомъ своимъ и роли маютъ».

[2]) Напечатана одновременно въ „Памятникахъ" Кіев. Ком. т. II, отд. 2, и въ Ак. Зап. Рос., т. III, № 19, стр. 72—95; хотя оба изданія располагали не одними и тѣми же списками, но различія ихъ ничтожны; для удобства провѣрки, наши ссылки сдѣланы не на страницы котораго либо изданія, а на статьи самаго устава.

часть ея; въ нынѣшнихъ мѣрахъ волока составитъ около 19 десятинъ, а моргъ—около 1400 кв. сажень. Такимъ образомъ крестьянское хозяйство, поселенное на волокѣ, имѣло гораздо меньше земли, чѣмъ когда оно владѣло дворищемъ или хоть половиною его. Волоки, по мѣрѣ возможности, отмѣривались отрубными кусками, дѣлились на три смѣны по 11 морговъ каждая, и въ средней смѣнѣ опредѣлялось мѣсто для селидьбы крестьянъ (ст. 36).

Земельные участки раздѣлялись на служебные, осадные и тяглые, сообразно роду повинностей, лежавшихъ на пользовавшихся ими крестьянахъ. Служебные люди подраздѣлялись еще по ихъ спеціальнымъ обязанностямъ на нѣсколько разрядовъ, а именно:

Путные бояре, избиравшіеся исключительно изъ старинныхъ поселенцевъ того же званія, обязаны были отправлять подводную повинность, въ случаяхъ особеннаго требованія на нее; если же такого требованія не было, то они платили за землю чиншъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ осадники. Изъ этихъ бояръ выбиралось нѣсколько *служекъ*, которые состояли постоянно при «дворахъ» для развозки писемъ, посылокъ, денегъ и т. под., и земли ихъ были свободны отъ повинностей. Тѣ и другіе получали въ надѣлъ по двѣ волоки (ст. 1).

Бортники получали тоже по двѣ волоки, и на нихъ лежала обязанность военной службы; въ мирное время они платили повинности какъ осадники и мостили въ опредѣленныхъ мѣстахъ мосты; въ случаѣ высылки ихъ на мостовую работу сверхъ указанной, таковая засчитывалась имъ въ платежи (ст. 2).

Конюхи, состоя на службѣ, пользовались двумя волоками безплатно и кромѣ того получали еще по четыре копы въ годъ (около 18 рублей нынѣшнихъ); свободные отъ службы платили за волоки подобно осадникамъ (ст. 3).

Стрѣльцы, обязанные являться на ловы и на войну, пользовались безплатно двумя волоками; по желанію, могли брать еще и третью, съ платежемъ осадницкаго чинша (ст. 4).

Дворные слуги находились на такомъ же положеніи какъ конюхи, кромѣ жалованья; тѣ изъ нихъ, которые состарились на службѣ, могли по особому разрѣшенію получать двѣ волоки безплатно (ст. 5).

Осочники, т. е. полѣсовщики, обязанные оберегать пущи и участвовать въ ловахъ, пользовались двумя волоками безъ всякихъ повинностей (ст. 6).

Сельскіе войты исполняли обязанности прикащиковъ и ближайшей полицейской власти; присматривали за работами, за обозами, доносили уряду о всякихъ происшествіяхъ, смотрѣли за цѣлостью межевыхъ знаковъ и границъ; мѣстный урядъ, хотя и судилъ ихъ за проступки, но отрѣшали ихъ отъ должности только ревизоры, назначая новаго войта съ согласіемъ самихъ крестьянъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ принадлежала и власть судебная: такъ по межевымъ спорамъ между крестьянами, они собирали копу, участвовали въ рѣшеніи дѣла и приводили его въ исполненіе. Каждому войту поручался участокъ около ста волокъ. За свою службу они получали одну волоку безплатно, могли брать и другую за осадный чиншъ (ст. 7).

Лавники исполняли обязанность сельскихъ вижей, т. е. производили судебные осмотры и освидѣтельствованія, но волока ихъ не освобождалась отъ повинностей, а вознагражденіе получали по грошу «оглядного отъ шкоды» (ст. 8); слѣдовательно они, хотя и исполняли служебную обязанность, но въ сущности причислялись къ общей массѣ крестьянъ, которую составляли осадники и тяглые.

Осадниками назывались крестьяне, состоящіе на оброкѣ; при введеніи волочнаго хозяйства въ извѣстной мѣстности, опредѣлялось число хозяйствъ, необходимое для обработки издѣльщиною фольварочной запашки; остальные затѣмъ облагались оброкомъ, платя съ волоки по 30 грошей чинша, и по бочкѣ жита или еще по 10 грошей; они обязаны были также отбывать 12 «толокъ» или заплатить за нихъ 12 грошей и убирать половину фольварковыхъ сѣнокосовъ (ст. 16).

Тяглые крестьяне, которыхъ было всего больше, получая по волокѣ, платили чиншъ и отбывали барщину. Величина чинша зависѣла отъ качества доставшейся крестьянину земли, которой принималось три разряда, обложенные по 21, по 12 и по 8 грошей, по 2 бочки овса, съ худшей земли по одной, или вмѣсто каждой 10 грошей (5 за хлѣбъ и 5 за отвозку), по возу сѣна или 5 грошей (3 сѣно и 2 отвозка), по гусю или $1^1/_2$ гроша, по 2 курицы или 16 пѣнязей, по 20 яицъ или 4 пѣнязя, по 2 гроша «на неводы» и по $2^1/_2$ «за стацію». Съ самыхъ плохихъ, песчаныхъ или болотистыхъ земель чиншъ полагался только по 3 грошей, и не взималось ни сѣна, ни овса. Барщины полагалось съ волоки по 2 дня въ недѣлю, и 4 дня толоки лѣтомъ; три недѣли въ году, на Рождество, мясопустъ и Пасху, были свободны, такъ что рабочихъ дней въ году выходитъ 102, а платежей и даней, по качеству земли, 53, 44, 30 и даже 13 грошей, т. е. почти по 4 р., 3 р. 30 к., 2 р. 25 к. и по 1 р. на наши деньги,—въ сущности гораздо больше сообразно тогдашней мѣновой цѣнности денегъ. Выражая всѣ повинности въ рабочихъ дняхъ, получимъ, что за волоку тобывалось 128, 124, 117 и 108 дней въ году при 19-ти десятинномъ надѣлѣ (ст. 15, 16, 24—78).

Порядокъ отбыванія барщины былъ такой: по воскреснымъ днямъ войтъ объявлялъ крестьянамъ, въ какой день недѣли

назначена работа и какая именно; крестьяне должны были работать съ восхода и до заката солнца, при чемъ въ длинные лѣтніе дни трижды давался отдыхъ, тяглымъ по часу, а пѣшимъ по получаса: передъ обѣдомъ, въ полдень и передъ вечеромъ. Невышедшій на работу въ назначенное время долженъ былъ отбыть свои дни послѣ и сверхъ того на первый разъ илатилъ грошъ штрафу (огурного), на второй давалъ барана, на третій подвергался тѣлесному наказанію »бичемъ на лавцѣ». Если невыходъ имѣлъ уважительную причину, то слѣдовало извѣстить о томъ войта, и тогда виновный освобождался отъ взысканія, а только отрабатывалъ прогулы (ст. 20, 22).

Крестьяне, поселенные на волокахъ, были, конечно, «тяглыми» и въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, т. е. владѣли рабочимъ скотомъ; кромѣ ихъ при «дворахъ» существовали еще такъ называемые *огородники*, пользовавшіеся лишь небольшими участками въ 3 морга ($^1/_9$ волоки, $1^3/_4$ десятины); они отбывали по одному дню въ недѣлю пѣшей барщины съ участка и кромѣ того шесть дней женской работы въ лѣто для жатвы или полотья огородовъ, что равняется 26-ти тяглымъ днямъ въ годъ, т.е. несравненно для нихъ дороже чѣмъ крестьянъ—пахарей. Впрочемъ, и денежная плата стояла гораздо выше за пользованіе мелкими участками, какіе оставались по границамъ дачъ въ отрѣзкахъ отъ цѣлыхъ волокъ (ст. 16, 17).

Изъ этого обзора видно, что вообще въ *королевскихъ* волостяхъ волочное хозяйство не представляло особенныхъ тягостей для крестьянъ. Нѣкоторыя стороны этого устройства были весьма раціональны и не лишены интереса даже и для настоящаго времени: повинности соразмѣрялись не только съ количествомъ, но и съ качествомъ земли; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о весьма благопріятномъ отношеніи между величиною крестьянской и фольварковой запашки: постановлялось,

чтобы на каждую волоку послѣдней приходилось не менѣе семи волокъ, находящихся въ пользованіи крестьянъ, которые состоятъ на барщинѣ [1]). Слѣдуетъ, наконецъ, обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности взысканія платежей и даней: срокъ взноса ихъ былъ опредѣленъ осенью отъ св. Михаила до дня св. Мартина, т. е. съ 29 сентября по 11 ноября; въ это время пріостанавливались всякія частныя взысканія съ крестьянъ, и никто не могъ требовать съ нихъ долговъ. Въ случаѣ неуплаты до крайняго срока, урядъ производилъ разслѣдованіе о ея причинахъ, и если онѣ оказывались уважительными, то платежъ былъ слагаемъ; уважительными причинами признавались: пожаръ, смерть или тяжкая болѣзнь рабочихъ членовъ семьи, голодъ, градобитіе и вообще бѣдность (убожство). Если неплательщикъ, имѣя средства, не платилъ по своему «недбальству», то его подвергали аресту впредь до уплаты. Рабочій скотъ признавался неотчуждаемымъ не только за долгъ или иное взысканіе, но даже и за повинности (ст. 31, 32).

Волочный уставъ королевскихъ имѣній, разобранный нами для лучшаго уясненія этой системы хозяйства вообще, едва ли былъ въ употребленіи въ Югозападной Руси въ такомъ именно его видѣ: частные владѣльцы, вводя волочную систему въ своихъ имѣніяхъ, очень часто и уменьшали крестьянскій надѣлъ, и увеличивали повинности; королевскія же имѣнія здѣсь были большею частью розданы въ частное владѣніе еще до изданія устава, а оставшіяся считались приписными къ замкамъ, въ пользу старостъ которыхъ и шли почти всѣ повинности:

---

[1]) Ст. 24: «На заробленье пашни на кождую волоку абы было оставлено по семи волокъ осѣлыхъ подданыхъ нашихъ, зъ волы и зъ кличами, поблизъ двора и пашни, которые по два дни въ тыждень служити маютъ, съ чимъ урядъ роскажетъ».

послѣднія были обратно пропорціональны той пользѣ, какую получало съ приписныхъ къ замкамъ селъ собственно государство: гдѣ продолжала еще существовать обязанность военной службы, поддержки укрѣпленій, полевой стражи и т. под., тамъ частныя повинности въ пользу старостъ были слабѣе, и наоборотъ. Для доказательства этого разсмотримъ повинности жителей въ отношеніи девяти замковъ Югозападной Руси, описанія которыхъ, составленныя также въ половинѣ XVI вѣка, въ 1545 и 1552 годахъ, извѣстны намъ по настоящее время [1]). При этомъ разсмотрѣніи будемъ держаться географическаго порядка, съ Сѣверозапада на Юговостокъ, послѣдовательно укажемъ характеръ и размѣръ повинностей съ жителей, приписанныхъ къ Владиміру, Луцку, Кременцу, Овручу, Житомиру, Кіеву, Каневу, Черкассамъ и Брацлаву.

Юридическія и бытовыя условія, въ какихъ находились различные замки, были неодинаковы. Замки Волынской земли въ значительной степени утратили свое государственное значеніе и представляли собой только безопасное мѣсто для сохраненія имущества пановъ на случай Татарскаго набѣга. Замки эти, хотя и содержавшіеся исправнѣе Поднѣпровскихъ, были однако же бѣднѣе ихъ: послѣдніе сохранили еще за собою значительную долю приписанныхъ къ нимъ королевскихъ имѣній, доставлявшихъ и доходы и военную силу, тогда какъ на Волыни почти всѣ замковыя имущества были розданы князьямъ, панамъ и земянамъ, а о военной службѣ мѣщанъ или припис-

---

[1]) Описаніе Волынскихъ замковъ въ «Памятникахъ» Кіев. Ком., т. IV, отд. 2.—Овручъ—въ Арх. Ю.-З. Р., ч. IV, т. I.—Житомиръ—въ Матер. для ист. засел. Кіев. губ.—Кіевъ, Каневъ и Черкасы, въ неизданной еще копіи изъ книгъ Лит. Метрики, снятой членомъ Комиссіи г. Лебединцевымъ.—Брацлавъ—въ наст. томѣ, № VIII.

ныхъ волостей нѣтъ даже и помину; здѣсь выступаетъ на первый планъ сословіе землевладѣльческое; пользуясь своей многочисленностью и силою, оно уже успѣло скинуть съ себя бремя замковыхъ повинностей, неся ихъ лишь настолько, насколько это казалось необходимымъ каждому отдѣльному лицу для укрѣпленія принадлежащей ему замковой башни или городни. Постоянные платежи или дани въ пользу замка съ земянскихъ имѣній болѣе не существуютъ, а установляются лишь временно, въ случаѣ крайней нужды въ перестройкахъ, и то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ [1]). Тягости, лежащія на горожанахъ и крестьянахъ возрастаютъ, такъ какъ при пожалованіи кому-либо приписныхъ къ замку селъ, новые владѣльцы перестаютъ выполнять лежавшія прежде на этихъ селахъ повинности, падающія теперь на однихъ горожанъ и на оставшіяся села; жалобы податного сословія, подтверждаемыя грамотами прежняго времени, не ведутъ ни къ чему; могущественные магнаты не хотятъ даже давать объясненій по этимъ жалобамъ, какъ поступили, напримѣръ, князья Чарторыйскіе, когда королевскій ревизоръ захотѣлъ разсмотрѣть требованія Владимирскихъ мѣщанъ о повинностяхъ съ имѣнія Литовижа, принадлежавшаго къ *Владимирскому* замку, а потомъ пожалованнаго Чарторыйскимъ [2]). Единственная оставшаяся къ половинѣ XVI вѣка при этомъ замкѣ волость, Смединская, подвергается разоренію отъ другого магната, Ковельскаго и Выжевскаго владѣльца, Семашка, захватывающаго Смединскіе поля, луга и грабящаго крестьянъ, такъ, что, по выраженію Владимирскихъ мѣщанъ, если не будетъ имъ обороны, то «оная волость на

---

[1]) Съ десяти человѣкъ по одному брусу и по работнику, съ 20 человѣкъ мѣра муки. Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 20.

[2]) Памятники, т. IV. отд. 2, стр. 62, 65.

конецъ згинетъ, и люди розойдутся, и замокъ Володимерскій безъ той волости не будетъ ни за что стоить». Слова эти почти вполнѣ оправдались впослѣдствіи, когда новый владѣлецъ Ковля, князь Курбскій, окончательно разорилъ Смединскую волость, прямо заявляя Смединцамъ, что за сопротивленіе онъ будетъ ихъ вѣшать [1]). Между тѣмъ на мѣщанахъ, какъ упомянуто выше, лежали всѣ прежнія повинности: они платили и серебщизну, и ордынщину, да кромѣ того на нихъ же переложена обязанность доставлять продовольствіе при проѣздѣ пословъ, лежавшая прежде на приписныхъ волостяхъ, а частью выполнявшаяся посредствомъ пошлиннаго сбора. Всѣ эти налоги дѣлались еще тяжелѣе оттого, что въ нихъ принимали участіе не всѣ мѣщане: тѣ, которые поселились въ городѣ на земянскихъ участкахъ, упорно отказывались отбывать какія бы то ни было повинности и не хотѣли даже починять городской стѣны.

Въ *Луцкѣ* были не лучше, порядки и мѣстные земяне, хотя еще не вполнѣ сравненные въ правахъ съ Польскою шляхтою, мало уступали ей въ своеволіи, самоуправствѣ и неповиновеніи верховной власти; замокъ въ неисправности, постройки дѣлаются непрочно, хотя къ одной городнѣ приписано по семи и по восьми пановъ, а къ самымъ меньшимъ по четыре и по пяти, «просто немашъ на што глядити и хвалити»; деревянныя укрѣпленія растаскиваютъ на дрова, а присмотрѣть некому, «каждый собѣ старшій, и за тымъ жадное рядности и справы доброе нѣтъ»; стража у воротъ замка не приноситъ никакой пользы, ибо сторожей бьютъ и врываются

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 5: «Естли ся будутъ Смединцы у кругнтъ мой Вижовскій вступовать, тогды ихъ кажу имать и вѣшать“.

силою, «сторожа одного князь Буремльскій по шыи тялъ самъ своею рукою, за малымъ ему шыя не впала». И тѣ же самые земяне, самовольствуя въ городѣ, не даютъ ничего со своихъ людей, живущихъ въ Луцкѣ, захватываютъ мѣщанскія земли, берутъ съ нихъ по дорогамъ большія проѣзжія пошлины, вопреки великокняжескимъ и королевскимъ грамотамъ, и т. под. При Луцкомъ замкѣ, лежавшемъ далѣе Владимира отъ границъ Польши, и внѣ Полѣсья, уцѣлѣло еще значительное число приписныхъ имѣній, всего 30 деревень и въ нихъ 124 дворища крестьянъ, кромѣ того 11 рыбаковъ и 3 огородника. Повинности крестьянъ въ пользу замка были различныя, но вообще имѣли значеніе исключительно хозяйственное: изъ тридцати деревень только въ двухъ еще были замковые слуги, обязанные конною службою, всего одинадцать дворищъ. Остальные крестьяне должны были возить дерево, косить сѣно, поставлять желѣзо съ рудни, давать подводы на потребности старосты и ключника, и почти всѣ ходили на барщину во все весеннее и лѣтнее время, пользуясь впрочемъ въ зимнее время льготою [1]). Когда Луцкимъ державцей былъ князь Константинъ Острожскій, то ввелъ для двухъ селъ новую повинность: прокармливать всю зиму содержимый въ одномъ изъ замковыхъ имѣній скотъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ княжескіе намѣстники, державцы или старосты, вмѣсто прежняго своего назначенія — быть представителями верховной власти и начальниками военныхъ силъ повѣта, превращались постепенно во временныхъ помѣщиковъ, владѣльцевъ бенефицій, изъ которыхъ они старались извлекать только доходы въ свою пользу, къ ущербу земли, городовъ и даже фиска: не прошло еще и двадцати лѣтъ съ изданія Си-

[1]) Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 161—167.

гизмундъ I устава для своихъ державцевъ и урядниковъ въ Литвѣ, которымъ онъ предоставлялъ имъ только третью часть доходовъ, и то далеко не всѣхъ [1]), а между тѣмъ въ Луцкѣ находимъ такое отношеніе: съ приписныхъ къ замку селъ и людей приходится въ годъ господарю денежной дани 1 копа 36 грошей, староста же получалъ деньгами 19 копъ 40 грошей, да сверхъ того большія количества ржи, овса, куръ, яицъ, бѣлаго и чорнаго хлѣба, пряжи и нитокъ, лисицу и 30 бѣлокъ, доходъ съ пашни и другіе «мелкіе» приходы. Старосты, при составленіи описаній замковъ, многіе доходы скрывали, вовсе о нихъ не упоминая; такъ Владимирскій староста перечислилъ изъ замковыхъ доходовъ всѣхъ сборовъ только на 130 копъ грошей, а комисары стороною узнали о нѣкоторыхъ пропущенныхъ статьяхъ, приносящихъ старостѣ болѣе 250 копъ въ годъ, что составляетъ, по количеству чистаго металла около 1100 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, но по мѣновой цѣнности того времени несравненно больше.

Кременецъ и его повѣтъ, еще не вполнѣ оправившійся отъ Татарскихъ разореній въ концѣ XV вѣка, находился въ нѣсколько исключительномъ положеніи, такъ какъ здѣсь самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ была королева Бона, и потому здѣсь сохранилось еще довольно имѣній, тянувшихъ къ замку. Въ восемнадцати замковыхъ селахъ было 275 дворовъ, изъ коихъ 31 отбывали конную службу, а остальные сидѣли на тяглѣ; повинности послѣднихъ были сравнительно очень легки, такъ какъ барщины они работали всего по шести дней въ годъ со двора, а дани натурою были самыя ничтожныя.

Изъ замковъ земли Кіевской, въ *Овручѣ* повинности были также не велики; горожане, неизвѣстно по какой причинѣ,

---

[1]) № VII, стр. 11.—Акты Зап. Рос., т. II, № 159, стр. 195.

были съ нѣкотораго времени вовсе освобождены отъ барщины; за то на нихъ лежало, вмѣстѣ съ другими сословіями, содержаніе полевой сторожи; обязанность военной службы тоже лежала въ одинаковой степени на мѣстныхъ земянахъ, боярахъ, путныхъ слугахъ и мѣщанахъ. Замковые доходы заключались преимущественно въ торговыхъ, судебныхъ и питейныхъ пошлинахъ, подымщину по грошу съ дома платили всѣ жители города одинаково, безъ различія сословій. Ордынскіе слуги и и мѣщане паленицкіе (?), при нѣкоторыхъ другихъ повинностяхъ, ѣздили при гонцахъ въ Орду и тоже служили конемъ; военная служба падала даже и на волощанъ, т. е. на крестьянъ, приписанныхъ къ замку, другіе давали денежныя и медовыя дани, но о барщинѣ вовсе не упоминается.

Въ *Житомирѣ* также путные слуги и мѣщане должны были ѣздить на войну при старостѣ или его намѣстникѣ, обязанность же давать подводы и стаціи вознаграждалась для нихъ безпошлинной питейной торговлей. Пахатною землею горожане пользовались безплатно на милю отъ замка, но земяне или ихъ крестьяне за пользованіе замковыми землями должны были давать десятину. О барщинѣ нѣтъ упоминаній и здѣсь, волощане давали только извѣстные платы и дани, притомъ безъ различія сословій.

Повинности *Кіевскихъ* мѣщанъ заключались исключительно въ военной службѣ, содержаніи стражи при замкѣ и починкѣ городской ограды; ремесленники должны были давать воеводѣ дань натурою, преимущественно предметами одежды и вооруженія—луки, стрѣлы, топоры, сапоги. Изъ жителей замковыхъ селъ нѣкоторые должны были ѣздить при воеводѣ на службу и на ловы, другіе доставляли на замокъ дрова, сѣно, медъ, и кромѣ того работали по три дня въ годъ барщины. При описаніи замка они заявили жалобу, что воевода, князь Фридрихъ

Пронскій, вводитъ имъ «новину»,—заставляетъ работать больше прежняго и собираетъ куры и яица. Всего при замкѣ считалось 10 селъ, да кромѣ того 19, принадлежащихъ монастырю Печерскому, но дающихъ дань на замокъ, и 12 митрополичьихъ, жители которыхъ должны были отбывать военную службу. Земянскихъ имѣній въ повѣтѣ вовсе не упомянуто.

Жители *Канева* и его округа всѣ одинаково участвовали въ постройкѣ городской ограды, содержаніи стражи и военной повинности; одинаково и бояре, и мѣщане, и крестьяне давали также подводы и стаціи для пословъ или гонцовъ; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что работать на замокъ обязаны были одни козаки, упоминаемые или какъ временно пребывающіе въ городѣ зимою пришельцы изъ степи, или какъ наемные работники у другихъ горожанъ. Пахатныя земли и насѣки замковыхъ людей были свободны отъ повинностей, но при ревизіи заявлена жалоба, что князь Дмитрій Путивльскій сталъ требовать десятины въ свою пользу. Тѣ же повинности, какія выполняли горожане, должны были отбывать и крестьяне земянскіе, постоянно или временно живущіе при замкѣ, не исключая и военной службы. Въ пользованіи городскихъ жителей находилось множество разного рода угодій,—насѣкъ, бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ озеръ и т. под., раскиданныхъ на огромномъ пространствѣ, по Днѣпру, Роси, Сулѣ, Удаю, Псёлу и другимъ рѣкамъ, даже на Самари; за пользованіе этими угодьями жители давали часть получаемыхъ доходовъ натурою или платили небольшую денежную аренду.

Такими же привольями пользовались и жители двухъ южныхъ замковъ, *Черкасъ* и *Брацлава*, съ тою лишь разницею, что въ округѣ послѣдняго города, лежащаго ближе къ Польшѣ, существовало, хотя и немногочисленное, населеніе земянъ, почти отсутствовавшее въ Черкасахъ. Земельныя угодья были оди-

наково богаты; Черкасскіе мѣщане пахали, «гдѣ хотятъ», «уходы» ихъ простирались отъ Тясмина, Ворскла и Орели до Днѣпровскихъ пороговъ, Самари и Тавани. О богатствѣ Брацлавскихъ мѣщанскихъ пасѣкъ, простиравшихся нерѣдко «на три мили», упомянуто уже выше, равно какъ и о томъ, что здѣсь захватывали земли разныя личности неизвѣстнаго происхожденія именовавшія себя земянами, но самыя имена которыхъ мало подтверждаютъ такое завѣреніе [1]).

Мы изложили существенныя черты экономическаго быта городовъ Югозападной Руси, съ приписнымъ къ нимъ сельскимъ населеніемъ, въ послѣдовательности отъ Сѣверозапада къ Дикимъ Полямъ, и видимъ, что мѣстныя различія вполнѣ согласуются съ изложенными выше общими замѣчаніями: чѣмъ дальше къ Югу и Востоку, тѣмъ слабѣе преобладаніе земянъ, тѣмъ меньше различій между сословіями, просторнѣе и привольнѣе житье, а вмѣстѣ съ тѣмъ легче и повинности. То же самое повторяется и позднѣе, когда шляхетское сословіе стало усиливаться и въ Украинѣ, но нибогда здѣсь экономическій гнетъ его не доходилъ до такой степени, какъ въ Полѣсьи и даже на Волыни.

Изъ помѣщичьихъ имѣній наиболѣе ранніе инвентари, т е. уставныя грамоты, соотвѣтствующія волочному уставу имѣній королевскихъ, дошли до насъ только со второй половины XVI вѣка, по крайней мѣрѣ въ Югозападной Россіи. Въ нихъ, конечно, встрѣчается только организація подворищная или волочная, такъ какъ самое составленіе инвентаря служитъ доказательствомъ, что свободное пользованіе землею уже прекратилось.

---

[1]) Напримѣръ; Мормули, Кудренки, Козары, Мишко Чортъ, Хруць, Митко Золотарь, Комары, Дмитръ Звенигородецъ и т. под. см. № VIII, стр 26.

Древнѣйшій инвентарь Югозападной Руси относится къ Заборольскому имѣнію въ Луцкомъ повѣтѣ и къ 1566 г. [1]); въ немъ нѣтъ еще ни дѣленія земель на опредѣленные участки, ни дѣленія крестьянъ на разряды, ни точнаго опредѣленія повинностей, а только перечислены крестьяне и количество ихъ рабочаго скота; это заставляетъ насъ видѣть въ немъ инвентарь такъ сказать первобытный, вопреки мнѣнію Иванишева, объяснявшаго его особенности только тѣмъ, что Заборолье было населено исключительно людьми отчизными; объ этомъ нѣтъ прямого указанія въ актѣ, и почтеннаго изслѣдователя очевидно ввело въ заблужденіе упоминаніе инвентаря, что крестьяне «на роботу повинни слухати, якъ роскажуть»; кромѣ того они давали дань—по мацѣ овса *отъ вола*, что равно указываетъ на недостатокъ регулированія поземельныхъ отношеній. Судя по количеству скота, Заборольскіе крестьяне хотя и не отличались особенной зажиточностью, но не терпѣли и нужды: на 62 хозяйства было 46 лошадей и 94 вола, т. е. 140 штукъ рабочаго скота.—Заборольскій инвентарь единственный изъ извѣстныхъ намъ по своей первобытной неопредѣленности [2]).

Инвентари подворищные XVI вѣка, помѣщенные въ настоящемъ томѣ, а равно и изданные раньше, относятся почти исключительно къ Волынскому воеводству, и притомъ только къ повѣтамъ Владимирскому и Луцкому, что объясняется неразобранностью древнихъ книгъ повѣта Кременецкаго, по боль-

---

[1]) Памятники, т. III, отд. 2. стр. 1—16.

[2]) Иванишевъ указываетъ содержаніе еще четырехъ «подобныхъ» инвентарей имѣній, населенныхъ, по его выраженію, вотчинными людьми; но упоминаніе въ нихъ дворищъ и соотвѣтственный пріемъ обложенія повинностями—указываютъ на начавшуюся уже регуляцію хозяйства. Памяткики, т. III, предисловіе, стр. IX.

шей части разбитыхъ и полуистлѣвшихъ. Кромѣ одного такого инвентаря, помѣщеннаго въ «Памятникахъ» Кіевской Коммиссіи (III, отд. 2, стр. 17—59), теперь издаются еще нѣсколько, которые здѣсь и перечислимъ по мѣстностямъ, а тогда сдѣлаемъ изъ нихъ общіе выводы. Инвентарь Вышкова въ Луцк. повѣтѣ, 1572 г., Цевова, Луцк. пов., 1573 г., Григоровичъ, Луцк. пов., 1582 г., Конюховъ, Завидова и проч., Влад. пов., 1582 г., Житановъ, Влад. пов., 1585 г., и Верхова, Луцк. п., 1589 г. [1]).

Дворища въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываютъ здѣсь неодинаковой величины, сообразно съ чѣмъ измѣняется и платежъ за нихъ; но по большей части дворище принимается за извѣстную опредѣленную единицу, обложенную налогомъ одинаковымъ для всѣхъ, а поселенные на нихъ крестьяне получали названіе подворищныхъ, позднѣе тяглыхъ. Иногда, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ, встрѣчаются уже крестьяне, поселенные на дворищахъ по двое, причемъ они считаются за одно общее хозяйство, или владѣющіе отдѣльно половиною дворища; первымъ дается названіе потужныхъ, а послѣднимъ полудворищныхъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ упоминаются еще бояре, огородники, подсусѣдки, халупники и вольники. Вотъ ихъ повинности съ дворища, съ оцѣнкою по Статуту 1588 г. и съ переложеніемъ платы въ рабочіе дни; цѣну рабочаго дня мы принимаемъ въ 2 гроша, сообразно одному указанію 1583 года [2]).

Въ Черногородскомъ имѣніи, состоявшемъ изъ 15 селъ, дворища и платежи были весьма разнообразной величины; раз-

---

[1]) См. № XXXV. стр. 92—93; № XXXVII, стр. 97; № XLIII, стр. 108—109; № XLV, стр. 111; № LV, стр. 148—149; № LXVIII, стр. 200—202.

[2]) № L, стр. 133.

мѣръ барщины не былъ точно опредѣленъ; кромѣ того медовая дань опредѣлялась общею цифрою со всего села, такъ что этотъ инвентарь не можетъ служить для точнаго опредѣленія повинностей.

Въ Вышковѣ (годъ 1572) 5 дворищъ было занято 8-ю крестьянами, съ которыхъ шла «боярская служба» состоявшая частію и въ денежномъ платежѣ; остальные 6 дворищъ были заняты 13 крестьянами, состоявшими на барщинѣ, но размѣръ ея не указанъ. Огородники въ числѣ 7, названы здѣсь подсусѣдками и одинъ въ избѣ (халупѣ) безъ огорода.

Въ Цевовѣ (годъ 1573) было 10 подворищныхъ крестьянъ, обязанныхъ ходить на работу ежедневно; какъ видно изъ другого акта, такая работа была въ сущности полудневною [1]). Кромѣ того съ дворища давали по 6 грошей, по 8 мацъ овса (76 гр.) и по 2 курицы (4 гр.). Это все вмѣстѣ составитъ по указанному расчету 190 рабочихъ дней.

Въ Григоровичахъ (годъ 1582) работали крестьяне съ дворища по 5 дней въ недѣлю, кромѣ того пахали на паръ и на ярину по 4 дня; давали по 4 мацы овса, по 6 грошей, по 3 курицы, по возу сѣна, что все равняется 279 днямъ работы. Огородники работали по 3 дня лѣтомъ и по 2 зимою, давали по 3 гроша и по курицѣ; все это составитъ 127 дней.

Въ Конюхахъ (годъ 1582) 8 крестьянъ владѣли полными дворищами, а 4 половинами; съ дворища шло по 8 мацъ овса, по полкопы деньгами, по 2 курицы; работать обязаны были по приказанію; дополнительныя повинности равны 55 рабочимъ днямъ. Огородники, работая по 2 дня, давали по 6 грошей и по курицѣ,—всего на 102 дня. Въ другихъ селахъ того же имѣнія повинности были почти тѣ же, а именно: въ Млыновѣ

---

[1]) № XLIV, стр. 110.

(1 полное дворище и 11 половинъ) тоже.—Въ Бѣлопольѣ (8 двор. и 19 полудвор.)—тоже; съ 4 огородниковъ на 103 дня, съ 12 подсусѣдковъ на 49 дней.—Въ Кутахъ дополнительная повинность равнялась 50 днямъ, огородничья—тоже 103 Въ Деречинѣ дани не превышали стоимости 15 дней.—Въ Завидовѣ онѣ стоили 60 дней.

Въ Житаиахъ (годъ 1585), гдѣ на каждомъ дворищѣ жило по 2 и даже по 3 крестьянина, вся повинность съ дворища простиралась до 207 дней, причемъ здѣсь являются и новыя названія платежей, какъ «сторожевые», «орѣховые»; съ огородниковъ приходилось по 101 дню.

Наконецъ въ Верховѣ (годъ 1589) кромѣ сторожевого упоминается еще «пороховое», и взимались еще налоги, не поддающіеся оцѣнкѣ,—десятина со свиней, овецъ и пчелъ; овесъ взимался по четверику отъ вола; остальныя дани и собственно барщина не превышали 160 дней.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что повинность огородниковъ была равномѣрнѣе, около 100 дней, или, по тогдашней стоимости работы, около 8 рублей на наши деньги; повинность же подворищныхъ колебалась—вѣроятно, сообразно удобствамъ имѣнія, между 190 и 290 днями, или по оцѣнкѣ между 15 и 23 нынѣшними рублями съ дворища. Сопоставляя, для большей ясности, тогдашнюю цѣну труда съ цѣною хлѣба, именно ржи, получимъ, что огородникъ отрабатывалъ и отдавалъ стоимость 27 нынѣшнихъ четвертей ржи, а подворищный отъ 55 до 81 четверти. Это сопоставленіе цифръ приводитъ насъ къ весьма интересному выводу, что впродолженіи послѣднихъ 300 лѣтъ цѣность хлѣба возрастала несравненно быстрѣе, чѣмъ цѣнность труда, т. е. что теперь отношеніе между этими цѣнностями гораздо менѣе выгодно для рабочаго, чѣмъ было въ концѣ XVI в. Конечно, подобный выводъ, сдѣланный нами только мимоходомъ

и приблизительно, имѣетъ пока только проблематическое значеніе и нуждается въ болѣе обстоятельной провѣркѣ путемъ изслѣдованія измѣненія цѣнностей вообще.

Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ печатаемыхъ нынѣ инвентарей подворищныхъ имѣній не упоминаются прихожіе люди или вольники; повидимому ихъ отталкивала существовавшая здѣсь въ значительныхъ размѣрахъ барщина, такъ какъ вообще крестьяне предпочитали даже и тяжелые платежи отбыванію издѣльной повинности. Такъ мы находимъ упоминаніе, что крестьяне упрашивали своихъ владѣльцевъ «осадить ихъ на чиншѣ, а отъ работы своее вызволить» [1]). Съ другой стороны, землевладѣльцы, находя для себя гораздо болѣе выгоднымъ имѣть барщинниковъ, чѣмъ арендаторовъ земли за деньги, составляли даже формальныя стачки противъ вольниковъ и опредѣляли большія денежныя взысканія противъ шляхтичей, которые примутъ къ себѣ поселенцевъ на условіяхъ денежнаго платежа. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ «уставъ о похожихъ людяхъ» составленный и принятый на сеймѣ дворянствомъ воеводствъ Полоцкаго и Витебскаго въ 1551 году. Постановляя условія, какихъ однообразно должны держаться всѣ землевладѣльцы при поселеніи у нихъ вольныхъ людей, шляхтичи обязались взаимно перевести на то же положеніе и всѣхъ тѣхъ слободичей, какіе живутъ у нихъ на ту пору; для нарушителей же своего устава опредѣляютъ штрафъ въ 500 копъ или въ двѣ слишкомъ тысячи нынѣшнихъ рублей въ пользу господаря. Условія, на которыхъ постановлено принимать вольниковъ, заключались въ слѣдующемъ:

Поселенецъ долженъ былъ отдавать владѣльцу четвертую часть всего урожая, смолотить эту часть подъ надзоромъ

---

[1]) № XXXVI, стр. 94.

владѣльческаго посланнаго, кормя при этомъ послѣдняго, и свезти ее владѣльцу; меду долженъ былъ отдавать половину. Сверхъ того онъ обязанъ былъ четыре раза въ годъ работать по два дня на барщинѣ, отработать восемь дней «толоки» и ходить на ловы. Если бы онъ не захотѣлъ принять этихъ условій и предпочелъ перейти вполнѣ на барщину, то долженъ былъ работать по два дня въ недѣлю и 8 дней толоки, т. е. 106 дней въ годъ. Дальнѣйшія постановленія опредѣляютъ порядокъ выхода вольнаго человѣка изъ имѣнія, условія льготы для поселяющихся «на сыромъ корени», т. е. въ нераспаханной пустоши, и т. д. [1]). Два года спустя дворяне вошли съ представленіемъ къ королю о томъ, что на его земляхъ условія поселенія болѣе льготныя, а потому прихожіе люди бѣгутъ изъ частныхъ имѣній въ королевскія, и король согласился ввести тотъ же уставъ и въ своихъ имѣніяхъ [2]).

Естественно, что съ постепеннымъ и довольно быстрымъ распространеніемъ тяжелыхъ условій крѣпостного права съ Сѣверозапада на Полѣсье и Волынь, прихожіе люди стремились далѣе въ Украинскія воеводства, гдѣ еще въ концѣ XVI вѣка условія поселенія были гораздо легче. Въ настоящемъ томѣ находится нѣсколько инвентарей того времени, относящихся къ сосѣднимъ даже съ Волынью мѣстностямъ Кіевскаго воеводства, и ни въ одномъ изъ нихъ о панщинѣ вовсе не упоминается; за то здѣсь часто встрѣчаются поселенія слободъ съ продолжительными льготами отъ всякихъ повинностей. Такъ въ спискѣ крестьянъ м. Ловкова и с. Мократичъ, 1582 г., находимъ, что здѣсь было 7 крестьянъ отчичей или засѣдѣлыхъ, 6 данниковъ давали всего 8 ведеръ меду, а остальные 15 названы

---

[1]) Памятники, т. I, отд. 2, стр. 8—14.
[2]) Тамже, стр. 15—19.

людьми куничными, т. е. свободными поселенцами за плату [1]). Въ 1585 г. панъ Тышкевичъ, отдавши въ аренду свое имѣніе Пулины, тѣмъ не менѣе объявилъ желающимъ тамъ селиться двадцатилѣтнюю льготу, причемъ упоминается и о вкопаномъ «водлугъ обычаю» столбѣ [2]). Когда составлялся въ 1599 г. первый инвентарь Слободищскаго имѣнія, то оказалось, что только 70 жителей города Старыхъ Слободищъ платили по 20 грошей и работали было по 3 дня *въ годъ*, но и это было съ нихъ сложено владѣльцемъ; въ прочихъ же 22 мѣстностяхъ этого огромнаго и многоземельнаго имѣнія, въ которыхъ было 857 дворовъ, никто не платилъ никакихъ повинностей; мѣщане г. Кодни объясняли при этомъ, что они помогаютъ иногда въ уборѣ хлѣба, но только по своей доброй волѣ, за угощеніе, и то не больше одного дня [3]). Въ томъ же актѣ упоминается и о дани съ вышеупомянутаго села Пулинъ въ Полѣсьи: съ 50 дворовъ этого села шло всего 10 копъ грошей да 14 ведеръ меду [4]). Даже въ Полѣсьи Овручскомъ, въ инвентарѣ обширной Веледницкой волости, 1595 г. заключается только списокъ крестьянъ, но о повинностяхъ не упоминается [5]). Въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка Кіевскій бискупъ Верещинскій селилъ слободы на обширныхъ пространствахъ Хвастова и Дорогинки [6]).

Неудивительно, что здѣсь и крестьянская состоятельность была гораздо выше; въ Житомирскомъ повѣтѣ крестьяне впрягали въ плуги по десяти быковъ [7]), а еще южнѣе, въ Брацлавскомъ воеводствѣ, стоимость имущества 26 крестьянскихъ

---

[1]) № XLVI, стр. 116—117.
[2]) № LIV, стр. 146.
[3]) № LXXVII, стр. 223—232
[4]) Стр. 226.
[5]) № LXXXI, стр. 244—253.
[6]) № LXXXVI, стр. 261—262.
[7]) № LXIV, стр. 179.

семействъ показана свыше 4000 копъ, т. е. 12000 рублей, — сумма по тому времени огромная [1]).

Волочная система въ XVI вѣкѣ, едва еще только начинала проникать въ предѣлы Волыни; мы встрѣтили ее только въ двухъ сѣверныхъ мѣстностяхъ этого края, и повинности оказываются здѣсь выше, чѣмъ въ имѣніяхъ подворищныхъ. Такъ въ Мытищахъ Луцкаго повѣта съ волоки работали полдня ежедневно, давали полкопы и курицу, что все составляетъ 163 дня [2]). Далѣе къ Сѣверозападу, въ Койленскомъ имѣніи Владимирскаго повѣта, панщина и стоимость повинностей доходила даже до 233 дней [3]). Для сравненія высоты этихъ повинностей съ приведенными выше подворищными, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что волока было вчетверо меньше, чѣмъ дворище.

---

[1]) № XLVII, стр. 117—126.
[2]) № XLIV, стр. 110.
[3]) № LXX, стр. 203—207.

IV.

XVII вѣкъ.—Инвентари въ первой половинѣ столѣтія.—Возстаніе Хмельницкаго.—Вліяніе козацкихъ войнъ на бытъ крестьянскаго сословія.

Девять актовъ настоящаго тома, поясняющихъ повинности крестьянъ въ первой половинѣ XVII вѣка, за исключеніемъ одного только, всѣ относятся къ Волыни, и именно къ двумъ сѣвернымъ ея повѣтамъ. Изъ нихъ мы видимъ, что волочная система получила здѣсь уже полное преобладаніе. Обложеніе по дворищамъ встрѣчаемъ только въ одномъ инвентарѣ 1626 г., относящемся къ селу Городку Владимирскаго повѣта [1]). По-видимому и здѣсь оно сохранилось только потому, что это имѣніе принадлежало не частному лицу, а Владимирской соборной Богородицкой церкви; это отразилось и на нѣкоторыхъ оговоркахъ инвентаря въ пользу крестьянъ, такъ какъ онъ былъ составленъ при отдачѣ имѣнія въ аренду шляхтичу Линевскому. Здѣсь обращаетъ также на себя вниманіе сравнительно высокое отношеніе числа крестьянъ, владѣющихъ полными дворищами, къ числу загородниковъ: первыхъ было 13, а послѣднихъ

---

[1]) № CXLIII, стр. 462—465.

только 6, полудворищныхъ совсѣмъ не было, тогда какъ въ частныхъ имѣніяхъ отношенія эти совсѣмъ другія. Подворищные работали каждый день, т. е. по одному работнику съ дворища, а загородники по три дня въ недѣлю; при э омъ оговорено, чтобы въ праздничные дни крестьяне не были принуждаемы къ работамъ; о толокахъ говорится, что ихъ должно быть въ годъ не болѣе десяти, тоже не въ праздники, и притомъ собираемыхъ безъ насилія и съ оставленіемъ необходимаго числа людей въ домахъ [1]). Ко всѣмъ крестьянамъ относится еще и такая общая оговорка относительно самаго производства работъ: «А подданъные вси кгды одну роботу роблятъ, другое роботы не повинни робити, то есть: коли пойдетъ зъ косою—зъ серпомъ не повиненъ, албо зъ плугомъ—зъ цепомъ не повиненъ; такъ же иншихъ роботъ, одну отправуючи, другое не повинни». И если, несмотря на такую видимую мягкость отношеній, повинности оказываются и здѣсь все таки выше, чѣмъ онѣ были въ XVI вѣкѣ даже у частныхъ владѣльцевъ, то это доказываетъ только, съ какою быстротою возрастала въ ту эпоху экономическая зависимость крестьянъ, и какъ легко укоренялось въ общественномъ мнѣніи сознаніе неизбѣжности такого возрастанія. Именно, по даннымъ XVI вѣка мы получили среднюю повинность съ дворища около 240 дней, здѣсь она опредѣляется въ 304 дня; для загородниковъ тамъ было около 105,—здѣсь 157 дней; вдобавокъ повинности села Городка были тѣмъ тяжелѣе, что въ составъ ихъ не входятъ какія либо дани, а онѣ во всей полнотѣ отбывались личнымъ трудомъ.

Въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Владимирской же уніатской епископіи, находимъ въ 1633 г. уже систему волочную, причемъ и рабочія силы крестьянскихъ хозяйствъ были весьма

[1]) „Наболшей толко десеть толокъ быти маетъ, однакъ не кгвалтомъ и на голову всихъ вкланяти, зоставуючи челяди и подданымъ на ихъ власную работу и потребу домовую".

слабы: такъ въ селѣ Петиднахъ 10 хозяевъ могли выставить только два плуга (т. е. 8 воловъ [1]), въ Хрипаличахъ 2 плуга принадлежали 15 хозяевамъ, и въ Микуличахъ у 17 хозяевъ было 18 штукъ скота. Въ какомъ размѣрѣ крестьяне этихъ селъ были надѣлены землею, т. е. сколько изъ нихъ имѣли по волокѣ, и сколько по полволоки, изъ акта не видно. Повинности опредѣлены такія: съ волоки должны были работать по 5 дней въ недѣлю, а во время жатвы по 5 дней вдвоемъ; кромѣ того платили злотый чиншу и давали разныя дани, которыхъ мы теперь уже не будемъ приводить подробно, такъ какъ не имѣемъ руководящихъ данныхъ для опредѣленія ихъ цѣнности въ то время сравнительно съ цѣною на трудъ; съ полуволокъ все взималось въ половинномъ размѣрѣ. Самою же главною тягостью являются здѣсь толоки, которыя собирались еженедѣльно, т. е. отнимали у крестьянина его единственный свободный день, съ тѣмъ еще вдобавокъ, что въ этотъ день должна была итти на работу и вся его семья [2]).

Изъ третьяго инвентаря Владимирскаго повѣта, относящагося къ частному и мелкопомѣстному имѣнію, мы видимъ, что здѣсь повинности сильно возрасли уже въ болѣе раннее время: въ селѣ Ружинѣ, еще съ 1606 года, когда было произведено измѣреніе земель, ни одинъ крестьянинъ не владѣлъ полной волокой, такъ что и за единицу обложенія принята была полуволока. Съ этого то участка отбывали барщины по 4 дня въ недѣлю, а въ жнива по пяти, сверхъ того 5 толокъ, платили по 12 грошей, давали рожь, куръ и яица, пряли на 3 локтя холста и обязаны были ѣздить за 10 миль въ подводу [3]).

---

[1]) № CXX, стр. 395.
[2]) № CLII, стр. 488—491.
[3]) № CI, стр. 337.

Въ числѣ инвентарей Луцкаго повѣта одинъ, 1606 года, выдается тѣмъ, что въ немъ барщинная и подводная повинность были замѣнены денежнымъ платежемъ; высота послѣдняго, въ сравненіи съ прочими повинностями, показываетъ, что владѣльцы больше всего дорожили именно даровой работой. Въ селѣ Витковичахъ взамѣнъ работы и подводъ платилось по восьми злотыхъ съ волоки, а чинша только по 10 грошей; кромѣ того крестьяне давали десятину со свиней, сѣно, ленъ, пеньку, куръ, яицы, медъ и даже жолуди, замѣняемые, въ неурожайные на нихъ годы, половиннымъ количествомъ ржи [1]).

Остальные инвентари Луцкаго повѣта представляютъ главную общую черту, именно ежедневную работу съ волоки, измѣняются только предметы и размѣръ остальныхъ даней; въ въ одномъ инвентарѣ, села Бѣлаго Стока (годъ 1619), требовался между прочимъ еще денежный платежъ по ползлотого [2]); по другому, села Шпакова (годъ 1631), крестьяне обязаны были пахать 8 дней въ году не въ счетъ ежедневной барщины; въ послѣднемъ наконецъ, села Богурина (годъ 1631), упоминается о повинности бояръ—ѣздить конемъ по приказанію за 4 мили, или ходить пѣшкомъ не далѣе одной мили, сельскіе ремесленники обязаны были работать безъ вознагражденія, имъ давались только матеріалы и кормъ во время работы; въ числѣ зависимаго населенія этого села находимъ и нѣсколькихъ безземельныхъ шляхтичей, повинностью которыхъ было стеречь лѣсъ, а равно являться къ началу и концу работъ по полевой уборкѣ: здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ инвентарѣ названія: закоски, обкоски, зажинки, обжинки [4]). Необходимо еще замѣ-

---

[1]) № CII, стр. 337—338
[2]) № CXX, стр. 395.
[3])№ CXLXI стр. 479—481.
[4]) № CL, стр. 481—486.

тить, что во всѣхъ этихъ имѣніяхъ крестьяне на волокахъ обладали значительнымъ количествомъ скота, въ чемъ, очевидно, при ежедневной барщинѣ заключался прямой интересъ владѣльцевъ.

Въ эту раннюю эпоху появляется, въ числѣ прочихъ доходовъ землевладѣльцевъ, и такъ называемое право пропинаціи, состоявшее не только въ исключительномъ правѣ торговли напитками, но и въ запрещеніи своимъ крестьянамъ покупать ихъ гдѣ либо на сторонѣ; вмѣстѣ съ пропинаціею владѣльцы монополизировали и помолъ. Отдавая оба эти права въ аренду, они установляли значительные штрафы за ихъ нарушеніе [1]).

Возрастаніе повинностей населенія въ пользу шляхты замѣчается и въ направленіи территоріальномъ: единственный извѣстный намъ инвентарь этой эпохи изъ Кіевскаго воеводства, именно города Бердичева и селъ Быстрика и Жидовецъ, 1611 года, показываетъ, что не прошло еще и двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ здѣшнее населеніе такъ энергически протестовало противъ введенія инвентарей и измѣренія земель, — а волочная система успѣла уже проникнуть и сюда. Конечно, повинности здѣсь были пока очень легки, а сравнительно съ Волынью ничтожны, и барщины еще не было. Такъ въ Бердичевѣ съ волоки платили копу деньгами, по мѣркѣ жита и овса, по шести возовъ сѣна, по гусю и двѣ курицы, и обязаны были сходить въ извозъ до Львова или Западнаго Буга. Невладѣвшіе пахатной землею давали отъ дыму по полтора злотаго и по 4 курицы [2]).

Недостатокъ данныхъ не позволяетъ намъ прослѣдить, насколько далеко вглубь края успѣла проникнуть волочная

---

[1]) № CIV, стр. 343; годъ 1607.
[2]) № CXIV, стр. 373.

система, хотя бы и въ такой смягченной формѣ. Но шляхта расселялась въ эти годы уже и по Заднѣпровью, захватывая огромныя пространства земель, мирясь вначалѣ со свободой земледѣльческаго населенія, чтобы потомъ, усилившись и окрѣпнувъ на мѣстѣ, мало по малу узурпировать эту свободу. Здѣшнія земли, на которыя еще не распространилось право владѣнія шляхты, считались, по ея взгляду, пустыми, т. е, подлежащими раздачѣ. Такъ въ 1632 г. король жалуетъ своему скарбовому писарю Филону—Петру Мировицкому два городища надъ рѣкою Ворсклomъ, и грамота выражается о нихъ такимъ образомъ: два *пустыя* городища, называемыя Глинскъ и Бѣльскъ, лежащія на Украинѣ, въ воеводствѣ Кіевскомъ, за рѣкою Ворсклomъ, подлѣ могилы, называемой у Скоробора [1]). И однако далѣе, въ той же грамотѣ, въ перечисленіи угодій этихъ «пустыхъ» городищъ, упоминаются «мельницы и корчмы».—Въ 1639 году король жалуетъ полковнику Станиславу Потоцкому имѣніе за Днѣпромъ: «Максимовку съ городищемъ и съ слободами, граничащую съ рѣчками Пивами, Германомъ, Іорданкой, и озерами; Куруславомъ и Бѣлозеромъ да къ тому слободки Бужинъ и Вороновку, граничащія съ озерами Кривымъ и Домановкой, по рѣку Быстрикъ, по Старецъ, Стрѣльниковъ перевозъ, и по Савиночи, со всѣми прочими слободами, островами, уходами, селами, теперь существующими или имѣющими основаться въ будущемъ, крестьянами (poddanemi), и т. д. [2]). Изъ акта 1640 г. видимъ, что Домонтовымъ, Песчаной и Золотоношею владѣлъ въ ту пору коронный стражникъ Самуилъ Лащъ-

---

[1]) Horodyszcza puste dwie, Hlinską y Bielską nazwane, wyżey Połtawy nad rzeką Worskłem, podle mogiły, u Skorobora nazwaney, za rzeką Psłem, na Ukrainie, w woiewodztwie Kiiowskim leżące». № CLI, стр. 487.

[2]) № CLXXX, стр. 513—515.

Тучапскій [1]). Въ 1646 г. панъ Гурскій жалуется, что какіе-то хлопы Омелянъ Ивановичъ и Радко Васильевичъ незаконно присвоили себѣ право распоряжаться его имѣніемъ надъ рѣкою Ворсклом у Шандбарова перевоза [2]). Подъ 1647 годомъ находимъ арендный листъ князя Іереміи Вишневецкаго на отдачу города Лубенъ коронному стражнику Александру Замойскому, гдѣ упоминается и монастырь бернардиновъ въ Лубнахъ. Изъ акта видно, что здѣшніе жители не только не несли почти никакихъ повинностей, но даже нѣкоторыя пошлины, какъ мостовое и ваговое, шли въ пользу мѣщанъ [3]).

Вотъ это-то распространеніе шляхетской власти въ степи Украины, гораздо болѣе чѣмъ угнетеніе ею крестьянъ, сюда еще не достигшее, и было главною причиною всеобщаго возстанія при Хмельницкомъ: крестьянство Волыни и Полѣсья было на столько уже задавлено постепенно возраставшимъ гнетомъ, что не представляло активнаго отпора или ограничивалось частными вспышками, а главнымъ образомъ искало спасенія въ бѣгствѣ. Эта бѣжавшая, наиболѣе энергическая часть населенія, не могла сносить самого присутствія въ своей средѣ шляхты, отъ которой именно она бѣжала, натерпѣвшись вдоволь. И дѣйствительно, мы видимъ, что наиболѣе живую поддержку Хмельницкій нашелъ не среди сильно страдавшаго Волынскаго крестьянства, а напротивъ, въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ шляхетскій элементъ не успѣлъ еще пустить крѣпкихъ корней и вполнѣ выказать свои истинныя стремленія: дѣло въ томъ, что эти стремленія были достаточно близко знакомы здѣшнему населенію—по старой памяти.

Что касается вліянія на крестьянъ возстанія 1648 года,

---

[1]) № CLX, стр. 520—521.
[2]) № CLXVII, стр. 543—545.
[3]) № CLXX, стр. 549—551.

то возстаніе это приняло характеръ крестьянскаго движенія самой силою вещей, безъ всякаго предвзятаго плана. Главный козацкій предводитель, по крайней мѣрѣ въ первое время возстанія, относился къ крестьянамъ даже очень несочувственно, преслѣдуя цѣли національныя, религіозныя, отчасти даже личныя, но никакъ не соціальныя. Это лучше всего доказывается знаменитымъ универсаломъ Хмельницкаго, отъ 20 сентября 1650 года, гдѣ онъ строго предписываетъ крестьянамъ находиться въ послушаніи у пановъ, а панамъ дозволяетъ «жебы сами панове, веспол съ полковниками нашими, Белоцерковскимъ або Киевскимъ (тыхъ своволниковъ) сурово, бы и на горле, карали; а тые зась, которые кровъ невинную пролели и покой нарушили, горловаго караня не уйдутъ, якожъ и тутъ за тое не одного на горло скарали есмо» [1]). Такое именно отношеніе его къ крестьянскому движенію и было причиною того, что народъ приписалъ свои бѣдствія отъ Татаръ въ 1653 г. именно Хмельницкому и до сихъ поръ проклинаетъ въ пѣснѣ «Хмеля» за то, что онъ велѣлъ Ордѣ брать въ ясыръ дѣвушекъ и женщинъ [2]).

Возстанія временъ Хмельницкаго и послѣдующія усобицы отразились на крестьянахъ двоякимъ образомъ: въ частныхъ случаяхъ они вызвали насилія, убійства, грабежи иногда даже самоправную расправу съ сосѣдями крестьянами же [3]). Но болѣе общее и повсемѣстное вліяніе войнъ заключалось въ возбужденіи въ народныхъ массахъ сильнаго движенія въ смыслѣ территор альномъ: одни убѣгали отъ козаковъ, другіе шли къ

---

[1]) № CLXXVIII, стр. 573—574.—Памятники, т. II, отд. 3, стр. 57—63

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни малор. нар., т. II, стр. 116—118.

[3]) См. напр. № CLXXIV, стр. 565—567.

нимъ, третьи вообще пользовались случаемъ перемѣнить мѣсто-жительства, иногда очень неудачно. Такъ въ концѣ 1649 г. около 500 крестьянскихъ семействъ изъ Звягольской волости Луцкаго повѣта бѣжали въ повѣтъ Житомирскій въ мѣстечко Вильскъ, но здѣсь были ограблены дотла мѣстнымъ арендатором, шляхтичемъ Цеклинскимъ, и потомъ выгнаны вонъ [1]). Сильное передвиженіе населенія доказывается появленіемъ именно съ этого самаго времени въ актовыхъ книгахъ многочисленныхъ заявленій о бѣгствѣ крестьянъ и даже о запустѣніи цѣлыхъ селъ, въ примѣръ чего можно привести заявленіе Кіевскаго подкоморія Юрія Немирича о числѣ бѣжавшихъ изъ его Лугинскаго имѣнія. Оказывается, что изъ города Лугинъ и селъ: Тесновки, Глуховой, Тереховъ и Дывлина ушло 275 крестьянскихъ семействъ, а въ тоже время прибыло 80 новыхъ поселенцевъ [2]). Въ актовой книгѣ Житомирскаго гродскаго суда за 1650 годъ находится семдесятъ девять такого рода документовъ [3]). Въ Паволочской волости изъ 68 мѣстностей, бывшихъ прежде заселенными, къ 1683 году, подъ вліяніемъ козацкихъ войнъ, жители остались только въ двухъ мѣстечкахъ, въ числѣ 76 дворовъ [4]). Въ Иванковской волости, лежавшей ближе къ Полѣсью, изъ 22 мѣстностей заселенными оказалось только 5, и въ нихъ дворовъ 133 [5]).

Не касаясь того вліянія, какое военныя дѣйствія, постоянные переходы войскъ и самое это шатаніе населенія должны были имѣть на благосостояніе крестьянъ вообще, — слѣдуетъ

---

[1]) № CLXXII стр. 558—562.

[2]) № CLXXX, стр. 576—579.

[3]) По списку Центральнаго Архива—№ книги 19.—Подробная выборка изъ этихъ документовъ въ Мат. для ист. заселен. Кіев. губ. стр. 20—27.

[4]) Приложеніе, № LII, стр 153—154.

[5]) Приложеніе, № LIII, стр. 154—156.

упомянуть, какъ отразилось все это собственно на величинѣ крестьянскихъ повинностей. Инвентарей южныхъ воеводствъ здѣсь снова недостаетъ, такъ какъ здѣсь и не было въ ту пору никакой надобности въ ихъ составленіи. Во Владимирскомъ повѣтѣ въ селѣ Житанахъ (годъ 1661) повинность опредѣлена съ волоки въ 6 дней лѣтомъ и въ 3 зимою, всего въ 234 дня, кромѣ того по 3 четвертки овса и по $7^1/_2$ грошей съ хозяина [1]). Въ селѣ Русновѣ (годъ 1667) работали съ полуволоки по 3 дня тяглыхъ и 1 день пѣшій; при этомъ изъ 17 хозяевъ только 4 имѣли по полуволокѣ, остальные 13—всего по четверти [2]). Въ Добратинѣ и Букоймѣ (годъ 1671) оказывается между крестьянами очень много прихожихъ, поэтому повинности здѣсь не высоки, не превосходятъ 3 дней, а большинство работало только по 1 дню въ недѣлю [3]). Несовсѣмъ таковы были повинности въ Луцкомъ повѣтѣ: въ Пашовѣ (годъ 1655) работали съ полуволоки по 1, по 2 и по 3 дня; но здѣсь замѣчательно перечисленіе инвентаря крестьянъ: почти о каждомъ говорится, что у него нѣтъ ничего, даже яица перестали давать, потому что нѣтъ и курей; объ одномъ хозяйствѣ сказано: сидѣлъ на полуволокѣ, но какъ теперь у него ничего нѣтъ, то и на зиму ничего не посѣялъ [4]). Въ Каменной Горѣ (годъ 1655) повинности отличались высотой и разнообразіемъ: здѣсь работали по 6 дней въ недѣлю и седьмой день женскій, чинша платили по 2 злотыхъ и 3 гроша; сверхъ того давали полмацы хмѣлю, гуся, 2 каплуна, 12 связокъ (повисомъ) прядева, 100 грибовъ, 20 яицъ, полмацы жолудей и 2 ложки червеца [5]). Одна бар-

---

[1]) Прил. № XXIII, стр. 69—70.
[2]) Прил. № XXXVII, стр. 103—105.
[3]) Прил. № XXXIX, стр. 107—115.
[4]) Прил. № II стр. 5—8.
[5]) Прил. № III, стр. 8—10.

щина, не считая всѣхъ этихъ даней, составляетъ 356 рабочихъ дней. Къ сожалѣнію не указана величина надѣла.—Въ единственномъ изъ овручскихъ инвентарей означено по 2 и по 3 дня работы въ недѣлю [1]).

На первый взглядъ, приведенныя данныя противорѣчатъ другъ другу и не могутъ служить ни для какого общаго вывода. Но это кажущееся противорѣчіе легко объясняется. Во все предыдущее время мы замѣчали стремленіе повинностей къ повышенію; понятно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя военныя дѣйствія до извѣстнаго времени почему либо не оказали своего вліянія,—онѣ продолжали повышаться. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ, подпавшихъ вліянію событій, хотя бы и косвенно, повинности, въ виду уменьшенія числа и потому вздорожанія рабочихъ рукъ, въ виду появленія захожихъ рабочихъ и стремленія удержать ихъ,—должны были нѣсколько понизиться. Такое пониженіе, или вѣрнѣе задержка повышенія повинностей и была главнымъ общимъ результатомъ козацкихъ войнъ. На сколько впрочемъ она, въ связи съ обусловившими ее событіями, могла способствовать благосостоянію крестьянъ,—это другой вопросъ, на который едва ли можно отвѣчать положительно, тѣмъ болѣе, что самая задержка была очень кратковременна: уже въ самомъ началѣ XVIII вѣка замѣчается довольно высокая норма повинностей, повышающаяся и дальше, какъ это изложено уже въ изслѣдованіи г. Антоновича, составляющемъ вступленіе къ слѣдующему (II) тому настоящей VI части «Архива Югозападной Россіи» [2]).

---

[1]) Прил. № XVI, стр. 37—40, годъ 1664.

[2]) И отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе о крестьянахъ въ Юго-Западной Россіи по актамъ 1700—1798 г.“. К. 1870.

V.

Злоупотребленія владѣльцевъ,—вліяніе аренды и заставы.—Реакція со стороны крестьянъ: бѣгство и постоянные переходы; открытые бунты и аграрныя преступленія.

Если изложенныя выше условія быта крестьянъ, признававшіяся за нормальныя дѣйствующимъ законодательствомъ или установившимся обычаемъ, были очень тягостны,—то дѣйствительность, очень часто несоотвѣтствовавшая ни закону, ни обычаю, оказывалась еще тяжелѣе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ имѣть данныхъ для точнаго опредѣнія *среднихъ* условій этой дѣйствительности, такъ какъ признаніе помѣщичьяго полновластія надъ крестьянами и лишеніе послѣднихъ права самостоятельной жалобы на владѣльцевъ, не только узаконяли произволъ и отнимали у судебной власти всякій поводъ ко вмѣшательству въ экономическое устройство и доминіальную юрисдикцію помѣщиковъ, но даже не допускали возможности сохранен я въ актовыхъ книгахъ какихъ либо рѣзче выдающихся фактовъ помѣщичьяго самоуправства, если таковое падало всею своею тяжестью исключительно на крестьянъ. Факты такого рода дѣлались достояніемъ судебной хроники только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ сталкивались интересы двухъ или нѣсколькихъ лицъ привиллегированнаго сословія, и кто нибудь

изъ нихъ, ради своихъ личныхъ выгодъ, долженъ былъ косвенно защищать и входившіе съ ними въ такую или иную коллизію интересы крестьянъ. Мы не можемъ, конечно, включать сюда тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ являлся заступникомъ крестьянъ вслѣдствіе причиненныхъ имъ совершенно постороннимъ лицомъ убытковъ или насилій, такъ какъ эти случаи, хотя и весьма важные для характеристики нравовъ и быта извѣстнаго общества, оказывавшіе, по своей обыденности, весьма значительное вліяніе на положеніе крестьянъ, были все же только проявленіями ни на чемъ не основаннаго произвола. Гораздо важнѣе въ данномъ отношеніи тѣ случаи, когда интересы крестьянъ и шляхтичей соприкасались на основаніи какой либо юридической сдѣлки шляхтичей между собою, т. е. когда фактическое владѣніе крестьянам временно переходило изъ рукъ собственника къ другому лицу, какъ напр. при отдачѣ имѣній въ аренду или заставу. Оба эти способа пользованія были весьма распространены въ Польшѣ; застава представляла собою особый видъ залога недвижимости, доселѣ сохранившійся въ Малороссіи между козаками и крестьянами подъ тѣмъ же названіемъ, при которомъ имущество находилось во владѣніи не заемщика, а кредитора, пользующагося доходами имѣнія въ уплату процентовъ на занятую сумму. Застава, какъ и аренда, чаще всего дѣлалась на три года, но невыкупъ имѣнія не имѣлъ послѣдствіемъ его потери, а только время выкупа отдалялось снова на тотъ же трехлѣтній срокъ, и т. д., такъ что въ сущности застава была залогомъ безсрочнымъ. Распространенности ея способствовала какъ мѣстная осѣдлость шляхетскихъ родомъ вообще, съ ихъ традиціонной привязанностію къ своимъ «гнѣздамъ» [1]), такъ еще

---

[1]) Этимъ именемъ, gniazdo, польскіе сторики и генеалоги обыкновенно называютъ первоначальное родовое имѣніе какой либо фа-

болѣе зависимость нѣкоторыхъ политическихъ и гражданскихъ правъ отъ землевладѣнія: занимать какія либо должности по мѣстному управленію могъ только шляхтичъ осѣдлый (bene natus et possessionatus) шляхетское habeas corpus (neminem captivabimus, nisi jure victum) распространялось тоже только на нихъ, тогда какъ безземельные шляхтичи, привлеченные къ суду, должны были представлять поручителя, а иначе могли подвергаться и предварительному заключенію. Подъ вліяніемъ такихъ законовъ, владѣльцы предпочитали заставу отчужденію имѣній, такъ какъ она сохраняла за ними хотя юридическую фикцію землевладѣнія, на самомъ дѣлѣ имъ непринадлежавшаго иногда уже впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній.

Основаніемъ для опредѣленія какъ арендной платы, такъ и даваемой подъ залогъ имѣнія суммы, служилъ обыкновенно инвентарь, содержавшій въ себѣ исчисленіе и оцѣнку крестьянскихъ повинностей и даней; къ общей ихъ стоимости прибавлялся еще доходъ съ корчемъ и мельницъ, гдѣ онѣ были, и полученный итогъ составлялъ годичную плату аренды, при заставѣ же стоимость имѣнія опредѣлялась по капитализаціи указаннаго дохода изъ десяти процентовъ. Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ угодья и доходы собственно съ хозяйства не

мнніи давшей иногда ему названіе, а еще чаще—отъ него происшедшей. Примѣры перваго случая: Новый Верещинъ, Н. Ружинъ—отъ Верещинскихъ, Ружинскихъ, и т. д.; фамиліи то прямо производились отъ названія мѣстности, какъ Острожскіе, Ружинскіе, Заславскіе, Порицкіе—князья, или Буковемскіе, Лещинскіе, Трипольскіе и проч., то имя производное отъ мѣстности присоединялось къ первоначальному родовому для различенія отраслей рода, а потомъ иногда и совсѣмъ вытѣсняло первое имя, напр. Гавсовичи—Кукольскіе и Гавсовичи—Шостаковскіе, Гулевичи—Воютинскіе и Гулевичи Перекальскіе, Кисели—Дорогиницкіе и Кисели—Низкиницкіе; Оранскіе—первоначально Войны—Оранскіе, Боротинскіе—перв. Воропы-Боротинскіе, и т. д.

принимались въ расчетъ, а чистымъ доходомъ считался только даровой трудъ крестьянъ и платимыя ими дани въ формѣ прямыхъ или косвенныхъ (пропинація, помолъ) налоговъ. Понятно, что въ правильности составленія и выполненія инвентаря были заинтересованы и крестьяне, и обѣ договаривающіяся стороны; нерѣдко однако возникали злоупотребленія той или другой изъ нихъ, и настоящій томъ заключаетъ довольно много документовъ, касающихся подобнаго рода дѣлъ. Общая черта всѣхъ ихъ—это угнетенное положеніе крестьянъ, но источникъ этого угнетенія бывалъ различенъ: оно исходило то отъ вотчинныхъ владѣльцевъ, преимущественно въ случаяхъ заставы, то—при арендѣ—чаще отъ владѣльцевъ временныхъ. Сравнительно рѣже документы, касающіеся злоупотребленій со стороны управляющихъ или опекуновъ имѣнія [1]). При отдачѣ имѣній въ заставу, владѣльцамъ было выгодно исчислять доходъ возможно въ большемъ размѣрѣ; поэтому они обозначали въ инвентаряхъ не только всѣ дѣйствительно отбываемыя повинности, но и прибавляли новыя, никогда несуществовавшія; заставный владѣлецъ, конечно, требовалъ отъ крестьянъ отбыванія всего согласно инвентарю, причемъ иногда оказывалось, что крестьяне не имѣютъ къ этому даже и физической возможности. Такъ мы встрѣчаемъ ложное показаніе барщины въ двойномъ размѣрѣ, обозначеніе числа крестьянскаго рабочаго скота болѣе существующаго, и т. под. невѣрности [2]). Нерѣдко, заставивши имѣніе, т. е. выручивъ приблизительную стоимость его, самъ же владѣлецъ начиналъ разорять и угнетать крестьянъ, нимало не

---

[1]) Приложеніе, № XXVIII, стр. 82, вымогательства управляющаго и насилія надъ женщинами; № C, стр. 319, притязанія крестьянъ; № LXII, стр. 218, разореніе имѣнія опекунами.

[2]) Приложеніе, № CL, стр. 481; № CLVII, стр. 495; № CLXIII, стр. 518; № CLXVIII, стр. 532.

заботясь, что это можетъ послужить причиною разброда послѣднихъ; одинъ актъ передаетъ намъ такой отвѣтъ подобнаго владѣльца обижаемымъ имъ же крестьянамъ: «Ступайте, куда хотите,—и васъ и ваше имущество я спряталъ уже въ сундукъ» [1]. Что касается «заставныхъ владѣльцевъ», залогодержателей, то отъ нихъ чаще всего доставалось крестьянамъ къ концу срока заставы, когда предвидѣлся скорый выкупъ имѣнія вотчинниками, такъ что послѣдніе нерѣдко получали имѣніе въ разоренномъ видѣ и съ значительно уменьшившимся населеніемъ, вслѣдствіе ухода крестьянъ [2]. При отдачахъ имѣній въ аренду, злоупотребленія владѣльцевъ были сранительно рѣже, чѣмъ угнетенія со стороны арендаторовъ; они имѣли мѣсто преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ, оставивъ часть имѣнія за собою, селился въ ней самъ и заставлялъ работать здѣсь и тѣхъ крестьянъ, которые были заарендованы другому лицу, при чемъ, конечно, не послѣдняя роль принадлежала угрозамъ жестокой расправы по истеченіи срока аренды, а иногда такія угрозы и немедленно приводились въ исполненіе [3]. Что касается угнетенія крестьянъ арендато-

---

[2]) Житомирскій мечникъ Михаилъ Прушинскій отдалъ свое имѣніе въ заставу и потомъ „poddanym swoim woły pozabierawszy, na kuchnię swoią porznąć kazał, przez co pańszczyzny odbywać iakoż y sobie robić nie maią czym, y iuż na zimę nie sieli, y tylko z duszami siedzą, y quis scit—ieżeli precz nie póydą obwinionego przymuszaniem, ponieważ inculpatus, ażeby precz poszli, varios adinvenit modos, haec formalia enucleando, że wy idzcie precz, ia iuż was y waszą chudobę mam w szkatule“! Приложеніе, № CX, стр. 342.

[2]) № XCV, стр. 395; Приложеніе, № V, стр. 12; № XLV, стр. 126; № IC, стр. 317; № CLVIII, стр 499; № CLXVII стр 530; № CLXXIV, стр 551.

[3]) Такъ помѣщикъ говоритъ заарендованнымъ крестьянамъ: «Ja to tu pan, a nie kto inny, co zechcę, to uczynie z wami“; Прилож. № CLXV, стр. 525.—«Хлопе, выниидетъ аренда,—буду тебе умелъ карать и не одного на шибеницю пошлю«; № CVIII, стр. 352.—»Трохъ подданныхъ, южъ въ посессіи протестантовъ будучихъ, жоны

рами, то таковое представляло явленіе самое обыкновенное, и о немъ упоминается во множествѣ актовъ, дающихъ возможность, хотя косвенно, опредѣлить, насколько фактическое положеніе крестьянъ отличалось отъ нормъ, выработанныхъ законами или установленныхъ обычаемъ. Такъ мы видимъ, что арендаторы, вопреки правилу, принуждали крестьянъ работать по праздникамъ, неисключая даже перваго дня пасхи [1]); заставляли отбывать крестьянскія повинности сельскихъ священниковъ [2]); высылали иногда крестьянъ на работы въ оковахъ, а кому это оказывалось не по силамъ,—ставили на его счетъ наемнаго рабочаго [3]); принуждали оставшихся крестьянъ отбывать повинности за бѣжавшихъ [4]), и т. под. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, до какой степени доходила въ нѣкоторыхъ случаяхъ тягость повинностей у арендаторовъ: такъ мы встрѣчаемъ возвышеніе барщины въ шесть разъ противъ обозначенной инвентаремъ нормы; так. обр. вмѣсто работы по

ихъ забравши и до везеня своего прыватного, до двору Турычанъ, осадивши, и муками албо тортурами ихъ страшачы, одпудили»: Прилож. № XXVI, стр. 76.-Ср № CXXII, стр. 398; Приложеніе № XCIV стр. 308.

[1]) «Въ неделю и въ свята иншие, которые суть интерцизою варованые, наостатокъ и въ самый день Великои Ночи робити росказуетъ и примушаетъ; а егды хлопъ прочь для незносноі кривды идетъ, теды, што бы мелъ оного шукать, и овшемъ другимъ мовитъ: вси идьте, я и квиты вамъ дамъ". № CXLVII, стр 474; годъ 1630.

[2]) „Popa do swych posłuszeństw przyniewolają i przyniewolili". № CLXXXII, стр. 581. Замѣчательно, что этотъ фактъ относится ко времени разгара козацкихъ войнъ, при Хмельницкомъ.—1652 г.

[3]) „Jeżli by który z poddanych rozkazaniu dosyć nie uczynił, takowy swoią lubo karę lubo winę odniosł, w ostatku y w kaydany zakowywano dla nieposłuszeństwa, nad zwyczay w kaydanach robienie, a niewydołaiącemu do robienia robotnika,—co musieli". Приложеніе, № XIII. стр. 41.

[4]) „Poddanych dwóch wypędził, ale y teraz ostatniego poddanego, pociągaiąc do nienależytey pańszczyzny za tych dwóch zbiegłych, do ucieczki przymusił". Приложеніе, № LXXXVIII, стр 296. Ср. тамъ же, № XCIV, стр. 309.

три дня въ недѣлю съ хозяйства, высылали на работу по три души со двора ежедневно [1]); въ такой же степени отягощались крестьяне и другими повинностями; въ одномъ актѣ 1619 г. крестьяне заарендованнаго имѣнія изображаютъ свое положеніе, принудившее часть ихъ къ бѣгству, такимъ образомъ: при своемъ панѣ мы не работали такъ, какъ теперь работаемъ: зимою по два человѣка съ волоки каждый день, лѣтомъ и по трое, съ полуволоки зимой работаемъ ежедневно, а лѣтомъ и по двое, такъ что для себя некогда посѣять и убрать хлѣбъ; дрова возимъ за нѣсколько миль безъ зачета въ барщину; сторожу прежде отбывали одни только пѣшіе загородники, поочередно и съ зачетомъ дней, а теперь требуютъ со всѣхъ по очереди два сторожа каждый день, помимо барщины; въ извозъ посылаютъ за пять-шесть миль безъ зачета; дадутъ смолоть мѣру хлѣба, а требуютъ съ нея полторы мѣры муки; когда ѣздили во Львовъ съ хлѣбомъ, должны были платить пошлину изъ своихъ денегъ, а продавши по разнымъ цѣнамъ, должны были внести деньги сообразно самой дорогой продажѣ; и хоть были мы въ ту пору въ извозѣ, а барщина за насъ отбывалась, и т. д. [2]). Злоупотребленія арендаторовъ

---

[1]) „Въ инвентару повинность тыхъ подданыхъ—робити въ тыждню по днии три, а онъ што день въ тыждень по трое выгоняетъ, же собе небожата робити коли и поживенья взяти откуль, презъ тяжкие роботы не маютъ, которые... прочъ пошли". № CXXX, стр. 420; годъ 1620. Ср. № CXLVI, стр. 473; № CLXVI, стр. 538, и мн. др.

[2]) „Пыталъ поддапыхъ, што бы за причина была и за тежаръ одъ арендаторовъ, же ихъ двадцать и килка прочъ пошло? Которые хлопы съ плачомъ поведили, же тая причина, ижъ зъ волоки и зиме по двое робимъ, лете зъ волоки и по трое, а съ полвлочка зиме и теперъ сто день робимо, а лете по двое,—немашъ собе коли ани засѣяти, а ни хлеба уробити, а передъ тымъ, за пана своего, теды есмо такъ не робляли; до того дрыва за килка миль безъ дня возили есмо; сторожу, которую передъ тымъ загородники тилко,

въ экономической сферѣ были, судя по количеству документовъ этого рода, весьма обыкновенны, сопровождаясь нерѣдко разнаго рода насиліями, самоуправствомъ, жестокими истязаніями и даже казнями подъ видомъ доминіальнаго суда или просто въ видѣ проявленія грубой силы [1]).

Весьма естественно, что фактическій гнетъ, испытываемый крестьянами въ далеко большей мѣрѣ, чѣмъ этого можно бы ожидать по существовавшимъ законодательнымъ и обычнымъ опредѣленіямъ,—вызывалъ, конечно, энергическое стремленіе освободиться отъ подобныхъ условій, выражавшееся то пассивно—въ бѣгствѣ поодиночкѣ, семьями и даже цѣлыми селами, то иногда и активно—въ формѣ крестьянскихъ волненій и преступленій противъ владѣльцевъ или ихъ довѣренныхъ лицъ.

што кони не ймили, и одправовали, и то колеею, а коли одправовали, теды дни не робили, а папове арендарове погнали и поддаными, потягли колеею, зачимъ хошъ панщизна припала, предсе стеречы казано по два сторожи, тые жъ сторожи въ почи стерегли, а въ день пасли, што передъ тымъ пастухове одправовали; подводу за пять, шесть миль безъ дня до того, и то съ тежаромъ; мацу жита дано зъ двора на мелене, а пувторы мацы муки съ тое мацы казано оддавати; коля и хворосту никгды дармо на огороженье урубати не позволено, ажъ муселъ килкоро куръ дати; фуру попелную мусели мы отправовати, которое передъ тымъ не бывало; до Львова зе збожемъ коли ездили, мыта муселисмы давати, а пристава при насъ не было; што есмо дали померного, пехотено принати, яко то вещъ бываетъ, же не однаково на торгу ценятъ, мусели и продати: теды, яко который найвысшую цену продалъ, такъ вси мусели платити; и хотя есмо въ подводе были, предсе панщизну муспли есмо робити; безъ панщизны робене кросенъ, робене полотенъ и прядива накидали, наветъ и гуси занявши мужицкие, пани Ктапецкая подскубовати казала. За такими тежарами пошли прочь, але было ли бы такъ должей,—и остатокъ пойдетъ", № CXXIV, стр. 409—411.

[1]) См. напр. № XXV, стр 64; № XXVI, стр 66; № XXIX, стр. 74; № XXXII, стр. 88; № LXXIV, стр. 217; № XCV, стр. 295; № CVIII, стр. 353; № CXXII, стр. 398, и многіе другіе.

Бѣгство крестьянъ, обусловливавшееся въ значительной степени неравномѣрностью повинностей и силы помѣщичьей власти въ разныхъ частяхъ Польскаго государства, существованіемъ на юговосточной его окраинѣ пустынныхъ степей, а потомъ сравнительно льготныхъ условій въ Заднѣпровской Малороссіи, вызываемое наконецъ иногда случайно-мѣстными причинами, въ родѣ нападеній сосѣдей, разоренiемъ отъ Татаръ или туземныхъ и союзныхъ войскъ,—было въ продолженіе слишкомъ двухъ вѣковъ хроническою болѣзнью Рѣчи-Посполитой, пережившей и ее самое на довольно долгое время. О разбродѣ крестьянъ вслѣдствіе притѣсненій вотчинныхъ или временныхъ владѣльцевъ упоминается почти въ каждомъ изъ цитированныхъ выше актовъ, и злоупотребленія владѣльцевъ чаще всего являются причиною бѣгства, по словамъ самихъ бѣглецовъ. Направленіе, въ какомъ шли бѣжавшіе крестьяне, бывало, конечно, различно, опредѣляясь случайными и мѣстными условіями, но чаще всего, вслѣдствіе зависимости этихъ условій отъ болѣе постоянныхъ и общихъ причинъ, переселенцы направлялись къ югу и востоку; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ переходы совершались на болѣе или менѣе далекое разстояніе, изъ одного повѣта въ другой, указанное направленіе обнаруживается вполнѣ ясно. Такъ въ настоящемъ томѣ находимъ примѣры бѣгства: изъ Владимирскаго повѣта, с. Моковичъ, въ Луцкій,—сс. Киселинъ и Твердынь [1]); оттуда же, с. Калусова, на Подолье, къ Каменцу [2]); изъ Пинскаго повѣта, с. Цминь, въ Луцкій. с. Березницу [3]); изъ Рѣчицкаго повѣта—въ Кіевъ [4]); изъ Корецкой волости Луцкаго повѣта,—въ повѣты Житомир-

---

[1]) № XIII, стр. 36.
[2]) Приложеніе, № CIII, стр. 305.
[3]) № C, стр. 311.
[4]) № LXXIX стр. 240.

скій (Бараши, Вильскъ) и Кременецкій (Острополь, Любартовъ [1]); изъ Звягольской волости того же повѣта,—въ Житомирскій [2]); изъ Овручскаго пов., с. Ноздриша, въ м. Бѣлогородку Кіевск. пов. [3]), и т. д. Единственный примѣръ переселенія въ противоположномъ направленіи, изъ Овручскаго повѣта въ предѣлы великаго княжества Литовскаго, нисколько не противорѣчитъ общему ходу бѣгства и колонизаціи, такъ какъ самое переселеніе въ этомъ случаѣ произошло насильственнымъ путемъ [4]). Размѣры бѣгства бывали очень значительны,—иногда уходили всѣ жители села,—и оно не носило характера бездомовнаго бродяжества, а имѣло видъ полнаго переселенія, по возможности со всѣмъ имуществомъ. Понятно, что подобныя передвиженія не могли производиться внезапно, подъ вліяніемъ минуты,—крестьяне дѣлали заблаговременныя къ нимъ приготовленія, вывозя по немногу изъ дому свои пожитки, особенно хлѣбъ, представлявшій наиболѣе затрудненій при перевозкѣ. Это обстоятельство вызывало необходимость пріисканія сообщниковъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, гдѣ чаще всего бѣглецы и скрывались нѣкоторое время, пока продолжались розыски со стороны владѣльца, и не утихала опасность погони. Пособничество къ бѣгству нерѣдко выражалось личнымъ участіемъ въ вывозѣ крестьянскаго имущества, сопровожденіи ихъ до новаго мѣста и даже въ вооруженной защитѣ ихъ отъ преслѣдователей. Случалось нерѣдко, что такое пособничество превращалось въ своего рода промыселъ, которымъ и занимались спеціально такъ называемые выкотцы, хотя это имя придавалось и всякому,

---

[1]) № LXVII, стр. 152.
[2]) № CLXXII, стр. 558.
[3]) № LXV, стр. 188.
[4]) Приложеніе, № CXXXVIII, стр. 440.

кто чѣмъ бы то ни было способствовалъ побѣгу. Что такой промыселъ имѣлъ значительные размѣры и нѣкоторую организацію, видно изъ обширнаго раіона, на какой распространялись дѣйствія выкотцевъ; такъ напримѣръ, они забирались съ Украины въ довольно далекія мѣстности Волыни, къ Межирѣчу Корецкому и т. д. [1]). Нерѣдко въ роли выкотцевъ выступали сами помѣщики, владѣвшіе имѣніями въ различныхъ мѣстностяхъ: они сманивали льготами крестьянъ сосѣднихъ владѣльцевъ и давали имъ средства къ переходу въ свои отдаленныя имѣнія. Для характеристики самыхъ пріемовъ переселенія и образа дѣйствій выкотцевъ могутъ служить слѣдующіе два случая [2]):

Брестскій чашникъ Янъ Куровицкій владѣлъ имѣніями въ Подоліи, а также и во Владимирскомъ повѣтѣ, гдѣ ему принадлежало село Замличи; отсюда-то онъ снаряжалъ переселенцевъ изъ числа сосѣднихъ крестьянъ. Однажды владѣлецъ недалекаго села Калусова, Кіевскій чашникъ Вацлавъ Стецкій, желая распросить поутру своего прикащика (dozorcę) о назначенныхъ на тотъ день хозяйственныхъ работахъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что ни въ усадьбѣ, ни въ селѣ пѣтъ нигдѣ ни души, и «не съ кѣмъ даже перемолвить слова»: и прислуга, и крестьяне бѣжали поголовно, не захвативъ однако же ничего изъ помѣщичьяго имущества,—фактъ повторяющійся и въ большинствѣ другихъ подобныхъ случаевъ. Обратившись за помощью къ сосѣдямъ, Стецкій разослалъ погоню въ разныя стороны, особенно къ юговосточномъ направленіи, къ переправамъ черезъ рѣку Стырь, но бѣглецы не отыскивались; на об-

---

[1]) № CXXXIV, стр. 438.

[2]) Ср. также о выкотцахъ у Антоновича, Изслѣд. о крестьянахъ, стр. 32—37.

ратномъ пути, проѣзжая черезъ лѣсъ и замѣтивъ въ сторонѣ дымъ, одинъ изъ преслѣдователей завернулъ туда и наткнулся на бѣжавшихъ крестьянъ, скрывавшихся здѣсь со своими семействами и имуществомъ. При видѣ погони, они бросились въ разсыпную, такъ что были захвачены только двѣ женщины съ дѣтьми, показавшія, что часть бѣглецовъ въ Замличахъ, перемалываютъ въ тамошней мельницѣ хлѣбъ, вывезенный заранѣе и хранившійся въ господскомъ амбарѣ, а крестьянскій скотъ находится тоже во дворѣ Куровицкаго. Изъ мельницы бѣглецы успѣли скрыться, а въ это время мѣстные крестьяне успѣли захватить и припрятать ихъ имущество, находившееся на взятыхъ въ лѣсу возахъ, такъ что Стецкому удалось выручить только часть крестьянскаго скота; Куровицкій же, передерживавшій бѣглецовъ съ ихъ имуществомъ, указавшій безопасное мѣсто въ лѣсу и дѣлавшій имъ предостереженія относительно погони, притворился какъ бы ничего не замѣчающимъ и, прибывъ домой какъ разъ къ сценѣ обыска и отобранія скота,—молча, надвинувъ шапку, отъѣхалъ прочь [1]).

Въ другомъ случаѣ выкотца дѣйствовалъ прямѣе и откровеннѣе. Управляющій Лабунскимъ имѣніемъ графа Любомирскаго, шляхтичъ Гржибовскій, ночью послалъ вооруженный отрядъ изъ тридцати человѣкъ надворной милиціи въ имѣніе Букшинъ, откуда они увезли нѣсколько зажиточныхъ крестьянскихъ семействъ со всѣмъ ихъ скотомъ и движимостью, согласно заранѣе сдѣланному уговору; бѣглецы уходили не скрываясь, но какъ бы отступая предъ непріятелемъ, такъ что даже былъ устроенъ изъ возовъ, по козацкому обычаю, таборъ, а нѣсколько человѣкъ изъ отряда прикрывали отступленіе; догнанные преслѣдовавшимъ бѣглецовъ владѣльцемъ, они навели его на

---

[1]) Приложеніе, № XCIII, стр. 305—308.

таборъ, откуда погоня была встрѣчена ружейнымъ огнемъ и обращена въ бѣгство, причемъ многіе изъ преслѣдователей были жестоко избиты, изранены и ограблены, такъ что возвращаться имъ пришлось буквально въ нагомъ видѣ, не имѣя даже, какъ говоритъ жалоба, «чѣмъ прикрыть стыдъ человѣческій» [1].

Разсказанные примѣры относятся уже къ первымъ годамъ XVIII столѣтія, но акты о бѣгствѣ крестьянъ тянутся непрерывно, начиная со второй половины XVI вѣка, ранѣе даже Люблинской уніи, а выкотцевъ и вооруженныя стычки бѣглецовъ съ преслѣдователями встрѣчаемъ какъ тогда же, такъ и въ первой половинѣ XVII вѣка [2]. Увозъ и препровожденіе крестьянъ, какъ предметъ промысла, должны были прекратиться только со времени возврата Югозападнаго края въ составъ Русскаго государства въ концѣ прошлаго вѣка, равно какъ и самое бѣгство должно было измѣнить свой характеръ, изъ переселенія оно превратилось въ бродяжество, продолжавшееся почти до самой отмѣны крѣпостного права. Не подлежитъ сомнѣнію, что введеніе русскаго законодательства и административнаго порядка, облегчивъ зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ въ отношеніи подсудности по уголовнымъ дѣламъ и ограничивъ предѣлы доминіальной юрисдикціи вообще, въ то же самое время стѣснило свободу переселеній посредствомъ примѣненія ревизскихъ сказокъ, паспортной системы и, главное, возложеніемъ на правительственныя власти той заботы по преслѣдованію бѣглецовъ, какая прежде всецѣло падала на средства самихъ владѣльцевъ.

---

[1]) Тамже, № LXXVI, стр 261—265.

[2]) № XX, стр. 41; № XXXIII, стр. 89; № LXIV, стр. 170; № XC, стр 274; № CIX, стр. 355; № CXXXIV, стр. 438; № CXL, стр. 451 № CLXXII, стр. 558, и т. д.—Мат для ист. засел. Кіев. губ., стр. 14—20.

Все это въ сложности усиливало временно фактическое подчиненіе крестьянъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде переходы были легки и обыкновенны; Польское законодательство, съ его господствомъ частнаго права, предоставляло каждому отстаивать свои интересы собственными усиліями, тѣмъ болѣе, что крайняя слабость исполнительной власти дѣлала невозможнымъ дѣятельное вмѣшательство съ ея стороны; необходимое упорядоченіе края и регламентація государствомъ сословныхъ отношеній вели къ тому, что въ Россіи права, передвиженіе и мѣстожительства каждаго отдѣльнаго лица должны были разсматриваться также не съ частной, а съ государственной точки зрѣнія, и нарушители законодательныхъ постановленій по этому предмету подвергались преслѣдованію со стороны властей, хотя бы они не причиняли при этомъ никакого вреда частнымъ лицамъ Историческое безпристрастіе требуетъ признать, что соблюденіе указанныхъ требованій отзывалось очень тягостно въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ на крестьянахъ, иногда вовсе этого неожидавшихъ и даже неподозрѣвавшихъ повода къ преслѣдованію. Не слѣдуетъ забывать однако, что только введеніе строгой государственной регламентаціи взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и одинаково неуклонное требованіе повиновенія предписаніямъ закона съ обѣихъ сторонъ— одно и могло, хотя бы и цѣною многочисленныхъ жертвъ, привести въ концѣ концовъ къ отмѣнѣ крѣпостного права путемъ мирной реформы, а не кровавой революціи, какія потрясали край въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ безъ всякаго прочнаго результата, тогда какъ организованная реформа, начавшись введеніемъ инвентарныхъ правилъ 1846 года, провозглашена черезъ пятнадцать лѣтъ, 19 февраля 186 года, во всей ея полнотѣ,

и наконецъ завершена Высочайшимъ повелѣніемъ 30 іюля 1863 года объ обязательномъ выкупѣ [1]).

([1] Для уясненія нашихъ замѣчаній о вліяніи Русскаго законодательства и административныхъ порядковъ прежняго времени на свободу передвиженій крестьянъ, за недостаткомъ соотвѣтственныхъ данныхъ изъ послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія, находимъ нужнымъ привести примѣры изъ судебной практики болѣе поздняго времени, извлеченные нами изъ мѣстныхъ архивовъ и представляющіе факты уголовнаго преслѣдованія крестьянъ въ такихъ случаяхъ, когда интересы ихъ владѣльцевъ и вообще частныхъ лицъ вовсе того не требовали.

I. Крестьянинъ Кіевской губерніи, м Кагарлыка, владѣнія помѣщика Трощинскаго, Яковъ Юрченко, вслѣдствіе притѣсненій со стороны приказчика, по его показанію, бѣжалъ съ цѣлью „искать лучшей жизни". Придя въ Москву, онъ прожилъ здѣсь на работѣ два года, потомъ ушолъ въ Казань и наконецъ въ Тобольскую губернію, гдѣ и проживалъ до 1833 года. Задержанный въ Курганскѣ за неимѣніе письменнаго вида, онъ былъ посаженъ въ острогъ, гдѣ содержался около года, а тѣмъ временемъ, на основаніи его показаній о своемъ происхожденіи, возбужденъ была о немъ переписка съ Богуславскимъ земскимъ судомъ. Мѣстныя власти, недожидаясь отвѣта, рѣшились освободить Юрченка изъ заключенія, и онъ былъ даже опредѣленъ въ ночные дозорщики по городу; воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, онъ ушолъ изъ Курганска, намѣреваясь возвратиться на родину, гдѣ у него были жена и сынъ, оставленный еще ребенкомъ. Въ Троицкомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи Юрченко былъ задержанъ вторично и отправленъ по этапу въ Кіевъ. При производствѣ здѣсь дѣла о немъ, никакихъ подозрѣній въ совершеніи имъ какого либо преступленія никѣмъ заявлено не было; бывшими своими односельцами онъ также былъ одобренъ въ поведеніи, но такъ какъ помѣщикъ не изъявилъ согласія принять его обратно, то Юрченко и былъ судимъ какъ бродята. Архивъ Кіевскаго уѣзднаго суда; по описи № I дѣло № 957, годъ 1836.

II. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія Ржищевское имѣніе, въ Кіевскомъ уѣздѣ, принадлежало графинѣ Дзялынской, а въ составъ его входило и с. Липовый Рогъ. Крестьянка м. Ржищева, Марьяна Буркаливна, вышедши замужъ за крестьянина с. Липоваго Рога, Ведмеденка, жила здѣсь до 1829 года, а около этого

Противодѣйствіе крестьянъ непомѣрному гнету и злоупотребленіямъ—не всегда ограничивалось такой чисто пассивной мѣрой, какъ переселеніе; въ нѣкоторыхъ случаяхъ реакція вы-

---

времени, оставшись совершенно одна, вслѣдствіе бѣгства ея мужа, возвратилась на родину, отстоящую всего въ 7—8 верстахъ, гдѣ и жила до 1836 г. Тѣмъ временемъ с. Липовый Рогъ перешло во владѣніе помѣщицы Ротермундъ, и поэтому Ведмеденкова, оказавшаяся живущею въ чужомъ владѣніи, въ ноябрѣ 1836 г. была арестована въ м. Ржищевѣ за неимѣніе письменнаго вида, препровождена по этапу въ Кіевскій земскій судъ и судима за бродяжество. Судъ приговорилъ ее къ наказанію нятью ударами розогъ при полиціи и отослалъ подъ карауломъ для водворенія „на мѣстѣ жительства“ т. е. въ с. Липовомъ Рогѣ. Это постановленіе послужило поводомъ къ злоупотребленію со стороны мѣстнаго шляхтича—управляющаго.—Въ началѣ января 1837 г. священникъ с. Липоваго Рога донесъ рапортомъ Кіевскому земскому суду, что въ это село была прислана за карауломъ находившаяся „въ бѣгахъ“ крестьянка Буркаливна, сужденная и наказанная въ Кіевѣ за бродяжество; хотя въ предписаніи земскаго суда, при которомъ она была препровождена, было сказано, по словамъ священника, что такъ какъ Буркаливна уже наказана, то затѣмъ никакому вторичному наказанію подвергать ея не слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе экономъ, однодворецъ Францъ Гавсевичъ, приказалъ ее жестоко высѣчь передъ корчмою, а на другой день вторично, въ присутствіи крестьянъ, работавшихъ на господскомъ гумнѣ. Вслѣдствіе этихъ истязаній, Буркаливна получила падучую болѣзнь и лишилась разсудка, почему и отправлена въ больницу въ м. Ржищевъ,—то есть, въ то самое мѣсто, гдѣ она родилась, прожила теперь нѣсколько лѣтъ, и откуда именно была взята за неимѣніе письменнаго вида. При производствѣ слѣдствія по этому дѣлу, Гавсевичъ, не отрицая наказанія имъ дважды Буркаливны, „для общаго посрамленія“, объяснялъ, что сдѣлалъ такое распоряженіе, не распечатавъ даже, за отсутствіемъ арендnаго владѣльца, бумаги, при которой она была прислана; но послѣ наказанія Буркаливны прочелъ однако „изъ любопытства“ предписаніе земскаго суда, не дождавшись возвращенія арендатора, и увидя, что судъ *не велѣлъ* ея наказывать, раскаявался, что не прочелъ бумаги раньше“. Въ находящемся однако при дѣлѣ подлинномъ (?) предписаніи суда не только нѣтъ этого требованія, но даже вовсе не упоминается объ осужденіи и наказаніи Буркаливны.

ражалась болѣе прямо—возстаніями или аграрными преступленіями отдѣльныхъ личностей, не находившихъ болѣе законнаго исхода изъ своего невыносимаго положенія и срывавшихъ справедливо накипѣвшую злобу на владѣльцѣ, управляющемъ или арендаторѣ. Не касаясь возстаній, принимавшихъ болѣе или менѣе общій народный характеръ и осложнявшихся поэтому, кромѣ соціально-экономическаго, еще національно-политическимъ и религіознымъ элементомъ, мы ограничимся изложеніемъ нѣсколькихъ болѣе частныхъ фактовъ, передаваемыхъ документами настоящаго тома.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что наиболѣе ранніе по времени случаи самоуправства со стороны крестьянъ, о которыхъ дошли до насъ свидѣтельства актовъ, не имѣютъ ничего общаго съ первыми козацкими возстаніями въ XVI вѣкѣ и даже значительно имъ предшествуютъ, совпадая съ эпохою передѣлки перваго статута, клонившейся къ большему стѣсненію крестьянъ, и съ порою подготовки Люблинской уніи, приведшей къ тѣмъ же результатамъ. Такъ уже въ 1563 г. возстаютъ въ Кременецкомъ повѣтѣ крестьяне мѣстечка Ляховецъ и селъ Войнегова, Янкова, Кащинецъ и Вариводинецъ противъ своего помѣщика, пана Матвѣя Сенюты; напавши на

Такъ какъ самый фактъ истязаній былъ достаточно выясненъ свидѣтельскими показаніями, то Кіевскій уѣздный судъ постановилъ: удаливъ Гавсевича отъ должности эконома, выдержать его подъ карауломъ въ городскомъ острогѣ и обязать подпискою воздерживаться впередъ отъ подобныхъ наказаній. Тотъ же Архивъ, по описи № I дѣло 1349; годъ 1837.

Приведенные случаи, имѣющіе множество аналогій, достаточно, надѣемся, поясняютъ, какія невыгодныя для крестьянъ послѣдствія имѣло признаніе за бѣгствомъ характера не одного только частнаго правонарушенія, но и преступленія противъ государства, подлежащаго уголовному наказанію помимо даже частнаго обвиненія.

дворъ, они вломились въ свѣтлицу (комору), гдѣ находился владѣлецъ, и убили его, а сами въ ту же ночь неизвѣстно куда бѣжали со своими семействами и всѣмъ имуществомъ; въ числѣ бѣжавшихъ были и «атаманы» всѣхъ названныхъ селъ [1]), а это даетъ поводъ думать, что преступленіе было вызвано жестокостями самого Сенюты.—Еще болѣе вѣроятія заслуживаетъ такое объясненіе по отношенію къ нѣкоему пану Матысу Хорковскому, которому князь Марко Сокольскій уступилъ въ владѣніе село Кобче въ Луцкомъ повѣтѣ, и котораго не разъ поджигали то свои же крестьяне, то ихъ сосѣди, Рожищане. Такъ онъ жалуется въ концѣ 1582 г, что въ его отсутствіе человѣкъ пятнадцать крестьянъ пришли въ его дворъ, заперли снаружи комору, гдѣ были его жена и дѣти, а прислугу по ея избамъ, и тогда подожгли дворъ; хотя люди и успѣли спастись, но всѣ постройки и имущество погибли, а поджигатели тѣмъ временемъ ушли съ имуществомъ и семьями, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ душъ, такъ что сельцо совсѣмъ опустѣло; бѣглецы захватили также съ собою часть скота Хорковскаго, а жители и урядники мѣстечка Рожищъ не только пропустили ихъ черезъ свой мостъ на р. Стырѣ, но еще и провожали болѣе мили, за что получили подарки [2]). Едва успѣлъ Харковскій кое какъ обстроиться вновь, какъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ его снова подожгли, и это, по его словамъ, былъ уже пятый поджогъ, и въ пятый разъ сгорала усадьба; собиравшаяся по этому дѣлу копа «вела слѣдъ», по которому и пришла до принадлежащаго къ Рожищскому имѣнію сельца Синюхъ, гдѣ жили пастухи (чабаны); но ни тамошніе жители, ни Рожищане вообще—на копу не вышли, ни слѣда дальше не отвели, почему и было копою присуждено взыскать съ нихъ

---

[1]) № XVIII, стр. 45.
[2]) № XLIX, стр. 128.

убытки [1]).—Съ развитіемъ возстаній козацкихъ, стали чаще бунтовать и крестьяне на Волыни, гдѣ они не подымались однако цѣлыми массами, какъ на Украйнѣ и въ Подоліи. Такъ въ 1664 г. крестьяне с. Пекалова, около Дубна, вмѣсто исполненія приказаній арендныхъ владѣльцевъ, открыто собрались переселяться въ Украйну, а когда экономъ хотѣлъ вернуть ихъ,—обезоружили его и дали ему до сотни палочныхъ ударовъ, грозя тѣмъ же и вмѣшавшейся въ дѣло женѣ арендатора [2]).—Возвратившійся послѣ ухода козаковъ и Русскихъ войскъ заставный владѣлецъ с. Котова Луцкаго повѣта, шляхтичъ Куберскій, былъ схваченъ своими крестьянами, ограбленъ и выданъ козакамъ, а ими уже отданъ въ плѣнъ русскимъ [3]). Въ 1707 г. нѣсколько крестьянъ с. Матыекъ, Луцкаго повѣта, окружили въ лѣсу управляющаго имѣніемъ Баховскаго, подъ предлогомъ какой-то просьбы, стащили съ лошади, изрубили топоромъ и здѣсь же зарыли трупъ, засадивъ могилу мелкимъ сосняком и верескомъ, въ надеждѣ уничтожить всякій слѣдъ преступленія, подробности котораго отличаются особеннымъ звѣрствомъ [4]). Подобнымъ же

---

[1]) Иванишевъ. О древн. сельск общинахъ, стр. 45.

[2]) Приложеніе, № XVII, стр. 52.

[3]) Приложеніе, № XXI, стр. 63.

[4]) Приложеніе, № LXXXV, стр. 284—288:.... „Rękę prawą obuchem przetrącili, tandem zwlokszy z konia, wszyscy do siekier rzuciwszy się, na ziemi rąbali, głowę z mózgiem tymiż siekierami na sztuki rozniesli, piersi pogruchotali obuchami, aż po śmierci gdy się piersi palcem kto dotknął, kości za skurą iako orzechy rozsypane odzywali się, że zaś za gardło znać dusili, szyia wszystka y gardło iak węgl czarne zostało; co sprawiwszy, złomawszy go y zwinowszy wedwoie, z plec głowe do nóg przywiodszy, iamę w tymże lesie wykopali y tego trupa rozsiekanego, wedwoie zwinionego, w te iamę storczma wepchali, y na tey mogile, żeby nie znać było, choiny młodey y wrzosu nasadziwszy, odeszli; co zaś ci zabóycy za okrucieństwo czynili, iako dokazywali,—groza słuchać, iak sami teraz przed ludźmi głoszą y iako się męztwem swoim zalecaią.

характеромъ отличалось и убійство шляхтича Погребецкаго, задержавшаго было бѣглыхъ крестьянъ изъ с. Костюхновки[1]).

Заключеніе.

Резюмируя вкратцѣ все изложенное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно судьбы крестьянскаго сословія Юго-западной Россіи подъ Литовскимъ и потомъ Польскимъ владычествомъ:

1. Феодальная система Литовско-Русскаго великаго княжества обязана своимъ происхожденіемъ не столько заимствованію, а развилась главнымъ образомъ изъ отношеній князей къ дружинникамъ, путемъ замѣны жалованья денежнаго—земельнымъ, т. е. имѣетъ аналогическое происхожденіе съ помѣстною системою Руси Восточной, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи совершенно съ нею расходится;

2. Подъ вліяніемъ этой системы, въ періодъ ея господства, междусословныя отношенія не были точно опредѣлены, большинство земледѣльческаго населенія сохраняло личную свободу, подчинялось общему суду или пользовалось судомъ общиннымъ, несло податныя тягости въ пользу государства и не было лишено права землевладѣнія, одинаково впрочемъ условнаго для него, какъ и для выше стоящихъ классовъ;

3. Экономическія условія быта крестьянъ были обратно пропорціональны степени заселенности страны и оказывались тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе возрастало населеніе въ той или другой области государства, и потому въ каждую данную эпоху были легче въ его юговосточной части, подъ вліяніемъ обилія незаселенныхъ земель, сосѣдства Татаръ и козаковъ, и продолжавшейся колонизаціи лѣваго берега Днѣпра;

[1]) Приложеніе, № LXXXIX, стр. 297—299.

4. Ограниченіе правъ крестьянъ началось прежде всего съ суда, потомъ выразилось въ переходѣ къ землевладѣльцамъ налогового права и наконецъ въ отрицаніи крестьянскаго права землевладѣнія и личной свободы;

5. Указанныя ограниченія замѣчаются со второй половины XV вѣка и особенно развиваются въ слѣдующемъ столѣтіи, въ эпоху общихъ законодательныхъ реформъ, и окончательно опредѣляются третьимъ Статутомъ, уничтожившимъ по имени рабство, на дѣлѣ же обратившимъ въ несвободное состояніе весь земледѣльческій класъ, тогда какъ землевладѣльцы съ этой именно поры получили равноправность между собою и всю государственную власть;

6. Вслѣдъ за окончательнымъ закрѣпощеніемъ началось постоянное возвышеніе крестьянскихъ повинностей, особенно являвшееся тягостнымъ подъ вліяніемъ временныхъ владѣльцевъ, арендаторовъ и заставниковъ, что вызывало въ свою очередь усиленное бѣгство крестьянъ и аграрныя преступленія;

7. Общая реакція крестьянскаго сословія въ видѣ открытыхъ возстаній проявлялась преимущественно не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ положеніе этого сословія было болѣе тяжолымъ, а именно тамъ, гдѣ оно представляло большій просторъ для самостоятельнаго развитія народной жизни и состоятельности земледѣльцевъ;

8 Крестьянскія возстанія XVII вѣка дали болѣе или менѣе прочные результаты только для тѣхъ мѣстностей, которыя вслѣдствіе ихъ отошли къ Русскому государству; въ предѣлахъ же Польши, послѣ многократныхъ разореній страны съ 1648 по 1720 годъ, возникли снова прежнія условія, и повинности крестьянъ стали снова и постоянно возвышаться;

9. Наконецъ, съ возвращеніемъ края къ Россіи, помѣщичья власть была ограничена въ своихъ размѣрахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получила въ оставленныхъ ей предѣлахъ бо́льшую противъ прежняго обезпеченность, вслѣдствіе обязательнаго содѣйствія ей со стороны исполнительной власти; и только общее развитіе Русской государственной жизни повлекло за собою ея дальнѣйшія ограниченія и наконецъ совершенную отмѣну.

Ив. Новицкій.

Примѣчаніе. Акты первой книги настоящаго тома и начальные 14 листовъ »Приложенія« отпечатаны подъ редакціею члена комиссіи К. Е. Козловскаго, нынѣ умершаго; редактированіе же остальной части Приложенія, а равно составленіе вступительной статьи и указателей къ обѣимъ книгамъ, выполнено И. П. Новицкимъ.

1.

Сознаніе Овручскаго намѣстника, Сенка Полозовича, о томъ, что дѣйствительно умершій панъ Левъ Тышкевичъ при жизни записалъ Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю четырехъ данниковъ, изъ имѣнія Скороднаго. 1498—1513 г., іюня 6 дня.

Я Сенко Полозовичъ, намѣстникъ Вруцкий, вызнаваю симъ моимъ листомъ о томъ, штожъ которыхъ людей своихъ, у Скородномъ, отписалъ по своеи души небожчикъ панъ Левъ Тишкевичъ, чотырехъ человековъ данниковъ, на имя Павла Шипила Цигачевича, а Павла Михѣевича Рожка, а Иванца Марковича, а Мишка Илинича Семяновича, на великого светого Николу Пустинского, игумену и всей яже о Христѣ брати старцомъ манастыря Пустынскаго,—и по его животѣ братъ его, панъ Василей Тишкевичъ въ тыи люди не вступался, и потому жъ ихъ подалъ великому светому Николе къ руцѣ игумена и всей брати старцомъ Пустынскаго монастыря вѣчно и на вѣки, подлугъ запису брата своего, небожчика пана Лва Тышкевича, вже на потомъ въ тые выше писаныи люди самъ панъ Василей Тишкевичъ и его братя, и ихъ ближнии, на вѣки не маютъ уступатись. И просили мене старци Пустынскии, абыхъ я имъ на то свой вызнаный листъ далъ; и я на ихъ жедане и прозбу сесь мой вызнаный листъ на то есми имъ далъ за моею печатю. Псанъ во Вручомъ, июнь 6 день, индиктъ 1.

М. П.

Настоящій актъ въ подлинникѣ хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, подъ № 11.

II.

Инвентарь города Житомiра, съ исчисленiемъ приписанныхъ къ нему селъ и земель, а также крестьянскихъ повинностей и даней. (1501) г.

Stanisław August, z Bożey łaski krol Polski, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki, Kijowski, Wołynski, Podolski, Podlaski, Inflantski, Smolenski, Siewierski y Czerniechowski. Oznaymuiemy tym listem extracktem naszym komu to wiedzieć należy, jż w księgach metriki kancellaryi naszey wielkiey—wielkiego Xięstwa Litewskiego znajduie się inwentarz miasta Żytomirza, w wojewodztwie kijowskim, za najjasnieyszego predecessora naszego, krola, jego miłosci, Polskiego y wielkiego xiązęcia Litewskiego, Alexandra, uczyniony; y supplikowano nam jest przez panow rad y urzędnikow, przy boku naszym rezyduiących, abyśmi ten inwentarz, z tych że ksiąg metriki kancellaryi naszey wielkiey wielkiego xięstwa litewskiego, per extraktum authentice wydac pozwolili, ktory słowo do słowa, z ruskiego wypisuiąc, tak się w sobie ma: «Kazimierz. Horod Żytomir, a na horodi czotyri puszki welikich, a piat taranic; a czeladi—dwa parobki, a dwe żonce, a troje dietey małych, a wołow 15, husy y kyryie; sieenoie paszni dosyt po odnom pluzie, a po tołoce po odnoi. U Żytomiri, u mieste, korczom dwadcat, a i (s) tych korczom na hod idet z nich po kopie hroszey płatu, a myta po osm kop hroszey pryidet koli tycho,—a i to polowica na cerkow kapłanu idet. U Żytomiri słuh piatnadcat, iż holtiai, a dwa czołoweka tiahłych,—podymszczynu dajut. K Żytomiru seło Romanowo, a w tom sele dwadcat i sem dannikow, szto dani daiut, a tyie danniki daiut dani desiat kołod medu; a inoie lud nowyie, a tyie daiut koli sia med rodit, a i tut most czyniwali, a dwe kołode medu i połtrętia wedra medu. U pustowskich zemlach, a tyie wsi ludi podymszczynu daiut; a w tom że sele dewet polanic, szto zeml ne derżat, a podymszczynu daiut, a słuha oden, podymszczynu ne dajet; a wsi tyie ludi danniki y polanicy bołkowszczynu daiut—z wola po tri hroszy; a s tych że ludej so wsich idet osm kołod owsa na horod; a kluczniku idet ot dani kopa hroszey, a s tych że zemł dannych idet 24 kunicy. K Żytomiru seło Łowkow; a w tom sele desiąt dannikow, a dani dajut tri kołode medu i wedro, a dwe kołode medu na puztowych zemlach dawno zapusteło; a nedannych ludei, szto podle paszut, osmnadcat czołoweka,—tyie wsi podymszczynu dajut; a tut że czoło-

weki tri, szto podymszczynu ne dajut, a łowcow piat, szto w łowy chodiat, tyie podymszczynu ne daiut. K Żytomiru seło Kposznia; a w tom sele dannikow tri, a dani daiut kołodu medu bez dwie weder; a dwa wedra medu salehło na pustowskoi zemli, a polnych dey dwadcat czołoweka,—tyie wsi podymszczynu daiut, szto ozle paszut; a tut że łowcow cztyri, a piat słuh—podymszczyny daiut. K Żytomiru dwor s paszneiu Koszteszowe; (w) dwore sześt czeladi, a osm wołow, a żyto seienoho, a jar; a k tomu dworcu dwanadcat czołoweka, a piat dannikow,—dani daiut kołodu medu i dwe wedre, a łowcow czetyri czoloweki, a dwa słuhi,—a s tych so wsich ludei czetyri czoloweki podymszczynu daiut,—a dwe zemli pusty leżat; a dani s nich szto czetyri wedry meda z dawna, a na tołoku chodiat; i Okolniaia seło,—a chleb y med hosudarskiy. K Żytomiru seło Kotelnia; a w tom sele nowyie ludi dwadcat i czotyri czoloweki; inyie ludi wysedeli, a inyie ne wysedeli; a kotoryie wolu wysedeli tyie podymszczynu daiut, s toporom i s kosoiu chodiat. K Żytomiru seło Bordikow; a w tom sele czotyri słuhi, troie sosznikow, nowyie ludi, ieszcze woli ne wysedeli; a koli wolu wysediat, oni maiut służyti, a jesaczniki imut tiahły tiahnuti kak i inyie ludi. K Żytomiru ż seło Rudniki; a w tom sele dewiat czoloweka, a wse nowyie ludi, tiahłyie, ieszcze woli ne wysedeli; a kak wolu wysediat i oni budut podymszczynu dawati i na tołoku budut choditi. K Żytomiru ż seliszce Zerdenew; a w tom seliszczy tri czolowieki, wse słuhi. K Żytomiru ż seło Iwankowo; a w tom sele deciat słuh na woynu chodiat, a inoho niczoho ne znaiut; a czotyri czołoweki tiahłych na tołoku chodiat, a podymszczynu daiut. K Żytomiru ż selo Zwiniaczeie; a w tom sele czotyri słuhi, a piatyi tiahłyi podymszczynu daiet. Hrezany dwor; a w tom dwore szest czołoweka, a osm wołow, czotyri korowy, a tri nazimki, semero swinei, a husei dwanadcat; a pasznia jest żyto; a w tom sele u dwori ludei jest piat, a holtiaiew dwa, szto zemlu nederżat, na imia Juczyniu, Paszcioł, a dannikow sem: Tywun Chodyka, zemlu derzyt Lazorewszczynu, a s toie zemli dani dajet kopu hroszei, a poludija dwe kunicy;' Olisey zemlu derżyt Filipowszczynu, a s toie zemli dani dajet tridcat hroszey, a wedro medu, a dwe kunicy poludija; Ihnat derzyt zemlu Ontonowszczynu, a daiet s toie zemli 30 hroszey, a poludija wedro medu, a dwe kunicy; Paweł derzyt dwe zemli dannych, dajet s tych zeml kopu hroszey, a poludnogo dwe wedre medu, czotyri kunicy; Małofei zemlu derżyt Trybesowszczynu, a s toje zemli dajet czetyri wedra medu, a poludija wedro medo, a dwe kunicy, a łowczemu czotyri hroszy, bobrowniku tri hroszy; Łewon derzyt zemlu Rałokowszczynu, a s toje zemli chożywało sem weder medu, a poludija wedro medu, a dwe

kunicy, a łowczemu czotyri hroszy, bobrowniku tri hroszy; ino taja zemla mnoho let zalehła pusta, niczoho z neje nechożywalo,—wsiiż hod Lewonu dali, iż tretinu dań dawati, sztoby taja zemla pusta ne leżała; Hryń derżyt zemlu Tyszczynskuiu, a s toje zemli chożywało czotyri wedra medu, a południoho wedro medu, a tri kunicy, a łowczemu czetyri hroszei, a bobrowniku tri hroszy; ino taja zemla dawno zapustieła, niczoho znieie nechożywało,—wsiiż hod Hriniu dali, iż tretinu dań dawaty, sztoby taja zemla pusta nelezała; Wasyl zemlu derzyt Suprunowszczynu, a s toie zemli chożywało tridcat' hroszei i wedro medu, południoho dwe kunicy, a łowczomu czotyri hroszy, a bobrowniku piat hroszei, a nainaczy toho neispołniajet, za niuż priholtiajewel; ktomuż dworu, k Rezanom, prisełok Chłapincy, a w tom sele tri czołoweki; Chodor zemlu derżyt Zerolewszczynu, a dani dajet desiet weder medu, a poludija dwa wedra medu, a dwe kunicy, a łowczomu kunica, a bobrowniku piat hroszei, a piat woskow; Iwan zemlu derżyt Belewskuju, a dań jdet s toje zemli czotyri wedra, a poludja wedro medu, a dwe kunicy, łowczomu czotyri hroszy; Łuka zemlu derżyt Chlupiyskuju, a s toje zemli dań jdet piat weder medu, a poludija dwe wedre medu, a dwe kunicy, a łowczomu kunica, a bobrowniku piat hroszey, a piat weder. K Hrezanom prisełok Sołodyr, a w tom sele dey odin słuha, a tri danniki: Timosz derzit zemlu Saładyrew, a s toje zemli dani dajet kopu hroszey, a poludija dwe kunicy, a dwe wedry medu, a łowczomu kunica, a bobrowniku piat' hroszey, a piat woskow; Jakim kuzneć zemlu derzyt Lisowszczynu, a s toje zemli dani jdet sorok hroszey, a poludija dwe wedre medu, a dwe kunicy, a łowczomu kunica, a bobrowniku piat hroszey, a tych woskow; Iwan zemlu derzyt Weprewszczynu, a s toje zemli dani chożywało czotyrnadcat weder medu, a poludija dwe kunicy, a dwe wedre medu, a łowczomu kunica, a bobrowniku desiat hroszey, piat woskow; a taja zemlia pusta leżała, wsiiż hod dali Iwanu na tretyne dań dawati, sztoby taja zemla pusta neleżała. K Hrezanom prysełok Szuszkowiczy, a w tom prisełku czotyri czołoweki: Olisey zemlu derżyt Matfejewszczynu, a s toje zemli dajet desiet weder medu dani, a poludija dwe weder medu, a dwe kunicy, a łowczomu czotyry hroszy, a bobrowniku piat woskow; Rusin zemlu derżyt Tymowszczynu, a s toje zemli dani idet tri wedra medu, a poludija dwe wedre, a dwe kunicy, a łowczemu czetyri hroszy, a bobrowniku hrosz; Paweł zemlu derzyt Hłazowszczynu, a s toje żemli chożywało dey izdawna kołoda medu; ino taja zemla welmi dawno zapusteła buła; ino jeszczo Hreżanskiy Fedko dał jemu na połukopi,—on toje dajet. W tom że prisełku zemla pustaja Michonowszczyna, połazom jeje łarjat, (sic) a tut że druhaja zemla

pustaja, połazom że łariat, a oczycz mał wełmi, a s toje zemli zdawna chożywało dwadcat' hroszey izdawna. A jeszcze k Hrezanom prisełok Motolowiczy, w tom sele tri słuhi, a czetyri danniki: Ihnat derżyt zemlu Wasylewszczynu, a s toje zemli dajet sorok hroszey, a poludija dwe wedre medu, a dwe kunicy, a łowczomu desiat hroszey, a bobrowniku piat hroszey, a piat woskow, a tiwunszczyny wedro medu; Beznos derżyt zemlu Zanejewszczynu, a s toje zemli dani dajet połkopi hroszey; Juczkowy dieti otczynu swoju derżat, a dani dajut sorok hroszey i piat hroszey, a poludija dwe wedre medu, a dwe kunicy, a łowczomu kunica, a bobrowniku piat hroszey, a piat woskow; Hawryło derżyt cerkownuju zemlu, a dani daiet cerkwi ośm weder, a służbu służyti na dwor.» My tedy, krol, do pomienioney suppliki łaskawie się skłoniwszy, zwyż wyrażony inwentarz z ksiąg przerzeczonych metryki kancellaryi naszey wielkiey wielkiego xięstwa Litewskego extraktem stronie potrzebuiącey wydać, y dla większey wagi pieczęć wielkiego xięstwa Litewskiego przycisnąć, roskazaliśmy. Dan w kancellaryi naszey wielkiego xięstwa Litewskiego, dnia 22 miesiąca Aprila, roku pańskiego M.D.C.C.L.X.X.X.VIII, panowania naszego 25 roku. Za sprawą jasniewielmożnego imci pana Joachima na Szczorsach, Ziembinie y Wiszniewie, Hrabi Littawora Chreptowicza, podkanclerzego wielkiego xięstwa Litewskiego, Orszańskiego, Zosleńskiego etc. starosty. Grzegorz Kaczanowski, Metrikant wielkiego xięstwa litewskiego.

M. II.

Настоящій актъ въ подлинникѣ хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, № 20.

III.

Запись Щастнаго Федоровича Полозовича Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю на данника съ землею и данью грошевою и медовою.

Привиллегія короля Сигизмунда, подтверждающая означенную запись Щастнаго Полозовича. 1514—1529 года, октября 15 дня.

a) Я Щастный Федоровичъ Полозовича, будучи въ полномъ разуми а въ цѣломъ смысли, записываю на великаго светого Николу Пустынского по своемъ животѣ данника своего отчинного, дѣлнаго, у Тимошевичохъ, Уруцкого повѣта, на имя Яковца Хомичича, и зъ его дядкевичи, зъ даню грошовою и медовою, и зъ землею ихъ бортною и съ пашною на вѣки; а хто бы то хотѣлъ зрушити зъ братьи моей, а либо и съ сестръ моихъ, а либо изъ ближнихъ моихъ, тотъ ся розсудить со мною передъ милостивымъ Богомъ на ономъ свѣте. А при томъ были люди добрыи, мещане Мозырскии: Елхимъ, а Карпъ, а Пашко Кобызевичъ, а братъ его Пахомъ Кобызевичъ. А писалъ сесь листъ попъ Мозырский, великого светого Николы, Василей. А на твердость сего моего листа печать есми свою приложилъ къ сему моему листу, и мещанина мозырскаго Елхима просилъ есми, што бы онъ приложилъ печать свою къ сему моему листу.

М. П. М. П.

b) Самъ Жикгимонтъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомоитский и иныхъ. Воеводѣ Кіевскому, подчашому нашому, намѣстнику Мозырскому и Вруцкому, пану Юрью Миколаевичу Радивиловича и инымъ воеводамъ нашимъ, хто и на потомъ будеть отъ насъ Киевъ держати. Билъ намъ чоломъ игуменъ и вси старцы монастыря светого Николы Пустынскаго съ Киева, и поведили передъ нами, штожъ дворянинъ нашъ, небожчикъ Щастный Полозовичъ, далъ и записалъ на тую цер-

ковь святого Николы данника своего, во Вруцкомъ повете, въ Тимошевичохъ, на имя Яковця Хомина, изъ его дядковичи, и на то записъ его передъ нами вказывали и били намъ челомъ, абыхмо имъ на то дали нашъ листъ и потвердили быхмо то имъ нашимъ листомъ. Ино мы имъ на то дали сесь нашъ листъ и подтвержаемъ то имъ симъ нашимъ листомъ: нехай они того данника Яковца, изъ его дядковичи, и зъ ихъ землею пашною и бортною, и зъ даню грошовою и медовою, къ той церкви святого Николы держать, подлугъ данины и запису небожчика Щастнаго Полозовича. Писанъ у Вильни, октября 15 дня, индиктъ 2-й.

Документы эти въ подлинникѣ хранятся въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, № № 17 и 36.

IV.

Запись отъ Ивана Немирича Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю на *человѣка* Алексѣя и земли. 1514—1529—1543 г., Ноября 17 дня.

Я Иванъ Немиричъ чиню явно симъ моимъ листомъ кождому доброму, кому потреба будетъ ведати, або чтучи слышити. Записалъ есми человека своего, выслуженого на господари моемъ, на имя Олексея и зъ братею его, Узившьской волости, зъ Меленевичъ, посполито живетъ, зъ его землею бортною, и зъ нивами, и сеножатми и со всимъ на все, какъ ся тая очизна у собѣ маетъ, ничого на томъ собѣ не оставляючи, Светому Николе на монастырь Пустынский по души своей, и листы на того человека твердости свои, казалъ есми его милости, игумену Светого Николы, Герасиму, дати вечно и непорушно. При томъ были и тому добре свѣдомы, панъ Федоръ Елецъ, а панъ Салтанъ Стецкевичъ, а панъ Станиславъ

Суринъ; а о приложене печатей къ сему моиму листу просилъ есми ихъ милость, вышъписаныхъ пановъ, о печать, и ихъ милость на мою просбу то вчинили и печати свои приложили къ сему моиму листу,—и я Иванъ Немиричъ и свою есми печать приложилъ къ сему моиму листу. Писанъ у Волевску, месяца Ноября 17 дня, Индиктъ 2.

М. П. М. П. М. П.

Настоящій актъ хранится въ подлинникъ въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, № 37.

V.

Листъ старосты Луцкаго, князя Федора Михайловича Чорторыйскаго четыремъ мужамъ господарскимъ, Подгаецкимъ, объявляющій имъ, что «зъ росказаня господарского» они вмѣстѣ съ ихъ дворами и повинностями отдаются пану Ивану Подолянину. 1526 г. Марта 1 дня.

Року тисеча шестсотъ тридцать перваго, мѣсяца іюня двадцать шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Александромъ Малиновскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто урожоный панъ Вацлавъ Зубъцевскій, городничый Луцкій, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Луцкихъ, подалъ перъ облятамъ листъ отъ князя Федора Михайловича Чорторійского, старосты Луцкого, рускимъ писмомъ въ тые слова писаный: »Отъ Князя Федора Михайловича Чорторыйского, старосты Луцкого, мужамъ господарскимъ, Подгаецкимъ, Олишку, а Василине, а Андрейцу, а Редцу. Даемъ вамъ ведать о томъ, што жъ есмо зъ росказаня господар-

ского дали два дворысча ваши и васъ, а третее пустовнее дворысче, пану Ивану Подолянину, и казали есмо его въ тие въ три дворысча и въ васъ увязати ключнику нашому Луцкому, пану Богушу Мордвиновичу, и вы бы о томъ ведали и пана Ивана были бысте во всемъ послушъны, яко то пана своего. Писанъ въ Селцы, мартъ первый день, року Божого тисеча пятсотъ двадцать шостого. У того листу печать одна притисненая. Который же то листъ, за поданемъ и прозбою вышъ менованое особы, а за принятьемъ моимъ урядовымъ, увесь спочатку ажъ до конца до книгъ нинешныхъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая, записовая и поточная 1631 г. № 2144, л. 978.

VI.

Листъ Луцкаго ключника Богуша Мордвиновича и Василія Шунки, опредѣляющій количество земель, слѣдующихъ къ одному изъ дворищъ с. Подгаецъ, пожалованныхъ королемъ въ вотчинное владѣніе пану Ивану Подолянину. 1528 г., сентября 21.

Року тисеча шестсотъ тридцать первого, мѣсяца июня двадцать шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Александромъ Малиновскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановивши се очевисто урожоный его милость панъ Вацлавъ Зубъцевъскій, городничій Луцъкій, для вписаня до книгъ нинешныхъ кгродскихъ, Луцкихъ, подалъ перъ облятамъ листъ Богуша Мордвиновича, ключника Луцъкаго, и Василя Шунки, русскимъ писмомъ писаный, въ тые слова: Я Богушъ Мордвиновичъ, ключникъ Луцкій, а я Василей Шунко, ознаймуемъ всимъ посполите, штожъ которые дворысча тры въ Подгай-

цахъ, отъ господаря короля данныи суть пану Ивану Подолянину въ отчизну, а ино онъ отъ подданыхъ господарскихъ менилъ собе втыскъ въ поляхъ и сеножатехъ и въ гаяхъ; тожъ пакъ за роскаженемъ господаря, короля его милости, князь его милость Федоръ Михайловичъ Чорторыйский, староста Луцкій, сослалъ насъ, што жъ бы есмо разсмотрели—маетъ ли въ чомъ крывду панъ Иванъ и штобъ ему отделили што на него слушно. Тогды мы тымъ обычаемъ постановили: подданые его маютъ по старыне держати, якъ хто державалъ, бо онъ поведилъ, штожъ дей подданые мое никоторой кривды не маютъ, толко я въ томъ третемъ пустовномъ дворысчы крывду маю,—бо такъ поля, такъ сеножати, якъ то пустовные, разобраны суть; ино мы роспытавши ся мужей Подгаецъкихъ, и тие нивы, которые разобраны отъ того дворысча, вышукавши, пану Ивану есмо жъ до уживаня вечистого подали, и наменовите и тые, которые давно держалъ, и тие, которые есмо жъ у подданыхъ господарскихъ вышукали, въ сесь листъ нашъ вписали, штобъ онъ тое дворысче суполна мелъ,—на першемъ въ томъ поли, на которомъ село седитъ, нивъ чотыри, которыхъ кажъдую за три дни плугомъ зорати можетъ, а за гостинцемъ, который съ Крупои до Луцка идетъ, нивъ тры, которыхъ каждую за два дни плугомъ зорать можетъ, а за гостинцемъ, который идетъ съ Крупои къ Теремному, тамъ ему поля нивъ шесть, которые также каждую за три дни зорать можетъ; а за гостинцемъ, который идетъ зъ Мастча (?) до Теремного, тамъ ему поля нивъ чотыри великихъ, въ которыхъ есть нивъ по десяти день и больш; а сеножать ему противъ Дубовицы на десять косаровъ, а другая, подле Микалины гати, на шестнадцать косаровъ; а въ гай липовый и въ дуброву волный ему вьездъ по дрова, какъ жо и подданымъ господарскимъ, и въ дуброве и на болоте, што прикопаетъ поля и протеребитъ сеножать, тое супокойное держати маетъ; а мужеве господарские не маютъ ему вжо жадного втыску чынить. А мы ему на то сесь листъ дали и печати свое приклали. Писанъ у Подгайцохъ, подъ лето Божого Нароженя тисеча пятъсотъ двадцать осмого, мѣсяца сентебра двадцать первый день, индиктъ шеснадъцатый. У того листу печатей притисненыхъ дви. Который же то листъ, за поданемъ и прозбою вышменованое особы, а

за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь спочатку ажъ до конца до книгъ нинешъныхъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга гродская Луцкая, записовая и поточная 1631 г., № 2144, л. 977.

VII.

Уставъ короля Сигизмунда I, данный державцамъ и урядникамъ королевскихъ имѣній, находящихся въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, съ изложеніемъ правъ и обязанностей ихъ относительно управленія этими имѣніями, а также сбора и распредѣленія доходовъ, и съ исчисленіемъ повинностей подданныхъ и взимаемыхъ съ нихъ поборовъ. 1542 года, между 27 мая и 15 іюня.

Устава дворовъ нашыхъ у великомъ князствѣ Литовъскомъ, такъ у Вилеиьскомъ какъ у Троцъкомъ повете, яко ся деръжавцы и врадовъники заховати маютъ. На первей державца дворовъ нашихъ, въ каждомъ дворе особно доведавшыся, колько есть бочекъ жыта потреба на несенье пришлаго лета, только тыми часы отложыть копъ жыта на сторону въ гумнехъ дворовъ нашыхъ, а тое жыто роздавать людемъ на весну у вь отсопъ ку есени на насенье, а за каждую копу бочку дворную жита брать, и тымъ жытомъ засеваты, а кождого лета такъ жыта у въ отсопъ давати.

Гумна дворовъ нашыхъ всимъ тымъ способомъ маютъ быти захованы скоро по жъниве, абы десятины костелъныи, где суть повинъни, сполъна абы были отдаваны; потомъ жито на насенье лета пришлого, которое маеть быти въ отсопъ давано, на сторону отложить только много копъ въ личъбу, колько пашни лета пришлого на насенье жита будеть надобе.

Потомъ челяди невольной месечына маеть быть въ копахъ на сторону отложона, а другая отмолочона, которую месечыну тымъ способомъ уставуемъ, абы челяди неволной, которыи маютъ приров-

ки свои а бонъды, по полторы копы жыта на оддано водле старого обычая; а тымъ иншимъ невольникомъ, которыи обыходовъ и домовъ своихъ не маютъ, тымъ мѣсячына давати чотыры разы до году по бочце жыта, то естъ невѣяное, водле обычая давнаго; а то жыто не веяное маетъ быти въ есени, по жниве, на сторону отмолочоно.

Потомъ того жыта, што застанетъ копъ, отправившы тыи речи, вышей писаные,—две части на насъ и къ пожитку нашому оставямы, а третяя часть жита державцамъ нашимъ къ ихъ пожитку и къ живностямъ, а то маетъ быти передъ писаремъ нашыми откладывано; а къ тому што вѣжнете ярынъ, яко: овса, пшеницы, ячменю, гречыхи, гороху, ярыцы и инъшыхъ, того скоро по жниве маютъ державцы нашы намъ на несенье и тежъ ку пожытку три части на сторону отложыти, а собе четвертую часть ку живности и пожытку маютъ обернуги.

Жита наши, которыи въ гумнехъ дворовъ наши зостануть, тыи маютъ бытъ на весну подданымъ нашымъ, або хто будетъ потребовалъ, копами на пенези роздаваныи на долъгъ, за слушнымъ рукоемъство заплатити, которые пенезы тыи долъжники платити будуть повинъни на светый Мартынъ; а тыи пенези затыи жыта державцы нашы будуть повиныи до скарбу нашого давати.

Потомъ то уставуемъ, абы державцы нашы и ихъ врадники, при роздаванью жыта нашого такъ отсопного, такъ тежъ кгды на пенезы будетъ давано жито, жадныхъ великихъ поклоновъ отъ подданыхъ нашыхъ не брали, одно по полугрошью, або по курыцы. Потомъ речи вси въ небытности нашой маютъ зуполъне вживати, и ку своему пожитку обращати державцы дворовъ нашихъ; а на приеханье наше къ великому князству Литовъскому будутъ повинны до кухни нашое речыи огородныхъ достатокъ нашъ дати, водле шацунку и уставы кождого двора особно.

Потомъ абы льну каждый державца такъ достатокъ сеялъ, яко бы отъ кождое жонки, которая месечыну маетъ брати, далъ поставъ полотна на кождый годъ; а если бы который державца нашъ въ томъ пильности не мелъ, а лѣну ку работе челяди не выдалъ, отъ кождой жонъки повиненъ будетъ дати пятдесятъ грошей, або поставъ полотно пятдесятъ локотъ.

Тежъ абы бочки въ одну меру уроблены, а подъ цехомъ нашымъ и зелезнымъ обручомъ збити, которыми зъ гумна и зъ свирна на кождый расходъ и на несенье абы было мерою; тыми жъ бочками отсопъ жытный ку насеню отбирано.

Потомъ жита наши данъныи и овсы, то естъ дякла, державцы нашы бы сполъна до городничого нашого отдавали, а съ подъданыхъ нашыхъ маеть быти о светомъ Шымоне Июде выбирано, которое жыто и овесъ городничыи наши въ каждомъ повете кождого году водле торгу маеть продавати, а пенезы до скарбу нашого отдавати.

Тежъ што продякле суть даныи куры и яйца, то зоставуемъ на кухню нашу, а въ небытности нашой маютъ подданыи нашы пенязми платити, то естъ за десятъ яецъ и за курыцу—одинъ грошъ, а то маютъ державцы наши до скарбу нашого отдавати.

Потомъ за сена дякольныи подданныи нашы каждого году будуть повинъни пенезми платити, то естъ за возъ сена по три грошы; а тыи пенези маютъ быти до скарбу нашого отдаваны, а пенезы подякольныи понтичныи дровныи, то маеть на врадъ замъковый подстаростему городничому.

Также мезлевы, которыи съ подданныхъ нашихъ на кождый годъ прыходять, то абы державцы нашы пенезми отбирали, то есть: за яловицу трыдцать грошей, за вепра двадцать грошей, за барана чотыры грошы, за кура, а за десетъ яецъ одинъ грошъ,—а тыи пенези маютъ быти отданы до скарбу нашого.

По всимъ подданымъ нашимъ, которыи суть повинъни службу вставичне служити, то естъ люди тяглые, то зоставляемъ для роботъ нашихъ дворовъ, яко нашни, подводы, по старому обычаю маютъ служити черезъ лето, начавши отъ весны, кгды на яръ почынаютъ орати, ажъ до светого Шымона, черезъ зиму, державцы дворовъ нашихъ, зоставивши люди дворную потребу то, што который дворъ потребуетъ, а остатокъ людей тяглыхъ ку пожитку нашому осадити, то естъ на бочце пъницы, або вепра, будетъ повиненъ подданый кождый осаженого до двора нашого ку пожитку нашому дати, а то въ небитности нашой, державцы продавшы, повиненъ то будетъ до скарбу нашого отдавати. Тежъ боярове нашы путные, осочники, которыи зъ стародавна повинъни войну служыти, сена косити, такъ же тежъ

рыболове, бортники, ковали и иншыи подданыи дворовъ нашихъ, которыи тяглое службы не служатъ, тыи будуть повинъни дванадцать дни на толоку въ годъ до дворовъ нашыхъ служыти, то естъ три дни на паренину орати, три дни на жито, три дни жито зъ серпомъ жати, а три дни ярыны а сено косити, по старому, которыи отъ инъшыхъ послугъ мають быти вольны; а на кождый годъ до скарбу нашого, на день светого Мартина осаднаго, повинни будуть платити по копе грошей; а вшакъ же съ тыхъ же подданыхъ нашихъ, яко осочниковъ, рыболововъ, ковали на дворную потребу, по кольку службъ оставившы, те жъ земли пусты повинни будуть державцы дворовъ нашихъ, ку пожытку нашому, наймовати на пенези, альбо на меды, а то все до скарбу нашого отдавати.

Потомъ въ которыхъ ачъ кольвекъ дворехъ нашыхъ суть озера, на которыхъ зиме неводы ходять, тыи рибы маютъ быть продаваны за пенези за две части ку пожитку нашому; державца повиненъ пенези до скарбу нашого отдати, а третюю частъ собе маетъ взяты; тежъ при которомъ кольвекъ дворе нашомъ суть пожитки въ куповъ, въ лесы, то естъ: смоль, ванчосы, попелы, кленки, то зупелно на насъ зоставуемъ.

Потомъ абы каждый державца дворы нашы будовалъ, оправовалъ, огородилъ, ставы, млыны, где могуть быть, абы были роблены, а овшеки въ есени, где не маешъ инъшихъ роботъ.

Тежъ абы жадный державца подданыхъ а людей дворовъ нашыхъ къ работамъ, альбо будованья дво(ровъ) своихъ отчизныхъ, не брали, а ни въ жадныи подводы въ речахъ своихъ; а овшеки, цо ся тъкло, яки купли воженья, то естъ: соли, жита, сена и овса и иныхъ речей.

Про тожъ а жадный державца абы винъ, зарукъ, або тежъ прометовъ великихъ не бралъ, а ни тежъ слугъ своихъ въ таковыхъ винахъ въ доми подданыхъ нашихъ не всылали, а ни лежни клали, але абы то было черезъ писары нашы врейстровано ку пожытку нашому; а каждая вина, которая есть большая надъ пятдесятъ грошей, то до скарбу нашого ма быть, а державцамъ нашымъ до пятидесять грошей.

Тежъ кгды подданый нашъ озметъ державцу на спорщину ка-

кую ку суженью о землю або о сеножать, тогды маеть подданый, вины который застанеть, заплатити яловицу або полкопы грошей, а врадники дей державцы выведеть—десять грошей; а коли поднамесничокъ, або тивонъ выедеть—тогды пять грошей.

Также пересудъ на державцу зоставуемъ, то есть десятый грошъ; але пересудъ нема быть бранъ отъ тыхъ людей, которыи ся потвары оттяжуть; потомъ децкованье то ма быть передъ державцы нашими водле статута земского, то есть помилное.

Тежъ вины битья мужыкъ зъ мужыкомъ, кгды ся побъеть, а тому будеть доводъ, то маеть быти державцы пятдесятъ грошей; а естли ся передъ правомъ згодять, державца ма взяти дванадцать грошей.

Также въ которомъ бы кольвекъ дворе были пенези, або стародавна доходы, яко мыта речныи, перевозы, капъщизны, млыны, куничныи отъ домовъ где пивъ не варатъ, то все абы было брано ку рецы пожытку нашому а къ скарбу нашому отдавано.

Тежъ где бы кольвекъ были меды данъныи стародавныи, также и бобры и куницы и иныи, то все зоставуемъ ку пожитку нашому.

Такъ жо въ местъ малыхъ и великихъ торговое и по бочное, мясное и инъшое, то все на державцу зоставуемъ, окромъ мытъ стародавнихъ, которыи идуть до скарбу нашого.

Потомъ кгды мужыкъ на заказанье державцы нашого, або врадника его, на работу не выйдетъ день одинъ, альбо непослушенъ будетъ, ма быть мернымъ грабежомъ каранъ, а ницъ венъцей, ено барана; а если будетъ въ чомъ болшый впорный надъ росказане державцы нашого, ма быть, яко впорникъ, плетю або бичомъ каранъ, а не виною.

Тежъ абы вси доходы пеняжные и пожытъки дворовъ нашыхъ на одинъ часъ были выбраны и отдаваны ку скарбу нашому, то есть на светый Мартинъ.

Потомъ, где бы кольвекъ было стадо въ дворе нашомъ, повиненъ державца въ доброи опатръности, яко бы отъ голоду, альбо от зимна жоребятя, або сверепы, отъ голоду не здыхали; а где жъ кольвекъ за его неопатрностью што вмерло, повиненъ то будетъ платити водле уставы земское; а къ тому каждая сверепа и жеребя

мети въ рейстре на ймя шерстъ, а того рейстру списокъ конюшый маетъ мети у ведомости въ каждомъ стаде каждого двора; и тежъ, што ся которого году примножитъ, такъ же тежъ мети пильность о кони стадныи, абы были добре хованы, а оброкъ стадному коню на две недели бочка овса, а конюшы абы того досмотрелъ.

Тежъ абы каждый державца каждого двора, где естъ челядъ невольная, животины у дворехъ нашыхъ мялъ досыть, и овшеки сохи дворныи, абы челядь невольная дворными сохами робили ку розмноженью пашни и дворовъ нашыхъ. Тежъ вси державцы дворовъ нашыхъ, такъ повету Виленьского яко и Троцкого, повинъни будутъ два разы году, то естъ одинъ разъ въ есени, а другой разъ на веспу зъ гумна личбу чынити зупелне, и со всихъ тыхъ пожытковъ нашыхъ, два разы каждого году писаныхъ, которыи есмо ку своей руце и пожытъку скарбу нашого зоставили, передъ писарми нашыми, которыи будутъ одъ насъ ку слуханью личбы дворовъ нашыхъ два разы каждого году посланные.

Тежъ абы замковые врадники, такъ замку Виленьского яко и Троцкого и иныхъ, до дворовъ нашыхъ не слали децкого своего, бо то естъ великая сказа подданыхъ нашыхъ и замешканье усихъ дворовъ, а овшеки же то большей чынятъ для своихъ пожитковъ а не для отправы замковои; а того досмотреть, чого который замокъ потребуеть, а въ томъ жебы замъковый врадникъ ма завжды порозуменье а розмову зъ урадники альбо державцами тыхъ дворовъ, которыи повинныи службы до замъковъ служыти повинъни, того большей стерегучы, якобы подданыи наши лупежствомъ непотребнымъ не были втиснены, а оправы замковые, за згодою врадниковъ, были справнены.

Тежъ абы державца дворовъ нашыхъ, врадники дворныи, яко: заказники, старцы, тивунове, приставы, сорочники, гумечники обирали што лепшыи мужы верныи, а которыи бы большей стерегли работы пашнѣ и иныхъ, нижли лупежства, альбо откупованья отъ повинныхъ роботъ.

Тежъ абы державца дворовъ нашыхъ, кгды ся трафятъ подводы ку потребе нашой, жадныхъ откуповъ не брали и своихъ урадниковъ дворныхъ отъ того гамовали, яко бы подданыи были въ

въ томъ захованы въ каждомъ дворе а чергами на подводы ходили, тогды жадному крывды не будетъ.

Тежъ уставуемъ и грозно приказуемъ, абы панове воеводы, такъ тежъ старосты и вси державцы нашы, черезъ то, никому, какого будь стану, не смели пустовъскихъ земль давати, яко у воеводствахъ, такъ у староствахъ, такъ тежъ у дворехъ нашыхъ, всихъ до нашой воли господарской, а то всимъ вамъ приказуемъ подъ ласкою нашою. А хто бы за таковымъ даньемъ отъ пановъ и за листомъ ихъ которыи земли нашы пустовскии держалъ, а на то бы въ себе листу нашого данины не мелъ, казали есмо тымъ писаремъ нашымъ, въ таковыхъ тыи земли нашы отбирати, и зась къ тому двору нашому привлащати, въ которомъ дворе тыи земли будутъ знайдены.

Тежъ которыи суть капъщызны пнези по местомъ и дворомъ нашымъ: ино какъ будемъ дворанъ нашыхъ посылати, тыхъ капщызныхъ пенезей выбирати, мають тыи дворане нашы, подъ сведомъ державецъ нашыхъ и тыхъ писаровъ нашыхъ, отъ насъ на тыи дворы въставеныхъ, тыи пенязи капъщызныи выбирати и отдавати до скарбу нашого, а то для того, ижъ бы въ томъ намъ никоторои шкоды не было. А окромъ тыхъ капщызныхъ пенезей, и иныи всякіи платы нашы пенежныи, цыншовыи, поборныи, куничныи, мытныи, отъ жытъ и отъ мезлевъ прибавеныи, отъ пустовскихъ земль браныи, и отъ осадъ людей, и зъ винъ, и инъшыхъ вси доходы и платы, што суть намъ ку пожытку нашому привлащоны, маютъ державцы нашы выбирати, а писари нашы маютъ то въ книги свои записывати, и черезъ руки державецъ нашихъ, при тыхъ писарехъ нашыхъ, маетъ то все давано быти до скарбу нашого, на рокъ, на светый, Мартинъ *).

Копія этого акта хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 101; самый же подлинникъ находится въ метрическихъ актахъ, состоящихъ при 3 Департаментѣ Правительствующаго Сената, въ Книгѣ Судныхъ Дѣлъ, № 6, стр. 227—232.

*) *Примѣчаніе.* Настоящій уставъ, въ нѣсколько измѣненной формѣ, изданъ былъ еще за 13 лѣтъ назадъ, именно въ началѣ 1529 г, какъ это видно изъ Актовъ Запад. Рос. т. II, № 159. Изъ примѣчанія, сдѣланнаго къ нему, оказывается, что онъ помѣщенъ въ VII кн. Литовской метрики, стр. 500—501, тогда какъ этотъ уставъ, какъ выше сказано, находится въ книгѣ VI, стр. 227—232.

VIII.

Опись Брацлавскаго замка, съ исчисленіемъ приписанныхъ къ нему селъ и земель, а равно земянъ, бояръ и мѣщанъ, и съ указаніемъ на повинности, отправляемыя ими въ пользу замка. 1545 г., Августа 21 дня.

Roku tysiąc siedmset piędziesiąt ośmego, miesiąca Nowembris dwudziestego dziewiątego dnia.

Przed urzędem y aktami ninieyszemi, y przedemną Tomaszem Mokrzyckim, namiesnikiem burgrabstwa grodzkim Winnickim, comparens personaliter urodzony jego mość, Jakub Dawnarowicz, ten extrakt inwentarza Bracławskiego z metryki wielkiey wielkiego xięstwa Litewskiego, przy pieczenci tey że wielkiey wielkiego xięstwa Litewskiego, wydany, ratione intro contentorum, ad acta castrensia, capitanealia, Winnicensia, per oblatam podał de tenore tali: August trzeci, z Bożey łaski król Polski, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Żmudski, Mazowiecki, Kijowski, Wołynski, Podolski, Podlaski, Inflandski, Smolenski, Siewierski y Czerniechowski, a dziedziczny xiąże Saski y elector. Oznajmujemy tym listem extraktem naszym, komu to wiedzieć należy, iż w xięgach metryki kancellaryi naszey wielkiey wielkiego xięstwa Litewskiego znajduje się inwentarz zamku Bracławskiego za nayjasnieyszego predecessora naszego, króla jego mości Polskiego y wielkiego xiężęcia Litewskiego, Zygmunta Awgusta, w roku tysiącznym pięcsetnym czterdziestym piątym, miesiąca Awgusta dwudziestego pierwszego dnia, zporządzony, y suplikowano nam jest przez panow rad y urzędnikow, przy boku naszym rezydujących, abyśmy ten inwentarz z tych że xiąg metryki kancellaryi naszey wielkiey wielkiego xięstwa Litewskiego per extractum authentice wydać pozwolili; który słowo do słowa, z ruskiego wypisuiąc, tak się w sobie ma: »Meseca Awgusta dwadciat perwoho dnia, indykta tretoho, popys zamku Bracławskoho, aby była wedoma hospodaru, jego myłosti, o robote zamku Bracławskoho. Powediły wsi zemiane szlachta y meszczane, jż przed tym, za panowania sławnoje pamiaty Alexandra korola, joho myłosty, sam, joho myłost', personoju swojeju, hospodarskoju, so wseju zemłeju Litowskoju raczył tut do Bracława pryiżdżaty, y onyi zamok swoim nakładom y ludmy Litowskimy, kotorych z soboju pryweł, pry sebe zarobyty, i poczał od tych czasow bołszey na piatdesiat let tot zamok stojat Potom, za derżania kniazia Iłyi Konstantynowicza, hospodar, jeho my-

łość, rozkazał onyj zamok zasiawu (sic.) zarobyty swojemy penezmy, y dano desiatu robotu kniaziu Ilei z skarbu jeho myłosti semsot kop groszey; to pak dey on, pobrawszy penezy, y dwe czasty toho zamku swojmy ludmy zarobił, a tretiuju czast na zemian y meszczan zdesznich gwałtom zakinuł, kotorye museli, za newoleju y za wełykim karaniem, horodni y weży zarobyty; kotoruju czast horoden y weż kniaz Iłyia robył, a szto też zemiane y meszczane za muszenyjem zarobyly, ja toho wseho ohladał y dostateczney w sem regestry opisał, —y tak sia z początku onyj zamok Bracławski w sobi majet: nayperwey most, kotorym do zamku jezdet, powinni robyty wsi zemiane y meszczane, kotorye robyty onoho zamku ne wymowlajutsia, y chotiat joho y wpered zawżdy wsi pospoł robyty; a do uzwodu y worot zamkowych tesli—Miteska i kolko ich budet, powynny derewo wyrobyty, a zemiane i meszczane majut wywezty, y tyjeż tesli powynny onym derewom, jako uzwod, tak y worota, wrobyty, jako jż za kniazia Iłyi y za kniazia Pronskoho onyi tesli tot uzwod y worota urobyły z drewa jch pospolitoho.. A weżu nad woroty, z fundamentu aż do werchu, zarobyły wsi zemiane pospolite ludmy swoimy y pobili, a ganok y stołbu, y w seredynie onoje weży swetłyciu sprawił, powedajut, kniaź Pronski, za penezi krolewskyi. Za toju weżoju, iduczy w zamok, po lewoi ruce horodni idut; pierwuju horodnju urobyły zemiane: Isay Żabokrycki, Jwan Koszczyć, Bohdan Stupicza; podle tojey horodni urobyły horodnju Roman Krasnosielski, a Szeszkowyczy, a Todor Korotkowicz z bratem; za toju horodneju tretjuju urobyły Wasyley Romanowicz, a ludy kniazia Fedorowy Czetwertynskoho y jch potużniki; czetwertuju horodniu urobyły: Kleszczowski, Szemiaszkowaja, Ziałowski, Buszynski; piatuju horodnju urobyły zemiane na jmia: Chruć, a Kordysz, a Skindyr, a Kozan, Iwaszko Koputerynski, Deszko Nadzkowiez, Miska Berezowskaja, Komar Borys, Andrey Szandyrowskiy y z brateiu, Kostia Kozar, Szeszko Kudrenko; szostuiu horodnju urobyły Mormuli y z swojemy potużniki. Za toiu horodneiu weża dłuhaja, kotoruju robył kniaz Iłyia; podłe tojej weży horodnju urobyły: Serhey Oratowski, a Mysko Demidowski, Andryas Janczynski a Radnowski; za toju horodneju czotyry horodni pospoł urobyły meszczane wsi Bracławskyi; za meszczanskimy horodnjamy ostatocznaja horodnja ku weży pryszła,—tuju horodnju y weżu, y jeszcze czotyrnatciat horodeń y try weży, od mesta urobił kniaź Iłyia; a wseho toho zamku robył kniaź Iłyja piatniatciat horodeń i czotyry weży, a zemiane y meszczane urobyły odynatciat horodeń a dwe weży, bolszey niżli tretiuju czaść. A summa wsich horodeń y weź zamku Bracławskoho dwadciat y szest horodeń, a weź szest. A toje roboty knia-

zia Iłyi dorobliwał kniaź Proński,—w czotyrech weżach werchow prybawłał y pokrył; niżli tyje weży wsi, jako roboty kniazia Ilyi, tak y ziemianskyi, wsi ne obmazany y horodni też jnszyi ne mazany, a kotory i byli omazany, ino welmi płocho, a wże y taja hłyna opadała, a na jnszych weżach pomostow y wschodow nett, y podzabityia dobroho ne uczyneno, y fundamenty y strelba zemnaja, kotoraja udełana, tyi strelby zemnyi peskom ne nasypany y werchy ne pobyty, doszcz na nych idet, y hnyjut, y pomostow y stołb, kotoryi byli w zamku y koło wsich horodeń y dwerey u inszych horodniach ne masz, to dey wsie obeschli za perwych starostw, kotoryi meszkali na mesce kniazia Pronskoko, y tez żołnery. A tak to wse potrebujet oprawy, bo za tym niedostatkom, jako obrony dobroje byty nemożet, tak i schowania w onych horodniach zemiane y meszczane ne mohut mety. O storyży y kłykuny pytałom,—powediły kniaz starosta y meszczane y zemiane, jz ne odnoho storoża ani kłykuna net, a nemajut od kul mety, y też na czom chowaty, bo dey zdawna z tych seł bywało, kotoryi rozdany; ino wsi tyi seła spusteły y taja straża zhynuła,—odno podstarosty naimajet dwoch słuh po kope hroszy, kotoryi worot sterehut y u zwodu osmotrajut a ne kłyczut, na szto potreba jest osmotrenyia i łaski hospodarskoje. Wody też u zamku net, kotoraja studnia poczała buła wybywaty y nemało newybiła puldesiata sażnia, y doszkami operena; ino jeszcze do wody niedoszli, a wymerali jesmo, iż tolko wseho kopaty czotyry sażni y łokot do wody,—na to potreba jest penezey, a remesnyk w Zenkowie meszkajet; y to też dali znaty, jż czasu pryhody y obleżenia od mocnych nepryjateley, z toje jednoje studni ne budet dostatku wody. A k tomu potreba jest most do zamku czerez Puczewku reczku y bakszty na toj hore, kotoraja od zamku wyszła, y ne jest od nepryjatela b zpieczna, bo możet po ney na horu zamkowuju dobytysia; a koli bakszta budet na toj hore sprawłena i bojnicy wczyniany, tohdy żadnoho prystupu ne dopustyt; a most dla toje pryczyny potreba, jż tym meszczanom, kotoryi za Pucowkoju meszkajut, welmi trudny wschod peszym do zamku, a wozom y konem żadnoju meroju ne możet wziechaty, a też kruhom, jakoby wełykaja czwert myli, do zamku wozy jezdiat. y wodu tudyż woziat; czasu pryhody ne mohut sia tak dałeko ku zamku ludy z statky swojmy pospiszyty y sami w ruki nepryjatela uwojdut; a hdy na tom mestiu za łaskoju hospodarskoju most sprawen budet, tohdy jako wbeżyszcze pospeszno y swoie y ludem do zamku, tak y woda błizszaja prybudet. Y też potrebujet miłoserdia hospodarskoho o prybawłenyi zamku zdesznoho, Bracławskoho, bo zamok welmi jest mały, ne według dostatku ludey,—netolko połowica ich,

ałe y tretiaja cząść statki swojemi, czasu pryhody, ne mohut sia umestyti; hde ja sam tomu zrozumiał y plac wymerył, jż mozet jeho prybawyty bolszy nizli teperyszni, — a nakład ne wełyky na to wyidet, bo pry tom zamku jaruchy hłybokiy z obu storon pryszli,—z odnoje storony od Buha, a z druhoje storony od Buewki, meży kotoremi jaruhami toho plecu od mesta, hde potreba jest, derewom zarobyty tolko szestdesiat y dewiat sażeń, a bolszey derewa ne wyidet—odno na dwadciat y try horodni, to jest po try sażni w horodniu; a od tych jaruch derewom horodeń ne potreba robyty, powedajet kniaz starota, jz możet bez derewnych horodeń pletenem mocno meży stolpia opletszy, y hlynoju tołsto obmazawszy, y werchy oblankowawszy, tohdy dosyć twerdosty budet; a krom nakładu skarbu hospodarskogo mohut tuju robotu od tych jaruh zemiane y meszczane soboju zarobity y obmazaty, y row wykopaty s toje storony od mesta, hde majet derewom robleno byty, acz kolwiek ony toho na sebe ne podnimalisia; niżli mne obaczywszy majetność jch, tak sia wydił, a wedżo wse to jest na woli y na łasce hospodarskoj,—a to sut'; bronney reczy zamku Bracławskoho dwa dełа wełykych, a czotyry dełа polnych; hakownic dwadciat y osim dobrych y ku strelbe hotowych; nizli łoża wo wsiech deł łychyi, a jnszy dełа derawi, os y kołesa płochi sut, y szyny rospadłysia, treba oprawy, a jnszy dełа znowu perelity, a rucznice ne jednoi net, odna . . . . . z staroswieckich, kotoryi możet perelit y, złucywszy w odno mesto z temi kiy (sic) kotoryi sut u wernici piat deł, budet dełо dobroje. Porochu delnoho, hotowoho, dwe boczki połnych a tretiaja ne mnoho połna, w kotorych boczkach możet byty w tych połnych po piaty kameney, a w toy ne połnoy czotyry kameni, wseho toho czotyrnadciat kameney; a hakownicznoho porochu możet buty z puł kamenia; salitry dwe boczki połnych, a tretoi boczki bołszoy połowica, w kotorych możet buty po szesty kameney, a w toy nepołney try kameni; wsioho toho piatnadcat kameney. Swincu sztuka, na podobenstwo piat kameney. Serky możet buty połtora kamenia. Kul wełykich kamennych k wełykim dełom piatdesiat, a k małym dełom, polnym, kul ołowianych dweste. Porochownyc desiat form delnych y hakownicznych dewiat. Puszkarey try: Ławryn, Hawryło a Hryń, kotorym służba jdet z skarbu po szesty kop hroszey a po suknu łunskomu, —wsioho toho osimnatciat kop hroszey a try sukna; niżli tych puszkarey mało jest, treba jeszcze trech y dełł też bolsze nadobe; w kotoroho Ławryna jest syny dwa nauczonych, jestli budet łaska y roskazanyie hospodarskoje, mimo nich, inszych ne potreba iskaty; tyi puszkary poroch robliat y saletru umiejut robyty, niżli dostatku kotłow, koryt, kadey, najmytow nie majut; a mestia, potrebnyi

na saletru, powedajut, jest welmi dobryi,—a wedże y to by ne szkodyło, koliby meży tych ruskich puszkarey—oden był Lach, albo Czech, nauczony puszkar, dla lepszoje y pewneyszoje sprawy y strelby zamkowoje; a sto sia dotyczek na spiżowania zamkowoho, toho żadnoho zernity net, a nemajut odkul mety,—bo ne tolko folwarku, ale y paszni ku zamku, a ni odnoho czlowieka, ne masz.—okrom młyn na Buhu, z toho tylko rownoje pożywene możet byty, powedajut, bolsze stojt, nyżly mełet. A hołoho płatu na starostu prychodyt z myta piatdesiat kop hroszey, a z korczom kapszczyny druhaja piatdesiat kop hroszy; a czerez to ni odnoho penezia ne powidajet, o czom weliko czołom bijut hospodaru, joho myłosty, wsi zemiane y meszczane, aby jeho myłost raczył kazat tot zamok naspiżowaty dla wsiakych pryhod od nepryiatelia. Za tym czyniły jeśmy pytanja około moszczenia mostu wełykoho na Buhu; jno zemiane y meszczane powidyły, jż pered tym, za kniazia Konstantyna y za kniazia Iłyi, toho mostu ne było; bywał dey porom, a czasem w brod jezdżywali; niżli za kniazia Pronskoho wsi ony, jako zemianie tak y meszczane, zwoliwszysia, tot most pod czas tey zarobyli, y na pered toje roboty mostowoje ne wimowlajutsia; a jnszych mostow nihde od Brasławem, a ni w powete Iracławskom, ne powidajut,—odno oden mostok na Potuszy żydowe naymajut robyty, aby jm wolno było jezdyty z kuplamy swojemy; a staw na Buhu tak ze oni wsi pospołu, jako zemianskie ludy, tak y meszczane, powinny robyty y hatyty melnycu y naopusty derewo wozyty y stawyty; a szczo sia tycze dwoch stawkow na redce na Pucowce, pod samym mestom, odyn stawok y młyneć, niż my powedajut, jż wsi pospoł zasypały y młyn sprawiły, y na pered poprawowaty y robyty joho ne wyłamujutsia; niżli kotory stawok y młineć na tey że redce wyżey jest, powiediły, jako kniz Konstantyn dozwolił odnomu meszczanynu, na jmia Paszku Carnodolinskomu, na starom stawiszczy zasypaty y młyneć urobity, y on dey urobiwszy, derżał jako wyżey petnaciat let, a potym, ne mohuczy ieho derżaty, zaprodał żydu Ostrowskomu, ... y tot żyd umer, a onyi staw teper ni wsich tych, kotoroho zemiane y meszczane robyty ne chotiat'; też szto sia tyczet dawania podwod, ino zemiane, pospoł z meszczanami, powynny podwody dawaty do Wennyci, a daley, toho powedajut, jako pered tym ne dawały tak i teper ne chotiat dawaty; a toju dorohoju do Kijowa, y do Czerkas, y Kanewa pytałom, kudy pered tym a na kotoryi uroczyszcza y dobryi a łychyi leta podwody chożowały prostey niezaymujuczy Wennyci; y oni powediły, poczon od Bracławia po sełam, kotoryi pered tym bywali, a teper wsi od pohanstwa zpusteli, kotoruju dorohoju podwody wsie nie możut chodyty,—odno na Wennicu; a wet że, powedajut,

wse by sia to mohło naprawyty, odno by za łaskoju Bożeju y wołeju hospodarskoju zamok Zwinohorodski mogł zaroblen byty; dla czohoż nado wsi jnszyi potreby prosiat łaski hospodarskoi y ustawicznoje meszkanyje ludey peneżnych, aby lete y zime byli chowany, bo teper nepryiatel ne boitsia; niżli skoro ludy peniażnyi oto idut, tohdy tatarowe prychodiat y szkodu czyniat; a hdyby ludy peneżnyi zawżdy obecne meszkały, tohdy jak zamok onyi Zwinohorodski możet bezpieczne zabudowan byty, tak y seła mohut osesty y starosta y uradnyki jeho od zdesznych protiwnikow budet bezpeczny, y kozaki też ne smeły budut w zemlu Turcckuju wchodyty y zaczepok dełaty, y teper by dey kozakow nemoh uniaty, koły by ludy peneżnyi ne meszkały; y nadto, hdyby tyi seła osiły, tohdy y płat na zamok możet prybyty. Klykowszczyna y storożowszczyna tak jako w Wennicy, y seła żamkowyi, y wsi jnszyi pożytki mohut znaytisia y wyiskany byty, z czoho by wse starosta moh pożywłenyie mety, y na tom by skarb hospodarski neszkodował; a tych czasow ne znaty hde hospodarskoje, a hde jest żemianskoje,— wsi seliszcza y pożytki za zemiany, y meszczany, y za kozaki sut; niżli zakryty, y chotiaby ne wem kaki pożytok stoho sobe brały, odnak że, powidajut, niczoho ne majem y powynnostey zamkowych ne choczut tiachnuty, y wse w puste mianujut, a pred sia swoiat: tam nasze a tam brata naszoho, a hospodrskoho nihde ne każut, y lystow twerdostey na to ukazowaty ne chotiat. A odnakoż ja, wypelniaiuczy rozkazanie hospodarskoje, dowedywalsia jeśmi w meszczan zdesznych, cztoby peredtym ku zamku seł y pożytkow tiahnuło,— y oni mne dali regestr, opisawszy kotoryi dochody, y pożytki, y seła ku zamku byli derżanyi; a chto jch teper majet y używajet, to jest na jmia: Bobrow seliszcze ku zamku prysłychało, a teper derżyt Jsay Żabokrycki; Sawran seliszcze było zamkowoje, a teper derżyt Kozar; Kałaur seliszcze pered tym horodowoje, a teper derżyt Hryćko; Czeczyl na Berdyszczy seliszcze Nokiczynci zdawna było zamkowoje, a tych czasow derzyt Steżurowski; Skawuszyn seliszcze na woyta bywało, a teper derżyt tot że Czeczyl; woytowey też na woytu bywałoho, derżyt Wasyl Romanowicz; Aysyn seliszcze na . . . . . zamku bywałoho, a teper derżat kniazi Sokolinsky; Ostołepow seliszcze było horodowoje, derżyt Mysko Stepanowicz; Stawy seliszcze y łowy zamkowyi było, derżyt Iwan Ilgowski, a druhuju połowynu tych staw Juchno Krasnosielski derżyt; Jassy seliszcze horodowoje było, teper derżyt Żiżalowski po żone; Udyckoje ustie Czernoje zdawna było zamkowoje, teper derżyt Iwan Koszczyc; a powedajut, jż za kniazia Konstantina y za kniazia Iłyi, y za kniazia Pronskoho zawedali toje ustie na zamok; niżli dey tak hed kniaź Pronski jemu postupił, a krom toho inszych ozer

ani stawow na zamok net; a tot Iwan Koszczyc powedajet, sztoż na toje ozero majet prywila łysty potwerżenie hospodarskoje; a meszczane soznawali, chotia dey on zaocznie prywila y łysty sobe brał, niżli toho nikoli niewżywal, bo jest z wełykoju szkodoju zamku hospodarskoho, jż dej krom toho ozera na usty ne masz nihde inde na zamok ryb włowyty; też powedily, jż podymszczyna z ludey zemianskich na zamok buwała: z kożdoho dymu po dwanatciat hroszey y po merce owsa, po chlebu, a po kureti, a kozaki, kotoryi za zemiany bywali, y z kozakow podymszczyny na zamok byrano, y myto też na zamok chożywało: od soroka hroszey hrosz, z medu y z inszych reczey, a od konia myta czotyri hroszey, od swirypy—dwa hroszy, od woła—hrosz, od korowy—puł hrosza; a teper dey toho niczoho nit, o czom jesmy zemian zdesznych napominał, jesliby na tyie wyszey menenyi pożytki zamkowyi, kotoroje obdarowanie y łasku hospodarskuju meli, aby ich ukazali; ino szto sia dotyczet tych seliszcz menowanych oni powedili, iż derżat to za prywiłei y łysty hospodarskiemy, y radbychmo na tot czas ich pokazaty, niżli gdy kniazi y panowe, wsia zemla Wołynskaja, meszkajuczy na supokoynych imenach, na toje pokładanie łystow ne pryzwołiły, i my dey, buduczy ukraineу słuhy hospodarskyi, tych przywiłew y łystow naszych, kotorye u sebe na to majem, na tot czas pokładaty ich ne możem a naboley, jż ich pry sobe ne majem, a derżym ich w Kamenciu Podolskim, w Ostroze, y na inszych storonach u pryjateley naszych; wedże koły wsia zemla Wołynskaja zwolat prywila i łysty swoi pred hospodarem pokładaty, y my też na on czas położyty ich ne odmowlajem; a o tuju podymszczynu powediły, jż to jest dochod z ludej naszych nas samych, panow; a krom toho jnszych niekotorych pożytkow z ludej naszych ne majem, z toho jest jako pożywłenyie, tak y odeża nasza; a k tomu, o kotoruju stacyiu meszczane hospodarskyi żałowały na zemian, jż oni posłow y honcow cudzozemców, y też posłancow hospodarskich, kotoryi w sprawach pryjezdżajut zdese, ludem swoim z nimi pospoł podnimat nakażut; ino zemiane, niewdajuczysia z nemy w żadnoje prawa, tuju stacyju z ludey swoich dawaty pryzwołyły do tych czasow, poki u mesce budut meszkaty. Niżli prosyły kniazia starosty y mene, słuhu hospodarskoho, abychmo dozwoliły im osobływoho woyta nad ludmy swojemy, ziemianskiemy, ustanowyty, żeby lude jch u prawe woyta hospodarskoho nebyły; jno my, oaczaczy tuju prozbu jch slusznoju, jż takowy obyczaj wezdę po inszym mestom hospodarskim sachowywajetsia, a naboley rozumejuczy po tey jch perwoy protywnosty, żeby na tom toho ne było jż sztoby ludy szlacheckyi ku jch woli y dozwolenstwu ne prystawały, a

byli za odno z pany swojemy, toho jeśmy im dozwołyły,—majut ony nad ludmy swojemy osobliwoho woyta swojoho mety, kotory majet wsimy ludmy ich zemianskymy sprawowaty, y koli potreba ukażet z ludej ich kotoroje roboty, abo stacii, podwod mety, wedłe ich powynnosty, tohdy woyt hospodarskyi majet onoho woyta ich obosłaty a w toj reczy dat znaty; a tot woyt ich powynen budet w tych potrebach ludem ich rozkazowaty, y władność nad nymy mety; a woyt hospodarskyj czeres to wse ludmy ich zemianskiemy ne majet sprawowaty, y żadnoho rozkazania nad nimy mety. Jakoż ja, dla mnohych potrebnych pryczyn, chotiaczy wedomosc hospodaru joho myłosty uczynyty, kazałem wsich bojar y ludej ich, y meszczan hospodarskich, domami kożdoho ich, kotoryi y pry tom zamku meszkajut, spytaty. A tak, wedłe popisu mojoho, znaszłosia: domów bojarskich y wdow w meste Bracławskim trytciat y try, a ludeý ich, z popowskimy ludmy, sto y szestdesiat, a meszczan hospodarskich dweste y dwatciat y dewiat, dymow a pasek pod niemy dwatciat y sem,—to iest wsich domow obywateley zdesznich, Bracławskich, ne sumujuczy hołow ich samych kolko u kotorom domu jest, ałe odno domow, trysta y dewianosto wsich, a to dla toho, aby wedał hospodar joho myłost kak majut bojare zdesznie z ludmy swojemy, y też meszczane hospodarskyi ku posłucham joho myłosty hospodarskim zachowywatysia bo powedajut, jż przed tym, za nebożczyka kniazia Konstantyna, bojare, kotoryi ludej swoich majut, powynny zo wsimy ludmy swoimy na posłuhu hospodarskuju, koły potreba ukażet, jzdyty, a meszczane, chto paseki pod soboju derżyt, powynowaty byli kożdyj od dwo koń, w zbroi, na posłuhu hospodarskuju stanowytysia; a teper wże sia to zmeszało: ne tylko u meszczan, ale u jnszoho y bojaryna na posłuhu hospodarskuju konia net, y prawe tak daremne pry zamku hospodarskim meszkajut; a inszi, ne buduczy urożonym bojarynom szlachtoju, y net wedoma od kol pryszedłszy, bojarynom nazywajutsia, y seliszcza, bez daniny hospodarskoje, pod soboju derżat, y użytkow używajut, za kotoryi seliszcza y pożytki y sam inszyj, z posłuhoju swojeju, ne stoit; czoho jest potreba wedaty ato ustanowyty, kak by meli po staromu służyty, y ten koło zabrania seliszcz, nechay by była wedomość, chto zaczym derżyt, a hoden li jest derżaty, y na czom by meł zamok hospodarski zachowan byty,—bo sia takowym z liskow na zamok mnoho znaydet, kotoryi z liski tolko słowom za nich zaszli, a twerdostey żadnych ne okażetsia,—a potrebne budet ku zamku ich mety; niżli samych inszych bojar, z kotorych ni pomoczy, a ni posłuhy zamkowoje nemasz, dla czoho y skarb hospodarski szkodujet, mohły jnszyje potreby zamkowyi, ne ruszajuczy skarbu hospodarskoho z tamecznych seliszcz stamta od

byty. Hde ja nemeney słuha y posłaneć jeho myłosti, obaczajuczy takowuju szkodu hospodarskuju, musiłom panow zemian tamecznich w tom ruszyty chto kotoroho stanu jest, a kotoryi seliszcza na jmia pod soboju derżat; ino starszyi zemiane, menszym osobem nesterpewszy, dały sebe każdy na regestr znaty. Ja, wedle toho regestru, ich musiłem to wse w regestr moy hospodaru joho myłosti opysaty; na perwey osoby starszych zemian, to est: Iwan Koszka z bratem Andrejem, Isay Żabokrycki, syn jeho Wasyłey, Roman Krasnosielski, Serhey Oratowski, Bohdan Słupicza, Szandyrewski, Kłeszczowski, Iwan Ilgowski, Juchno Krasnosielski, Petr Bratkowicz, Procko Buczynski, Dmytr Buczynski, Iuchno Kopewski, Basyłey Romanowicz, Mytko Dełkowicz, zemianka Uliana Skindyrycha, Zgałowski, Kuniecki, Ostafey Szeszkowicz, zemianka Mytka, Fedora Semiaszkowna,—tych zemian starszych dwatciat y try. A to sut zemiane, kotorych ony bratyeju sobe nemenujut a ne znajut odkol jest: Marko a Mysko Mormuli, derżat seliszcze Żerdenowci, a Ziałkowci, a Kuzminci na Buhu; Rachmowski derżyt seliszcza Rachmow a Karpow—otczyzna na sobe; Kudrenki derżut seliszczą Folitowiey a Orynniczy, jeduczy z Dniestra; Kozar derżyt Romanowci, Demkowci, Jakubowci na Uhorskim Zekiczu, a ne wedomo kto jest; Miszko Czort, kotory prec z chodnimy ludmy wywodiłsia, derżyt seliszczo Jermolincy za Selnicoju a Michałkowci za soboju po żone; Chruć derżyt seliszczo na Kamenyci Chrucowey; Noskowic derżyt seliszczo Noskowci na Murachwe; Mitko Zołotar derżyt seliszczo Moszurowu z Wynyhorodszczyny; Danko Kopystyrenski s Kaydaczom derżyt seliszczo Kopysteryn; Szczurowski derżyt seliszcza Szczurowu a Drownoje; Hrycko Czeczyl derżyt seliszcza Kałaur na Dnestre, a Skawuczyn na Buhu, a Koszczynci; Komary derżat Streleżanci na Buhu; Kozar derżyt na Sawrani seliszczo Paszkowcy a les Sawranski . . . . . na Buhu, a Karaczowci na Murachwe; a Dmytr Zwinohorodec derżyt seliszczo Sokołków, a Mytkowe,—a tych podleyszych czotyrnatciat, a dworyszcz pod niemy dwatciat y osim, tak też y lasek meszczanskich nepotreba jest menszy seliszcz ważyty sut, y jnszyi paseki, jż y try seliszcza za odnu paseku ne stojat; pry kotoryi jest na myłu zemli, a w naymenszeje na poł myli; tamże u nioho pasznia, stawy spustnyi, pczoł mnożstwa, zwer wsiaki, sady y ohorody, y owoszczowyi roskosznyi, y wsiaki inszy pożytok; kotory pasiky y w semli, y senożaty y dubrowy, szto k nej prysłuchajet, netolko newolno jest nikomu wchodow, a w trawy stebla nikto darom wziaty ne możet, y pożytkow nektorych mety, ałe y drowna i les wse za pokłonom; a z toho ni hospodaru, a ni zamku, nikotoroho pożytku y posłuhy net, y net wedoma od koho takowyi udeły osobnyi majut, a

kto im zawodył y hranyczył, naszto sobi mohły y desiat jnszych obyjtysia, y hospodaru jeho myłosty posłużyty. A predże, takowyi paseki majuczy, mestckich zeml osobliwe używajut, y paszniu paszut, o czom jnszyi meszczane welyko oteżajut, y rozsudku hospodarskoho potrebujut. A wedłe mojeho ubohoho baczenia ne szkodyło by z tych pasek, kotoryj płat położyty, kotorym by płatom mohły puszkary oboich zamkow y też naymytow, kotorych oni ku robote saletry potrebujut, odbyty, a ostatkom zamki, szto by sia hde naruszyło, poprawowaty, a ne chotiaczyl peniażnoho płatu na nich pokładaty; ino by na spiżowanie zamkowoje z nych wymysłyty, bo toho nikomu jnszomu, odno jm że w czas pryhody potreba; a żeby ne na wsem na tom skarb hospodarsky szkodował, bo po jnszym zamkom tamosznym, ukrainym, jako w Bare krolowey jeje miłosty, tak y w Meżyboży, dowedałom sia czto ż z meszczan y ludey płaty ne małyi prychodiat, a tut ni hospodaru a ni staroste niczoho net; a wedze to wse jest na łasce y rozsudku hospodarskim«. My tedy, Krol, do pomienioney supliki łaskawie się skłoniwszy, zwyż wyrażony inwentarz Bracławski z xiąg przerzeczonych metryki kancellaryi naszey wielkiey wielkiego xięstwa Litewskiego extraktum stronie potrzebującey wydać, y dla większey wagi pieczęć wielkiego xięstwa Litewskiego przycisnąć, roskazaliśmy. Dan w kancellaryi naszey wielkiego xięstwa Litewskiego, dnia dwudziestego drugiego, roku pańskiego tysiąc siedmset pięćdziesiątego drugiego, dico numero ecclesiastico M.D.C.C.L.II, panowania naszego dwudziestego roku. U tego extraktu podpisy, przy pieczenci wielkiey wielkiego xięstwa Litewskiego, w te słowa: Michał, xiąże Czartoryski, Kanclerz wielki wielkiego xięstwa Litewskiego (locus sigilli magnus ducatus Lituaniae). Za sprawą jasnieoświeconego xięcia jego mości, pana Michała na Klewaniu y Żukowie Czartoryiskego, kanclerza wielkiego xięstwa Litewskiego, Łuckiego, Chełmskiego, Żurbowskiego, Usniackieko, Podusniackiego etc. starosty. Jozef Mikłaszewicz metrikę wielkiego xięstwa Litewskiego manu propria. Extrakt inwentarza Bracławskiego in anno millessimo quingentessimo quadragesimo quinto sporządzonego. Który to extrakt słowo w słowo, tak jak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych grodzkich, Winnickich, jest ingrossowany; z którey y ten wypis, pod pieczencią grodzką, Winnicką, jest wydany. Pisany w Winnicy. Correxi Popławski, manu propria.

M. П.

Настоящій актъ хранится въ подлинникѣ въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 102.

IX.

Уставная грамота Луцкаго епископа Юрія Фальчевскаго, опредѣляющая повинности крестьянъ Витебскаго костела (соразмѣрно съ повинностями другихъ крестьянъ Полоцкаго повѣта): денежныя, хлѣбомъ и другими продуктами, и издѣльныя, а также и платежъ въ пользу урядника, съ тѣмъ однако, чтобы послѣдній не судилъ старцевъ и мужей, и чтобы всякіе вины назначались съ ихъ вѣдома. 1547, сентября 8.

Ierzy Chwalczewski, z Bozei łaski biskup Łuczki, wszisthkiem, ktorim iesth thego potrzeba wiedziecz, sliszecz y czytaiącz nynieyszim y będączim czyniemy iawnoscz. My maięczi w poruczenstwie od jego krolewskiey mosczi plebanią Witepską, y wydząc mali bicz pożitek kosczielny is podanich thei to plebanij rzeczonich Lieplan y Borowlian, thak w danij miodowei, y alie thesz y owsianey, gdzie nycz więczey nam nie dawali miodu dannego, thilko szeszdziesiąnth pudow, kazdi w sobie maiączi czterzi bezmieny, a owsa korczikow osmdziesiąth, ktorich się w czwiercz Połoczką pięncz wsypie; chcząncz tedi coscziełny pożitek rozmnozicz, znaiąncz to, ze dań tak mała nie iesth yem any była, wedlie żadnego prawa albo listow od przodkow naszich, wstawiona, thilko od onych samich wymisliona y do thich czasow bywala wypełnyana, na ktorei tez do danij my do thich czasow przez liath niemalo od wzięczia tei to plebanij Witepskiey przestawali, zachowiwaiącz to do przijazdu thu do włosczi naszego, zebi takowie danij swiadecztwo iakie listowane okasali. Kturego gdi niemogli okazacz, y my tho do wlosczi przijachawszi Lieplenskij, a wziąwszi dostateczną sprawą o them, ze poddanij okolicznij powiathu Połoczskiego (ku ktoremu themu thesz y naszi poddanij Liepłanie y Borawlianie przisłuchaią), tak krolewsczi, xiążęczi, iako tesz y boiarsczi, y ynszich sthanow swieczkich y duchownych, panom swoym dol daią, to iesth kazdei rzeczi cząnsz czwartą, ku ktorei doli płaczenyu podlie tey ustawi y spossobu zamku głownego kroliewskiego, swe poddani Liepłany y Borowliane prawem powiatowim, azbysmy słusznie y sprawiedliwie przziwiescz mogli, y na them ye postanowicz, zeby ią nam dawali. A wszakosz pana Boga sią y sumnienia swego obawiacz, a w tim y im milosierdzie cziniącz, aby yakiego płaczu nie mieli na nas, z ych uthney powieszczi doznawszi, ze kupie y targy wszeliakie, wedlie miari Poloczkiey sprawuyą, laskawieżmi s nymi pod tim obyczaiem postanowili, na czo y samy dobrowolnie przizwolili, tak: yszt nam bądą przezeczenij poddanij, Liepłanie y Borowlianie, na kożdi rok, począwszi od liata Bozego thisiącznego pięczsethnego czterdziestego y osmego, az do zywota naszego, albo dokąnd byśmy

plebanij Witepskij nye spusczili, szesczdziesiąnth pudow miodu, wagy Poloczkiei, dawacz; ktemu szesczdziesiąnth czwierczi owsa, miari Poloczkiei, ktora tak wielka ma bycz, iako polbecki Wilenski nadto bądą. Thesz powynny szesczdziesiąnth wozow syana dawacz gdi do wlosczi konie nasze na liezą przisliemi, thedi iuz syano maią y bądą powinny dacz. Jaczi miod a owies wiszei mianowanego postanowienia y tho wszisthko maią y bądą powynny samy do Wilna odwiescz. I te, wedlie starodawnego zwiczaiu, bądą powynny na kazdi rok, gdyby była tego pothrzeba, czterzi przigony wypelnicz, po czterzi niedziele kazdi, nycz swiąth anij dnij niepohodniech nie licząez, jedno czobi sią dnij trzidzieszczi wipelniło robothami. A gdi by przigony, ktorego nie hyła potrzeba, thedi y bądą powynny zaplaczicz, wedlie starego zwiczaiu, pięcz kop groszy szerokich za kazdi, telekzocz ilie by ych niebyła potrzeba robotami wipełniacz. A s przigonu liethniego są y bądą powynni, wedle starego obyczayu, tham Witepsku czterzech dziesiąthnikow dla wybyrania dziesiącziny zostawowacz, ktorzi tam tak dlugo maią trwacz, dokonthbi zboze s polya nie biło sprząnthniono it (?) pieniądzi kunicznich groszy kop dwanasczie szerokich, kurow szesczdziesiąnth, wosku na pierwszi rok dwa kamienia, a na drugi trzi kamienye, chmielu pud ieden, lnu zmieny szesczseth, a na swiecze do S. Troicze do Witepska biezmian wosku, wedlie starego zwiczayu, są y bądą powinny dacz; ite ku lowienyu ryb y dzianyu niewodu na każdi rok, wedle starego zwiczaiu, szesczdziesiąnth sązni. A bylalyby potrzeba na Leplu zamku budowacz, ku themu budowanyu, y grobel supanyu, stawow zastawowanyu, gdzie by była thego pothrzeba, bądą zawsze tho powinny wypelnycz, i w podwodi, wiedlie starego zwiczaiu, chodzicz. A na przyazd nasz do wlosczi, albo służobnikow naszych, od nas poslanich, stacią będą powinny dacz, thakże y urzędnikowi, wedlie starego zwiczayu, powynny dawacz, kture zadnego s poddanych aby starczow y muzow nie sądził roskazuiemy, abi wyny wszisthkie bili za wiadomosczią starczow y muzow; jnsze wszisthkie podaczki powinnosczi, wedlie starego dawnego zwiczayu, czale ku wipelnianyu zachowuiemy. A dla lepszego swiadeczstwa tego postanowienya naszego dalizmi yem listh pod pieczenczią naszą. Dan na Liepliu, we czwartek zwiętho narodzenia panny Mariei, roku od narodzenia Bozego thisiącznego pięczsethnego czterdziestego y siodmego.

Копія настоящаго акта хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 100.

X.

Уставъ о волокахъ чиншовыхъ и тяглыхъ, данный для имѣній королевы, находящихся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 1552 года, между 12-мъ августа и 5 сентября.

Устава королевое ее милости на волоки въ имѣняхъ ее милости, у великомъ князстве Литовъскомъ, мераные. А на передъ - на волоки *цыншовые*. Зъ волоки доброго кгрунту цыншу готовою пѣнажъного маетъ плачено быти по копе грошей литовскихъ, а солянку жита за десятъ грошей, две солянки овъса по пяти грошей; того всего учинить осмъдесятъ грошей. Зъ волоки середнего кгрунту готового плату за солянку жита а за две овъса пятьдесятъ и пять грошей. Зъ волоки подлого а не доброго кгрунту—также готового плату за солянку жита, а за две овъса маеть плачоно быти по сороку грошей; а съ таковыхъ волокъ цыншовыхъ не маютъ большей робити, только шесть толокъ въ рокъ, цимъ имъ росказано будеть, а сторожу дворъную черъгою зъ людми тяглыми. Устава на волоки *тяглые*. Зъ волоки доброго кгрунту плату готовою и за две солянки овъса, по пяти грошей, маеть плачено быти по сороку грошей литовъскихъ за въсе. Зъволоки середнею кгрунту готового плату и за две солянки овса маеть плачоно быти по тридцати грошей за въсе. Зъ волоки подлого а не доброго кгрунту готового плату и за две солянки овса, маеть плачено быти по дъвадцати и по два грошей за въсе. А жито и овесъ дяколный не маеть зо въсихъ подданыхъ збожъемъ выбиранъ быти, ажъ бы за особливымъ листомъ королевое ее милости, ку власной потребе ее милости. А коли бы збожъя не потреба, тогъды за солянку жита по десяти грошей, а за солянку овса по пяти грошей урадницы съ нихъ брати маютъ. А тые люди, которые на волокахъ тяглыхъ седятъ, повинни суть у кождый тыжъденъ два дни робити, съ чимъ росказано будеть, и сторожу дворъную черъгою объходити, въ подводу тежъ черъгою миль за три,

за чотыри, на далей за пять нойти. Тежъ, колибы потреба вказывала стацею для короля его милости выбирати, тогъды съ кождое волоки маютъ готовыми пенязьми по два гроши литовъскихъ платити, по одному курчатю, по пяти яецъ, а съ пяти волокъ по одной солянце овса и по одной гуси давати со въсихъ подданыхъ. А жито и овесъ дякельный не маеть зъ нихъ збожъемъ выбиранъ быти, ажъ бы за особливымъ листомъ королевое ее милости ку въласной потребе ее милости. А коли бы збожъя не потреба, тогъды за солянку жита по десяти грошей а за солянку овса по пяти грошей урядницы съ нихъ брати маютъ

Копія этого акта находится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и значится по дополнительной описи подъ № 104. Самый же подлинникъ—въ метрическихъ актахъ состоящихъ при 3 Департаментѣ Правительствующаго Сената, въ книгѣ записей подъ № 33, на страницахъ 115 и 116.

XI.

Предъявленіе панісю Ирпной Болбасовной закладной записи умершаго мужа своего, Прокопа Матвѣевича Угриновскаго, на имѣніе и крестьянъ, въ селахъ Котчищахъ и Волавску. 1554 г., Октября 10 дня.

Року 1561, месяца генвара второго дня.

Приподчи и постановившисе обличне въ замку Луцкомъ, передъ нами Гавриломъ Василевичомъ Бокіемъ, судею повету Луцкого, а Борисомъ Ивановичомъ Совою, подстаростимъ Луцкимъ, земенинъ господарьский, панъ Янушъ Прокоповичъ Угриновскій, оповедалъ и сознавалъ тымъ обычаемъ: ижъ што зъ розсудку вряду здешнего, замъку Луцъкого, присужоно было мачосе моеи, панеи Орине Болбасовне, вѣна отъ небожчика отца моего, не описаного, тридцатъ

копъ грошей, и къ тому третюю частъ въ людехъ, въ поляхъ, въ сеножатехъ и во всихъ пожиткахъ именя моего, Вгриновского, до тыхъ часовъ поколъ замужъ пойдетъ. Ино вже есмо съ панею мачохою моею въ томъ промежку себе приятельскимъ а вгодливымъ обычаемъ застановивши, ижъ вжо пани мачоха моя, взявши отъ мене нѣкоторую суму пенезей, третюю частъ именя Вгриновского, што мела до часу слушного держати, мнѣ въ держане мое дала и поступила, и вже въ то ничимъ вступовати не маетъ. А што ся дотычетъ именей моихъ отчизныхъ, въ повѣте Овруцкомъ, Котчища и Велавска, што небожчикъ отецъ мой въ двохъ сотъ копахъ грошей заставилъ и листомъ своимъ описалъ, ино пани мачоха моя тыхъ именей зо всими пожитки держати и вживати и летъ (sic) до зуполное ее милостъ отъ мене заплаты оное сумы, двохъ сотъ копъ грошей. А не отдавши ей тыхъ пенезей сумы помененое, я самъ, сестры и нихто зъ близкихъ моихъ въ тые имена вступовати и никоторое переказы за держаня ее чинити не маемъ, и ни въ чомъ листу небожчика отца моего не нарушаючи, але овшемъ его при моцы зоставуючи, заховатися маемъ. Где жъ тутъ же ставши очевисто мачоха его, пани Орина Болбасовна, такимъ же способомъ вызнала, ижъ промежку себе на томъ застановили, И показала листъ записный малжонка своего, подъ печатми людей добрыхъ, на тые имена, вышей помененые, и былъ вычитанъ съ початку ажъ до конца; который листъ такъ ся въ себе маетъ: »я Прокопъ Матфѣевичъ Угриновскій, вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ кому будетъ потреба того вѣдати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ позычилъ есмы у жоны моее, пании Орины Болбасовны, ку потребе моей двѣсте копъ грошей литовское личбы, личачы по десяти пенезей у грошъ, и въ той суми пенезий заставилъ есми жоне моей имене мое, отчиное, никому ни въ чомъ невинное, село Котчища частъ мого, люди на ймя: Павла Отамана, Якима Малца, Занца Полуяна; а въ другомъ селе моемъ, у Велавску, человека моего моее части, на ймя Евдокима, и зо всими съ тыми людми, съ ихъ землями бортными, полми, сеножатми, зъ дубровами, съ пущами, зъ реками, зъ озеры, зъ бобровыми гоны, зо всими платы грошовыми и данми медовыми, зо всимъ тымъ якъ ся тое

имене у собе маетъ, ничого на себе не оставуючи. Маетъ жона моя, пани Орина, тое имене держати и его вживати, такъ якъ самъ держалъ. А не отложивши тое сумы пенезей, верху писаное, въ жоны мое, пани Орины, я самъ, дѣти и близкие мои того именя и людей зъ рукъ ее брати не маемъ до тыхъ часовъ, поки я самъ, дѣти, або близкие мои тую суму пенезей ей заплатимъ. А если быхъ самъ, дѣти, або близкие мои тое имене въ жоны моей зъ рукъ взяли, а не отложивши сумы пенезий, або чимъ колвекъ нарушили, тогды маемъ заруки заплатити: пану воеводе Киевскому сто копъ грошей, а жоне моей, Орине, другую сто копъ грошей. А заплативши заруку, предъ ся жона моя тое имене и люди держати маетъ до тыхъ часовъ, поки отъ мене самого, отъ детей, або отъ близкихъ моихъ ей зуполная заплата станетъ. А если бы который человѣкъ мой отчизный съ того именя, за держаня жоны моей, прочъ где пошолъ, тогды я самъ, дѣти и близкие мои, того на жоне моей поискивати не маемъ. А при томъ были и того добре сведомы ихъ милость: князъ Дмитрій Александровичъ Буремскій, панъ Романъ Ивановичъ Белостоцкій, а панъ Андрей Ивановичъ Колпытовскій, а панъ Иляшъ Несвецкий, а панъ Дахно Александровичъ Мушата Охлоповский, а панъ Есько Олехновичъ Грушвицкий. И просилъ есми ихъ милость о приложене печатей; и ихъ милостъ то на прозьбу мою вчинили, и печати свои къ сему моему листу приложили, и для лепшей твердости я самъ печатъ мою приложилъ, и руку мою властную подписалъ, и сесь мой листъ на то жоне моей, Орине, я далъ, подъ печатми ихъ милости пановъ, верху писаныхъ, и подъ моею печатю, и съ подписомъ руки моее. Писанъ въ Пашовѣ, лѣта Божого нароженя тисеча пятсотъ пятдесятъ четвертого, месеца октебра десятого дня. А по вычтеню листа, просилъ панъ Янушъ Вгриновскій, абы то было записано. А такъ мы очевистое сознане добровольное оповедане ихъ, и листъ небожчика Вгриновскаго, до книгъ замковыхъ записати казали.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2035, годъ 1561, листъ 23 на оборотѣ.

XII.

Привиллегія короля Сигизмунда Августа князю Александру Ѳедоровичу Чорторыйскому на право заводить въ имѣніяхъ его—Столовичахъ и Хиновичахъ мѣстечка, съ установленіемъ въ нихъ по одному торговому дню въ недѣлю, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы эти мѣстечка заселялись людьми вольными, похожими, а не отчичами и не невольниками. 1561 г., іюня 15 дня.

Лѣта Божого нароженя 1595, месеца декабря 11 дня.

На рочкахъ судовыхъ, кгродскихъ, Кремянецкихъ, отъ дня семого месеца декабря, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами Томашомъ Белецкимъ, подстаростимъ, а Львомъ зе Збаража Вороницкимъ, судею, врадниками кгродскими, Кремянецкими, облично постановившися у суду велможные панове, ихъ милость княжата Юрей и Михайло Михайловичи Чорторыские, показавши привелей небожчика славное пам'яты, короля Жикгимонта Августа, съ подъ печатю его королевское милости зависистою и съ подписомъ руки его королевское милости, небожчику славное пам'яты, княжати Александру Федоровичу Чорторыскому, на осажене местъ въ Столовичахъ и въ Хиновичахъ, на торги, на ярмарки и на бране зъ нихъ мытъ, даный, яко ширей тотъ привелей его королевское милости околоточъ въ собе обмовляетъ. И положивши его ихъ милости княжата Чорторыские, передъ нами, на вряде, просили, абы до ведомости урядовое принятъ, вычитанъ и въ книги кгродские, Кремянецкие, уписанъ былъ. Котораго мы, до ведомости своее врядовое и для вписованя до книгъ приймуючи, передъ собою читати казали, и такъ се въ собе маетъ: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский; Руский, Пруский, Жомойский, Мазовецкий и иныхъ, ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всѣмъ посполите и кому будетъ потреба того, ведати, нинешнимъ и на потомъ. будучимъ. Просилъ насъ князь Александро Федоровичъ Чорторыский, абыхмо ласку нашу господарскую вделали, ему въ имѣняхъ его, Столовичахъ, а другомъ имени замку Чорторыского, въ Хиночахъ, местечка садити и торги въ ныхъ

дали и допустили мети; а тые дей местечка и торги тамъ не будутъ на жадной шкоде и переказе мистомъ и торгомъ нашимъ, господарскимъ, за тымъ, ижъ не близко местъ нашихъ. А такъ, если тые местечка и торги, въ ыменяхъ Столовичахъ и другомъ въ Хиничахъ, яко князи Чорторыские намъ справу дали, не будетъ ку шкоде местамъ и торгамъ нашимъ, а одалъ есть отъ нашихъ местъ, господарскихъ, мы зъ ласки нашое, господарское, на прозбу князя Чорторыского то есмо учинили: въ тыхъ именяхъ его, вышеймененыхъ, на власномъ кгрунте его, местечка садити и въ ныхъ корчмы и торгъ мети, ему даемъ и дозволяетъ симъ нашимъ листомъ. Маетъ онъ въ тыхъ именяхъ своихъ, Столовичахъ и въ Хиночахъ, оныи местечка людми волными похожими, и не отчичи и не невольниками, иншихъ доброволне садити, корчмы съ капъщизною на себе мети, и по одному дню торговому на каждую неделю установити, который день онъ самъ собе оберетъ и похочетъ. Ведже то все таковымъ обычаемъ чиниты и дни торговые уставляти маетъ, якобы тые местечка и дни въ нихъ торговые, черезъ него обраные и встановленые, не были ку жадной шкоде и переказе местомъ а торгомъ и пожиткомъ нашимъ, господарскимъ. А осадивши князь Чорторыский за симъ дозволенемъ и листомъ нашимъ тые местечка, маетъ самъ, жона, дети и потомъки его тое вечне уживати, и пожитокъ собе въ торгахъ и въ капщизнахъ мети, а отътоль привлащати, а дней торговыхъ судити, радити во всемъ потому, яко иншие книзи, панове, въ панстве нашомъ отчизномъ, великомъ князстве Литовскомъ, зъ местечокъ своихъ пожитокъ, а дней торговыхъ и въ суде волность, водле права и статуту земского, маютъ. Нижли мы то головное, такъ яко и въ ыншихъ местехъ князскихъ и панскихъ, при насъ и потомкахъ нашихъ, великихъ князехъ Литовскихъ, зоставуемъ; до того князь Чорторыский самъ и его потомки не маютъ мети ничого. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ, до которого печатъ нашу привесити казали. Писанъ у Вилни, лета Божого нароженя тисеча пять сотъ шестдесятъ перваго, месяца июня пятогонадцеть дня». У того листу печать его королевскойе милости завесистая, а подпись руки въ тые слова: Zigismundus Augustus, rex; Янъ Шимъковичъ, маршалокъ, писаръ. Который то листъ его королевское милости передъ нами, черезъ ихъ милость

княжатъ Чорторыскихъ, у суду покладаный, за прозбою ихъ милости княжатъ Чорторыскихъ, увесь, слово отъ слова, до книгъ кгродскихъ, Кремянецкихъ, записати казали, и есть записано.

Отрывокъ изъ Кременецкихъ гродскихъ и земскихъ книгъ, 1593—1597 г., хранящійся въ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, № 449, листъ 66 на об.

XIII.

Сознаніе вижа предъ урядомъ въ томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о пяти крестьянскихъ семействахъ, бѣжавшихъ изъ имѣнія пана Николая Дубровскаго, Моковичъ, въ имѣнія пана Петра Кирдея, Киселино и Твердыню, при чемъ вижъ объявляетъ, что на требованіе его о выдачѣ этихъ крестьянъ, урядникъ Киселинскаго имѣнія отказался исполнить оное. 1561 г., іюля 11 дня.

Року 1561, месеца июля 11 дня.

Казано записати въ небытности пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого, наместцы его Василей Дешковский, писаръ замку Луцкого. Писалъ и присылалъ до мене земенинъ господарьскій его милостъ, панъ Миколай Дубровский, восполокъ зъ малжонкою своею, панею Жданою, оповедаючи тымъ обычаемъ, ижъ дей тыхъ часовъ, на веснѣ, подданые ихъ отчизные повтекали зъ имения ихъ милости, Моковичъ; и, маючи о нихъ певную ведомостъ где оныи збеги мешкаютъ, просилъ о вижа, при которомъ бы тыхъ людей а збеговъ своихъ застати мелъ. Ино я зъ уряду замку Луцкого давалъ есми его милости вижомъ Яна Ясенского, который, тамъ бывши и оттоля приехавши, ставши передо мною, тыми словы сознался: ижъ панъ Миколай Дубровский посылалъ служебника своего, Мацея Ланевского, за мною, вижемъ, и зъ людми сторонними — Панасомъ и Макарцомъ, поддаными пановъ Болобановъ, до имения его

милости пана Петра Кирдея, Мылского; и кгды есмо до Киселина приехали, служебникъ пана Дувровского оповедалъ вряднику пана Кирдееву, Киселинскому, Матысу, ижъ подданыи а властивыи отчичи пана Дубровского и паней малжонки его милости, люди Моковские, повтекавши зъ Моковичъ, и мешкаютъ въ Киселинѣ и въ Твердыни, а просилъ врядника о вижа. То пакъ врадникъ Киселинский вижа ему не далъ, поведаючи, ижъ тыхъ людей во йменю пана моего не машъ, а ни дей о никъ ведаю. А тотъ служебникъ пана Дубровского, оповедившися ему, ехалъ зъ нами на село, и засталъ тамъ пяти чоловековъ, Моковскихъ, подданыхъ пана своего, на ймя: Стецка Рокгалу зъ жоною и зъ детми, Мартишка Лапку зъ жоною зъ детми, Бориса Жолну зъ жоною зъ детми, Павлюка Масловича зъ жоною и зъ детми, Яцка Сирпика зъ жоною зъ детми. И пыталъ ихъ служебникъ пана Дубровскаго, кимъ бы ся озывали?—они поведили, ижъ вышли зъ именя пана Дубровского, а теперечи дей тутъ мешкаемъ подъ моцю его милости, пана Киръдея, въ Киселинѣ и Твердыни. Тогды оный служебникъ, повторе ехавши до двора, просилъ врядника Киселинскаго, абы ему тыхъ людей, збѣговъ пана его, выдалъ,—онъ ихъ выдати не хотелъ, поведаючи, же на то росказаня пана своего не маетъ. А онъ ему тыхъ людей приповедалъ и приручилъ на замокъ господарьский Луцкій въ двохъ сотъ копахъ, а на Володимерский—въ сту копахъ грошей, абы ихъ зъ ыменъя не спущалъ, а то, осветчивши нами, ехалъ прочъ. И просилъ служебникъ пана Дубровского, именемъ его милости пана своего, абы то было записано. А такъ я тое оповеданье и вижово сознанье въ книги кгродские, замковые, записати казалъ.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, годъ 1561, № 2035, листъ 166 на оборотъ.

XIV.

Объявленіе земянина Романа Гулевича о бѣжавшихъ въ имѣніе княгини Любецкой его крестьянахъ. Урядъ посылалъ вижа вмѣстѣ съ урядникомъ Радошинскаго имѣнія, принадлежащаго Гулевичу, съ требованіемъ отъ Любецкой о выдачѣ бѣжавшихъ крестьянъ; но урядникъ Любецкаго замка отказался исполнить таковое требованіе. 1562 г., генваря 26 дня.

Лѣта Божого нароженя 1562, мѣсяца генваря 26 дня.

Въ небытности старосты Луцкаго, Браславского и Вѣницкаго, князя Богуша его милости Федоровича Корецкого, на тотъ часъ на мѣстцы его милости, Матфѣй Василевичъ Четвертенскій, справца староства Луцкаго. Присылалъ до мене земянинъ господарский, панъ Романъ его милость Гулевичъ, оповедаючи, ижъ дей тыхъ часовъ, недавно прошлыхъ, мѣсяца генваря семогонадцать дня, зъ суботы на недѣлю, подданные его, Радошинские, на имя: Селивонъ Зицевичъ, Федко Борисовичъ и Стецко Малаховичъ, зъ жонами, зъ детьми и зо всими маетностями своими, зъ ыйменя его милости, Радошина, повтекали; а перво дей того часовъ минулыхъ, съ того жъ именя его, Радошина, колконадцать господаровъ а влостивыхъ отчичовъ, Радошинскихъ, повтекали; а зъ другого дей именя, Погрушовна, такжо два господарѣ втекли, на имя: Хоня вдова, зъ сыномъ и зъ дочкою, а Мотрона съ тремя сыны. И маючи панъ Гулевичъ о нихъ певную вѣдомость, ижъ тые всѣ збѣги его мешкаютъ въ именю Любецкомъ, просилъ о выжа, при которомъ бы тыхъ збеговъ своихъ застати и и приручиты мелъ. Ино я зъ уряду замку Луцкого давалъ есми на то вижомъ боярина господаръского, Красноселского, Михна Павловича, который вижъ, тамъ бывши и оттоля приехавши, ставши передо мною, тыми словы созналъ: ижъ тыхъ часовъ, въ недѣлю прошлую, мѣсяца генваря двадцать пятого дня, врадникъ пана Романовъ, Радошинский, Станиславъ Слава, при мне, вижу врадовымъ, маючи при собе людей сторонихъ, ехавши до именя панее Миколаевое Юревича Остиковое, старостиное Кревское, Резотинское и Люценское,

княжны Ганны ее милости Романовны Любецкое, на Волицы Любецкой, знашолъ и засталъ тыхъ всихъ збеговъ, вышей меновaныхъ, и иншихъ поданныхъ пана своего дванадцати господаровъ, которые были перво повтекали,—тыи тамъ, вси зобравшися, мешкаютъ. А пототъ ехали есмо въ замокъ Любецкій и, знашодши тамъ, въ замку, врадника ее милости, Любецкого, Станислава, поведалъ ему, ижъ засталъ въ именю ее милости збеговъ пана своего, на Волицы, и просилъ того врадника ижъ бы ему ихъ выдалъ. А врадникъ Любецкій самъ ся къ тому призналъ, ижъ не одно тые люди, которые дей теперъ пришли, але и иншие подданные пана твоего колконадцать сподаровъ (sic), и вжо дей отъ колка летъ въ именю ее милости, панее моее, мешкаютъ; нижли дей я ихъ выдать, ани права на нихъ дать, кромъ росказаня панее своее, не могу. Тогды врадникъ Родошинский, пана Гулевичовъ, приручилъ тыхъ всихъ збеговъ панскихъ въ заруце господарской подъ трема сты копами грошей, штобы тыхъ людей зъ именя княгини Любецкой до права не спущалъ. И просилъ панъ Романъ Гулевичъ, абы то было запизано. А такъ я тое оповедане его милости и вижово сознане до книгъ замковыхъ записати казалъ.

Книга Луцкая замковая, записоеая и поточная 1562 г., № 2036, л. 27.

XV.

Жалоба земянки Анны Койленской на пана Михайла Ощовскаго за насильное отнятіе двухъ воловъ, которые по распоряженію жалобщицы были заграблены у двухъ крестьянъ ея «за выступокъ» 1562 г., іюня 8 дня.

Лѣто Божего Нароженя 1562, месяца іюня 8 дня.

На тотъ часъ, на местцы его, Иванъ Хребтовичъ Богуринскій, писаръ замку Луцкого. Присылала до мене земянка господарьская,

пани Ждановая Томковича Койлѣнская, пани Ганна Михайловна Хренницкаго, жалуючи и оповедаючи на пана Михайла Ивановича Ощовского, ижъ дей тыхъ часовъ, безъ бытности малжонка своего, пана Коиленкого, посылала боярина своего, Оздютицкаго, Германа Пилата, и подданого своего, Иляшца, грабити за выступокъ подданыхъ своихъ, Ощовскихъ, Микиту а Нестера. Они дей тамъ ехавши, взяли въ нихъ два волы; и кгды ихъ гнали до Оздютичъ, месяца июня 1 дня, въ понедѣлокъ, тогды дей панъ Михайло Ощовскій, черезъ заруку описаную (sic), пославши за ними врядника своего, Ярона, слугъ и подданыхъ своихъ, на имя Ирана Москвити (на) тивона, и зъ иншими помочниками до доброволной дорозе, подъ Туримъ Полемъ, того боярина, Германа Пилата, и подданого пана Коиленского, Иляшца, зсоромотили и бити хотели, и тые волы, кгвалтомъ въ нихъ отнемши, до двора пана Ощовского отогнали. О што дей они того жъ часу въ следъ за нимъ до Ощова ехали, просячи пана Ощовского, жебы тые волы поворочалъ; онъ дей тыхъ воловъ не вернулъ и еще того Пилата словы невчтивыми зъ соромотилъ и бити хотелъ. И просила пани Коиленская, абы то было записано. А такъ я тую жалобу и оповедане панее Коиленской до книгъ замковыхъ записати казалъ.

Книга Луцкая, замковая, записовая и поточная, № 2036, годъ 1562, листъ 115.

XVI.

Закладная отъ Михаила Ивановича Ощовскаго и жены его Маріи пану Гостирадовскому и женѣ его Аннѣ на крестьянъ имѣнія Ощова. 1562 г., декабря 24 д.

Лѣта Божего нароженя 1562, месяца декабря 24 дня.

Приходчи и постановившися очевисто въ замку Луцкомъ, передомною Борисомъ Ивановичемъ Совою, подстаростимъ Луцкимъ,

сынъ земенина господарьского, пана Михайла Ивановича Ощовского, Михайло, оповедалъ и сознавалъ тымъ обычаемъ: ижъ дей отецъ мой, панъ Михайло Ощовскій, восполокъ зъ жоною Марею Томковною, взяли и позычили ку своей пилной потребе у пана Серафина Кгостирадовского и въ жоны его Анны девятдесятъ копъ грошей, личбы и монеты литовское, и въ той суме грошей заставили ему людей своихъ, Ощовскихъ, девяти чоловековъ, на зуполныхъ дворищахъ, а десятого огородника, съ полми, сеножатми и съ дубровами, што ширей а достаточней на листе отца моего вызнаномъ есть доложоно; на што и копею, зъ листу списаную, подъ печатю отца своего, а съ подписю властное руки своеи, передомною показовалъ, и была вычитана съ початку ажъ до конца. Который листъ, водлугъ тое копеи, такъ ся въ собе маетъ: »Я Михайло Ивановичъ Ощовскій, восполокъ изъ жоною своею, Марею Томковною, зознаваемъ сами на себе тымъ нашимъ листомъ, ижъ есмо взяли ку своей пильной потребе въ пана Серахвима Кгостирадовского и въ жоны его, Анны, девятдесятъ копъ грошей, личбы и монеты литовское, и въ той суме грошей заставили есмо людей своихъ, Ощовскихъ, власныхъ, никому не пенныи, девятъ чоловека подворостыхъ, которыи на зуполныхъ дворищахъ седятъ, а десятого огородника, съ полми, сеножатми, зъ дубровами, на имя: Ивана Москвитина, Панаса, дядушкои сынъ, Радивона Никоновои зятя, Лазора а Ивана Теплушичовъ, Васка Сипка, Лазора, Юхновои зятя, Явтуха, Коваловои сына, Олешка Копытка, а Ленца, а огородника Мойсея. Тыи люди, выше описаныи, маютъ служити пану Серафиму такъ, яко и мне служивали и податки чиншовыи, воловщизны и выряды военныи маютъ пану Серафину давати, яко и мне давали; а панъ Серафинъ за тые люди не маетъ войны служити, одно я, або сынове мои. А при тыхъ людехъ моихъ, въ той же суме, въ девятидесятъ копахъ грошей, заставили есмо поля нашого, дворного, на двадцатъ дней, въ тыхъ островехъ отъ Волговныи на весну, а на зиму въ середныхъ поляхъ такъ же веле (sic) на двадцатъ дней. А если бы съ тыхъ подданыхъ, верху описаныхъ, пошолъ который прочъ, тогды я того и жона моя, и дети мои, на пану Серафину и на жоне его не маемъ поискивати, але на тое местце маю ему поступити чоловека, которого

онъ собе оберетъ, такъ зъ добрымъ дворищемъ. А еслибе жъ я, Михайло Ощовскій, або жона моя, або дети мои, не отдавши тыхъ грошей, вступовалися въ тыи люди, которыи есми пану Серафину и жоне его заставили, тогды маемъ заплатити: господарю королю сто копъ грошей, на старосту Луцкого пятдесятъ копъ грошей, а пану Серафину, если бы онъ мне о то мелъ до суда позывати, безъ жаднои присеги, одно на приречене слова его и жоны его, штобы онъ одно наложилъ, вси шкоды и наклады совито платити буду, абы тыи люди, верху описаныи, маю пану Серафину и жоне его поступити на день светого Николы зимнего, которое свято маетъ быти въ року Божемъ, тисеча пятсотъ шестдесятъ второго, ажъ до другого року, до дня тогожъ светого Николы, которое свято маетъ быти въ року Божемъ, тисяча пятсотъ шестдесятъ третего. А если же быхъ я, або жона моя, або дети мои, тыхъ грошей, верху написаныхъ, не отдали, тогды панъ Серафинъ и жона его маютъ держати тыи подданыи и тыи поля, двадцать дней на весну а двадцатъ дней на зиму, до третего року, въ той же суме и въ той же оправи, которое маетъ быти въ року тисяча пятсотъ шестдесятъ четвертого. А потомъ, если жъ быхъ я, Михайло Ощовскій, або жона моя, або дети мои, не выкупили, тогды рокъ отъ року маетъ панъ Серафинъ и жона его маютъ держати, а межи роками не маютъ выкуповати. А коли я, або жона моя, або дети мои, гроши будемо давати пану Серафину, або жони его, нигде инде не маютъ отдавати, одно на Волувци. А при томъ были люди добрыи: панъ Иванъ Шимковичъ Скленский, а панъ Яковъ Колпытовскій, а панъ Олехно Олизаровскій. Яко жъ для лепшои веры просили о печати тыхъ, верху написаныхъ, пановъ; ихъ милостъ для мене тое вчинили и печати свои приложили къ тому моему вызнаному листу. Ку тому тежъ листу я свою печать приложу и съ подписомъ руки моее власное. Писанъ у Вощове.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2036, годъ 1562, листъ 194 на оборотъ.

XVII.

Жалоба земянина Михаила Лабунскаго отъ себя и отъ имени брата своего Криштофа, на Кремянецкаго старосту, князя Николая Андреевича Збаражскаго, о томъ, что онъ дѣлаетъ наѣзды на ихъ имѣнія и разоряетъ ихъ, и, наконецъ, наслалъ вооруженную толпу людей въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые сожгли дворъ со всѣми постройками въ имѣніи жалобщиковъ, Микулинѣ, разорили мельницу, и затѣмъ опустошили села Микулино и Исачково, при чемъ захвачены были изъ этихъ селъ крестьяне съ ихъ семействами и имуществомъ. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ урядоваго вижа. 1563 г., февраля 24 дня.

Року 1563, мѣсяца февраля 24 дня.

Присылалъ до мене Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого, земенинъ господарьскій, панъ Михайло Богухваловичъ Любунский, жалуючи самъ о себе и отъ брата своего, Криштофа, на князя Миколая его милости Андреевича Збаражского, старосту Кремянецкаго, оповедаючи тымъ обычаемъ, ижъ дей его милостъ дворомъ и именямъ ихъ кгвалты, наезды, шкоды непомерные, кривды и втиски великие, здавна чинитъ, а именя и кгрунтъ ихъ властивые, моцно, кгвалтомъ въ нихъ отыймуючи, поседаетъ и подъ себе забираетъ. А теперешнихъ дей часовъ, на Стретение Господне, месяца февраля втораго дня, князъ Миколай его милостъ Збаразский, староста Кремянецкий, наславши моцно, кгвалтомъ, урядника своего Грицовского, на ймя *) зъ многими людми, зъ бояры, зъ слугами и съ подданымы своими, о колко сотъ человековъ, збройно, зъ ручницами, зъ сагайдаки, зъ мечи, и зъ рогатинами, и зъ иншими бронями на дворецъ, имене ихъ милости, Микулино, дворника и дворничку зъ двора выбили и челядь дворную прочь розогнали. А потомъ дей, побравши маетностъ дворную, быдло, кони и иншие вшелякие речи, тотъ дворецъ запалили; такъ же дей въвесь дворъ зъ будованемъ,

*) Въ подлинникѣ пропускъ.

м гумномъ, со збожемъ, на коренъ выжгли и попалили. И скоро дей дворъ и гумно спаливши, того жъ часу заразомъ ударили на село Микулинское, такъ же дей заразомъ все село спустошили, и што дей было въ томъ селѣ господаровъ, тыхъ всихъ зъ жонами, зъ детми, поймали, и всю маетность ихъ отъ мала и до велика забрали. И того жъ дей часу, приехавши до млына ихъ Микулинского, греблю роскопали, млынъ порубали, кола поломали и вси железа млыновые побрали. И еще дей на томъ мало маючи, того жъ дня тотъ урядникъ Грицовский, зо всими тыми людми, едучи зъ Микулина, приехавши моцно, квалтомъ, на другое имене ихъ, Исачковъ, такъ же всихъ людей ихъ милости, Исачковскихъ, зъ жонами, зъ детми, самихъ поймали, а быдло, кони, овцы и всю маетность ихъ оть мала и до велика побрали, великие а незносные шкоды поделали, которыхъ усихъ шкодъ, на тотъ часъ поделаныхъ, рейстра, меновите написанные, панъ Михайло Лабунский въ себе быти менитъ; што дей того жъ часу обаполнымъ суседомъ своимъ о поведалъ. А тые . . . . . наезды, пожогу и спустошенея тыхъ именей своихъ людми добрыми сторонними обводилъ и осветчалъ, и то заразомъ на вряде здешнимъ ожаловалъ. Яко жъ на обвожене и на огледане тыхъ всихъ шкодъ поделаныхъ бралъ у мене вижомъ зъ уряду замку Луцкого боярина господарьского, Красноселского, Богдана Гордуновича; который вижъ тамъ былъ, тыхъ всихъ шкодъ огледалъ, и, оттоля приехавши, ставши передомною въ замку Луцкомъ, до книгъ тыми словы созналъ: ижъ будучи мне у пана Михайла Лабунского и, маючи при собе людей сторонних, за обвоженемъ его, были есмо у Микулине, огледаючи шкодъ и спустошеня, и виделъ есми тамъ дворецъ Микулинский зо всимъ будованемъ, и гумно, со збожемъ того жъ дворца, на коренъ выпалено, и все село Микулинское спустошоно, ижъ у тридцати хатахъ жадное души не толко человека, але ни которого быдляти не машъ. И тамъ же, въ Микулине, виделъ есми млынъ зопсовано, кола и всю снастъ млиновую поламано, порубано, железа побрано и греблю роскопано. А потомъ дей оттоля заразомъ ездили есмо до другого именя пановъ Лабунскихъ, Исачкова, и тамъ есми виделъ все село спустошоно, такъ же въ двадцати хатахъ жадного человека а ни быдляти не зостало, толко домы пусты стоятъ.

И поведилъ намъ панъ Михайло Лубунский, ижъ тыи вси шкоды и спустошеня, за расказанемъ князя Миколая Збаразскаго, старосты Кремянецкого, черезъ врядника, слугъ и подданыхъ его починены. И просилъ панъ Михайло Лабунский, самъ отъ себе и именемъ брата своего, абы то было записано. А такъ я тую жалобу оповедане его милости, и выжово сознане, въ книги замковые записати казалъ.

Книги Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2037, годъ 1563, листъ 38.

XVIII.

Объявленіе вдовы пана Матѳея Сенюты и донесеніе уряду вижа о томъ, что крестьяне Сенюты, взбунтовавшись, убили его, и сами съ семействами и имуществомъ убѣжали. 1563 г., іюля 7 дня.

Року 1563, месяца июля 7 дня.

Присылала до мене Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого, пани Матфѣевая Сенютиная Ляховицкая, пани Богумила Ивановна, хорожанка повѣту Новгородского, оповедаючи и жалуючи водлугъ первшои жалобы и оповеданя своего, яко жалобу и оповедане чинила въ замку господарьскомъ, Кремянцу, на што и выписъ съ книгъ замку Кремянецкого до мене на врядъ замку Луцкого присылала, который выписъ такъ ся въ собе маетъ: лѣта Божего нароженя тисяча пятсотъ шестдесятъ третего, месеца июня третего дня, въ четвергъ. Писала и присылала до мене Алекшого Бѣлецкого, подстаростего Кремянецкого, пани Матфѣевая Сенютиная Ляховицкая, пани Богумила Ивановна, хоружанка повету Новгородского, оповедаючи о томъ, што жъ дей поехала была сама до Кремянца, хотячи на вряде въ замку господарьскомъ, Кремянецкомъ, оповедати жалъ свой и забите небожчика пана малжонка своего, пана Матфея Сенюты. Ино дей скоро ее милость зъ Ляховецъ

выехала, тогды дей на дорозе у великую форобу попала, ледво дей живую ее назадъ тамъ привезли; которую дей форобу ее тамъ виделъ вижъ, отъ вряду панеи Григоревой Сенютиной Ляховецкои даный, и иншие люди добрые, шляхта, которые на тотъ часъ тамъ были. И просила мене, абыхъ якого чоловека доброго, веры годного, для огледаня форобы ее послалъ. А такъ я за прозбою ее посылалъ тамъ вижомъ служебника пана моего, князя Миколая его милости Збаразского, старосты Кремянецкого, Валантого Беловодского, который вижъ, тамъ бывши и оттолъ приехавши, передомною до книгъ созналъ: ижъ вчорашного дня, въ пятницу, июня четвертого дня, въ замку въ Ляховцохъ былъ и панею Матфѣевскую Сенютиную Ляховецкую, панюю Богумилу, велми хорую, на постели лежачую, виделъ. И поведила мне, вижови, пани Матфеевая Сенютиная, пани Богумила Ивановна, ижъ прошлыхъ часовъ передъ семою суботою, съ четверга на пятницу, мая двадцатъ осмого дня, въ ночи, хлопи збунтовавшися, то естъ: атаманъ Войнеговскій зъ сыномъ, а люди Войнеговские: Климко зъ сынми, Тишъ зъ сынми и съ пасынками, седелникъ зъ наймитами, Васечко зъ наймитомъ, Дмитръ изъ сынми, Прысъ изъ сынми и зъ наймитами, другий Клымко зъ сыномъ, а Янковичи Любовка изъ сынми, Чорнышъ изъ сынми; а люди села Кащинецъ атамамъ зъ сынми; а зъ Вариводинецъ атаманъ съ сынми; а зъ Ляховецъ Хома Савчичъ, приподчи на дворъ зъ розмаитыми бронями, въ комору ся вломивши, самого пана Матфея Сенюту, мужа ее, до смерти забили и замордовали, а сами тое жъ ночи зъ жонами, изъ детми и зъ маетностями своими повтекали прочъ. А иншого дей никого тамъ, кроме тыхъ людей, не было и нихто иншій въ томъ забитью пана моего не виненъ: бо кроме тыхъ людей никого есми тамъ не видела и не слышала. И то дей оповедамъ и вызнаваю, ижъ по животе небожчика пана малжонка моего, мешкаючи при панеи матце пана малжонка моего, при пани Григоревой Сенютиной, и при сыну ее милости, пану Федору Сенюте, въ Ляховцахъ, никоторое трудности и втиску не маю, толко на всемъ, якобы во властномъ дому своемъ, при ихъ милости мешкаю. Яко жъ дей и сама есми то оповедати и вызнавати къ уряду господарьскому была поехала, нижли дей на дорози зафорала. Ку тому оповедала

мне, вижови, пани Григоревая Сенютиная Ляховецкая, пани Милка Патрикиевна, ижъ тыхъ всихъ именей, на чомъ небожчикъ, панъ Матфей Сенюта, сынъ мой а мужъ ее, оправу ей вчинилъ, мешкати и вживати ей не бороню. А въ тотъ дей часъ при мне, вижу, были земяне господарские: панъ Михайло Джуса, а Янъ Воповский. И просила, абы то въ книги было записано. Я тое оповедане и жалобу ее милости, и вижово сознане, въ книги замковые записати казалъ, и выписъ съ книгъ подъ печатю моею панеи Матфѣевской Сенутиной Ляховицкой на то далъ. Писанъ въ Кремянцы. И просила пани Богумила Матфеевая Сенютиная Ляховецкая, абы то было и тутъ на вряде въ замку господарьскомъ, Луцкомъ, до книгъ записано. А такъ я тую жалобу и оповедане ее милости, водле выпису Кремянецкого, въ книги замковые записати казалъ.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2037, годъ 1563, листъ 105.

XIX.

Жалоба отъ имени паніи Ѳедоры Загоровской на подстаросту Владимірскаго, Василія Гулевича, о томъ, что онъ не законно присвоилъ себѣ право суда надъ крестьянами, данными отъ мужа Загоровской на Владимірскую богадѣльню, сажаетъ въ тюрьму и притѣсняетъ ихъ. 1565 г., мая 2 д.

Лѣто Божого нароженя 1565, месяца мая 2 дня.

Писала и присылала до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, въ тотъ часъ будучого на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, велможная пани ее милостъ, пани Петровая, Богдановича Загоровского, маршалковая господарьская, княжна Федора Федоровна Санкгушковна, жалуючи и оповедаючи на пана Василя Гулевича, подстаростею Володимеръского, о томъ, штожъ дей онъ тыхъ часовъ, у великий постъ, безъ бытности

пана малжонка ее милости, пана Петра Загоровскаго, якъ отехалъ до двору сго кролевъское милости, до Петркова, не ведати для которое причины, моцно, кгвалтомъ, подданыхъ пана малжонка ее милости, пана Петра Загоровского, на передмѣстю Володимерскомъ, Засмоцкихъ, которыхъ было его милость, за власные гроши свои купивши, на шпиталъ Володимерскую надалъ; нижли ихъ завше у въ опеце, обороне и въ присуде своемъ мѣлъ, — зъ моцы и держаня его милости отнемши, въ моцъ и послушенство свое привернулъ, тыхъ подданыхъ пана малжонка ее милости, пана маршалковыхъ, судитъ, радитъ, до вежи замковое у везене сажаетъ, и вины съ нихъ беретъ, въ чомъ собе пани Петровая Загоровская отъ пана Василя Гулевича, подстаростею Володимерского, жалъ, кривду и шкоду не малую быти менитъ. И хотячи ее милостъ, пани маршалковая, о томъ до пана Василя Гулевича, подстаростею Володимерскогэ, слати, брала въ мене вижомъ зъ уряду замку Луцкого боярина господарьского, Красноселскаго, Кунаша Макаровича, который вижъ тамъ бывши, оттоля приехалъ, и, ставши передо мною, до книгъ замковыхъ тыми словы созналъ: ижъ тыхъ часовъ, у суботу прошлую, месеца априля двадцатъ осмого дня, ее милость пани Загоровская посылала зо мною, вижомъ, и зъ людми сторонними служебника своего, Федора Городищскаго, до пана Василя Гулевича, подстаростею Володомерскаго, и, знашодчи его у Володимери, пыталъ его именемъ его милости пана своего, пана Петра Загоровскаго, для которое причины имене, або людей панскихъ на предместю Володомерскомъ, Засмочскихъ, моцно, кгвалтомъ отнемши, въ моцъ и послушенство свое привернулъ? На то ему панъ Василей Гулевичъ отказалъ, ижъ дей я нигде именей панскихъ не бралъ, а ни ся въ нихъ уступую; а што ся дей дотычетъ тыхъ людей Засмоцкыхъ, то естъ шпиталщины, которыхъ мнѣ его милость князъ Константинъ Константиновичъ Острозский, воевода Киевский, маршалокъ земли Волынское, староста Володимерский, у въ опеце и обороне замковой мети росказалъ, где жъ дей и они сами ся доброволне мнѣ въ моцъ мою поддали, тыхъ дей я дужо боронити и въ держаню своемъ мети хочу, водле науки и росказаня княжати его милости,—нехай ся дей панъ Загоровский а нислу ги его въ то ничимъ не вступуютъ. Мы, слышачи таковый от-

казъ пана Василя Гулевича, подстаростего Володимерского, съ тымъ отъ него поехали. А потомъ заѣхали есмо до войта шпиталного, Герасима, пытаючи его: естли бы ся онъ зъ людми шпиталными доброволне въ моцъ и въ присудокъ подстаростему Володимерскому, пану Гулевичу, поддали? Тогды Герасимъ, войтъ шпиталный, поведилъ тыми словы, ижъ дей насъ панъ Василей Гулевичъ, поневолне до вежи сажаючи и боемъ грозячи, до моцы и послушенъства своего кгвалтомъ привернулъ; еще дей не толко намъ пана Петра Загоровскаго, або и посланцовъ его милости послушнымъ быти заказалъ, але дей и озыватися намъ паномъ Загоровскимъ срокго загрозилъ. Што все служебникъ его милости пана Загоровскаго, Федоръ, мною, вижомъ врядовымъ, и людми сторонними осветчилъ. И просила ее милостъ пани Петровая Загоровская, княжна Федора Федоровна Санкгушковна, абы то было запасано. А такъ я тую жалобу, оповедане и вижово сознане въ книги замковые записати казалъ.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2039, годъ 1565, листъ 85 на оборотъ.

XX.

Жалоба отъ имени ротмистра Мышки Варковскаго на княгиню Анну Збаражскую о томъ, что по ея распоряженію, урядникъ ея, Станиславъ Усъ, ночью сдѣлалъ наѣздъ на имѣніе жалобщика, Серники, въ которомъ захватилъ пять крестьянскихъ семействъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ, переселилъ въ имѣніе Збаражской, Берестце; а затѣмъ, когда былъ посланъ къ уряднику Усу слуга Мишки Варковскаго съ требованіемъ о выдачѣ бѣжавшихъ крестьянъ, то былъ избитъ, заключенъ въ оковы и посаженъ въ тюрьму. 1565 г., іюня 6 д.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца іюня шостого дня.

Писалъ и присылалъ до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, его милость панъ Михайло Мишка Варковский,

ротмистръ его королевское милости, жалуючи и оповедаючи на ее милость княгиню Миколаевую Андреевича Збаразскую, старостиною Кремянецкою, княгиню Ганну Деспотовъну, о томъ, штожъ дей часовъ не давно минулыхъ, безъ бытности моее, якомъ былъ при двору его королевское милости, врядникъ княгини Миколаевое Збаразское, Бересцкій, Станиславъ Усъ, зобравшися съ подданными княгини ее милости, Бересцкими, на имя: Радивономъ, Гацкомъ а Петрокомъ, изъ иншими помочниками своими, приехавши, моцно, квалтомъ, ночнымъ обычаемъ, на именье мое, Серники, властивыхъ отчичовъ моихъ тамошныхъ пяти человековъ, зъ жонами, зъ детми, зъ быдломъ, съ кони и зо всею маетностю ихъ побравши, за росказанемъ княгини ее милости, панее своее, до Бересцска отпровадилъ; которыхъ дей всѣхъ подданыхъ моихъ, Серницкихъ, врядникъ мой, Серницкий, Матысъ Малиновскій, зъ людми сторонними въ Бересцку засталъ. А потомъ дей малжонка моя посылала зъ листомъ товариша и служебника моего, почтивого шляхтича, Ивана Козарина, до того врядника Берестского, Станислава Уса, просячи его, абы тыхъ подданыхъ а властивыхъ отчичовъ моихъ, Серницкихъ, выдалъ; то пакъ дей тотъ врядникъ княгини Збаразское, Бересцскій, Станиславъ Усъ, не толко абы тыхъ подданыхъ, властивыхъ отчичовъ моихъ, выдати мелъ, але дей еще, змовившися зъ мещаны Бересцскими, того товарыша и служебника моего, Ивана Козарина, безвинне збывши, змордовавши и обобравши, до везеня посадилъ и, мало на томъ маючи, еще дей его, въ ланцухи оковавши, до Локачъ отпровадилъ, а тамъ дей его въ замку Локачскомъ ее милость княгиня Миколаевая Збаразская ажъ до сихъ часовъ окрутнымъ везенемъ мордовати кажетъ; въ чомъ себе его милость панъ Михайло Мышка жалъ, кривду и шкоды не малые быти менитъ. И хотечи его милость панъ Михайло Мышка о томъ до ее милости княгини Миколаевое Збаразское слати, на врядника и на подданыхъ Бересцкихъ жаловати и права прохати, такъ тежъ того товарыша и служебника своего, Ивана Козарина, на поруку взяти, бралъ у мене вижомъ зъ уряду замку господаръского, Луцкого, служебника его милости, князя старостина, Павла Невишского; который выжъ тамъ бывши, оттоля приехалъ, и, ставши передо мною, до книгъ

замковыхъ тыми словы созналъ: ижъ его милость панъ Михайло Мышка, упросивши людей зацныхъ пановъ а приятелъ своихъ, то есть пана Бартожа Витвинъского, пана Ивана Козинского, пана Андрея Омыковского, посылалъ зо мною, вижомъ врядовымъ, и людми сторонними до ее милости кнегини Миколаевое Збаразское, старостиное Кремянецкое, и кгды есмо приехали до Локачъ, пытали есмо мещанъ и жидовъ Локачцкихъ, которые ишли до замку кънегини Збаразской, где бы была?—они намъ поведили, же княгиня естъ у замку,—мы дей до ее милости идемъ, бо намъ до себе прийти казала. Также дей мы, знашодши въ месте Гануса Барберя, который передъ тымъ у Володимери мешкалъ, просили его о то, абы онъ до кнегини въ замокъ пошолъ и насъ ее милости ознаймилъ. Такъ же есмо за нимъ сами до замку были пошли, хотячи ее милости отъ пана Михайла Мышки на врядника Берестецкого, Станислава Уса, и на подданыхъ Бересцкихъ, о побране людей Серницкихъ, о крывды и о шкоды, такъ тежъ о збитье, змордоване, и о невинное везене товарыша и служебника его милости пана Мышчина, Ивана Козарина, жалобу вчинити, просячи его на поруку. Кгды-жъ есмо первыхъ воротъ пригородковыхъ пришли, тогды насъ сторожа у пригородокъ не пустили и великимъ протесемъ ворота заваляли, поведаючи, ижъ дей намъ кнегиня жадного чоловека, который бы толко быдъ отъ пана Мыши, въ пригородокъ и въ замокъ пущати не казала. А потомъ врядникъ Локацкий, Федоръ, выслалъ до насъ Гануса Барбера, поведаючи, же кнегиня ее милость въ замокъ васъ до себе пустить не кажетъ, а я дей, безволи ее милости кнегини панее своее, того иначей вчинити не смѣю. Што все панъ Андрей Смыковский а служебникъ его милости пана Мышчинъ, паномъ Бартошомъ Витвинскимъ, а паномъ Иваномъ Коринскимъ и мною, вижомъ врядовымъ, осветчивши, ни съ чимъ зъ Локачъ ехати мусѣли. И просилъ его милость панъ Михайло Мышка Варковский, ротмистръ его королевское милости, абы то было записано. А такъ я тую жалобу и оповедане, и вижово сознане, въ книги замковые записати казалъ.

Книга Луцкая, замковая, записовая и поточная, № 2039, годъ 1565, листъ 136 на оборотъ.

XXI.

Жалоба земянъ Кремянецкаго повѣта Еловицкихъ на князей Михаила, Максима и Александра Вишневецкихъ за самовольное устройство на ихъ земляхъ четырехъ селеній, разореніе ихъ имѣнія, наѣздъ, сдѣланный княземъ Александромъ Вишневецкимъ на села, принадлежащіи жалобщикамъ, Лановцы, Забужаны и Орѣшковцы, при чемъ крестьяне этихъ селъ были избиты и изувѣчены, одни изъ нихъ, въ числѣ семи человѣкъ, были захвачены и уведены Вишневецкимъ, другіе же разбѣжались, а крестьянское имущество было ограблено. 1565 г., іюня 10 дня.

Лѣта Божого нароженя 1565, месяца іюня десятого дня.

Приподчи на врядъ его королевское милости до мене Андрея Ивановича Русина, подстаростею Луцкого, земяне господарские, повѣту Кремянецкаго, панъ Дмитръ а панъ Савинъ Гневошовичы Еловицкіе, жаловали обтежливе и оповедали сами отъ себе и отъ брата своего старшого, пана Антона Гневошовича Еловицкаго, о томъ, ижъ дей будучи намъ лѣтъ не дорослыми, яко еще пани матка наша, будучи во вдовстве, имене Лановицы держала, а братъ нашъ старший, панъ Антонъ, на тотъ часъ, маючи лѣта, на послугу его королевское милости, до Инфлянтъ, отежалъ, тогды князъ Михайло, а князь Максимъ, князъ Александро, ихъ милость Александровичы Вишневецкие, на властномъ кгрунте нашомъ, Лановецькомъ, чотыри именя, напервей Кусковцы, вже то осмый рокъ, еще при початку воины Ифлянтское, надъ ставомъ нашимъ Жураковскимъ, собе посадили; а потомъ дей въ року шестдесятъ второмъ село Корначовку, надъ Орешковцами; а въ року шестьдесятъ третомъ, село Новоселку, надъ ставомъ Лановецкимъ; а потомъ въ року шестдесятъ четвертомъ село Заруде, на другой стороне ставу нашого Жираковского посадили и вставичне собе въ ставу Лановецкомъ и въ Жираковскомъ рыбы ловлевали. А теперчи дей не давнихъ часовъ, въ року теперешнемъ шестъдесятъ пятомъ, месеца мая тридцать первого дня, подъ часомъ послуги его королевское милости теперешнее земское

военное; князь Александро его милость Александровичъ Вышневецкий, самъ особою своею, зобравшися зъ многими бояры, слугами, людми и помочники своими, наехавши моцно, кгвалтомъ, на имене наше Лановцы, Забужане и Орешковцы, людей позбивали и поморздовали, а семи человековъ, то есть на имя: Андрея, Васка, Климъка, Гарасима, Клима Кулея, Федца и Андрейца, тыхъ поймавши, зъ собою повели; а сорокъ чоловековъ, на службахъ особно осѣлыхъ, съ тыхъ селъ розогнали и зъ домовъ статки, и маетность ихъ, и гроши готовые, а къ тому череду, кони, быдло, волы, коровы, яловицы, овцы, козы, свинъи, гуси, утки, куры и иншие всякие статки, речи домовые, отъ мала и до велика побрали и многие шкоды починили; которыхъ дей всѣхъ шкодъ, рейстръ меновите написаныхъ, въ себе маютъ и часу потребы на праве его оказати хочутъ. И еще дей надто два стави наши, Жираковский а Лановецкий, пороскоповали и рыбы зловили, и до тыхъ дей часовъ оныхъ ставовъ заняты не допускаютъ. Къ тому дей нивы, яко ихъ самыхъ властные, дворные, и подданыхъ ихъ, подъсамыми селы Лановцами, Орешковцами и Забужаны, подданые князей Вишневецкихъ поорали, а сеножати покосили и въ дуброве дерево порубали, а подданымъ дей нашимъ того вживати, поль орати, пахати, и сенъ по властивыхъ земляхъ нашихъ косити забороняютъ и не допускаютъ. Якожъ на обвоженъе тыхъ кгвалтовнихъ знаковъ и на огледане шкодъ поделаныхъ, брали въ мене панове Еловицкие, зъ уряду замку господарьского, Луцкого, вижомъ служебника моего, на ймя Кохана Василевича; который вижъ тамъ бывши, оттоля приехалъ, и ставши передо мною, до книхъ замковыхъ тыми словы созналъ: ижъ тыхъ часовъ будучи мене во йменю пановъ Еловицкихъ, въ Лановцахъ, а въ тотъ часъ при мни были вижъ замку господарьского, Володимерского, служебникъ его милости князя Костентина Костентиновича Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володомерскаго, Богданъ Олехъновичъ Детиницкий, а другий вижъ зъ уряду замку господарьского, Кремянецкого, служебникъ его милости князя Миколая Андреевича Збаразского, старосты Кремянецкаго, Матей Кгорецкий, а къ тому тежъ земяне господарьские: панъ Степанъ Опарипеский, панъ Федоръ Исерентский, а панъ Фурсъ Боро-

ницкий; тамъ же огледали и видели есмо, за оказованемъ врядниковъ Лановецкихъ, село Новоселку надъ ставомъ Лановецкимъ, другое село Кусковцы надъ ставомъ Жираковскимъ, село Зарудье на другой стороне ставу Жираковского, а четвертое село Корчначовку надъ Орешковцами. И поведели намъ, ижъ тые села ихъ милость князи Вишневецкие, вже по животе отца пановъ Еловицкихъ, на властномъ кгрунте ихъ, Лановецкомъ, посадили. Къ тому тежъ видали есмо иншіе села пановъ Еловицкихъ, Лановцы, Забужаны а Орешковцы вельми спустошоные, два ставы Жираковский а Лановицкий роскопаны и спустошоны, а поля, промежку селъ Лановецъ, Забужанъ и Орешковецъ, поораны и збожемъ понасеваны, сеножати покошоны и сено стоитъ въ копѣцахъ, которого може то быти о сорокъ возъ надъ ставомъ Жираковецкимъ и Лановецкимъ; ку тому тежъ оказовали намъ дуброву вырубаную и спустошоную. И поведили намъ врядники, ижъ люди князей Вишневецкихъ тыхъ селъ, на кгрунтехъ пановъ Яловицкихъ осажоныхъ, тые поля поорали, збожемъ позасѣвали, сеножати покосили и дуброву спустошили. И видели есмо въ тыхъ именяхъ пановъ Яловицкихъ около десятъ пустокъ, съ которыхъ, поведили намъ, ижъ за частыми наездами отъ князя Александра Вишневецкого люде прочъ розышлися, а иншихъ дей семи человековъ, съ тыхъ хатъ поймавши, за горло съ собою повели, и тамъ дей шкоды въ тотъ часъ, при томъ кгвалтовномъ наѣханю, не малые ся стали, которыхъ всѣхъ шкодъ рейстръ меновите написаны й въ себе маютъ и часу потребы на праве его положити хочуть. И просили панове Еловицкие, абы то было записано. А такъ я тую жалобу, оповедане ихъ, и вижово, сознане въ книги замковые записати казалъ.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, № 2039, годъ 1565, листъ 142.

XXII.

Запись отъ князя Александра Андреевича Сангушко-Коширскаго слугѣ своему, Перевѣскому, на имѣніе и крестьянъ, въ благодарность за вѣрную его службу, оказанную семейству кн. Сангушко-Коширскихъ. 1565 г., октября 2 д.

Лѣта Божого нароженя 1565, месеца октебра 8 дня.

Постановившися очевисто передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростимъ Луцкимъ, его милость князь Александро Андреевичъ Санкгушковичъ Коширскій, маршалекъ его кролевское милости, оповедалъ и доброволне сознался, чимъ обычаемъ: иж дей я, дознавши ку собе верные а цнотливые слуги служебника моего старого, Ивана Перевѣского, который мне служилъ зъ молодости летъ своихъ верне а сприязливе, яко небожчику отцу моему, князю Андрею Санкгушковичу, старосте Луцкому, такъ тежъ и мне самому, ажъ до сивизны своее, а такъ я, нагорожаючи ему тые верные и почтивые службы его, зъ ласки моее далъ, даровалъ и записалъ есми ему во имѣню своемъ отчизномъ, въ Перевѣсью, которое отецъ ихъ у предковъ моихъ выслужилъ, двѣ части кгрунту земеного дворного, полъ и сеножатей дворныхъ, и тые огороды дворные, и садъ, што подле колодезя по дорогу, по улицу, которая идетъ мимо дворъ старый отца ихъ до ставка, и зъ гаи его властными, зъ лесы, зъ дубинами, зъ речками, ставу и млына три части, и шестъ человековъ, въ листе моемъ меновите описаныхъ, тыхъ которые мели прыйти братанце его, а дочце небожчика Грицка Перевѣского, Полаги,—бомъ я за тые люди далъ ей отмину въ Марковичохъ. А тые люди, водле первшое данины моее, Ивану Перевѣскому далъ, даровалъ и записалъ есми ихъ зъ дворищами, зъ роботами, службами и зо всякими подачками, и землями, съ полми, сеножатми, то есть половицу всего кгрунту селского, Перевѣского, а другие люди мои въ Тупалехъ и въ Залесью, въ листе моемъ меновите описаные, такъ же съ кгрунтомъ и зо всими пожитки малыми и великими, далъ, даровалъ и записалъ есми тому жъ слузе моему старому, Ивану

Перевѣскому, у двохъ сотъ копахъ грошей личбы литовское. Маетъ то онъ самъ, жона, дети и потомки ихъ вечне держати и вживати, и кому хотячи то въ той же суме заставити, и тые пенези ку своему налепшому а пожиточнейшему оборочати, яко самъ на лепей розумеючи,—што дей ширей а достаточней на листе моемъ, записномъ, естъ описано и доложоно. Яко жъ и листъ свой подъ печатю и съ подписомъ властное руки своее, на то ему отъ себе даный, его милостъ князь Александро Кошерский, передо мною покладалъ, жедаючы, абы былъ вычитанъ и въ книги замковые записанъ. Который листъ-такъ ся въ собе маетъ: «я Александръ Андреевичъ Сангушковича Копирский, маршалокъ его кролевское милости, чиню явно и вызнаваю тымъ моимъ листомъ нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати, альбо чтучи его слышати, што жъ узнавши есми до себе верные а цнотливые послуги слуги моего старого, Ивана Перевѣского, ижъ онъ служилъ зъ молодости летъ своихъ верне, спрязливе, яко небожчику отцу моему, князю Андрею Санкгушковичу, старосте Луцкому, такъ тежъ и мне самому, ажъ до сивизны своее, а такъ я Александро Кошерский, нагорожаючи ему тые послуги его, зъ ласки моее даю, дарую и записую ему во йменю моемъ отчизномъ, въ Перевѣсью, которое отецъ ихъ у предковъ моихъ выслужилъ, двѣ части кгрунту земеного, дворного, полъ и сеножатей дворныхъ, и тые огороды дворные и садъ, што подле колодезя по дорогу, по улицу, которая идетъ мимо дворъ старый отца ихъ до ставка, и зъ гаи его властными, зъ лесы, зъ дубинами, зъ речками, ставу и млына три части, и шестъ чоловековъ въ Перевѣсью, то естъ на имя: Ивашка а Левка Бегановичовъ, а Малюту Панковича, Занка а Стася Мишечкевичовъ, Васка Шимчича, которые мели прийти братанце его, дочце небожчика Грицка Перевеского, Палагіи, за тыи люди далъ ей отмену у Марковичохъ. А тые люди, вышей мененые, ведле первшое данины моее, Ивану Перевѣскому дарую и записую, и зъ ихъ дворищами, зъ роботами, службами и зо всякими податками, и зъ землями, съ полми, сеножатми, половицу всего кгрунту селского, Перевеского, лихого и доброго; а въ другомъ именю моемъ, въ Тупалехъ, люди: Юцкевичи Михалъ а сынъ его Верешко, Петрокъ, Матеецъ, Тимошъ,

а въ Залесью: люди Машлаевичы Раско а Гриць, Мицковичи Макаръ и зъ сынми, Богушъ Матфеевѣчъ, Супрунъ Макарцовъ сынъ, Федининая вдовица и зъ сынми; тые люди такъ же зъ дворищами, зъ роботами, службами и зо всими подачками, третюю часть кгрунту всякого въ Тупалехъ и въ Залесью, доброго и лихого, зъ лесы, зъ дубровами, зъ речками, тые люди и кгрунты вышей менены дарую и записую слузе моему старому, Ивану Перевескому, у двохъ сотъ копахъ грошей литовское личбы, по шестидесятъ грошей у копу. Маетъ то онъ самъ, жона, дети и потомки ихъ вечне держати и вживати, прибавити, и кому хотя заставити, и ку своему лепшому пожиточному обернути, яко самъ налепей розумеючы. А сынъ мой, князь Левъ, и потомки его, а нихто зъ близкихъ нашихъ, тыхъ именей и кгрунтовъ земеныхъ, вышей описаныхъ, отнимати въ нихъ не маютъ. Первей маютъ отдати имъ двѣсте копъ грошей литовскихъ, тожъ тые именя къ рукамъ своимъ отъ нихъ взяти маютъ; а они, взявши тую двѣсте копъ грошей литовскихъ, добровольне зо всими маетностьми и статки домовыми, съ пашнями, и што будетъ въ гумнехъ и на поли засеяно, и будоване дворное побравши, або продавши кому хотячи, зо всимъ пойти и кому хотя служитъ. А сынъ мой а нихто зъ близкихъ моихъ и въ найменшой речи ни въ чомъ ихъ гамовати не маютъ. А если имъ тое сумы пенезей не отдадутъ, тогды онъ самъ, жона, и дети, и потомки ихъ, тые именья, и люди и кгрунты, вышей менены, держати и вживати маютъ на вечные часы. И на то даломъ Ивану Перевескому тотъ мой листъ зъ моею печатью и съ подписомъ руки моее властное. Писанъ въ Конюсехъ, подъ летъ Божего нароженю тисяча пятъ сотъ шестдесятъ пятего, месяца октября второго дня. А такъ я тое очевистое оповеданъе доброволное сознане и листъ его милости князя Александра Санкгушковича Кошерского, слово отъ слова, съ початку ажъ до конъца, въ книги замковые записати казалъ.

Книга Луцкая замковая, записовая и поточная, годъ 1565, № 2039, листъ 328 на оборотѣ.

XXIII.

Объявленіе земянина Ивана Леневскаго о томъ, что панъ Иванъ Чапличъ Шпановскій, получивъ съ него подать »серебщину«, слѣдуемую съ имѣній Лынева, Цевова, Серхова и Колпытова не возвратилъ ему оной, какъ бы слѣдовало на основаніи королевскаго листа, по которому повелѣно »серебщину« не взимать, а брать вмѣсто нея »поголовшину«. 1566 г., мая 21 д.

Року 1566, месяца мая 21 дня.

Присылалъ на врядъ его кролевское милости до мене Войтѣха Красовскаго, воротного замку Луцкого, въ тотъ часъ будучого на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего Луцкаго, земенинъ господарский, панъ Иванъ Леневский, оповедаючи тымъ обыемъ: ижъ дей зимы минулое, року прошлого шестьдесятъ пятаго, зъ ыменя своего Линева, зъ ыменей пасынка своего Ивана Ощовского, съ Цевова и Серхова, и зъ ыменей подчерицы своее, Колпытова, такъ тежъ и съ части малжонки свое, въ тыхъ же именяхъ, серебщизну его кролевское милости отъ двадцати и девяти сохъ и отъ одного вола, зъ сохи по полъ копы грошей, а отъ десяти огородниковъ, съ каждого огородника по пяти грошей, отдалъ былъ тому господарскому пану Ивану Чапличу Шпановскому, на што и квитъ пана Ивана Чапличовъ панъ Иванъ Линевский у себе маючи, до мене на врядъ замковый присылалъ, и былъ у весъ вычитанъ, который квитъ такъ ся въ собе мае: »Року тисеча пятсотъ шесдесятъ пятого, месяца декабря пятогонадцатъ дня. Я Иванъ Чапличъ Шпановский, безъ бытности товариша моего, пана Василя Загоровского, взялъ есми серебщизну господарскую у пана Ивана Линевского, зъ ыменя его, Линева, зъ ыменя пасынка его Ивана Ощовского, съ Цевова и Серхова, и зъ ыменя подчерицы его, Колпытова, такъ тежъ и съ части малжонки его, въ тыхъ же именяхъ, отъ двадцати девяти сохъ и отъ вола а отъ десяти огородниковъ, отъ сохи по полкопы, отъ огородника по пяти грошей; на томъ далъ пану Ивану Линевскому тотъ мой квитъ зъ моего печатю«. Къ тому тежъ пове-

далъ панъ Линевский, ижъ дей по отданю тое серебщизны господарское, вынесены листы его королевское милости, абы вже серебщины не давано, толко поголовщину. Где жъ дей вже панъ Иванъ Леневский не пооднократъ пана Ивана Чаплича просилъ и напоминалъ, абы ему тую серебщину отдалъ, хотячи тые пенези, водле росказаня его кролевское милости, за поголовщину бирчимъ господарскимъ дати; то такъ дей панъ Иванъ Чапличъ ему и до сихъ часовъ тое серебщины отдати не хочетъ. Въ чомъ собе панъ Иванъ Леневский отъ него кривду и шкоду быти менитъ, и постерегаючи того, абы на немъ и на имѣняхъ его того плату господарского, поголовного, зъ децкованемъ не отправовано, просилъ, абы то было записано. А такъ я тое оповеданє его и квитъ пана Ивана Чапличовъ, слово отъ слова, съ початку ажъ до конца, въ книги замковые записати казалъ.

Книга Луцкая замковая и гродская, записовая и поточная, годъ 1566, № 2040, листъ 162 на оборотъ.

XXIV.

Рѣшеніе копнаго суда по дѣлу о воровствѣ, произведеномъ у крестьянъ имѣніи Любча, принадлежащаго подканцлеру великаго княжества Литовскаго, Евстафію Воловичу и женѣ его Аннѣ. Копа для разслѣдованія этаго дѣла собиралось три раза, и приговорила оказавшихся виновными въ воровствѣ: Любечскаго урядника, Яна Нетецкаго, жену его Анну, а также Лаврика, изъ Богушовки,—къ повѣшенію. 1568 г., марта 6 дня *)

Року 1568, месяца марта 6 дня.

Присылалъ на врядъ его королевское милости, до мене Петра Хомека, подстаростего Луцкого, врядникъ велможного пана его ми-

*) Мѣста этого акта, означенныя точками, въ актовой книгѣ, изъ которой онъ выписанъ, совершенно истлѣли.

лости, пана Остафья Воловича, подканцлерого великого князства литовского, маршалка дворного, старосты Берестейского и Кобринского, Любецкий, панъ Валентый Тваровский, просячи о возного повитового для прислуханя права копъного о починене шкодъ поддаными его милости пана подканцлерого, и ее милости кнегини Ивановое Любецкое. А такъ я, въ небытности на тотъ часъ на вряде возъного, придалъ есми ему, у место возъного, вижемъ боярина господарского, Красноселского, Михна Павловича, который вижъ, тамо бывши, отътоля приехалъ и, ставши передомною во сполов съ паномъ Иваномъ Путошинскимъ, возънымъ повиту Луцкого, до книгъ кгродскихъ тыми словы едностайне созънали: на первей вижъ, зъ уряду приданый, Михно Павловичъ, повѣдалъ, ижъ кгды есми приехалъ до Любча, месяца февраля двадцать семого дня, а на тотъ часъ маючи при собе сторону людей добрыхъ, тогды била зобрана копа о злодейство, што было покрадено . . . . . подданого его милости, пана подканцлерого, Мартина Догтеревича, а кнегини Ивановое Любецкое подданому Ивану Леневичу и о иншые многие шкоды; то пакъ копа повидила, ижъ урядникъ панее Миколаевое Остиковое, княжны Ганны Романовны Любецкое, Любецкий, Янъ Нетецкий, нитъ видома для чого на копахъ минулыхъ самъ ся не-ставовилъ, и Степана Москвитина не видати для чого обвесилъ . . . . . штобы не вызналъ—съ кимъ бы бурсовалъ въ томъ крадеже. То пакъ копа вся посылала мене, вижа врядового, Михна Павловича, зъ людми добрыми, сторонними, до жоны Яна Нетецкого, Ганны, вряднички Любецкое, отъ ее милости панее Остиковое, пытаючы где бы мужъ ее Янъ поехалъ, для чого на копахъ не бываетъ, и Москвитина Степана и Марка, человека прихожого, на копахъ не становитъ, на которыхъ вже . . . . . коли жъ уси урядники Любецкии . . . . . зъ вами завжды бываютъ? Она поведила тыми словы: ижъ мужъ мой поехалъ . . . . . вся отложила была на четвергъ . . . . . пятницу, абы они, зшедши . . . . . о злодей . . . . тыхъ шкодъ, которые се стали Мартину Дегтеревичу, Ивану Леневичу. То пакъ жонка Ганна Кгамратовая, ко-

торая служила на тотъ часъ уряднику, Яну, и жоне его, Ганне, пришедши сама доброволне, по своей доброй воли вызнала и поведила, ижъ для тыхъ шкодъ, отъ злодейства учиненыхъ, о што ся копа вже сходитъ третий разъ, Янъ, урядникъ нашъ, поехалъ прочъ и жона его хочетъ ночю утечи за нимъ, але пойдите до коморы, где она сховане свое маетъ, знайдете у нее у коморе тые речи, што покърадены у подданыхъ тыхъ, вышейменены хъ, бо я зъ нею вже билася . . . . . ятровки моее, которую жъ позънала на ней, што вкрадено въ ятровки моее. Панъ Валентый Тваровский, врядникъ Любецкий, не хотячи того . . . . . чинити, але, довидавшися, же тотъ Янъ Нетецкий вже зъежчалъ, хоронечися, взявши мене, вижа врядового, Михна Павловича, а при мне сторону людей добрыхъ, гонилъ того Яна Нетецъкого, которого, погонивъши въ селе Любитове, пана Занка Белостоцкаго, земенина господарского, и поведилъ ему, абы ся вернулъ назадъ до копы, а справился о што жалуютъ на копе. И приехавши зъ нимъ до Любча въ неделю, месеца февъраля двадцать девятого дня, при мъне Михну Павловичу, вижу врядовомъ, и вже на тотъ часъ приехалъ тежъ былъ возный земский, повѣту Луцкого, панъ Иванъ Путошинский, и люде добрые, сторонные, пыталъ панъ Тваровский того Яна Нетецкого передъ нами—для чого бы прочъ зъежчалъ, а на копахъ ся не становилъ, и того Москвитина Степана для чого безъ права обесилъ? Янъ Нетецкий поведилъ передъ нами, ижъ онъ не былъ на тотъ часъ коли мещане Озерецкие его повесили, то пакъ у понеделокъ, месяца марта первого дня. Панъ Тваровский передо мною Михномъ Павловичомъ, Иваномъ Путошинскимъ, зобравши копу людей Любецкихъ всихъ чотырохъ частей, при которой копе было людей зацныхъ шляхты и иншихъ людей сторонныхъ, веры годныхъ, не мало, пыталъ панъ Тваровский на первей Яна Нетецкого: естли бы што мелъ речей краденыхъ у себе, о што подданые вышейпоменены жалуютъ? Янъ поведилъ, якъ я о жадной речи краденой не видаю, такъ а нимъ былъ на тотъ часъ, коли Москвитина мещане Озерецкие обесили, а на копу мнѣ самому, такъ тежъ и людемъ своимъ ее милость пани ходити заказала. Яко жъ войтъ Богушевский и тивонъ Любецъкий ее милости панее Серпутиное,

передъ нами вызнали, ижъ николи ее милость пани намъ не заказовала, абысмо на копу не смели ходити, бо естли бы который зъ насъ на копу не пошолъ, тогды копа насъ у тую шкоду уложитъ, о што будетъ на копе жаловано. А потомъ, кгды есмо пришъли до изъбы, где тотъ врядникъ и зъ жоною своею мешъкане мелъ, пытали жоны его, Ганны, естли бы што краденыхъ речей у дому своемъ мела за видомостю и за ключомъ своимъ? Она поведила, же я жадныхъ речей краденыхъ не видаю а ни ихъ въ себе маю; а што пытаете о Москвитине, того Москвитина мещане Озерецкие, безъ мужа мого, обесили. Тутъ же стоячи войтъ Озерецкий и зъ мещаны Озерецкими поведили и вызнали, ижъ мы посланца нашого прислали до тебе, ясне даючи знати, же Москвитина поймали у клети зъ лицомъ; ты тогожъ часу, приехавъши до Озерянъ, Москвитина безъ жадного права обесилъ еси его у неделю, еще не далъ еси намъ и обѣдовъ зъести, коли есь его вешалъ. А потомъ познали на хлопцу панее Остиковое, Яцку, сорочку, которая была вкрадена у подданого кнегини Ивановое, Ивана Леневича; хлопецъ поведилъ, же я тую сорочку маю отъ уряднички Ганны Яновое. Она ся отъ тое сорочки прела (sic) ани признавала, абы ее тому хлопъцу, Яцку, давати мела, и поведила, ижъ я вамъ панове схованя своего боронити трести не буду, и сама доброволне до коморы отомкнула. Кгды дей коморы отомкнула, въ коморе, за кълючемъ ее, знашли въ корыте рантухъ, а въ хмели, у коробци, знашли полтретѣ скуры зъ шерстю выправеныхъ, козиныхъ, а пять скуръ баранихъ, вычыненыхъ, подъ скрынею, въ которой пашъня была, толстокъ две,— одну черчатую, одну синюю, ветхую, и инъшихъ речей не мало. А съ тымъ лицомъ Янъ и зъ жоною своею, Ганною, были ведены на копу, на которой копе войты и тивуны усихъ чотырохъ частей Любецкихъ поведили Яну и жоне его, Ганне: ижъ вы, ведаючи какую шкоду, о которую шкоду, черезъ злодейство учиненое, уже копа не одынъ разъ была, на которыхъ копахъ пытали, абы каждый отъ себе зъ особна о зълодеи выведыватися, естли бы въ кого якие речи даны, або положоны до захованя, абы на копи не сталъ,— але ты, Яне, и зъ жоною своею, ани самъ на копе не бывалъ и тыхъ речей, съ которыми васъ теперъ привели, у себе маючы, пе-

редъ копою не повидали, але еще, мало маючи на томъ, и Москвитина, злодея приличного, безправне обесилъ. Съ тыхъ причинъ, при тыхъ речахъ, съ которыми есте теперъ передъ насъ приведены, сказуемъ васъ обоихъ на шибеницу, водлугъ права нашого копного. Подданые Мартинъ Дегтеревичъ а Иванъ Леневичъ, принявъши всказане копное, пытали у Яна и въ жоны, Ганны, где бы иншие речи подели, которые въ нихъ были покрадены, што и жонка ихъ, Ганна, поведила, же до Брошевши перину, подушки двѣ, кожухъ сермягу чорную, жона твоя отвезла. Копа вся пытали межи собою, абы тыхъ речей не таили—у кого бы Янъ, або жона его, Ганна, положила, абы тутъ на копе положили; нижли ни хто ся не хотелъ озрати. Мартинъ Дегтеревичъ поведилъ, же сынъ Грицковъ, Васко, возилъ тую Яновую до Богушевки, а такъ абы тутъ на копе сталъ передъ вами, поведилъ, што возилъ зъ нею. Грицко, стоячи на копе, поведилъ, ижъ я за сына своего хочу въ отказе быти, и што зостану съ розъсудку вашого виненъ, терпеть хочу,—и вызналъ тыми словы передъ нами, на копе стоячи: ижъ сынъ мой, на тотъ часъ коли ее везъ до Богушовки, знашолъ вже коня запряжоного, якожъ тивонъ пании Остиковое, Павелъ, вызналъ, же конь запряжонъ и возъ . . . . . наложонъ полонъ речей, не ведаю якихъ. Сынъ мой, привезши ее до Богушовки, у домъ Лавриковъ, самъ пошолъ до Карпа, зятя войтова, отдаваючи повъгроша, што ему былъ виненъ, и пришедши до Лаврикова дому, положоные въ возъ речи, съ него выбраны; нижли сынъ мой не ведалъ, што въ возе за речи были . . . . . на тотъ часъ, будучи . . . . . прислаными и при людехъ сторонихъ, питали того Лаврика разъ и три: естлибы што мелъ положоного въ дому своемъ отъ врядника, або урядички ее милости панее Серпутиное, Любецкое? Лавринъ не хотелъ передъ копою знатися до жадныхъ речей. Копа надъ право разъ и колко пытала Лаврика, абы не таилъ речей краденыхъ, припоминаючи ему о тые речы, ижъ мы на копу ся збираемъ вже третий рязъ, а ты, бываючи зъ нами на копѣ, о тое злодейство, што теперъ у тебе быти поведаютъ, предъ ся таишъ,—мы, не хотечи такого злодейства межи собою мети, тебе всказуемъ на тую жъ шибеницу, якъ Яна и жону

его. А такъ ты пане Тваровский о то маешъ: злодея абысь его сказалъ скарать такъ яко злодея, што бы ся десятый, на тое гледечи, каялъ. Тая Ганна, жона врядникова, идучи на шыбеницу, после споведи, вызнала, ижъ скрынку и две подушки, кожухъ и сермягу чорную, то все дала въ заховане Лаврику и онъ того есть свѣдомъ злодейства нашого. Якожъ всказаня конного они за плату, водле заслуги своее, взяли. И просилъ панъ Тваровскій, абы то было записано. А такъ я тое возного и вижа сознане до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1868, № 2042, л. 68.

XXV.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ вмѣстѣ съ урядникомъ князя Романа Сангушка, священникомъ Іоакимомъ, ѣздили въ имѣніе княгини Настасіи Козикиной, гдѣ удостовѣрился, что дѣйствительно княгиня Козизика велѣла схватить принадлежащаго Сангушкѣ крестьянина, Богдана, посадить въ тюрьму и предать его пыткѣ, при чемъ ограблены были находившіеся при немъ деньги. 1568, мая 1 д.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца мая 1 дня, въ суботу.

Постановившися обличне на вряде замку господарьского, Володимерского, передо мною Михайломъ Павловичемъ, подстаростымъ Володимерскимъ, возный повету Володимерского, Иванъ Летинский, тыми словы до книгъ вызналъ: ижъ будучи мне отъ тебе зъ уряду замкового, за листомъ твоимъ, вряднику князя Романа его милости Федоровича Санкгушка, воеводы Браславского и Веницкого, старосты Житомирского, Турыйскому священику спаскому, Якимъю, за прозбою его приданымъ, до кнегини Андреевои Козѣчиной, кнегини Настаси Кирдиевны, о поймане подданого князя его милости, пана его, человека Бовбовского, Богдана, которого дей яко бы кнегиня Ко-

зѣчиная на доброволной дорозе безвинне поймати, увезене всадити и змучити казала, пытаючи ее, для которое причыны то вчинила, и што бы того подъданого зъ везеня выпустити велела,—ездилемъ вчора въ пятницу, мѣсяца апреля трицатого дня, зъ врядникомъ князя Романа его милости, Турийскимъ, свещеникомъ спаскимъ, Якимъемъ, до кнегини Аньдреевое Козѣчиное, до двора ее до именя Мокрецкого. Тамъ же въ дворе застали есмо того подданого князя Романа его милости, Бовбольского, Богдана, у гридни подле колоды седячого, велми змученого, въ которомъ виделъ обадва боки выпаленые, такъ же и подъ обема руками выпалено, съ которого змученья не ведати если живъ будетъ ли. Поведалъ мнѣ, возному, тотъ Богданъ: »ижъ дей дня вчорашнего, въ четвергъ, две недели минуло якъ дей есми ишолъ въ день зъ дому моего, зъ Бовболъ, дорогою доброволною до именя князей Курцевичовъ, Ягодна, вола купити собе на роботу, маючи при собе за пазухою семъдесятъ грошей Литовскихъ на вола, а особливе въ мошне шестъ грошей Литовскихъ; и кгдымъ дей приходилъ до села Мокрца, такъ же дей мене подданый кнегини Козечиное, Мокрецкий, на ймя Федецъ Будникъ, съ товаришомъ и помочникомъ своимъ, чоловекомъ Мокрицкимъ же, на доброволной дорозе, въ перегороды села Мокрецкого, безъ винне, не маючи до мене ни которое причины, за росказанемъ кнегини Козечиное, панеи своеи, поймалъ и до двора привелъ. Кнегиня Козечиная дей казала мя у везене всадити, и зъ везеня беручи, три кротъ мучити, огнемъ палити, якъ дей и самъ тые знаки на мне видишь. И въ тотъ дей часъ, якъ мене тотъ подданый ее, Федецъ, съ товаришомъ и помочникомъ своимъ поймалъ, такъ же тые семдесятъ грошей Литовскихъ, которые дей есми мелъ при себе за пазухою на куплене вола, въ мене отнялъ; а тые дей шестъ грошей Литовскихъ, которые есми особливе въ мошне мелъ, тивонъ Мокрецкий, Гацко, вже якъ дей мя до двора привели, въ мене взялъ«. И пыталъ тотъ врядникъ князя Романа его милости, Турийский, Якимей, передо мною, возным, кнегини Козѣчиное, для которое дей еси причины того подданого князя его милости, пана моего, Богдана, безъ винне поймати, у везене всадити и змучить казала? Кнегини Козечиная поведила: »я его казала змучити, я жъ его и заплачу«. Што все

врядникъ Туриский мною возным и стороною, подданым панее Янчинское, Туропинским, Тишкомъ, который на тотъ часъ тамъ зъ нами былъ, осветчилъ; и за тымъ есмо оттолъ прочъ поѣхали, а тотъ подданный князя Романа его милости, змученый Богданъ, таки тамъ въ дворе княгини Козечиное зосталъ. При которомъ же вызнаню своемъ возный, перво помененый, и тотъ листъ мой, за которымъ на тую потребу ездилъ, передо мною показалъ; и просилъ мене врядникъ князя Романа его милости, Турыйский, свещеникъ спаский, Якимей, черезъ писане листу и посланца своего, абы тое вызнанье возного въ книги замковые было записано. Я то въ книги замковые записати казалъ.

Книга Владимірская городская, записовая и поточная, № 935, годъ 1568, листъ 45.

XXVI.

Жалоба пана Николая Харлинскаго на княгиню Анну Соколинскую о томъ, что она въ половинѣ имѣнія Любча, купленномъ Харлинскимъ, притѣсняла и грабила крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ вознаго. 1568 г., ноября 14 д.

Року 1568, месеца ноября 14 дня *).

Што первей сего передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростымъ Луцкимъ, панъ Миколай Харлинский самъ себе и отъ малжонки своее, княжны Ганны Богдановны Любецкаго, жаловалъ и оповедалъ не ее милость княгиню Павловую Соколинскую, подко-

*) Мѣста, означенныя въ настоящемъ актѣ точками, въ актовой книгѣ совершенно истлѣли.

морную Витебскую, кнегиню Ганну Любецкую, тымъ обычаемъ: ижъ дей ее милостъ, не ведомо за якимъ правомъ, половицу Любча, частъ небожчика князя Богуша Любецкаго, которую я купилъ въ небожчика пана Малхера Ясиловского и въ малжонки его, панеи Фенны Дмитровны княжны Любецкое, сестры. . . . . малжонки своее,—то пакъ дей она, доведавши о томъ, же я тую половицу Любча, зо всими селы и приселкы купилъ, тымъ подданымъ великие кривды и втиски, беручи подачки великие, чинечи грабежи не померные, велми много подданыхъ зъ местечка Любецкого и зо всихъ селъ и приселковъ, къ нему прислухаючихъ, прочъ розогнали и выницили . . . . . Панъ Харлинский, для огледаня и осветченя таковыхъ крывдъ поделаныхъ, бралъ у мене зъ уряду замку господарского, Луцкого, возного поветового, Ивана Путошинского, который возный томъ бывши оттоля приехалъ и, ставшы предо мною, до книгъ кгродскихъ тыми словы созналъ: ижъ тыхъ часовъ, недавно минулыхъ, року теперъ идучого шестдесятъ осмого, месяца ноября пятого дня, маючи я при собе сторону людей добрыхъ: служебника пана Федора Сенюти, Яна Поплавского, и служебника пана Василя Ощовского, Павла Янковскаго, будучи мне въ Любчу, тамъ оповедалъ мне, возному, и шляхте людемъ добрымъ панъ Миколай Харлинский и вси подданые тое части Богушовское: ижъ дей кнегиня Павловая Соколинская, кнегиня Ганна Любецкого, нетъ ведома за якимъ правомъ, будучи теперъ въ держаню тое части небожчика князя . . . . . половицы Любча и всихъ селъ и приселковъ, къ Любчу приналежачихъ, беручи въ нихъ великие податки и чинечи имъ непомерные грабежи, людей прочъ розогнала. А той дей естъ на первей, которые пошли прочъ . . . . . Сикоръ зъ жоною, Матысъ зятъ съ жоною, Матфей . . . . . зъ жоною . . . . . Мартинъ Дегтеревичъ зъ жоною, зъ сыномъ . . . . . зъ жоною . . . . . зъ жоною и зъ дочкою. Зъ села Ставка пошли прочъ на имя: Иванъ зъ жоною зъ двема сынми и зо всею маетностью, Стецко Вилиничъ зъ жоною зъ двема сынми, Мартинъ Бородыня зъ жоною и съ трема сынми, Кирдей а Васко Савчичи зъ двема дочками, Ярмолъ Тишковичъ зъ жоною зъ двема дочками и зъ сыномъ, Грицъ . . . . .

зъ жоною, зъ двема дочками и зъ сыномъ. Зъ села Любча: Михно зъ жоною, зъ двема сынми, Лаврушко Жуковичъ зъ жоною, зъ сыномъ и зъ дочкою, Лавро зъ жоною, зъ трема сынами и зъ дочкою, Ромашко зъ братею самотретъ, и зъ сестрою, Гривко Третякъ зъ жоною и зъ двема дочками. Зъ села . . . . . зъ жоною, зъ сыномъ а зъ дочкою, Дмитрикъ зъ жоною и зъ дочкою, Федко . . . . . зъ жоною, зъ двема сынми и зъ дочкою, Ясюкъ зъ жоною, зъ сыномъ и зъ дочкою, Хихунъ зъ жоною, зъ двема дочками. Зъ села Невольного: Андріецъ зъ жоною . . . . . Миско зъ жоною и зъ двема сынми, Савко Ворожковичъ зъ жоною и зъ двема сынми, Грицко зъ жоною и зъ сыномъ, Ониско зъ жоною, зъ дочкою . . . . . зъ жоною, съ трема сынми и зъ двема дочками. Зъ села Лодовича, Тонко зъ жоною и зъ сыномъ. Яко жъ за обвоженьемъ пана Харлинскаго я огледалъ и виделъ есми халупы пустые такъ въ местечку Любчу, яко и во всихъ селахъ, вышъпомененыхъ, съ которыхъ тые ся люди розищьли. Оповедалъ тежъ панъ Харлинский, што въ которою подданою коней быдла и грошами . . . . . Соколинская, за держанья своего, побрала, то есть: у Кухпи сверепу . . . . . Киялка сверепу и пятъ копъ грошей взела, у Сидоровича сверепу . . . . . жеребца, у Юшка Калковца коня, у Головки пятъ копъ грошей, у Дороша две копы грошей, у Хомы две копы грошей, въ Лавруша две копе грошей, у Стецка две копе грошей, въ Иляша две копе грошей, въ Гордея две копе грошей, у Труша две копе грошей, у Яцка две копы грошей. . . . . две копе грошей, въ Левка копу грошей, у мещанъ Любецкихъ . . . . . две копе грошей, въ Сенка две копе грошей, въ . . . . . две копе грошей, въ Павлюка две копе грошей, у Петрока две копы грошей, у Масюка две копе грошей, въ Гацка две копе грошей, ... у Коваля две копе грошей, у Мартина две копе грошей, у Дмитрика две копе грошей, въ Шимка две копе грошей, у Радка две копе грошей, въ Якуба две копе грошей, въ Харка две копе грошей . . . . . Зъ села Залесецъ: у Грицка две копе грошей, ... две копе грошей. . . . . .

. . . . . трохъ брати сорокъ копъ грошей. Зъ села Соловина: . . . . . две копе грошей, у Хомы две копы грошей, въ Павлюка две копе грошей, въ Сенка две копы грошей, въ Олексы две копе грошей. Зъ села зъ Ставка: въ Куприяна две копе грошей, у Андрейца две копе грошей, въ Стецка две копе грошей, у Вашка две копе грошей, въ Ена две копе грошей. Зъ села Неволного: у войта пять копъ грошей, у Волоса две копе грошей, у Савки две копе грошей, въ Степана две копе грошей, въ Гаврила две копе грошей, у во Ивана две копе грошей, у въ Андрея две копе грошей, ... две копе грошей, въ Миска две копе грошей, въ Корнея Енети копу грошей, у во Ивана две копе грошей,—то дей все кнегиня Соколинская . . . . . тыхъ подданыхъ, верхумененыхъ, одного году въ нихъ взела . . . . . У тыхъ же подданныхъ, верхуменеыхъ, росказала быдла побраты и за собою до Литвы погнать; которого дей быдла взято . . . . . рогатого, то есть сто и тридцать воловъ а сто и семдесять коровъ, овецъ пять сотъ; а десять чоловека, вземши моцно, кгвадтомъ, то есть части . . . . . съ жонами, зъ детми и зо всими ихъ статками на своей части, которую она здавна Любчо держитъ, посадила,—въ чомъ и подданымъ своимъ панъ Харлинский жалъ, кривду и шкоду не малую быти менитъ. И хотечи о то мовити, просилъ, абы то было записано. А такъ я тое возного сознанье до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Луцкая гродская и поточная, № 2042, годъ 1568, листъ 374 на оборотъ.

XXVII.

Жалоба отъ имени пановъ Войтеха и Яна Каменецкихъ на Кременецкаго старосту, князя Михаила Збаражскаго, о томъ, что онъ, вопреки заключенному съ жалобщиками условію, выдавая бѣжавшихъ отъ Каменецкихъ въ его имѣніе 50 крестьянъ, задержалъ жонъ и дѣтей, а также и ихъ имущество; и когда крестьяне возвратились за своими семьями и имуществомъ, то Збаражскій и ихъ задержалъ, отпустивъ только изъ нихъ 18, самыхъ бѣднѣйшихъ, при чемъ взялъ у нихъ по волу и по копѣ грошей Литовскихъ съ каждаго, и отнялъ у нихъ послѣднее имущество. 1570 г., апрѣля 2 дня.

Лѣта Божого нароженя, тисеча пятъсотъ семъдесятого, месяца априля 2 дня.

Писалъ и присылалъ на врядъ его королевское милости, до мене Ивана Хребтовича Вогуринского, подстаростего Луцкого, подстаростий Залозецкій, панъ Вавринецъ Ледъницкий, боярина пановъ своихъ, ихъ милости пана Войтеха а пана Яна Каменецкихъ, на Каменцу и Залозцахъ дедичовъ, на имя Петра Михайловича Подкамена, оповедаючи и обтежливе жалуючи именемъ ихъ милости пановъ своихъ, вышеймененыхъ, на его милость князя Миколая Андреевича Збаражскаго, старосту Кремянецкого, тымъ обычаемъ: ижъ дей его милость, князь Миколай Збаражский, учинилъ былъ певное постановене зъ ихъ милостями, паны моими, о кривды межи подданными зобѣюхъ сторонъ, такъ тежъ и люди збеги свои зъ имѣней князя Збаражъского, то есть зъ Збаража и зъ иншихъ селъ, ку Збаражу належачихъ, и староства его милости, Кремянецкого, а ихъ милость пановъ Каменецкихъ, зъ Залозецъ, зъ Олеска, и съ подъ Каменя и селъ, ку тымъ именямъ, ихъ милости належачихъ,— которые постановене ихъ милость учинили при приятелехъ своихъ, презъ его милости, пана Григорея Болбаса Ростоцкого, писара земъского, Кремянецкого. Яко жъ панъ Болбасъ тое постановене ихъ милости, обеюмъ сторонамъ написавши, съ печатю и съ подписомъ руки своее далъ; дей ихъ милость, обоя сторона, тое постановене, подъ

добрымъ словомъ своимъ задержати . . . . . на што и руки межи себе . . . ижъ тому досыть чинити мели . . . . . Панове Каменецкие, чинечи досыть постановеню и приреченю и рукоданю своему, тому . . . . досыть учинили, яко справедливость, такъ и отправу съ подданыхъ своихъ учинили,—а подъданыхъ, которыхъ на рейстре своемъ князь Збаражскій подалъ, выдали. Где жъ потомъ, кгды ихъ милость посылали того жъ врядника своего, Залозецкого, пана Вавринца Ледницкого, до его милости князя Збаражъского,—его милость князь Збаражский, ачь былъ петдесять некоторыхъ подданыхъ пановъ моихъ выдалъ, и то безъ жонъ, детей и маетности ихъ; одно жъ дей за ся, кгды они тамъ, где мешъкали, по жоны, и по дети и по маетности свои пошли, князь Збаражский ихъ загамовалъ, одно жъ осмънадцатъ пустилъ, што наубогшихъ, и въ тыхъ по волу и по копе грошей Литовскихъ взялъ; и кгды ся они попровадили зъ остаткомъ маетности своее, и тую князь староста у нихъ побрати казалъ надъ записъ, и постановене и дане руки своее. Где жъ зась ихъ милость, панове мои, послали тогожъ врядника своего, Залозецкого, до его милости князя Збаражъского, до Кремянца, зъ людми добрыми, сторонними, въ року теперъ идучомъ, семъдесятомъ, месяца марца десятого, дня, кгды тамъ панъ Ледъницкий просилъ князя, старосты Кремянецкого, абы его милость яко выдалъ ихъ милости паномъ Каменецкимъ пятдесятъ отчичовъ, которыхъ зась загамовалъ, доброволне ихъ пустилъ зъ жонами, и зъ маетностью,—а тыхъ которыхъ пустилъ и маетность ихъ побралъ, абы имъ все вцеле поворочано, и къ тому, которыи люди отчичи въ старостве . . . . . Кремянецкомъ суть, абы и тыхъ также зо всею маетностю ихъ отдалъ. А князь староста тыхъ людей выдати . . . . . загамовалъ, такъ и тымъ маетности ихъ вернути, а тыхъ, которыхъ еще (зъ) староства своего, Кремянецкого, не выдалъ и выдати не хотелъ, и ничого на постановене, и приреченя слова рыцерскего, и рукоданя своего, не дбалъ. А такъ панъ Ледницкий просилъ его милости князя старосты о возного, и ку тому, абы то было до книгъ кгродскихъ записано. Его милость, князь староста, яко самъ зъ уряду своего возного, такъ и панъ подстаростый его, Кремянецкій, придати не хотели. Где жъ и до пана

писара кгродского, Кремянецкого, о той справе ходилъ, абы то до книгъ кгродскихъ было записано; яко жъ и панъ писаръ его поведилъ, ижъ ему князь староста того оповеданя пана Ледницкого записати не велелъ, а такъ того безправя и великое кривды ихъ милости паномъ моимъ, которые ся стали отъ его милости князя, старосты Кремянецкого, записати не хотелъ. И хотечи ихъ милость, панове Каменецкие, о тыхъ кривдахъ, о невыдане подданыхъ ихъ милости, и о побране маетности подданыхъ, такъ тежъ о не придане возного до справъ ихъ милости, и о не записане до книгъ тамошнихъ, Кремянецкихъ, и о всемъ томъ мовити, просилъ именемъ ихъ милости, пановъ своихъ, посланецъ врядника Залозецкого, Петръ Михайловичъ, абы то было до книгъ кгродскихъ тутейшихъ, Луцкихъ, записано. А такъ я тую жалобу и оповедане его до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, 1570 года, № 2044, листъ 174.

XXVIII.

Приговоръ къ повѣшенію крестьянина Волынскаго воеводы князя Александра Чарторыйскаго, Куца, за воровство рогатого скота; казнь сопровождалась пыткой, на которой онъ указалъ на сообщниковъ въ этомъ воровствѣ. 1570 г., апрѣля 19 дня.

Року тисеча пять сотъ семъдесятого, месяца априля 22 дня.

Присылалъ на врядъ его королевское милости, до мене Ивана Хребтовича Богуринского, подстаростего Луцкого, панъ Иванъ Борзобогатовичъ Красенскій, мостовничий Луцкий, просечи именемъ боярина его милости, пана Лукаша, воеводы Познаньского, Миколаевского, Петра Заячинского, абы листъ судовый, подъ печатми людей добрыхъ, былъ вычитанъ, и въ книги кгродские уписанъ, ко-

торый слово въ слово такъ ся въ собе маетъ: »я Томило Ворона, Иванъ Красенский Борзобогатовичъ, а Богданъ Перекладовский, а Олехно Томиловичъ Ворона, сознаваемъ симъ нашимъ листомъ, кому бы того была потреба ведати, ижъ будучи намъ дня нинешнего на справе у дворе его ясневелможное милости, князя Александра Чорторыйского, воеводы Волынского, жаловалъ передъ нами бояринъ Миколаевский, подданый его милости, папа воеводы Познанского, Петръ Заечковский, на подданого его милости князя воеводина, Куца, съ Кланятичъ, поведаючи, ижъ онъ зъ бурсники (sic) своими укралъ въ него и у брата его скота девятеро: воловъ три, быковъ два, коровъ чотыри; который менованый Куцъ, стоячи очевисто передъ нами, а при немъ скота того четверо—быковъ два, коровъ две, поведилъ на то: »я тамъ къ нему по скотъ не ходилъ красти, але мелникъ Кланятицкий, Гринец . . . . . поведилъ то быти скотъ блудяши, у зо мною посполу побравши, тыхъ четверо скота и пятого робочого вола отогналъ зо мною къ Тополю, который скотъ продали есмо были Грицку, корчмиту Буремецкому, за две копе и за пятъ грошей«. Ино мы, межи себе сполне объмовивши, права писаного статуту порадившися, яко злодея приличного на шибеницу сказали есмо. Которого тамъ провадити и пытати при сконани, посылали есмо служебниковъ своихъ: я, Томило Ворона, Климка, а Иванъ Борзобогатовичъ Красенский, Прокопа Угорицкого, а я, Богданъ Перекладовский, къ тому врядникъ Мстишинский, его милости князя воеводинъ, панъ Семенъ, посылалъ дъяка своего, Ивана, которые при конаню у шибеницы того мепованого осужоного, Куца, бывши, намъ отказали, ижъ на муце и при сконаню, вже на шибеници седячи, поведилъ, ижъ мелникъ Кланятицкий, Гриць, зъ оборы своее тыхъ помененыхъ пятеро скота на продажу зъ нимъ, яко блудныхъ, на Тополое, и Буремцу, погналъ, а двое скота тое жъ животины — у Олихъверца, человека князя Богдана Масалского, у Волничахъ, а еще другихъ двое скота, тое жъ краденое животины, при мелнику поведилъ, и то оповедилъ, ижъ Олихверець менованый о томъ ведалъ, же то былъ скотъ краденый. И просили насъ служебники его милости, пана воеводины Познанъского, панъ Радпянский, а панъ Коренский, которые ку тому праву приежчали,

абыхмо имъ тое справы дали съ печатми нашими сознане. Писанъ у Мъстишине, году семъдесятого, месяца априля девятогонадцать дня. А такъ я тотъ листъ судовый слово отъ слова, съ початку ажъ до конца, въ книги кгродские записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, 1570 года, № 2044, листъ 211 на оборотъ.

XXIX.

Донесеніе возного о томъ, что онъ былъ въ имѣніяхъ Сѣрадскаго воеводы, Альбрехта Ласскаго, въ селахъ Постойномъ, Чуллѣ и Бармакахъ, бывшихъ прежде во временномъ владѣніи пановъ Ѳедора и Яцка Гурковъ —Омелянскихъ, при чемъ мужи и подданные означенныхъ селъ объявили, что Гурки, узнавъ о предстоявшемъ переходѣ этихъ селъ къ Ласскому, отогнали въ свое имѣніе, Омеленое, скотъ и лошади, и захватили разное имущество. Кромѣ того мужи и подданные заявили жалобу, что Гурки дѣлали имъ притѣсненія и грабежи, вслѣдствіе чего они пришли въ бѣдность и разореніе. 1570 г., апрѣля 22 дня.

Року тисеча пятсотъ семъдесятого, месяца априля 22 дня.

Пришедчи до мене Ивана Хребтовича Богуринского, подстаростего Луцкого, на врядъ его кролевское милости, замокъ Луцкий, возный повету Луцкаго, панъ Дахъно Гуляницкий, оповедалъ и тыми словы до книгъ кгродъскихъ вызналъ: ижъ дей будучи мне приданымъ зъ уряду господарьского, Луцкого, на справы его милости, вельможного пана, Олбрыхъта Лаского, воеводы Сирацкого, за посланемъ пана Анътона Кловского, старосты Острозского, маючи дей при собе шляхту людей добрыхъ, пана Василя Радовицкаго а пана Михайла Гуляницкаго, приехали дей есмо две годыне на день зъ некоторыми земяны его милости, пана воеводы Сирацкого, и зъ служебникомъ пана старосты Острозъского, паномъ Мартиномъ Лешневскимъ, у

середу, пятого дня апреля, до села Постойна, и, созвавши дей всихъ мужовъ съ Постойна, пошли есмо до двора въ Постойни, который черезъ нѣкоторый часъ съ тыми подданными, Постоенскими, были въ заведеню и вживаню пановъ Федора а Яска Гурковъ, Омелянскихъ; и вподчи доброволне у ворота, отвороны у двора, и пыталъ панъ Мартынъ Лешневский, именемъ его милости, пана старосты Острозского, пана своего, при мне, возномъ, и шляхте: естли бы панове Гуркове были у дворе, або врядникъ, або слуга, который ихъ? А такъ жаденъ ся не озвалъ,—одно одинъ сторожъ у дворе, на ймя Федко Борода, который передъ нами такъ отказалъ: »ижъ дей панове Гуркове, коли тое послышали, же тыи именья, Постойно, отойти отъ пихъ мело, тогды дей сами поѣхали, и болшей того а ни сами а ни тежъ урядники ихъ бывали, и жаденъ слуга не бывалъ,—бо заразомъ што было, тогды все зъ двора, до наймѣншей речи, вывозили до именья своего, Омеляное, побрали же, и мне хлеба вжо не стало«. Панъ Лешневский просилъ, абы по мужовъ всихъ до другого села, што тежъ панове Гуркове держали, на ймя Чюдля, послано. И кгды се подданые съ Чюдля зошли вси, яко Постоенъские, такъ Чуделские мужи, въ Постойне, светчилъ мною, возным, и шляхтою, верху помененою, панъ Лешневский, ижъ дей за певными причинами а не послушенствомъ пановъ Гурковъ дано въ Луцку пану Федору и Яску Гуркомъ—Омелянскимъ, листъ упоминалъный, увяжъчий, съ приданя возного замку Луцкого, пана Ивана Путошинского, што у книги урядовые, Луцкие, записано есть,—абы дей отъ поданя опого листу зъ именей его милости, папа воеводы Сирацкого, Постойна и Чудля, за недель шесть, всю маетность свою вырумовали, и тыхъ именей поступили. Яко жъ дей они, взявши тотъ листъ отъ возного, загамовали, и были того року на вырумоване сведоми, ижъ сами того не ждали теперь а ни подавати очевисто хотѣли; тогды то все для грабежовъ, которые незносные и великие подданымъ его милости пана, воеводы Сирацкого, вчинили, же се даючи, ижъ тыхъ именей одержати не могли въ Постойне и въ Чудли, и околко дей десятъ клячь и воловъ, такъ иное животины, нелютостиве черезъ слуги свои въ домахъ што было, погубивши, до именя свого, Омеленое, отогнали. Яко жъ вси люде зъ

оныхъ селъ, Постойна и Чудля, светчили нами великимъ, плачливымъ дей голосомъ, поведили, ижъ дей всю маетность панове Гуркове: кони, быдло и инныхъ речей, которыхъ рейстръ въ собе менили быти, побрали и до Омеленое отогнали, и сами просили мене, возного, и шляхты, абы то намъ ведомо было, ижъ дей мы подъ послушенство его милости, пана воеводы Сирацкого, пана нашого прирожоного, доброволне себе поддаемо, ижъ тымъ паномъ, што насъ всихъ зобрали и невинные зранили, далей быти не хочемъ послушны, а властныхъ кгрунтовъ Постоенскихъ, за держаня съ предки своими, недбалостю дей своею, на колко милъ ку кгрунтомъ именей пановъ обаполныхъ, упустили и вписали ихъ. Яко панъ Лешневский при насъ и при стороне замку Острозъского въ рейстръ всихъ, и шкоды ихъ каждого зособна. А кгды есмо пошли до избы въ дворе, тамъ одно дей кота есмо знашли, а коморы, клети, станя, обора, гумно все пусту,—одно углы порожние; што панъ Лешневский осветчилъ, ижъ того увязанъя, яко села, такъ въ поддапые, и въ дворныхъ, то ему не боронилъ, а ижъ у дворе ничого згола не засталъ. И кгды къ панове Гуркове для тыхъ крывдъ и грабежовъ, што поддапымъ вчинили, а ни сами были и ни кого ку поданю тыхъ именей его милости, ку замку Острозскому приверненныхъ, послать нехотѣли, то все нами осветчивъ. И потомъ на завтрее рано, месяца априля шостого дня, у четвергъ, съ Постойна поехали дей есмо до другого именя, Бармаковъ, которые дей тако жъ, ижъ панове Гуркове и якобы за певными причинами и непослушенствомъ противъку его милости велможного пана, воеводы Сирацкого, уступити были повинни, за обнесеньемъ листу увяжъчого черезъ возного Луцкого, пана Ивана Путошинского,—абы тако жъ, отъ поданя листу оного за шесть недель, съ того именя его милости, Бормакъ, и зъ двору ся вырумовали и вывезли; который листъ для ведомости тамъ загамовали. А приехавши намъ передъ вечоромъ того жъ дня, у четвергъ, въ село Бармаки, созвали есмо всихъ мужовъ людей того села, абы шли до двора зъ нами; которые вси пошли тамъ, незънашли есмо никого въ дворе толко такожъ ничого; одно мужове поведали, ижъ дей панове Гуркове отъ тыжъдня а ни сами были, ни врядника и слуги не посылали; бо дей яко о томъ ведомость взяли, же тое

имене мело отъ нихъ отыйти, тогды дей пани матка ихъ, побравши все отвелика до малого, до именя вятя своего, до папа Богуша, до Дядковичъ, повезла и ничого тутъ не зоставила,—толъко дей тутъ конь старый ся розболелъ, зъ стани выйти не могъ, тотъ зосталъ, худый вельми, олижъ которого соломою кормили. А такъ панъ Лешневский, взявши и мене, возного, и шляхъту, яко до издобъ, гридни, сеней, коморъ, клетей, стайни, гумпа, оборы, пошолъ, тамъ же нашли есмо въ сене замкнено, и не застали ничого, толко углы пустые и безъ защипокъ у дверей, а того дей худого, а безногого, а схоратого коня, тисавого, дрыганта, которого при насъ, тымъ же сторожомъ, панъ Лешневский до Омеленой послалъ до пановъ Гурковъ. Тое жъ годыны а мужове и подданые, тогды ся доброволне въ рейстръ уписавъши, припоминали такъ же никоторые кривды отъ пановъ Гурковъ, и на рейестръ меповите вписано,—а ото на болшей скаржили, ижъ дей паны Гуркове, держачи тое имене съ продки своими, не мало дей кгрунтовныхъ, за ихъ недбалствомъ, панъ Иванъ, подскарбей, поотнималъ, а они о то не хотѣли николи ничого чинити на сгубу того именя а на сиротство наше, же не маемъ на чомъ хлеба робити. А такъ панъ Лешневский мною, возным, осветчилъ, яко жъ такъ было: ижъ отъ пановъ Гурковъ, яко въ Постойне, въ Чудлю, такъ и тамъ въ Бармакахъ, ни кого не было, и жаденъ того увязаня не боронилъ, и такъ дей въ покою панъ Лешневский, але пусто, привернулъ ку замку Острозскому его милости, пана воеводы Сирацкого, за послапемъ и порученемъ папа Антона Кловскаго, старосты Острозского. А такъ я, припустивши тое все ку ведомости врядовой, што возный, панъ Дахно Гумалницкий, до книгъ замковыхъ записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, 1570 г., № 2044, листъ 215.

XXX.

Листъ короля Сигизмунда-Августа Луцкому магистрату, предписывающій ему не нарушать прежнихъ привиллегій, на основаніи которыхъ, подданные, принадлежащіе главному Луцкому костелу, изъяты изъ подъ его юрисдикціи. 1570 г., іюня 26.

Лета Божого нароженя 1571, мѣсяца марца 25 дня.

Постановившися очевисто въ замку господарскомъ, Луцкомъ, передо мною Казимеромъ Ледницкимъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повету Луцкого, Семенъ Подгаецкий, до книгъ кгродскихъ ку записованю тыми словы созналъ: ижъ дня нинешънего, въ понеделокъ, даты вышейписанос, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, то есть: Яна Шабанского а Собестияна Витинского, далъ есми копею, подъ печатю моею, зъ листу его королевское милости бурмистру, радцамъ и мещаномъ Луцкимъ, который листъ его королевское милости въ справе викариевъ капланов костела головного, Луцкого, светое Троицы, до пана Михайла его милости Еловича Малинского, маршалка его королевское милости, войта Луцкого, и тежъ до бурмистровъ, радцовъ и лавниковъ места Луцкого писанъ; который листъ такъ ся въ собе маетъ: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Инфлянтский, панъ и дедичъ. Шляхетнымъ и славетнымъ Михайлови Малинскому, войтови Луцкому, и иншимъ на потомъ будучимъ бурмистромъ, радцомъ, лавникомъ места нашого, Луцкого, верне намъ милымъ, ласку нашу кролевскую. Верне намъ милые! Писалъ и присылалъ до насъ князь Викторинъ Вербицкій, бискупъ Луцкий, ижъ вы, ницъ не дбаючи на листы наши, которые мы предъ тымъ до васъ посылали, абысте ся не вдавали въ юрисдикцію подданыхъ костелныхъ святое Тройцы, которыхъ мы якосмы звыкли размножати, службу Божю фундовати, и привилеи съ подписомъ руки нашое дали, и на вечные часы зъ волностями на тотъ костелъ записали, такъ домы, риболовы, млыны, огороды и

корчмы, што ихъ привилей достаточней обмавятъ (sic); такъ же тежъ и домъ, который на насъ леннымъ правомъ по жидовцы хрищоной припалъ, на органисту до того жъ костела зъ волностями отдали, и на вечные часы записали, на што жъ мы тежъ и привелей особливый съ подписомъ руки нашое дали; которому то костелови и поданымъ ихъ въ томъ привилею и волности ламълете, податки местские выбираючи, сажаючи, волности местские забороняючи и въ свою юрисдикцию одыймуючи, въ чомъ ся уближене костелови Божему и крывда, шкода великая, презъ васъ деетъ; што мы, не рады слышачи, не вдячне отъ васъ приймуемъ. Про то жъ мы, видячи слушъные причины и крывды того костела Божого, росказуемъ вамъ сродзе тымъ листомъ нашымъ, подъ двема тисячми золотыхъ чирвоныхъ, которыхъ зъ добръ вашихъ властныхъ инстыкгаторъ нашъ вытегать на васъ будетъ, абысте тому костелови привилей во вшиткихъ пунктехъ и артикулехъ, также волности вшитки заховали, подданыхъ того костела венцей не судили а ни сажали, а тымъ же подданымъ костелнымъ куповать, продавать, питя вшелякого шинковать албо варить не бронили, привилевъ а юрисдикцый ни въ чомъ не нарушаючи ани отимуючи,—а иначе абысте не чинили для ласки нашое и вины, вышейнаписаное. Данъ на сойме валномъ, Варшавскомъ, дня двадцать шостого, мѣсяца червца, року панского тисеча пятсотъ семдесятого, кролевства нашого чотырдесятъ первого. Францискъ Красницкий, короны Полское подканцлерий, на властное росказане короля его милости. А такъ я тое очевистое сознане возного и листъ его королевское милости слово отъ слова до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2045, 1571 года, л. 87.

XXXI.

Актъ продажи земяниномъ Владимірскаго повѣта, Тихномъ Васильевичемъ Радовицкимъ и женою его, Екатериною, дворянину Станиславу Краевскому части имѣнія Радовичъ. Въ числѣ документовъ, приведенныхъ въ этомъ актѣ, включена, между прочимъ, привилегія короля Владислава отъ 1444 года, данная Демитію Тирику-Русину на село Родовичи. 1570 года, іюля 1 д.

Лѣта Божого нароженя 1570 года, месеца октября 26 дня.

Постановившисе обличне передо мною Павломъ Григоревичомъ Оранскимъ, на тотъ часъ будучимъ подстаростимъ Володимерскимъ, а передо мною Иваномъ Петровичомъ Калусовскимъ, судею кгродскимъ, Володимерскимъ, земепинъ господаръский, повету Володимерского, Тихно Василевичъ Радовицкий, весполокъ зъ жоною своею, Катериною Славскою, не будучи ни отъ кого ни чимъ примушонъ, самъ доброволпе а устне вызпалъ тыми словы: ижъ штомъ первей сего, будучи въ Луцку, часть именья своего отчизного, въ Рядовичахъ, зо всимъ, якъ ся въ собе маетъ, и спадки, если бы ся которые на потомъ показали, того всего, ничого на себе, на потомки и брату и ни которые близкие кровные мои не зоставуючи, съ причинъ певныхъ пану Станиславу Кграевскому, дворянину его кролевское милости, за певную суму пенезей, за тисечу копъ грошей, Литовское личбы, на вечностъ продалъ и заплату всю сполна въ его милости взялъ, а тую часть именья моего заразъ поступилъ, и все право свое на его милостъ влилъ. И тую продажу свою на рокъ певный, на депъ светого Или, света прошлого, въ року теперъ идучомъ семдесятомъ, на вряде кгродскомъ, Луцкомъ, до книгъ вызнати привиля твердости листы на тое именье, Радовичи, принадлежачие, отдати, и малжонку мою на онъ же часъ на то привести мелъ,—же она на тую продажу мою призволити и вепа своего на той части, отъ мене ей описаного, уступити мела. Якъ же на тую продажу мою и на тые всѣ речи, первопомененые, и листъ мой

вызнаный подъ печатю моею и съ подписомъ власное руки моее, и тежъ подъ сведомъемъ и печатми людей добрыхъ, пану Кграевскому подъ заруками писаный, данъ, на которомъ ширей а достаточней меновите есть описано и доложоно. Иномъ, про хоробу мою, тому постановенью и запису моему досыть учинити на рокъ, въ листе моемъ описаный, и тутъ очевисте а устне передъ вами, яко передъ урядомъ, помененый вызнаный на день светого Или, на вряде кгродскомъ, Луцкомъ, до книгъ вызнати привилеювъ, твердостей, листовъ отдати, и малжонки своее на онъ часъ на то привести,—же бы она на тую продажу мою призволити, и вена своего на той части, отъ мене ей описаного, уступити мела,—не могъ, за чимъ дей розницы промежку насъ съ паномъ Кграевскимъ были уросли; але ижъ то ся все вжо за розознанъемъ приятелскимъ поеднало и за то досыть учинило. А такъ я, водле оной продажи тое части именья моего и спадковъ, чинечи запису своему досыть, передъ вами, яко передъ урядомъ тутошнимъ, кгродскимъ, тую продажу мою пану Станиславу Кграевскому вызнавамъ, привиля, твердости, листы на тое именье, Радовичи, належачие, отдаю. Яко же передъ нами привелей съ привисистою печатю, на пергамене по латыне писаный, продву его и брати его Радовицкихъ, Дементею Тирику—Русину, на тое именье, Радовичи, даный отъ короля Полского, светое и славное памети Владислава, и иныхъ земль пана и дедича, яко титулъ его королевское милости увесь достаточне на томъ привилею есть описанъ. А притомъ привилею листъ небожчика князя Андрея Александровича Санкгушковича, старосты Володимерского, граничный, што его милостъ граничилъ промежку пановъ Ляховскихъ, Андрея а Семена, а пановъ Радовицкихъ, Дениса а Петра, межи именей ихъ—Ляховицкихъ, Ляхова, а Радовицкихъ, Радовичъ. А другий листъ небожчика князя Александра Федоровича Збаразского, такъ же граничный, што граничилъ съ Денисомъ Радовицкимъ промежку именя своего, Порыцка, а Радовицкаго—Радовичъ, пану Кграевскому отдалъ; а малжонка его, Катерина Славская, тутъ же стоечи, очевисте, сама доброволне а устне, не будучи ни отъ кого ни чимъ примушона, то вызнала, ижъ на тую продажу вечистую малжонка своего части именя его, Радовицкого, зъзволила, и вена своего, на той части отъ мал-

жонка ее ей описаного, уступила. При которомъ доброволномъ а устномъ вызнаню самого Тихна Радовицкого и отданю твердостей, привилевъ, листовъ, и тежъ вызнаню малжонки его, панъ Станиславъ Кграевский листъ купчий на тую продажу ему отъ Тихна Радовицкого въ Луцку даный, передъ нами положилъ, и яко оный привилей короля Владислава, такъ листы граничные, первопомененые, и листъ купчий на тую продажу отъ Тихна Радовицкого пану Кграевскому даный, передъ нами читаны были. А ижъ привилей по латыне писанъ, теды на Полский языкъ тыми словы выкладано: »Войме Панске станся. Мы Владиславъ, зъ ласки Божей кролъ Полский, Венкгерский, Далмацкий и Кроацкий и тежъ земъ: Краковский, Сендомирский, Сырацкий, Ленчицкий, Куявский, княжа Литовске, тежъ ксеже найвыше Поморске и Руске, панъ и дедичъ. На тый речи памецъ вечной ознаймуемы писанемъ нинейшимъ, которымъ бы потреба ведзецъ, вшемъ вобецъ теразнейшимъ и на потымъ бендонцымъ, нинейшо рачъ вядомости мецъ: ижъ яко обачаюнцъ вдзенчный верности, пилне служъбы, котореми шляхетный Дементий Тирикъ Русинъ, намъ верный, нашему маестату се приподобалъ, и еще, примънажаюнцъ пилности, верносци екго, може зацне приподобацъ се, на потымъ тежъ, екго взглендемъ заслукгъ, хцонцъ онекго до послукгъ нашихъ учиницъ, тымъ венцей прендъшекго ему, тежъ екго потомкомъ и дзедзицомъ, весъ наше, Радовиче, въ земляхъ нашихъ Рускихъ, въ повеце Влодзимерскимъ лежонцо, зе вшиткими и особными тей же вси пожитками, съ цыншами, зъ доходами, зъ ролми, зъ лонками, съ полми, отлокгами, зъ пашами, зъ лясы, кгаями, съ хросты, зъ зарослями, запустами, зъ бормы, зъ барцми, зъ дубровами, зъ ловы звериными и пташими, зъ реками, зъ потоками, зъ блоты, зъ ставами, зъ езерами, зъ ловенъемъ рыбъ, зъ водами, зъ плыненемъ водъ, зъ млынми, зъ вымялки, и иншими вшиткими пожиткаки належонъцими, приналежонъцими и припадлими, вшиткими, которыми бы колвекъ имены, албо назвиськами были назване, до приречоный вси Радовичъ прислушаюнцыми и приналежонцыми, ницъ права, панованя и власносци на насъ и на наше потомки въ тый же вси не заховуюнцъ, давами, даруемы и потвердзами дарованымъ вечнымъ и не одезваным презъ тень листъ, презъ онекго Дементина Тирика, мецъ, тримацъ, вжи-

вацъ съ покоемъ, предацъ, замениць, отдалицъ, заставицъ и на пожитки све и свои дзедзицовъ и потомъковъ далшихъ, уподобаныхъ, и ведлугъ добрый воли свей оброцицъ вечными и векуистыми часы. Которему листу на сведзество печенць наша завешона есть. Дзяло се то на виспе, въ мястечку нашимъ, Ковижто (sic), есть паце (sic), дня недзелнего по свенце свентекго Станислава, въ тымъ року панъскимъ тысенцнымъ чтериста чтердзесци и чвартомъ, при бытности велебнекго, велможныхъ и можныхъ пановъ: Миколая Лаша, дзекана Краковскекго, Лукаша зъ Кгорки Познанскекго, Режка съ Поморанъ Подолскего воеводы, Миколая зъ Алажева, дворнекго на тенъ часъ маршалка, Петра Самотулъ, Павла Сецна и Кгослава Войшика зъ Войца, радъ нашихъ и иншыхъ, вяры кгодныхъ, святковъ, при тей данине, вышей написаный. Данъ презъ ренце велможныхъ Яна съ Конецполя, канцлера, Петра зъ Щекоцина, подканцлерекго кролевства нашего Полскекго, намъ верне милыхъ, на релицею текгожъ велможнекго Петра зъ Щекотина, крулевства нашего Полскекго подканцлерекго«. А руские листы такъ ся въ собе маютъ: »я Андрей Александровичъ Санкгушковича, староста Володимерский, смотрели есмо того дѣла: просили мене зъ оби сторонъ панове Ляховские, Андрей а Семенъ, а панове Радовицкие, Денисъ а Петръ, иже быхъ промежи ими справедливости досмотрелъ о землю. И ямъ на тую землю выехалъ, и панове Радовыцкие повели насъ берегъ лѣса и привели къ ставу Щенютинскому, а оттоля повели панове Ляховские по другой стороне тогожъ леса, и привели къ дорозе Жасковской, и тамъ есмо пытали: которое сведомъе маете, ижъ бы то была земля ваша, поколъ есте насъ обводили? И они съ обу сторонъ сведомъя не мели. Нижли Радовицкие дали присягу Ляховскимъ, иже бы присягли на томъ какъ справне завели, и Ляховские за присягу ся иняли. А на потомъ зъ обу сторонъ пришли на згоду, и мы промежи ими знашли—паномъ Ляховскимъ якъ бы третяя частъ того лѣса, о который же они промежи себе споръ мели, а паномъ Радовицкимъ яко бы две доли. И казали есмо грани положити и закопы закопати, почонши отъ Щенютинского ставу, первый закопъ на березе около березки, а другой закопъ озле дороги; а отъ тыхъ закоповъ грани въ липы; а отъ тыхъ граней просто черезъ лѣсъ къ

могили, которая жъ могила подъ лесомъ; а отъ тое могилы, промежи лѣса и поля, черезъ дуброву, просто къ дорозе Радовицкой, а черезъ дорогу къ межи старой, которую жъ мели межу предки здавна промежи себе; а тою межею ажъ до дороги Жасковской, а тая дорога Жасковская делитъ ихъ—по леву Радовицкимъ, а по праву Ляховскимъ, ажъ до границы князя Федка Порыцкого. А въ ставу Щенютинскомъ паномъ Радовицкимъ уступу нетъ потолъ, поколъ вода залеть; а што будетъ сухого болота, то имъ по половине. И которыи грани есмо положили и закопы закопали. А хто бы зъ нихъ хотелъ тыи грани або закопы рушити, тотъ маетъ заплотити братъ брату десетъ копъ грошей, а тые грани за ся маетъ поправити. А при томъ были: князъ Александро Федковичъ Порыцкий, а панъ Якимъ Жасковский, а панъ Бокей, а панъ Сенюта, городничий Володимерский, а панъ Ивашко Яковицкий, а панъ Федко, а панъ Михно Ласковичи, а панъ Кудинъ Дривиньский, а панъ Князский. А про лепшую справедливостъ, я князъ Андрей Александровичъ, староста Володимерский, а князъ Александро Федковичъ, а панъ Якимъ Жасковский, а панъ Бокей, печати есмо свои приложили къ сему нашому листу. Писанъ у Володимери. Мая первый денъ, индикть третий«. »Я Александро Федоровичъ Збаражский, вызнаваю симъ моимъ листомъ, кому того будетъ потреба ведати, або чтучи его слишати, нинешнимъ и потомъ будучимъ. Вчинили есмо сами промежку себе вгоду съ паномъ Денисомъ Радовицкимъ въ земляхъ нашихъ отчизныхъ, межи его именя, Радовичъ, а межи моего именя, Порыцка, по своей доброй воли грани положили и копцы закопали, почонши то есть отъ урочища Тристянца, отъ, границы пана Федора Жасковского, дорогою старою, которая идетъ отъ Жасковичъ къ Ляхову, копцы копали по обема сторонамъ дороги и черезъ дорогу, которая идетъ отъ Порыцка до Володимера, ажъ до границы, которую я маю съ паномъ Ляховскимъ,—по лѣвой рупе—мое поле, а поправу—дуброва пана Дениса Радовицкого. И вже маемъ, по тыи грани и копцы, держати на вечные часы, и потомки наши и ни чимъ зъ нихъ, одинъ черезъ другого, землю не переступати. А если быхмо чимъ колвекъ того листу нашого выступили, тогды сторона стороне маетъ заплатити сто копъ грошей. И на то есми

пану Радовицкому, Денису, далъ есмо листъ зъ моею печатю. И для лепшое твердости просилъ есми пана Федора Якимовича Жасковского а пана Семена Ляховского о печати,—и ихъ милостъ на мое чоломъбите то учинили, и печати свое приложили къ сему моему листу. Писанъ у Порыцку, подъ летъ Божого нароженя тисеча пятсотъ чтыредесятого року, месяца мая двадцатъ пятый день, индикта тринадцатого«. »Я Тихно Василевичь Радовицкий, земенинъ повету Володимерского, вызнаваю симъ моимъ листомъ кождому, кому будетъ того потреба ведати, або чтучи его слишати, ижъ дознавшися въ немалыхъ потребахъ и долеглостяхъ своихъ великую хуть и ласкавый ратунокъ отъ его милости пана Станислава Кграевскаго, дворанина короля его милости, што приходило не малымъ коштомъ и накладомъ его милости, ижемъ по братехъ своихъ и кревныхъ приятелей такавои учинности не дозналъ; ино нагоражаючи я таковую ласкавую учинность его милости, продалемъ за певную суму пенезей, за тисечу копъ грошей Литовскихъ, въ каждый грошъ по десеть пенезей белыхъ личачы, частъ свою именя моего, въ Родовичахъ лежачое, въ повете Володимерскомъ, што правомъ прирожонымъ на мене прислухаеть, зо всими спадъки и всею власностю, такъ долго и широко, яко ся тое имене въ себе маетъ, волное и никому не пенное, въ границахъ сусѣдовъ обаполныхъ, то естъ отъ именей князей Порыцкихъ, Порыцка, а отъ Ляхова и Щенютина зъ одной стороны, а отъ дворищъ и Жасковичь зъ другое стороны, въ границахъ и въ обездехъ певныхъ, яко ся здавна то имене въ собе маетъ, вечно и на вѣки обелъ непорушно пану Станиславу Кграевскому и потомкамъ его милости спустилемъ. Яко жъ заразомъ, водле змовы и постановеня нашого сполного, взяломъ въ его милости, въ пана Станислава Кграевскаго, зуполную заплату, и суму пенезей всю поднеслъ есми власне и въ руки свои взялъ; съ которое заплаты я Тихно Василевичъ Радовицкий его милости пана Кграевскаго, и потомковъ его милости, квитую вечныи часы, и того права прирожонаго съ того именья и части свои въ Родовичахъ, и спадковъ, и зовсихъ властностей, штобы ся напотомъ оказало и припало, уступую, а на пана Кграевскаго и на потомъки его милости вечными часы вливаю. Волно будетъ его милости пану Кграевскому тымъ име-

немъ и продажею моею и спадками, яко уже власный отчичъ и дедичъ именя того, запродатъ вечне, заменитъ, даровать и ку своему лепшому обернуть, яко ся его милости и потомкомъ налепей подобати будетъ,—а я то, яко самъ отъ себе и отъ брати своее, близкихъ и кровныхъ, отписую и отдаляю вечными часы. Моценъ его милостъ панъ Кграевский, съ потомки своими, або кому то право спустити похочетъ, того именя вживати зо всими пожитками, яко съ поддаными тяглыми и подсусѣдки, и ихъ платы и цыншами, доходамы и повинностями, съ полми, нивами и съ пашнею, которая на тыхъ поляхъ и нивахъ посеяна есть, и зъ синожатми, зъ дубровами, запустами, зъ бортною землею, гаймы, зъ лесы, боры и зъ хорощами, проробками, ставы, млынами, лужками, озерцами, водками, (sic), и зо всимъ кгрунтомъ, яко ся тая часть именья моего, въ Радовичахъ, што на потомъ припадетъ, въ собе маетъ, такъ ижъ менованое неменованому, а неменованое менованому ничого шкодити не маетъ. А я заразомъ того именъя его милости поступую и вечне даю, и тую продажу а вечное постановенъе мое на вряде его королевское милости записати и оповедати очевисто маю на день света светого Или, въ року теперешнемъ семдесятомъ, месеца июля двадцатого дня, або яко нарыхлей быти можеть, въ Луцку, на вряде кгродскомъ, вызнати маю. А его милость панъ Кграевский и потомкове его милости власны будутъ тотъ записъ перенести до книгъ судовыхъ, земскихъ, повету Володимерского, хотя безъ мене,—а то будеть такъ важно, яко быхъ я самъ вызнати повторе мелъ. А если бы было того потреба, тогды обецую пану Станиславу Кграевскому и потомкамъ его милости буду виненъ самъ ехати на первые земъские роки, и тую продажу свою вечную до книгъ земскихъ вызнати и записать. А если быхъ я съ потомки, або на потомъ хто зъ близкихъ моихъ, тое вечное постановене мое взрушити мели, або же быхъ въ чомъ тому записови не досытъ стало во всехъ артикулехъ, яко вышей описано стоитъ, тогды толко разовъ колко быхъ съ того постановеня моего, съ потомками и близкими своими выступити, и того нарушити мелъ, на врядъ его королевское милости, Володимерский, земский, чотыреста копъ грошей, а пану Станиславу и потомъкомъ его милости другую чотыриста копъ грошей Литовскихъ, заплатити буду повинень; и по заплаченью заруки, тогды кождый

судъ и кождый врядъ маетъ записъ мой при моцы зоставити вечными часы. А если быхъ се я зъ потомъками своими и близкими его милости пана Кграевского и потомковъ его милости о якую жъ колвекъ речъ тое властное его милости, штомъ вечне я обелъ, продалъ, позвати мелъ, тогды не будетъ повиненъ его милость, ни съ потомъками, отказывати, ажъ первей другие заруки заплатимо, то естъ: вряду земъскому, Володимерскому, пять сотъ копъ грошей Литовскихъ, а его милости пану Станиславу Кграевскому и потомъкомъ его другую пятьсотъ копъ грошей Литовскихъ; а по заплаченю заруки тотъ записъ мой маетъ быти заховань моцно въ кождого права. А которое привеля, твердости, листы нашое на тое имѣнье, Радовичи, я въ себе маю, и на тотъ же часъ ихъ на вряде Луцкомъ, кгродскомъ, при ономъ же вызнаню моемъ его милости пану Станиславу Кграевскому подати ихъ маю. А если быхъ я на тотъ часъ подати ихъ не хотелъ, тогды я маю заруки заплатити, яко вышей описано естъ; а заплативши тые заруки, предъ ся панъ Кграевский тую продажу мою вечными часы держати маетъ. А што ся дотычетъ о вѣно малжонки моее, панее Катерины Славское, Радовицкое, што жъ я ее напередъ продажи моее вечистое оправилъ и записалъ, тогды ку той оправе и запису моему на той справе вечные продажи мои, ничого мети не маетъ вечными часы; а малжонку мою, панюю Катерину Радовицкую, маю и буду повиненъ привести, же и на тотъ записъ доброволный мой призволити маетъ, и того вѣна своего уступити маетъ вечными часы его милости пану Станиславу Кграевскому и потомкомъ его милости, подъ заруками другими и третими, въ семъ листе вышепомененые. И на томъ далъ его милости пану Станиславу Кграевскому сесь мой листъ подъ печатю моею и съ подписомъ власное руки моее. А притомъ были и того добре сведомы ихъ милостъ: князъ Димитръ Козека, а панъ Иванъ Семеновичъ Ляховский, а панъ Василий Василевичъ Радовицкий; ихъ милостъ на очевистую прозбу мою печати свои до сего листу моего приложити рачили. Писанъ въ Луцку, лѣта Божого нароженья тисяча пятсотъ семдесятого, месяца июля первого дня. Тихно Радовицкий, власною рукою подписалъ«. И просили насъ панъ Тихно Радовицкий и жона его, Катерина Славская, абыхмо тое доброволное а устное вызнанье

ихъ, такъ тежъ привилей славное памети короля его милости Владислава, и листы граничные, первопомененые, на то имене, Радовичи, належачие, и пану Кграевскому отданые, и передъ нами читаные, и листъ купчий на продажу вечистую части ихъ именя, Радовицкое, пану Станиславу Кграевскому даный, и отъ пана Кграевскаго передъ нами положоный и читаный, въ книги кгродские записати казали и выпись съ книгъ подъ печатми нашими пану Станиславу Кграевскому дали. Мы, за прозбою пана Тихна Радовицкого и жоны его, панеи Катерины Славское, тое доброволное а устное вызнанье ихъ, и привилей славное памети короля его милости, Владислава, и листы граничные, первопомененые, на тое имене, Родовичи, належачие, и пану Кграевскому отданые и передъ нами читаные, и листъ купчий отъ пана Тихна Радовицкого на продажу вечистую части ихъ именъя, Радовицкое, пану Станиславу Кграевскому даный, и отъ пана Кграевскаго передъ нами положоный и читаный, слово отъ слова въ книги кгродскии записати казали.

Книга Владимирская гродская, записовая и поточная, № 966, годъ 1570, листъ 314.

XXXII.

Донесеніе возного по дѣлу о женщинѣ Улисѣ, обвиняемой въ покушеніи на отравленіе пана Андрея Добринскаго и жены его. Обвиняемая объявила возному, что она взвела на себя это преступленіе вслѣдствіе истязаній и пытки, которой подвергнулъ ее Добрынскій. 1571 года, іюня 12 дня.

Лѣта Божого нароженя 1571, мѣсяца іюня 12 дня.

Передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринскимъ, подстаростымъ Луцкимъ, ставши очевисто возный повету Луцкого, Богданъ Кнегининьскій, до книгъ кгродскихъ ку записаню тыми словы созналь:

ижъ дня нинешнего, даты вышейписаное, маючи при собе шляхту людей добрыхъ, то есть Валентого Жоравского а Щасного Велнского, питалъ есми невесты, на имя Улиси, у везеньи въ вежи замковой седячое, которую дей панъ Андрей Добринский до везенья посадити далъ: естли же бы она отруту, або зелье якое отъ панее Настасьи Джусенъны Горайновое Тесовское брала и за прозбою, або за росказанемъ ее, пану Андрею Добринскому и жоне его, хотечи ижъ (ихъ) потрутити, давала? Которая невеста, Улиса, поведила: ижъ дей я николи ни якое отруты и зелья отъ панее Тесовское не брала, и пану Андрею Добринскому и жоне его не давала а ни ми пани Тесовская расказовала,—жадного ми слова о то николи не поведила; а штомъ вызнавала, якобыхъ мела отъ панеи Тесовское отруту и зеле брати, а пану Добринскому и жоне его давати, тогды дей мусиламъ по неволи сознати, бо мя панъ Андрей Добринский билъ маючи въ рукахъ своихъ, мордовалъ, и мовилъ (sic), и што хотелъ, то надо мною чинилъ, и кату въ руки даваль, который мя мучилъ. А такъ я тое очевистое сознанье возного до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, записовая и поточная, 1571 г., № 2045, л. 182 на оборотѣ.

XXXIII.

Жалоба отъ имени стольника великаго княжества Литовскаго, Николая Дорогостайскаго, на подкомораго Владимірскаго, Александра Семашка и жену его Варвару о томъ, что они пересилили въ свое имѣніе, Коблино, два принадлежащія жалобщику крестьянскіе семейства. 1572 г., апреля 16 д.

Лѣто Божого нароженя 1572, месеца апреля 16 дня.

Пришодчи на врядъ господарский, въ замокъ Луцкий, до мене Ивана Хребтовича Богуринского, подстаростего Луцкого, наместникъ

велможного пана его милости пана Миколая Дорогостайского, столника его королевское милости великого князьства Литовского, старосты Веленскаго, державцы Острозскаго, тивона Кгондинъскаго, Дорогостайский, панъ Войтехъ Рыжицкій, жаловалъ и оповедалъ тымъ обычаемъ: имъ дей тыхъ часовъ, недавно минулыхъ, року теперешнего семдесятъ второго, месеца априля шостого дня, на великъденъ, зъ недѣли на понеделокъ, панъ Александро Семашко, подкоморый Володимерский, восполокъ зъ малжонкою своею, панею Барбарою Александровною, съ Порицка, подданымъ своимъ, Коблинскимъ, росказалъ ночнымъ а злодейскимъ обычаемъ выкотитъ двохъ поддаными его милости пана моего, Дорогостайскихъ, зъ Дорогостай, на ймя: Олишка Андреевича зъ жоною и съ трема сынми: Грицкомъ, а зъ Романцемъ, зъ жонами и зъ дѣтми, а съ третимъ сыномъ, Микитою, и зо въсею маетностю ихъ, а Барната зъ жоною, зъ детми, и такъ же зо всею маетностю его,—которихъ же дей подданыхъ его милости пана моего, вышей менованыхъ, подданые пана Семашковы и малжонки его, Коблинские, за росказанъемъ ихъ, зло дейскимъ обычаемъ выкотили. Где жъ дей и заразомъ зъ стороною, людми добрими, слѣдъ привелъ есми былъ до йменя пана Семашкова и малжонки его, до Ужинца, и просилъ войта Ужинского, абы ми слѣдъ зъ села вывелъ. Тогды войтъ Ужинский слѣду зъ села вывести не хотелъ и тотъ слѣдъ съ подданими Ужинскими затеръ; которые жъ дей подданые пана моего, вышей менованые, и теперъ въ Коблине мешкаютъ, а панъ дей Семашко зъ малжонкою своею ихъ выдати не хочетъ. И просилъ панъ Войтехъ Рыжицкий, абы то было записано. А такъ я тую жалобу и оповедане до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2046, годъ 1572, листъ 226.

XXXIV.

Дарственная запись отъ Холмскаго каштеляна Николая Лысаковского боярину Карпу Вакуличу на Супруновское дворище, съ освобожденіемъ его отъ всякихъ иныхъ повинностей и работъ, кромѣ одной боярской службы. 1572 г., іюля 10 дня.

Року 1596, месеца марца 18 дня.

Предо мъною Богушомъ Гулевичомъ Воютинскимъ, будучимъ на местцу пана Федора Загоровского, подъстаростего Володимерского, ставши обличне Карпъ Вакуличъ, бояринъ зъ села Вербое, покладалъ листъ его милости зошлого небожчика пана Миколая Лысаковскаго, кашталяна Холмскаго, подъ печатъми и съ подписомъ руки его милости, просечи, абы до книгъ былъ вписанъ, который такъ се въ собе маетъ: »Всимъ вобецъ и кождому зособна, кому то видати належитъ теперъ и на потомъ завжды. Ознаймуемъ, ижъ я, дознавши служебъ вирныхъ по слузи моемъ, Карпу Вакуличу, который мни вирне а зычливе одъ немалого часу завжды отдавалъ, далемъ ему дворище Супруновское, боярское, зовсимъ, што до него належитъ, и зъ боромъ медовымъ, съ которого ми жадное иншое повинности а ни роботъ небудетъ повиненъ, одно зо мною ездити а где его зъ листы пошлю. А жебы былъ хотливший до служебъ моихъ, теды ему записую на немъ десетъ копъ Литовскихъ; которое дворище, кгды бы ему потомкови мои отняти хотели, теды не могутъ того учинити, не отдавши ему первей тое сумы пенезей. А кгды бы ему ся служитъ або потомкомъ моимъ не подобало, теды ему вольно тое дворище кому хотечи спустити, и пенези тые зъ него взяты, и кому хотечи собе за пана мати. А тамъ, за держаня того дворища въ маетности моей, въ жадное подданство отъ потомковъ моихъ не можетъ быти притяганъ. И на томъ ему далъ тотъ мой листъ, у Вербое, десятого іюля, року тисеча пятьсотъ семдесятъ второго«. У того листу печатъ одна, а подпись руки тыми словы: Миколай Лысаковский, кашталянъ Холмский, рукою. А такъ

я тотъ вышей менованый листъ, за прозбою помененого Карпа, до книгъ кгродскихъ, Володимерскихъ, записати казалъ,

Книга Владимірская кродская, записовая, поточная и декретовая, № 95 0, годъ 1596, листъ 111-й.

XXXV.

Инвентарь имѣнія Вышковскаго, съ исчисленіемъ бояръ и крестьянъ, а также ихъ дворовъ и огородовъ. 1572 г., октября 11 дня.

Року 1572, месеца октебра 11 дня.

Передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ Луцкимъ, отъ его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земль Волынскихъ, старосты Луцкого, Браславского и Вѣницкого, ставши очевисто возный повету Луцкого, Левъ Верховский, тыми словы до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вызналъ: ижъ дей дня нинешнего, даты вышей писаное, при мне, возномъ, панъ Александро Семашко, подкоморий Володимерский, подалъ въ моцъ, держане и уживане, въ суме пенезей получетверту сту копахъ грошей Литовскихъ, пану Валентому Понятовскому и малжонце его, паней Марине Звѣровне, имене свое, Вышьковъ, зъ дворомъ, зъ быдломъ, зъ огородомъ и зо въсими потребами домовыми, ролею дворною, такъ тежъ бояры и людми Вышьковскими, подворищными и подсуседками. Што все по'достатку а меновито списавши на рейстръ панъ Александро Семашко по полску, а припечатавши печатю и подписавши рукою своею, тотъ рейстръ пану Понятовскому при мне отдалъ. На которомъ рейстре такъ естъ написано: Рейстръ списаня и поданя именя и двора Вышьковского отъ мене Александра Семашка, подкоморого Володимерского, пану Валентому Понятовскому, року панского тисеча пятьсотъ семдесятъ второго, месеца сентебра второгонадцатъ дня. Дворъ зо въсимъ Вышьковский; на передъ: светлицъ две съ прибоками, коморами; зъ сеней-коморъ две, сини и кганокъ, ободонъ чотыри,—въ одной светлицы оловомъ вправяныхъ и окониць въколъ на завесахъ; съ тое жъ светлицы въ пребоку две обольне, оловомъ вправленыхъ, и окошницы на завесахъ; светлица другая безъ

оболонъ, толко оконицы на завесехъ; въ тихъ светлицахъ печи поливаные, зеленые, три столы простыхъ, спижаренъ три, две изъ замъками а третяя безъ замка; пивницъ две, одна зъ замкомъ, а другая безъ замка, а пекарня зъ сенми и съ коморою; светлица старая, въ ей оконицы на завесехъ и двери. Спрятъ домовый: напередъ бочокъ пивныхъ семъ, стуговъ капустныхъ шестъ, стуга лубеная великая, што збоже сыплютъ, кадолбъ липовый одинъ—на муку, стуга зъ огурцами, великая, другая съ огурками, малая; кошель великий въ пивницы, муки иржаное маца, проса полъмацы, жита полъмацы. Быдло: быдла жъ и съ коровами посполитого десетеро, свиней посполитыхъ четверонадцатеро. Ужитки огородные, напередъ: капусты шестдесятъ грядъ, постарнаку, репы, морквы, огурковъ—огородъ. Люди, съ которыхъ боярская служба, напередъ: Тишко на дворищу, Гасюта на полдворища, Иванъ Сычъ зъ сыномъ своимъ на одномъ дворищу живутъ, Высоцкий на полдворищу живетъ, Богданъ Понасецъ, Васко Игнатовичъ—одно дворище держать, такъ же Малиновский платитъ будетъ яко иншие бояре у Вышкове,—за которого я самъ платити буду. Люди потужные, напередъ: Куликъ зъ Микитою одно дворище держатъ, Олекса зъ Быбикомъ одно дворище держатъ, Васко зъ Равакотою одно дворище держатъ, Васко Чорнышевичъ зъ двѣма удовами—Кузминою и Третячихою, одно дворище держатъ, Савчичъ Федецъ держитъ полдворища, Харитоновичъ зъ Рачкомъ и зъ Юскомъ одно дворище держатъ, Олекса, сынъ Сычовъ, на полдворищи. Подсуседки, напродъ: Юско Пичюковичъ на огороде, Дудка на огороде, Дерликъ на огороде, Пивоваръ на огороде, Рачко на огороде, Микита на огороде, Коропченя на огороде, Иванъ Шитковичъ живетъ въ халупе безъ огорода. Паренины дворное не ралено на тридцатъ мацъ. На што я Александро Семашко, подкоморый Володимерский, далемъ тотъ мой рейстръ пану Валентому Понятовскому съ печатю и съ подписомъ руки своее. Александро Семашко, власною рукою. А такъ я тое очевистое сознане и рейстръ пана Семашковъ пану Понятовскому даный, слово въ слово до книгъ гродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2046, годъ 1572, листъ 532.

XXXVI.

Донесеніе вознаго о томъ, что панъ Марко Борейко не допустилъ грабить крестьянъ священника Луцкаго, Герасима, за неотдачу »посеdельного«. 1572 г., декабря 24 д.

Року 1572, месеца декабра 24 дня.

Передо мною Львомъ Лесотою, подвоеводимъ Луцкимъ, будучимъ на сесь часъ на местцу пана Петра Хомека, подстаростего Луцкого, отъ его милости князя Богуша Корецкаго, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславъского и Веницкого, ставши очевисто возный повету Луцкого, Юрей Рогачовский, тыми словы до книгъ, ку записованю, вызналъ: што жъ дей будучи мне зъ уряду отъ его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславьского и Веницкого, приданымъ на справу свещенника Троецкого, Луцкого, Гарасима, то естъ где жъ я, за приданемъ его милости а посланьемъ отъ отца Троицкого, ездилъ есмы съ приятелемъ его, Лавриномъ, до села Кнерута, дня вчорашнего, месеца декабря двадцать третего дня, и кгды есмо тамъ приехали, на первей пришли есмо до подданого Троецкого, на имя Занка Дѣдовича, которому приятелъ свещенника Троецкого, Лавринъ, мовилъ ему тымъ обычаемъ: »для которое дей причины вы, будучи поддаными свещенника Троецкого, послушенства ему отъ часу недавного чинити есте не почали и тежъ поседеного, на чомъ есте сами зъ нимъ доброволне постановили, за рокъ теперъ прошлый, по две копе грошей а по двесте прядива, не отдаете«? Тотъ подданый, Зенко Дѣдовичъ, поведилъ: »одну дей душу маю, а то правда, же есмы были свещенника Троецкого сами упросили и на томъ есмо зъ нимъ застановили, абы насъ на чиншу грошовомъ осадилъ а отъ работы всее свое насъ вызволилъ, а мы мели есмо дати ему поседеного по две копы грошей Литовскихъ, а по одному сту прядива на день светого Николы, свята недавно минулого; яко жъ дей есмо на тотъ помененный рокъ усѣ чотыри: Марко, Лукянъ, Омелянъ и

я съ тымъ поседенымъ до Троецкого ехати хотели; нижли панъ Богданъ Борейко, приславши до всѣхъ насъ чотырохъ, сродзе намъ заказалъ, абыхмо того поседѣного, што есмо вже заседили, свещеннику Троецкому и посланцу его не давали, и въ послушенстве его не были. И отъ того дей часу панъ Богданъ Борейко почалъ насъ на работу до двора своего гонити и нами замышляты. Хотя быхмо дей и теперъ тое поседѣлное свещеннику Троецкому, водлугъ постановеня нашого, отдали и въ томъ ся зыстыли,—нижли товариши мои до Дубровицы поехали съ солю, набиваючи пенезей и хотечи Троецкому тое поседѣное отдати,—а такъ я самъ, безъ тыхъ трохъ товаришовъ моихъ, оного поседѣного, што на мене приходитъ, отдати не смѣю, але дей, коли хочете, онъ вамъ волы и статокъ мой,—вы за тое поседѣное мене грабъте, што воля ваша, а я ни въ чомъ противко васъ противитися нехочу, а ни буду, и того грабежу не бороню«. А потомъ пошли есмо до другого подданого Троецкого, на имя Лукяна, и кгды есмо пришли до того Лукяна, самого его въ дому не застали, одно жону его, и тамъ тежъ есмо застали брата пана Богдана Борейкова, Марка, зъ слугами и иншими поддаными пана Борейковыми, которые мѣли при собе кождый съ нихъ бороню, то есть: шаблю, сокѣрки, кие и инше брони. Тогды Лавринъ мовилъ жоне того помененого Лукяна: »чому дей вы пана своего, свещенника Троецкого, не послушни и поседѣного, водлугъ постановеня вашого, на рокъ постановленый, и до сего часу есте не отдали?—а такъ дей онъ мене до васъ прислалъ, а быхъ я васъ за тое поседеное, для не послушенства вашого, пограбилъ«. Яко жъ, порвавшися братъ пана Богдана Борейковъ, Марко, и съ слугами и поддаными своими, которыхъ при собе мелъ, и такъ мовилъ: »о то дей я вамъ, за росказаньемъ брата своего, пана Богдана Борейка, ни одного подданого тутъ, у Кнеруте, грабити не дамъ и боронити буду,— бо дей тутъ, у Кнеруте, нетъ ни одного подданого Троецкаго, только все суть подданые брата моего; а коли ся не вгамуете, а грабити поддаными Троецъкого, бо дей которыхъ вы повидаете, будете, тогды ся дей вънетъ же будутъ падати съ тебе, возный, кожушъкии колпачки (sic)«. И кгды есмо пошли до оборы, хотечи тежъ въ того Лукяна два волы за поседѣное взяты, и они намъ

дорогу заступили, и грабити того подданого Троицкого не допустили, поведаючи то: »радимъ дей вамъ, абысте отсель, съ Кнерута, въ цѣлости, покулъ другому кожухъ еще не напранъ (sic), прочъ ѣхали, и многими иными словы неучтивыми и почтивости моей дотливыми на мене, возного, и шляхту, которая при мне была, слуги пана Борейковы торгали мне, фолкгуючи здоровью моему,—и слышачи отъ нихъ таковые погрозки, мусили есмо прочъ пойти. А потомъ пришли есмо до двора пана Борейкова; где жъ малжонка пана Борейкова намъ тыми словы поведила: »для чего дей вы, панове, по имени пана моего ездечи, подданыхъ грабите«? Я возный такъ мовилъ: »ижъ я не приехалъ подданыхъ пана твоего грабити, одно подданыхъ Троецкого, чотырохъ чоловековъ, то естъ на имя: Марка, Омеляна, Лукяна а Занка, за поседѣное, што они ему винни; толко тыхъ чотырохъ чоловековъ хотелъ пограбити, чого намъ братъ пана твоего, Марко, зъ слугами и подданими вашими, грабити не допустилъ«. Она поведила: »нѣтъ дей тутъ подданого Троецкого ни одного, одно всѣ подданые мужа моего, и вже тое имене все въ цѣлости отъ року мужъ мой держитъ. Потомъ до третего подданаго Троецкого, Марка, пришли есмо, и, за нытаньемъ Лавриновымъ, оный Марко поведилъ и доброволне вызналъ въ тые жъ слова, слово въ слово якъ и первый подданый Троецкого, Занко Дедовичъ, вызналъ, и грабити ся тежъ и тотъ за поседеное допускалъ. Мы, кгды жъ есмо отъ первшого и другого грабежу отогнаны и отстрашены были, и тому Марковы дали есмо покой. Што все, яко ся деяло, и што подданые Троецкаго вызнали мною, возным, и шляхтою, которая на тотъ часъ при мне была, то естъ паномъ Степаномъ Безсокирскимъ и паномъ Жикимонтомъ Калиновскимъ, Лаврынъ дей Яновичъ освѣтчалъ и оповедалъ. А такъ я тое очевистое а устное сознанье возного до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая градская, записовая и поточная, № 2046, года 1572, листъ 656 на оборотѣ.

XXXVII.

Закладная на десять крестьянъ отъ земянина Луцкого повѣта, Ивана Ивановича Ощовскаго, старостѣ Звинячскому, Леонарду Якубовскому. Въ закладной исчислены повинности этихъ крестьянъ, а также дани, съ нихъ взимаемыя. 1573 г., мая 7 дня.

Року 1573, месеца мая 7 дня.

Пришедчи на врядъ кгродский, въ замокъ Луцкий, передъ мене Петра Хомяка, подстаростего Луцкого, отъ его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславского и Виницкого, земенинъ земли Волынское, повѣту Луцкого, панъ Иванъ Ивановичъ Ощовъский, доброволне до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вызналъ тыми словы: ижъ дей взялъ и позычилъ есми у его милости пана Ленарта Якубовского, старосты Звиняцкого, ку своей великой а пилъной потребе, своими власными руками, сто копъ грошей, личъбы монеты Литовское, личечи по десети пенезей бѣлыхъ у грошъ. А въ тыхъ сту копахъ грошей поступилъ есми его милости, пану Ленарѣту Якубовскому, старосте Звиняцкому, въ ыйменю своемъ, Цевовъскомъ, десетъ человековъ подворицныхъ, съ полъми, и сеножатми и зо въсими пожитками ихъ, никому ни въ чомъ не заведеныхъ, зо всими пожитками и повинностями, которыи повинни на роботу што дня ходиты, съ чимъ колъвекъ роскаже; а чиншу готового повинни давати въ рокъ по шести грошей Литовскихъ, по осми мацъ овъса зъ дворища, куръ по две,—то естъ на ймя: Янъ Кравецъ, Иванъ Савчичъ, Федя Денисчая, Васько Кузъмичичъ, Евъхимъ Козъ, Матфей Петриковичъ, Ильяшъ Поповичъ, Евъхимъ Демидовичъ, Сенко Солнецъковичъ, Сенко Харковичъ. Маеть его милость панъ Ленартъ Якубовский тую десетъ чоловѣка, зо всими пожитками, што повинни полнити, въ моци своей держати и въживати, росказовати, што повинностъ ихъ естъ, такъ власне, яко я самъ, ими маетъ владати, почонъши року теперъ идучого, семъдесетъ третего, месеца мая девятого дня, тоестъ отъ семое суботы, ажъ до другого року, до семое суботы, которое свято маетъ быти въ року прийдучомъ, семъдесятъ четвертомъ. А я маю его милости пану Ле-

нарту Якубовскому, старосте Звиняцкому, тую сто копъ грошей, личъбы и монеты Литовскос, личачи по десети пенезей белыхъ у грошъ, маю заплатити на рокъ певный, вышей описаный, о семой суботе, которое свято маетъ быти въ року прийдучомъ, семдесятъ четверътомъ. А если быхъ на тотъ рокъ его милости пану Ленарту Якубовскому тыхъ ста копъ грошей, личбы и монеты Литовское, на тотъ рокъ, вышей помененый, о семой суботе, не отдалъ, а однимъ днемъ похибилъ, водле року описаного, тогды его милость панъ Ленартъ Якубовский маетъ тую десетъ человѣка, вышей меновите описаныхъ въ томъ листе, маетъ держати и вживати и росказовати рокъ отъ року, отъ семое суботы до семое суботы, ажъ тую сто копъ грошей, личъбы и монеты Литовское, его милости пану Ленарту Якубовскому заплачу,—а я, Иванъ Ивановичъ Ощовъский, не отдавши и не заплативши тои сумы пенезей пану Ленарту Якубовскому, въ тую десетъ чоловѣка вступовати ся не маемъ. А пакъ - ли бы тежъ, за деръжанъемъ пана Якубовского тыхъ людей, который зъ тыхъ людей пошолъ прочъ, тогды я не маю на пану Якубовскому пойскивати. А если бы тежъ въ тые люди вступовати ся мелъ и (до) моци своей приворочалъ, не заплативши тое сумы пенезей, тогды маю его милости пану Ленарту Якубовскому совито заплатити, то естъ двесте копъ грошей Литовскихъ, кромъ жадного права и позыванъя. А чого тежъ уховай на мене смерти предъ тымъ рокомъ,—ино жона моя, Ганна Волъчъковъна, маетъ заплатити, а близкие мои, которие тое имене мое, Цевовъ, держати будетъ. А чого, Боже уховай, на пана Ленарта Якубовского смерти, ино тую сто копъ грошей, личбы и монеты Литовъское, маю заплатити тому, кому панъ Ленартъ Якубовский на тестаменте своемъ поручилъ. И просилъ панъ Иванъ Ивановичъ Ощовский, абы то было записано. А такъ я тое доброволъное очевистое сознане его до книгъ кгродъскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2047, годъ 1573, листъ 119-й.

XXXVIII.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о наѣздѣ, произведенномъ паномъ Малхеромъ Еронимовичемъ Крупскимъ на Бортновское имѣніе, принадлежащее Холмскому каштеляну, Николаю Лысаковскому; при чемъ оказалось, что во время наѣзда, Крупскій захватилъ съ собою одного панцырнаго боярина и отрубилъ ему голову, а также избилъ и изувѣчилъ крестьянъ, одного изъ нихъ заключилъ въ тюрьму, а имущество ихъ ограбилъ. 1577 г., генваря 11 дня.

Лѣта по нароженю Исуса Христа сына Божого тисеча пятъ сотъ семдесятъ семого, месеца генваря первогонадцатъ дня.

Постановившисе обличне на вряде кгродскомъ, Володимерскомъ, передо мъною Павломъ Оранскимъ, будучи мне за злеценемъ его велможное милости князя Костентина Острожского, воеводы Киевского, маръшалка земли Волынъское, старосты Володимерского, на местцу врядовомъ у Володимери, возный земъский повету Володимерского, Демьянъ Мокренъский, до книгъ кгродскихъ вызналъ тыми словы: ижъ, за приданемъ твоимъ врядовымъ, и, маючи при собе шляхту Яна Брезовскаго а Степана, боярина его милости князя Порыцкого, зъ Гриковичъ, року тисеча пятъсотъ семдесятъ семого, месеца генвара девятого дня, быломъ на потребе его милости пана Миколая Лысаковъского, кашталяна Холмского, тутъ при вряде, у Володимери, при костели светое Тройцы, за оказанемъ врядника его милости, Устилужского, пана Ивана Бережецкого, видель есми у труни трупа лежачого, которому голова стята; што оповедалъ тотъ врядникъ его милости, ижъ дей то есть трупъ подъданого его милости пана моего, Бортновъского, Михала Марковича, слуги панцерного. Которого дей Михала року проплого, тисеча пятъсотъ семъдесятъ шостого, месеца декабря двадцатъ осмого дня, съ пятъницы на субботу, въ ночи, его милость панъ Малхеръ Еронимовичъ Крупский, за властнымъ росказаньемъ его милости пана Еронима Крупского, подстолего Хелмъского, отца своего, и тежъ за роска-

заньемъ пане Галены Крупское, матки своее, зобравшися зъ многими помочниками и слугами, бояры и съ поддаными отца и матъки своей, и своими, то естъ меновите помочники: Станиславомъ Пашъковскимъ, а Станиславомъ Хилинскимъ, врядникомъ его милости князя Александра Вышневецкого, Езовскимъ, и слугами своими Андреемъ Уминскимъ, Станиславомъ маршалкомъ, и зъ Яномъ Выриковскимъ, и поддаными Лучкою и Олекшимъ и иными многими помочниками, слугами, бояры и поддаными своими, наехавши силою, моцно, кгвалтомъ въ частъ имения его милости, Бортновского, на домъ боярина пана моего, слуги панцерного, Марка, его дей самого и иншихъ сыновъ его, доставши въ дому, кгвалтовъне позбывалъ и помордовалъ и поранилъ и маетностъ дей ихъ съ коморъ побралъ; а то дей сына его, Михаила, которого то трупъ лежитъ у труни, поймавши, звезалъ и до двора своего, Устилужского, приведши, подле подобаня воли своей, стяти казалъ. И того же тежъ часу, тое ночи, тамъ же, въ Бортнове, такъже кгвалтовне съ тыми помочниками, слугами, бояры и поддаными своими, наехавши на домъ подданого пана моего, Васка Винника, также кгвалтовне зъ дому добывши, звезалъ и до двора своего, Устилузского, отвелъ, и теперъ его у везенью держитъ. Року теперешнего жъ, тисеча пятъсотъ семъдесятъ семого, месеца генваря десятого дня, на завтрее въ четвергъ, маючи я при собе шляхту пана Собестияна Олшевского, служебника его милости пана старосты Городелского, а пана Яна Лашевскаго, врядника его милости князя Збаражского, Устилузского, ездилъ есми въ частъ именъя его милости, Бортновъского, въ домъ боярина его милости, слуги панцерного, Марка, съ тыми шляхтичами, и, за оказанемъ того Марка, въ дому его виделъ есми знаки кгвалту на дверахъ сѣнныхъ и коморныхъ, двери побитые и порубаные, а на самомъ томъ боярине, Марку, виделъ есми надъ левимъ окомъ рану крывавую, киемъ удареною; а потомъ въ сына его, Станислава, виделъ есмы на лѣвомъ боку рану крывавую, сокирою тятую, съ которой, яко кашелнеть, то ажъ духъ идеть раною; у того жъ Станислава виделъ есми на руце левой рану, такъ же сокирою тятую, вышей запястья, и не ведаю дей будулъ живъ; а въ другого сына его, Яна, виделъ ссми на руце левой, на локтю, рана синяя, спухлая, а на палцахъ тои жъ

руки, подъле великого палца, рана, такъже спухлая, отъ которое ажъ и палецъ опухъ. А шкодъ своихъ менилъ быти побрано: до комори замокъ отбивши и скрыню отлупивши, взялъ дей сорокъ копъ грошей Литовскихъ, сукъмановъ файлюндишовыхъ, чорныхъ, и зъ шнурами, которые дей коштовали десеть копъ грошей Литовскихъ, а на жеръди сукмановъ шарпхъ, Муравскихъ, два, которие дей коштовали пять копъ грошей; жониныхъ сукней две—одна чорная, влоская, которая дей коштовала чтыри копы грошей Литовскихъ, а другая сукня маковая швебединская, которая дей коштовала две копе грошей Литовскихъ, шапка оксамитная, куницами подшитая, которая дей коштовала три копе грошей Литовскихъ; кожухъ новый бараний, которий дей коштовалъ коцу грошей Литовскихъ, а другий кожухъ кроликовый, которий дей коштовалъ полътори копы грошей. Што оповедалъ тотъ Марко, ижъ дей тое побите и порубане дверей, о збытъе и зраненье мне и сыномъ моимъ и побранъе маетности моей стало отъ его милости пана Малхера Крупского и помочниковъ его, слугъ, бояръ и подданыхъ его, за кгвалтовнымъ наеханемъ его на домъ мой. Виделъ тежъ есми въ дому подданого его милолости, Васка Винника, тамъ же, до сѣней двери побитые и порубаные; которого дей то Васка Винника панъ Малъхеръ Крупский поймалъ и, звязавши, и зъ собою до Устилуга повелъ. Въ томъ часе, при огледанью моемъ, ледве живо пришолъ до дому своего, который ся передо мною и передъ шляхтою оповедалъ, ижъ дей панъ Малхеръ Крупский, якъ наежчалъ тутъ на имене его милости пана моего, тутъ на наши домы, подданыхъ его милости, въ тотъ дей часъ кгвалътовне добившися въ домъ мой, мене дей самого поймалъ и, звезавши, до двора своего, Устилузского, повелъ, и увезенью дей мене, большей нижъ полторы недели, ажъ до того часу держалъ, везалъ и мордовалъ;—съ которого дей везенъя и мордованья руки и ноги мне попухли, и долго къ себе прийти не могу. А теперъ дей сего дня врядникъ Устилузский пана Крупского, Собко, мене зъ везенъя пустилъ, мовечи: »подъ дей, хлопе, до дому, бо тебе панъ мой пустити казалъ«,—яко жъ виделъ есми руки и ноги барзо попухлые. И въ тотъ дей часъ, за кгвалтовнымъ наеханемъ его на домъ мой, маетностъ мою побралъ; напервей дей взялъ ми зъ бодъ-

ни чтыри копы грошей Литовскихъ, сукъню синюю, Лунскую, которая дей коштовала три копы гроше Литовскихъ, кожухъ дей новый, бараний, который дей коштовалъ кону грошей, горелъки квартъ сорокъ. Которое жъ я вызнане возного, за прозбою врядника его милости пана Миколая Лысаковского, кашталяна Хелмского, Устилузского, Ивана Бережецкого, въ книги кгродъские записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, № 939, годъ 1577, листъ. 4.

XXXIX.

Донесеніе вознаго, о томъ, что онъ присутствовалъ при повѣшеніи крестьянина Васка, обвиненнаго въ воровствѣ и намѣреніи сжечъ дворъ судьи земскаго, Владимірскаго, Богдана Костюшковича. 1577 г., августа 1 д.

Лѣта по нароженю Исуса Христа сына Божого тисеча пятъ сотъ семдесятъ семого, месяца августа первого дня.

Постановившися обличне на вряде кгродскомъ, Володимерскомъ, передо мною Павломъ Оранскимъ, будучи мне; за злеценемъ его велможное милости князя Костентина Острожского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старости Володимерского, на местцу его милости старостинскомъ у Володимери, возный земский повету Володимерского, Демянъ Мокренский, до книгъ кгродскихъ вызналъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего тисеча пятъсотъ семдесятъ семого, месяца июля девятого дня, былемъ на потреби его милости пана Богдана Костюшковича Хоболтовского, суди земского, Володимерского, въ Хоболтове, тамъ же передо мною, вознымъ, Васко, безъ муки, самъ доброволне знался, ижъ дей я зъ Сенкомъ Зеленею и зъ Яскомъ, пасынкомъ Сенковымъ, приехали есмо зъ Затурецъ умыслне въ гай Хоболтовский, хотечи комору выкрасты Хаца Панковича. И

коли дей есмо приехали у волторокъ, месяца июля второго дня, у гай Хоболтовский, и Сенко дей, дождавшися ночи, и ношолъ дей къ селу Хоболтовскому до подданого пана Петрова, Радка Горбика, и бывши дей въ него, и съ тымъ Горбикомъ до насъ у гай пришолъ и хлѣба намъ принесъ, зъ нами ся около того радилъ тотъ Горбикъ, якъ бы намъ тую комору Хацеву выкрасты. И Горбикъ дей поведалъ: теперъ дей сее ночи не маете по тому часу, але завтра, въ середу, мусите тутъ еще передновати,—бо дей завтра пана судины люде за деревомъ до места поедутъ и ночоватимутъ; а я дей доведаюся, если ночовати будутъ, вамъ знати дамъ. И мы дей тое ночи, зъ олторка на середу, въ гаи ночовали. И на завтре Горбикъ у день намъ хлеба принесъ; а потомъ въ середу, у вечери, Горбикъ до насъ у гай пришолъ, рекъ: »о то жъ дей маете часъ теперъ до коморы Хацевы, бо дей Хоцъ до Володимера зъ деревомъ поехалъ и ночовати будетъ«. А такъ дей мы всѣ три, зъ Горбиковою радою и приводомъ, тое ночи комору Хацеву выкрали: сукмановъ одинъ Люнский, муский, а Шведебинский, женский, полотна семъ своевъ, толстокъ три, сорочокъ семъ, платевъ два, сермягу. И съ тый дей речей сукманы два и сермягу дали есмо подданымъ пана Станислава Хмелевского, Подгаецкимъ, Жуку Макаровичу а Ивану брату Тимошикову за то, ижъ бы о насъ ни кому не поведали. Тотъ же Горбикъ радилъ намъ, абыхмо погребъ Васка Крота выкрали: есть дей тамъ мяса и всего много; тотъ же дей Горбикъ радилъ намъ, абыхмо волы въ Пашка Сала, подданого пана Петрова, покрали, а мы дей сами, кромъ рады Горбиковый, умыслили были зъ дворомъ пана судю спалыты. Яко жъ и въ Затурцехъ предъ мною, вознымъ, коли его панъ войский пану суди выдалъ, до всего ся того зналъ, и его милостъ князь Дмитрей Булыга на тотъ часъ былъ. Вже тежъ, будучи на муце, вызналъ, ижъ дей тотъ же Горбикъ зъ Гавриломъ, винникомъ, котлы горелчаные, на Смолянци, у Стася Олейника покралъ; вызналъ тежъ, ижъ дей сермягу вкралъ у Винрейка Хомовича, за ведомостю Кирила Дули, и ему жъ дей ее за два гроши продалъ. А первей дей сего тотъ Сенко, што со мною комору покралъ, въ того жъ Горбика две ночи ночовалъ, а врядникъ дей пана Петровъ, Ярмошъ, честовалъ Сенка въ гаи горелкою. А на тотъ часъ шляхта

были: Федоръ Семеновичъ, а Войтехъ, мещанинъ зъ Володимера, а Остапко, врядникъ пана Сенютинъ, а Анхимъ, а Грицко Козечка. И на остатний ступенъ, идучи на шибеницу, тыми жъ словы потвердилъ. Которое жъ я вызнане возного, за прозбою пана Богдана Костюшковича, Хоболтовского, суди земского, Володимерского, въ книги кгродские записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, № 939, ооды 1577, листъ 92.

XL.

Королевскій листъ, освобождающій крестьянъ князя Константина Острожскаго, въ опустошенныхъ татарами его имѣній, находящихся въ Кіевскомъ, Луцкомъ и Кременецкомъ повѣтахъ, отъ всякихъ поборовъ и податковъ на восемъ лѣтъ. 1578 г., марта 27 д.

Року 1583, месяца сентябра 25 дня.

Присылалъ на врядъ кгродский, Луцкий, до мене Стефана Кнегининского, будучого на местцу подстаростого Луцкого, панъ Якубъ Мошенский, служебникъ его милости велможного пана Костентина княжати Острожского, маршалка земли Волынское, служебника своего Сапара, татарина, зъ листомъ его королевское милости о вольность подданыхъ его милости княжати Острозского, воеводы Киевского, отъ татаръ спустошоныхъ, выданымъ, просячи черезъ писане свое, абы тотъ листъ до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, былъ уписанъ. Которого я уписати казалъ,—и такъ ся въ собѣ маетъ: »Стефанъ, Божою милостію королъ Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Киевский, Волынский, Подляшский, Ифлянтский и Седмикгродский. Ознаймуемы тымъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и каждому зособна кому то ведать належитъ, ижъ мы, маючи взъглядъ на великое спустошене и попалене именей подданыхъ велможного князя Костентина Острозского, воеводы Киевского, мар-

шалка земли Волынское, старосты нашого Володимерского, который ся, за вторгненемъ неприятеля нашого въ папства наши, такъ въ року недавно прошломъ, яко и теперешнемъ, отъ татаровъ стало, и хотечи тые именя и подданыхъ его спустошоныхъ и забраныхъ ку якому споможеню привести и способити, зъ ласки нашое, господарское, дали есмы волность, яко жъ и тымъ листомъ нашимъ даемъ тымъ всимъ подданымъ его, которые черезъ татаровъ спустошене и шкоды подняли, во всихъ именяхъ его, въ поветехъ Киевскомъ, Луцкомъ и Кремянецкомъ лежачихъ, отъ поборовъ и податковъ вшелякихъ, такъ на сойме нинешнемъ, Варшавскомъ, уфаленыхъ и постановеныхъ, яко и тыхъ всихъ, которые потомъ на пришлыхъ соймехъ уфалены и постановены будутъ, отъ того часу, яко ся тое спустошене стало—до осми лѣтъ. Што всимъ и кождому, кому то ведать належи, а звлаща поборцамъ нашимъ повѣтовъ Киевского, Луцкого и Кремянецъкого, теперешнимъ и на потомъ будучимъ и отъ насъ постановенымъ, ку вѣдомости приводечи, росказуемъ, абы есте съ тыхъ всихъ подданыхъ именей его, въ поветехъ вышей мененыхъ, которые бы отъ татаровъ спустошенье и шкоды подняли, побору, на сойме нинешнемъ Варшавскомъ уфаленого и постановеного, и тотъ, который бы на пришлыхъ соймехъ потомъ уфаленъ и постановенъ былъ, не брали а ни вытегали братъ, а ни вытегать не казали, а трудности имъ въ томъ никоторое не задавали; овшемъ ихъ при томъ листе нашомъ и волности отъ насъ, до часу выштья тое волности, осми летъ, ихъ заховали, иначей подъ ласкою нашою абысте не чинили. Данъ въ Варшаве, дня двадцатъ семого месяца марца, року по нароженю сына Божего тисеча пятъсотъ семдесятъ осмомъ, а кролеваня нашого року второмъ. Stephanus Rex. Yoachim Wysoczki.

Книга Луцкая гродская, записовая, № 2062, годъ 1583, листъ 325.

XLI.

Рѣшеніе гродскаго суда, присуждающее слугу пана Холоневскаго, Долмата, причинившаго побои и раны Владимірскому еврею, Хаиму Зетицу Хакову, къ уплатѣ послѣднему »навезки«—30 копъ грошей Литовскихъ; но такъ какъ Долматъ относительно этой уплаты оказался несостоятельнымъ, то, приговоромъ этимъ, онъ долженъ быть выданъ на выслугу еврею, на основаніи арт. 7. розд. 12. Литов. Стат. 1578 г., апрѣля 21 дня.

Лѣта Божого нароженя тисеча пятьсотъ семдесятъ осмого, месеца априля 21 дня.

Передъ нами Василемъ Павловичомъ, подстаростимъ, а Лазаромъ Иваницкимъ, судею,—врядники кгродскими, Володимерскими, а въ тотъ часъ былъ при насъ панъ Василій Холоневский, на вряде кгродскомъ, въ замку его кролевское милости, жаловалъ жидъ Володимерский, на имя Хаимъ Зетицъ Хаковъ, на Долмата, служебника пана Василя Холоневского, о томъ, ижъ дей тотъ Долматъ, не маючи до мене ни которого дела, року теперъ идучого, семдесятъ осмого, месяца марца двадцать шостого дня, набравшися своволное мысли своее, знашодши дей мене въ рынку тутъ у Володимери, на яткахъ месныхъ седячого, збилъ, змордовалъ и шкодливе зранилъ. А служебникъ его милости пана Холоневского, Долматъ, тутъ же будучи, очевисто, доброволне признался: »якомъ дей первей передъ вознымъ поведалъ, ижъ того жида Хаима ранилъ, такъ и теперъ того ся не пру, же его ранилъ«. Мы питали его: »што бы того за причина была и естли же што бы ему въ томъ жидъ былъ иненъ?« Онъ жадное вины до жида быти не поведалъ. А такъ мы, водле доброволного сознанья того Долмата, сказали и присудили есмо жиду навезки тридцатъ копъ грошей Литовскихъ, водле артикулу третегонадцатъ, въ розделе первомънадцатъ. Кгды жъ то жидъ показалъ и довелъ зранене свое шкодливое въ голове, съ которое раны кости браны, и, водле привилевъ ихъ милости, имъ наданыхъ, въ которыхъ пишетъ, абы имъ навезка была вказована шляхетская; а ижъ оный Долматъ неоселый, пытали есмо его: естли бы тую тридцатъ копъ грошей

мелъ чимъ жиду заплатити, або естли бы хто за него заплатитъ поднялъ? Онъ поведилъ: »ижъ яко самъ не маю чимъ платити, такъ и потому приятеля мети не могу, хто бы за мене заплатити подналъ.« А жидъ просилъ, абы былъ заховань водле артикулу семого, въ розделе второмнадцатъ, где пишетъ, »ижъ чоловекъ волный за жадный выступокъ въ неволю вечную выданъ быти не маетъ; естли бы въ суме не великой былъ выданъ, маетъ съ тое сумы выробитися; а выпуску мужику на кождый годъ—полтина грошей«. Такъ же и мы, видечи то, ижъ тотъ Долматъ не мелъ чимъ платиты, а жидъ ему въ томъ верити не хотелъ, выдали есмо его жиду Хаиму въ той суме пенезей, въ тридцати копахъ грошей, съ которыхъ маетъ ся выробляти; а выпуску ему на кождый рокъ по полтине грошей, а другое можетъ ли способити пенези, чого не отслужитъ, теды и готовымы отдати и заплатити волно. А потомъ докторъ жидовский и иншие жидова Володимерские жаловали на того жъ Долмата, ижъ дей онъ въ томъ же року и того жъ месяца марта двадцатъ пятого дня, приподши до школы жидовское, где никого на тотъ часъ въ школе не было, дверни защипки посекъ, покололъ,—до чого Долматъ не знался, а жидова тежъ на то доводу не показали,—съ того есмо Долмата волнымъ учинили. И то все для памети до книгъ кгродскихъ записати велели.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, № 940, годъ 1578, листъ 56 на оборотъ.

XLII.

Объявленіе пана Мартина Жулинскаго о томъ, что онъ освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости своего крестьянина »отчича«, Хведка Павловича, такъ какъ послѣдній далъ ему за себя окупъ. 1579 г., марта 24 д.

Лѣта Божого нароженя 1579, месяца марта 24 дня.

Пришедши на врядъ кгродский, Володимерский, до мене Василя Павловича, подстаростего Володимерского, панъ Мартинъ Жулинский,

зъ Жулина и Горишова, самъ доброволне а устне ку записаню до книгъ кгродскихъ вызналъ тыми словы: ижъ дей отчичъ мой зъ Горишова Руского, державы моее, Хведко Павловичъ, хотечи бытъ волнымъ, такъ отъ мене самого, яко всихъ повиноватыхъ моихъ, далъ ми за себе окупъ. Ино ижъ онъ мне за себе досыть учинилъ, я его, отъ себе самого и всихъ близкихъ, повиноватыхъ моихъ, волнымъ чиню,—же я самъ, а ни жаденъ повиноватый слуга и подданые мои, на вшелякомъ местцу такъ въ местехъ, местечкахъ, яко и по селахъ, не маетъ его гамовать, яко чоловека волного. И просилъ мене панъ Мартинъ Жулинский, абы тое доброволное сознане его до книгъ кгродскихъ было записано; и выписъ съ книгъ подъ печатю моею тому Хведу Павловичу дано. А такъ я тое доброволное его вызнане, передо мною на вряде учиненое, за прозбою его до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, № 941, годъ 1579, листъ 101 на оборотѣ.

XLIII.

Актъ ввода подстолія Волынскаго, Гаврила Прусиновскаго, во владѣніе имѣніемъ Григоровичами, съ исчисленьемъ крестьянъ этого имѣнія, а равно ихъ повинностей и даней. 1582 г., генваря 13 д.

Року 1582, мѣсяца генвара 13 дня.

Пришодчи на врядъ кгродский, Луцкий, передъ мене Войтеха Ветеского, на тотъ часъ будучаго на местцу пана Станислава Петровъского, подстаростего Луцкого, отъ его велможное милости пана Александра Пронского, столника великого князства Литовского, старосты Луцкого, возный повету Луцкого, Григорий Вербский, очевисто, ку записованю до книгъ, созналъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего осмъдесятъ второго, мѣсяца генвара первогонадцать дня былемъ у Григоровичахъ, тамже передо мною, вознымъ, служебникъ

панее Яцъковое Шибенское панее Зоффѣи Кнеранки, Войтехъ Шумовский, именемъ пансе своее поступилъ доброволъне увязанье въ томъ именью, Григоровичохъ, его милости пану Кгабриелю Прусиновскому, подъстолему Волынскому, въ суме пенезей петисотъ золотыхъ Полскихъ, и за тымъ правомъ, которое на то отъ его милости князя Матуша Войнича Вороницъкого и малжонки его милости, панее Настаси Гулевичовны, мела. Яко жъ я, возный, за таковымъ добровольнымъ поступленемъ отъ панее Шибенское, увязаломъ его милость пана Кгабриеля Прусиновского въ тое именье, Григоровичи, въ дворецъ того именья, также въ люди вси, зъ ихъ всими повинностями, зъ засевкомъ того двора всѣмъ, зъ гумномъ, а въ гумне стогъ жита, а въ другомъ стогу съ пять копъ можетъ быти, овса полтора стога, гороху стырта; а въ дворце пекарня зъ сенми и комора, стайня. А тыхъ подданыхъ тутъ имены списаломъ, то есть напервей люды подворищные: Иванъ Жукъ, Стецко Олексѣевичъ, Грицко Чутко, Тарасъ Олексѣевичъ, Мануйло Жуковичъ, Павлюкъ—а то огородники: Марко, Макаръ Олексѣевичъ, Васко, Останчиха вдова, Васковая вдова, тивунъ. А повинность тыхъ людей, то есть подворищные люди: съ кождого дворища по чотыри мацы овса даютъ, грошей по шести, куръ по трое, по возу сѣна, орутъ на паренину по чотыри дни, а на весну также по чотыри дни; роботы въ кождый тыждень по дней пяти, повозъ—где потреба; а огородники: съ кождого огорода по три дни лете въ тыждень робити повинни, а у въ осень и зиме—по два дни, по грошей три плату, по курицы одной давати повинни. А подавши его милости пану Прусиновскому тое имене, Григоровичи, въ моцъ и въ держане, за правомъ панее Шибенское, за которымъ она отъ князя Матуша Вороницкого и малъжонъки его милости мела, и тымже рокомъ маетъ его милость держати, яко пани Шибенская отъ князя Вороницкого держала,—и одъѣхаломъ тамъ, въ спокойномъ держаню служебника его милости пана Прусиновского, Миколая Слатковича, (зоставивши). А при мне, возномъ, были шляхта панъ: Янъ Снядловъский а Войтехъ Кглуховский. Которое очевистое сознанье возного въ книги кгродские, Луцкие, есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, 1582 г., № 2061, л. 32.

XLIV.

Актъ ввода пана Александра Вороны Боротинскаго во владѣніе селомъ Мытищами. Въ актѣ этомъ исчислены крестьяне этого села и ихъ повинности. 1582 г., генваря 30 д.

Року 1582, мѣсяца генвара 30 дня.

Передо мною Станиславомъ Петровскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, отъ его велможное милости пана Александра Пронского, стольника великого князьства Литовского, старосты Луцкого, ставши очевисто возный повету Луцкого, Григорей Вербский, ку записованю до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вызналъ тыми словы: ижъ дей дня сегоднешнего, даты вышейписаное, былъ есми на потребе пана Александра Вороны Боротинскаго, увезалъ есми его въ ймѣнье Мытища, которое ему поступилъ панъ Юрей Тишковский, — якожъ дей есми люде того села, на рейстръ списавши, пану Вороне подалъ. Якожъ и реестръ съ печатю и съ подписомъ руки своее передомною на вряде покладалъ; который тамъ ся въ собѣ маетъ: Реестръ всѣхъ подданыхъ тяглыхъ въ селѣ пана Тишковского, Мытищахъ, которые на волокахъ живутъ: Ивашко на волоце, Панасъ на волоце, Василь на волоце, Богданъ на волоце, Степанъ на волоце, Евътухъ на волоце, Чернецъ на волоце, Яцко на волоце, Кузма на волоце, Мисъ на волоце, Кость на волоце, Войтко на волоце, Федчунъ на волоце, Олексей на волоце; подсусѣдки: Русинъ, который гаю стережетъ, Микитка, который тивономъ, пастухъ Федко. Повинность тыхъ людей: робота штоденная отъ полудня або по обѣде; чиншъ по полъ копы зъ волоки, по двое куръ, подвода — где потреба. Водлугъ которого реестру и записъного листу, я Григорей Вербский, возный повету Луцкого, пану Александру Вороне Боротинскому именье, село Мытищи, подалъ, увезалъ въ моцъ и въ держанье; подалъ въ року теперешнемъ осмъдесятъ второмъ, мѣсяца генвара двадцать четвертого дня. Григорий Вербский рукою власною. Которое я сознане возного и тотъ менованый реестръ до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, 1582 г., № 2061, л. 100.

XLV.

Инвентарь имѣній: Конюховъ, Млынова, Бѣлополя, Кутъ, Деречина и Завидова, съ перечисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1582 г., Марта 19 д.

1582 того жъ мѣсеца 16 (sic) дня.

Пришедши на врядъ гродский, Володимерский, передъ насъ Александра Курцевича, подстаростего, а Лазара Иваницкого, судю, врадниковъ судовыхъ кгродскихъ, Володимерскихъ, возный повету Володимеръского, Жданъ Чирский, очевисте до книгъ вызналъ, ижъ дей за приданемъ врадовымъ, маючи при собе сторону пана Богуша Древинскаго а пана Станислава Порванецкого, ездиломъ на потребу ихъ милостей ясне вельможного кнежати Костентина Острозского, крайчого великого князства Литовского, старосты Володимерского, его милости пана Миколая Жолкевского, хорунжого Лвовского, его милости пана Амброжего Лаща а пана Андрея Романовского, писара кгродского, Володимерского, опекуновъ малжонки детей и маетности небожчика пана Кгабриеля Прусиновского, подстолего Волынского, въ тестаменте описанныхъ и уставленныхъ, року теперешнего, вышейписанаго, мѣсяца марца осмогонадесять (sic) дня,—наперве былемъ: въ Конюхахъ, у Млынове, въ Беломполю, въ Кутехъ, въ Деречине, въ Завидове, въ которыхъ всихъ именяхъ люде, зъ ихъ повинностями, также статки речи рухомые, быдло, кони, рынштунки, цыну, медь, ставы, млыны, корчмы и все, отъ мала до велика, на рейстръ списавши, подъ печатю и съ подписомъ руки своей, также подъ печатми людей добрыхъ, которые при мне на тотъ часъ стороною были, пана Богуша Древинского а пана Станислава Порванецкого, ихъ милости паномъ опекуномъ, вышейпомененымъ, даломъ. Якожъ и тотъ рейстръ подъ печатю и съ подписомъ руки своей, также подъ печатми оныхъ лодей добрихъ, при мне въ тотъ часъ будучихъ, намъ до рукъ отъдалъ; который мы, передъ собою вичитать давши, въ книги кгродъские, Володимеръские, вписати казали, и такъ ся въ собе маетъ:

Рейстръ списаня людей, также быдла, коней и всее маетности, зосталое по смерти небожчика пана Кгабриеля Прусиновского, подстолего Волынского, засталое по смерти его, черезъ мене Ждана Чирского, возного повету Володимерского, зъ ураду на то приданого, и шляхту пана Богуша Древинского а пана Станислава Порванецкого, и поданя въ моцъ, въ опеку и оборону опекуновъ, которыхъ на тестаменте своемъ небожчикъ панъ Прусиновский можонце и детемъ своимъ назначилъ: его милости ясневельможному кнежати Костентину Острозскому, крайчому великого князства Литовскаго, старосте Володимерскому, его милости пану Миколаю Жолкевскому, хорунжому Львовскому, его милости пану Амъброжему Лащу а пану Анъдрею Романовскому, писару кгродскому, Володимерскому. Напервей приехали есмо до именя заставного, до Конюхъ, року теперешняго тисяча пятъсотъ осмъдесятъ второго, мѣсяца марца осмогонадцеть дня. Напервей обора: воловъ робочихъ семнадцеть, воловъ кормныхъ три, коровъ двадцеть чотыри, бугай оденъ, озимковъ петнадцеть, свиней посполитыхъ двадцеть чотыри, вепровъ кормныхъ пять, гусей тридцеть, каплуновъ чотыри, куровъ осмънадцеть, клячъ трое, жеребя одно, речи вси рухомые, золото, серебро, ланцухи, шаты, кони ездные, также рынштункъ военный, розделивши пополовицы, сынове небожчика пана Прусиновского, панъ Адамъ и панъ Касперъ, передъ ихъ милостю паны опекуны, и часть свою панъ Адамъ Прусиновский до рукъ и владзы своей взялъ, а частъ молодшого сына, пана Каспра, при матце его, паней Прусиновской, также и часть девки, паней Ядвикги, при матце ихъ, паней Прусиновской, зостали,—до летъ ихъ дохованы быти маютъ. Што все межи собою, на рейстръ списписавши, подъ печатю одинъ другому рейстра дали. Скринка зъ листами въ коморе Конюской была, за печатю небожчика пана Прусиновского, за двема замъками, въ которой видели есмо листы на на именя заставные и на суммы позычоные; то есть на первей: листы записы на суму пенезей на шестсотъ копъ грошей, на имене Лавровъ и Мытища; листы и вся справа на имене Купное, Золочовку; листы и вся справа на имене заставное, Липую, на которой сума чотыри тисечи пятсотъ и деветдесятъ золотыхъ Полскихъ; листы и вся справа на имене заставное, Смоляву, на которой сумма две

тисечи золотыхъ Полскихъ; листы справа вся на имене Конюхи съ приселками, къ нему належачими, на которыхъ сума три тысечи и чотыриста копъ грошей Литовскихъ; листы и вся справа на именя заставные, Завидовъ и Деречинъ, на которыхъ сума две тысечи копъ грошей Литовскихъ; листы и вся справа на пляцъ, купленый въ замку Луцкомъ; листы записы пана Юря Тишковскаго на пятсотъ золотыхъ Полскихъ; записъ панее Катерины Прусиновское отъ небожчика пана Кгабриеля Прусиновскаго, малжонка ее, на тисечу копъ грошей Литовскихъ даный, которую суму пенезей на именю Завидове ей описалъ. Въ коморе Конюской панцеровъ семъ, бехтеровъ два, прилбицъ двенадцатъ, шишаковъ шесть, ручницъ семъ, мисъ циновыхъ двадцеть, полмисковъ десеть, талерей тузиновъ три, котловъ кухенныхъ шесть. Подданые Конюские, подворищные: Яцко Поплеска—дворище, Панко—дворище, Жданъ—дворище, Левко—дворище, Манъко—дворище, Сенко Михновичъ—дворище, Назаръ—дворище, Федоръ зъ Васкомъ—дворище; полдворищные: Янко—полдворища, Трушъ Хилковичъ—полдворища, Иванъ Бобошко—полдворища, Жадко—полдворища,—робота коли роскажутъ,—въ рокъ по полъкопы грошей, по осми манъ овса, по двое куръ давать повинни; огородники: Вакула огородникъ, Грицко Кухта огородникъ, Мойсей Гопа огородникъ, Хомица огородникъ, Трохимъ огородникъ, Иванъ Куцевичъ огородникъ, Андрей Михновичъ огородникъ, Андрей Побережникъ огородникъ, Маско Моцевичъ огородникъ, Грицько зъ зятемъ огородникъ, Мойсей огородникъ, Иванъ Сурмачъ огородникъ, Михалко огородникъ, Иванъ Шамрай огородникъ, Дмитрикъ огородникъ, Иванъ Зеленко огородникъ, Михно Зеленко огородникъ, Павелъ огородникъ, Сидоръ огородникъ, Яцко тивонъ, Васко зъ Савкою огородникъ, Миско Лоскотка огородникъ,—робити повинни по два дни въ тыйдень, въ рокъ—по шести грошей и по куряти; подсуседки: Янко подсуседокъ, Хома подсуседокъ, Кохно подсуседокъ, Романъ Чижъ подсуседокъ,—робиты повинни оденъ день въ тыйдень; боярове: Каленикъ бояринъ, Гринецъ бояринъ, Иванъ Проскурничичъ бояринъ, Миско Проскурничичъ бояринъ, Гаврило Проскурничичъ бояринъ, Миско Матачъ бояринъ, Жданъ Креденя бояринъ, Климко Поповичъ бояринъ, Илица бояринъ, Антонъ бояринъ, Юско Похилко бояринъ, Иванъ Похилко бояринъ, Юзефъ Козека бояринъ,—по-

винны давати въ рокъ по семи золотыхъ Полскихъ и за пять миль ехать; Хацко мельникъ. Село Млыновъ. Люди подворищные: Левко—дворище, Перхий зъ братомъ—дворище, Левко зъ Занкомъ—дворище, Миско зъ Ескомъ—дворище, Охримъ зъ Ерешевою—дворище, Стецко зъ Мартиномъ дворище, Иванъ Гапоновичъ—полдворища,—повинность такая жъ яко и въ Конюхахъ вся; ставовъ спустныхъ два въ Конюхахъ, которымъ спустъ припадаетъ въ року осмдесятъ четвертомъ, за которые первей былъ спустъ за двесте копъ; корчма Конюская, въ Купехъ и въ Беломъ Полю на млынове, зъ двема колми млыновыми, Конюскими, и съ коломъ однимъ въ Кутехъ, чинятъ до року золотыхъ осмъдесятъ Полскихъ. Село Белополе. Подворищные: Сидоръ —дворище, Иванъ Мартиновичъ—дворище, Левко Клецкий—дворище, Грицко Тишковичъ—дворище, Степанъ—дворище, Андрей—дворище; Маско Микитеня—дворище, Пащеня—дворище; полдворищные: Сенко —полдворища, Васко—полдворища, Павлюкъ—полдворища, Сенко Озимокъ—полдворища, Давыдиха—полдворища, Омелянъ—полдворища, Мартинъ—полдворища, Левко—полдворища, Василь—полдворища, Янко—полдворища, Савка Свищъ—полдворища, Евхимъ—полдворища, Войтко—полдворища, Климко—полдворища, Марковая—полдворища, Карпъ—полдворища, Якимъ—полдворища, Костюкъ—полдворища, Марко—полдворища,—повинность таковая жъ яко и въ Конюхахъ вся; огородники: Грицковая огородничка, Занко огородникъ, Курила огородникъ, Малошъ огородникъ,—повинни робити по два дни въ тыйдень, въ рокъ по осми грошей и по курети; подсуседъки: Сень подсуседокъ, Омелянъ подсуседокъ, Гаврило подсуседокъ, Назаръ подсуседокъ, Антиско подсуседокъ, Яцко Смиянъ подсуседокъ, Яцко Тютка подсуседокъ, Сацко Полешко подсуседокъ, Тимошъ, Ванюкъ тивонъ, Ванюкъ Кравецъ, Ванюкъ,—робити по одному дню въ тыйдень повинни. Село Куты. Люди подворищные: Кондратъ—дворище, Остапъ Боботовичъ—дворище, Федко—дворище; Юрко—дворище, Бартошъ—дворище, Грицко—дворище, Манко—дворище, Данило—дворище,—повинни давати въ рокъ по полкопы грошей, по шести мацъ овъса, по двое куръ, робота коли роскажутъ; огородники: Левко огородникъ, Иванъ Губка огородникъ, Яцукъ огородникъ, Зѣць огородникъ, Грицко огородникъ, Хилко огородникъ, Васко огородникъ,

Микита огородникъ, Ивашко огородникъ, Оначко огородникъ, Миколай огородникъ,—повинни давати въ рокъ по полъосма гроша, робити по два дни. Приехали есмо до именя Деречина и Завидова, мѣсяца марца девятогонадцать дня. Дворъ Деречинский: напервей корова одна, свиней тридцеть, вепръ оденъ, гусей двадцеть, каплуновъ шестдесятъ, куровъ двадцеть, качокъ четверо. Село Деречинъ. Люди подворищъные: Пацъ—дворище, Прокопъ—дворище, Иванъ Гединъ—дворище, Ячената—дворище, Грицъ Корецкий—дворище, Гадинка—дворище, Якубенята—дворище, Мицъ зъ Ветошкою—дворище, Тимошъ Брикъ—дворище, Панасъ—дворище, Макаръ—дворище,—повинни робити коли роскажутъ, въ рокъ по две ѵѣцы овса, по шести грошей и по двое куръ давати повинни; огородники: Мартинъ Дудка огородникъ, Юрко огородникъ, Грицъ огородникъ, Демянъ огородникъ, Скрабанъ огородникъ, Субекъ огородникъ, Васко Юха огородникъ,—робити въ тыйдень по два дни, по три гроши и по курети. Село Завидовъ. Люди подворищные: Петранъ—дворище, Грицко—дворище, Лавринъ Жидченя—дворище, Гриць Лычичъ—дворище, Вавула—дворище, Лежака—дворище, Довойтъко—дворище, Омелянъ—дворище, Матей—дворище, Олешко—дворище, Иванъ Сычъ—дворище, Сергей—дворище, Кощѣ—дворище, Демянецъ—дворище, Грицъ зъ братомъ—дворище, Федоръ Верещалка—дворище, Логвинъ—дворище, Иванъ Квачь—дворище, Петрашъ—дворище; полдворищные: Иванъ Погибло—полдворища, Сенчина—полдворища, Соловей—полдворища, Стецъ зъ Себестьянцемъ—полдворища, Савъка Линчичъ—полдворища, Демидъ Поповичъ—полдворища, Иванъ Кривоший—полдворища, Кудинъ—полдворища, Ланчикъ—полдворища, Семенъ—полдворища, Елобъ зъ Яцыкомъ—полдворища, Федко Поценя—полдворища, Иванъ Римаръ—полдворища, Евхимъ—полдворища, Левченя—полдворища, Иванъ Лычко—полдворища, Радко—полдворища, Ползунъ—полдворища, Андрѣй Иванковичъ—полдворища, Васко зъ братомъ—полдворища, Левко Шинкаръ—полдворища, Сацикъ—полдворища, Супрунъ—полдворища,—повинность ихъ зъ дворища по сту грошей цыншу, за барана по дванадцати грошей, куровъ по осми, робота коли роскажутъ, и въ подводу—где потреба; огородники: Ляпа огородникъ, Скорихъ огородникъ, Федко Ножка огородникъ, Петръ Заецъ

огородникъ, Гриць Ледьвикъ огородникъ, Карпъ огородникъ, Сычикъ огородникъ, Князикъ огородникъ, Якубъ огородникъ, Петрукъ огородникъ,—робити по два дни въ тыйдень, цыншу по грошей дванадцети, за барана по три гроши; корчма, до которой зъ двора солоды даютъ шинковать; колъ три млыновыхъ, вешняковъ. И на томъ я Жданъ Чирский, возный повету Володимерского, того списаня всихъ речей, яко се вышей на семъ рейстре поменило, и поданя въ моцъ, въ оборону и въ опеку ихъ милостямъ паномъ опекуномъ, въ тестаменте описанымъ и на семъ рейстре на початку помененымъ, далъ ихъ милостямъ сесь рейстръ, подъ печатю и съ подписомъ руки моее и подъ печатми тыхъ людей добрыхъ, которые на тотъ часъ при мне были. Писанъ у Деречине, року тисеча пятьсотъ осмъдесятъ второго, мѣсяца марца девятогонадъцать дня (sic). Жданъ Чирский, рука власная. Станиславъ Порванецкий, рука власная.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, 1582 г., № 960, л. 112 на об.

XLVI.

Списокъ крестьянъ »засѣлыхъ« и »данныхъ«, переуступленыхъ паномъ Станиславомъ Вороничемъ пану Богдану Стрибылю. 1582., марта 20.

Року тисеча семъсотъ тринадцатого, месеца декаврия первого дня.

На ураде кгродскомъ, въ замъку его королевское милости Житомерскомъ, przedemną Bazylim z Wyhowa Wyhowskim, skarbnikiem ziemskim, namiesnikiem starostwa, regentem grodzkim Żytomirskim y xięgami ninieyszemi grodzkiemi, Zytomirskiemi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Michał Strybyl, dla zapisania do xiąg nieyszych grodzkich, Żytomirskich, regestr podania chłopow, od urodzonego niegdy jego mosci pana Stanisława Woronicza, urodzonemu niegdy jego

mosci panu Bohdanowi Strybylowi, z podpisem ręki y pieczęcią wysznientą, per oblalam podał, prosząc mnie urzędu, aby do akt ninieyszych przyięty y wpisany był. Ktorego affektacyey ja, urząd, niżey inserowany regestr ad acticandum przymuiąc, czytałem, który iest Ruskim pismem pisany y tak się w sobie pisany ma: »Regestr podania poddanych odemnie, Stanisława Woronicza, iżem podał Panu Bohdanowi Jwanowiczu Strybylowi poddanych swoich oyczyznych y nowo przychożych, w Lowkowie y Mokratyczach, przy liscie swoim zapisnym, to iest mianowicie koźdego poddanego spisawszy etc.; to iest ludzié oyczyzne y zasiedziałe: Iwan Hanka, Hrycko Prockowicz, Trochym Tomiło Huszczenko, Hrycko Huszczenko, Hryszko; w Mokratyczach: Swiryd, dannych ludzi szesć człowieka, z kturych dani idzie ośm wiader miodu; to iest ludzie kuniczne: Artiuch z synami swemi, Dacko z synami swemi, Hrycko, Ihnat Koc, Sawka Bohdan Dubinenko, Miszko, Daniło, Senko, Iwaszko, Ewłasz, Prokop, Klim, Nester, Ostapko, Hrycko,—y na tom dał Panu Bohdanu Iwanowiczu Strybylowi ten moy regestr pod pieczęcią moią y podpisem własney ręki moiey po polskim. Pisan w Łowkowie, miesiąca marca dwudziestego czwartego dnia, tysiąc pięcset osmdziesiąt wtorego roku. U tego regestru na pieczęci podpis ręki temi słowy: Stanisław Woronicz, ręką swą własną (manu propria)«. Ktory to regestr, za podaniem y oczewistą prozbą wyszmianowanego jego mosci podawaiącego, a za moim urzędowym przyięciem, do xiąg ninieyszych iest wpisany.

Книга Житомирская гродская, записовая, 1701—1713 года, № 188, листъ 507.

XLVII.

Жалоба писаря земскаго воеводства Брацлавскаго, Северина Судимонтовича Кропивницкаго, на старосту Брацлавскаго и Винницкаго, Юрія Струся, о томъ, что онъ, съ вооруженнымъ отрядомъ въ числѣ 2000 человѣкъ, напавъ на принадлежащее ему село Скуринцы, выгналъ изъ него жалобщика, причинилъ побои женѣ его, ограбилъ имущество, и деньги »поборовые,« собранные съ обывателей Брацлавскаго воеводства, убилъ слугу жалобщика, и затѣмъ помянутое село Скуринцы, съ крестьянами тяглыми и огородниками, присоединилъ къ Брацлавскому старосту. 1582., марта 20 д.

Лѣта божого нароженя 1582, мѣсяца марца 20 дня.

Припедши на врядъ кгродский, въ замокъ господарьский, Луцкий, передъ мене Войтеха Ветеского, будучого на местцу пана

Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, отъ его велможное милости пана Александра Пронского, столника великого княжства Литовского, старосты Луцкого, писаръ земский воеводства Браславского, урожоный панъ Северинъ Судимонтовичъ Кропивницкий, оповедалъ и обтежливе жаловалъ самъ отъ себе и именемъ малжонки своеи, панее Овдоти Коптевны, о томъ, ижъ дей его милость панъ Юрей Струсь съ Коморова, староста Браславский и Веницкий, звазнившися на мене человека спокойного, правомъ посполитымъ обезпечоного, торгаючи се на ме словы непристойными, ущипливыми, отповедь словную на здоровье мое, хвалечисе на мене на смерть забити и маетность мою отняти передъ комисарми его королевское милости, передъ его милостю потомъ Иваномъ Чапличомъ, войскимъ Луцкимъ, и передъ паномъ Станиславомъ Бекгановскимъ, дворяниномъ его королевское милости, чинилъ. Которой чинечи досыть, сего жъ року, верхупомененого, и мѣсяца теперъ идучого марца осмого дня, у четвергъ, могло дей быти годинъ три до вечора, его милость панъ Струсь, староста Браславский и Виницкий, препомневши боязни Божее и срокгости права посполитого, и розсудку правного, справедливого, наполнившися воли и злого умыслу своего, котечи умыслне мене замордовати, самъ особою своею и, собравшися зъ войскомъ людей, гуфомъ не малымъ, зъ староства своего Браславского и Виницкого, и зо всими товарыши жолнери роты своей, которую ведетъ и подъ справою своею держитъ за пѣнези его королевское милости и речи посполитое, (съ) слугами, съ паколки, зъ гайдуки и зъ многими помочниками своими, маючи зъ собою около двохъ тисечей людей, а меновите: съ паномъ Иваномъ Красноселскимъ, съ паномъ Семеномъ Яцковскимъ, съ паномъ Матѣемъ Лащомъ, съ паномъ Богданомъ и Андриемъ Дешковскими, съ паномъ Юремъ Кгорецкимъ, подстаростимъ Виницкимъ, съ паномъ Матушомъ Шандыревскимъ, съ паномъ Михайломъ Ласкомъ, съ паномъ Семеномъ Сабаровскимъ и съ Ѳедоромъ Братковскимъ, возными Браславскими, съ паномъ Василемъ Цурковскимъ, зъ войтомъ и зъ мещаны его королевское милости, Вѣницкими, и съ подъданными волости Вѣницкое, зъ селъ зъ Мезякова и Хижинецъ, конно, збройно, зъ рознымъ оружьемъ, войне належачимъ,

вземъми и спровадивши стрелбу его королевское милости зъ замку Вѣницкого: дѣла, гаковнѣцы, пулгаки, ручницы, въ обычай валки непріятелское, съ трубами, наехалъ моцно, кгвалтомъ, на йменье мое, на село Скуринцы, и съ тыми дей всѣми людми, зъ войскомъ немалымъ, яко ся вышей поменило, напервей на село, потомъ и на домъ мой шляхетский, голосомъ рознымъ, яко одны татарове, окрикъ учинивши, у трубы трубячи и у бубны бъючи, зъ дѣлъ, зъ гаковницъ и зъ рушницъ стрелбу пустивши, штурмовали до дому, ворота и острогъ выбили, съ котороей дей стрелбы пострелили и на смерть забили слугу моего, Павла Ивановича, и затымъ ся дей у дворъ вламали, ижъ дей я ся черезъ гумно въ лѣсъ ледво утекъ. Яко жъ дей за мною гонили людъ его ниший, гайдуки, ажъ до самое ночи зъ ручницами, и кгды бы дей ночъ не зашла, певне бы мене на смерть забили. А жону дей мою, Овдотю Копътевъну, у дворѣ въ дому поймали, збили, зшарпали, словы неучтивыми зсоромотили, шубку дей зъ нее белковую зняли и перстенковъ золотыхъ чотыри зъ руки ей левой, съ палцовъ, позрывали, которые дей перстенъки коштовали по чотыри золотыхъ чирвоныхъ,—его милость панъ Юрей Струсь словы неуцтивыми зсоромотивши, билъ, торгалъ и у шию пхалъ, моцно, кгвалтомъ зъ дому и зъ двора выпхалъ, и прочъ дей зъ села выгналъ, поведаючи тыми словы: »ижъ дей тое село Скуринцы, за даниною его королевское милости мужеви твоему, и за листомъ его королевское милости на подане того села, до мене писанымъ, я поступилъ и въ него былъ есми мужа твоего увезалъ черезъ подстаростею моею, Вѣницкого, Юря Кгорецкого; але ижъ дей мужъ твой мне не служитъ и противко мене есть,—я дей тое село Скуринцы и дворъ къ рукамъ своимъ, до староства моего, беру,—нехай же дей мене мужъ твой до короля его милости позываетъ; нижъ ли дей зыщетъ,—проездится.« За которымъ дей збитьемъ, выпханемъ и выгнанемъ, жона моя пехотою ажъ до Виницы, збита, зшарпана, скрывавена, ледво жива пришла. А въ томъ дей двори и въ селѣ Скуринцахъ самъ особою своего, его милость панъ староста зо всимъ тымъ войскомъ своимъ зосталъ; въ которомъ дей дворѣ всю маетность мою и жоны моей, речи рухомые у избе, въ светлицы, въ коморахъ, гроши готовые, золото, серебро,

шаты, цыну, медь; у стайни кони и быдло рогатое, и въ коморе збожье молоченое, также статокъ и спратъ домовый, также дей скринку зъ грошми его королевское милости, зъ рейстрами и съ квиты поборовыми зъ воеводства Браславского, за рокъ осмдесятъ первый выбраными, все, отъ великой до найменшое речи, пограбилъ и побралъ. А то есть меновите: въ томъ дому Скуринскомъ, у светлицы, взялъ дей скринку малеваную зъ грошми, зъ реестры и съ квиты поборовыми, въ которой дей было пенезей его королевское милости, поборовыхъ, тисеча золотыхъ Польскихъ; которые дей пенезе, приехавши мне зъ войны отъ Пскова, послалъ есми былъ черезъ служебника своего, Андрея Белского, до Варшавы, на рату у универсале описаную, на новое лѣто; нижли дей тотъ служебникъ мой, рознемогшисе на дорозе, на Волыню, у Берестечку, лежалъ,—зачимъ дей ажъ неборздо съ хоробы обнемогшися, до Варшавы по новомъ лѣте приехалъ. Где жъ дей яко его милости пана подскарбего, а ни его милости пана шафара, у Варшаве не засталъ, только протестацию на уряде кгродскомъ, Варшавскомъ, учинивши, ко мне назадъ тые пенези привезъ и мне ихъ до тое скринъки въ захованье отдалъ; квиты и рейстра поборовые зо всего воеводства Браславского, такъ зъ местъ, яко и зъ селъ, которые рахунъкомъ чинятъ побору его королевское милости, за рокъ осмдесятъ первый, осмъ сотъ копъ грошей Литовскихъ, то есть две тисечи золотыхъ Польскихъ, и листъ вызнаный небожчика пана Ивана Шашкевича, столника Браславского, подъ печатю и съ подписомъ руки его, который мне на то далъ—отъ которого часу чопковое у воеводстве Браславскомъ мне пустилъ. Другую дей скринку мою зъ грошми и зъ речми моими и жоны моее взялъ, въ которой дей было моихъ властныхъ пенезей готовыхъ, то есть: золотыхъ чирвоныхъ двадцать и семъ, таляровъ старыхъ тридцать, золотовыхъ таляровъ сорокъ, монеты пятдесятъ копъ грошей Литовскихъ; речи жоны моей, то есть: ланцухъ золотый, въ которомъ было золотыхъ черъвоныхъ пятдесятъ, перстеней золотыхъ съ каменями дорогими пять,—одинъ перстень съ каменемъ дияментомъ коштовалъ золотыхъ чирвоныхъ шесть, другий перстень съ каменемъ шмаракгомъ, робленый зъ шмалцомъ белымъ и чирвонымъ, коштовалъ золотыхъ чирвоныхъ

десять; третий перстень съ каменемъ рубиномъ, коштовалъ золотыхъ чирвоныхъ чотыри; четвертый перстень съ каменемъ туркусомъ, коштовалъ золотыхъ чирвоныхъ два, а пятый перстень съ каменемъ жабинцомъ, коштовалъ золотыхъ червоныхъ три; поясъ обручъ сребрный, позлотистый, который коштовалъ семъ копъ грошей Литовскихъ; кошулекъ золотыхъ шитыхъ три, которые коштовали по чотыри копы грошей Литовскихъ; кошулка перлами сажаная съ фереты золотыми, коштовала двадцать копъ грошей Литовскихъ; бразка перловая съ фереты золотыми и съ каменемъ дорогимъ, коштовала тридцать и двѣ копе грошей Литовскихъ; кошулекъ шолкомъ чорнымъ шитыхъ осмъ, коштовали осмъ копъ грошей Литовскихъ,—а иншихъ дей хустъ белыхъ, мужскихъ и жоноцкихъ, и полотна нимало, которые шацуемъ собе двадцать копъ грошей Литовскихъ; ложокъ сребрныхъ семъ, въ которыхъ было сребра гривенъ чотыри; ченцовъ золотыхъ два, купленые по семи золотыхъ Полскихъ; рантуховъ Флямскихъ три, купленые по шести золотыхъ Полскихъ; рантуховъ Красноставскихъ чотыри, купленые по копе грошей Литовскихъ. Въ той же дей свитлицы за шафою былъ цынъ: мисъ великихъ ценовыхъ пять, полмисковъ шесть, приставокъ две, талировъ дванадцать; въ коморе была скриня великая зъ шатами, въ которой дей была джуга (sic) моя шарлатовая съ петлицами, атласомъ жолтымъ подшитая, которая коштовала осмънадцать копъ грошей Литовскихъ; кафътанъ атласу чирвоного, прешиваный, зъ кгузиками золотыми, который коштовалъ дванадцать копъ грошей Литовскихъ; футро кунее, которое коштовало копъ одинадцать и грошей дванадцать Литовскихъ; футро лисее, купленое за чотыри копы и за грошей сорокъ и осмъ Литовскихъ; шаблю и сагайдакъ, сребромъ оправные, позлотистые, на которыхъ было сребра гривенъ пять; шаты жоны моее, то есть: летникъ адамашковый, бурнатный, съ петма брамами у долу, зъ аксамиту чорного, который коштовалъ чотырнадцать копъ грошей Литовскихъ; сукна шарлату чирвоною, въ долу деветъ брамовъ злотоглавовыхъ, и кунталтъ злотоглавовый, который коштовалъ двадцать две копе грошей Литовскихъ; летникъ оксамиту чорного, гладкого, который коштовалъ осмнадцать копъ грошей Литовскихъ; летникъ мухоеру шарого, въ долу чотыри

брамы оксамиту чорного, который коштовалъ десеть копъ грошей Литовскихъ; шубка куняя, адамашкою шарою крытая, коштовала двадцать и осмъ копъ грошей Литовскихъ; шубка белокъ чорныхъ, купленая за чотыри копы грошей Литовскихъ; шапка оксамиту чорного, соболъми подшитая, зъ бобромъ чорнымъ, коштовала осмъ копъ грошей Литовскихъ; постель коленская вся отъ мала до велика; подушки китайкою чирвоною окладаны; колдра адамашкою чорною и шарою крыта, которая дей постель со всимъ коштовала дванадцать копъ грошей Литовскихъ. Въ той же дей коморе взяли: сѣделъ моихъ, сафъяномъ крытыхъ, малеваныхъ, чотыри, купленыхъ по три копы грошей Литовскихъ; панцыровъ пятъ,—одинъ панцыръ, купленый за дванадцать копъ грошей Литовскихъ, а чотыри панцыри, купленые по чотыри копы грошей Литовскихъ; сагайдаковъ пахолчихъ, барвеныхъ, зъ луками и зъ стрелами, пять, которые коштовали осмъ копъ грошей Литовскихъ; шабель пахолчихъ, барвеныхъ, пять, роботы Вѣницкое, купленые по сороку и осми грошей Литовскихъ; котловъ горилчаныхъ чотыри, съ трубами и съ притрубками, купленые по две копе грошей Литовскихъ; котелъ великий, пивный, позыченый мнѣ отъ пана Ободенского, который дей купленый за пять копъ грошей Литовскихъ. У стайни дей взяли коней моихъ чотыри: два половыхъ, купленые по шести копъ грошей Литовскихъ; конь вороный, купленый за дванадцать копъ грошей Литовскихъ; конь иноходникъ сивый, купленый за осмъ копъ грошей Литовскихъ. У другой коморе взяли дей збожя молоченого: пшеницы третинниковъ десять, которую на торгу купуютъ, третинникъ по двадцати и по чотыри грошей Литовскихъ; жита третинниковъ пятнадцать, которое на торгу купуютъ по петнадцать грошей Литовскихъ; солоду пшеничного третинниковъ чотыри; солоду ячменного третинниковъ шестъ; овса третинниковъ двадцать, который на торгу купуютъ по осми грошей Литовскихъ; проса третинниковъ пять; пшона полтретинника. У пивницы дей было: меду сычоного бочка, пива двѣ бочки, горилки бочка, въ которой дей было шестсотъ кварть. У въ оборе дей взяли: воловъ моихъ шесть, коровъ пять, свиней великихъ двадцать, вепровъ чотыри, подсвинковъ десеть, гусей тридцать, куръ пятьдесятъ, каплуновъ кормъныхъ

дванадцать,—то дей все есми былъ до Скуринецъ зъ другого именийцу моего, Коморовского, припровадилъ. И къ тому дей начине статокъ домовый, што одно потреба въ той домъ дей есми увесь былъ покупилъ, который дей мне коштовалъ осмъ копъ грошей Литовскихъ, то дей все его милость панъ Юрей Струсь и съ тыми помочниками своими въ дворе и въ дому моемъ, Скуринскомъ, моцно, кгвалтомъ, пограбилъ и къ рукамъ своимъ побралъ. И заразалъ дей моцно, кгвалтомъ, зобравши все село подданыхъ Скуринскихъ зо всимъ на все къ собе у громаду, бiючи и до везеня сажаючи, подданыхъ отъ мене и отъ малжонки моей отнемъши, и въ послушенство свое привернулъ двадцать и шесть служебъ людей тяглыхъ, Скуринскихъ, которые дей плугами своими власными орутъ и роботу на дворъ Скуринский робливали, дань грошевую и осыпъ збожье давать повинни были; а дванадцать загородниковъ, которые ку огородомъ своими и роли маютъ, къ тому млынъ о дву колахъ, съ которого на кождый тыждень вымеру приходило збожья вшелякого по чотыри третинники, мѣры Вѣницкое, и ставовъ три, на рецце Чапли, кгвалтовне у мене и у жоны моей отнялъ. А меновите подданые села Скуринскою, люди тяглые, (съ) которыхъ служба целая приходитъ: удову Скуриную съ трема сынами Ярошемъ, Романомъ и Вакулою и зо всею маетностю, которая дей стоитъ трохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Ждана Берендина зъ жоною, съ трема сынами, зъ двема дочками и зо всею маетностю, которая стоитъ пяти сотъ копъ грошей Литовскихъ; Лехна Конченка зъ двема сынами Андреемъ и Федоромъ и зо всею маетностю, которая стоитъ трохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Харка Баланденка зъ жоною, зъ сыномъ, зъ двема дочками и зо всею маетностю, которая стоитъ двохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Каленика и Федора Четвертненковъ зъ жонами и зъ детми и зо всею маетностю ихъ, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; Игната Скуренка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностю его, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; Чорнату (sic) Силенка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью, которая стоитъ пятдесятъ копъ грошей Литовскихъ; Васка Тонченка и Артема Паненка зъ жонами и зъ детми и зо всею маетностью ихъ,

которая стоитъ двохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Ивана Полторана зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью, которая стоитъ семи сотъ копъ грошей Литовскихъ; Протоса Полтороновича зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; Лехна Четвертню зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ трохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Бакума зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ трохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Мишка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностю, которая стоитъ трохъ сотъ копъ грошей Литовскихъ; Васка Коньченка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; Трухона Конченка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ сорока копъ грошей Литовскихъ; Протаса Баланденка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ тридцать копъ грошей Литовскихъ; Сахна Скуренка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью, которая стоитъ пятидесятъ копъ грошей Литовскихъ; Андрѣя Хоненка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ тридцати копъ грошей Литовскихъ; Ивана Козиру а Ивана Коваля зъ жонами и зъ детми и зо всею маетностью ихъ, которая стоитъ сорока копъ грошей Литовскихъ; Стецка а Гарасюка зъ жонами и зъ детми и зо всею маетностю ихъ, которая стоитъ осмидесятъ копъ грошей Литовскихъ; Ивана дяка зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностю его, которая стоитъ ста копъ грошей Литовскихъ; проскурницу удову зъ детми и зо всею маетностю ее, которая стоитъ пятидесятъ копъ грошей Литовскихъ; Кирила мельника зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностю его, которая стоитъ тридцати копъ грошей Литовскихъ; Наума зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его, которая стоитъ осмидесятъ копъ грошей Литовскихъ,—тые всѣ своими власными плугами орутъ. Огородники того села Скуринецъ: Федоръ Чорный зъ жоною и зъ детми и зо всею маетностью его; Андрей зъ жоною зъ детми и зо всею маетностью; Матяша зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностью; Марка, Хому и Макара зъ жонами, зъ детми и зо всею маетностью; Остапа, Ясюка, Курила, Стецка и Ивана зъ жо-

нами, зъ детми и зо всею маетностью; Параску вдову зъ детми и зо всею маетностью,—то все, яко ся звышъ поменило, его милость панъ Юрей Струсь, староста Браславскій, зъ уряду своего старостинского наехавши, тое имене, Скуринъцы, зъ людми, зъ кгрунты, зъ землями и зо всими пожитки, обыходы и границы, яко мне и жоне моей, водлугъ данины и привиля его королевское милости, за годные и поцтивые послуги мои зъ ласки господарской есть дано, съ того всего мене и жону мою зъ спокойного держанья и уживанья нашого кгвалтовне выбилъ и къ рукамъ своимъ, до староства своего, привернулъ; жону мою збилъ, зшаръпалъ и зранилъ; слугу моего на смерть забилъ и замордовалъ и тѣло его нѣтъ ведома где поделъ; пенези его королевское милости, поборовые, реестра и квиты и маетность мою всю, яко есть звышъ поменено, отъ велика до наменшое речи, кгвалтовне пограбилъ и побралъ. Яко жъ дей скоро по ономъ кгвалтовномъ выбитью, я тое кгвалтовное выбите свое суседомъ своимъ околичнымъ, людемъ зацнымъ, шляхте, оповедалъ; а потомъ дей есми десятого дня мѣсяца марца тую жалобу, достаточне на термине написавши, ку записованю до книгъ кгродскихъ, Браславскихъ, оповедаючи, посылалъ, которое жалобы, на термине написаное, и оповеданя моего оный урядъ ку ведомости своей приняти и до книгъ записати не хотѣлъ. А ижъ дей тое жалобы и оповеданья моего у Браславли не записано,—я дей, чинечи досыть праву посполитому, посломъ былъ посланца своего до Лятичова, до кгроду близшого, хотечи, ижъ бы тамъ тую жалобу и оповедане мое было записано; нижли, за росказанемъ его милости пана старосты Браславского, подстаростий Вѣницкий, панъ Кгорецкий, черезъ слугъ своихъ, которыхъ по дорозе позасажалъ, и оного посланца моего, не допущаючи до села Дешковецъ, на дорозе поймалъ, и тые справы, жалобы и рейстры шкодъ, потомъ былъ списавши послалъ, у того посланца моего отнялъ, и везде, чигаючи и стоечи на здорове мое, его милость панъ староста слугъ и помочниковъ своихъ по дорогахъ позасажалъ и понаправовалъ. Я, не будучи безпечонъ здоровя своего, зъ великою утратою своею, маючи при собе о колкодесятъ человека, оттуль се самъ зъ здоровемъ своимъ ледве выпровадилъ, которые мене провадили зъ великою

осторожностью зъ Немирова (до) Прилука, а съ Прилука до Пыкова. И просилъ панъ Северинъ Судимонтовичъ Кропивницкий, писаръ земъский воеводъства Браславского, самъ отъ себе и именемъ малжонки своей, паней Овдоти Копътевны, ижъ бы тая жалоба и оповедане ихъ сполечная до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записана была. Штомъ записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, 1582 г., № 2061, л. 225.

XLVIII.

Указъ короля Стефана Боторія о томъ, что-бы старосты Кременецкій, Владимірскій и Луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, вооруженною рукою произвели взысканіе съ Адама, Станислава, Мартина и Яна Лащовъ Стремелецкихъ для удовлетворенія князя Александра Пронскаго. 1582 г., іюня 9 дня.

Року 1583, месяца іюня 4 д.

Присылалъ на врядъ кгродскій, Луцъкий, до мене Станислава Петъровъского, подстаростего Луцкого, велъможный его милостъ панъ Александеръ Пронский, столникъ великого князства Литовского, староста Луцкий, листъ его королевъское милости подъ печатью коронъною, просячи, абы былъ до кънигъ кгродскихъ, Луцкихъ, вписанъ; которого я огледавши и вычитавши слово отъ слова, до книгъ кгродскихъ, Луцъкихъ, записати велилъ, и тотъ листъ короля его милости такъ ся въ собе маетъ: »Стефанъ, Божю милостью королъ Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Киевский, Волынъский, Ифланский, княжа Седмикгъродское и инныхъ. Велможнымъ и урожонымъ Янушу Збаразъскому, воеводе Брацлавскому, старосте Кремянецъкому и Пинскому, Костентину княжати Острозъкому, крайчому великого князъства Литовъского, старосте нашому Володимеръскому, уприйме верънe намъ милимъ, а въ небытности князя, воеводы Браславъского, въ Кремянъцы, а

княжати Костенътина у Володимери, врядомъ ихъ кгродскимъ, тамошнимъ, также и вряду кгродъскому, Луцкому, отъ велъможного князя Александра Пронского, столъника великого князъства Литовъского, старосты Луцкого, засажоному, ласку нашу королевъскую. Велъможные и урожоные уприйме и верьне намъ милые! Озънаймуемъ, ижъ кгды показано передъ нами отъ велъможного Александра Пронъского, столника великого князства Литовъского, старосты Луцкого, справу судовую, листъ декрету, позвы и ввесь поступокъ правый, такъ же листъ отвороный до насъ писанъ отъ вряду кгродъскаго, Луцъкого, што черезъ декрета помененого суду кгродского сказано естъ пану столънику увезанье въ кгрунъте его, прозываемое Сушкову Смугу и Меръвенъский, въ воеводъстве Волынъскомъ, въ повете Луцъкомъ, лежачие, зъ которихъ его урожоные Адамъ, Станиславъ, Мартинъ а Янъ Лащи Стримелецъкие зъ спокойного держанъя выбыли; также и на отправу сумы пинезей на тыхъ же кгрунтехъ, порядкомъ звычаемъ статуту права посполитого чиненого, за перъшимъ декретомъ возъному и шляхъте, зъ уряду посланому, одъ Лащовъ недопущоно, а за другимъ зъ рушенъемъ повету урожоному Станиславу Петровскому, подстаростему Луцкому, забороненому, то естъ: кгды урядъ тотъ, чинечи доситъ повинности своее, обославши листомъ врядовымъ шляхту повету Луцъкого, и, зъехавшися имъ часъ и местце певное, року теперъ идучого тисеча пятъсотъ осмъдесятъ второго, месяца февраля шостогонадцатъ дня, на тую справу, и зъ служебникомъ пана столниковымъ, Лукашомъ Циминъскимъ и некоторою шляхътою, ездылъ, и будучи у тыхъ кгрунтовъ помененыхъ, тамъ Янъ Лащъ зъ многимъ зобранъемъ людей, приятелъ, слугъ и подданыхъ стрия и брати своее Адама, Станислава, Марътина Лащовъ Стримелецъкихъ, въ той кгрунтъ, звышъ помененый, увязанъя не допустилъ и моцъно заборонилъ. Где жъ дей урядъ и возънымъ, шляхтою, до Яна Лаща посылалъ, ознаймуючи декретъ судовый противко іого, также стрия и брати его выданый, напоминаючи, абы ся звирхности нашое, врядовое, черезъ возного ничого дбаты не хотелъ, увязанъя не поступилъ, моцно заборонилъ (sic). За которимъ таковымъ упорънымъ спротивенъемъ праву и зверхности нашой, врядъ кгродский, Луцъкий, всю тую справу зъ посътупъкомъ, ку далъшому выконанъю

и учиненъю отправы, ведле права, до насъ отосълалъ; на которой то все справе, а на зозънанъю возныхъ и на листе, до насъ писаномъ, то все меновите и достаточъне описано естъ. Тогъды мы, въ тую справу вглянувши, и юй ся присмотревши, а таковую ведомостъ зъ уряду кгродского, Луцъкого, черезъ листъ отвороный маючи, и, хотечи то срокгостъю статуту права посполитого отправити, где пишетъ, ижъ листъ съ канцлерии нашое на пойманъе за горъло таковыхъ упорныхъ выдавши, и екъзекуция, въ речи осужоной, зъ рушенъемъ повету чинена быти маетъ,—листы, универсалы съ канцлерии нашое, коронъное, ведле того статуту, противъ Адама, Станислава, Маръгина а Яна Лащовъ Стримелецъкихъ, яко упоръныхъ, выдати есмо росказали. Про то хочемъ мети и приказуемъ вамъ заховали (sic), рушивъши всю шъляхту тыхъ поветовъ земли Волынское, юрисъдицию своихъ збройню, яко на войну, на пойманю за горло помененыхъ Лащъ, на учиненъе отправы, въ речи осужоной, ехали, того зъ належности своее попирамы, и такъ дали зъ ными самыми и въ отправе, речи осужоное, поступовано, и екзекуциа скутечная на добрахъ, подлугъ декрету суду кгродского, Луцкого, чинена быти маетъ, яко о томъ права посполитые, статутъ, ухвалы соймовые учатъ; а то бысте для ласки нашое и повинъности врядовъ своихъ иначей не чинили конечно. Писанъ въ Гродъне, дня девятого юня, року тисеча пятъсотъ осмъдесятъ второго, а кролеваня нашого року семого.

Книга Луцкая гродская, записовая, № 2062, годъ 1583, листъ 190.

XLIX.

Объявленіе слуги князя Марка Сокольскаго, пана Матыса Хорковскаго, о томъ, что крестьяне села Кобча, ночью, заперевъ его жену, дѣтей а также челядь дворовую въ коморахъ и избахъ, сожгли дворъ при чемъ сгорѣло его имущество, но семейство Хорковскаго и челядъ спаслись,—сами же крестьяне, въ числѣ пятнадцати семействъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ бѣжали. 1582 г., ноября 4 д.

Року Божого нароженя 1582, мѣсяца ноября 4 дня.

Пришедши передъ мене Фалелея Бережецкаго, будучи на местъцу пана Станислава Петровского, подстаростего Луцкого, шляхетъ-

ный Матысъ Хоръковский оповедалъ и жаловалъ тыми словы: што первей сего, въ небытности моее въ дому моемъ, жона моя, именемъ Маръя, будучи сфрасованою и перестрашена огнемъ, оповедала и плачъливе жаловала его милости, и тая жалоба отъ его велможной милости княжати Марка Солътановича Сокольского, пана моего милостивого, до вряду кгродского, Луцкого, неомешкана есть донесена. А такъ, вземши певную ведомость у жоны моее обо въсемъ шкоды моее немалое, которая ми стала отъ всихъ подданныхъ моихъ, Кобецкихъ, и отъ помочниковъ ихъ, суседовъ близскихъ, Рожищанъ: Жданца и Павъла, а меновите моихъ: отъ Мыхна Гречаника, отъ Стецка Бондаровича, зятя жоны Гречаниковой, отъ Ивана Седъня и Сенъка, братаничовъ Гречаниковыхъ, отъ Федка Шевка, кума Гречаникова, отъ Ивашка и Михна Ходоровичовъ, пасынковъ Гречаниковыхъ, отъ Хфедка Павловича Шепеля, отъ Сенка и Матфейца, сыновъ Шостаковыхъ,—тые дей вси съ паробки своими, зъ жонами зъ детьми своими, такъ тежъ зъ суседами своими Рожищаны: Жданцемъ Пинчукомъ и Павъломъ Куликомъ, бондаромъ, нарадившися зъ ними въ небытъности дей моей часу недавно прошлого, року теперъ идучого осмъдесятъ второго, мѣсяца окътебра семогонадцать дня, змовившися и набравшися рады и воли своее, и умыслу своего злого наполнивъшися, нагадавши, прочъ вси, презъ бытности мое, пришедши дей до двора моего, Кобезъкого, ночью, праве у перъвоспы, зъ середы на четъвергъ, и, заперши дей жону и дети мои у коморе и челядь мою у въ ызъбахъ, и заваливъши всехъ, дворъ и маетъность мою зо въсихъ сторонъ огънемъ запалили, хотечи дей, абы тамъ вси погорели, съ тыхъ причинъ, абы не было дати кимъ знати до двора его милости княжати, пану моему милостивому, для погони. Кгды жъ дей Богъ сотворитель нашъ зъ особливое ласки своее и съ презъреня своего святого,—съ того гуку огненого, великого, жона моя очутившися и, не ведаючи ни о чомъ ничого щого ся такий огонъ великий взялъ, порвавъшися зо страху великого, зъ дверей заледво ся добыла, а тамъ детокъ своихъ отбегъла, кричачи на сельце ратунку,—ино не было никого. За тымъ дей челядь очутивъшися выбегъла, а вжо огонь обгорнулъ великий кругомъ весь верхъ, бо дей хоромы вси соломою покрытые были А такъ вжды, за помочю Божою, сама жона

и съ челедю деточки мои заледво выратовали, але до маетности своее жаднымъ обычаемъ прийти не могъла,—не было съ кимъ ратовати. Што дей одно было ринштунку моего: зброи, седла, серебра, золота, шаты, гроши, котлы, горъщки меденые, пановки, ручницы и иншихъ речей, вшелякое живности—муки ржаные, пшеничъные а грецкие, крупы ячные, пшона, проса, горохи, полъти мяса, сала, сыри, масла, сукъна простые и полотна, отъ мала до многа, што дочиста—все погорело. А такъ дей на томъ шкодую яко на пятьсотъ копъ грошей Литовскихъ. А тыхъ дей мужиковъ моихъ было парсунъ ихъ самыхъ през пятнадцать, а зъ жонами и зъ детьми ихъ колкодесятъ душъ, што зобравшися дей зо всимъ жытломъ своимъ, и зо въсею маетностю, и зо въсимъ статкомъ своимъ, оставивши дей селце тое, Кобъче, спустошивши именичъко мое, учинивши пусто, и загорнувъши дей часть моего статку межи свое, прилучивши кони, волы, коровы, бычки, овцы, и побравши дей возы мои властные, зо всимъ тымъ прочъ втекли. И коли дей шли черезъ Рожища на местечко Рожищъское, тогды войта Рожыщъского, Яна Топичовского, и мытника Омельяна а Яцка коновала, Олексу бондара, Иванъка Толстику, Стася, Панка, Васка, Сенка, Володимеръца, просили сами такъ черезъ Жданца Пинчука и Павъла Кулика, абы ихъ черезъ мостъ Рожищъский перепустилъ; то пакъ дей панъ войтъ Рожищъский, Янъ Топичовъский, съ тыми всими мещаны Рожищъскими, вышей помененымы и зъ иншими, самъ особою своею, вземъши отъ нихъ подарки и поклоны, тыхъ всихъ збеговъ моихъ пропустили, и черезъ мостъ свой, Рожищъский, провадили, и въ дорогу сами милю або две пропровожали. А такъ дей я тое спалене двора и маетъности своее ни отъ кого иншого не маю и шкоды не поношу не толко отъ тыхъ збеговъ моихъ, поддаными Кобецъкихъ, але и отъ помочниковъ ихъ, звышъ помененыхъ, которые ихъ ночью през Рожища пропустили и пропроважали въ дорогу. Якожъ я на огледане шкодъ первей ему возного повету Луцкого придалъ Матфея Витвинъского, который тамъ бывъшы и всего того спаленя и шкодъ огледавши, припедши передъ мене, очевисто постановивписе, того жъ дня четъвертого ноября, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, тотъ возный, Матфей Витвинский, ку записаню, тыми словы созналъ: иж дей я року теперъ идучого осмъдесятъ второго, мѣсяца

октебра двадцеть третего дня, будучи я съ уряду приданымъ и, маючи дей я при собе двохъ шляхътичовъ Адама Закревъского а Яна Несоведъкого, былъ есми на справе у служебника князя Марька Сокольского, пана Матыса Хорковского, въ именичку его, Кобъчи,—тамъ же—съ ми видълъ дворъ его, все будованье попалено, то есть: светлицу, пекарню, коморъ две, стайню; на которой пожезе двора его видели есми: панцеровъ згорелыхъ три, шишакъ одинъ, прилбицъ три, стременъ отъ седелъ турецъкихъ паръ три, ручъницъ три, рогатинъ две, пановокъ две, рукавицъ панъцерныхъ паръ три, острогъ гусаръскихъ паръ три, горъщъковъ мидяныхъ три, котловъ два, шабель пять, биндасовъ два, пилъ две, свердъловъ два, иншихъ речей железныхъ, дробныхъ, немало, замки, косы, грошей готовыхъ, съ попелу выгребеныхъ, колко копъ, а селце тое, Кобъче, все пустое. А такъ я тое оповедане пана Матыса Хорковского и сознанье возного до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, 1582 г., № 2061, л. 1143.

L.

Закладная отъ князя Юрія Чорторыйскаго пану Валентію Понятовскому и женѣ его, Марынѣ, на имѣніе Дѣковъ. 1583 г., апрѣля 5 д.

Року 1583, месяца апреля 6 дня.

Передо мною Александромъ Пронскимъ, столникомъ великого кнезства Литовского, старостою Луцкимъ, постановившисе обличне на вряде въ замку господарскомъ, Луцкомъ, его милость князъ Юрей Ивановичъ Чорторыский, доброволне вызналъ, водлугъ листу запису своего, который отъ себе, подъ печатми людей добрыхъ, пану Валентому Понятовскому и малжонце его милости, панее Марине Тишкевичовне Зверовне, на суму пенезей тисечу копъ грошей Ли-

товскихъ, которую въ нихъ зошлы братъ его милости, князь Иванъ Чорторыский, былъ позычилъ, и на заставу въ той менованой суме пенезей именя его милости, Дякова, зо всими пожитками, далъ, и тотъ листъ записный, положивши передо мною, просилъ, абы вычитанъ и въкниги справъ судовыхъ кгродскихъ, Луцкихъ, уписанъ былъ. Которого я огледавши и, для вписованя до книгъ примуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ ся въ собе маеть: Я Юрей Ивановичъ Чорторыский вызнаваю и явно чиню тымъ моимъ листомъ всимъ посполите зособна, кому будетъ потреба того ведати, албо чтучи его слышети, нинешнимъ и на потомъ будучимъ,— ижъ што возъеханю моемъ до чужихъ сторонъ, братъ мой, небожчикъ князъ Ивановичъ Чорторыский, и малжонка его милости, княжна Ева Бурки Лабовна, позычили у его милости пана Валентого Понятовского и малжонки его милости, панее Марины Тишкевичовны Зверовны, готовыхъ рукоданыхъ певную суму пенезей тисечу копъ грошей монеты и личбы Литовское; а въ той суме пенезей заставили были имене, местечко Белевъ, рокомъ певнымъ, почавши отъ дня светего Петра въ году прошломъ тисеча пятъсотъ осмъдесятомъ, месяца июня двадцать девятого дня, на двѣ лете рокъ отъ року, ажъ до выкупена,—яко то все меновите а достаточне на листе записе ихъ милости есть описано и варовано; за которымъ правомъ панъ Понятовский зъ малжонкою своею оного всего именя моего, местечка Белева, въ спокойномъ держаню и уживаню ажъ до року нинешнего, тисеча пятъсотъ осмъдесятъ третего, были. А такъ я, приехавши зъ Влохъ, видячи то быти зъ шкодою и убличенемъ права своего прирожоного, же набожчикъ панъ братъ мой, князъ Иванъ Чорторыский, безъ ведомости и позволеня моего то былъ учинилъ, и тое имене наше сполное, отчизное, не розделное въ той суме завелъ, тогды есмо, за радою пановъ приятелей своихъ, за правомъ своимъ прирожонымъ, въ половицу помененого имена, местечка Белова, въехалъ и въ моцъ свою зъ держаня пана Понятовского и малжонки его милости взялъ, а отъ пана Понятовского и малжонки его милости то до права позванъ былъ. Одно жъ, за вложенемъ ся въ то межи насъ сполныхъ пановъ приятелей нашихъ, не вдаючися въ право, такъ есмо то межи собою застановили

и помирковали: ижъ на тую суму пенезей тисечу копъ грошей Литовскихъ, которую его милость панъ Понятовский и малжонка его на местечку Белеве, за записомъ пана брата моего, мели, на ймене мое власное, ни чимъ ни кому не заведеное а ни пенное, Дѣковъ, которое такъ же отъ того жъ пана брата моего заведены были, а я его власными пенезми своими окупилъ и освободилъ, перенесъ есмо и симъ листомъ, доброволнымъ записомъ моимъ, переношу, и оное имене мое, Дековъ, заразъ въ моцъ, въ держане, и спокойное вживане ихъ милости поступую зо всимъ, яко ся тое имене само въ собе, въ границахъ и обыходехъ своихъ, здавна мело и теперъ маетъ, зъ деромъ (sic), зо всими грунты, зъ пигвомъ (sic), зъ млыномъ, зъ вымелкомъ, зъ бояры, съ полми, зъ людми тяглыми и зъ огородники и зъ огородами, ихъ роботами, зъ сады, зъ сеножатьми, а меновите и съ тыми сеножатми на тсену (sic) Белевскомъ, зъ дубровами, зъ пустами, зъ гаемъ, деревомъ бортнымъ, съ корчмою, съ чыншами и зъ данми всякими, зъ винами, пересуды, и тежъ зъ уездомъ волнымъ въ боры, дубровы, требу (sic) именя Дѣковского..... сторону, и зо всими зъгола пожитками и належностями, ничого на собе не зоставуючи, на три лѣта зуполныхъ по собе идучіе, который рокъ початися маетъ близко пришлого дня первшого понеделка, по велицемъ дни, въ року теперешнемъ, тисеча пятьсотъ осмъдесять третемъ, месяца апреля первогонадцать дна, а кончитись маютъ чрезъ три лети, въ року пришломъ, тисеча пятьсотъ осмъдесять шостомъ. Къ тому, зъ именя моего, местечка Белевского, зо всихъ людей, яко то они здавна звыкли на кождый рокъ, поколь то панъ Понятовский и малжонка его Дековъ держати будуть, две токи на жниво до Дѣкова давати маю на тотъ часъ, коли того панъ Понятовский, або врадникъ его, Дѣковский, потребовати будетъ. А если бы ся людей огурили, абы который бы колвекъ чоловекъ зъ нихъ улечы хотѣлъ, а на жниво не пошолъ, теды войтъ мой, Белевский, заразомъ листы такихъ людей моихъ, Белевскихъ, каждого за кожды день пограбити такъ, яко бы за два гроши Литовскихъ стояло, и пану Понятовскому, албо врадніку его, Дѣковскому, тотъ грабежъ отдати, поколы або отожнуть, або двома грошми за кожды день гребежъ выкупить. А коли придуть на

жниво, теды панъ Понятовский иншое роботы ими робити не маетъ, если бы жати чого не было. Которого именя, вышей помененого Дѣкова, я самъ и потомки жаднымъ способомъ безъ року скуповати не маю и мочи не буду; але они и потомкове ихъ мають тое имене спокойне держати и уживати до року вышей назначоного. А если быхъ на тотъ рокъ, выше выражоный, по выштью трехъ летъ, оного не выкупилъ, тогды именя отъ его милости пана Понятовского и малъжонки его и потомковъ ихъ не выкупилъ (sic), тогды вжо ихъ милость не до трехъ летъ, але до одного году, то есть отъ часу вышей назначоного, и такъ рокъ отъ року, ажъ до выкупеня, то держати и такъ же спокойне уживати мають. А которого року схочу имене окупити, тогды передъ тымъ рокомъ, за осмъ недель, пану Понятовскому и малжонце его милости, албо потомкомъ ихъ, о выкупене для вырумованя маю дати знати. Которого именя ихъ милость зо всими тыми жъ поддаными моими выпровадитися, а тое имене, зъ засевкомъ и зъ людми, которыи колвекъ въ немъ зостануть, поступити мають, взявши отъ мене вси пенези свои сполна тисячу копъ грошей на вряде кгродскомъ, Луцкомъ, на скончено року отъстатнего дня, которые я и потомки мои до рукъ ихъ милости и потомковъ ихъ отдати будемъ повинни, толко зъ двора и зъ именя ни которого будованя и халупъ на сторону не вывозить, ставу, который межи Дѣкова и Голышова—по половицы, водле давного звычаю, уживати, имене: который одъ Декова—къ Дѣкову, а который одъ Голышова—къ Голышову, уживати и греблю по половицы направовати. А где бы въ томъ часе, поколь панъ Понятовский и малжонка его милости то держати будутъ, въ ономъ именю, Дѣкове, уховай Боже, якого колвекъ спустошенье въ розештью подъданыхъ изъ якихъ колвекъ причинъ стало, тогды при выкупене и по выкупене того именя на пану Понятовскомъ и малжонце его милости, и на потомкахъ ихъ, жадныхъ шкодъ поискивати, а ни пенезей на вряде ни зъ якихъ причинъ арестовати мочи не будемъ,—одно, одавши сполна, водле сего запису моего, тисячу копъ грошей Литовскихъ, пенезми готовыми, съ тымъ съ чимъ мне оное имене поступятъ, взяти будемъ повинны. А особливе то варую, если бы самъ, албо помененая пани Браловая, такъ же дети,

потомки небожчика князя Ивана, брата моего, и тежъ зъ сестръ, приятелей, повиныхъ моихъ, албо хто жъ колвекъ зъ стороны якую переказу и шкоду въ держаню и уживаню ихъ милости, такъ же и въ пожиткахъ того именя чинилъ, до права позывалъ, у трудность задавалъ, тогды панъ Понятовский о каждой таковой трудности маетъ мне ознамити, а если бы позовъ былъ, тогды его домене одослати маеть; а я самъ и потомки мои, за таковымъ ознайменемъ ихъ, маемъ, повинни будемъ отъ вшелякихъ трудности, шкоды и переказы, пана Понятовского и малжонку его милости, и потомковъ ихъ, своимъ властнымъ коштомъ и накладомъ боронити, и у каждого права заступовати, такъ яко бы ихъ милосты съ потомками своимъ на мней николи ни въ чомъ жадное шкоды не поносили. Где бы тежъ который зъ бояръ тамошнихъ, Дѣковскихъ, службы и повинности звыклое, на которой седять, пану Понятовскому, его малжонце и потомкомъ ихъ, яко мне, полнити не хотели, тогды волно будетъ ихъ милости каждого такового стану того именя, Дякова, зъ кгрунту прочь выслати, а тотъ бояринъ маетъ все тое будоване, въ которомъ мешкалъ, тамъ зоставивши, толко засевокъ рочный собе взяти, а оттоль ити. А если бы я самъ, такъже и потомки мои, не отдавши пану Понятовскому и малжонце его милости, або потомкомъ ихъ, тое вышей помененое сумы пенезей, оное имене, Дѣковъ, зъ рукъ и владности ихъ милости взяли, до права позывали и трудность задавали, албо якую колвекъ переказу чинили, такъ же отъ тыхъ всихъ, которые бы, яко—ся вышей поменило, трудность якую пану Понятовскому задавали, у права не заступовали и не боронили, и чимъ колвекъ и колко кроть сесь записъ мой нарушили и зъ него выступили, толко кроть повинни будемъ заплатити заруки его милости, пану Понятовскому, малжонце его милости, або потомкомъ ихъ милости, тисечу конъ грошей Литовскихъ, а на урядъ тотъ, до которого быхмо о то позвани были, пятсотъ конъ грошей Литовскихъ, и вси шкоды и наклады, кромъ доводу и присеги, толко на голосъ речене слова пана Понятовского, малжонки его милости, потомковъ, або умоцованого ихъ, нагородити, заплатити и досить учинити; а заплативши тые заруки, шкоды и наклады нагородивши, предъ—ся сесь за-

писъ мой во всемъ, въ кождого права, въ моцы своей заховань и держанъ быти маетъ. О которые вси речи, и о кождую зособна, где бы ся тому всему, водле сего опису моего, въ чомъ досыть не деяло, волно будетъ пану Понятовскому, малжонце его милости и потомкомъ ихъ, мене самого и потомковъ моихъ до суду передъ его королевскую милость, и до которого колвекъ повету вряду и права, рокомъ завитымъ позвати,—тогды я и потомки мои на першомъ року, яко на завитомъ, маемъ и повинни будемъ, не вымовляючися службою короля его милости и земскою, соймомъ, повѣтремъ, поссольствомъ, хоробою, болшою справою, илимитацыею, и ни которыми всими иншими причинами, правными и неправными, стати, а не борачи ничимъ року и позву неналежность, а не зополность суду, яко на року завитомъ, усправедливитися, и тому всему, яко колвекъ декретъ врядовый на мене выдетъ, подлечы и досыть чинити будемъ повинни, по киль бы при животѣ и по животѣ моемъ тое имене, Дѣково, черезъ право первшое, або послѣднешее, декретомъ и яко жъ колвекъ отъ пана Понятовского, малжонки его и потомковъ ихъ, одышло,—тогды пану Понятовскому и малжонце его, и потомкомъ ихъ, все право, которое на Белевъ отъ небожчика пана брата мели, вцеле, зо всими варунками, зостати маетъ. А хотя жъ тотъ листъ записъ брата моего, головный, панъ Понятовский, подписавши рукою своею власною, вернулъ, ведже, вземши выписъ, зъ уписанемъ листу пана брата моего, съ книгъ земъскихъ и кгродскихъ, Луцкихъ, волно будетъ пану Понятовскому самому, малжонце его милости и потомкомъ ихъ, не позываючи мене о то до права зъ вознымъ повитовимъ, доброволне уехати и увезатися во имене мое, Белевъ, и во вси пожитки, къ нему належачие; съ которого увезаня я самъ и нихто инший боронити, и по увязаню ни которое переказы чинити не маю и мочи не буду, подъ заруками, вышей описаными. А где бы въ томъ часе трапится служба господарскя земская, военная, тогды я самъ властнымъ коштомъ своимъ съ того именя, Дѣкова, служити и заступовати маю и повиненъ буду. И къ тому тежъ, если бы въ томъ часе пану Понятовскому и молжонце его милости, або потомкамъ ихъ, была потреба пенезей, тогды будетъ волно ихъ милости тое имене мое, Дѣково, въ такой суме пенезей, на таковый же рокъ, яко опись мой

. . . . . застановити; противъ которого, на кого отъ ихъ милости тое право влито будетъ, во всемъ, подлугъ сего опису моего и варунковъ, въ немъ описаныхъ, будемъ. И на томъ далъ его милости пану Валентому Понятовскому и паней малжонце его милости, пречоной, и потомкомъ ихъ, сесь мой листъ, зъ моею печатю и съ подписомъ власное руки моее. А при томъ были и того добре суть вѣдоми, а за устною и очевистою прозбою моею печати свои къ сему моему листу приложити рачили панове а приятели мои, ихъ милость: князъ Яхимъ Корецкий, воеводичъ Волынский, панъ Григорей Гулевичъ, хоружий земли Волынское, панъ Иванъ Шпаковский, панъ Даниель Палуцкий. Писанъ въ Луцку, лѣта Божого нароженя тисеча пятьсотъ осмъдесять третего, месяца априля пятого дня. Юрей Чорторыский, власною рукою. А такъ я тотъ листъ записъ его милости князя Юрея Чорторыского, за прозбою его милости, слово въ слово, съ початку ажъ до конца, до книгъ справъ судовыхъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая, 1583 года, № 2062, листъ 165 на оборотѣ.

LI.

Указъ короля Стефана Баторія о томъ, чтобы старосты Кременецкій, Владимірскій и Луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, двинулись въ имѣніе князя Михаила Жаславскаго и вооруженную руку произвели взысканіе съ него для удовлетворенія пана Яна Комницкаго и жены его, Екатерины, у которыхъ Жаславскій отнялъ имѣніе Оженино, и кромѣ того, когда, вслѣдствіе невыполненія судебнаго приговора объ удовлетвореніи Комницкихъ, двинулась, вмѣстѣ съ Луцкимъ намѣстникомъ, повѣтовая шляхта, то Жаславскій выстрѣлами отразилъ ее. 1583 г., іюня 20 дня.

Року 1583, месяца августа 12 дня.

Передо мною Александромъ Пронскимъ, столникомъ великого князства Литовского, старостою Луцкимъ, ставши очевисто урожоный панъ Янъ Комъницкий, покладавъ передо мною листъ его королевское милости до трехъ старостъ и урядовъ: Луцкого, Воло-

димерскаго и Кремянецкого писанный, которого я читать казалъ и такъ се въ собе маетъ: »Стефанъ, Божою милостью королъ Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомойтский, Ифлянтский, княжа Седмигродское и иныхъ. Вельможнымъ: Янушу княжати Збаразскому, воеводе Браславскому, старосте Кремянецкому и Пинскому, Костентину княжати Острозскому, крайчому нашому великого князства Литовского, старосте Володимерскому, Александру Пронскому, столнику нашому великого князства Литовского, старосте Луцкому, уприйме и верне намъ милымъ, ласку нашу королевскую, а въ небытности въ земли Волынской, въ помененыхъ староствахъ, ихъ врядникомъ. Уприйме и верне намъ милые! Ознаймуемъ вашимъ верностямъ, ижъ тыхъ часовъ верность твоя, пану столнику, далъ намъ знать листомъ своимъ, што за переводомъ права отъ шляхетного Яна Комницкого и жоны его, Катерины Сенутянки, противъ князя Михайла Жаславского, о выбите ихъ зъ спокойного держанья, именя Оженина, которое у нихъ, за записомъ того князя Жаславского, въ певной суме пенезей въ заставе было, сказана есть, черезъ декрета суду кгродского, Луцкого, на менованомъ князю Михайлу Жаславскомъ, за оное выбите, Комницкому и жоне его певная сума пенезей, то есть всего сумою полъшоснадцать тисечи копъ, двести копъ и грошей двадцать Литовскихъ, а на насъ—полъ семи тисечи копъ и грошей двадцать Литовскихъ; которая вся сума, водле права посполитого, до выконаня экзекуцый, зъ рушеньемъ повету, на добрахъ именехъ его присужона; за которымъ дей то переводомъ, панъ столникъ, обославши шляхту повету Луцкого, и, назначивши месце и часъ ку збираню, ижъ самъ на тотъ часъ прибыти не могъ, на месце свое, врядовое, зъ шляхтою наместника своего, Луцкого, Фалелия Бережецъкого, на отправу тое всее суммы до князя Михайла Жаславского, именье его Верхова и Оженина, посылавъ. Але дей князъ Жаславский, не дбаючи ничого на срокгость права посполитого и зверхность нашу, такъ тое сумы пенезей, черезъ декрета сказаное, не заплатилъ, яко и въвязанья въ менованые именя свои не поступилъ, а, стреляючи зъ гаковницъ и зъ ручницъ, моцно заборонилъ; за чимъ, яко спротивникъ, до насъ отосланъ есть. Яко жъ теперъ, тутъ будучи и сто-

рона поводовая, Янъ Комницкий, записъ князя Михайла Жаславъского на заставу Оженина показывалъ, а выписами врядовыми выбитя своего спокойного съ того именья и у весъ тотъ переводъ права, декретами суду кгродского, Луцкого,—однимъ, ижъ на першомъ року тое именье и шкоды, за не станьемъ Жаславъского, ему и жоне его сутъ присужоны, а другимъ, кгды за тою сказнью князь Жаславский увязанья возному не поступилъ, и, будучи припозванъ, также на рокъ не сталъ, присуженье заруки (sic), зачимъ рушене повету было, которому спротивенья отъ того жъ князя Жаславского выписомъ съ книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, сознаньемъ возного, доводилъ,—где на томъ поступку правномъ вся тая справа меновите а ширей естъ описана. А такъ мы, маючи о той справе таковую ведомостъ и писанье отъ уряду нашого староства Луцкого, и, хотечи то срокгостю статуту права посполитого отправити, где пишетъ, ижъ листы съ канцлерии нашое на пойманье таковыхъ упорныхъ выдаваны, а речи осужоные на йменьяхъ ихъ, зъ рушеньемъ повету, моцно отправованы быти маютъ, о чомъ есмо листы, универсалы наши противъ князя Михайла Жаславского выдати росказали. Про то хочемъ мѣти и приказуемъ вамъ, абысте ваши верности, водле обычаю права посполитого и статуту, въ томъ се заховали, а за тыми листы, универсалы нашими, рушивши всю шляхту земли Волынское, повѣтовъ: Кремянецкого, Володимерского и Луцкого, юрисдыцие своее збройно ехали, яко на войну, князя Михайла Жаславского имали и отправу на добрахъ его, въ речи осужоной, чинили; а то все въ скутокъ свой, ажъ до конца, яко вамъ належитъ, приводили, и такъ далей въ томъ всемъ поступовано быти маетъ, яко право посполитое учитъ,—того абисьте иначей не чинили для ласки нашое, королевское и подъ винами, въ праве посполитомъ, противъ недбалымъ урядникомъ нашимъ, описаными, конечно. Писанъ у Кракове, дня двадцатого месяца июня, року тисеча пятьсотъ осмдесятъ третего, а кролеванья нашого року осмого«. И просилъ панъ Янъ Комницкий, абы тотъ листъ его королевское милости до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записанъ былъ. Што-мъ я, выслухавши слово отъ слова, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая, 1583 года, № 2062, листъ 261 на оборотѣ.

LII.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о нападеніи на жолнѣровъ, сдѣланномъ урядникомъ мѣстечка Березнаго, Парѳеномъ Новоселецкимъ, священникомъ Березнинскимъ, Григоріемъ, а равно крестьянами мѣстечка Березнаго и села Холоповъ, при чемъ оказалось, что одинъ изъ жолнѣровъ былъ убитъ, а нѣсколько слугъ были изранены. 1584 г., марта 15 д.

Року 1584, месяца марца 15 дня.

Пришедши передъ мене Стефана Кнегининского, будучого на местцу подстаростего Луцкого, возный повету Луцкого, Фронцъ Бромѣръский, ку записованю до книгъ кгродскихъ тыми словы созналъ: ижъ будучи мне приданымъ зъ уряду кгродского, Луцкого, на справу пану Стефану Старскому, ротмистрови его королевское милости, поручникови и товаришомъ его, то естъ на огледане слугъ побитыхъ, пораненыхъ, постреляныхъ, такъ тежъ и коней постреляныхъ,—яко жъ я дня оногъдашънего месяца марца 13 дня, року теперъ идучого 1584, маючи при собе двохъ шляхтичовъ, былъ есми во йменю ее милости панее Ярофиевой Чоскѣ, у местечку ее въ Крупой; тамъ же панъ Филипъ Русецкий, поручникъ его милости пана Стефана Старейского, ротмистра его королевское милости, посполъ съ товарищами своими всѣми, мне возному и шляхте, при мне будучой, оповедалъ тыми словы: ижъ року теперъ идучого 1584, маючи мы приставство у князя Андрея Головни Острожецкого и у пана Анъдрея Халецкого, суди земского, Речицкого, въ ийменяхъ и селахъ ихъ, то естъ у пана Анъдрея Халецкого, въ ийменю его—въ Холопахъ, то такъ, коли товариши наши приехали до йменя князя Головъни Острожецкого, местечка Березней, тамъ же, збунтовавшися подданые князя Анъдрея Головни Острожецкого, зъ властного росказаня его, врядникъ Березненский, на ймя Парфенъ Новоселецкий и зъ Григоръемъ попомъ, зъ Лазаромъ Фодоровичомъ старцемъ и Елътухомъ Козакомъ, арандаромъ, заволавши кгвалту на вси подданые пана сво-

его и на помочники свои, товариша нашого, шляхтича учтивого, спокойного, отъ нихъ убезпечного, нашедши на господу, моцно, кгвалтомъ, оного товариша нашого, пана Яна Рокгалинскаго, спячого у господе, добывши, збивъши, зморъдовавши, зранивши, устрелявши, ледьве живого тотъ верху помененый врядникъ, Парфенъ Новоселецкий, Григорей попъ, Лазаръ старецъ и Елътухъ, арандаръ, узявъши его збитого, зморъдованого зъ господы, и, приведши до реки Случи, утопили, и при немъ што нашли—усе побрали, погърабили,— што ширей на томъ оповеданю князя Головни описано и доложоно естъ. Маючи мне и възявши певную ведомостъ о забитю и заморъдованю товарища нашого, небожчика пана Яна Рокгалинского, которого врядникъ князя Анъдрея Головни Острожецкого, Березненский, на ймя Парфенъ Новоселецкий, съ попомъ Березненскимъ, на ймѣ Григоремъ и Лазаромъ Федоровичомъ въ ийменю пана своего, въ местечку Березно, кгъвалтовне а умыслне забилъ, замордовалъ и у реку у Случу утопилъ, поехали были килка товаришовъ до ймения князя Головнина, местечка Березное, для выведованя певнешого около оного забийства и замордованья того товарища своего, небожъчика Яна Рокгалинского и для отысканя тела небожъчиковского. Ино скоро дей есмь приехали до ймения пана Анъдрея Халецкого, Холопъ, то пакъ старецъ Холопский, Луцъ Василевичъ, маючи власное росказанье пана своего, закликавши и заволавши кгвалту на подданые пана своего, Холопъские, и на инъшие и околечные села и суседы свое, которые одъ нихъ неподалеку мешкаютъ, на помочниковъ своихъ, то естъ: на врядника Березецкого, на ймя Парфена Новоселецкого, на попа, на ймя Григоря, на Лазаря Федоровича, старца, на Елътуха Козака, арандара, на всихъ подданыхъ Березненскихъ, за которымъ кгвалтовнымъ заволанъемъ его, заразомъ о килка сотъ человека зъ ручницами, зъ луками, зъ рогатинами и зъ иншими бронями, войне належачими, зобралисъ и, заступивши онымъ товаришомъ нашимъ, въ селе Холопахъ, на доброволной дорозе, зъ ручницъ и зъ луковъ на оные товариши наши и пахолъки, такъ же и кони ихъ, и до Березно имъ черезъ село Холопы ехатъ не допустили. За которымъ кгвалътовнимъ недопущенъемъ, ажъ се опые товариши наши мусели назадъ вернути. При которомъ кгвалте, шкоды се намъ стали и по-

ранене, постреляне пахолковъ. На первей показовалъ передо мною и при мъне будучой шляхте панъ поручникъ: виделъ есми пахолка, пана Станислава Ваковеского, постреленого, на йме Анъдрея Госицкого,— въ перъси впала пуля подъ правую паху; у того жъ виделемъ рану постреленую въ руку правую, а у пахолка пана Станислава Кгвноинского, Войтеха Водуского, виделъ есми подле уха правого зъ луку пострелено; пану Яну Виковскому виделъ есми коня белого застрелили, который заразъ здохъ, за которого далъ двадцатъ золотыхъ Полскихъ; тамъ же показовалъ панъ Янъ Речицкий коня гнедого постреленого, виделъ есми въ левую ногу переднюю, за которого далъ семъдесятъ золотыхъ Полскихъ. И поведилъ ми тежъ панъ поручникъ, ижъ естъ тутъ подданый пана Халецкого, которого, коли позвали, зознался добровольне подданый пана Холецкого, зъ Холоповъ, на йме Анътонъ Лукашовичъ, безъ примушеня вшелякого, ижъ кгды жолнире приехали до Березней, тогды обецали были стацию дати и мовили: рачте ваша милостъ оставитъ одного албо килка,—толко на ихъ слово оставили панове осми; тамъ кгды другие одехали, они по тыхъ и почали до нихъ стреляти. Потымъ, кгды попъ реклъ небожчику пану Рокгалинскому: же ся не бой, едъ самъ до мене,—онъ не уфалъ ему; попъ поведилъ: ижъ се на мое слова ваша милостъ спусти; онъ, кгды до него хотелъ приехати, и приежчалъ. Потомъ хлопъ съ плота пострелилъ его,—онъ спалъ съ коня, и порвали его, и вволокли на плотъ и накрили соломою. Потомъ, кгды одехали жолнере, они его вволокли до избы, до пуски, и тамъ его обрали зо всего што на немъ было. И посылалъ урядникъ зъ Березное до Холопъ, именя пана Халецкого, же бы на помочъ были, же бы стациѣ недавати, просечи старца; тамъ насъ послалъ старецъ, же быхмо шли,—и шли есмо. Которое жъ я сознане возного до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2066, годъ 1584, листъ 192 на оборотъ.

LIII.

Жалоба хорунжаго земли Кіевской, Григорія Бутовича, на судича земскаго Кіевскаго, Матвѣя Немирича, о томъ, что Немиричъ, собравъ своихъ слугъ и крестьянъ изъ имѣнія Чернеховскаго, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, съ двумя гаковницами, наѣхалъ ночью на имѣніе жены жалобщика, мѣстечко Топорище, въ которомъ сжегъ фольварки и гумна, причемъ многіе крестьяне были убиты, одному крестьянину отрублены руки, имѣніе же было ограблено. 1584 г., сентября 16 дня.

Року 1584, месяца сентября 16 дня.

Писалъ и присылалъ до замку господарского, Житомерского, до мене Миколая Каменского, подстаростего Житомерского, отъ его милости пана Семена Дениска Матфеевского уставленого, земенинъ господарский, повету воеводства Киевского, панъ Григорий Бутовичъ, хоружичъ земли Киевское, жалуючи и оповедаючи самъ отъ себе, и именемъ малжонки своее, панее Евьвы Раевны, о томъ, ижъ дей року теперъ идучого тисеча пятъсотъ осмъдесятъ четвертого, месяца сентября, съ поправы календара римского, пятогонадцатъ дня, панъ Матфей Немеричъ, судичъ земъский, Киевский, самъ особою своею, зъ многими слугами и помочпиками своими и зъ подданными Чернеховскими, и зъ зо всею волостю, зъ дели, зъ гаковницами и зъ ручницами, и зъ иншею многою стрелбою и оружемъ, войне належачой, конно и збройно, не смотречи на пана Бога всехъмогущаго и на зверхъность правную, наехавши моцно, квалтомъ, на имене жоны моее, на местечко Топорища, ночнымъ обычаемъ, зъ суботы на неделю, зъ делъ, зъ гаковницъ стреляли, обложивши вколо место, фолварки, гумна такъ панее малжонки моее, такъ и подданыхъ, попалили и попустошили,—подданыхъ Топоринскихъ на смерть позабивали, помордовали, а иншихъ поймали и тыхъ, позабиваныхъ, тѣла зъ собою побрали, а меновите то естъ Микиту и Ивана; а никоторыхъ, поймавши на поли, то естъ Павла Гречапика поймавши, руки ему пообтиналъ, а другого, Грицка Боржка, пой-

мавши, поставивши на поли, до него зъ гаковницъ и зъ дела стрелялъ и иншые мордерства незносные чинилъ, и шкоды не малые, то естъ маетность и статки, которые были передъ местомъ у фолваркѣ, въ гумнехъ и на поли, такъ речи рухомые, яко и збоже, кони и быдло, рогатое и не рогатое, малое и великое,—то дей все побралъ, попалилъ, попустошилъ, яко одни татары побурили. А меновите то естъ: на передъ, прибегши до дворца, маетность мою, то естъ быдло рогатое и не рогатое, зъ дворца побрали, то естъ напередъ: воловъ двадцатъ чотыри, кождый купленъ копъ по две и полъ копы грошей, дойныхъ коровъ тридцатъ пять, кождая куплена по две копе грошей, телятъ тридцатъ пятъ, яловицъ пятнадцать, кождая коштовала по полторы копы грошей, озимковъ десятъ, быковъ неуковъ дванадцатъ, овецъ триста, барановъ осмдесятъ, свиней сто, вепровъ кормныхъ тридцатъ, некормныхъ вепровъ семдесятъ, поросятъ шестъдесятъ, гуси, куры, — тое все побили: гусей сто, куръ полтораста, сыровъ копъ сорокъ, масла цебриковъ сорокъ. А кгды дей тое побравши, зъ оного дворца выгнавши быдло, и тые сыры яко и масло, складши на возы, отвезши отъ дворца, и потомъ зась дворецъ и гумно зовсимъ запалили; въ которомъ гумне было жита не молоченого, въ стогахъ, копъ триста шестерныхъ,—тое дей спалено,—пшеници копъ полтораста спалено, овса копъ двесте спалено, ячменю копъ деветдесятъ спалено, ярици копъ шестдесятъ спалено, проса копъ семдесятъ спалено, гречки копъ девяносто спалено, а помолоченого збожя, и зъ собою на возы побрали, то естъ: мерокъ жита десятъ, пшеници мерокъ пятъ, овса мерокъ дванадцатъ. А на поли коней моихъ власныхъ занято сорокъ, то естъ: возниковъ цукговъ два, гнедые, почворные, за которые дано копъ пятдесятъ; другии тисавыи, за которого дано копъ сорокъ и шесть грошей Литовскихъ; почтовыхъ коней три валаховъ кождый купленъ копъ по двадцати грошей Литовскихъ; подездковъ тринадцатъ размаитою шерстю, кождый купленъ по семи копъ грошей Литовскихъ; клячъ десетъ робочихъ зъ розмаитою шерстю, кождая купленая копъ по пяти грошей Литовскихъ; находниковъ два, плеснивый, за которого дано копъ осмъ, а другий вороный, звезда въ челе, дано за него копъ десетъ грошей Литовскихъ; ступаковъ два,

дано копъ пятнадцатъ грошей Литовскихъ; свиней сто и пятдесятъ, вепровъ шестдесятъ; вепровъ, (въ) засаде кормныхъ, взято сорокъ; поросятъ сто. А у Карача дей взято передъ местомъ, у фолварку, коня рижого, за которого дано копъ осмъ; кобыла гнедая, за которую дано копъ пять грошей Литовскихъ,—а съ него самого знято: сукманъ Лунский, который коштовалъ копъ три грошей Литовскихъ; сермягу белую, которая коштовала полъкопы грошей Литовскихъ; на гумне жита молоченого мерку, гречки мацъ две; колеса, за которые дано грошей дванадцатъ; хомутъ съ набедриками, за которого дано грошей дванадцатъ Литовскихъ; рядно, за которое дано грошей пятнадцатъ; другое рядно—дано за него грошей дванадцатъ,—то дей все панъ Матфей Немиричъ, судичъ земский, Киевский, квалтовне побравши и пограбивши, до селища пана отца своего, до места Чернихова, отнесъ, отвелъ, одогналъ и отпровадилъ.

Книга Житомирская гродская, поточная, 1582—1588, № 8, листъ 41 на оборотъ.

LIV.

Жалоба Звегольскаго намѣстника, Василія Богдановича Ильинскаго и войта Корецкаго, Томила Манцевича, на Берестейскаго воеводича, Фридриха Тышкевича, о томъ, что онъ переманиваетъ къ себѣ изъ имѣнія Пулинъ крестьянъ, на условіяхъ двадцатилѣтней льготы отъ повинностей. 1585 г., марта ..... дня.

Року по нароженю Сына Божого 1585, мѣсяца марта *) дня.

Писали и присылали до вряду замку господарского, Житомирского, до мене Дахна Василиевича, на тотъ часъ будучого подста-

*) Число, подъ которымъ этотъ актъ состоялся, въ актовой книгѣ не означено.

ростего Житомирского, панъ Василей Богдановичъ Илинский, намесникъ Звеголский, а панъ Тогило Манъцевичъ, войтъ Корецкий, жалуючи и оповедаючи на его милость вельможного пана Фридриха Тишкевича Логойского, воеводича Берестейского, о томъ, ижъ дей его милость на имене свое, въ повѣте Киевскомъ лежачое, прозываемое Пулины, зо всимы кгрунты, къ нему належачими, зо всими пожитками, ничого на себе не зоставуючи, подъ зарукою описавшися чотырма сотъ копамы грошей Литовскихъ на врядъ его королевское милости кгродский, Киевский, а на насъ—другими чотырма сотъ копами грошей Литовскихъ, и всими шкодами, на слово речене, такъ тежъ и отъ всихъ повинныхъ, кровныхъ и обчихъ, отъ всѣхъ кривдъ, хто бы одно въ томъ именю чинилъ, боронити обецавъ, и тымъ же листомъ своимъ, доброволнымъ описомъ, описалъ, такъ же подъ заруками на врядъ кгродский, Киевский, и на насъ,—што дей ширей и достаточней на томъ описе его милости описано и доложоно естъ. То такъ дей въ року прошломъ, тисеча пятьсотъ осмъдесятъ третемъ, его милость князь Александро Пронский, стольникъ его королевское милости, староста Луцкий,—то въ кгрунту частъ немалую, и дерева бортного, такъ тежъ и збожей засѣяныхъ потоптати, а иншое пожати, побрати, и сеножати покосити росказати рачилъ,—о чомъ дей есмо его милости пану воеводичу Берестейскому, черезъ писанье свое, давали знатъ. Нижли его милостъ до насъ толко писанемъ своимъ отъписалъ рачилъ, обецуючи ся справедливости собе правне доводити и намъ то зась привернуть; нижли дей и до сего часу права не доводилъ, и намъ не привернулъ; а намъ дей въ томъ надъ описъ его милости отъ его милости шкода немалая дѣетъ . . . . водлугъ листу своего, въ заруку въ чотыриста копъ грошей Литовскихъ, и въ шкоды и наклады на слово реченъе намъ попалъ. А потомъ дей, на томъ мало маючи, приехавши въ тое село наше, вышейписаное, Пулыны, самъ особою своею, и не паметаючи, або пробачивши опису своего, намъ даного, на тое именъе, Пулины, зъ многими слугами своими, которыхъ самъ лепей знаетъ и имена ихъ вѣдаетъ, въ томъ дей селе нашомъ волю закликати на двадцатъ летъ и столпъ, водлугъ обычаю, вкопати, и въ Житомиру тутъ на рынку на волю зикликати дей казалъ,—и тымъ дей намъ переказу вчи-

нилъ, а самъ въ другую заруку чотыриста копъ грошей Литовскихъ и во вси шкоды и наклады на слово реченъе попалъ. Еще дей тежъ надто, за власнымъ росказаньемъ его милости пана воеводича Берестейского, въ року прошломъ осмъдесятъ четвертомъ и теперешнемъ осмъдесятъ пятомъ, пани малжонка его милости подданыхъ его милости князяти, воеводы Киевского: Грица, Евхима и Романа и иншыхъ подданыхъ (зъ) Щерницы, зъ быдломъ, овцами и козами, за квитами своими, и за листомъ до атамана нашого Пулинъского, Супруна, писанымъ, такъ тежъ и земенина его милости князя, воеводы Киевского, пана Василя Кулика, съ поддаными его, Несоленскимы, за листомъ и квитомъ своимъ отъворонымъ, до тыхъ лесовъ и кгрунтовъ нашихъ, до которыхъ ничого не маетъ, за заплатою впустити казалъ и позволила, и пожитокъ собе прибавили и привлащаютъ, — а намъ тымъ переказу чинятъ, и тотъ листъ свой наруцили, а намъ третий разъ въ заруки чотыриста копъ грошей Литовскихъ и во вси шкоды и наклады, водлугъ листу опису своего, намъ на Пулины даного, попалъ; о чомъ дей есмо не разъ его милости давали черезъ писаня наши знатъ о тыхъ шкодахъ и переказахъ нашихъ, не хотечи его милость въ томъ славити, до вряду записоватъ, и ку шкоде приводить; але ижъ его милость въ томъ славити, до вряду записоватъ и ку шкоде приводитъ. Але ижъ его милостъ, не жалуючи шкоды нашое, а насъ спокойне, водле опису своего, заховатъ и боронити, а чимъ далей тымъ насъ въ болъшую шкоду приводитъ, и толко дей насъ отъписами своими отъпровадитъ рачилъ. Которые листы его милости пана воеводича, отписи до пана Василя, старосты Звеголского и пана Висиля Корецкого, такъ тежъ и атамана ихъ Пулинского, до Супруна, отъ ее милости писаны, показовали, въ которомъ пишетъ, росказуючи ему, абы подданыхъ чиихъ колвекъ впущалъ а пожитъки, хочъ грошми або быдломъ, на его милость бралъ, приятелъ пана Василевъ, панъ Янъ Сломинский, а отъ пана войта Корецкого, панъ Федоръ Олшевский, съ подписомъ власное руки его милости, и подъ печатю его милости, передо мною тутъ, на вряде, теперъ показовали и часу права показать маютъ и хочутъ, и того дей слушне довести. И просили приятели его милости пана Василя Ильинъского, старосты Зве-

голского, а пана Томила Маньцевича, войта Корецкого, панъ Янъ Сломинский а панъ Федоръ Олшевъский, именемъ ихъ милости, абы тое оповеданье ихъ въ книги замъковые записано было. Штомъ записати казалъ.

Книга Житомирская гродская, поточная, 1582—1588 года, № 8, листъ 80.

LV.

Списокъ крестьянъ Житанскаго имѣнія, находящагося въ Владимірскомъ повѣтѣ, съ исчисленіемъ крестьянскихъ повинностей и даней, 1585 г., мая 26 дня.

Року 1585, месяца мая 26 дня.

Постановившися очевисто на вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ, Володимерскомъ, передъ Адамомъ Драминскимъ, на тотъ часъ будучимъ на месцу пана Андрея Романовского, подъстаростего Володимерского, возный повету Володимерского, Демьянъ Мокренский, ку записаню до книгъ кгродскихъ вызналъ тыми словы: ижъ року теперешнего, тисеча пятьсотъ осмдесять пятого, месяца мая двадцать шостого дня, и, маючи я при собе шляхту пана Василя Иваницкого а пана Яна Закревского, за приданемъ врадовымъ, былемъ на потребе велможной панеи ей милости, кнегини Михайловой Чорторыской, старостиной Житомирскои, кнегини Зофеи Ходкевичовны, и такъ на потребе служебника ей милости, шляхетного пана Матфея Андреевича, во имени ей милости, въ повете Володимерскомъ лежачомъ, названомъ въ Житанахъ,—тамъ же врадникъ ей милости, Селецкий, Матысъ Кгурский, и служебникъ ей милости кнегини, панъ Костентинъ Шпраский, именемъ ей милости кнегини, панеи своеи, зобравши всихъ подданыхъ ей милости того именя Житанского, и, оповедавши имъ волю ей милости кнегини

панеи своеи, за листомъ добровольнымъ описомъ еи милости княгини, всихъ подданыхъ Житанскихъ списавши на рестры, и тому служебнику еи милости, пану Матфею Андреевичу, въ певной суме пенезей, въ пятисотъ золотыхъ Полскихъ, заставнымъ обычаемъ, подле листу еи милости, въ моцъ, держане и владность передо мною подали и поступили, и заразъ противку пану Матфею послушенство чинити росказали. А то есть подданые меновите, на первей бояре: Левко Величко—на полуланку, Грицко Ясковичъ—на полуланку,—тыхъ бояръ повинность конемъ служити, ехати—где роскажутъ. Люди тяглии: Сенецъ Остиленя—на полуланку, Потапъ зъ Левкомъ—на полуланку, Грицко Ескевичъ—на полуланку, Прокопъ зъ Галивономъ—на полуланку, Демидъ зъ Лавриномъ—на полуланку, Мартинъ зъ Свиридомъ—на полуланку, Опанасъ Гостиловичъ—на полуланку, Павлюкъ Олешковичъ—на полуланку, Михайло Бычко—на полуланку, Иванъ Волошинъ—на полуланку, Гриць, Охремъ—на полуланку, Антонъ, Романъ, Сенко,—на полуланку, Прокопъ Корнило—на полуланку, Матфей Мацукъ—на полуланку, Иванъ Морозъ—на полуланку; полуланокъ Мозолевский пустый. Тыхъ людей повинность: роботы въ тыждень пять дней, въ подводу ехати—где роскажутъ; съ каждого полуланку—по двадцати грошей Литовскихъ, сторожовыхъ грошей по два гроши, ореховыхъ—по два гроши, циншу овсяного съ кождого полуланку по три мацы овса и куръ по трое. Огородники: Васко Волосъ огородникъ, Кунахъ, Юско, Хома, пастухъ Лукянъ, Мозолевичъ Левко, Сенко Павлюкъ, Луска, — повинность тыхъ огородниковъ въ каждый тыждень по два дни робити, а грошей съ кождого огорода по три гроши и по курицы. А такъ я тое очевистое сознане возного до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, 1585 г., № 943, листъ 211 на оборотѣ.

LVI.

Жалоба поповичей Луки и Ивана, изъ мѣстечка Межирича, принадлежащаго Троцкому воеводѣ, князю Стефану Корыбутовичу Збаразскому, о томъ, что когда они возвращались вмѣстѣ съ своими семействами домой изъ Волыни, гдѣ они находились на службѣ, то по приказанію пана Григорія Колмовскаго, войтъ принадлежащего послѣднему имѣнія Серкизова задержалъ ихъ со всѣмъ имуществомъ. 1585 г. іюля 12 д.

Року 1585, месяца июля 12 дня.

Приходили на врядъ кгродский, Володимерский, до мене Адама Дралинского, на тоть часъ будучого на местцу его милости пана Анъдрея Романовъского, подстаростего Володимерского, поддане державы его милости князя Стефана Корибутовича Збаразскаго, воеводы Троцкого, поповичы зъ мѣста Межирича, Лукашъ а Иванъ, жалуючи и оповедаючи тымъ способомъ: ижъ будучи они людьми волными вышли были зъ отъчызны своее для службы на Волынь, и, бавечыся имъ по службамъ на Волыни часы не малые, поженились; а потомъ, намысливъшися зась до домовъ своихъ, шли зъ жонами, зъ детьми и зъ маетъностями своими зась до отъчизны своее, до державы его милости, до Межирича. То пакъ дей служебникъ пана Григорыя Колъмовъского, Матушъ Ланевский, а войтъ его Серкизовъский, Иванъ Лядвичъ, зъ росказаня властного пана своего, погонивъши ихъ на доброволной дорозе подъ селомъ ихъ милости пановъ Лысаковъскихъ, Могилномъ, зъ ыными слугами и поддаными пана своего, Серкизовскими, року теперъ идучого осмъдесятъ пятого, месяца июня двадцать девятого дня, ихъ самыхъ одъ жонъ, и детей и всихъ маетностей ихъ поотбивавъши, вси маетности ихъ власное, зъ жонами, зъ детьми, пограбили и побрали, и до двора вашей(sic) милости, Серкизовского, отъпровадили. А то есть меновите взяли и пограбили въ нихъ: у Лукаша взяли коня сивого, за которого дей онъ далъ осмъ копъ грошей Литовскихъ; возъ, который коштовалъ сорокъ грошей Литовскихъ; хомутъ зъ набедрыками, который его коштовалъ

полкопы грошей Литовскихъ; воловъ шесть, которые коштовали его по две копе грошей Литовскихъ; коровъ дойныхъ чотыри, которые коштовали его по две копе грошей Литовскихъ; ерьмякъ голубый, Лунский, который коштовалъ три копы грошей Литовскихъ; другий ермякъ Муравский, который коштовалъ сто грошей Литовъскихъ; сянъ Влоский, зеленый, который коштовалъ чотыри копы грошей Литовскихъ; кожухъ Турецкий, который коштовалъ пять золотыхъ Полскихъ; кожухъ кроликовый, который коштовалъ осмъдесятъ грошей; скринка съ хустами белыми, въ которой было платовъ осмъ тонкихъ, которые коштовали по десети грошей Литовскихъ; кошулекъ шесть ткацъкихъ, которые коштовали по шестнадцать грошей Литовскихъ; сорочокъ пять тонкихъ, которые коштовали по двападцати грошей Литовскихъ. Другую скринку взяли, въ которой было грошей готовыхъ копъ двадцать чотыри Литовскихъ; а у вози взяли: шаблю, которая коштовала сорокъ грошей Литовскихъ; сагайдакъ, который коштовалъ полкопы грошей Литовскихъ; сокеръ две, которые коштовали по семи грошей Литовскихъ; сковорода железная, которая коштовала пять грошей Литовскихъ. А у Ивана взяли и пограбили, то есть: коня сивого, который коштовалъ осмъ копъ грошей Литовскихъ; возъ, который коштовалъ сорокъ грошей Литовскихъ; хомутъ съ набедриками, который коштовалъ полкопы грошей Литовскихъ; воловъ три, которые коштовали по три копы грошей Литовскихъ; коровъ три дойныхъ, которые коштовали по две копе грошей Литовскихъ: яловицъ три, которые коштовали по полторы копы грошей Литовскихъ; масла дежка и коновъ, которое стояло осмъдесятъ грошей Литовскихъ; сыровъ две копе, которые стояли по грошу Литовскому; вепровъ семъ кормныхъ, которые коштовали по пятдесятъ грошей Литовскихъ; мяса полтевъ два, которые коштовали по золотому; салъ три, которые коштовали по шестнадцатъ грошей Литовскихъ; жупанъ Муравский, который коштовалъ сто грошей Литовскихъ; кожухъ бараний, который коштовалъ копу грошей Литовскихъ; сукня оболокалная съ оксамитомъ, голубая, которая коштовала три копы грошей Литовскихъ; шапка оксамитная, которая коштовала копу грошей Литовскихъ; перинъ две, которые коштовали по сороку грошей Литовскихъ; подушокъ чотыри, которые коштовали по десети грошей

Литовскихъ; скриню съ хустами белыми, въ которой было кошуль три тонкихъ, которые коштовали по двенадцати грошей Литовскихъ; рантуховъ три, которые коштовали по пятнадцати грошей Литовскихъ; серпанковъ два крамныхъ, которые коштовали по дванадцати грошей Литовскихъ; коцъ, который коштовалъ двадцать грошей Литовскихъ; баня горелчаная зъ рурами и зъ шапкою, которая коштовала пять золотыхъ и грошей осмънадцать Литовскихъ; грошей готовыхъ копъ три Литовскихъ. И просили тые подданые его милости князя воеводины, абы тое оповедане ихъ было до книгъ записано. Што я записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, № 943, годъ 1585, листъ 398-й.

LVII

Жалоба отъ имени воеводича Волынскаго, князя Іоахима Богушевича Корецкаго, на войта и урядника имѣнія Вильска, принадлежащаго князю Константину Острожскому, о томъ, что когда бояре, гайдуки и слуги Корецкаго препровождали черезъ Вильско бѣжавшихъ отъ Корецкаго въ имѣніе Острожскаго крестьянъ, то упомянутые войтъ и урядникъ, съ Вильскими мѣщанами, перебили, утопили, а другихъ изъ этихъ бояръ и слугъ Корецкаго изувѣчили,—находившееся же при нихъ оружіе и лошади были ограблены. 1586 года, іюля 21 дня.

Лета Божего нароженія тисеча пятсотъ осмъдесятъ шостого, месяца іюля двадцатъ первого дня.

Писалъ и присылалъ до вряду замку господарского, Житомирского, до мене Анъдрѣя Стефановича Пилиповского, подстаростего Житомирского, служебникъ вельможного пана его милости, князя Яхима Богушевича Корецкого, воеводича Волынского, панъ Матей Кевнарский, жалуючи и оповедаючи именемъ его милости князя

пана своего о томъ, ижъ дей вельможный панъ его милость князъ Костентинъ Костентиновичъ Острожский, воевода Киевский, заховуючи покой и приязнъ добрую изъ его милостю паномъ моимъ и, не хотечи се изъ его милостю заходити, приятельски въ року теперъ идучомъ, осмъдесятъ шостомъ, месяца іюля пятогонадцетъ дня, писати его милостъ рачилъ зъ Острога до всихъ урядниковъ своихъ, яко Острозского, Острополского, Любартовского, Звяголского, Березdовского, Вилского, Барашовского, для выданя всихъ подданыхъ зъбеговъ его милости княжати, пана моего, которые розными часы зъ имѣней его милости, пана моего, Корецкихъ, и зъ имѣней слугъ его милости повтекали и перемешкиваютъ во именяхъ его милости, высшей помененыхъ; при которыхъ листехъ, для певности, послалъ его милость князъ, воевода Киевский, служебника своего, пана Прокопа Литинского, где бы колвекъ которые збеги, власные подданные пана моего, показали, абы онъ зъ урядникомъ моцно, яко самыхъ, зъ жонами, зъ детми и зо всею маетностю, его милости пану моему выдавали. Яко жъ тотъ служебникъ его милости князя, воеводинъ, панъ Литинский, чинечи досытъ росказаню его милости пана своего, посполу зъ урядникомъ Вилскимъ, паномъ Криштофомъ Винарскимъ, ехавши до села Зорокова, власныхъ зъбеговъ подданыхъ его милости выдали зъ жонами, зъ детми и зо всими маетностями, а меновите мещанъ Киликиевскихъ: Михаля зъ жоною, зъ детми и зъ маетностю; Наума зъ жоною, зъ детми, зъ маетностю; Карпа Савлука зъ жоною, зъ детми и зъ маетностю; Грицка Сиза зъ жоною, зъ детми, зъ маетностю; Павла Дорошовича зъ жоною, зъ детми, зъ маетностю; а зъ села Печибодъ: Мирона Горкавича зъ жоною, сынами, и зъ невестками и зо всими маетностями; Климиху удову зъ невестками, и зъ детми ихъ и зовсими маетностями ихъ; Ждана зъ сынами и зо всими маетностми; Сидора зъ жоною, зъ сынами и зо всею маетностю; Дмитра зъ жоною, зъ детъми и зо всею маетностю; Ивана Дегтера зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Иляша зъ жоною, зъ детми и зо въсею маетностю; Ивана Котелника зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Савку Клинка зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Остапа зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; а зъ села Под-

дубицъ Малыхъ: Яцка Бобренка зъ жоною, зъ детми и зо всею маетностю; Прокопа зъ жоною, зъ детми и зъ маетностю; зъ села Богдановщизны: Олексу Малошенка зъ жоною, зъ детми и зъ маетностю; Левка Терешковича зъ жоною, зъ детми и зъ маетъностю; Сенка Хоровца зъ жоною, детми и зъ маетностю; зъ Брикова: Гаврила Маштареля зъ жоною, зъ детми и зъ маетъностю; зъ села Косенева: Лесотина Гаврила зъ жоною и зъ маетностю, — тыхъ всихъ подданыхъ зъ села Зорокова, зо всимъ на все повыдавали; яко жъ и сами тые подданные пошли были доброволне. И, едучи доброволною дорогою черезъ мѣсто Зилско, то такъ дей дня вчорайшего въ неделю, мѣсяца іюля двадцатого дня, панъ Криштофъ Винарский самъ особою своею, зъ войтомъ Вилскимъ, Кондратомъ, и мещаны Вилскими, збунтовавшися, маючи при собе колко сотъ людей, умыслне перепомневыши наперед боязни Божей и срокгости права посполитого, росказавши ворота мѣсцъкие позамыкати, тыхъ всѣхъ бояръ, слугъ и гайдуковъ его милости, которые тыхъ подданыхъ провадили, моцно, кгвалтомъ побили и на смерть позамордовали и потопили; а меновите: Пархвея Яна, Брезинского Войтеха, Олшевского Миколая, подъ которыми кони побрали, зъ седлами, зъ полгаками, зъ шаблями, пограбили, и при оныхъ шести бояриновъ, шляхтичовъ уцтивыхъ, окрутне збили, змордовали, которые не ведати если живы будутъ,—то есть меновите: Степана Григоревича, Хому Олизаровича, Станислава Парфея, Труша Тишка, Мойсея Оношковича, и коней подъ ними шестъ, и зъ седлами, зъ полгаками, и зъ шаблями пограбили и до замку Вилского отпровадили. А тыхъ подданыхъ, которыхъ самъ же панъ Винарский повыдавалъ, зъ войтомъ местцкимъ и мещаны Вилнскими, отъ ныхъ, слугъ его милости, отбивши, зъ жонами, зъ детми и зо всими маетностями ихъ до себе побралъ и пограбилъ, пацуючи кождого зъ ныхъ по чотырыста копъ грошей. И просилъ панъ Матысъ Кевнарский, служебникъ его княжецкое милости, воеводича Волынского, именемъ князя пана своего, абы тое оповедане въ книги замковые, Житомирские, записано было. Што записати казалъ.

Книга Житомирская городская, поточная, 1582—1588 г., № 8, листъ 171 на оборотъ.

LVIII.

Рѣшеніе гродского суда, пріостанавливающее исполненіе приговора копы, составленной изъ Житомирскихъ мѣщанъ, по дѣлу Василія Случанина съ Ѳедоромъ Лукашевичемъ Случаниномъ о воровствѣ первымъ у послѣдняго денегъ. Урядъ постановляетъ это рѣшеніе на томъ основаніи, что право суда по этому дѣлу, по силѣ Литовского статута, принадлежитъ ему, уряду, а не копѣ. 1586 г., августа 24.

Року 1586, месяца августа 24 дня.

Передо мною Семеномъ Денискомъ Матфеевскимъ, старостою Житомирскимъ, ставши очевисто Василей Пронкевичъ Случанинъ, жаловалъ о томъ, ижъ дей што дня оногдашнего, месяца августа деветнадцатого, въ року теперешнемъ тисеча пятьсотъ осмъдесятъ шостомъ, мещане господаръские, Житомирские, то есть: Климъ Усь, Кузма Бобруенко, Михно Елтуховичъ, Антонъ Гребенниковичъ, Чорнышъ, и иншые мещане, вся копа места Житомирского, судили мене зъ Федоромъ Лукашевичомъ Случаниномъ о покрадене грошей моихъ, то есть копъ петнадцети и грошей двадцать пять, въ господе его, въ дому пана Прежовского, и за жалобою моею, знашедши его виннымъ, и присудили мне на немъ тые гроши, которые въ мене покрадены,—на што и декретъ мне выдали. Который декретъ Василей Пронкевичъ Случанинъ передо мною покладалъ и просилъ, абы ему, водлугъ того декрету, отправа сталася на Федору Случанину. Яко жъ я, казавши тотъ декретъ передъ собою вычитати, и, обачивши то, ижъ тые мещане, выламуются съ присуду моего, то судили копнымъ правомъ, чого не мели судити и не естъ волны,—кгды жъ они копного права не уживаютъ, толко я, а въ небытности моее намесникъ мой, и не водлугъ права, того Федора судили копымъ правомъ и артыкуломъ шостымъ, розделу чотырнадцатого, въ статуте описанымъ, а тотъ артыкулъ до того не належитъ, одно належитъ о гонене следомъ. Такъ же тежъ тотъ Федоръ Случанинъ брался ку отводу, яко будучи человекомъ не подозренымъ,—оные мещане ему того не допустили. Ку тому тежъ, иижъ не имъ тотъ судъ належалъ судитъ, але

мне, або наместникови моему. Яко жемъ тотъ судъ, неслушный и не належный, скасовавши, и всказаломъ Василію Пронкевичу на мещанехъ, звышъменованыхъ, и всей копе места Житомирского, которые шкоду его, которая се ему стала въ покраденю, то естъ копъ петнадцатъ и грошей двадцать и пятъ, маютъ заплатити а собе винного искати. И зложиломъ рокъ заплате отъ сего дня, месяца августа двадцатъ четвертого, за две недели. Што для памети въ книги замковые, Житомирские, записано есть.

Книга Житомирская городская, поточная, 1582-1588 г., № 8, листъ 182-й.

LIX.

Объявленіе пана Мартина Межинскаго о томъ, что крестьяне села Колпытова, убившіе урядника Озерецкаго имѣнія, принадлежащаго Межинскому, Мартина Витковскаго, и причинившіе раны слугѣ Межинскаго, Григорію Костинскому, уплатили братьямъ Витковскаго головщину, а потому и возникшее по поводу этого убійства дѣло—прекращается. 1586 г., сентября 24 дня.

Року 1586, мѣсяца сентебра 24 дня.

Въ рочкахъ судовыхъ кгродскихъ, Володимерскихъ, одъ дня осмогонадцать, того жъ мѣсяца сентебра припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передо мною Костентиномъ княжатемъ Острозскимъ, крайчимъ великаго князства Литовского, старостою Володимерскимъ, ставши очевисто панъ Мартинъ Межинский созналъ и подалъ термину сознанья своего, съ подписомъ власное руки своее, которую подалъ до вряду, чинечи пана Семена Козинского, пана Костентина и Остафья Колпытовскихъ, а пана Ивана Холоневского волными, ижъ южъ се досить стало за голову забитаго Мартина Витковского, такъ тежъ за зраненье слуги пана Межинъскаго, Григорія Костинского, и за шкоды при забитью и зраненью поделаные; яко ширей въ той термине тая справа доложона естъ. И просилъ

панъ Межинский, абы тая термина вызнанье его была до книгъ кгродскихъ записана. Которую я слово отъ слова записати казалъ, и такъ ся въ собе маетъ:« Я Мартинъ Межинъский сознаваю и чиню явно симъ моимъ вызнаньемъ кождому, кому бы то вѣдати належало теперъ и напотомъ завжды, што я, весполекъ съ паномъ Валентимъ а съ паномъ Якубомъ Витковскими, позывалъ есмы позвы кгродскими, Володимерскими, на роки теперешние, кгродские, дня оногдашнего, въ четвергъ, мѣсяца сентебра осмогонадцать дня, припалые и сужоные, ихъ милостей пана Семена Козинского, а пана Остафья и пана Костентина Колпытовскихъ, а пана Ивана Холоневского, о забите врадника моего Озерецкого, Мартина Витковского, брата тыхъ верхуменованыхъ пана Валентого а Якуба Витковскихъ, и о зранене другого слуги моего, Григоря Костинского,—которое забийство и зранене сталося отъ подданыхъ ихъ милости, Колпытовскихъ, въ сели Колпытове, и о шкоды при томъ забийстве и зраненю починеные,— яко ширей на тыхъ позвехъ описано и доложоно есть. А такъ на сесь часъ, не допускаючи мы обедве стороне того на разсудокъ правный, алесьмо о то о все зъ собою приятелски погодили, и за голову того забитого Мартина Витковского подданые ихъ милости села Колпитова приреченымъ паномъ Витковскимъ заплатили, и досыть учинили. А такъ, варуючи ихъ милостямъ пану Козинскому, и паномъ Колпытовскимъ и пану Холоневскому покой, абы нихто иный напотомъ тое головщины на нихъ самыхъ и на подданыхъ ихъ милостей не поисковалъ, симъ листомъ моимъ доброволнымъ за менованыхъ пановъ Витковскихъ и за всихъ иныхъ, братю и повинныхъ ихъ, пану Козинскому, и паномъ Колпытовскимъ и пану Холоневскому описую и обовезую и ручуся: ижъ яко тые панове Валентий а Якубъ Витковские, такъ и нихто иный съ повинныхъ ихъ, о тую головщину повторе ихъ милостей позывати, а ни справедливости на подданыхъ ихъ милостей, Колпытовскихъ, просити не маютъ. А если бы хто жъ кольвекъ, будь (съ) стороны, або тые жъ сами панове Витковские о тую жъ голову ихъ милости позвалъ, або справедливости на подданыхъ ихъ милости, Колпытовскихъ, просилъ, тогды я ихъ милость въ кождого права, ведле ознайменя мнѣ отъ ихъ милости, заступовати, и такъ то самъ очисчати маю, яко бы ихъ ми-

лость ни якое трудности и шкоды не приймовали. Чого если бых, водлугъ сего листу моего, не вчинилъ, тогды ихъ милостямъ и потомкомъ ихъ милости заруки сто гривенъ грошей Польскихъ заплатити маю, и о то все въ каждого права и суду, до которого кольвекъ бых былъ отъ ихъ милости позванъ, на першомъ року, яко на завитомъ, усправедливиться маю и повиненъ буду«.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, 1586 г., № 963, листъ 552.

LX

Подписка, данная крестьянами земянина Богдана Ивановича Стрибыла, Санковичемъ и его пасынкомъ Антономъ Марковичемъ, земянину Богдану Щеніевскому въ томъ, что, въ благодарность за освобожденіе послѣднимъ Санковича отъ смертной казни, которой онъ подлежалъ за воровство у Щеніевскаго жеребца, они обѣщаютъ на будущее время не дѣлать зла ни Щеніевскому, ни его пріятелямъ, ни крестьянамъ его, отдавая себя, въ случаѣ нарушенія этой подписки, въ полное распоряженіе и власть Щеніевскаго. 1587 г., марта 19 дня.

Року по нароженъю сына Божого 1587, месяца марца девятнатцатого дня.

Постановившися на враде въ замку господарскомъ, Житомирскомъ, передо мною Андреемъ Стефановичемъ Пилиповскимъ, подстаростемъ Житомирскимъ, подданые пана Богдана Ивановича Стрибыла, изъ села Ловка, то есть на имя: Войтъко Санковичъ, а пасынокъ его Антонъ Марковичъ, передо мною на враде добровольно вызнали тыми словы, ижъ дей што тыхъ часовъ, не давно прошлыхъ, въ року теперешнемъ осмьдесятъ семомъ, панъ Богданъ Семеновичъ Щениевский, земенинъ земли Киевское, поймалъ былъ мене, Антона Марковича, во именю своемъ, Щениеве, у въ оборе, зъ

жеребцемъ своимъ власнымъ, которого есмы былъ укралъ у пана Щениевского, и привелъ былъ мене сей де до враду замку господарского, Житомирского, зъ лицемъ, и хотелъ на мене фондровати, яко на злодея, и далей, водле права, поступовать, яко на злодея своего. Нижъли, за прозбою нияких людей зацных, панъ Богданъ Щениевский мене, зъ ласки своее, горломъ даровалъ и на мене инстикговалъ. А такъ я, Войтъко Санкевичъ, а я, пасынокъ его, Антонъ Марковичъ, подданые пана Богдана Стрибыля, обовязуемося и шлюбуемо: противъку пану Богдану Щениевскому, ему самому, приятеломъ и подданымъ его милости, не мститися и злого не мыслити, а ни красти, а ни огнемъ, а ни якими жъ колвекъ злими учинками на здорове его милости, приятелей и подданыхъ, на маетность, а ни отповедей и пофалокъ, чинити на маемъ вечными часы. А если бы, чого Боже уховай, пану Богдану Щениевскому, ему самому, приятеломъ и подданымъ его милости, за пофалками, або за учинкомъ нашимъ, шкода якая жъ колвекъ его милости самому, и приятелемъ, на маетность его, отъ насъ самыхъ, и отъ кого колвекъ стать бы се мела, тогды волно будеть пану Богдану Щениевскому насъ самыхъ, за горлы наши поймати, на насъ самыхъ и на маетностяхъ нашихъ тое шкоды своее смотрети; а мы сами не маемо и не будемо мочи его милости пану Щениевскому жадными причинами вымовляти и, не беручи собе на помочъ ни якихъ причинъ, и не щитячися паномъ своимъ, паномъ Стрибылемъ, а ни тымъ, подъ которымъ быхъмо на тотъ часъ были, але волно будеть пану Щениевскому, где колвекъ насъ надыбавши, яко шкодниковъ своихъ, за горла поймати, и маетность нашу всю побрати, насъ самыхъ у своемъ везеню держати, або где хотечи подети, водле воли и подобаня своего; а мы сами въ томъ пану Щениевскому а ни рукою, а ни правомъ паномъ своимъ закриватися и боронити не маемъ, и вечными часы мочи не можемъ. Яко жъ слышачи панъ Богданъ Щениевский тыхъ подданыхъ пана Стрибылевыхъ, Войтъка Санкевича а пасынка Антона Марковича, доброволное сознане, просилъ абы то было въ книги замковые, Житомирские, записано. Штомъ записати казалъ.

Книга Житомірская гродская, поточная, 1582—1588 г., № 8, л. 224.

LXI.

Закладная старосты Луцкого, князя Александра Пронскаго, данная князю Янушу Жаславскому на мѣстечко Жуковъ съ селами, къ нему принадлежащими, съ передачею Жаславскому права судить и казнить крестьянъ. 1587 г., апрѣля 13 дня.

Року тисеча пятсотъ осмъдесятъ семого, мѣсяца апреля пятогонадцать дня.

Ставши очевисто передъ урядомъ и книгами нинейшими кгродскими, Луцкими, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, то есть передо мною Савиномъ Яловицкимъ, подсудкомъ земскимъ, Кремянецкимъ, отъ вельможного пана его милости пана Александра Пронскаго, столника великого князства Литовского, старосты Луцкого, для принятя запису нижейписаного, на местцу его милости пана старосты Луцкого засажонымъ, субъделекгованымъ, и передъ нами: Стефапомъ Кнегининскимъ, наместникомъ староства Луцкого, Остафъемъ Еловичемъ Малинскимъ, судею, а Адамомъ Букоемъскимъ, писаромъ, кгродскими Луцкими урядниками присеглыми, велможный помененый его милость панъ Александеръ Пронский, столникъ великого князства Литовъского староста Луцкий, доброволне вызналъ, водлугъ листу запису своего, на себе подъ печатю и съ подписомъ руки свое и тежъ подъ печатми и съ подписы рукъ людей зацныхъ вельможному пану его милости княжати Янушови Жаславскому, на суму пенезей чотыри тисячи копъ грошей Литовъское личъбы, которую суму пенезей, вышейменованую, на йменю своемъ, Жукове, и приселкахъ, къ немъ належачихъ, его милости княжати Жаславскому выйстилъ, варовалъ и описалъ,—даного; въ которомъ записе ширей обовязъки есть доложоны. Который передъ нами положивъши, просилъ его милость панъ староста Луцкий, абы такъ тое доброволное сознание его милости, яко и тотъ листъ его милости княжати Жаславскому отъ его милости даный, принятъ и до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вписанъ былъ. Которого мы видячи во всемъ целого и неподейзраного, и водле права спра-

веного, передъ собою читать казавъши, принялихмы и до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вписати казали, и такъ ся въ собе маетъ: »Я Александеръ Пронский, столникъ великого князства Литовъского, староста Луцкий, вызнаваю и явно чиню тымъ моимъ листомъ, записомъ добровольнымъ, всѣмъ посполите и кождому особливе, кому бы о томъ ведати належало, нинешнимъ и напотомъ будучого веку людемъ, ижъ ку пилной потребе моей взялъ и позычилъ есми у вельможного пана его милости княжати Януша Янушевича Жаславского готовыхъ рукоданыхъ пенезей сумы чотырохъ тисячий копъ грошей Литовское личъбы, личачи въ кождую копу по шестъдесятъ грошей Литовъскихъ, а въ грошу—по десети пенезей белыхъ, и въ той суме пенезей, въ чотырохъ тысячий копахъ грошей Литовъскихъ, завелъ и заставилъ есми, и заразомъ въ моцъ, въ держане, владзу и росказованье поступилъ есми, и тымъ листомъ моимъ завожу и поступую именя мои властные, дедичные, не пенѣные и никому передъ тымъ жадными записами отъ мене не заведеные, дворъ съ копѣцемъ (sic) и местечко Жуковъ зъ приселками всѣми, до него здавна належачими, то есть: зъ селомъ Новоселъками, зъ селомъ Новоставомъ, зъ селомъ старымъ Жуковымъ, зъ селомъ Суховцами, а на Полешю (sic) части мои, на мене здавна приналежачие, всѣ въ селахъ: Жебрине, Докшне, Кгрухахъ, Волце, въ Чорной и въ Чудвахъ въ повете Луцкомъ, воеводства Волынъского, лежачие, тежъ съ церквами, костелами, кляшторами, манастырами и ихъ вжываньемъ и подаваньемъ, зъ бояры тыхъ именей и до тыхъ именей здавна належачими, а меновите: зъ Рошъкою, Гуменниками, Шанъдаровщиною, путными и непутъными, зъ людми тяглыми и нетяглыми, роботными, съ цыншами, дяклами, серебщизнами, зъ десятинами: бчолными, свинъными, овечими, съ пересудами, куницами, зъ винами великими и малыми, зъ данью медовою и зъ ыншими вшелякими подачъками и роботами, зъ кгрунты и землями тыхъ именей фольварковыми, бояръскими и подданыхъ, въ тыхъ именяхъ мешкаючихъ, такъ пустыми яко и оселыми, оремыми и не оремыми, зъ ихъ селищбами, зъ сеножатми, пастевниками, зъ ставами спустными и неспустными, зъ млынами и зъ вымелъками, зъ нихъ приходячими, съ корчмами, зъ дворами и селищами, зъ огородами, зъ садами, зъ виноградами, сажавъками, зъ будованьемъ дворнымъ и сельскимъ, зъ

дубровами, гаями, лесами, борами, зарослями, зъ мытами, съ подводами, и зо всѣми иными тыхъ именей пожитками, доходами и приходами, съ тыхъ именей здавна и теперъ приходячими, жадныхъ не выймуючи, ани на себе и на свои потомки не заховываючи, всѣ пожитки посполитостю завираючи, такъ ижъ посполитость особливости а особливость посполитости ничого уймовати не маетъ, и зо всѣми належностями и приналежностями, до тыхъ именей здавна прислухаючими, и зо всѣмъ правомъ, пановаьемъ, уживаньемъ и власностью, ничого права, влады, росказованья и вшелякихъ пожитковъ на себе а ни на свои потомки, ажъ до выкупна, не зоставуючи;—але, якомъ я самъ держалъ и уживалъ, яко ся тые именя въ межахъ своихъ границахъ и обеходехъ здавна маютъ, такъ помененый его милость княжа Янушъ Жаславский съ потомъками своими, и каждый иный, на кого бы ся тое право запису моего нинешнего стягало, маетъ и маютъ держати, мети, уживати и пожитковъ въ тыхъ именяхъ, водлугъ воли и уподобаня своего, собе причинять, поддаными судячи и справуючи, выступныхъ и винныхъ караючи,—маетъ цело и спокойне тые именя мои, вышейпоменены, съ потомъками своими держати рокомъ певнымъ, почавши отъ дня сегоднешнего на дате нижей у того листу написаной помененого, ажъ до середы первшое по святкахъ, въ року тисяча пятсотъ девятъдесятомъ, водлугъ римского каленъдара прийдучихъ, то есть до трохъ летъ зуполныхъ, по себе идучихъ, невыкупне. А если быхъ на тотъ часъ, то есть на день первшое середы по святкахъ, въ року тисеча пятьсотъ деветъдесятомъ, тыхъ именей зъ рукъ его милости княжати Януша Жаславъского, албо потомъковъ его милости, и каждого тые добра мои отъ его милости тымъ же правомъ держачого, не выкупилъ, и тое сумы пенезей чотырохъ тисячъ копъ грошей Литовъское личъбы сполна не отдалъ и не заплатилъ, тогды отъ оного часу до другихъ трехъ летъ, то есть до первшое середы по святкахъ, водлугъ каленъдара римъского, въ року тисеча пятсотъ деветъдесятъ третего прийдучого, и такъ завжды отъ трохъ летъ до трохъ летъ, обычаемъ заставънымъ, ажъ до выкупна и зуполного заплаченья черезъ мене, албо потомъки мои, тое всее сумы пенезей чотырохъ тисячъ копъ грошей Литовскихъ; и южъ я отъ того часу допусчаю его милости княжати Янушеви Жаславъскому

доброволного увойстья и увязанья въ тые добра, на тотъ часъ, нинешнимъ листомъ моимъ его милости черезъ мене, въ суме помененой чотырохъ тисячий копъ грошей Литовскихъ заставленые, черезъ возного и сторонную шляхту котрого жъ колвекъ повету, безъ вшелякого придаванья урядового на то взятыхъ. А особливе его милости княжати Янушеви Жаславскому и потомъкамъ его милости, и каждому тые добра отъ его милости держачому, варуючи, ижъ волно будетъ его милости съ потомками его милости тые добра мои, албо жъ которую колвекъ часть ихъ, въ той же албо въ меншой суме, кому хотячи, за тымъ же правомъ завести и заставити, албо ихъ тежъ зааренъдовати; а межи роками тыхъ йменей зъ рукъ его милости и потомъковъ его милости и каждого оные именя мои отъ его милости держачого окуповати не маю, и съ потомками своими не буду мочи, але овъшемъ войну съ тыхъ имепей за его милость служити, и въ томъ его милость съ потомками его милости повиненъ буду и потомкове мои повинни будутъ заступовати. А если бы тежъ, чого Боже уховай, за держанья его милости княжати Жаславского и потомковъ его милости, албо каждого тые добра отъ его милости держачого, подданые се прочъ съ тыхъ именей моихъ розошли, и тые именья мои черезъ огонь, албо неприятеля, и иный який же колвекъ способъ спустошели бы, тогды я съ потомками своими и самъ зособна, при выкупне, нычого собе съ тое сумы пенезей за то вытручати, и оныхъ пенезей гамовати не маю, але яко при выкупне, такъ и по выкупне, того всего на его милости, на потомъкахъ его милости, и на кождомъ тые добра отъ его милости держачомъ, позыскованти и до права о то его милость потягати не мало и не буду мочи, и потомкове мои не будутъ мочи вечными часы,—съ чимъ бы ми его милость, албо отъ его милости держачий отдалъ, буду повиненъ принятн. Ктому тежъ, я съ потомками свои повиненъ буду его милости княжати Янушеви Жаславъскому, албо потомъкомъ его милости, и каждому тые добра отъ его милости держачому, передъ выкупномъ, кгды буду мети его милость съ тое заставы выкупити, я самъ и потомъкове мои дати знати въ томъ же имено дворе, Жукове, его милости самому, албо врядникови его милости, недѣль за пятнадцать, толко врядовне че-

резъ возного и двохъ оселыхъ шляхтичовъ въ повете Кремянецкомъ, тежъ черезъ листъ мой отвористый, подъ печатью моею и съ подписомъ власное руки моее, давши его перве, передъ посланьемъ возного и листу того менованого до книгъ урядовыхъ кгродскихъ, Кремянецъкихъ, або якые подъ онымъ часомъ, будь за панованя королей ихъ милости пановъ нашихъ, або въ безкоролевъстве, суды и роки были бы постановеные, актыковати. За которымъ таковымъ урядовымъ обвещеньемъ, где бымъ тыхъ добръ я самъ, албо потомкове мои, зъ рукъ его милости, або потомъковъ его милости и каждого держачого не выкупилъ, тогды въ заруку двохъ сотъ копъ грошей личъбы Литовъское попаду, и потомкове мои попасти маютъ. Въ которыхъ же то добръ и именей, вышейменованыхъ, на тотъ часъ черезъ мене его милости княжати Янушу Жаславъскому въ суме чотырохъ тисячахъ копахъ грошей Литовъское личъбы заставленыхъ, и спокойномъ держанью и уживанью, я съ потомъками своими не маю и не буду мочи, самъ черезъ себе, а ни черезъ инъшые способеные особы, жадное переказы чинити,—овшемъ съ потомками своими повиненъ буду, якожъ ся нинешнимъ листомъ, записомъ моимъ доброволнымъ, на тыхъ же всѣхъ добрахъ моихъ, вышейпомененыхъ, обовезую его милость княжа Януша Жаславского и потомъки его милости, и кождого тые добра мои отъ его милости держачого, отъ вшелякихъ кривдъ, шкодъ и пренагабаня тыхъ именей въ кгрунтахъ, такъ правного яко и кгвалтовного, всѣхъ и кождыхъ особъ стану и конъдыцыи якое жъ колвекъ, будучихъ близкихъ и далекихъ, отъ записовъ первшихъ и последнейшихъ, отъ позвовъ, припозвовъ, зысковъ, презысковъ на тыхъ добрахъ, зъ якое колвекъ причины будучихъ, боронити, заступовати и высвобожати коштомъ и накладомъ своимъ, черезъ увесь часъ держанья его милости и потомъковъ его милости, также и кождого держачого, за врядовнымъ правнымъ ознайменьемъ мне черезъ его милость, албо потомъки его милости и каждого держачого тое все выполнити маю, подъ заруками албо закладомъ суме истной подобнымъ чотырохъ тисячий копъ грошей Литовскихъ на сторону его милости княжати Жаславъского, и подъ шкодами на голое реченье слова его милости, албо потомковъ его милости, и каждого тые добра мои отъ его милости держачого; ко-

торые жъ то заклады и шкоды на тые жъ всѣ добра мои доброволне вношу и приймую. О которые жъ то заруки албо заклады, также и о шкоды на голое реченье слова, кромъ устного доводу, телесное присяги опацованые, для недосыть учиненья записови моему нинешнему, во всемъ, албо въ наменъшой части его, и для незыщенья, албо невыполненя которои колвекъ конъдыцыи, клаузулы и артикулу, въ томъ листе моемъ поменоныхъ, если бымъ ся я съ потомъками своими позвати допустилъ, — тогды волно будетъ, и даю моцъ его милости и потомъкомъ его милости, и каждому тые добра мои отъ его милости держачому, позвати мене рокомъ, якимъ похочетъ и похочутъ, черезъ возного якого жъ колвекъ повету, хотя жъ и безъ сторонной шляхты, до которого колвекъ права суду и уряду земъского, гродского, албо тежъ подъ часомъ безкоролевъства, чого Боже уховай, капътурового, которой колвекъ землѣ и повѣту въ землѣ Волынской, въ великомъ князстве Литовскомъ, въ короне Полской и въ панъствахъ, до нее належачихъ, албо тежъ до трибуналу такъ короны Полское, яко и великого князства Литовъского, а воеводства Волынъского, и до короля его милости на сеймъ, албо и за дворомъ, кгде жъ колвекъ схочутъ. А я на первшомъ позванью, яко на завитомъ року, бы тежъ и передъ одною особою судовою, хотя судъ незуполный будетъ, часу вшелякого, не чекаючи роковъ, буду повиненъ и потомъкове мои повинъни будутъ за позвомъ стати и скутечне устравединтися, то есть заруки, шкоды и то все, о што быхъ одно, водлугъ того листу моего, былъ позванъ, готовыми грошъми заплатити. А заплативши заруки и шкоды, предся тому записови моему нинешънему во всемъ досыть учинить толкокротъ, колко бы того потреба была, не закрываючися жадными причинами правъными, въ статутехъ и конъстытуцыяхъ описаными. А которые зъ звычаю давного звыкълися у права заховывати, не щитячися тежъ жадъными ухвалами, а ни декретами короля его милости, не закладаючися хоробою, соймомъ, поветриемъ, войною, послугою господарское и речи посполитое, поламанемъ мостовъ, заляньемъ водъ, ваканцыями, болшою справою, квитами, устаньемъ року, давностями, року и позву ничимъ не бурячи, и отъ сказни не апелюючи, а ни присягою и ничимъ згола и жадъными

инъшими причинами, которые бы одно такъ съ права, яко и зъ довъстину людского вынайдены быти могли, жадныхъ тежъ недостатковъ тому записови моему не задаваючи, и овшемъ, што бымъ собе ку помочи противъ тому записови брати хотелъ, тымъ самымъ въ речи своей упадать маю, и за то заруки особливые, вышейменованымъ подобные, препадать (sic), и (съ) потомъками своими маю и буду повиненъ. А судъ и врядъ вшелякий нейначей, одно водлугъ того листу моего, сказанье и отправу сумы сказаное, безъ покладованья роковъ статутовыхъ, на добрахъ моихъ тыхъ же заразъ, зъ рушеньемъ повету, учинити маетъ. И на то далъ есми его милости княжати Янушеви Жаславскому тотъ листъ, записъ мой доброволный, подъ моею печатью и съ подъписомъ власное руки моее по Полску. А при томъ были и того добре сведоми, и за устною а очевистою прозбою моею печати свои до того моего листу приложити и руки свои подписать рачили ихъ милости панове а приятели мои: его милость панъ Янъ Харлинъский, подкоморий Луцкий; панъ Федоръ Кадянъ Чапличъ, судя земъский, Луцкий, а панъ Федоръ Загоровъский. Писанъ въ Луцку, року по нароженью Христа Сына Божого тисеча пятъсотъ осмъдесятъ семого, мѣсяца апреля третегонадцать дня«. Въ того листу печатей чотыри и подпись рукъ въ тые слова: Aleixander Proinsky, stolnik wielkiego xięstwa Litewskego y starosta Łuczky ręką swą. Jan Charlinsky, podkomorzy Łuczky. Федоръ Чапличъ, судья земский, Луцкий, властною рукою. Федоръ Загоровъский властная рука.

Книга Луцкая городская, поточная, 1587 г., № 2069, л. 341.

LXII.

Запись князя Станислава Раливила слугѣ своему Яну Гораину, на село Дубищи, два острова и восемъ волокъ. 1587 г., апрѣля 14 дня.

Року тысеча пятсотъ осмъдесятъ семого, месеца апреля пятогонадцатъ дня.

Постановившися очевисто на вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, передъ нами Стефаномъ Кнегининъскимъ, на

местникомъ старостваЛуцкого, а Остафіемъ Малинскимъ, судею, велможный его милость панъ Станиславъ Радивилъ, княжа на Олице и Несвѣже, явне, доброволне естъ вызналъ, водлугъ листу запису своего, подъ печатю и съ подписомъ руки своее власное, и тежъ подъ печатми людей зацныхъ, на записованъе именя своего власного, въ повете Луцкомъ лежачого, Добищъ и Острова, служебникови своему, шляхетному пану Яну Гораину, даного, и передъ нами на вряде покладаного, просячи, абы якъ тое доброволное вызнанъе, такъ и тотъ листъ его милости былъ до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вписанъ. Которого мы передъ собою огледавши, и его вычитатъ давши, слово отъ слова до книгъ вписати есмо казали, и такъ ся въ собе маетъ: »Станиславъ Радивилъ, на Олице и Несвѣже княже. Ознаймуемо симъ нашимъ листомъ всѣмъ вобецъ и кождому зособна, кому то ведати потреба будетъ, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ мы, маючи възглядъ и пилное баченъе на верные, цнотливые и учтивые послуги служебника нашого, Яна Гораина, которые онъ здавна въ дому нашомъ звыкъ показовати, и еще намъ показовати и чинити не переставаетъ,—и, хотечи мы то ему ласкою и вдячностью нашею нагорожати, и его тымъ хутливъшимъ и охотнейшимъ до послугъ нашихъ способити, дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемо ему самому, жоне и потомъкомъ его именъе нашо, у волости Олицкой, у повете Луцкомъ, лежачее, на йме село Дубища, такъ же и островъ, на которомъ дворъ его подъ местомъ нашимъ Олицкимъ, прозываемый Буряковщина, и другий островъ, тутъ же подъ местомъ нашимъ Олыцкимъ, прозываемый Момотовщина, и зъ болотомъ, которое естъ подъ дворомъ его, такъ же и волокъ осмъ, которые небожчикъ отецъ его и по смерти отца его, матка его, скупили, и заставою держали у мещанъ нашихъ Олыцкихъ, тутъ же подъ местомъ нашимъ, Олицкимъ, лежачие, отъ вшелякий повинности, намъ и месту нашому належачихъ, его вызволяемъ и волнымъ отъ всего чинимъ. Которое именье нашо, вышейпомененое Дубища, и съ тыми вышейпомененымми дмема островами, зъ крунты, съ полми, зъ землями оремыми и не оремыми, и съ тыми осма волоками, вышейпомененымми, подъ местомъ нашимъ Олыцкимъ лежачимы, зъ мужиками, зъ сеножатми, зъ гаймы, зъ лесы, зъ дубровами, зъ подда-

ными отчизными и прихожими, зъ огородниками, зъ ихъ чиншами, подачками, роботами и всякими повинностями, и зъ иншими всякими пожитки, якимъ кольвекъ способомъ названными, якие и теперъ суть и якие на потомъ будутъ, довстипомъ и кгосподаръствомъ его причиненныи, прибавленные, и яко оное именье до сего часу держалъ, яко небожчику отцу его милости, пана воеводы Вилневского, отца моего, дано было, ничого съ того именъя на себе а ни на малжонку, которую намъ панъ Богъ дастъ, а ни на потомковъ кровныхъ, близкихъ нашихъ незоставуючи,—а то до животовъ его самого, жоны и потомковъ его властныхъ. А хотечи тежъ то ему показати, абы онъ зъ жоною и потомками своими, за свои учтивые послуги, отъ насъ и потомъковъ нашихъ на потомъ контентъ былъ, у тое учтивое выслуги своей безпечно зажити могъ, зъ особливое ласки нашое на томъ же именью, звышъ помененомъ Дубицахъ, и тыхъ двохъ островахъ и осми волокахъ, дали есмо, даровали и записали, и симъ листомъ нашимъ даемо, даруемо и записуемо ему самому, жоне и потомъкомъ его певную суму пенезей, то естъ триста золотыхъ Польскихъ, въ каждый золотый личачи по тридцати грошей Польскихъ, а то тымъ же способомъ и обычаемъ: ижъ, если быхмо мы сами, або по насъ малжонка наша, которую намъ панъ Богъ дастъ, або потомкове кровные, близские братья и приятели наши, або тотъ, кому бы тое именье по насъ, якимъ колвекъ правомъ прирожонымъ, спадкомъ и набытымъ, припасти мело, зъ якое колвекъ причины припало, тое именъе, Дубица, и два острови и осмъ волокъ отъ его самого, жоны и потомъковъ его, або отъ того, кому бы то онъ тестаментомъ злецилъ и отказалъ, або у той же суме пенезей завелъ, отняти хотели,—тогды первей будемо повинни тую суму, звышъпомененую, триста золотыхъ Польскихъ, и надъ то, што бы кольвекъ на будованье дворное и на иное значъное кгосподарство, ку розширанью пожитъковъ, наложилъ, подлугъ шацунку ревизоровъ нашихъ, або людей добрыхъ, ему и потомъкомъ его огложити и нагородити, тожъ тое именъе до рукъ своихъ взяты могутъ. Съ которого именъя, звышъпомененого, Янъ Гораинъ повиненъ будетъ службу земскую, военную, яко иншая шляхта наша, Олыцкая, конъно, збройно, служити и подъ владзею и юрисдыцыею

нашею завсегды быти маетъ. Такъ же, по зестью съ сего свѣта, потомкове его, або тотъ, кому то онъ тое тестаменътомъ откажетъ и запишетъ, або заведетъ, намъ и потомкомъ нашимъ съ того жъ именья службу земскую, военѣную, яко инъшая шляхта наша, Олыцкая, служити и подъ владзею и юриздыцыею нашею завсегды быти маетъ и повинъни будутъ. Такъже тежъ, кгды бы потреба того вказовала, до замку нашого Олыцкого, до будованья валу, або и дерева, до патренья замку, теды тые жъ подданые Дубищские маютъ допомогати, и повинъни будуть, такъ яко имъ на делницы розделено будетъ, для прибѣжища съ стороны неприятеля, яко тежъ и инъшая шляхта, которые маетности свои подъ нами маютъ, досытъ чинятъ, и полнятъ,—чинити маютъ и будуть повинни. А для лепшое вѣры и певности того, дали есмо Яну Гораину, жоне и потомкомъ его, сесь нашъ листъ, подъ нашою печатю и съ подписомъ руки нашое властное, письмомъ Полскимъ. А при томъ были и того добре сведомы ихъ милости панове а приятели мои, которые за очевистою прозбою моею печати свои къ сему моему листу притиснуты рачили: панъ Криштофъ Палуцкий, подчаший земли Волынское, панъ Макаръ Лѣдоховъский, писаръ земъский Кремянецкий, а панъ Михалъ Комаръ. Писанъ въ Луцку, року Божого нароженя тисеча пятсотъ осмъдесятъ семого, месеца апреля четвертогонадцатъ дня*. У того листу печатей чотыри, а подписъ рукъ въ тые слова: Stanisław Radziwił, ręnką własną.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2069, годъ 1587, листъ 336 на оборотѣ.

LXIII.

Жалоба отъ имени земянина земли Кіевской, Василія Сурина, на воеводу Волынскаго, князя Януша Острожскаго, и на князя Михаила Евстафіевича Ружинскаго, поссессора имѣнія Острожскаго, села Рублевки, о томъ, что Острожскій наслалъ Ружинскаго съ большимъ числомъ вооруженныхъ бояръ и крестьянъ на имѣніе Колодежное, принадлежащее Константину и Ѳедорѣ Шауламъ, находящееся въ опекѣ у Сурина, которые выстрѣлами изранили Сурина и слугъ его, при чемъ произвели грабежъ и, захвативъ двадцать четыре семейства крестьянъ, перевели ихъ со всѣмъ имуществомъ въ село Сапогово. 1587 г., апрѣля 29 д.

Року по нароженю Іисуса Христа сына Божого 1587., месяца апреля 29 дня.

Писалъ и присылалъ на врядъ замку Житомирского, до мене Андрея Стефановича Пилиповского, подстаростего Житомирского, будучого отъ его милости пана Семена Дениска Матфеевского, старосты Житомирского, земянинъ земли Киевское, панъ Василей Суринъ, служебника своего, шляхетного Федора Кобринского, оповедаючи и обътяжливе жалуючи на велможного его милость княжатя Януша Острожского, воеводу Волынского, а на служебника его милости, урожоного князя Михайла Остафъевича Ружинъского, держачого подъ его милостію княземъ, воеводою Волынскимъ, дворъ и село Рублевку, у волости Чудновской, въ томъ, ижъ дей его милость панъ воевода Волынский, хотечи власное дедицство сестренковъ моихъ рожоныхъ, у въ опеце моей будучихъ, пана Костентина и панны Федоры Шаулъ, потомковъ зошлого небожчика пана Михайла Манцевича Шаулы, имене Колодежную, въ земли Киевской, межи именями его милости пана воеводиными, Полонымъ и Чудновомъ, надъ рекою Случю, въ границахъ стародавныхъ, звечистыхъ, лежачое, на себе осягнутъ и къ поменѣнымъ именямъ своимъ привернути, а мене, опекуна прирожоного, который тое имене Колодеженское правомъ опекунскимъ спокойне держу, прочъ вытиснуты,—року теперъ идучого, тисеча пятъсотъ осмъдесятъ семого, месяца апреля двадцать осмого,

дня вчорашнего, зъ овторку на середу, наслалъ моцно, кгвалтомъ, служебника своего, вышейпомененого князя Михаила Ружинского, зъ многими бояры и подданными, Сапоговскими и Рублевскими, а зъ розным оружемъ, войне належачимъ, пречоное имене, село Колодежную, на власный дворъ и на село помененыхъ сестринковъ моихъ, пановъ Шаулъ, тамъ же, за власнымъ кгвалтовнымъ насланемъ его милости князя, воеводы Волынского, служебникъ его милости, помененый князь Михайло Ружинский, маючи помочниками зъ собою бояръ и подданыхъ его милости, Сапоговскихъ и Рублевскихъ, околко сотъ, а особливе своихъ козаковъ, людей незнаемыхъ, гультаевъ люзныхъ, которыхъ право посполитое ховатъ боронить, а онъ ихъ при собе обецне переховываеть, околко десятъ человѣка, съ тыми жъ дей всими, боязни Божой и срокгости права посполитого запомневши, и, наехавши моцно, кгвалтомъ, на тое имене, Колодеженское, на власный дворъ шляхетский, сестренковъ моихъ, пановъ Шаулъ, въ которомъ я на тотъ часъ, будучи шляхтичъ, покоемъ посполитымъ убезпечоный, зъ жоною, зъ детьми и зо всею маетностью моею безпечне мешкалъ, и тое имене Колодеженское правомъ опекунскимъ спокойне держалъ,—мене самого и слугъ моихъ пострелялъ, побилъ, поранилъ, и же быхъ помененое опеки сестренковъ моихъ отбелъ, а имене Колодежную имъ, што бы осягнутъ было лацней, покинулъ, мало не о горло не приправилъ. И при томъ же заразъ моцно, кгвалтомъ, побралъ и пограбилъ: клячъ моихъ стадныхъ, жеребячихъ, десетъ, а быдла моего дворного воловъ оремыхъ а быковъ стадниковъ петдесятъ и одинъ, быковъ неуковъ сорокъ пять, коровъ дойныхъ сорокъ две, яловицъ двадцатъ пять, озимковъ тридцать, овецъ двесте, барановъ петдесятъ, ягнятъ сто сорокъ, козловъ двадцать, козъ тридцать, козенятъ двадцать семеро, свиней тридцать пятеро,—которое быдло и клячи я шацую собе, подлугъ статуту великого княжества Литовского. На чомъ дей тотъ князь Михайло Ружинский самъ и съ помочниками своими, которыхъ я не знаю, але онъ ихъ самъ знаетъ и о нихъ ведаетъ, на тотъ же часъ, впершися въ домы поданыхъ Колодежанскихъ, дворищъ тяглыхъ двадцать чотыри, зъ жонами, зъ детми и ихъ всими на все маетностями, то естъ, на имя: Дашка зъ жоною его, и зъ сынами чотырма, и зъ ихъ жонами, детми,

которого я шацую на тисечу коп грошей Литовскихъ; Сенка Гоколовича зъ сынами двема и въ жонами ихъ, которого я шацую на триста коп грошей Литовскихъ; Ивана Дашковича зъ жоною, зъ сынами чотырма, въ дочками двема, которого я шацую на пятъсотъ коп грошей Литовскихъ; Федора Пиляя зъ жоною, зъ сынами трема, которого я шацую на чотыриста коп грошей Литовскихъ; Ивана Гребенка зъ жоною, зъ сынами двема, которого я шацую на двесте коп грошей Литовскихъ; Степана Глизу зъ жоною, зъ сынами трема, зъ дочками двема, которого я шацую на двесте коп грошей Литовскихъ; Демка Кота зъ жоною, зъ сынами петма, которого я шацую на триста коп грошей Литовскихъ; Ивана Гнилицу зъ жоною, зъ сынами двема, зъ дочкою одною, которого я шацую на петъсотъ грошей Литовскихъ; Яцка Гнилицу зъ сыномъ однимъ, зъ дочкою одною, которого я шацую на семъсотъ коп грошей Литовскихъ; Дениса Дашковича зъ жоною, зъ сынами двема, которого я шацую на полтораста коп грошей Литовскихъ; Федора а Семена зъ жонами, зъ сынами ихъ чотырма, которыхъ я шацую на двесте коп грошей Литовскихъ; Лаврина Медведя зъ жоною, зъ сынами трема, зъ дочкою одною, которого я шацую на полтораста коп грошей Литовскихъ; Ждана Каличича зъ жоною, зъ сыномъ однымъ, зъ дочками двема, которого я шацую на двесте коп грошей Литовскихъ; Ивана Лычича зъ жоною, зъ сынами трема, зъ дочками двема, которого я шацую на чотыриста коп грошей Литовскихъ; Першка Десятника зъ жоною, зъ сынами трема, зъ дочками двема, которого я шацую на триста коп грошей Литовскихъ; Павла Шойкола зъ жоною, зъ сынами двема, которого я шацую на полтораста коп грошей Литовскихъ; Тишка Серковича зъ жоною, которого я шацую на двесте коп грошей Литовскихъ; Романа Серковича, зъ жоною, зъ сынами двема, зъ дочками трема, которого я шацую на чотыриста коп грошей Литовскихъ; Гаврила Дудку зъ жоною, которого я шацую на сто коп грошей Литовскихъ; Степана Пиляя зъ жоною, зъ сынами трема, которого я шацую на триста коп грошей Литовскихъ; Опанаса Дуплю зъ жоною, зъ сынами шестьма, которого я шацую на шестьсотъ коп грошей Литовскихъ; Левка Валентия зъ жоною, зъ сынами двема, которого

я шацую на сто копъ грошей Литовскихъ; Яцка Кривопляса зъ жоною, зъ сынами петма, которого я шацую на триста копъ грошей Литовскихъ; Мартина Якубовича зъ жоною, зъ сынами двема, зъ дочкою одною, которого я шацую на полтораста копъ грошей Литовскихъ. Которыхъ всихъ помененыхъ подданыхъ зъ жонами, зъ детми, зъ грошми готовыми, зъ речами рухомими, съ конми, съ клячами, зъ волми, съ коровами, и зо всими на все, зъ домомъ, ихъ маетностями, до имения его милости княжатя, воеводы Волынского, до села Сапогова отпровадилъ, и тамъ ихъ маетъ, а отътуль ихъ— не ведаю куда обернеть. О который дей наездъ кгвалтовный, або о зранене и о побране подданыхъ и вси шкоды, за тымъ идучие, я Василей Суринъ, заровно обудвумъ однаковую вину, то естъ: его милости княжати, воеводе Волынскому, ижъ князя Ружинского, служебника своего, зъ бояры и съ поддаными своими, Сапоговскими и Рублевскими, зъ имений своихъ на имене Колодежную моцно, кгвалтомъ, насылалъ, а князю Михайлу Ружинскому, ижъ онъ, будучи шляхтичомъ, а кгволи его милости пану воеводе Волынскому, на ме наездчалъ, кгвалтъ, бой, раны, шкоды и грабежи починилъ. На што панъ Суринъ просилъ у мене, враду, о возного на обводъ помененого кгвалту, въ дворе и въ селе Колодежномъ сталого, и на огледане ранъ и шкодъ учиненыхъ. А я на то зъ уряду староства Житомирского придалемъ ему до двора Колодежного возного земли Киевское, шляхетного Яна Войтъковского, который тамъ бывши и отъ туль приехавши, передо мною до книгъ враду Житомирского тыми словы сознался очевисто, и тое сознане свое на писме подъ печатью и съ подписомъ руки своее подалъ: Я Янъ Войтъковский, возный земли Киевское, вызнаваю на томъ квите моемъ, ижъ року теперъ идучого, тисеча пятъсотъ осмъдесятъ семого, месяца априля тридцатого дня, будучи мне зъ ураду замку Житомирского отъ пана Андрея Пилиповского, подстаростего Житомирского, пану Василю Сурину на обводъ кгвалту, у дворе и въ селе Колодежномъ сталого, и на огледане ранъ и шкодъ починеныхъ, приданому, а такъ, будучи въ дворе Колодеженскомъ, а маючи при собе шляхту людей добрыхъ, пана Матыша Витынского а пана Бартоша Сулковского, за обводомъ и оказанемъ пана Василя Сурина, виделъ на нимъ са-

мымъ на левомъ боку рану кривавую и жупанъ противъ того местца знать простреленый, а на руце левой, нижей локтя, у того жъ пана Сурина виделъ.....синевыхъ, а на служебнику его, шляхетномъ Павле Поплавскомъ, виделъ за плечима ранъ синевыхъ три, которые панъ Суринъ менилъ, ижъ бы за власнымъ насланемъ его милости княжати, воеводы Волынского, отъ князя Михайла Ружинского, служебника его милости, а отъ бояръ и подданыхъ его милости пана воеводиныхъ, Сапоговскихъ и Рублевскихъ, за квалтовнымъ ихъ на дворъ и село Колодежную наеханемъ, тые раны и при томъ многие грабежи, зъ овторка на середу, въ ночи, ему сталися, которые мне, возному, оповедалъ и меновите до книгъ записанее быти менилъ. И тамъ же, въ селе Колодежной, двадцатъ чотыри хаты пустыхъ обводилъ и оказывалъ, оповедаючи на его милость княжатя, воеводу Волынского, ижъ съ тыхъ хатъ князь Михайло Ружинский, за власнымъ насланемъ его милости, подданыхъ Колодежинскихъ, людей отчизныхъ тяглыхъ, на цѣлыхъ дворищахъ седячихъ, зъ жонами, зъ детми, и зо всимъ на все ихъ маетностями, господарей двадцать чотыри, моцно, квалтомъ, побралъ и до села Сапогова, именя его милости княжати, воеводы Волынского, отпровадилъ,—о чомъ ширей на оповеданю жалоба его, до книгъ вчиненая, обмовляетъ. И на томъ далъ сее вызнане мое до книгъ замку Житомирского, подъ моею печатью и съ подписомъ власное руки моее. Писанъ въ Житомиру, року тисеча пятъ сотъ осмъдесятъ семого, месяца мая первого дня. Янъ Войтъковский, возный земли Киевское, рука власная. И просилъ панъ Василей Суринъ, абы тая жалоба и оповедане его, такъ тежъ и очевистое сознане возного, въ книги замковые, Житомирские, записано было. Штомъ записати казалъ.

Книга Житомирская гродская, поточная, 1582—1588 года, № 8, листъ 227 на оборотъ.

LXIV.

Жалоба отъ имени воеводы Берестейскаго, Гаврила Горностая, на воеводича Берейстейскаго, Фридриха Тышкевича, о томъ, что онъ, собравъ толпу своихъ слугъ и крестьянъ, въ числѣ около шестисотъ человѣкъ, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, напалъ на имѣніе Горностая, истопталъ лошадьми и возами хлѣбъ на полѣ, былъ и увѣчилъ крестьянъ, однихъ вѣшалъ, другихъ утопилъ, нѣсколько же крестьянъ пропало безъ вѣсти. При жалобѣ находится свидѣтельство вознаго отъ 4 августа, удостовѣряющее справедливость оной. 1587 г., августа 1 дня.

Року по нароженію Сына Божого 1587, месяца августа первого дня.

Пришедши и ставши очевисто на враде замку господарскомъ, Житомирскомъ, врадникъ Тулинский вельможнаго пана его милости, пана Гаврила Горностая, воеводы Берестейского, старосты Менського; державцы Каменецкого, панъ Романъ Борисовичъ Максимовский, обтежливе на враде жаловалъ и оповедалъ на его милость пана Фридриха Тишкевича Логойского, воеводича Берестейского, о томъ, ижъ дей его милость, препомнявши боязны Божее и срокгости, зрушивши покой посполитый подъ часомъ теперешнимъ въ убезкоролевстве, подъ застановленіемъ и уфалою каптура на зъезде у Житомиру отъ всего рицарства, року теперъ идучого тисеча пятьсотъ осмъдесятъ семого, мѣсяца іюля тридцать первого, дня вчорашного, въ пятницу, водлугъ поправы календару римского, самъ панъ Фридрихъ Тишкевичъ Логойскій, воеводичъ Берестейскій, особою своею, зъ многими слугами, подданными и помошниками своими, а меновите: зъ Яномъ Венцковичомъ Войтковскимъ, Станиславомъ Купою, Юзефомъ Яблонскимъ, Яномъ Вороничомъ а Войтехомъ Красницкимъ, могло дей ихъ быти о шестьсотъ, конно и збройно, зъ оружемъ, войне належачомъ, зъ гаковницами, и зъ ручницами, и зъ иншимъ многимъ оружемъ, наехавши дей моцно, кгвалтомъ, на именя его милости пана

моего, воеводы Берестейского, то есть: найпервей—подъ место Тулины, и тамъ же, подъ местомъ Тулинскимъ, на власномъ кгрунте его милости пана моего, на поли, почонши отъ тое дороги, которая идеть съ Кодни до Тулинъ, пашню побили, потоптали конми, и возами и пешо, то есть: жита, пшеницы, ячмены, овсы, просо, гречки, горохи, ярицы, маки, прадива, конопли и вшелякие збожя, ажъ до села его милости пана моего, Песокъ, и тамъ же, въ селе Пескахъ, подданыхъ его милости пана моего, въ домохъ ихъ власныхъ кгвалтовне ихъ самыхъ побивши, помордовавши и поранивши, жоны, дети розгонявши, и маетности ихъ побрали и пограбили; а меновите то есть: У Тимошка, отамана Песецкого, въ дому его власномъ его самого хотели поймати, нижли дей онъ самъ утекъ,—взяли и пограбили въ него: въ комори, розбивши скриню, грошей готовыхъ побору панского копъ двадцать личбы Литовское, а отамановыхъ власныхъ грошей копъ десять личбы Литовское, ермяковъ два Люнскихъ, блакитныхъ, которые коштовали каждый по тры копы грошей Литовскихъ; чинтокоръ две едвабныхъ, которые каждая коштовала по копе грошей; колпаковъ лисихъ, зеленымъ сукномъ утерфиновымъ критыхъ, два, которые коштовали по осмъдесятъ грошей; плахотъ наповныхъ съ черцемъ тъканыхъ осмъ, которые коштовали кождая зъ нихъ по золотому; слугу атаманова, наймя Федора, съ коня збили и коня взяли шерстю плесывого, лысого, за которого дано копъ семъ; у Семена Кисляковича взяли коня шерстю вороного, белокопытого, который коштовалъ копъ шесть, — а самъ ажъ въ реку утекъ; у Романа Кисляка въ дому взято, розбивши бодню, плахотъ наполныхъ дванадцать, которые стоили кождая зъ нихъ по золотому; полотна тонкого осмъдесятъ локотъ, кождый локотъ стоилъ по два осмаки; наметокъ нерозрезываныхъ сорокъ локотъ, кождый локотъ стоялъ по два гроши; чепцовъ тъканыхъ двадцать, кождый зъ нихъ стоявъ по полтретя гроша; кожуховъ два баранихъ, за которые зъ нихъ кождого дано по осмъдесятъ грошей; лезиво ремяное, которое коштовало грошей петдесятъ; у Яцка Цокотуна въ дому, розбивши скриню, взяли: грошей копъ десетъ; ермяковъ два Люнскихъ—одинъ блакитный а другий синій, кождий зъ нихъ коштовалъ по три копы и по двадцати грошей; жупанъ синий Луцкий,

у которого жупана было пугвицъ сребреныхъ двадцать и чотыри, который жупанъ зъ сребромъ коштовалъ копъ осмъ грошей личбы Литовское, плахотъ черчатыхъ шесть, которые кождая коштовала по золотому, полотна тонкого сто локотъ, кождый локотъ стоялъ по полтретя гроша, кошуль женскихъ полотна ткацкаго шесть, за которые кождую дано по золотому, кошуль мужскихъ чотыри, которые кождая коштовала по дванадцать грошей, колпакъ лисий, сукномъ чирвонымъ Лунскимъ критый, сагайдакъ зъ лукомъ и зъ стрелами, у которомъ было стрелъ три десятки; у Василія Роговича взяли въ дому ярмяковъ два Лунскихъ, блакитныхъ, который кождый зъ нихъ коштовалъ по три копы грошей и по двадцати грошей, зъ бодни взяли грошей готовыхъ осмъ копъ, полотна кужелного локотъ петдесятъ, кождый локотъ стоилъ по два гроши, наметокъ нерозрезываныхъ локотъ сорокъ, кождый локотъ коштовалъ по полтретя гроша, коцъ белый, за которого дано полкопы грошей, сермягъ две—одна чорная а другая белая, за кождую зъ нихъ дано по полкопы грошей, плахотъ черчатыхъ чотыри, кождая зъ нихъ коштовала по золотому. На селе, поткавши удову, на имя Мелаху, знели знее сермягу новую, которая куплена за полчетверпятдесятъ грошей, плахту наполную съ черцемъ, которая коштовала двадцатъ грошей, поясъ зъ ыгольникомъ, у въ ыгольнику дей было грошей полкопы, наметку, которая коштовала пять грошей,—толко ее у одной кошули пустили. У Дашка Волошина у дому взяли жупанъ Лунский синий, который коштовалъ две копе и двадцатъ грошей, ярмяковъ два Лунскихъ—одинъ синий а другий блакитный, которыи кождый зъ нихъ коштовалъ по три копы и по двадцати грошей; у Ермолы въ дому взяли ложниковъ два, которыи кождый коштовали по сороку грошей, плахотъ чотыри на полы съ черцемъ, которые кождая коштовали по двадцати и по два грошей, полотна тонкого локотъ сорокъ, кождый локотъ стоялъ по два гроши, кошуль женскихъ шесть, кождая коштовала по дванадцать грошей, кошуль мужскихъ чотыри, кождая зъ нихъ коштовала по осмъ грошей, кожухъ бараний, за которого дано полъсемадесятъ грошей; у Савотка въ дому взяли ярмячковъ два Лунскихъ—одинъ блакитный а другий синий, кождый зъ нихъ коштовалъ по три копы

и по двадцати грошей; розбивши бодню, взяли въ той бодни копъ шесть грошей, полотна тонкого кужелного сувоевъ пять, въ которыхъ сувояхъ было локотъ сто и сорокъ, кождый локотъ стоялъ по полтретя гроша, плахотъ шесть черчатыхъ, кождая стоила по золотому, лезиво ремяное, которое коштовало полчетвертадесятъ грошей. Петра Ивановича тамъ же въ селе, въ дому его, самого збили, змордовали и зранили, маетности его побрали, то есть: ярмяковъ три взяли—два Лунскихъ, одинъ синій а другий блакитный, которые коштовали кождый по три копы и по полчетвертадесятъ грошей, а третий Муравский, который коштовалъ две копе грошей, грошей готовыхъ въ коморе, розбивши скриню, взяли копъ деветъ, полотна локотъ осмъдесятъ, кождый локотъ стоялъ по полтретя гроша, ложниковъ два—одинъ цвиткованый, а другий серый, которые кождый коштовали по петдесятъ грошей, сермяхъ две, которые коштовали по сороку грошей, плахотъ добрыхъ черленыхъ пять, кождая зъ нихъ стоила по петдесятъ грошей, кошулъ женскихъ тонкихъ шесть, кождая зъ нихъ стояла по петнадцатъ грошей, наметокъ нерозрезываныхъ локотъ сорокъ, кождый локотъ стоялъ по три гроши. Игната Ковалевича, въ дому его власномъ, его самого збили, змордовали и зранили, и маетности его побрали зъ дому его власного, то есть взяли: ярмяковъ три Лунскихъ—два блакитныхъ, которые кождый коштовали по три копы и по двадцати грошей, а третий синий, который коштовалъ полчварты копы грошей, кожухъ заечий, сукномъ Лунскимъ синимъ критый, который коштовалъ полпяти копы; розбивши бодню, взяли зъ нее грошей готовыхъ копъ дванадцать, полотна локотъ семдесятъ, кождый локотъ стоялъ по два гроши, плахотъ добрыхъ черленыхъ деветъ, кождая зъ нихъ стояла по сороку грошей, кошуль жонскихъ десетъ, кождая зъ нихъ стояла по шеснадцати грошей кошуль мужскихъ шесть, кождая зъ нихъ стояла по дванадцати грошей, кожухъ чабанский, за которого дано осмъдесятъ грошей, полгакъ съ пороховницою и зъ гамалеею. Тыхъ подданыхъ звышъменованыхъ обохъ, Петра и Игната, збивши и поранивши ихъ, и маетности ихъ побравши, повязавши ихъ, зъ собою до Кодни побралъ, и приведши до Кодни, держалъ у везеню два дни; кды третий день пришолъ, казалъ ихъ повешати, ажъ се обадва

мусели окупить—Игнатъ далъ за себе копъ шесть грошей, жебы его не казалъ повесети, а Петръ муселъ дати копъ пять грошей, также абы его не казалъ повесити. Въ тотъ же часъ, кгды чинили кгвалтъ, въ селе Пескахъ поймалъ человековъ девять,—поймавши и повязавши, зъ собою до Кодни побралъ, которыхъ людей и до сихъ часовъ немаешъ,—нетъ ведома где ихъ подевалъ, то есть: одного Еска, другого Макара, третего Евтуха, четвертого Бориса, пятого Якима, шостого Ивана, семого Каленика, осмого Гришка, девятого Костя. Чинивши кгвалтъ въ селе Пескахъ, и поехалъ зъ села, и выехалъ на толоку Песоцкую и Луцкую, занялъ череду, и съ тое череды выбралъ воловъ што лепшихъ осмъдесятъ, коней ездныхъ тридцать и осмъ, которые волы коштовали кождый купленый по две копе грошей личбы Литовские, а кони кождый зъ нихъ купленый по шести копъ грошей личбы Литовское. Тамъ же, на той же толоце, побрали волы съ плуговъ и кони, которые были при плугохъ: у Тимоша взяли плугъ воловъ, въ томъ плузе было воловъ десеть, пять съ тыхъ воловъ за кождого зъ нихъ дано по полтрети копы грошей, за другую пять воловъ по две копы грошей, железа плуговые, за которые дано золотый сокеру, за которую (дано) грошей десетъ, кони два—одинъ вороный, за которого дано копъ полсемы, а другий гнедый зъ седломъ, за которого дано полшесты копы грошей, за седло копу грошей, ручницу и съ пороховницою, за которую дано полсемадесятъ грошей, рогатину, за которую дано дванадцать грошей; у Левка Лисинского а у Аврама Мокея взяли, плугъ воловъ, въ томъ плугу было воловъ десятъ, пять съ тыхъ воловъ—за кождого зъ нихъ дано по две копы и по сороку грошей, а за другую пять воловъ—по две копы и по десети грошей, железа плуговые, за которые дано золотый, сокиру, за которую дано грошей дванадцать, кони два—одинъ серый, за которого дано копъ шесть грошей, другий гнедый, за которого дано полъосмы копы грошей, ручницъ две и съ пороховницами, за которые кождую дано по копе грошей; у Евтуха, а у Василя и у Мирона взяли плугъ воловъ, въ которомъ плузе было воловъ десеть, пять съ тыхъ воловъ за кождого зъ нихъ дано по три копы и петдесети грошей, а за другую пять дано, за кождого зъ нихъ, по две копы грошей, железа плуговые, за которые дано двадцать и шесть грошей, сокира,

за которую дано дванадцать грошей, кони два, одинъ вороный, за которого дано семъ копъ и дванадцать грошей, другий серый, за которого дано полшести копы грошей, сагайдакъ зъ лукомъ и съ стреламе, въ которомъ сагайдаку было стрелъ три десятки, который сагайдакъ зо всемъ коштовалъ копъ три, кордъ, за который дано семдесятъ грошей. Побравши, пограбивши тые вси волы и кони помененые на власнымъ кгрунте его милости пана Гаврила Горностая, воеводы Берестейского, старосты Менского, державцы Каменецкого, моего милостивого пана, отослалъ до Кодни, а самъ ехалъ до Житомира. И кгды се вернулъ зъ Житомира, на завтрешний день въ суботу, на власномъ кгрунте Тулинскомъ наехалъ двохъ подданыхъ пана моего милостиваго, зъ села Песокъ, косячи сено, на ймя одного Федора а другого Савку,—наехавши, тыхъ то звышъменованныхъ, одного, на ймя Савку, збилъ и зранилъ, а другого, Федора, збивши, змордовавши и повесилъ на березе, которого Янко Венцковичъ Войтковский змиловавшися, оттялъ. У тыхъ то двохъ звышъпомененыхъ подданыхъ пана моего на тотъ часъ самъ особою своею побралъ: у Федора клячу гнедую изъ возомъ, косу и сермягу,—за клячу дано копъ пять грошей, за косу дано грошей девятъ, а за сермягу дано грошей сорокъ; а у другого, Савки, взялъ сермягу, за которую дано грошей полчетвертадесятъ, косу, за которую дано грошей десятъ, ручничу, за которую дано грошей петдесятъ, сокиру, за которую дано грошей осмъ. Шкоды тые, которые починилъ его милость панъ воеводичъ Берестейский, кгды наехалъ кгвалтовне на власный крунтъ Тулинский, подъ место Тулины, на поле мещаномъ Тулинскимъ, дня вышъменованого, месеца іюля тридцатъ первого дня, то естъ: у Стецка Микитича потоптали и въ ни во што обернули жита ниву, на которой передъ тымъ нажиналъ копъ тридцать, ячменю ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Артюха ниву гречки, на которой нажиналъ передъ тымъ копъ петдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Степана Олизаровича ниву овса, на которой передъ тымъ нажиналъ копъ петдесятъ, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ петдесятъ; у Ивана ниву овса, на которой передъ тымъ нажиналъ копъ семдесятъ; у Марка ниву овса, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Трохима ниву овса, на которой нажиналъ

копъ петдесятъ; у Якима ниву гречки, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Устияна Чоботаря две ниве гречки, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцать; у Яцка Волошина две нивы гречки, на которыхъ нажиналъ копъ сто и сорокъ; у Макара Нестеревича ниву проса, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Пархома Нестеренка ниву овса, на которой нажиналъ копъ тридцатъ, ниву гороху, на которой накошивалъ возъ тридцатъ; у Васка Ковалевича ниву жита, на которой нажиналъ копъ осмдесятъ, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ осмъдесятъ, прядива ниву, накоторой бы былъ набралъ копъ десятъ, гороху нива, на которой накошивалъ возъ тридцатъ; у Антона Гордеевича ниву овса, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Якуба Гончера две ниве овса, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцатъ; у Кузмы Влашиновича две ниве овса, на которыхъ нажиналъ копъ сто, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ петдесятъ; у Сидора ниву гречки, на которой нажиналъ копъ сорокъ, конопель полънивы, на которой набралъ бы былъ копъ шесть; у Семена Низоцкого две ниве овса, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцатъ, ячменю ниву, на которой нажиналъ копъ шесьдесятъ, проса ниву, на которой бы былъ нажалъ копъ сорокъ; у Макара Низоцкого овса две нивы, на которыхъ нажиналъ копъ шесьдесятъ, проса ниву, на которой бы былъ нажалъ копъ шесьдесятъ; у Сергея ланъ жита, на которомъ нажиналъ копъ сто и сорокъ; у Ивана попа две ниве овса, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцать; у Михна ниву гречки, на которой нажиналъ копъ шесьдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ пятдесятъ. А збожя его милости пана моего, власного, дворного: жита лановъ два, на которыхъ нажиналося копъ двесте и сорокъ, пшеници лановъ два, на которыхъ нажиналося копъ сто и десятъ, овса ланъ, на которомъ нажиналося копъ осмъдесятъ. А зъ села Лещина збожя вшелякого подоптали и ни во што обернули, то есть: у Гапона овса нивъ три, на которыхъ нивахъ нажиналъ копъ сто и сорокъ, гречки нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ шесьдесятъ, гороху нива, на которой накошивалъ копъ двадцать, прадива нивка, на которой набралъ бы былъ копъ пять; у Павла Мишковича гречки нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ осмъдесятъ; у Ивана ниву ячменю, на которой нажиналъ копъ сорокъ, прадива

нивка, на которой бы былъ набралъ копъ чотыри; у Антона Тимошевича нивъ две овса, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ; у Федора Скоробогатка овса нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ сто и сорокъ, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ полъпетадесять, гороху нива, на которой накошивалъ копъ пятдесятъ; у Конона Гриневича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ осмъдесятъ, гречки нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ сто; у Опанаса Губки гречки нивъ чотыри, на которихъ нажиналъ копъ полтораста; у во Йвана Брегица ниву овса, на которой нажиналъ копъ петдесятъ; у Савки Леляковича ниву ячменю, на которой нажиналъ копъ тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Стася Тенетиловича овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ полтретядцятъ, прадива нивка, на которой набралъ бы былъ копъ шесть; у Антона Ивановича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Аврама маку ниву, на которой натрасъ бы колодъ чотыри меры Тулинское, прадива ниву, на которой набралъ бы былъ копъ семъ; у Романа Гомона пшеници нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ осмъдесятъ, ячменю нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ, маку нива, на которой натрасъ бы былъ колодъ три меры Тулинское, прадива нивку, на которой набралъ бы былъ копъ пять, конопель ниву, на которой набралъ бы былъ копъ чотыри; у Каленика Подолянина овса нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ шесьдесятъ, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ; у Семена Уса гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ тридцать; у Митка Савосткевича овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сто; у Куряна Савича овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ шесьдесятъ; у Грицка ниву овса, на которой нажиналъ копъ двадцатъ, гречки ниву—нажиналъ копъ полтретядцать; у Каленика Даниловича гречки ланъ, на которомъ нажиналъ копъ шесьдесятъ; у Евсея Даниловича ячменю ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у въ Омельяна овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ полчвертадесятъ; у Ждана Ковалевича гречки

ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Богдана Федоровича пшеницы ланъ, на которомъ нажиналъ копъ сто и десятъ; у Логвина десятника гречки ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Дениса Дудчеча ниву гречки, на которой нажиналъ копъ двадцать; у Антона Беребтчича ниву гречки, на которой нажиналъ копъ полтретядцатъ; у во Йвана Снежка овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Лукаша ланъ овса, на которомъ нажиналъ копъ петдесятъ; у Вакулы Сорочича гречки ниву, на которой нажиналъ копъ полтретядцать. А на Луцкомъ поли потоптали збожя и ни вошто обернули, то есть: у Федора, атамана Луцкого, нивъ три жита, на которыхъ нажиналъ копъ полтораста; у Петра Омеляновича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сто и тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ петдесятъ; у Федора Патрикевича гречки две ниве, на которыхъ нажиналъ копъ осмъдесятъ, овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сто; у Ивана Василевича ячменю ниву, на которой нажиналъ копъ осмъдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ петдесятъ, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сто; у Матфея Михалевича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сто, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ осмъдесятъ, овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ деветдесятъ; у Микиты жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ осмъдесятъ, ячменю ниву, на которой нажиналъ копъ осмъдесятъ, прадива ниву, на которой бы было копь осмъ, конопель нива, на которой бы былъ набралъ копъ деветъ; у Терешка Першковича жита ниву, на которой нажиналъ копъ осмъдесятъ, проса ниву, на которой бы былъ нажалъ копъ петдесятъ, прадива ниву, на которой бы былъ набралъ копъ шесть; у Нестера жита ниву, на которой нажиналъ копъ семдесятъ; у Пилипа Корнеевича проса нивъ две, на которыхъ нажалъ бы былъ копъ тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ двадцать; у Гришка Подлеска ниву жита, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Мишка Деревоеда жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ пятдесятъ, ячменю нива, на которой нажиналъ копъ двацатъ, гороху нива, на которой накошивалъ копъ двадцатъ, маку нива, на которой натрасъ бы былъ колодъ три меры Тулинское; у Семена Теслича гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ; у Мой-

сея Межирецкого гречки ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Радивона Першковича ниву гречки, на которой нажиналъ копъ сорокъ; у Карпа Корнеевича проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копъ петдесятъ; у во Йвана Кушнера прадива ниву, на которой набралъ бы былъ копъ чотыри; у Павла гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ; у Яцка Костюковича жита нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ, проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копъ двадцатъ; у Ярофея Голуба овса ниву, на которой нажиналъ копъ полтретядцать; гречки ниву, на которой нажиналъ копъ полтретядцать; у Опанаса жита нивъ три, на которыхъ нажиналъ копъ сто и десятъ, овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать, гороху ниву, на которой накошивалъ копъ сорокъ; у въ Ильи ниву жита, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Лукяна Яромовича жита ниву, на которой нажиналъ копъ двадцать, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Кузмы Брагинца жита ниву, на которой нажиналъ копъ двадцатъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ, проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копъ петдесятъ, гречки ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Андрея жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ пятдесятъ; у Максима Кожи гречки ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Яроша гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ пятдесятъ, проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копъ двадцатъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ, жита ниву, на которой нажиналъ копъ дватцатъ; у Кондрата Ходоровича жита нивъ две, на которыхи нажиналъ копъ тридцатъ, проса ниву, на которой нажалъ бы былъ копъ тридцатъ. А на поли Середнего села збожя подоптали и въ ни вошто обернули, то есть: у Ждана Роевича овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать, гречки ниву, на которой нажиналъ конъ двадцать, ярицы ниву, на которой нажиналъ копъ двадцатъ; у Богдана Короткого овса ланъ, на которомъ нажиналъ копъ сто, гречки ланъ, на которомъ нажиналъ копъ петдесятъ; у Жданца Черепеги гречки ланъ, на которомъ нажиналъ копъ семдесятъ, гороху ниву, на которой накошивалъ копъ десетъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ петдесятъ, ячменю ниву, на которой нажи-

налъ копъ сорокъ, маку нивку, на которой натрасъ бы былъ колодъ две меры Тулинское, жита ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Марка Протасовича жита ниву, на которой нажиналъ копъ двадцатъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Ондрея Толстого овса ниву, на которой нажиналъ копъ шесьдесятъ, ячменю ниву, на которой нажиналъ копъ десетъ, прадива полънивы, на которой набралъ бы былъ копъ пять; у Васка Мелника гречки ниву, на которой нажиналъ копъ двадцатъ, жита ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ. На поли села Песецкого потоптали збожя и въ нивошто обернули, то естъ: у Тимошка, отамана Песецкого, овса ланъ, на которомъ нажиналъ копъ семдесятъ, гречки ланъ, на которомъ нажиналъ копъ полъосмъдесятъ, конопель ниву, на которой набралъ бы былъ копъ семъ; у Еремея овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Вакулы гречки ниву, на которой нажиналъ копъ полътретядцатъ; у Семена Кисляченка жита нивъ дви, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ, пшеницы ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Василя нивъ тры жита—одну, на которой нажиналъ копъ двадцатъ овса, другую ниву, на которой нажиналъ копъ двадцатъ пшеници, третую ниву, на которой нажиналъ копъ полтретядцатъ; у Яцка Цокотуна жита ланъ, на которомъ нажиналъ копъ семдесятъ, гречки лановъ два, на которыхъ нажиналъ копъ пятдесятъ, овса лановъ два, на которыхъ нажиналъ копъ осмъдесятъ; у Петра Ивановича жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ тридцать, овса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ, проса ниву, на которой бы былъ нажалъ копъ двадцатъ, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ полтретядцатъ; у въ Игната Чорътка пшеницы ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ, жита ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ двадцать; у Савки овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у въ Андрея Процевича гречки ниву, на которой нажиналъ копъ двадцатъ; у Федора жита ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ; у Васка Мельника гречки ниву, на которой нажиналъ копъ двадцатъ, жита ниву, на которой нажиналъ копъ тридцатъ; у Ониска жита ниву, на которой нажиналъ копъ

двадцать, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ; у Грицка Чорного жита нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ двадцать, проса нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ сорокъ, гречки нивъ две, на которыхъ нажиналъ копъ петдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать. У Данила Протасовича ниву пшеницы, на которой нажиналъ копъ тридцать, овса ниву, на которой нажиналъ копъ двадцать; у Романа Кисляка пшеницы ниву, на которой нажиналъ копъ сорокъ, жита ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Тишка Гири жита ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать; у Левка пшеницы ниву, на которой нажиналъ копъ петдесятъ, овса ниву, на которой нажиналъ копъ тридцать. Также тежъ и всѣ сеножати на поляхъ: Тулинскихъ, Луцкихъ, села Середного и села Пѣсокъ, на которыхъ сеножатехъ укошувано стиртъ (sic) три тисячи, въ которыхъ стыртахъ въ кождую стирту кладувано и скидувано возовъ по осмъдесятъ, — то дей все его милость панъ Фридрихъ Тишкевичъ Логойский, воеводичъ Берестейский, дня звышъмененого, самъ особою своею и съ помощниками своими, вышъменованными, тые всѣ шкоды помененые починивши, за наеханемъ кгвалтовнымъ, побравши и пограбивши, и до именя своего, до мѣста Кодни, такъ товары, яко кони и маетности и самыхъ подданыхъ вышъменованыхъ отвезли, отнесли, отвелъ, отогнали и отпровадили, а иншихъ дей побили, поранили, помордовали, жоны, дети розогнали, яко ся вышей поменило. И просилъ врядникъ Тулинский велможного пана его милости, пана Гаврила Горностая, воеводы Берестейского, старосты Менского, державцы Каменецкого, панъ Романъ Борисовичъ Максимовский, о придане возного на огледане того кгвалтовного наеханя и починеня шкодъ въ збожахъ, и о побите и пораненя подданыхъ пана его, и о побране и пограбене маетностей ихъ. Ямъ ему зъ уряду придалъ возного земли Киевское, шляхетного Ждана Щениевского, который возный, тамъ бывши и того всего огледавши, и постановившися передо мною, на вряде, въ року теперъ идучомъ осмъдесятъ семомъ, месяца августа четвертого дня, очевисто, ку записованю до книгъ, тыми словы сознался и тое сознане свое на письме, съ подъписомъ руки своее, подалъ: Я Ждань Щениевский, возный земли Киевское, вызнаваю

тымъ моимъ квитомъ, ку записованю до книгъ замку господарского, Житомирского, ижъ будучи мне приданый зъ уряду замку господарского, Житомирского, на справы вельможного пана его милости, пана Гаврила Горностая, воеводы Берестейского, старосты Менского, державцы Каменецкого, во именяхъ его милости, лежачихъ у повете Киевскомъ, то есть: въ мѣсте въ Тулинахъ, въ селе въ Луце, въ Середнемъ, въ сели въ Заставью и въ селе Пескахъ, тамъ же, за оказаньемъ и обвоженемъ врядника его милости, Тулинского, пана Романа Борисовича, року теперъ идучого тысеча пятьсотъ осмъдесятъ семого, месяца августа третего дня, виделъ есми подъ местомъ Тулинскимъ, на власномъ кгрунте его милости пана воеводы Берестейского, на поли, почонши отъ тое дороги, которая идетъ съ Кодни до Тулинъ, пашню побитую, потоптаную, покошеную и шляхъ великий по пашнѣ,—знатъ же конные и возами и пешие,—потоптано жита, пшеницы, ячменя, овса, проса, гречки, гороху, ярицы, маки, прядива, конопли, и вшелякые збожа, который тотъ слѣдъ одъ мѣста Тулинъ пошелъ пашнею ажъ до села Пѣсокъ; тамъ же, въ томъ селѣ, видилъ есми и слышалъ крикъ людей немалыхъ, нарекане и плачъ; виделъ тежъ есми у пяти дворахъ двери сѣнешные повырубуваные, стрелами постреляны, и зъ рушницъ попробиваны. Тамъ же, за оказанемъ, виделъ есми на поданомъ его милости, на ймя на Петру Ивановичу, ранъ крывавыхъ, рубаныхъ, шкодъливыхъ чотыри у голове, съ которыхъ ранъ—не вѣдати будетъ ли живъ; а на Игнату Ковалевичу виделъ есми ранъ шкодливыхъ две въ головѣ, рубаныхъ, крывавыхъ; а на Савцы Омеляновичу видиломъ на чолѣ, на рогу, рану тятую, крывавую, и коса (sic) перетята, которую се дей былъ зложилъ тое збыте и зранене подданые его милости, звышъменованые, шкоды собе менили бы отъ пана Фридриха Тишкевича Логойского, воеводича Берестейского,—же дей самъ особою своею, зъ многими слугами, поддаными и помощниками своими, а меновите: зъ Янкомъ Венцковичомъ Войтковскимъ, Станиславомъ Купою, Юзефомъ Яблонскимъ,—могло дей ихъ бытъ о шестьсотъ,—конъно и збройно, зъоружемъ, войне належачимъ, зъ гаковницами, и зъ рушницами и зъ иншимъ многимъ оружемъ, часу не давно минулого, у пятницу, месяца іюля тридцатъ первого дня, въ року теперешънемъ осмъдесятъ семомъ, наехалъ моцно, кгвалтомъ,

на именя его милости пана воеводы Берестейского, предъречоные, подданыхъ дей побилъ, помордовалъ, поранилъ, иншихъ потопилъ, а иншихъ повѣсивши и поотгиналъ, а инъшихъ дей не вѣдати где подевалъ, а меновите то естъ: Есифа, Макара, Евтуха, Бориса, Якима Ивана, Каленика, Гришка, Костя, и тыхъ дей и до сего часу вѣдомости о нихъ мети не могутъ,—чи потопилъ, чи ихъ зъ собою побралъ. Въ тотъ же дей часъ шкоды немалые починили, яко естъ ширей меновите и достаточне на оповеданю врядовомъ написано и доложоно, што то все мною, вознымъ, осветчили и поведили и оказали. Тамъ же, зъ села выехавши, виделъ есми шляхъ не малый пошолъ до Кодни, збожя розмаитого и сеножатей травы потоптаую вдолжъ на милю, а вширъ на полъмили. А при мне, возномъ, на той всей справе были стороною шляхта: панъ Матей Заремба а панъ Иванъ Дмитровичъ. И на томъ я, возный, звышъменованый, ку записованью до книгъ замку господарского, Житомирского, далъ сей мой квитъ съ подписомъ руки моее власное. Писанъ въ Житомиру, року восемдесятъ семого, месяца августа четвертого дня. Которое очевистое сознание и квитъ возного у книги замку господарского, Житомирского, записати казалъ. Што естъ записано.

Книга Житомирская гродская, поточная, 1582—1588 г., № 8, листъ 254.

LXV.

Сознаніе вознаго по дѣлу о крестьянахъ пана Андрея Сынгура изъ села Ноздрыша, ушедшихъ въ имѣніе князя Константина Острожскаго, мѣстечко Бѣлогородку. Одинъ изъ нихъ показалъ возному, что дѣйствительно, онъ, вмѣстѣ съ другими четырьми крестьянами, уходилъ въ мѣстечко Бѣлогородку, но возвратился оттуда, такъ какъ тамъ пашутъ плугами и для него, по его бѣдности, это было отяготительно; подкоморій же Кіевскій, Харлинскій, ихъ не перезывалъ, и въ имѣніе его, Хабенское, они не заходили, а даже миновали его ночью, изъ опасенія, чтобы съ нихъ не взяли »мимоходчины.« 1587 г., ноября 13 дня.

Року 1587, месяца ноября 13 дня.

Постановившися очевисто на вряде господарскомъ, Житомирскомъ, передо мною Войтехомъ Жолтинскимъ, подстаростимъ

Житомирскимъ, возный воеводства Киевского, Янъ Вотъковский, ку записаню до книгъ врядовыхъ созналъ тыми словы: ижъ дей року теперъ идучого, тисеча пятсотъ осемъдесятъ семого, месяца октября девятого дня, былъ есми на справе и потребе его милости, пана Щасного Харлинскаго, подкоморого земле Киевское,—ездилъ есми до именя пана Андрея Синкгура, до Ноздришъ, лежачого въ повете Киевскомъ, съ приятелемъ его милости пана Харлинского, съ паномъ Стефаномъ Родкевичомъ; а на тотъ часъ при насъ была сторона люди добрые: панъ Флорианъ Павловский, а панъ Собестьянъ Воменский. Кгды есмо были у томъ селе Ноздриши, приѣхали есмо до дому подданого пана Синкгурового, на ймя Ивана, тогды пыталъ панъ Родкевичъ того Ивана передо мною, вознымъ, и и передъ шляхтою, звышъпомененою, тыми словы: ижъ панъ твой, панъ Синкгуръ, его милость пана Щасного Харлинского, подкоморего земли Киевское, о тебе и о Гришка до каптуру позываетъ. Онъ на то поведилъ, ижъ насъ пятъ съ того именя пана Андрея Синкгура, Ноздришъ, прочъ было пошло, и были есмо во йменю его велможное милости княжати Константина Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, у Белогородцы; нижли, ижъ я Иванъ и Гришко назадъ есмо ся тутъ, до Ноздришъ, вернули, для тое причины, же не мели ся есмо чимъ живити, кгды жъ тамъ на насъ была тяжкая робота, бо плугами робятъ, а насъ два не мели статку, чимъ бы ся мели поживити. А тамъ, въ Белогородци, трей ся зостали, то есть: Федко, а Федоръ Годуновичъ, а Андрей Ширневичъ,—бо статокъ маютъ, и тымъ ся тамъ зостали; а што панъ нашъ его милость пана Харлинского о насъ позываетъ, тогды кождому волно позывати. Яко, кгды есмо шли зъ Ноздриша прочъ, не бачили есмо врадника Хабенского, а не жадного человека, подданого его милости пана Харлинского; и шли есмо гостинцемъ великомъ Киевскомъ, не бываючи у Хабномъ, але, перешедши мостъ чрезъ Ушу, шли есмо ночю подле острога Хабенского, коломеста, абы насъ нихто не видалъ, и мимоходцины абы на насъ не взято; и нигде въ селахъ Хабенскихъ есмо не были и не стояли, и невинне дей панъ нашъ о насъ позываетъ, бо дей о томъ нихто не ведалъ, и насъ не выкочовалъ, але дей мы, по доброй воли своей,

пошли были есмо прочъ. А такъ я тое очевистое сознане возного до книгъ врадовыхъ записати есми казалъ.

Книга Житомирская гродская, поточная, годъ 1582-1588, № 8, листъ 302-й.

LXVI.

Закладная подстолія Волынской земли, Криштофа Витвинского и жены его Александры, пану Максиму Ивановичу Лудовичу на имѣніе Хреново, съ передачею ему права казнить крестьянъ смертью. 1588 г., февраля 9 дня.

Року 1588, месяца февраля первогонадцатъ дня.

На вряде гродскомъ, въ замку господарскомъ, Володимерскомъ, передъ нами Анъдреемъ Романовскимъ, подстаростимъ, а Федоромъ Курцевичомъ, судею, врядники гродскими, Володимерскими, ставши очевисто ихъ милость панъ Криштофъ Витвинский, подстолий земли Волынское, и малжонка его милости, пани Александра Боговитиновна Кутенского, ку записаню до книгъ сознали, водле листу своего заставного, на заставу именя своего, Хренова, въ суме пенезей двохъ тисечей золотыхъ Полскихъ, пану Макъсиму Лудовичу, подъ печатми своими и съ подписомъ рукъ своихъ, такъ тежъ подъ печатми и съ подписомъ рукъ людей добрыхъ даного, и тотъ листъ передъ нами покладали, просечи, абы былъ до книгъ гродскихъ вписанъ. Которого мы принявши, и его передъ собою вычитатъ казавши, за прозбою ихъ милости, слово отъ слова, до книгъ вписати есмо казали, и такъ ся въ собе маетъ: »Я Криштофъ Витвинский, подстолий земли Волынское, а я Александра Боговитиновна Кутенского, малжонка его милости, обое яко одно, а одно яко обое, чинимъ явно и вызнаваемъ то симъ нашимъ доброволнымъ записнымъ листомъ кождому, кому бы того теперъ и на потомъ потреба была

ведати, ижъ маючи мы имене свое властное, ни кому ни чимъ не пенное а ни заведеное, въ повете Володимерскомъ лежачое, все зуполное село Хреновъ, зъ дворомъ, людми, кгрунты, всими приналежностями и пожитки, я, Криштофъ Витвинский, вечностью, правомъ прирожонымъ и спадковымъ и набытымъ купленымъ, а я, Александра, малжонка его милости, маючи отъ его милости пана малжонка моего, на половицы того именя, Хренова, суму пенезей две тисечи золотыхъ Полскихъ записаныхъ, а будучи обое мы пилне потребны сумы пенезей, и позычивши а сполными руками нашими узявши у пана Макъсима Ивановича Лудовича суму певную пенезей две тисечи золотыхъ Полскихъ, въ которой суме пенезей, въ тыхъ двохъ тисечахъ золотыхъ Полскихъ, заставили и заразъ въ моцъ, владность, въ держане и уживане, врядовне при возномъ, зъ уряду кгродского, Володимерского, на то приданымъ, Исакию Долматскомъ и шляхте, при немъ будучой, поступили и подали есмо впередъ меноваиому пану Максиму тое имене наше, звышъпомененое, Хреновъ, все зъ доймомъ, то естъ: зъ дворомъ, и зо всимъ будованемъ, и зъ садбишемъ дворнымъ, огородами, полми засеяными и не засеяными, зъ сеножатми, до того двора належачими, зъ ставомъ, млыномъ, корчмою, зъ дубровами, ганми, запустами, зарослями, зъ людми подворищными, тяглыми, огородниками, съ цыншами грошовыми и овсяными, платы, доходы, пожитки, службами, роботами и зо всими повинностями, зъ нихъ приходячими, и зъ присудомъ тыхъ людей, Хреновъскихъ, во всякихъ выступехъ, бранемъ пересудовъ, куницъ змерныхъ, винъ, и съ каранемъ таковымъ, которое хочъ бы ся и горла дотыкало, и тежъ куницами и сорочками поемными, зъ дворищи пустыми и со всимъ на все, яко се тое имене, Хреново, само въ собе, пожиткохъ и границахъ и обыходехъ своихъ маетъ, яко за отца моего Кришътофа, небожчика пана Бартоша Витвинского, держано было, и якъ мы сами держали, ничого на себе, на дети наши, братью и сестръ моихъ, Крышътофовыхъ, и ни которыхъ близкихъ, кревъныхъ, повиноватыхъ насъ обойга, и ни на кого иншого съ того именя, Хренова, и пожитковъ въсякихъ, малыхъ и великихъ, якимъ колвекъ именемъ або прозвискомъ названихъ и въ семъ листе нашомъ помененыхъ и не помененыхъ, къ

тому именю, Хренову, належачихъ, не выймуючи а ни зоставуючи,— которое имене Хреново, все, зъ доймомъ, зо всѣмъ на все, заставили есмо пану Максиму рокомъ певнымъ, то есть меновите почавши отъ месеца теперешнего февраля девятого дня, въ рѣку теперъ идучомъ тисяча пятъсотъ осмъдесятъ осмомъ, до светого Мартина света Римского, которое свето маеть быти въ томъ же року теперешнемъ осмъдесятъ осмомъ, месяца ноября первогонадцатъ дня. Маетъ панъ Максимъ, або и тотъ, хто бы потомъ тое имене, Хреново, держалъ, зо всѣмъ на все, яко ся звышъ поменило, што ся не поменило, кгды жъ мы симъ записомъ нашимъ то варуемъ: ижъ помененое не помененому, а не помененое помененому, ничого шкодити и перекажати не маетъ, до того року, въ семъ листе нашомъ описаного,— на себе держати и вживати, и все съ того именя нашого, Хренова, въ пожитокъ свой, водле воли и подобаня своего, якъ самъ налепей розумеючи, собе привлащати и подданыхъ, отъ насъ заставленыхъ, людей Хреновскихъ, судити, радити, пересудъ, куницы змерные и вины зъ нихъ брати, и каждого выступного, водле заслуги, карати. А мы всю суму пенезей, две тисечи золотыхъ Полскихъ, грошми готовыми, талярми старыми, або чирвоными золотыми Угорскими, справедливыми, добре важными, а не жадными фанты, на рокъ, звышъпомененый, на местцу певномъ, въ замку господарскомъ, Володимерскомъ, отдати маемъ. А если быхмо на тотъ рокъ, въ семъ листе нашомъ описаный, на денъ светого Мартина, на местцу меноваиомъ, въ замку Володимерскомъ, пану Максиму, або тому, кому сесь листъ нашъ записный служити будетъ, тое сумы пенезей, двохъ тисечей золотыхъ Полскихъ, не отдали, а того именья нашого, Хренова, не окупили, тогды маетъ панъ Максимъ, або тотъ, у кого сесь листъ нашъ будетъ, отъ того тамъ часу, одъ дня светого Мартина, до святого Юря света Греческого, которое будетъ въ року панскомъ, тисеча пятъсотъ деветъдесятъ первомъ,—а въ не отданю и на тотъ рокъ тое сумы пенезей, отъ оного часу и дня светого Юря до трохъ летъ суполныхъ, и такъ одъ трохъ годъ—до трохъ годъ, ажъ до отданя тое всее сумы пенезей, двохъ тисечей золотыхъ Полскихъ, съ такими жъ кондыцыями и обовязки нашими, въ семъ листе нашомъ поменеными, и которые нижей будуть помене-

ными, тое имене, Хреново, зо всѣмъ тымъ, съ чимъ есмо заставили, на себе держати и уживати. А мы, промежку роковъ, то есть, кромъ року описаного, и ознайменя врядового, того именя, Хренова, окуповати не маемъ и мочи не будемъ; але, кгды бысмы на рокъ описаный, на светого Юря, тую суму пенезей отдати а имене Хреново окупити хотели, маемо обое и кождое зъ насъ пану Максиму, або на онъ часъ держачому, о томъ выкупе за шестъ недель зуполныхъ передъ рокомъ черезъ возного ознаймити. А по отданю отъ насъ грошей и выкупеню оного именя, панъ Максимъ, або кому бы за часомъ тое право належало, оное имене, Хреново, другую шестъ недель, для румацыи, або выпроваженья маетностей своихъ тыми жъ людми Хреновскими, спокойне держати маетъ, — а мы и никоторые зъ насъ, и ни хто иный того боронити, и затрудненья въ томъ никакого делати, а поготову, не отдавши тое все сумы пенезей на рокъ описаный, въ тое имене, Хреново, и пожитки къ нему належачие, ни чимъ ся вступовати и никоторое переказы въ держанью и уживаню того именя, сами черезъ себе и детей нашихъ, братю и сестръ моихъ, Крыштофовыхъ, и ни которыхъ близкихъ, кревныхъ, повинноватыхъ насъ обойга, такъ же врядниковъ, слугъ, бояръ и подданыхъ нашихъ, и ни черезъ кого иншого, пану Максимови и тому, хто бы тое имене держалъ, чинити и трудности задавати не маемъ, и тые, звышъпомененые, не мають, подъ закладомъ въ семъ листе нашомъ нижейописанымъ. А где бы въ неотданю отъ насъ пану Максиму, або тому, въ кого сесь листъ нашъ будетъ, тое всее сумы пенезей позычоное, и неокупеню того именя нашого, на которое зъ насъ панъ Богъ допустилъ смерть, тогды, хто зъ насъ живъ зостанетъ, не на инший, одно на тотъ же рокъ, въ семъ листе нашомъ описаный, тую всю суму пенезей позычоную, пану Максиму, або тому, у кого тое право будетъ, отдати, а тое имене наше, Хреново, окупити, и во всемъ ся, водлугъ сего листу нашого, заховати маеть. Такъ тежъ, где бы и на обое насъ, въ неотданью тое сумы пенезей и неокупеню того именя нашого, панъ Богъ допустилъ смерть, тогды дети наши, братя, сестры мои, Крыштофовы, кревные, повиноватые насъ обеюхъ и кождого зъ насъ, або тотъ, кому бы то колвекъ по насъ належало, тую всю суму пене-

зей позычоную, мають и повинни будутъ пану Максиму, або тому, кому тое право належати будетъ, такъ же не на иншый, одно на тотъ же рокъ, звышъпомененый и въ семъ листе нашомъ описаный, отдати, а тое имéне окупити, и во всемъ ся по тому, яко быхмо и мы сами, заховати, водлугъ сего листу запису нашого, маютъ. А не отдавши тое всее сумы пенезей, на рокъ описаный, ни чимъ ся въ тое имене и пожитки, ку нему належачие, вступовати, зъ моцы и держаня пана Максимова и того, хто бы колвекъ тое имене держалъ, выймовати, и никоторое переказы въ держаню и вживаню чинити, и трудности задавати не маютъ и мочи не будутъ. А если бы, за держаня пана Максимова, або того, хто бы тое имене держалъ, съ того именя, Хренова, которые люди прочъ ся розыйшли, або, чого Боже уховай, згореня двора, млына, корчмы и села, и чого колвекъ, такъ же и въ чомъ иншомъ якая бы ся шкода стала, тогды мы, и никоторые зъ насъ, при отдаваню тое сумы пенезей, и выкупеню того именя нашого, съ тое сумы пенезей позычоное, за все тое ничого вытручати, и по выкупеню того именя, николы ни чимъ—такъ розыштя людей, яко пожоги и никоторыхъ иншихъ шкодъ, на пану Максиму и на томъ, хто бы колвекъ тое имене наше держалъ, на ихъ самыхъ, жонахъ, дѣтехъ и потомкахъ ихъ, пойскивати не маемъ и мочи не будемъ, а по насъ дѣти и потомки наши, братя и сестры мои, Крыштофовы, и никоторые близкие, кревные и повиноватые насъ обойга, не маютъ и мочи не будуть. А если бы ся пану Максиму, або тому, хто бы тое имене держалъ, за держанья ихъ отъ насъ и которое колвекъ особы, або отъ детей нашихъ, брати и сестръ моихъ, Крыштофовыхъ, и о нѣкоторыхъ близкихъ, кревныхъ и повиноватыхъ насъ обоихъ, и отъ кого жъ колвекъ въ кгрунтехъ земленыхъ, подданыхъ и въ позыванью до права о тое имене, Хреново, и въ чомъ же колвекъ въ томъ именью, Хренове, якая кривда и шкода, трудность деяти мела, тогды мы, за ознайменьемъ намъ отъ пана Максима, або отъ того, кому тое право служити будетъ, маемо своимъ всимъ коштомъ нашимъ имъ то очищати, и передъ кождымъ правомъ ихъ заступовати, и боронити маемъ, и будемъ повинни, такъ обое сполне, яко и кождое зъ насъ особно, а по насъ дети, потомки наши, братя и сестры мои, Крыштофовы,

близкие, кревные, повиноватые насъ обеюхъ и кождого зъ насъ,— сами ни въ чомъ имъ въ той заставе кривды и переказы не чинити, ото всихъ иншихъ кривдъ, шкодъ, кгвалтовъ, права, позываня, записовъ першихъ и последнихъ, правъ прирожоныхъ и якихъ колвекъ, отъ кого бы ся колвекъ, што сему записови противно показати могло, боронити, успокояти, тые добра волные учинити и во всемъ ся, водлугъ сего листу запису нашого, заховати маемъ, дети, потомки наши будутъ повинни. А што ся дотычетъ службы господарское и земское военное зъ стое заставы нашое, за держанья ихъ, тогды мы тую службу за нихъ, не беручи зъ подданыхъ Хреновскихъ выреду никоторого, своимъ власнымъ накладомъ и коштомъ служити, и ихъ въ томъ заступовати маемъ и будемъ повинни, а по насъ дети, потомки наши маютъ и будутъ повинни, а панъ Максимъ и тотъ, хто бы за часомъ тое имене держалъ, маетъ быти съ того воленъ. А што бы панъ Максимъ, або хто бы на онъ часъ тое именье держалъ, за держанья своего, у дворе, або въ чомъ же колвекъ прибудовалъ, гребли поправилъ, тогды мы, и кождое зъ насъ, при заплаченью тое сумы пенезей и выкупенью тое заставы, за таковое будованъе и поправленье гребли, ведле реестру и реченья слова доброго, отложити и заплатити маемъ и будемъ повинни, а по насъ, дети и потомки наши, або тотъ, кому бы выкупно тое заставы належало, маютъ и будутъ повинни, такъ яко бы панъ Максимъ, або держачий того именя, кривды и шкоды въ томъ собе не мелъ. Такъ тежъ, што бы при выкупенью тое заставы, въ томъ дворе и гумне пашни спрятаное, жита, пшеници и иного якого збожья, сѣна, быдла и иншихъ речей статку и спряту домового было, тогды то все панъ Максимъ, або тотъ, хто бы тое именье держалъ, доброволне, яко свое власное, побрати маетъ. А што ся дотычетъ збожья на поляхъ дворныхъ, або и пустовныхъ и якихъ же колвекъ того именья, Хреновъского, засѣяного болше, нижели мы при заставе того именя засевку подали, то волно пану Максиму, або тому, хто на тотъ часъ тое имене держати будетъ, яко свое власное пожати и побрати. А где бы тежъ панъ Максимъ, будучи потребенъ сумы пенезей, тое право свое и имене Хреново въ той же суме пенезей кому иншому пустилъ и заставилъ, то его милости волно будетъ вчинити, и тые вси обовязки,

въ семъ листе нашомъ, вышей и нижей написаные, таковому кождому держачому того именя, Хренова, яко самому пану Максиму служити и во всемъ моцни быти противъ насъ обойга сполне и кождого зособна, або порозну, такъ же детей и потомковъ нашихъ маютъ. А если быхмо мы сами, або по насъ дети, потомки наши, братя и сестры мои, Крыштофовы, близкие, кревные, повиноватые насъ обеюхъ, тую заставу въ пана Максима, або въ того, кому бы панъ Максимъ тымъ правомъ своимъ зъ рукъ своихъ пустилъ, и кому бы колвекъ тое право служило, безъ року описаного, то естъ промежку роковъ и безъ ознайменя урядового окуповати хотели, и оное румацыи шести недель выдержати не дали, або и якое затруднене уделали и хто жъ колвекъ уделалъ, або, не отдавши тое сумы пенезей на рокъ описаный, въ тую заставу чимъ же колвекъ уступовати и якую переказу и трудность въ держаню и уживаню задавати, и шкоду чинити мели, и въ чомъ колвекъ, водле сего листу, въ артикулехъ и понктехъ вышей и нижей въ семъ листе описаныхъ, не заховали, и въ якой же колвекъ речи надъ сесь записъ выступили и его не выполнили, тогды мы обое и кождое зъ насъ повинни будемо, а по насъ кождый потомокъ нашъ повиненъ будетъ, толко кротъ, колко бы въ чомъ выступилъ, заруки таковую жъ суму пенезей, другую две тисечи золотыхъ Полское личбы, пану Максиму, або тому, кому бы тое право за часомъ служило и належало, заплатити шкоды и наклады на речене слова стороне укривжоной, кромъ всякого доводу и присяги,—отложити и нагородити маемъ и маютъ. О што все даемо волность на себе пану Максиму и таковому, въ кого бы тая застава наша была, дети и потомки наши, а по зештю нашомъ, на братю и сестръ моихъ, Крыштофовыхъ, близкихъ, кревныхъ и повиноватыхъ насъ обеюхъ и кождого выступного, хто бы въ той заставе переказу и трудность чинилъ, до которого колвекъ права суду кгродского, яко и земского, Володимерского, и до якого колвекъ иншого повету и суду позвати. И будучи позвани, и которого колвекъ зъ насъ позвано, будъ слушне або и не слушне, рокомъ хотъ и наблизшимъ, тогды мы сами обое, або которое колвекъ зъ насъ, отступуючи права повету и суду земского, не вымовляючися одно другимъ, а по насъ кождый выступный, отъ кого бы хто въ чомъ

колвекъ кривду и шкоду въ той заставе собе быти мениль, не закладаючися хоробою и службою господаръскою, земскою, соймомъ, войною, поветриемъ, и въ иншихъ поветехъ болшими справами маючими, и никоторыми инъшими причинами, правными и не правными, отъ людей вымышленными и не вымовляючися, за першимъ позвомъ и на першомъ року, яко на завитомъ, першого дня передъ судомъ або врядомъ, хотя не зуполнымъ и однимъ наместникомъ подстаростего, безъ роковъ за кождымъ позванимъ стати. А ставши року и позву хотъ бы и четвертого дня передъ рокомъ не правне положонъ былъ, ни чимъ не збиваючи до повету своего належного, и ни до которого иншого вряду, права и суду не отзывати, кгды жъ мы обое и кожды зъ насъ, съ призволеньемъ одинъ другому въ той справе правъ и поветовъ нашихъ, власне, доброволне отступуемъ, а повету въязды и зверхности вряду гродского, Володимерскаго, и кождого, до которого быхмо мы, або потомки наши позвани были, насъ самыхъ, потомковъ нашихъ и вси добра, маетности наши, лежачие и рухомые, где колвекъ будучие, поддаемъ, втеляемъ и подвезуемъ; также а ни до самого его королевское милости, пана звирхнего, апелевати не маемъ,—чого всего сами доброволне одступуемъ, одно передъ тымъ врядомъ, до которого быхмо мы, або хто колвекъ выступный, позвани были, хочъ бы и не зуполный врядъ былъ, наконецъ ся усправедливити маемъ и повинни будемъ, а по насъ дети наши, братя и сестры мои, Крыштофовы, близкие, кревные и повиноватые насъ обеюхъ, и хто колвекъ о то будучи позванъ, усправедливитися маютъ и повинны будутъ. А хотъ же быхмо мы сами, а по насъ хто колвекъ о то будучи позвани, будъ стали або не стали, тогды врядъ, углянувши въ сесь листъ записъ нашъ, маетъ и будетъ мети моцъ то все заруки, наклады и шкоды, кромъ всякого доводу и присеги, на голое речене слова самого пана Максима, або того, хто тое имене держати, и кому тое право служити будетъ, и суму позычоную всказати и не по рокомъ заплате, въ статуте описанымъ, заразъ на всихъ добрахъ и маетностяхъ нашихъ, где ихъ колвекъ мети будетъ и будутъ, лежачихъ и рухомыхъ, моцно отправити; а мы, въ той отправе, вряду и стороне ничимъ ся спротивляти, апелевати, и оный всказъ, або переводъ права, чинити, и ни якое трудности врядови и стороне задавати не маемъ и мочи не будемъ, подъ

заруками такъ великое тое все сумы пенезей, которая зъ уряду всказана будетъ и оправованемъ накладовъ и шкодъ, которые бы наклады и шкоды, за спротивеньемъ нашимъ, а по насъ кождого противника у въ отправе речи осужоной, сторона укрывжоная собе быти менила на голое речене слова, и подъ всими обовязки, вышейпомененными, водлугъ сего листу вызнаня нашого, которые ажъ до доситъ учиненя всимъ обовязкомъ, въ немъ описанымъ, и покулъ въ рукахъ самаго пана Максима, або въ того, кому панъ Максимъ тое право свое пустилъ, и кому колвекъ належати и служити будетъ, при зуполной моцы зостати маетъ. А хотя быхмо мы, або потомки наши въ той справе урядъ або сторону о што до суду его королевское милости або якого колвекъ позвали, то намъ и потомкомъ нашимъ николи ити а ни приймовано быти, и хотя бы принято, ничого важити, намъ помогати, а стороне противной шкодити не маетъ; але еще мы обое, и каждое зъ насъ и потомковъ нашихъ, закладъ и шкоды и обовязки зо всихъ добръ нашихъ заразъ, за такимъ позванымъ, поносити, платити маемъ и маютъ. И на то есми пану Максиму Ивановичу Луловичу дали сесь нашъ листъ вызнаный, зъ нашими печатми и съ подписми рукъ нашихъ. При томъ были и того добре будучи сведомы, и за очевистыми а устными прозбами нашими печатати, руками своими его подписати рачили ихъ милостъ панове а приятели наши: панъ Богданъ Туминский, подсудокъ земский, Берестейский, а панъ Юрей Василевичъ Калусовский. Писанъ у Хренове, року по нароженю Исуса Христа сына Божого тисеча пятьсотъ осмъдесятъ осмого, месяца февраля девятого дня. Krzysztof Witwinsky, podstoly Wołynsky, ręką swą; Alexandra Witwinska, ręką; Богданъ Туминский, подсудокъ земский Берестейский, власною рукою за устною прозбою ихъ милости до сего листу подписалъ; Григорей Киселъ, рукою властною; Юрей Калусовский, рукою власною«.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 964, годъ 1588, листъ 64.

LXVII.

Объявленіе сборщика чоповой подати, Якуба Лысаковскаго, о томъ, что вслѣдствіе наѣзда войскаго Луцкого, Яна Журавницкаго, на мѣстечко Свинюхи, жители оного разбѣжались и мѣстечко опустѣло, почему и подать чоповая не можеть быть съ означенныхъ жителей собрана. 1588 г., сентября 5 д.

Донесеніе вознаго по этому же дѣлу. 1588 г., сентября 5 дня:

a) Року 1588, месяца сентября 5 дня

Передо мною Андреемъ Романовскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, ставши очевисто его милостъ панъ Якубъ Лысаковский, оповедалъ тыми словы: ижъ што которая шкода черезъ наездъ пана Яна Журавницкого, войского Луцкого, стала ся въ местечку Свинюхахъ, за которымъ наездомъ и месчане тамошние всѣ разбеглися, и тые, которымъ то отъ насъ зълецоя (sic) выбирати, поутекали, и пенези чоповые занесли, чого всего шкодую скарбу короля его милости на полтораста злотыхъ Полскихъ. И за доведанъемъ ся певнымъ и спустошенемъ того местечка, посылалемъ умыслне вознаго повету Володимерского, Михайла Шабая, намъ до справъ чопового того отъ короля его милости приданого, на огледане того спустошеня; который при томъ оповеданю моемъ реляцию вашей милости отдасть. И просилъ панъ Лысаковский, абы тое оповедане его до книгъ кгродскихъ было записано. Што я записати казалъ.

b) Року 1588, месяца сентября 5 дня.

Пришодчи на врядъ кгродский, Володимерский, до мене Андрея Романовского, подстаростего Володимерского, Михайло Гноенский, возный повету Володимерского, ку записаню до книгъ кгродскихъ вызналъ тыми словы: ижъ за приданемъ его королевское милости паномъ поборцямъ чопового въ земли Волынской, на вшеля-

кие справы побору чопового, року теперешнего тисеча пятсотъ осмдесятъ осмого, месяца августа пятогонадцатъ дня, за посланьемъ его милости пана Якуба Лысаковского, поборцы чопового Волынского, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, пана Криштофа Рославского а пана Станислава Олевинского, ездилъ есми до местечка Свинюхъ; тамъ будучи кгдымь жадного чоловека, такъ зъ жидовъ, яко и съ хрестянъ, не виделъ, одно врадника тамошного, Свинюского, пана Демяна Денисовича, а пана Войтеха Кгрибовского засталъ, которыхъ пыталомъ: где бы жидове, которые чоповое держали отъ поборцы и иншие жидове и хрестияне были? Врядникъ помененый, Свинюский, и панъ Кгрыбовский повѣдили: ижъ жидове, такъ тые, которые чоповое тутъ, въ Свинюхахъ, и въ приселкахъ ихъ отъ пана поборцы выбирали, яко инные всѣ, и хрестияне, повтекали недавно, то естъ дня двадцатъ семого месяца июля, для наяздовъ частокротныхъ пана Яна Жоравницкого, войского Луцкого, на Свинюхи,—а где ся розбегли—ведать не можемъ. Которое жъ я очевистое сознанье возного до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 964, годъ 1588, листъ 571.

LXVIII.

Инвентарь имѣнія Верхова, съ исчисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1589 г., сентября 7 дня.

Року 1589 г., месяца сентября 12 дня.

Передо мною Щестнымъ Кгалечскимъ, наместъникомъ сурокгаторскимъ, отъ его милости велможного пана Александра Семашка, каштеляна Браславского, сурокгатора его королевское милости, старостваа Луцкого, ставши очевисто возный повету Луцкого, Гаврило

Дашковский, тыми словы до книгъ кгродскихъ, суроґаторскихъ, ку записованью вызналъ: ижъ року теперъ идучого тысеча пятсотъ осмъдесятъ девятого, месяца сентября девятого дня, былъ есми на справе его милости пана Криштофа Рыминского, у во йменю его милости, Верхове, тамъ же есми, ведле рейстру, по достатку списаного, люде села Верховскаго, за приданьемъ урядовымъ отъ его мылости пана Криштофа Рыминьского, пану Петру Ивановичу Пересецкому, малжонце его, Марине, и сыну ихъ, пану Андрею Пересецкому, завелъ и подалъ. Который реестръ покладалъ передо мною на вряде, съ печатью и съ подписомъ руки его милости пана Криштофа Рыминьского, и съ печатю и съ подписомъ руки возного повету Луцкого, Гаврила Дашковского, который такъ ся въ собе маеть: »Року тисеча пятсотъ осмъдесятъ девятого, месеца сентебра семого дня. Рейстръ списаня и поданя людей села Верьховъского отъ мене, Криштофа Рыминского, пану Петру Пересецкому, малжонце и сынови ихъ, заставою въ шестисотъ золотыхъ червоныхъ, на три лета заставленыхъ и поступленыхъ черезъ шляхетного пана Гаврила Дашковского, возного Луцкого, меновите то естъ людей отъ коньца гребли, подле корчмы мешкаючие: Павелъ Кгилюнъ—дворище одно; Богданъ Чорнушичъ—дворище одно; Федоръ—дворище одно; Игнатъ Чорнушичъ—дворище одно; а то корьчма, зъ форосту плетеная, въ ней пекаренъ чорныхъ две, пивница походнею. А то людей, надъ ставомъ Верховскимъ мешкаючие: Дронь боярынъ—дворище одно; Тимошъ—дворище одно; Левко Ширайчичъ—дворище одно; Макаръ бояринъ—дворище одно; Серъгий бояринъ—дворище одно; Степанъ Левковичъ—дворище одно; Самойло Довбенчичъ—дворище одно; Миско зъ Макаромъ—дворище одно; Гринецъ Безлепица—дворище одно; Хронъ Пшончичъ—дворище одно; Иванъ Аньтипеня—дворище одно; Аврамъ Нестеревичъ—дворище одно; Кондратъ зъ братаничомъ—дворище одно; Охремъ Короткей—дворище одно; Прийма—дворище одно; Марытынъ—дворище одно; Месъ—дворище одно. А то огородники при тыхъ людехъ: Малошеня Павелъ, Федоръ Матфиевичъ, Полишко, Максимъ Кропивникъ, Мартинъ Кропивниковъ, Максимъ Сорока, Охремъ Чорънышевичъ, Васко Жувъ, Перьшикова вдова. Повинностъ тыхъ людей дворищныхъ: цынъшу въ рокъ по двънадцатъ грошей Литовскихъ; поро-

хового и сторожевого по два гроши Литовскихъ; овса зъ вола по четвертинънику; по двое куръ на рокъ; по гуси одно зъ дому; подвода далекая и близкая—ведле часу потребы; десетина отъ свиней, отъ овецъ и пчолъ; яловица одна; зо всимъ селомъ робитъ въ тыйденъ по три дни, съ чимъ роскажутъ. А подсуседки, то естъ огородники: зъ дыму порохового и сторожевого по грошу одному, а цынъшу по грошей шести; робитъ около огородовъ—што треба, а зими клячами дворными дрова возити по дню въ тыйденъ. При тыхъ людехъ и при корьчме броваръ, зъ форосту робленый, солодовня, озница и виньница, ставокъ и млынокъ нижный, въ немъ коло одно мучное. А такъ я, Криштофъ Рыминъский, то все, штомъ пану Пересецкому заставилъ, на сесь рейстръ списалъ, который далемъ подъ моею печатю и съ подписомъ власное руки моее, и тежъ подъ печатю и съ подписомъ руки шляхетного пана Гаврила Дашковскаго, возного повету Луцкого. Писанъ у Верхове, даты вышейписаное. Krzisztof Riminski, renką swą; Гаврило Дашковский, возный повету Луцкого, рука власная«. И за прозбою его милости пана Криштофа Рыминского и сознане возного до книгъ кродскихъ, сурокгаторъскихъ, естъ записано.

Книга Луцкая гродская и земская, записовая, поточная и декретовая, № 2098, годъ 1584—1598, листъ 219 на оборотъ.

LXIX.

Объявленіе пана Кирилла Зубцовскаго о бѣгствѣ священника изъ принадлежащаго ему имѣнія Подгайцовъ, Василія Владычки, который при этомъ захватилъ съ собою евангеліе, ризы и другія церковныя принадлежности; кромѣ того, увелъ съ собою урядника Подгаецкаго имѣнія съ его семействомъ. 1590 г., генваря 4 дня.

Року Божого нароженя 1590, месеца генваря 4 дня.

Писалъ и присылалъ до мене Щасного Кгалезского, наместъника сурокгаторского, будучого отъ его милости велможного пана

Алекъсандра Симашка, Кашталяна Браславского, сурокгатора его королевское милости, старосты Луцкого, панъ Кирило Зубцовский, городничий Луцкий, оповедаючи тымъ обычаемъ: ижъ року теперешнего деветдесятого, месяца генвара четверътого дня, зъ ыйменя моего, съ Подъгаецъ, утекъ попъ, на ймя Василей, прозвище Владычка, покрадши церковъ въ ыйменю моемъ, Подъгаецкомъ, книгъ дванадцатъ, то естъ: еванъгеліе и инъшие книги, оправные сребромъ, позлотистые, ризы и весъ уборъ поповъский, церковный, и сосуды церъковные и инъшихъ справъ церковныхъ не мало,—што мне коштовало копъ осмъдесятъ грошей личбы Литовское. Который попъ помененый и врядника моего, Подъгаецкого жъ, на ймя Кашпора, зъ жоною и зъ детми выкотилъ зъ собою; у которого врядника на рукахъ, въ заведеню его, были речи мое вшелякие, которыхъ речей побралъ не мало, и гумно вымолотивши попродавалъ и гроши зъ собою побралъ; што себе шацую шкодъ черезъ тыхъ збеговъ моихъ, попа и урядника, почыненые, на триста копъ грошей личбы Литовское; такъ же и у слугъ моихъ нѣкоторыхъ тотъ врядъникъ речей побралъ не мало, которые были у того врядника въ захованю. И просилъ, абы то было записано. А такъ я тое оповеданъе его до книгъ кгродъскихъ, сурокгаторъскихъ, записати казалъ.

Книга Луцкая гродская и поточная, № 2070, годъ 1590, листъ 6 на оборотѣ.

LXX.

Инвентаръ имѣній Коильна, Свочойва, села Волицы и двора, находящагося во Владимірѣ, съ исчисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1590 г., февраля 12 дня.

Року 1590, месяца февраля 12 дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ, Володимерскомъ, передо мною Собестияномъ Глебовичомъ, будучимъ на местцу пана Романа Велгорского, подстаростего Володимеръского, постановившисе очевисто возный повету Володимерского, Михайло Гноенский, ку

записованю до книгъ сознадъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего тисеча пятсотъ деветдесятого, месяца февраля пятого дня, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, то естъ пана Адама Ротоновского а пана Матияша Кочевского, былъ есми на справе его милости пана Яцка Бутовича, хоружого земли Киевское, то есть на увезанье и въехане во йменя и маетность по малжонце его милости зошлой, паней Яцковой Бутовичовой, хорунжиной Киевской, пане Ганне Михайловне Хребницкого, зосталые, водле тестаменту небожчицы панее хоружиное, до летъ внучки ее, панны Евы Матфеевны Маленское. И кгдымъ на первей до двора именья Коилна приехалъ, тамъ же, яко дворъ зъ будованемъ, такъже и то, што есми тамъ засталъ, и люди, подданые тамошние, на реестръ списалъ. А то дей меновите, на первый: дворъ Коиленъский, острогомъ огорожанъ, ворота и кганокъ кгонтами побиты. Будоване въ томъ дворе: домъ великий, кгонтами побитый; светлицъ на противко собе две, зъ оболонами шклаными и съ печами поливаными, зелеными; межи тыми светлицами сени и сховане на горе, въ которомъ нашли есмо мяса свинего полтей три и салъ шестъ. Въ томъ же дому зъ светлицы великое комора для схованя, въ которой ничого нитъ; пивница соломою покрыта, въ которой две бочки меду сыченого, а порожнихъ бочокъ шестъ; домокъ малый, то естъ светличка зъ сенми и коморка; на противко комора рубленая на столпи, кгонтами побита, въ которой свердловъ комажныхъ три, пила и винчакъ; стайня малая, соломою крыта; пивница, а на пивници спижарня; у пивницы капусты двѣ стагви, а третее немного; угурковъ половица стаговки; рыжкувъ дѣжичка, якобы изъ ведро; бочокъ две и съ квасомъ, а третяя пивная бочка у спижарни; корытъ три; лезевъ двѣ раменныхъ, а третее лычаное; сырникувъ два,—одинъ соломою покрытый, а другий драницами побытый; пекарня, сѣни, такъ же и кухня у пекарни, лавъ три, столъ одинъ; станя великая, соломою покрытая; подле стани коморокъ две соломою накриты; обора и хлѣвъ лѣсеный; а у обори быдла усего сорокъ пять, а два волы кормныхъ, телятъ трое малыхъ, свиней осмеро, гусей двадцатеро, куръ четверо, качокъ десеть; стада усего поголовья полъосмадесятъ. Гумно, — у гумни клуня, у клуни корыто порожное, — а збожа у

гумни: ячменю стогъ, жита стогъ, овса полстога—може быть у нюмъ копъ двадцатъ; суржицы стогъ—копъ тридцать; жита полстога—може быти копъ двадцатъ; гречки стожокъ—можетъ быти копъ двадцать; проса копъ пятъ; гороху возовъ зо два; броваръ, дранцами покрытый, котелъ у бровари, кадей две, квасникъ малый; садъ подле бровара, а другий садъ за ставомъ; огородовъ дворныхъ два. Церковъ заложеня светого Михайла; накладъ церковный: евангеліе, злотоглавомъ крытое, сребромъ оправное, бляхъ пятъ, келихъ циновый, образъ, звонъ. А при церкви попъ, который попъ маетъ две волоци подъ собою, съ которыхъ волокъ повинности жадное не чинитъ, одно справы церковные отправуетъ. А то естъ подданые: Явхимъ на волоци—клячъ две, воловъ два; Веленти на волоци—кляча одна, воловъ—два; Жукъ на волоци—кляча одна, волъ одинъ; Андрий Шишло на волоци—кляча и вулъ; Хванъ на волоци—кляча одна, воловъ два; Супрунъ на волоци—воловъ два; Федко на волоци—кляча одна, воловъ два; Жукъ на волоци—кляча одна, воловъ два; Сакъ и Ювхимъ на волоци—клячъ две. Яско на волоци—воловъ два; Никонь на волоци—кляча, воловъ два; Прокупъ на полъ волоки; Грицко на волоци; Мартинъ на волоци—клячъ две и воловъ два; Микита на волоци—клячу, воловъ два; Столя на волоци—клячъ две, воловъ два; Пашко на полъ волоки; Куцъ и Федко на волоци—кляча, воловъ два; Нестеръ на волоци—воловъ два; Петрашъ на волоци—кляча, воловъ два; Чацъ и Ювхимъ на волоци—воловъ два; Мицъ Сила на волоци—кляча, воловъ два; Яцковая на волоци—вола одного; Ювхимка Трохимовая на волоци—воловъ два. Тые подданые съ кождои волоки по три дни, а лѣте по чотыри дни робити повинъни; а податку даютъ по шести грошей, овса по чотыри мацы, по два каплуны, по гусяти,—а у подводу—где роскажутъ. Омелянъ бортникъ на волоци—тотъ ни робитъ а ни податку не даетъ, одно бору пилнуетъ. У Койни бчолъ у вульяхъ осмъ. Огородники: Левко на огороди, Грицко на огороди, Ювко Бакый на огороди, Капиха удована огороди; повинностый—по два дни робятъ и по каплуну даютъ; Стась на волоци, который жадное повинности не чинитъ, одно послугою дворною забавляетъ. Корчма, съ которои оранды на рокъ семънадцать копъ грошей Литовскихъ даютъ. Коморники: Игнатъ Семенюкъ,

Ярушъ Данило Влохъ,—тые обадва послугуютъ и съ паномъ ездятъ. А посеяно дей у Коилъни: пшеницы мацъ семъ, жита мацъ тридцатъ три. Потомъ того жъ дня, въ понеделокъ, месяца февраля пятого дня, ездилъ есми съ тою жъ шляхтою до йменья Свочойва, въ которомъ также дворъ, люди и все меновите, штомъ тамъ засталъ, на рейстръ списавши, его милости пану хоружому подалъ. На первей: дворъ одылованый, ворота, кгонтами побитыи; домъ великий, кгонтами побитый; светлица отъ воротъ: лавъ чотыри, столъ одинъ, оболонъ пятъ скляныхъ, пѣчъ поливаная, сини; на противку тое светлици другая светлица, въ которой лавъ чотыри, столъ малый, оболонъ двѣ скляныхъ; и съ тои светлицы комора, а съ комори комурка потребная; пивница, а въ пивници капусты двѣ стагвы, бочка и съ свеклою, угурковъ устаговци немного; на пивници комора, кгонтами побитая; домъ великий, драницами покритый, сѣни, пекарня;—у пекарни столъ, лавъ чотыри. На противку другая изба чорная, лавъ три, сирникъ, кгонтами побитый, стайня соломою покритая, коморъ две,—соломою покритыи,—у въ одной коритъ три,—у въ одномъ корити жита две мацы, у другомъ муки маца, а у третемъ проса маца; колодязъ, домокъ малый; светлочка,—лавъ три, оболонъ три скляныхъ, печъ поливаная. На противку тое светлочки комурка, въ той комурки ничого нитъ, а тотъ домокъ побитъ кгонтами. Подле того домку огородъ, у тумъ огороде улъевъ осмъ изъ пчолами; курникъ рубленый,—у нюмъ: куръ чотыри, гусей семънадъцатъ, павъ три молодыхъ, качокъ пятнадцать. Обора дилевана, а у нюмъ: быдла трое, овецъ деветъдесятъ и трое, козъ семь; гумно, клуня, а у гумни проса копъ осмъ; броваръ, а у бровари котелъ, корытъ две; лазня, драницами побитая; млиновъ вешнякъ; корчма,—аренды зъ нее копъ семънадцатъ. Севбы посеяно: жита тридцатъ и две мацы, пшеницы две мацы. А то естъ подданые въ томъ селе: Пилипъ Кокорка на волоци—клячъ две, воловъ пятъ; Трохимъ на волоци—воловъ два, Протасъ на волоци—кляча, воловъ три; Олешко на волоци—клячъ две, воловъ два; Занко на волоци—кляча, воловъ два; Мицъ на волоци—клячъ две, воловъ чотыри; Сенко на волоци—воловъ два; Ярмулъ на волоци—воловъ два; Борисъ на волоци—воловъ чотыри; Мойсей на волоци—кляча, воловъ три; Мартинъ на волоци—кляча, воловъ три; Левко на волоци—кля-

ча, воловъ три; Дорошъ на волоци—кляча, воловъ два. Миско на волоци—кляча, воловъ два; Матушъ на волоце—кляча, воловъ три; Грицко на волоци—кляча, воловъ три. Того жъ дня, приехавши есми съ тою жъ шляхтою до селца Своичовского, Волицы, въ которомъ такъ же люди на реестръ списавши, его милости пану хоружому Киевскому подалъ, то естъ меновите село Волица: Пронецъ на волоци—кляча, воловъ два; Андрей коваль на волоци; Грицъ на волоци—клячу, воловъ три; Занко на волоци—клячъ две, воловъ три; Харко на волоци—воловъ чотыри; Кондратъ на волоци—клячу, воловъ два,—тая жъ повинъностъ яко и въ Свойчове податъки. Миско бортникъ; бчолъ на бору сорокъ. А потомъ, на завтрее въ олторокъ, месяца февраля шостого дня, приехавши есмо съ тою жъ шляхтою до двора, въ месте Володимерскомъ будучого, который яко зъ будованемъ, такъ и съ подданными, при томъ дворе будучими, въ держанъе его милости пану хоружому Киевскому подалъ есми,—на первей: дворъ, тыномъ огорожоно и ворота чимъ зачиняти дворъ; домъ гонтами побитый, сини, светлица; а у светлыцы: лавъ чотыри, столъ одинъ, оболонъ скляныхъ три, але барзо плохи; печъ поливаная, такъ же плоха; комора исъ светлицы; напротивъ тое светлицы изба,—лавъ три, столъ одинъ; пивница, на пивницы комора; станя, драницами покрыта; броваръ, а въ бровари котелъ, кадий две; а у дому дворникъ Матысъ изъ жоною. У томъ же дворе домикувъ три малыхъ; а каждый господаръ даетъ у рокъ двадцатъ чотыри грошей Литовскихъ, а по два дни жать ходятъ до Коилъна. Которое жъ я сознанъе возного до книгъ гродскихъ записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 945, годъ 1590, листъ 132 на оборотѣ.

LXXI.

Рѣшеніе гродскаго суда по дѣлу о боярин Савкѣ, жаловавшемся на пана Ивана Волынца Чернчицкаго о томъ, что послѣдній причинилъ ему побои, присвоилъ себѣ его имущество и заключилъ жалобщика въ тюрму. Судъ, выслушавъ показаніяпана Ивана Волынца Чернчицкаго, отрицавшаго за бояриномъ Сакомъ право иска, тотъ какъ онъ собственный его крестьянинъ, а равно и возраженія на это уполномоченнаго отъ упомянутаго боярина, опредѣлилъ передать дѣло на рѣшеніе Люблинскаго трибунала. 1590 г., августа 14 дня.

Року1590, месяца августа 14 дня.

На рочкохъ кгродскихъ, Луцкихъ, дня девятого месеца августа, въ року теперешнемъ, вышейменованомъ, припалыхъ и судовне отправованыхъ, передо мною Александромъ Семашкомъ, каштеляномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, постановившисе очевисто боярин его королевское милости, Красеньский, Сакъ, далъ и злецилъ моць зуполную за позвомъ своимъ мовити шляхетному пану Григорю Котелницкому, который умоцованый панъ Григорий Котелницкий, поднесши позовъ кгродский, Луцкий, жаловалъ съ того позву на пана Ивана Волынца Чернъчицкого о томъ, ижъ дей панъ Иванъ Волынецъ въ року прошломъ осмъдесятъ девятомъ, нашедши моцъно, кгвалтомъ на домъ его, въ Чернъчичахъ, помененого Сака збилъ и до везеня своего узялъ, и часъ не малый держалъ, и маетностъ его всю забралъ, яко то естъ ширей на томъ . . . . . доложоно. А повычытаню того позву, панъ Иванъ Волынецъ Чернъчицкий на жалобу Сакову поведилъ, ижъ дей не могъ мене тотъ Сакъ о то позывати, бо дей то естъ мой власный подданый, которого дей я у суди кгродского, Слонимского, пана Богуша Тушовецкого, и въ малжонки его милости, княжны Марины Головнянки Острожецкого, купилъ, который за мною колко летъ мешкалъ и отъ мене дей утекъ, зашкодивши мне не мало, и просилъ, абы ему былъ выданъ, яко его збегъ. Яко жъ и листъ купчий передо мною показалъ подъ датою року осмъдесятъ шостого, месяца октебря девятого дня, съ печатьми ихъ

и тежъ съ печатми людей зацныхъ, въ которомъ панъ Богушъ Тушовицкий и зъ малжонкою своею сознаваютъ, ижъ продали дворецъ, фолварокъ свой на Чернъчичахъ зъ людми, до того фолварку приналежачими, яко ширей а достаточней въ томъ листе описано естъ. Потомъ покладалъ выпись съ книгъ земскихъ, Луцкихъ, и реестръ поданя черезъ возного, якъ въ посесью оного фолварку вошолъ, подъ датою року осмъдесятъ шостого, месяца октебра первогонадцатъ дня, яко ширей въ томъ выписе и реестре описано естъ. Водлугъ которого листу купчого и реестру, просилъ панъ Волынецъ, абы ему тотъ Сакъ, яко властный подданый его, збегъ, былъ выданъ, выводечи то, ижъ дей то подданый мой естъ и не можетъ дей мене о то позывать. Противъ которыхъ листовъ и выводовъ, отъ пана Волынца покладаныхъ, умоцованый Саковъ, панъ Григорий Котелницкий, поведилъ, ижъ дей панъ Богушъ Тушовицкий и малжонка его, яко такое моци не мели, такъ и николи того Сака, яко чоловека волного, пану Волынцу не продавали, такъ его и передъ урадомъ земскимъ, Луцкимъ, вольнымъ учинили; и положилъ выпись съ книгъ земскихъ, Луцкихъ, подъ датою року осмъдесятъ шостого, месяца октебра второгонадцатъ дня, въ которомъ выписе естъ описано, ижъ пани Тушовецкая, ставши передъ урадомъ земскимъ, Луцкимъ, вызнала, ижъ того Сака, яко волного чоловека, пану Волынцу не продавала, а ни черезъ возного въ посесью его пану Волынцу не давала. При которомъ вызнанью панее Тушовицкое въ томъ же выписе естъ описано, ижъ возный тотъ, который тое именье пану Волынцу отъ панее Тушовицкое подавалъ, сознаваетъ, же того Сака пану Волынцу отъ панее Тушовицкое не подавалъ. Водле которыхъ листовъ, што панъ Волынецъ покладаетъ, то се значи, же пани Тушовицкая того Сака не продавала, бо дей его въ листе томъ продажномъ меновите не описала, а естли тамъ на реестре, яко панъ Волинецъ менитъ и оказуетъ, же возный въ реестре меновите, при поданью именья, того Сака описалъ, тотъ реестръ за слушный не маетъ быти узнанъ, кгды жъ посполите при возномъ во всякихъ справахъ поточныхъ бываютъ два шляхътичове повътовые, при поданью именя, при томъ возномъ, мели бы быти два шляхтичове, люди добрые, которые бы тотъ реестръ мели при возного печати, своими печатьми запе-

чатовать и руки подписать,—чого ижъ при томъ реестре се не показуетъ, толко чорная печать одна возного, которая не естъ важна а ни значна, а къ тому вже тотъ возный умеръ, и одною своею печатю мели бы чоловека доброго, волного, въ неволю вдать. Слушно дей, абысь ваша милость того боярина его королевское милости отъ пана Волынца волный учинилъ, а на бою и грабежохъ ку долшому доводу абысь его ваша милостъ рачилъ припуститъ. А если пану Волынцу выдитъ се бытъ кривда, теды ее не мають отъ того Сака, але отъ панее Тушовицкое, бо бы и такъ была, жебы продавши зась, зъ моцы его отъ пана Волынца взяла, теды панъ Волынецъ не мелъ жадное справы до того боярина его королевское милости, але, маючи записъ панее Тушовицкое въ рукахъ, которымъ се пану Волынцу описала подъ заруками не вступовать и переказы жадное въ держанью того именья пану Волынцу не чинить, который записъ ижъ нарушила, о то съ панею Тушовицкою панъ Волынецъ, за записомъ оное, нехай правомъ чинить. Кгды жъ и въ праве посполитомъ, еще то справе артикулъ чотырнадцатый, въ разделе второмънадцатъ, естъ подобный: »если бы хто приказалъ до кого слугу, а тотъ слуга отъ того пана будъ зашкодивши, албо тежъ и не зашкодивши, прочъ отошолъ, теды тотъ панъ не маетъ оного слуги, збега своего, патрить, але того, хто его до него приказалъ, и на томъ своее шкоды доходить«. Съ тыхъ причинъ слушне, абы панъ Волынецъ не зъ бояриномъ его королевское милости чинилъ, але съ панею Тушовицкою, яко съ тою, которая записъ свой, яко панъ Волынецъ поведаетъ, чого я не признавамъ, жебы нарушить мела. А што собе панъ Волынецъ, менечи его быть збегомъ, поведаеть, же его о то позывать, тотъ се грабежъ тому Саку и тая продажа пану Волынцу не теперъ се стала, але еще въ року осмъдесятъ шостомъ, а тотъ Сакъ нигде индей не мешкалъ, толко тутъ, кгды его менить быти збегомъ, чому о то а ни господаря короля, а ни старосты тутешнего, Луцкого, не позывалъ, то се значить, же не естъ збегъ, одно яко дей бачу, уходечи на собе всказу бою и грабежовъ,—тымъ се панъ Волынецъ боронитъ, а зъ стороны простоты, яко панъ Волынецъ менить, же есть хлопъ простый, его, яко шляхтича, позывать не може, теды не маетъ его розумети такъ, яко се ему подобаеть, бо есть

бояриномъ его королевское милости, а не хлопъ тяглый; а къ тому ижь есть укрывжоный, теды слушне съ панемъ Волынцомъ о то чинить можетъ, кгды турцы, татарове поганы и жидове неверные такие волности межи нами заживаютъ, же такъ малыхъ, яко и великихъ а зацныхъ становъ людей до права позывають, и справедливости собе доводить,— поготову хрестянинъ правдывый, фалца Бога всемогущого, слушне можеть о кривду свою чинить,—и панъ Волынецъ слушне такихъ обмовъ заживать можетъ,—и просилъ, абы тотъ бояринъ его королевское милости ку доводу былъ припущонъ. А такъ я, припатривши се добре праву Волынцовому, передо мною покладаному, купли его, и тежъ выпису отъ Сака покладаному, ижъ его волнымъ учинено, бачечи тежъ то, ижъ тотъ самъ мне на инвентару черезъ дворанина его королевское милости при старосте Луцкомъ подалъ, и зрозумевши съ тыхъ листовъ, зъ обудву сторонъ покладаныхъ, видечи, ижъ сутъ собе противными, такъ видечи до тое справы тотъ артикулъ чотырнадцатый, въ розделе второмнадцатъ, отъ умоцованого помененого боярина его королевское милости показываный, быти подобный на сесь часъ, не кончечи тое справы, симъ декретомъ моимъ отсылаю тую справу на декретъ трибуналский, который сужонъ быть маеть въ Люблине, въ року прошломъ (sic) деветьдесятъ первомъ; который декретъ панъ Волынецъ принялъ. Што я для намети до книгъ записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2070, годъ 1590, листъ 437.

LXXII.

Приговоръ къ повѣшенію крестьянина князя Константина Острожскаго, Ювка, за покупку завѣдомо краденой лошади, принадлежащей крестьянину имѣнія Суходольского, Гацу Борисовичу. Въ судѣ учавствовали кромѣ шляхты, »вѣрные«, мѣсчане Владимерскіе. 1590 г., ноября 18 дня.

Року 1590, месеца ноября 18 дня.

Передо мною Якимомъ Стрывюзскимъ, будучимъ на местцу пана Романа Вилгорского, подстаростего Володимерского, ставши оче-

висто возный коронный енералъ повету Городелского и Белзского, Григорей Косовский, ку записаню до книгъ кродскихъ вызналъ тыми словы: ижъ мне будучи на погребе врядника ее милости панее Василевое Загоровское, кашталяновое Браславское, княжны Катерины Чорторыского, пана Сидора Засядковина, у Суходолехъ, въ дворе ее милости, Суходолскомъ, року тисеча пятьсотъ деветдесятого, месеца ноября третегонаддать дня, а при мне на тотъ часъ были люде добрые, шляхтичи, то есть ихъ милость: панъ Янъ а панъ Тимофей Оранские, панъ Каленикъ Парчичъ, врядникъ его милости князя Дмитра Булыги, Новоселецъкий, и верные зъ мяста его королевское милости, зъ Володимера, на имя: панъ Юрий а панъ Дорошъ, месчане Володимерские, которые их милостъ заседали при мне, возному, за уживаньемъ и прозбою оного врядника, Сидора, и усей громады мужовъ, подданыхъ Суходолскихъ, ее милости панеи Загоровской прислухиваючися, жалобы подданого панеи Загоровское, Суходолского, на имя Гаца Борисовича, и всее громады мужовъ Суходолскихъ, который то Гацъ жалобу чинилъ и инстыговалъ на Ювка, который ся менилъ быть подданымъ его милости княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, зъ именья его милости, зъ Держаня. При которому тому Ювку лице было передо мною, возным, и передъ тыми людми добрыми: кунъ съ плеснива строкатый оного Гаца Борисовича, который былъ украденъ зъ иншими коньми Суходолскими, у Суходолехъ. Которого того Ювка тые шляхта при мне, возномъ, пытали тыми словы: где ты, Ювку, того коня Гацева Борисовича взялъ? Тотъ Ювко поведалъ: ямъ дей, панове, того коня купилъ въ дому месчанина Володимерского, въ Нестера, у коморника его, у Федка Венцка, у вечери; далъ дей есми тому Венцку три золотыхъ, а трохъ золотыхъ мелъ мне ждати до пущеня; алемъ дей я ведалъ, ижъ конъ былъ краденый и купилъ есми его, и тотъ Нестеръ при той купли былъ, и ведалъ дей, же то конъ былъ краденый, и седла мне позычилъ, и тамъ же дей былъ приятелъ и товаришъ ихъ Романъ, зъ Устилога, который дей тотъ же Романъ на завтрие до свѣта отъ того Нестера и Федка Венцка зо мною поехалъ до Грица,—я на тумъ кони а Романъ на клячи во-

роной Суходольской подданого панее Загоровское, Андрея Кгошковича, которая съ тымъ же дей конемъ была украдена. И тамъ же дей тотъ Романъ при мне у Гошки проминялъ Андрею Зеленку на кожухъ бараний,—и придалъ же дей тотъ же Зеленко тому Роману двадцатъ грошей, а яжъ дей былъ того коня Гацева продалъ месчанину Коденскому, на имя Денису, которого того коня у того месчанина Коденского познялъ бояринъ ее милости панее Загоровское, Семенъ Чикало; который дей тотъ Денисъ, мене поймавши, ставши, яко заводцу, оному Семену Чикалу и тому Гацу Борисовичу, чий то есть конъ. А я тамъ же, на уряде въ Кодни, браломъ соби до заводци своего, до Володимера, на име того Федка Венцка и до того Нестера, который мне седла былъ позычилъ, при той купли былъ у вечери, вѣдалъ, же то конъ краденый, приятель и товарищъ ихъ зъ Устилога, Романъ, который на завтрее до свита отъ нихъ зо мною до Гущи поехалъ; тамъ же дей былъ зъ нами поданый ее милости панее Загоровское (?). Гацъ Борисовичъ, оному Ювку поведилъ на тые слова его: ижъ ся тотъ, пане возный и панове шляхто, тотъ Ювко вызнаваетъ, же вонъ ведалъ, ижъ конъ былъ краденый, а купилъ его у вечери, ночнымъ обычаемъ, я никого иншого не знаю, толко тотъ истый Ювко шкодца мой власный,—готовъ есми его, яко шкодника своего, водлугъ права поприсягнути. Яко жъ тые шляхта люди добрые, звышъпомененые, зрозумевши его не слушный выводъ, ижъ ся самъ призналъ, же ведалъ, ижъ то конь былъ краденый, а купилъ того коня неслушне, не такъ яко ся межи людми добрыми заховуетъ, сказали оному Гацу того Ювка, которого менилъ шкодникомъ своимъ, абы его поприсягъ. Который Гацъ тамъ же, передо мною возным, и передъ тыми людми добрыми поприсягнулъ; и кгды того Ювка поприсягъ, сказали его на пробу. Которого потомъ сказу декрету мистръ пробовалъ, и поведилъ тотъ же Ювко на пробе, жемъ дей я, панове, ведалъ, ижъ то былъ конъ краденый, и купилъ есми его неслушне у того Федка Венцка, и тотъ дей Нестеръ ведалъ, ижъ то кунь былъ краденый, и седла позычилъ мне, але того не ведаю: естли тотъ Нестеръ зъ ними кравъ або не кравъ. Тамъ же, на той пробе, пыталъ того Ювка: есчи есче где тутъ маешъ товаришовъ? Онъ поведилъ: я тутъ това-

ришовъ въ томъ краю не маю, окромъ тыхъ; естъ у Подгородной подданый панеи Семеновое Подгороденское, Васко Козакъ, давный товаришъ мой, и тотъ Васко се весны минулое украв былъ коня вороного въ Косницахъ, и мне былъ продалъ товарыскимъ обычаемъ. Яко жъ тые шляхта и при нихъ люди добрые, обчие, которые тамъ на тотъ часъ были, сказали его по той пробе, абы былъ горломъ каранъ, водлугъ словъ учинковъ вызнаня его. Который тотъ же Ювко, будучи на остатнимъ ступню, на шибеници, идучи на тотъ свѣтъ, волалъ оного Федка Венцка, и Нестера, и того Романа Устилузского: нехай дей тую жъ заплату возмутъ, якую я беру,—ачъ не ведаю о того Нестера, если зъ ними кравъ; але о томъ кони ведалъ, што я у того Венцка купилъ, же то былъ кунь краденый, и седла ми тотъ Нестеръ позычилъ; о што дей и повторе всихъ васъ прошу рачте слышати, же ихъ волаю, абы тые помененые Федко Венцко, и Нестеръ, а Романъ такъ же были на пробе и горломъ карани,—бо тые дей болшей о шкодахъ вашихъ поведятъ и власные то шкодники ваши, Суходолские, а я дей теперъ перший разъ въ томъ краю товаришити зъ ними былъ почалъ, кони ми краденые купилъ, але въ инъшихъ краяхъ тымъ ся дей есми здавна поралъ. Што мною, возным, и тыми людми добрыми врядникъ панее Загоровское, панъ Сидоръ, и тотъ Гацъ и вся громада мужове Суходолские светчили. Што я, возный, слышалъ и виделъ, то до книгъ кгродскихъ, Володимерскихъ, сознавамъ, што и тыми панами верными места Володимерского, на имя Юря Яцынича а паномъ Дорошомъ Василевичомъ, светчили. Которое жъ я очевистое сознанье помененого возного до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Житомирская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 945, годъ 1590, листъ 643 на оборотѣ.

LXXIII.

Показаніе крестьянъ селъ: Порцка, Жмучи, воли Жмуцкой и др. по дѣлу, возникшему между панами Василіемъ Еловичемъ Малинскимъ и Павломъ Вышинскимъ о спорной нивѣ, находящейся въ урочищѣ Бабья-Криница; крестьяне, между прочимъ, указываютъ на то, что за нѣсколько лѣтъ назадъ, была собираема громада изъ околичныхъ селъ, которая производила »опытъ« по дѣлу о воровствѣ на этой нивѣ рѣпы и пшеницы. 1591 года, ноября 20 дня.

Року тисеча пятсотъ деветъдесятъ перваго, месяца ноября двадцатого дня.

Передо мною Щаснымъ Кгалезскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, постановившися очевисто въ замку господарскомъ, Луцкомъ, возный енералъ воеводства Волынского и иныхъ воеводствъ, короне принадлежачихъ, шляхетный панъ Валентый Тучаницкий, ку записованью до книгъ тыми словы сознался: иж въ дей року теперешнего тисеча пятьсотъ деветъдесятъ перваго, месяца октебра тринадцатого дня, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, пана Яна Кгорицкого а пана Петра Доминика, былъ есми на справе его милости пана Василя Еловича Малинского, которую мелъ съ постановенья словного съ паномъ Павломъ Вышинскимъ, на ниве урочища Бабий Крыницы, надъ рекою Стохотомъ,—тамъ же, на помененой ниве, зъ обохъ рукъ полюбовне панове приятели, ихъ милость: панъ Миколай Семашко, каштеляновичъ Браславский, панъ Прокопъ Хренницкий, панъ Янъ Кгличинский, панъ Остафей Коровай, панъ Василей Коноть, панъ Иванъ Гулевичъ а панъ Янъ Быстрыковский, пытали зъ околичъныхъ селъ старцовъ и иныхъ людей добрыхъ: если бы были сведому чия то копанъ и чые уживанье тая помененая нива? Тогды зъ села Порѣцка подданые его милости пана Федора Загоровского: Олешко Ивановичъ старецъ, Тимошъ Ивановичъ, Андрей Лобко; зъ села Жмучи подданые его милости пана Миколая Семашка: Станиславъ старецъ а Яцко Кузмичъ; зъ Воли Жмуцкое—Панасъ Белохвощъ; зъ Мелъницы: Иванъ Гудинъ, Федоръ Бубъновичъ; зъ селца пана Остафея Ко-

ровая: Мойсей Прокоповичъ, Андрей Колинко; зъ селца подданые пана Анъдрея Коровая: Гарасимъ Кузмичъ старецъ, Евтухъ Шафрановичъ, Иванъ Полошко; зъ селца подданые ее милости пенее Матъфеевое Малинское: Санцъ Малоедъ; зъ села Угловъ: Мартинъ Горячка старецъ, Богданъ Жданченя; зъ села Подлесъ подданые пана Василя Коптя: Иванъ старецъ а Куцъ Соболевичъ,—тыми словы, подъ сумъненьемъ своимъ, сознали: ижъ дей отъ часу не малого, можеть дей тому быти зо дванадцать летъ, кгды на той ниве покрадено было репу его милости пана Остафья Малинского, тогды, водлугъ давного звычаю, зобравшися зъ околичныхъ селъ громада, и, делаючи справедливость, опытъ чинила, и того ликомъ дошедши, же отъ села Брехова стала ся шкода, и до того жъ помененого Брехова приложивши вину, вся громада взгодне всказала на селе Брехове его милости пану Малинскому осмъ мацъ репы, на што и паметное есмо взяли. А потомъ дей, за держанья его милости пана Василя Еловича Малинского, вже тому колко лѣтъ, на той же ниве покрадено чотыри копы пшеницы; тогды такимъ же способомъ зобравшися громада, опытъ чинила, и того ликомъ дошедши, следъ до Брехова подъ самымъ селомъ—килка сноповъ тое жъ пшеницы нашли, а они следу не вывели; и приложивши вину, всказали есми на всемъ селѣ Брехове осмъ копъ пъшеницы, на што и паметное есмо взяли. Што его милость панъ Василей Еловичъ Малинский мною, возным, и звышъ менованою шляхтою светчилъ. Которое сознане возного помененого до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2073, годъ 1591-1592, листъ 46 на оборотѣ.

LXXIV.

Жалоба отъ имени Епископа Луцкаго и Острожскаго, Кирилла Терлецкаго, на князя Григорія Сангушка Коширскаго о томъ, что онъ наслалъ Каменецкаго арендатора, еврея Пёсаха, на находящееся у Терлецкаго въ залогѣ отъ Сангушка Коширскаго село Ворокомлю, который арендаторъ, находясь въ этомъ селѣ нѣсколько дней, грабилъ у крестьянъ деньги будто бы за раны, причиненныя одному изъ крестьянъ Ворокомльскихъ. 1592 г., октября 25 дня.

Року 92 мѣсяца, октебра двадцатьпятого дня.

Присылалъ на врядъ кгродский, Володимерский, до мене Григоря Обуха Вощатинъского, наместника Володимерского, его милость въ Бозе велебный отецъ Кирилъ Терлецкий, епископъ Луцкий и Острозский, жалуючи и оповедаючи на его милость князя Григория Санкгушка Коширского о томъ, штожъ дей его милость, заставивши мне именя свои, въ повете Володимерскомъ лежачие, Мезово, Ворокомле, зъ иншими приселками, къ нимъ належачими, въ певной суме пенезей до часу выкупна самъ черезъ себе а ни черезъ кого иншого, ни чимъ въ тые именья вступоватисе, переказы чинити и трудности никоторое задавати не мелъ, подъ заруками и всѣми обовязками, въ листе записе его милости, мне даномъ, описаными, —то пакъ року теперъ идучого деветдесятъ второго, мѣсяца октебра двадцать третего дня, умыслне чинечи его милость мне въ держанью тыхъ именей переказу надъ листъ запись свой, наславши жида своего, арендара Каменъского, Пёсаха, до села Ворокомля, кромъ ведомости и позволеня моего, яко держачого, который же то жидъ, за росказаньемъ его милости, приехавши до того именья моего заставного, и, зобравши всихъ людей Ворокомскихъ передъ себе, заразомъ, мимо мене держачого, оказавши толко имъ листъ князя Коширского, пана своего, надъ ихъ повинность, зграбили ихъ и пенези, за примушеньемъ, съ кождого поддaного выбираючи зъ нихъ за неякое зраненье тамошнего жъ поддaного моего, Верекомъского,

сына Манкова, до себе побралъ, и людей всихъ, такимъ своволнымъ наеханьемъ, зграбленьемъ и выбираньемъ зъ нихъ незвыклыхъ винъ, потревожилъ. За которымъ розрухомъ мне, пану своему, послушенъства и плату одъ нихъ повинъного и службы никоторое нѣтъ; на чомъ дей полтораста копъ грошей личбы Литовское собе быти шкодую, ку великой крывде и нарушенью запису мне, отъ князя Коширского даного, — што дей заразъ и вознымъ поветовымъ обвожено и оказано. Яко жъ и возный земский енералъ воеводства Волынского, врожоный Тимофей Бранъский, до книгъ кгродскихъ, Володимерскихъ, вызналъ тыми словы: ижъ року теперъ идучого девятдесятъ второго, мѣсеца октебра двадцать четвертого дня, маючи при собе стороною двохъ шляхтичовъ, пана Федора Высоцкого а пана Василя Красовского, былъ есми на справе и потребе велебного его милости отца Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского, во йменью его милости, Ворокомлю; тамже виделъ есми, въ томъ селе Ворокомлю, великий плачъ и сквиръкъ (sic) подданыхъ тамошныхъ, которымъ арендаръ Каменский, Пѣсахъ, жидъ, грабежѣ немалые починилъ и гроши ниякиесь зъ нихъ, при мне, возномъ, выбиралъ; и яко ми подданые того села поведили, же дей южъ тотъ жидъ Песахъ, отъ килка дний въ томъ селе мешкаючи, людми колотити, грабити яжаетъ (sic), выбираючи зъ нихъ съ кождого гроши, не ведати за якое зраненье якобы тамошнего жъ подданого, поведаючи ижъ дей за росказаньемъ кнежати то все чинитъ надъ ними. И кгды врядникъ владыки его милости того села, Ворокомъский, Федоръ Мордачевичъ, передо мною, вознымъ, и передъ стороною того жида, Пѣсаха, арендара Каменского, пыталъ: для которое бы причины такъ часто приежъджаючи до того именья пана его, отца владыки Луцкого, шкоды и кривды подданымъ чинилъ и зъ моцы и послушенъства тыхъ людей Ворокомъскихъ его милости владыце выймовалъ, и тые гроши, черезъ грабежъ на нихъ, брати важился, — оный жидъ Пѣсахъ поведилъ на то врядніку владыки его милости, Ворокомскому, передо мною, вознымъ: ижъ дей я еслимъ тутъ приехалъ до Ворокомля, теды не своволне, и выбираю пенези на подданыхъ не ку своему пожитку, одно за росказаньемъ и писанемъ кнежати его милости Коширского, пана моего, который листъ

князя Коширского, до него писаный, передо мною, возным, оному врядніку Ворокомъскому, Федору Мордачу, до рукъ отдалъ, абы его въ томъ самого невиновано. Што все врядникъ его милости отца владыки Луцкого, Ворокомъский, Федоръ Мордачъ, мною, возным, светчилъ, ижъ дей княжа Кошерское таковое безправье и переказу въ спокойномъ держанью и уживанью его милости отцу владыце, пану моему, надъ листъ записъ свой вжо не пооднокротъ чинитъ и до шкоды его милости невинъне приправуетъ. Которое оповедане и возного сознанье до книгъ кгродскихъ, Володимеръскихъ, записати есми казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, 1592 года, № 947, листъ 698.

LXXV.

Жалоба отъ имени епископа Луцкого и Острожскаго, Кирилла Терлецкаго, на князя Григорія Сангушка Коширскаго о томъ, что онъ наслалъ своего Каменецкого арендатора, еврея Песаха, на находящееся въ залогѣ у Терлецкого село Ворокомлю, который еврей въ этомъ селѣ производилъ судъ надъ крестьянами, отобралъ у одной вдовы крестьянки землю и отдалъ ее другимъ крестьянамъ. 1592 г., ноября 15 дня.

Року 92, мѣсяца ноября пятогонадцать дня.

Присылалъ на врядъ кгродский, Володимерский, до мене Григорья Обуха Вощатинского, наместника Володимерского, его милость въ Бозе велебный отецъ Кирилъ Терлецъкий, епископъ Луцкий и Острозский, жалуючи и оповедаючи на его милость князя Григорья Санъкгушъка Коширъского о томъ, што дей его милость, заставивши мнѣ именья свои, въ повете Володимеръскомъ лежачие, Мѣзово, Ворокомле, зъ иншими приселками, къ нимъ належачими, въ певной суме пенезей, до часу выкупна самъ черезъ себе и ни черезъ кого инъшого ничимъ въ тые именьня вступоватисе, переказы чинити и

трудности никоторое задавати не мелъ, подъ заруками и всѣми обовязъками, въ листе записе его милости мнѣ даномъ описаными,—то пакъ року теперъ идучого тисеча пятьсотъ деветдесятъ второго, мѣсяца ноября первогонадцать дня, умыслъне чинечи его милость князь Коширъский мне въ держаню тыхъ именей переказу, не помнечи на листъ записъ свой, прислалъ жида своего, оренъдара Каменъского, Песаха, до села моего Ворокомля, кромъ ведомости моее, которой жидъ Пѣсахъ мимо мене, держачого тое именья, чинячи переказу въ держанью моемъ, казавъши передъ себе прийти подданымъ моимъ того села, вступовалъсе въ неналежъность свою, упорне судилъ подданыхъ, то есть вдову по смеръти мужа ее, Ивана Тышковича, съ подданими того жъ села Ворокомъского, Федькомъ Сажъкою а Симономъ Земъкомъ,—зобравши всихъ людей на тотъ судъ свой, и поотъбиравши кгрунты въ тое вдовы, разсудъкомъ своимъ другимъ поданымъ поотдавалъ, который судъ помененого жида, оренъдара своего, его милость князь Коширъский листомъ своимъ потвердилъ, чинячи дей то все ку великой кривде и шкоде моей. Для которого спустошенья и своволного всыланья, чиненъемъ переказы, и неслуженьемъ служъбы, и неотъданьемъ плату и повинности подъданыхъ, шкодую собе на сто копъ грошей личбы Литовское,-которое безъправное укривженье отъ князя Коширъского заразомъ осведчоно есть и оказано возному поветовому. Якожъ и возный енерълъ воеводъства Волынъского, врожоный Тимофей Бранъский, ку записанью до книгъ кгродъскихъ, Володимерскихъ, вызналъ тыми словы: ижъ року теперъ идучого тисеча пятьсотъ деветъдесятъ второго, мѣсяца ноября третегонадцать дня, маючи я при собе сторону двохъ шляхтичовъ, пана Авъкгушътына Черневского а пана Яна Поплавъского, былъ есми на справе и потребе его милости отца Кирила Терълецкого, епископа Луцкого и Острозъского, въ ймену его милости, у Ворокомлю, тамже подданая его милости отца владыки Луцкого, Ворокомльская, на ймя Ивановая Тишковичовая, передо мною, вознымъ, плачъливе и жалосне оповедала, ижъ дей жидъ, оренъдаръ Каменъский, Пѣсахъ, приехавши отъ князя его милости Коширъского, съ Каменя, дня оногдашнего тутъ до села Ворокомля, кгрунтъ мой увесь, съ чого есми по смерти мужа своего его милости отцу владыце Луцкому служила

и платъ платила, отъ мене, убогое вдовы, поодънималъ и другимъ людемъ, суседомъ моимъ, за поклономъ поотдавалъ, и въ маетности рухомой зобралъ мя, за чимъ теперъ а ни служъбы служити а ни подачокъ давати немаю съ чого. Што все врадникъ владыки его милости, Ворокомъский, Федоръ Моръдачъ, мною, вознымъ осветъчилъ, ижъ дей княжа Кошеръское таковое безъправье и переказу въ спокойномъ держанью и вживанью его милости отъцу владыце, пану моему, надъ листъ свой вже неподнократъ чинитъ, подданыхъ убожитъ и до шкоды его милости отца владыку невинъное приправуетъ. Которое оповеданье и возного сознанье до книгъ кгродъскихъ, Володимеръскихъ, записати есми казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, 1592 г., № 947, л. 711 на об.

LXXVI.

Запись земянина Павла Тимофѣевича Пузовскаго, которою онъ освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости своего крестьянина Федора Даниловича. 1693 г., марта 15 дня.

Року 1593, месеца марца 12 дня.

Передо мною Федоромъ Загоровъскимъ, подстаростимъ Володимерскимъ, на вряде кгродскомъ, Володимеръскомъ, ставши очевисто панъ Павелъ Тимофеевичъ Пузовский, доброволне вызналъ, водле листу запису своего, Федору Даниловичу на вызволенъе его съ поддянства, подъ печатю своею и съ подписомъ руки своее, такъ же подъ печатми и съ подписомъ рукъ приятелей своихъ, даного, которого передо мною покладалъ и просилъ, абы до книгъ былъ уписанъ. Я его огледавши и, видечи быть во всемъ зуполного, для уписованя до книгъ принялъ и передъ собою читати казалъ. Который слово отъ слова былъ читанъ и такъ ся въ собе маетъ: »Я Павелъ

Тимофеевичъ Пузовъский, земенинъ земли Волынское, повету Володимерского, чиню явно и вызнаваю самъ на себе тымъ моимъ доброволнымъ листомъ, кому будетъ потреба (того) ведати, албо чтучи сесь мой листъ слышати, ижъ што который чоловекъ мой отчизный, Пузовъский, на йме Федоръ Данилевичъ, зосталъ мне вечне на делу ровномъ отъ брати моее рожоное, пана Михайла а пана Карпа Тимофеевичовъ Пузовъскихъ, — што есть межи нами листы, записы нашими утвержоно и на вряде его господарскомъ, для вечъного права, зезнано. А такъ я, Павелъ Пузовъский, паметаючи на уцтивые службы того подданого моего, Федора Данилевича, которые онъ мне, пану своему, зъ молодыхъ летъ своихъ чинилъ, а теперъ еще, хотечи его ку собе зычливымъ учинити, абы онъ на то пометаючи, за мене пана Бога просилъ, а жоне моей и деткамъ моимъ зычливость зъ себе показовалъ, — теды я того Федора Данилевича съ послушенъства своего его вызволяю и волнымъ его чиню на вечные часы подъ такимъ обычаемъ: ижъ яко я самъ, Павелъ Пузовъский, такъ малжонка и детки мои, его собе за отчича почитати и его пойскиватъ нигде не маемъ, але вже волно ему будетъ кому хотечи служити, такъ тежъ и въ местехъ господаръскихъ где хотечи оселостъ собе принявши, албо купивъши, мешкати, на вевные часы. А панове братя, такъ рожоные яко и близкие мои, до его никотрого дела мети не маютъ и пренагабаня никотрого ему нехай не чинятъ. А где быхъ я сего листа моего пробачивши, самъ, албо хтожъ колвекъ въ томъ его пренагабалъ, и якую переказу ему въ чомъ колвекъ, зъвлаща менуючи, албо пойскиваючи его за отчича, чинили, тогды я и кождый таковый повиненъ будетъ заруки на врядъ Володимерский, кгродский, заплатити двадцатъ копъ грошей; а заплативши предъ се сесь листъ мой при моци захованъ въ кождого права маетъ быти. Яко жъ на тую мою доброволную хуть и волю, на то самъ есми тотъ листъ мой на вряде кгродскомъ, Володимерскомъ, призналъ, и на то есми ему далъ сесь мой листъ зъ моею печатью и съ подписомъ руки моее. А при томъ были и того добре свѣдомы, а за очевистою а усною прозбою моею печати свои приложити и руки свои подписати рачили ихъ милость: панъ Богданъ Богушевичъ Пузовъский, подсудокъ земский, Берестецкий, а панъ Абрамъ

Богушевичъ Пузовъский же. Писанъ у Пузове, лѣта Божего нароженя тисеча пятсотъ деветдесятъ третего, месеца марца пятогонадцатъ дня. Павелъ Пузовский, власною рукою подписалъ; Богданъ Пузовский, власною рукою подписалъ; Абрамъ Пузовский, власною рукою«. Которое жъ я сознанье доброволное пана Павла Пузовского и тотъ листъ записъ его, звышъменованый, слово отъ слова до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 948, годъ 1593, листъ 198.

LXXVII.

Инвентарь имѣній принадлежащихъ панамъ Евстафію, Юрію, Петру и Александру Тышкевичамъ Логойскимъ, находящихся въ Житомирскомъ повѣтѣ, Кіевскаго воеводства, съ исчисленіемъ крестьянъ и мѣщанъ и ихъ новинностей. 1593 года, Октября 7 дня.

Feria quinta post Dominicam sexagesima proxima, anno Domini millesimo septingentesimo trigesimo sexto.

Ad judicium actaque praesentia, terrestria, camenecensia Podoliæ positionis judiciariæ actorum terrestrium palatinatus ejusque personaliter veniens generosus Alexander Żdanowski, obtulit eidem judicio et ad acticandum porrexit revisionem bonorum, in palatinatu Kiioviæ existentium, illustrium magnificorum Tyszkiewiczów haeriditariorum, per generosos commissarios in anno millesimo quingentesimo tertio, die septima mensis octobris expeditam, manibus eorundem commissariorum propriis subscriptam et sigilis binis communitam, introcontentam tenoris ejusdem: Roku tysiącznego pięćsetnego dziewięćdziesiątego trzeciego, miesiąca octobris siódmego. Rewidowanie maiętności ich mościów panów woiewodziców Brzeskich przezemnie, Jana Machewicza, za mocą, ktorą mnie dali ich mosć panowie Ostafian, sekretarz jego królewskiey mości, y bracia ich mość młodsza: pan Jerzy, pan Piotr, pan Alexander Jurewiczowie Tyszkiewiczowie Łohoyskie, w wojewodztwie Kijowskim a powiecie Żytomirskim leżące, Słobodyszcza, którą

na ten czas pan brat ich mościów panów starszy, pan Fedor Tyszkiewicz Łohoysky, trzyma za postąpieniem ich mościów, według listów obligów, między ich mościami z obuch stron danych, o rowny dział. Naprzód początek maiętności ich mościów panów: z obuch stron miasto Słobodyszcza stare, w którym miasteczku zamek, w położeniu iest nad rzeką Piętą wielką; około zamku ta rzeka Piat wkoło obeszła; a mianowicie w tym zamku budowanie: izb białych pięć, horodeń czternaście, piekarnia podle bramy, kuchnia podle piekarni, wieża iedna, pod którą wieżą iego mość pan Fedor swietełkie zbudował; strzelby dał cztery, a trzy, które jego mosć pan Fedor powiedział, że z Łohoyska, dla obrony przeciwko nieprzyiacielowi, prowadził, a czwarte, które jego mosć pan Kaleniecki, stryi ich mościów, po śmierci swoiey, zostawił; hakownic dziesięć, rucznic zamkowych dwadzieścia, prochu widziałem beczek dwie, kul działowych ośmdziesiąt, hakowniczych kul dwie kopie. Miasteczko stare, które jego mość po smierci pana Kałenickego zostało, w którym domuw osiadłych siedmdziesiąt; początek tego miasteczka, staro Słobodyiskiego, co jego mości panu bratu Fedorowi ich mościom panom czyniło, mianowicie: z każdego domu na rok płaty dawali każdy mieszczanin po groszy Litewskich dwadzieścia a, powinność tych mieszczan— roboty w rok po trzy dni, każdy z nich robi—dzień orać, a drugi dzień—żąć, a trzeci dzień—siano kosić. Których mieszczan pytałem: iesliby iakowe powinności albo podatki jego mości panu Fedorowi nadto więcey z siebie nieczynili, albo w podwode ieśliby powinni jezdzić? Tedy powiedzieli przedemną: »że za nieboszczyka jego mości pana Kałenickiego, jego mości panu y jego mości pan swemu przed tym, iako się wyż pomieniło, wypełniali; ale nam jego mośc pan Fedor, pan nasz, to wszystko otpuscił, bośmy bardzo ukrzywdzone są od pierwszego pana wojewody Wołynskiego, a teraznieyszego pana Krakowskiego, który nam gumna popalił y grunta pod miastem, za groblą, współpanem Harmięskim, odiechawszy, odjoł y dalnam jego mość, cośmy od pana Krakowskiego ogniem spaleni, wolność do lat pięciu, która nam poczęła się od roku tysiącznego piętsetnego dziewięćdziesiątego pierwszego, iako według nadania jego mości wynidzie żadney powinności czynić nie będziemy«. Miasto drugie Słobodyszcze nowe, po drugiey stronie siedzi zamku, na gurce od rzeki Kuzminki, które jego mosć pan Fedor niedawno, już po śmierci nieboszczyka pana Kalenickiego, wziowszy do rąk y władzy, własnym kosztem y nakładem zwoim osadził. W tym mieście nowo osiadłych domów sto czterdzieści y osiem; iakoż pytałem tych mieszczan: iesli iakową powinność jego mości panu Fedorowi, bratu ich mościów, groszowo albo danną czynią? Tedy odpowiedzieli przedemną: »każdy

z nas powinności jego mości nieczyniemy, iako wolne ludzie, z róznych stron przyszedszy do tego miasta, Słobodyskiego, na łasce jego mości mieszkamy«. J pokazywali mi list iego mości pana Fedora, iż jego mość dał im pierwszy wolą do lat dwunastu; a potym, gdy oni mu się (sic) od pana Krakowskiego domy były popalone, nadał onym jeszcze nadto lat kilkanaśćie, y puki nam, według nadania listu jego mości pana naszego, wola wytrzymana będzie, z siebie żadney powinności niepowinni. Pod tym że miastem y na tey że rzece grobla zasypana ko iednemu brzegowi do gruntu pana Harmińskiego, Somowskiego, a drugemu brzegowi od miasta do gruntu Słobodyskiego, y młyn zbudowany, w którym koł starych, co panu Kalenieckiemu zostawili; a co pan Fedor przybudował,—koł trzy iest teraz, koł mącznych trzy, czwartę—stępne, a piąte—fołuszy. Jam pytał mieszczan Słobodyiskich: »coby za pożytok z tego młyna czynił«? Oni powiedzieli: »iż z tego młyna arędarz tuteyszy bywszy, gdy się Słobodyszcze jego mości panu naszemu dostali, arędy płacywał żyd wszystkiego kop pięć, a teraz, gdy juz jego mość Listowce osadził, tedy arędy płaci kop dziesięć na rok folwarczny jego mość pan Fedor, niepodaleko od miasta Słobodyszcz, w który paszy bardzo troche było, y to iego mość pan powiedział, ze te pasznie, za własne pieniądze swoe u sługi swego Krypa Prussaka kupił, y bydło rogate y inszy statek dorówny. Jego mości dworny a potym znowu jego mość mieszczan, tak starego miasteczka Słobodyszcz, iako też y nowego, wszystkich zebrawszy w gromade, mowiłem onym, aby do pomieszczenia gruntow na włoki szli y sobie włokami, kazdy z nich rozebrawszy, mieszkał, y w ten regestr sam z dziećmi y wszystką maiętnośćią swoią mianowicie wypisał. Które wszyscy gromadą krzykneli temi słowy: »Boże tego uchoway, Boże tego uchoway, aby my mieli to uczynić, a włokami grunt sobie rozbierać y w regestr plemienia swoie wpisać dali, gdyż to wszystkim kraiom niezachowuie, aby panowie nasi mieli nas, dzieci nasze y maiętności nasze, iako ludzi wolnych, popisować, y u siebie w niewoli bydź,—czego oycowi nasi y my sami mieszkaiąc już postarżeli się, a tego iako y nietylko widzieli, ale o tym y niesłyszeli abyśmy tak wymyślnie włokami mieć mieli, a to my zaraz, iako ludzie wolne, dawszy jego mości panu naszemu teraznieyszemu, który nas trzyma, po groszy dwadzieścia, wychodzimi, do kąd chcemi przyjdziem, a tu mieszkać nie będziemy, imion naszych spysywać wam niedamy, y, będąc wolnemi ludzmi, w niewoli bydz niechcemy«. A gdy jego mość pan Fedor onym pre demną rozkazał, aby wszystkiego tego niezbzaniali, tedy widzialem to dobrze po nich, iż taki rozruch między sobą uczyniwszy, a wszystkie poczeli się bunto(wać). Przecz ia, obaczywszy to,

musiałem mierzeniu gruntu na włoki, y spisować kleynich (sic) w regestr, dla pokoju, (dać pokój) a jego mość pan Fedor, brat jego mości, nie będąc przeciwny listem y obligiem swoim, którym się jego mość o pomierzenie gruntow, jako też y pomiarkowania na równe części wszelkich pożytkow, mnie, iako umocowanemu ich mością wszystkim, według potrzeby rewidowania, dopuszczał. Jakoż na ten czas, maiąc jego mość przy sobie generała woznego ziemi Kyiowskiey, szlachetnego Hryhorego Ulanickiego, y szlachty ludzi postronnych, pana Bohdana Anachowskiego a pana Wawrina Staruchę, przydawszy mnie od siebie sługę swego, pana Jana Woronicza, we wszystkich imieniach, do Słobodyszcz należących, rewidowania postąpił; za którym ja postąpieniem, z tym pomienionym służebnikiem jego mości, spisawszy naprzód wszelkie pożytki y przychody w mieście Słobodyiskim, tak starym iako y nowym, potym przyzwawszy do siebie starych mieszczan Słobodyiskych człowieka kilku, którzy byli swiadomy maiętności nieboszczyka pana Kalenieckiego, stryia jego mości, y przy nich także człowieka starego, który za nieboszczyka pana Kalinieckiego horodniczym w Słobodyszczach był, pytałem ich, aby mi powiedzieli prawdziwie pod sumienem, ieśliby iaka maiętność ruchoma, to iest: koni, bydło, stado, iako to sieroty po smierci nieboszczykowskiey, w zamku Słobodyiskim zostało? Oni mi powiedzieli: iż żadney maiętności po nieboszczyku panu Kalenickiemu tu, w Słobodyszczach, niezostało, krom działka iednego, a maiętności, od mała do wiela, ieszcze za żywota jey mości ztąd do Litwy sprowadzoną do imienia Truszowieckiego. Potym pytałem woyta y mieszczanina starego miasta Słobodyiskiego: »ieśli by iakie wsi byli dawne, stare, nieboszczyka pana Kalenickiego osiadłe, do Słobodyszcz należące«? Któren mi powiedział: »iż więcey wsi niemasz, oprocz iednego sioła starego Puliny, za Żytomirzem w pięciu milach, na Polesiu, w których było poddanych domuw osiadłych osimnaście, a nową za jego mości pana Fedora osiadłych domow trzydziesci dwa; z tych poddanych powinność taka na jego mości idzie: czynszow gotowych pieniędzy kop dziesięć, miodu prasnego dani daią wiader Żytomirskich cztyrnaście, to iest kadzi trzy bez iednego wiadra; z arędy od młynka y karczmy y wszelkiego napoju na rok arendy płaci pieniędzy kop dwadziescia; na to też poddani powinni iechać w podwode na rok ieden raz za dziesięć mil,—więcey nic. Sieliszcze puste pod Żytomirzem, nad rzeką Teterką leżące, przezywaiące się Sielec, z którego przedtym dawał mieszczanin Żytomirski miodu przasnego dani wiader dwie, a z pola wszelkiey paszni, według urodzaju dziesiątą kopę też mieszczanie Żytomirskie dawali, a teraz już od dziesięciu lat, iako to pan starosta Żytomirski przez mieszczan króla jego mości, Żytomirskich,

ten grunt do miasta pociągnowszy, tak danie jako y dziesięcinę odtąd y na siebie bierze. Wieś Rayki, którą sługa jego mości, pan Woronicz, nowo osadził, niepodaleku od Słobodyszcz, w położeniu nad rzeką Piętą wielką, a na koniec tey wsi Horodyszcza pustego; około tego Horodyszcza wał stary sypany; w tey wsi Raykach podymia osiadłego sześćdziesiąt, a powinności żadney z niego niemasz jego mości panu Fedorowi. Wieś Hołotki, tenże jego mość pan Woronicz swoim kosztem y nakładem osadził niepodal Słobodyszcz, w położeniu nad rzęką małym Piatem; na tey rzece groblą zasypał, y staw zajoł, y młyn zbudował; w którym młynie koł mącznych dwie, a stępne koło trzecie; ktory to młyn na swoią potrzebę trzyma, y mienił sobie pan Woronicz jego mość ten młyn kosztuie, nim go zbudował według potrzeby, złotych dwieście; a z poddanych tey wsi Hołotkow niżadney powinności niemasz, bo na woli siedzą. Niepodaleku tych że Słobodyszcz sielce alias wieś Zbrzyłowka, w położeniu nad rzeką Piatem, które sługa jego mości, pan Krzysztof Kozicki, niedawno swoim własnym kosztem y nakładem poddanemi osadził; w którey to wsi podymia osiadłego dwanaście, a powinności z niego jego mości panu Fedorowi Tyszkiewiczowi ni żadney niemasz, bo ieszcze wola niewyszła, według nadania jego mości. Wieś Oliszkowcy, które sługa jego mości, pan Krzysztof Prusak, trzyma, tę nową osiadłe; w którym podymia siedem, y było więcey, niżli jego mość pan Krakowski, nasławszy tatarów swoich, poddanych rospędził a domy popalił; z tey wsi powinności żadney niemasz. Sieliszcze Kaszczynskie, powyżey Oliszkowców, nad rudą Biało, na ktorym był osiadł Korniło Boiarzyn, to tedy pan Krakowski, nasławszy tatarow swoich na dwor jego, maiętnosci wszystko od mała do wiela pobrał, y jego samego w więzieniu kilko niedziel trzymał, z którego ledwo uciekł, a budowanie jego popalić kazał, które teraz w pustu leży. Miasto nowoosiadłe Berdyczow, w położeniu nad rzeką Piatem wielkim, od Słobodyszcz we dwóch milach w góre Piate, które jego mość niedawno swoim własnym kosztem y nakładem osadził; w którym podymia osiadłego sto czterdziesci, z których żadney powinności niemasz, według nadania wolności za listem jegomościnym, iako to w tym liscie nadanym wolnościach onych szyrzey opisuie. W tymże miasteczku zamek, na Horodyszczu, poczęty budować; w którym zamku budowanie: naprzód wieża nad wroty zbudowana, w teyże wieży swietlica, w scienie swietełki cztery, horodeń sześć, na gorce sala zbudowana wielka, piekarnia, sieni, swietełka, na przeciwko—swietełki dwie, sieni y komora; w bok sieni naprzeciwko wieży poczęto budować y niedobudowaną; a na ostatek Horodyszcze ostrogiem obstawioną, w koło zameczku przygrodek, ost-

rogiem obwarowaną. Pod zamkiem, na rzece Piatu, grobla zasypana, staw zaięty y młyn zbudowany, w którym młynie kołcztery,—dwie mącznych, trzecie stępnę, a czwarty folusz; który młyn teraz pierwszy raz tego—roku tysiącznego pięćsetnego dziewięćdziesiątego dziewiątego (sic) jego mość żydowi zaarędował, z mytem pogrobelnym,—od woza nakładnego po groszu, za sto kop na rok; a inszego pożytku y przychodu więcey niemasz niczego; szynków miasteczku od wszelakiey (sic) wolny; jakoż y list nadania wolności na dwanaście lat, od jego mości dany, pokazywali mnie, z którego do jego mości y kopię przezemnie dali; folwarku do tego zamku y miasteczka Berdyczowa na jego mości niemasz. Wyżey Berdyczowa, na wsi Bystryka, wpadywa Bystryk w rzekę Piat, wieś sługi jego mości pana Kroswickiego, przezywaiące Bystryk, które on swoim własnym kosztem y nakładem zprowadzaiąc osadził; w tey wsi podymia trzydzieści, z tych poddanych pożytku żadnego nieczyni. W teyże wsi Bystryku, na pomienioney rzece, pod wsią, grobla zasypana, stawek zaięty y młynek zbudowany; ktory to młynek ten pomieniony sługa jego mości na potrzebę swoią własną trzyma; a w nim koło mączne iedne. Wyżey tey wsi Bystryka, wierzchu rzeczki tegoż Bystryka, wioska Markuszowcy; które był osadził sługa jego mość Uhryn Mikłasz, w którym było podymia dziewięć, które tatarowie popalili, ludzi pobrali teraznieyszego roku tysiącznego piętsetnego dziewędziesiątego trzeciego, teraz spustoszało,—nikogo niemasz. Sieliszcze, przezywaiące się Hażynę, nad rzeką Piatem wielkim leżące, wierzch k szlaku, które sługa jego mość pan Szczęsny Mioduski swoim własnym kosztem y nakładem, ludzi zwodząc z różnych stron, osadził; w którym podymia osiadłego człowieka dwadziescia pięć; z tey wsi pożytku jego mości żadnego niemasz, ani temu pomienionemu służebnikowi jego mości,—bo niedawno ich osadził. Na teyże rzecę Piatu wielkim, wierszch, sieliszcze przezywaiące Machnowskie, które także puste stoi. Sielce sługi jego mości pana Nizgorskiego niedawnę, nad rzeką Bernawą, osadził, w nim poddanych podymia pięć; z tego sielca pożytku tak jego mości panu Fedorowi, iako też y temu służebnikowi jego mości niżadnego niemasz. Sielce nowe osiadłe na rudzie Płoskiey, które służebnik Semen Biełokrynski trzyma; w nim podymia człowieka cztery, z którego żadnego pożytku niemasz, bo onego niedawno osadziwać poczoł, iedno drugi rok te wszystkie wsi, sieliszcza, horodyszcza puste, iako się wyżey pomieniło, do miasteczka Słobodyszcza y do miasteczka Berdyczowa należy. W Słobodyszczach z iednego boku od Czudnowa granicy niemasz, choć była ale dawnych czasow, lat więcey niżli od trzydziestu zepsowana y granicy wszystkie od Słobodyszcz, według przywileju Słobodyiskiego przodkom jego mości od kniazia

Swintryała (sic) nadanego, jego mość pan Krakowski gwałtownie od Wroszyna kilka mil posiadł, sieliszcz różnych kilkadziesąt osadziwszy, listami y wsiamy na siebie trzyma y używa, y grunt, aż pod same miasto Słobodyszcze, po trakt Słobodyiski, odioł, y poddanym za staw ku Piacie nogą wystąpić niewolno,—iakoż poddani Słobodyiskie niemałe krzywdy, szkody, grabieży nieznosne, ustawiczne od pana Krakowskiego sobie bydz, przedemną mianowali. W koło tych że Słobodyszcz y Berdyczowa granicy doskonałey niemasz, okrom od Kodni, od Ułanowa, od Winnicy, od Lichnakowa szlak czarny tatarski dzieli, kturędy tatarowie z ordą w ziemie króla jego mości pana naszego chodzili. Grunt Białopolski, który na ten czas jego mość pan Fedor, niedawno trzymaiąc, osadził; na nim miasteczko, nad Hujewką, poczowszy osadzywać, y na Orodyszczenku zameczek założył, w którym zameczku zbudowana wieża iedna, a druga wieża poczęta budować y niedobudowana; iedna piekarnia, na niey strzelby w nim niemasz nic. Orodyszczenko zastawiono palami; w tym że miasteczku podymia poddanemi osiadłego ośmdziesiąt; powinności żadnych z nich nic niemasz,—bo niedawno poczęto osadzać, w roku przeszłym tysiącznym piętsetnym dziewięćdziesiątym drugim. Pod miasteczkiem, na rzece Hujewce, zaięta grobelka na rudzie Orodyszcza, która ruda z pola w staw w Hujewkę wpadła; grobla nowo wysypana cwierć mili od miasteczka na rzece Hujwce zaięto, y młynek zabudowano, w niem iedno koło mączne, y ten młynek na wyżywienie słudze swemu jego mość pan Fedor postąpił. Pożytku tam z tego miasteczka, iako y z tego młyna, nic niemasz; do tego miasteczka folwarku niemasz ani wsi osadzonych. O który to grunt Białopolski jego mość pan Fedor Tyszkiewicz wielko zasie z kniaziem Kyrykem Ruźyńskim ma y prawo z nim wiedzieć; który grunt Białopolski, kniaz Ruźyński mieni bydz swoim własnym Bernawskim, y tam, gdy był pierwey tego, jego mość pan Fedor na tymże Horodyszczenku zameczek założył y miasto osadzywać poczoł, [n]asławszy kniaz Ruźyński, zameczek spalił, y co nowo na miasteczku poddanych pobudowało się było, popalił, ludzi pobiwszy, reszte rozpędził y pustki uczynił był; którego gruntu Białopolskiego granicy doskonałey niemasz gdzie kniaz Ruźyński to bydz mieni swoim, a jego mość pan swoim, y oto z obudwuch stron u prawa za pozwy staią; jakoż sobie jego mość pan Fedor mienił bydz szkodę niemało w tym, strony gruntu Białopolskiego z kniaziem Ruźyńskim, wiedząc na kilka tysięcy złotych stało. Miasto Kodnia, zamek Kodeński, w położeniu nad rzeką Kodnią, we dwoch milach od Słobodyszcz; a to iest zamek na Orodyszczu poczęty budować, w którym zbudowaną swietełki dwie przeciwko wrut y komora, małych swietliczek

niewielkich pod wałem dwie, y też kuchenka od stawu y z piekarnią niewielka podle kuchni y zrębow, co było poczeto zamek budować, pięć w których człowieka w zimie zbudowano; (sic) piwnicą z lochem, na piwnicy chłodnik postawiony, wedle chłodnika niepodaleku komorka, którędy z miasta do zamku chodzą, brama poczęta była robić, iedno tylko wrota przyrobione a na wierzchu, nad wrotami, zrąb niewielki; obapoł tey bramy z iednego boku komorek dwie, z drugiego boku drugie dwie w scienie, na wale budować poczęte byli y nie dobudowane. Koło Orodyszcza, na którym budowanie stoi, y wałow staroświeckich dwa; w koło tych wałów Orodyszcza zastawiono od miasta palami. W zamku strzelby niemasz; miasto w którym podymia osiadłego pułtrzeciasta; jako iem pytał mieszczan: co by za pożytek y powinność jego mośći była? którzy powiedzieli: iż my powinności żadney z siebie jego mośći czynić niepowinni, bośmy tu niedawno za jego mośći osiedli, — temu lat osim; a mamy list o wolnośći, y według tego listu, mamy od jego mośći pana naszego nadane na dwadziescia lat słobody. W tym miescie Kodni żyd mostowe y myta płaci jego mośći pieniędzy kop trzydziesci; folwark jego mośći przeciwko zamku za stawem: naprzód gumno, a w gumnie paszni wszelkiey mogło bydz kop tysiąc, którą pasznie pytałem tak jego mośći samego, iako też y mieszczan tamecznych, Kodeńskich, iakim sposobem one pasznią? tedy mi jego mość sam a też mieszczanie powiedzieli: iż to jego mość swoim własnym pługiem paszą, y pasznie swoie sieie, a gdy żąć przyidzie, tedy za dobrey woli, za strawą pańską, y za piciem, możem y dzień posłuchać, a więcey nic nadto, gdy nie naymie za grosz, to robić nie będzie. We dworze bydła rogatego pospólitego iest niemało, tylko jego mość powiedział: że to iest bydło moie własne, do którego jego mosć panowie bracia do dzielenia wstępu ni żadnego nie maią, bo gdyż moy przypłodek własny. Niżey tego miasta Kodeńskiego grobla, na rzecie Kodni zasypana, staw zaięty y młyn zbudowany, w którym młynie koł mącznych dwie, a trzecie stępną, czwarte koło foluszy. We wsi Jankowcach w stawu nad rzeką Kodnią, które słudzy jego mości Jankoscy y Growieckie, niedawno osadziwszy, trzymaią; w nim podymia osiadłego dwadziescia, z tego powinnosci panu Fedorowi niemasz, okrom iesli się trafi gdzie po potrzebach z listem posłać. Wieś Wertykijowcy, tam że niepodaleku wsi Jankowiec, przez staw za rzeką Kodnią, które sługa jego mośći, osadziwszy swoim własnym kosztem y nakładem, pan Stanisław Kupa, trzyma w nim podymia człowieka dziesięć, z tey wsi jego mośći panu Fedorowi powinności żadney niemasz; w tey wsi na rudzie groble tenże sługa jego mośćin stawek zaioł y młynek zbudował swoim własnym kosztem y nakładem, y

na wychowanie swoie do dworu trzyma. Wieś Sielidzbcy, nad rzeką Kodnią, które sługa jego mości Olekszyc, sprowadziwszy poddanych swoich własnych z Wołynia, osadził, y trzyma w nim podymia osiadłego człowieka dziesięć, z tego powinności żadney niema. Drugie tamże niepodaleku od tych Salnice (sic) wieś Dederkały, które tenże sługa jego mości pan Semen Olekszyc trzyma, y także swoim własnym kosztem osiadłych poddanych zwiodł; w nim podymia człowieka pięć,—ta wioska wpołożeniu nad rzeką Kodnią; z niey powinności żadney niemasz. Wieś Sołotwin, które słuha jego mości pan Jozef Jabłonski, zwodząc poddanych swoich własnym kosztem y nakładem; w nim poddanych podymia dwadziescia; na wsi dwor swoy ma, po de dworem na rudzie grobelką zasypał starą, y młynek zbudował; w nim koło iedne mączne, y ten młynek na wychowanie do dworu swego trzyma; powinnosci z tey wsi niemasz, okrom ten sługa jego mości pan Jabłonski koniem służy. Wieś Żurbince, które sługa jego mości pan Anton Żurbiński swoim własnym kosztem y nakładem, zwodząc poddannych, osadził; w nim poddanych podymia sześć, powinnosci żadney niemasz, krom, według możnosci, koniem służyć powinien. Wieś Sielce, gdzie słudzy jego mościni mieszkaią: Zabłocky, Jwan Hołyc, maią poddanych w siebie, których swoim kosztem y nakładem zwiodszy, osadzili podymia dziesięć; z tego powinnosci żadney niemasz, okrom możnosci koniem służyć. Wioska Siemaszkowcy, które trzyma sługa jego mości pan Tokarski; w tym poddanych dymów osiadłych człowieka pięć, powinnosci żadney niemasz, iedno koniem, według możnosci, służyć. Selce, które sługa jego mość Połowicki poczoł osadziwać; w nim już podymia człowieka sześc; powinności z niego żadney niemasz, y służby koniem niemasz. Sieliszcze puste Ozirańskie, które sobie sługa, jego mości pan Moszkowski uprosił y natym jeden sam mieszka; poddanych niema. W tymże sieliszczu Ozirańskich folwark poddannych kniazia Kiryka Rużyńskiego, z Kotelniey, kilkanaście osadsoną, zachodząc przez granice grunt gwałtem. Te wszystkie wsi sieliszca, iako zwyż pomieniło, do miasta Kodni należą. A granica tego imienia. Kodeńskiego, od Pięty do Pięty, tak się opisuię: Naypierwiey, poczowszy poniżey miasta Kodeńskiego, od rzeki Kodni, na uście błota Mułowiszcze wierzch, trzymaiąc na wschod słonca—po prawey stronie grunt Kodeński y do Kodni, a po lewiey stronie grunt pana Przeżowskiego, Horodyszcza Trzybeszowskiego, do Pryżowa, błotem wierzch, do gaju brzozowego, gdzie się schodzi grunt Kodeński z gruntem Tryniskim y Leszczyńskim, imieniem pana Hornastaiowym. Od gaju brzezowego, do kopca starego, także polem do wierzchu Czerewienki po rudę Czerewenkę, wniz, aż do gróntu Wołosowskiego u Bojarkę, a stamtąd, wierzch Boiarki,

widząc Boiarką, aż do Wilczego Rogu, gdzie się poczyna granica z gróntem Ozirańskim, a od Wilczego Rogu do Lipnikow rzeczki, a Lipnicką w Niechworosnią rzeczkę, a z Niechworosney rzeczki wierzch po Niechworosną, dokąd rudy w rudą ku Koleni rudzie, aż do wału, wałem do Goscinca Białocerkiewskiego, a gosciñcem Białocerkiewskim, trzymaiąc gróntKodeński po prawey ręce, a Słobodyisky gróntpo lewey ręce do Sierzbiszowa Kołodzieża, a od tego Kołodzieża rudką do rzeki Kodeńki, a wziowszy hore Kodenską do rowku, a rowkiem do jeziora Kruhłego, a od tego jeziora do wierzchu Bobryka, a Bobrykiem do borku, do gruntu pana Woynina Troianowskiego; a od tego Borku gajem, dołami, do Moczychwosta, a Moczychwostem wniść do pasieki prawcem na pole do Kamienca, a od tego Kamienca polem do drugiego Kamienca, do dworu pana Woronicza, do rudki Staweckiey, kopcami do wierzchu rudy, a tą rudą y kopcami wysypanemi do rzeki Horodney, a rzeką Kodnią wniść do uścia rudki wyżey pomienioney błota Mułowisza, wedle którego kopcy obopuł wysypane y granica wiekuista z imieniem Pryżewskiego uczyniona; iakoż jego mość pan Fedor tę Kodnie y sieliszcze Ozierany, ze wszystkiemi temi wsiami pomienionemi, z tey granicy wypisaney leżące, wymienił sobie bydź kupioną sobie wiekuistą od nieboszczyka pana Prežewskiego, zemianina wojewodztwa Kyowskiego, y na to prawo, czasu działu równego, gdy rok przypadnie, ich mościom panom braciom swoim pokazać obiecał; a ja, Jan Machewicz, iako umocowany, y na rewidowanie od ich mosciow będąc posłany, y tę maiętność wszystką w szyrokosci oney, iako się sama w sobie ma, dostatecznie zrewidowawszy, y na ten inwentarz wszystkie przychody y pożytki spisawszy, y ten inwentarz pod moią pieczęcią y z podpisem własney ręki moiey, pod pieczęcią pomienionego Hrehorego woznego Ulanickiego, y pod pieczęćmi y z podpisem rąk szlachty tey, przy woznym będącey, jego mości panu Fiedorowi Tyszkiewiczowi bratu ich mosciow dał, a drugi taki że własny, słowo w słowo spisany, pod pieczęcią y z podpisem ręki jego mosci własney z pieczęcią swoią, y z podpisem ręki moiey, także z pieczęćmi onego y szlachty pomienioney, ich mościom panom Tyszkiewiczom wziołem. Pisan w Słobodyszczach. Jan Machewicz, pieczęć przyłożył y ręką podpisał; Seweryn Bartycky, ręką własną pieczęć przyłozył, y ręką podpisał; Bohdan Kosakowski, ręką własną; Jerzy Ulanicki, generał wojewodztwa, ręką własną podpisał. Locus sigillorum binorum. Post copiationem et ad acta praesentia introductionem, originale ejusdem idem offerens, praevia judicii praesentis quietatione, recepit.

Книга Каменецъ-Подольская и Летичевская, земская, записовая и поточная, годъ 1722-1736, № 3705, листъ 542.

LXXVIII.

Запись отъ князя Петра Владиславовича Збаражскаго пану Николаю Вонсовичу и еврею Новозбаражскому, Евфраиму, на отдачу имъ въ арендное содержаніе мѣстечка Новаго Збаража и селъ, къ нему принадлежащихъ. 1583 года, декабря 27 дня.

Лета Божего нароженія 1594, месяца августа 2 дня.

На вряде кгродскомъ, Кремянецкомъ, передо мною Томашемъ Белецкимъ, подстаростимъ Кремянецкимъ, облично постановившися велможный панъ его милость княжа Петръ Владиславовичъ Збаразский ку записованю до книгъ кгродскихъ, Кремянецкихъ, тыми словы сознался: ижъ дей я имене державы моее, въ опеце у мене будучие, въ повете Кремянецкомъ лежачие, меновите: место Новое и Старое, Новый Збаражъ, Колесецъ, зо всѣми селы и приселки, до тыхъ именей моихъ належачими, земляны, бояры, зъ мещаны и подданими тыхъ местъ и селъ, зъ ихъ вшелякими послушенствы, повинностями и подачками, зъ арендами, съ корчмами, зъ мытами, зъ ставы, ихъ спусты, зъ млыны и ихъ вымелками, съ пасеками, съ фолварки, зъ бояръ, мещанъ—подданыхъ тыхъ именей вшелякими десятинами, пожитки и приходы всѣми тыхъ имѣній, арендовалъ есми пану Миколаю Вонсовичу а Ефраимови, жиду Новозбаразскому, за певную суму пенезей деветь тисечей золотыхъ, сто золотыхъ, личбы и монеты Полское, на три лѣта, на што далъ есми имъ листъ свой арендовный, на которомъ ширей. . . . . Который тоесть листъ свой арендовный его милость князь Петръ Збаразский передо мною на вряде положивши, просилъ, абы вычитанъ и въ книги кгродские, Кремянецкие, при томъ его устномъ сознаню вписанъ былъ. Который я для ведомости своее врядовое приймуючи, передъ собою читати казалъ, и тые сутъ его слова: »Ja Piotr Władisławowicz xiąże Zbarażskie, oznaymuie komu to należy wiedziecz tem listem moiem, yż ia, z dobrei woliey swey, z dobrym rozmyslem, ymienie dzierżawy mey, w opiece mey, w powiecie Krze-

mienieckiem leżące, to jest mianowicie: połowice miasta Nowego Zbaraża, z połowicą wszitkich, pożytkow, przichodow, z niego pochodzącemi, a to jest: z połowicą arendy miestkiey, s połowicą czinszow, ospi (sic), ynych wszeliakich przichodow, z dawna s tego miasta przichodzącemi, z wierzchnością y posłuszenstwem wszitkich, w niem mieszkaiącemi, nicz na mnie nie zostawuiącz, jako na mnie brano y jakom ja używał, do tego jesze miasto Starze przi zamku wszitko, ze wszitkiemi jego pożytkami, y przedmieście też wszitko, nicz na nas nie zostawuiącz, także też te wsi, mienowicie do tego miasta Nowego Zbaraża należące: Białozorki, Wierzchnia y Srzednia Hołdowce, w Koszliakach dwa poddanych, Jachnowce, Sobolowkè, Worobiowke, Poczapince, Miodusowke, ze wszitkimi przyliegłoscziami, przichodami y pożytkami, z tich sioł, wyszey pomionionych, pochodzątemi; to jest mianowicie: s pholwarkami y w nich budowaniem y zawsiewkami na ten rok oziminą. z liudzmi tiahłemi, z zagrodnikami, y z nich z robotami y podwodami, wedle dawnego zwyczaiu, z czinszami pieniężnymi, z ospią (sic), z dziesięciną, z winną, a połowica dziesięciny pszołney z miasta Nowego Zbaraża . . . . . wszitkich pomienionych y od ziemian, boiar naszich poddanych, z dawna bracz zwykley, . . . połowice dziesiętiny z śioł naszich, które Juda żyd od nas arendą na ten rok trzima, a na nas ią zostawioną,—te połowice . . . arendarze, niżey pomienieny, w jednem roku bracz maią, z powinnościami poddanych, ziemian y boiar naszych, wiedle srarodawnego zwyczaiu y ich samych, wyiąwszy tych, którzi s przodkow naszich y od nas samych wolności maią, ci przi wolnosciach swych zachowani becz maią, z arendami, z karczmami y w nich szinkowaniem wszeliakiego picia, z młynami z nich wymiarami, s pasieką Miakostupowską nazwaną, do którey będe powinien dać na wiosne przyszłą pięczdziesiąt uliow z pczołami, y wszeliakimi ich powinnościami, z winami, przesądami y ze wszitkimi tak jako się to ymienie, wyszey pomienione, samo w sobie, w pożitkach, w granicach, obchodziech zdawna miało y teraz ma, y jakom ja go w opiece swey miał y użiwał, ze wszitką władzą y zwierzchnością, którey nicz nie zostawuiemy sobie, tilko to sobie zostawuiemy: na wszitki trzi liata, niżey w tey arendzie opisane, a mienowicie to zamek Nowozbarażski ze wszitkim jako się w sobie ma, pholwarek na przedmieściu pod zamkiem, ze wszitkim jego budowaniem, z polmi, co może pługiem dwornym naoracz y z sianozęciami, co może na potrzebe moie ukosicz, połowice zasiewku, teraz na zime zasianego, a połowica tem arendarzom, niżey pomienionym; w tem pholwarku pasieke pod zamkiem y sad zostawuie też sobie; dąbrowy y zaroslie wszitkie w tem ymieniu moiem, wyszey pomienionem, będące,

któremi ja władacz mam y komu chciecz ie zliecicz; a wszakże arendarzom, niżey pomienionym, na potrzebe ich samych własną y do dworcow, wolnoscz w nich na potrzeby swe rąbacz, zostawuie gumna . . . . . wszitkich pholwarkach napelnione zbożem sobie zosta . . . . . bracz kiedy wolią moia będzie. Zostawuie też sobie . . . . . na posługi swe, wedlie powinnościi ich, a mienowicie: . . . . . Wąsowicza, Mikołaia Mińskiego, Stanisława Skarbińskiego, Kozaka Basaraba, Hawratinskich, Jana Szabaliowskieko, Jakubowskiego, Popławskiego y pienskiego; pobor jego krolia mościi, jeśliby był uchwalion w którem kolwiek roku, przez tego, komu ja to zliece, wybieran y do skarbu jego krolia mości oddawan becz ma. A ine wszitkie pożitki pomienione, y które zwyczaiem bracz zwykle, tak jakośmy ich uzywali sami, wedlie inwentarza, od nas im danego, arendarze bracz y zachować się maią. A to arendowałem to ymienie, wyszey pomienione, moje, szliachetnie urodzonemu panu Mikołaiowi Wąsowiczowi •y Efraimowi Dawidowiczu, żidowi Nowozbaraskiemu, na ieden rok, który się pocznie od nowego liata roku pańskiego tisiącz pięczset dziewięczdziesiąt czwartego, aż do takiegoż nowego liata, kture będzie w roku tisiącz pięczset dziewięczdziesiąt piątem. A po wyściu tego pierszego roku arendy, tedy tem ze, wyszey pomienionem arendarzom moim, panu Mikołaiowi Wąsowiczowi y Efraimowi Dawidowiczowi, żidowi, arendowalem y arenduje toż ymienie moie y drugie ymienie moie, albo wsi, które Juda, żid, arendą ode mnie trzimał, to jest mianowicie: miasto Nowozbaraż, stare miasto y przedmieśczie, wsi, do tego miasta Nowego Zbaraża należące: Białozorki, Wierzchnią y Srzednią, Hołodkowce, w Kosliakach dwa poddanych, Jachnowce, Sobolowke, Worobiowke, Poczapince, Miodusowke, Kolieszcze, Hnilice, Srzednią, Wierzchnią, Miałową, Szibieną y Sczesnowce. Które wsi od Judy, żyda, gdy . . . . . odebrane, y tym arendarzom, wyszey pomienionym, ze wszitkim, jakośmy jemu arendowali, podane bycz maią, ze wszitkimi pożitkami y przichodami, s tego Nowego Zbaraża miasta y z sioł k niemu należących, pochodzącemi, to jest mianowicie: z arendą zupełną mieszczką, z danią miodową wszitką, tak z miasta, jako y z sioł pomienionich przichodzoncą, z wierzchnością y posłuszenstwem wszitkich poddanych tych wsi y boiar, ziemian naszych, z których to ziemian y boiar wszitkich, okrom tych, którzi wolnościi od przodkow naszych y ode mnie maią, ci wolni maią becz zostawieni; dziesięcine pszczełną y ine wszeliakie powinnościi i od poddanych ich, ci wyszey pomienieni arendarze każdego roku bracz maią; z pholwarkami y w nich ze wszitkim budowaniem, z zasiewkami, z pasiekami, s tą, którąm ja im

podał, Miekostupowską, w którey ma bęcz pięćdziesiąt pszczoł z ulami y s tą pasieką, którą Juda od nas trzimał, która to pasieka y pszczoły od nas jemu w arende dane, których pszczol ma becz pułtorosta. Ma ten pomieniony Juda, żid, po wyściu roku arendy swey, także zasiewki i yne wszeliakie rzeczi, tak jako mu iest odemnie podano, wedlie inwentarza, do rąk y dzierzenia wyszey pomienionym arendarzom moim, panu Mikolaiowi Wąsowiczowi y Efraimowi, żidowi, podacz,—z robotami poddanych tych wsi pomienionych, s polmi y sienożęczmi, z dziesięcinami swinnemi, y z ynemi wszeliakiemi przichodami, tak jako się wyszey w tem że teraznieyszem liście mojem arendy pomieniło y opisało, jakom ja trzimal y użiwał, i jako sie to . . . . . mey wyszey pomienione samo w sobie, w pożitkach, granicach, obchodziech z dawna miało y teraz ma, ze wszitką władzą y zwierzchnością . . . . to sobie zostawu. . . . y w tich dwu lieciech arendy, akoż wyszey w tem że teraznieyszem liście arendy w pierszim roku zostawił; arendowałem też ze wszitkimi stawami y stawkami, w tim ymieniu moiem pomienionem, tak przi mieście Nowym Zbarażu, około miasta y przi wszitkich wsiach pomienionych będące, zadnego nie wyimuiącz, a ni na sie nie zostawuiącz, króre acz są teraz spusczone przez Jude, żida, y nie zastawione, alie, po zastawieniu ich, przipada im spust po wysciu arendy ich w roku tisiącz pięczset dziewięczdziesiąt siodmem. K temu jeszce, są stawy pięcz, to jest mianowicie: Poczapinsky, Sobolecki, Nowykoliesiecky, tam że nizni staw Koliesiecki, na którem jest młyn, przedane przed tem od Judy, żida, Abraamowi żidowi, y zapłacone, y piąty staw Mioduszowsky też przedany od pana Wąsowicza Mikolaia, te stawy pomienione, ci, którzi ie kupili, spusczicz maią w roku tisiącz pięczset dziewięczdśiesiąt czwartem przyszłem; a po zastawieniu ich, przipada im spust w roku tisiącz pięczset dziewięczdziesiąt osmem. Króre to wszitkie stawy, żadnego na nas niezostawuiącz, chociasz arenda wynidzie, przedsie, po wyściu arendy, ci, wyszey pomienieni arendarze, maią te stawy sami spusczicz, albo komu one przedacz na spust, bez wszeliakiey trudnościi, a ja im tego bronicz niemam i owszem, podwody pod riby tych stawow odwiezcz y na potrzeby, wedlie zwyczaiu dawnego, dacz będe powinien. A to wszitko ymienie moie, wyszey pomienione, ... iako to dostatecznie wyszey opisało, przerzeczonym panu Mikołaiowi Wąsowiczowi y Efraim owi Dawidowiczowi, żidowi, po wyściu pierszego roku, arendowałem y arenduie znowu na dwie liście, po sobie ydące, który rok poczniesie od nowego lata roku tisiącz pięczset dziewięczdziesiąt piątego, a stoczi sie ta arenda takiego ż nowego liata roku tisiącz pięczset dziewięczdziesiąt siodmego. Za które arende ymion moich, wyszey pomienionych, za wszitkie trzi liata przerze-

czeni arendarze powinni mnie będą dacz summe pewną, to jest dziewięcz tisięcy y sto złotych monety y liczby Polskiey, w każdy złoty licząc po trzidzieszci groszey Polskich, iako ż nam iuż na te sume dali cztiri tisiące szescz set y szescz złotych monety y liczby Polskiey, s których ich kwiuiemy y wolnemi czyniemy; a jescze mnie zostaią cztyry tisiąca cztirysta dziewęczdziesiąt y cztiry złote monety i liczby Polskiey; którą summe powinni będą oddawacz y mnie placicz na rathy, to jest: pirszą rathe na swięty Mikołay w roku tisiącz pięczset dziewięczdziesiąt piątem cztyrysta dziewięczdziesiąt y cztiry złotych monety y liczby Polskiey, drugą rathe—w roku tisiącz pięcz seth dziewięczdziesiąth szosztem, na dzień y swiętho swiętey Jagnieski, tisiącz złotych monety y liczby Polskiey; a na dzień y swięto swiętego Piotra tegoz roku tisiącz złotych monety y liczby Polskiey; a przi wysciu trzeciego y ostatniego roku arendy dwa tisiąca zlotych monety y liczby Polskiey. A po wysciu tych trzech liat arendy i po zapłaceniu summy pomienioney z arende. . . . . , . . . toż ymienie wszitko, wyszey pomienione, ... z iego pożitkami tim że arendarzom naszim dacz. . . . . trzimacz ośm niedziel, za to, yż Juda, żid, wedle arendy swey, przetrzimał, a po wysciu . . . . . liath y po naddaniu osmi niedziel, przerzeczeni: pan Mikołay Wąsowicz y Efraim, żid, arendarze y potomkowie ich powini będą, iakosz mnie na to osobliwy list swoy dali, i na ine rzeczi, w ty arendzie opisane, tho imienie nasze arendowne ze wszitkim, tak, iak jest podane, wedle inwentarza, calie y zupełnie oddacz,—tego dokładaiącz, iż ieśliby przerzeczeni arendarze, albo który z nich, czasu dzierżenia arendy, poddanemu albo poddanem, w czim kolwiek y iakim kolwiek sposobem, krziwde y bezprawie uczynił, tedy to sądzicz, uznawacz, a sprawiedliwoscz czinicz z ludzmi dobremi z arendarzow, ia, a nic kto inszy, ma, y to sobie zostawuie. A ieśliby którzy poddanni swowolnie pouciekali za dzierzawy ich, tego ja na arendarzech poiskiwacz nimam, i na potomkach ich, a ni do prawa pozywacz y trudnosczi zadawacz. Także zboża w gumniech złożonego a na polu zasianego, a ni żadney rzeczi ich własny, ie hamowacz nimam, alie to wszitko, po wysciu arendy trzech liat y ośm niedziel naddanych, iescze dwanaszcie niedziel rumaciej daie y pozwoliłem temiż poddanemi pożącz, zmłocicz y zwozicz we . . . . . ich y priprowadzicz swoie tam, gdzie im będzie potrzeba. A iesli by kto za dzierżania . . . . . kolwiek pożytki tego ymienia następował, ... albo w gruncie przekaze czinił, albo . . . . kolwek pozywał, okrom ich wystempku własnego, ... za oznaymieniem ich, kosztem y

nakładem swem w tem zastępowacz, y to ymenie oczisczacz, tak, iako by oni ni w czem szkody nie mieli, będe powinien, y moie potomkowie. Także też służbe rzeczi pospolitey woienną, ieśli by za dzierżania ich przipadła, ia sam, ilie krocz tego potrzeba ukaże, służicz mam. A ieśli by w dzierżaniu arendy tey, w którem kolwiek roku arendy, to ymienie moie arędowne od tych arendarzow, z dzierzenia ich, kto kolwiek mocą y iakim kolwiek sposobem, gwałtownie, albo przez prawo, odiącz chciał, od takowego każdego bronicz mam y powinien będe. A ieśli bym bronicz nie chciał, albo nie mogł, abo ode mnie iakim kolwek sposobem odeszło, tedy będe powinien, okrom wszeliakiego pozwu y prawa, tegoż czasu, skoro dadzą znacz, ymienie nasze oyczisté, własne, miasteczko Włocziscze, ze wszitkimy wsiami, do niego zdawna należącemi, obyczaiem arendy, w sumie niewytrzimanei pusczicz. Które ż to ymienie maią trzimacz aż do wytrzimania summy. To też ieszcze waruie, ieśliby w którem kolwiek roku arendy przez nieprziiacielia coronnego: albo z dopusczenia Bożego, przez powietrze morowe, albo przez żołnierza spustoszenie sie stało, albo . . . . . stawow, tedy tym arendarzem . . . . . ludzi dobrych, albo summy arendowney wytrączicz, albo przi wysczіu arendy dacz nadtrzimacz, obiecuie. A to na ymieniu moiem, iesli by odeszło odemnie Nowozbarozkie, na Wołocziszczach y na wsiach, do niego należących, z stawami, młynami y ze wszitkimi pożytkami, przichodami, nicz na nas nie zostawuiącz; to też tem arendarzom obiecuie y opisuie sie, na przisżłe roki ziemskie, Krzemienieckie, iachawszy, ten zapis arendowny do xiąg zeznacz y wwieszcz; tam że też jey mościz xiężne Jewe Wiszniewiecką, panią małżonke moie, postawicz będe powinien, ku pozwolieniu y zeznaniu oczewistemu, przed tem że sądem, na ten zapis moy arendowny, y na wszitkie condycie w nim opisane. A to wszitką y każdą rzecz zosobną w tey arędzie opisaną. . . . . ninieyszym listem moiem o . . . . . wespołek z jey mościzią księżną Jewą Wiszniewiecką, panią małżonką moią, y s potomkami moimi, zysczicz y wypełnicz, pod zakładem szcścią tysięcy złotych monety y liczby Polskiey; o który zakład, gdy bym sie ia sam, albo potomkowie moy, przerzeczonym arendarzom moim dał pozwacz do urzędu y sądu grodzkiego, ziemskiego, dwornego jego krolewskiey mościzi, tzybunalskiego, tak w koronie Polskiey, iako y w wielkiem xięztwie Litewskim, tedy, odstąpiwszy prawa, wolnościzi swey y statutu, dobrowolnie poddawam sie y obowiezuię sie za kożdem pozwem, przed każdem urzędem, y sądem, do którego będe pozwan, stacz y, niczim roku y pozwu nie zbywaiącz, a ni sie nie wymaiącz nie któremi przicznami, prawnymi y nie prawnymi, posługą hospodarską, rzeczi pospo-

litey, wojną, seymem, poselstwem, ruszeniem powietowym . . . . . w ynszim powiecie, chorobą, morowem powietrzem, nie bierącz sobie na pomocz ni których obron prawnych, w sthatucie y constituciach uphalionych, opisanych, pierszego dnia, iako na roku zawitem, stacz, y, wedlie tego listu mego, we wszitkim sie usprawedliwicz. Który to sąd, albo urzęd, wolien y mocen będzie na mnie samem, y na potomkach moich, wszitkie obowiązky, w tem lisczie opisane, krom żadnych dowodow, od sądu albo urzędu nie odstępuiącz, dosicz uczynicz mam y powinien będe. A po zapłaczeniu wszitkich szkod ten moy list przi zupełney mocy we wszitkich artikuliech zachowan becz ma. A ieslibem, będączpozwany, nie stał, albo, stawszy, uspawiedliwicz sie nie chciał, tedy ten sąd wolien na wszitkych dobrach y maietnoscziach moich, gdzie kolwiek będączych, mocną odprawe uczinicz y we wszistkim wedlie . . . . . postępowacz; a ja przeciwko tey . . . . . ni wczem przeciwny becz nimam pod takim że drugim zakładem, w tem lisczie moiem zapisanym. Y na to śmy tem arendarzom dali ten list nasz, s prziłożeniem pieczęci y s podpisem ręki naszey, y s przilożeniem pieczęciey y s podpisem rąk, za oczewistą prozbą moią, ich mościow panow: pana Macieja Ludzickego, pana Stanislawa Kulie, pana Wawrzinca Liubiszewskiego. Pisan w Nowem Zbarażu, dnia dwadziestego siodmego miesiąca decembra, roku pańskiego tysiącz pięcz set dziewięczdziesiąt trzeciego«. У того листу печатей чотыри, а подпись рукъ въ тые слова: Piotr Zbarazky, ręką swą; Stanisław Kulia, manu propria; za oczewistą prozbą jego mości xiążęcia Piotra Zbarazkiego pieczęcz prziłożiłem y własną ręką podpisał: Maciey Ludzicky; Wawrziniecz Liubiszewsky, ręką swą. А такъ я тое устное а доброволное сознанье его милости княжати Петра Збаразкого, такъ же и тотъ листъ арендовный записъ, за прозъбою его, увесъ слово отъ слова до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Отрывокъ изъ Кременецкихъ гродскихъ и земскихъ книгъ, хранящійся въ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, № 449, листъ 24 на об.

LXXIX.

Листъ воеводы Кіевскаго, князя Константина Острожскаго, митрополиту Кіевскому и Галицкому, Михаилу Рогозѣ, о томъ, чтобы онъ явился къ суду по дѣлу о бѣжавшихъ отъ маршалка Рѣчицкаго повѣта, Андрея Халецкаго, трехъ крестьянскихъ семействахъ, поселенныхъ въ Кіевѣ, на горѣ, возлѣ церкви св. Софіи. 1594 г., февраля 25 дня.

Костентинъ, княже Острозское, воевода Киевский, маршалокъ земли Волынское, староста Володимерский, велебному отцу его милости, отцу Михайлу Гагозе, митрополиту Киевскому, Галицкому и всея Руси. Жаловалъ у суду нашого кгродского, Киевского, маршалокъ повету Речыцкого, панъ Андрей Халецкий, о томъ, ижъ дей въ року прошломъ тисеча пятсотъ деветдесятъ первомъ, подданые его власные, отчычы, непохожие, зъ села Старыхъ Степовъ, на имѣ: Семенъ, другий Симонъ Сидоровичы, а третій Иванъ Курмазъ, зъ села Узноги, зъ жонами, зъ детми, зъ маетностями немалыми прочъ поутекали, и теперъ мешкаютъ на горе, неподалеко церкви мурованое светое Софей, противъ замку Киевского; а ваша милость оныхъ подданыхъ его милости выдать не хочешъ ку великой крывде и шкоде его,—которыхъ подданыхъ шацуетъ собе панъ Халецкий, водлугъ констытуцый, зъ нихъ по пятсотъ грывенъ Полскихъ, и о томъ зъ вашею милостю у суду нашого Киевского, кгродского, очевисто мовити хочетъ. Про то приказуемъ вашой милости, абы ваша милость на рочки кгродские, Киевские, прыйдучые, которые сужоны и отправованы будутъ въ року теперъ идучомъ тисеча пятсотъ деветдесятъ четвертомъ, мѣсяца апреля тринадцатого дня, передъ судомъ нашимъ кгродскимъ, въ замку Киевскомъ, самъ сталъ и тыхъ всихъ подданыхъ, звышменованыхъ, зъ жонами, детми и маетностями ихъ поставилъ, и въ томъ се зъ его милостю росправилъ. Писанъ у Киеве, року отъ нароженя Христова 1500 деветдесятъ четвертого, мѣсяца февраля двадцать пятого дня. Року 1594, месяца февраля двадцать семого дня. Черезъ мене Романа Овсяного, енерала воеводства Киевского, сесь позовъ кгродский,

Киевский, данъ, увоткненъ у дворе, у сенехъ, по его милость велебного отца митрополита Киевского и Галицкого, Михайла Рогозу, на горе, недалеко церкве мурованое светое Софей, противко замку Киевского, где панъ Грыгорей Сестранъ, врадникъ его милости, Софейскій, мешкаетъ, въ жалобе его милости пана Андрея Халецкого, маршалка Речыцкого, о трохъ збеговъ отчичовъ Степскихъ и Узнозскихъ, рокъ ку праву стати, въ середине въ томъ позве и доложоно есть. А позовъ даломъ нескробаный, немазаный, въ дате въ титуле и во всемъ згодливый. Романъ Овсяный, енералъ воеводства Киевского, рукою власною.

Настоящій актъ въ подлинникѣ хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 105.

LXXX.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о воровствѣ разнаго имущества, сдѣланномъ въ селѣ пана Пересецкаго, Скалинѣ, крестьянами имѣнія Красносельскаго, находящагося во владѣніи пана Филона Ласка. Возный доноситъ, между прочимъ, что прежде по дѣлу о воровствѣ разныхъ вещей въ мельницѣ, находящейся въ селѣ Шепеторкѣ, громада этого села дѣлала »слѣдъ«, и пришла было къ дому Ласка, находящемуся въ с. Скалинѣ; но панъ Ласко сталъ грозить громадѣ, и, оскорбивъ ее бранными словами, »слѣдъ« уничтожилъ 1594 г., сентября 1 дня.

Лѣта Божого нароженя 1594, месяца сентября 1 дня.

Передо мною Томашомъ Беленскимъ, подстаростимъ Кремянецкимъ, постановившисе очевисто возный повету Кремянецкого, шляхетный Стефанъ Покосчевский, ку записованю до книгъ гродскихъ, Кремянецкихъ, сознался тыми словы: ижъ року теперъ идучого, ти-

сяча пятъсотъ деветъдесятъ четъверътого, месяца июня двадцатъ семого дня, былемъ взятымъ на справы и потребы подданыхъ пана Петра Пересецкого, Скалинскихъ, нижей менованыхъ, которымъ, яко панъ Пересецкий меновалъ, рокъ праву зложилъ панъ Филонъ Ласко, державца Красноселъский, на рокъ, звышъменованый, на чинене справедливости съ подданыхъ своихъ, Красноселъскихъ, то естъ: зъ Дороша Клекотовича и помочъниковъ его, о скраденъе килку хатъ въ татарщину, въ забегъ, въ селе пана Пересецкого, Съкалине, и къ тому – зъ Рахны Гриневое, Ивану Дубку, о шкоду его и о покраденъе грошей и иншыхъ речей съ хижы, и о шкоду Логвина Савчича о вола и о корову. То пакъ я, возный, маючи при собе шляхту людей добрыхъ, пана Ивана Плесновского и пана Шимана, былъ того дня, о полудню, въ дому пана Ласковомъ, съ паномъ Пересецкимъ и съ тою шляхътою и зъ доводами ихъ. Ино самого пана Ласка въ дому его, то естъ въ светлици, не засталъ, толъко панюю малжонку его, которая поведила: ижъ панъ малъжонокъ ее отъехалъ прочъ. Преложивши ей речъ, поведалъ: ижъ рокъ, черезъ возного зложоный, до права, ку вживаню справедливостю, пришолъ, просечи абы зъ вышъменованыхъ справедливостъ учинена была. Пани Ласковая поведила и рокъ признала: »ведаю дей тое, ижъ на день сегоднешний вашей милости малъжонокъ мой рокъ праву зложилъ и справедливостъ учинити мелъ, лечъ ижъ самъ отехалъ, къ тому и тыхъ людей дома нетъ, съ кого справедливостъ мела быти чинена, тогды на инший часъ вашей милости панъ малъжонокъ мой право зложитъ,«—и съ тымъ насъ пани Ласковая отъправила. А панъ Пересецкий мною, вознымъ, и шляхътою тою тое невчиненъе справедливости осведчившы, ни съ чимъ отехалъ. При томъ и того жъ дня, три мужы, люде добрые, которые ку доводу шкоды Логвина Савъчича, подданого Скалинъского, на тое право были пришли, то естъ: Кондратъ Степановичъ зъ Шепетовки, а Жданъ Куцевичъ—зъ Судилъкова—подданые пана Анъдрея Ждяръского, а Иванъ Березъский—зъ Васковецъ, подданый панее Яновое Клембовское, сведчили и сознали, поведаючи: ижъ у въ осенъ прошлую, будетъ три годы, яко се стала была шкода въ покраденю млына Шепетовского, тогъды село Шепетовъка на горячомъ следу, забравши громаду, привели были тое шкоды следъ до села

Скалина; и кгды есмы до мужей Скалинскихъ о выведене следу послали и впомнели, а вони на то зезволили, тогды оные Скалинъцы тое жъ годины и часу намъ о шкоде своей, которая се имъ тое жъ ночи стала, отповедали, то естъ: ижъ у Логвина Савъчича вкрадено, выведено зъ оборы, вола и корову, просечи насъ на горячый и на свежый следъ, абысь мы, яко люде сторонные, зъ ными тымъ следомъ куды пойдешъ, шли. Ино мы, яко сусиды близкие, помагаючи имъ, взявши следъ отъ самое оборы Логвинови, того двойга быдла, шли есмо около села Скалинъского, ажъ до гребли Скалинское, и мимо млынъ, черезъ греблю, на гору, дорогою, до села пана Ласкова, Краселки, подъ самый дворъ и фолъфарокъ его; а тамъ, на томъ местъцу, подъ дворомъ громада ставши, послали трохъ человиковъ, то естъ: мене Ивана Березъского и мене Ждана, и Федора Савчича, до пана Ласка, оповедаючи ему о шкоде села Скалинского и о приведеню следу до села пана Ласкова, подъ самый дворъ его, просечы, абы следъ зъ села вывесть казалъ. Тогды дей панъ Ласко, вышедшы зъ двора зъ слугами, зъ челядю и зъ некоторыми подданными своими, Красносельскими, не толко следу одъ села и двора вывести не казалъ и не хотелъ, але еще намъ нафукалъ, злыми словы налаялъ, киемъ грозилъ, поведаючи: »ижъ въ мене быдло естъ«. А тымъ дей слуги и подданые его тотъ следъ, зъ росказаня его почали тратити и по немъ депътати и затирати, а насъ, громажанъ, зъ фуками и зъ погрозъками отправилъ. При томъ передо мною тежъ вознымъ панъ Пересецкий оповедалъся на пана Ласка, ижъ онъ, маючи дворъ и гумно свое на велме крутой а высокой горе, надъ ставкомъ пана Пересецкого, Скалинъскимъ, съ которое горы панъ Ласко такъ зъ гумна солому, яко и гной, кажетъ въ тотъ ставокъ зарыть и метатъ, ку шкоде моей а ку зашарованю, замуленю того ставку Скалинскаго. Яко жъ я, возный, видилъ тое, ижъ отъ гумна пана Ласкова, которое надъ ставкомъ Скалинскимъ на высокой а крутой горе стоитъ, много соломы лежитъ и сточила се, або зопхнена до самого ставку Скалинского у воду. А такъ я тое очевистое возного сознане до книгъ кгродскихъ, Кремянецкихъ, записати казалъ.

Отрывокъ изъ Кременецкихъ гродскихъ и земскихъ книгъ 1593—1597 г., хранящійся въ Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, № 449, листъ 17.

LXXXI.

Инвентарь м. Веледникъ и принадлежащихъ къ нему сель, составленный при отдачѣ этого имѣнія княгиней Богданой Филоновной Друцкой-Горской въ залогъ мужу своему, князю Юрію Друцкому-Горскому. 1595, іюня 17.

Лѣта по нароженю сына Божего тисеча пятсоть деветдесять пятого, мѣсяца іюня семнадцатого дня.

Постановившися очевисто на вряде, въ замку господарскомъ, Овруцкомъ, передо мною Рафаломъ Витовскимъ, подстаростимъ Овруцкимъ, одъ его милости пана Абрама Мышки зъ Варковичъ, старосты Овруцкого, будучи установленымъ, служебникъ велможного пана его милости княжати Юря Друцкого Горского, панъ Балтромей Дубровский, оповедалъ, ижъ дей малжонка его милости пана моего, ее милость княгиня Юревая Друцкая Горская, княгиня Богдана Филоновна Кмитанка, воеводянка Смоленская, старостянка Оршанская, зъ милости своее малжонское, имене свое, отчизное, по смерти брата своего рожоного, небожчика его милости пана Лазаря Филоновича Кмиты Чорнобылского, правомъ прирожонымъ на себе припалое, на йме Веледники, въ повете Киевскомъ, недалеко замку Овруцкого, надъ реками Норыною и Жеревомъ кгрунты лежачие, яко: дворъ Веледницкий, зъ будованемъ дворнымъ и зъ огородами овощовыми, съ пашнею дворною, житомъ и яриною засеяною, зъ гумномъ того двора, и вшелякимъ збожемъ молочонымъ и немолочонымъ, съ дворцемъ и зъ быдломъ всякимъ, малымъ и великимъ, зъ ставами и въ нихъ вшелякихъ рыбъ ловенемъ, зъ млинами и ихъ вшелякими вымелки, зъ руднею и со всимъ начинемъ ее, зъ арандою корчмы, рудни и млыновъ, зъ бояры, мещаны, поддаными, огородниками, и со всими данми медовыми, грошовыми и всякими зъ нихъ пожитками, и со всими землями, до того именя, Веледницкого, прислухаючими, у певной суме пенезей сороку тисечей копахъ грошей завела и записала, и листъ отвореный, съ печатю и съ подпи-

сомъ руки своее, до врядника своего, Веледницкого, пана Яна Котовича, послати рачила, росказуючи, абы панъ Котовичъ тое имене Веледники, со всимъ на все, до моцы и владзы держаня его милости княжати Юря Друцкого Горского, пана моего, поступилъ и мне во врядъ подалъ, и для взятя оного именя до держаня своего просилъ мене, вряду, о возного. Яко же я ему возного повѣтового, шляхетного Костентина Мочулского, придалъ; который возный дворъ Веледницкий, за добровольнымъ поступеньемъ врядника ее милости Веледницкого, пана Яна Котовича, взялши, дворъ зъ будованемъ дворнымъ, зъ гумномъ, дворцомъ, зъ бояры, мещаны, со всими людми, зъ огородами и всякими ихъ пожитками, въ рейстръ списавши, до рукъ врядника его милости, пана Балтромея Дембровского, подалъ, и тотъ реестръ подъ печатю своею и съ подписомъ руки своее ку записанію до книгъ замку господарского, Овруцкого, очевисто подалъ. И просилъ панъ Дембровский, абы тотъ реестръ до книгъ былъ вписанъ. Который реестръ я, огледавши и прочитати передъ собою казавши, до книгъ записати велелъ; который, до книгъ уписуючи, такъ се въ собе маетъ слово въ слово: »Инвентаръ списаня двора Веледницкого, местечка и селъ до него належачихъ, и поданя черезъ мене, Яна Котовича, врядника Веледницкого, до моцы, держаня и вживаня его милости, князя Юря Друцкого Горского, служебникови его милости пану Болтромею Дембровскому, за записомъ сумы пенезей отъ малжонки его милости, панее Богданы Филоновны Кмитянки, Чорнобылское, воеводянки Смоленское, на всей маетности по брате ее милости рожонымъ пану Лазару Кмите Чорнобылскомъ, принялые, при возныхъ земли Киевское, пану Костентину Мучолскомъ (sic), и шляхте людей добрыхъ: пану Лаврину Вилимонту, а при пану Василю Касовицкому, въ року теперъ идучомъ тисеча пятсотъ деветдесятъ пятомъ, мѣсяца июня семнадцатого дня. Напродъ дворъ, то есть: ворота уезные двойчастые, по сторонамъ—турмы две, на верхъ вежа, на ней гаковницъ чотыри и ланцугъ; по правой руце домъ великий, на подклетахъ светлицъ старыхъ две, комора одна, третяя светлица новая, двери и окончицы на завесахъ железныхъ, объ огонь шиеныхъ, петнадцать; печи белые три; подле того дому клетка новая; недалеко тое клетки

фортка, светлочка недалеко тое фортки зъ сенми; печъ белая; оболонъ шкленыхъ две; гридня съ кухнею, коморкою; пивница; зрубъ на столпахъ недоробленый; гридня съ кухнею; стайня великая; клеть,—на подклете, насередъ двора, холодн(ая); столовъ у дворе всихъ малыхъ и великихъ деветь; зъ двора, выподши ку ставу, лазня белая; броваръ, въ немъ котелъ пивный одинъ. Токи два, клети две. Дворецъ: Гридня зъ сенми, другая истебка зе сенми, сырница на столпъи стайня невеликая; одрына, где быдло. Местечко Веледницкое: Томашъ Мартиновичъ, войтъ—дымъ одинъ; Гришко Матусевичъ изъ зятемъ своимъ, Ненадомъ—дымъ 1; Гришко сына мае одного, Степана, Ненадъ сыновъ маетъ 4: Еско, Дмитръ, Зенько, Федоръ; Андрей, Остапъ, Иванъ Трохимовичи,—дымъ 1; Степанъ Трохимовичъ—дымъ 1, сына маетъ одного Филона; Максимъ, Велавцовъ прийма—дымъ 1, изъ братомъ своимъ Кондратомъ; Малышко, Денисъ, Гришко, Иванъ Мишкевичи—дымъ 1; Федоръ Мишкевичъ—дымъ 1, сыновъ маетъ три: Павелъ, Василь, Богданъ; Иванъ Белько—дымъ 1, сына маетъ одного Петра; Трохимъ Ошъманикъ—дымъ 1, сыновъ маетъ два: Рашко а Климъ; Федко Стрыбылъ—дымъ 1, сыновъ маетъ два: Андрей а Яцко; Федеръ Дегтяръ—дымъ 1; Ярошъ Ивановичъ—дымъ 1, сына маетъ одного, Ивана; Омелянъ Скребунъ—дымъ 1, сына маетъ одного, Ивана; Кондратъ Поротко—дымъ 1, сына маетъ одного, Андрея; Илья Сметаничъ—дымъ 1, сына маетъ одного, Олешка; Нестеръ Сметаничъ — дымъ 1, сына маетъ одного, Степана; Павелъ Сметаничъ, прийма,—дымъ 1, сына ма одного Степана; Иванъ, Жданишинъ прийма,—дымъ 1; Марко Полениковичъ—дымъ 1, изъ шурею своею: Лавриномъ, Анопреемъ; Сергий Коваль—дымъ 1, сыновъ маетъ три: Федоръ, Васко а Рахно; Иванъ, Семенъ Климовичи—дымъ 1,—Иванъ сыновъ маетъ 2: Васка а Ерошка; Гришко Шульжичъ—дымъ 1, сыновъ маетъ 4: Кондрата, Кузму, Дениса, Ждана; Олексей Гребениковичъ—дымъ 1, сына маетъ 1, Еска; Станко Гребениковичъ зятя мае прийму, Омеляна—дымъ 1; Паршукъ Сметаничъ — дымъ 1, маетъ пасынковъ два: Япъдрея а Гордея; Иванъ Наковжна—дымъ 1, сыновъ маетъ два: Данило, Иванъ; Гринь Полениковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Мишко а Окула; у сына его Мишка сыновъ чотыри; Матфей Лукъ-

яновичъ—дымъ 1, сына маетъ одного—Еска; Павелъ Бородына—дымъ 1, сыновъ маетъ: три; Мишко а Мойсей, Борисъ; Занко Марковичъ—дымъ 1, сына одного мае Яцка, сынъ мае сына 1; Гапонъ Лычка—дымъ 1, сына мае одного Потапа, а сынъ его сына маетъ 1; Яцко а Занко Братеники—дымъ 1; Гришко Чоботаръ Лиховидко—дымъ 1; Гаврило Товкунъ—дымъ 1, сына маетъ одного Мишка; Яцко Пинчовский, поповичъ,—дымъ 1, Павелъ Степановичъ Русаковичъ—дымъ 1, Жданъ Скотрыкъ—дымъ 1, сыновъ маетъ 4: Мартина, Омеляна, Ермакъ, Иванъ; Пилипъ Русаковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Остапъ, Иванъ; Павелъ Климовичъ—дымъ 1; сыновъ мае два: Артемъ а Гришко; Опанасъ Климовичъ—дымъ 1, сына мае одного—Курила; Павелъ а Федоръ Будруковичи—дымъ 1,—Павелъ сына мае одного, Лазаря, а Федоръ сына тежъ мае одного, Курила; Еско а Мишко Скребуновичи—дымъ 1; Назаръ Прихожый—дымъ 1, сына мае одного, Мишка; Савостко Поленковичъ—дымъ 1, а сыновъ мае два: Левонъ а Иванъ. Иванъ Копыленикъ, чоботаръ—дымъ одинъ; Совтанъ Безкрупый—дымъ 1, сына мае одного, Ерка; Мелехъ, Тимошъ а Демехъ Гридковичи—дымъ 1; Опанасъ Скородко—дымъ 1, сыновъ маетъ три: Прокопъ, Васко и Иля; Семенъ Белкевичъ—дымъ одинъ. Огородники того жъ местечка Веледницкого: Андрей Мелникъ—дымъ одинъ; Игнатъ Былына—дымъ одинъ; Гришко Чоботаръ—дымъ 1, сына мае одного, Лаврюка; Ярошъ Пивоваръ—дымъ 1, сына мае одного, Корнея; Куприянъ Иевовочъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Трохимъ а Еско; Игнатъ Яцкевичъ—дымъ 1, а пасынка мае одного—Игната; Карпъ Яцкевичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Иванъ, Сидоръ а Федоръ; Стасъ Колесникъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Микита а Иванъ; Олексей Яцкевичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Иванъ, а Пилипъ, Артюхъ; Копылчиха удова—дымъ 1, сына мае одного, Семена, а зятя, прийму, мае Еска; Сидоръ Бондаръ—дымъ 1, сына мае одъного, Гришка; Анъдрей Пастухъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Гришка а Мартина; Павелъ Прихожий—дымъ 1, сына мае одного, Прокопа; Степанъ Хомичъ—дымъ 1, сына мае одного, Себестъяна; Еско Лашко—дымъ 1, сына мае одного, Савостяна; Прокопъ Прихожий—дымъ 1; Гапонъ Середа—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ а Гришко; Миколай Прихожый—дымъ 1; Гаврило Случанинъ дымъ 1, сына мае одного, Ивана;

Васко Кухаръ—дымъ 1, сыновъ мае два: Карпъ а Филонъ; Мартинъ Кушнеръ—дымъ 1, сына мае одного, Мойсея; Пархомъ прихожый Курхай—дымъ 1, сыновъ мае два: Богданъ а Федоръ; Иванъ Грежонилъ—дымъ 1; Гришко Борздуха—дымъ 1, сына мае одного, Мехеда; Максимъ Опашка—дымъ 1, сыновъ мае три: Климъ, Еско а Оникей; Степанъ Прихожый—дымъ 1, сына мае одного, Давида; Аврамъ Бутромовичъ а Тихно, кравцы—дымъ 1,—Аврамъ маетъ сыновъ два, а Тихно мае сыновъ два; Мишко мелникъ—дымъ 1, сына мае одного; Андрей Слесаръ—дымъ 1, сыновъ мае два. Бояре того двора Веледницкого: Слободка неподалеку того двора Веледницкого Ховхолъ: Гаврило Коновалъ дымъ 1; Семенъ Безкрупый—дымъ 1, сыновъ мае два: Романъ а Хараря (sic); Яцко прихожый—дымъ 1, сына мае одного, Гришка; Ермакъ Занкевичъ—дымъ 1; Левонъ Зубковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Михиля; Дмитръ Прихожий—дымъ 1, сына мае одного, Ивана. Бояре того жъ двора Веледницкого: Костюкъ, зять Москалевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Александра; Еско Москалевичъ—дымъ 1; Ониско Москалевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Андрей а Еско; Иванъ Сидоровичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Семенъ а Максимъ; Трохимъ Сидоровичъ—дымъ 1, сыновъ мае пять (sic): Иванъ а Мартинъ, Гришко и Олешко; Корней Сидоровичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Юрей а Романъ. Волость, село Юрковщизна: Иванъ Красношия—дымъ 1, сыновъ мае три: Тимошъ, Лукашъ, Евсей; Олиферъ Кисляченко—дымъ 1, сыновъ мае три: Яцко, Гаврило, Курило; Трохимъ Андросивичъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Романъ Денисовичъ изъ прий(мо)ю своимъ, Омеляномъ—дымъ 1,—Романъ мае сыновъ два: Демехъ, Васко; Данило Пряга—дымъ 1; Мишко Прихожичъ—дымъ 1, сына мае одного, Мишка; Курило Зенцевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Карпъ, Логвинъ; Федоръ Куриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Евхимъ Оброжевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Андрей а Омелянъ; Стась Литвинъ—дымъ 1, сыновъ три: Павелъ, Григоръ, Васко; Семенко Литвинъ—дымъ, сыновъ мае два: Васко а Мойсей; Федоръ Литвинъ—дымъ 1, сына мае одного, Мартина; Максимъ Комына—дымъ 1, сына мае одного, Яцка; Данило Скребеличъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Ермола, Андрей; Харитонъ Скребеличъ—дымъ 1,

сыновъ мае 4: Пилипъ, Максимъ, Яцко, Степанъ; Василь Прийма—дымъ 1, сыновъ мае два: Тимошъ а Шестакъ; Кълимъ Скребеличъ—дымъ 1, сыновъ два: Степанъ а Иванъ; Иванъ Салей—дымъ 1, сыновъ мае два: Еско, Андрей; Мелешко Салеевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Ивана; Климъ Вышнековичъ—дымъ 1, сына мае одного, Ивана; Марко Павловичъ—дымъ 1, сына мае одного, Федора; Курило Верховодъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Матфей, Степанъ. Село Лелеты: Давидъ Лелетовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Самсона; Хома Лелетовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ а Василь; Василь Лелетовичъ — дымъ 1, сыновъ мае два: Кузма а Ненадъ; Павелъ Лелетовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Лукашъ а Курило; Иванецъ Давидовичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Степанъ, Аврамъ а Василь; Сенько Карповичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Лазаръ а Гришко. Село Закорничи: Анцыпоръ Козловичъ—дымъ 1, унуковъ мае два: Яцко а Нестеръ; Степанъ Козловичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Дмитръ а Гаврило; Стась Козловичъ—дымъ 1, сыновъ мае пять: Андрей, Хома, Иванъ, Мартинъ а Омелянъ; Назаръ Козловичъ—дымъ 1, сыновъ шесть: Иванъ, Пилипъ, Олексей, Тимошъ, Федоръ, Гуринъ; Паршукъ Куриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Андрей, Иванъ а Устимъ; Олешко, Яцко, Паршукъ, Еско, Оникей, Мартинъ Рогалевичи—дымъ 1,—Олешко сына мае одного, Гришка; Аврамъ Рогачевичъ—дымъ 1; Васко Рогачевичъ—дымъ 1; Еремей Рогачевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Марко, Андросъ; Зенко Сергеевичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Иванъ, Сенко, Самсонъ, Сидоръ; Кузма Сергеевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Яцка; Максимъ Крышневичъ сыновъ мае три: Иванъ, Лазаръ, Омелянъ,—дымъ 1; Тарасъ Сергеевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Лукьяна; Сергей Даниловичъ—дымъ 1, сыновъ три: Мартинъ, Мишко, Борисъ; Игнатъ Сергеевичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ, Евхимъ; Гаврило Крышневичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Степанъ, Василь, Василь; Васко Крышневичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Талко а Еско; Назаръ Денисовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Тишко а Трохимъ; Ониско Денисовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ а Опанасъ; Лавренъ Денисовичъ — дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ а Василь; Данило Черевко—дымъ 1, сыновъ мае два: Игнатъ а Мартинъ; Микула Тишевичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Петръ,

Савостко, Максимъ, Иванъ; Сидоръ Черевковичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Еско, Иванъ а Наумъ; Гапонъ Черевковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Василя; Захаря Черевковичъ—дымъ 1; Тарасъ Черевковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Еско а Андрей; Радивонъ Черевковичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Сахно, Тишко, Сергей; Дмитръ Черевковичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Ерко, Романъ, Сергей; Сава Черевко—дымъ 1. Село Веледники: Демехъ, старецъ, изъ братомъ своимъ, Сенкомъ, дымъ 1,—Сенко маетъ сыновъ три: Пархомъ, Федоръ, Иванъ; Евтухъ Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае пять: Иванъ, Яцко, Куприянъ, Иванъ, Яцко; Трохимъ Гавриловичъ —дымъ 1, сыновъ мае шесть: Ралко, Онопрей, Исай, Иванъ, Ненадъ, Пилипъ; Васко Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Олешко, Федоръ, Яцко; Максимъ Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ два: Карпъ, Федоръ; Мирюкъ Росошичъ—дымъ 1, сына мае одного, Максима; Андросъ Росоха—дымъ 1, сыновъ мае два: Васко а Мартинъ; Потапъ Ивановичъ — дымъ 1, сына мае одного, Жадка; Хилко Гуриновичъ — дымъ 1, сыновъ мае пять: Иванъ, Микита, Остапъ, Васко; Давидъ Гринчичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Яцко, Данило, Нечай, Иванъ; Опанасъ Онисимовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ, Каленикъ; Зыновъ Гринцевичъ — дымъ 1; Курило Мозоревичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Васко а Рашко; Хилимонъ Гриневичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Евхимъ, Яцко, Грицко; Белякъ Гуриновичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Яцко, Хилко; Герасимъ Гуриновичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Лукъянъ, Иванъ, Гаврило. Село Прибытки. Тишко Яцковичъ—дымъ 1, сына мае, Саска, а сынъ его сыновъ мае два: Васко, Кондратъ; Лукъянъ Пержичъ—дымъ 1, сына мае одного, Ивана; Олексей Пержичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Сапонъ, Каленикъ; Панътелей Пержичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Труханъ, Микита, Степанъ; Федоръ Кондратовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Гришка; Гринь Даниловичъ—дымъ 1, сына мае одного, Евсея; Федоръ Мартиновичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Гридко, Романъ а Андрей; Пилипъ Малынцевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Васка; Макаръ а Миско Лукъяновичи—дымъ 1; Кузма Есковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Илю; Яцко Ескевичъ—дымъ 1, сына мае одного, Олешка; Сидоръ Пержичъ—дымъ

1, сыновъ мае три: Гаврило, Трухонъ а Федоръ; Степанъ Калениковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Трухана; Тихонъ Гриневичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Васко а Прокопъ; Иванъ Гриневичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Федоръ, Иванъ, Богданъ а Огей; Ничипоръ Гриневичъ—дымъ 1, сына мае одного, Тереха; Борисъ Супруновичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ, Федоръ. Павелъ Супруновичъ—дымъ 1, сына мае одного, Остапа; Максимъ Харитоновичъ—дымъ 1; Иванъ Ивашковичъ—дымъ 1, сына мае одного, Яцка. Село Замисловичи: Петръ, атаманъ—дымъ 1, сыновъ ма три; Яковъ —дымъ 1, сына ма одного; Мойсей —дымъ одинъ 1, сына мае одного; Гринь—дымъ 1, сына маетъ одного; Пронко—дымъ 1, сыновъ мае два; Степанъ—дымъ 1, сыновъ мае три; Захаря—дымъ одинъ; Еремей—дымъ 1, сыновъ мае три; Петрыкей—дымъ 1, сыновъ мае чотыри; Тишко—дымъ 1, сыновъ мае три; Гринь—дымъ 1, сыновъ мае семъ; Опанасъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Кузма—дымъ 1, сыновъ мае три; Харитонъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Наумъ—дымъ 1; Курило—дымъ 1; Ермола—дымъ 1, сыновъ мае два; Семенъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Микита дымъ 1, сыновъ мае семъ. Село Сущане: Семенъ, атаманъ, —дымъ 1, сыновъ мае три; Карпъ—дымъ 1, сыновъ мае три; Кондратъ—дымъ 1, сыновъ мае шести; Иванъ—дымъ 1; Федоръ Олесеевичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри; Харитонъ Макаровичъ—дымъ 1, сына мае одного; Зенько—дымъ 1, сыновъ мае три; Романъ Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае три; Першко—дымъ 1; Васко Гавриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае три; Степанъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Коханъ Сергеевичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри; Иванъ Борисовичъ—дымъ 1, сына мае одного; Петръ—дымъ 1, сына мае одного; Иевъ—дымъ 1, сына мае 1; Андрей—дымъ 1, сыновъ мае два; Гараcимъ—дымъ 1; Микита—дымъ 1, сына мае одного; Мелешко—дымъ 1, сына мае одного; Федко—дымъ 1, сына мае одного; Дмитръ—дымъ 1, сыновъ мае три; Уласъ —дымъ 1, сына мае одного; Ерошъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Хома —дымъ 1, сыновъ мае три. Село Рокитное: Семенъ старецъ,—дымъ 1, сына мае одного; Иванъ Куриловичъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Мартинъ Куриловичъ—дымъ 1, сына мае одного; Сенко Осташковичъ—дымъ 1, сына мае одного; Иевъ Осташковичъ—дымъ

1; сына мае 1; Иванъ Сезюковичъ—дымъ 1, сына мае одного; Гринь Сезюковичъ—дымъ 1, сына мае 1; Яцко Сезюковичъ—дымъ 1, сына мае 1. Село Стуговщизна: Трохимъ Пашкевичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Денисъ, Сенко, Миронъ, Гридко; Васко Пашкевичъ—дымъ 1, сыновъ мае три; Васко Трохимовичъ—дымъ 1, сына мае 1; Гридко Гапоновичъ—дымъ 1, сыновъ мае 2; Хома Пашкевичъ—дымъ 1; Исай Случанинъ—дымъ 1, изъ шуриномъ своимъ, Гришкомъ—дымъ 1: Исай сына мае одного, Мартина; Василь Случанинъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Федоръ а Федоръ; Гришко Глюбковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Иванъ а Каршъ; Иванъ Дедовичъ—дымъ 1, сына мае одного; Ермола Хотяновичъ—дымъ 1, сыновъ мае два; Хотьянъ Ермоличъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Василь, Федоръ а Федоръ; Мартинъ Ермоличъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Яцко а Иванъ. Село Сорокопеня: Иля Оскичъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Еско, Сенко, Евхимъ, Матфей; Евхимъ Оскичъ—дымъ 1, сына мае одного, Остапа; Мойсей Оскичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Богданъ, Малко, Фитонъ; Сахно Козаковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Максимъ, Андрей; Кузма Случанинъ—дымъ 1, сына мае одного, Сенка; Тимошъ Кузмичъ—дымъ 1, сыновъ мае три: Иванъ, Мартинъ, Павелъ; Уласъ а Кузма Хоничи—дымъ 1, сыновъ маютъ чотыри: Уласовъ—Игнатъ а Федоръ; а Кузминъ—Иванъ а Мартинъ; Сенко Иевовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Василя; Данило Олевецъ—дымъ 1, сына мае одного, Мартина; Захариа Туровецъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Ивана а Рака; Тишко Харитоновичъ—дымъ 1; Сезюнъ Кузмичъ—дымъ 1; Дешко Артемовичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Костокъ а Василь; Васко Прихожий—дымъ 1, сыновъ мае два. Село Горловщизна: Тарасъ Мишковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Романъ а Олексей; Назаръ а Сава Мишковичи—дымъ 1,—Назаръ сыновъ мае два . . . . . Сава Мишкевичъ—дымъ 1, сыновъ чотыри: Кондратъ, Потей, Левонъ, Мартинъ; Гришко Мишковичъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Мишко а Лукашъ; Огей Мишкевичъ—дымъ 1; Еско а Иля Андреевичи—дымъ 1; Мелешко Сачиничъ—дымъ 1, сыновъ мае чотыри: Федоръ, Иевъ, Лаврынъ а Дмитръ; Малко Сачиничъ—дымъ 1, сыновъ мае пять: Максимъ, Селивонъ, Федоръ, Гришко а Иванъ; Иванъ Сачиничъ—дымъ 1, сына мае одного, Ивана; Мелешко Сачиничъ—дымъ

1, сыновъ мае пять: Максимъ, Селивонъ, Федоръ, Гришко, Иванъ; Гордей Тарасовичъ—дымъ 1, сына мае одного, Тимоша; Оникий Паничевичъ—дымъ 1; Иванъ Сачиничъ—дымъ 1, сына мае одного, Федора; Дмитръ Вешнековичъ—дымъ 1, сына мае одного, Данила; Омелянъ а Иванъ Вешнековичи—дымъ 1; Давыдъ Вешнековичъ—дымъ 1, сына мае одного, Тимоша; Федоръ, Хома, Иванъ Самсоновичи—дымъ 1,—у Федора сыновъ 2; Василь Самсоновичъ—дымъ 1, сына мае одного, Гришка; Иванъ Кучиль, бояринъ,—дымъ 1; зять его, Каленикъ—дымъ 1, сыновъ мае два: Олексей а Иванъ; Лавринъ Роецкий, бояринъ,—дымъ 1, сыновъ мае два: Степанъ а Иванъ. Которое именье, Веледники, я, возный, вышейпомененый, за добровольнымъ поступеньемъ пана Яна Котовича, все подостатку списавши, тотъ реестръ съ печатю моею и съ подписомъ руки моее писмомъ рускимъ, также съ печатьми земянъ короля его милости земли воеводства Киевского, которыи при той справе были: панъ Василей Косовицкий а панъ Лавринъ Вилимонтъ, и съ подписомъ рукъ ихъ писмомъ рускимъ, ку записаню до книгъ замку господарского, Овруцкого, при сознанью моемъ далъ. Писанъ, у Веледникахъ, року тисеча пятьсотъ деветдесятъ пятого, мѣсяца июня семнадцатого дня. У того инвентару печатей притисненыхъ три, а подписи рукъ тыми словы: Костентинъ Мочулский, возный земли Киевское, рука власная; Wasyl Kosowicky, własna ręka. При которомъ поданью двора Веледницкого, бояръ, мещанъ и людей, при возпомъ господарскомъ, Киевскомъ, очевисто бывши, до него печать мою притиснулъ и . . . . . моею подписалъ: Лавринъ Вилимонтъ, власною рукою. Которое оповедане служебника его милости кнежати Друцкого-Горского, пана Яна Котовича, и сознанье возного, и тотъ инвентаръ, съ початку ажъ до конца, слово отъ слова, въ книги замку Овруцкого есть записано, и сесь видимусь съ книгъ въ року теперешнемъ тисеча шестсотъ четвертомъ, мѣсяца марца двадцать четвертого дня, подъ печатю моею мене Яроша Достоевского, подстаростего Овруцкого, его милости кнежати Горскому есть выданъ. Писанъ у Вовручомъ.

М. П. Янъ Воронецкий, писаръ.

Настоящій актъ въ подлинникѣ хранится въ собраніи документовъ принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 106.

LXXXII.

Жалоба слуги князя Януша Острожскаго, Станислава Ножовскаго, на управляющаго имѣніемъ Луцкаго гродскаго судьи, Матвѣя Стемпковскаго, Чаруковымъ, Матвѣя Яроцкаго, о томъ, что онъ напалъ на Ножовскаго при проѣздѣ черезъ Чаруковъ, заключилъ въ тюрьму нѣсколькихъ крестьянъ Острожскаго, а двухъ сжегъ въ полѣ на курганѣ. 1596 г., марта 10.

Року тисеча пятсотъ девятдесятъ шостого, мѣсяца марца десятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, передо мною Александромъ Семашкомъ на Хупкове, кашталяномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, постановившися очевисто шляхетный панъ Станиславъ Ножовский, служебникъ великможного кнежати Януша Острозского, кашталяна Краковского, жалобливе оповедалъ, ижъ дей року теперешнего деветдесятъ шостого, мѣсяца марца девятого дня, кгдымъ, за росказанемъ пана своего, ехалъ съ подводами зъ имения его милости, места Полоного, зе збожемъ до Буга, и трафиломи ся ехати черезъ село Чаруковъ, имене пана Матея Стемпковского, суди кгродского, Луцкого, тамже урядникъ тамошний Чаруковскій, на имя Яроцкій Матей, зъ многими слугами помочниками и подданными Чаруковскими, которымъ имена власные и прозвиска ихъ самъ лепей знаетъ и ведаетъ, не ведати для якое причины, перенявши на добровольной дорозе, закликавши квалту въ селе Чарукове,—тамже подданыхъ его милости пана моего, на имя: Олешка, Левка, Васка, Мируту, Яцка, Ивана, поймавши, и двохъ на имя Левка и Мируту, наклавши огонь въ поли, на могили, и оныхъ окрутне а праве тиранско попалилъ,—а чотырохъ у везене посадилъ и теперъ держитъ; а подводъ возовъ осмънадцать зо всимъ на все, зъ конми, зъ збожемъ, зъ возами побралъ и кгвалтовне пограбилъ, и до двора тамошнего отпровадилъ; также подданыхъ пана моего побилъ, поранилъ, и што одно колвекъ мели пенезей готовыхъ, у купцовъ также и моихъ властныхъ копъ десеть, полгакъ и саблю у

въотамана, кожухи, сермяги, и што одно колвекъ мели, отъ мала до веля, побралъ и пограбилъ и до двора тамошнего отпровадилъ. И просилъ, абы тое оповедане его до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записано было. Што я записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, поточная, 1596 года, № 2104, л. 139 на оборотѣ.

LXXXIII.

Слѣдствіе и распросъ громадъ по дѣлу объ убитомъ панцырномъ боярине Бакшіѣ. Приговоръ къ уплатѣ громадами, неявившимися на копу, головщизны брату убитаго Бакшія. 1596 года, апреля 17 дня.

Року тисяча пятъсотъ деветдесятъ шостого, месяца априля семогонадцатъ дня.

На вряде кгродскомъ, Луцкомъ, передо мною Александромъ Семашкомъ, на Хупкове, капиталяномъ Браславскимъ, старостою Луцкимъ, постановившися обличне шляхетный Стефанъ Желяховичъ, подписокъ кгродский, Луцкий, на местце мое до справы нижейописаное зосланый и высажоный, зезналъ тыми словы: ижъ што дей въ року теперешнемъ деветдесятъ шостомъ, месяца априля пятого дня, врадникъ и повинный приятель пана Бартоша Опрялковъ, панъ Янъ Русяновский, и подданые его милости, Вышковские, на кгрунте Вышковскомъ тѣло забитого человека, переѣждчого, и подли его коня зъ седломъ знашедшы, зо всѣмъ тымъ на врядъ кгродский, Луцкий, отдали и оповедане зезнанье возного до книгъ внесли. За чимъ ваша милость, заховуючися водлугъ права посполитого, хотечи ведомость певную о того забитого взяти, листомъ своимъ врядовымъ, такъ мещанъ Луцкихъ, яко всѣхъ обывателей повѣту Луцкого, сугранъ зъ Вышковомъ мешкаючихъ, обослалъ, абы на день сегоднешный месяца априля семогонадцать, року деветдесятъ шос-

того, на тамъ тое местце, где забитый есть знайденъ, на кгрунтъ Вышковский, на копу, для опытаня и выведанья певного: отъ кого бы тотъ небожчикъ былъ забитъ, собрался, и мене его милость, на местце свое, врядовое, тамъ же, на тотъ рокъ назначоный, выслати рачилъ. И такъ я, маючи при собе возного повету Луцкого, шляхетного пана Григоря Красноселского, и сторону двохъ шляхтичовъ: Захарияша Каспоровского а Станислава Малицкого, на местце назначоное, на кгрунтъ Вышковский, где забитый найденъ, выехалъ-есми; тамъ же, кгды се людей не мало на купу зъ селъ околичныхъ забрало, а меновите: панъ Янъ Русецкий съ подданными Вышковскими; подданые архимандрицства Жидичинского, зъ Жидичина; съ Теремного —подданые владыцства Луцкого; панъ Станиславъ Канъдыба; Прокшичъ, писаръ кгродский, Володимерский, и при нимъ бояринъ его милости, Воротневский, Федоръ Бакший, приповедали се: ижъ тотъ забитый есть бояринъ панцерный пана Кандыбинъ, Воротневский, братъ того Бакшия, на имя Герасимъ,—былъ посланый приставомъ надъ подводами, который не вѣдать якимъ обычаемъ и отъ кого естъ забитъ,—а ижъ знайденъ на кгрунте Вышковскомъ; пре то потреба, абы на первей подданые пана Опрялковы выводъ слушный и справу о собе дали: якимъ способомъ тотъ забитый на кгрунте ихъ знашолсе? Яко жъ даючи о собе справу подданые Вышковские, на первей врядникъ и повинный пана Опрялковъ, панъ Янъ Русановский, поведилъ: ижъ дня прошлого въ пятницу, уже тому тыждень минулъ, едучи зъ Луцка, за Окопищами надъехаломъ того небожчика, а онъ волокся на конѣ, вельми збитый, которого, кгдымъ пыталъ хто бы его билъ, ни слова ми не отповедилъ,—бо вже не мовилъ,—толко рукою кивнулъ. А потомъ на завтрее, въ суботу, подданые Вышковские знашли его на кгрунте Вышковскомъ уже умерлого,—которое тѣло съ конемъ, зъ седломъ отпровадилемъ до Луцка и отдалемъ на врядъ. Тое жъ и подданые Вышковские зознавали: ижъ видели кгды тотъ небожчикъ одъ Луцка, голову звезавши, крывавый ехалъ вже передъ вечоромъ, и на кгрунте Вышковскомъ тутъ на томъ местцу съ коня звалился,—розумели есмо, же пъяный. А потомъ на завтрее, кгды есмо пошли гледѣти, знашли есмо вже умерлого, и заразомъ есмо то пану Русиновскому сказали, которого намъ казавши взять,

до Луцка отпровадилъ. Подданый Жидичинский Ивашко, тивунъ, тое жъ зезналъ: ижъ дей въ тотъ часъ подле кгрунту Вышковского надъ розбойниками стоялъ и виделъ того забитого, кгды одъ Луцка ранный ехалъ а на кгрунте Вышковскомъ съ коня свалился,—розумели есмо, же пьяный, а на завтре почули есмо, же умеръ; але хто бы его билъ, того не вѣдаемъ. Панъ Олизаровский за державы своее именя его милости пана Ивана Гулевича, съ передместя, именемъ подданыхъ своихъ поведилъ: ижъ въ той справе ничого не вѣдаемъ. По которомъ таковомъ сведецстве панъ Кандыба поведилъ: ижъ бы ся могъ опытъ лепший учинити и винный се знайти,—кгды жъ початки и сведецства певные есть отколя тотъ збитый, зъ ранами ехалъ,—тылко жъ зъ иншихъ селъ и зъ мѣста, а меновите: зъ Яровицы, подданыхъ его милости пана воеводы Браславского; зъ дворца подданыхъ его милости пана Киевского, зъ мѣста Луцкого; зъ Окопишъ а зъ Липлянъ, подданыхъ владыцства Луцкого, которые на сей часъ панъ Андрей Дахновичъ держитъ, нѣтъ,—а листомъ врядовымъ тыхъ всѣхъ обношоно и на тую копу, для опыту, быть ознаймено. Яко жъ и возный повету Луцкого, панъ Григорей Красноселский, тутъ очевисто стоечи, зезналъ, ижъ въ тыхъ всѣхъ селахъ былъ и листъ врядовый, на копу зъзываючи, оказовалъ, то есть: на Яровицы врядннку его милости пана воеводы Браславского, пану Поплавскому самому,—а на дворцы—врядннку его милости пана Киевского, въ месте Луцкомъ, пану Богушу Васковичу, бурмистру Луцкому, а въ Липлянахъ—дворницъце пана Дахновичевой, которые всѣ зъ листу и съ повести моее зрозумевши, на копу, для опыту, стороны того забитого выслатъ обецали. По которомъ таковомъ сознаню возного домовялсе панъ Кондыба, абымъ, ведлугъ права посполитого заховавши, на тыхъ, которые, маючи заказъ и обвещене, на копу не стали, головщизну брату забитого, Федору Бакшию, яко за слугу панцерного, пятдесятъ копъ грошей сказано. А такъ я, намовившися зо всею громадою, которая ся на тотъ часъ зобрала, заховуючися въ томъ, водлугъ звычаю копъного, въ праве посполитомъ описаного, на подданыхъ ихъ милости ясновелможныхъ пановъ: пана Януша княжати Збаразского, воеводы Браславского, старосты Кремянецкого—Яровицкихъ, на пана Ивана Чаплича Шпа-

новского, капталйна Киевского—Дворецкихъ, а на мещанахъ Луцкихъ, на Окопицу мешкаючихъ, и тежъ на подданыхъ владыцства Луцкого—Липлянскихъ, которые на сей часъ панъ Андрей Дахновичъ держитъ, головщизну, за того забитого боярина панцерного, Воротневского, водлугъ статуту, копъ петдесятъ гроней Литовскихъ, брату его, Федору Баклию, яко на несталыхъ и вряду не послушныхъ, всказалъ и присудилъ есми, и рокъ заплате тымъ нѣнеземъ, правный, отъ дня сегоднешного априля семогонадцать, року девятдесятъ шостого, за шесть недель зложилъ есми, заховавшы однакъ тымъ нестанымъ, по заплаченью головщизны, волное чинене правное съ тымъ, отъ кого бы се тое забите стало. Который судъ копный и тое очевистое сознане пана Стефаново до кънигъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2104, годъ 1596, листъ 237.

LXXXIV.

Королевскій указъ коморнику Яну Чернчицкому о томъ, чтобы онъ произвелъ дознаніе по дѣлу о разореніи и сожженіи княземъ Кирикомъ Ружинскимъ »осадъ«, принадлежащихъ Кіевскому епископству. 1596 г., сентября 7 д.

Року тисеча пятсотъ деветдесятъ шостого, месеца октебра второгонадцатъ дня.

На вряде кгродскомъ, Луцкомъ, передо мною Юрьемъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися обличне урожоный панъ Янъ Волынецъ Чернчицкий, коморникъ его королевское милости, покладалъ листъ его королевское милости, который такъ ся въ собе маетъ: »Жикгимундъ третий, Божью милостю королъ Полский, великий князь Литовский, Руский,

Пруский, Жомоитский, Мазовецкий и тежъ Шведский, Кготский, Вандалский дедичный кроль, урожоному Яну Волынцови Чернчицкому, коморникови нашому, верне намъ милому, ласка наша королевская. Далъ намъ справу велебный въ Бозе его милость ксендзъ Езофъ Верещинский, бискупъ Киевский, опатъ Сетеховский, же въ певныхъ маетностяхъ бискупства Киевского, черезъ урожоного князя Кирика Ружинского и черезъ иныхъ особъ немалые шкоды починены, а некоторые осады новые покажоны и попалены,—о чомъ хотечи мы, господаръ, яко патронъ и оборонца найвищший добръ костелныхъ, певную и достаточную справу и ведомостъ мети, назначили есмо верностъ твою, для выведаня се о таковой шкоде и спустошеню, тамъ выслати. Яко жъ и тымъ листомъ нашимъ верности твоей росказуемъ, абысь до пречоныхъ добръ бискупъства Киевского, где ся попалене и шкоды стали, заехалъ, тамъ же о шкодахъ, яко много и отъ кого починено, доводне и достаточне выведалъ и списалъ, такъ же о спаленью новыхъ осадъ, якимъ способомъ, умысломъ, и для чого палено, доведавшися, намъ, господару, обо всемъ томъ ознаймилъ,—а иначей абысь того инакъ учинити не смелъ, подъ ласкою нашою королевскою. Писанъ у Варшаве, лѣта Божого нароженъя тисяча пятьсотъ деветьдесятъ шостого, месеца сентебра семого дня, а панованя королевствъ нашихъ—Полского девятого, а Шведского третего року.« У того листу печатъ коронная, а подписъ руки его королевское милости въ тые слова: Sigismundus rex, Florian Oleszko«. Который же то листъ, съ початку ажъ до конца, слово въ слово, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ уписанъ.

Книга Луцкая гродская, записовая, годъ 1595—1597, № 2102, листъ 265.

LXXXV.

Королевскій указъ князю Кирику Ружинскому, состоявшійся по жалобѣ епископа Кіевского, Іосифа Верещинскаго, о томъ, чтобы Ружинскій сдѣлалъ надлежащее удовлетвореніе по дѣлу объ ограбленіи имущества Верещинскаго, а равно и церковныхъ вещей изъ костела въ селѣ новомъ Верещинѣ, сожженіи мѣстечка Плисова и ограбленіи крестьянъ. 1596 г., сентября 7 дня.

Року тисеча пятъсотъ деветдесятъ шостого, месеца октебра второгонадцатъ дня.

Передо мною Юръемъ Кошиковскимъ, буркграбимъ и намѣстникомъ подстароства Луцкого, ставши очевисто урожоный панъ Янъ Волынецъ Чернчицкий, коморникъ его королевское милости, покладалъ листъ отъ его королевское милости и просилъ, абы былъ принятъ и въ книги кгродские, Луцкие, вписанъ. Которого я, для вписованя до книгъ приймуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ се въ собе маетъ: »Жикгимонтъ третий, Божъю милостю король Полский, великий князь Литовский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянтский, и тежъ Шведский, Кготский, Вандалский дедичный кроль, урожоному князю Кирику Ружинскому, верне намъ милому, ласка наша королевская. Урожоный, верне намъ милый. Писалъ и присылалъ до насъ, обътяжливе жалуючи, велебный въ Бозе ксендзъ Езефъ Верещинский, бискупъ Киевский, опатъ Сетеховский, на верность твою о то, ижъ верность твоя, безвинъне звазнившисе на него, речи костелъные и иные его властные, съ костела въ Новомъ Верещине, изъ дому бискупего, тыхъ недавныхъ часовъ, будучи зъ войскомъ нашимъ, побрати, до того ему самому, слугамъ его, поддаными костелнымъ, великие крывды починити, быдла и коней немало забрати и местечко Плисовъ новоосажоное спалити мелъ, зъ великою шкодою бискупъства и костела Киевского; за которымъ есмы прошены, абы мы ему въ томъ таковое кривды и шкоды терпити не допустили, и листъ нашъ о томъ до верности твоей писати казали. А такъ напоминаемъ верностъ твою и росказуемъ, абы таковыи речи, которые не мели бы бытъ съ костела браныи, пречоному ксендзу

бискупови, кгды по то пришлетъ, въцале засе поотдавалъ, такъ же и шкоды ему самому, слугамъ его и подданымъ костелнымъ, невинъне поделаные, абы нагородилъ, и подлугъ самое слушности, до чого злаща былъ еси права не мелъ, абысь се ксендзу бискупови управедливилъ,—учинишъ то верностъ твоя съ повинности своее и для ласки нашое королевское. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя тисеча пятсотъ деветдесятъ шостого, месеца сенътебра семого дня, а панованя кролевствъ нашихъ—Полского девятого, а Шведского —третего. Sigismundus rex; Florian Oleszko. Который то листъ его королевское милости до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ уписанъ.

Книга Луцкая гродская, записовая, годъ 1595, 1596 и 1597, № 2102, листъ 264 на оборотѣ.

LXXXVI.

Запись Кіевскаго епископа Іосифа Верещинскаго пану Николаю Шадурскому на урочище Дорогинку. Шадурскій этою записью назначается »осадцею« и войтомъ слободы, учреждающейся на этомъ грунтѣ. 1598 г., генваря 1 дня.

Року 1602, месеца марца 18 дня.

На вряде его королевское милости замку Житомирского, до мене Павла Плоского, подстаростего Житомирского, присылала ее милостъ пани Миколаевая Шадурская, черезъ приятеля своего, шляхетного пана Адама Солтеша, привелей въ бозѣ велебного ксендза Езофа Верещинского, бискупа Киевского, менованой паней Шадурской на маетностъ даный, подъ печатю и съ подписомъ руки его власное, и съ подписомъ рукъ нижей менованыхъ особъ, и подъ печатю Ясевского, каноника Киевского, и съ подписомъ руки его власное, просечи, абы тотъ привелей былъ принятъ и до книгъ врядовыхъ, господарскихъ, Житомирскихъ, былъ вписанъ. Которогомъ принявши, и читаного по достатку выслухавши, до книгъ вписатъ казалъ; который слово въ слово

такъ со въ собе маетъ: »W Imie Pańskie amen. Iż grónta biskupstwa Kiowskiego, przez częste naiazdy y moc nieprzyiaciela krzyża świętego, sprośnych pohan Tatar, niektore puste zostały, ludziż też, przez chciwość a zazdrość bezecno sąsiad blizskych, obywatelow tuteyszych, schizmatikow y heretikow, są od biskupstwa odięte, pod sie przywłasczone; nakoniec nayduią sie niektorzy takowi w tym woiewodstwie, iż czego upornie, przez gwałt, wydrzeć y przywłasczić sobie s tych przerzeczonych gróntow kościelnych nie mogą,—tego, przez zmyslione a falsziwe listeczky swoie, podstępnie dostawaią. Które, aby za staraniem y pilnością moią od każdego nieprzyiacielia ochronione, a do biskupstwa znowu recuperowane byli, y w pirwszey kliubie swey zostać sie mogli, iako sie iuż za obięciem moim, przez łaskię y danine jego królewskiey mości y Rzeczy Pospolitey, y za potwierdzeniem naywyszszego oyca swiętego, Biskupa Rzymskego, znacznię przez mie, za pomocą Bożą, poczely osadzać, y aby tym wietszą a prędszą pomoc y skutek w osadzie swey mieć mogli,—zmyśliłem te puste grunty liudziom godnym y Biskupstwu temu za czasem pożytecznym na osadzenie ich dać. Jakoż my, Jozef Wereszczyńsky, z łasky Bożey Biskup Kiewsky, opat Sieciechowsky, ze wszystką kapitułą Biskupstwa swego, Kiowskiego, upatrziwszy pewny grunt y uroczysko, nazwiskem Dorohinke, gdzie iuż iest znaczna osada, które uroczysko, aby tym prędzey osadzić sie mogło, przyznaliśmy iemu za osadcze pana Mikołaia Szadurskego, człowieka godnego, którego wiary y stateczności doznawszy, a pamietuiąc na dawne y pilne służby jego, postanowiliśmy go na tym gruncie przerzeczonym woytem, który to grunt, zdawna do biskupstwa Kiowskego należący nad rzeczko Dorohinko, z obiema brzegami tey że Dorohinky, pomienionemu panu Mikołaiewi Szadurskiemu, żenie y potomkom jego daiemy, daruiemy, zapisuiemy ze wszystkymi pożytkami y przyległościami iego, z poliami, z niwami, z bory, z liasy, z dąbrowami, z łąkami, sianożęciami, z łowamy rybnemi y zwirzęcemi, z gony bobrowemi, z drzewami bortnemi, z stawy, y inszymi pożytkami, które by sobie wymyslić mogł, do tego uroczyska, zdawna należącymi, któremu y granice pewne przez nas są naznaczone y potwierdzone, które tak sie w sobie maią: począwszy od groblie Dziedkowskiey, na rzecze Orpieniu leżącey, drogą Dziedkowską do Czarnohorodky idąc aż do wału, który dzieli Czarnohorodke od nowego Weresczina, a wałem samym idąc, iako naprosciy, do rzeky Orpienia *), sobie na potym tego to, przerzeczonego Mikołaia Szadurskiego, ochotnieyszego y zicziiwszego mieć

*) Въ подлинникѣ пропускъ.

na tym gruncie pomienionym, na to woytowstwo iemu, żenie y potomkom iego, przez nas danym, onego y s potomkami jego przy prawie tym naszym czule y mocnie zachowuiąc, zapisaliśmy sume pewną dwieście kop groszy monety y liczby Litewskiey, w każdą kope po sześćdzieśąt groszy Litewskych licząc. Który to grunt wyszeypomieniony, przerzeczonemu Mikołaewi Szadurskemu, woytowi y osadcy naszemu, y potomkom jego, ex nunc zarazem, ku wżywaniu y spokoinemu dzierżeniu, pusczamy; względem którey daniny naszey y sumy zapisaney, powinien będzie s potomkami swoimi nam y successorom naszym, na kożdą potrzebe nasze y successorow naszych, trzy konie, według potrzeby y zwyczaiu woiennemu, jako najozdobniey stawić, pod utraceniem tey daniny y sumy przerzeczoney. Aby ważno y trwało było, dlia wiary y swiadectwa liepszego, rękami swemi podpisaliśmy sie y pieczęci nasze zawiesić kazaliśmy. Działo sie w Nowym Weresczinie, w dzień święta nowego liata, roku pańskego tysiącznego piętsetnego dziewięćdziesiąt ośmego, przy bitności liudzi zacnych, obiwatelów woewodstwa tutesznego, ich mości: pana Semena Butowicza, woyskiego Kiowskego; pana Bartosza Weresczynskiego, starosty Nowoweresczyńskiego; pana Mikołaia Chalieckiego, pana Sczęsnego Szlaszińskego; pana Jana Sułkowskiego y inszych wieliu liudzi, wiary godnych«. Въ того привилею печатей две, привесистыхъ, а подписъ рукъ тыми словы: Jozeph Weresczynsky, z łasky Bożey, Biskup Kiewsky a opat Sieciechowsky, ręką swą; Ioanes Lisgrowsky, kanonik Kiowensis, manu sua propria; Krzysztoph Jazowsky, ręką swą, kanonik Kiewsky«. Который то привилей слово въ слово до книгъ врядовыхъ замку господарского, Житомірского, записанъ естъ.

Книга Житомірская гродская, записовая и поточная, № 9, годъ 1590—1644, листъ 74 на оборотъ.

LXXXVII.

Запись отъ князя Яна Дмитріевича Курцевича Булыги еврею Аврааму Якубовичу на отдачу ему въ арендное содержаніе селъ: Туранъ, Вербнаго и Новоселокъ, съ передачею ему права казнить крестьянъ смертью. 1598 г., марта 11 дня.

Року 1598, месеца июля 9 дня.

На вряде гродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Григоремъ Обухомъ Вощатинскимъ, на-

местникомъ подстароства Володимерского, постановившисе очевисто урожоный его милость князь Янъ Дмитревичъ Курцевичъ Булыга, ку записанъю до книгъ созналъ, водлугъ листу доброволного запису своего арендовного, которого отъ себе подъ печатю и съ подписомъ руки своее, и тежъ подъ печатми и съ подписми рукъ людей зацныхъ, жиду Турейскому, Авраму Якубовичу, далъ, арендуючи оному именья свое отчизныя, въ повете Володимерскомъ лежачие, то есть: дворъ и село Туричаны, дворъ и село Вербую съ приселками: Рудою и Блаженикомъ и дворъ и село Новосюлки, зо всими тыхъ именей пожитками и прилеглостями, за певную суму пенезей, за полдесети тисечей золотыхъ Полскихъ, на пять литъ зуполныхъ, по собе идучихъ, яко то все ширей а меновите въ томъ листе записе его милости арендовномъ описано и доложоно естъ. Который же то листъ доброволный записъ свой его милостъ князь Булыга, передо мною на вряде положивши, и его во всемъ очевистымъ сознаньемъ своимъ ствердивши, просилъ, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. Я его огледавши, и для вписанья до книгъ приймуючи, передъ собою читати казалъ, который такъ се въ собе маетъ: »Я Янъ Дмитровичъ Курцевичъ Булыга вызнаваю и чиню явно тымъ моимъ доброволнымъ арендовнымъ листомъ всѣмъ вобецъ и кождому зособна, кому бы колвекъ о томъ ведати належало, теперъ и на потомъ завжды, ижъ будучи мне зъ братомъ моимъ, княземъ Константиномъ Курцевичемъ Булыгою, и зъ сестрою моею, княжною Евою Курцевичовною Булыжанкою по небожчику славное памети князю Дмитру Курцевичу Булызе, пану отцу нашимъ, позосталымъ, въ немалыхъ долгохъ рознымъ особамъ заведеньемъ маетности, а иншимъ на листы записы, презъ небожчика пана отца нашего винныхъ, о которые заразъ по смерти небожчиковской, яко и о некоторые инпедимента, правные поступки, противку мене и князятъ брата и сестры моее, вышъпомененнымъ, а въ лѣтехъ ихъ недорослыхъ, въ опеку прирожоную мне належачихъ, зашли; въ которыхъ, яко и въ иншихъ рознихъ и немалыхъ затягахъ правныхъ, не могучи зъ маетности рухомое, хотя жъ немалое, по небожчику пану отцу позосталое, за побраньемъ всее презъ панюю мачоху нашу, ее милость панюю Галшку зъ Стужина, теперешнюю панюю

Миколаевую Харлинскую, поратовати, а ни тежъ, маючи чимъ оное и при ней побраныхъ листовъ, привилевъ и розныхъ справъ на маетности отчизные, доживотные и заставные, на ее милостъ правне доходити, и выхованья своего мѣти, и такого жъ князю брату своему и сестре моей дати, зъ иншое меры, не видечи всѣ маетности свое и брата моего, его милость князя Костентина Курцевича, въ опеце моей будучие, яко зо мною нерозделные, въ повете Володимерскомъ лежачие, отчизные: дворъ и село Туричаны, дворъ и село Вербую съ приселками: Рудою и Блажникомъ, и дворъ и село Новоселки, зо все, яко се въ собе маютъ, зъ фолварками, зъ кгрунты будовными, зъ людми тяглыми и не тяглыми, подворищными и огородниками, зъ бояры путными и панцырными, зъ ихъ повинностями, роботами, подводами, фурами, повозами, чиншами грошовыми и овсяными, и данми медовыми, съ присудами и пересудами, съ куницами поемными, и винами вшелякими, малыми и великими, пенежными и не пенежными, съ корчмами вшелякого напою, зъ мытами и промытами, зъ млынами и зъ ихъ вымелками, зъ ставищами, и зъ гоны бобровыми, зъ озеры и зъ сажавками, и въ нихъ ловенъемъ рыбъ, зъ садами, гаями, запустами, зъ лесами, зъ борами, зъ дубровами, съ полми, сеножатми и огороды, зъ засевками озимыми и яринными, зъ гумнами, зъ быдломъ и вшелякими иными пожитками, меноваными и неменованими, ничого зъ нихъ и въ нихъ собе и впередъ речоному князю, брату моему, и сестре моей, и наменшое речи не выймуючи и не зоставуючи, списавши все, якомъ самъ до держанья ихъ пришолъ, на инвентаръ, достаточне на выплачене долговъ и знесенье переводовъ правныхъ, яко и немалыхъ справъ и потребъ своихъ и князя брата моего и сестры моее пререченыхъ опатренье, арендовалемъ жидови Турийскому, Авраму Якубовичу, на пятъ лѣтъ зуполныхъ, по собе идучихъ, отъ року теперешнего тисеча пятсотъ деветдесятъ осмого, отъ дня великодня света Римского, ажъ до року прийдучого тисеча шестсотъ третего такого жъ дня и свята Римского великодня, за певную суму пенезей за деветъ тисечей золотыхъ и за пятсотъ золотыхъ Полскихъ. Яко жъ вже заразъ на початку тое оренды, въ заплату тое сумы пенезей, тотъ помененый орандаръ мой, Аврамъ Якубовичъ, отдалъ

ми семъ тисечей золотыхъ, шестсотъ золотыхъ и петдесятъ золотыхъ и шестъ золотыхъ Полскихъ,—зъ чого оного симъ листомъ моимъ квитую и волнымъ чиню на вѣчные часы. А што се тычетъ и остатка сумы пенезей осмнадцати сотъ золотыхъ, и сорокъ золотыхъ и три золотыхъ и двадцатъ грошей Полскихъ, то ми будетъ повиненъ отдати передъ выдержаньемъ аренды на светый Петръ Руское свято, въ року тисеча шестсотъ второмъ. Которые то все села, вышей менованные, зо всимъ на все, яко се вышей поменило, помененый арендаръ мой чрезъ тую всю пятъ лѣтъ маетъ спокойне держати и уживати, и врядниковъ слугъ своихъ тамъ отъ себе мети, албо тежъ кому хотечи, за тымъ же правомъ, арендою пустити,—а я самъ черезъ себе, слугъ и подданыхъ своихъ и черезъ особъ направленныхъ, такъ же зъ близкихъ кревныхъ и повинныхъ своихъ, помененому арендарови самому и кождому отъ него за тымъ листомъ арендовнымъ тые села держачому, жадное перешкоды, трудности, кривды, утиску и ниякого уступу чинити не маю и мочи не буду. Але еще, где бы се тому арендарови, пану Авраму Якубовичови, самому и кождому отъ него держачому, отъ кого колвекъ и въ чомъ же колвекъ якая кривда деяти ся мела, такъ отъ суседовъ околичныхъ, въ кгрунтехъ, и въ якомъ же колвекъ пожитку, яко тежъ и отъ кого обчого, албо и отъ жолнеровъ якое жъ колвекъ перенагабанъе въ чомъ же колвекъ,—теды я отъ кождого такового своимъ власнымъ коштомъ и накладомъ, на кождомъ местцу, пана Аврама Якубовича и кождого держачого боронити и заступовати, о кривду кгрунтовую, такъ же о кривды вшелякие подданыхъ своихъ, справедливости доходити повиненъ буду. А где быхъ я пана Аврама Якубовича и кождого держачого не заступовалъ, его отъ всѣхъ кривдъ не боронилъ и не освобожалъ, або, самъ черезъ себе, слугъ подданыхъ и повинныхъ приятелей своихъ, якую жъ колвекъ перешкоду въ той аренде учинилъ, и який колвекъ вступокъ вделалъ, а онъ бы што въ томъ шкодовалъ, теды повиненъ буду пану Авраму Якубовичу и кождому держачому заруки заплатити полъдесети тисечей золотыхъ Полскихъ, и къ тому шкоды и наклады на голое реченъе слова нагородити. А где бы тежъ за держанъя пана Аврамова и кождого, подданые съ тыхъ селъ розыйти се мели,

албо, чого Боже уховай, якое спустошенъе такъ отъ непріятеля постороннего, яко и отъ кого колвекъ и за якимъ колвекъ припадкомъ стало спаленъе двора, млыновъ и якого жъ колвекъ будованъя, порванъя гребелъ на ставехъ и сажавкахъ,—теды я того на пану Аврамъ и на кождомъ держачомъ пойскивати и о то до права позывати, и жадное трудности о то задавати не маю и мочи не буду самъ черезъ себе и не черезъ кого, такъ съ повинныхъ, яко и зъ обчихъ людей, подъ зарукою такою жъ вышейменованою. Если бы тежъ шло о кгрунтъ, албо о подоптанъе збожя и о якую жъ колвекъ кривду, за чимъ бы бытности моее самого, албо слугъ для обороны было потреба, тогды я не маю на тыхъ маетностяхъ, отъ мене арендованыхъ, мешкати для того, абы якое шкоды и трудности кождый держачий не поносилъ. А кгды бы тежъ въ держанью тое аренды въ тыхъ селахъ, зъ допущенъя Божого, въ побитю збожя черезъ градъ шкода стала, теды я, за ошацованемъ зобополныхъ пріятелей нашихъ, нагородити буду повиненъ съ тое жъ сумы пенезей, которую ми повиненъ будетъ на остатнюю . . . . . платити, вытрутити, такъ яко бы се за шкоды досытъ стало. А если бы тое сумы пенезей за тую шкоду не стало, тогды, по выштъю аренды, тыхъ добръ моихъ отъ него отбирати не маю, ажъ се ему за все досытъ станеть. Што се дотычеть быдла, поменѣному арендарови отъ мене даного, такъ же и будованъя дворного, то все нами особный инвентаръ списавши, межи себе есмо дали; которое быдло тое, што отъ насъ взято, при доконченю аренды мнѣ отдано быти маетъ, а приплодокъ увесъ при немъ зостати маетъ. А если бы тежъ панъ Аврамъ Якубовичъ, за держанъя своего, въ той маетности што коштомъ своимъ прибудовалъ, албо на направу въ будованью дворномъ и въ поправенъю гребелъ накладъ який учинилъ,—теды, за слушнымъ показанъемъ, повиненъ буду то все ему заплатити. Если бы тежъ по видержаню аренды, по выштъю пети летъ, показалъ панъ Аврамъ Якубовичъ листы, албо квиты якие, же бы перевышшало болшей на суму, вышейменованую,—теды я не маю отъ него отбирати тыхъ маетностей моихъ, вышейменованыхъ, ажъ се ему все сполна уистить, и за все досытъ станетъ. Которые жъ то маетности наши, вышейпомененые, заразомъ пустили есмо и пущаемъ въ держанье и

уживанъе,—маетъ уже пожитки всѣ на себе брати и привлащати, зъ деревомъ бортнымъ, зо бчолами и безъпчолными, яко самъ налепий похочетъ и можетъ, и съ пущи нашое, водле потребы свое, дровъ вшелякихъ на потребу свою, где хочетъ, возити; маетъ подданыхъ судити, винныхъ, не послушныхъ, водлугъ выступковъ ихъ, карати бы тежъ и горломъ, если который заслужитъ, не допускаючи жадное апеляции до мене, а ни до пана брата моего,—а о тое я самъ а ни потомкови мои ему самому, и кождому держачому тые маетности наши, вышъпомененые, зо всими ихъ пожитками, яко се поменило, держати и вживати маетъ спокойно и цале до часу назначоного. Позволяю тежъ пану Авраму Якубовичу дерева съ пущи нашое на дви комяги, иле будетъ потреба, вывезти до Устилога албо до Коритницы въ тыхъ пети летахъ держанъя его; волно ему будетъ ошвы и дрыкгавки, жерди, кгды комяги будетъ у въ Устилузе мити, албо до Коритницы, до иншихъ комягъ, на кождый годъ, иле ему будетъ потреба, вывозити. Если бы тежъ панъ Богъ въ томъ часе на него смертъ допустити рачилъ, тогды жона и потомки его тое аренды помененыхъ именей, водле сего запису моего, спокойне держати маетъ; толко по выштъю аренды пети летъ зуполныхъ, яко онъ самъ, такъ и по немъ жона и потомки его, тые всѣ именъя, водле инвентару, цале и зуполне до рукъ моихъ уступити будутъ повинни. А если бы по выдержанъю аренды болшей засевку мелъ, нижли отъ мене взялъ, теды то волно будетъ му и кождому держачому тыми жъ поддаными моими зобрати; а зобравши такъ тую пашню, яко и вшелякую иншую маетность свою рухомую, оными жъ людми, тамъ где воля его будетъ, отвезти и выпровадити,—на што румации недель двенадцать, по выштъю аренды, ему допустити маю и буду повиненъ Ку тому корчмы и млыны въ тыхъ маетностяхъ моихъ на пять лѣтъ по выдержанъю аренды ему, безъ вшелякого плату, поступити маю. А где бы тежъ въ томъ часе на мене панъ Богъ смерти допустити рачилъ, тогды, водле сего листу моего, и потомкове мои, противко пану арендарови моему и потомкомъ его заховати, и то все зыстити и выполнити, и всѣмъ обовязкомъ моимъ досытъ учинити маютъ и будутъ повинни, подъ закладомъ вышейописанымъ. Подъ который себе и потомковъ своихъ зъ добры своими

поддаю и обовезую, и даю волность собе, и по мне потомковъ своихъ, позвати до суду земского и кгродского, и въ який колвекъ повѣтъ, и до суду головного трибуналского, въ которое жъ колвекъ воеводство, рокомъ и позвомъ, якимъ похочетъ; а я самъ и кождый потомокъ мой, по мне позваный, на першомъ року, яко на завитомъ, маемъ стати, а ставши, не збываючи позву, не беручи року, не закриваючи се жадными причинами, правными и неправными, въ статуте и конституциихъ описаными, хоробою своею, и умоцованого своего, болшою справою, соймомъ, соймикомъ повѣтовымъ, повѣтриемъ моровымъ, послугою военною, неведомостью о року и о позве, не вымовляючи се такъ же тежъ злымъ и непорядным написанъемъ и положенъемъ позву, неналежностю права и уряду, не чекаючи третего дня,—повиненъ буду усправедливитисе, и тому всему, што на мне. сказано будетъ, досытъ учинити буду повиненъ, и потомкове мои повинни будутъ. А где бымъ не сталъ, або и ставши, сказанъю судовому досытъ чинити не хотелъ, и потомкове мои, по мне позваные, досытъ чинити не хотели, тогды то все, где судъ и врядъ на вшелякихъ добрахъ моихъ, яко и на тыхъ же презъ мене арендованыхъ, водле сказанъя, отправу за все заразъ скутечную уделати воленъ и моценъ будетъ,—а я тому ничимъ ся спротивляти не буду и стороне трудности то чинити съ потомки своими не маю и мочи не буду, подъ тыми жъ всѣми заклады и обовязки описаными; подъ которыми жъ тотъ листъ мой арендовный, доброволный, передъ вышъемъ року его, маю и повиненъ буду на вряде кгродскомъ, Володимерскомъ, вызнати и до книгъ записати дати, для лепшого утверженъя его во всемъ и кондиций въ немъ выраженыхъ. И на томъ далъ пану Авраму Якубовичу, жиду Турейскому, сесь мой арендовный листъ подъ печатю моею и съ подписомъ власное руки моее, до которого за очевистою а устною прозбою моею, будучи того всего добре сведомы, ихъ милостъ, панове а приятели мое: его милостъ князь Федоръ Курцевичъ, его милостъ князь Андрей Козѣка а его милостъ панъ Фридрихъ Подгороденский, печати свое приложити и руками власными подписати рачили. Писанъ у Туричинехъ, року Божого нароженя тисеча пятсотъ деветдесятъ осмого, месеца марца первогонадцатъ дня». У того листу печатей чотыри, а подпись рукъ

въ тые слова: Jan Kurczewicz Bułyha, ręką własną; Федоръ Курцевичъ, власная рука; Jendrzy Kozieka, ręką swą; Fridrich Podhorodenskij, własną ręką. А такъ я тотъ вышейменованый листъ и очевистое сознанье его милости князя Яна Булыги, за прозбою его милости, до книгъ кгродскихъ, Володимерскихъ, записати казалъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 952, годъ 1598, листъ 349-й

LXXXVIII.

Объявленіе Чернчицкихъ крестьянъ о томъ, что по дѣлу о воровствѣ лошади у крестьянки Пелагеи Сачковой была собираема копа, которая не постановила своего окончательнаго приговора, такъ какъ Сачкова объявила, что переноситъ дѣло на рѣшеніе гродскаго уряда. 1598 г., іюля 6 дня.

Року тисеча пятъсотъ деветдесятъ осмого, месяца июля шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, передомною Миколаемъ Чарнацкимъ, наместникомъ подстароства Луцъкого, постановившися очевисто Иванъ Томиловичъ, прозвищомъ Трѣль, тивонъ Чернчицкий, а Матѳѣй Грибовичъ, зъ Чернъчичъ, подъданые ясневелможного княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, а Гаскова—Куличъ, подданый пана Ивана Волынца Чернъчицкого, городничого Луцкого, также съ Чернъчичъ, ку записованю до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, сознали тыми словы: ижъ року теперешнего деветъдесятъ осмого, месяца июня семогонадцатъ дня, за ознайменъемъ боляръ, ку старостве Луцкому належачихъ, Красноселскихъ, яко въ суседстве мешкаючи намъ зъ ними, были есмо на першой

копе въ селе Красномъ, также передъ всими людми, на той копе будучими, Полагъя Сачковая о сгиненъе сверипы своее, шерстю сивое, шпаковатое, на хвосте знакъ на концу бѣлый, на Савку Марковича, подданого Красноселского, жаловала тыми словы: »ижъ дня вчорашнего июня шостогонадцетъ, зъ волторка на середу, згинула ми сверепа сивая, шпаковатая, которая въ полю на паши ходила; тоежъ ночи есми постерегла, же ее на той паши нѣтъ. Теды заразомъ и на завтрее рано о той згубе своей чинила есмы опытъ, и взяла ведомость, же до того Савки Марковича якийсь гостъ тое ночи, кгды тая кляча згинула, о четвертой године въ ночъ, приехалъ,—опятъ зась тое жъ ночи до дня отехалъ; которого онъ гостя своего самъ зъ братомъ своимъ черезъ Стыръ перевозилъ,—и съ тое причины ни отъ кого иншого шкоды собе быти не менила, толко отъ того гостя, Савки Марковича, который въ ночи приехалъ и въ ночи отехалъ«. И домовялася заразомъ Сачковая, абы Савка Марковичъ менилъ: што то у него за гость, отколы былъ и какъ его звано, и абы его ку выправованъю на другой копе ставилъ? А Савка Марковичъ того гостя своего, наймя не менуючи, первей его поведилъ быти зъ городка владыки Володимерского. О которого она его пытала: якъ его зовутъ? А оный Савка Марковичъ, не поведаючи ему имени, поведилъ: же его не знаю и не ведаю где мешкаетъ,—если подъ Острогомъ албо за Острогомъ. Што видечи быти копа Савки Марковича повестъ розную, знашли, абы Савка Марковичъ на другой копе, которой тая громада рокъ зложила, въ неделю пришлую, месеца июня двадцать первого дня, самъ ставши и того гостя своего, ку выводови тое згубы, поставилъ; который рокъ Савка Марковичъ доброволне принявши, на другой пришлой копе того гостя своего поставити обецалъ. Якожъ, кгды рокъ на зобране тое копы неделя припала, теды знову копа се была зобрана, на которой и мы есмо были; нижли Савка Марковичъ, не чинечи досыть всказови копному, оного гостя своего не поставилъ и выводу о немъ и о себе слушного не далъ,—тылко, надъ всказъ копный, ставилъ якихъсъ светковъ, трохъ чоловековъ Чернчицкихъ, которыхъ она не приймовала и на сведецтво ихъ, надъ всказъ копный, не позволяючи, домовялась, абы Савка Марковичъ гостя своего ста-

вилъ; а боярове Красноселские сами тылко, кромъ сторонъ, отложивши всказъ копный на сторону, онымъ светкомъ Савчинымъ светчити росказали. А Сачковая, не приймуючи и не слухаючи того сведецтва, до вышъшого ся права, то есть до его милости пана старосты, албо подстаростего его милости отзывала и бралася; а оные боярове Красноселские предь се упоромъ своимъ оныхъ светковъ сведетства выслухавши, рокъ третий завитый копе за две недили складали; которого року Сачковая не приймовала и на третюю копу не позволяла, и збирати ее не подыймовала, але до вышъшого права знову озывалась. На чимъ Полагъя Сачковая, давши паметное, просила, абы тое доброволное сознанъе людей добрыхъ, сторонныхъ, до книхъ кгродскихъ, Луцкихъ, было записано. Што есть за прозбою ее записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, 1598—1600 г., № 2106, листъ 216.

LXXXIX.

Объявленіе судьи гродскаго Владимірскаго, Демьяна Павловича, о томъ, что слуга его, Станиславъ Доманскій, обокравъ какъ его такъ равно и другого слугу, Мартина Ястрембскаго, бѣжалъ въ Венгрію. Павловичъ проситъ о выдачѣ означеннаго Доманскаго, для совершенія надъ нимъ казни, ѣдущему въ Венгрію пану Лукѣ Вилковскому. 1599 г, апрѣля 27 дня.

Року 1599, месяца априля двадцатъ семого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Володимерскомъ, передъ мною Григоремъ Обухомъ Вощатинскимъ, наместникомъ староства Володимерского, постановившися очевисто его милостъ панъ Демьянъ Павловичъ, судя кгродский, Володимерский, жаловалъ и оповедалъ, ку записаню до книгъ вызналъ тыми словы: ижъ слуга и пахолокъ мой рукоданый, который се звалъ Станиславомъ Доманскимъ,—отецъ его

у повете Луцкомъ въ селе Кгосоркахъ мешкаетъ, которого зовутъ, Матый Кгосорекъ, тотъ взявши передъ себе злый умыслъ, року теперешнего тисеча пятьсотъ деветдесятъ девятого, месеца априля шостого дня, окрадши мене и служебника моего, Мартина Ястрембского, то естъ у мене укралъ: коня валаха, зъ мышата гнедого, коня рослого и выховалого, иноходника, праве доброго, за которого ми давано шестъдесятъ таляровъ, на томъ коню пятно герба моего одъ рововъ, который, намаловавши, пану Вилкговскому далемъ, до того седло мое козацкое, демидокъ, (sic) козломъ чирвонимъ крытое, седло и тебенки малованые, узду козацкую, мосязовую, до того полгакъ въ чирвономъ ложу новоосажоный, пороховницу козацкую, жолтое шерсти лядунки чирвоною скурою обшитые; а у пахолка моего, Ястримбского, выламавши комору его, покралъ речи его: копенякъ новый, каразь зеленый, темный, чирвонымъ сукномъ добримъ немецкимъ подшитый, безъ ковнира, шнуркомъ зеленымъ вколо обитый, портки фалюндишъ лазуровое зъ гафтками, боты козловы, чорные, кошулъ и хустокъ до килку, и пенезей готовыхъ шесть золотыхъ. А его сукни такие были: жупанъ бурнатный, фалюндишовый, козацкий, который тежъ украль и утекъ съ нимъ отъ шляхтича за Кремянцемъ, а ермякъ каразыевый, чирвоный, не новый. Онъ шаблю маетъ козацкую, масязомъ оправную; самъ особою такий: зъ росту среднего, невеликъ, усъ чорный малый, мовы шепетливый, а на шии заду шрамъ тятый не малый маетъ. И покравши тые вси речи, вышъ менованые, съ тымъ всимъ зъ имения и двора моего, Ованова, утекъ, и маю ведомостъ ижъ на службу до Венкгеръ поехалъ. А ижъ тежъ тамъ до Вгоръ ехалъ добрий приятелъ мой, панъ Лукашъ Вилковский, которого въ томъ ужиломъ и просилъ: где бы его тамъ въ Угрехъ, або гдежъ колвекъ въ дорозе, або на местцу потрафити могъ, же бы его, яко здрайцу и злодия моего, поймати и, ведле учинку его, скарати далъ, або тежъ правомъ на него попирати, и такъ о скаране такового здрайцы, ведле учинку его, яко тежъ и о тые речи, у мене и у слуги моего покраденые, домовятся,—зуполную моцъ его милости даю и тымъ сознаньемъ моимъ на вряде поручаю. Чого се панъ Вилковский, яко приятелъ мой добрый, поднялъ, и то ми все обецалъ, и тымъ мене уневнилъ,—тилко бы того здрайцу где подыбати

могъ. А такъ вашу милость моихъ милостивыхъ пановъ покорне прошу, где бы тотъ здрайца и злодей мой отъ пана Вилковского упатренъ и подыбанъ былъ, рачте его ваша милостъ пану Вилковскому, яко мне власному, съ тыми всими речми выдати, або скарати, яко здрайцу и злодия, дати,—кгды жъ не годенъ межи вашими милостями, людми зацными и рицерскими, быти таковый здрайца и злодий, бо то южъ и не разъ людемъ почтивымъ въ краю нашомъ вырежаетъ, абы и тамъ иншій злый карали. И просилъ его милостъ панъ судя, абы тая жалоба, оповедане и злецене тое справы его милости пану Вилковскому до книгъ кгродскихъ, Володимерскихъ, записано было. Што естъ записано.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 953, годъ 1599, листъ 133.

XC.

Жалоба слуги Виленскаго тіуна Яна Паца, пана Мартина Сташкевича, на пана Вацлава Еловича Малинскаго о томъ, что урядникъ имѣнія его, Ивачковскаго, Вербята, съ боярами, слугами, цыганами и крестьянами ночью переселилъ изъ села Волицы въ имѣніе Малинскаго, Ивачково, девять крестьянскихъ семействъ, и что когда послана была за ними погоня, вмѣстѣ съ вознымъ, то Вербята вооруженною рукою отразилъ оную а означенныхъ крестьянъ ограбилъ. 1600 г., іюля 22 дня.

Року тисеча шестъсотного, мееяца июля двадцатъ второго дня.

Присылалъ на врядъ его королевское милости кгродский, замку Луцкого, до мене Адама Олшамовского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, урожоный панъ Мартинъ Сташкевичъ, служебникъ вельможного пана Яна Паца, цивона Виленского, старосты Каменецъкого и Довкгалиского, жалуючи и оповедаючи и обтежливе се протестуючи на его милость пана Вацслава Еловича Малин-

ского о томъ, што жъ дей въ року теперъ идучомъ тисеча шестсотномъ, месяца июля третегонадцать дня, съ четверга на пятницу, въ ночи, за волею и властнымъ росказанемъ своимъ, наславши намаетность мою Волицу Сухую, надъ речкою Стубломъ лежачую, урядника своего, Ивачковского, на ймя Вербяту, и слугу своего Мицевского, и при нихъ бояръ, цыганъ и подданныхъ своихъ Глусскихъ и Ивачковскихъ, которыхъ его милость самъ лепей знаетъ, имена и прозвиска ихъ ведаетъ, подданыхъ моихъ власныхъ, непохожихъ, ойчизныхъ, въ той маетности моей, селе Волицы, будучихъ, которые отъ его милости пана тивона Виленского отъ немалого часу заставою держу, зъ жонами, зъ детми и зо всею маетностю, семей деветь намовивши, до маетности своее, села Ивачкова, былъ отпровадилъ, а меновите: Тихна Тимошевича, Тимоша Дегтяревича, Евтуха Панченя, Ивана Головку, Марка Головчича, Куца, Тимоша, Олексу, Еремея Евтуховича. О которомъ то таковомъ учинку и шкоде своей доведавшися на завтрее въ пятницу, ижъ тыхъ подданыхъ моихъ ночнымъ обичаемъ выкочено, и домы ихъ пустые и во всемъ зобраные увидевши, заразомъ утекшисе до приятелей и суседовъ моихъ о помочь, и способивши до того енерала возъного воеводства Волынского, шляхетного Матея Павезского, за ними въ погонь следомъ послалъ. Которыхъ, кгды следъ взяли, и въ тропы по знакохъ, кгды шли, бегли, то естъ мановцами, болотами, незвикле ихъ черезъ того вышейпомененого урядника Вербяту и того то Мицевского, такъ же бояръ, цыганъ и подданыхъ его милости веденыхъ и провожоныхъ, тамже, кгды ихъ у млына Ивачковковскаго черезъ реку тамошнюю подъ Ивачковомъ отъ Глупонина идучую, човнами перепровожаючихъ се, нагонили, видечи дей толко остатки, которые се уже къ селу совсимъ забрали и до пасеки его милости пана Вацслава Малинского, подъ дворомъ Ивачковъскимъ, въ гайку будучой, черезъ ровъ прекопаный, впроважоныхъ и зъ жонами, зъ детми и зо всими маетностями, съ конми, быдлами, тамъ поставеныхъ, тая погоня моя за ними жъ въ тотъ же следъ, черезъ тую реку вплавъ на коняхъ переправивши, а тыхъ збеговъ подданыхъ, яко моихъ власныхъ, въ той маетности его милости урядовне зъ возънымъ заставши, взяти хотечи, тогды тотъ Вербята зъ оными всими помочниками своими,

на то способенными, вдаривши въ звонъ на кгвалтъ, тую погоню мою и енерала возного моцно, кгвалтомъ зъ села Ивачкова выбилъ и выгналъ, а тыхъ збеговъ моихъ взяти не допустилъ. Однакже, тотъ енералъ возный, видечи таковый поступокъ ихъ незвыклый, тыхъ подданыхъ всихъ тому урядникови, Вербяти, въ десети тисечахъзолотыхъ-Полскихъ приручивъ, абы ихъ до росправы правное вдале додержалъ. И кгды вже, не могучи тому досыть учинить, абы тыхъ подданныхъ моихъ оттоль зъ собою взяли, мне самому, черезъ посланца, ажъ до дому села моего Волици знати дали, а сами въ селе Глупонине, маетности его милости пана Костентина Чаплича Шпановского, на на мене чекали, и тамъ заразомъ приехавши, оповедали. Въ которомъ часе тотъ Вербята отъ тыхъ менованныхъ подданыхъ моихъ видечи то, ижъ вже въ той маетности пана своего далей ихъ переховати не могль, маетности ихъ вси отобравши, возы потрясши, скрыни, бодни порозбиявши и полупавши, яко доброму не пристало, до двора тамошнего все отъ мала до велика спровадилъ,—а тыхъ подданыхъ моихъ усилне не причомъ зоставивши, прочъ зъ селе выгналъ и такъже дорогою незвыклою, черезъ греблю новую, которую подъ Ивачковомъ сыплютъ, перепровадилъ. И кгдымъ вже самъ прибывши того дня, въ пятницу, съ тымже возным шляхетным, Матеемъ Павезскимъ до того урядника Ивачковского, Вербяты, приехалъ, и тыхъ подданыхъ своихъ повторе застати хотелъ, теды тотъ Вербята на то поведилъ: ижъ дей я никгды подданныхъ твоихъ въ маетности его милости пана своего, селе Ивачкове, не мелъ и ихъ съ села Волици не выпровожалъ, и о нихъ не ведаю,—што я енераломъ возным, ижъ ихъ теперъ тамъ былъ застал, осветчивши, прочь отехалъ. А бачачи то, ижъ вже тые подданые мои, зъ села Ивачкова обраные, выгнани и выпроважени были, тымъ же следомъ въ погоню за ными черезъ греблю новую ехалъ, и на полю Ивачковскомъ отъ Копоткова, на кгрунте пана Вацслава Малинского, стоячихъ, догналъ; которые, еще здалека мне обачивши, назадъ заразомъ вернули и о выйскане маетности своее, черезъ того урядника Ивачковского, Вербяту, побраное, просили; то есть меновите побрано: У Михна Тимошевича, слуги моего дворного, коня моего власного, шерстью темносивого, за которого

дано золотыхъ пятдесятъ. У Тимоша Дегтеревича—готовыхъ грошей копъ Литовскихъ шестъдесятъ; коня шерстью гнедого, за которого было дано копъ Литовскихъ дванадцатъ; вола чорного, за которого было дано копъ Литовскихъ чотыри; корову съ телямъ, рыжую, за которую было дано копъ Литовскихъ три; ярмякъ и жупанъ люнский, синий, новоуробеные, которые коштовали копъ осмъ; убране люнское синее, за копу грошей справеное, сукню женскую зъ оксамитомъ, люнскую, синюю, которая коштовала копъ Литовскихъ пятъ; шапъку оксамитную, за грошей осмъдесятъ купленую, овецъ старыхъ деветеро и ягнятъ дессгеро; боты сафяновые жовътые, новые, которые коштовали грошей пятдесятъ; шлыкъ лисий, чирвоный, за копу и грошей двадцатъ купленый; шаблю зъ мосенцземъ за копу и грошей дванадцатъ купленую; сагайдакъ зо всимъ, который коштовалъ копъ Литовскихъ две; ручницу губчастую, за которую было дано копу грошей; полотна тонкого кужелного локоть сто; плахотъ черчатыхъ две; плахотъ наполныхъ чотыри, синихъ две; ложниковъ новыхъ два, которые стояли по копе и по грошей дванадцати; кожуховъ два, съ которыхъ за одного дано две копе грошей, а за другого полъторы копы грошей; сермягъ две, которые стояли по копе грошей. У Евтуха Панченяти—грошей готовыхъ копъ тридцатъ; клячу, шерстью вороную, купленую за осмъ копъ грошей; коня строкатого, за семъ копъ грошей купленого; воловъ два, шерстью рыжого, а другого чорного, за которыхъ было дано копъ Литовскихъ деветь; коровъ съ теляты две, за полъ семи копы грошей купленыхъ; овецъ старыхъ десетеро, а молодыхъ десетеро; ярмякъ и жупанъ люнский синий, которые коштовали зо всимъ копъ Литовскихъ деветь; убране каразиновое зеленое, за копу грошей справленое; шликъ фарбованый лисий, фалюндышомъ бурнатнымъ покрытый, который коштовалъ полторы копы грошей; сукня женская шифтуховая, бурнатъная, зъ оксамитомъ, которая кошътовала копъ Литовскихъ семь; шубку кроликовую, сукномъ муравскимъ крытую, которая коштовала копъ Литовскихъ чотыри; шапку жоноцкую акъсамитную, за чотыри золотыхъ справлсную; полотна кужелного локотъ тридцать, а жъгребного локоть тридцатъ пятъ; кожухъ новый, за две коце грошей купленый; ложниковъ два, кото-

рые стояли три копы грошей. У Ивана Головки—кожухъ, за которого дано полторы копы грошей; шапку, лисами подшитую, за сорокъ грошей купленую. У Марька—сермягу, за пятдесять грошей купленую, а готовыхъ грошей копу одну. У Куца—(грошей) готовыхъ (копъ) семдесятъ; сермягу, за сорокъ грошей купленую; полотна локоть тридцать; овцу зъ ягнятемъ одну. У Тимоша—жупанъ люнский, за копъ три справленый; кобылу гнедую, за копъ пять купленую; овецъ зъ ягняты трое; ручницу губчастую, за пятдесять грошей купленую. У Олексы—коня плеснивого, за деветь копъ и двадцать грошей купленого; жупанъ шебединский, синий, за сто грошей справленый; сермягу за копу грошей купленую; шаблю, которая стояла полкопы грошей. У Еремея Евтуховича—клячу тисавую, лысую, зъ седломъ, за которую было дано копъ Литовскихъ шесть; готовыхъ грошей сорокъ. Съ которыми дей то я поддаными, на всей маетности зобраными, тымъ же следомъ ихъ до села Ивачкова назадъ пошолъ и оныхъ попровадилъ, а тотъ урядникъ менованый, Вербята, съ тыми Мицевскими и зо всими бояры, цыганы, такъ же и поддаными Глусскими и Ивачковскими, не маючи на томъ досыть, ижъ вже тыхъ подданыхъ на всей маетности, черезъ таковый поступокъ свой, за росказанемъ его милости пана своего, зодралъ, злупилъ; але, повтораючи того учинку своего, на мене дей самого и на тыхъ, которые при мне, за ужитьемъ моемъ, были, змоцнившисе, зъ ручницъ стрелялъ, киями, спустками, збивши село на кгвалтъ, билъ и зъ рукъ моихъ остатокъ маетности тыхъ подданыхъ, то естъ: воловъ два, коровъ две съ телятми, овецъ десетеро зъ ягнятами, передъ вороты пана своего двора Ивачковского отбивши, моцно, кгвалтомъ взявъши, до двора впровадилъ. Што я, осветчивши тымъ енераломъ возънымъ и шляхтою, при немъ будучою: шляхетнымъ паномъ Мартиномъ Брестовскимъ, паномъ Михайломъ Щасновичемъ Замглинскимъ, паномъ Матысомъ Шацкимъ, а паномъ Тихономъ Мартиновъскимъ, толко самыхъ подданыхъ, зо всее маетности ихъ обраныхъ, взявши, до села Волици моее, припровадилъ. И на доводъ того, передо мною, врядомъ, ставилъ очевисто того вышейпомененого енерала возъного, шляхетного Матея Павезъского, который тыми словы созналъ: ижъ дей дня

оногдашнего, въ пятницу, месяца июля четвертогонадцатъ, въ року теперъ идучомъ тисеча шестсотномъ, будучи я, возный, на справе и потребе пана Мартина Сташкевича, былемъ въ маетности его, селе Волици, где ми опознавалъ домы подданыхъ своихъ, вышей менованыхъ, пустые, маетности вси забраные; и поведилъ, ижъ дей теперъ ночи прошлое, съ четверга на пътницу, семей деветь зъ жонами, зъ детми и зо всими маетностями своими, не ведати естъли за чиимъ намовенъемъ, алъбо ли пакъ зволившисе, прочь пошли. Тогды я, возный, маючи при собе шляхту людей добрыхъ: пана Мартина Брестовъского, пана Михайла Щасновича Замглинского, пана Матыса Шацкого а пана Тихона Мартиновского, и зъ иншими приятелми его, которыхъ онъ собе на то способилъ, абы тыхъ подданыхъ своихъ где колвекъ догналъ, въ погоню ехали, яко естъ вышей въ протестацыи описано, въ селе Ивачкове, маетности его милости пана Вацслава Малинского, преправуючихъ черезъ реку, догнали, и тамъ всихъ на око до пасеки подле двора Ивачъковского впроважоныхъ, видели; отколь насъ урядникъ Ивачковский, Вербята, моцно, кгвалтомъ отбилъ, и тыхъ подданыхъ збеговъ его, вышейменованыхъ, взяти не допустилъ. А потомъ, кгды есмо отъ Ивачкова прочъ отехали и въ Глупонине часъ не малый были, въ томъ часе тотъ урядникъ тыхъ подданыхъ прочь зъ села Ивачкова выгналъ, надъ заруку ку десетъ тисечей золотыхъ Полскихъ, черезъ мене положоною. И кгды вже повторе тамъ есмо, упоминаючи се подданыхъ, до села Ивачкова приехали, тогды тотъ Вербята поведилъ: ижъ я жадныхъ подданыхъ твоихъ въ селе Ивачкове не мелъ и зъ маетности твоее села Волици не выкочивалъ. Што онъ мною, вознымъ, осветчивши, прочь отехалъ; лечъ претсе за тыми поддаными своими въ погоню ехалъ; и кгды ихъ, на поли Ивачковскомъ стоячи, неподалеку села Ивачкова, догналъ, тые подданые вси вышъпомененые о выйскане маетностей своихъ просили, и мне, возному, оповедали, ижъ маетности ихъ, яко вышей въ протестацыи естъ описано, черезъ врядника Ивачковскаго, Вербяту, сутъ отобраны, и прочъ зъ села Ивачкова выгнаны. А кгды вже есмо съ тыми поддаными назадъ пошли я до села Ивачкова приехали, тогды тотъ Вербята, не маючи на томъ досыть, на насъ зъ ручницъ

стреляти, кийми, спустками бити почалъ, и тамъ, при томъ кгвалте, добираючи остатка маетности тыхъ подданыхъ: воловъ два, коровъ две, овецъ зъ ягняты десетеро, отбилъ и до двора Ивачковского впровадилъ. Которое жето оповедане въ жалобе пана Мартина Сташкевича, также и возпого созънане до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, 1598 — 1600 года, № 2106, листъ 332.

XCI.

Рѣшеніе копнаго суда подѣлу о воровствѣ у мѣщанина Клима Трушковскаго стога ржи. Копа опредѣлила: взыскать убытки, понесенные Трушковскимъ отъ этого воровства, съ крестьянъ села Козина, какъ неявившихся на копу и отказавшихся вывесть »слѣдъ«. 1601 года, марта 10 д.

Року тисеча шестсотъ первого, месяца марца десятого дня.

Передо мною Адамомъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто на вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Григорей Лемешовъский, ку записанъю до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: ижъ року теперешнего тисеча шестсотъ первого, месеца февраля двадцатъ осмого дня, за приданемъ врядовымъ, маючи при собе шляхту людей добрыхъ: пана Войцеха Свирщевского а пана Бартоша Насиловского, былъ есми на справе и потребе мещанина Рожисцкого, славетного Клима Трушковского, которому то Климови Трушковскому, въ року теперешнемъ тисеча шестсотномъ первомъ, зъ недели прошлое на понеделокъ, въ ночи, покрадено збожя, жита

его власного стогъ въ гумне. О которой шкоде заразъ доведавшися, способивши, ведлугъ права посполитого, на копу людей добрыхъ, суседовъ околичныхъ, слѣдомъ гонили; который слѣдъ до села Козина привели, и, ставши всею копою на границы, на кгрунте Рожицкомъ съ Козинъскимъ, съ посродку собе уся копа посылала мене, возного, и шляхту и людей постороннихъ до села Козина; и кгдымъ я, возный, зъ людми посторонними и зъ шляхтою до Козина пришли, застализмы въ посродку села урядника Козинского князя Павла Друцъкого-Любецкого, Станислава Мысловского, и тежъ тивона, гуменъника и Яна старого, кухара, и иншихъ мужевъ Козинскихъ, которымъ мовели есмо, абы слѣдъ отъ копы зо всѣмъ селомъ Козинскимъ, взявши изъ села и зъ гуменъ и зъ земли пана своего, и зо всего села своего слѣдъ вывели ажъ до иншое границы, куда тотъ слѣдъ пойдетъ. На которое мовенъе наше тивонъ поведилъ: ижъ дей мы зо всѣмъ селомъ заразъ на копу выйдемъ. А потомъ знову копа повторе и потрете до того села Козина посылали мене, возного, зъ шляхтою и зъ людми сторонними, абы все село Козинское на копу шли и слѣдъ зъ села вывели. Теды все селяне Козинские поведели: же мы слѣду жадного не будемъ выводитъ. Которыхъ Козинцовъ вся копа чекала, почавши съ поранку ажъ до вечера,—нижли пречоные Козинцы, а ни сами черезъ себе, а ни черезъ посланцовъ своихъ, на копу не пришли, слѣду изъ села и зъ гуменъ своихъ до иншое границы выводитъ упорне не хотели, и не вывели. Што, видечи великий упоръ и непослушенство Козинцовъ, помененая копа вся мною, возным, и шляхтою осветчили, а заховуючися въ томъ, водле стародавного звычаю, стороне поводовой, Климови Трушковскому, напротивъ усего села Козина право поднести наказали. А сторона поводовая, Климъ Трушковский, заховуючися въ томъ правне, поведилъ: ижъ дей шкода въ покраденъю стога жита, въ которомъ было копъ тридцатъ и семъ, ни отъ кого иного, толко отъ села Козина стала, и просилъ суду копного о выданъе роты, хотечи то присягою своею потвердитъ. Судъ копный присягу Климови Трушковскому самотретему учинитъ наказалъ въ тую роту: »Я, Климъ Трушковский, присягаю пану Богу вседержителю на томъ, ижъ мне тая шкода въ покраденъю стога жита отъ

села Козина стала ся». А потомъ свѣтковъ два—одинъ на йме Юрей, а другий на йме Павелъ, повтораючи Трушковского присягу, въ тую жъ роту присягли: ижъ ему стогъ жита украденъ и тая шкода стала ся ему отъ села Козина. По которомъ выконанью присяги, судъ копный всю шкоду Трушковского осумовавши истизны зъ навезкою тридцатъ копъ грошей, а шкодъ десетъ копъ грошей, сумою сорокъ копъ грошей, до села Козина тую всю шкоду приложили и наказали, абы Козинцы тую суму Трушковскому заплатили, а собе винного шукали. Отъ которого декрету судови копному, сторона поводовая и пересудъ заплатила. Яко жъ тутъ же, очевисто ставши на вряде гродскомъ, въ замку Луцкомъ, передо мною вышъречонымъ буркграбимъ Луцкимъ, отъ всего суду копного зосланые особы, а меновите: подданые его милости княжати Януша Жаславского, воеводы Подляского, зъ села Тростянъки, на йме: Карпъ Гулчичъ а Миско Опалеевичъ; подданые его королевское милости, державы его милости пана Миколая Семашка, старосты и ключника Луцкого, зъ села Колчина, на йме: Рожковичъ, а Вакушъ а Грицъ Кобузевичъ; подданый его милости княжати Григоря Санкгушка Коширского, каштеляна Браславского; зъ села Руки, Стецко Волосовичъ; подданый его милости пана Щасного Харлинского, зъ села Любча, на йме Самойло Онисковичъ; подданые уроженого пана Самойла Криницкого, зъ села Володковщины, на йме: Омелко а Степанъ, ку записаню до книгъ гродскихъ, Луцкихъ, въ моцъ своего копного суду, слово въ слово, яко ся вышей въ сознанью возного ширей и достаточней поменило, сознали: ижъ декретомъ своимъ теперешнимъ, копнымъ, уся копа, за покраденъе жита, на всюмъ селе Козине, Климови Трушковскому, осумовавши всего сорокъ копъ грошей Литовскихъ, сказали и присудили за выконаньемъ само третъ присяги,—а Козинцомъ собе винныхъ шукатъ наказали, отъ чого и пересудъ всему суду копному естъ заплачонъ. Который декретъ свой копный, именемъ всее копы, передъ вашей милостю, врядомъ, явне и ясне вызнаваемъ и до вѣдомости доносимъ и пилне просимъ, абы рокъ заплате тое сумы нерезъ листъ врядовый былъ зложонъ. А такъ я тое очевистое сознанъе возного енерала и сознане особъ, отъ всее копы зосланыхъ, взявъши, водле права, отъ стороны поводовое половицы пересуду,

то все для памети до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати есми казалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2415, годъ 1601, листъ 138 на оборотѣ.

XCII.

Арендный листъ князя Григорія Сангушка Коширскаго и жены его Софіи евреямъ Аврааму Шмойловичу Турейскому и Гецу Перцовичу Торчинскому на городъ Гороховъ и села: Старый Гороховъ, Озерцы, Рачинъ, Марковичи, Конюхи, Куты, Бѣлое Поле, м. Еремыль, села: Смоляву и Вербыни, съ передачею этимъ евреямъ права казнить крестьянъ смертью. 1601 г., августа 29 дня.

Року тисеча шестьсотъ перваго, месяца сентебра третогонадцатъ дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передъ нами Адамомъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и намесникомъ подстароства Луцкого, а Войтехомъ Станишевскимъ, писаромъ кгродскимъ, Луцкимъ, постановивъшисе очевисто вельможные ихъ милость княжа Григорей Санкгушко Кошѣрское, каштелянъ Браславское, и малжонка его милости, княжна Зофѣя, зъ Головчича оповедали и покладали листъ записъ арендовный добръ ихъ милости Горуховскихъ, нижейменованыхъ, съ печатми и подписами рукъ своихъ, такжe съ печатми и съ подписами рукъ людей зацныхъ,— славетнымъ Абрамови Шмойловичови Турискому и Кгецу Перцовичу Турчинскому, жидомъ, презъ ихъ милости даный, который передъ нами положивши, и оный устнымъ и доброволнымъ сознанемъ своимъ обое ихъ милость сполне, во всѣхъ его кондыцыяхъ и артикулахъ ствердивши и зъмоцнивши, просили, абы былъ принятый и до книгъ кгродъскихъ, Луцкихъ, вписаный. А такъ мы тотъ листъ

записъ арендовный, за оповеданемъ и уснымъ признанемъ и стверъженемъ ихъ милости, приймуючи, передъ собою читати казали,—и такъ ся въ собе маеть: »Я Григорей Санкгушко Кошѣрский, каштелянъ Браславский, а я, малжонка его милости, Зофѣя, княжна Головчинская, Григорьевая Санкгушъковая Кошѣрская, каштеляновая Браславская, всѣмъ посполите и кождому особливе, кому то ведати належитъ теперъ и на потомъ будучого вѣку людемъ. Ознаймуемъ и вызнаваемъ сами на себе и на потомки наши симъ нашимъ арендовнымъ листомъ, записомъ доброволнымъ, ижъ для пилныхъ потребъ нашихъ власныхъ, будучи потребни пенезей, арендовали есмо именя наши, въ Луцкомъ повете лежачие, то есть: место Горуховъ, дворъ и село старый Горуховъ, дворъ и село Озерцы, село Рачинъ, село Марковичы, дворъ и село Конюхи, село Куты, село Белое Поле, местечко Перемиль, дворъ и село Смоляву, дворъ и село Вербинь, а ку тому ставъ спусный, и млынъ у старомъ ставе, славетнымъ пану Абрамови Шмоловичови, жиду Турискому, а пану Кгецу Перцовичу, жиду Торчинскому, жонамъ и потомкамъ ихъ, зо всѣмъ на все, зъ фолварками, зъ кгрунты оремыми, съ полми и сеножатьми, зъ ставами спусными, зъ стависчами, зъ сажалками и ловенемъ рыбъ въ нихъ, зъ млынами и ихъ вымелками, зъ мытами, промытами, съ корчъмами вшелякого напою, зъ садами, зъ гаями, запустами, зъ борами, лесами, дубровами, заростями, съ пасеками, зъ деревомъ бортнымъ, такъ зо бчолами яко и безъпчолными, зъ ловы звериньними и птапими, зъ гоны бобровыми и зо всѣми кгрунты и пожитками, яко се тые добра наши, помененые, во всѣхъ пожиткахъ, границахъ и обыходехъ своихъ маютъ, кромъ замку Горуховского и гаю, который подъ тымъ замкомъ лежитъ; съ подданными тяглыми и нетяглыми, зъ бояры путными, зъ ихъ полми и сеножатьми, роботами, подводами, повозами, подачками, чиншами пѣнежными и непѣнежными, и дяклами житными и овсяными, зъ данъми медовыми, зъ винами вшелякими, великими и малыми, пересудами, присудами, куницами зъмирными и поемными, и зо всѣми и вшелякими ихъ повинностями, такъ тежъ и съ пустовъсчизнами, такъ яко мы сами тыхъ именей нашихъ, помененыхъ, держали и вживали, зо всѣми доходами, пожитками меноваными и неменованими,

ничого на себе и на потомки свои не зоставуючи а ни выймуючи, толко жъ въ тыхъ именяхъ нашихъ слугъ своихъ, то естъ: на старомъ Горухове—Радзиминского, зо всею его частю, на него належачою; Бартоша, зъ волокою одною; Слюсара, зъ волокою одною; въ Беломъ Поли—Круковского, съ петьми волоками; въ Смоляве Белоуса, зъ волоками трима и Матысовую, зъ волоками трыма, которыхъ они держатъ,—зо всѣмъ тыхъ слугъ волно зоставуемъ, до которыхъ панове арендари ничого мѣти не мають,—зъ гумнами и засевками, такъ въ поляхъ засѣяными, яко и въ гумнахъ збожей зложонымъ, якимъ колвекъ именемъ названое, все огуломъ на три лѣта по собе идучихъ, почавши отъ великодня свята Руского въ року тисеча шестъсотъ второмъ, ажъ до таково жъ свята Руского великодня, въ року тисеча шестъсотъ пятомъ, за певную суму пенезей за сорокъ тисечей золотыхъ Полскихъ. Яко жъ вже заразъ отдали намъ до рукъ нашихъ сполна тридцать тисечей и полтретѣ тисечи золотыхъ Полскихъ, съ которыхъ тридцати и полътретѣ тисечи золотыхъ, мы ихъ симъ же листомъ нашимъ арендовнымъ квитуемъ и волными чинимъ вечными часы. А што се дотычетъ решты полъосми тисечи золотыхъ Полскихъ, теды маютъ намъ на даты платити, то естъ: по выдержаню двухъ летъ аренды на великъденъ свято Руское въ року тисеча шестъсотъ четвертомъ маютъ намъ отдати чотыри тисечи золотыхъ Полскихъ на месцу певномъ, въ месте Горухове, въ дому пановъ арендаровъ; а при выштю аренды въ року тисеча шестъсотъ пятомъ, также о велицедни Рускомъ полчварти тисечи золотыхъ Полскихъ, тамъ же, въ Горухове, маютъ и повинни намъ будутъ отдати,—съ чого мы ихъ квитовати будемъ повинни. А тые добра наши, помененые, зо всѣмъ на все, яко се поменило, заразъ отъ даты того листу, въ моцъ и въ держане черезъ возного енерала, шляхетного Яна Ярмошевского, подаемъ, поступуемъ и поступили есмо до выконаня аренды, до року и дня вышейозначоного великодня свята Руского, въ року тисеча шестъсотъ пятомъ. А ижъ ся рокъ тое аренды отъ великодня свята Руского, яко се выше поменило, починаетъ, а мы имъ заразъ теперъ въ держане тые именя наши подали и поступили, теды то шкодити ничого не маетъ,—кгды жъ они намъ за тое, такъ тежъ и за збоже

въ гумнехъ зложоное, и есче на поли будучое, вшелякое, заплатили и досытъ учинили, кромъ толко гречки и лны, конопли и маки при насъ зостати маютъ, съ чого мы ихъ тежъ квитуемъ на вечные часы. А по выштю аренды помененое, маютъ намъ панове арендари тые именя наши, зо всѣмъ, водле инвентару имъ отъ насъ съ печатми нашими даного, поступити и подати, которые добра наши, помененые, имъ отъ насъ арендованые, заразъ они отъ насъ въ посесѣю свою взявши, пожитки вшелякие на себе брати и новыхъ привласчати, толко бы месчаномъ Горуховскимъ и Перемилскимъ волности имъ наданые ни въ чомъ не нарушили, подданыхъ и бояръ судити и рядити, винныхъ и непослушныхъ, водле выступковъ ихъ, карати бы тежъ и горломъ, если который заслужитъ, не допускаючи до насъ жадное апеляцыи. А мы сами черезъ себе, приятелей, слугъ, бояръ и подданыхъ нашихъ, и ни черезъ жадную особу имъ и потомкомъ ихъ жадное трудности перешкоды и вступованя чинити, и жадныхъ пожитковъ зъ моцы и владзы ихъ выймовати не маемъ. Але, кгды бы се имъ одъ кого колвекъ якая кривда въ держаню аренды ихъ деяти мела, або тежъ якое колвекъ скожене въ гумнехъ дворныхъ мели, теды о каждую речъ отъ вшелякихъ кривдъ ихъ боронити и коштомъ своимъ у кождого права заступоваты маемъ, и шкоды имъ, панамъ арендаромъ, отъ жолнеровъ починеные, за ознайменемъ ихъ, нагородити будемъ повинни, подъ заруками нижей описаными. А кгды бы, уховай пане Боже, на тые именя наши отъ непріятеля коронного якое спустошане припало, або зъ якое колвекъ мѣры, съ припадку спаленя дворовъ, або тежъ съ тыхъ именей нашихъ подданые розыйти бы ся мѣли, албо ставы бы ся порвали, теды мы и потомки наши на нихъ и на потомкахъ ихъ, такъ за держаня, яко и по выштю аренды, пойскивати и жадное трудности имъ задавати не маемъ, подъ заруками нижей описаными. А где бы тежъ за держаня ихъ имъ якая шкода въ збожю стала отъ побитя граду, або тежъ, уховай пане Боже, повѣтрия морового, а на томъ бы они шкодовати мѣли, теды мы всѣ тые шкоды, за ошацованемъ приятелей зобополныхъ, албо надъ держаньемъ тыхъ же именей, нагородити будемъ повинни и заразъ, за ознайменемъ ихъ, на ошацоване шкоды приятелей выслаты маемъ,

подъ заруками нижей описаными. А если бы въ томъ часе поборъ королевский припалъ, тогды они, водле универсалу, выбравши съ подданыхъ нашихъ въ тыхъ именяхъ, имъ отъ насъ арендованыхъ, а водле квитовъ поборовыхъ, до поборецъ короля его милости отъдавати маютъ,—и которые квиты поборовые, на тые именя служачие, до выдержаня аренды ихъ, маемъ имъ отдати и службу земскую, военную, если бы се въ томъ часе показала, съ тыхъ именей сами заступовати будемъ повинни,—а подданые тые жъ маетности вырядъ дати повинни будуть. Кгде бы тежъ они, будучи потребни пенезей, тые добра наши кому иншому на такие жъ роки арендовати хотели, теды имъ то волно будетъ; а мы и потомки наши такъ противъ того, кому то они арендовати будутъ, во всемъ спокойне, статечне, водле сего листу нашего, яко и противъ ныхъ самыхъ, заховати се маемъ, ни въ чомъ его не нарушаючи. А гъде бы тежъ хто колвекъ, будъ съ приятелей нашихъ повинныхъ и суседовъ обчихъ и иншихъ, будъ тежъ и зъ слугъ нашихъ, и хто бы колвекъ инший, якимъ колвекъ способомъ, имъ самимъ и потомъкомъ ихъ якую колвекъ трудность о не держане именей земскихъ, такъ теперъ будучихъ правъ, яко и на потомъ уфаленыхъ конституцый, ку праву потягати мелъ, албо тежъ хто бы се колвекъ, зъ якимъ колвекъ записомъ першимъ або последнейшимъ, на тыи именя наши служачимъ, показалъ, и оныхъ въ томъ правне албо якожъ колвекъ турбовалъ и трудность имъ якую задавалъ, тогды мы ихъ во всемъ повинни будемъ боронити, у кождого права коштомъ своимъ заступовати, и такие листы записы, будъ першие албо последнейшие, если бы ся показали зносити и иные при аренде, ажъ до выдержаня, спокойне заховати маемъ, подъ заруками нижей описаными. А где быхмо мы въ держаню ихъ, имъ самымъ и потомкомъ ихъ, сами черезъ себе, черезъ приятелей, слугъ, бояръ и подданыхъ своихъ, и черезъ кого колвекъ якую колвекъ перешкоду учинили, або ся у во што уступовали, и якие пожитки зъ моцы ихъ выймовали, и отъ крывдъ вшелякихъ ихъ не боронили, и у права о кождую речь не заступовали, и шкодъ починеныхъ отъ жолнѣровъ, за ознайменемъ ихъ, имъ нагородити не хотели, албо о спустошене именей, спалене дворовъ и розеште подданыхъ, о зорване ставовъ и о штомъ бы колвекъ якую трудность

имъ задавати мели, албо за выбите збожя отъ граду, за ошацованемъ приятельскимъ заплатити, и приятелей на ошацоване шкоды, за ознайменемъ ихъ, выслати не хотели, або отъ трудностей правныхъ о держане именей земскихъ, если бы отъ кого мели, не заступовали, и листовъ записовъ вшелякихъ, если бы се отъ кого якие на тые именя наши показати мели, зносити не хотели, и ихъ въ томъ не заступовали, за чимъ бы они спокойне аренды додержати не могъли, и въ чомъ быхъмы ся колвекъ тому записови нашому спротивили, и его въ чомъ бы колвекъ нарушили, не сдержали и не выполнили,— тогды о кождую речъ таковую, о нарушене того листу нашого, повинни будемо имъ, арендаромъ нашимъ, поменепымъ, и потомкомъ ихъ и кождому, кому бы тое право запису нашого нинейшого служило, заруки двадцать тисечей золотыхъ Полскихъ тыле кротъ, иле кротъ быхмо тотъ записъ нашъ, въ якомъ колвекъ пункте и артыкуле его нарушити мѣли,—заплатити, и суму исную, сорокъ тисечей золотыхъ Полскихъ, имъ вернути и истотне отдати будемъ повинни. Ку тому шкоды, кромъ вшелякого доводу и присеги, одно на голое речене слова ихъ, имъ заплатиты будемъ повинни; о которую заруку и суму пенежную и о шкоды, на голое речене слова ошацованые, и о кождую речъ нарушеня того листу нашого, даемо волность позвати насъ, або одного зъ насъ, и потомки наши, до которого колвекъ суду, будъ земского, кгродского, Луцкого, Володимерского и Кременецкого, въ який колвекъ поветъ, и до суду головного трибунальского, въ якое колвекъ воеводство Волынское, Киевское и Брацлавское, рокомъ и днемъ якимъ похочутъ бы и на коротшимъ. А мы обое, албо оденъ зъ насъ, будучи позвани передъ кождымъ судомъ на першомъ року, яко на завитомъ, сами очевисто, а не черезъ умоцованого, стати маемъ; а ставши, не буречи року и позву жадными причинами, и не закладаючи се хоробою, войною, поветриемъ моровимъ, соймомъ, сеймикомъ, болшою справою и иншими вшелякими причинами припалыми, правными и не правными, усправедливитися будемъ повинни. А судъ або урядъ, до которого позвани, не слухаючи жадныхъ оборонъ нашихъ, которые быхмо собе ку помочи брати мели, одно, въглянувши въ позовъ, о што будемъ позвани, заразъ же, всказавши отправу моцно на добрахъ нашихъ вше-

лякихъ лежачихъ и рухомыхъ, учинити маетъ, не допускаючи намъ жадное апеляцыи и дыляцыи; которому декретови мы ни въ чомъ противни быти, и отправы на добрахъ нашихъ боронити, и суду о злый вскazъ, а стороны о злый переводъ права, позывати не маемъ, подъ заруками вышей описаными. Которые заруки и шкоды, о што будемъ позвани, заплативши предъ ся арендаромъ нашимъ, поменѣнымъ, спокойную аренду до трохъ лѣтъ здержати, исполнити маемъ, подъ заруками вышей описаными. И на то есмо дали пану Абраму Шмойловичу а пану Кгецу Перцовичу сесь нашъ арендовный листъ, зъ нашимы печатьми и власныхъ рукъ подписы. А при томъ были, и того будечи добре ведомы, за усною а очевистою прозбою нашею печати свои приложивши, руками власными подписати рачили ихъ милостъ панове а приятели наши: его милостъ велможный княжа Юрей Чарторыский, его милостъ панъ Матфей Малинский а его милостъ панъ Ярошъ Кесинский. Писанъ въ Полоной, месяца августа двадцать девятого дня, року тисеча шестсотъ первого. У того листу арендовного печатей притисненыхъ пять, а подписъ рукъ въ тые слова: Григорей Санкгушко Кошѣрский, рукою власною; Зофѣя зъ Головчина Санкгушкова Кошѣрска, рукою; Jerze xięże Czartoriske, manu propria; Матьфей Еловичъ, рукою; Jarosz Gęsinsky, ręką własną«. Который же то вышейменованый записъ увесь, слово отъ слова, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и декретовая, № 2112, годъ 1601, листъ 484.

XCIII.

Донесеніе возныхъ Луцкому гродскому суду объ осмотрѣ ими мѣстечекъ и селъ Луцкаго повѣта, опустошенныхъ и сожженныхъ татарами; по свидѣтельству возныхъ въ этихъ поселеніяхъ жителей вовсе нѣтъ 1601 г. декабря 7.

Року тисеча шестсотъ первого, месеца декабра семого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку господарскомъ, Луцкомъ, передо мною Адамомъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подъ-

староства Луцкого, постановившисе очевисто возные енералные воеводства Волынского, шляхетные Криштофъ Щука а Станиславъ Янковский, ку записанью до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, тыми словы сознали: ижъ року теперешнего, шестсотъ первого, месеца августа двадцатъ четвертого дня, будучи намъ посланымъ отъ его милости пана Лаврина Древинъского, поборцы воеводства Волынского для огледанья и выведованья певнейшого именей и селъ, съ которыхъ побору до него, яко до поборцы, за рокъ теперешний, шестсотъ первый, не дано, поведаючи, же для спустошенья отъ поганъства, Татаръ, которое се стало въ року прошломъ деветдесятъ третемъ; яко жъ были есмо въ ыйменьяхъ его милости велможного пана Януша княжати Острозского, кашталяна Краковского, на первей у волости Полонъской: въ селе Бортникахъ, Горошкевъцахъ, Стремцахъ, Новоселцахъ, Барановцахъ, Березной, Волыной, Житинъцу, Лашковцахъ, селе Напилой, Свегрохъ, Свиней, Голубицъ, Кустовцахъ, Однаковцахъ, Борисковцахъ, Глезнове, Деревичохъ, Копычинцохъ, Вышнемъ Полю, Котелевне, селе Каличинцохъ, Кихановце, Давыдовце, Решневце, Деркахъ, Решеве, Переваловцы, Скарповцахъ, Белецкой, Хрубовной, Манъдроникохъ, Жежудкахъ, Мрилевщизне, въ селе Евлуховщизне, Траволыню, Яблоновце; въ селехъ волости Шулжинъской: на первей въ селе Косновцы, Маръковъцахъ, Лавриновъцахъ, Денинцы, Линовцахъ, Кремсевъцы, Побестиевцы, Боксунахъ, Лашковъцахъ, селе Опадавцы, селе Мицы, селе Драчи, Медъведовъцахъ, Безими, Лосковцахъ, и ку тому зъ селъ: Чорторияхъ, Паневцахъ и въ селе велможного пана его милости княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского, презъ Татаръ спустошеные и спаленые, люди зъ нихъ выбраные,—у волости Костенътиновской: селе Пашковцахъ, селе Чернатине Нижней, селе Чернятине Вышнемъ, селе Мазипилце, селе Яцковцахъ, селе Моновцахъ, селе Колъчине, въ селе другомъ Колъчине, въ селе Печищу, въ селе Грицковцахъ, въ селе Черлевцахъ, селе Волыцы, селе Сорокодубехъ, селе Волици, селе Сковородкахъ, селе Новоклицы, селе Погорелой, селе Волыцы, въ селе другой Погорелой, селе Жеребной, селе Зимчинцохъ, селе другомъ Зимчинцохъ, селе Семеренкахъ, въ другомъ селе Семеренкахъ, въ селе третемъ Семеренкахъ, въ селе Верхоборой, Денъцахъ, селе Нинюдки, селе Демковъцахъ,

селе Боглеевце, селе Леживе, селе Свиной, селе Сопочове, селе Красноселце, селе Остриевце, селе Житинцахъ, селе Срочицахъ, селе Писаровце, Олсевъце, селе другой Демковъцахъ, селе Жобъчу, селе Ростовцахъ, селе Мацевичахъ Старыхъ, селе Новыхъ Мацевичахъ, селе Шиврехъ, селе другихъ Шиврехъ, селе Костенъцахъ, селе Стецъковцахъ, селе Куцовцахъ, селе Подавце, селе Капустинцахъ Старыхъ, селе Новыхъ Капустинцахъ, селе Поповцахъ, селе Бутовцахъ, селе Волыци, тамъ же селе другой Волыци, селе Гребенцахъ, селе Дубищахъ, селе Волыцы, селе Молчинъцохъ, и въ другомъ селе Молчинъцохъ, селе Лагодинъцохъ, селе Цеценевцахъ, селе Росоловцахъ, селе Вороновцахъ, селе Григоревцы, селе Ецъсики; волости Красной: селе Яворовцы, селе Котюжинцахъ, селе Лирковцахъ, селе Писаровъце, селе Маневцахъ, селе Еремиевъцы, селе Западинъцахъ, селе Баглоевъце, селе Сощинъцахъ, селе Мотруевце, селе Кобыле, селе Михалковъцахъ, селе Пашутинцы, селе Голевце, селе Молчанове; у волости Любартовской: селе Мотылевце, селе Стецъковцахъ, селе Волыци, селе Березовце, селе Гавротинце, селе Ремковъцахъ, селе Косковцахъ; у волости Острополской: въ селе Городищи, селе Поповцахъ, селе Михиринъцахъ, селе Терешкохъ, селе Курпикохъ, селе Лешинцахъ, селе Татариновцахъ, селе Станиславовце, селе Ладизе, селе Чубинцы, селе Килиновце, селе Ярмичахъ, селе Ракахъ, селе Решневце, селе Воробьевце, селе Киселевце, селе Черневъце, селе Хижникахъ, селе Стрелникахъ, селе Бунихъ, селе Жоравциевцы, селе Ершикахъ, селе Киселехъ, въ местечку Кузмине, въ местечку Краснополю, въ селе Татаровце, селе Носовце. Села попаленые его милости пана воеводы Волынского, Базалийские, меновите: въ селе Махаринъцахъ, въ другомъ селе Махаринцахъ, селе Клетной, селе Виндикахъ, селе Зужилинцахъ Старыхъ, селе Шморкахъ, селе Сокалевкахъ, селе Лыцовце, селе Юрдинъцахъ, селе Корчовцахъ, селе Верещанъкахъ, въ селехъ двухъ Малинныхъ, селе Стецковцахъ, селе Трояновце, селе Омешковцахъ, селе Волыци, селе Сорокодубой, селе Трибуховцахъ, селе Терешкахъ, въ селицы Терешковской. Въ селахъ спаленыхъ его милости пана воеводы Подляского, у волости Жеславской: въ Судилкове, Хоневицахъ, Жилинцахъ, Сенювце, Конъдыровце, Пилие, Веселовцы, Мокиевце, Билиевце, Начоговцахъ, Кондратовичахъ, Пашкевичахъ, Чотырбокахъ, Рипкахъ,

Жубарехъ, Личаной, Данъковцахъ, Сахновъцахъ, Топоровкахъ, Ховжницахъ, Зубовцахъ, въ новомъ селе Залуцкомъ, Красовцахъ, Никишовцохъ, Волицы, Булаевъцы, у Волыци Пашковской, Голодиковцахъ, Якимовцахъ, Пузыркахъ, Зеленой, Скирмановце, Трусиловце, Криворудкахъ, Терновкахъ, Хрисповкахъ, Чаплинчохъ, Поляхове, Волицы Хоецкого, Волицы Шираевце, Медъведъкохъ, въ селе Волицы Хоецъкого. Въ селехъ спаленыхъ пана Криштофа Лабунъского: селе Титкове, селе Микулинахъ, селе Кисилине, селе Жажине, у Новоселицы, Краченевце, Огиевце, Малежикахъ, Михаловце, Горошкахъ, Лозичной, въ местечку Судиловце, Красноселце, Березной, Белополи, Корпиловце, Ходакахъ. Села пана Хомековы попаленые: въ Городище, Пашуки, Серединъцы, Решневка. Села пана Темруковы: Хролинъ, Сушки. Села князя Булызыны: Свиняя, Кустовцы, Ночваны, Голубъче. Къ тому местечка въ року осмъдесятъ девятомъ спустошоные: местечко Збаражъ, Бадаринцы, Купелъ, Плебановка, Мединъ, Стриевка, Кернеховъ, Колодно,—которые местечка и села и до того часу пусты естъ и людей въ нихъ нимашъ. Яко жъ тое спустошене помененыхъ местечокъ и селъ мы, возные, видили есъмо за посланъемъ отъ его милости пана поборцы, ижъ естъ пусты, и тое огледанъе наше на писме до книгъ кгродскихъ сознаваемъ очевисто,—што я записати казалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2415, годъ 1601, листъ 793 на оборотѣ.

XCIV.

Жалоба князя Юрія Воронецкаго на князя Матыса Воронецкаго, жену его Настасію и зятя ихъ Ивана Болбаса о томъ, что они ограбили и разогнали крестьянъ села Щурина и самое село сожгли. 1604 г., генваря 24 дня.

Року тисеча шестсотъ четвертого, месяца генваря двадцатъ четвертого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ, Луцкихъ, дня двадцатъ второго месеца генваря, въ року звышъ написанномъ, припалыхъ и су-

довне отправовать зачатыхъ, передъ нами Матеемъ Стемковскимъ, подстаростимъ, а Остафъемъ Еловичемъ Малинскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими, Луцкими, ставши обличне его милость князь Юрей зе Збаража воевода Воронецкий, на Счурине, жалобливе а праве съ плачемъ ускаржалъ се и осветчалъ и оповедалъ на противно урожонымъ князю Матисови зе Збаража Воронецкому на Тристенци, и малжонце его, паней Настазии Гулевичовне Воронецкой, стриеви и стриянце своимъ, яко принципаломъ, а шляхетному пану Иванови Болбасови, зятеви ихъ а швакгрови своему, яко помочникови, о то, ижъ они року прошлого тисеча шестсотъ второго, месеца априля четвертого дня, съ четверга на пятницу, могло быти въ ночъ годинъ въ чотыри, не дбаючи ничого на право посполитое, статута и конституцие и тежъ, припомневши боязни Божое и срокгости права посполитого и милости ближнего своего и кровное повинности, которую зо мною маютъ, не дбаючи тежъ и на то ничого, жемъ отца своего его милости князя Станислава зе Збаража Воронецкого въ молодости летъ своихъ, а праве детинныхъ, былемъ отъ кровныхъ и повинныхъ моихъ взятый, и на науку яко тежъ и на службы даваный, такъ тежъ и о томъ до конца не ведаючи, а отъ тыхъ же приятелей, которые о мне печу и старане мели, будучи перестережоный и обезпечоный, же поменый его милостъ панъ отецъ мой, отдаляючи отъ иншихъ брати моее рожоное а намъ двема: небожчику Томашови и мне, добра Щуринъ и Ясеновку, зъ ихъ крунтами и урочищами, вечне записалъ и въ посесью урядовне подалъ, и тые записы первей въ кгроде, а потомъ въ земстве Луцкомъ, самъ станувши, призналъ, помененый теды панъ стрый мой изъ малжонкою своею, яко принципалове, и панъ Иванъ Болбасъ, яко помочникъ, дня вышьмененого, въ ночи, зъ немалымъ оршакомъ людей, которыхъ на то собе приспособили и приготовили, зъ ручницами, съ пулгаками, гаковницами, и зъ розными бронями, до войны належачими, которымъ они имены и назвиска лепей ведаютъ и особы ихъ знаютъ, наехавши кгвалтовне на село Счуринъ, первей поддаными тамъ мешкаючихъ зъ ихъ домовъ повыганяли, которые ажъ заледво повтекавши съ помененого села Счурина зъ домовъ отъ всее маетности своее, которую одно мели въ домахъ своихъ, по роз-

ныхъ маетностяхъ ихъ милости пановъ шляхты у приятелъ своихъ мешкаютъ, а другие же жебручи (sic), не ведати где се розышли; а потомъ маетности ихъ, яко: быдла, овцы, козы, свини, гуси, качки, зъ хлевовъ и зъ оборъ повигонявши, до двора своего, Тристеня, отогнали, такъ теже двери и замки поотбивавши, хусты белые, шукни, а потомъ збожя молочоные зъ мехами и въ коритахъ будучие, такъ же муки, полти сала и вшелякие спряты домовые, съ тыхъ коморъ подданыхъ моихъ, Счурунскихъ, полупили и кгвалтовне заграбили,— и то все до двора своего, до Тристеня, отпровадили. А потомъ заразомъ обычаемъ неприятельскимъ огню наколко местцахъ заложивши, халупы и гумна, также сады, пришъчепы, пасеки, бчолы зъ улямы тыхъ подданыхъ моихъ Счуринскихъ, одны до маетности своее Трестеня отпровадили, а другие спалили—праве въ попелъ все отъ мала до велика обернули. А потомъ, приехавши до двора тамъ бучого, и тамъ впадши зъ огнями, будоване, што колвекъ одно было, также и садъ, пасеку, спалили огнемъ и ничого на томъ месцу, где село и дворъ былъ, не зоставили,—але все сплодровали; тамъ же помененого его милости пана отца моего, яко въ летехъ зошлого и на слуху уломного, и во всемъ уже подъ онъ часъ не досконалого, до себе взяли и теперъ при собе оного маютъ. Я теды теперъ, пришедши до летъ и бачення сталого, ачъ быхъ тую протестацыю заразъ, коли ся тотъ учинокъ сталъ, не занехалъ быхъ учинити, только жъ о таковыхъ записехъ и правехъ, мне служачихъ, не до конца есми ведалъ, ажъ теперъ, доставши оныхъ съ книгъ, а до того и то не меньшая, ижъ есми на право накладати для недостатковъ своихъ, чуючи того то пана стрыя моего маетного, и во всемъ потужного, не мелъ чимъ, ажъ есми муселъ и иншую маетностъ мою по брате моемъ, небожчику Янушу, спалую въ повете Кремянецкомъ, контрактъ зъ розными особами учинитъ, за чимъ быхъ могъ тое таковое кривды мое великое и незносное доходитъ. И просилъ помененый князь Воронецкий о придане возного на огледане того спалення; мы ему на то возного енерала, шляхетного Мартина Дегтевскаго, придали очевисто. Которую протестацию и оповедене до книгъ кгродскихъ, Луцъкихъ, принявши, записати казали.

Книга Луцкия гродская, поточная и декретовая, № 2418, годъ 1604, листъ 39.

XCV.

Жалоба отъ имени Волынскаго каштеляна, Михаила Мишки Варковскаго на пана Албрехта Речицкаго о томъ, что послѣдній разорилъ находившееся въ заставномъ его владѣніи имѣніе Серники, угнетилъ крестьянъ, вслѣдствіе чего они разбѣжались. 1604 г., мая 11 д.

Року тисеча шестсотъ четвертого, месеца мая первогонадцатъ дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкикъ, передъ мною Марцинномъ Олшамовскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстаростваа Луцкого, постановившися очевисто урожоный панъ Самоелъ Криницкій, именемъ велможного его милости пана Михайла Мишки Варковского, каштеляна земли Волынское, старосты Гомелского, жаловалъ и оповедалъ тыми словы: што жъ дей его милостъ панъ каштелянъ Волынский заставилъ былъ маетность свою, дворъ и село Серники, въ повете Луцкомъ лежачие, урожоному пану Олбрыхту Речицкому, который презъ колко летъ тую маетностъ его милости держечи, дворъ и село спустошилъ, около двора острогъ и ворота дворные забравши, до державы своее, села Смолиева, и иншие речи ве двори и въ селе Серникахъ побравши, отпровадилъ, и тотъ дворъ и село Серники, маетностъ его милости пана Волынского, спустошилъ; подданыхъ обтяживши незвыклыми роботами, на сторону розогналъ, а то естъ меновите: Сидора Боярча, Ивана Гулиденя, Васка Приступу, Ивана Синченя, Ситка Харченя, Хведора Киаска, Ивана Пархоменя, Павла а Ивашка Гайдука; которыхъ подданыхъ розогнавши, яко ся вышей поменило, съ халупы мешканя тыхъ подданыхъ, нитъ ведома где подевалъ и въ полю збожя не засиялъ, водле засивку ему поданого, и шкоды не малые его милости пану Волынскому въ томъ селе и дворе Серникахъ починилъ, которыхъ шкодъ пацуетъ собе на семъ тисечей золотыхъ Полскихъ. Яко жъ дей и вознымъ поветовымъ тое спустошене и знисчене двора и села Серникъ оповедалъ, просечи. абы то было за-

писано. А такъ я тую справу его милости пана Волынского принявши, до книгъ справъ судовыхъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ,—и естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная и декретовая № 2418, годъ 1604, листъ 303.

XCVI.

Копной судъ по дѣлу о воровствѣ у крестьянина села Домашева, Ивана Крачковича, коня. 1604 г., іюля 8 дня.

Року тисеча шестсотъ четвертого, месеца іюля осмого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Марцияномъ Олшамовскимъ, будучимъ на томъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими, Луцкими, постановившисе очевисто возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Абрамъ Давыдовский, ку записованю до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: ижъ року теперешнего, тисеча шестсотъ четвертого, месяца іюля второго дня, маючи при собе шляхъту людей добрыхъ пана Миколая Кропивницъкого а пана Миколая Боровского, былемъ на справе и потребе урожоного пана Григоря Ушака Куликовского, тамъ же при зобраню копы зъ десяты селъ надъ речкою Грушвицею, на урочиску обчомъ, на крунте велможного его милости пана воеводы Браславского, Лыщанскомъ, то естъ меновите села, на той копе зобраные: село Годимичи, село Лище—велможного пана воеводы Браславского, село старый Колкъ, село Ситница—велможного его милости пана Андрея Лещинского, воеводы Брестского, село Омелно—его милости пана Михайла Кендзирского, село Холпыевъ, село Островъ—потомка пана Балцера Марцишевского, село Трестенецъ, село Лычки, села Дома-

шовъ и Островъ—его милости пана Григоря Ушака Куликовского; тамъ же, при мне, возномъ, и шъляхте, вышейменованой, жаловалъ передъ тою копою подданный пана Куликовского зъ села Домашова, Иванъ Крачковичъ, и опытъ чинилъ, поведаючи о шкоде своей, же ему у недилю прошлую, месеца июня двадцатъ семого дня, передъ вечеромъ, украдено на поли коня тисавого, за которого ему осмъ копъ грошей Литовскихъ давано; и поведилъ на той копе: же привелъ есми былъ следъ свого коня у понедилокъ рано до Омельна; теды Омеленцы за границу свою следъ вывели и ровно зо мною привели есмо следъ до Сытницы, а Ситничане намъ следу слушного зъ свого села не вывели, толко слидъ якись возомъ выводили зъ села; и скоро за село завели, теды жадного следу не было знати, а за границу свою не вывели, а мы безъ воза слидъ у Ситницу въвели. И пытали есмо, если бы што ведали Ситничане о чомъ и поведали—если бы хто гостя якого у себе мелъ, и если бы хто кого на коню едучого видилъ, же бы поведилъ при зобраню той копы другий разъ, и выводъ слушный дали о собе. А Ситничане вся громада, выступивши передъ копою, поведили, же якъ есмо на першой копе, которая была у середу, не таили передъ вами, такъ и теперъ тое жъ власне вызнаваемо: коли дей Домашовцы зъ Омеленцами слидъ увели у наше село и просили насъ, абыхмо имъ слидъ вивели зъ своего кгрунъту, теды мы дей, зобравшисе уся громада, хотили есмо слидъ выводити, и нашли дей есмо въ огороде следъ у суседа своего, Маска, десятника, же зъ двора его возъ на огородъ перенощенъ и складанъ, и зъ огорода возъ конемъ вывезенъ и за село поехано; а далей не могли есмо слиду вывести. Тамъ же дей заразъ, при Домашовцахъ и при Омеленцахъ, жона Петрова Мерникова Маска того по виденью была, и мовила ему: »верни, злый чоловиче, тымъ добрымъ людямъ коня, бо ты его укралъ«; а онъ о тое не справлялсе. А потомъ дей, кгды Крачковичъ на першую копу у середу прошлую для опыту зобралъ, и кгды есмо на копу ишли, теды суседъ нашъ подданый Ситницкий, Терешко, поведилъ намъ усей громаде: »ижъ дей я, будучи неспособного здоровя, ночовалъ есми у клуни, подле Маска, и на свитаню не могъ есми спати, и слышалемъ же песъ почалъ брехати; ямъ, уставъши, гледилъ и обачиломъ, же

три чоловеки зъ дому Маскова возъ по колесу на огородъ за клуню панскую пустую переношуютъ и складаютъ у конопляхъ; и кгдымъ се присмотривалъ, што бы за люде были,—тедыжъ позналъ Маска и другого своего жъ суседа, Станка, а третий хтосъ не знакомый съ чужого села былъ; въправде коня дей есми не видилъ, бо-мъ розумилъ, же Маско выправляетъ паробъка зъ дривами до миста продаватъ; ажъ кгды сонце зышло, прибегла погоня за конемъ,—тамъ же дей южъ и знаки обачили, же возъ конемъ везенъ зъ огорода, съ конопелъ. До того тежъ тые Ситничане поведили передъ копою: же и гостя того не мало насъ видило, же у Станка былъ у селе, а теперъ дей и Станъка и гостя въ селе нимашъ, и того жъ поранку згинулъ зъ села, Станко у понидилокъ зъ гостемъ своимъ, што былъ у него,—и сами тое видимо, же не хто инший не естъ шкоддою Кречковичови, толко Маско зъ Станкомъ. И теперъ, идучи на копу, звали есмо зъ собою Маска, же бы шолъ зъ нами и оправлялъ се передъ копою; а онъ поведилъ, же дей я не маю по што на копу ходити, коли мне мой панъ арендаръ роскажетъ, которому я служу, ити,—тогди я пойду; теды, о чомъ дей ведаемо, тое передъ вами, копою, оповедаемо, бо злого межи собою ведаючи, не хочемо таити. А копа вся передо мною, вознымъ, и шляхтою вышъменованою поведила Ситничаномъ: же дей мы вамъ Маска на першой копе у сороку копахъ приручили, же бы есте его на другой копе ставили; а поневажъ есте его не ставили, мы до васъ тую шкоду на все село платити прикладаемо, и за таковыми сведецтвами и околичностями сказуемъ также и иншую шкоду, што тежъ тыми недавными часы у подданыхъ же пана Куликовского, у Домашовскихъ: у Клишка—клячу, у Евтуха—клячу, у Пася—клячу; а въ Лычкахъ у Лазаря—клячу; въ Острове у Мицка—клячу покрадено, и не разъ дей о тые кони копы збирали есмо, и не могли ся выведати, и на далъший опытъ отложили; а ижъ теперъ отъ васъ же самыхъ ведомостъ маемо, же у своемъ селе шкодцовъ маете,—вы будете и тые шкоды, водлугъ сказу нашого, платити винни. А Ситнычане просили всее копы, же бы еще на денъ третий, то естъ на недилю июля четвертый денъ, отложили,—»а мы ся постараемо, же бысь-мы того Маска, такъ тежъ и Станъка, кгды се явитъ до дому, на копе

поставили, и вамъ, яко шкодцовъ вашихъ, выдали; а если не поставимо и сами ся осудимо, же противъ всказу копного трудно што мовитъ маемо, и тые вси шкоды поплатимо«. А копа до третего дня, водлугъ прозбы Ситничанъ, третюю копу зложили,—што все панъ Григорей Ушакъ Куликовский, будучи тежъ на той копе, прислухаючися судови копному, мною, возным, и шляхтою, при мне будучою, светчилъ. А потомъ дня четвертого июля, въ недилю, на третей копе будучи мне, возному, и при мне былъ панъ Матей Кгрохольский, староста Четвертенъский, и панъ Валентый Тучаницкий, возный, зосланый отъ арендаровъ Колковскихъ на копу, и иншихъ людей добрыхъ не мало, кгды ся вся копа звышъпомененыхъ селъ зобрала тамъ же на тое урочисче обычее, Ситничане вся громада поставили передъ копою Маска,—а Станъка дей не можемо ставити, бо якъ згинулъ въ тотъ часъ зъ гостемъ своимъ и съ конемъ Кречковичовымъ, и до тыхъ часовъ его дома не маешъ. Ставили тежъ передъ копою суседа своего Терешка, што отъ него ведомостъ мили, кгды возъ Маско зъ дому своего зъ Станкомъ и третимъ гостемъ носечи, складали на вгороде. Теды копа вся того Терешка пытали: если не зъ гниву якого тое поведаетъ на Маска? А онъ поведилъ, жемъ ближний того свѣта, нижли живота, будучи человекъ летний и здоровя неспособный, иначей не было, толко видилъ Маска зъ Станкомъ и третимъ гостемъ незнаемымъ, што они вси три возъ зъ дому Маскового носили черезъ огородъ и въ конопляхъ складали, — а коня не видилъ, бо—мъ я того не сподивалъ, же бы они возъ складали для краденого коня,—толко розумилъ, же до миста Маско выправляетъ дрова; и если ми кажете, готовъ есми присегнути, што—мъ Маска видитъ возъ выносечи. А Маско стоячи, поведилъ, же возъ безъ ведомости моее украдено. А Терешко знову засъ мовилъ Маскови: же—сь самъ зъ другими выносилъ, бо кгды бы у тебе возъ украденъ, теды бы дей ты заразъ объвестилъ суседомъ, але и не передъ кимъ того еси не поведилъ,—ажъ въ тотъ часъ коли южъ нашли следъ въ конопляхъ возовый зъ огорода вышелъ, почалъ еси поведати, же возъ украденъ. Копа вся, зрозумивши зъ свѣдецътва зъ Ситничанъ, того Маска и Станъка винными учинили, и мовили Ситничаномъ и Старого села Колковъ

всей громаде, же бы ся ручили по Маску, жебы тую шкоду, вышъ менованую, поплатилъ. А Староколковцы и Ситничане вси его на поруку брати не хотели и не взели, мовили: што дей хочете, то зъ нымъ чините, кгдысь мы его на копе поставили и передъ вами его учинковъ не затаили, и болшей въ тое се не вступуемо, и о немъ ведати не хочемо, и присегати за него не будемо; а до того тежъ Маско не естъ зъ нами тяглый и жадного кгрунъту зъ нами не держитъ, толко жидовскимъ паробкомъ естъ. Теды копа и до трохъ разъ пытала: если его на поруку берутъ? А Ситничане и Старого Колку села громада отказывали: же его на поруку брати не хочемо и присегатъ за него не будемо. Што вся копа, мною вознымъ и шляхтою, при мне будучою, осветчивши, а видечи то, же се Ситничане и села Старого Колку, выдавъши его за винного въ той шъкоде, и ручитисе по немъ и присегатъ за него не хотели, отдали того Маска Иванови Кречковичу, яко шкодцу его, до рукъ, и отдавши, зложила вся копа рокъ третего дня, то естъ шостого июля до Трестенъца въсимъ зыйтисе; и объвестили то Ситничаномъ и Староколковцамъ, абы въ олторокъ пришлый до Тристенца зобрались, и пану Тучаницкому о томъ же року на третий день вся копа передо мною, вознымъ, ознаймила. А потомъ знову копа и пану Тучаницкому давали того Маска на поруку; а онъ его на поруку братъ не хотелъ и не бралъ,—што все тое вся копа мною, вознымъ, и шляхтою осветчивши, розыйшлисе. А потомъ засъ, кгды на рокъ назначоный, на день шостый июля, въ олторокъ, зобралася вся вышъпомененая копа до Трестенца въ дому пана Куликовского, и будучи мне, возному, на тотъ же часъ назначоный при той копе и иншихъ пановъ шляхты околичное, тамъ же были въ Трестенцу у пана Куликовского меновите ихъ милостъ: панъ Матей Кгрохольский, староста Четвертенский, панъ Еразмусъ Поплавский, панъ Александеръ и панъ Миколай Кропивницкие, панъ Янъ Липенский, панъ Павелъ Ставский, панъ Радивонъ, войтъ Четвертенъский, а панъ Валентий Тучаницкий, енералъ панъ Войтехъ Залеский, съ поддаными Ситницкими и Староколковскими, за присланемъ пана Станислава Сулковского, старосты Колковского и орендаровъ Колковскихъ, где подданый пана Куликовского, Иванъ Кречковичъ, ста-

вилъ тамъ же передъ копою и ихъ милостями всими вышъпоменеными особами того Маска, што ему была копа до рукъ, яко виновайцу его, дала. И пытала вся копа пана Тучаницкого и подданыхъ Ситницкихъ и Староколковскихъ: если бы який инший доводъ, албо сведецтво на того Маска мели, албо и того Станка зъ собою привели, и если бы болшей доводу не мили, же бы ровно зъ ними Маска того судили? А панъ Тучаницкий и панъ Залеский и при нихъ подданые Ситницкие и Колковские поведили, же дей жадного инъшого доводу Ситничане не маютъ на Маска и то што былъ доводъ на него за неслушнымъ сведецствомъ,—бо тотъ Терешко бы то на него светчилъ, естъ чоловекъ подойзраный, зъ лицемъ былъ пойманъ, и за его неслушнымъ сведецствомъ не маетъ Маско быти каранъ,—поневажъ естъ чоловекъ добрый и ни въ чомъ не подойзраный и въ Ситницы оселый,—и просилъ, абы того Маска до скутечной справедливости ему и пану Залескому на поруку дали, поневажъ дей Ситничане следу слушного зъ своего села не вывели, теды будутъ межи собою винного шукати, же шкода подданому пана Куликовского нагородити ся муситъ, и съ колъ колвекъ панъ Куликовский справедливости подданымъ своимъ потребовати будетъ, и зо всего села Ситницкого не отволочная учинена будетъ, за што се я и обликгую записомъ своимъ, посполу съ паномъ Залескимъ,—толко прошу, же бы намъ того Маска на поруку нашу дали. А копа вся, нарадившися зъ ихъ милостями паны шляхтою, на тотъ часъ при той копе въ дому пана Куликовского, у Трестенецъ, будучою, а видечи тую не уставичность ихъ же, уходечи сами быти вины плаценя шкодъ помененыхъ за шестеро коней, за тое, же зъ села своего следу не вывели, и за вказомъ копнымъ сподеваючися быти волными, выдали были того Маска десятника въ вине и въ тыхъ шкодахъ, и зреклися вся громада его, же онъ и не естъ оселымъ у Ситницы, толко паробкомъ жидовскимъ, чого и самъ панъ Тучаницкий, и Ситничане, и урядникъ Колковский, панъ Сулковский, подданого за Ситницкого не признавали, а теперъ знову панъ Тучаницкий и панъ Залеский и Ситничане съ Колъковцами признали того Маска быти подданымъ оселымъ Ситницкимъ, и тое сведецтво, за которымъ сами его копе выдали, а перпюго сведецтва своего отъступуютъ, а

Маска отъ тыхъ шкодъ волнымъ хочутъ учинити,—на поруку просятъ,—тоды копа вся, выпейпомененая, на всемъ селе Ситницкомъ, такъ того коня Кречковичова, яко и другихъ подданыхъ пана Куликовского, покрадене клячъ пятерга, водлугъ першого вказу своего, на другой коне у пятницу прошлую сказаные, за слушнымъ доводомъ, якъ которая кляча што коштовала, албо если доводу подданые пана Куликовского не покажутъ, водлугъ цены статутовое, платитъ вказали и присудили. А што се тычетъ того Маска, ижъ на сказе копномъ перестали, а до того на поруку панъ Тучаницкий съ паномъ Залескимъ просили, теды его на поруку пану Тучаницкому и пану Залескому дали,—што все мною, вознымъ, и шляхтою вышъпомененою панъ Ушакъ Куликовский и вся копа тую всю справу осветчили. И просилъ вышъпомененый возный, абы тое его очевистое сознане, такъ же и шляхты, вышъпомененое, было принято и до книгъ записано,—што за принятемъ урядовымъ до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная и декретовая, № 2418, годъ 1604, листъ 610 на оборотѣ.

XCVII.

Жалоба Соколовскихъ и Михалковскихъ крестьянъ на пана Александра Воронича и жену его Евдокію о томъ, что они наслали сына своего Филона съ толпою вооруженныхъ людей, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, который ограбилъ ихъ имущество, истязывалъ крестьянъ, повѣсилъ нѣсколько крестьянъ и бояръ, вслѣдствіе чего села Михалково и Соколово опустѣли. 1605 г., мая 9 дня.

Донесеніе возныхъ по тому же дѣлу. 1605 г., мая 13 дня.

а) Року 1605, месеца мая 9 дня.

На вряде его королевское милости замку Житомирского, передо мною Матеушомъ Клембовскимъ, наместникомъ подстароства

Житомирскаго, постановившисе очевисто Пилипъ Горездренко, осадца села Соколовского, а Яцко Отаманъ, осадца села Михалковского, жалосне оповедали и светчили такъ именемъ своимъ, яко и именемъ подданыхъ его королевское милости, Соколовскихъ и Михалковскихъ, на пана Александра Воронича и малжонку его пани Овдотю, называемую Невиданку Олычатку, и на сына ихъ, пана Филона Воронича, яко властныхъ и умыслныхъ принципаловъ учинку нижей описаного, о томъ, ижъ року теперешнего тисеча шестъ сотъ пятого, месяца мая, зъ недели на понеделокъ, то есть на день девятый, незвыклымъ способомъ, праве о полночи, зъ многими слугами, помочниками и поддаными своими, Трояновскими и Шумскими, ему лепей имены знаемыми и на то приготованными, въ килку сотъ, зъ розным оружъемъ, войне належачимъ, моцно, кгвалтомъ, злымъ а незвыклымъ способомъ, меноваго сына своего, пана Филона Воронича, умыслне, за росказанемъ своимъ, на власные кгрунты его королевское милости, Житомирские, найпервей: на село Михалкова Поляна, до Житомира здавна належачое, на подданыхъ тамошнихъ, безпечныхъ, спячихъ, наехавши кгвалтовне на нихъ самыхъ и на домы ихъ, окрыкъ учинивши, на нихъ рушили, ихъ самыхъ зъ жонами и зъ детми побили, а потомъ всихъ повезали, а повезавши, зъ собою побрали, домы и всю маетность ихъ, отъ мала до велика, побрали и кгвалтовне полупили, и село тое спустошили и вънивечь обернули. На томъ мало маючи, оттуль того жъ часу, заразомъ тотъ же панъ Филонъ Вороничъ, за умыслнымъ росказанемъ пана Воронъ и малжонки его, на другую маетность и село названое Соколовъ, у чверть мили отъ Житомира лежачое, моцно, кгвалтомъ наехалъ,— одныхъ бояръ и подданыхъ его королевское милости повепалъ, а другихъ побилъ и зъ домовъ ихъ всихъ человека до килку десятъ, зъ жонами и зъ детми зъ собою кгвалтовне побралъ и маетность зъ домовъ ихъ, отъ мала до велика, што одно было, полупилъ, и тое село Соколовъ спустошили и въ ни вочто обернули, покой посполитый взрушили, право легце поважили, которымъ вшелякий станъ на свете обваронанъ есть. И просили на огледане и обвожене того кгвалтовного наезду и учинку противку особамъ меновамъ о придане возного; ямъ имъ, съ повинности врядовое, Василя Сосниц-

кого, албо кого бы собе на то способили, возныхъ, придаю и придаломъ. И просили, абы тое оповедане и жалоба ихъ принята была и записана, — што есть записано.

b) Року 1605, месяца мая 13 дня.

На вряде его королевское милости замку Житомирского, передо мною Матеушомъ Клембовскимъ, наместникомъ подстароства Житомирского, постановившисе очевисто енералове возные воеводства Киевского, шляхетные Григорей Гуляницкий а Янъ Фалковский, ку записованю до книгъ сознали и, водлугъ того сознаня своего, квитъ подъ печатми своими и съ подписами рукъ, которые зъ ныхъ писатъ умеютъ, писаный тыми словы подалъ: »Я Григорей Гуляницкий а я Янъ Фалковский, возные енералове воеводства Киевского, сознаваемъ тымъ нашимъ квитомъ, ижъ року теперъ идучого, тисеча шестсотъ пятого, месяца мая тринадцатого дня, за приданемъ уряду кгродского его милости пана Вацлава Вилгорскоро, подвоеводого Киевского, были есмо на справе и потребе ясневелможного пана Януша княжати зъ Острокга Жаславского, воеводы Волынского, старосты Житомирского, также Мартина Ждановича, войта и всихъ мещанъ его королевское милости места Житомирского, на кгрунте власномъ его королевское милости отъ Житомира въ чверти мили лежачомъ, на урочищу Соколове, также нами возными и шляхтою, при насъ будучима, то есть паномъ Тимофеемъ Кобылинскимъ а Криштофомъ Чижовскимъ, оповедали и обводили напередъ халупъ дванадцать, въ которыхъ менили людей быть оселыхъ и мешкаючихъ чоловека двадцати, зъ жонами, зъ детми, въ которыхъ ни одного чоловека не остало. Пилипъ Горездренко, осадца Соколовский, менилъ же за умыслнымъ и одностайнымъ росказанемъ, волею и ведомостю пана Александра Воронича и малжонки его милости, панее Овдоти, прозываемое Невиданки Олычанки, сынъ ихъ, панъ Филонъ Вороничъ, зъ слугами и подданными Трояновскими и Шумскими, и зъ иншими многими помочниками, имъ самимъ лепей знаемими, ведомыми, мощно, кгвалтомъ, року помененого, месяца мая, зъ недели на понеделокъ,

то есть на день девятый месяца мая, въ ночи, на тое урочище Соколово, на власный кгрунтъ его королевское милости наехавши, также на людей сплючихъ, сонныхъ, наперед окрикъ учинивши, ударили,—однихъ побили, поранили, а другихъ порозгоняли, а трейтихъ нетъ ведома—естли зъ собою побрали, а если ихъ где подевали,—о которыхъ и до сего часу у ведомости не машъ, маетности ихъ отъ мала до веля всю побрали. Также Пилипъ Горездренко, осадца Соколовский, оповедилъ: ижъ помененый панъ Филонъ Вороничъ на нивы Житомирские, за речкою Каменицею лежачие, наехавши кгвалтовне, где кого засталъ на ниве билъ, мордовалъ, а другихъ, то есть меновите Остапа Воробя, подданого королевского, зъ села Газынки, человека старого, сонного, зъ двойма детками малыми, съ которыми оралъ, поймавши, на городище Соколово отпровадили, и тамъ его, при двойгу детокъ его малыхъ, на липе повесили; которого повешаня знакъ половицу повроза урезаного на липе видели, и тело небожчика зъ земли откопавши, огледали, на которомъ бачилисмо шию около синюю и поврозомъ обмуленую, а на заде плечи побитые; того жъ Воробя детокъ двое а при нихъ иншихъ людей, то есть: Лукаша, Федора и Семена повезавши, съ собою дей побрали, которыхъ у полтори мили попускали. И оттуль, съ того Соколова, помененый панъ Вороничъ, мало на томъ маючи, знову ехати дей до другого села его королевское милости Житомирского, на йме Михалковецъ, тамъ же того жъ часу и дня, вышъописанаго, въ ночи, на людей спячихъ и покойныхъ, подданыхъ его королевское милости, ударили,—однихъ побили, поранили, а другихъ дей человековъ до килку десять кгвалтовне побрали зъ собою, до маетности пана Вороны и малжонки его милости, местечка Трояновецъ, отпровадили; съ которыхъ потомъ некоторые битые повтекали, а другие и до сего часу человека шести, на ймя: Назара, Проню, Степана, Марка, Гришка, Грицка, которыхъ не ведати—если побито, албо повешано—немашъ. Тамъ же, въ томъ селе, за оказованемъ, на Сафоне видели есмо рану подъ окомъ битую, кривавую и хребетъ увесь побитый; до того бачили есмо на девце у голове, при стороне правой, рану коло пробитую, кривавую. Къ тому, маетность тыхъ людей, отъ пяти летъ оселою, въ которомъ селе хать девятнадцать

наличали есмо домовъ ихъ, побрали и квалтовне полупили,—то есть: въ отамана коней четверо; жеребятъ двое, коштовала кождая по осми копъ грошей Литовскихъ; хомутовъ чотыри—по золотому; плугъ, зо всею снастю, седло, которое коштовало три золотыхъ; ложниковъ два—по копе грошей Литовскихъ; овса две мирки, зъ мехами; сермягъ две—по сороку грошей Литовскихъ; возовъ два, которые коштовали по золотому; шапокъ две—по семи грошей Литовскихъ. У другого небожъщика, на име Остапа Воробя, взяли и квалтовне полупили: ложниковъ два, которые коштовали по два золотыхъ; сермягъ две—по сороку грошей Литовскихъ; зъ сына его зняли жупанъ сермяжный, за полкопы купленный, и шапъку,—за пять грошей Литовскихъ; хомутовъ пять, которые коштовали по олотому; плугъ зо всею снастю; овса две мерки, зъ мехами; секиръ две, которые коштовали по петнадцати грошей; грошей готовыхъ полкопы и два гроши. У третего, на йме у Яцка, взяли ручницъ чотыри, коштовала каждая по копе грошей Литовскихъ; начиня слесарского всего пилъ, молотовъ—за десятъ копъ грошей; плахотъ две—по золотому коштовали; сермягъ две—коштовали по золотому; сорочокъ шесть кужелныхъ, женскихъ; полотна локотъ двадцать, коштовалъ каждый локотъ по грошу; покремъ зеленая,—за грошей семъ; шлыковъ два, коштовали по петнадцати грошей Литовскихъ; сверделъ—за чотыри гроши; долото—за три гроши; секира—за грошей семъ; готовыхъ грошей копа Литовская. У четвертаго, на йме у Сафона, взяли серемягу—за полъ копы грошей; плахту, коштовала осмъдесятъ грошей; секира, которая коштовала дванадцать грошей; покремъ—за шесть грошей; сковороду—за семъ грошей; сорочекъ мужскихъ чотыри; хустокъ две шитыхъ—одна шолкомъ а другая белю, которые коштовали золотый; убраней двое; чоботы новые, жоноцкие, за шесть грошей; макгерку—за шесть грошей; скатертей две—по дванадцати грошей коштовали; рогатину—за осмъ грошей Литовкихъ; готовыхъ грошей осмъдесятъ. У пятого, на йме Кондрата, коня шерстю буланого, за чотыри копы грошей купленого; воловъ двухъ, которые коштовали по три копы грошей Литовскихъ; коровъ три съ теляты, которые коштовали по две копы грошей Литовскихъ; сокеру, которая коштовала деветь грошей; сермягу, купленную за сорокъ грошей; сорочокъ две, ручникъ, грошей готовыхъ сорокъ.

У шостого, на йме Лукъяна, взяли и пограбили коней трое, которые коштовали по пяти копъ грошей Литовскихъ; воловъ двухъ, которые коштовали по три копы грошей Литовскихъ; коровъ чотыри съ телятми, кождая коштовала по полтрети копы грошей; полотна сорокъ локотъ—по грошу; сорочокъ две; покремъ—за деветь грошей. У семого, на йме Демида, коней двое, которые коштовали по пяти копъ грошей; вола одного, за три копы грошей купленого; полотна локотъ тридцать, кождый локотъ по два гроши; сорочокъ мужскихъ дванадцать, а жоноцкихъ семь; скатерть—за дванадцать грошей; наметокъ одинадцать; плахотъ две—по сороку грошей; сермягъ две—по сороку грошей. У осмого, на йме Федора, коней четверо, кождый коштовалъ по чотыри копы грошей; воловъ чотыри, которые коштовали по три копы грошей; коровъ две, по две копы купленые; подтельковъ трое, которые коштовали по полъкопы грошей; сермягу—за сорокъ грошей; сокиру—за осмъ грошей. У девятого, на йме Гаврила, коней трое, которые коштовали по пяти копъ грошей Литовскихъ; волы два, которые коштовали по полъ чварты копы грошей; корову одну, которая куплена за три копы грошей; скатертъ—за дванадцать грошей; сорочокъ две, наметокъ три, ручникъ одинъ. У десятого, на йме Яцка, взяли и полупили коня одного, который коштовалъ шесть копъ грошей; воловъ чотыри, которые коштовали по три копы грошей Литовскихъ; коровъ пять, кождая коштовала по две копы грошей Литовскихъ; овецъ петнадцатеро, свиней двадцатеро, сорочокъ пять мужскихъ а женскихъ чотыри, наметокъ две, убране одно, сокера за дванадцать грошей; рядно—за осемъ грошей; поесовъ два съ ыгольникомъ—за деветь грошей; тканокъ две—за шесть грошей. Тое все, кгвалтовне побравши и полупивши, до местечка Трояновецъ отпровадили и на пожитокъ свой панъ Ворона съ малжонкою своею обернули. Который то кгвалтовный наездъ, яко се выше поменило, нами возными и шляхтою объведши, менили быть сталый за власнымъ и умыслнымъ роскаженемъ и насланемъ черезъ пана Ворону и малжонку его милости, черезъ сына ихъ милости, пана Филона Воронича, на власные села и кгрунты подданымъ его королевское милости. И просили насъ, абы есмо на то имъ дали сознане наше. А чому мы досыть чинечи,

съ повинности нашое врядовое того квалту и боевъ подданыхъ его королевское милости огледавши, и шляху добре се припатривши, сее наше сознане подъ печатми нашими и съ подписомъ руки мене, Григоря Гуляницкого, дали. Писанъ въ Житомиру, року тисеча шестсотъ пятого, месяца мая тринадцатого дня. Григорий Гуляницкий, енералъ земский воеводства Киевского, рукою власною. Которое очевистое сознане возныхъ и квитъ ихъ до книгъ врядовыхъ замку господарского принято и записано.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 10, годъ 1605—1606, листы 67 и 72 на оборотѣ.

XCVIII.

Донесеніе возного по дѣлу объ опустошеніи села Молчановского, сожженіи хуторовъ, истязаніи и ограбленіи крестьянъ; возный удостовѣряетъ, что это сдѣлано по распоряженію старосты Грежанскаго, пана Мартина Миховского, и что, независимо всего этого, поставлены были еще на дорогѣ висѣльницы. 1605 г., іюня 11 дня.

Року 1605, месяца іюня одинадцатого дня.

На вряде его королевское милости замку Житомирского, передо мною Матеушомъ Кглембовскимъ, наместникомъ подстароства Житомирского, постановившисе очевисто енералъ возный воеводства Киевского, шляхетный Левъ Богушевичъ, ку записованю до книгъ сознался и, водлугъ того сознанья своего, квитъ подъ печатю и съ подписомъ руки свое писаный тыми словы подалъ: Я Левъ Богушевичъ Лукошинский, возный енералъ воеводства Киевского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ маючи я, возный, при собе стороною двохъ шляхтичовъ: пана Яна Кибарта а пана Ивана Сосновского, въ року теперешнемъ 1605, месяца іюня семого дня, ездилъ есми до села селища Молчановского, маетности его милости пана

Гаврила Гоского, хоружого земли Киевское, у воеводстве Киевскомъ лежачого, Пулинское, тамъ же, въ томъ селе, виделъ есми за обвоженемъ и оказанемъ осадцы того села, Васка Сахара, въ шести местцахъ, знать же хаты были, але попалены, а иншие пороскиданы и зъбурены, толко печи стоятъ; тамъ же, не подалеку того села виделъ есмы дорогу въ колко местцахъ зарубаную и на той дорозе шибеницъ две поставлено. А особно подданыхъ его милости пана Гоского, Пулинскихъ, виделъ есми съ тою стороною шляхтою хуторы въ чотырохъ местцахъ попалены,—то естъ дня и року вышъписаного. Въ томъ же селе селищу Молчановскомъ огледалъ есми ранъ на подданыхъ того села селища, то есть: на Васку Сахару, осадцы, виделъ есми на руце правой, вышей локтя, ранъ две битыхъ, синихъ, спухлыхъ, а хрыбетъ весъ збитъ, синь, кровю населый; на Микуле Грицевичу виделъ есмы въ голове рану битую, киевую, барзо шкодливую; на Грицу Микуличу, на твари съ правого боку, виделъ есми рану битую, крывавую, на нозе левой, на голени, рану битую, синюю, спухлую; на Сенку Игнатовичу виделъ есми на руце левой, нижей локтя, рану битую, синюю, спухлою; въ голове, зъ левого боку, виделъ есми рану киемъ пробитую, крывавую. Которое збите и зранене свое, попалене и збурене хатъ, зарубане дороги, поставлене шибеницъ, попалене хуторовъ Пулинскихъ, тые подданые Селищъские менили собе быть сталое отъ слугъ пана Мартина Миховского, старосты Грыжанского, и отъ подданыхъ его милости пана воеводы Бреского, Сколобовскихъ,—ижъ дей въ року теперешнемъ, тисяча шестьсотъ пятомъ, месяца июня третего дня, помененый Мартинъ Миховский, безъ бытности пана Павла Вышотравки, урядника Пулинского, на тотъ часъ въ Пулинахъ, звышъменованыхъ слугъ своихъ и тежъ подданыхъ его милости пана своего, Сколобовскихъ, которымъ имена и назвиска самъ панъ Миховский лепей знаетъ и ведаетъ, зъ рознымъ оружемъ, войне належачымъ, наславшы моцно, квалтомъ, на звышъменованое село селище Молчановское, у воеводстве Киевскомъ лежачое, маетность его милости нашого пана Гаврила Гоского, хоружого Киевского, насъ самыхъ позбивати, маетность нашу всю у насъ побрати и пограбити, дорогу стародавную, съ Пулинъ до Барашовъ лежачую, зарубати, шыбеныци поставляти, хуторы Пулин-

ские, попалити,—онымъ слугамъ своимъ и подданымъ его милости пана своего, Сколобовскимъ, росказалъ; а двохъ дей подданыхъ, суседовъ нашыхъ: Евхима Федковича и Федка Грицевича, не ведаемъ—если живыхъ зъ собою взяли, або, позабивавши, тело где позадевали,—которые дей то шкоды и грабежи шырей и подостатку на протестацыи, на вряде учыненой, описаны и доложоны есть. А потомъ того жъ дня, вышъписаного, июня семого, огледалъ есми ранъ на бурмистру Пулинскомъ, въ Пулинахъ, на йме на Прокопу, которого виделъ есми всего, почавши зъ головы ажъ до ногъ, весь хрыбетъ синь, збитъ, кровю населый; отъ которого збитья и зраненья не ведаю если тотъ Прокопъ живъ будетъ. И менилъ передо мною, возным, и передъ стороною шляхътою тое збите и зранене свое и пограбене десяти копъ грошей готовыхъ отъ слугъ пана Мартина Миховского, урядника Грежанского, и отъ подданыхъ его милости пана воеводы Бреского, Сколобовскихъ, на доброволной дорозе, которая идетъ съ Пулинъ до Барашовъ, въ року теперешнемъ, шестсотъ цятомъ, месяца июня третего дня. И на томъ я, возный, даю сесь мой квитъ, съ печатю моею, ку записаню до книгъ замку господарского, Житомирского. Писанъ въ Пулинахъ, року, месяца и дня звышъписаного. Которое очевистое сознане возного и квитъ его до книгъ врядовыхъ замку господарского, Житомирского, принято и записано есть.

Книга Житомирская гродская, записоеая и поточная, № 10, годъ 1605—1606, листъ 110.

CXIX.

Объявленіе пановъ Щеніевскихъ о томъ, что они не могутъ внести съ своего имѣнія Щеніева опредѣленныя Варшавскимъ сеймомъ 1606 года подати съ крестьянъ, такъ какъ татары опустошили ихъ имѣніе, при чемъ одни изъ крестьянъ погибли а другіе же захвачены въ плѣнъ. 1606 года, іюля 3 дня.

Року 1606, месеца июля 3 дня.

На вряде его королевское милости замку господарского, Житомирского, передо мною Федоромъ Щуровскимъ, подстаростимъ

Житомирскимъ, ставши очевисто панъ Федоръ Щениевский самъ отъ себе и именемъ брати своее, пана Григоря и Павла Щеніевскихъ, и пана стрыя своего, пана Ивана Щеніевского, оповедалъ о то, ижъ што водлугъ универсалу на сойме теперешнемъ валномъ Варшавскомъ, въ року шестсотъ шостомъ, уфалено поборъ съ подданыхъ даватъ, которую мы зъ частей своихъ села Щениева, съ певныхъ причинъ, дать не можетъ, а то для великого спустошеня маетностей нашихъ, побитя на смерть подданыхъ и иншихъ у неволю побраня отъ неприятеля крыжа святого, отъ татаръ, которые были въ маетности нашой, Щениевской, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ шостомъ. И просилъ панъ Федоръ Щениевский, абы тое оповедане его до книгъ замку господаръского, Житомирского, записати казалъ,— што естъ записано.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 10, годъ 1605—1606, листъ 379.

С.

Объявленіе отъ имени пана Александра Орды о бѣгствѣ крестьянъ изъ его имѣнія Цминя въ Степанскую волость, принадлежащую князю Константину Острожскому. 1606 г., іюля 12 дня.

Року тисеча шестсотъ шостого, месеца июля, второгонадцатъ дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Адамомъ Олшамовскимъ буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто служебникъ его милости пана Александра Оръды, Петръ Мартиновичъ Рипьницкий, подалъ жалобу пана своего на цедуле въ тые слова писаную: »Пане вряде, кгродский, Луцкий. Вашей милости, вряду, оповедаю и жалую на велможного княжати Костентина Костентиновича, княжати Острозъского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, о то, ижъ року теперъ идучого, тисеча шестсотъ шостого, месяца февраля, зъ второго дня на третий денъ, подданый мой, давностью земъскою заседелый, Жданъ

Гриневичъ Кгала, войтъ, зъ имения моего, лежачого въ повете Пинскомъ, зъ села Цминя, ночънымъ обычаемъ, зъ женою, зъ детми и зо всею маетностью прочъ пошолъ потаемънымъ обычаемъ, безъ воли и ведомости моей. А потомъ того жъ року, тисеча шестсотъ шостого, месеца мая двадцатъ шостого дня, другие подданые мое, такъ же давностью земскою заседелые: Федко Даниловичъ а Тимохъ Быковичъ, Дорофий Михъновичъ Дегтяръ, а Семенъ Шеневецъ, такъ же съ того жъ именья моего, лежачого въ повете Пинъскомъ, зъ села Цминя, ночнымъ обычаемъ, потаемне, безъ воли и ведомости моей, зъ женами, зъ детми и зо всими маетностями своими прочъ пошли; а то естъ меновите: жона того Федка Даниловича, на име Ануша, а дочка одна Улита, другая Овдотя, а третяя Катерина; а маетностъ того Федка Даниловича: конь одинъ, воловъ два, коровъ две, овецъ пятеро, свиней трое и инъшое маетности не мало. А Тимохъ Быковичъ и зъ сыномъ Юскомъ, и зъ женою Юсковою, Просимъею, а дочкою того Юска, Кулиною; а другий сынъ того Быковича Тимоха, Макаръ, и жона того Макара, Уляна, а сынъ Жданъ, а дочка одна, Просимъя, а другая Марина; а маетностъ ихъ того Тимоха Быковича: конъ одинъ, воловъ чотыри, коровъ две, овецъ шестеро, свиней двое, козъ трое, и инъшое маетности немало. А Дорофий Михъновичъ Дегтяръ и жона его Ягнеша, и сынъ Трохимъ, и дочка его Палашка а другая Раина; а маетностъ того Дорофия: конъ одинъ, воловъ три, корова одна, козъ двое, овецъ двое, свиней трое, и инъшое маетности не мало. А Семенъ Шеневецъ, жона его Марина, а сыны его: одинъ Себестиянъ, а другий Иванъ, а третий Матфий; а маетностъ того Семена Шеневца: конь одинъ, воловъ два, корова одна, овецъ шестеро, козъ двое, свиней трое, и инъшихъ маетности немало. То такъ того жъ року, тисеча шестсотъ шостого, месеца мая двадцатъ первого дня, такъже подданые мои, давностю земскою заседелые: Грицъ Веретинъниковичъ, Сава Карповичъ, Хведко Олехновичъ, Якубъ Янушевичъ, такъ же съ того жъ именья моего, лежачого въ повете Пинъскомъ, зъ села Цминя, ночнымъ обычаемъ, зъ женами, зъ детми и зо всею маетностю своею прочъ пошли такъ же потаемнымъ обычаемъ, безъ воли и ведомости моей, а меновите: того Грица жона его Устимя, а сынъ одинъ Мар-

ко, другий Нестеръ, третий Трохимъ, четвертый Романъ, а дочка того жъ Грица одна Докимя, другая Наталя; маетностъ того Грица Веретинниковича: волъ одинъ, быкъ одинъ, корова одна, козъ двое и маетности рухомое не мало; Савы Карповича жона его Овдотя, а сынъ Трохимъ, и маетностъ ихъ быдла: сверепа одна, коровъ две, свиней три, козъ две; Хведко Олехновичъ и жона его Мелапа, а сынъ Прокопъ, а дочка Мотруна; того Хведка маетностъ: волъ одинъ корова одна и маетности рухомое немало; Якубъ Янушевичъ и жона его Палагъя и сынъ Анътонъ; а маетностъ того Якуба: воловъ два, конъ одинъ, коровъ две, свиней трое и тежъ рухомое маетности немало. Которые вси звышъпомененые подданые мое, яко ся верху поменило, въ часехъ звышъпомененыхъ одъ мене прочъ, безъ бытности моей въ дому моемъ, потаемъне одышедши, яко о томъ певную ведомостъ маю, зо въсими маетностями своими, верхупомененными, за его милостю велможное княже Костентина Острозского, воеводы Киевского, до йминъя его милости волости Степанъское, до села и воли новозасажоное, называемое Березъницы, лежачое въ повете Луцкомъ, зашедши, задалися и за его милостю въ тыхъ часахъ ново осели; на чомъ я одъ часу одестъя ихъ одъ мене и яко за его милостю паномъ воеводою Киевскимъ осели, въ не отданъю мне отъ нихъ повинъности звыклое, шкодую собе копъ сто грошей личбы Литовъское. И прошу вашей милости, пане вряде кгродский, Луцкий, абы тое оповеданъе, жалоба моя до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записана была«. Што я принявши, записати казалъ,—и естъ записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2421, годъ 1606, листъ 702 на оборотъ.

CI.

Актъ измѣренія имѣнія Ружинского, съ исчисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1606 г., августа 28 дня.

Року тисеча шестъсотъ шостого, мѣсяца августа двадцатъ осмого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Иваномъ Шабаномъ—Гноенскимъ, буду-

чимъ на тотъ часъ на месцу его милости пана Яна Прилепъского, подстаростего Володимерского, постановившисе очевисто возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Василей Ковырский, ку записаню до книгъ явне, усне и доброволне зозналъ тыми словы: ижъ року тисеча шестъсотъ шостого, месеца априля двадцатого дня, былемъ на справе и потребе урожоного пана Миколая Набялка въ маетности Ружинской. въ сели Ружине, и на всемъ кгрунъте до того належачимъ, маючи при собе двохъ шляхтычовъ, то естъ: пана Станислава Калускаго и пана Миколая Рыбалтовъского, тамже видиломъ всѣ кгрунъты презъ волочъника Петра Станъковича, до села Ружина належачие, помереные стенами, ведлугъ потребы обложены влочными и межами въ полю, а по сеножатяхъ—колами и навертями означоне достаточъне въ семъ кгрунте и одъ всихъ участниковъ, што на которого належитъ, кгрунты вшелякие розобране и въ спокойное уживане подане, яко ширей въ собе тотъ списъ померу обмовляетъ. Который померъ урожоный панъ Миколай Набялекъ, за моцю ему на то даною одъ всихъ участниковъ Ружинскихъ, которые участницы за декретомъ трибуналъскимъ въ року тисеча шестъсотъ третемъ, мѣсеца мая двадцатъ третего дня, сказанымъ, на померъ села и всихъ кгрунтовъ Ружинскихъ позволили, для вписаня до книгъ презъ мене, возного, прислалъ; яко жъ тотъ померъ передо мною на вряде помененый возный покладалъ и просилъ, абы того померу списане до книгъ кгродскихъ, Володимерскихъ, было записано. Которого померу списъ я приймуючи, для вписаня до книгъ передъ собою читати росказалъ, и такъ се въ собе маетъ: Померъ села Ружинского и кгрунтовъ его и дѣлъ вечистый, который, зъ декрету головного трибуналъского, за поводомъ пана Миколая Набялка, въ року тисеча шестъсотъ третемъ, мѣсеца мая двадцатъ третего дня всказаный есть, и за шестъ недель одъ всихъ участниковъ Ружинскихъ позволеный и зачатый, и пану Миколаеви Набялъкови въ моцъ зуполную даный одъ всихъ участниковъ, а презъ волочника докончоный и справеный въ року тисеча шестъсотъ шостомъ, мѣсеца априля двадцатого дня. Тотъ померъ справеный и розмеропый естъ на три части, водлугъ трохъ давныхъ продковъ братий рожопыхъ князевъ Ружинскихъ, которыхъ именами

звано: Иванъ, Василей и Ѳедоръ; по которыхъ сукцесорове нинешние части свое берутъ напродъ Ивановскую часть належитъ и розмерона естъ на чътыри розделки, т. е. перший розделокъ князю Яну, Ивану Михайловичомъ Ружинскимъ, который розделокъ за правомъ своимъ панъ Войтехъ Лыховский держитъ; другий князю Адаму Григоревичу Ружинскому; третий пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому и потомкомъ его; а четвертий розделокъ пану Миколаеви Набялкови належитъ; другая часть Василевъская належитъ пану Семену Костюшъковичу и пану Миколаеви Набялкови, которое шостая частка пану Костюшъковичу одъделена естъ, а пятъ частокъ пану Набялкови, а третяя часть Ружина, Ѳедоровская, за правомъ одъ небожчика князя Абрама Ружинского и одъ малжонки его, Катерины Духовны, и одъ князя Ивана Стефановича, такъ же и одъ князьевъ Михайловичовъ Александра и Грегора Ружинъскихъ пану Набялкови належитъ, и панее Раине Стакорскаго Болобановой, матце Александра и Грегора Ружинскихъ, съ паномъ Криштофомъ Стакорскимъ, иле каждому на ихъ часть приходитъ, тотъ кгрунътъ Ружинский, яко се въ собе маетъ, помероный естъ паномъ на обшары дворные а подданымъ на полланки, такъ ижъ на каждую часть третюю по осмънадцатъ полланковъ и по осмънадцатъ огородовъ, съ пляцами подданымъ досталося, що въ чомъ на все село лановъ двадцатъ и семь, албо полланковъ пятъдесятъ и чтыри подданнымъ; а попови до церкви полланковъ два,—яко о томъ тое писане ширей обмовляе. Село Ружинъ; на початку села, подле стины, которая дѣли село одъ объшару дворного Крымна, естъ застѣнокъ, альбо пляцъ немалый, где естъ два дворы: еденъ дворъ папа Семена Костюшковича Хоболтовского, а другый князя Яня и Ивана Ружинскихъ, которыхъ панъ Лыховский тримаетъ; тотъ застѣнокъ змѣренный естъ шнуромъ волочнымъ, который шнуръ въ собѣ маетъ сажонъ тридцетъ; въ которомъ застѣнку естъ кгрунту вдовжъ шнуровъ семъ, а вширкы шнуровъ шестъ и десетъ сажний, зоставивши кгрунъту подле стены одъ Крымна, ведле двора пана Коштюшковича кгрунъту на выгонъ и на дорогу до Ковля, презъ болото, сажонъ осмъ, а въ затылку дворовъ тыхъ же на выгонъ и на дорогу на Залѣсе и до Клевенка полъ шнура кгрунту, который застѣнокъ вдается на часть Ивановскую и

розмероный естъ на чтыри части: первая часть пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому шнуровъ полтора и сажний три вширъ; другая часть князю Адаму Григоровичу Ружинъскому также шнуровъ полтора и сажний три; третяя часть пану Набялкови шнуровъ полтора и сажний два; четвертая часть пану Лыховскому одъ князевъ Яна и Ивана Ружинъскихъ шнуривъ полтора и сажний два. А ижъ на частъ Василевскую и Ѳедоровскую не было кгрунту въ селѣ на ихъ дворы дати, теды въ поли кгрунту писковатого далося имъ такъ веле яко тотъ застѣнокъ въ собе маетъ, т. е. на часть Василевскую далося кгрунту на двохъ мѣстцахъ—одна штука надъ болотомъ у Наддея, а другая надъ болотомъ ку Зелонце, що также вынесло шнуровъ семъ вдовжъ, а вширъ шестъ и сажний десятъ; поля и болота такъ же на частъ Ѳедоровскую одмѣрилося штуку поля писковатого ку Зелонце, за поповымъ полемъ, вдовжъ шнуровъ семъ, а вширъ шнуровъ шестъ; пляцы и огороды подданыхъ садибные, оденъ подле другого: перший пляцъ съ хатою и огородъ тамъ же Грицу Литвину, подданому пана Набялковому, до полланка его; другий пляцъ Макару и Охриму, на которомъ хатъ две и при нихъ огородъ до полтора полланковъ ихъ подданнымъ князя Адама Ружинского; третий пляцъ за дорогою одъ поля зъ хатою и зъ огородомъ до половици полланка—подданому пана Набялковому, Климу Лапчичу; четвертый и пятый подле того Лапчича Хацъ и Сенко Ванковичи—два подданыхъ пана Набялковыхъ, на пляцахъ,—хатъ две и огородовъ два до полланковъ двоихъ маютъ; шестый за тыми—Иванъ Мартиновичъ, подданый пана Набялковъ, пляцъ съ хатою и польогорода передъ хатою, а полъогорода дано му за селомъ въ рова, що до его полланку належитъ; семый подля него пуста хата съ пляцомъ Сороковскимъ пана Набялкова, огородъ придано на селѣ подъ старымъ дворомъ пана Набялковымъ; осмый и девятый противко тое хаты Сороковское подданыхъ два пана Коштюшковича Хоболтовского: Иванъ Полещукъ и Грицъ Приходисъ, — хаты свое и огородъ тамъ же маютъ до двохъ полланковъ; десятый напротивко, презъ дорогу, подданая пана Лиховскаго, Стецковая, Андрейчичъ пляцъ съ халупою на своемъ полланку маетъ, а огородъ ей дано подъ болотомъ у Наддея до него; одинадцатый

Савчинская хата пуста князя Ивана Степановича, которая пану Набялкови належитъ, на полланку своемъ пляцъ маетъ, а огородъ у Наддея надъ болотомъ и предъ Литвинемъ Грицемъ; дванадцатый — Гриць Ѳедчичъ, подданый пана Набялковъ, одъ князя Григория Ружинскаго, на полланку своемъ хату маетъ, а огородъ дано му за селомъ у рова до полланка; тринадцатый—Рухтичъ, подданый пана Набялковъ, одъ князя Александра, на полланку хату маетъ, а огородъ за селомъ, у рова, до полланка; чотырнадцатый,—Турчиновская хата, подданого панее Болобановой—пляцъ зъ огородомъ до полланка маетъ на двохъ мѣстцахъ, що здавна тримаетъ при халупи и презъ дорогу, на противко на другомъ мѣстцу; пятнацатый—панъ Стакурский, на полланку своемъ домъ маетъ, а огородъ у рова, за селомъ; шостыйнадцетъ—пустый полъланокъ, князя Аврама, пану Набялкови, съ хатою а огородъ до него въ двохъ месцахъ; частъ подле Миска Редчичъ—третина огорода, а остатокъ передъ дворомъ старымъ дадено пану Набялкови край гущака, противъ Гирки; семыйнадцать и осмыйнадцать Бортникъ и Шишло, подданые пана Лыховского, хаты свое маютъ на полланку, а огородъ имъ дано до двухъ пулланъковъ ихъ надъ болотомъ у Надъдея; девятыйнадцатъ, назадъ цофъновъшисе за дорогу, на другую сторону—Миско Редчичъ, подданый пана Лыховского, хату маетъ при огороди до половици пулланка своего а за нимъ подданый пана Костюшковичовъ, Ракъ, который зъ ними половицу другую пулъланка держитъ, тамже маетъ полъогорода и хату до половици пулланка свого; двадцатый Гурко, подданый князя Грегора Ружинъского, пану Стакорскому служитъ, огородъ съ халупою маетъ до пулъланка свого, двадцатъ первый—Иванъ, возного зятъ, подданый пана Набялковъ, хату и огородъ маетъ до полъланка своего; двадцатъ вторый—Курило Скрипъка, подданый пана Набялковъ, хату и огородъ посполу маетъ до пулъланка; двадцатъ третий—Якимъ Васковичъ, подданый пана Набялковъ, хату зъ огородомъ посполу маетъ до пулъланка; двадцатъ четвертый—Скорутко, подданый князя Ивана Стефановича, огородъ и хата посполу до пулъланка; двадцатъ пятый—Плевака, подданый пана Костюшковича Хоболтовского, хата и огородъ тамъже до пулъланка; двадцатъ шостый—Лапъка, подданый пана Набялковъ, и Иванъ Гурковъ, под-

даный панее Болобановое, хатъ две и огородъ до пулъланка маютъ съ полемъ; двадцатъ семый—Мартинъ Щечъкемъ, подданый пану Набялкови, хата и огородъ до пулъланъка; двадцатъ осмый—Тубай, подданый пана Набялковъ, хату и огородъ до пулъланка маетъ; двадцатъ девятый—Момотовичъ, подданый пана Набялковъ, хату и огородъ до пулъланка; тридцатый и тридцатъ первый—дворокъ старый пана Набялковъ, огородъ до двохъ полъланковъ и до пустого Сороковского, яко се поменило первей; тридцатъ вторый—Миско Шевченя зъ Остапомъ, подданый пана Набялковъ, хаты и огороды тамъ же до пулъланка; трыдцатъ третый—Омелянъ Гирка, подданый пана Набялковъ, огорода половицу съ хатою маетъ, а другую половицу подъ Илькомъ, подданымъ другимъ пана Набялковымъ, до пулъланка; тридцатъ четвертый—Бойтько, подданый пана Костюшковичовъ, огородъ и хата до пулъланка; тридцатъ пятый—Тимошъ, подданый пана Лыховского, огородъ съ хатою до пулъланка; тридцатъ шостый—Гапоновская хата и огородъ до пулъланка князя Ивана Стефановича, пану Набялкови служитъ; поповипри церкви—пулъланковъ два и огородъ съ халупою и за церквою огородъ въ концу его пулъланковъ; тридцатъ семый,—Глушко, подданый пана Набялковъ, хату и огородъ, тамъ же до пулъланка его; тридцатъ осмый—Богданъ, подданый пана Костюшковичовъ, огородъ и хату до пулъланка; тридцатъ девятый—Зенко Литвинъ, подданый пана Набялковъ, огородъ и хату до пулланку; чотырдесятый—Поридубецъ, подданый пана Набялковъ, огородъ и хату до пулъланку; сорокъ первый—Бакунъ, подданый пана Набялковъ, огородъ и хата до полъланка его; сорокъ вторый—Евлахъ, подданый пана Набялковъ, огородъ и хата до пулъланъка; сорокъ третий—Бондаръ, подданый пана Набялковъ, огородъ и хата до пулъланъка при хати и за дорогою; сорокъ четвертый—Миско Лушкевичъ, подданый пана Набялковъ, огородъ и хата до пулъланъка тако же за хатою и передъ хатою; сорокъ пятый—Хома, подданый пана Набялковъ, такъ же огородъ и хату до пулъланъку маетъ; сорокъ шостый—Турибарка, подданый пана Костюшковичовъ, также огородъ и хата до пулъланъка; сорокъ семый—Тишко Чорномысъ, подданый пана Набялковъ, такъже огородъ зъ Якимомъ до пулъланка; сорокъ осмый—Кухта, подданый

пана Набялковъ, огородъ, также и хата до пулъланъка; сорокъ девятый—Вакула, подданый пана Костюшъковичовъ, огородъ, также и хата, до пулъланъка, ровно зъ межою своею подле колодки, одъ стѣны головной до стѣны одъ двора Пурдыновского; пятдесятый—Колодко, подданый князя Адама, хата и огородъ до свого пулъланка и на своемъ тылко пулъланъку ма: отъ стины съ поля до стины, одъ пастувника князовъ Михайловичовъ, яко въ собе естъ полъланекъ его; пятдесятъ первый—Климъ Лагодичъ, также огородъ и хата до пулъланка, одъ стины до стины, подданый князя Адама Ружинского, яко въ собе полъланекъ его, также и огородъ вширки; пятдесятъ вторый—Васко Лагодичъ, подданый князя Адама Ружинского, также огородъ и хату передъ своимъ пулъланкомъ, одъ стины до стины; пятдесятъ третий и пятдесятъ четвертый—на концу села межи дорогою и стиною, одъ обшару князовъ Михайловичовъ, Александра и Грегора, пляцъ пустый до двохъ полъланъковъ—князу Абрамовичу Ружинъскому, а огородъ до тыхъ же двохъ пулъланъковъ его за ровомъ, тамъ же подле стины бочней, противъ его двохъ полъланъковъ. А сума хатъ и пляцовъ зъ огородами на подданые всихъ пановъ личба пятдесятъ и чтири, т. е. на частъ князя Яна и Ивана Михайловичовъ Ружинъскихъ досталось пану Лыховскому огородовъ полъпета зъ хатами, до пулъпету пулъланковъ; подданымъ на частъ князя Адама Григоревича Ружинъского также до пулъпету пулъланковъ, огородовъ зъ хатами полъпята; на частъ пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому огородовъ полъосма и съ хатами подданымъ изъ частю частка Васелевской части—до полъосму полъланъковъ ихъ; пану Набялкови, части Васи левское и части Ивановское, огородовъ съ хатами деветнадцатъ и полъогорода, а на частъ Ѳедоровскую пану Набялкови съ панею Болобановою и съ паномъ Стакурскимъ—огородовъ и хатъ осмънадцатъ; который Ѳедоръ мялъ трехъ сыновъ: Абрама, Стефана и Александра. Сѣножати за огородами подданыхъ на поплавехъ роздано на кождый полъланокъ по осми сажонь вширъ концами ку залѣсю, за ровы, якъ знаки положоны у криницъ, почавши одъ сажавки князя Александра на початку помѣру розмѣроно въ року тисеча шестъ сотъ третего, мѣсеца июля осмого дня. Перший резыкъ—князю Абрамовичу; другий резыкъ—тому жъ; тре-

тий—Кухти; четвертый—Глушкови зъ Богданомъ; пятый—Бортникови зъ Шиломъ; шостый—Гуркови; семый—Климу Лагодичу; осмый—Васкови Лагодичу; девятый—Колодкови въ Северугахъ; десятый—Вакули въ Северугахъ; одинадцатый—Тишкови съ Кухтою въ Северугахъ; дванадцатый—Турбарче въ Северугахъ; тринадцатый—Хомѣ Пашче; чотырнадцатый—Мискови Лушчевичови; пятнадцатый—Бондарови; шостнадцатый—Евлахови; семнадцатый—Бакунови; осмнадцатый—Боридубчеви; деветнадцатый—Зѣнкови и Литвину; двадцатый Богданови съ Клюшкемъ; двадцатъ первый—попови, резикъ; двадцать вторый—попови, резыкъ; двадцать третий—Гапоновскому; двадцатъ четвертый—Тимошу Комличу; двадцатъ пятый—Боткови; двадцать шостый—Савченяти зъ Остапомъ; двадцать семый—Пубасови; двадцатъ осмый—пустому и пана Набялковому; двадцатъ девятый—пустому пана Набялковому; тридцатый—Стецкови зъ Мартиномъ; трыдцать первый—Момотовичу; тридцать вторый—Омельяну зъ Лапкою, тридцать третий—Бортникови зъ Шишлемъ; тридцать четвертый—Плеваче; тридцатъ пятый—Скрзипче, зъ вознымъ; тридцать шостый—князу Абрамови; тридцать семый—пану Стакурскому; тридцатъ осмый—Турчиновскому; тридцатъ девятый—Грицу Рухтицу; чотырдесятый—Грицу Ѳедчичу; сорокъ первый Савчинскому; сорокъ вторый—Стецковой Андрейчичъ; сорокъ третий—Сороковскому; сорокъ четвертый—Иванови Мартиновичу; сорокъ пятый—Скоруткови; сорокъ шостый—Сенкови Васковичу; сорокъ семый—Хацу Васковичу; сорокъ осмый—Скрзыпце, съ возного зятемъ; сорокъ девятый—Охриму зъ Лапкою; пятдесятый—Грицу Приходичу; пятдесятъ первый—Мискови Ретчичу; пятдесятъ другий—Якимцови; пятдесятъ третий—Омелъянови Гирце; пятдесятъ четвертый—Макару Ревону; пятдесятъ пятый—Ивану Полѣщуку; пятдесятъ шостый—Грицови Литвинови; остатовъ тыхъ синожатей въ куте за Гуркемъ дало ся тымъ поддаными, що огородовъ не маютъ своихъ, надъ синожатми, а сидятъ на своихъ полланкахъ, и що садыбами заняли —при тымъ заховани быти маютъ; а меновите тымъ поддаными: Климу Лапчичу, Ивану Мартиновичу, Сороковскому, Стецкови Савчинскому, Грицку Ѳедчичу, Рухтичу,—до одного полланка; пану Стакурскому, князю Абрамовичу, Бортникови зъ Шишлемъ, Полещуку

Иванови, Грицу Приходичу, Гацу и Сенку Васковичамъ и Мискови Ретчичу,—на сполную пашу, алъбо, если схочутъ, то косятъ посполу, а иншому никому не волно, подъ зарукою трохъ рублей грошей Литовскихъ. Пулланки садибные въ Ружини передъ селомъ, за стиною головною, на первую руку, року тисеча шестъсотъ четвертого вымѣряные и розданые подданымъ, по шестнадцатъ сажень вширь, которые отъ стины головное починаются, а впадаютъ концами въ стависко ку Тириску: перший полланокъ одъ Крымна подле стины, до него наддатокъ, же не такъ довгий, якъ иншие, тамъ же, зъ другои стороны тои жъ стины, подъ ставомъ у Тириску, и другий, на подлости кгрунту писковатого, на забродю въ застѣпку,—Грину Литвину; другий полъланокъ—Ивану Полищику, подданому пана Костюшковича Хоболтовского, наддатокъ также за стиною подъ ставомъ, и другий на забродю, на подлостъ кгрунту и короткостъ полъланка; третий полъланокъ—Макару Ревону, подданому князя Адама Грегоровича, наддатокъ ему также за стиною надъ ставомъ, и другий на забродю, также на подлостъ кгрунту; четвертый—подданому Омеляну Гирце, наддатокъ тамже на подставю, и другый на забродю, также на подлостъ кгрунту и короткостъ; пятый Якимовичови подданому,—наддатокъ тамже на подставю одинъ, а другий на забродю; шостый—Миско Ретчичъ, подданный пана Лыховского, и подданому пана Коштюшковича Хоболтовскаго, Ракови, обомъ полъланокъ и наддатокъ тамъ же—одинъ на подставю и на забродю другий; семый—Грицу Приходичу пана Коштюшковича Хоболтовского, полъланокъ и наддатокъ одинъ на подставю, а другий на забродю, тамъ же, до того полъланка коротши, а потомъ довше идутъ, короткимъ меншие наддатки далися; осмый — Охримъ зъ Лапкою, полъланокъ обомъ, наддатокъ короткий подле стины одъ Крымна, а другый на забродю, въ кутѣ, нивокъ двѣ,—обѣма на подлостъ кгрунту и короткостъ—полъланка; девятый—Шкрипка—зъ возного зятемъ, полъланокъ . . . . . короткий тамъ же за стиною отъ Крымна, у поповой стѣнки, и другий на забродю; десятый—Хацъ Васковичъ, полъланокъ, а до него наддатокъ короткий, двѣ нивци подле лана одъ Крымна, а другый на забродю; одинадцатый—Сенко Васковичъ, полъланокъ, а до него наддатокъ, ко-

роткий, подле лана, а другий на забродю, зъ долинами, въ двохъ мѣстцахъ; дванадцатый—Скорутко, полъланокъ, а до него наддатокъ, который подле лана, одинъ, а другий на забродю, але барзо подлый;—съ тюлъ полѣпше полъланки: тринадцатый—Иванъ Мартиновичъ, полъланокъ и наддатокъ одинъ на забродю, на который придалося другого половицу подъ Ключковичи; чотырнадцатый—Сороковское,—пусто, наддатокъ на забродю; пятнадцатый—Стецковая Андрѣйчикъ, пану Лыховскому, полъланокъ и наддатокъ одинъ, тамъ же, на забродю; шестнадцатый—Савчинский, полъланокъ и наддатокъ одинъ на забродю; семнадцатый Грицъ Ѳетчичъ, полъланокъ и наддатокъ еденъ на забродю; осмънадцатый—Грицъ Рухтичъ, полъланокъ тамъ же и наддатокъ на забродю; подле того жъ девятнадцый—Турчиновскій,—полъланокъ и наддатокъ тамъ же на забродю; двадцатый—пану Стакурскому, полъланокъ, и наддатокъ тамъ же, на забродю; двадцать первый—князю Абрамови, полъланокъ пустый, и до него наддатокъ тамъ же на забродю; двадцать вторый—Шкрипка зъ вознымъ, полъланокъ, а наддатокъ тамъ же на забродю; двадцать третій—Плевака, пана Коштюшковичовъ, полъланокъ, а наддатокъ тамъ же, въ забродю; двадцать четвертий—Бортникъ зъ Шишлемъ, полъланокъ, а наддатокъ въ забродю; двадцать пятый—Омелянъ зъ Лапкою, полъланекъ, а наддатокъ тамъ же; двадцать шостый—Момотовичъ, полъланокъ лепший, а полънаддатку до него въ забродю; двадцать семый—Ческо зъ Мартиномъ, полъланокъ одинъ—обома, а полънаддатку въ забродю; двадцать осмый—пустый полъланокъ, пану Набялкови; двадцать девятый—пустый полъланокъ тому жъ, а одинъ наддатокъ до двохъ полъланковъ; тридцатый—Тубай, полъланокъ, и полънаддатку въ забродю; тридцать первый—Савченя зъ Остапомъ, полъланокъ, и полънаддатку въ забродю; тридцать вторый—Вуйтко, полъланокъ и полънаддатку въ забродю; тридцать третий—Тимошъ Кончичъ, полъланокъ и полънаддатка въ забродю; тридцать четвертый—Гапоновский, полъланокъ добрый, не треба наддатку; тридцать пятый, тридцать шостый—поповъ ланъ добрый, не треба наддатку; тридцать семый—Богданъ зъ Глушкомъ, добрый полъланокъ, не треба наддатку; тридцать осмый—Зѣнько Литвинъ, добрый, не треба наддатку; тридцать девятый—Поридубецъ,

добрый, не треба наддатку; чотырдесятый — Бакунъ, добрый полъланокъ, безъ наддатку; сорокъ первый—Евлахъ, подлѣйший полъланокъ, и коротший наддатокъ, на забродю, зъ Ничипою; сорокъ вторый—Бондаръ, полъланокъ, полънаддатку до него въ забродю; сорокъ третий—Миско Лушчевичъ, полъланокъ, а полънаддатку до него въ забродю. Потымъ взась (sic) коротшие полъланки, которые на северугахъ впали въ болото, на которое болото наддатки дано на забродю и должшие полъланки . . . .*) сорокъ четвертый—Хома Паска, полъланокъ, и наддатокъ цилый надъ татарскою стругою; сорокъ пятый—Турибарка, полъланокъ, и наддатокъ надъ татарскою стругою; сорокъ шостый—Тишко съ Кухтою, полъланокъ, и наддатокъ тамъ же; сорокъ семый—Вакула, полъланокъ, и наддатокъ тамъ же; сорокъ осмый—Колодко, полъланокъ, и наддатокъ тамъ же; сорокъ девятый—Васко Лагодичъ, а наддатокъ тамъ же; пятдесятый—Климъ Лагодичъ, а наддатокъ тамъ же; пятдесятъ первый—Гурко, полъланокъ, и наддатокъ тамъ же, у струги татарское; а потомъ полъланки добрые, безъ наддатковъ: пятдесятъ вторый—Бортникъ зъ Шишлемъ, полъланокъ, безъ наддатку; пятдесятъ третий—Глушко зъ Богданомъ, полъланокъ, безъ наддатку; пятдесятъ четвертый—Кухта, полъланокъ, безъ наддатку; пятдесятъ пятый—князю Абрамовичу, пустый полланокъ, безъ наддатку; пятдесятъ шостый—князю Абрамовичу, пустый полъланокъ, безъ надъдатку. Обшаръ дворный на тую жъ першую руку предъ селомъ одъ дороти зъ села, ажъ до стины за дорогу розобраны въ року тисеча шестьсотъ пятого . . . . . **), на весну, на три части, который маетъ въ себѣ шнуровъ надовъжъ тридцатъ и пять, а вширъ—шнуровъ пятнадцать; первая часть—Ѳедоровская, одъ села подле стины бочней, сѣлской, пану Набялкови съ панею Болобановою, другая часть Ивановская, розмѣренья на чотыри роздѣлъки, ведлугъ ихъ права: першый роздѣлокъ—пану Коштюшковичу Хоболтовскому, подле обшару Ѳедоровское части; другый роздѣлокъ—пану Набялкови, подле пана Коштюшковича; третий роздѣлокъ подле того же—князю Адаму Грегоровичу, до которого, для долипъ, наддатокъ одинъ подъ Клячковичами, подле за-

*) Въ подлинникѣ пропускъ.
**) Тоже.

пусту, дано на шестнадцать сажонъ вширь; четвертый роздѣлокъ —пану Лыховскому на часть князя Яна и Ивана Михайловичовъ, одъ межи Василевской, до которого наддатокъ дано подъ Клячковичами одинъ, на шестнадцать сажонъ вширъ; третяя часть Василевская, одъ стины, которая идетъ въ головахъ полъланковъ тыхъ, що ку Туровицкой граници концами притикаютъ, тая часть отдана пану Набялкови, которая шостая частка приходитъ пану Семену Коштюшковичу и отдѣлена естъ подле роздѣлку пана Лыховского, а пятъ частий пану Набялкови на концу, подле стины, на другую руку поля одъ Клячковичъ и Туровичъ, напередъ—запустъ подъ Клячковичами, межи стинами, которого естъ вширъ шнуровъ девятнадцать и полъ шнура, на тры части роздѣлены и съ краевъ межи означоны, на першую часть одъ Клячковичъ шнуровъ шестъ и полъ шнура—Ивановскую, другое часть, въ посродку шнуровъ шесть и полъ шнура—Василевская, третяя часть шнуровъ полъсема—Федоровская, которой запустъ каждому маетъ быти въ цѣлости захованъ, абы нихто рубати не важился, подъ зарукою стома копъ грошей Литовскихъ на сторону укривжоную и на врядъ Володимерский, до которого позванъ будетъ шкодца; а коли хто кого, рубаючи въ своемъ запусти, албо на своемъ полъланку, застане, волно ему поймати и на врядъ кгродский Володимерский отдати, на упадъ въ речи, зъ волми албо зъ конми,—щимъ его застапутъ на своемъ кгрунти, рубаючого дерево, албо хворость: нехай кождый свое уживаетъ, а чужому даетъ покой. Полъланки подданымъ на другую руку одъ Туровицкое граници, а наддатки за запустомъ, въ Забродю, и одъ струги Татарское и одъ Клячковичъ: перший полъланокъ, одъ запусту дворного—Грицу Литвину, и наддатокъ на забродю, а другого одъ Клячковичъ, на подлость кгрунту, дано полъ наддатку; другый—Ивану Полещуку полъланокъ, а наддатокъ на Забродю, и, на подлость кгрунту, другого одъ Клячковичъ—полъ наддатку; третий полъланокъ—Макаръ Ревонъ, а наддатокъ на забродю, и, на подлость кгрунту, другий одъ Клячковичъ—полъ наддатку; четвертый —пану Набялкови полъланокъ пустый, до него наддатокъ на Забродю, и другого, на подлость кгрунту, отъ Клячковичъ половица; пятый полъланокъ—Якимцови, и до него наддатокъ подле того жъ

суседа, и другого, подъ Клячковичами, на подлость кгрунту,—половица; шостый полъланокъ—Мискови Ретичъ изъ Ракомъ, и наддатокъ тамъ же на забродю, и другого, на подлость кгрунту, одъ Клячковичъ —полова; семый полъланокъ—Грицу Приходичу, а наддатокъ тамъ же на забродю, и другого, на подлость кгрунту, одъ Клячковичъ—полова; осмый—Охримъ и Климъ Лапчичи, полъланокъ, наддатокъ на Забродю, и полънаддатку одъ Клячковичъ; девятый полъланокъ—Курило Скрыпка, зъ возного зятемъ, а наддатокъ на забродю одинъ: десятый—Яцко Васковичъ, полъланокъ одинъ, наддатокъ на Забродю, а потомъ наддатьки подлые ку струзе Татарское; одинадцатый — Сенко Ванковичъ, полъланокъ, наддатокъ отъ стругы Татарское злый, которому придано одъ Клечковичъ полънаддатку; дванадцатый — Скорутко, полъланокъ, наддатокъ подлый, до которого полънадъдатку придано отъ Клечьковичъ; тренайнадцатъ — Иванъ Мартиновичъ, полъланокъ, которому наддатокъ подлый барзо, тамъ же, а полънаддатку придано одъ Клечковичъ; четвертыйнадцатъ — Скроковский, пустый полъланокъ, наддатокъ тамъ же, въ струги татарское, подлый, до него придано полънадъдатъку одъ Клечковичъ; пятыйнадцеть полъланекъ — Стецкова Андрейчикъ, наддатокъ подлый у струги, а придано полънадъдатъку тамъ же, одъ Клечъковичъ; шостыйнадъцетъ—Савчинский, полъланокъ, а надъдатокъ тамъ же, у струги, а полънадъдатку одъ Клечъковичъ; семыйнадцатъ—Грицъ Ѳедъчичъ, полъланокъ, которому барзо подлый наддатокъ трафилъ се, теды ему полънадъдатъку лѣпшую одъ Клечъковичъ; осмыйнадцеть—Грицъ Рухътичъ, полланокъ и полънадъдатку одъ Клечковичъ; девятыйнадцеть—Турчиновский, полъланокъ, наддатокъ одъ струги Татарское и Клипачевичъ, подъ Клечковичами; двадцатый—полъланокъ пану Стакорскому, надъдатокъ одъ струги татарское; двадцать первый—полъланокъ князю Абрамовичу, надъдатокъ подлый одъ струги, а полънадъдатъку одъ Клечковичъ —клина половица; двадцеть вторый полланокъ—возного зятеви, а надъдатокъ одинъ одъ струги, одътоль скорупетъ горою почела се на полъланкахъ; двадцать третий полланокъ—Плеваче, до него надъдатокъ одъ струги татарское, а на подлость полъланка полънадъдатъку одъ Клечковичъ; двадцать четвертый—Бортникъ зъ Шишлемъ,

полъланокъ, надъдатокъ тамъже, одъ струги татарское, границы Туриское, а на скуропети полънаддатку одъ Клечковичъ; двадцать пятый — Лапка зъ Омеляномъ, полъланокъ, надъдатокъ тамъ же, отъ струги, и полъ надъдатку одъ Клечъковичъ; двадцать шостый— Цецко зъ Мартиномъ, полъланокъ, надъдатокъ тамъ же, одъ струги, и полънадъдатку одъ Клечъковичъ; двадцать семый — Миско Момотовичъ, полъланокъ, надъдатокъ тамъ же, одъ струги, и полънадъдатку одъ Клечковичъ; двадцатъ осмый полъланокъ, пустый, пана Набялковъ, надъдатокъ одъ струги, иполънадъдатку одъ Клечковичъ; двадцетъ девятый полланокъ, пустый, пана Набялковъ, надъдатокъ у струги, и полънадъдатку одъ Клечковичъ; тридцатый--Остай зъ Мискомъ, полъланокъ, надъдатокъ тамъ же, отъ Струги, надъдатокъ подъ Клечъковичи, подлейший; тридъцетъ первый—Тубай, полъланокъ, а надъдатокъ одъ дороги Туровицкое, и полънадъдатку одъ Клечъковичъ, подле Плеваки,—дотоль скорупетъ зоставаетъ на полъланкахъ,—одно троха коротшие полъланки; тридцатъ вторый—Бутко, полъланки, надъдатокъ тамже, и подъ Клечъковичами надъдатку третина; тридцатъ третий полъланокъ—Тимошъ Колчичъ, а надъдатокъ тамъ же, и подъ Клечковичи третина наддатку; тридцать четвертый полланокъ—Гапоновский, а надъдатокъ тамъ же, и подъ Клечковичами надъдатку третина; попови резовъ два и надъдатокъ въ кутѣ надъ ставискемъ, въ вилахъ нивка ку Туриску, тутъ граница Туровицкая вперла; полъланки, которимъ коротко надъдатки дано, при границы Туровицкое, одъ Сычиня: тридцать пятый—Богданъ, полъланокъ, а надъдатокъ въ гостынцу Турискомъ, одъ струги, и въ Сычиню, кавелецъ писку; тридцатъ шостый—Зѣнъко Литвинъ, полъланокъ, надъдатокъ одъ струги, въ гостынъца Турискаго, и на Сычиню, троха пяску; тридцетъ семый—Поридубецъ, полъланокъ, надъдатокъ тамже, въ гостынца Турискаго, и въ Сыциню, троха писку; тридцатъ осмый—Бакупъ, полъланокъ, надъдатокъ тамъ же, въ гостинъца Турийскаго, и въ Сичиню, троха писку; тридцатъ девятый —Евлахъ, полъланокъ, надъдатокъ тамъ же, и въ Сыциню, троха писку; чотырдесятый—Богданъ, полъланокъ, надъдатокъ тамъ же, и въ Сыцыню, троха писку; сорокъ первый—Миско Лучичевичъ, полъланокъ, надъдатокъ тамъ же; сорокъ вторый Абрамовъский—

пустый полъланокъ, надъдатокъ до него у дороги Туровицкое; сорокъ третий—Абрамовъский полъланокъ, надъдатокъ у Туровицъкое дороги; сорокъ четвертый—Хома, полъланокъ, а надъдатокъ тамъ же, у гостинца Турийского; сорокъ пятый—Турибарка, полъланокъ, а наддатокъ тамъ же, у гостинца Турийского; сорокъ шостый—Тишко Чорномысъ, полъланокъ, а наддатокъ тамъ же; сорокъ семый—Вакула, полъланокъ, а наддатокъ тамъ же; сорокъ осмый—Колодко, полъланокъ, а наддатокъ тамъ же; сорокъ девятый—Васко Лакодичъ, полъланокъ, а надъдатокъ тамъ же; пятдесятый—Климъ Лакодичъ, полъланокъ, а надъдатокъ тамъ же, въ гостинца Турийского; петдесять первый—Гурко, полъланокъ, а надъдатокъ у Туровицкой дороги, подъ Сыченемъ; петдесятъ вторый—Глушко, полъланокъ, а вадъдатокъ у Туровицкой дороги, подъ Сычинемъ; петдесятъ третий,—Бортникъ зъ Шишлемъ, полъланокъ, а надъдатокъ у Туровицкой дороги; петдесятъ четвертый—Кухта, полъланокъ, а надъдатокъ у Туровицкой дороги; а тутъ стина подле обшаровъ дворныхъ, въ Сычине, ажъ до границы Турийской: сеножати, на болоти за Сычинемъ, розмероные подданымъ, до полъланковъ петдесятъ и чотырохъ, почавши отъ границы Туровицъкой: перший ризокъ—Хоме,—противъ полю; другий—Турибарка, противъ его полю; третий—Тишкови Жорномышови, четвертый—Вакула, пятый—Колодкови, шостый—Васкови Лиховичу; семый—Климу Лякодичу; осмый—Гуркови; девятый—Глушкови; десятый—Бортникови зъ Шишломъ; одинадцатый—Кухте,—потулъ противъ ихъ полю; а потомъ починаютъ се зъ сажонъ: вторыйнадцатъ—Абрамовский, третийнадцетъ—Абрамовский, четвертыйнадцатъ—Мискови Лупчевичовы, пятыйнадцатъ—Бондарови, шостыйнадцатъ — Евлахови, семыйнадъцетъ—Бакунови, осмыйнадъцетъ—Поридубъцови, девятыйнадъцетъ — Литвинови, двадцатый — Богданови, двадцатъ первый—Гапоновке, двадцатъ вторый — Тимошови Косчичови, двадцать третий — Бутъкови, двадцатъ четвертый — Тубайцови, двадцатъ пятый — Остапови, двадцатъ шостый —пустое, пана Набялково, двадцатъ семый—пустое, пана Набялково, двадцатъ осмый—Момотовичови, двадцатъ девятый—Чечъкови, тридцатый—Лапка зъ Омеляномъ, тридцатъ первый—Бортникъ зъ Шишломъ, тридцатъ вторый—Плеваце, тридцатъ третий—Скрзипка, зъ

возного зятемъ, тридцатъ нетвертый—князю Абрамовичу, тридцатъ пятый—пану Стакорскому, тридцатъ шостый—Турчиновские, тридцатъ семый—Рухътовичови, тридцатъ осмый—Грицеви Федчичови, тридцатъ девятый—Савчинское, чотыредесятый—Стецковая Анъдрейчичъ, сорокъ первый—Сороковской, сорокъ вторый—Мартиновичови, сорокъ третий—Скоруткови, сорокъ четвертый—Сенку Васковичови, сорокъ пятый—Гацу Ванковичови, сорокъ шостый—Скрипка, зъ возного зятемъ, сорокъ семый—Охрѣмъ зъ Лапкою, сорокъ осмый—Приходичови, сорокъ девятый—Редчичу зъ Ракомъ, петдесятый—Якименетю, петдесятъ первый—Шиковичъ Гирка, петдесятъ вторый—Макаръ, петдесятъ третий—Ивану Полещуку, петдесятъ четвертый—Грицу Литвину. Обшары дворные отъ дороги Миляновское, которые тянутъ се презъ Сычинъ до сеножатей хлопскихъ, до болота, на тую жъ руку; перший дѣлъ—Кираю, отъ полъланковъ, которые концами до границы Туровицкое вдираютъ, которые на три части розделеные естъ, которого вширъ шнуровъ деветъ межи стинами; на передъ: на частъ Федоровскую шнуровъ три оддано; подле стины, на частъ другую, то естъ Ивановъскую, три оддано, которая частъ чотыри розделки маетъ въ собе, яко въ иншихъ: перший розделокъ князю Адамови, подле части Федоровъское, другий—пану Лыховскому, третий—пану Костюшковичу а четвертый—пану Набялкови; подле части Василевское, на частъ третюю Василевскую, шнуровъ три оддано, которую пятъ частей—пану Набялкови, а шостую частку—пану Семену Костюшковичу, полшнура, подле Ивановское части, отделено; тамъ же другий дѣлъ, стинами обложоный, на болоню, которого естъ шнуровъ осмъ, вширъ концами до сеножатей хлопъскихъ за Сычинъ, по болото, розделеный на три части, которое достало на кождую частъ по два шнуры и сажней двадцатъ, который дѣлъ озимною засѣяно въ року тисеча шестсотъ пятомъ, то естъ: на частъ Федоровскую—шнуровъ два и сажонъ двадцатъ; подле стини съ Кираю, на частъ Василевскую—шнуровъ два и сажонъ двадцатъ; подле тоежъ, на часть Ивановъскую—такъже шнуровъ два и сажонъ двадцатъ, которая частъ чотыри розделки маетъ въ собе по двадцети сажней: перший розделокъ—нану Набѣлъкови, одъ его обшару сажный двадцатъ, где шостую частку Василевское части одъ

пана Набѣлъка пану Костюшковичу Хоболтовскому одъдано, што ему належитъ, сажный тринадцетъ и локотъ одинъ; пану Костюшковичови Хоболътовскому сажонъ двадцать; подле того князю Адаму сажонъ двадцатъ; подле того пану Лыховскому сажонъ двадцать, отъ стены, съ краю. Третий дѣлъ тамъже, подле стены, на залѣсю, где дворъ князевъ Бурдиновичовъ—Грегора и Александра и пана Набѣлъковъ, который дѣлъ на три части сами панове розделили тымъ способомъ: на передъ—на частъ Федоровскую, где два князевъ Бурдиновичовъ—Александра и Грегора, подле стены подълужнее, отмероно, межи назначоно—вширъ шнуровъ деветъ лѣпшого поля, а вдовжъ, отъ стены селъское, шнуровъ дванацатъ до болота великого, которое болото идетъ до границы Клевецкое, которого вдолъжъ не мѣроно, бо тежъ певное границы нимажъ, а въширъ также деветъ шнуровъ, яко поле одмероно; а на село, въ концу того дѣлу, сѣножати подъданымъ отдано, на частъ Ивановскую, того дѣлу, подле тое части, которая на продку островомъ и сеножатями трафилася, а поля меншей въ ней одмерилосе: мѣсто девети шнуровъ вширъ—шнуровъ двенадцетъ, а вдовжъ шнуровъ пултринаста отъ болота великого до старой речъки и до знаковъ положеныхъ; а болото великое до того жъ належитъ яко его стави естъ до границы Клевецкое, а для того ширей трима шнурами тая частъ пустиласе, же коротшое, полемъ естъ, и не доходитъ до стины, яко частъ князевъ Бурдиновичовъ и пана Набялка; вшакъ же кгрунту тамъ много, и болшей найдуетъ се въ ней, же кривды въ томъ ни маешъ, а для того до стены селъское не доходитъ, ижъ сеножати, подданымъ розданые, зашли, которыхъ не годитсе имъ братъ, бо безъ нихъ трудно се маютъ обыйти, которые се имъ роздали, яко нижей написалосе, на все село. Которую частъ Ивановъскую розделено естъ на три розделки: перший розделокъ, подле части Федоровъское, вширъ шнуровъ три, а вдовжъ—отъ болота великого—шнуровъ полътриначта, по речку старую, и по знаки и колы затъкненые, належитъ пану Лыховскому, отъ князевъ Яна и Ивана Михайловичовъ Ружинскихъ; другий розделокъ, такъже подле того, вширъ шнуровъ три, ровно съ тымъ же, князю Адаму Григоревичу Ружинскому; третий розделокъ пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому ширей двемя сажнями,

то естъ шнуровъ три и два сажни, же коротши трафилъсе по ставокъ пана Набѣлъковъ, и по ставокъ зостаетъ, до которого огородъ Юсковский придано, а пану Набѣлкови, на его четвертый розделокъ, дано не полъна три шнуры,—то естъ безъ сажонъ двухъ, абы его ставокъ въ цале ему зосталъ а перешкоды не мѣлъ въ немъ, а вдолжъ, яко ему отмероно, одъ болота до сеножатей подъданыхъ, одъ села, поки поле естъ, а за полемъ сеножати подданымъ зашли; а ижъ естъ великая долина на части Федоровской, где вода завше стоитъ, изходитъ полю и сеноженъцомъ, теды презъ частъ Ивановскую потребный ровъ будетъ копатъ для усушеня сеножатей и полъ; и коли панъ Набялокъ, алъбо инший учасникъ части Федоровское будетъ хотелъ копатъ ровъ,—нехъ то му волно будетъ, почавши отъ тераз-нейшого рову, который идетъ отъ криницъ, ажъ до тамъ той глубокой долины тымъ ровомъ, и части Ивановское, для сеножатей усушеня великая помочъ будетъ коли ровъ будетъ копаный; на третюю частъ Василевъскую, отмероно шнуровъ десетъ кгрунту песковатого, подлейшого, на которомъ обшаре дворъ естъ пана Набялковъ; презъ тотъ же обшаръ дорога до Клевецка на гребелку его, вдолжъ тоежъ обшару, одъ стины до болота, шнуровъ дванадцетъ, которое части розделокъ шостая частъ виделена пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому, на краю, противъ двора его, шнуровъ пултора; третее поле на Крымне, обшары дворные, паномъ, а на бору полъланки и надъдатки, а зъ подъ Локошъ, подданымъ на третюю руку, где на паренину разобрано сутъ въ року тисеча шестсотъ четверътомъ, месеца июня пятогонадцетъ дня, ... тые обшары дворные подле стены, которая делитъ одъ Кримна село, которыхъ въдолжъ естъ шнуровъ двадцатъ и пятъ, а вширъ шнуровъ осмнадцатъ, и тымъ способомъ помероно и розделено сутъ и розобране въ року тисеча шестсотъ четвертомъ, одъ всихъ учасниковъ на три части звыклые, то естъ: подле попа, которому шнуръ одинъ на церковъ пясковатого кгрунту одмероно отъ ставу; на частъ Федоровскую, пану Набялкови съ панею Болобановою, писковатого, отъ части инши хъ, подле того кгрунту, шнуровъ шестъ; подле тое части на другую частъ Ивановскую дано шнуровъ шесть, которая часть на чотыри розделъки розмерона естъ, то естъ: пер-

вый розделокъ, отъ межи части Федоровское, князю Адаму Григоревичу—шнуровъ пултора; другий розделокъ пану Лыховскому—шнуровъ пултора; третий розделокъ — пану Семену Костюшковичу Хоболтовскому, шнуровъ пултора; четвертый розделокъ—пану Набялкови шнуровъ полтора подле гостинца Ковелского, на который гостинецъ кгрунту два сажни одъмероно; третяя частъ Василевская, которая впала въ болото зъ обохъ концовъ обшару, пану Набялкови отдано, до которое писковатого поля придано шнуровъ два вширъ; тамъже обшары надъ болотомъ, взглядомъ того же болота, впала тая частъ зъ обохъ концовъ и место пляцу на дворъ, яко се первей поменило, зъ другою штукою кгрунту ку Зелонце, и дванадцать подъ Плечковичами, теды части шостая частка одъмерона есть и отдана пану Костюшковичу Хоболтовскому. Подле межи части Ивановъское, за дворомъ пана Костюшковичовымъ, ку Клевецкой границы, конъцами, напродъ: одъ объшару пана Набялкового одмероно шнуровъ семъ вширъ подлого барзо болота на частъ Василевскую пану Набялкови, по поле надъ Дай (sic), а поле на огороды роздано подданымъ, яко о томъ первей писалосе—кому е дано при хатахъ ихъ; а потомъ, подле тоежъ, на частъ Ивановскую отмероно болота лѣпъшого и жнива поля шнуровъ полъсеми, которое на чотыри части звыклые розделено; на третюю частъ Федоровъскую остатокъ того болота, барзо подлого, дикого, далосе по стину волочную, и попови дано полъшнура болота тогожъ до церкви. Ту стиною волочную, одъ объшаровъ Кримна, въ головахъ полъланковъ на бору, въ тыле объшаровъ дворныхъ, полъланки подъданымъ помероно одъ болота Осовецкого на три части до бочной стины, до болота Селецкого, у Зелонки, резовъ петдесятъ и чотыри, и попови въ посродку полтора реза, каждый резъ вширъ по чотырнадцати сажонъ, а вдолъжъ шнуровъ тридцетъ; которые пулъланъки починаются одъ тыхъ объшаровъ Криминскихъ, а опираютсе о стину на бору отъ наддатковъ: первый полъланокъ на Брищиче, одъ болота—Грицу Литвину, до которого тамъ же наддатокъ, на кроткостъ пулъланка, надъ болотомъ отъ Совцы; другий полъланокъ—Иванъ Полещукъ, до которого надъдатокъ у гребли ку Тураску, зъ нивкою, тамъ же надъ ставискомъ; третий полъланокъ Маляревою, до

которого наддатокъ у гребли, посполу зъ нивкою у дороги, подъ ставомъ ку Туриску; четвертый полъланокъ—Охримъ зъ Лапъчикомъ, наддатокъ подъ ставомъ; пятый полъланокъ—Гурко, до которого надъдатокъ подъ ставомъ; шостый полъланокъ—Гацъ Васковичъ, а наддатокъ тамъ же, подъ ставомъ; семый полъланокъ—Сенко Васковичъ, а надъдатокъ тамъ же, подъ ставомъ; осмый полъланокъ—Грицъ Приходичъ, а надъдатотъ до него тамъ же, подъ ставомъ; девятый—Иванъ Мартиновичъ, полъланокъ, а наддатокъ тамъ же, подъ ставомъ; десятый полъланокъ—Сороковский, надъдатокъ тамъ же, подъ ставомъ; одинадцатый полъланокъ—Стецковъ Андрейчича, наддатокъ тамъ же, подъ ставомъ; дванадцатый—Савчинский полъланокъ, наддатокъ тамъ же зъ долиною, подъ ставомъ; третийнадцетъ полъланокъ—Грицъ Федчичъ, наддатокъ надъ болотомъ оцъ Осовца,—давна его нивка; четвертыйнадцетъ—Рухтичъ, полъланокъ, а наддатокъ другий на подставю, одъ поповое стѣнки до ставу,—бо барзо подлый полъланокъ его; пятыйнадцетъ Турчиновский—пану Стакорскому, полъланокъ, а наддатокъ тамъ же, подле Рухътича, на подставю, концомъ до поповее стѣнки; шостыйнадцетъ полъланокъ — Мыско Редчичъ зъ Ракомъ, а наддатокъ тамъ же, подъ ставомъ, такий же; семыйнадцатъ — возного зятеви полъланокъ, а наддатокъ тамъ же, одъ поповое стены, такий же; осмийнадцетъ—Якимъцови полъланокъ, а полънадъдатку до него на подставю, короткий; девятыйнадцетъ—Скорутко, полъланокъ, а полънаддатку до него тамъ же, ку стависку; двадцатый—Плевака, полъланокъ, а надъдатокъ тамъ же целый ему, на подставю; двадцатъ первый—Бортникъ зъ Шишлемъ, полъланокъ, а полънадъдатъку ему тамъ же, на подставю; двадцатъ вторый—Лапка зъ Иваномъ, полъланокъ, а надъдатокъ ему тамъ же; двадцатъ третий—Цецко зъ Мартиномъ, полъланокъ, а наддатокъ ему тамъ же; двадцатъ четвертый—Тубай, полъланокъ, а надъдатокъ до него тамъ же, на подставю; двадцатъ пятый—Момотовичъ Миско, полъланнокъ, наддатокъ ему тамъ же; двадцатъ шостый полланокъ пустый—пана Набялковъ; двадцатъ семый полланокъ пустый—пана Набялковъ, до нихъ наддатки два короткие тамъ же; двадцать осмый—Миско Шевченя, полъланокъ, наддатокъ короткий тамъ же; двадцатъ девятый—Омелянъ Гирка, полъланокъ, наддатокъ тамъ же короткий;

тридцатый—Бутько, пулъланокъ, наддатотъ тамъ же; тридцатъ первый—Тимошъ, полъланокъ тамъ же, наддатокъ на подставю; тридцатъ вторый—Гапоновъский, наддатокъ барзо короткий, у поповое стены, надъ долиною; попови дано резовъ полтора, а на гостинецъ полтора зоставено подле попа, же бы не езджено по мужицкихъ пулъланкахъ; тридцатъ третий—Иванъ Глушко, пулъланокъ, полънаддатку подъ Зелонкою; тридцатъ четвертый—Богданъ, полъланокъ, а зособна тымъ двѣма дало се нивекъ три за наддатки до двухъ полъланковъ на концу межи болота, за Зелонкою; тридцатъ пятый—Зѣнко Литвинъ, полъланокъ, наддатокъ барзо короткий у поповое стины, ку Зелонце; тридцатъ шостый — Омелянъ Поридубецъ, полъланокъ, наддатокъ тамъ же короткий подле попа, ку Зелонце, надъ долиною; тридцатъ семый—Бакунъ, полъланокъ короткий отъ другихъ, наддатокъ у Зелонки, надъ долиною; тридцать осмый—Евлахъ, полъланокъ, надъдатокъ до него тамъ же, у Зелюнки; тридцатъ девятый—Бондаръ, полъланокъ, до котораго наддатокъ у Зелюнки; чотырдесятый—Миско Лушчевичъ, полъланокъ, надъдатокъ подъ Локошемъ, нивка съ Хомою пашни въ кутѣ на то, што впадныи полъланки, и нивка подъ Зелонкою; сорокъ первый — Хома Паска, полъланокъ; сорокъ вторый—Турибурка, полъланокъ, а наддатокъ у Зелюнъки; сорокъ третий—Чорномысъ, полъланокъ, а надъдатокъ у Зелюнки; сорокъ четвертый—Кухта, пулъланокъ, а надъдатокъ тамъ же, у Зелюнки; сорокъ пятый—Вакула, полъланокъ, а надъдатокъ тамъ же, у Зелюнки; сорокъ шостый—Колодко, полъланокъ, до него наддатокъ въ кутѣ, подъ Локошемъ; сорокъ семый—Васко Лакодичъ, полъланокъ, а надъдатокъ тамъ же, у гати, ку Локошу; сорокъ осмый—Климъ Лагодичъ, полъланокъ, а надъдатокъ тамъ же, у гати, подъ Локошемъ; сорокъ девятый пулъланокъ пустый—князю Абрамови, а наддатокъ у гати, тамъ же; наддатокъ подле того зосталъ на мелника, кому се достанетъ; петдесятый полъланокъ — пану Стакорскому, а наддатокъ у гати; петдесятъ первый — Курило Скрипька, полъланокъ, а наддатокъ у гати; петдесятъ вторый —Бортникъ въ Шишлемъ, полъланокъ, а наддатокъ у гати; петдесятъ третий пустый полъланокъ,—князю Абрамови, наддатокъ у Зелюнки одинъ; петдесятъ четвертый пустый полъланокъ,—тому жъ

князю Абрамови, на который кутъ поля дано и нивки надъ болотомъ тамъ же, и за Зелюнкою мѣсто наддатку нивка. Тамъ же за Зелюнкою болото великое одъ границы Селецъкое, которого есть шнуровъ вдолжъ тридъцатъ, на три части розмероно, абы, хочъ не пожиточное, кождый о своемъ ведалъ: зъ дому—Василевская, ве сродку—Федоровская, а отъ ставу—Ивановская частъ. Другое болото одъ Осовца за Брищихою, за полъланками мужицкими, змероно, которого шнуровъ двадцатъ и чотыри, на три части розмероно: зъ дому—Василевская, въ середини—Федоровская, а одъ села—Ивановская. Надъдатки на бору на всѣ полъланки мужицкие роздане, почавши одъ стены первое, въ концу полъланковъ, по дванадцети сажонъ где длужей, а где коротшей—по чтырнадцетъ сажонъ, одъ болота до болота концами, съ хоросты, сеножатями, подданымъ належитъ: перший подъдатокъ—Грицъ Литвинъ, съ краю, другий—Иванъ Полещукъ, третий—Макаръ, четвертый—Охримъ зъ Лапъчикомъ, пятый— Гурко, шостый—Гацъ Васковичъ, семый—Сенко Васковичъ, осмый—Грицъ Приходичъ, девятый—Иванъ Мартиновичъ, десятый полъланокъ—Сороковский, одинадцатый — Стецковая Андрейчичъ, другийнадцетъ — Савчинская, третийнадцетъ—Грицъ Федчичъ, четвертыйнадцетъ—Рухтичъ, пятыйнадцетъ—Турчановское, шостыйнадцетъ—Миско Редчичъ и Ракъ, семыйнадцетъ—возного зятъ, осмыйнадцетъ—Якимецъ, девятыйнадцетъ—Скорутько, двадцатый—Плевака, двадцатъ первый—Бортникъ зъ Шишлемъ, двадцатъ вторый—Лапъка зъ Иваномъ, двадцатъ третий—Цецко зъ Мартиномъ, двадъцатъ четвертый—Тубай, двадцатъ пятый—Момотовичъ, двадцатъ шостый—пустый, пана Набялъковъ, двадцатъ семый—пустый, пана Набялъковъ, двадцатъ осмый—Миско и Остапъ, двадцатъ девятый—Гирка, тридцатый—Бутько, тридцатъ первый—Тимошъ, тридцатъ вторый—Гопоновский, тридцатъ третий—Глушко, тридцатъ четвертый—Богданъ, тридцатъ пятый—Зѣнко Литвинъ, тридъцатъ шостый—Порндубецъ, тридцетъ семый—Бакунъ, тридцатъ осмый—Евлахъ, тридъцатъ девятый—Бондаръ, чотырдесятый—Миско Лушчевичъ, сорокъ первый—Хома, сорокъ вторый—Турибурка, сорокъ третий—Чорномысъ, сорокъ четвертый—Кухъта, сорокъ пятый—Вакула, сорокъ шостый—Кукло, сорокъ семый—Васко Лакодичъ, сорокъ осмый—Климъ Лакодичъ, сорокъ де-

вятый—пустый, князю Абрамови, петдесятый—пана Стакурского, петдесятъ первый—Курило Скрипъка, петдесятъ вторый—Бортникъ зъ Шишлемъ, петдесятъ третий—Абрамовичу, петдесятъ четвертый—Абрамовичу; тамъже за стиною надъдатокъ одинъ зосталъ, виръ на шнуръ одинъ, для мелника, на частъ Василевскую, до Колесца. Тамъже частъ, где ездятъ до Ковля, презъ болото, которое частъ розмероно на три части, а на кождую частъ шнуръ одинъ и саженъ десетъ отмероно, ведлугъ означоныхъ месцъ, которую частъ повинни панове съ подъдаными направовать кождый дѣлчое свое, ведлугъ помѣру, подъ зарукою трохъ рублей грошей Литовскихъ на укривжоную сторону и на урядъ кгродский, Володимерский, и подъ на гороженьемъ шкоды, хто бы се допустилъ позвати о то, о што форумъ до кгроду Володимерского и о дѣльничое на гребляхъ, хто бы ихъ не направилъ. А мостокъ тамъже на гати, яко на кгвалтъ повинни всѣ панове тамъже на своихъ дѣльничахъ направовати, яко се розмерило. Тамъже сеножати, розмероные и розданые поддаными, резовъ петдесятъ и чотыри, на кождого по сажни чотырнадцатъ вширъ: перший резокъ дано Грицу Литвину, другий—Ивану Полещуку, третий—Макару, четвертый—Охриму зъ Лапъчикомъ, пятый—Гуркови, шостый—Гацу Ванъковичу, семый—Сенку Ванковичу, осмый—Грицу Приходичу, девятый—Ивану Мартиновичу, десятый—Сороковъскому, одинадцатый—Стецковой Андрейчичъ, двенадцатый—Савчинъскому, третийнадцетъ—Грицу Федчичу, четвертыйнадцетъ—Грицу Рухтичови, пятыйнадцетъ—Турчиновскому, шостыйнадцетъ—Мискови Ретчичу и Ракови, семыйнадцетъ—возного зятеви, осмыйнадцетъ—Якимцови, девятыйнадцетъ—Скоруткови, двадцатый—Плеваце, двадцетъ первый—Бортникови зъ Шишлемъ, двадцетъ вторый—Лапъци зъ Иваномъ Гуркомъ, двадцетъ третий—Цецкови зъ Мартиномъ, двадцатъ четвертый—Тубаеви, двадцетъ пятый—Момотовичу двадцетъ шостый—пустому, пана Навялъковому, двадцетъ семый—пустому, пана Набялъковому, двадцатъ осмый—Шевчиняти, двадцетъ девятый—Гирци, тридцатый—Буткови, тридцатъ первый—Тимошови, тридцатъ вторый—Гапоновъскому, тридцатъ третий—Глушкови, тридцатъ четвертый—Богдану, тридцатъ пятый—Зѣнкови Литвинови, тридцатъ шостый—Поридубъцеви, тридцатъ семый—Бакунови, трид-

цатъ осмый—Евлахови, тридцатъ девятый—Бондарови, чотырдесятый—Мискови Лушчевичу, сорокъ первый—Хоме Пасци, сорокъ вторый—Турибарци, сорокъ третий—Чорномысови, сорокъ четвертый—Кухъта, сорокъ пятый—Вакула, сорокъ шостый—Колодкови, сорокъ семый—Васкови Лакодичови, сорокъ осмый—Климу Лакодичови, сорокъ девятый—пустому, князю Абрамовому, петидесятый—пану Стакурскому, петдесятъ первый—Курилови Сипъце, петдесятъ вторый—Бортникови зъ Шишлемъ, петдесятъ третий—князю Абрамовичови, петдесятъ четвертый—князю Абрамовичови. За тыми сеножатями надъ ставомъ въ кутѣ у валъкахъ, межи болоты, подъ Локотемъ, штука хворосту не малую на сполную пашу и потребу, бо тежъ тамъ вода часто побѣраетъ, для того не мѣроно. За ставомъ надъ речъкою Турею, отъ границы Селецкое до границы Городельское, около млына, частъ кгрунку, немалая штука хворосту, сеножати и поля, надлужъ по гребъли идучи, шнуровъ шеснадцетъ и греблю въ то розмеривши, которое розмероно на три части: першая частъ Ивановъская, где гребля—шнуровъ пятъ, другая частъ Василелъская—шнуровъ пятъ, третяя частъ отъ Селецкое границы, Федоровъская—шнуровъ шестъ, которая естъ не такъ широка, яко другие часты. Ставы: перший ставъ подъ Локошомъ на сполномъ кгрунте и млынъ готовый; другий старый стависко, ку Туриску, едучи зъ села—пусте, старая гребъля; третее можетъ . . . стависко на дикомъ болоте у колесца, где може се збудоватъ ставъ, греблю приткнутъ до берегу Городелского, до нивы пана Наблковы, которое тымъ способомъ розделити се маютъ на три части. Што се тежъ припущаетъ до узнаня пановъ учасниковъ на частъ Василевъскую—у колесца будоваты ставъ, на частъ Федоровскую—старе стависко одъ Туриска, а на частъ Ивановъскую—ставъ готовъ и млынъ подъ Локошемъ; вшакъ же то готового ставу и млына маютъ сполне уживати всѣ и мерками делитисе, поки своихъ ставовъ не побудуютъ, и млыновъ до шести лѣтъ, а по шести лѣтехъ толъко на частъ Ивановъскую належати маетъ тотъ млынъ, подъ Локошемъ; а ижъ до части Федоровъское не мало учасниковъ, и до части Василевъское шостую частъ маетъ панъ Костюшковичъ Хоболтовский,—теды всѣ маютъ, розмѣривши делъницы на гребляхъ, што на кого

прийдетъ, робити, будовати, оправовать греблю, лотоки, млыны, подъ зарукою сто копъ грошей Литовскихъ, о которое волно будетъ укривжоной стороне позвати и о шкоду свою, и до млына и до ставу каждый такий не будетъ мѣти части, ажъ заруку и шкоды заплатитъ стороне, коли слушне то покаже, што шкоды его буде и што наложитъ робечи около ставу и млына. Повинностъ подданыхъ съ полъланковъ на кождый рокъ, то естъ: чиншу—по грошей двонадцати Литовскихъ, роботы—чотыри днѣ въ тыйденъ; а рано выходити зѣмѣ на весъну и весънѣ; а коли сѣножниво, плевидло пастанетъ, же пѣшо робити будутъ, теды пятъ дней и на толоку о хлѣби панскомъ пятъ разъ ве жнива прийти съ полъланка; зѣмѣ —по три локъти съ панъскою прадива, куръ по двое и третее по коледе, яецъ по шеснадцати, жита по полъмаце на насѣне, подводы до Буга, а на далей десетъ миль другие ехати маютъ; инъшихъ повинъностей не маютъ отдавати надъ тую уставу. Дерево бортное: дерева сосонъ бортныхъ естъ восемъдесятъ и одна, которое на три части розделены, по двадцати и семи сосенъ досталосе, то естъ: на частъ Ивановскую сосонъ двадцатъ и семъ, на частъ Василевскую двадцатъ и семъ, на частъ Федоровскую сосонъ двадцатъ и семъ; попъ тежъ маетъ сосонъ шестъ. Который же то помѣръ кгрунту Ружинского и созънанъе возного, за прозъбою его, до книгъ кгродъскихъ, Володимерскихъ, записатъ казалемъ,—и естъ записано.

Книга Владимирская гродская, записовая и поточная, № 959, годъ 1606, листъ 400.

CII.

Инвентаръ села Витковичъ, съ исчисленіемъ даней взимаемыхъ съ крестьянъ. 1606 года, сентября 21 дня.

Року тисеча шестсоть шостого, месеца сентебра двадцатъ перваго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Стефаномъ Дворецкимъ, наместникомъ подстаро-

ства Луцкого, ставши очевисто возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Матысъ Славокгурский, инвентаръ села Витковичъ для вписаня до книгъ кгродскихъ подалъ отъ велможного княжати Юря Чарторыского, съ подписомъ княжати его милости а съ печатю помененого возного, въ тые слова писанный: напередъ даютъ зъ волоки за работу, за подводу—по золотыхъ осми, чиншу даютъ зъ волоки—по грошей десяти Литовскихъ, по три возы сина зъ волоки, по десятку прядива, по десятку коноплей, по двадцати яецъ, зъ волоки по чверти жолуди,—але кгды жолуди нимашъ, по осмаци жита, по двое куръ зъ волоки; меды данные, водлугъ островинъ ихъ, десетина свиняя. У того инвентару печать возного притиснена, а подпись княжати его милости тыми словы: Jerze xięże Czartorzyskie, manu propria. Который же то инвентаръ, за поданемъ вышъреченого возного, съ початку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ уписанъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2421, годъ 1606, листъ 845.

CIII.

Донесеніе возного о томъ, что онъ собиралъ свѣдѣнія относительно участи бѣглыхъ слугъ пана Войтеха Кгешковскаго; оказалось, что одинъ изъ нихъ, Павелъ Ложковскій, былъ пойманъ въ с. Сатыевѣ и выданъ Кгешковскому, который собралъ сосѣднихъ пановъ для суда надъ нимъ и они приговорили Ложковскаго къ смертной казни, вслѣдствіе чего онъ и былъ повѣшенъ. 1606 г., декабря 10.

Року тисеча шестсотъ шостого, месеца декабря десятого дня.

Пришедши на врядъ кгродский, въ замокъ его королевское милости Луцкий, передъ мене Адама Олшамовского, буркграбего Луцкого, возный енералный воеводства Волынского, урядови нинешнему

добре знаемый, шляхетный Янъ Рудзевский, ку записапю до книгъ гродскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: ижъ дей року теперешнего, тисеча шестсотъ шостого, сего жъ месеца декабра четвертого дня, маючи я при собе стороною людей добрыхъ, пана Миколая Заполского а пана Станислава Кгодлевского, былъ есми въ маетностяхъ ясневелможнои панеи Анны Костчанки зъ Стембурку, княжны Александровое Острозъское, воеводиное Волынское, въ Сатыеве, и Дядковичахъ, доведываючи се,—если бы тамъ якихъ пахолковъ своихъ панъ Войтехъ Кгешковский, шкодникововъ своихъ, поймалъ. Тогды не мало мужовъ Сатыевскихъ, стоячи на селе въ громаде, поведили: уже дей тому минуло два годы у великий постъ, передъ великоднемъ, якъ Ничипоръ, мелникъ Дядковский, слышавши заповедъ отъ пана Кгешковского, пахолка его одного зъ грошми изъ гайдуками его милости пана Краковского, которые на тотъ часъ въ Сатыеве были, неякогось Павла Ложковского, поймавши на гребли Дядковской, заразъ зъ двора Сатыевского до пана Бокгуцкого, который на тотъ часъ въ Сатыеве урядникомъ былъ, отпровадилъ; при которомъ дей найдено петдесятъ золотыхъ Полскихъ шелегами. Яко жемъ и мелника Дядковского, на йме Ничипора, въ той справе пыталъ, который ми доброволне поведилъ: же дей я самъ на гребли нашой, Дядковской, праве на змерканю, маючи заповедъ о утеклыхъ пахолкахъ отъ пана Кгешковского, въ якомъ оденю отъ него—потекалъ, до чого прибыли гайдуки его милости пана Краковского; тогды жемъ обачилъ на томъ пахолку такое одене, якое заповедъ была, его есми поймали и въ торбочце его грошей не мало нашли; съ которымъ я заразомъ до двора Сатыевского, до пана Бокгуцкого, врядника Сатыевского, припровадилъ,—и переличоно дей тыхъ грошей петдесятъ золотыхъ Полскихъ шелегами. И седелъ дей тотъ пахолокъ у двори Сатыевскимъ у везенью зо две недили; потомъ его панъ Бокгуцкий пану Кгешковскому и съ тыми грошми до маетности Велигора, на тотъ часъ державы его, выдалъ. А потомъ на завтрее, для лепшого выведываня, съ тою жъ выпейменованою шляхтою до села Велигора ехалъ; и кгды есмо тамъ приехали, тогды урядникъ тамошний, Велигорский, на йме Процъ, зъ свещенникомъ тамошнимъ и не мало мужовъ Велигорскихъ доброволне поведили, же дей панъ

Войтехъ Кгешковский, за выданъемъ пана Бокгуцкого, урядника Сатыевского, приведши пахолка, яко шкодника своего, Павла Ложковского, тутъ до Велегоръ, уже дей тому идетъ третий рокъ, по великодни у вовторокъ, засадивши на той справе людей зацныхъ, ихъ милостъ пановъ приятелей своихъ: пана Федора, пана Андрея, пана Александра Велигорскихъ, пана Яцка Есеницкого а пана Яроша Гурка, зъ декрету суду ихъ, южъ горло датъ заслужилъ, объвесити казалъ. А другого дей выростка, на йме Валка Норовского, который зъ нимъ же посполу утекъ, плате, то естъ: делею, курту, шапку и убране у форосте, на кгрунте небожчика пана Ковалевского, Колоденскомъ, его милостъ панъ Бондзинский, староста Ровенский, полюючи, наполъ; а кгды, за ознайменемъ старосты Ровенского, быломъ посланый отъ пана своего по тое плате, тогды ихъ до пана Кгешковского привезлъ власные пахолка его, Васка Норовского. Потомъ дей, за обвиненемъ пана Кгешковского о того забитого, подданый Корненъский, неякийсь Струкъ, еднанымъ обычаемъ пану Кгешковскому далъ тридцатъ копъ грошей Литовскихъ, —и такъ дей отъ того пана Кгешковского простъ сталъ. Которое очевистое сознане менованого возного до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати есми казалъ,—и естъ записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2421, годъ 1606, листъ 1026.

CIV.

Арендный листъ пани Александры Еловицкой Дубенскимъ евреямъ, Мошку Ицковичу и Айзику Юсковичу, на имѣніе Микитичи, съ крестьянами, мельницами, ставами и корчмами. 1607 г., января 1 дня.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, месяца июля двадцатъ девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луц-

кого, постановившися очевисто неверный Юско Мошкевичъ перъ облятамъ для вписаня до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, листъ записъ арендовный, съ печатю и съ подписомъ руки урожоное ее милости панее Александры съ Чорторыска Еловицкое, и тежъ съ печатми и съ подписы ихъ милости пановъ опекуновъ ее милости, нижей въ томъ записе имены спецификованыхъ, одъ тое то вышъреченое ее милости панее Еловицкое неверным Мошкови Ицковичови и Ейзику Юсковичу, жидомъ Дубенскимъ, на аренду добръ своихъ, нижей въ записе томъ менованыхъ, даный, подалъ,—яко тотъ записъ ширей въ собе маетъ; которое подавши, просилъ, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я оный видечи быть целый, зуполный, не нарушоный, за прозбою его приймуючи, читатъ передъ собою росказалъ есми,—и такъ ся въ собе маетъ: »Я Александра съ Чорторыска Еловицкая, яко держачая добръ нижейменованыхъ, будучи пилна сумы пенезей на оплачене долговъ по малжонку моемъ, небожчику пану Миколаю Еловицкомъ, позосталыхъ; я Янушъ зъ Острога княжъ Жаславский, воевода Волынский, староста Житомирский; я Александеръ зъ Острога княжа Жаславский, каштелянъ Волынский; я Гаврило Гостский, хоружий земли Киевское и я Вацлавъ Велегорский, подвоеводзий Киевский, яко опекуны, бачечы того пильную потребу, згодне позволивши арендоватъ, и оденъ за другого ручечи, вызнаваемъ тымъ нашимъ арендовнымъ листомъ, кому того ведати будетъ належало теперъ и на потомъ, ижъ арендовали есмо село Микитиче, въ повете Кременецкомъ лежачое,—хлоповъ чотырнадцать, меновите кождого зъ нихъ: Ивашъка Игначича, Яцка Стецковича, Гаврила Литвина, Бориса, Кгреска, Олексея Гриневича, Тита—брата его, Степана—Хведцишиного зятя, Хведчичу вдову, Терешка Трохимовича, Федора Трохимовича, Васка Игнатчича; въ Туриковицахъ: Остапка Свиридовича, Хведка Кизелка,—которыхъ поддаюмъ зо всими ихъ повинностями, опрочъ вынявши поборъ королевский и стацию жолнерскую, которую маютъ и повинни будутъ, зъ иншими подданими моими, ровно складатъ и отдаватъ, часу тежъ, чого Боже уховай, кгвалту, до гребли повинни бежати, водле давного звычаю,—то естъ зъ чиншами, данями, роботами, подводами—меновите каждую речъ: подводы въ року маютъ три фуры отпра-

вовати то естъ зиме две до Люблина албо до Казимера, а третюю летомъ о траве; такъ же въ ораню тежъ, яко на иншие фолварки мое орутъ, орати маютъ; иншие тежъ, которые на дворищехъ седятъ, тые повинни даватъ по ползолотого, овса по дви маци, по два каплуны, по куру одному, прядива по десяти жменъ на кождый рокъ. Къ тому арендоваламъ и ставовъ трохъ, меновите: ставъ Понитовский, другий Туриковский, третий новый ставъ, къ горе тымъ ставомъ; которые менованые ставы повинна буду податъ въ року шестсотномъ осмомъ, о Семене руского свята, а ловитъ маютъ отъ податя ажъ до семое суботы, которые припадутъ въ року шестсотномъ девятомъ. А по выйстю того часу и дня, повинни они будутъ съ тыхъ менованныхъ ставовъ уступитъ, въ ловеню тежъ рибъ маютъ ся, водля давного звычаю, заховатъ, то естъ: щупаки, которые отъ головы ажъ до нерешту на пядъ, повинни засъ назадъ до ставовъ кидаты; съ тыхъ же ставовъ рибу бочковую повинна буду зъ Микитичого и подводами своими, за митомъ нижей менованыхъ арендаровъ, отпровадитъ до Премышъля, або до Люблина,—а не далей; такъ же они подводъ держатъ болшей не маютъ—одно черезъ три дни. При томъ же арендовали есмо вси млыны и корчмы въ маетностяхъ моихъ, въ повете Кременецкомъ лежачихъ, тымъ же арендаромъ, то естъ жидомъ Дубенскимъ, Мошкови Ицковичови и Ейзику Юсковичу, меновите: въ Каминици млынъ и корчму, на Понитве млынъ и корчму, въ Туриковичахъ и Заблотю шинковане волное; которые помененые млыны и корчмы заразъ при поданю аренды, водлугъ потребы направленные, зъ броваромъ, зъ солодовнею и зъ винницею; къ тому и мешкане арендаромъ въ Ператине, за певную суму пенезей, за три тисечи золотыхъ Полскихъ, до чотырохъ летъ зуполныхъ, по собе идучихъ; которая то сума вся сполна, три тисячи золотыхъ Полскихъ, одъ тыхъ арендаровъ моихъ дошла и отдана, и тымъ листомъ моимъ арендовнымъ ихъ квитую вечными часы; которая аренда починается въ року шестсотномъ семомъ, дня второго януарыи, а скончится будетъ тисеча шестсотъ одинадцатомъ, месеца януарыи второго дня, до которого часу, водлугъ того листу моего арендовного, жадное перешкоды въ держаню млыновъ и корчемъ чинитъ,

пожитковъ имъ належачихъ одоймовать не маемо сами на себе, а ни на кого иншого, кромъ волного млева на потребу свою, дворную, во всихъ млынахъ, безъ черги и безъ мерки. А ижъ млынаръ теперешний млына Понитовского маетъ суму на млыне петдесятъ золотыхъ Полскихъ, теды тую суму арендаръ, где бы му ся млынаръ непожиточный здалъ, оному отдавши, водлугъ уподобаня своего мерочника, ховать маетъ; такъже млынаръ Ператинский суму, собе належачую, маетъ на млыне золотыхъ Полскихъ тридцать,—подъ тую жъ кондицию подлегать маетъ; а въ иншихъ млынехъ млынаре жадныхъ сумъ не маютъ—волно ихъ одменяти будетъ. Попови Каменицкому въ каждый рокъ три маце жита, а Ператинскому две маце жита даватъ маютъ, кромъ часу спустовъ въ тыхъ ставехъ. А подданые мое вси, никого не выймуючи, повинни нигде инде до млыновъ не ездить, а ни збожа въ обчихъ млынехъ молотъ, такъ же питя вшелякого на потребы свои нигде инде не братъ а ни привозитъ, кромъ корчемъ помененыхъ; а где бы которого досведчоно съ тымъ за слушнымъ доводомъ, маетъ заплатить вины на мене и на арендара тры копы грошей Литовскихъ. Такъже пива волные въ тыхъ маетностяхъ моихъ бытъ не маютъ, опрочь веселъ, и то за ведомостю арендаровъ, отъ которыхъ броварщизны повиненъ заплатить грошей дванадцать и мерку солодовую во млыне. До того волно будетъ тымъ же арендаромъ моимъ дрова возити зъ запустовъ моихъ, за оказанемъ лесничихъ, подъ десетъ котловъ горелчаныхъ, такъже на потребу пивную и солодовъ; до которое аренды погребелное, такъ пенежное, яко и солное, водлугъ давного звычаю, мыто отъ подданыхъ моихъ, который бы зъ нихъ продалъ, профримарчилъ коня, вола, корову, вепра,—маетъ одъ того дати грошъ Литовский, а отъ барана, козла, овцы—полгроша Литовское; и волное будетъ тымъ арендаромъ во всей мянованой маетности моей, яко вышей поменило, медомъ, пивомъ, горелкою шинковать. А где бы зъ допущеня Божого, а не съ причины ихъ, млыны, або корчмы погорели, албо зорванье ставовъ, такъже неприятеля коронного и поветра морового, за чимъ бы значную шкоду отнесли, на то все повинна буду взглядомъ мети, маючи, направити, яко ся слушне покаже, и яко веле ваковало, такъ

велемъ и маюмъ надати. То тежъ варую: где бы жолнеры, кромъ слушной стацыи, въ аренде што колвекъ взятъ, пограбитъ, напити мели,—такъ же посполу зъ подданными моими приложитъ се маютъ; тыхъ же арендаровъ повинна буду заступоватъ одъ чопового; къ тому повинна буду дати поля не ораного въ каждый рокъ по дни петнадцатъ такъ на паренину, яко и на ярину. Зособна тежъ тымъ же арендаромъ маю давать поля, якъ въ Загорцахъ, и сипожати на сорокъ косаровъ. До того, ижъ ставокъ Загорецкий былъ при першой аренде, который съ певныхъ причинъ отъ тое аренды отнято, теды, възглядомъ того, вношу и указую тымъ арендаромъ моимъ такъ великую суму, яко тамъ тотъ ставокъ хоживалъ, то естъ двесте золотыхъ Полскихъ, на ставе моемъ Ператинскомъ, которое повинна буду часу спусту менованого ставу отдать,—што все держатъ, водлугъ того моего листу, кождую речъ, въ немъ описаную, повинна буду. Въ которой аренде я тымъ арендаромъ моимъ въ пожиткахъ ихъ переказы жадное чинитъ не маю, подъ зарукою трохъ тисечей золотыхъ Полскихъ и подъ нагороженемъ шкодъ, на голое речене слова, о што даюмъ имъ насъ позвати до суду, уряду, которого сами схочутъ,—кгродского, земского, трибуналского, въ который колвекъ повет и въ которое колвекъ воеводство, рокомъ завитымъ, не вымовляючисе ни якими причинами, въ праве посполитомъ описаными и припадлыми,—маю стати и усправедливитеся; а судъ, до которого кольвекъ буду позвана, любъ за станемъ албо нестанемъ, не слухаючи жадныхъ оборонъ, на мене всказатъ и на маетностяхъ, вышейменованыхъ, имъ отправу датъ маетъ. То тежъ собе варую: ижъ кгды припадутъ спусты ставные часовъ своихъ, въ арендахъ ставныхъ назначоныхъ, ставовъ моихъ: Понитовского, Туриковского и третего, што надъ Туриковскимъ, четвертого Ператинского, пятого—надъ нимъ, шостого Милецкого и Каменицкого, за чимъ млыны ваковатъ мусятъ, теды того вакованя арендаре собе въ шкоду поличатъ не маютъ, и нагорожатъ того не повинна. Где бы панъ Богъ на мене въ томъ часе смерть допустити рачилъ, теды по мне потомкове мои жаднои перешкоды тымъ арендаромъ въ держаню и уживаню тое аренды чинитъ не маютъ, ажъ до выдержаня водлугъ тое аренды; подъ которые заруки и

обовязки потомки и маетности мое поддаю и тымъ листомъ обовезую, по выдержаню тое аренды вшелякое начине, статки, маетностъ свою доброволне вывести маютъ; и если бы безъ причины, албо вытеганя надъ повинностъ, подданый мой съ того села Микитича прочъ пошолъ, того на арендарохъ пойскиватъ не маю и мочи не буду; и на то даемъ тотъ нашъ листъ съ печатми и съ подписми рукъ нашихъ. Писанъ въ Каменицы, року тисеча шестъсотъ семого, месеца января первого дня. У того запису печатей пять а подписъ рукъ тыми словы: Alexandra z Czartoryska Jałowicka, ręką swą; Zasławsky z Ostroga, woewoda Wołyosky, ręką swą; Alexander xięże z Ostroga Zasławsky, manu propria; Гаврило Гостский, хоружий Киевский, рукою. Который же то листъ записъ, за поданемъ и прозбою вышъреченого Юска Мошкевича, а за принятемъ моимъ до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая гродская, записовая, № 2119, годъ 1610—1612, листъ 462.

CV.

Донесеніе возного о томъ, что по дѣлу о воровствѣ крестьянами пана Ивана Кукольского у крестьянъ Брацлавского воеводы, Яблонецкихъ, свиней, и у крестьянъ брата Кукольского, Петра, овецъ, былъ собранъ копный судъ; но упомянутый Иванъ Кукольскій, обвиненныхъ въ этомъ воровствѣ своихъ крестьянъ на копу не поставилъ, и, кромѣ того, причинилъ Петру Кукольскому, ѣхавшему на копу, побои. 1607 года, февраля 9 дня.

Року тисеча шестсотъ семого, месеца февраля девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Луцкомъ, передо мною Кришофомъ Семашкомъ, будучимъ наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто возный енеральный, шляхетный Григорей Лемешовский, ку записанью до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, сознался

тыми словы: ижъ року теперъ идучого тисеча шестсотъ семого, месеца февраля осмого дня, светчился тому возному въ селе Яблонце урожоный панъ Петръ Куколский на противко брату своему рожному, пану Иванови Кукольскому, о то, ижъ кгды въ томъ же року подданые и слуги его дворные, Хома и Гаврило Войтышкове, Михалко и Ермякъ, покрали были у подданыхъ его милости пана воеводы Браславского, Яблонецкихъ, свини, такъ тежъ и у подданыхъ пана Петра Куколского, Кукольскихъ, Ониска и Терешка, овци трое, на што, водле звычаю давного, зложили были собе часъ певный, дня семого февраля, права копного, на которую копу зъ околичныхъ селъ громада старцове на местцу певномъ, подъ Яблонкою, зошлися были, где тежъ и помененый панъ Петръ Куколский съ подданими своими самъ одинъ съ хлопцемъ ехалъ, абы былъ справедливости съ тыхъ обжалованыхъ, вышейменованыхъ, а звлаща, ижъ Гаврило Войтышченя признался былъ до того учинку, съ права копного отнеслъ, и для прислуханя, если бы иншихъ тотъ злочинца поволалъ,— кгды жъ отъ часу давного шкоды не малые ся деютъ. То такъ помененый панъ Иванъ Кукольский, не дбаючи ничого на право посполитое и на звычай права копъного, але ся умыслне спротивляючи, тотъ рокъ назначоный копу розорвалъ, злочинцовъ тыхъ не поставилъ, але ихъ, не ведати для чого, охоронилъ; але еще на томъ мало маючи, помененого пана Петра Куколского, брата своего рожного старшого, который будучи неспособного здоровя, на тую копу самъ одинъ съ хлопцемъ безпечне, никому и ему ничого невинный, и жадное неприязни зъ нимъ не маючи ехалъ, догонивши его на добровольной дорозе, у посродъ села Воли Куколское, съ пахолками и подданими своими, ему по именахъ и прозвискахъ лепей знаемыми, и съ тымъ о злодейство обвиненымъ, не маючи жадного взгляду на повинностъ свою братерскую, порвался на него первей до шабли, а потомъ и до помочниковъ своихъ, волаючи: »бий! забий!« — съ коня его зволокши, нелютостиве въ голову и въ тваръ пястю такъ самъ, яко и его помочники били, били такъ барзо, же шиею не може оборочати,—о што все, яко о розорване копы такъ и о шкоды свое, яко и о збите светчилсе мне возному. Яко жъ и я возный видиломъ того пана Петра Куколского, барзо хорого,

голову потолчоную, спухлую, ранъ синихъ три, на носе рана кривавая, скура зодраная, на губе такъ же рана кривавая; которые раны меновалъ собе быть отъ пана Ивана Куколского и помочниковъ его заданые; при томъ пороховницу съ порохомъ и съ кулями, которая коштовала зовсимъ полтора золотого, зъ него обырвалъ, и о тые вси шкоды, вышейменованые, шацуючи ихъ собе на двесте копъ грошей Литовскихъ, окромъ ранъ. Которое то сознане возного я принявши, до книгъ записати казалъ,—што есть записано.

Книга Луцкая гродская, записовая, № 2422, годъ 1607, листъ 129 на оборотѣ.

CVI.

Объявленіе пана Бабинскаго о томъ, что онъ собиралъ третейскій судъ надъ слугою своимъ Станиславомъ Пяновскимъ, обвиняемымъ въ сожженіи двора крестьянина Шулгана; судъ постановилъ, чтобы Пяновскій принялъ очистительную присягу, но обвиняемый этого не выполнилъ. Возный подтверждаетъ всѣ эти обстоятельства. 1609 г., января 13.

Року тисеча шестсотъ девятого, месяца генвара третегонадцатъ дня.

Писалъ и присылалъ на врядъ кгродский, Луцкий, до мене Адама Олшамовского, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, панъ Левъ Бабинский, оповедаючи на слугу своего, на арендара Олшанского, Станислава Пяновского, тыми словы: ижъ року шестсотъ осмого, месяца ноября девятого дня, презъ малжонку свою подданого моего Олшанского, Ивана Шулгана, умислне домъ ему спалилъ, который домъ увесъ згорелъ и вси речи и спратъ домовый погорели. Яко жъ, я будучи паномъ его, а до того ижъ есть голотою,—нетъ ведома откулъ, засадилъ есми приятелей своихъ, су-

седовъ околичныхъ, хотечи рады въ томъ зажити: если бы на замокъ его слати, або самому справедливостъ зъ него чинити, яко и зъ слуги своего. Тогды тотъ то Пяновский, впадши ми въ ноги, просилъ мене, абы его, яко злочинцу, на замокъ не слалъ, але абы его въ дому моемъ приятели мое судили. Ямъ на тую справу приятелей высадилъ, которые то приятели выналезли зъ розсудку своего и наказали тому то Пяновскому, и зъ жоною и зъ сведкомъ, шляхтичомъ учтивымъ, на томъ присегу выконать,—яко того подданого не спалили; которую то присегу отложили до трохъ день, якъ о томъ декретъ приятельский тую справу ширей въ собе обмовляетъ. То пакъ Пяновский на томъ року ставши, и, заместъ шляхтича, хлопа простого изъ Гуляльникъ приведши, хотечи зъ нимъ присегнути. Коли пыталъ того сведка—если бы былъ шлятичъ?—онъ поведилъ: же не естемъ шляхтичомъ. Вшакъ же я не дбаю о то, хочъ не былъ шлятичомъ, припускалемъ его до присяги. Оный сведокъ о што быхъ мелъ присегати, поведилъ, ижъ тотъ то Пяновский изъ жоною своею не спалилъ того то подданого; тотъ светокъ поведилъ: »я на то присягать не буду и не присегну, бо я не ведаю и не тутъ мешкаю, если они палили—або нѣтъ«. Ямъ ся светчилъ вознымъ, шляхетнымъ Семеномъ Яроцкимъ, и суседми, шляхтичами учтивыми, ижъ тотъ то Пяновский, водлугъ декрету, присяги не выконалъ. Который то возный вызналъ въ тые слова: »я, Семенъ Яроцкий, енералъ воеводства Волынского, ставши очевисто ку записаню до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, тыми словы созналъ: ижъ будучи мне на справе и потребе его милости пана Лва Бабинского, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, пана Яцка Гуляницкого а пана Карпа Гуляницкого, ижъ року шестсотъ осмого, месеца ноября двенадцатого дня, водлугъ декрету судей высажоныхъ противко служебника пана Лва Бабинского, Станислава Пяновского, которымъ декретомъ наказана была присяга тому то Пяновскому, само-третему, зъ жоною и шляхтичомъ учтивымъ,—яко не спалилъ подданого пана Бабинского, Олшанского, яко о томъ ширей декретъ тую справу въ собе обмовляетъ. И коли тотъ рокъ присяги припадлъ, тогды Пяновский изъ жоною и светкомъ третимъ, постановившися у Серникахъ, во именю его милости пана воеводы Волынского, въ церкви, тамъже

и его милостъ панъ Левъ Бабинский, весполъ изъ подданымъ своимъ, которого то спалено, до прислуханя тое присяги становился,—тамъ же, черезъ мене возного и при немало шляхты людей добрыхъ, пыталъ панъ Бабинский того жъ светка, который то мелъ присягати съ паномъ Пяновскимъ: »если былъ бы шляхтичомъ«? Тогды тотъ светокъ поведилъ: »же не естемъ шляхтичомъ,—такъ мешкаю въ Гуляникахъ«. Вшакъ же панъ Бабинский, хочъ тотъ светокъ не былъ шляхтичомъ, припускалъ его до присяги,—нижли тотъ светокъ пыталъ того Пяновского: о што мелъ присягати?—поведилъ ему, ижъ того то подданого Пяновский не спалилъ. Тогди тотъ то светокъ поведилъ: »я тутъ въ Олшанехъ не мешкаю и тебе, пане Пяновский, не знаю, и справъ твоихъ не сведомъ, и прясягати не буду и не хочу«,—и отъ церкви пошолъ прочъ. И мовилихъ мы Пяновскому, абы иншого светка ставилъ и зъ жоною своею присягалъ. Пяновский поведилъ: ижъ я не маю где шляхтича взятъ и присягатъ не буду. Панъ Бабинский тежъ светчилъ мною вознымъ и шляхтою, людми добрыми, ижъ тотъ Пяновский, водлугъ декрету, присяги не выконалъ. И прошу, абы то до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записано было; што я принявши, записатъ казалъ,—и естъ записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2424, годъ 1609, листъ 64.

CVII.

Жалоба князя Іоахима Корецкаго и жены его, княгини Анны, на князя Романа Ружинскаго и жену его, княгиню Софію, о томъ, что они, соединившись съ другими панами и собравши шеститысячный вооруженный отрядъ, напали на имѣніе Корецкихъ, мѣсто Черемошку, взяли приступомъ тамошній замокъ, убили многихъ жителей, а остальныхъ ограбили, мѣстечко же и замокъ сожгли до тла. 1609 года, февраля 3.

Року 1609, месяца февраля третего дня

Передо мною Федоромъ Щуровскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, постановившисе очевисто велможная ее милость пани Анна

Ходкевичовна, княжъна Корецкая, яко дѣдичка добръ нижей описаныхъ, сама очевисте жалуючая, а велможный его милостъ княжъ Яхимъ Корецкий, воеводичъ Волынский, и малжонокъ ее милости, яко опекунъ навышей, черезъ приятеля своего, пана Григоря Кнегининского, за моцю зуполною, ему до тое справы даною, прихиляючися до протестации, алъбо жалобы першее, черезъ зошлого Василя Мокренъского, старосту Растовицкого, служебника своего, именемъ ихъ милости, въ нижей описанымъ учинку, противко нижей описанымъ, такъ принципалумъ, яко тежъ и помочникомъ, свѣжо по тумъ учинку тутъ на вряде тутошнимъ кгродскомъ, Житомирскомъ, учиненое, которое ихъ милостъ сами, такъ борзо частую для не способного здоровя, частую тыхъ для трывогъ татарскихъ, которые то тые вси часы заходили, учинити не могли,—теперь теды обтяжливе и жалосне оповедалися и жаловали на урожоныи ихъ милостя: князя Романа Ружинского и малжонку его милости, княгиню Романовую Ружинскую, Зофию, съ Карябчева, и на пана Криштофа Кевлича и малжонку его, паню Анну Коморовскую, яко умыслныхъ и одностайныхъ принципаловъ учинку нижей описаного. Которые то принципалове, приспособивши собе немало обчыхъ и посторонныхъ людей на помочъ, отъ помочниковъ своихъ, то естъ: одъ пана Адама Олизара, пана Яна Бондзынского, державцы Котеленского, князя Булыги, подстаростего Белоцерковского, князя Адама Ружинского, пана Богдана Халайка, пана Юря Завиши, пана Якуба Куцборского, урядника Котеленского, пана Варыйского, пана Калусовского, пана Станислава Пупковского, панее Зофеи Криштофовое Выльженее и отъ панее Анъны Надарынское, пана Михайла Силы Новицкого, пана Олбрыхта Бревского и отъ пана Олбрыхта Лысаковского, и зъ иншими помочниками, на учинокъ нижей описаный приспособлеными, а при нихъ до того слугъ, бояръ и подданыхъ своихъ, и такъ зъ маетностей на сей часъ державы своее, яко тежъ и зъ добръ усихъ, въ заставе будучихъ, а то естъ меновите: Даниеля Клюского, старосту Паволоцкого и Трушаносецкого, войта Паволоцкого и иншихъ слугъ, бояръ и подданыхъ своихъ, войско не малое, человека о шестъ тисечей зобравши, которыхъ тие принципалове помененые имена и прозвиска сами лепий вѣдаютъ и ихъ

знаютъ; которые то принципалове, то естъ: его милость князь Романъ Ружинский, самъ передъ тымъ впередъ зъ малжонкою своею на пополнене учинку, нижей описаного, згодивши, добре ся нарадивши, а ее милость сама княгиня Ружинская съ паномъ Кевличомъ и панею Кевличовою, выкониваючи раду и волю князя Ружинского, згодне, сполне и едностайне, пропомневши боязны Божие и срокгости права посполитого и винъ, въ немъ на таковыхъ кгвалтовниковъ и наезниковъ описаныхъ недбаючи, зъ великою гарматою, зъ дѣлами, зъ гаковницами, зъ ручницами, зъ мушкетами, сагайдаками, съ копѣями, рогатинами а зъ иншими бронями, войне належачими, конно, збройно и пешо, зъ хорогвами, зъ бубънами, трубами и сурмами, обычаемъ неприятелскимъ, року теперъ идучого тисеча шестъсотъ осмого (sic), месяца июня четирнадцатого дня, о године дванадцатой, на власную маетностъ ихъ милостей княжати Корецкого и малжонки его милости, пани Анны Ходкевичовни, мистечко, названое Черемошку и на замокъ, при томъ мистечку будучий, моцно, кгвалтовне и не отповедне и не сподѣване, зъ великою силою притягнувши и наяхавши, ее милостъ княгиня Ружинская, за умыслнымъ росказанемъ, волею и видомостъю его милости князя Ружинского, съ пререченымъ паномъ Кевличомъ и малжонкою его, который, будучи справцею того всего войска, съ преречоными помочниками своими найпервии тимъ всимъ войскомъ замокъ и место вколо объточивши, дѣла, гаковници и всю гармату до замку и до мѣста нарихтовавши, а потомъ въ трубы, суръмы и бубны вдаривши, и окрыкъ великий справивши, зъ дилъ, зъ гаковницъ и зъ ручницъ стрелятъ почали; а потомь до штурму, такъ до миста, въ которомъ уже осело было чловека людей до чотырохъ сотъ, яко тежъ и до замку, до штурму припустили и оного, яко се поменило, дня того отъ години дванадцатое ажъ до самого вечора, обычаемъ поганъскимъ и неприятелъскимъ, велико и навалъностю добывали. А потомъ, черезъ великий кгвалътъ и силу места и замку добывъши, такъ слугъ, шляхтичовъ почтивыхъ, яко тежъ и подданыхъ княжатъ ихъ милости Корецкихъ, въ местечку и въ замку на тотъ часъ будучихъ, одныхъ такъ мужъского, яко и женского стану людемъ, ничого не фолкгуючи, и овшемъ безъ боязни Божее окрутне а нелютостиве зъ жонами и зъ детми поза-

бияли, постреляли, посекли, помордовали и поранили, и маетъности, што одно хто мети могъ, вси, отъ мала и до велика, моцно, кгвалътомъ забрали и злупили; а по томъ злупенъю и спустошенъю, место и замекъ обычаемъ поганскимъ и неприятелъскимъ на коренъ спалили и вънивечъ обернули. А мало на томъ маючи, по збуренъю и спаленъю места и замъку, не мало людей и подъданыхъ княжатъ ихъ милости Корецъкихъ, окрутъне а нелютостиве повезавши, зо всими лупами зъ собою кгвалътовне побравъши, до домовъ своихъ отпровадили; а то естъ меновите: одного Герасима Тимъковича а Фадея Коваленъка, Савостяна Конъдрашовича, Дмитъра Лучъника, Ивана Коваля а Гарасима Сусчича, мещанъ Черемускихъ, которые нетъ ведома—если живыхъ зоставили; а иншые ранны, которыхъ зъ собою побрали, зъ ранъ поумирали, которыхъ тела нетъ ведома где подевали. Съ которого то места и замку, обычаемъ неприятелскимъ и поганскимъ огнемъ на коренъ спаленъного, збуреного, сплендрованого и вънивечъ оберненого, тотъ увесь лупъ маетности и речей рухомыхъ, такъ самыхъ ихъ милости княжатъ Корецкихъ, яко тежъ слугъ и подданыхъ тамошнихъ кгвалтовне зобравши и злупивши, до места Паволочи ее милость княгиня Ружинская, а панъ Криштофъ Кевличъ зъ малжонкою своею до места Ружина, яко принципалове, и до иншихъ местъ и маетностей слуги и помочники ихъ на пожитокъ свой отпровадивши, такъ его милости князя Ружинского обернулы. И просили ихъ милостъ, вышейменованые особы, абы тая протестация и жалоба ихъ милости до книгъ кгродскихъ записана была.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 11, годъ 1609, листъ 39 на оборотъ.

CVIII.

Донесеніе возного о томъ, что онъ былъ въ с. Серникахъ, принадлежащемъ пану Гулевичу и находящемся въ арендѣ у пана Идзиковскаго; здѣсь онъ засталъ и Гулевича, а Идзиковскій заявилъ ему жалобу на Гулевича, что послѣдній поселился въ имѣніи, отданномъ имъ въ аренду, неправильно пользуется разными его доходами и заставляетъ крестьянъ работать на себя, грозя въ противномъ случаѣ вѣшать ихъ по окончаніи срока аренды. 1607, іюля 14.

Року тисеча шестсотъ семого, месеца іюля чотырнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Крыштофомъ Семашкомъ, наместникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто шляхетный Миколай Гапуновскій, возный енералъ воеводства Волынского, добровольне созналъ: ижъ я, будучы на справе шляхетного пана Томаша Идзиковского въ року нинешнемъ, тисеча шестсотъ семомъ, месеца іюня семого дня, маючи при собе двохъ шляхтичовъ, Павла Булавского, Матея Порошинского, быломъ въ селе Серникахъ, въ дворе мешканя пана Идзиковского, тамъ будучого, въ повете Луцкомъ лежачихъ, которые Серники панъ Томашъ Идзиковский зъ малжонкою своею, за правомъ арендовнымъ, отъ пана Павла Гулевича и малжонки его, Галжбеты Жакгоцянки, держитъ; тамъ же будучы, выдиломъ пана Павла Гулевича, и малжонку и дети его и зо всею челядю въ дому млынара Серницкого, посесыи пана Идзиковского, малжонки его, за чимъ помененый панъ Томашъ Идзиковский зъ малжонкою своею светчили и оповедали ся, зъ великимъ жалемъ своимъ на противко пану Павлови Гулевичови, малжонце его, ижъ они, не огледаючися на записъ и обликгъ арендовный, межи ними възглядомъ села Серникъ, въ року прошломъ, тисеча шестотъ четвертомъ, іюня дня осмого учиненый, а ни на заклады, въ записе описаные, яко по вси лѣта тое арендовне розными часы въ той аренде, такъ сами презъ себе, яко и слуги, и особы розные, кривдили,

такъ и въ томъ теперешнемъ року, сами особами своими приехавши тутъ до Серникъ въ року нинешнемъ, тисяча шестсотъ семомъ, месеца марца двадцатъ пятого дня, до млынара Серницкого, зъ жоною, зъ детми и съ челядю впровадилися и мешкаютъ до тыхъ часовъ, и тутъ уживаютъ, ставу волного спокойного забороняютъ, ловеня рыбъ вольного въ ставе недопущаютъ, подданыхъ до послугъ своихъ одыймуютъ, а затымъ оныхъ въ спокойномъ уживаню подданыхъ перешкожаютъ, до двора мешканя пана Идзиковского и малжонки его слуги свое зъ одповедями насылаютъ, перегрозками, стрилянемъ зъ ручницъ, чого ся часто трафляетъ, зъ двора выганяютъ, сады сами презъ себе, слуги свое, псуютъ, подданымъ грозятъ, коли чого не хочутъ послушни быти, поведаючы, же, »хлопе, вынийдетъ аренда—буду тебе умелъ каратъ и не одного на шибеницю пошлю«; за которою передгрозкою теперъ Дацъ, огородникъ, пошолъ прочъ зъ села Серникъ, пану Идзиковскому, боячися збытъя папа Гулевичового, которого былъ передъ тымъ, въ року прошлымъ, збилъ, за чимъ подданые бунтуютъ, послушенства пристойного отдавати забороняютъ, оныхъ самыхъ зъ покойного уживанъя всего вытискаютъ, иншие вшелякие кривды ку перешкодѣ спокойное аренды до держаня сами презъ себе, и слуги, и иншие особы, на то способленые, выряжаютъ, о што все оферовали ся съ поменепымъ паномъ Гулевичомъ и малжонкою его, часу и местца своего чинить правне; которое свядецтво, для певности лепшое, рукою своею подписалъ и печатъ свою приложилъ. Которое же то очевистое сознане возного, вышъмененого, я, принявши до книгъ гродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ,—и есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1607, № 2422, листъ 705.

CIX.

Жалоба отъ имени Жидичинскаго архимандрита, Гедеона Балабана, о томъ, что крестьяне князей Юрія и Криштофа Збаражскихъ выселили изъ монастырскаго села Жидичина два крестьянскія семейства, при чемъ, когда были посланы за бѣглецами въ погоню шляхтичъ съ тремя боярами, то крестьяне Збаражскихъ избили ихъ и ограбили у нихъ лошадей, а равно и разное находившееся при нихъ имущество. 1609 г., марта 10 дня.

Року тисеча шестсотъ девятого, месеца марца девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Матеемъ Стемыпковскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, яко передъ тымъ дня шостого месеца февраля, въ року нинешнемъ, тисеча шестсотъ девятомъ, нижейменованый служебникъ архимандрита Жидичинского и капитулы его словное оповедане чинилъ, такъ такъ же и на сесь часъ, на писме тую протестацию подавши, жаловалъ и оповедалъ служебникъ велможного въ Бозе его милости отца Гедеона Балабана, архимандрита Жидичинского, шляхетный панъ Иванъ Чайковский, именемъ пана своего и именемъ всихъ крилошанъ капитулы того жъ манастыра Жидичинского, церкви соборное, заложеня светого Николы, тыми словы: ижъ дей року теперешнего, тисеча шестсотъ девятого, месеца февраля зъ второго дня третий, то естъ съ понеделка на волторокъ, въ ночи, подданые велможныхъ ихъ милости княжатъ Юря и Криштофа Корибутовичовъ Збаразскихъ, воеводичовъ Браславскихъ, зъ села Воли Дедовицкое, на йме Радко Долгий, Калишъ Играшъченя, зъ отцемъ своимъ Играшкомъ, и иншие сусиды ихъ, имъ знаемые и ведомые, возовъ колконадцать, ночнымъ обычаемъ подъехавши подъ село Жидичинъ, а маючи передъ тымъ повиновацство и знаемостъ съ поддаными оными Жидичинскими, нижей меноваными, подданыхъ Жидичинскихъ двохъ, на йме: Гарасима Лепеху, подданого манастырского дедичного, а Грицка Момота, зъ жонами, зъ детми, зъ быдломъ, зъ овцами и зо всею маетностю ихъ, отъ мала до велика, забрали и выкотили и

оныхъ до домовъ своихъ впровадили. А кгды на завтрее, въ овторокъ, его милостъ отецъ архимандритъ Жидичинский, панъ мой, взявши ведомостъ отъ тивона своего, ижъ оные подданые его милости выкочены и збегли, взяли следъ праве туръ (?) немалый ку дуброве, ку гостинцу Четвертенскому, заразомъ въ погоню выправилъ за оными збегами своими служебника своего, шляхтича учтивого Алексъсандра Рытеровского, при немъ двохъ бояриновъ Жидичинскихъ: Анъдрея Юху, а Ивана Бурноса и Радка Приступу, давши имъ листъ свой отъвористый, съ печатью и съ подписомъ руки свое писаный, о то, ижъ где бы они тыхъ збеговъ пристигнули, албо догонили, абы имъ везде и на кождомъ местцу вера и помочъ на заборонене и на загамоване, або и поймане оныхъ збеговъ дана была. Тамъ же оные посланцы его милости приехали до села княжатъ ихъ милости Збаразскихъ, воеводичовъ Браславскихъ, до Озера, чинили опытъ и заповедъ у людей тамошнихъ: если таковые збеги черезъ онос село ехали, або провожаны были? И възяли ведомостъ въ людей Озерскихъ, ижъ тые люди, за которымъ они ездятъ, есть во именю княжатъ ихъ милости Збаразскихъ, Воли Дидовицкой. Тогды они, хотечи певнейшую ведомостъ мети, ужили и взяли зъ собою сторону, за вежовъ, бояриновъ тамошнихъ, зъ Озера, Мартина Петровича и другого Савку, и для скутечнейшаго выведованя и певности, абы ведомостъ певную взяли о оныхъ збеговъ. А кгды приехали на оную менованую Волю, ставши собе господою съ конми у Лукъяна Шкоды, шли въ домъ исъ тыми бояры княжатъ ихъ милости до оного Радка Долгого, выкотъцы власного, и тамъ, въ оного Радка, на дворе застали быдло, волы, коровы, овцы, гуси и иные речи оныхъ збеговъ, подданыхъ Жидичинскихъ; осветчивши и оказавши то оному бояринови Озерскому, Петровичу Мартину и Савци, отошли спокойне до господы своее, где кони мели. И пришедши, кони огледавши, а ижъ было припозно, переночеватъ хотели, а до пана своего одного зъ межи себе по далшую въ той справе науку послатъ хотели, и о вежа, абы зъ уряду княжатъ ихъ милости, зъ Яровицы, прошоно . . . . . Радко Долгий и Калишъ Играшъченя зъ отцемъ своимъ, выкотцы будучи, видячи учинокъ у выкоченью своемъ, которого не переставаючи, але его скуткомъ выполняючи, зъ иншими помочниками сво-

ими, ему лепей ведомыми, и далей мыслячи, яко бы тотъ учинокъ зъ себе зложити и съ того се вызути могли, закликали квалту на все село и тамъ сами, зъ многими суседами и помочниками своими, имены имъ ведомыми, квалтовне нашедши на господу ихъ спокойную, тамъ же заразомъ окрыкъ квалтовный учинивши, на домъ господы ихъ добывать и двери выбивати почали,—а они, таковый квалтъ и насте на господу видечи, на кони повседавши, уежджать хотели; они ихъ отъ воротъ заскочивши, оныхъ съ коней позбивали и окрутне побили и поранили: шляхтича учтиваго, Алексъсандра Рытеровъского, киями побито, Ивана Бурноса, боярина, и Радка Приступу такъ же побили и зранили, которые, утекомъ, заледве черезъ плоты тужъ у дуброву, за село, отъ всего пешо втекли; Андрея Юху, боярина, съ коня, киемъ въ голову зарозивши и збивши съ коня, который тамъ же на дворе, въ господе своей, передъ ними безъ памети спалъ, а кони, которые подъ ними были, властные его милости отца архимандрита Жидичинского, пана моего, зъ стайни его властные, меновите: конъ зъ серниста вилчатый, который коштовалъ шестъдесятъ копъ грошей Литовскихъ; конъ тисавый лысый, ступакъ, который коштовалъ копъ тридцатъ грошей Литовскихъ; третий конъ зъ серниста половый, который коштовалъ копъ двадцать грошей Литовскихъ; кляча гнедая, ступачъка, которая коштовала копъ десетъ грошей Литовскихъ; на которыхъ конехъ седелъ чотыри порядне, зъ войлоками, зъ уздами, зо всимъ нарядомъ и докладомъ властнымъ пана моего, яко належитъ на коня оседлати, кождое зъ нихъ по пети золотыхъ коштовало, а одъ нихъ самыхъ, што одно при нихъ было, отбили и пограбили, а меновите: у Александра Рытеровского—пулгакъ, шаблю, гамалию, зъ ладунъками, съ пороховницею и делюру брунатную, фалендышовую, зеленымъ киромъ подшитую, шапку, хустъку, которое все коштовало на десетъ копъ грошей Литовскихъ; у Ивана Бурноса, боярина—полгакъ, за пятъ золотыхъ, шаблю, за три золотыхъ, шапку, за двинадцатъ грошей Литовскихъ купленую, и хустъку—отъ него пограбили и взяли; у Радка Приступы—шаблю и копенякъ белый, брежинский, и шапку, которое все коштовало три копе грошей Литовскихъ; а у того тежъ боярина, Юхи—пулгакъ, за полъшоста золотыхъ, шаблю, за три золотые, опончу, за

два золотыхъ, шапку подъшитую, за двадцать грошей Литовскихъ купленую, и грошей съ хустъкою полтора золотого,—то все отъ него пограбили и взяли. А видечи они передъ собою злый, квалтовный учинокъ свой, на томъ далей его пополняючи, бачечи квалтовное на господу ихъ настье, позбиване съ коней, поранене и пограбенъе, а оного боярина Юху видечи окрутне збитого, а южъ смертелного, трудно его зъ села имъ было збити, чинечи о немъ промыслъ и добываючи рады—яко бы се съ того зълого учинку своего вызти (sic) могли и оного збыти, а набывши рады, оного боярина, Андрея Юху, видечи заледво живого, въ великимъ згромаженемъ хлоповъ, яко бы якого злочинцу, до замку Луцкого отпровадили и до везенъя отдали и осадили, а оные кони, съ которыхъ позбывано посланъцовъ папа моего, похромивши, посаднивши, ступакови тисавому око правое прочъ выбили, и все, што было около седелъ рынштунковъ, вси и нарады при собе зоставивши, наветъ и подковы съ подъ коней всихъ зо всихъ ногъ ододравши, толко коней четверо съ трома седлисками, леда якими, на врядъ съ тымъ бояриномъ отдали, а тотъ увесъ менованый грабежъ, и што одно при нихъ было, до домовъ своихъ отпровадили и на пожитокъ свой обернули; а иншую маетностъ рухомую оныхъ збеговъ при собе въ селе, на менованой Воли Дедовицкой, задержали, а оныхъ отъ всее маетности зъ села выправятъ почали, а въ томъ урядникови своему Яровицкому, пану Абраму Поплавскому, о томъ ознаймили, о раду противко своего зълого учинку просили и оную маетностъ свою оныхъ збеговъ у себе въ селе ему сказали. А потомъ его милость панъ мой, взявши ведомостъ певную—которыми местъцами и где оные збеги его черезъ подданыхъ княжатъ ихъ милости, выкотъцовъ, попроважоны были, знову посланцовъ своихъ въ погоню за ними его милостъ панъ мой послалъ; которыхъ збеговъ оныхъ въ селахъ нашедши, одно жоны зъ детми поймали, а сами мужи ихъ, съ тыми проводниками, въ лесъ повтекали. А потомъ тые менованые подданые манастырские, Гарасимъ и Грицко, зъ листомъ отвористымъ имъ на волное пройстье до маетностий украинныхъ, отъ пана Абрама Поплавского данымъ, тутъ, пере(е)днываючи пана моего, абы ихъ знову принялъ и тотъ выступокъ имъ пробачилъ, дня оногдаш-

него, двадцатъ семого месеца февраля, припли,—и тамъ, кгды были пытаны—за чиимъ бы поводствомъ проваджены были, тое поведили: же за тымъ листомъ отвористымъ пана Поплавского и за певными проводцами прочъ шли; едънакъ таковую науку отъ того пана Поплавского метъ собе поведили, ижъ если бы ихъ погонить мело, абы тотъ листъ затратили, который они едънакъ до его милости пана моего зъ собою принесли, и маетность свою всю рухомую у тыхъ вышъменованыхъ подданыхъ княжатъ ихъ милости Збаразскихъ, въ Дедовицкой Воли зоставленную, быть поведаютъ, которую, яко маемъ ведомость, пречоный панъ Поплавский до себе, яко урядникъ, забърати мелъ. А такъ пречоный служебъникъ его милости отца архимандрита Жидичинского, панъ Иванъ Чайковский, такъ противъ пречоному пану Абраму Поплавскому, о дане такового листу, противъ праву слушности на выпроваженъе и волное пойстъе чужимъ подданымъ, яко тежъ и противъ тымъ вышъменованымъ подданымъ княжатъ ихъ милости Воли Дедовицкое, о выкоченъе тыхъ менованыхъ збеговъ и о побите и зранене слугъ и боярь, вышъменованыхъ, монастырскихъ, и о грабежи при томъ сталые, зоставуючи волное чиненъе правомъ пану своему и съ тымъ съ кимъ, водлугъ права, належати будетъ. И просилъ менованый служебникъ его милости отца архиманъдрита Жидичинского и капитулы его, абы тое оповедане его до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, принято и записано было,—што естъ записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2424, годъ 1609, листъ 145.

CX.

Обявленіе отъ имени пана Стефана Немирича о томъ, что крестьянинъ села Вересовъ, Грицко, оказался по распросу его предъ копнымъ судомъ, невиновнымъ въ покражѣ коня у ночевавшаго у него слуги Немирича, и что Немиричъ никакой претензіи объ этомъ къ нему не имѣетъ. 1609 г, іюля 5.

Року 1609, месяца июля пятого дня.

Жаловалъ слуга его милости пана Стефана Немирича, именемъ его милости пана своего, панъ Ярошъ Шеметъ, на мещанъ его королевское милости Житомирскихъ и села Вересовъ, ижъ року теперешнего, тисеча шестъсотъ девятого, месяца июня двадцатъ третего дня, подданый дей его милости пана моего, съ Трековичъ, Васко Галатъ, изяхалъ былъ съ конемъ передъ жолнеры до приятеля своего, до маетности его королевское милости, державы пана Галчиновского, Вересовъ, Грицка; тамъ же ему ночуючы съ конемъ и зъ иншыми речами, украдено ему коня, шерстью тисавого лысого, о которого коня чинили опытъ мещане его королевское милости, войтъ изъ сотниками, и зъ иншими мещане, и была копа въ месте Житомиру разъ и другий; нижли се на тотъ часъ никто не призналъ, и о собе справу слушную давали. А кгды пришла третяя копа, такъ же войтъ чинилъ изъ мещаны опытъ, такъ тежъ и съ поддаными пана Галчиновского, Вересовскими, и кгды пытали того приятеля Галатова, Грицка,—если бы приежджалъ до него передъ тою шкодою який приятелъ, або приходилъ, теды онъ поведалъ: жемъ, повяда не мелъ передъ тою шкодою въ дому своемъ жадного гостя и приятеля; где, тутъ же стоечи, подданый пана Бышполского, Яцко, повядалъ: я дей виделъ брата Грицкова съ Каменъки, который, будучи въ Вересахъ, пыталъ се до брата своего, Грицка,—если бы былъ дома. Теды южъ и онъ въ тотъ часъ поведилъ, же, поведа: былъ у мене братъ мой съ Каменки и обвестилъ есми его атамановой самой, бо самого не было. А коли пытали атамановое,—если бы ей Грицко

брата своего съ Каменки обвестилъ? она поведила, же я, поведа, николи Грицка не видала, и до мене не приходилъ, и брата своего не обвещувалъ. Теды громада, мещане его королевское милости, Житомирские, которые на тотъ часъ были, зъ себе выводъ учинили, и съ тыхъ я причинъ волными чиню; а которые на тотъ часъ, такъ мещане, яко и подданые пана Галчиновского, на той копе не были, съ тыми собе Грицко на часы пришлые право волное заховуетъ. И просилъ Грицко, абы то было до книгъ замку Житомирского записано,—што естъ записано.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 11, годъ 1609, листъ 177.

CXI.

Объявленіе вдовы крестьянина Грициха о томъ, что она получила головщину съ убійцы своего мужа и освобождаетъ его, поэтому, отъ всякой отвѣтственности за убійство, съ тѣмъ однако, чтобы онъ, сверхъ уплаты головщины, выполнялъ за убитаго всѣ его повинности въ теченіи четырехъ лѣтъ. 1611, февраля 24.

Року 1611, мѣсяца февраля 24 дня.

Постановившися очевисто на уряде его королевское милости замку Житомирского, передо мною, Григоремъ Кочуровскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, Грициха, такъ именемъ своимъ, яко именемъ дѣтей своихъ всѣхъ, зъ Грицемъ, теперъ съ того свѣта зошълымъ, сложоныхъ, сознала въ тые слова: ижъ поневажъ, зъ презреня Божого, а за опилостью и нещастемъ своимъ, въ року теперешънемъ, тисеча шестсотъ первогонадъцать, мѣсяца февраля первогонадцать дня, презъ руки, въ засажце мужа моего самотретего на Андрея Брудзинского, слугу пана Яна Галчиновского, которого естесми поданными на сесь часъ, Вересовскими, части его, (одъ) оного Анъдрея

раненъ есть разъ оденъ, смерть по дняхъ килку понюслъ; теды я сама, дѣти, братя, кревные небожчика мужа моего, зъ угоды зъ помененымъ Андреемъ, слугою пана Галчиновского, головщизны копъ дванадцать грошей Литовскихъ давши, которые заразъ руками своими одличиломъ и отобрала, также повинность вшелякую певнити, то есть панщизну вшелякую отправовати, чиншъ и што ено пану належати будетъ, рокъ отъ року, на лѣтъ чтыри повиненъ есть и будетъ; зачимъ зъ оного забойства мужа моего я сама, дѣти, зъ небожчикомъ сположоные, братя, кревные и повинные небожчиковские, если бы которыхъ мѣлъ, также отъ головщизны возному оного вышменованого Андрея волными часъ (волнымъ вечными часы?) чинимо и нинейшимъ зознанемъ нашимъ квитуемо, чого вечными часы нихто на ономъ самомъ, жоне и потомкахъ его поискивати не маетъ и не будетъ (въ) моци. При которомъ сознаню были люди уцтивые, то есть Карпо, братъ умерлого, и иншихъ не мало. Которое то сознане помененой Грицихи до книгъ замку господарского Житомирского есть записано.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, 1611 года, № 12, листъ 74.

CXII.

Рѣшеніе Люблинскаго трибунала, осуждающее пана Мартина Межинскаго на смертную казнь, за нападеніе на имѣніе пана Вилгорскаго с. Капустинъ, истязаніе и ограбленіе крестьянъ, разрушеніе ихъ хатъ, и за нападеніе потомъ въ дорогѣ на самого Вилгорскаго, ограбленіе его и убійство его слуги. 1611 г., апрѣля 13.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, месяца мая осмого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мъною Адамомъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и намест-

никомъ подстаростъ Луцкого, постановившися очевисто шляхетный Миколай Мрочекъ, слуга урожоного пана Александра Вилгорского, перъ облятамъ поведалъ и покладалъ декретъ банкации суду головного, трибуналу Любелского, на воеводстве Волынскомъ, въ року теперешнемъ, шестсотъ одинадцатомъ, месяца априля тринадцатого дня, межи поменеными урожонымъ паномъ Александромъ Вилгорскимъ, поводомъ, а урожоным паномъ Мартиномъ Межинскимъ, позваным, въ справе нижей менованой учинены, съ печатю земскою Володимерскою и съ подписомъ рукъ ихъ милости пановъ депутатовъ и писарское, просечы, абы причятъ и до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, уписанъ былъ; который я, видечи быть целый и зуполный, автентице съ книгъ трибуналскихъ выданый, для вписаня до книгъ, за афектациею пречоного Миколая Мрочка, приймуючи, передъ собою читати казалъ, и такъ се въ собе маетъ: »Выпись съ книгъ справъ головныхъ трибуналскихъ воеводства Волынского. Лета Божого нароженя тисеча шестсотъ одинадцатого, месяца априля тринадцатого дня. Передъ нами, депутаты суду головного, трибуналу Любелского, зо всихъ воеводствъ короны Полское на рокъ теперешний, вышей менованый обраными и высажоными, приточилася справа, въ реестру судового, за приволанемъ возного опатрного Станислава Издебского, межи урожонымъ паномъ Александромъ Вилгорскимъ, поводомъ, зъ одное, а урожонымъ паномъ Мартиномъ Межинскимъ, позваным, зъ другое стороны, за декретомъ суду кгродского, Луцкого, зъ рочковъ октебровыхъ, въ року тисеча шестсотъ девятомъ сужоныхъ, межи вышъменованными сторонами учиненымъ, а то въ справе, отъ повода позваному, нижей, въ позве вписаномъ, меновите выражоной, всчатой, въ которой, кгды поводъ позваного на вышъменованые рочки позвомъ позвалъ, тамъ судъ кгродский, Луцкий, по контроверсияхъ сторонъ обохъ, на афектацию умоцованого стороны позваное, позваному диляции хоробы, до рочковъ, по тамътыхъ напервей сужоныхъ, позволилъ и рокъ безъ припозву сторонамъ обомъ заховалъ, одъ которого декрету до трибуналу Любелского апелевалъ; судъ то ему, тое апеляций допустивши, рокъ за нею обомъ сторонамъ передъ судомъ трибуналскимъ на термине теперешънемъ воеводства Волынского безъ припозву за-

ховалъ, о чомъ тотъ декретъ ширей въ собе маетъ. На року тогды нинешънемъ, съ того декрету въ той справе слушне припаломъ, поводовая сторона, очевисто ставши, позваного черезъ вышъречоного возного ку праву по три кротъ приволатъ дала, который, ижъ се не отозвалъ и ведомости жадное о нестаню своемъ судови и стороне не далъ, оного, яко несталого, на упадъ въ зыску речи, въ позве менованое, зъ волнымъ однакъ арештомъ, зъ допущеня судового, на позовъ тотъ, въ апеляции вписаный, который такъ се въ собе маетъ: Миколай Семашко на Хупкове, каштелянъ Браславский, староста и ключникъ Луцкий. Урожоному Мартинови Межинскому зъ особы и зо всихъ добръ твоихъ, лежачихъ и рухомыхъ, и зъ сумъ пенежныхъ, приказуемъ владзою уряду нашого старостинского, абысь передъ нами, а въ небытности нашой,—теды передъ урядомъ нашимъ кгродскимъ, Луцкимъ, въ Луцку на рочкахъ кгродскихъ, которые се судитъ и отправовати зачнутъ отъ дня двадцатъ второго октебра, въ року нинешнемъ, тисеча шестсотъ девятомъ, самъ обличне и завите сталъ, на жалобу и правъное попиране урожоного пана Александра Вилгорского, который тебе позываетъ, прихиляючисе до протестации своее, противко тобе въ кгроде Луцкомъ, въ книгахъ кгродскихъ, Луцкихъ, урядовне учиненое, о то: ижъ ты, зневаживши право посполитое и покой, правомъ посполитымъ обворованый, взявши васнь на повода теперешънего, пана Вилгорского, розными часы наежджаючи на село Капустинъ, державу его, бой, грабежи, кгвалты, подданымъ тамошнымъ и ему самому, чинилъ, и теперъ недавно, въ небытности его, кгды въ Луцку былъ, на рочкахъ, которые се судили отъ дня тринадцатого июля, наехавши на тое жъ село Капустинъ, зъ немало слугъ и татаровъ и иншихъ, на здорове поводово приспособленыхъ, халупъ две подданымъ его въ ставъ роскидалъ, подданыхъ побилъ, а другихъ до себе взялесь, которые ажъ въ килка дней одъ тебе утекли до домовъ своихъ; такъ-же белые головы старые две, которые не могли утечи, для старости летъ своихъ, казалесь на улицу съ печи выволочи и нагайками татаромъ передъ собою бить, череду всю поддапымъ тамошнимъ, которая при тобе съ поля до села того Капустина вошла, занялесь и до Русивля до двора загналесь; о што все волное чинене собе поводъ правне инъ

форо фори заховуе. И на томъ ты еще мало маючи, але взявши презъсе злый и непристойный учинокъ, здоровя позбавить повода теперешънего, доведавшисе, кгды зъ Луцка, зъ рочковъ вышъпомененыхъ до села того Капустина, не ведаючи ничого о той свежой твоей зъбродни, ехалъ, дня пятого августа, въ року нинешънемъ, тисеча шестъсотъ девятомъ, ты, Мартине Межинский, съ тыми жъ татарми, такъже съ козаками и иншими помочниками, такъже слугами своими, до того зъ гарматою розною, на учинокъ, нижей выражоный и въ умысле добре постановеный, не мало тобе именми и назвиськами знаемыхъ, не давши первей жадное ведомости о неприязни и замыслы такомъ, яко се годыло, а взявъши ведомость, и маючи шпекги свое, же панъ Вилгорский просто до Капустина ехалъ,—тамъ же ты, съ тыми жъ татарми а козаками, съ которыми еси первей наеждчалъ на тую жъ весь Капустинъ, державу его, ку тому съ поддаными Русивлскими, которыхъ всихъ было до двохъ сотъ человека, дня пятого августа, засадившисе скрите въ лисе въ гробли Русивлской, кгды до гребли пречоный панъ Вилгорский, яко чоловекъ спокойный, правомъ и покоемъ посполитымъ обваровваный, толко самошостъ, не ведаючи о такой неприязни и засадце, приеждчалъ, ты, препомнивше боязни Божое и пристойности шляхетское, зъ лису выпадши, окрикъ учинивши, стрелять почали; где заразъ при пану Вилгорскомъ шляхетного Яна Малиновского, слугу, шляхтича учтивого, зъ мушкету во три палци середние у правое руки самъ особою своею пострелилъ; а другого, Матея Брапского, шляхтича учтивого, смертелне въ бокъ правый зъ луку неодповедне двома стрилами на вылеть, на котчомъ (sic) седячого, постреляли, и окрутне забили и замордовали, и зъ живою умерлого учинили. И такъ панъ Вилгорский, видечи на себе кгвалтъ, которому жаднымъ способомъ отпору не могъ датъ, будучи на котчомъ, не на войну приготованымъ, а зъвлаща, кгды одни на коняхъ, съ пулгаками и зъ стрелами, а другие пехотою, то естъ хлопи съ косами, почали силою наступоватъ, а овые зъ боковъ и съпереду наеждчатъ, теды оборонною рукою, а въпередъ ласкою Божою и опатрностю, ледве здорове свое и остатокъ челядки, которыхъ для послуги, а не для войны, яко чоловекъ спокойный, зъ собою на тотъ часъ

взялъ быть, до тое жъ вески Канустина (упедлъ?); тамъ же колясу зъ однимъ конемъ, которая не могла надолжить за котчимъ, кгды поводъ оборонною рукою ижъ уходилъ зъ здоровьемъ своимъ, которую былъ зъ собою взялъ зъ живностю, обычаемъ лупу, ты, Межинский, взялесь самъ, на которой колясе было тузинъ ложокъ сребрныхъ, за сорокъ золотыхъ купленые, обрусовъ коленскихъ два, и шаблю хлопца того, который тую колясу везъ, барило меду, четвертъ мяса яловичого, и иншихъ живелъ: хлеба, сыра, масла, и то все до дому своего до Русивля отпровадилесь, яко о томъ протестация противко тобе о такий кгвалтъ и заступъ на доброволной дорозе есть учинена; зачимъ въ вины, правомъ посполитымъ противко такимъ описаные, попалесь, до которыхъ на тобе вскаженя, тебе поводъ позываетъ. Прото, абысь на року вышъпомененомъ сталъ и тому се прислухалъ, кгды(жъ) мы, або, въ небытности нашой, урядъ нашъ, сроктостъ права посполитого и вины, въ немъ описаные, на тобе вскаже и противко тобе поступитъ конечне. Писанъ въ Луцку. Року тисеча шестсотъ девятого, месяца сентебра двинадцатого дня.« Которого взданя ижъ позваный, будучи о годзине звыклой до арешту черезъ того жъ возного приволыванъ, не арештовалъ и арештовати не хотелъ, поводъ далшого поступку на немъ домовлялсе. Прото судъ нинешъний, головный трибуналский, за нестанемъ позваного, а за правнымъ попартемъ поводовымъ, прихиляючисе до права посполитого, въ далшомъ поступку, въ способъ зыску, декретъ суду кгродского, Луцкого, поднести, вины караня на горле позваного за таковый ексъцесъ есть въ праве посполитомъ описаные, на позваномъ вскаузуетъ и нинешнимъ декретомъ вскасалъ, на горло оного, за тотъ учинокъ его, яко кгвалтовника и нарушителя права посполитого, декретомъ нинешънимъ осудилъ. А ижъ позваный до суду нинешънего, для выконаня и презъ судъ нинешъний на немъ тое екзекуций и караня на горле, не становилъ, теды судъ нинешъний на ономъ, яко права посполитого и зверхности его королевское милости противномъ, вину баниции, выволаня съ панъствъ его королевское милости, короны Полское и великого князства Литовского, вскаузуетъ, и, для объволаня и заразъ публикованя тое вины баниции, возного, при суде будучого, шляхетного

Станислава Издебского, придаетъ. Который то возный, зъ росказаня и приданя суду нинешнего, а съ повинности уряду своего, тую баницию на позваномъ, тутъ на ратушу Любелскомъ при велю людей зацныхъ, зъ розныхъ воеводствъ згромажоныхъ и у суду справъ своихъ пильнуючихъ, голосомъ вынеслымъ, до вѣдомости всимъ приводечи, обволалъ и публиковалъ, абы, о томъ ведаючи, съ пречоным Мартиномъ Межинскимъ, яко банитомъ и выволанцомъ, и правомъ переконанымъ, жадного сполку а ни общованя не мели, радою и помочю ему не были, и оного въ домахъ своихъ не переховывали, але се зъ нимъ во всемъ, яко выволанцемъ, правомъ переконанымъ, заховывали, подъ винами, въ праве посполитомъ описаными. О чомъ тотъ возный, же тую баницию на позваномъ публиковалъ, передъ судомъ нинешнимъ ставши, сознане свое учинилъ. По которомъ обволаню и публикованю тое вины баниций, судъ нинешъний, хотечи, абы тотъ декретъ до екъзекуции пришолъ, на выконане водлугъ того декрету екзекуции и ростягненемъ (sic) на позваномъ тыхъ винъ, то естъ для караня оного на горле, до суду кгродского, Луцкого, если бы тамъ позваный притягненый былъ, такъ же и до иншихъ судовъ и урядовъ вшелякихъ, подъ которыхъ бы колвекъ юриздикциею позваный перемешкивалъ, и презъ сторону поводовую, албо кого колвекъ иншого, за тымъ декретомъ пристигненый былъ, отсылаетъ; который то судъ и врядъ, такъ Луцкий, яко и иншій кождый и вшелякій, вышменованый, тую екъзекуцию на позваномъ выконываючи, оного, яко банита и правомъ приконаного, поймати и на горле карати маетъ и моцъ за симъ декретомъ нинешнимъ мети будетъ, безъ жадное фолки; што повиненъ кождый врядъ, за реквированемъ стороны поводовое, учинити, подъ винами, въ праве посполитомъ описаными. Што все для памети до книгъ справъ головныхъ трибуналскихъ есть записано, съ которыхъ и сесь выпись естъ выданъ. Писанъ въ Люблине.« У того декрету трибуналского печатъ земская повету Володимерского, а подписъ рукъ ихъ милости пановъ депутатовъ и писарское тыми словы: »Alexander z Ostroga Żasławsky, C. V., manu propria; Martinus Witowsky, notarius castrensis Lanc. Plichta Jan, chorąży Sochaczewsky, manu propria. Alexander Chodkewicz, woiewoda Trocki, ręką swą; Hawryło Hostsky,

chorąży Kiiowsky, deputat Wołynsky, ręką; Юрей Овлочимский, писаръ.« Который то декретъ трибуналский, за поданемъ пречоного Миколая Мрочка, а за принятемъ моимъ, до книгъ естъ уписанъ.

Книга Луцкая, гродская, записовая, № 2119, годъ 1610—1612, листъ 300.

CXIII.

Условіе объ отдачѣ Львовскимъ подкоморіемъ, Станиславомъ Каменецкимъ, въ аренду панамъ Ганецкимъ своего имѣнія, сс. Жуковецъ и Горзвина. 1611, апрѣля 18.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, месяца апреля двадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Адамомъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, станувши обличне, урожоные Янъ Кганецкий и панея Дорота съ Хотчей Кганецкая, малжонкове, обое сполне и одностайне, одступивши своеи власнои юрисдикции, а тутошней кгродской, Луцкой, иле што ся дотычетъ сознаня теперешнего интерцызу, печатми и руками ихъ, такъже людей зацныхъ, подписаную и запечатованую, възглядомъ аренды фолварковъ двухъ: села Жуковца и села Горзвина, учиненую, урожонымъ ихъ милостъ пану Станиславови Каменецкому, подкоморому Львовскому, и ее милости панее Богдане Семашковъне Каменецкой, подкомориной Львовской, малъжонъкомъ, даную, для вписаня до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, подали, которую очевистымъ доброволънымъ сознанъемъ, зо всими ликаментами о ней, змоцънивши и ствердивъши, просили, абы принята и до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, вписана была; которую урядъ, принявши, передъ собою читатъ казалъ, и такъ ся въ собе, писмомъ полскимъ писаная, маетъ: Ja Jan Ganecky, ja Dorota s Chotczey Ga-

necka, z małżonkiem swoim, zeznawamy tym listem y dobrowolnym zapisem naszym, komu by to należało wiedzieć, teraz y na potym zawżdy, iż iesmy arendowali u (sic) jego mości pana Stanisława Kamienieckiego, podkomorzego ziemie Lwowskiey, y paniey Bohdanie Siemaszkownie Kamienieckiey, podkomorzyney ziemie Lwowskiey, maiętności dwuch: folwarku sioła Żukowca, folwarku y sioła Horzdwina, z młynem Horzwinskiem y z wymiołkami jego, y z stawkiem Żukowieckim y jego spustem—okrom stawu Horzwinskiego wielkiego y łowienia w nim ryb—gaiow y zarosli, na tych maiętności będących, ze wszitkimi przynależnościami, niżey opisanemy, to jest: sadek Żukowiecky s chmielem, które przy maiętności Sadowskiey prawem dożywotnym od jego mości xiędza biskupa Łuckiego kapituły wikariow kościoła kafedralnego Łuckiego Troyce Swiętey, ichmość trzymaią, a iż w tych zwysz mianowanych oboch folwarkach niemasz pługow tylko dziesięc, tedy nam pozwolili jch mość oboje małżenstwa z Sadowa na każdy rok, równo jako sobie poczną orać, pańszczyzne, pługow sześć, na dni sześć na parenine, także na dni sześć na jarzyne, y radlić na dni sześć radeł sześci, tak tesz y dłużić na dni sześć; do tego do żniwa ozimego powinni nam jch mość posłać z Sadowa żeńcow piendziesiąt na jeden dzień, a na jarzyne także na jeden dzień żeńcow pięćdziesiąt; do tego wolny wręb na wszytki trzy lata w dąbrowach Sadowskich, tylko na potrzebe domową do tych folwarkow, na opał, tak tesz y do piwa robienia, ile potrzeba ukazuje, do karczem oboch tamecznych, y do warzenia piwa na swoią potrzebę pana Ganeckiego, y na trzy kotły palenia gorzałki, obecnie do trzech lat zupełnych, nierozdzielnie po sobie idących, która arenda począć sie ma od dnia pierwszego maia roku teraznieyszego, tisiąc sześćseth jedynastego, a konczyć sie ma w roku tisiąc sześćseth czternastem, — za pewną sumę pieniędzy: za dwa tisiąca złotych polskich, w każdy licząc po groszy trzydziestu polskich, kturą sumę zaraz ich mościam dalichmy y tę maiętności do posesyj y używania swego, s poddanemi ciągłemi y nieciągłemi, na inwentarzu, nam od ich mościow podanym y spisanym, wzieliśmy; który inwentarz, tak poddanych, jako y rzeczy ruchomych wszitkich, nam od ich mości oboiga małżenstwa iest podany y rękoma naszemi, także też ich mości, oboiga małżeństwa, oboch stron, podpisany y zapieczętowany, y actami grodzkiemi, Łuckiemi, przyznany, w których to maiętnościach wolno nam będzie pożytkow przyczyniać, wedle nalepszego pożytku y gospodarstwa swego, bez uciążenia poddanych, nie wyciągaiąc ich nad powinności, od ich mościow na inwentarzu nam podany; winy takiem sposobem, iż gdy by iaka przypadła w tych wsiach za wielkim y znacnym excessem u poddanego którego, tedy pan Ganecky ma

prawo tameczne osadzić, y, co sie okaże, ma sie ze mną znieść y porozumieć y łaskawie skarać, za zniesieniem zobopolnym; a to dlia tego, aby groza y karność w nich była; także też gaiow y lasow, na tych maiętnosciach będących, okrom gwałtu do grobli, nie pustoszyć, a ni rozdawać, a ni przedawać; do tego na każdy rok dzierżenia swego powinnychmy, według łanuw przy czynszach, podymne, na każdy święty Marcin, wybrawszy od tych poddanych, do rąk ich mości, albo którego ż kolwiek z ichmościow, także y pobory, gdyby byli uchwalone, oddawać; do tego nasienie, według inwentarza nam od ich mościow podane, circa expirationem arendæ, przy widzu ich mości, tak ozime, iako y iare, powinnychmy zasiać, a co by sie nie wysiało,—gotowym zbożem oddać; do tego waruiem to ich mości oboygu małżenstwa, stawek w Żukowcu, gdy go sobie na rybim, spuściwszy, porządnie zastawić y ich mości, circa expirationem arendæ, cało oddać; a isz dno nowe w tym stawku Żukowieckim, tedy nam powinien jego mość pan podkomorzy Lwowsky, albo jey mość pani podkomorzyna Lwowska, na każdy rok dzierżawy naszey dawać na roschod domowy szczuk łokietnych na poły z zawiankami kop trzy, linow kop dwie, karasi kopa iedna, płocic z okuniami cebrow cztery; a, czego Boże uchoway, gwałtu wielkiego y nawalności wody w Horzwinie, tedy młynarz ma dawać znać, tak ich mościom, jako y panu Ganeckiemu, pod straceniem sumy y młyna; a pan Ganecky y małżonka jego poddanych z obudwu wsi dzierzawy swey, jako na gwałt, wszitkich, zaniechawszy roboty swey, powinni będziemi posłać; do tego leśniczy ich mości, z Sadowa, dąbrowy, lasow y gaiow, dla pustoszenia, na tych maiętnościach będących, bronić ma, tak od poddanych Horzwińskich, Żukowieckich, na ten czas dzierżawy naszey, iako y od postronnych, czego my ich mościom bronić nie mamy; a, czego Boże uchoway, na nas które śmierci w tym czasie, tedy waruiem to ich mościom, oboygu małżenstwa, tak tesz y ktoremu kolwiek z ich mości, bądź pospołu, bądź rozdzielnie, z dobr naszych wszitkich, łeżących y ruchomych, te wszitkie konditie, jako tesz y każda zosobna z nich, strzimać y wypełnić, pod zakładem dwu tisięcy złotych polskich. Ktoremu to zapisowi y listowi naszemu y wszitkim conditiom, w nim wyrażonym, tak w części, iako y we wszitkim, tak oboie spolnie, iako y każda z nas osoba pozostała, mamy y powinni będziemy s potomkami naszemi dosić czynić, pod zakładem wyszey mianowanym; o który zakład, w niedosyć uczynieniu w czym kolwiek temu dobrowolnemu zapisowi naszemu, tak oboie spolnie, iako y która kolwiek z nas osoba pozostała, pozwani, bądź spolnie, bądź rozdzielnie, do którego kolwiek sądu, urzędu y prawa, grodzkiego, odstępuiąc od powiatu swego własnego, a temu, do

którego byśmy byli pozwani, ziemskego y trybunalskiego,—zawicie na roku pierszim za pozwem stanąwszy, y dobra swe wcielaiąc, dillaty y appellaty wszitkich w pospolitości nie zażywaiąc, sprawować sie mamy, y potomkowie naszy, y każda z nas osoba pozostała, o wszitko będzie powinna odpowiadać, zakład wyszey mianowany, od sądu y urzędu, do którego byśmy byli, abo potomkowie naszy, pozwani, nie odchodząc, zapłacić, a zapłaciwszy, o to, o co byśmy pozwani, albo osoba która kolwiek z nas pozostała, dosyć czynić, y conditiam tym, w. liscie y zapisie naszym wyrażonym, tyle kroć, yle by tego była potrzeba, dosyć czynić, y te dobra, post expirationem arendæ, wolni y nie obwiązani ich mościom, spolnie, abo ktoremu kolwiek z ich mości puścić; na co ich mości dalichmy ten dobrowolny list y zapis nasz, rękoma naszemi własnemi podpisany y pieczęciamy zapieczętowany, do którego listu y zapisu naszego użylichmy ich mościow panow przyiacioł naszych: jego mośći pana Stanisława Oltarzowskiego, starosty Torczyńskiego; pana Jana Kiiowskiego; pana Wasila Okorskigo; którzy, bytnoscią swą na prośbę naszę to uczynili, pieczęci swe przycisneli y rękoma swemi sie podpisali. Działo sie w Łucku, dnia ośmnastego miesiąca aprila, roku tisiącznego sześćsetnego jedynastego. У тое интерцизы печатий шестъ, а подпись рукъ тыми словы: Jan Ganecky, ręką swą; Dorota s Chotczey Ganecka, ręką swą; Jan Malczewsky, proszony pieczętarz, ręką swą; Stanisław Oltarzewsky, proszony pieczętarz, ręką swą; Jan Kiiewsky, proszony pieczętarz, ręką swą; Василей Окорский, рукою власною. Которая жъ то интерциза, за поданемъ и прозбою пречоныхъ сознаваючихъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть уписана.

Книга Луцкая гродская, записовая, № 2119, годъ 1610—1612, листъ 291.

CXIV

Арендный листъ отъ Брестскаго воеводича Фридриха Тишкевича пану Григорію Черныку, на городъ Бердичевъ и села Быстрикъ и Жидовцы. 1611 г., сентября 1.

Року тисеча шестсотъ одинадцатого, мѣсяца ноября 14 дня.

На вряде его королевское милости, замку Житомирского, передо мною, Григоремъ Кочуровъскимъ, подстаростимъ Житомирскимъ, ставши очевисто велможные ихъ милости, его милость панъ Фридрихъ Тишкевичъ зъ Логойска, воеводичъ Берестейский, а ее милость пани

Зофия зъ Острога, княжна Жаславская, Фридриховая Тишкевичовая, малжонкове, устне и доброволне, при листе записе своемъ, ку записаню до книгъ кгродскихъ, Житомирскихъ, въ тые словы зезнали: ижъ што были арендовали имена свои власные, место Бердичовъ, въ воеводстве Киевскомъ лежачое, и села до него прислухаючие, Быстрики и Жидовце, зъ дворы, такъ въ месте, яко и въ селехъ будучими, мещаны и подданными тяглыми и зъ ихъ вшелякими повинностями, въ селехъ будучими, зъ кгрунтами оремыми и неоремыми, съ полми, сеножатьми, зъ дубровами, ставами и спустами, зъ млынами и ихъ вымелками, ово згола зо всими пожитками ихъ, повинностями, ничого на себе самихъ и на потомковъ своихъ и ни на кого колвекъ не зоставуючи, въ моцъ въ держане и въ спокойное уживане, черезъ возного, енералного Василя Сосницького, урожоному пану Григорю Чернику, водлугъ запису нашого арендовного, на день светого Шимона-Юды, яко се подати и поступити повинни были, и подали и поступили особливою (sic) и водлугъ запису на признане того листу арендовного, отъ ихъ милости его милости пану Черникови даного, на ураде нинешнимъ, ставши и тотъ листъ записъ арендовный передо мною положивши и очевистымъ сознанемъ своимъ его во всихъ пунктахъ и конъдицияхъ ствердивши, просили, абы принятъ и до книгъ вписанъ былъ; которого я, водлугъ права справленымъ бытъ бачечи, при томъ очевистомъ сознаню ихъ милости принявши, до книгъ слово отъ слова вписать казалъ, который такъ ся въ собе маетъ: »Я, Фридрихъ Тишкевичъ зъ Логойска, воеводичъ Берестейский, а я, Зофия, княжна зъ Острога Жаславская, малжонка пречоного его милости пана Фридриха Тишкевича, одна особа, яко обе, (и обе) особы, яко одинъ, чиними явно и сознаваемъ сами на себе и на потомки наши тымъ листомъ добровольнымъ арендовнымъ, записомъ нашимъ, кождому, хто бы о томъ ведати хотелъ, ижесьмо арендовали маетность нашу власную дедичную, место Бердичовъ, въ воеводстве Киевскомъ лежачую, зъ двема селами, до того места Бердичова прислухаючими, то естъ село Быстрикъ и село Жидовце, зъ дворы, людми, месчаны, бояры, подданными тяглыми, и зъ ихъ вшелякими повинностями, чиншами, подводами, полми, кгрунты, сеножатми, дубровами, ставами и ихъ спустами, зъ млынами и ихъ вымелками, ставомъ

и млыномъ новымъ, подъ местомъ Янушовкою новозбудованымъ ово згола зо всими доходами, ничого на себе не зоставуючи яко се сами въ собе тые три маетности маютъ, то есть упередъ менуючи и кладучи въ томъ пожитки арендарские, мимоходы, капъсчины, броварсчины, воскъ отъ сыченя меду, иные всякие пожитки, менованые неменованому а неменованые менованому ничого шкодити и оближати не маютъ, а пожитки то все зъ места Бердичова, то есть: (съ) кождой волоки оселой по коне грошей Литовскихъ, по мерци жита, по мерци овса, по шести возовъ сена, по двое куръ, по гуси одной въ рокъ, подъвода съ кождой волоки до Буга альбо до Львова, а которые волоки не маютъ,—по золотому зъ дыму и по двое куръ, ставовыхъ грошей съ кождого дыму по ползолотого зъ дыму и по двое куръ ставовыхъ; а въ селахъ Быстрику и Жидовцахъ пожитки такие, то есть: наперед корчмы вшелякие, горелчаные, медовые, пивные, мыта и млыны, ставы, до того съ циншами, роботами; збожа, то есть: пулъмерки ячъменя и полмерки овса, по двое куръ, по гуси; надъ то въ тыхъ же маетностяхъ, Бердичове и селахъ вышъменованыхъ, вины вшелякие, пересуды, паметне, поклоны, куници, змерене и поемые, ово згола все пожитъки, ничого на себе и на потомки свои не зоставуючи. А кгды бы тежъ который подданый прочъ пошолъ, теды арендаръ за то не маетъ быти виненъ и ни ввощо не маетъ попадать. А стороны тыхъ то подданыхъ въ Бердичове, которые волокъ не маютъ, албо которые тежъ, холупъ своихъ не маючи, коморниками въ суседахъ мешкаютъ, маетъ давать въ мисте по ползолотого, а на селе по грошей шести. И тую маетность нашу вышъменованую, местечко Бердичовъ и съ тыми селами, Быстрикомъ и Жидовцами, арендовали есмо его милости пану Григореви Черникови на три лета зуполные, по собе идучие, то есть, почавши отъ часу и дня Божого Нароженя, свята римского, которое, дастъ Богъ, въ року нынешнимъ, тисеча шестъсотъ одинадцатомъ, ажъ до року тисеча шетсотъ чотырнадцатого, такового жъ свята и дня Божого Нароженя; еднакъ заразъ отъ дня светыхъ Шимона Юды тое мисто Бердичовъ и село Быстрикъ въ моцъ и юрысдыкцыю въ способъ аренды подати и поступити мелъ (sic) и зо всими пожитками, бо намъ панъ Черникъ зъ тыхъ недиль килконадцать зособна заплатилъ и досыть учинилъ. А

што се дотычетъ села Жидовецъ, ижъ на сесь часъ до держаня его милости подать не можемъ, бо есть въ заставе, теды въ пришлый рокъ, дасть Богъ, за ознайменемъ нашимъ, маетъ именье тое наше село Жидовце, у пана Кгрубъского въ заставе у дванадцати сотъ золотыхъ будучое, выкупити, а выкупивши, оное до держанья своего ку той же аренды держати и его, ажъ до выйстья аренды, зо всими его повинностями и пожитками, яко и села Быйстрика держати, то все арендовали есмо его милости пану Григореви Черникови на три лета, по собе идучие, за чотыри тисечи золотыхъ Полскихъ, якожъ есмо заразъ повъторы тисечи золотыхъ Полскихъ отъ его милости на тую аренъду взяли, и его милость квитуемъ, а дванадцать сотъ золотыхъ пану Кгрубскому за Жидовце, а остатокъ сумы, тринадцать сотъ золотыхъ Полскихъ, въ року третемъ отдать намъ будетъ повиненъ; а мы сами черезъ себе, а ни черезъ дети, потомки наше, такъ тежъ а ни черезъ слугъ, подданыхъ нашихъ, а ни черезъ жадную иншую особу направную, перешкоды чинить, а ни се въ то ниякимъ способомъ вступовати не маемъ и моцы жадное мети не можемъ, до спокойного выдержаня его, водлугъ часовъ звышписаныхъ. То тежъ особливе тому арендарови нашему тымъ листомъ варуемъ, еслибы, Боже уховай, спустошеня тыхъ маетностей отъ неприятеля якого, альбо отъ огня, отъ граду, шаранци, любъ тежъ зорванья ставовъ и якого колвекъ припадку, на чомъ бы тотъ арендаръ шкоду милъ, албо ваковане аренды поднялъ, теды мы, тое все упатруючи, повинны будемъ на то по приятелю одному высадить и, на чомъ приятеле постановятъ, то нагородити его милости пану Григореви Черникови, жебы намни ни въ чомъ шкоды не милъ. Которые то вси пунъкты, кондыцые, варунъки, въ томъ листе нашомъ вышъписаные и менованые, мы сами черезъ себе и потомки наши обовезуемъ се, водлугъ того листу нашого, зыстити и зуполне здержати, ни въ чомъ его не нарушаючи, а то подъ закладомъ таковое жъ сумы, яко сама истна сума несетъ, чотирохъ тысечей золотыхъ Полскихъ. А если бы есмо въ чомъ колвекъ сесь нашъ запись нарушили, и которое жъ колвекъ кондыции не здержали, альбо перешкоду, такъ въ пожиткахъ, яко и въ браню у подданыхъ подводъ, збожя и иныхъ маетностей ихъ рухомыхъ, и въступъ якимъже колвекъ способомъ, любъ мы сами, любъ

потомки наше, албо черезъ когожъ колвекъ, чинили, тогды закладъ, чотири тисечи золотыхъ Полскихъ, его милости самому и кождому, сесь нашъ листъ записъ маючому, заплатити и шкоды, на голое речене слова, кромъ присяги, нагородити маемъ и будемъ повинны; о который закладъ и шкоды даемъ вольность насъ до вшелякого права и суду, уряду, кгродского, земского и простого трибуналского, въ которое колвекъ воеводство, Киевское, и Волынское, и Браславъское, въ каждый поветъ, хоть намъ и добрамъ нашимъ неналежачий, позвомъ и рокомъ якимъ хотечи бы и двема днями передъ зачатемъ роковъ и рочковъ, а мы, яко на року завитомъ, стать, а ставши позву и року не буречи и не збиваючи, и екъсценций жадныхъ и диляций правныхъ не заживаючи, отъ декресовъ судовыхъ не апелюючи, помененый закладъ и шкоды заплатити, и всему, што на насъ всказано будетъ, досыть чинити а подлегати маемъ, а по насъ потомки наше повинны будутъ. А если бысмо зыскъ на себе одержати допустили, тогды вже який судъ и урядъ на маетностяхъ нашихъ, которые на сесь часъ волные суть, скутечную отправу удилать будетъ повиненъ, которые отправы заборонять не маемъ; а если бысмо заборонили, тогды на далшую екъзекуцию оный судъ и урядъ насъ на трибуналъ, на воеводства вышпомененые, отослать маетъ и будетъ повиненъ. А што се дотычетъ браня поборовъ, которые ежели на сеймахъ валныхъ уфалены будутъ, также подымное, сторожовщины, проховщины такъ зъ миста нашого Бердичова, Янушовки и всихъ селъ, до маетности тое нашое прислухаючихъ, мы не маемъ брати, але то все его милость панъ Черникъ выбиратъ, а выбравши намъ до рукъ, албо кому отдать назначимъ, маетъ и будетъ повиненъ. А сторожовщина и проховщина на оборону замку и места оборочена быть маетъ, а то также подъ закладомъ чотырохъ тисечей золотыхъ здержати и зистити маемъ, о што форумъ на тыхъ же воеводствахъ и повегахъ собе назначаемъ. А повинности съ подданыхъ ширей на инвентару, отъ насъ данымъ, суть описаные. А по екъспированю аренды румаций на недель шесть его милость панъ Черникъ мети маетъ, и попущеня тое аренды о жадне спустошеня и шкоды позыванъ черезъ насъ и потомки наши быть не маетъ. А особливе и тое его милости варуемъ, ижъ если бы што на направу тое мает-

ности, нашое такъ будоване яко и посыпане гребель, наложилъ, тогды, водлугъ выналязку приятелского, то его милости нагородити будемъ повинны; на што для лепшого и певнейшого утверженя тыхъ речей, вышейписаныхъ, дали есмо тому арендарови нашему, пану Григорю Черникови, тотъ нашъ арендовный листъ съ подписомъ рукъ нашихъ власныхъ и съ печатми нашими запечатованы, до которого застаню (sic) и очевистою прозбою нашею, печати свои приложивши, руками власными до того листу арендовного подписатисе рачили ихъ милости панове а приятели наши: панъ Григорей Кочуровский, подстаростий Житомирский, а панъ Теодоръ Мышенский, писаръ Житомирский, а панъ Андрей Пересецкий. Писанъ въ Бердичове, року тисеча шестсотъ одинадцатого, мѣсяца сентебра первого дня. У того листу арендовного запису печатей притисненыхъ чотыри а подписъ рукъ тыми словы: Frydrich Tiszkiewicz z Lohoiska, ręką swą; Zofia z Ostroga xiężna Zasławska Tyszkiewiczowa, ręką swą; Григорей Кочуровский, власною рукою. Proszony pieczętarz od jegomości pana Frydrycha Tyszkiewicza y małżonki jegomości, Teodor Myszinsky, pisarz Żytomirski, Andrzey Peresiecki.« Который же то помененый запись арендовный, презъ подане речоныхъ особъ ихъ милостей пана Тишкевича и малжонки его милости, до книгъ врядовыхъ замку господаръского, Житомирского, есть принято и вписано.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, 1611 г., № 12, л. 349 на об.

CXV.

Жалоба Брестскаго воеводича, Фридриха Тишкевича, на Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о томъ, что Острожскій наслалъ вооруженный отрядъ, на земли Тышкевича, которыми онъ самовольно завладѣлъ и основалъ тамъ слободу »Новый Пыковъ«, чѣмъ совершенно преградилъ всѣ выѣзды изъ города Махновки. 1611 г., октября 22.

Року 1611, мѣсяца октября 23 дня.

Писалъ и присылалъ до вряду замку его королевское милости Житомирского, до мене, Григоря Кочуровского, подстаростего Жи-

томирского, урожоный его милость панъ Фридрихъ Тишкевичъ зъ Логойска, воеводичъ Берестейский, служебника своего шляхетного Матияша Свержевъского, оповедаючи и обтежливе жалуючи на ясневелможного его милости пана Януша княжати Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского, Черкаського, Каневского, Белоцерковского и Богуславского старосту, о то, ижъ дей року теперъ идучого, тисеча шестсотъ одинадцатого, мѣсяца октебра осмънадцатого дня, наславши квалтовнымъ обычаемъ старостовъ своихъ зъ местъ украинныхъ, зъ многими людми татаровъ, чемерисовъ, и посполитого чоловѣка о килка тисечей, его милости самому имены и назвиска лепей знаемыхъ, зъ оружиемъ, до бою належачимъ, на власный старожитный кгрунтъ, спокойное уживане его милости пана Фридриха Тишкевича, черезъ шляхъ, который делитъ воеводство Браславское зъ воеводствомъ Киевъскимъ и именя кгрунтовѣ, до нихъ належачихъ, на врочище, прозываемое Кремяный Пятъ, надъ рекою Пятомъ лежачий, тужъ неподалеку, подъ местомъ замку и места его милости Махновки будучое, которые то люди, привезши съ собою зъ места его милости Глинъска, водлугъ науки его милости пана Краковского, пана своего, халупъ килка на ономъ местцу, на волю закликавши, поставили, и твержу або оборону на къшталтъ замочку, валомъ осыпавши и палями оставивши, учинили, пасеки изъ бчолами, въ нихъ будучими, гумна зе збожемъ, сена, въ стиртахъ зложоные, въ поляхъ тыхъ ажъ до самого шляху стоячими, власное працы и роботы подданыхъ его милости Махновскихъ квалтовне и безправне зъ кгрунтовъ и урочискъ тыхъ всихъ, почавши отъ месца того Кремяного Пяту, черезъ нихъ названое Новымъ Пыковомъ, съ тое слободы кгрунъту на миль три вшыръ и въздлужъ одыймуючи и вытискаючи; при которомъ урочищу, где тую волю садить почали, село до места Махновки будучое, Кустовци, зъ ставомъ и зъ млыномъ, подъ нимъ будучимъ, на реце Пяту, и мелника Труша квалтовъне отнялъ и ку той же слободе, новоназваному Пыкову, привернулъ, и то все посполу злучилъ а его милости пана Тишкевича спокойного держанья и уживаня такъ съ того млына, зъ ставу, зъ селка Кустовецъ, яко и урочища помененого Кремяного Пяту, и иншихъ урочищъ и кгрунтовъ, ажъ по самый шляхъ, яко се вышей

поменило, отнялъ, и выбилъ, и ку пожиткови своему то все обернути росказалъ. Которые то люди, зъ власного росказаня княжати его милости пана своего, великие а незносные кривды, бои, грабежи поддапымъ его милости пана Тишкевичовымъ, Махновскимъ, выстрашаючи ихъ зъ местечка, чынятъ, негде добровольне пропустити не хочетъ. Которые зъ великое боязни, бачечи бое, раны, грабежи на иншихъ суседахъ своихъ, а до того, не маючи вольного выстя зъ местечка, а ни выгнаня на поле товаровъ своихъ, за стисненемъ и утискомъ великимъ тамъ на тую волю за его милость пана Краковского, которыя кгвалтовне тужъ на килка стреленя зъ лука подъ местомъ его милости, Махновкою, а то ку (зне)сеню и на знищене того места и селъ, коло него будучихъ, осажена есть за усилованемъ тыхъ людей и старостовъ его милости задаватисе, и домы зъ места Махновки переносити тамъ на тую волю почали; которымъ то некоторымъ поддапымъ, обавляючисе отъ тыхъ людей, которые, яко бы противъ неприятелеви коронному суть, до купы тутъ подъ Махновку для умыслъного кгвалтовного отнятя тыхъ кгрунтовъ, футоровъ, чыненя шкодъ и похвалокъ такъ противъ поддапыхъ его милости, яко и его милости самому, згромажоны, абы и самого местечка и замку Махновского, яко некгды отъ килку летъ замочокъ Горевский (?) черезъ штурмъ кгвалтовне знести не усиловали, нечого мовити, зъ волностью своею шляхетскою, для боязни кгвалтовъ, рядъ домовый и зверхность надъ поддапыми своими маючую, на сторону подъ часъ боязни одложивши, улечы, а тымъ поддапымъ своимъ брапя домовъ зъ места своего и переношеня ихъ на тую волю заборонити не смеетъ. Которымъ то кгвалтовнымъ а праве усилнымъ наездомъ, заложенемъ тое тверди въ способъ замку, посаженемъ воли, названое Новымъ Пыковомъ, забранемъ пасекъ, збожъ, сенъ его милости пана Тишкевича, почавши отъ самого шляху ажъ до самого места Махновки, кгвалтовне и безправне зъ тыхъ кгрунтовъ и врочищъ спокойного держанья и уживанья своего выбитъ и вытисненъ естъ,—о што его милость панъ Тишкевичъ зъ его милостю паномъ Краковскимъ правне, иле съ права прийдетъ, чинить офяровалсе. А бой, грабежи тымъ поддапымъ своимъ зъ росказаня его милости отъ людей розныхъ, въ томъ войску его милос-

ти будучихъ, быть сталые, оповедалъ, то есть меновите: у Ничипора Долгоненка бчолъ зъ улями въ пасеци съ погребу петдесять взяли, кождый улей зо бчолами коштовалъ по пяти золотыхъ Полскихъ, телятъ трое, овса стогъ, возовъ новыхъ два, коштовали по золотому Полскому, хомутъ, стоялъ полтора золотого; у Курыла, потрафивши на дорозе, кгды ехалъ изъ ярмарьку съ Прилуки, взяли и отняли готовыхъ грошей золотыхъ двадцать Полскихъ, у того жъ Курила взяли сена возовъ петдесятъ; у Ивана Чорного взяли воловъ два съ плуга выпрегли, стояли золотыхъ тридцать Полскихъ; у Охрема телятъ сеголѣтнихъ двое; у Гаврила Клюки телятъ двое; у Михайла сена стирдъ две, въ кождой стирте было по сту возъ, и копицъ тридцать; у Гриня сена стыртъ две,—по сту возъ было у Ивана Максименка сена две стирте и копицъ тридцать; у Миска сена стирту и копицъ двадцать; у Сенка взято озимка; у Васка Чемериса сена два стоги; у Яремы две стирте сена; у Кгреся шесть стиртъ сена, въ кождой по сту возъ сена было; у жида Абрама, арендара, зо млына взяли мерку пшеницы а полмерки пшона; у Яцка взято хомутъ, а въ самого зъ мешкомъ оборвали золотыхъ шесть, узду; у Абрама взяли были съ погреба бчолы уси, который, еднаючи жебы ему ихъ было вернено, далъ двадцать золотыхъ Полскихъ; у Дмитра взято три стирты сена, въ кождой было по сту возъ; у Степана Сторожынъского сена возовъ сорокъ; у Савы сена возъ петдесятъ; у Марка сена возовъ тридцать; у Семена сена возовъ сорокъ; у Ждана коваля возовъ сена сорокъ; у Яремы сена возовъ петдесять; у Ивана сена возовъ трыдцать; у Семена Оценъка сена возовъ сто сорокъ; у Яцка Браиловаского сена стоговъ чотыри; у Гаврила сена возовъ сорокъ; у Васка сена стиртъ две, въ которыхъ было по сту и двадцати возъ; у Ивана Якимова сена возовъ сорокъ; у Аврама сена возовъ двадцать; у Сенъка сена стиртъ две; у Романа сена возовъ двадцать; у Сидора сена возовъ петдесятъ; у Евхима сена возовъ шестдесятъ; у Степана сена возовъ сорокъ; у Мартина взято овецъ осмеро, кождая стояла по полъ копы грошей Литовскихъ; у Васка овецъ двадцатеро взято, кождая коштовала также по полъ копы грошей Литовскихъ; у Ивана овецъ десятеро, по золотому кождая стояла; у Семена сена возовъ сорокъ; у Феска сена возовъ двадцать;

у Яна Выпобенка сена возовъ осмъдесятъ; у Минъка сена возовъ десять; у Андрея сена возовъ двадцать; у Мацка взяли сокеру, гамалию, пороховницу,—то коштовало по полтора золотого; у Томила сена возовъ семдесятъ, вола молодика взято, который стоялъ десяти золотыхъ Полскихъ, сена возовъ сорокъ; у Луца сена возовъ двадцать; у Данила сена стирту, въ которой было возовъ полтораста; у Назара сена возовъ шестдесятъ; у Труша сена стыртъ две, въ кождой было по сту и по десети возъ; у Тишка сена стыртъ две; у Сидора сена стырту одну; у Курыла стыртъ две сена; у Ивана стоговъ тры сена; у Васка сена стогъ одинъ; у Дениса овецъ двое взято; у Пилипа корову, стояла трехъ копъ Литовскихъ; у Мартина сена возовъ петдесятъ; о што правне, чинитъ, иле зъ права належати будетъ его милость панъ Тишкевичъ зъ его милостю паномъ Краковскимъ оферовалъ. И просилъ его милость панъ Тишкевичъ, абы тое оповедане его милости до книгъ принято и записано было,—што есть записано.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, 1611 г., № 12, л. 322 на об.

CXVI.

Объявленіе отъ имени Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о томъ, что во время набѣга татаръ, ими опустошены и разорены его имѣнія въ Острожской волости, а жители ихъ частію убиты, частію уведены въ плѣнъ. Донесеніе возного объ осмотрѣ опустошенныхъ имѣній. 1617 г., октября 12.

Року тисеча шестсотъ семнадцатого, месеца октобра дванадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Теодоромъ Сосновскимъ, будучимъ на тотъ часъ намѣстникомъ подстароства Луцкого, постановившися очевисто слуга

ясневсвецоного пана, пана Януша княжати его милости Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского, Белоцерковъского старосты панъ Иванъ Костенецкий, именемъ того жъ княжати его милости пана Краковского, папа своего, оповедалъ и осведчалъ, ижъ въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, неприятель кржа светого, татарове, великою моцею и прудкостю впадши въ панства короны Полское, шлякомъ своимъ, маетности княжати его милости пана Краковского, пана моего волости Острозское, села, фолварки, гумна съ пашнею молоченою и немолоченою и маетности рухомое, одны въ кгрунту, а другие, мало што въ нихъ зоставивъши, попалили, людей плти обоей, музское и невестее, великие и малые, кони, быдла забрали и до орды запровадили, маетности попустошили, такожъ и чиншовъ, роботъ, повинностей и пожитковъ наймней княжа его милость въ тыхъ маетностяхъ мети не будетъ,—што заразомъ возным, шляхетным Иваномъ Дешковскимъ, есть обведено и осведчоно который очевисте при той протестацыи стоячи, въ моцъ правдивое реляции своее, ку записаню до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, созналъ тими словы: ижъ року теперешнего, тисеча шестсотъ семнадцатого, маючи я при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Зеляша Пуцяту а пана Демяна Словинского, за приданъемъ урядовым, былемъ на справе и потребе ясневсвецоного пана, пана Януша, княжати его милости Острозского, кашталяна Краковского, Володимерского, Белоцерковского старосты, въ маетностяхъ его княжецкое милости волости Острозское, през татаре въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, въ месецу февралю дня третего, четвертого, пятого и шостого попаленыхъ и спустошопыхъ; тамъ же, въ тыхъ маетностяхъ, уроженый панъ Войтехъ Карпинъский, буркграбий Острозский, слуга ясневсвецоного пана, пана Януша княжати его милости Острозского, кашталяна Краковского, Володимерского, Белоцерковского старосты, именемъ того жъ княжати его милости, пана своего, осветчалъ и оповедалъ, штомъ я возный съ помененою шляхтою, будучи въ кождому селе зособна, за осветченемъ и оказанемъ помененого пана буркграбего Острозского, такъ яко въ правде естъ, и за повистю, подъ присегою людей позосталыхъ, до громады зволаныхъ, списалъ; то естъ: въ селе Бродове дворъ

княжати его милости, зъ гумномъ и зо всимъ домовствомъ, спалено, корчму того села спалено; въ томъ же селе дымомъ тридцатъ осмъ спалено, зостало дымовъ толко пятнадцать; въ той маетности поданыхъ одныхъ до орды погнано, а другие, такъ же жоны, дети постинано, быдла стада въ той маетности забрано и тая маетностъ вся сплюндрована. Село Жажулинцы: съ того села усихъ подданыхъ зъ быдломъ и зо всею ихъ маетностю побрано,—толко семъ поданыхъ, и то безъ жонъ и безъ маетности, зостало. Село Стадники: дворъ и гумъно все, корчму и село все до щенту спалено и хлоповъ побрано, мало ихъ што зостало. Село Краевъ: дворъ и гумъно, корчму и село спалено, толко килка халупъ осмаленыхъ зостало; подданыхъ однихъ постипано, а другихъ до орды погнано, толко килка хлоповъ безъ жонъ и безъ маетностей, которые уже отъ татаръ зъ дороги поутекали, зостало. Село Новоставцы: дворъ, гумъно корчму и село спалено, маетности и подданыхъ побрано, толко килка халупъ осмаленыхъ зостало. Село Новосюлки: дворъ, и гумно, село спалено, подданыхъ зъ ихъ маетностями и добытками до орды побрано, халупъ толко килка опаленыхъ зостало, а подданыхъ одъ татаръ южъ зъ дороги килканадцатъ утекло. Село Хоровъ: дворъ, гумно, корчму спалено, халупъ пятънадцатъ спалено, стада самого княжати его милости, яко . . . . . быдла и всѣ маетности позабирано, село тое сплюндровано. Село Грымячее: корчму, халупъ килканадцатъ спалено, подданыхъ не мало побрано, а никоторыхъ тамъ же позабияно, быдла и иншие добытки позабирано, село тое сплюндровано. Село Лебеде: млынъ и халупъ осмъ спалено, подданыхъ никоторыхъ до орды побрано, быдла, кони и иншие маетности ихъ позабирано, и тая маетностъ сплюндрована Село Коршовъ: тее все спалено, подданые и маетности ихъ вси позабирано. Село Вирховъ: въ томъ селе подданыхъ зъ жонами осмъдесятъ до орды побрано, село тое сплюндровано. Село Русивлъ: дворъ, гумно, корчму и село спалено, толко килка халупъ погорелыхъ зостало, подданые, быдло, стада и и вся маетностъ забрана. Што я возный, огледавши и одъ тыхъ поддапыхъ останцовъ, до себе ихъ въ кождому селе до громады зобравши, подъ присягою ихъ о томъ всемъ ведомостъ взявъши, яко се деяло, сознаваю и до книгъ доношу. Которая то протестация и реляция

возного, за принятъемъ моимъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2435, годъ 1617, листъ 346.

CXVII.

Жалоба отъ имени князей Константина и Януша Острожскихъ на поручика роты Тлумацкаго старосты, Яна Потоцкаго,—Росновскаго и другихъ жолнеровъ той же роты, о нападеніи на имѣніе Острожскихъ, мѣстечко Козминъ, при чемъ мѣщане тамошніе были ограблены, избиты и изранены, а два изъ нихъ убито. Донесеніе возного объ осмотрѣ имъ убитыхъ и раненыхъ. 1617 г., декабря 1.

Року тисеча шестсотъ семнадцатого, месяца декабря первого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Александромъ Викгурою, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, станувши очевисто шляхетный панъ Павелъ Кгардлипский, слуга ясneосвецоныхъ Констапътого и Януша княжатъ Острозскихъ, такъ же учтивый и славетный Иванъ Книпъ, бурмистръ, а Григорей Андреевичъ, присяжный, месчане Козлипские, именемъ княжатъ ихъ милости Острозскихъ, пановъ своихъ, и именемъ всее лавицы и посполства места Козлина, маетности помепепыхъ княжатъ ихъ милости Острозъскихъ, жалобливе оповедали и осведчали се противко урожоному пану, пану Росновъскому, поручникови, або на местцу поручника на тотъ часъ будучому . . . . . урожоного его милости пана Яна Потоцкого, старосты Тлумацкого, ротмистра короля его милости, яко принципалови, и противко товариству тое жъ роты, яко помочникомъ, которыхъ именъ власныхъ на тотъ часъ не ведаютъ, але въ позвехъ спецификованые будутъ, урожонымъ: Яну Винскому,

пану Рылскому, пану Вербицкому, пану Замойскому, пану Петровскому, пану Варшавскому, пану Кгропицкому, пану Ласку, пану Кгурвколскому, пану Ласовскому, пану Карвовскому, пану Боршецкому, пану Предборови, пану Черминъскому, пану Басоцкому, пану Лазевичу, пану Кгродзицкому, пану Кгалензовъскому, пану Ласецкому, пану Соколницкому, пану Боруцкому, пану Кличеновскому, пану Ласковскому, и противко слугомъ и пахолкомъ ихъ, которыхъ тутъ за выражоныхъ мети хочутъ, а въ далшимъ поступку правномъ меноватъ ихъ будутъ, ижъ они, запомънявши срокгости права посполитого и випъ, на такую свою волю и наезды кгвалтовные описаныхъ, року теперешнего, тисеча шестсотъ семнадцатого, месеца ноября двадцатъ второго дня, рушивъшися зъ села Котова, поблизу отъ Козлина лежачое, на становиско до миста Козлина тягнули, впродъ килкападцатъ копей пославши, которые приехавши, месчанъ Козлинскихъ кгвалтомъ до направованя мосту, на реце Горини будучого, выгапяли, а тымъ часомъ рота, не чекаючи направы мосту, переправившисе презъ тотъ мостъ, па месчаны, подъ самимъ замкомъ и местомъ идучихъ до направованя мосту, за брамою напали; тамъ же, будучи розгнивапы о ненаправене того мосту, на месчанъ безброннихъ ударили и людей невинныхъ, незбройныхъ, съ которыхъ жаденъ ручницы а ни брони ручное до бою не мели, окромъ двохъ, которые, маючи брони ручные, шли для догляданя направы мосту, до места утекаючихъ, одъ нихъ окрутне позабияли, копиями попробияли, другихъ ганебне поранили, постреляли, до домовъ ихъ и до замку за людьми утекаючими впадали, секучи, забияючи, колюни, стреляючи; пахолка старосты тамошнего Козлинского, на йме Павла Садовского, шляхтича учтивого, который тую роту отъ такового предъ ся взятя и крве розлянья гамовалъ и отводилъ, удеспектовавши, побили, потлукли, сукню на нимъ штихомъ пробили, ажъ заледво рукъ ихъ ушедлъ; Петра Шевца забитого, которого копиею на вылетъ пробили, до возу мертвого взели, а побронши и крве такъ веле невинное порозливавши, отворотъ учинили, а другого забитого, Евхима Терешковича, и всихъ пораненыхъ, поколотыхъ, постреляныхъ, побравши, до замку Козлинского припровадили, съ которыхъ не вемъ, если который живъ зостанетъ, о што помер

неные, протестуючи се такъ о тыхъ побитыхъ, помордованыхъ и пораненыхъ, оферуючи се правомъ чинити, просили о приданье возного. Ямъ имъ придалъ возного енерала воеводствъ Волынского, Киевского и Браславского, шляхетного Якуба Домбровского, который, тамъ въ Козлине бывши, таковое забойство, мордевство, поранене, пострелене и поколоте огледавши, станувши передъ урядомъ нинешнимъ, доброволне созналъ въ тые слова: ижъ въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, месеца ноября двадцатъ пятого дня, былемъ на справе и потребе яснеосвецоныхъ Константого и Януша княжатъ Острозскихъ, въ местечку Козлине и въ замку тамошнемъ Козлинскомъ, маючи при собе шляхтичовъ двохъ, людей добрыхъ, пана Фелицияна Стремеского а пана Андрея Жерлинского, тамъ же, за оказанемъ урожоного его милости пана Станислава Бориминского, старосты Козлинского, видилемъ месчанъ Козлинскихъ побитыхъ, постреляныхъ, посечоныхъ, поколотыхъ; а меновите виделомъ: забитого Евхима Терешковича, у которого бокъ пробитый штыхомъ на левой стороне, а на правой стороне жебро, такъже штыхомъ пробитое, на голове ранъ три такъже штыховыхъ; у Олексѣя рана тятая на верху головы, шкодливая, на левой руце на локтю такъже синий разъ, у того жъ пенезей готовыхъ золотыхъ семъ взято; у Клима на левой твари рана тятая, барзо шкодливая; у Ивана Тимченети на правой нозе надъ костъкою рана, штыхомъ пробитая, борзо шкодливая, на рогу головы по левой стороне ранъ две, а третяя надъ шиею тята, барзо шкодливая, на перси левой разъ штыховый, барзо шкодливый, отъ которого, не ведаю, если будетъ живъ, на заде разъ штыховый шкодливый, копиею пробитый, тому жъ такъже згинуло грошей двадцатъ съ хусткою цвилиховою; у Ониска Толстого на левомъ боку, въ затылку головы, рана тятая, барзо шкодливая, на персяхъ разъ штыховый, шкодливый; у Яна Тихона на левой нозе рана, съ пулгаку пробитая, барзо шкодливая; у Степана на ливой нозе рана надъ колиномъ, съ пулгаку пробытая, барзо шкодливая, на правой нозе, нижей колина, рана, штихомъ пробитая, барзо шкодливая, у которого тамъже взято грошей тридцатъ; у Тимоша Опанасеняти на левой нозе на уде рана, съ пулгаку пробитая, ажъ навылетъ,

съ которого пострелу не всмъ, если будетъ живъ; у Федка Теремелского на левой стороне головы рана тятая, барзо шкодливая, на левомъ плечу разъ штыховый, барзо шкодлывый; у Федора Филиповича надъ окомъ правымъ рана, зъ луку простреленая, шкодливая; у Тимопа на обохъ рукахъ раны птиховые, шкодливые; у Ивана Жидика у правой руки палци два подтятые, барзо шкодливе, на левой руце вси палцы шкодливе подтятые, въ голове на левомъ рогу ранъ две, тятыхъ, барзо шкодливыхъ, на левой руце нижей локтя рана, тятая, барзо шкодливая, тому жъ взято золотыхъ пять, кордъ, который его коштовалъ золотыхъ пять, колпакъ зеленый, фалендишовый, бобромъ подшитый, который его коштовалъ золотыхъ два; у того жъ поменсного Ивана Жидика въ дому его ворота посечоно, постреляно, и оболопы повысекано; у Якуба Бойницъкого въ голове раны две, барзо шкодливые, подъ плечомъ левымъ ранъ две птиховыхъ, барзо шкодливыхъ, на левой нозе въ уде рана штиховая, барзо шкодливая, на левой руце разъ штиховый, барзо шкодливый, на правой нозе на уде рана, съ пулгаку на вылетъ пробитая, шаблю взято, которая его коштовала золотыхъ пулчетверта, колпакъ фалендишовый винневый, кунами подшитый, который его коштовалъ золотыхъ три; у Максима Гроба на правой руце надъ локтемъ рана тятая, барзо шкодливая, на той же руце подле локтя рана тятая, барзо шкодливая, колпакъ люнский, баранками подшитый, згинулъ ему, который его коштовалъ золотый, у того бокъ левый перетятый, барзо шкодливый; у Луканна Карповича на верху головы рана тятая, барзо шкодливая, на правой руце подъ локтемъ рана, штихомъ пробитая навылетъ, барзо шкодливая. При которомъ то оповеданю и оказованю тыхъ побитыхъ и пораненыхъ и шкодахъ, при томъ се сталыхъ, помененый его милостъ панъ Станиславъ Боримпнский, староста тамошний Козлинский, и месчане Козлинские оповедали передо мною, вознымъ, и шляхтою вышейпомененою, при мне будучою, ижъ вышейпомененого Петра Шевца, забитого, панъ Росновский, поручникъ помененое роты, и съ товариствомъ своимъ, порвавши до воза своего, зъ собою его взяли, и не вемы, где его поделп. Которое то забойства, бой, раны и лупъ оповедили быть сталые презъ роту и товариство помененое его милости пана

Яна Потоцкого, старосты Тлумацкого, за поводомъ пана Росновского, поручника тое жъ роты, яко принципала и приводце, безъ жадное причины, въ наѣзде кгвалтовномъ на помененое местечко Козлинъ—однесли; што тотъ же помененый возный, видечи и слишачи, доброволне передъ урядомъ кгродскимъ, Луцкимъ, очевисто призналъ. Просили теды пречоные протестуючиесе, абы тая протестация ихъ и реляция возного была принята и до книгъ уписана, оферуючи се о таковый наездъ кгвалтовный и окрутенство правне чинитъ въ суде належномъ, яко будетъ водле права належало. При томъ помененые протестуючиесе светнили се и оповедали противко урожоному его милости пану Янови Потоцкому, старосте Тлумацкому, ротмистрови короля его милости, ижъ онъ противко праву, которое ротмистромъ отъ ротъ своихъ отъежджати забороняетъ, и уставичне мешкати при нихъ подъ срокгими винами постановило, важился отъ роты отехати и на такую свою волю жолнере свое безъ реементу и владзы роспустить, оповедаючисе, же о тое правне хочуть чинити въ суде належномъ, яко и кому будетъ належало; просили, абы и тая протестацыя ихъ была до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, принята и записана,—што все, за принятемъ моимъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2435, годъ 1617, листъ 595.

CXVIII.

Жалоба пана Василія Вороны на пана Семена Городискаго о нарушеніи послѣднимъ контракта, по которому онъ отдалъ Воронѣ въ аренду имѣніе свое Городище. Донесеніе возного о убыткахъ, понесенныхъ Вороною. 1618 г., марта 12.

Року тисеча шестьсотъ осмнадцатого, месяца марца дванадцатого дня.

Писали и присылали на врядъ кгродский, въ замокъ его королевское милости Луцкий, до мене Марцияна Олшамовского, отъ яснеосве-

цоного пана Албрыхта Станислава Радивила, княжати на Олице и Несвижу, старосты Луцкого, наместника, урожоные панъ Василей Ворона и пани Галшка Броницкого Ворониная, малжонкове, шляхетного Анътона Вечорку, возного енерала, оповедаючи и протестуючи се противъко уроженныхъ пану Семенови Городискому и панеи Стефаниде Куликовского Городиское, малжонкомъ, о то, ижъ пречоные малжонкове, арендовавши протестуючимъсе маетностъ свою село Городисче, зо всими пожитками и принадлежностями, на летъ три, по собе идучихъ, за певную суму пенезей, а въ посесью урядовне подавши, записали се и обликговали листомъ добровольнымъ, записомъ своимъ, на тую аренду данымъ, въ держаню тыхъ добръ жадное перешкоды не чинити и овшемъ отъ иншихъ особъ боронити, подъ обовязками въ томъ записе арендовномъ описаными, который о томъ ширей въ собе обмоляетъ. Которого запису своего и обовязковъ, въ немъ выражоныхъ, пречоные панъ Городиский зъ малжонкою своею препомневши, частокротъ розные имъпедимента и перешкоды въ держаню тое аренды протестуючимъсе чинятъ, подданыхъ бунтуютъ и до роботъ своихъ неналежне примушаютъ, грозечи ихъ биты, за чимъ подданные тамошние роботъ звыклыхъ и податковъ протестуючимъ се отдавати не могутъ. До того ткача, который на инвентару естъ написаный и подданый, у протестуючихъ се кгвалтовне зъ держаня одняли и въ гайдуцтво оного собе обернули. А подъ часъ жнива у прошломъ року, тисеча шестъсотъ семнадцетомъ, жито, протестуючимъ се належачое до аренды, на обшарахъ дворныхъ пожали, которого ужавъши конъ шестдесятъ, слугомъ своимъ Крычюбскому и Козинцови поотдавали, а слуги, за росказанемъ ихъ, тое жито съ поля побравши, тамъже до Городища до мешканя своего поодпровожали и на пожитокъ свой обернули; такъже сеножатъ, што налепшую, на тридцатъ косаровъ и болшей, безъ ведомости протестуючихъ се, надъ инвентаръ, покосили и тое сено на пожитокъ свой обернули, а не мели косити, толко на двадцатъ косоровъ, и то тамъ, где бы се протестуючимъ се подобало и где бы указали. Садъ оденъ Пустовский, до аренды належачий, осени прошлое на себе объняли и овощи розные съ того саду вси побрали, а протестуючимъ се брати овощовъ съ того саду кгвалтовне забо-

ронили и не допустили. Въ томъ же року прошломъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, месяца декабря одинадцетого дня, самъ панъ Городиский, за сполною радою и намовою зъ малжонкою своею, нашолъ кгвалтомъ зъ слугами своими на винницу, которая естъ протестуючимъ се у аренду поданая, тамъже челядъ и винника протестуючихъ се съ тое винницы выстрашивши и выгнавши, взялъ и кгвалтовне кограбилъ статковъ протестуючихъ се, до паленя горилки належачихъ, и прикадковъ затералныхъ два, трубъницъ чотыри, корито великое на чотыри сажни, для быдла направное, и тотъ увесъ грабежъ до дворку мешканя своего тамъ же въ Городищу отпровадилъ и на пожитокъ свой зъ малжонкою своею обернули. О што все оферуючи се зъ ними правне чинити и повъторе се панъ Ворона зъ малжонкою своею протестовалъ; тудежъ и пречоный возный Анътонъ Вечорка, очевисто передъ урядомъ станувши, ку записаню до книгъ созналъ, ижъ онъ (въ) року близко прошломъ, тисеча шестсотъ семнадцатего, месяца сентебра первого дня, маючи при собе шляхту людей добрыхъ, пана Марка Кропиву а пана Миколая Калиновского, былъ на справе и потребе урожоныхъ пана Василя Вороны и панее Галшки Броницкого, малжонковъ, въ селе Городищу, тамъже, за оказанемъ самого пана Вороны, виделъ на обшарахъ дворныхъ гречку и просо, презъ шаранчу все до щенту зъедено, же толко соломы по невелю зостало, на которыхъ объшарахъ могло бы се ужати гречки копъ триста, проса копъ сто—менш албо болшъ; што все его милостъ панъ Ворона имъ вознымъ и шляхтою обвелъ и осветчилъ, и того жъ вышъменованого дня о той шкоде пану Городискому и малжонце его презъ приятеля своего, пана Гелияша Броницкого, панъ Ворона далъ знати; а ижъ панъ Городиский зъ малжонкою своею на опацоване тое шкоды зъ стороны своее на тотъ часъ приятеля высадити не хотелъ, теды панъ Ворона то все имъ вознымъ и шляхтою вышъменованною осветчилъ, оферуючи се и далей съ паномъ Городискимъ, водле запису аренды поступити. Которое оповедане и возного очевистое сознане, за принятемъ моимъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая гродская и земская, записовая, поточная и декретовая, № 2942, годъ 1600—1662, листъ 10 на оборотѣ.

CXIX.

Жалоба отъ имени пана Рафаила Лещинскаго на князя Януша Острожскаго о томъ, что онъ наслалъ урядника своего, Ивана Грузевича, съ толпою слугъ, бояръ и мѣщанъ Лугинскихъ, на принадлежащую жалобщику слободу Ушицу, который урядникъ, поставивъ въ слободѣ двѣ висѣльницы, велѣлъ бывшимъ съ нимъ боярамъ таскать къ ней привязанныхъ вѣровками за шею Ушицкихъ крестьянъ, которые здѣсь же подъ висѣльницами подверглись жестокому истязанію; кромѣ того—имущество крестьянъ было ограблено, а сѣнокосы, поля и руды затоплены. 1618 г., іюня 3 д.

Року 1618, месеця іюня 3 дня.

Присылалъ на врядъ господарский, Житомирский, до мене Яна Галъчиновъского, подстаростего Житомирского, жалуючи и оповедаючись именемъ вельможного его милости пана Рафала Лесчинского, кашталяна Калиского, старосты Городилского, урожоный панъ Юрей Шатрава, староста Грежанской волости, на его милость княжати Януша Острозского, воеводича Волынъского, о то, ижъ въ року теперъ идучомъ, тисеча шестсотъ осмънадцатомъ, месяца априля чотырнадцатого дня, номененый княжа его милость Янушъ Острозский наслалъ моцно, кгвалтомъ, врядника своего Норинъского и Луганьского, пана Иона Грузевича, зъ слугами бояры и месчаны своими Лугинскими о двесте чоловека, зъ рознымъ оружемъ, войне належачимъ, имены и назвиски его милости самому лепей ведомыми, на властный кгрунтъ его милости пана моего, на село слободу Ушицу, надъ рекою Ушею будучою, тамъ же, въ ономъ селе, тотъ врядникъ, презъ самого себе и помочниковъ своихъ, моцно, кгвалтовне наехавши, подданыхъ Ушицкихъ побили, помордовали, въ коморахъ двери выбиваючи, маетность, которую мели, отъ мала до велика кгвалтовне побрали, пограбили отъ тыхъ подданыхъ Ушицкихъ; а мало на томъ маючи, не контентуючи правомъ посполитымъ на взъгарды (sic) и деспектъ две шибеницы въ селе томъ поставивши, а казавши мужовъ оныхъ Ушицкихъ онымъ слугамъ и

бояромъ своимъ имати, до шибеницы за шию повърозами водити, а покладаючи подъ шибенецею, въ чотыри кии казалъ бояромъ своимъ бити, же ледве живы отъ опого битя зостали оные подданые; а то естъ меновете: Ивана осадцу бито и сермягу новую знято, а съ коморы взято: сермягъ двѣ за грошей осмъдесятъ, сукна простого локотъ тридцатъ за полътрети коны грошей, полотна тонкого локотъ сорокъ за грошей осмъдесятъ, а товстого полотъна петдесятъ, сокиръ две за грошей двадцатъ, мотыкъ три за грошей двадцатъ, косу за грошей . . . . хустъ белыхъ мужскихъ и жоноцкихъ за две копе грошей купленыхъ; Леца збито, змордовано и маетностъ взято: сермягу, которая коштовала сорокъ грошей, кожухъ, за который дано полторы коны грошей Литовъскихъ, полотна локотъ тридцатъ, кождый локотъ по грошей два Литовскихъ, сокиръ две, копаницу и косъ две, тое коштовало кону грошей Литовскихъ, вола одного, за которого дано чотыри копы грошей Литовскихъ, хустъ белыхъ такъ музкихъ и жоноцкихъ, которые коштовали копъ три грошей Литовъскихъ; Насана збито, змордовано и маетностъ зъ дому побрано: кожуховъ два, которые коштовали три коны грошей Литовъскихъ, сермягъ три, которые коштовали копъ двѣ Литовъскихъ, полотна за петдесятъ грошей, хустъ белыхъ за кону грошей Литовскихъ, а до того и вола, который коштовалъ полъчварты коны грошей Литовскихъ; Ярмоша збито, змордовано и сермягу знято, которая коштовала грошей сорокъ Литовскихъ, а съ коморы взято: сермягъ две за грошей петдесятъ, и сукна локотъ десятъ, которое коштовало грошей петдесятъ, сокиру и косу, которое коштовало грошей двадцатъ чотыри Литовскихъ, кожухъ за осмъдесятъ (грошей) Литовскихъ купленый, полотна локотъ петнадцатъ по грошей два Полскихъ купленое, вола за три копы грошей купленого; Васка збито, змордовано и сермягу знято, за которую далъ грошей осмъ Литовскихъ, а съ коморы взято: кожухъ и сермягу, за которое дано две копе грошей Литовскихъ, хусты белые и сокиру, которое коштовало кону грошей Литовскихъ, вола, который коштовалъ копъ чотыри Литовскихъ, овецъ две, которые коштовали кону грошей Литовскихъ; Курика збито, змордовано и сермягу знято, а съ коморы узято: кожухъ, который коштовалъ семдесятъ

грошей Литовскихъ, сермягу новую, которая коштовала грошей сорокъ Литовскихъ, хусты белые музские и жоноцкие, которые коштовали копу грошей Литовскихъ и вола, который коштовалъ копъ чотыри грошей Литовскихъ,—то все тотъ урядникъ его милости, отъ мала до велика тую всю маетность, квалтовне побраную, пограбилъ и до мешканья своего Лугинъ до двора вряду своего отъпровадилъ и на властный пожитокъ княжати его милости обернулъ. А при томъ квалтовномъ наеханю на реце Кропивной, греблю занявши, кгрунтъ его милости пана моего кгберегу ставомъ, поля, сеножати и руды, где рудники руды бирали, затопилъ и до шкоды не малой привелъ; а до того островъ, поля власное роботы поданыхъ Ушицкихъ, овсомъ засияную, на фолварокъ его милости, на который мерокъ дванадцатъ овса засияно было, оные месчане Бондаровские конъми, быдломъ, свинями вытравили и въ нивечъ обернули. При которой протестацыи и оповеданю пана старосты Грежанъское волости, за приданъемъ врядовымъ, енералъ возный, шляшляхетъный, тыми словы зозналъ: я, Яковъ Роско Кладневский, енералъ возный, за приданъемъ врядовымъ, былемъ на справе и и потребе урожоного пана Юря Шатравы, старости волости Грежанъское, въ селе Ушицы, надъ рекою Ушею, въ року идучомъ шестсотъ осмогонадцатъ, месеца мая двадцатъ первого дня, тамъ же мною се светчилъ и оповедалъ панъ Шатрава на пана Иона Грузевича, старосту Козинъского и Лугинъского, о квалтовное наеханъе на властный кгрунтъ его милости пана Калиского село Ушицу, о збите и змордоване подданыхъ и побране маетности тыхъ подданыхъ, и мною возным оказалъ шибеницъ две въ селе Ушицы; виделъ есми и мужовъ побитыхъ кийми: атамана осадцу, Ивана, збитого, увесъ хрыбетъ синий; у Леца хрыбетъ збитый, синие разы и руку левую вышей локтя синий разы; у Семена хрыбетъ и боки побитые, спухлые; Еска окрутне збито, хрыбетъ збито, руки и боки, ледво живого виделомъ; Куриловича збитого увесъ такъ руки, ноги спухлые; у Гаска хрыбетъ збитый и боки,—которое окрутное збите и змордоване меновали оные поддане его милости пана Калиского отъ пана Грузевича, старосты Норынъского и Лугинского; такъ же и въ коморъ двери выбитые; виделъ есми у атамана осадцы и въ

его суседовъ, которое меновали тое побите двери до коморъ отъ пана Грузевича, старосты Лугинъского, и побране маетности тыхъ коморъ за власнымъ насланемъ княжати его милости Януша Острозского. Такъ тежъ оказовалъ ми тотъ панъ, староста Грежанский, на реце Кропивной греблю кгберегу его милости пана Калиского занятую отъ Бондаровки ставомъ, сеножати и нивы и руду, знать где бирали рудники руду, затопили, и островъ не малый, овсомъ засияный, вытравленый. Што оный панъ староста се мною светчилъ, ижъ тые кривды отъ подданыхъ княжати его милости месчанъ Бондаровскихъ и пана Грузевича починены сутъ. А такъ я, ведле повинности врядовое, штомъ слышалъ и виделъ, тое всее сознане при той протестации далемъ и съ подписомъ руки моей до книгъ господарскихъ, Житомирскихъ. Писанъ въ Житомиру. Которое жъ то очевистое возного сознане до книгъ естъ принято и записано.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 13, годъ 1617—1618, листъ 974.

CXX.

Донесеніе возного о томъ, что онъ ввелъ пана Матчынского во владѣніе имѣніемъ Бѣлымъ-Стокомъ, отданымъ ему въ аренду паномъ Белостоцкимъ. 1619 г., февраля 22.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца февраля двадцатъ второго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Якубомъ Окгродзенскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими, Луцкими, станувши очевисто, шляхетный Марцианъ Рокицкий, возный енералъ воеводства Волынского, ку записаню до книгъ созналъ тыми

словы: ижъ року тисеча шестъсотъ осмнадцатого, дня двадцать первого марца, о средопостю рымскимъ, былемъ на справе и потребе, маючи при собе двухъ шляхтичовъ оселыхъ, урожоного пана Васыля Бялостоцкого, а урожоного пана Андрея Хревского, тамъже при мне, енерале, и шляхте, доброволне очевисте презъ насъ урожоный его милость панъ Александеръ Бялостоцкий, яко дедичъ, подалъ и поступилъ заразомъ посесыю ойнизное маетности своей въ Бяломъ Стоку части певное, купъное отъ пана Ивана Лосятинского и малжонки его, яко дедички, и части певное и купное отъ пана Матыса Корчаковского и малжонки его милости, Алены, яко дедички Белого Стоку, съ полми, сеножатми, хростами и зо всимп пожитками, до тыхъ частей купныхъ власне належачыхъ, никому передъ тымъ не заведеное и ни въ чомъ, въ повете Луцкомъ лежачое, урожоному пану Янови Матчинскому и малжонце его милости, паней Настазии Гулевичовне Матчинской, водлугъ доброволного листу запису своего, въ суме пенезей семисотъ золотыхъ Полскихъ, заставою, а для пожитковъ вшелякихъ и мешканя поступилъ заразомъ дворище пустое, ланное, прозвискомъ Микитываки, яко се въ собе здавна маетъ, зъ сеножатю, и за речкою зъ болотомъ, водле знаковъ; а ижъ о мале кгрунту, теды придалъ на огородъ Шимъковский и Филиповский, до которого дворисча маетъ и повиненъ панъ Бялостоцкий заразъ сины зъ хижою заплесты зъ своего хворосту, колья и ключисча зо всимъ; а до избы и всего будованя повиненъ помощы давать ведле преможеня; а што панъ Матчинский побудуетъ коштомъ своимъ, то есть: свѣтлица, пекарня, сини, комору, оборы, теды его милость панъ Бялостоцкий повиненъ будетъ заплатыть ведле выналязку приятюль, и съ того дворища не уступовать у будованя, ажъ се нагорода во всемъ станетъ за все. А полъ для пожитку на три руки заразомъ поступилъ презъ мене, возного, и шляхту для сеяня по две волоце, на которыхъ маетъ се высеватъ по осми мацъ мери Торчинское, а если бы не достало, придать поля, яко въ першую руку; заразомъ поступилъ две волоце отъ границы Седмирское, оть болота до болота, зъ сеножатю, и придатку на полмаце ечменя надъ сеножатю Савчинскою; на объшаре дворномъ подле дороги другие двѣ волоце на паренину за Федорчыцами ку Воютину, зъ болотомъ, сеножатю, поступилъ на

осмъ мацъ Торчинскихъ, если бы не достало поля, придать подле тыхъ волокъ, и на ечменя полмаце придать на Зелевскимъ полю, ку гати; третие две волоки поступилъ заразомъ, за пана Семена Воютинского дворомъ, ижъ ку границы Торчинской, и въ сеножатю; а ижъ болота немашъ, придать за тымъ дворищемъ Вачинскимъ на косаровъ шести, и маетъ се высевать мацъ осемъ; а если не достанетъ, придать подле тыхъ волокъ придатокъ на полмацъ ячменя за Коскомъ и Вехтовичомъ; а хворосту, коля для огороженя дворища и поправеня, такъ до опаленя дровъ, якие сутъ до пекарни, давать, што треба, за посланцомъ дворнымъ, албо лесного. А подданихъ поступилъ пяти: ланый одинъ Сетчиче, повиненъ робить што день, и воловъ маетъ мить чотыри, подвода за миль петнадцать отправовать, овса чыншового мацъ три, чыншу въ рокъ по золотого, каплуновъ два; а пулдворищныхъ чотыри: Крычъ, Тята Мицковичъ, Данило, Курило, которымъ панъ Бялостоцкий маетъ дать—Курилови, Данилови по волу заразъ, взявшы въ Городисча, же бы два плуги сполна было, и тые полдворишние повини робить, давать што дворишные, и маетъ имъ додать панъ Бялостоцкий поля ведле преможеня. А выкупно отъ трохъ летъ до трохъ летъ, почынаетъ се заставы отъ року тисеча шестъсотъ осмнадцатого, отъ серодопосное середы рымское, дня двадцать первого марца, а кончить се маетъ также о средопосной середы рымской, да панъ Богъ, въ року тисеча шестъсотъ двадцатомъ першомъ. А пенези отдавать въ кгроде Луцкомъ при книгахъ кгродскихъ, Луцкихъ, безъ жадныхъ трудностей и арештовъ, ведле запису и обовязковъ, въ немъ описаныхъ. Озимины волное зобране съ тыхъ волокъ и придатку сеножатю въ року тисеча шестъсотъ двадцать первомъ, позволяемъ самымъ и потомкомъ ихъ власнымъ, и привистю заставы и квить на то далъ для спокойного зобраня озимины и сена. А маетъ дать знать о выкупне панъ Бялостоцкий презъ вознаго за недель двонадцать и вписать до книгъ сознане возного третего для ведомости; румации недель шесть, ведле звычаю, съ послушенствомъ вшелякимъ подданыхъ за миль десеть; отъ вшелякое военное послуги повиненъ заступовать, кгдыжъ дедичный панъ поборы, подымное и чоповое выбираетъ съ поданыхъ тыхъ, и отъ вшелякихъ кривдъ

боронить и заступовать, ведле запису головного, которые кондыцые суть описаные и доложоные, ведле тое посесыи. И тую посесыю панъ Бялостоцкий черезъ мене, возного, и шляхту, заразомъ съ тымъ всимъ, яко ширей вышей описано, пану Матчинскому и малжонце его милости заразомъ пустилъ и уступиль въ моцъ, владзу и спокойное держане и уживане тыхъ подданыхъ, зо вшелякою роботою, яко дедичному пану робили. Яко за поданемъ его милости пана Бялостоцкого, я, зъ шляхтою, онымъ поданымъ на роботу ити казалъ, которые заразомъ послушенство вшелякое пану Матчинскому и малжонце его милости учинили, и нихто того не боронилъ. Которое очевистое сознане возного до книгъ есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 139 на оборотѣ.

CXXI.

Заявленіе поручника Бараша и другихъ служилыхъ татаръ о томъ, что князь Янушъ Острожскій, нанявши ихъ на время на свою службу, не хочетъ отпускать ихъ отъ себя и желаетъ ихъ за собою »заневолить.« 1619 г., апреля 2 д.

Року тисеча шестсотъ деветънадъцатого, месеца априля второго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Марціаномъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто Барашъ, поручникъ, Шаулъ, Асакъ, Магметъ, Шемекъ, Асланъ, Бекошъ, Ушунъ, Янухай, Шостакъ, Якубъ, Кочка, Змака, Янкулъ, Ялиа, Чемерисъ, Бразвай, Ордынецъ, Корушъ, Уса, Якубъ, Козакъ, Яско,—татарове великого князства Литовского, оповедали и осведчали се противко яснеосвецоному княжати его милости Янушови Острозскому, каштелянови Краковскому, Володимерскому . . . . старосте, въ тотъ способъ: ижъ мы, зъ давныхъ часовъ будучи обывателями а мешканцы короны Полское зъ продковъ своихъ, завше жолнерскимъ ди-

ломъ въ вшелякихъ послугахъ и выправахъ речи посполитой служилисмы и служимо, и ихъ милостямъ паномъ сенаторомъ, княжатомъ, паномъ короны Полское и великого князства Литовского, яко люде служалые, хто насъ обычаемъ уцтивымъ и добрымъ затягнулъ, служилисмы и служимо, одъ которыхъ завше уцтиве, яко се годитъ, одправовалисмы и одправуемо; якожъ и недавныхъ часовъ затягнени былисмо на службу одъ пречоного ясневелможного княжати пана Краковского, и, дослуживши умовеного часу, зъ жолду и барвы, намъ вымовеное, не пооднокротъ просилисмы се у княжати его милости, абы насъ, яко людей волныхъ, одъ послугъ своихъ (отпустилъ?), кгды жъ есмы княжати его милости за умовеный жолдъ одслужили, а звлаща кгды се служба всее короны Полское, которое есмо звыкли никгды не омешкивать, противко войску Турецкому и Татарскому, зъ которыми наступилъ былъ, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ осмънадъцетомъ, до Волохъ Скиндеръ баша; але насъ княжа его милость, панъ Краковский, отпустити не хотелъ, хотечи насъ, людей волныхъ, собе заневолить; намъ тежъ, яко людюмъ волнымъ, вдавати се въ неволю не годило, а ни се намъ оказией службы коронное Полское отпустити хотело,—былисмы въ той експедыции; а ижъ княжа его милость панъ Краковский яснеосвецоному пану Павлови Янушови, княжати его милости Острожскому, о насъ трудность правную якуюсь, якосмы се доведалы, задаетъ, теды мы, взявши першую ведомость, тое оповеданъе наше до книгъ доносимо, и повторе осведчаемо се, жесми цнотливе, уцтиве за жолдъ и барву, намъ одъ князя его милости пана Краковскаго поступленную, дослужили и надслужили, и одправы у княжати его милости, пана Краковскаго, не разъ просили, але насъ княжа его милость, панъ Краковский, одправити не хотелъ, и тое осведчене заразомъ учинили бысмы были, але мы, яко права неумеетъные, не ведали есмо, же бы того потреба была. Которое же то осведчене пречоныхъ особъ, за прозбою ихъ и за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 215.

CXXII.

Жалоба пана Чолганскаго на панію Кашевскую о нарушеніи ею контракта, по которому она арендовала ему свое имѣніе Острожецъ и Заболотье и о притѣсненіи ею тамошнихъ крестьянъ, которые вслѣдствіе того стали разбѣгаться. 1619 г., апрѣля 24.

Року тисеча шестсотъ деветнадцетого, месеца априля двадцать четвертого дня.

Писалъ и прысылалъ на врядъ кгродский, Луцкий, до мене, Яна Вылежинского, подстаростего Луцкого, слугу своего, шляхетного пана Миколая Риневицкого, урожоный его милость панъ Андрей Чолганский на Каменю, сведчачи се и протестуючи противко ей милости панеи Зофии зъ Дубровице Яновой Кашевской о то: ижъ ее милость, арендовавши его милости пану Чолганскому маетность свою, местечко и село Острожецъ и фолваркъ Заболоте, во всимъ, ничого собе не ексцыпуючи, перешкоды жадное въ держаню записала се не чинити, и овшемъ боронити, яко тая интерциза ширей въ собе маетъ,—место обороны, сама ее милость ку перешкоде такъ роботъ, яко тежъ ку кривде подданыхъ тамочнихъ, въ року тепершнемъ, въ мѣсецу априлю, наслала слугу своего, шляхетного Боровского, который, за росказанемъ ее милости, приехавши до тое маетности, державы его милости пана Чолганского, мимо ведомости его милости, у поданыхъ тамочнихъ, не респектуючи ничого на убозство поддаными, поборы надъ звычай выбирати почавши, грабежами и везенемъ поданыхъ грозечы, поданыхъ трохъ на имя: Павла Войтеня, Илка Миценя и Яна Хоменя выгналъ, которые для грозбы и грабежу прочъ пошли, и другие прочъ для того готуютъ се, въ чимъ его милостъ панъ Чолганский, яко арендаръ, немалую шкоду одъ ее милости поноситъ; о што все, ижъ розосте поданыхъ не съ причины его милости, але съ причины ее милости панее Кашевское, тудежъ тежъ о перешкоду свою, о закладъ, въ интерцизе ее милости панее Кашевское описаный, и о шкоды, оферовалъ се его милость

панъ Чолганский зъ ее милостю правне чинити, и повторе сведчилъ се и протестовалъ, просечы, абы тое его оповедане до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, было принято и записано,—што есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 274.

CXXIII.

Жалоба отъ имени Жидичинскаго архимандрита, Гедеона Балабана, и всей братіи Жидичинскаго монастыря на князя Самуила Корецкаго о нападеніи на монастырскія имѣнія: Буремецъ, Подгайцы и Сапоговъ, и ограбленіи тамошнихъ крестьянъ. Донесеніе вознымъ, подтверждающее жалобу. 1649 г., апрѣля 26.

Року тисеча шестсотъ деветънадцетого, месеца априля двадцеть шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его кородевское милости Луцкомъ, передо мною, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростымъ Луцкимъ, постановивши се очевисто, велебные отцове: еромонахъ Вениаминъ Бачинский, Стефанъ Криницкий, презвитеръ Воскресенский, Михайло, пресвитеръ Свентодуский, еромонахъ Іоасафъ, Митрофанъ, еродіяконъ архимандрицтва Жидичинского, именемъ велебного въ Бозе его милости отца Гедеона Балабана, архимандрита Жидичинского, и всее капитулы, або крилошанъ, братіи своее, чернцовъ монастыря Жидичинского, церкви соборное, заложеня святого Николы, обтяжливе, съ плачомъ и зъ великимъ жалемъ, оповедали и сведчили се на велможного княжатя его милости Самуеля Корецкаго о то: иж княжа его милость, мало на томъ маючи, же продкове и зошлый съ того света отецъ княжати, его милость велможный Іоахимъ Корецкий, и пани матка княжатя его милости, велможная Анъна Ходкевичовна, одъ летъ килкудесятъ, такъ и княжя его милость, по смерти

зошлого помененного отца своего, зоставши, зъ вечистого ли делу, або ли одъ брата своего рожоного, велможнаго Кароля Корецкаго, держачимъ места Торговици, въ повете Луцкомъ тутъ лежачого, и волости, до того места належачое, кгрунты вси церковные Жидичинские, церкви належачие, оремые и не оремые, сеножатные, и вшелякие инъшие Рудлевъские, Буремецкие и Подгаецкие, архимандрицтву Жидичинскому зъ вековъ належачые, кгвалтовне забравши и осегнувши, гаи, запусты, дубровы, одъ летъ килкудесятъ запущоные и зарощоные, помененое маетности церковное, презъ мещанъ Торговицкихъ и всю волость подданые свое, дерева розные на розные будынки згодные, яко: на клетъ, на клади, на бервно, на сохы, на ключища, на оглобли, на колье и на иншие вшелякие потребы домовые згодные, такъ при бытности своей еще тутъ въ отчизне, яко тежъ и кгды до земли турецкое былъ пойманый и до везеня всажоный, презъ вельможную панюю матку свою и брата свого рожоного, велможного Кароля Корецкого, а тые засъ пани матка и братъ вельможности его милости, сами презъ се и презъ урядники свое розные, и тыхъ же мещанъ и подданыхъ волостий Торговицкихъ, бояръ, козаковъ и татаръ своихъ, имены зъ насвисками самому княжатю его милости, паней матце и братови его милости добре ведомыхъ и знаемыхъ, вырубавши, и праве въ нивечъ обернувши и выпустошивши, до помененой маетности свое Торговицкое и места Торговици вывезли, и ку рознымъ пожиткомъ своимъ обернули, о што все противко велможности ихъ поступки правные сутъ учиненые, и правне о то чинити не занехаютъ. А теперъ, скоро одно вышедши зъ везеня и неволи турецкое, установивши надъ тыми запустами, гаями, дубровами, которыхъ еще до конца были не спустошили, лесничихъ своихъ, кому хотечи, за квитами своими, даючи, вси до щенту вырубати позволилъ, и сутъ вырубанные. А надъ то, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ деветънадцетомъ, почавши одъ месеца генъвара дня двадцатъ шостого, ажъ до месеца февраля двадцатого дня, мимо право посполитое коронное, конституциами сеймовыми, которыми добра особъ становъ духовныхъ сутъ обваронанные, не дбаючи на право посполитое и вины, въ конституциахъ описаные и заложоные, позволеня одъ короля его милости и его милости пана гетмана не

маючи, зобравши немалый полкъ и купу людей розныхъ наций, ку потребе своей, неведомыхъ справъ, свебодъ и волности людей народу короны Полское, въ земли его королевское милости, пана нашого милостивого, мешкаючихъ, то естъ: гишпановъ, волоховъ, индерлянъдовъ, французовъ, венкгровъ и инъшихъ, при которыхъ и обывателевъ туточныхъ, приятелъ своихъ, такъ осилыхъ, яко и неосилыхъ, взявши умисльную васъ на помененные добра церковные, монастыря Жидичинского, село Буремецъ и Подгайцы, въ воеводстве Волынскомъ а въ повете Луцкомъ лежачую, такъ, яко бы се знисчити и вънивичъ наконецъ обернути моглъ, не маючи до тое маетности жадного права и претексту, але моцно, кгвалтомъ, съ трубами, бубнами, сурмами, положивши тамъ людъ свой, презъ оныхъ розмаитые шкоды и крывды, незносные и неслыханные, битя, морды, грабежи поддаными починилъ, а меновите зъ села Буремца подданыхъ: Грицка Волка, Стефана, Васка кравца, Демка шевца, Полищиху вдову, а зъ села Подгаецъ: Васка Филченя, Дениса Шимка, Левка Кулиша, Настю Гайдуковну, Параску Лукяновую, пречъ зъ домовъ выгнали и не ведати где подели, маетность всю зъ домовъ и збоже зъ гуменъ ихъ, вымолотивши, заграбили, забрали, а другихъ съ тыхъ же маетностей: Радивона Стасевича, Шимка Обезяну, Ивановую Галайдиху изъ сынами Устиномъ и Вайдою, Сидора Левченья, Мартына Долгого, Федью Яковчую изъ сыномъ, Дениса, Васка, Кузму,—тыхъ и халупы розобравши, зо всею маетностию и спрятомъ домовымъ и збожемъ зъ гумна, вымолотивши, оныхъ самыхъ—одныхъ до маетности своее села Быля, а другихъ до Подлозецъ одпровадили и бытомъ осадили; Гасю Гайдучиху, абы о пенязяхъ поведала, сродзе збыли, которая заразъ потомъ смертю съ того света зошла; другихъ белыхъ головъ и дивокъ которыхъ, по томъ розогнаню, немашъ сила, побили, прикростий рожныхъ навырежали, сума подданыхъ осилыхъ, о которыхъ на тотъ часъ ведомость взяли, а о другихъ еще не ведаемо, — двадцать, о которыхъ маетностий пораховати не могутъ; тымъ розогнанемъ и квалтовнымъ наеханемъ и оныхъ забранемъ съ помененыхъ маетностей церковныхъ, знисчили и спустошили, а инпимъ поданымъ, такъ въ Буремцу, яко и въ Подгайцахъ, грабежовъ розмаитыхъ сила починили и самыхъ по-

били, поранили, а меновите, въ селе Буремцу: у Занка—пшеницы мацъ шесть, жита мацъ три, овса полпеты маци, гречки мацъ дви, гороху три чверти, мацу семенъ лняного, конопного полмацы, сина возовъ шесть, кожухъ новый за полчетверта золотого, сермягу за полтора золотого, куръ двадцатъ пятеро, гусей двоенадцатеро, хомутовъ два за три золотые, воровъ пять, раденъ дви; у Евъхима—вепра кормного за золотыхъ шесть, овса мацъ три, ячменю полмацы, куръ дванадцетеро овцу, ягня, кошуль невистихъ дви за золотыхъ три, музкихъ кошуль дви за золотыхъ полтора, подвичокъ чотыри за золотыхъ три; у Федка Мекитеняти—овса мацъ дванадцетъ, пшеницы мацъ полторы, мяса вепрового полтий, два гусей семеро, качокъ четверо, куръ двадцетеро, сина возовъ шесть, въ которыхъ было копицъ сорокъ; у Стася—сина возовъ шесть, въ которыхъ было копицъ тридцетъ шесть, пшеницы мацъ дви, овса мацъ пять, солонины полтора полтя, жита мацу, чвертъ муки пшеничное, куръ десетеро, кошулю музскую за ползолотого, подвику за ползолотого, воровъ чотыри, сермягъ две за полтретя золотого; у Саска—жита мацъ дви, мяса вепрового полоть, гусей семеро, куръ осмеро; у Павла млынаря, роскидавши самое будоване млына, взяли стамтоль розмиру пшеницы мацъ осмъ, овса мацъ дви, возъ сина, въ которомъ было копицъ шесть, кошуль музскихъ дви за грошей сорокъ, куръ осмеро, косъ до коженя травы две по грошей десети, оскордовъ до млына два, веретено до кола млынового, серповъ два; у Ивана—куръ шестеронадцеторо; у Остапа Рощинки—пшеницы мацъ пять, жито все въ снопехъ, которого могло быть копъ до тридцети, мней албо болшей, сина возовъ шесть, въ которыхъ было копицъ сорокъ, вепра кормного за золотыхъ пять, куръ шестеронадцеть, гусей четверо, наволочокъ съ подушокъ дви, рантуховъ два за золотыхъ два; у Ивана Купы—овса мацъ десеть, пшеницы полторы мацы, сина, купленого за золотыхъ пять, гусей пятеро, куръ десетеро, сукна сермяжного локтий тридцетъ, кошуль музскихъ чотыри за золотыхъ чотыри, семеня конопного полмацы, гречки полмацы; у Лавришъца—сина возовъ семъ, въ которыхъ копицъ пятдесятъ, хомутъ зъ возомъ за золотыхъ три, пшеницы полмацы, жита полмацы, хустъ белыхъ розныхъ за золотыхъ пять; у Марушки, которая

прала хусты, одъ которыхъ сама утекла, взято хустъ за золотыхъ три, сокиру за грошей десеть, серповъ чотыри за грошей шесть; у Семеня Шишла—жита полмацы, пшеницы чвертий три, сина возовъ семъ, въ которыхъ копицъ сорокъ пять, хомутъ съ колясою за золотыхъ полтретя, мяса вепрового полотъ за золотыхъ два, куръ пятеронадцетъ; у Миска—вепра кормного за полъосма золотого, пшеницы мацу, семеня лняного полмацы, овса мацу, сина возъ, въ немъ копицъ шестъ и куръ десетеро, колясу и сани съ полкошками за золотыхъ два: у Сенюты—жита мацъ три, пшеницы полмацы, сина возовъ три, въ которыхъ копицъ осмънадцеть, муки пшенное чвертъ, гречки чвертъ, вепра дворного за золотыхъ полтора, барана за золотый; у Каспра шевца—жита мацъ дви, овса мацъ дви, пщолъ двое зъ улевъ выдерто, меду присного зособна за золотый, свиню одну, гусей шестеро, куръ пятеронадцеть, пшеницы полмацы, воску перепущаного за золотый, хомутъ за золотый; у Миска Шимоченятя — жита мацу одну, пшеницы чвертий три, сина возовъ три, въ нихъ копицъ двадцеть одна, коня за золотыхъ двадцеть, куръ пятеронадцеть; у Кондрата млынара—гречки полторы мацы, жита мацъ три, овса чвертий три, муки пшенное мацу, пшеницы мацу, колясъ дви, хомутъ за золотыхъ полчетверта, желиза шинъ три за грошей петнадцать, свердловъ два за грошей осъмъ, косу до кошеня травы за грошей десетъ, воровъ шесть, сина возовъ три, въ нихъ копицъ петнадцеть; у Федора Раченятя—овса мацъ дви, жита полмацы, куръ семеро; у Пархома—куръ десетеро, сина возовъ два, въ которыхъ копицъ дванадцеть, гусь одну, жита мацъ три, муки житное мацу одну; у Яцка—сина возовъ чотыри, въ которыхъ копицъ двадцеть чотыри, гусь одну, овса чвертъ, сименя лняного осмаку; у Ивана Швабского—жита мацу, куръ пятеро; у Ониска Дуба—свиню, куръ осмеро, сыровъ чотыры, горщокъ масла за грошей десетъ; у Левка Литвина—сина возовъ деветъ, въ которыхъ копицъ петъдесять чотыри, мяса вепрового полтий два за золотыхъ чотыри, овецъ дви за золотыхъ два, сокиру одну за грошей десять, косу за грошей десять, муки пшенное полмацы, сименя конопного чвертъ, жита мацъ три, свиню одну, хомутъ за золотыхъ полтора; у Грицка Рудого—сина возовъ пять, въ пихъ копицъ тридцеть,

свиню одну, пшеницы чвертъ, куръ осмеро, гречки мацъ дви; у Яцка—гусей петънадцетъ; и засъ въ селе Подгайцахъ: у Яцка Попка—мяса вепрового полтий три, пшеницы мацъ полторы, гречки мацу, масла гарнецъ за золотыхъ два, овецъ дви за золотыхъ полтретя, опончу за золотыхъ два, овса мацъ семъ, куръ двадцетеро; у Семена Яковчича—овса мацъ дви, пшеницы мацу, гречки мацу, полотъ мяса за золотыхъ два, масла гарнецъ за золотый, куръ осмеронадцетъ, сыровъ десетъ; у Анъдрея Голубца—вепровъ кормныхъ два за золотыхъ чотырнадцетъ, масла, купленнаго за ползолотого, свичь за ползолотого, возъ буксованый за золотыхъ три, хомутъ за золотыхъ полтора; у Тараса Финченята—пшеницы мацъ осъмъ, масла горнецъ за золотыхъ два, косу за грошей десетъ, хомутъ за золотый; у Ониска Филченята—овса мацъ три, пшеницы полмацы, солонины полтора полтя за золотыхъ два, сыровъ десетъ, масла горнецъ за золотый, хомутъ за золотый, серповъ два за грошей шестъ, куръ осмеронадцетеро; у Прокопа Клочка—овса мацъ чотыри, муки пшеное мацу, житное полмацы, масла горнецъ за грошей шеснадцетъ, сыровъ десетъ, куръ осмеро, сало вепровое за золотыхъ полтретя, колясу съ полкошкомъ за золотыхъ полтора; у Мартина—овса мацъ одинадцетъ, вепровъ кормныхъ два за золотыхъ тринадцетъ, пшеницы полторы мацы, маку чвертъ, гороху полмацы, куръ двадцетеро, сина возовъ два, въ которыхъ копицъ десетъ; у Каленика—сина возовъ три, въ нихъ копицъ осмънадцетъ, овса мацъ пять, жита мацу, пшеницы полмацы, солонины полтий два, куръ двадцетеро; у Гаврила Наумченятя—овса мацъ три, пшеницы полмацы, масла горщокъ за золотый, сыровъ дванадцать; у Томила—сина возовъ семъ, въ которыхъ копицъ сорокъ две, овса мацъ пять, солонини полтретя полтя за золотыхъ пять, масла горнецъ за золотый, сыровъ десетъ, куръ петънадцетъ, муки пшеное чверть, железа одъ плугу за золотый, воровъ два; у Сахна Евхименятя—полотъ мяса за золотыхъ полтретя, куръ двадцетеро, самого збито и зранено; у Грицка—сина возовъ два, въ нихъ копицъ дванадцетъ, пшеницы чвертий три, жита полмацы, овса полчетверты мацы, масла горнецъ за грошей семънадцетъ, гречки полмацы, вепра кормного за золотыхъ шестъ; у Сасина—овса мацъ шестъ, сина возовъ чотыри, въ нихъ копицъ двадцетъ, пшеницы полмацы,

пенезей готовыхъ шестъ грошей; у Грицка Ситниченята—овецъ двое за золотыхъ полтретя, вепра кормного за золотыхъ пять, овса мацъ деветъ, сина возовъ шесть, въ которыхъ копицъ тридцетъ, куръ осмеронадцетъ, желиза одъ плугу за золотый, наволочокъ съ подушекъ дви за золотый, сагайдакъ зо всимъ за золотыхъ три, шаблю за золотыхъ три; у Сенка Гайдука—овса мацъ двенадцетъ, гречки мацъ пять, жита мацъ дви, муки житное полмацы, на шротъ питлеваное полмацы, салъ вепровыхъ два за золотыхъ три, мяса полтий два по золотыхъ полтретя, масла горнецъ за золотыхъ полтора, овецъ четверо по золотыхъ полтора, ягнятъ четверо, сыровъ три, подсвинковъ чотыри, куръ десетеро, желиза одъ плугу за грошей двадцетъ, путъ желизныхъ двое на кони за золотыхъ полтора, колясу и хомутъ за золотыхъ полтретя, пенезей готовыхъ золотыхъ чотыри; жону его Гасюту и цорку Огапку збили, змордовали; у Панаса Наумченятя—овса мацъ шесть, пшеницы полмацы, солонины полтий два за золотыхъ пять, овецъ трое за золотыхъ три, готовыхъ пенезей золотыхъ чотыри, гусей десетеро, куръ двадцатеро; у Демяна Басараба—сало вепровое за золотыхъ три, солонины полоть за золотыхъ полтретя, сермягу за золотыхъ полтора, кожухъ за золотыхъ полтретя, овса мацъ дви, серповъ два за грошей дванадцетъ, косу за грошей десетъ, сокиру за грошей десетъ, вепря за золотыхъ три, сѣменя конопного чверть, чречки мацу, муки пшеничное полмацы, ручницу пташую за золотыхъ три. У арендаровъ засъ нашихъ, Хаима Лейбовича а Давида Ицхаховича, жидовъ Дубенскихъ, которые были одъ насъ аренъдовали въ тыхъ же маетностяхъ нашихъ, Буремцу и Подгайцахъ, корчму на шинковане вшелякого напитку, и што до нихъ належало, солодовню, броваръ, озницу и винницу, до робеня горелки, до того и млыны наши Буремецкие, на реце Стыру, зо всими колы, што одно въ нихъ сутъ, зъ бранъемъ мирокъ одъ вшелякого збожа и солодовъ, за певную суму пенезей, на кождый рокъ по полчвартаста золотыхъ Полскихъ, въ которыхъ то жидовъ у шафаровъ, шинъкаровъ и шинъкарокъ, одъ нихъ на той аренъде тамъ зоставленыхъ, и будучы помененый вельможный княжа его милость Самуель Корецкий, презъ тотъ же людъ свой и тыхъ же одныхъ часовъ, пограбилъ и взялъ солодовъ зготованныхъ осмъ

по золотыхъ десетъ, пива, способомъ грабежу, кгвалтомъ выпили варовъ два за золотыхъ петънадцетъ, горилки за золотыхъ пятьдесятъ, готовыхъ пенезей у шинкара ихъ пограбили и взяли золотыхъ сто двадцетъ пять; у жида шафара готовыхъ пенезей золотыхъ Польскихъ семъдесятъ пять, пшеницы мацъ осмънадцетъ, маца по золотыхъ пять, жита мацъ тридцетъ пять по золотыхъ два, гречки мацъ дванадцетъ по золотыхъ два, ячменя мацъ пять по золотыхъ два, яголъ мацу одну за золотыхъ семъ, муки пшеное мацъ чотыри по золотыхъ пять муки житное мацъ шестъ по золотыхъ два, крупъ розныхъ мацъ три по золотыхъ два, котловъ горилчаныхъ зъ винницы пять, по золотыхъ осмъ, овса копъ полтораста, съ котораго вымолочено мацъ сорокъ, маца по золотыхъ два, гречки копъ осмъдесятъ, съ которое вымолочено мацъ двадцето, пановокъ до вареня рыбъ три за золотыхъ шестъ, полмисковъ цыновыхъ пять за золотыхъ десетъ, коновокъ цыновыхъ три за золотыхъ шестъ, талеровъ цыновывъ пять за золотыхъ чотыри, сукню фаленъ диновую за золотыхъ петънадцетъ, колясъ простыхъ три за золотыхъ три, хомутовъ три за золотыхъ чотыри, седелъ дви за золотыхъ чотыри, шлей три за золотыхъ два, коцовъ два за золотыхъ пять, книжокъ набожества жодовского пять за золотыхъ петънадцетъ, желизъ плуговыхъ двое за золотыхъ два, бочокъ пивныхъ съ корчмы петънадцетъ за золотыхъ полосма, кадий пять за золотыхъ три, лихтаровъ мосяжовыхъ два за золотыхъ полтора, фляшокъ цыновыхъ дви за золотыхъ полтора, скуру медвежую за золотыхъ пять, самого долгу готовыхъ пенезей, па подданыхъ розогнапыхъ, зграбеныхъ и знищеныхъ, золотыхъ Полскихъ пятъсотъ, яко о томъ всемъ на реестре жидовскомъ, одъ нихъ намъ поданомъ, естъ описано. Тыхъ же часовъ и и дний, вышъпоменепыхъ, княжа его милость, съ тыми жъ людьми своими, едучи до маетности свое, части села Очавчичъ, въ повете Луцкомъ лежачого, презъ маетность тужъ нашу церковную, архимандрицтву Жидичинскому належачую, село Сапоговъ, одъ тамтое маетности напое, Буремца и Подгаецъ, миль чотыры албо пять лежачую, презъ тотъ же людъ свой, ограбилъ и взялъ у подданыхъ тамочпихъ, меповите: у Мелешка—съ пасеки кгвалтовне вибито зъ улевъ пщолъ семеро, овса съ клуни мацъ три, сина возовъ три, въ

которыхъ копицъ осмънадцеть, масла гарнецъ за золотыхъ полтора, куръ десетеро, рядень два, обрусъ за золотый, макгерку за ползолотого, ручниковъ два за ползолотого, готовыхъ пенезей золотыхъ Полскихъ (?), еецъ двадцетъ, сокиру за грошей десетъ, самого побили, поранили; у Галивона—овса полмацы, куръ пятеронадцетъ, гусей двое, до халупы его окна повыбивали, одъ коморъ двохъ колодки одбывши и, зъ собою взяли, пограбыли за которые грошей Полскихъ петънадцетъ; у Ивана Приступы—готовыхъ пенезей грошей шесть, хлиба великого осмеро за грошей петънадцетъ, куръ деветеро; у Ярмолихи—сина возовъ три, въ которыхъ копицъ петънадцетъ, овса полмацы, хлиба трое за грошей шесть, куръ шестеро; у Гаврилихи —овса четвертей три, сина возъ, въ которомъ копицъ шестъ, хлиба пятеро за грошей десетъ, куръ десетеро, гусь одну; у Харка—хлиба четверо за грошей шестъ, овса полчверти, куръ осмеро; у Іова—овса чвертъ, куръ трое, колбасъ три; у Саска—овса полмацы, хлиба четверо за грошей чотыри, куръ двое, качокъ двое; у Описка—овса полмацы, хлиба четверо за грошей чотыри, куръ пятеронадцетъ, гусь одну; у Федца—куръ двое, качокъ двое, овса чвертъ; у Федка —колбасъ чотыри, куръ четверо, хлиба четверо за грошей шестъ; у Анъдрея Фасуна—пенезей готовыхъ грошей осмъ, хлиба двое за грошей чотыри, куръ двое; у Данила Тересченятя—овса полмацы, куръ осмеро, горнецъ масла за золотый, колодокъ дви одъ коморъ одбили, за которые грошей дванадцетъ; у Мартина Костюченяти—овса чвертъ, хлиба семеро за грошей чотырнадцетъ, масла горнецъ за золотыхъ полтора, куръ четверо, гусей двое. И тотъ увесъ грабежъ—оденъ на потребу самого княжатъ его милости слугъ, приятель, козаковъ, бояровъ и инъшихъ помочниковъ своихъ обернули, другий межи мещане Торговицкие и вси подданые волости Торговицкое, водлугъ воли и уподобаня свого, яко кому хотели, роздали, а иншие лекгумина, въ тыхъ грабежахъ помененные, въ остатку—одны копми стравили, а другие сами зедли, чипячы то все ку великому знисченю и зубоженю тое маетности церковное, и ку незносной кривде и шкоде нашой. Не втручаючы теды въ то зубоженя, розогнаня, забраня и зграбеня подданыхъ тыхъ селъ церковныхъ, оферуючи се ото все съ княжатемъ его милости, и, съ кимъ будемъ

розумели, помочниками, приятелы, слугами его, въ судехъ належныхъ, такъ, яко будетъ водле права належало, правне чинити,—просили при томъ о придане возныхъ до огледаня знищеня, спустошеня тыхъ маетностий. Я, урядъ, осъведъченъе ихъ милости принявши, возныхъ енеральныхъ шляхетныхъ: Труша Овчину и Яна Сешкевича ихъ милости придалъ, которые, тутъ на вряде очевисто станувши, явне и доброволне сознали: же се имъ о то все его милость отецъ архимандритъ съ капитулою своею, крылошаны Жидичинскими, въ року теперешнемъ, о то все, што се вышей поменило, сведчили и оповедали, и спустошене великое въ гаяхъ, запустахъ, дубровахъ, же пневя трудно переличити, видели, и то все, што се вышей поменило, такъ а не иначей быть сознали; до того оповедали тежъ то тые вси вышей менованые особы, же въ тотъ же часъ, при томъ списованю и обвоженю презъ возныхъ тыхъ всихъ шкодъ, оповедалъ имъ урожоный панъ Станиславъ Радзимовский, арендаръ ихъ Буремецкий, за тымъ квалтовнымъ насланемъ одъ княжати его милости Самуеля Корецкого того люду его, въ розогнаню тыхъ подданыхъ, въ неоданю ему чиншовъ, въ немолоченю гуменъ, въ неодвезеню подводъ (зъ) збожемъ до Бугу, въ пограбеню стырты пшеницы его власное дворное, и починеню инъшихъ ему грабежовъ,—меновалъ собе шкодъ, затымъ поднятыхъ, на осмъ сотъ золотыхъ Полскихъ. И просили, абы тая жалоба и оповедане ихъ, такъ же и сознанъе возныхъ принято и до книгъ записано было,—што я, все принявши, записать имъ казалъ, и есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 280.

CXXIV.

Донесеніе возныхъ объ осмотрѣ ими опустошеній, произведеныхъ панами Ганецкими въ имѣніи Новоселкахъ, арендуемомъ ими у Луцкаго земскаго писаря, Войтеха Станишевского, и объ угнетеніи ими тамошнихъ крестьянъ. 1619 г., мая 14.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца мая чотырнадцатого дня.

На рочкахъ кгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятого месеца мая, въ року звылъ написаномъ припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбникомъ Волынскимъ, судею, врядниками судовыми кгродскими, Луцкими, становши очевисте шляхетныи Станиславъ Ставский и Вавринецъ Прибышевский, енералове воеводства Волынского, Киевского и Браславского, урядови нинешнему добре знаемые, и шляхетный Янъ Суловский и Станиславъ Подлеский, такъ вознове, яко и менованая шляхта, будучы одъ насъ до нижей выражоное справы очевисте приданые, въ моцъ свого правдивого зознаня, явне и доброволне зознали: ижъ дня дванадцатого теперъ идучого мая, на реквизицию урожоного пана Войтеха Станишевского, писаря земского, Луцкого, были въ фолварку и селе Новоселкахъ, тутъ въ повете Луцкомъ будучихъ, маетности помененого пана писаря, которую урожоные панове Янъ Кганецкий и Дорота Хотецкого Кганецкая, арендою, которая се кончитъ на святки близко пришлые, тримаютъ; тамъ же, громаду зобравши зъ селъ Бакорина и Новоселокъ, шляхетный Томашъ Осташевский, слуга его милости пана писаровъ, пыталъ поддаными: што бы за причина была, и што за тежаръ одъ арендаровъ, же ихъ двадъцатъ и килка прочъ пошло? Которые хлопы съ плачомъ поведили, же тая причина, ижъ зъ волоки и зиме по двое робимъ, лете зъ волоки и по трое, а съ пулвлочка зиме и теперъ счо день робимо, а лете по двое,—немашъ собе коли а ни засеяти, а ни хлеба уробити, а передъ тымъ, за пана

своего, теды есмо такъ не робляли; до того дрыва за килка миль безъ дня возили есмо, не тылко до Новоселокъ, але и до Олыка; сторожу, которую передъ тымъ загородники, тилко што кони неймили и одправовали, и то колеею, а коли одправовали, теды дни не робили, а панове арендарове погнали, и подданыхъ потягли колеею, за чимъ хошъ пашчизна припала, предсе стеречы казано по два сторожи; тыежъ сторожи; въ ночи стерегли, а въ день быдло зъ овцами оденъ паслъ, а другий стадо, што передъ тымъ постухове одправовали; подводу за пять, шесть миль безъ дня до того, и то съ тежаромъ; мацу жита дано зъ двора на мелене, а пувторы маци муки съ тое маци казано оддавати; коля и хворосту никгды дармо на огорожене урубати не позволено, ажъ муселъ килкоро куръ дати; фуру попелную мусели мы одправовати, которое передъ тымъ не бывало; до Львова зе збожемъ коли ездили, мыта муселисмы давати, а пристава при насъ небыло: што емо дали померного, не хотено приняти, яко то венцъ бываетъ, же не однаково на торгу ценятъ, мусели се продати, теды, яко который найвысшую цену продалъ, такъ вси мусели платити; и хотя есмо въ подводе были, предъ се пашчизну мусели есмо робыти. Тамъ же се ускаржали о розные грабежи и бое на панюю Кганецкую, и тоже на нихъ и безъ пашчизны робене, кросенъ робене, полотенъ и прядива накидала, чого передъ тымъ не бывало, бо передъ тымъ за день прадовано, съ поля спрятнувши, албо пани упросыла на толоку, наветъ и гуси занявши мужицкие, пани Кганецкая подскубовати казала. За такими тежарами пошли прочь, але было либы такъ должей,—и остатокъ пойдетъ, якожъ хлоповъ двандцетъ ролныхъ зъ Бакорина, а зъ Новоселокъ ролныхъ два, а загородниковъ и подсуседковъ двандцатъ пошло прочь. Которые тежары помененый слуга пана писаровъ поменеными возными и шляхтою осветчилъ, потомъ просилъ, жебы въ поле до севбы озимое ехали; зачимъ, кгды за греблею ку пелзомъ были, тамъ севбу озимую показано намъ середнюю, межи которою обшаръ не малый новины указовалъ урядникъ, же былъ подалъ паномъ арендаромъ пшеницею озимою засеяною, и пшеницею тежъ мелъ быти засеяный, на которымъ ничого а ничого всходу зъбожа не знати; пыталъ подданыхъ при помененыхъ возныхъ и шляхте, если бы на томъ обшаре

што сеяли?—поведили, же южъ въ самые морозы, знявши просо, которое была пани Кганецкая въ паранчину на той новине посеяла, посеяно штось суржице. Потомъ на другую сторону, до другого объшару ехавши, указалъ збытъ позную севбу, яко поведали хлопы, же южъ по Покрове сеяно, и самъ панъ писаръ остатка досевалъ, коли обачилъ же панове арендарове сеяти не хотели,—тое севбы позное тылко при долинахъ троха знати. Потомъ, ехавши въ ярые поля, помененый слуга съ помененными возными и шляхтою указовалъ объшаръ великий, который поведилъ, же былъ порядне засеявши овсомъ, гречкою, ечменемъ, просомъ, горохомъ отдалъ, а теперъ и шостое части, хочъ и два плуги панские ходятъ, есче поль ярыхъ не засеяно,—што помененными возными и шляхтою осведчилъ. Потомъ помененымъ возным и шляхте указалъ слуга помененый запустъ немалый, высечоный, при Острожецкой дорозе, въ которомъ уже дерево немалое дубовое и березовое было, а потомъ въ запусте великимъ одъ Романова и тутъ и овде по троше вырубаного, которое вырубане запустовъ помененными возными осветчилъ; съ которыхъ запустовъ, поведали хлопы, же не тылко до Новоселокъ вожоно, але и до Олыки вожоно дрыва. Потомъ, до двора ехавъши, помененый слуга помененымъ возным и шляхте указалъ огорожу около двора и огородовъ опалую, што помененными возными и шляхтою осветчилъ и тоже огородовъ, такъ, яко поданые были, пани Кганецкая не засеяла. При томъ светчилсе и о то, же ставки добре нарыбеные, съ которыхъ тылко рыбъ въ посты засегати было позволено, поспущано. Што все, счо и яко се деяло и счо видѣли есми, осветчано, помененые возные и шляхта признали, просячы, абы тое принято и до книгъ записано было,—што есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 382.

CXXV.

Объявленіе княгини Анны Порицкой объ опустошеніи татарами имѣній ея: Буглова, Охришковичъ, Плиски, Кутыщъ, Коростовы и Печорной. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ этихъ опустошенныхъ имѣній. 1619 г., мая 14.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца мая чотырнадцетого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Луцкомъ, передо мною, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбнымъ Волынскимъ, судею, врядниками судовыми, кгродскими, Луцкими, обличне становши, шляхетный панъ Андрей Доманский, приятель ее милости панее Анны съ Тулинъ, княжны Александровое зе Збаража Порицкое, оповедалъ великое спустошене и попалене маетности княжати его милости Александра зе Зъбаража Порицкого и княжны ее милости помененое, малжонковъ, презъ неприятеля крижа светого, татарина, подчасъ инкурсией, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ осмънадцатомъ, въ осени, где помененую маетность праве внивечъ обернули, подданыхъ всихъ, албо барзо мало што зоставившы, зо всими добытками ихъ выбрали, меновите: село Бугловъ, Охришковичы, Плиску, Кутыща, Коростову, Печорную. Которое то спустошене маетности помененое и местца попалене, помененый панъ Доманский оповедивши, тую свою протестацию объясняючы, ставилъ возного енерала, шляхетного Прокопа Завротинского, который передо мною ставши, въ моцъ правдивого сведецства своего, созналъ: ижъ онъ року прошлого, тисеча шестсотъ осмънадцатого, месеца октобра дня четвертого, будучы на справе княжны ее милости Александровое Порицкое, въ маетности малжонка ее милости, въ селахъ: Буглове, Охришковичахъ, Плисце, Кутищахъ, Коростове и Печорной, гдемъ видилъ великое спустошене помененое маетности презъ неприятеля крижа светого, татарина, такъ спаленемъ огня, яко побранемъ поданыхъ зовсими добытками, же праве мало што людей въ тыхъ се-

лахъ видиломъ зосталыхъ,—што такъ, а не йначей, той возный быти созналъ. И просилъ помененый панъ Домапский, абы тая протестація и возного реляция принята и до книгъ записана была, которую я, принявши, до книгъ записати казалъ, и есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, л. 375.

CXXVI.

Присяжное показаніе атамановъ изъ имѣній жены Волынскаго воеводы, князя Острожскаго, объ опустошеніи татарами Полонской и Острополъской ея волостей. 1619 г., мая 15.

Року тиссча шестсотъ деветнадцатого, месеца мая петнадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ, кгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятого мая, въ року звышъ написаномъ, припалыхъ и судовне отъправоватъ зачатыхъ, передъ нами, Япомъ Вилежинскимъ, подъстаросътимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбникомъ Волынъскимъ, судъею, врядниками судовыми, кгродъскими, Луцкими, постановившысе очевисто урожоный панъ Самуель Тушиковский, слуга освецоное панее Анъны зъ Шътемъберъку, кнежъны ее милости Осътрозъское, воеводыное Волынъское, по оданъю побору его королевъское милости, на сейме Варшавъскомь, въ року теперешънемъ, тисеча шестъсотъ деветнадъцатъ, уфаленого, за инъстанъциею урожоного его милости пана Федора Линевского, поборъцы воеводъства Волынъскаго, зъ селъ, до волости Острополъское належачихъ, презъ татарина спустошоныхъ, ставилъ отамановъ, нижей менованыхъ, которые, очевисто будучы при бытности пречоного его милости пана поборъцы, передъ нами присегу, за выданемъ роты презъ возъного Станислава Сусъкого, выконали въ тую роту: Я, Федоръ, отаманъ Тулинский, Иванъ, отаманъ зъ Еремичъ, Тишко зъ Борушковичъ, отаманъ Сергий зъ Волице, подъ-

даные вельможное княжны ее милости Острозъское, панее воеводыное Волынъское, присягаемы пану Богу всемогущому, ижъ маетъкость княжны ее милости, панее нашое, меновите волость Полонъская и Остропольская, презъ татарина, въ року тисеча шестсотъ осъмънадъцатомъ, спустошоная, спаленая, выбъраная и въ попелъ оберъненая, съ которое побору приходило—ланового золотыхъ сто шестъдесятъ и пять, а чопового зъ тыхъ же волостий, то естъ Полонъское и Остропольское, золотыхъ пувъторасъта; за которымъ спустошенъемъ побору и чопового до скаръбу короля его милости дати не можемъ. Который то юраментъ пречоныхъ особъ, за принятъемъ нашимъ судовымъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть записанъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 408 на оборотѣ.

CXXVII.

Донесеніе вознаго объ опросѣ имъ пойманныхъ крестьянъ села Терешковца о причинѣ бѣгства ихъ оттуда, при чемъ крестьяне эти показали, что они ушли вслѣдствіе притѣсненій ихъ арендаторомъ, паномъ Ржичовскимъ. 1619 г., мая 15.

Року тисеча шестъсотъ деветнадцатого, месеца мая петнадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ, кгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятого месеца мая, въ року теперешнемъ, звышъ написаномъ, припалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростимъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбнымъ Волынскимъ, судею, врядниками судовыми, кгродскими, Луцкими, постановившисе очевисто возный енералъ воеводства Волынского, повету Луцкого, шляхетной Марко Могиленский, ку записаню до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: ижъ онъ року теперешнего, тисеча

шестъсотъ деветнадцатого, месеца мая третего дня, за ужитъемъ шляхетное нани Анны зъ Белого Стоку Матфеевое Кощиное и сыновъ ее милости Миколая и Федора Ощовскихъ, былъ во именю и селе Терешковцу, при которомъ возномъ, кгды приведено поддаиыхъ ихъ Терешковскихъ, утекаючыхъ съ Терешковца на дорозе подъ гаемъ Божовскимъ, на долине, и съ тыми поддаными выкотцовъ, на йме Ивана Мельника изъ жоною и другого подданого зъ Бородчичъ, его милости пана Михала Гулевича Воютинсъкого, подсудка земского Луцкого, который отъ коня и отъ воза утекъ, теды тотъ помененый возный пыталъ тыхъ помененыхъ збеговъ, где васъ поймано и въ который часъ, и для чого вси прочъ пошли? Теды передъ тымъ возпымъ и при велю людей зацныхъ признали: жесми пошли для великихъ кривдъ, которые терпимо отъ пана Ржичовского, который насъ теперъ арендою держитъ, а поймано насъ на долине надъ гаемъ Божовскимъ, въ ночи,—што все пани Кощиная и сынове ее милости тымъ помененымъ возпымъ освѣтчили и оповедали. Которое то возного сознане до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 404.

CXXVIII.

Присяжное показаніе атамановъ изъ имѣній Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, объ опустошеніи татарами его имѣній, волостей: Острожской, Дубенской, Базалійской, Красиловской и Константиновской. 1619 г. мая 18.

Року тисеча шестъсотъ деветнадцатого, месеца мая осъмнадцатого дня.

На рочкахъ судовыхъ, кгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятого месеца мая, въ року звышъ написаномъ припалыхъ, и судовне от-

правовать зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростимъ, Адамомъ Сопоткомъ, скарѣбнымъ Волынъскимъ, судъею, врядниками судовыми, кгродскими, Луцкими, постановившисе очевисто слуга освецоного княжати его милости Януша Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского, Белоцерковского . . . . старосты, урожоный панъ Александеръ Соколдский, прихиляючи се до конъстытуцыи и права посполитого, на сейме Варшавскомъ о погорелыхъ и презъ неприятеля крыжа светого, татарина, спустошоныхъ и попаленыхъ маетностяхъ шляхетскихъ, уфаленого, чому досить чинечи, ставилъ войтовъ и отамановъ зъ маетности княжати его милости, пана своего, нижей менованыхъ, презъ того неприятеля татарина, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ осмнадцатомъ, за пруткимъ вторгненемъ въ краи тутошъные Волынские, спустошоныхъ, попаленыхъ и вънивечъ, въ попелъ оберъненыхъ, тутъ въ воеводстве Волынскомъ, а поветахъ Луцкимъ и Кременецкимъ, то есть части волости Острозское, и Дубенское, а Базалиское, Красиловское и Константиновское, зъ местами ихъ, для выконаня юраменту на спустошене и попалене тыхъ маетностей пречоныхъ, водле протестацыи о томъ засвежа учиненое; для которого спустошеня тыхъ маетностей, поборовъ его королевское милости, на сейме коронномъ Варшавскомъ въ року нинешънемъ, тисеча шестъсотъ деветнадцатомъ, уфаленыхъ, до скарбу выдати не могълъ,—просилъ, абы отъ поданыхъ присега выслухана была. Якожъ мы, урядъ, прихиляючисе до права посполитого и конъстытуцыей, о томъ ухваленыхъ, присеги съ подписомъ его милости пана Федора Линевъского, поборцы Волынского, присланой презъ возного, шляхетного Бартломея Ясликовского, за выданемъ роты отъ него, въ тые слова выслухали: Мы, Демянъ Кокорика, войтъ Базалийский, Янъ, присяжный Красиловский, Мацко Констатиновский, Яцко Балакиръ, отаманъ Жеребовский, Сахно волости Дубенское, Юско волости Острозское, отаманове, подданые освецоного княжати его милости Януша Острозского, каштеляна Краковского, присегаемо пану Богу всемогущему, ижъ маетность княжати его милости пана нашого, то есть волости: часть Острозское и Дубенское а Базалийская, Красиловская и Константиновская, зъ местами ихъ, презъ татарина, въ року ти-

сеча шестъсотъ осмънадцатомъ, въ осени, въ месецу сентебру, зъ кгруту спалены, выбраны и спустошены, а другие презъ огонь припадковый погорели, для котораго спустошенъя княжа его милость, панъ нашъ, сполна побору выбрать и водле сумъ квитовъ перъшихъ отдать немоглъ, то есть сумы золотыхъ семъсотъ осмъ, грошей осмъ и пенезей семъ. И просилъ помененый панъ Соколский, по выконаню присеги, абы тотъ юраментъ тыхъ отамановъ до книгъ записанъ былъ; што мы, урядъ, за выконанемъ таковой присеги передъ нами, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казали,—и есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, л. 454.

CXXIX.

Объявленіе отъ имени князя Януша Острожскаго объ опустошеніи татарами имѣній его въ Острожской и Березовской волостяхъ. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ этихъ опустошенныхъ имѣній. 1619 г., мая 22.

Року тисеча шестсотъ деветнадцатого, месеца мая двадцать второго дня.

На рочкахъ судовыхъ, кгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня девятого месеца мая, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне отправоватъ зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Вилежинскимъ, подстаростымъ, а Адамомъ Сопоткомъ, скарбникомъ Волынскимъ, судею, врядниками судовыми, кгродскими, Луцкими, постановившисе очевисто Андрей Фолюшевский, слуга яснеосвецоного пана княжати его милости Януша Острозского, воеводича Волынского, именемъ княжати его милости, пана своего, передъ урядомъ оповедалъ и осветчалъ о тымъ: ижъ року прошлого, тысеча шестъсотъ осмънадцатого, месеца сентебра двадцатъ девятого и тридцатого дневъ, татаровъ великое войско, презъ Волохи до панствъ короля его милости, до воеводствъ

Подолского, Волынского, вторгнувши, остатокъ маетности княжати его милости, што было есче троха зостало хатъ, людей, добытка, отъ першого вторгненя татарского, которое се въ року прошломъ, тисеча шестсотъ семнадцатомъ, стало, то въ остатнемъ въ томъ вторгненю попалили, люде и добытокъ побрали и внивечъ вси села обернули, а меновите: въ волости Острозской: село и фолварокъ Борисовъ, село и фольваркъ Плужное, село Былчинъ, села Боровичи обедве, село Добринъ, село Долотецъ, село Радогосча, до местечка Суража селъ три спалили; въ Березовской волости: село Новоселки и иншие села, местечко Красный Ставъ, альбо Хлапотинъ, што было троха хатъ и людей зостало, теды въ томъ селе Новоселкахъ и въ Красномъ Ставе остатокъ спалили, людей и добытокъ забрали, также въ маетности Лабрынъской, Любартовской, Колодинской, што было отъ першого вторгненя зостало, то теперешнимъ вторгненемъ попалили, люде выбрали, добытокъ выгнали, толко поле и погорелиска зоставили, о чомъ ширей першого спустошеня обводъ въ книгахъ тутошнихъ кгродскихъ Луцкихъ, и кгродскихъ Кременецкихъ, обмовляютъ. И обясняючи тое свое оповеданье, ставилъ возного енерала, шляхетного Василя Колоденъского, который, на уряде очевисто стоячи, созналъ: ижъ року теперешнего, месеца априля четвертого дня, былъ найпервей въ въ волости Березовъской, тамъ же виделъ село Новоселку, зъ дворомъ, местечко Красный Ставъ, албо Хлапотинъ, спаленое, а въ волости Острозской: село Борисовъ, Плужное, Былчинъ, Боровичи обедве, село Добринъ, село Долотечъ, село Радогосчу,—одны до сченту спаленые, а другихъ покилку хатъ зостало, однакъ люде и добытокъ выбрано; такъже дня семого априля, будучы въ Суражу, толко видиломъ местечко Суражъ само целое, а три села, которые до Суража належали, спаленые и спустошеные. А потомъ, дня десятого априля, будучи въ Любартове, тамъ есми въ той волости Любартовской виделъ вси села, до Любартова належачые, которые въ першимъ обводе спустошеня менованые сутъ, спалены, спустошоны, безъ людей, безъ добытку, толко погорелыска знать. Также дня одинадцатого тогожъ месеца апреля, будучи въ Лабунской волости, тамъ же вси села Лабунские спаленые, спустошоные, безъ людей и добытку, тылко самые погорелыска виделомъ. А на остатке, дня чотырнадцатого

месеца априля, въ волости Колодинской и въ волости Чернеховской будучи, и тамъ виделомъ села Колодынские и Чернеховъские, одни до половицы, а другие по части спаленые, однакъ люде и добытокъ въ нихъ выбрано, такъ ижъ мало не вси пусты, безъ людей суть, и немашъ зъ чого побору платить. Которое же то оповеданъе и возного сознанъе до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть уписано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1619, № 2437, листъ 456.

CXXX.

Жалоба пана Адама Кукольскаго на пана Матвѣя Тиминскаго о томъ, что онъ, арендовавши имѣніе жалобщиковъ, село Коначичи, притѣснялъ и угнеталъ крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. 1620 г., февраля 29 дня.

Року тисеча шестсотъ двадцатого, февраля двадцатъ девятого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ, Луцкихъ, одъ дня двадцатъ семого, месяца февраля, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судити се зачатыхъ, передо мною, Яномъ Вылежинскимъ, подстаростимъ Луцкимъ, постановивши се очевисто урожоный панъ Адамъ Куколский оповедалъ се и протестовалъ на урожоного пана Матия Тиминского о то: ижъ арендовалемъ маетность свою, заставную, въ повете Луцкомъ а въ волости Чорторыской лежачую, село Кононичe, пречоному пану Тиминскому за певную суму пенезей за шестсотъ золотыхъ Полскихъ, на летъ полътретя, которые се кончити маютъ въ року, дастъ панъ Богъ, пришломъ, тисеча шестсотъ двадцатъ первомъ, въ денъ Божого нароженя свято римское, зо всими принадлежностями: зъ гумномъ и збожемъ, въ гумне зложонымъ, на полю засеянымъ, съ подданими и ихъ повинностями, на што мы, обедве стороне, межи себе интерцызы—такъ онъ мне съ подписами

рукъ приятелъ своихъ, яко и я ему на аренду тое маетности и инвентаре, зъ обудву сторонъ, дали есмо; въ которыхъ интерцизахъ и инвентарахъ повинность и послушенство подданыхъ естъ написано. однакъ и то доложоно, же надъ тую повинностъ, которая на инвентару одъ мене пану Тиминскому подданымъ, ничого съ подданыхъ роботами не обътежаючи, о чомъ тые интерцизы и инвентаре, межи нами съ печатми и съ подписами рукъ нашихъ даные, ширей въ собе обмовляютъ. Которое интерцизы и инвентару пречоный панъ Тиминский препомневши, подданыхъ роботами не обычайными, надъ повинностъ ихъ, обътежаетъ и трапитъ, кгды жъ въ инвентару повинностъ тыхъ подданыхъ—робити въ тыждню по дний три, а онъ што день въ тыжденъ по трое выганяетъ, же собе небожята робити коли и поживенъю взяти одкулъ, презъ тяжкие роботы, не маютъ; которые, видечи великое утрапенъе и незносную роботу, подданыхъ чотыри съ тое маетности прочъ пошли, одкулъ я шкоду немалую, толко за причиною его поношу, за чимъ въ закладъ, въ интерцизе межи нами даной, заложоный, шестъсотъ золотыхъ Полскихъ, попалъ и до шкодъ мепе, за тымъ темеженъемъ и трапенъемъ подданыхъ, которые прочъ пошли, на тисечу золотыхъ Полскихъ приправилъ. Постерегаючи я теды целости, абы и вси подданые, за причиною его, съ тое маетности прочъ не розошлися, противко пречоному пану Тиминскому осведчалъ се, а въ моцъ того осведченъя своего ставилъ возного енерала воеводства Волынского, шляхетного Станислава Пяновского, который очевисто передъ урядомъ кгродскимъ ставши, ку записаню до книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: ижъ року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцатого, месеца генваря дванадцатого дня, маючи я при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Яна Брозовского а пана Матея Вербовского, былемъ посланый отъ пана Адама Куколского до маетности села Кононичъ, которую панъ Матей Тиминский арендою одъ пана Адама Куколского, въ суме шестсотъ золотыхъ Полскихъ, тримаетъ, въ справе пречоного пана Адама Куколского; тамъ же я, возный, и зъ шляхтою, при мне будучою, виделемъ халупъ чотыри, пустками стоячихъ, въ которыхъ знатъ недавно хлопи мешкали, теды пытали есмо другихъ хлоповъ, около тыхъ пустыхъ халупъ мешкаючихъ, чому бы тые халупы пуст-

ками стояли? Которые поведили: ижъ для незносныхъ и тяжкихъ роботъ, которыми насъ и ихъ панъ Тиминский трапитъ, тые сусиды наши прочъ пошли, а доколъ панъ Тиминский тую маетность будетъ тримати, а насъ такими тяжкими роботами, же надъ повинность чинити зневоляти будетъ, и вси одтоль пойдемо,—бо болшей южъ въ такой тяжкой неволи трвати не будемъ,—што я слышачи, тоею шляхтою осведчивши, съ тамтолъ прочъ одехалемъ. Што такъ а не иначей, правдиве бытъ, помененый возный сознался. И просилъ помененый панъ Адамъ Куколский, абы тая его протестация и реляция возного до книгъ принята и записана была; которая за принятьемъ урядовымъ до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записана.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2439, годъ 1620, листъ 328 на оборотѣ.

CXXXI.

Жалоба отъ имени Луцкаго епископа Андрея Липскаго на пановъ Юрія и Василія Микулинскихъ—Мелешковъ о томъ, что они съ жолнѣрами сдѣлали наѣздъ на принадлежащія Луцкому капитулу волости Торчинскую и Садовскую, въ которыхъ били, увѣчили и грабили крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. 1620 г., апрѣля 25 дня.

Року тисеча шестсотъ двадцатого, месеца априля двадцатъ пятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Марцияномъ Олшамовскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановивши се очевисто велебный въ Бозе ксендзъ Марцинъ Издебский, подзекапый катедры Луцкое, именемъ ясневелебного его милости ксендза Ендрея Липъского, зъ Липого, зъ ласки Божое бискупа Луцкого, подканцлерого коронного, всее капитулы викариовъ катедры Луцкое, ускаржалъ и

оповедалъ се на урожоныхъ Ерого, Базилего Микулинскихъ—Мелешковъ о то: ижъ они, не огледаючи се на вины, въ праве посполитомъ описаные, въ року нинешнемъ, тисечу шестсотъ двадцатомъ, зобравши купу великую людей до двохъ сотъ коней, месеца марца тридцатъ первого дня, въехавши въ волостъ Торчинъскую и Садовскую, отъ села до села, презъ дни чотыри, зо всими людми оными, самимъ тилко имена и прозвиска ведомыми и сведомыми, ездили, и по тыхъ волостяхъ, селахъ, ходечи одъ села до села, шкоды не зносные чинили, зъ гуменъ, зъ коморъ, што колвекъ одно живности захованое убогие люди мели, квалтовне брали, бидныхъ подданыхъ, у которыхъ знайдовать ничого не могли, били, мордовали и такъ вынищивши убогие подданые, а другие розогнавши зъ тыхъ волостей, одехали. За которымъ то таковымъ наеханемъ квалтовнымъ, и забраньемъ зо всего тыхъ убогихъ людей, и розогнанемъ другихъ, пошло зъ волости Садовское подданыхъ: такъ зъ села Садова подданыхъ чотырнадцати, зъ села Ордзвина подданыхъ шестъ, зъ села Кошова подданыхъ чотырохъ, зъ села Жуковца подданыхъ шестъ, зъ села Воли Садовское подданыхъ пятъ зъ волости Торчинское: зъ села Литвы подданыхъ осмъ, зъ села Буяны подданыхъ тринадцатъ, зъ села Кутовъ подданыхъ пятъ, зъ села Смошлова подданыхъ чотыри, зъ села Боратина подданыхъ чотырнадцатъ—прочъ пошли зъ великою и не оцацованою шкодою ясневелебъного ксендза его милости Андрея Липъского, бискупа, капитулы его и викариевъ Луцкихъ. О которые то таковые знищеня, спустошеня и зобраня и побитя тыхъ бидныхъ подданыхъ, а за тымъ о шкоды, которыхъ собе его милостъ ксендзъ бискупъ съ капитулою на десетъ тисечей золотыхъ Полскихъ, а ихъ милостъ капитула зособна зъ викариями на пятъ тисечей золотыхъ—шацуютъ, такъ же и о вины, въ праве посполитомъ и въ конституциихъ описаные, възвышъ реченый велебный въ Бозе ксендзъ подзеканий, именемъ ихъ милости, на противко паномъ Микулинскимъ Мелешкомъ, взвышъ меновanымъ, светчилъ се. Где тутъ же стоячи возный земский, енералъ воеводства Волынского, Янъ Русовский, доброволне созналъ тыми словы: ижъ я, будучи на справе ясневелебного его милости ксендза Ендрея Липского зъ Липого, зъ ласки Божое бискупа Луцкого, подканцле-

рого коронного, капитулы викариювъ костела катедралного Луцкого, а то за приданемъ урядовымъ, маючи при собе двохъ шляхтичовъ, пана Матияша Верцишевского, пана Вавринца Халецкого, а то въ року пинешнемъ, тисеча шестсотъ двадцатомъ, месеца априля второго дня, былемъ въ маетности ихъ милости капитулы Луцкое и викариювъ, меновите въ волости Торчинской, въ селахъ взвышъ меноваыхъ, до волости Торчинское належачихъ, такъ же въ селе Садове и приселкахъ всихъ, звышъ меноваыхъ, до Садова належачихъ, тамъже будучи, виделомъ пустокъ не мало за розогнанемъ тыхъ то подданыхъ зъ селъ поменеыхъ презъ роты, которые его милость Ерый, Базилей Микулинские—Мелешкове провадили; тамъж виделъ всихъ подданыхъ зъ селъ вышъменоваыхъ, которые вси ускаржали се съ плачемъ на противко тымъ же то ихъ милости паномъ Микулинскимъ, ижъ ихъ милостъ всю живность, которую захованую мели, такъже ярины, яко овсы, ячъмени, горохи, мяса полтовые, при томъ: плахты, платя, сермяги презъ тыхъ то жолнеровъ роты своей тымъ то подданымъ кгвалтовне брали, а некоторыхъ били, мордовали; о яковые кгвалтовные браня и грабеже, слуга ихъ милости капитулны мною, вознымъ енераломъ, и шляхтою, при мне будучою, на противко ихъ милости пановъ Микулинскимъ светчилъ се и оповедалъ,—што такъ быти а не иначей сознаваю. Которое жъ то оповедане и возного сознане до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2439, годъ 1620, листъ 1153 на оборотъ.

CXXXII.

Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ селѣ Козлиничахъ, принадлежащемъ князю Юрію Жаславскому, при чемъ удостовѣрился, что вслѣдствіе угнетенія и ограбленія крестьянъ со стороны подсудка Хелмскаго, Фридриха Подгороленскаго, они съ семьями и имуществомъ ушли изъ села, и оное опустѣло. 1622 г., апрѣля 14 д.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ второго, месеца апреля чотырнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Яномъ Козаковичомъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто шляхетный Кирилъ Островский, возъный енералъ воеводства Волынского, который, за показаньемъ передъ урядомъ нинешнимъ автентику кресованя на врядъ свой, въ моцъ правдивое своее реляцыи, ку записаню до книгъ нинешнихъ явне и доброволне созналъ, ижъ онъ, за росказанемъ яснеосвецоного кнежати его милости Ерого зъ Острога Жаславского, былъ обецне въ селе Козлиничахъ, въ повете Луцкомъ лежачое, маетности дедичное того жъ кнежати его милости, тамъ же будучи, маючи при собе, для лепшого сведецства, людей добрыхъ, шляхетныхъ пана Яна Крыницкого и пана Бартоша Лукговъского, виделъ и урядовне дня тринадцатого месеца квитня, римского календаря, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ двадцатъ второмъ, великое спустошене того села Козлиничъ и порозгонянъе подданыхъ въ томъ селе добре оселыхъ, на волокахъ седячихъ, презъ урожоного его милостъ не давныхъ часовъ змерлого пана Фридриха Подгороденъского, подсудка Хелмъского, которые, для великихъ и не зносныхъ податковъ, роботъ незвыклыхъ, и инъшихъ анкгарией, темеженя опыхъ надъ право и звычай, за причиною даня его милости пана Подгороденского, прочъ зъ жонами и детми и зъ быдломъ поутекали, и тое село Козлиничи въ нивечъ спустошилъ. А меновите: Данило, сынъ Харитона, на третийни волоки седячого, зъ

жоною и зъ детми и зъ бытомъ всимъ утекъ,; другий Сацъ Салязковичъ, на пулволоци седячий, и зъ сыномъ своимъ тяглымъ и оселымъ, подданымъ речонымъ, и Мохомъ, который зъ жоною и зъ детми и зо всимъ добыткомъ утеклъ; четвертый Матвий Мрозъ, на пулволоце, зъ жоною и зъ детми и зъ добыткомъ; пятый Кузма Кохлаевичъ, на четвертине, зъ жоною и зъ детми и зъ добыткомъ; шостый Яцко Конючичъ, на пулволоци, зъ жоною и зъ детми и зъ добыткомъ; семый Тишъко Ющеня, на волоце седячий, зъ жоною и зъ детми и зъ добыткомъ всимъ; осмый Назаровъ сынъ молодый; девятый Хведко Кудричина, зъ жоною и зъ детми; десятый Иванъ Сенковичъ, зъ жоною и зъ детми; одинадцатый Яцко Мелеховичъ, зъ жоною и зъ детми; дванадцатый Панасъ Юрковичъ, зъ жоною и зъ добыткомъ; тринадцатый Мартинъ Хорбичина зъ жоною и зъ детми; чотырнадцатый Мисковъ сынъ Курянъ молодецъ; петнадцатый Грицовъ сынъ Карпъ; осмнадцатый Савка Степановичъ, на пулволоки, зъ жоною, зъ детми и зъ добыткомъ всимъ; деветнадцатый Микита Ивашковъ сынъ Брухаловичъ, зъ жоною, зъ детми, на пулволоки седячий, и зъ добыткомъ всимъ; двадцатый Стасъ Приступа, на полволоки, зъ жоною и зъ детми и зъ добыткомъ всимъ; двадцатъ первый Шихъ, осочникъ; двадцатъ вторый Семенъ, сынъ осочника, зъ жоною и зъ детми и съ конемъ однымъ; двадцатъ третий Павлюкъ Хорбацовичъ, на полволоки, зъ жоною и зъ детми и зъ добыткомъ всимъ; двадцатъ четвертый Хведко Ноинка, на полволоки, зъ жоною и зъ детми и зъ бытомъ; двадцатъ пятый Юхимъ Конючичъ, на пулволоки, зъ жоною и зъ детми и зъ добыткомъ; двадцатъ шостый Васко Розлада, зъ жоною и зъ добыткомъ, двадцатъ семый Ярошовъ сынъ Иванъ отъ жоны прочъ пошолъ; двадцатъ осмый Панасовъ сынъ Кожуливъ Явъдей молодецъ; двадцатъ девятый Остаповъ сынъ Васко, зъ жоною; тридцатый Стасювъ Винниковъ Хведко, зъ жоною, зъ детми; тридцатъ первый Левко Мрозина Иваничичъ, зъ жоною, на полволоки седячий; тридцатъ вторый Ярошъ Карповъ сынъ молодецъ. И иншие шкоды надъ повинностъ чинилъ, а меновите: у войта яловицу надъ слушностъ безправне кгвалътомъ взялъ за золотыхъ десетъ Полскихъ; у Карпа Поповича вола за копъ чотыри Литовскихъ; у Семена Мелеховича вола за копъ чотыри Литовскихъ; у Грицка Кожулича вола

за копъ чотыри Литовскихъ взялъ; у Назара вола—копъ три Литовскихъ; у Данила Миха вола за золотыхъ десетъ Полскихъ; у Харуты вола за копъ три Литовскихъ; у Миска Головчичъ яловицу за золотыхъ шестъ Полскихъ; у Андрея Мелеховича яловицу за золотыхъ шестъ Полскихъ, у Ивана Лечевича вола за копъ три Литовскихъ—кгвалтовъне взялъ и на свой пожитокъ обернулъ; у Уляша вола за копъ три Литовскихъ; у Паръхома яловицу за золотыхъ шестъ Полскихъ; у Тимоша яловицу за золотыхъ шестъ Полскихъ;—орати ихъ примушалъ; надъ повинности опыхъ гналъ до села своего килка миль до Веръбое, подъ Володимеръ; одъ кождого поддапого, надъ звычай и повинностъ, по куру зъ дыму выбирати росказалъ,—а кгды самъ его милостъ панъ Подгороденский чипши приехалъ выбирати, завъше перемешкивалъ две педели, зъ слугами своими и зъ жоною, зъ шкодою великою убогихъ поддапыхъ: першого часу десетъ копъ Литовскихъ напилъ, а другого часу семъ копъ Литовскихъ, яловицу взялъ и до дому повезлъ и иншие стравные речи, што не могъ съ челядю стравити, до дому своего села Вербое казалъ отпровадити; слуги его милости гусей осмеро, по селу ходячи, своволне и кгвалтовне били и брали. О которые вси шкоды, укрывженя и уруганя, такъже анкгарие вшелякие, урожоный панъ Матей Барчевъский, слуга яснеосвецоного кпежати его милости Ерого зъ Острога Жаславского, именемъ тогожъ кпежати его милости, пана своего, мною, пречепымъ вознымъ, Кирикомъ Островскимъ, и шляхтою вышей помененою, противко урожонымъ его милости пану Фридрихови Подгороденскому, подсудкови Холмскому, недавного часу змерлого, такъже сукъцесоромъ позосталымъ его милости: ее милости панее Александре Потесовне Подгороденской и Владиславови, Станиславови и иншимъ сыномъ, которые въ позвахъ по имепю и прозвиску будутъ выражоны, соленитеръ се протестовалъ, оферуючи княжати его милости о то все правъце чипити часу своего инъ форо фори. Што такъ а не иначей быти сознаваю, просечи, абы тая реляция моя до книгъ нинешнихъ была записана и принята,—што есть записано и принято.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2444, годъ 1622, листъ 77.

CXXXII.

Жалоба пана Марка Гулевича на Минскаго воеводича, Казимира Паца, о томъ, что онъ, собравъ толпу около тысячи человѣкъ людей изъ шляхты, лисовчиковъ, бояръ, мѣщанъ и крестьянъ своихъ имѣній Чорторыйска и Володимерки напалъ на село жалобщика называемое Окно, оное взялъ штурмомъ, сжегъ панскій дворъ, корчму и крестьянскіе хаты, убилъ нѣсколькихъ слугъ—шляхтичей, при чемъ одному изъ нихъ велѣлъ отрубить голову, ограбилъ имущество какъ жалобщика, такъ и крестьянъ села Окна и онос совершенно разорилъ и опустошилъ; кромѣ того убилъ нѣсколькихъ крестьянъ, трупы которыхъ были брошены въ огонь, а другихъ изъ крестьянъ велѣлъ повѣсить. 1622 г., іюля 8 дня.

Донесеніе вознаго, производившаго дознаніе по вышеозначенному дѣлу. 1622 г., іюля 21 дня.

а) Року тисеча шестсотъ двадцать второго, месеца іюля осмого-надцатъ дня.

До уряду и книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Луцкихъ, до мене Яна Козаковича, буркграбего и наместника подстароства Луцкого, обличьне, заледво приподши, урожоный панъ Марко Гулевичъ именемъ своимъ и именемъ малжонки своее, панее Изабелы Раецкого, протестовалъ и зъ великимъ жалемъ скаржилъ и оповедѣлъ се на пана Яна—Казимира Паца, воеводича Минъского, яко принципала нижей меноваиого злого и непристойного учинку, о то: ижъ тотъ то принципалъ, панъ воеводичъ Минский, взявши передъ собе злый а непристойный замыслъ, препомънявши боязни Божое и срокгость права посполитого, и згордивши тымъ всимъ, што се шляхте учтивой захована пристоитъ, прибравши собе на помочъ помочниковъ не мало, меновите: Миколаевую Кграбовецкую, которая радою и за шпикга даючи ему о мне знати где ся оборочаю и резидую, и сыновъ ее, яко помочниковъ, меновите Яна и Адама Кграбовецкихъ, ку тому немало всю шляхту, которые въ Чорторисчине маютъ . . . . . держатъ, меновите пановъ: Миколая Трацевского, вознаго Дужого, Мордвиновъ двохъ, Ивана, Александра, Григоря Колибинскихъ, людей своволныхъ, ли-

совчиковъ чоловѣка петдесятъ, и иного розмаитого служалого люду езды, пехоты, бояръ, стрелцовъ, месчанъ и подданыхъ зъ местъ своихъ Чорториска и Володимерка и съ приселковъ, до нихъ належачихъ, собе имены и прозвиски лепей знаемыхъ, которыхъ всихъ до бою было болшъ тисеча чоловѣка, набравши делъ зъ замку Чорториского, гаковницъ и иншое огнистое стрелбы, неодповедне року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцатъ второго, месеца июля осмого дня, наехавъши моцъно, кгвалтомъ, конъно, збройно, яко якие неприятели крижа светого, съ тымъ всимъ войскомъ на маетность нашу, село Окно, называемое Волю Куколъскую, и на дворъ нашъ, въ ней будучий, въ которомъ мене зъ малжонкою моею, яко безпечного чоловѣка, несподиваючогось не толко то одъ того то пана Паца, але и ни отъ кого жадное неприязни, заставши, и дворъ вколо людомъ огорнувши, онымъ зъ делъ и зъ гаковницъ казалъ стрелять, а самъ до двора съ килкосетъ езды зъ окрыкомъ великимъ впадши, зъ ручное стрелбы у вокна до избъ, не хотечи никого живити, стрелялъ; а ижемъ мелъ кони седланые у дворе, бомъ мелъ на тотъ часъ на Волынъ ехати и зъ челедю, штомъ мелъ при собе у дворе, яко могучи, боропиломъ се; которой навалности войска великого, не могучи се у дворе оборонити, въ тыле двора одъ лиса проламавши плотъ, самошостъ оборонною рукою, будучи одъ стреляня ображоный, и ухоженю ранъный, до леса ушолъ. Тогды тотъ то панъ Казимеръ Пацъ, зъ помочниками своими и зо всимъ войскомъ, яко вышей уламавшись и впадши въ дворъ, челядь мою, шляхтичовъ учтивыхъ, забияли, били, мордовали, секли, трохъ шляхтичовъ на смертъ забили, меновите: одного Яна Заливаку рострелляли и голову его му утяли, другого шляхтича учтивого Павла Нетелского, третего Андрея Гуляницкого, возницъ, машталеровъ, Василья возницу, Грицка кухара, Андрея боярина,—тыхъ всихъ побили и помордовали, такъ тежъ и приятеля моего, шляхтича учтиваго, Петра Гуляницкого,—того збивши, змордовавши и поранивши, звезавши, зъ собою взяли, и не ведаю до того часу — где онъ естъ; а малжонку мою, панюю Изабелу Раецкого, которая толъко въ сподничъце зъ двора уходила, Кграбовецкие припадши до малжонки моее, то естъ Янъ Кграбовецкий—перстенки съ палъца, одинъ зъ диаментомъ, другий изъ шафи-

ромъ—коштовали полтораста золотыхъ Полскихъ, а другий Стефанъ Кграбовецкий—изъ шии ланъцужокъ, въ которомъ было тридцатъ червоныхъ золотыхъ,—зорвали и межи себе все розделили. Тамъ же у дворе, што одно было убогого скарбцу грошей готовыхъ, взяли три тисечи золотыхъ Полскихъ, шкатулку, клейноты взяли, ланцуховъ золотыхъ пятъ: у одномъ ланцуху золотыхъ червоныхъ было сто тридцатъ, въ другомъ было деветдесятъ червоныхъ золотыхъ, въ третемъ было червоныхъ осмъдесятъ и два, въ четвертомъ было золотыхъ червоныхъ пятдесятъ, въ пятомъ сорокъ шестъ было червоныхъ золотыхъ, корону, штуками саженую,—штукъ сорокъ и зъ каменьми, купленую за полтретяста золотыхъ Полскихъ, манели, которые важили двадцатъ полтретя золотыхъ червоныхъ, другие манели изъ штуками, купленые за десятъ золотыхъ червоныхъ, шаты изъ скрини, одлупывши скрыню, побрали: шаты, копенякъ мой аксамиту зеленого, локотъ по девяти золотыхъ куплено, въ которомъ было ушито локотъ осмънадцатъ, рысами подшитый, пултора блама футра было ножкового, купленого за полчетвертаста золотыхъ Полскихъ, петлицъ две великихъ злотыхъ зъ кгузами перловыми, купленые за шестдесятъ золотыхъ Полскихъ, шнурекъ злотый въ коло локотъ по пулъзолотого, ферезию кгранатовую, белымъ атласомъ подшитую, изъ шнуркомъ золотымъ, петълицы золотые, кгузы перловые коштовали полтораста золотыхъ Полскихъ, доломанъ аксамиту червоного кармазину, локотъ въ немъ полъосма, локотъ по десети золотыхъ куплено, златоглавомъ червонымъ подшитый локотъ пятъ по дванадцатъ золотыхъ локотъ куплено, кгузиковъ золотыхъ пултора тузина и зъ рубинками, за осмъдесятъ золотыхъ куплено, доломанъ белый, атласовый, китайкою червоною дуплею подшитый, увесъ шнурокъ золотый, кгузиковъ сребрныхъ позлотистыхъ пултора тузина, коштовалъ доломанъ осмъдесятъ золотыхъ Полскихъ, ферезыю фалендышовую лязуровую, лисими хрибътами подшитую, съ петлицами, коштовала семъдесятъ золотыхъ Полскихъ, ферезыйку лязуревую фаленъдышовую, зъ белыми петлицами, подшитую баею, коштовала тридцатъ пятъ золотыхъ Полскихъ; въ той же скрини рядъ срибный позлотистый съ туркусами, купленый за триста золотыхъ Полскихъ, палашъ тогожъ ряду, сребромъ оправный, съ туркусами, за сто золотыхъ Полскихъ

купленый. Панее скриню другую одлупивши, хусты белые, хусты гафтованые злотомъ, шитые едвабемъ, постелъ, насынъки китайчаные, шаты,—то все побрали, меновите взяли: летникъ аксамитный, карминовый, и шталтъ и рукавы съ перлами гафтовано, пасаманы злотые, широкие, въ килка рядовъ на доле брамованый, коштовалъ полтретяста золотыхъ Полскихъ; летникъ аксамитъный, чорный, пасаманы сребрными обложоный, коштовалъ сто золотыхъ Полскихъ, летникъ синий китайки дупли, коштовалъ осмъдесятъ золотыхъ Полскихъ, пласчъ чорный, аксамитный, соболцами подшитый, обложоный пасаманами сребрными, съ петлицами сребрными, коштовалъ двесте золотыхъ Полскихъ, пласчиковъ два аксамитныхъ, чорныхъ, одинъ рысями подшитый, другий соболцами, коштовали обадва сто золотыхъ Полскихъ, шапъка боброва тридцатъ золотыхъ Полскихъ, другую шапъку соболцовую, купленую за петдесятъ золотыхъ Полскихъ, коберцовъ адрямевихъ (sic) шестъ, по сороку золотыхъ Полскихъ купленые; ку тому, цинъ, мидъ, бани горилчаные, пивный котелъ—болшей ста золотыхъ коштовало, возниковъ сивыхъ шестъ взяли, купленыхъ за шестсотъ золотыхъ Полскихъ, кариту за сто золотыхъ купленую взяли, шоръ тридцатъ золотыхъ Полскихъ коштовалъ, стрелба: мушкеты, яничарки, кроткие ручницы штукъ двадцатъ—полтораста золотыхъ Полскихъ; въ стани коней езныхъ взяли чотыри: кунъ сивый, турский, купленый за триста золотыхъ Полскихъ, дрикгантъ вилчатый, турский, купленый за двесте золотыхъ Полскихъ, валахъ сивоябъковитый, купленый за полтораста золотыхъ Полскихъ, конъ вороный, купленый за сто золотыхъ Полскихъ. У дворе на гори взято солонины полтей петнадцатъ, полотъ по два золотыхъ, салъ осмъ по два золотыхъ Полскихъ; на фолварку взяли быдла рогатого семъдесятъ: воловъ дванадцатъ, каждый волъ по десети золотыхъ стоялъ, коровъ шестнадцатъ и съ теляти, шацункомъ по десети золотыхъ Полскихъ, телицъ третячокъ двадцатъ, шацункомъ по шести золотыхъ, быковъ дванадцатъ, шацунъкомъ по шести золотыхъ, озимковъ десетъ, шацунъкомъ кождое по три золотыхъ, свиней бутанъскихъ (sic) петнадцетъ, шацункомъ кождая по три золотыхъ Полскихъ, гусей петъдесятъ по шести грошей Полскихъ,—то все зъ двора и зъ дворца выбравши, вылупивши, выхалупивши, дворъ

запалили,—трупы побитыи, возницу, кухара и боярина у въ огонъ уметали, а трохъ шляхтичовъ побитыхъ тила до Чорторыйска отвезли и не ведати где подивали. Тамъ же, впадши другии до села, подданыхъ—одни зъ остраху въ лесъ поутекали, другие, которые не поутекали, на смертъ позабияли, корчму запаливши, тела побитыхъ подданыхъ въ огонъ повкидали и спалили, и што одно было у подданыхъ маетности, такъ въ коморахъ, яко и въ оборахъ, выбрали, выхалупили, халупы инъшие попалили, другихъ подданыхъ поймавши, повешали, ово незвычайные морды, розлянье крве, тиранъско окрутне чинили, же турчинъ бесурменинъ того не чинитъ. А то меновите: самого подданого моего Анътопа, поймавши за селомъ моимъ, повесили, маетностъ его побрали, вылупили: воловъ чотыри взяли, по ляти копъ грошей Литовскихъ купленые, коровъ две съ теляты, по десети золотыхъ Полскихъ купленые, овецъ сорокъ, кождая овца куплена по петдесятъ грошей Полскихъ, козъ десетъ по полъкопы грошей Литовскихъ, коня за двадцатъ золотыхъ Полскихъ купленого, вепровъ два по пети золотыхъ Полскихъ, грошей взяли въ комори, скриню одбивши, двадцатъ копъ грошей Литовскихъ, хустъ белыхъ, сермягъ, кожуховъ, плахотъ, начинъя,—тое все, въ куну скупивши, стояло сорокъ золотыхъ Полскихъ; Труша поймавши, збили, зранили, а по збитью, вышедши за село, повесили, маетностъ што одно было въ дому у того подданого, вылупили, выхалупили, отбивши скриню въ комори, готовыхъ грошей взяли копъ сорокъ, кгермакъ луньский коштовалъ двадцатъ золотыхъ, кожухи, плахты, копуды, сермяги, постелъ, начинъе домовое, все посполу скупивши, на сорокъ золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ шестъ, кождый волъ купленый по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ три съ теляты, купленые кождая по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ двадцатъ, куплепая кождая по петдесятъ грошей Полскихъ, козъ десятъ, по полъкопы грошей Литовскихъ кождая куплепая, клячъ две, по двадцати золотыхъ Полъскихъ купленые, жеребца четвертака, стоялъ десети копъ грошей Литовскихъ; Васка Свисчика збили, зранили и съ собою, звезавши, повели, и не ведати есче где его подели; маетности, што было въ дому, выграбили, вылупили, уламавшись въ бодни готовыхъ грошей взяли копъ осмъ, хусты белые, кожухи, сер-

мяги, постелъ, плахты, начинье домовое—все, посполу скупивши, на тридцатъ золотыхъ; у въ оборе взяли: воловъ чотыри, кождый волъ купленый по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ две съ теляты, купленые по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ двадцатъ, кождая купленая по петъдесятъ грошей Полскихъ, козъ дванадцатъ, кождая купленая по полъкопы грошей Литовскихъ, вепровъ два по пети золотыхъ Полскихъ, коня взяли, за десетъ копъ грошей Литовскихъ купленого,—и тое все выбравъши, выхалупивши, и халупу ему спалили; у Васка Жигаровича, въ комори отбивши скриню, взяли: грошей готовыхъ копъ дванадцатъ, кгермакъ луньский, коштовалъ петънадцатъ золотыхъ Полскихъ, хусты белые, кожухи, плахты, сермяги, постелъ,—то все, посполу скупивши, на двадцатъ золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ чотыри, кождый волъ купленый по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты две, купленые по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ двадцатъ, кождая купленая по петъдесятъ грошей Полскихъ, козъ десетъ, купленые кождая по полъкопы грошей Литовскихъ, клячу купленую за десетъ копъ грошей Литовскихъ; у войта, отбивши въ комори скриню, взяли: грошей готовыхъ копъ петъдесятъ, кгермаковъ луньскихъ два, коштовали по двадцати золотыхъ Полскихъ, хусты белые, кожухи, сермяги, постель, плахты, начинье домовое, скупивши все посполу, на сорокъ золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ шестъ, купленые по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты пятъ, кождая куплена по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ сто, кождая овца по петдесятъ грошей Полскихъ, козъ двадцатъ по полкопы грошей Литовъскихъ, клячъ две, кождая купленая по десети копъ грошей Литовскихъ, быковъ трехъяковъ чотыри, кождый коштовалъ по шести золотыхъ Полскихъ, вепровъ три, кождый по пети золотыхъ; у Паценятъ, отбивши скриню въ комори, взяли: грошей готовыхъ копъ тридцатъ, хусты белые, кожухи, сермяги, плахты, постель, начинье домовое, все посполу скупивши, на тридцатъ золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ чотыри, кождый волъ купленый по шестъ копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты три, кождая купленая по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ сорокъ, кождая по петъдесятъ грошей Полскихъ купленая, козъ дванадцатъ, кождая по полкопы грошей Ли-

товскихъ, коня, купленого за дванадцать копъ грошей Литовскихъ, вепровъ два, по пети золотыхъ Полскихъ коштовали; у Войгната, въ комори бодню одбивши, взяли: готовыхъ грошей копъ шестъ, хусты белые, кожухи, сермяги, постелъ, плахты, начинье домовое, все посполу скупивъши, на дванадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ два, купленые по шесть копъ грошей Литовскихъ, корову съ телямъ, купленую за десетъ золотыхъ Полскихъ, быковъ третяковъ два, купленые по шести золотыхъ Полскихъ, клячу, купленую за осмъ копъ грошей Литовскихъ, овецъ тридцатеро, кождая куплена по петъдесятъ грошей Польскихъ, вепра за пятъ золотыхъ Полскихъ; у Дроня, въ комори бодню отбивъши, грошей готовыхъ взяли копъ осмъ, хусты белые, кожухи, сермяги, плахты, постелъ, начинье домовое, посполу все скупивъши, на тридцать золотыхъ Полскихъ, кгермакъ лунский, коштовалъ двадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ три, купленые по шести копъ грошей Литовскихъ, коровъ две съ теляты, купленые по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ десетеро, купленые по петъдесятъ грошей Полскихъ, козъ шестеро, купленые по полкопы грошей Литовскихъ, коня, купленого за десетъ копъ грошей Литовскихъ; у Павла, въ комори скриню розбивши, взяли: готовыхъ грошей копъ двадцать, хусты белые, кожухи, сермяги, плахты, постелъ, посполу все скупивши, на двадцать золотыхъ Полскихъ; у въ оборе взяли: воловъ шестъ, кождый купленый по шесть копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты три, по десети золотыхъ Полскихъ купленые, овецъ тридцать, кождая купленая по петдесятъ грошей Литовскихъ, козъ дванадцать, по полкопы грошей Литовскихъ купленые, клячу, за двадцать золотыхъ Полскихъ купленую, вепра, за пятъ золотыхъ Полскихъ купленого; у Илка, въ комори бодню розбивши, взяли: готовыхъ грошей копъ десятъ, хусты белые, кожухи, сермяги, плахты, постелъ, въ купу все злучивъши, на петнадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ два, купленые по шестъ копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты две, купленые по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ дванадцать, кождая купленая по петдесятъ грошей Полскихъ, козъ десетъ, купленые по полкопы грошей Литовскихъ; у Решутника— самого зранили, збили, домъ спалили, дитину малую въ колысце спа-

лили, и што одно въ дому томъ было, выбрали, выхалупили, меновите, въ комори, бодню розбивши, взяли: грошей готовыхъ копъ десять, хусты белые, кожухи, сермяги, плахты, постелъ, начинье домовое, все посполу злучивъши, на двадцать золотыхъ Полскихъ; въ оборе взяли: воловъ чотыри, купленые по шестъ копъ грошей Литовскихъ, коровъ съ теляты две, купленые по десети золотыхъ Полскихъ, овецъ двадцать, кождая купленая по петдесять грошей Полскихъ, козъ дванадцать, купленые по полкопы грошей Литовскихъ, веприовъ два, по пети золотыхъ Полскихъ. До того, пославши въ поле, где одно было быдла хлопъского—воловъ, коровъ, телятъ, овецъ, козъ, свиней,—тое все взяли и потрабили, въ нивечъ село все обернули, злупили и сплюндровали,—и хлоповъ, однихъ повезавъши, съ собою до Чорторыска попровадили, а другие съ голоду прочъ се розошли, а село пустками учинили. Яко жъ и теперъ, на кождый денъ, подсылаетъ подъ село,—где што найдутъ остатковъ, берутъ, плюндруютъ; а мало есче па томъ маючи, впадши до Куколъ старого села, тамъ же што мое подданые, которые не есть въ поссесии Кграбовецкий, съ наводу и указываня самыхъ Кграбовецкихъ, где который поддапый мой мешкаетъ, оныхъ, которыхъ застали въ дому, нобили, помордовали, маетности ихъ, такъ въ коморахъ яко и въ оборахъ, полупили, побрали, жито на полю, такъ мое дворное яко и хлопъское, пожали, побрали, и зъгола маетность намъ всю въ нивечъ обернули. И то все тотъ то панъ воеводичъ Минъский, принципалъ, съ тыми всими помочниками своими, побравши, полупивши, домъ мой шляхетский окрвавивши, и дворъ самый, корчму, и халупъ килка на селе огнемъ умыслъне до сценту спаливши, одповедъ и пофалку на здоровье мое учинивши, тотъ грабежъ место лупу до замку своего Чорторыского отпровадилъ и на пожитокъ свой обернулъ. Чимъ есче не контентуючись, о самого мене проважне се стараетъ и шпеговъ мети не переставаетъ, передъ которыми заледве съ лесовъ тамошнихъ, за охороною Божою, ночъми укриваючися, до вряду вашей милости теперъ доставъшись, то все такъ, яко се стало и деяло, вашей милости доношу, съ которымъ и съ кимъ будетъ належало, за взятъемъ ведомости достаточъное о иншихъ помочникахъ и кривдахъ—хто бы ему на помочъ посылалъ, бо теперъ,

для небезпечъного здоровъя моего, не могу взяти жадное ведомости о именяхъ и прозвискахъ тыхъ помочниковъ, собе и малжонце своей зоставивши волное чиненъе правомъ въ судехъ належныхъ, яко справа прыйдетъ и поправу протестации, была ли бы того потреба. Теперъ прошу о приданъе возныхъ на огледанъе спаленъя двора, корчмы и килка халупъ на селе, сплюньдрованъя села, побитя, помордованъя и повешанъя людей. Которому я на то все возныхъ енераловъ, съ повинности своее, водле права, придалъ есми. По написанью тое протестацыи дано ми зъ Гуляникъ знать, же малжонка моя естъ борзо хора, невемъ—если будетъ жива, а то отъ тыхъ страховъ и утронъченъя на тотъ часъ,—бомъ есче ее самъ до того часу не видалъ. И просилъ помененый его милостъ панъ Гулевичъ, абы тая протестация его принята и до книгъ вписана была; которую я, врядъ, принявши, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати казалъ,—и естъ записано.

Б) Року тисеча шестсотъ двадцатъ второго, месеца июля двадцатъ перваго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Яномъ Козаковичомъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто возный енералъ, шляхетъный Семенъ Яроцкий, ку записанью до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, созналъ тыми словы: маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, пановъ Захарияша и Яна Гуляницкихъ, будучи мне приданымъ отъ уряду кгродского, Луцкого, на справу и потребу пана Марка Гулевича, року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцатъ второго, месеца июля тринадцатого дня, ездиломъ до маетности его милости села Окна, называемую Волю; тамъже, колимъ приехалъ до села, не засталомъ никого въ селѣ—якъ пустки было. Потомъ, севши намъ на коней, почали волаты: же бы се не бояли, абы выполъ хто до насъ; тогды, по малой фили, зъ огорода, зъ конопелъ, выполъ до насъ урядникъ его милости пана Марка Гулевича, панъ Войтехъ Карнипъский, раньный, и дворничка Каска,—почалихмо пытати: што се то деетъ?—видимо яко перестрашоные люди ледво могли мовити,—и поведили передъ нами: ижъ панъ Казимеръ Пацъ, воеводичъ Минъ-

ский, наехавъши пана нашего зъ войскомъ великимъ, такъ пешимъ людомъ яко и ездою, зъ делми, зъ гаковницами, до двора штурмовали, челядь, пахолковъ позабияли, другихъ поранили и тела зъ собою до Чорториска попровадили, а другихъ тела побитыхъ тамъже заразъ въ огонь повкидали, а панъ нашъ, яко маемъ ведомостъ, же ушолъ рапъный,—маетности, што одно было панъское у дворе, побрали, такъже ижъ на дворци и теперъ, поведили передъ нами, десетъ ихъ было, остатки выбираютъ, што се остало: гуси, куры, телята, свини; и такъ уже килка день воюютъ,—не маемъ покою и крыемся предъ ними. И потомъ килка подданыхъ вышло до насъ зъ села,—пыталисмо кого бы забито?—поведили передъ нами, ижъ забыто: Яна Заливаку, Павла Нетельского, Андрея Гуляницкого, Василя возницу, Грицка кухара, Андрея боярина, — тыхъ трохъ побивши въ стайни у дворе, въ огонъ тела повкидали и попалили. И указалъ намъ дворъ спаленый, который то дворъ спаленый видили есмо до сченту—кулъ на кулу се не осталъ, ено есче на пожозе огонъ курилъ. Потомъ привелъ насъ до местца того, где корчма стояла, и указалъ, ижъ тутъ корчма была и спалили; видилисъ есмо огниско не малое,—есче се огонъ курилъ, печи попаданые, поливаные, где пекарня была и тамъ печъ стояла, столпы есче недогорелые курили се. Потомъ повелъ насъ на село, и указалъ намъ халупу спаленую,—поведилъ хлопъ передъ нами, Решотникъ Сенко: ижъ штомъ мелъ маетности, такъ въ комори яко и въ обори, одъ мала до вели, то ми все побрали и домъ спалили, дитя ми въ пелюхахъ съ корчмою спалили. Потомъ привелъ насъ до Анътона Трача; указалъ ми халупу его спаленую на коренъ, где поведила жона того Анътона, ижъ мужа ее поймали и тамъ въ пусчи его повесили, маетностъ усю забрали. У Труша Хилченяти указалъ намъ урядникъ халупу до сченту спаленую, и жона его поведила: ижъ маетностъ ми, счо одно было въ дому, то ми побрали, и мужа моего, звезавъши, взяли, и поведаютъ, же его повесили. До того тежъ ми урядникъ и мужеве поведили, ижъ Миска Чолника а другого Васка Терешковича побили и помордовали, и тела ихъ, запаливши корчму, въ огонъ повкидали и попалили. Видиломъ тежъ у Яцка рану кривавую на головѣ, у другого Шимка, подданого Воленского, на позе рану, на

колени тятую. Потомъ насъ водилъ урядникъ тамошний по всему селу, где есмо видили у каждой халупе и въ дому, въ коморахъ, двери выбитые, скрини, бодни порубано, праве все село до кгрунту спустошоно и выбрано,—жехмо не застали въ жадной халупе ничого, ено жонки, дети, крикъ а плачъ. Потомъ поехали есмо до старого села Куколъ; тамъ же есмо на частъ его милости пана Марка Гулевича въ селе Кукляхъ видили есмо у подданыхъ его милости у халупахъ, въ коморахъ, двери полупаные, которые подданые поведили: ижъ за наводомъ панее Кграбовецкое и сыновъ ее, слуги и гайдуки пана Казимера Паца, штохъ мы одно мели въ коморахъ, то все выбрали, выграбили; такъ тежъ што есмо мели быдла, такъ рогатого яко и не рогатого, то все въ насъ побрали и ни при чомъ насъ зоставили,—ледво есмо сами отъ такого кгвалту зъ жонами, зъ детми, въ лесъ повтекали. Указовалъ ми тежъ панъ Марко Гулевичъ рану въ боку стриленую, которую есмо видили на правомъ боку не барзо шкодливую. Въ Гуляпикахъ намъ указовалъ . . . . до Куколъ поехали; якожъ на Воли Куколской урядникъ пана Марковъ, указавши намъ и самъ Карпинский голову, гдехъ мы видели у него въ голове, на правомъ боку, рапу барзо шкодливую,—и поведилъ намъ: ижъ тотъ то наездъ и кгвалтъ, побите слугъ и подданыхъ, побранье маетности, такъ панское яко и силское, спаленья двора, корчмы и села, стало се то за наяздомъ кгвалтовнымъ самого пана Казимера Паца, воеводича Минъского. Притомъ тежъ поведилъ намъ тотъ урядникъ, ижъ ми пришла вистъ теперъ, ижъ пана Петра Гуляницкого, который приехалъ былъ изъ Серхова и отпочивалъ коню и собе у корчме, на тотъ часъ поймано его было, и тамъ до Чорторыска попровадено, и праве подъ Чорторыскомъ его стято, и тило его у болото утоптано. Што не иначей было, штохми видели и слышали отъ урядника и мужиковъ, правдиве до уряду вашей милости доношу. И просилъ вышъменованый возный, абы тая его реляцыя до книгъ была принята и записана; што я принявши, записати казалъ,—и естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2444, годъ 1622, листы 549 и 563 на оборотъ.

CXXXIV.

Жалоба пани Чолганской на старосту Межирицкаго, пана Радзиминскаго, о томъ, что онъ не оказалъ помощи людямъ, посланнымъ въ погоню за крестьянами Чолганской, уведенными неизвѣстными людьми, когда ихъ догнали въ Межиричѣ. Возный подтверждаетъ справедливость жалобы. 1623 г., февраля 7.

Року тисеча шестсотъ двадцать третего, месеца февраля семого дня.

Писала и присылала на врядъ кгродский, Луцкий, до мене, Александра Малиновского, будучого на тотъ часъ наместника подстароства Луцкого, урожоная ее милость пани Маруша Боговитиновна со Козыродъ Адамовая Чолганская шляхетного Миколая Сычевского, возного енерала воеводства Волынского, жалуючи и протестуючи се на урожоного пана Яна Радзиминского, старосту Межирецкого, о томъ: ижъ року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцать третего, месеца генвара зъ дня двадцать первого на день двадцать вторый, въ ночи, праве о полночи, килкадесятъ чоловика выкотцовъ зъ рознымъ оружемъ, войне належачимъ, знать откулсъ зъ Украины, не ведати съ чиего росказаня, приехавши до маетности ее милости панее Чолганское дедичное, до села Колесникъ, одни верхами, а другии санями, по именахъ и прозвискахъ скаржучой незнаемыхъ, для выкоченя поданыхъ ее милости панее Чолганское Колесницкихъ; яко жъ поддаными ее милости пяти Колесницкихъ, зъ жонами, зъ детми и зо всими ихъ маетностями, тые выкотцы выкотыли и зовсимъ забрали, меновите Валенту и сыновъ его чотырохъ: Сергия, Тишка, Ивана и Олексу. А кгды южъ день былъ двадцать третий генвара, постерегши о таковомъ выкоченю и шкоды ее милости панеи Чолганское, урядникъ ее милости Колесницкий, Миколай Жирицкий, взявши и следъ и ведомостъ о тыхъ поддаными и о выкотцахъ, на которые местца ихъ провадили, взявши зъ собою вышъменованого возного, и тылко двохъ бояровъ Колесницкихъ, Васка и Исая, въ погоню се

за тыми подданными и выкотцами пустилъ; которыхъ то подданыхъ Колесницкихъ, вышъменованыхъ, зъ жонами, зъ детми и зо всими ихъ маетностями, и тыхъ всихъ выкотцовъ въ самомъ месте Межиречу, маетности княжны ее милости Яхимовое Корицкое и потомковъ его милости княжати Яхима Корецкого, княжатъ Корецкихъ, застали; которыхъ то подданыхъ и зо всими ихъ маетностями и тыхъ выкотцовъ презъ возного, вышъменованого Миколая Сычевского, вышъменованому пану Радзиминскому, старосте Межирецкому, урядовне припоручали, и зо всимъ ихъ арештовали, и о помочъ просили; который то панъ Радзиминский, жадного припорученя и арештованя тыхъ подданыхъ и выкотцовъ не принявши, и жадное помочи не давши, и овшемъ еще помочи болшей тымъ выкотцамъ придалъ, и тыхъ усихъ пяти подданыхъ вышъменованыхъ, зъ жонами, зъ детми и зо всими ихъ маетностями, выпровадити зъ места казалъ, а въ пречоного урядника протестуючее и въ тыхъ двохъ бояровъ кони и пулгаки въ месте Межиречу побрати казалъ и не ведати—если на свой пожитокъ обернулъ, албо тымъ выкотцомъ кони и пулгаки подавалъ; а одного боярина, на име Исая, тые выкотци, не ведати съ чиего росказаня, поймавши и руки назадъ зевезали, и зъ места Межиреча посередъ дня повели, и не ведати и до сего часу—где его подели. О што все ее милостъ пани Чолганская оферовалась съ паномъ Радзиминскимъ, иле съ права прийдетъ, правне чинитъ. А объясняючи тую протестацию ее милости панее Чолганское, тужъ очевисте передъ мною на вряде ставши, вышъменованый возный, Миколай Сычевский, то все, яко се вышъшей въ протестации поменило, такъ а не иначей, правдиве бытъ до книгъ созналъ, и то все очевистымъ сознанемъ своимъ ствердилъ. И просилъ помененый возный, абы тая протестацыя и его реляция до книгъ была принята и записана,—што естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2445, годъ 1623, л. 143.

CXXXV.

Жалоба пана Незабитовского, войта имѣнія жены Виленского воеводы Анны Ходкевичевой м. Краснаго Ставу, на урядника имѣнія Волынского воеводы, князя Януша Жаславского, Григорія Могульского, о захватѣ земель и уничтоженіи большой дороги, причемъ, въ видѣ угрозы для желающихъ ѣздить по этой дорогѣ, поставлена висѣлица. Возный подтверждаетъ справедливость жалобы. 1623 г., іюня 1.

Року тисеча шестсотъ двадцать третего, месеца июня першого дня.

Присылалъ на врядъ кгродский, Луцкий, до мене, Александра Малиновского, будучого на тотъ часъ наместника подстароства Луцкого, и книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Луцкихъ, возного енерала, шляхетного Мартина Хицкого, шляхетный панъ Миколай Незабытовский, войтъ местечка Красного Ставу, и слуга ясневелможное ее милости панее Анѣны на Острогу Яновое Кароловое Ходкевичовое, воеводиное Виленское, именемъ ее милости панее своее пречоное, оповедаючи и осведчаючы кривде ее милости нижей менованые, въ тотъ способъ: ижъ шляхетный Кгрекгоръ Мочулский, урядникъ Малого Корчика, маетности ясневелможного пана его милости, пана Януша княжати Жаславского, воеводы Волынского, тутъ въ повете Луцкомъ лежачого, ижъ за волею и росказанемъ его милости пана воеводы Волынского, пана своего, въ року теперешнемъ дорогу стародавную звыклую и гостинецъ, зъ розныхъ местцъ черезъ место Красный Ставъ, а передъ тымъ Хлапотинъ названого, идучую до места Жаславля и на Украину, черезъ село Хоровецъ и далей на села волостей Заславскихъ, на урочища певные, которыми здавно ездзивано, то есть на урочище Идруку, албо речку, названую Калиновку, до Менковецъ, а зъ Менковецъ до Заславя,—зарубалъ и закопалъ и ездити онымъ такъ людемъ гостинымъ, яко и месчаномъ Красноставскимъ забороняетъ, чинечи имъ розмаитые кривды; и тую дорогу и гостинецъ одъ пречоного миста Красного

Ставу одворочаетъ и губитъ, а до местечка пречоного Малого Корчика и на иньший села наворочаетъ, ку великой кривде и шкоде и знисченю места пречоного Красного Ставу, и ку затлуменю границы зъ местечкомъ Корчикомъ, маетности пана своего, а местомъ пречонымъ Краснымъ Ставомъ ее милости панее воеводиное Виленъское. Шибеницу на помененомъ урочисчу и кгрунте Красноставъскомъ поставити казалъ; который кгрунтъ и урочисче належитъ до маетности Березовское, а на другомъ урочисчу, у речки Свидовки, кгрунтъ, который такъ по ричку Свидовку отъ Красного Ставу, яко и на другую сторону ажъ до городиска, подле Корчика новоосажоного, лежитъ, ку Козловому борку, здавна былъ въ уживанью славное памети княжати его милости пана воеводы Киевского, а теперъ, за держаня ее милости панее воеводиное Виленское, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ двадцатъ второмъ, розными днями на весне, за росказаньемъ и ведомостю княжати его милости, пана воеводы Волынского, отъ того местечъка Красного Ставу черезъ речку тую Свидовку месчане Корчиковские поорали, и такъ тотъ кгрунтъ власный ее милости панее воеводиное Виленское, до маетности ее милости до замку и места Березовского и Красноставского належачий, одыймуютъ. О што все именемъ ее милости панее воеводиное Виленское, панее своее, противко его милости пану воеводи Волынскому, яко пану и дедичови препреченое маетности Корчиковское, светчилъ се, заховуючи ширшую и достаточнейшую протестацию о то все ее милостъ паней воеводиной Виленъской, паней своей. Яко жъ и тое заборонене дороги и отняте ее и тотъ кгрунтъ, здавна ее милости паней воеводиной Виленской наложачий, однятый, и урочисче пречоное вознымъ енераломъ воеводства Волынского, шляхетнымъ Мартиномъ Хицкимъ, обвелъ. А тутъ же тотъ менованый шляхетный Мартинъ Хицкий, енералъ воеводства Волынского, ставши на вряде при томъ оповеданю, созналъ тымъ способомъ: ижъ въ року теперешънемъ, месеца мая двадцатъ шостого дня, былемъ везваный отъ шляхетного пана Миколая Незабытовского, слуги и войта ясневелможное панее, ее милости панее Анны на Острогу Яновое Кароловое Ходкевичовое, воеводиное Виленъское, местечка Красного Ставу, въ повете Луцкомъ лежачого;

который то панъ Миколай Незабытовский, войтъ Красноставский, мене сторону людей добрыхъ, двохъ шляхтичовъ Миколая Залуского а пана Ивана Юревича, былъ зъ нами на кгрунте томъ, то естъ на урочисчу у речки Калиновки, тамъ же я возный съ тоею стороною шляхтою бачилемъ закопанье и зарубанье рознымъ деревомъ дорогу, которая етъ значная и гостинецъ здавна идучий одъ села Ходевца до Менковецъ, жадного села не займуючи, тамъ же и шибеницу поставленую обачилемъ, которая, яко ми дано справу, же тая шибеница естъ поставленая на пострахъ тымъ, которые бы тоею дорогою ездили, албо затлумяючи границу стародавную; потомъ тотъ же панъ Миколай Незабытовский провадилъ насъ до кгруньту у Свидовки, который идетъ одъ Бухаловки урочисча, едучи ку Коръчику, по левой стороне, ажъ ку урочисчу Козлову борку, и тамъ виделемъ у самое речки Свидовки кгрунтъ посеяный збожемъ рознымъ зъ обу сторонъ; который то кгрунътъ панъ Миколай Незабитовский меновалъ бытъ въ року прошлымъ, тисеча шестсотъ двадцатъ второмъ, поораный одъ подданыхъ Корчиковскихъ княжати его милости Заславского, воеводы Волынского зъ осады Городисча, а належитъ здавна до волости ее милости панее воеводиное Виленъское Березовское, местечка Красного Ставу. Которая жъ то протестация и возного реляция, за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ записана.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2445, годъ 1623, листъ 665.

CXXXVI.

Жалоба пановъ Павловичей, заставныхъ владѣльцевъ, имѣній Волынскаго каштеляна, князя Кароля Корецкаго, селъ: Большаго Хручого, Коловерта и Харлукчи, на Корецкаго, о томъ, что насланные имъ вооружонные люди освободили изъ тюрьмы и увели съ собой крестьянъ села Коловерта, виновныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, которые должны быть осуждены на смерть. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ возного. 1623 г., августа 12.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ третего, месеца августа двонадцатого дня.

Писали и присылали на врядъ кгродский, въ замокъ его королевское милости Луцкий, до мене, Яна Вылежинъского, подстаростего Луцкого, урожоные ихъ милостъ панове Михалъ, Иванъ, Константий и Александеръ Павловичове слугу своего, шляхетного пана Конъстантего Лисечинского, скаржучи се и оповедаючи противко ясневелможнымъ княжати его милости Каролови Корецкому, каштелянови Волынскому и противко ясневелможной панеи Анъне Ходкевичовне княжне ее милости Корецкой о то, ижъ што небожчикъ князя его милостъ Корецкий, воеводичъ Волынский, посполу зъ малъжонкою своею, княжною ее милости Анъною Ходкевичовою, небозце панеи Маруше Витонизского Прокоповой Павловичовой, матце тыхъ протестуючихъ, въ суме одинадцати тисечи и семсотъ золотыхъ Полскихъ, заставили маетностъ свою, въ повете Луцкомъ лежачую, село Хручое Болшое, село Коловертъ и село Харулукчу, обликгуючи се съ потомками своими кредиторку свою, вышъменованую, и сукъцесоровъ ее отъ вшелякихъ импедиментовъ боронити и заступовати, подъ зарукою таковое сумы и подъ нагороженъемъ шкодъ на голое речене слова; то пакъ ихъ милости, преномнявши того запису, место обороны, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ двадцетъ третемъ, июля четвертого дня, учинивши зъ собою порозумене, слугъ своихъ, которымъ ихъ милостъ прозвиска лепей знаютъ, а при нихъ гайдуковъ его съ хоругвою и бубнами, такъ же татаровъ и стрелцовъ

сто зъ арматою, яко до бою, на тую державу протестуючому, до двору Харучи, моцно, кгвалтомъ наслали, которые, за власнымъ росказаньемъ и насланемъ ихъ милости, кгвалтомъ и зъ окрикомъ на дворъ протестуючихъ наехавши, а самыхъ толко протестуючихъ двохъ Михайла и Константого Павловичовъ покоемъ обезпечоныхъ, безъ челяди, толко зъ однымъ хлопъцемъ заставши, злочинцовъ протестуючимъ съ тое жъ маетности, подданыхъ ихъ власныхъ, въ вязеню въ дворе Харучи седячихъ, на йме: Иванъ Хитрий, Хведоръ Рудичичъ, Охримъ Беленя, Архипъ Карпеня съ Фастова, которые въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ двадцатъ третемъ, утекли прочъ зъ маетности протестантовъ до Хвастова, а засъ на весну въ въ року томъ же, взявши передъ себе злый умыслъ, ночнымъ обычаемъ до тое жъ маетности Коловертъ, для злодейства и лупу, нашедши, въ селе Коловерте дванадцатъ подданыхъ, што набогатшихъ, на волокахъ седячихъ, меновите: Васка Жданового сына, Саву Жданового сына, Яника Горбача, Павелъ Соичъ, Трохима Деревянъка, Стецка Зепковъ, Микула Воробевичъ, Устяна Степанъчичъ, Семена Кравца, Грицка Степанъчичъ, Лопутченя коваля,—у Харлана комору выкрадено, умыслне огонъ потаемне заложивши, зо всею маетностю до кгрунту спаливши, и при той пожозе, презъ лупъ, обычаемъ злодейскимъ пенези готовые, маетностъ ихъ, што лепшую, покравши и позабиравши, и оныхъ во всемъ зубоживши, знову до Хвастова на свой бытъ поутекали были. А засъ, за инстанциею тыхъ подданыхъ протестуючихъ, тоею пожогою зубожоныхъ, за пилнымъ старанемъ протестантовъ и накладомъ, зъ уряду тамошнего Фастовского, яко злочинцы, выданы, и южъ, за высаженемъ околичныхъ суседовъ на горло, ижъ се до злочинства доброволне признали, сужоны бытъ мели,—съ того везеня съ кайданами и ланъцухами тыхъ то злочинцовъ силомоцю, погрозки на протестантовъ чинячи и мовячи—не выдасте ли тыхъ хлоповъ, теды мусите,—зъ двору, съ посесыи протестантовъ зъ собою взяли и до Корца, до ихъ милости отпровадили, и теперъ ихъ въ себе маютъ. Яко жъ протестантове, на доводъ того, ставили возного шляхетного, Филипа Котелевъского, который очевисто передо мною станувши, дня десятого августа, въ року тисеча шестсотъ двадцатъ третемъ, доброволне созналъ: ижъ въ року томъ же, дня шос-

того июля, за обводомъ тыхъ протестуючихъ, маючи при собе шляхту, пана Якуба Понятовъского, Кгабриеля Додовъского, былъ въ селе Коловерты, виделъ дванадцетъ дворисчъ влочныхъ до кгрунту спаленыхъ и спустошоныхъ, и тыхъ злочинъцовъ въ Межиричу у везеню виделъ; о чомъ таковое сознане учинилъ. Которое то сознане возного и протестация до книгъ принята и записана была,— што естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2445, годъ 1623, листъ 888 на оборотъ.

CXXXVII.

Донесеніе возного о томъ, что онъ былъ въ селѣ Охматковѣ, гдѣ крестьяне объявили ему, что вслѣдствіе угнетеній ихъ со стороны подсудка (*) и осужденія имъ на смертную казнь невинныхъ, десять крестьянскихъ семействъ ушли изъ села, причемъ оставленное крестьянское имущество было ограблено. 1624 года, іюля 3 дня.

Року тисеча шестъсотъ двадцатъ четвертого, месеца июля третего дня.

На вряде кгродскомъ, въ замъку его королевъское милости Луцъкомъ, передо мною, Яномъ Козаковичомъ, буръкграбимъ и наместникомъ подстароства Луцкого, ставши очевисто возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Миколай Залевский, для записаня до книгъ нинешнихъ созналъ тыми словы: ижъ року теперешнего, тисеча шестъсотъ двадцатъ четвертого, месеца июня дня двадцатъ девятого, маючи при собе шляхту людей добрыхъ, пана Яна Дембинского а пана Себестияна Беръзинъского, былемъ на справе и потребе урожоного его милости пана Романа Загоровскаго въ селе Охматкове; тамъ же, за показованъемъ его милости, напродъ видиломъ ставъ Охматковский спустошалый, незанятый, осъхлый, которого гребля незанятая,—ку пустомъ прочъ вода идетъ; видилемъ млынъ тамошъний Охматковский барзо спустошалый, въ которомъ колъ три, желизъ и камений наветъ въ немъ немашъ; а потомъ ви-

(*) Фамилія въ актѣ неозначена.

дилемъ запустъ Охматковский, названый Десятина, барзо вырубаный и пневъ рубаныхъ немало, которыхъ и переличити трудно, дерева дубового и березового на будованъе, на сохи, ключища и на пали згожого; другую дуброву видилемъ выпаленую, згорелую вънивечъ. А потомъ, за показованъемъ его милости, урядовне видилемъ въ селе Охматкове подданныхъ немало попустошалыхъ халупъ, и местца—знати где хлопи мешкали; тамъ же, кгдымъ пыталъ подданныхъ тамошънихъ Охматковскихъ, веле бы подданыхъ за деръжанъя его милости пана подсудковаго прочъ пошло?—поведили: ижъ за тяжкими роботами и незвычайными податками, и вытяганъемъ повиностий незносныхъ, и забытъемъ невинънымъ, пошли прочь: перший Сидоръ, другий Сенько, третий Соколовский, четвертый Хомиха вдова, пятый Климъ, шостый Яско Болбасъ, семый Стецко Демковичъ, осъмый Кондратъ Демковичъ, девятый Грицко Фастунъ, десятый Федъко Блошка,—тые вси зъ жонами, зъ детми и зъ маетностями прочъ пошли; а що по которомъ коней, быдла, овецъ, свиней, збожа, воловъ остало, то панъ подсудокъ побралъ и на свой пожитокъ обернулъ. Которое спустошенъе тое маетности Охматъкова я, видечи, шляхтою меноваою осветчиломъ. А потомъ его милостъ панъ Романъ Загоровский, заховуючисе водлугъ права и статуту, тудежъ до декрету кгродского, Луцкого, положивши пинезий у суду за тую маетностъ урожоному его милости пану Александрови Загоровъскому, стриеви своему, належачые, тогожъ дня, вышъменованого, урядовне презъ мене возного подданыхъ тамошънихъ Охматъковскихъ, што се ихъ трохи остало, до посесии своее обнялъ; которое посесии оному ни хто не боронилъ. А я то все тоеюжъ шляхтою осведчилъ, въ дворъ и мешъканъе дворъное жадного вступу не чинечи, а ни тамъ посилаючи, и овшемъ цало во всемъ оный зоставуючи, до которого двору, а ни на тотъ часъ, а ни теперъ и до того часу не посталъ а ни самъ панъ Загоровский а ни жаденъ зъ челяди оного,—штомъ я все шляхтою меноваою осветчилъ. И просилъ менованый возный, абы то его сознанье до книгъ было записано,—што есть записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1624, № 2447, листъ 41 на оборотѣ.

CXXXVIII.

Допесеніе вознаго о томъ, что онъ ввелъ пана Войтеха Ромера во владѣніе двумя крестьянами изъ имѣнія Острѣева, заложенными ему панами Корытинскими. 1624 г., августа 13 дня.

Року тисеча шестъсотъ двадцатъ четвертого, месеца августа тринадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мъною, Александромъ Малиновскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешъними кгродскими, Луцъкими, возный енеральный, шляхетный Станиславъ Пяновский, ку записаню до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, тыми словы созналъ: ижъ въ року теперешнемъ, тисеча шестъсотъ двадцатъ четвертомъ, месеца августа дванадцатого дня, былъ есми на справе и потребе его милости пана Войтеха Ромера въ ыйменю Остриеве на части его милости пана Ивана Корытенского и панее Корытенское Федоры Свисчовского; тамъ же ихъ милостей, черезъ мене возного и черезъ шляхту людей добрыхъ, при мне на тотъ часъ будучихъ, пана Андрея Чувата Туличовскаго а пана Станислава Завишу, водле листу доброволного запису своего, его милости пану Войтехови Ромерови подданыхъ чоловековъ двохъ во йменю Остриеве на части своей: Матъфея сыначого зъ волами двома, а Сенка зъ воломъ—полуволочныхъ, заставою въ певной суме пенезей, у трохъ сотъ золотыхъ Полскихъ, уступили зъ дворисчемъ Тимошинскимъ, зъ оселею и зъ огородами, и въ кождую руку поля оремого по резу зъ засевкомъ на зиму полъ риза, а на весну тежъ полъ риза овсомъ, и травы въ дуброве на чотыри косари, и дровъ зъ дубровы Остриевское по два возы въ кождый тыждень возити на опалъ до дворка пана Ромерова тамошнего, и што потреба на оселю до року и часу певъного, до светое Пречистое першое, въ року пришломъ, тисеча шестъсотъ двадцатъ пятомъ, припадаючого. А въ неотданю на часъ пенезей, теды до другого року, а потомъ рокъ по року, ажъ до выкупъна,

такъ яко о томъ ширей тотъ то записъ ихъ милости, пану Румерови даный, въ собе обмовляетъ. Зачимъ я, возный, заховавшисе водле уряду своего, тыхъ подданыхъ двохъ, передъ собою маючихъ, его милости пану Ромерови подавши, у въ оные увезалъ, въ моцъ, держанъе и послушенство подалъ, и того всего тамъ заживати маетъ, яко ся въ записе меновало въ неотданью пенезей; якожъ панъ Ромеръ, державъцою зоставши, на роботу свою росказалъ и робили. И просилъ пречоный возный, абы то было принято; што я, урядъ, принявъши, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записати есми казалъ,— и естъ записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1624, № 2447, листъ 327 на оборотѣ.

CXXXIX.

Донесеніе возного о допросахъ съ пыткою, произведенныхъ въ его присутствіи паномъ Вишневскимъ двумъ крестьянкамъ, обвиняемымъ въ колдовствѣ и попыткѣ отравить самого Вишневскаго. 1624 г., августа 22.

Року тисеча шестъсотъ двадцатъ четвертого, месеца августа двадцатъ второго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною, Александромъ Малиновскимъ, будучимъ на тотъ часъ наместъникомъ подстароства Луцъкого, и книгами нинешними, кгродскими, Луцъкими, станувши очевисто возный енералъ воеводства Волынскаго, шляхетный Пилипъ Кутеловский, урядови нинешнему зъ его авътенътику и присяги на урядъ возновский добре знаемый и ведомый, явне, ясне и доброволне, ку записаню до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Луцъкихъ, созналъ и на писме подалъ въ тые слова: иж онъ въ року теперешнемъ, тисеча шестъсотъ двадцатъ четвертомъ, месеца июля двадцатъ второго дня, маючи при собе двохъ шлятичей, людей добрыхъ, собе для лепшое певности придучоныхъ,

шляхетныхъ пана Яна Кетлинского и пана Войтеха Лешневского, былъ на справе и потребе урожоного его милости пана Самуеля Вишневского въ селе Малой Харучой, въ повете Луцкомъ, въ ключу Межирецъкомъ лежачой, которую маетность его милость панъ Вишневский правомъ заставнымъ тримаетъ, а то на инквизиции чаровъницъ о трутизну и чары одъ подданыхъ Харуцъкихъ, жонокъ, где, за высаженемъ и ужитемъ одъ его милости пана Вишневского на тую справу людей зацныхъ, а особливе ихъ милостей: пановъ Ерого Залесского, Адама Бояновского, Яна Радзиминского, Счесного Смачковского и Яна Лопицъкого, передъ тыми жъ особами была скарга и осведченье одъ его милости пана Самуеля Вишневского на противко невестомъ зъ села Харучое, державы своежъ, же му трутизну задали, ажъ зъ него робаки, яко ящорки, падали, которые робаки вси ихъ милость при мне, возномъ, въ схованомъ статку видели; до которое справы невестъ две обвинено и кождое зъ нихъ зъ особна пытано: если же суть причиною заданя тое трутизны его милости пану Вишневскому, пану своему, за которою трутизною барзо се зле мелъ? Съ тыхъ невестъ одна, именемъ Анънуша Трохимовая, отповедала, же »я о томъ не ведаю, хто то пану задалъ«; але, тамъ же стоячи, Лавринъ Ждановичъ очевисто въ очи ей поведилъ: »паметаешъ ты, Анънушу, жесь ты потъ и волосы съ тела дочки моее брала,—на штось то брала и гдесь то подела?« Видечи помененая Анънуша светка очевистого противко собе, передъ ихъ милостю признала: »правда то естъ, жемъ я волосы и потъ твоежъ дочки брала, которые же въ користи бабе отдала, которая баба южъ умерла«. Тая жъ помененая Анънуша потомъ поведила: же »Солоха, жона Лавринова а матка Вовдина, будучи зо мною въ Межиричу, у жидовки Хорошецъкое брала зеле, названое Приворотенъ, и тымъ зелемъ дочку свою Вовдю омывала, а то для того, абы прутшей заможъ пойти могла«. До чого и тую Солоху призвано и пытано ее: »еслись тое зеле въ тое жидовки брала и на што? которая помененая Солоха доброволне поведила, ижъ тое зеле весполъ съ тою Анънушою въ тоей жидовки брала для дочки своее, Вовдѣ, абы ее люде любили; кто бы зась мелъ пана струти, того не ведаю. Пытано тежъ Лаврина и тое Солохи жоны его: поневажъ для тое дочъки своее Вовди тое зеле брано, теды подобенство, ижъ

тая Вовдя, которая, служачи и наймуючи се ве дворе у ее милости панее Вишневское, подъ часъ неурожаевъ и дорогости по две лете, лацный приступъ до того мела и пана Вишневского струти мела; если же родичи ее не ведаютъ, где бы она зелъ якихъ набывала, и если о томъ ведаетъ? на што помененый Лавринъ и зъ жоною своею Солохою поведили, ижъ »тая дочка наша Вовдя была своволною, не маючи мужа зъ роду, насъ тежъ, яко отца и матки, слухати не хотела, по розныхъ селахъ по своей воли, где хотела, тамъ ходила и тулялась яко люзная, и кгды до дому коли пришла, где была и о чомъ ходила, намъ неповедала, и хотяй есми пытали, поведати ни хотела; може и то быть, же она съ кимъ иншимъ то справовала, же пана струто, але мы не ведаемо, зъ неюсь мы ничого не робыли, а ни ей до того допомогали«. А по выслуханю, съ тыхъ инъквизиций припатрившисе, его милость панъ Вишневский знакомъ и конектуромъ бачачи то, ижъ тая помененая Анънуша зъ очевистое повести своее признала, же потъ и волосы брала для чаровъ, и у жидовъки тые зела брала тежъ для обмываня якогось, которые чарами пахнутъ,—зъ ихъ милости паны а приятелы своими, на тую справу ужитыми, порадившисе, и добре въ тую справу вейзривши,—поневажъ се таковые чары показуютъ, а онъ самъ естъ барзо струтый и презъ трутизну и чары зепсованый, помененую Анънушу на далшую квестию росказалъ подати кату въ руки, которую взявши мистръ на клюбы, тягнулъ разовъ два, пытаючи: если же она пана Вишневского струла? а кгды се знати не хотела, тотъ же мистръ огня ей до боку кгды приложилъ,—поведила, и тую Солоху Лавриновую зъ дочкою ее, Вовдею, поволывала тыми словы: »ижъ власне тая Вовдя зъ маткою своею пана Вишневского струли, и въ квасе грушковомъ то сама Вовдя задала пану Вишневъскому зеле любъше, абы родъ ее любилъ«. Якожъ разъ, другий и третий тожъ поведила о ныхъ, поволываючи, же нихто инъший, толко тая Вовдя зъ маткою своею, намовивъши се, тое любше зеле пану задала. Што, яко въ муце разъ, другий и третий, такъ потомъ доброволне, по муце, тожъ поведила, же помененая Вовдя задала пану Вишневскому тое зеле зъ матъкою своею, а до того ижъ первей, пробуючи того зеля, тая жъ помененая Вовдя, весполекъ зъ маткою своею, Солохою, въ дому своемъ

въ молоку слузе его милости пана Вишневского, Семенови Москалеви, тоежъ зеле любъше задали, а то для того, абы былъ тую Вовъдю понялъ; за которымъ заданъемъ тотъ же слуга барзо се зле мелъ, тескнилъ, до нее бегалъ и мало не умеръ, ажъ его ледво вылечоно. Которые то вси речи много вознымъ и шляхтою помененою, при мне будучою, такъ же и ихъ милостей паны приятелы одъ его милости пана Вышневского естъ осведчоно. Который то помененый возный, же такъ а неиначей было, правъдиве быть созналъ, и просилъ, абы тая реляция инквизиции принета и до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, записана была; которая за принятемъ моимъ урядовымъ естъ записана.

Книга Луцкая гродская, поточная, годъ 1624, № 2447, листъ 367 на оборотъ.

CXL.

Жалоба пана Бельскаго на пана Гдешинскаго о уводѣ войтомъ послѣдняго крестьянъ с. Щитиня, заставленнаго Гдешинскимъ Бельскому, и объ оставленіи имъ безнаказанными виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, хотя виновность ихъ была доказана копнымъ судомъ. 1625 г., января 3.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ пятого, месеца генъвара третего дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Юремъ Закгорскимъ, буркграбимъ и наместникомъ староства Володимерского, и книгами нинешними кгродскими, старостинскими, становши очевисто урожоный панъ Ярошъ Белский светчилъ и оповедалъ се на противко урожоному пану Адамови Кгдешинскому и малжонце его милости, паней Зофии зъ Модрыня, въ тые слова: ижъ ихъ милостъ заведши и заставивши певную честь маетности своее, села Щитиня, съ подданными и ин-

шими пожитками, въ записе меноваными, записали се помененого протестуючого въ помененой маетности и посесыи его ни въ чомъ въ доходахъ и провентахъ, сами презъ себе, также подданыхъ и слугъ своихъ, не кривдити и вступу жадного не меги и причиною жадною до перешкоды уживаня его не быти, овшемъ оного одъ вшелякихъ импедиментовъ боронити и заступовати. За которымъ записомъ помененый панъ Белский, будучи въ уживаню тое маетности, великие перешкоды и уймы пожитковъ отъ подданыхъ пана Кгдешинского и малжонки его, съ причины ихъ милостей обойга, терпитъ и поноситъ: наперед ихъ милость сами по смерти Савки Забродного, подданого потяглого, пану Белскому заставленого, кгды сынъ его Уласъ зъ жоною и зъ детми на тымъ кгрунте и на повиности оселъ, тому подданому халупу ихъ милость на збудоване собе алкера знесли и оному самому похвалки и погрозки, обецуючи его бити и у везене сажатъ, чинили, который, не маючи где мешкати и тыхъ погрозокъ се обавляючи, въ року прошломъ, тисеча шестсотъ двадцатъ четвертомъ, прочъ отшолъ зо всею маетностию своею, и воловъ двохъ, которые у протестуючого на боргъ въ петидесятъ золотыхъ взялъ зъ собою, не заплативши завелъ, зъ шкодою немалою протестуючого. Потомъ въ томъ же року тисеча шестсотъ двадцатъ четвертого, пятого дня сентебра, подданый ихъ милостей зъ села Считиня, на йме Пилипъ Слюсаръ, пахолка рукодайного, пану Белскому служачого, на йме Мартина Качаровского, зъ велю речей, въ дворе покраденыхъ, и зъ барвою каразиновою новою, которые стояли золотыхъ сорока, выкотилъ и одмовилъ, и оного у себе килка дней тримаючи, вси тые речи отъ него побралъ и оного зъ дому своего выправилъ, которого то челядника, кгды помененый панъ Белский шукаючи, и всему селу Считиневи вину давши, копъное право, водлугъ звычаю, зъ розныхъ селъ звелъ, теды, кгды того слюсара винным тое справы выкотцу того челядника учинило, помененый его милость панъ Кгдешинский зъ малжонкою своею справедливости не учинилъ, ку шкоде помененого протестуючого. Который потомъ слюсаръ прочъ отъ него отишолъ. Потомъ знову, въ томъ же року тисеча шестъсотъ двадцатъ четвертомъ, подданого посесыи пана Белскаго, на йме Савку Баевича, подданый ихъ милостей, на йме

Кгерешко, зо всею маетностию выкотилъ, што кгды се презъ копное право на того Кгерешка показало, его милость панъ Кгдешинский зъ малжонкою своею справедливости не учинилъ; за которымъ не учиненемъ справедливости помененый Кгерешко чимъ далей, тымъ барзей свою волю предъ се взявши, и збунтовавшисе зъ войтомъ его милости пана Кгдешинского, теперъ въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ двадцатъ четвертомъ, месеца ноября десятого дня, поданыхъ державы протестуючого частъ села Считиня, одного Буковича, а другого Сергея, зо всею ихъ маетностию выкотили и сами зъ ними прочъ пошли. Што все збунтованя, такъ же тежъ и для пригрозокъ его милости пана Кгдешинского учинили, зъ великою шкодою протестуючого; которыхъ шкодъ въ неуживаню въ тыхъ звышъменованыхъ поддаными и податковъ ихъ—на золотыхъ триста; о таковые шкоды, такъ же о закладъ шестъсотъ и двадцати золотыхъ Полскихъ, взглядомъ имъпедименту, на противко его милости пану Кгдешинскому и малжонце его милости, помененый его милость панъ Белский светчилъ и оповедалъ се, оферуючи се о то правне чинити. И просилъ, абы таковая протестация до книгъ принята и записана была, которая есть принята и записана.

Книга Владимирская гродская, записовая, поточныя и декретовая, годъ 1625, № 991, листъ 16 на оборотѣ.

CXLI.

Донесеніе возныхъ о происходившемъ въ присутствіи ихъ судѣ надъ крестьяниномъ пана Костюшковича-Хоболтовскаго, Петромъ Рачикомъ; виновный, сознавшійся въ многочисленныхъ кражахъ, былъ приговоренъ къ смерти. 1625 г., февраля 10.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ пятого, месеца февраля десятого дня.

На уряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ, передо мною, Юриемъ Закгорскимъ, буркграбимъ и

намесникомъ староства Володимерского, и книгами нинешними кгродскими, старостинскими, становши очевисто. урожоный его милость Петръ Костюшковский Хоболтовский, реляцию шляхетныхъ Василя Ковырского и Яна Кервовъского, возныхъ енераловъ воеводства Волынского, въ справе працовитого Охрима Ярмоловича, подданого урожоного княжати его милости Адама Ружинского, съ Петромъ Рачикомъ злодиемъ, поддаными урожоного его милости пана Петра Костюшковича Хоболтовского, подъ датою въ селѣ Ружиню, року прошлого, тисеча шестсотъ двадцать четвертого, месеца октобря тридцатого дня, написаную, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Володимерскихъ, переъ облятамъ подалъ такъ въ собе маючую: Roku tysiąc sześćset dwudzistego czwartego, miesiąca octobra trzydziestego dnia. Przy bytności wszystkich panów Ruzyńskich, poddany xięcą jego mości Adama Rużyńskiego., na imię Ochrym Jarmołowicz, uskarżał się na poddanego jego mości pana Piotra Kościuszkowicza Chobołtowskiego, na imię na Piotra Raczika, którego Raczika mianowany Ochrym pojmał był z hreczką, na drodze w polu, z własną swoją hreczką, krórego to, jako złodzieja i z licem, do pana jego oddał był; tedy jego mość pan Kościuszkowicz. bacząc uczynek złodziejski poddanego swego, wydał go do więzienia temu Ochrymowi, do dalszej exekucyi, nie chcąc onego u siebie mieć. A gdy mianowany Ochrym stawił onego więznia, jako złoczyńcę swego, przed panem jego i wielą zacnych ludzi, tedy jego mość pan Piotr Kościuszkowicz, odstąpiwszy onego, jako złodzieja, nie chcąc tej sprawy sam sądzić, wziół pana Prokopa Sołowickiego i pana Bohdana, wojta Toryskiego, przy których było woznych dwaj: pan Jan Karwowski i pan Wasili Kowyrski, jenerałowie wojewodztwa Wołyńskiego; a gdy był stawiony przed on sąd, pytali go, za skargą onego Ochryma, tego to złocyńcę: jeśli tę hreczkę Ochrymowi pokradł? tedy się sam dobrowolnie przyznał: »żem ja i z Prokopem Steszczyszynym synem, kradliśmy na różnych polach i nosiliśmy na swoje pola«. Do tego też jegomość pan Piotr Kościuszkiewicz i sam skarżył się i powiedział, że i u mnie samego z kłuni zamczystej w nocy siermięgę czeladniczą ukradł, do czego się sam przyznał dobrowolnie, o którą kradzież przed tym postronkami bito, tak też i o owies i o żyto, także i o pasiekę, którą mi wydarto; gdyśmy pytali o te szkody, który zeznał przed nami: »że ja z pomocnikami swemi, mianowicie z Siemionem Senkowiczem i z Chweśkiem Naumowiczem, z tej kłuni kradliśmy;« a o pasiekę, gdyśmy pytali, tedy powiedział:« źem ja nie darł, ale gdym przyszedł do kłuni Sien-

kowej, tamże zastałem Siemiona i Chwieśka mianowanych, a oni miod jedli i mnie samego onym częstowali, a gdym ich pytał zkąd by ten miod mieli, tedy powiedzieli, »że z pasieki pana twego, boć ty taki kozak, jako i my;« potym Hryć Szabelny powiedział; «żem go z żytem pojmał tego Raczyka, z półkopkiem, do którego się przyznał«. Potym Kuryło powiedział, »że mi chomąt ukradł, za którego zapłacił;« potem Jacko Makarowicz o barany skarżył o dwa, do których się przyznał; parobek Bohdanow o siekierę skarżył się, do której się przyznał; »z tymże Semenem Sienkowiczem żyta czwierć suchego ze młyna ukradliśmy«--przyznał; z strony zboża pana Jana Piotrowskiego, gdy się pytał wojt z Turowicz o szkodach pana swego tegoż Raczyka, tedy wyznał: »żem ja nie jest szkodcą tego zboża i innych rzeczy, ale wiem kto, mianowicie: Juchim Porydubiec, Chwiedko Steszczyszyniec i Semen Senkow syn, do którego Senka do kłuni wożąc młocowali.« Tedy my, słysząc wyznanie tego złoczyńcę i skargę wielu ludzi za dowodami słusznymi, według prawa pospolitego, wskazaliśmy na gardło, a na powołanych wyżmianowanych wolnie czynić prawem każdemu, komu będzie należało, gdyż przed prawem pouciekali. Gdy po dekrecie mistrzowi do rąk podany, tedy, przy woźnych panu Wasilu Kowyrskim i gromadzie wszystkiej sicła Rużynia, przy ostatecznej exekucyi, mianowany złoczyńca wyznał: »że tak było, a nie naczej jest, jakom powiadał pierwej;« dotego się przyznał, że komorę bednarzową z Chwedkiem Steszczyszynym synem wykradli; tenże złoczyńca wyznał o żyto mieszczanina turzyskiego, kop półtrzecia, »że się przede mną zwyżmianowani zeznali, żeśmy sobie zdobyli na miod, Chweśko i Semion młócili w kłuni u Chwedka Pryhodycza; u Klima Lahodycza baranów dwa Chweśko Klimowicz i Juchym Porydubiec pokradli; owies i jęczmień ich mościów panów Rużyńskich z polswych mianowany Semion i Juchym Chweśko, nosząc do kłuni Chwedka Pryhodycza, młócili«. Działo się to w Rużynie, roku i dnia zwyżmianowanego. У тое реляции печать притисненая одна, а подписи рукъ тыми словы: Piotr Kościuszkowicz, ręką swą; Василий Ковирский, енералъ, рукою власною; Jan Karwowski, generał woiewodztwa Wołyńskiego, ręką własną. А такъ я, буркграбя, тую реляцию, за поданемъ и прозбою пречоного подаваючого, принявши, спочатку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ, Володимерскихъ, самый оригиналъ ее тому жъ подаваючому выдати росказавши, уписати есьми казалъ, и естъ вписана.

Книга Владимирская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 992, годъ 1625, листъ 160.

CXIII.

Донесеніе возного о томъ, что онъ присутствовалъ при допросахъ съ пыткой, снятыхъ въ присутствіи мужей изъ окольныхъ селъ и громады села Твердыня съ Льва Рокицкаго, обвиненнаго въ воровствѣ разныхъ вещей у паніи Гулевичевой; Рокицкій, сознавшійся въ преступленіи и указавшій на своихъ соучастниковъ, былъ приговоренъ къ смертной казни. 1625 г., марта 5 д.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ пятого, месеца маръца пятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевъское милости Володимерскомъ, передо мною, Яномъ Олшовскимъ, на тотъ часъ наместникомъ буркграбъства и замку и староства Володимерского, и книгами нинешними кгродскими, старостинскими, ставши очевисто возный енералъ воеводства Волынского, шляхетный Касперъ Петровский, для записаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Володимерскихъ, созналъ тыми словы: ижъ року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцатъ пятого, месеца генъвара двадцатого дня, маючи я при собе на тотъ часъ шляхту людей добрыхъ, то естъ: пана Петра Новоселецкого а пана Стефана Витвинского и инъшихъ людей, такъ обчихъ, яко и Твердинскихъ, былемъ на справе и потребе урожоное ее милости панее Маруши Павловичовны Михайлове Гулевичове въ селе Твердыняхъ, въ воеводстве Волынскомъ а въ повете Володимерскомъ лежаного, тамъ же, въ томъ дворе Твердинскомъ, слуга ее милости, шляхетный панъ Шимонъ Шанявский, при мне, возномъ, и шляхте, вышейменованой, именемъ ее милости панее Гулевичовое, панее своее, чинилъ скаргу на нiякогось Леска Рокицкого, а то о выкрадене скарбъцу ее милости, въ томъ дворе Твердинскомъ будучого, о речи розные такъ въ волоте въ срибрѣ, яко въ шатахъ, въ футрахъ, и хустъ бѣлыхъ рознымъ шитемъ; который тотъ то поменованый Лесько Рокицкий, тамъ же будучы очевисто, которогомъ пыталъ: если бы се до того зналъ о што на него

скару чынятъ? теды доброволне, еще не будучы на жадныхъ квестияхъ, призналъ: »ижъ я тые речы, о которые слуга ее милости поведаетъ, зъ соботы на неделю, року недавно прошлого, тисеча шестсотъ двадцатъ четвертого, месеца декабра чотырнадцатого дня, съ помочникомъ своимъ, някимъ Иваномъ Дирбахомъ съ Крупое, поддапымъ его милости пана Гаврила Гоского, каштеляна Киевскаго, тые речы побралъ«. А потомъ, хотечы ведомостъ достаточную о тыхъ речахъ покраденыхъ—где и на которомъ месцу были бы схованые—взяты, кгдыжъ такъ доброволне самое правды поведыти не хотелъ, теды, за таковымъ его добровольнымъ признанемъ, по мистра Ковелского послали, который, приехавши, того Рокицкого, яко предъ тымъ подойзраного, и на тотъ часъ доброволне до тыхъ речей признаваючогося, водлугъ права и статуту въ томъ собе поступивши, перший разъ на квестию тому мистрови взятъ росказали; который и повторе поведилъ: »ижъ тые речы ее милости панее Гулевичовое—презъ мене и презъ помочниковъ моихъ, то естъ Ивана Дирбаха съ Крупое и другого Ивана Кузъку зъ Оздова, подданого ясневелможного его милости пана воеводы Браславского«; другий и третий разъ—такожъ тые слова потвержалъ. А хотечи мети ведомость яко до тыхъ речей пришолъ, который поведилъ тыми словы: »ижъ служачи мнѣ еще у ее милости панее Гулевичовое, мѣломъ зъ ними, тымъ то Иваномъ Дирбахомъ и Иваномъ Кузъкою, порозумене о скарбцу ее милости, ижъ тотъ Иванъ Кузъка носилъ отъ мене ведомостъ до того Ивана Дирбаха—где и на которомъ месцу и которого часу зыйстътися мели; теды одного часу, колимъ ехалъ съ Хмилева отъ ее милости зъ веселя до Твердинъ, доведуючыся—што се въ дому деетъ, и такъ поткаломъся съ тымъ Кузкою на гребли Твердынъской, и розмавляломъ зъ нимъ о томъ скарбъцу,—яко бы до того прийти могли,—и учинили есмо такую намову: ижъ скоро бы далъ я знати, абы ся заразъ знезъшися, и съ тымъ то Дирбахомъ до мене а боли на местъце назначоное пришли; потомъ върыхле ишолъ шевчикъ Склюска, который мешкаетъ у Оздове у вдовы шевцовое, презъ которого вскazаломъ, абы тотъ Кузъка Иванъ пришолъ до мене тутъ до Твердинъ; тамъ же тотъ то Иванъ Кузъка, взявши ведомостъ отъ мене, безъ омешканя пришолъ до Твердынъ, и че-

калъ на мене въ корчме Твердынской пустой; и тамъ вшоломъ до него зо двора, и намовилисмося зъ собою, же мѣлъ дати знати Иванови Дирбахови Крупъскому, взявши певную намову—где быхмося зыйти могли на тотъ часъ, розышлисмося. А потомъ, кгды по даню знати Иванови Дирбахови, приехалъ до Оздова до того Кузъки, а я южъ отъставши отъ ее милости, шоломъ до нихъ до Оздова, которыхъ поткаломъ едучыхъ на коню и возе того Ивана Дирбаха власне подъ гайкомъ Оздовскимъ, тамъ же зъ ними, ижъ еще часу потому небачили есмо, ямъ ся толко самъ до Оздова отъ нихъ пошоломъ до тютки своее Воеводское, а имъ казаломъ на певномъ местцу себе чекати; тамъ жъ я, бывшы у тютки своее, маломъ што замешкалъ, поведаючи ей потребу пилную до Луцка, скоро толко на смерканю пошоломъ до нихъ, которые на мене южъ власне чекали,—зъ оными, всѣвшы на возъ того Ивана Дурбахи, ехалисмо просто на ту справу, предъ се взятую, до Твердинъ. И приехавши подъ самый дворъ ее милости Твердинский, въ которомъ обачыли есмо огонъ въ лазни, бомъ ся на тотъ часъ его милость панъ Александеръ Гулевичъ мылся, боялихмо се заразъ до скарбъцу ити, и долго преслухъ чынили есмо; а кгды се успокоили вси во дворе, шоломъ заразъ самъ до скарбъцу зъ Иваномъ Кузкою, а Ивана Дирбаха при возы и коню зоставили есмо подъ острогомъ въ рови, за дворомъ; и такъ пришли есмо до першихъ дверей, отомкнуломъ и засъ до другихъ дверей шедломъ, але не замкнено было; тамъ же, съ тамтое коморы выбираючы, даваломъ до першихъ дверей Иванови Кузци, а Кузка носилъ за острогъ Иванови Дирбахови, который скриню розбиялъ и до вору кладучы у возъ; и такъ тые речы, выкрадшы зъ скарбцу ее милости панее Гулевичовое, отъехали есмо до Оздова, и въ Оздове дѣлъ межы себе на три части подѣлили есмо,—двѣ части намъ зъ Иваномъ Кузкою, и въ земли тые двѣ части по середъ езереда соломы поклали подъ кулѣ, и оные закопали, то естъ въ гумне того Ивана Кузки, напродъ: чамаръ две, одна чырвоная фалендышовая, лисами подшитая, а другая баевая чорьная, кроликами чорными подшитая, ланцухъ, въ которомъ чырвоныхъ золотыхъ пятдесятъ штукъ осмъ, пятъ съ каменми а три такъ просто безъ камений, и хусты белые, розмаитые, едвабемъ чырвонымъ и былю

шитые; а при Крупскомъ остало и зъ собою повезъ до Крупое Иванъ Дирбахъ: чарку срѣбрѣную и кухолъ срѣбрѣный, плащъ кировый, чорный, лисами подшытый, шафранъ, перецъ, цукоръ и иншое корене, которыхъ не могу паметати, тотъ Крупский побралъ, Иванъ Дирбахъ, подданый его милости пана Гаврила Гоского, о чомъ поведиломъ и швагрови своему Воеводскому, который мешкаетъ въ Оздове, жесмо съ тыми вышъменованымъ то товаришами своими, скарбецъ ее милости панее Гулевичовое выкрали есмо; на што поведилъ швагеръ мой, же »я о томъ не хочу ведати,—яко собе розумиете, алемъ не поведилъ—где есмо сховали«. А потомъ, яко се вышей поменило, разъ, другий и третий, водлугъ права, былъ пробатусъ,—ничого а ни чого не отъменялъ,—и на томъ стануло. И просилъ насъ, мене, возного, и шляхты, такъ же и сторону, приналежачую ее милости панюю Гулевичовую, абы съ приятелемъ якимъ тамъ на местце и съ тымъ то злочынцою до Оздова, до гумна Ивана Кузки, кого послали; теды я, возный, и зъ шляхтою вышейменованою, водлугъ повисти и знаку того то злочынъцы, тамъ до Оздова поехали есмо; где есмо приехавши, я, возный, зъ шляхтою вышъменованою, до того Ивана Кузки, до гумна его, где есмо реквировали, показавши поволанъе знакъ и местце, презъ злочынцу означоное и оказаное, урядника тамошнего Оздовского, на ймя Яна Скипора, который, неведати для якое причины, трести и шукати у того Ивана Кузки датъ не хотелъ. Я, возный, тою шляхтою, которая на тотъ часъ при мне была, осветчившыся, съ тамтоля пречъ зъ нищимъ отъехали есмо. И приехали есмо знову до Твердинъ, и тую справу стороне и тому злочынцы оповедиломъ, на што тотъ то злочын[illegible]поведилъ: »ижъ тыхъ речей, безъ бытности моее, ошуканы и знайдены быти не могутъ, толко нехай я самъ тамъ поѣду и съ тымъ своимъ помочникомъ розмовлю«. И такъ, хотечи безъ далшое отъволоки тые речы презъ него ее милости отыскати, ужывши въ томъ приятеля своего, урожоного его милости пана Яроша Павловича, писара земского Володимерского, абы тамъ и съ тымъ злочынцою поехалъ, который на жадане ее милости, его милостъ панъ писаръ, взявши насъ зъ собою и того злочинцу, тамъ ехалъ, пытаючы оного, абы трудъ и праца наша въ томъ невиная небыла; на што подъ присягою

тотъ то злочинца призналъ и поведилъ: »ижемъ, яко разъ, другий и третий и четвертый еще въ дворе Твердинскомъ поведалъ, такъ и теперъ вашей милости поведаю, же скоро толко ваша милость поедешъ, теды тые речы всѣ ошуканые быти могутъ и власне выисканы презъ мене будутъ«. На которую таковую повесть его милость панъ писаръ ехалъ; и приехавши тамъ до Оздова и съ тымъ злочынцою, тамъ же, въ дорозе, я, возный, оного злочынцы пыталомъ: ежели такъ есть, яко поведаешъ?—на што поведель, же такъ есть а неиначей; месце и знаки, на которомъ ся зышли, оказовалъ, и тыми розмовами въежджаючы до Оздова, поткали есмо того Ивана Кузку, которому казалисмо о чомъ едемо. Въ томъ часе его милость панъ писаръ надъехалъ, съ которымъ я, возный, и зъ шляхтою до двора приехали, зоставившы оного злочинцу въ господе; а тамъ въ томъ дворе урядникови тамошнему Оздовскому его милость панъ писаръ оповедилъ, и поволаня на писме оказавши, просилъ и реквировалъ, абы справедливость слушную съ того подданого учинилъ, на што и листъ его милости пана воеводы Браславского оказавши, на который листъ и жалобу заразъ оного Ивана Кузку привести казалъ, такъ же и того злочинцу, абы ся съ собою устне о тыхъ речахъ розмовили. Которые заразъ были приведеные и очевисто и зъ тымъ злочинцою тотъ Кузка зведеные, тамъ же, для якогось чару на оного, першихъ словъ своихъ поведити не хотелъ; што выдечы, его милость панъ писаръ столъ прочъ отъехалъ, взявши зъ собою знову оного злочинцу до Твердинъ, и до везеня звычайного одавши. А потомъ дня, на дате вышъписаного, то есть двадцатъ осмого месеца февраля, знову хотечы его словъ варыяции, которую самъ презъ себе учинилъ, знову презъ квестию на немъ оказати, зобравшы людей и мужовъ обычихъ, то есть: зъ села Осмиговичъ, на имя Марка Биршевича, и зъ Сенявки двохъ, Федка Короля и Сенка Кисленя, маетности его милости пана Яна Фирлея, а зъ Моковичъ—Остапа Скрыпъку и Ивана Лучченяти, подданые его милости пана Ровгавского, и при всей громади Твердинской, до тое справы, выжей меноване, зобраныхъ и высажоныхъ, теды, станувшы очевисто шляхетный панъ Шимонъ Шаневский, именемъ ей милости панее Гулевичевое, знову тую справу рентеруючи, першую справу на того

то Лесъка Рокицкого, который такъ былъ отмененую варияцию учинилъ, оного предъ нихъ, тыхъ то мужей и инъшихъ людей шляхту, людей добрыхъ, а меновите пана Юря Посавца, того злочынцу привести казали; который публице, безъ жадного еще примушенъя, ставшы очевисто, сознался: »ижъ якомъ первый поведилъ, и теперъ тое власне, а не иначей, поведаю, же тые речы, вышъменованые, суть презъ мене и презъ помочниковъ моихъ Ивана Дирба́ха и Ивана Кузки, покраденые; а ижемъ на тотъ часъ при бытности его милости пана писаровой, презъ чары якиесь, правды самое поведити не могломъ, а другая ухваючи въ томъ, же мене мѣли отгромити, и для того тому Кузцы правды самое поведити не могломъ«; и просилъ, абы южъ, водлугъ учынку своего, карность на горле отнеслъ. Про то тые мужове, такъ чужоселцы, громада вся Твердынская, яко и инъшие приятели ее милости панее Гулевичовое, видечы бытъ таковое его повторъное признанъе, а варияцию значную не ведати для чого чынячи, даючыся самъ бытъ винымъ и съ тыми помочниками своими, оного на горло, водлугъ права, всказали. Предъ которую то смертю, для взятя остатное ведомости и съ кимъ то покралъ и где подѣлъ, знову на квестию, для варияции повести его, всказали и мистрови въ руки отдали; где, будучы разъ, другий и третий на тыхъ квестиахъ, тоежъ власне, яко и перве, поведалъ: »ижъ тые речи зъ Иваномъ Кузкою и зъ Иваномъ Дирбахомъ зъ скарбцу ее милости покрали есмо и до гумна Кузчыного двѣ части въ озередъ поховали, а третюю часть тотъ Дирбахъ до себе взялъ«. Што все твердечы при остатнемъ стопню смерти своее, то все поведалъ и твердилъ, ижъ такъ естъ, а не иначей. Што все я, возный, слышачы яко было, правдиве сознаваю, и просилъ, абы тое его очевистое сознанъе до книгъ кгродскихъ, Володимерскихъ, записано было,—што естъ записано.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, годъ 1625, № 991, листъ 229 на оборотъ.

CXLIII.

Инвентарь села Городка, принадлежащаго соборной Владимирской церкви Богоматери, съ исчисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей 1626 г., іюня 24 дня.

Року тисеча шестсотъ двадцать шостого, месеца іюня девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замъку его королевъское милости Володимерскомъ, передо мною, Анъдреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ Володимерскимъ и книгами нинешними, кгродскими, старостинскими, становъши очевисто высоце въ пану Бозе велебный его милость отецъ Іоакимъ Мороховъский, Божою милостию епископъ Володимерский и Берестейский, прототроный митрополии Киевское, и велебные отцове: Григорей Лозовичъ и ихъ протопопъ, а Тимофей Симановичъ, архидиаконъ епископии Володимерское, капитула его милости, инъвентаръ маетности церкви соборное Володимерское, Пречистое Богородицы Дѣвы Маріи, сельца Городка, лежачого въ повете Луцкомъ, презъ помененого его милости отца епископа урожоному его милости пану Федорови Линевъскому на летъ три, зуполне по собе идучыхъ, за певную суму пенезей арендованого, поданого тутъ въ месте Володимиру, року и месеца теперешнего, вышей на акте менованыхъ, двадцатъ четвертого дня, написаный и даный, во всемъ и вшелякихъ его пунктахъ и параграфахъ, артыкулахъ, клявзулахъ и обовязкахъ, очевистымъ, устнымъ и добровольнымъ сознанъемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, для вписаня до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Володимерскихъ, явне, ясне и доброволне, на телѣ и на умысле добре будучи здоровы, подали и признали такъ ся въ собе маючий: »Инвентаръ маетности церкви соборное, Володимерское, Пречистое Богородицы Дѣвы Марии, сельца Городка, лежачого въ повете Луцкомъ, которое сельце арендовалемъ урожоному его милости пану Федорови Линевскому на летъ три, зуполне по собе идучыхъ, за певную суму пенезей, яко ширей ин-

терциза тое аренды въ собе маетъ; которая то аренда починатися маетъ въ року теперешнемъ, тисеча шестъсотъ двадцатъ шостомъ, месеца июня двадцатъ четвертого дня, на светый Янъ, а кончитися маетъ, дастъ Богъ, въ року пришломъ, тисеча шестсотъ двадцатъ девятомъ, месеца июня двадцатъ четвертого дня, такъ же на светый Янъ, свято рымское, зо всими пожитками и приналежъностями, яко се тая маетность, сельце Городокъ, въ широкости и долгости своей маетъ и завираетъ, съ подданными тяглыми, зъ огородниками и подсуседками и зъ ихъ вшелякими роботами и повиностями, съ полми пашными и не пашными, зъ запустами, дубровами, зъ млынами и ихъ вымелками и зъ засевками дворными, и зъ дворцомъ на Городищу будучимъ, такъ же зъ сеножатми и речъкою, названою Полонъною, на которой вышъречоные млыны Городицкие уфундованы сутъ,—въ тыхъ млынехъ три кола мучные, добре направленые сутъ; въ которомъ селцу Городку подданыхъ дворишныхъ, щоденыхъ тринадцатъ, меновите: Федоръ Вишенъка, Уласъ и Пархомъ Джуровичи, Мартинъ Приступа, Иванъ Тлушко, Тимошъ Аущичъ, Михно Боярчичъ, Ониско и Герасимъ Тушчичи, Иванъ Гайдукъ, Трохимъ и Сергий Паферичичи, Юхимъ Вишенъка другий, Климъ Боярченя, Хвеско Михченя,—тые що день повини робити. А загородниковъ того сельца шестъ: перший Ярмолъ Дереча, Лукашъ Логвиновичъ, Андрей Гомонъка, Потапъ Галъченя, Назаръ Мосуръ,—тые по три дни въ тыйденъ повини робити. А подданъные вси Городецкие, кгды одну роботу роблятъ, другое роботы не повини робити; то естъ; коли пойдетъ зъ косою—зъ серпомъ не повиненъ, албо зъ плугомъ—зъ цепомъ не повиненъ; такъ же инъшихъ роботъ, одну отправуючи, другое не повини; млынаръ, бояровъ два, тые, водлугъ повиности своее стародавное, счо повинъни, до двора отправовати маютъ, стороны зась толокъ, на сѣно повини ити, а на жито и овесъ—тыхъ наболшей—толко десетъ толокъ быти маетъ, однакъ не кгвалтомъ и на голову всихъ вкланяти, зоставуючи челяди и подданымъ на ихъ власную роботу и потребу домовую. А тые толоки вси маютъ быти за хлибомъ и стравою дворною. То тежъ особливе варуючи, же тыхъ толокъ и кождое потяглое роботы, презъ увесь рокъ, въ неделю и свята урочистые дни святые, роковые, не повинни роботъ жадныхъ до

двора полнити, окромъ сторожи звычайное и где бы послати въ якой потреби, а то для того, абы тежъ набоженства, яко христиане, зажили. Засевку дворного, озимого: жита мацъ двадцатъ и чотыри, пшеницы мацъ дви, а весенного зась ярого: овъса мацъ двадцатъ, гречки мацъ чотыри. Чинъши тыхъ подданыхъ дворищныхъ: овса по чотыри маци, по грошей пяти Полскихъ; а полдворищные: по две маци овса, по грошей полтретя; а тотъ овесъ отдавати маютъ мѣрою Володимерскою. Въ томъ сельци Городку: дворецъ на городищу збудованый, светлица добрая зъ комнатою тогожъ дерева; въ той светлици оконъ а ни лавъ немашь, двери на завесахъ—обое до светлицы и до комнаты добрые, сѣнъ рубленая, пекарня въ сѣняхъ зъ дерева старого, добрая, другая светлица въ тыхъ же сѣнехъ старая, — поправы потребуетъ; накрите того дворца драницами, доброе; клуня на томъ же городыщу дворная, лѣсеная, безъ верха. А що се тинетъ свещеника, тотъ до жадныхъ повиностей, станови его не належачихъ, немаетъ быти поволоканъ, окромъ своего свещенического уряду и повинности пилновати маетъ. Боярове тежъ до жадныхъ подводъ, панъщинъ и оранъя, вшелякое работы, примушены быти не маютъ, а за то повинностъ свою боярскую, водлугъ стародавнего звычаю, отправовати и полнити повини. Тую жъ вышей менованую маетность Городокъ, съ тыми всими вышей выражоными пожитъками, зъ засевками, поддаными и ихъ повиностями, съ полми, сеножатми, млынами, дворцомъ, боярами, млынаромъ и зовсимъ и вшелякими вышей меноваными пожитками, арендовалемъ урожоному его милости пану Федорови Линевъскому за суму, въ интерцизе выражоную; которую маетность его милость, презъ тые три лета, зо всими меноваными пожитками, спокойне выдержавши, по еспирации тое трилетное аренды въ цалости, зо всимъ съ тымъ, яко въ инътерцизе и томъ инъвентаре моемъ, подати и уступити мнѣ, албо сукцесорови моему, епископови Володимерскому, маетъ и будетъ повиненъ, ни кого не контрадикуючи. А уховай Боже смерти его милости пана Федора Линевъского, теды додержаное тое аренды сельца Городка, зо всимъ тымъ малжонце его милости, урожоной паней Катерине Парисовъне Федоровой Линевской, албо тому, кому то отъ его милости правне належати бу-

детъ, такимъ же правомъ, водле тое интерцизы и инвентара поданого, позволяемъ, и варуемъ и прирекаемъ, а то заплативши, водлугъ интерцизы, другую рату аренды Городецкое шести сотъ золотыхъ Полскихъ, розумено быти маетъ. А для лепшое веры до тое интерцизы моее печатъ мою притеснути казалисми, и руку свою подписалъ. И просилемъ ихъ милости пановъ приятелей моихъ, нижей на подписе менованыхъ, о подпись рукъ и приложене печатей; што ихъ милостъ на просбу мою учинили, печати свои приложити и руки подписати рачили. Писанъ у Володимере, року Божого Нароженя тисеча шестсотъ двадцатъ шостого, месеца июня двадцатъ четвертого дня. У того инвентару печатей притисненыхъ чотыри, а подпись рукъ тыми словы: Іоакимъ Мороховский, епископъ Володимерский и Берестейский, власною рукою, manu propria; Григорий Лозовицкий, протопопъ Володимерский; Тимофей Симановичъ, архидіаконъ епископіи Володимерское, manu propria; Andrzey Misiowski, swiadek, manu propria; Stephan Mikołajowski, ręką swą, manu propria«. А такъ я, буркграбя, тотъ инвентаръ, за поданемъ очевистымъ, доброволнымъ признанемъ и прозбою вышъменованыхъ ихъ милостей зознаваючихъ, принявши, съ початку увесь ажъ до конца, такъ яко ся въ собе маетъ, написаный, поданый и признаный естъ, до книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Володимерскихъ, самый орыналъ его вышъменованому его милости пану Федорови Линевъскому, яко его милости власне належачый, выдати росказавши, уписати есми казалъ,—и естъ уписанъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, годъ 1626, № 992, листъ 665.

CXLIV.

Жалованная грамота пана Андрея Кашовскаго мѣщанамъ и купцамъ, христіанамъ и евреямъ, поселяющимся въ имѣніи его м. Острожцѣ, на свободу отъ повинностей, магдебургское право и другія вольности; на старожилыхъ же Острожецкихъ жителей грамота эта не распространяется. 1630 г., января 1.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ первого, месеца мая пятого дня.

На рочкахъ судовыхъ, кгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня двадцать четвертого месяца априля, въ року звышънаписаномъ припадлыхъ

и судовне отправовать зачатыхъ, передъ нами, княземъ Павломъ Друцкимъ Любецкимъ, подстаростимъ, а Гелиянюмъ Бронницкимъ, судею, врадниками судовыми кгродскими, Луцкими, постановивши се очевисто урожоный его милость панъ Андрей зъ Высокого Кашовъский для вписаня до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Луцкихъ, подалъ листъ свой и очевисто призналъ месчаномъ и подданымъ своимъ, въ местечку Острожцу мешкаючимъ, на вшелякую волность въ томъ листе меновите выражоную, даный, съ печатю и съ подписомъ руки своее, о чомъ тотъ листъ нижей въ собе обмовляетъ; которого во всемъ устнымъ очевистымъ и доброволнымъ сознанемъ своимъ ствердивъши и змоцнивъши, просилъ, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ мы, судъ, оного для вписаня до книгъ приймуючи, передъ собою читати казали есмо, и такъ се въ собе писмомъ полскимъ писаный маетъ: Andrzey z Wysokiego Kaszowsky, wszem wobec y kożdemu zosobna, komu by tylko o tym wiedzieć należało, teraz y na potomne wieki. Oznaymuię, iż ia, chcąc maiętność mą Ostrożecką, dziedziczną, rożną panów odmianą, aż też na ostatek y przez nieprzyiaciela koronnego nadpustoszoną, do pierszey przywieść nietylko osady ale y ozdoby, dla zaciągnenia ludzi wolnych, tak kupcow, iako y rzemieśnikow, tak żydow, iako y chrzescian, do gotowych gruntów dla obudowania się ich porządnego,—pozwoliłem im woli od daty listu ninieyszego na lat dwanaście, wolne piw warzenia, gorzałek z strony kupnemi drwami kurzenia, miodów sycenia im popuściwszy, od wszelakich ich powinności ochiliwszy, a przywrociwszy im dawne prawa Maydeburskie, od najaśnieyszych królów Polskich, ieszcze za xiążąt Ostrożeckich miastu temu nadane, tak i żeby iuż nie tylko teraz, ale y zawsze ludzmi sobie wolnemi zostawali y w dispozity, arendzie, zastawie y wyprzedaniu, tak gruntów iako y posad swoich, bezpiecznemi, aż też y w odmianie pomieszkania, ieżeli by im ze mną lub z successorami memi żyć było nielubo, a iż życze tego, aby ta moia osada, w budynkach, miastom przyzwoitych, swe brała pomnożenie, prozba zgromadzonych iuż mieszczan niektórych ludzi pocciwych y obowiązek ich w przestrodze tego porządku tę u mnie poniosła wagę: że którym z zwykłych okolicznych, aż też y własnych, lub odlegleiszych mych y rodzonych mych miasteczek w powinnościach ich po wysiedzeniu woli brać chciał y mam w niedosyć temu uczynieniu słuszną miarę, tandem ia, upatruiąc koszt ich w tey mierze, który w nieprzedniem ode mnie im dostatku ukazanym drzewa podymować muszą, iesli obowiązkowi swemu y sami y po nich następuiący

na grunty tuteczne uczynią dosyć, wyciągać ich nad tę powinność, którą sami na się dobrowolnie zaciągaią: odżynania kop dwoch oziminy, dwoch jarzyny, kośby iednego dnia w rok sianożęci, im ukazanych, y sprzątnienie bez pańskiey szkody wygotowanego, siedmi złotych roczney płace z włoki, za się y za namieśniki swe tym listem mym, który swych czasow gotowym y actami Łuckiemi dla następuiącego wieku zmocnić obowięzuię się, vice versa, mimo szarwarky y porządki wszytkimi, zwyczaine miastom podymne jego krolewskoj mości, placowe, folwarkowe y zagrodnicze place y ich samych ochotę potwierdzaiąc im wiecznymi czasy wolne piw warżenia, miodow sycenia za zwyczayną miarką y browarczyzną pańską, według inszych miast porządku, przy tym sądy y dozory mieskich porządków przez burmistrze y ludzie, s porządku siebie wybrane, przysięgłe, z wolną appellatią do zamku y ochroną żydów, ktorzy pod zamkowy tylko urząd maią podpadać, warunię iednak sobie w tym że liście moim to, aby na dawno zasiedziałych y sielskich mych poddanych ta się wolność nie sciągała, którzy, pospołu z ynszemi nowo na wsi przysiadaiącemi, przy dawnych swych prawach y powinnościach zostawać maią. Na co wszytko daię im ten fundusz, otworzysty móy list, ręką y pieczęcią mą utwierdzony. W Ostrożcu, prima januarij, anno domini millesimo sexcentesimo trigesimo. У того листу печать притисненая одна, а подпись рукъ тыми словы: Andrzey z Wysokiego Kaszowsky, manu propria. Который же то листъ, за поданьемъ и очевистымъ признаньемъ вышъ менованое особы, а за принятемъ нашимъ судовымъ увесь съ початку ажъ до конъца до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, слово въ слово естъ уписанъ.

Книга Луцкая гродская, записоеая и поточная, № 2144, годъ 1631, листъ 635 на оборотъ.

CXLIV.

Жалоба всего шляхетства Волынскаго воеводства на сборщика подымной подати пана Михаила Линевскаго о притѣсненіяхъ и взысканіи излишнихъ податей. 1630 г., марта 9.

Року тысеча шестьсотъ тридцатого, месяца марца девятого дня.

На рочки судовные, кгродские, Луцкие, отъ дня двадцатъ осмого февраля, въ року звышънаписаномъ припалые и судовне од-

правовать зачатые, передъ нами, княземъ Павломъ Друцкимъ Любецкимъ, подстаростимъ, а Гелиашомъ Бронницкимъ, судею, врадниками судовыми, кгродскими, Луцкими, очевисте у суду будучи, особы нижеменованые, ихъ милости панове обывателе воеводства Волынского, одны сами черезъ себе и именемъ иншихъ, а отъ другихъ ихъ милости умоцованные ихъ, именемъ пановъ и принцыпаловъ своихъ, а меновите очевисте: яснеосвецоное княжа его милость Александеръ Октавианъ Пронский, его милость панъ Ерый Гулевичъ, подкоморий Луцкий, его милость панъ Казимеръ Пацъ, воеводичъ Минский, его милость панъ Адамъ Рудецкий Урсулъ и его милость ксендзъ Войтехъ Милачевский, каноникъ Плоцкий и Луцкий, своимъ и высоцевелебного въ Богу ксендза Ахацого Кгроховского, зъ ласки Божои бискупа Луцкого, и капитулы Луцкои имепемъ, его милость панъ Станиславъ Рей, столникъ Любелский, княжа его милость Грегорий Четвертинский, его милость панъ Андрей Оссолинский, панъ Себестианъ Коморовский, Лаврыкъ Князский, Иванъ Гулевичъ Порокалский, Алексапдеръ Малиновский, Марко Криницкий, Томило Войничъ, панъ Марцианъ Олшамовский; а умоцованые отъ принципаловъ своихъ и именемъ ихъ, и слуги именемъ пановъ своихъ, меновите панове: Крыштофъ Витковский и именемъ велможныхъ пановъ: Гаврила, каштеляна Киевского, а Романа, старосты Володимерского, Гостскихъ; панъ Симонъ Велевский и именемъ велможнои пани Анны зъ Острога Ходкевичовои, воеводинои Виленскои; панъ Павелъ Вышковский и именемъ яснеосвецоного княжатя его милости Ерого зъ Острога Заславского и велможного пана Рафала Лесчинского зъ Лешна, воеводы Белского; панъ Ерий Бажаевичъ и именемъ яснеосвецоного княжати его милости пана Албрыхта Станислава Радывила, княжатя на Олыци и Несвижу, канцлера великого князства Литовского, Гиевскою, Тухолского, Валюнского . . . . старосты, и яснеосвецоного княжатя его милости Миколая на Клевани Чарторыйского, также велможного пана Владислава Монвида на Дорогостаяхъ и опекуновъ его милости, и его милости пана Людвика Мелницкого, панъ Валентий Бузский и именемъ велможныхъ паней Изабеллы зъ Служова Миколаевое Семашковое, каштеляновое Браславское, старостиное Луцкое, а пана Станислава

съ Журова Даниловича, старосты Червонокгродского; панъ Лахновичъ отъ ихъ милостей: пановъ Яловицкихъ, пана Яна Потея, подсудка Берестейского, пана Марцина Домбровского, скарбника Волынского, пана Михала Завадзского и пана Станислава Поплавского именемъ; панъ Прекгалинский имепемъ велможныхъ ихъ милостей: пановъ Фирлеювъ, ихъ милостей пановъ Кашевскихъ и княжатя его милости Стефана Четвертенского, подкоморого Браславского, его милости пана Станислава Вилана, ихъ милостей пановъ Гулевичовъ и высоце велебного въ Бозе Еремиаша Поповского, владыки Луцкого, и капитулы Луцкои; панъ Войтехъ Камснский именемъ ясневелможного пана Томаша на Замостю Замойского, подканцлерого коронного и малжонки его милости; панъ Ремианъ Руцкий самъ одъ себе; Войтехъ Циминский, возный, именемъ его милости пана Андрея Цыминского; панъ Кондратъ Милковский самъ одъ себе; панъ Юзефъ Семницкий имепемъ ясневелможного княжатя его милости Кароля Корецкого, каштеляна Волынского, и именемъ его милости князя Ерого Пузыны, ловчого Волынского; панъ Александеръ Соколдский именемъ княжатя его милости Доминика на Острогу Заславского и опекуновъ его милости; панъ Еронимъ Нецевичъ именемъ пана Самуеля Марушевского; о што и вси на тотъ часъ люде стану шляхетского, немалое згромадене, у суду будучое, и всего воеводства Волынского, поветовъ Луцкого, Володимерского и Кременецкого обывателевъ именемъ, очевисте противко урожоному его милости пану Михалови Линевскому, поборци на тотъ часъ двойга подымного Волынского, соленнитеръ сведчили се и протестовали: ижъ его милость панъ поборца зъ домовъ и дворовъ шляхецкихъ, также поповъ духовныхъ, и съ тыхъ поповъ, которые на власныхъ кгрунтахъ дворныхъ шляхецкихъ а не на роляхъ хлопскихъ мешкаютъ, яко тежъ зъ шпиталевъ въ местехъ, местечкахъ и селахъ будучихъ, и дымовъ пустыхъ, въ которыхъ жаденъ не мешкаетъ, съ пустокъ по селахъ, где се подданые розошли и черезъ вторжение неприятеля крыжа светого татаровъ спустошали, и черезъ огонъ припадковый погорелыхъ, также съ корчомъ, зъ которыхъ чоповое идетъ, подымное и податки вшелякие вытегаетъ, также съ пустошалыхъ дворискъ и маетностей, а юраментовъ не приймуетъ, и о то обыватели

воеводства тутошнего, повѣтовъ нижеменованыхъ, на делиции до суду подаетъ. Постерегаючи целости и утяженя всего воеводства, теперъ и напотомъ наступуючого, повторе таковую протестацию заносятъ, деклеруючи се часу и местца своихъ о тую крывду на кождомъ пляцу мовити. И просили ихъ милостъ панове обывателеве воеводства Волынского, абы тая ихъ протестация до книгъ была прынята и записана,—што одержалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2459, годъ 1630, листъ 470.

CXLVI.

Жалоба пана Андрея Фирлея на пана Андрея Линевского о томъ, что послѣдній угнеталъ крестьянъ арендуемыхъ имъ у Фирлея имѣній. 1630 г., апрѣля 17.

Року тисеча шестъсотъ тридцатого, месеца априля семнадцатого дня,

На вряде гродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, княземъ Павломъ Друцкимъ-Любецкимъ, подстаростимъ Луцкимъ, ставши очевисто шляхетный панъ Федоръ Высоцкий, возный, именемъ велможного его милости пана Андрея зъ Домбровицъ Фирлея сведчилъ и протестовалъ се на урожоного его милостъ пана Андрея Линевского о то: иж его милость панъ Линевский, арендуючи маетность на чотыри лета у его милости пана Фирлея, фолваркъ и село Романовъ, опрочъ части певное, фолваркъ и село Воротневъ, въ року прошломъ, тысечу шестъсотъ двадцатъ осмомъ, месеца сентября одинадцатого дня, записомъ интерцизою своею записалъсе и обликговалъ—подданыхъ, въ той маетности помененой будучихъ и до поссесии взятыхъ, тыхъ такъ волочныхъ, пулъвлочныхъ, подсуседковъ, яко и бояровъ, въ ихъ повинности и въ послушенствѣ ни въ чомъ надъ инвентарь не утяжати, а ни тежъ под-

данныхъ тяглыхъ, до податковъ, подводъ и роботъ, такъ же и чин шовъ, зъ бояровъ до послугъ—не примушать, подъ закладомъ девети тисечей золотыхъ Полскихъ и нагороженьемъ шкодъ голымъ речениемъ слова, кромъ присягъ ошацованыхъ, въ недосыть учиненю которой колвекъ конъдиции, въ тои интерцизе выражоной; которому то записови интерцизе свей, такъже и кондициямъ, въ неи описанимъ, его милость панъ Линевский, ничого се неогледаючи на заокладъ, въ интерцизе описаной, а ни на право посполитое, и овшемъ те все легце собе важачи, и тому ее всему спротивляючи, а слову своему, которымъ ее опрочь запису субмитовалъ его милости пану Фирлееви, ни въ чемъ не досыть чинячи, заразъ, скоро одно обнялъ тую вышъпоменену маетность, поддаыхъ такъ въ роботахъ, въ чиншахъ, въ податкахъ и въ повинностяхъ, яко и въ повозовыхъ фурахъ, надъ инвентаръ и запись свой, а бояровъ, мимо ихъ повинности, самъ черезъ себе, малжонку, урядниковъ и слугъ своихъ, утяжати почолъ, которыхъ и до того часу утяжаетъ, и великую кривду такъ поддаымъ яко и бояромъ чинитъ: а меновите: бояровъ Вороневскихъ и Романовскихъ до уставичныхъ послугъ своихъ дворныхъ и за собою въ дороги и иншие послуги, также некоторыхъ на комягахъ зе збожемъ до Литвы, а на шкутахъ до Пруси и Кгданска ходитъ, чинечи ихъ шафарами, и до податковъ, оранъ и роботъ надъ инвентаръ примушалъ; а поддаыхъ тяглыхъ такъ волочныхъ, яко и повълочныхъ и иншихъ, почавши одъ жнивъ прошлыхъ ажъ до даты тое протестации, мало не што день до роботы своей дворной примушаетъ; а робечи ними черезъ увесь тыждень, потомъ въ суботу, противко недели, до торговъ околичныхъ, где потреба укажетъ, на подводу выганять кажетъ; а если съ чимъ не на торгъ, то до Толмохова, маетности своей, по збожье, албо по иншие якие речи посылаетъ; которые то поддаые и въ недилю не порожнюютъ, чинши у нихъ надъ повинность брати кажетъ; до того теперешние зимы фуръ, повозовъ ихъ, зе збожемъ до Изова(sic)—повъволочные шесть, а волочные и болшей, также и тыми, которые воловъ не маютъ, подводъ килка одвезти примусилъ; а иншихъ околичныхъ дорогъ и фуръ, якъ до Львова, до Люблина и иншихъ местъ, по килка и по килканадцати возовъ, яко которого часу, немало одправили, и збожье вшелякое не

тилко съ помененыхъ фолварковъ вывозятъ, але наветъ и тое збожже, которое съ Толмахова до Романова и до Воротнева привезутъ, и тое збожье, где имъ его милость панъ Линевский кажетъ, вывозятъ; прадиво въ терлицахъ терти и прясти тымъ подданымъ надъ повинность ихъ кажетъ; жито у некоторыхъ невинне побралъ, а другимъ понаверчоватъ казалъ. А не тилко, жито въ подданыхъ побралъ, але наветъ и самого его милости пана Фирлиева жито, въ фолварку Воротневскомъ будучое, которое подданымъ и месчаномъ своимъ Козынскимъ продалъ, такъ немолочоное, яко и молочоное побралъ и квалтовне пограбилъ. А который подданый, мимо повинность свою, не хотелъ бы росказаню его досытъ чинить, такъ боемъ, грабежами, яко и везенемъ, черезъ урядниковъ своихъ, трапитъ; у бояровъ Романовскихъ: у никоторыхъ волы побравши, по килка дни оными оратъ казалъ, а иншихъ и до ораня дворного, хоть не повинны, примусилъ; поданыхъ Воротневскихъ, тыхъ што зъ Очавчичъ пришли, не чекаючи нимъ имъ рокъ вышолъ, до роботы примусилъ; а въ Романове Ярмолову матку, которая зъ сынами до пилнованя лесовъ ексципована, впередъ избивши и зранивши, до роботы своеи дворнои примусилъ, и теперъ панщыну робятъ; подъ который часъ ижъ южъ сыны тое то подданое лесовъ и пусчи не пилнуютъ. Року теперешнемъ, тисеча шестъсотъ тридцатомъ, месеца априля десятого дня, пусча Звировская, Синяковская, которая до Воротнева належитъ, и Очавецкая мало не вся черезъ пожаръ, за непилнованемъ ихъ, згорила; черезъ што помененый протестуючийсе пану своему менуетъ шкоды на три тисечи золотыхъ Полскихъ. Презъ которое то надъ инвентаръ утяженя презъ его милости пана Линевского и ее милостъ панюю малжонку его, черезъ урядниковъ и слугъ его, съ тои маетности поданыхъ килка въ року теперешнемъ розными часы прочъ пошло, а меновите: зъ села Романова—Миско а Раско Велиски, боярове, Сасько Купрыкъ, Миско и Лавринъ Белюнъченята, Куцъ Дудка. О што все, яко се выжей поменило, и повторе именемъ его милости пана Фирлея противко его милости пану Линевскому светчилъ се и протестовалъ, оферуючи его милости пана Фирлея зъ его милостю паномъ Линевскимъ инъ форо фори правне поступитъ. А верификуючи тую протестацию свою, тотъ же возный вышъпомененый, Федоръ

Высоцкий, передо мною, урядомъ, стоячи, созналь тыми словы: ижъ я, возный, въ року теперешнемъ, тисеча шестъсотъ тридцатомъ, месяца апреля одинадцатого дня, будучи въ селе Воротневе и въ селе Романове, пыгаломъ се одъ его милости пана Фирлея урядовне поданыхъ: для чого прочъ утекаютъ и теперъ на ярину въ полю собе не орутъ?—теды подданые поведили передо мною, вознымъ: »якъ же маемъ оратъ, коли уставичне на пансчину робымъ и иншие повинности надъ инвентаръ чинимо.« И то, што помененый возный видилъ и слышалъ, то сознаваетъ; и просилъ, абы тая протестация и реляция его была принята и до книгъ записана,—што, за принятемъ моимъ врядовнымъ, есть записано.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, годъ 1630, № 2458, листъ 672.

CXLVII.

Жалоба отъ имени пана Балабана на пана Беневскаго о угнетеніи послѣднимъ крестьянъ въ арендуемомъ имъ имѣніи Балабана, с. Хорохоринѣ. 1630 г., мая 25.

Року тысеча шестъсотъ тридцатого, месеца мая двадцать пятого дня.

На рочкахъ судовыхъ, кгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня двадцать третего месеца маия, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне одправовать зачатыхъ, передъ нами, княземъ Павломъ Друцкимъ Любецкимъ, подстаростимъ, а Гелиашомъ Бронницкимъ, судею, врядниками судовыми, кгродскими, Луцкими, постановившисе очевисте шляхетный панъ Стефанъ Беличкевичъ и слуга урожоного его милости пана Даниеля Балабана, именемъ помененого его милости пана своего, сведчилъ и протестовалъ се на урожоного его милость пана Базилего Беневского о то: ижъ помененый панъ Беневский,

арендовавши у протестуючого маетность его дедичную, дворъ и село Хорохоринъ, интерцизою, межи протестуючимъ а собою зъ обохъ сторонъ тое аренды учиненою, варовалъ во всемъ водлугъ помененои интерцизы и инвентаря, собе поданого, заховати, то есть: подданыхъ надъ звычай роботами не утяжати, въ подводы надъ повинность не выганяти, въ свята поддаными не робити, запустовъ на иншомъ местцу, тылко на томъ, где интерцызою указано, не рубати, во млине на дню, протестуючому зоставленымъ, не перескажатъ и въ жадные се пожытки и кгрунты, собе не належачие, не вдавать, то подъ закладомъ и шкодами, въ тои интерцызе выражоными, о чомъ тая интерцыза ширей въ собе оповаетъ. Которое его милость панъ Беневский препомневши, и на закладъ, въ ней заложоный, ничого не отледаючисе, умыслне чинечи протестуючому и поддаными его великую кривду и шкоду, розными способами поданыхъ, собе арендовныхъ, утяжаетъ, и маетность пустошитъ, а то есть меновите: подданыхъ до незвычайного ораня и роботы примушаетъ; албовемъ, водлугъ инвентара, полъволочни повинни тылко одного тыждня чотыри дни, а другого тыгодня три дни на перемены орати, а помененый его милость панъ Беневский три дни въ кождый тыденъ полволочному зъ волами оратъ, а другие три дни робыти тыми-жъ волами, любо пешо робити кажетъ и примушаетъ; а кгды хлопъ прочъ для незноснои кривды идетъ, теды, што бы мелъ оного шукать, и овшемъ другимъ мовитъ: »хоть вси идте, я и квити вамъ дамъ,«—што все ку шкоде протестуючого се чинитъ; другая: поданыхъ въ подводу, не водлугъ инвентаря, до Люблина албо до Львова, але есче и въ далшие дороги выганяетъ, а выгнавши въ подводу, дома зособна робити кажетъ; третяя: въ неделю и въ свята и иншие, которые суть интерцизою варованые, на остатокъ и въ самый день Великои Ночи робити розсказуетъ и примушаетъ; четвертая: поддаными албо ихъ жонамъ, надъ стародавний звычай и интерцизу, прясти накидаетъ на пасма якиесь незвичайные, которые по два дни, будучи притисненые, прясти мусятъ, ажъ то тылко за оденъ день приймуетъ; пятая: кгрунты церковные, которые отъ давного часу, есче одъ продковъ протестуючого се на церковъ Божую суть наданые и подъ аренду не подлегаютъ, безправне забравши,

оныхъ заживаетъ; шостая: огороды, которые собе протестуючий специфице въ интерцизе вынялъ, упорне на себе поорать и посеяти росказавъ; семая: умисле протестуючому чинечи шкоду, и хотечи маетность спустошити, не водлугъ инвентара заховуетъ, албовемъ не натомъ местцу, где ему инвентаромъ указали, рубати кажетъ, але въ што найгуштшомъ запусте, и которыхъ протестуючий интерцизою съ тои аренды винялъ, ку своему заведованю зоставилъ,—рубати и пустошити кажетъ; осмая: день понеделковый въ каждомъ тыгодню, который протестуючий во млине на потребу свою зоставилъ и интерцизою варовалъ, теды его милость панъ Беневский не тылко перешкоду чинитъ, але и мелти забороняетъ, же ажъ протестуючий до иншихъ млыновъ молоти на потребу свою посылаетъ, зъ великимъ утяженемъ своимъ; девятая: такъ великими и незносными кривдами и роботою незвычайною, такъ же битиемъ и мордованемъ подданыхъ, килку арендовныхъ въ року теперешнемъ прочъ одогналъ, которые не могши таковыхъ кривдъ вытерпети, прочъ одойти мусили, а то естъ меновите: Семенъ Кистеня, Костешенятъ два браты, также Ивко Ифеникъ, Чекало Остапъ. Чимъ все, яко се поменило, его милость панъ Беневский не тилко интерцизе се своей арендовной спротивилъ, але и въ закладъ, въ ней заложоный, попалъ и до шкодъ протестуючого се приправилъ и приправуетъ; презъ што его милость панъ Балабанъ, маючи кривду и шкоду, а видечи такъ великое спустошене маетности своей, розогнане подданыхъ, таковую протестацию занеслъ, оферуючисе зъ его милостью паномъ Беневскимъ о таковые кривды и шкоды своей, затымъ и о закладъ перепалый, въ суде належномъ правне чинити. И просилъ помененый панъ Беличкевичъ, абы тая протестацыя, именемъ его милости пана Балабана занесенная, была принята и до книгъ записана,—што, за принятиемъ у суду нинешнего, естъ записана.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2459, годъ 1630, листъ 920.

CXLVIII.

Инвентарь с. Радомышля, съ подробнымъ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., мая 16.

Року тисеча шестсотъ тридцать первого, месяца мая семнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Александромъ Малиновскимъ, буркграбимъ и намѣстникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешними кгродскими, Луцкими, становши очевисто шляхетный Миколай Воротневский, возный енералъ, урядови нинешному добре знаемый, такъ же при нимъ сторона, шляхта, люде добрые, урожоный панъ Янъ Росинъский и панъ Себестиянъ Поляковский, для вписаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Луцкихъ, подали перъ облятамъ инвентаръ маетности, двора, села и подданыхъ Радомышля, презъ урожоного пана Ерого Ясчуровъского, слугу велможного, недавно зошлого, пана Александра Прусиновского, воеводича Белзского, велможному его милости пану Янушови Прусиновскому поданое, о чомъ тотъ инвентаръ ширей въ собе маетъ, просячи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я, врядъ, тотъ инвентаръ для вписаня до книгъ приймуючи, читаломъ, и такъ се въ собе, писмомъ полскимъ писаный, маетъ: »Inwentarz maiętności, dworca y sioła Radomyszla, przy podaniu przez urodzonego pana Jerzego Jaszczurowskiego, sługę wielmożnego, dopioro zmarłego, pana Alexandra Prusinowskiego, woiewodzica Bełskiego, w possessyą tey maiętności wielmożnemu jegomości panu Januszowi Prusinowskiemu, iako bratu stryieczno-rodzonemu y opiekunowi przyrodzonemu wielmożnego pana Adama Prusinowskiego, woiewodzica Bełzkiego, lat niemaiącego, przez woznego jenerała woiewodztw Kiiowskiego, Wołynskiego y Bracławskiego, szlachetnego Mikołaia Worotniewskiego, y szlachte ludzij dobrych, urodzonych pana Jana Rosińskiego a pana Sebestiana Polakowskigo, przy bytności urodzonych ich mościow panow: iegomości panu Pietrze Kruszu, panu Szczesnym Klukowskim, panu Malchrze Choieńskim, panu Janie Gorzskim,

panu Szymonie Napirskim, panu Janie Nakielskim, w roku tysiąc szescset trzydziestym pierwszym, miesiąca maia dnia szesnastego spisany. Włoczny: pop, Demid Szpak, Fedko Dmitroszenie, Dacik, Mizko Zabusky, Jarmoł Jasiczenie, Kuzma Chitczenie, Fedor Przyhalica, Szpak Iwan, Soroka Awdziey, Mikita Spak, woyt, Iwan Sawczenie, Prokop Saszko, Iwan Sosnowik, Moysey Juszczenie, Jurko Narywonowicz, Onacko; powinność tych: czynszu pieniężnego złoty ieden, żyta mace iedne, owsa mac cztyri, kapłunow cztyri, gęś iedna, kury czynszowe, rostwiane, gruszkowe, jaiec jedenaście. Połwłoczni: Jarosz Awdijuk, Tymko Nagurny, Ihnat Wasyczenie, Fedor Owadicz, Sawka Sawczenie, Wasko Arapczuk, Iwan Waskowicz Sawczycz, Iwan Połowczenie, Łudka Haliczenie, Iwan Puzaczienie, Denis Dudka, Omelko Przydatek, Senko Wysoczka, Wasko Szpak, Senko y Pawel Kisieliki, Stepan Hrinieszik, Jakim Sczerbalenie, Misko Mison, Lesko Przyhrebiczenie, Kuriło Spiewak, Jarmoł Prystupa, Jasko Nalewayko, Demko Prochowicz, Misko Wilik, Fedko Seplicky, Martin Drzugamaroż, Iwan Nikiporenie, Jarmoł Hrzycej—kowicz, Demko Bielik, Maxim Sołod, Demko Frud, tiwon, MysakStepan, Łobczenie Klim, Borys Łobczenie, Hawriło Onadczenie, Onisko Omelczenie, Chweś Harasimczenie, Wasko Kudzinczyk, Klim Makarczenie, Paweł Zahareyczenie; powinność tych: czynszu pieniężnego po groszy piętnastu, żyta po połmacy, owsa po dwie mace, kapłunow po dwa, gęś, składaią dwa iedne jaiec welikodnych po pięciu, kury czynszowe, rozstwiane, welikodne, gruszkowe. Czetwertnicy: Fedko Boszczenie, Hrić, Skorochodicha wdowa, Ułas Szołostyn, Ihnat Kon, Martin Połowczenie, Jarosz Susczenie, Andrzey Werhun, Serhey Poberežnik, Ihnath Boszczenia, Wysocky, Martin Bakowczenie, Michno Szczerbal, Sacz Chortik, Hurin, Senko Bułaka, Marko Seliwonowicz, Ławren Karaban, Wasko Slepyj, Wasko, Linko, Chwalina, Chwedko Bielik, gumiennik, Wasko Nikiporenie, Jakim Czobotarewicz, Kirik Krawiec, Mikita Mały, Wereda, mielnik, Kuzma Puzaczenie; powinność tych: czynszu pieniężnego po groszy półośmu, żyta po czwiercy, owsa po mace jedney, kapłunow po iednemu, gęś powinni oddać cztyrech iedne, jaiec welikodnych po trzy, kury czynszowe, rozdwiane, welikodne, gruszkowe. Zagronicy: Fedko Kohordyniec, Poberežnik, Fedko Łysak, Siemion Szwiec, Iwan Łazaczyn, Ihnatko Narywonczycz, Ostap Prasoł, tiwon, Jarosz Szwiec, Tyszko, Sliepy, Paweł Płaksicz, Kondrat Piatka, Panas Korzeniecz, pastuch, swiniarz, Micz Chidrzewiecin, Dmitr Kowal, Jasko Bielik, stadnik, Siemon Kudra, Martin Budz, Nazar Pasiecznik, Piotr Bodnarz, Łukaszycha wdowa, Piszczycha wdowa, Roman Skoworodka, Misko Ladnisyk, Ławrin Dmitroszenie, Horbaczycha wdowa, Stepan Hulenie, Misko Bazarab, szwec, Sawka Bondarczuk,

Mitko Czobotarenie, Harasim; powinność tych: czynszu pieniężnego po groszy półośmu, żyta po czwierci, jaiec po trzy, kury czynszowe, rozdwiane, welikodne, gruszkowie. Komornicy: Osacką Korkodiwianka, Prowołoczycha, Demko Krawczuk, Wowdia Spetrika, Iwan Klebanczuk, Woyciechowa Masztalierowa, Juchim Kwitoczka, Pastuszka wdowa, Jarmoł Weremczuk, Pilip Nikiporczuk, Karabanowa newistka, pastuszka, Ladnizycha, Prochor Łobczenie, Łuczka Kotek, Klim Rybołow, Bodeyka wdowa, Hawryło Naidun, Błaszko, Jaruszka, Łucia, Hasia Kreselicha, Domacha wdowa, Żynczycz, Utakowski, Misko Horbaczuk, Hasia Medwedycha, Maruszka Korczycha, Jakubicha Saśka, Omelko Kudra, Lesko Lepeyko. Karczma w Radomyszlu, w którey yzba i z komnatą, z stainią, piwnica, do tey ogrod. Młyn w Radomyszlu, jedno koło, który tylko na wiosne mielie. Staw w tymże Radomyszlu,—ten niespusny, na wychowanie dworskie zawsze zażywany; włok pustych na Radomyszlu piętnaście, s kożdey daią po kopie Litewskiey y dziesięcinę. Osiewek w tym folwarku ozimy: żyta wysiano mac torczyńskich dziewięćdziesiąth, przenicy ozimey mac torczyńskich dwadzieścia y dwie; osiewek jarzynny: owsa mac torczyńskich osmdziesiąth, grochu mac torczyńskich trzy, jęczmienia mac torczyńskich piętnaście, pszenice jarey mac torczyńskich połtory, siemiena lnianego maca torczyńska iedna, siemienia konopnego mac torczyńskich połtory, prosa mac torczyńskich połtory; ogrod, jarzyną zasiany, jeden. Budowanie w folwarku Radomyszlskim: naprzód dom, słomo nakryty, w tymże domu sień, z teyże sieni yzdebka, w nij okien trzy, piec zieliony, z yzdebki komora chrościana, glino obliepiona; pod komorą lioch dla piwa. W tymże domu piekarniczka mała, podle niey komora s chrostu, glino obliepiona; w podwurzu sernik, podle niego kurnik, glino obliepiony; w tymże podworzu komor dwie chrościanych, trzecia komora glino obliepiona, piwnica, gdzie nabiał chowaią. W tymże folwarku browar zły, do którego kotła niemasz, słodownia, winnica, gdzie gorzałke paliono, do którey banie żodney nieoddano, stajnia dlia konij chrościana, glino oblepiona, piekarnia dla komornich (sic) s chrustu, glino obliepiona; podle niey: chliwow dwa chrościanych, złych, obora dlia bydła y szopa, obora dlia owiec y szopa, obora na stado y szopa; w gumnie stodoła s chrustu, barzo zła, szpiechlierz chrościany, stary, szopa dla siana, chrościana; stada, bydła, owiec, swini, także y inszego domowstwa nic a nic nieoddano, tylko sam goły y pusty folwark. Działo się w Radomyszlu dnia cztyrnastego miesiąca maia, roku tysiąc szescset trzydziestego pierwszego«. У того инъвентара при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: Za oczewistą prozbą pana Mikołaia Worotniewskego, jenerała woiewodstwa Wołynskiego, isz sam pisać nie umie, przy pieczęcy jego własney,

na miescu iego podpisuiesie: Krzysztoph Waskowsky; Jan Rosinsky, rękę swą; Sebestian Polakowsky, rękę swą«. Который же то инвентаръ, за поданемъ и прозбою вышменованыхъ особъ, а за принятьемъ моимъ урядовымъ, увесь, слово въ слово, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть уписанный.

Книга гродская Луцкая, записовая и поточная, 1631 года, № 2144, листъ 737.

CXLIX.

Инвентарь половины с. Шпакова, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., іюня 23 д.

Року тисеча шестсоть тридцатъ первого, мѣсяца іюня двадцать третего дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Александромъ Малиновскимъ, буркграбимъ и намѣстникомъ подстароства Луцкого, постановившисе очевисто урожоный его милость панъ Иванъ Козинъский—зъ одное, а панъ Станиславъ Колачковичъ—зъ другое стороны, для вписаня до книгъ нинешныхъ, кгродскихъ, Луцкихъ, подали инвентаръ списанья маетности половици села Шпакова, съ печатми и подписами рукъ своихъ, о чомъ тотъ инъвенътаръ ширей въ собе маетъ; которого во всемъ устнымъ очевистымъ сознаньемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, просили, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ; а такъ я, врядъ, для вписаня до книгъ оного приймуючи, читалемъ, и такъ се въ собе, писмомъ полскимъ писаный, маетъ: »Inwentarz spisania poddanych moich w selie Szpakowie, tak też zasiewku zboża ozimego, pszenicy, żyta, y jarego zasiewku, owsa, jęczmienia, na połowicy pol dwornych sioła Szpakowa. Napierwey zasiwek:—ozimego zboża, żyta, pszenice mac dwadzieścia zasiano na obszarach moich dwornych dwoch, od Hruszwice y za przednim lasem Szpakowskim; owsa mac czternaście zasiano; jęczmienia trzy mace zasiano za okopem bez przędziwa (sic); pola na paranine dwa obszary dworne pod lasem przednim, Szpakowskim; w trzecią rękę pol w Dworowiczach za-

Mielnikiem y nad Janiewiczami,—te wszystkie obszary dworne owsem zasiano, oprocz okopu y ostrowa s pasieczyskiem, y pola między rowami na parenine; te pola, obszary dworne, które teraż w tym roku pan Kołaczkowicz bierze, w tysiąc sześćset trzydziestym pierwszym (roku) zasiane, powinien będzie przy wyściu arędy, da Pan Bog, z takim zasiewkiem oddać y ustąpić; ktory zasiewek ma być wcześnie zasiany przy widzu moim zasiewki. Parobka y pastucha mego wolne zostawuie w obszarze moim dwornym, za lasem przednim. Poddani włoczne: pierwszy Andrzey Jwaszkowicz na włoce, ma wołow cztery, koni troie; drugi Siemion Morozowicz na włoce, wołow trzy, koni troie; trzeci Juliy Hryceykowicz na włoce, koni trzy, wołow troie; czwarta Kirilicha wdowa z synami na włoce, wołow dwa, koni dwoie; piąta Hudrnicha wdowa z synami na włoce, wołow dwa, koń ieden; ci poddani łanowe powinni z włoki co dżeń robić koniem, y pieszo ieden, orać powinni po cztery dni z włoki na parenine, na wiosne orać także powinni po cztery dni z włoki, powinien dać z włoki gęś i dwa kapłuny, podwodę z zbożem fur dwie, bądź do Lwowa albo do Buga, we żniwa powinni żąć po dwoie z włoki—w poniedziałek, we środę, y w piątek;—we wtorek, we czwartek y w sobote—po iednemu, tłuka w sobote o moim chliebie y piwie. Poddani na połwłoce: pierwszy Biruk na połwłoku, koń i wołow dwa; wtory Misko Worobey na połwłoku; koni dwoie, wołow dwa; trzeci Swita na połwłoku, koń i wołow dwa; czwarty Hrycko Rewczenia na połwłoku, koni dwoie, wołow dwa; piąty Lipski, krawiec, na połwłoku, koni dwoie, wołow dwa; szosty Trochimenia Dudka na połwłoku, koń y woł; siodmy Demidenia na połwłoku, koń y woł; ośmy Jwan Zduchoweic na połwłoku, koń ieden; dziewiąty Jacenia Zduchowicz na połwłoku, koni dwoie, woł; dziesiąty Jwaszko Daszczenia na połwłoku, koń, woł; jedenasty Szemriło na połwłoku, koń, woł; dwanasty Petryk na połwłoku, wołow dwa; trzynasty Przychodko na połwłoku, wołow dwa; czternasty Naum na połwłoku, wołow dwa; piętnasty Iwan Omelczenia na połwłoku, woł; ci poddani połwłoczni po trzy dni w tydzień robić powinni, po iedney furze bo Lwowa albo do Buga raz w rok z zbożem powinni odwieźć; powinni dać ich dwa z włoki gęś y po kapłunu; we żniwa w poniedziałek—po dwa żeńcow, we wtorek—po iednemu, we srzode —po dwoie, we czwartek—po iednemu, w sobote tłuka o moim chlebie y piwie; orać z połwłoki każdy powinien na parenine dni dwa, a na wiosne na owies dwa dni. Młyn na rzece Stuble, klatka,—w którey dwie koło mącznych, y w połowicy stawa część na mnie należąca, to iest wszystkiego stawu spolnego Zarzeckiego y Szpakowskim czwarta część, ktorego stawu spust przypada w roku teraznieyszym tysiąc szescset trzydziestym pierwszym, o swiętey

Pokrowie, ruskim święcie, a zaięcie tego stawu po spuście ma być o śrzodopościu; w ktorym spolnym stawie zostawuię sobie wolne łowienie ryb, tak przed spustem, iako y po spuście, na potrzebę moią dworną; tak też w tym młynie moim, ktory arendował, wolne mliwo w tych trzech leciech na potrzebę moię dworną; tak też y w dworowickim stawie wolne łowienie ryb na potrzebę moię dworną, y we młynie dworowickim wolne melcie na dworną potrzebę moię; młynarze obydwa powinni robotę moią dwornę robić y odprawować według powinności dawney, co kolwiek potrzeba będzie; ogrody moie dworne wolnie sobie zostawuię przy dworze i mieszkaniu moim; spust stawu dworowickiego przypada w roku, da Bog przyszłym, tysiąc szećset trzydziestym trzecim w Piotrow post, a po spuście sześć niedziel zaięcie tego stawu, iako pierwey bywało, tak ma być; w dąbrowie, zapusty y lasy pan Kołaczkowski żadnego wstępu nie ma mieć w tych trzech leciech dzierżawy swey tey arendy, y kto by inszy, od pana Kołaczkowskiego trzymał, żaden do zapustow wstępu nie ma mieć. A na tom dał ten moy inwentarz, ręką moią pisany, s pieczęcią y s podpisem ręki moiey, tak też s pieczęcią y s podpisem ręki pana Stanisława Kołaczkowskiego. Pisan w łucku, roku tysiąc szescset trzydziestego pierwszego, miesiąca juny dwudziestego trzeciego dnia. Pobory, com ja nie płacił, powinni zapłacić y oddać na święty Siemion—iarmark Łucki, w roku teraznieyszym, tak też y długi moie insze powinni mi płacić. У того инвентара при печатехъ подпись рукъ тыми словы: Iwan Kozinski, reką; Stanisław Kołaczkowski, manu propria. Который же то инвентарь, за поданьемъ и очевистымъ признанемъ вышменованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь, отъ початку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть уписанъ.

Книга Луцкая, гродская, записовая и поточная, 1631 года, № 2144, листъ 927 на оборотъ.

CL.

Инвентарь с. Богурина, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., іюля 1.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ первого, месеца іюля девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Костантиномъ Хорошкомъ, будучимъ на тотъ

часъ наместникомъ подстароства Луцкого, и книгами нинешъними, кгродскими, Луцкими, постановившися очевисто урожоные ихъ милостъ, панъ Войтехъ Рокгуский и пани Катарина Каршницкого Рокгуцкая, малжонкове—зъ одное, а ее милостъ пани Анъна Ярошевая Станишевская и панъ Станиславъ Хлебовъский—зъ другое стороны, для вписаня до книгъ нинешънихъ, кгродскихъ, Луцкихъ, подали инвентаръ списаня маетности села Богурина и зъ приселками и зо всими приналежностями, съ печатми и съ подписами рукъ своихъ, о чомъ тотъ инвентаръ ширей въ собе маетъ; которого во всемъ очевистымъ, устнымъ и доброволнымъ сознаньемъ своимъ зъ обохъ сторонъ ствердивши и змоцнивши, просили, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ. А такъ я, вряцъ, оного для вписаня до книгъ приймуючи, читалемъ, и такъ въ собе, писмомъ полскимъ писаный, маетъ: »Inwentarz maiętności Bohurzynskiey, ze wszystkiemi przynależnościami, na części jego mości pana Woyciecha Boguskiego, woyskiego Latyczowskiego, należący, przez pomienionego jego mości pana woyskiego ich mościom paniey Annie Staniszowskiey i Stanisławowi Chlebowskiemu w roku terazniejszym, tysiąc sześćset trzydziestym pierwszym, dnia pierwszego miesiąca lipca, arędowany. Naprzod: zamek, w któtym zamku brama pobita dobrze porządnie, zupełnie, wał zupełny nie naruszony, parkan nowy, budowanie dwoie,—w pierwszym budowaniu: swietlica porządna z alkirzem y s kownatą porządną, zamkami, zaszzepkami, zupełnemi oknami, z obiciem sukiennym, z piecem dobrym y z kominem murowanym, z krato, z ławami około yzby, żydlami ze dwoma wielkiemi, a z trzecim małym, stołami dwiema; znowu swietlic cztery, oprocz tey, porządnych, z oknami z ławami, stołami, z piecami porządnie oddane, ganek, przed pierszą swietlicą będący, stainia, łaznia y kuchnia—tak że porządnie, baszta druga za stajnią, nowo zbudowana, porządna, szpichlirz, syrnik y komora; pod nim ogrodek ogrodzony pod swietlicą y ziołami, piwnic dwie, trzecia na jarzynie na przygrodku, parkan od wrot aż do szańcu, ostrog z drugiey strony wrot aż do pastewnika, ostrogiem ogrodzony od szańcu, częstokoł aż do gumna; na tym przygrodku stania lisą zapleciona, poszyta słomą; browar s kotłem dobrym nienaruszonym, miedzianym, wielkim, y s korytem, y s kadziami dwiema, y s przykadkami dwiema gorzałczanemi; słodownia s korytem y s piecem zo zdebnym; u tego browaru skobel żelazny; ku gumnowi idąc, chliwow dwa, kłunia krzyżowa, ze czworgiem wroty, u iednych skobel żelazny, a drugie sie zewnątrz zamykaią; wozownia y plewnik; ogrody ogrodzone dobrze,

zasiane, dwa,—obadwa na przygrodku a trzeci zgotowany na rzepe. Poddani tey maiętności, naprzod włoczni: Nester, pługiem swym orze; Kuzmenia, pługiem swym orze; Rudyka, pługiem swym orze. Powinność włocznych: podwodę do Kazimierza raz, albo do Buga—dwa razy—na woli pańskiey będzie, po pięć czwirci maią brać Torczyńskiey miary na woz; co dzień robić tak zimie jako y lecie powinni; kapłunow po dwa dawać, a po czwirci chmielu, po dwoie kur, to iest na Wielkanoc kure a na Boże Narodzenie kure. Pułwłoczni: Chmara Lewosz, Makar Szamunka, Jwaszko Lesniczy,—ten tylko orać powinien, a w podwodę gdzie drudzy poiadą—daley nic, Andrzey Tonszy, syn Naum, Jasko, pasynek Lewoszow, Grześ Szamunka, Olexy Kula, Onisko Goy, Kostiuk, Lawrysz Denisowicz, Deszko Wegera, Huryn, Jwan Denisowicz, Hryńczuk Winnik, Piotr, Jacko, Hasanow zięć, Lysy, Towsty, Misko Lobko, Mikołay, Ciesczyn syn, Jusko Bedrey, Pilipenia, Marcinko, Omelan. Powinność tych połwłocznych: maią dawać po kapłunowi y po ośmace chmielu, powinni robić po trzy dni, a czwarty dzień tłuki, lecie podwoda do Kasimierza iedne w rok, albo do Buga dwie,—których półwłocznich y włoczych podwod ma być trzydzieści pomieniono; a co nalepszych koni, powinien wybierać tak z włocznych, jako y z półwłoczych, a drudzy słabszy powinni sie doma zostawować; Kotek półwłoczny powinien robić dwa dni a trzeci dzień tłukę; Serhiy powinien dwa dni a trzecią tłukę; Semen Krzysztoph po dwa dni, a trzecią tłukę; Szamuńkow syn, — ten powinien dwa dni robić aż od Wielkiey Nocy, a teraz jeden dzień, poki żniwa, a drugi na tłukę,—od podatkow wolen aż do Wielkiey Nocy; Dziedziurka, Borszczewsky—ci po dwa dni, a trzeci dzień tłuki. Co po dniu robią: Hubarycha—dzień a lecie dwa dni, Daniło—dzień, tak że Moysiey—dzień, Lewon—dzień, Hawryło—dzień, —ci wszystcy powinni po dniu robić a trzeci dzień lecie na tłukę, a podatkow żadnych nie powinni; Paweł na woli, boiarzyn, nie powinien, iedno na mil cztery, kiedy konia ma, y piechotą za mile, jednakże na tłukę dzień powinien posłać. Rzemieśnicy: kowal za chlebem y węgłem pańskim powinien darmo do dwora robić, Kalitka tak że za chlebem y za dratwami y na dziegeć dawszy mu, za robotę nie płacić Kary, szweć, tak że, za wszystkim pańskim, powinien darmo robić do dwora. Szlachta: Karmańsky, Grzegorzowsky, Kaczanowsky, Krasowsky—od wszelakich podatkow y roboczyzny wolni, a przy wszystkich polach y sianożęciach zostawać maią. Krasowsky lasow powinien pilnować, a od wszystkich robot wolny, to iest Kozinszczyzny lasu ma pilnować, żeby nierąbano; Kaczanowsky—od Hlinek powinien, żeby nie rąbano, a gdy potrzeba będzie—ten powinien y z listem iachać na Podole; Stanisławowa Wola: ci wszystci powinni, oprocz Koczanowskiego, na zażynki, na zakosky,

na obkosky y na obżynki powinni; podatkow żadnych, a ni robot, a ni podwod nie powinni odprawować. Jch mości panowie arędarze też pola powinni zasiać: pierszy naprzod na Podliskach łan, pszenicą zasiany; drugi łan od Babina, w spułszczyznie, żytem zasiano; trzeci na . . . . . od kopców, łan, żytem zasiany; czwarta włoką w Kozinszczyznie, żytem zasiana; piąty łan w Kozinszczyznie, pszenicą zasiano; szosty łan na Panasowszczyznie, żytem zasiano; siodma włoka na Kozinszczyznie, co Żarsky trzymał, żytem zasiano; ośme dwa łanki na Hasanowszczyznie, pszenicą zasiano; dziewiąty, co zasiano wedlę Ratay, łan; dziesiąty znowu na Hasanowszczyznie na iedney niwie, pszenicą zasiano; jedenasty znowu na Hasanowszczyznie—łan, żytem zasiano; dwunasty łan na Hasanowszczyznie, żytem zasiano; przeiezdżaiąc do pareniny, trzynasty łan wielki u Gruszki, żytem zasiano; czternasta na Baszynie, na Opanasowszczyznie—niwa, żytem zasiana; piętnasty na Kudrawy—łan, żytom zasiano, włoce Kozińskiego; szestnasty na Szamuńkowey niwie, posiano żytem; siedmnasta na Opanasowszczyznie, zasiano żytem; ośmnasty na Baszynie łan wielki, żytem zasiano; dziewiętnasty pod Kipczem—zascianek, pszenico zasiano. Pola od bieskie, naprzod: w Kreczeczyszczach, Hasanowskie dwa łany; znowu wedle tych że Hasanowskich łanow cztery; Jaroszowa—łan jeden; Hasanowsky znowu łan wielki; miedzy drogami Hasanowsky u kurhana łan wielki Hasanowsky, pustowsky; y k stowpu idąc, łan wielki Hasanowsky; wedle tegoż, w tym że mieyscu, Hasanowskich łanow dwa; włoka za stawem Manasowska do dwora należy. Regestr jarzyny: naprzod obszar w Hatyszcz, owsem zasiany na tym że y ięczmieniem pospołu posiano; na Hasanowszczyznie, wedle tego łanu, owsem posiano; znowu wedle tegoż łanu, hreczko zasiano; tu, pode wsią, wedle groble, owsem zasiano; hreczki posiano lanow trzy, za gurą, pode wsią, prosa włukę w dąbrowie posiano, obszary w paraninie, obszar od grobli wielki; z nowuż, wedle tego, u nowyj grobli, łan wielki; wedle tych że łanow — w Kreczeczyszczach łan wielki; znowu, wedle tych że łanow, ku głębokiey dolinie, łan; pleso u kurhana wielkie; pleso na kropiwie do dwora należy; łan nad Czarnołozo dworny; lan, co chłopi Dorohobuscy posiali, maią żąć teraz za pańskiemi łanami; w kącie niwa do dwora należy. Sianożęci dworne: sianożęć do dwora na Kozinszczyznie, sianożęć na Lysey Gurze—do dwora należy; sianożęć na Hatyszcz—do dwora należy; sianożęć za rzeką, u Kruty Gury, do dwora należy; sianożęć za rzeką, za gaiem, do dwora należy; w Ostrowie sianożęć pod Nowostawcami, tam że y łanek na ostrowni, y niwa — do dwora należy; na Błudecku sianożęć — do dwora należy; na Głębokiey dolinie sianożęć, począwszy od nowey

grobli, sianożęci dworne, aż do krinice bezedno brzeg, gdzie woła sie sadzi, począwszy od Haidukowego ogroda, aż do Denisowiczowey sianożęci; na kurhanie, nad stawem Chocimem, sianożęć wielka dworna; sianożęć Hasanowska na Kudrawey; jeśli by zamiana nie doszła, tedy y za dworem sianożęć wielka, pod dworem pana Hrebtowiczowym, ich mości panowie arędarze też pola powinni arędować; także też y zaprzedać, którę są zaprzedane y arendowane y to aż w trzecim roku y dziesięciny dać. Nowin na Kosinszczyznie nie powinni kopać, tylko na podliskach od granice Glinieńskiey. Gumno, siano, pola pustowskie,—tedy to wszytko czternaście set złotych położyliśmy ich mościom panom arędarzom arędą, młyny, karczmy, przewuz—złotych pięć set, stawy na kożdy rok dwieście złotych, y do tego sadzawka pode dworem; ieziora trzy: Kotowskie, Suprunowskie y Wołczkowskie; podwoda—pułterasta złotych; a koliejna podwoda niema być na dali, jedno za mil trzy albo cztery; miodu pułbeczek, w którym ma być wiader dwie Ostrowskich, to iest: na wieśnie powinien sobie jego mość wziąc; a ieśliby czego do tych dwuch wiader niedostało, powinniśmy dodać, a ich mości panowie arędarze powinni mieć swego bartnika, y co osadzi w barciach, powinien tego używać a do tych dawnych barciach ich mości nie należą bo śmy to sobie wolno sostawili. Stróżowszczyzny złotych dwadzieścia chłopi powinni dawać na kożdy rok, na tłukę powinni przez zime trzy razy prząć; orać powinni wszytkiemi pługami na parenine dni dziesięć, a na wiosne ośm, a na ziobl pięć dni powinni; na panszczyzne tak chodzić jako u pana Hrebtowicza; jezior kilka spolnych, którę wolno będzie ich mościom łowić, y rzeczyszcza—spolnie s panem Hrebtowiczem. Folwark na podliskach, gdzie bydło bywało, naprzud: piekarnia, z sień piekarnia, komora rąbiona, piwnica, kłunia, chlewy, ogrody, obory, dobrze ogrodzone, y ogrod dobrze zasiany. W Bohurynie na ogrodzie cybule grzęda sadzoney, marchwi grząd dziewięć, pasternaku grząd sześć, cwikły grząd dwie, cybule grzęda sianey, kapusty grząd ośm; na drugim ogrodzie poznieyszey jarzyny: cybule grząd siedm sianye a marchwie cztery, pasternaku cztery, kapuste dwanaście, pietruszky sianey grzęda, cwikły grzęda. Na tym że ogrodzie grzędok sześć ogurków, pastewnik w koło, porządnie ogrodzony, aż do młyna; w tym że młynie dwa kamienie y stępy y folusz,—młyn porządnie pobity, y skrzyniami wymiarnemi y spytłowiemi. Na Komatkowie karczma, swietlica s kownato, piwnica, sień dobrze ogrodzona z żłobem y z drabino; młyn drygi na Chociniu, w którym kamień jeden a stępy, powinien naprawić mielnik; karczma na goscincu od Ostroga pobita o dwuch wirzchach y z rynami nowemi, swietlica z oknami, stołami, z ławami y s kownatą, s piecem y s piwnicą, z żłobami, z drabinami,—obiedwie karczmy

porządnie oddane ze wszytkim, tak że też y groble porządnie oddane trzy, y dobrze obwarowane, beczek wielkich siedm, pułbeczkow mnieyszych siedm, ostrowek znowu siedm, barył trzy, beczek o iednim dnie cztery, probnic wynnicych trzy, kapusnych beczek ośm, kadłubow dwa, dzieżeczka dębowa, cebrow trzy, liiek trzy, koryto wielkie na wieprze, konwy na wodę trzy, beczek, co na ssypanie sboża, dwie, bednia jedna. U Juska w karczmie: beczek dwie, czwerci dwie y ośmaka, co niemi mierzą, kocieł wielki, drabina do komina wielka, łużek dwie, zydłów bez poręczow dwa; w spiżarnie zasiękow cztery y żłob, schody na gurę, skrzynia na ryby, czołnow dwa, skrzynka sieczkowa, u sieczkowey skrzynki y stalnica; w pierwszey bramie w zwysz mianowany zwod w bramie z łancuchami dwoma y z hakami y s powrozami. W bramie działo spiżowe okowane; na stakiecie orkanki czworo; w drugiey brami zwod ku pastewnikowi. U kazdego chłopa kobyła, y powinien mieć po dwa funty prochu, pod winą nie powinni nigdzie uciekać, jedno do dwora strzeć (uchowaj) Boże nieprzyiaciela, kożdy dziesiątnik swoim dziesiątkiem (sic), bęben haiduczy. У того инъвенътара при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: Woyciech Rogusky, woysky Łatyczowsky; Katarzyna Roguska; Stanisław Chlebowsky imieniem swym y paniey matki swey, jey mości paniey Anny Staniszowskiey. Который же то инъвентаръ, за поданемъ и очевистымъ признанемъ вышъ менованыхъ особъ, а за принятемъ моимъ урядовымъ, увесь, съ початку ажъ до конца, до книгъ кгродъскихъ, Луцкихъ, естъ уписанъ.

Книга Луцкая гродская, записовая и поточная, № 2144, годъ 1631, листъ 1019.

CLI.

Жалованная грамота короля Сигизмунда III скарбовому писарю Филону-Петру Мировицкому на два пустые городища надъ р. Ворсклою. 1632 г., февраля 16.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ третего, месеца марца двонадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Андреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ зам-

ку Володимерского, и книгами нинешними кгродскими, старостинскими, становши очевисто шляхетный панъ Бартошъ Павловский, листъ привилею отъ светое памети Жикгимонта третего, зъ ласки Божое короля Полского, урожоному пану Филонови Петрови Мировицкому, писарови своему скарбовому, подъ датою въ месте Варшаве дня шестнадцатого месеца лютого, року проплого, тисеча шестсотъ тридцатъ второго, написаный и даный, именемъ урожоного его милости пана Теодора Мировицъкого для вписаня до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Володимерскихъ, перъ облятамъ подалъ, такъ се въ собе маючий: »Żygmont trzeci, z łaski Bożey król Polski, wielkie xięże Litewskie, Ruske, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie, Jnflanskie, Szwedski, Gotski, Wandalsky, dziedziczny król. Oznaymuemy tym listem naszym wszem wobec y każdemu zosobna, komu to wiedzieć należy, iż my, maiąc wzgląd y miłościwie baczenie na zasługi szlachetnego Philona Piotra Mirowickiego, pisarza naszego skarbowego, które nam y rzeczy pospolitey od wielu lat nieprzestaiąc służyć wiernie y życzliwie, y do tąd dalszych czynić nie ustawa, onemu y potomkom jego własnym pewne dobra nasze to iest Horodyszczą pustę, dwoie, Hlinską u Bielską nazwane, wyżey Połtawy, nad rzeką Worsklem podle mogiły y Skorobora nazwaney, za rzeką Pszłem, na Ukrainie, w woiewodztwie Kiiowskim leżące, przychilaiąc do constitutiey, w tey mierze uchwaloney, prawom dziedzicznym dać umysliliśmy, iakoż ninieyszym listem z łaski naszey daiemy y konferuiemy. Które to dobra wzwysz pomienione szlachetny Piotr Mirowicky ze wszystkiemi gruntami, polami, łąkami, sianożęciami, borami, lasami, pasiekami, rzekami, ieziorami, stawami, młynami, karczmamy, ze wszystkiemi innemi przynależnościami, które się, iedno w granicach swych zawieraią, w possessje y wżywanie swoie obiąwszy, wolno mu ich będzie de eruda radice osadzać, iakoż sioła, folwarki y siołka poddanemi zasadzać y wszelakie pożytki, kture jedno przemysłem jego wymyślione być mogą, wyiowsy iednak saletry y towary lesne, które tam bez osobliwego pozwolenia naszego robione być nie mogą; których dobr pomienionemu Piotrowi Mirowickiemu wolno będzie, iako swoich własnych, prawem dziedzicznym s potomkami jego wiecznemi czasy zażywać, dać, darować, frymarczyć y wszelakie pożytki, według podobania swego, w nich sobie przywodzić, żadnych nam z tąd y rzeczy pospolitey powinności nie odprawuiąc, oprocz takich, jakim ludzie szlacheccy, dobra za takim prawem trzymaiący, podlegaią, prawa naszego, rzeczy pospolitey y kościoła katholickiego wcale iednak zachowuiąc. Na co, dla lepszey pewności, ręką naszą ten list podpisuiemi, y pieczęć ko-

ronno przycisnąć roskazaliśmy. Pisan w Warszawie dnia szesnastego miesiąca lutego, roku pańskiego tysiąc sześćseth trzydziestego wtorego, panowania krulestw naszych—Polskiego czterdziestego piątego, Szwedskiego trzydziestego ośmego roku. У того привилею печать коронная болъшое канцелярии притисненая, а подпись руки святое памети найяснейшого короля его милости Жикгимонта и писарское тыми словы: Sigismundus rex; Lukasz Zdroiewski. А такъ я, буркграбя, тотъ привилей, за поданемъ и прозбою вышъ меновaного подаваючого принявши, съ початку увесь ажъ до конца, такъ яко се въ собе маетъ, написаный и поданый естъ, до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Володимерскихъ, самый оригиналъ его милости пану Петрови Мировицъкому, яко его милости власне належачий, выдати росказавши, уписати есми казалъ,—и естъ уписанъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 1000, годъ 1633, листъ 182 на оборотѣ.

CLII.

Инвентарь имѣній Владимірско-Берестейской епископіи, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1633 г., марта 30.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ третего, месеца априля второго дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Андреемъ Мисевскимъ, буркграбимъ замку Володимерского, и книгами нинешними, кгродскими, старостинскими, становши очевисто шляхетные панове: Самуель Яликовъский, Григорей Завалский и Криштофъ Метелский, возный, подали инвентарь маетностей певныхъ, одъ высоце велебного въ Христусе его милости отца Іосифа Мокосия Баковецкого, Епископа Володимерского и Берестейского и капитулы тое

жъ церкви соборное Володимерское, ясносвецоному кнежати его милости Юреви зъ Острога на Жаслави Жаславскому способомъ арендовнымъ, подъ датою въ селе Петиднахъ, року теперъ идучого, вышей на акте менованого, месеца марца тридцатого дня написаный, для вписаня до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Володимерскихъ, такъ се въ собе маючий: »Inwentarz maiętności pewnych od wielebnego w panu Chrystusie jego mości oyca episkopa Włodzimierskiego y Beresteyskiego y kapituły Włodzimierskiy xiężenciu jego mości Jerzemu z Ostroga na Żasławie Żasławskiemu sposobem arendownym ustąpionych. Na przod Piatidny; w tych Piatidnach: dwor, za którego xięże jegomość urodzonemu panu Stephanowi Mikołaiowskiemu, który tam był possesorem zapłacił; do tego dworu wiezdżaiąc wrota starcie na biegunach, w tych wrotach fortka z zasczepką, u tych wrot zamek drzewniany; po prawey stronie chliw, podlie tego chliwa drugi chliw; w budowanie dworne wchodząc drzwi sienne na zawiasach, w tych sieniach dwie okna bez błon, w sieniach ława; swietlica—w tey swiętlicy drzwi na zawiasach s klamką y z zasczepką, okien trzy szklannych w ołow robione, piec z kaflów zielonych, zły, s kominkem murowanym, w tey izbie ławy około y stoł z skrzynką, podle pieca komora, drzwi na zawiasach z zamkiem wnętrznym; s tey komory komorka potrzebna,—drzwi na zawiasach z zasczepkami y klamkami; u tey że komorze znowu komora,—drzwi na biegunach z zasczepką; s tey komory snowu drzwi do sieny na biegunach z zasczepką y przyboiem; w komorze okna szklanne w ołów uprawione; s tey że komory alkirz, w którym drzwi na zawiasach z zasczepkami, klamkami, przyboiami, y okien dwie szklannych, w ołow uprawionych; z tey białey izby, ydąc ku ogrodowi, drzwi na biegunach, podle tych drugie drzwi na zawiasach z zasczepką y przyboiem; piekarnia zła, drzwi na zawiasach, okien cztyri bez błon; podle tey piekarni w sieniach komora, drzwi na zawiasach s przyboiem y zasczepką; w piekarni stoł y ław trzy; na podwórze syrnik s komorą, pod nim będącą; komora za syrnikiem,—drzwi na zawiasach z zamkiem wnętrznym; chliw na swinie; chliw na gęsi; chliw na owce; chliw na celęta; stainia, obora, szplichlirz, drzwi na biegunach z zasczepką y przyboiem; podle obory siennik; za oborą, u bok po lewey stroni, stadnica, do gumna wrota starcie na biegunach,—te chliwy wszistkie y płoty koło dwora y ogrodow z chrostu; stodoła drzewniana; u niey wrot dwoie na biegunach; szopa dla złożenia żboza y schowania słomy, lisiana; wrota s tey szopy na polie starcie na biegunach; na podwórzu piwnica,—do niey drzwi na zawiasach; tam że, na podwórzu,

loch. W tey wsi Piatedniach młyn ieden drzewniany, u niego koł trzy, ale pustuie od roku, y teraz nie mielę dla złey grobli y zerwania iey; młynarzow dwa, obadwa Mikołaie, miarką im trzecia y trzeci grosz kosztu do naprawowania młyna y groblie ich mielnicky, a pańskich dwa grosza; powinność tych młynarzow: piechotą, siekirą do budowania, więcy nic. Poddani w tey wsi Piatedniach, mianowicie: Hrić Chomenia, Sienko Jarmoszenia, Sienko Chomienia, Kuc Chomienia, Łukasz Zaśko, pastuch Kirik, Polikar, Wasko, Iwan bartnik, Dobysz szwiec,—w tych wszistkich poddanych pługow dwa. Chripalicze, — poddani w Chripaliczach: Malosz Huscza, Jasko Tedorowicz, Kornily Żukowicz, boiarzyn, Iwan Zasiadko, Iwan, Klimko, Jesko Nizky, boiarzyn, Wasko Łazkowicz, Jesko, syn Waska, boiarzyn, Iwan Hańczenia, Andruszko Sacewica, Hrić Hańczenia, Wasko Nizky, Fedko Burda, Stecko Kudin, Abram, mielnik; w młynie Chripalickim koł dwie, groblia bardzo zła; temu mielnikowi trzecia miarka; powinność—jako inszy. U poddanych Chripalickich pługow dwa; a boiarowe z listami, gdzie im każą, powinni iechać. Wieś Mikulicze; poddani w tey wsi: Dmiter Piszczymuka z bratem, Hawryło Pikalenia, Kondrat Kutiłenie, Hrić Pastuszek, Dacko Baran, Iwan Łutik, Andruszko Mielech, Jasko Czykiłda, Oleszko Ostapenia, Iwan Osienia, Melech Ostap, Łewko Jowtuszek, Iwan Dubinka, Zińko Pachocky, Hrić Piszczymuka, Iwan Kozarin. W ty wsi pługow cztyri y wołow dwa zostaiąc sie. Powinność tych poddanych: z włoki cały—dni pięć, poniedziałek im wolny robić, czynszu złoty, owsa dwa korca miary włodzimierskiey, kapłunow dwa, iaiec pułkopy. Połwloczni: owsa korzec, kapłun ieden, groszy piętnaście, jaiec piętnaście, roboty połowica, jako włoczni pelnio; we żniwa włoczni po dwoie pięc dni, półwłoczni po iednemu trzy dni; tłuka w koždy tydzień w żadny wsi; karczmy nimasz,—u chłopow szynkuie. Olszanka; na tey Olszance żadnego chłopa niemasz, a ni młynarza, y młyn bardzo zły, pustuie,—trzeba naprawy. Młyn Weresowsky, w który Weresowce młynarzow tylko dwa, a poddanego żadnego niemasz do roboty; młynow dwa na Bialych Brzegach,—kol cztyri do mielcia zboża, piąte stempe, młynarz tylko sam; żadnego poddanego nimasz do roboty; powinność tych młynarzow jako y w Petedniach, miarka trzecia jemu; pustych włok w Mikuliczach puł-jednaśti;—kożda włoka na wiosne po dwa złote, oprocz sianożęci. We wsi Chripaliczach pustych włok cztyri, po temuż na wiosne ich przedaią, jako y w Mikuliczach; na parenine te włoki przedaią po złotych cztyri, oprocz sianożęci y dziesiąta kopa tak iarego sboża, jako y ozimego,—te przedaie Piła, popowicz Mikulinsky. Który inwentarz tych maiętności, wyżey mianowanych, za pozwoleniem y zapisem oczewisto w grodzie Włodzimirskim przez jego

mość oyca episkopa Włodzimirskiego y kapituły jego mości zeznanym, my, niżey mianowane osoby, przy woznym jenerale woiewodzstwa Wołynskiego, od urzędu grodzkiego, Włodzimierskiego, oczewisto przydanym, szlachetnym Krzysztofie Mietelskim porządnie spisawszy onego, przy possesiey, do xiąg grodzkich Włodzimierskich przy possesyj w te maiętności dobrowolnie xięciem jego mości pozwolioney, podaliśmi. Działo się w dworzu Piatedeńskim, roku Panskiego, tysiąc szescset trzydziestego trzeciego, miesiąca marca trzydziestego dnia, y ten inwentarz rękoma swemi własnemi podpisawszy, zapeczętowaliśmy. У того инвентару печатей притисненыхъ три, а подписъ рукъ тыми словы: Samuel Jaslikowsky, manu propria; Hrehory z Borysowa Zawalsky, ręką moiey podpisuie; Krysztofb Mietelsky, wozny jenerał woiewodztwa Wołynskiego. А такъ я, буркграбя, тотъ инвентаръ, за поданемъ и прозбою вышъменованыхъ подаваючихъ принявши, съ початку увесь ажъ до конца, тако якъ се въ собе маетъ написаный и поданый, есть до книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Володимерскихъ, самый ориналь его тымъ же подаваючимъ выдати росказавши, уписати есми казалъ,—и естъ уписанъ.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 1000, годъ 1633, листъ 289

CLIII.

Жалоба отъ имени пана Іеронима Харлезскаго на пана Михаила Линевскаго о томъ, что онъ, арендовавъ у жалобщика имѣніе Бужаны, оное, во время аренды, розорилъ, притѣснялъ крестьянъ и присвоилъ ихъ имущество, вслѣдствіе чего одни изъ крестьянъ совершенно обѣднѣли, а другіе разошлись прочь. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ возныхъ. 1633 г., іюля 23 дня.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ третего, месеца іюля двадцатъ третего дня

До уряду и актъ нинешнихъ кгродскихъ, Луцкихъ, до мене Андрея Хоецъкого, наместника подстаросства Луцкого, пришедши

персоналитеръ шляхетный панъ Янъ Хроновский, слуга его милости пана Гиеронима Харлезского зъ Харлежа, Луцъкогс, Каневского ..... старосты, именемъ того жъ его милости пана своего на противко урожоному его милости пану Михайлови Линевскому сведчилъ и протестовался о то: ижъ помененый панъ Михалъ Линевский, арендовавши отъ его милости пана старосты Луцъкого добра Бужаны зъ дворомъ, зъ будованемъ, зъ фолваркомъ, зъ боярами и поддаными всими, засевками озимыми и ярыми, зъ млынами, ставами, пасеками, лесамы и зо всими приналежностями, до Бужанъ належачими, и съ пожитками до трохъ летъ,по собе не розделне идучихъ, то естъ отъ дня и свята святое Марие Макгдалены въ року прошломъ, тисеча шестсотъ тридцатомъ, до такового дня и свята въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ тридцатъ третемъ, близко пришлого, записалъ се, ижъ, по выстю аренды, то все, съ чимъ одно колвекъ обънялъ, податъ и уступити мялъ,—о чомъ ширей интерцыза тое аренды и инвентаръ, который до интерцизы, а интерциза до инвентара стягаются—въ собе опеваютъ; которое интерцызы и инвентара помененый панъ Линевский припомневши, и ни чого на закладъ въ той интерцизе менованый, не дбаючи, тое маетности Бужанское, яко былъ повиненъ, протестуючому слузе его милости пана старосты Луцъкого на тое отъ его милости зъ возными, нижейменованымы, и шляхтою, зосланому, оддатъ не хотелъ, яко жъ не оддалъ и жадныхъ речей, на инвентару списаныхъ, рукою пана Линевского подписаными, а ни тыхъ, которые надъ инвентаръ при пану Линевскому были зостали, оддатъ и указатъ не хотелъ, а ни обойзрити, што естъ ведлугъ инвентара а чого не маетъ,—не допустилъ и заборонилъ, яко двора, будованя, дерева, въ дворе зложоного, готового, и што колвекъ въ дворе было пасекъ, пчолъ, ставовъ, лесовъ и всихъ речей, въ инвентару описаныхъ, и громады зобратъ не допустилъ, и овшемъ упорне заборонилъ, хотячи и усилуючи, абы презъ тое панъ протестуючого не доведался о шкодахъ, которые въ той маетности панъ Линевский за державы своеё починилъ, а меновите: ижъ ставы, частю презъ выловене варунковъ, интерцизою охороненыхъ, частю презъ спусчене надъ звичай воды въ ставе середнемъ на зиму, а за тымъ презъ выморожене и выморене рыбъ попустошилъ, вышъшого ставу не занялъ; лесовъ,

надъ описане интерцизою уживалъ и на сторону приятелемъ и хлопомъ общымъ, меновите: дубы великие на будоване и березы и иншие дерева, розными часы роздаючи, попустошилъ; дерево, которое на стайню и млынъ готовое въ млыну было зоставленое, не ведатъ где поделъ; подданыхъ бытемъ, вытеганемъ незвычайныхъ роботъ и фурами надъ инвентаръ, такъ же и розными анкгариями розогналъ, и што колвекъ по нихъ зостало, на себе обернулъ; а меновите: першого Грицъка Дячъка, боярина, по которого одештю взялъ волоку и придатокъ поля, житомъ засеяное, и жита нажатъ можетъ копъ сто, свиней двое старыхъ, которые стоятъ по золотыхъ три; другого Павла Бекгеня, по которомъ жыта его полъволоки съ придаткомъ взялъ, где копъ тридцатъ жита на себе нажалъ; третего Ивана шурина, албо швакгра Богачового, по которомъ жита его полъволоки и чверть волоки засеяно взялъ, и того жита копъ чотыридесятъ нажалъ; четвертого Оношка Белобродика зъ зятемъ, по которыхъ зостало жита ихъ полъволоки, на которомъ копъ тридцатъ и две нажалъ, и яловицу, которая стояла золотыхъ десятъ; пятого Остафа Гриценя албо Гренченя, по которомъ жита его полъволоки взялъ и того копъ двадцатъ и деветъ нажалъ; шостого Андрея Калиту зъ сынами двома, по которомъ жита его полъволоки взялъ и нажалъ копъ двадцатъ шестъ; семого Феска Калите; осмого Андрея Вашченя, по которомъ жита его, на третей части волоки засеяного, взялъ, и того жита копъ двадцатъ нажавъ; девятого Галату Гаврила зъ сыномъ, по которомъ жита его, на чверти волоки засеяного, взявъ, и того жита нажавъ копъ пятнадцатъ; десятого Васка Рабъченя, по которомъ жита полъволоки засеяного взялъ, и того жита нажавъ копъ тридцетъ; оденадцатого Пархома Рабъченя, по которомъ жита взялъ, полъволоки засеяного и того жита нажалъ копъ двадцатъ и пятъ; двонадцатого Левка Рабъченя, по которомъ зосталого жита полволоки взялъ и того жита нажалъ копъ двадцатъ семъ; тринадцатого Тишка Тригуба, по которомъ жита зосталого, чверть волоки засеяное, взялъ, и того жита нажалъ копъ чотырнадцатъ; чотырнадцатого Петра Коношеня, по которомъ жита зосталого, чверть волоки засеяное, взялъ и того жита нажалъ копъ пятнадцатъ; пятнадцатого Стецька Гупала, по которомъ зостало чвертъ волоки, житомъ засеяное,—того жита

нажавъ копъ осмнадцатъ; шестнадцатого Ивана Потасина, по которомъ зостало чвертъ волоки, жита готового, нажалъ копъ тринадцатъ; семнадцатого Кондрата Дахненя, по которомъ зостало чвертъ волоки, житомъ засеяное, того жита нажавши копъ пятнадцатъ, взявъ, и овецъ чотыри, кождая стояла по злотыхъ полътретя; осмнадцатого зятя Дацъкового, Андрея Сушка, который по смерти тестя своего на его местцу на полъволочку седелъ, у того готового жита намолотилъ мацъ десятъ, а засеяного полъволоки взялъ, на которомъ вжалъ копъ тридцатъ; девятнадцатого Игната Михнина; двадцатого Феска Шинкара; двадцатого першого Тишка Бондара; двадцатъ второго Тимоша Бенчика; двадцатъ третего Яцъка; двадцатъ четвертого Жучъка; двадцатъ пятого Ильна Яценя; двадцатъ шостого Кирика; двадцатъ семого Лавърина а двадцатъ осмого Харка,—тыхъ усихъ прочъ розогналъ великими кривдами; а другихъ окрутне зубожилъ же домы свое опустивши,—одны служити и наймуючисъ за паробъки, а другие въ суседахъ мешкатъ мусятъ. До того халупъ пустыхъ до десети знесено въ нивечъ, другимъ шкоды починилъ и оныхъ покривдилъ; а меновите, которыхъ се шкоды на тотъ часъ доведатъ могли: у дячъка Стефана коня сивого за пятдесятъ и чотыри золотыхъ, зъ седломъ за семъ золотыхъ, съ пыстолетомъ за шестъ золотыхъ, зъ уздечкою, за золотый купленую, презъ челядника своего, Жележовского, взялъ и пограбилъ, за што му толко самъ панъ Линевский тридцатъ золотыхъ за певный долгъ дефалковалъ; у Потия съ поля Ласковсчизны безъ причины жито побралъ, съ которого вымолотивъ мацъ дванадцатъ,—а маца жита на той часъ по осми золотыхъ продавана была; у Ласчика жита копъ пятнадцатъ взялъ; у Феска сына съ Корчанинового жита копъ пять; у Юзефа вола кормного, за тридцатъ два золотыхъ купленого, взявъ, пограбилъ и забилъ, и коня за шестдесятъ золотыхъ купленого; иншихъ кривдъ, и другимъ поддапымъ починеныхъ, ижъ панъ Линевский заборонилъ поддапымъ до протестуючого ходити, списати не могли. О которыесъ однакъ протестуючий, которые свого часу по обънятю тое маетности презъ его милостъ пана старосту Луцъкого, пана протестуючого, протестациею и позвами спецификованые будутъ, такъ же о насеку, улье съ пчолами и безъ пчолъ, приплодки, засев-

ви, будованя, и чого бы колвекъ ведлугъ инвентара не доставало на тотъ же часъ, будетъ спецификовано. За што, взглядомъ кождое шкоды и кривды, панъ Линевский, ведлугъ интерцизы и инвентара, попалъ въ особный закладъ,—дванадцати тисечей золотыхъ Полскихъ, и до шкодъ его милостъ пана протестуючого, которыхъ собе на дванадцатъ тисечей золотыхъ шацуетъ, приправилъ. Зоставивши теды протестантъ волное поправене и одменене тое протестации его милости пану своему и иншое учинене, такъ же и о иншие кривды волное чиненье протестации по взятию ведомости о оную, и до тое протестаци о кривды и шкоды, въ ней пемененые, волъное чинене правомъ, протестансъ теперъ о спротивене се интерцизе и инвентарови, такъ же о заклады и шкоды, именемъ его милости пана старосты Луцкого, пана своего, итерумъ аткве итерумъ соленитеръ се сведчилъ и протестовалъ, оферуючи, же его милостъ панъ староста Луцкий, панъ его, о то все правне чинити не занехаетъ. А при томъ ставилъ двохъ возныхъ енераловъ, урядови нинешнему добре ведомыхъ, шляхетныхъ Томаша Суету а Яцъка Василевского, для ствержения тое протестации; которые очевисто ставши передъ урядомъ и книгами нинешъними вгродскими, Луцъкими, сознали: ижъ они дня двадцатъ второго июлий, року теперешнего, тисеча шестсотъ тридцатъ третего, были на справе и потребе его милости пана Іеронима зъ Харлежа Харлезъского, Луцъкого, Каневского старосты, въ селе Бужанахъ, при шляхетнымъ пану Яну Хроновскимъ, слузе его милости пана старосты Луцкого, где, маючи при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Гиеронима Белостоцъкого и пана Александра Рапштынского, менованый панъ Хроновский, слуга его милости пана старосты Луцъкого, до двора Бужанъского кгды приехалъ, тамъ пана Михала Линевского заставши, оного презъ нихъ, возныхъ, реквировалъ, абы онъ, ведлугъ интерцизы, дня выжей написаного, двадцатъ второго юлии, то есть въ день светое Марии Магдалены, тую маетностъ Бужаны зъ дворомъ его, будованемъ, съ подданными, и зо всимъ такъ, якъ се былъ самъ обнялъ, его милости пану старосте Луцъкому, ведлугъ инвентара, оддалъ; которую знову обойзрявши—ежели бы зупелъне зовсимъ, ведлугъ инвентара, се налезло, алъбо не оферовалъся отдать тому, кому, ведлугъ записовъ, належала; а

панъ Линевъский не толко отдатъ не хотелъ и пану Хроновскому, слузе его милости пана старостиному, на то зосланому, отбиратъ заборонилъ, але и громады збиратъ и жадное речи огледатъ, ведлугъ инвентара, не допустилъ, и речей, надъ инвентаръ зосталыхъ, яко котла и иншихъ речей, отдатъ не хотелъ и не отдалъ, повѣдаючи: ижъ »не маю, што подаватъ, бо его милостъ панъ староста южъ одъ дванадцати недель тую маетностъ подалъ до посесии ее милости панее судиной Белзъкой, которая засъ право свое спустила и до посесии подала его милости пану подкоморому Луцъкому, а я одъ его милости тылъко, взглядомъ румацией, до середопостя трымаю«. А слуга его милости пана старосты, вышъменованый панъ Янъ Хроновский, ими возными и шляхтою, протестовался именемъ его милости пана старосты Луцъкого, ижъ панъ Линевский, зоставуючи въ своей посесии спокойне до дня того, двадцатъ второго юлии, то естъ до светое Марии Макгдалены, року теперешнего, за остороженемъ его милости пана старосты Луцъкого, и при зознаню запису на заставу тыхъ добръ, и теперъ есче естъ, тылко интерцизе арендовной и инвентарови спротивляючись, тыхъ добръ Бужанъ, зъ дворомъ, будованемъ, ставовъ, пасеки, подданыхъ и всего, яко обнялъ, ведлугъ инвентара, одъдатъ его милости пану старосте не хотелъ и не оддалъ, а ни огледатъ—если то естъ, што на инвентару описано, и яко обънялъ, не допустилъ, наветъ и громады зобрати заборонилъ. При томъ протестовалъ се тотъ же панъ Хроновский, именемъ менованого его милости пана своего, о шкоды, въ протестации выписаные, и о иншие шкоды, которыхъ на тотъ часъ за недопусченемъ одбираня, огледаня, ведлугъ инвентара, видети не могълъ, и которые, за обънятемъ тыхъ добръ презъ его милостъ пана старосту, албо за взятемъ ведомости, спецификованые будутъ. А панъ Линевский тежъ протестовалъ се: »ижъ не маю чого оддаватъ, бо подано панеи судиной Белзъкой«,—и поведилъ, »же тамъ, ведлугъ инвентара, оддалъ все, и съ тымъ ся протестовалъ, же я не бороню квалтомъ одбиратъ и не допусчаю, але самъ оддатъ жадное речи, водле инвентара, не буду«. А панъ Хроновъский знову се протестовалъ, ижъ ведлугъ интерцизы и инвентара повиненъ былъ панъ Линевский оддатъ, што взялъ при екъспира-

ции аренды на день светое Марии Макгдалены, и подданыхъ ставить и зобратъ до громады — если сутъ вси, кгдыжъ ведаетъ о тымъ, же ихъ двадцати и килку не достаетъ, а того упорне будучи самъ въ посесии спокойной и на той часъ тыхъ добръ,—учинитъ не хотелъ, и у шкоде великой его милостъ пана старосты Луцкого, которыхъ на дванадцатъ тисечей золотыхъ шацуетъ, и за тымъ о пропаденъе закладовъ, взглядомъ кождое кондиции и кривды, дванадцати тисечей золотыхъ, соленитеръ протестовалъся, и такъ осветчившисъ ими возными и шляхтою, съ тамътолъ одехалъ. О чимъ оные возные, яко ено деялось и одправовало, тую реляцию свою до книгъ учинили и зознали. Которое осведчене и реляции возныхъ, за принятемъ урядовымъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, есть записаные.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2464, годъ 1633, листъ 617 на оборотъ.

CLIV.

Объявленіе пана Яна Кашевскаго о томъ, что новоосаженное мѣстечко Кашово не подлежитъ уплатѣ подымной подати на основаніи льготы, дарованной королевскою привиллегіею. 1634 г., мая 16 дня.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ четвертого, месеца мая шестнадцатого дня.

На вряде кродскомъ, въ замку его королевское милости Луцъкомъ, передъ мною, Иваномъ Выговскимъ, наместникомъ подстароства Луцъкого, ставши очевисто урожоный его милостъ панъ Янъ зъ Высокого Кашевский, прихиляючисе до першого оповеданя своего словного есче инъ реценъти заразъ въ коле на сеймику Луцъкомъ, недавно будучимъ, учиненого, итерумъ, яко и перве, такъ и теперъ, сведчитъ се о то, ижъ яко на помененомъ сеймику, на ко-

торымъ уфалоное естъ подымное зо всихъ маетностей зъ дому по золотому, теперешний протестантъ, остерегаючи заразъ целости своее еа конъдиционе дати позволилъ подымное, абы толко водлугъ першихъ квитовъ его милости папа Михала Линевского подымныхъ, подымное тое, которое теперъ естъ уфаленое, отдаваное было, а право, которое перъ екъспресумъ новые осады, которые бы летъ чотырохъ не выседели есче, одъ того податку уволняетъ, инъ суо роборе цале зоставало; такъ и теперъ цале хотечи зоставати въ пророкгативе своей шляхетской, которая не минитъ инъ литолеемъ приватамъ контралеемъ публикамъ имъ понере можетъ; а остерегаючи покою своего, абы взглядомъ осады своее Кашовъ, кгродомъ названого, местечъка, за привилеемъ светое памети найяснейшого Жикгимонта третего, короля Полского, которому есче летъ чотыри не вышло, ново се садячого, правомъ одъ кого не былъ турбованый при одданю подымного, водлугъ давнихъ квитовъ его милости пану Михалови Пузыне, съ тымъ се деклярuетъ: же яко передъ тымъ осады такие уволненые мети хотелъ, такъ доперо своее суспиције хоронитъ. И абы то ничого на потомъ праву его милости и привилеюмъ, на тое местечко служачому, не шкодило, тую протестацию свою для целости своее заноситъ, просечи, абы была принята и записана,—што отрымалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2466, годъ 1634, листъ 148 на оборотъ.

CLV.

Жалоба отъ имени Августинскаго Затурецкаго монастыря на пана Андрея Лагодовскаго о томъ, что онъ, собравъ толпу крестьянъ, ворвался въ монастырь, подъ предлогомъ отысканія будто бы скрывшагося въ костелѣ своего челядника, выломалъ двери въ костелѣ и произвелъ въ немъ обыскъ, при чемъ избилъ монастырскаго казначея. 1634 г., октября 7 дня.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ четвертого, месеца октября семого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ, Луцкихъ, отъ дня пятого, месеца октября, въ року звышънаписаномъ припалыхъ и судовне одправоватъ зачатыхъ передъ нами, княземъ Павломъ Друцкимъ-Любецкимъ, подстаростимъ, а Гелияшомъ Бронъницкимъ, судею, врядниками судовими кгродскими, Луцкими, очевисто становши велебные ойцове Миколай Стоклоса, казнодея кляштору Затурецкого, и ксендзъ Симплициянъ, закристиянъ, рекгулы светого Августина, своимъ и всего конвенту именемъ Затурецкого, прихиляючисе до очевистого оповеданя своего першого, на копии поданого, которое естъ въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ тридцатъ четвертомъ, дня двадцатого июня, передъ урядомъ нинешнимъ кгродскимъ, Луцкимъ, учиненое, жалобливе се сведчили и протестовали напротивко урожоному его милости пану Андрееви Лагодовскому, яко принъципалови факти инъфра шкрипта алиоскве комплицесъ кооператоресъ, кворумъ номина естъ кокгномина постъквамъ инъ ноту ерунтъ спецификабунтъ етъ цитационибусъ ексъпримептуръ салва таменъ номинации еорумъ розерватуръ, квосъ таменъ протестанътесъ, про екъспресисъ габере волюнтъ, о то: ижъ помененый его милостъ панъ Анъдрей Лагодовский, способивши собе веле помочниковъ, собе лепей по именю и прозвиску ведомыхъ, казавши въ церкви у дзвоны ударитъ на кгвалтъ и до купы вси села збивши, запомневши боязни Божое и права посполитого и вины срокгие, въ немъ описаные, контра гуюсъ— моди патраторесъ севере санцитасъ, легце собе поважившн, часу пев-

ного, то есть въ недѣлю инфра октавасъ корпорисъ Христи, где се соленнитатесъ презацного свята одправовали, не патречи на безпеченство костеломъ и кляшторомъ законныхъ подъ небытностъ на тотъ часъ ойца преора, который на капитулу Варшавскую былъ одехалъ до Варшавы, самъ вечоръ, южъ по пацерахъ, пиетате прокульпулса, згромадивши не малую купу хлопства пяного, и на кгвалтъ збивши зо всихъ маетностий своихъ на костелъ ойцовъ Августияновъ Затурецкихъ, кгвалтовне, пяный будучи, нашедши, тамъ же заразъ тыми жъ помочниками боярами, стрелцами на цминтару циркумъ цирка кумъ варио арморумъ енере, костелъ обступитъ казалъ и тымъ хлопствомъ поосажалъ,—самъ теды до костела зъ другими кумъ макгно тумулту етъ стрепиту, нуля габита рационе етъ реверенция лоци санъкти етъ солемнитатисъ фести сакратиссими корпорисъ Христи иммунитатискве екълезие еюсдемъкве конъвенътусъ, двери до костела выбивши, за претекъстомъ—яко бы зболого челядника своего, съ помочниками и хлопствомъ пянымъ, инъ маіоремъ контемптумъ венерабилисъ сакраменти етъ соленитатисъ фести, которого свята такъ презацного акция въ томъ костеле се одправовала, переворочаючи лавки и по олтарахъ шукатъ казалъ. Кгды былъ одъ ойца казнадея процоный, абы такого кгвалту и спрофанованя костелови не чинилъ, але се рачей до завтрея затрималъ, розгневаный килка поличковъ передъ насветшимъ сакраментомъ окрутныхъ задалъ и головою килка разый о стену ударилъ, а потомъ ногою у перси далъ; одъ которого удареня, кгды ему се кровъ губою, носомъ и ушима литъ почала, на землю падъ, и такъ засъ никоторыхъ съ тыхъ же помочниковъ зело дукти мизерикордие, на цминътеръ на витеръ выпровадили, который виксъ есми вивусъ зосталъ, акъ гукъусъкве темпусъ де вита суа переклитатуръ одъ ойца; теды, у закристияна кгвалтомъ ключи выдарши, и оному по губокъ, кгды ему ключей дати не хотелъ, задавши, до закристии отворилъ; тамъ же скрини и вси апараменъта костелные вытрести и переворочати казалъ, а помененого отца закристияна хлопству, выпровадивши съ костела на цминтаръ, презъ годину тримать казалъ. Презъ што теды покой посполитый месца светого, где се хвала Божия не инъ соленцие одправуютъ, зкгвалтилъ, костелъ изокрвавилъ, спрофановалъ, для ко-

торого зокрваженя, спрофанованя до того часу костелъ естъ замкненый, а набоженство се не одправуетъ,—през тое въ вины сроктие, въ конституциихъ конътра еюсъмоди инвасоресъ еклесиарумъ егъ монастериорумъ впадлъ,—о што помененый протестантъ зо всимъ конвентомъ обецуетъ се зъ нимъ правне чинитъ. А на болшій доводъ того ставили помененые протестантесъ возного шляхетого, Криштофа Метелского, енерала воеводства Браславского и Волынского, который, становши очевисто, сознадъ: ижъ онъ въ понеделокъ вторий по святкахъ, дня двадцатого июня, року теперешнего, тисеча шестъсотъ тридцатъ четвертого, маючи при собе шляхту людей добрыхъ пана Стефана Витвицкого, Войтеха Чернышевского, съ повинности уряду своего и за реквизициею ойцовъ Августиниановъ Затурецкихъ, былъ въ кляшторе и костеле въ Затурцахъ, где костелъ покрваченый, двери повыбияные, ойца казнодея, на лужку хоро барзо, и тваръ спухлую, и носъ такъ же маючи, и габитъ, хустку покрваченую, габиты на обыдвахъ пошарпаные,—поведали: ижъ се презъ его милостъ пана Андрея Лагодовского дня вчорашнего вечоромъ стало помененому костелови, кляшторови, казнодеи и ксендзу закристиянови, который весъ выступокъ, найсте на кляшторъ и костелъ зокрваченье, мною и шляхтою осведчилъ,—што се такъ а не иначей было, въ моцъ правдивое реляции, сознаваетъ. Которое жъ то оповедане и возного сознане, за принятемъ нашимъ судовымъ, до книгъ кгродскихъ, Луцкихъ, естъ принято и записано.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2466, годъ 1634, листъ 818.

CLVI.

Рѣшеніе Владимірскаго гродскаго суда по жалобѣ Владимірскаго и Берестейскаго епископа Іосифа Мукосія Баковецкаго на князя Владислава-Доминика Жаславскаго о томъ, что онъ наслалъ вооруженныхъ Татаръ, Волоховъ и Сербовъ и другихъ націй людей, на монастырскіе села Карасинъ и Сушичаны, которые поставивъ въ этихъ селахъ болѣе сорока заостренныхъ кольевъ, угрожали сажать на оные крестьянъ и кромѣ того вѣшать ихъ, и затѣмъ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ ограбили, другихъ предали истязанію, часть же изъ нихъ, связавъ, отправили въ Дубно, и насильно поселили на монастырскомъ грунтѣ крестьянъ »слобожанъ.« 1637 г., апрѣля 27 дня.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ семого, месяца априля двадцатъ семого дня.

На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ, Володимерскихъ, дня двадцатъ третего месяца и року теперъ идучихъ, вышей на акте меновaныхъ, припалыхъ и судитись початыхъ, передъ нами, Килияномъ Вилгорскимъ, подстаростимъ, а Михайломъ Збаразскимъ, судею, урядниками судовыми кгродскими, Володимерскими, кгды справа высоце превелебного въ пану Богу отца Иосифа Мокосия Баковецкого зъ Божое и апостолское столицы ласки епископа Володимерского и Берестейского, прототронія Метрополіи Киевское, и велебныхъ отцовъ капитулы Володимерское, церкви головное катедралное Володимерское, заложеня въ Небо Взятя Насвятшое Панны Марии Богородицы, поводовъ, зъ яснеосвецоным кнежатемъ Владиславомъ Доминикомъ на Острогу и Жаславю, грабею на Тарнове, конюшимъ короннымъ, позваным зъ реестру судового, за приволанемъ шляхетного Миколая Закревского, возного енерала, порядкомъ своимъ до суженя припала, теды, по одозваню се до тое справы урожоного пана Павла Вышковского, умоцованого позваного, очевисто велебный въ пану Богу отецъ Янъ Тимофей Симановичъ, писаръ капитулный епископии Володимерское, умоцованый поводовъ, тежъ очевисто передъ нами, судомъ, становши, поднеслъ позовъ отъ пово-

довъ принципаловъ своихъ по кнежати его милости позваного, на рочки теперешние виданый и вынесеный, автентичный, такъ се въ собе маючий: »Владиславъ четвертый, Божю милостю королъ Полский, великий князъ Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мозовецкий, Инфлянтский а Шведский, Кгодский, Вандалский дедичный королъ, яснеосвецоному кнежати Владиславови Доминикови на Острогу и Жаславю, грабе на Тарнове, конюшому коронному, зо всихъ добръ верности твоей, лежачихъ и рухомыхъ, приказуемо, абысъ верность твоя передь судомъ нашимъ кгродскимъ, Володимерскимъ, старостинскимъ, на рочкахъ кгродскихъ, Володимерскихъ, которые дня двадцатъ третего месеца априля, въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ тридцатъ семомъ, припадутъ, и презъ велможного Кгабриеля Стемпковского, кашталяна Браславского, на староство Володимерское зверхностю нашою королевскою поданого, албо презъ урядъ, отъ него постановленый, сужоны будутъ, самъ очевисто, яко на року завитомъ, станолъ и въ справе нижей менованой, которая водлугъ описаня конституции, року тисеча шестсотъ тридцать первого, ухваленое, зволоки терпити не можетъ, скутечне се усправедливилъ, за симъ позвомъ нашимъ по верность твою, подъ титломъ нашимъ королевскимъ, и подъ печатю земскою и съ подписомъ руки писара земского того жъ повету Володимерского, съ тое причины: поневажъ велможный вышъменованый каштелянъ Браславский на помененое староство, такъ же и урядъ его кгродский, присяги на уряды свое есче не выконали, по верностъ твою вынесенымъ, на жалобу и правное попарте высоце превелебного въ пану Богу отца Иосифа Мокосия Баковецкого, зъ Божое и апостольское столицы ласки епископа Володимерского и Берестейского, прототриния метрополии Киевское, и велебныхъ отцовъ капитулы Володимерское, церкви головное катедральное, Володимерское, заложеня въ Небо Взятя Насвятшое Панны Марии Богородицы,—поводовъ, которые, прихиляючисъ до конституции сеймовое въ року тисеча шестсотъ тридцатъ первомъ, подъ титуломъ о добрахъ церковныхъ, владычихъ, описаное и ухваленое, позываютъ верность твою симъ позвомъ до наказаня заплаченя вины тою конституциею обостроное и заложоное, трохъ тисечей гривенъ Полскихъ, по половици судови и сто-

роне платити повинное, такъже до отложеня и заплаченя таксы за речы побраные, нижей описаное, и до нагороженя шкодъ двадцати тисечей копъ грошей Литовскихъ, презъ поводовъ отъ верности твоей поднятыхъ, а то за тое: ижъ верность твоя, не обавляючись права посполитого и онымъ се не контентуючи, а ни тежъ респектуючи на конституцие о добрахъ церковныхъ ухваленое, и вины на таковыхъ обостроное, завзявши якуюсъ нехуть и ранкоръ въ невинности поводовъ, розные кривды, шкоды иезносные, бите подданыхъ и слугъ стороны скаржачое, тыми часы въ добрахъ церковныхъ, презъ насылане людей своихъ, починивши, и на томъ се не зоставаючи, але кривду до кривды, жалъ до жалю придаваючи, а не респектуючи на остатокъ на жалосные скарги и прозбы не поеднократные до верности твоей презъ особы самые скаржачие, презъ листы и тежъ презъ людей зацныхъ доношоные, але, место уфолкгованя и респекту на ихъ плачливые и жалосные скарги, тымъ болшие утрапеня, крывды, утиски и знисченя подданымъ и добрамъ церковнымъ чинячи, смелъ и важилъсе верность твоя въ року прошломъ, тисеча шестъсотъ тридцать шостомъ, дня четвертого ноября, татаровъ своихъ и при нихъ сербовъ, волоши и иншихъ розныхъ нации людей, коней подъ двесте, арматныхъ, зъ оружемъ розмаитымъ, яко до войны споражоныхъ, преложивши надъ ними старшимъ Алия Маленовского, татарина Острозского, на добра подданые и кгрунты церковные, до епископии Володимерское належачие, село и дворъ Карасинъ, и на подданые Сушичанские, въ томъ селе Карасине, надъ озеромъ Карасиномъ, названымъ Оселье, и тамъ мешкаючие, моцю и кгвалтомъ наслати, и не погледаючи ничого на привилея, права и фундуши церковные, на право и посесию спокойную скаржачихъ, которая такъ на подданыхъ, яко и на кгрунты тыи, одъ зошлого кнежати его милости Ерого Жаславского, старосты Володимерского, правне одысканые и до церкви Божое поводомъ присужоные, и за декретами трибуналскими урядовне до держаня поданые, служитъ и належитъ, тые добра преречоные и кгрунты Карасинские, въ округу кгрунтовъ Сушичанскихъ лежачие, презъ скаржачихъ за декретами трибуналскими поприсяжоные, и въ посесии скаржачихъ дотолъ будучие, способомъ кгвалтовнымъ

одняти. Яко жъ, не маючи до тыхъ добръ подданыхъ и кгрунтовъ жадного права а ни претексту слушного, способомъ кгвалтовнымъ однялесь, подданыхъ церковныхъ, презъ тыхъ татаровъ своихъ, зъ кгрунтовъ розогналесь, которые татарове инспирате напавши съ крикомъ, кгукомъ великимъ, подданыхъ не толко зъ села Карасина, але и зъ села Сушиння старожитного, розогнавши зъ ихъ домовъ, речи и спряты ихъ, такъ же збожя и лекгумина розные съ коморъ, зъ стодолъ коний, быдла зъ оборъ розмаитые, малые и великие, и добытки ихъ позабирали, подданыхъ килку поймали, звезали и до Дубна послали, тесловъ и розныхъ ремесниковъ, дворъ въ томъ селе Карасине для его милости отца епископа будуючихъ, напавши на дворъ, побили и оныхъ розогнали,—ледве до леса здоровемъ повходили, а тые кгрунты, въ спокойной посесии поводовъ ажъ до толъ будучие, навѣвши людей розныхъ, волянъ и слободнянъ—хлоповъ, которыхъ кнежа его милостъ небожчикъ панъ староста Володимерский, и ее милостъ пани подкомориная Володимерская, зъ наказаня декрету трибуналского, зъ тыхъ кгрунтовъ знесли были, и которые съ тое слободы Карасина, по знесеню се, яко люде волные, слободяне, розно розошлися были, знову позберавши ихъ по розныхъ местцахъ, слободахъ и селахъ, и квалтомъ побравши, тые татарове пригнали, а на тыхъ кгрунтахъ церковныхъ, Карасинскихъ, презъ поводовъ правне одысканыхъ, на огородахъ, и хуторахъ и фолваркахъ, подданыхъ церковныхъ, Карасинскихъ, не далеко озера Карасина, кгвалтовнымъ способомъ, за росказанемъ верности твоей, осадили и Волну назвали, и кгрунты тые церковные, въ посесыи поводовъ будучие, зъ засевками подданыхъ церковныхъ, Сушичанскихъ и Карасинскихъ, власное праци и роботы ихъ, такъ же зъ засивками дворными надъ речками Блосчицею, Любарскою и Олшанкою, около озера Стобухова, у врочискъ Матияшового столпа и Скородныхъ горъ, житомъ позасеванымъ, болше нижли на сто мацъ, а иншие не засивные одняли, и тымъ воляномъ—хлопомъ, кгвалтомъ посажонымъ, роздали и померали, и на тыхъ поляхъ и сивбахъ, такъ свободныхъ, яко и подданыхъ поводовъ, тые татарове палювъ поостреныхъ, болшей чтырдесяти, наставляли и поукоповали, грозячи и одповедаючи, же на тые пале подданыхъ Сушичанскихъ

и Карасинскихъ вбияти, а другихъ вешати будутъ. Которымъ то таковымъ способомъ и поступкомъ кгвалтовнымъ, верность твоя поводовъ зъ тыхъ добръ Карасина подданыхъ и кгрунтовъ церковныхъ выбилесъ и вытиснулесъ, и добра тые съ посесии и вдадзы поводовъ однялесъ, инъ нудле юре собе не маючи до нихъ жадного права и претексту слушного, забралесъ, и привласчилесъ села тые церковные, не толко Карасинъ, але и Сушино. Презъ таковый кгвалтовный наездъ, розныхъ виоленций и шкодъ подданымъ починеня, побитя оныхъ, розогнанъе, спустошенье, и подданые церковные, презъ забране коней, быделъ, збожъ и розныхъ речей и спрятовъ ихъ, зниснные сутъ, и поводови не зносне шкожоные въ добрахъ церковныхъ зостали. Што противко конституции и праву, о добрахъ церковныхъ уфаленое, верность твоя учинилесъ, и за тымъ вины правные, три тисечей гривенъ Полскихъ, и въ нагорожене шкодъ, которыхъ собе поводове добръ тыхъ кгрунтовъ и подданыхъ однятыхъ и забраныхъ въ то не инклюдуючи, шацуютъ на двадцать тисечей копъ грошей Литовскихъ, такъ же и въ заплачене таксы за речи, коний, быдла, збожа и спряты домовые побраные, нижей меновите описаные, верность твоя попалесъ; а меновите: при томъ кгвалтовномъ наезде и тыхъ добръ однятю, тые татарове крывды, побитя подданыхъ починили, и шкоды, то естъ: Федину самого улапивши, до дуба увезавши, окрутне збили, змордовали и за умерлого зоставили, а маетность его забрали; такъ же и жону его окрутне збили киями, покалечили и здоровя збавили, а взяли у нихъ: воловъ два по золотыхъ тридцати, кожухъ новый за золотыхъ десеть, а збожа: гречки копъ двадцать, ячменю копъ петнадцеть, овса копъ петнадцеть, проса копъ десеть, кождую копу того всего збожа огуломъ по золотыхъ три собе онъ шацуетъ; у Хведка Сушчика взяли грошей готовыхъ золотыхъ петдесятъ и пять, воловъ чотыри по золотыхъ тридцати, коний два по золотыхъ семьдесятъ, хустъ белыхъ, начыня и спрятовъ домовыхъ розныхъ на золотыхъ сто; въ стодоле збожа поличоного-ячменю чверть за золотыхъ два; въ коморе семеня осмачку за золотыхъ два, жита копъ осмьдесятъ копа по золотыхъ чотыры, гречки копъ шестдесятъ, овса копъ сорокъ, ячменю копъ двадцать и пять, проса копъ двадцеть, которые вси збожа яринные кождую копу шацуютъ собе по золотыхъ три;

у Ивана Пашенка взяли быдла рогатого семеро, которое шацуеться на золотыхъ сто, овецъ осмъ по золотыхъ чотыри, жита копъ семьдесятъ, каждая копа по золотыхъ чотыри, гречки копъ сорокъ, овса копъ сорокъ, ячменю копъ двадцетъ, проса копъ десятъ, которые збожа яринные шацуеться кождая копа по золотыхъ три; у Давида взяли вола за золотыхъ тридцетъ, косу за золотыхъ пултретя, сошниковъ три, сокиръ две, што коштовало золотыхъ семъ, жита копъ петнадцетъ по золотыхъ чотыри, овса копъ семъ, гречки копъ двадцатъ по золотыхъ чотыри; у Корисы пчолъ трое выдерли на голову, которые шацуетъ на золотыхъ тридцатъ, Курися самого окрутне побили нападши, и взяли сокиру за золотыхъ два, садъ рожайный высекли и вынивечъ спустошили — шацуетъ собе шкоды на золотыхъ сто; Омелка Коваля сыновъ двохъ окрутне а нелютостиве киями збили, змордовали и покаличили, и взяли у него: жита копъ петдесятъ по золотыхъ чотыри, овса копъ двадцатъ, гречки копъ шестдесятъ, ячменю копъ двадцатъ, проса копъ тридцатъ, кождая копа яринная шацуется по золотыхъ три, пчолъ въ пасици его выбили на голову чворо, которые шацуетъ на золотыхъ сорокъ, хустъ белыхъ, жоноцкихъ и музскихъ, на золотыхъ семдесятъ побрали; у Хведчуна, сына Пашенкового, спряты домовые, начиня розные, хусты белые, полотна, кожухи, плахты, желиза—згола все домовство забрали, што все шацуетъ собе на золотыхъ пултораста; Деха, Вакулиного сына, окрутне а нелютостиве збили, змордовали, грошей готовыхъ копъ десятъ Литовскихъ взяли, и спалили его зъ домомъ и будинками всими, зъ гумномъ, съ стололами, и зо всимъ на всимъ, што одно въ дому мелъ, презъ што шацуетъ собе шкоды на золотыхъ шестсотъ; у Нилина, Ивашкова сына, побрали жита копъ тридцатъ по золотыхъ чтыри, овса копъ петнадцатъ, гречки копъ сорокъ, проса копъ двонадцетъ, ячменю копъ десятъ, кождая тыхъ всихъ яринныхъ збожъ шацуется по золотыхъ три, пчолъ въ пасице выбито на голову улевъ чотыри за золотыхъ сорокъ; у Грицка—воловъ два по золотыхъ тридцати, иншаго быдла четверо, шацуется на золотыхъ петдесятъ, хустъ белыхъ, спрятовъ домовыхъ и начинъя розного побрано за золотыхъ семьдесятъ; трохъ поддаиыхъ наймя: Васка Олейника, Грицка и другого Васка, зъ жонами и зъ детми, также и двохъ

парубковъ въ Карасине при томъ кгвалтовномъ наезде взяли, и оныхъ всихъ окрутне збивши, змордовавши, повезали, до везеня впродъ побрали, а потомъ до места Дубна, до маетности верности твоей, одпровадили, у которыхъ взяли: быдла рогатого двадцатеро, которое шацуеться на зототыхъ триста, овецъ троенадцатеро по золотыхъ чотыри, хусты белые, начиня розные, желиза, спряты домовые,— все огуломъ въ домахъ ихъ въ Карасини побрано, што шацуеться на золотыхъ триста; а зособна пнювъ бортныхъ съ пчолами на голову выбили въ личьбе семъдесятъ, и медъ побрали, въ чомъ шкоды на золотыхъ тисячу поводове шацуютъ. Въ томъ селе Карасине у подданыхъ поводовыхъ въ домахъ ихъ лекгумина, речи стравные, огородные, ярины, куры, гуси, качки, свини, поросята, сена презъ недель чотыри тые татарове насланые тамъ положившисе и лежу отправуючи, и подданые воляне съ татарами посполу побрали, одно поили, иншое попродали по торгахъ и по розныхъ селахъ порозвозили, и на свой пожитокъ обернули,—чого всего огуломъ кладеться шацунокъ на золотыхъ Полскихъ пятьсотъ. О чомъ всемъ заразомъ, за свежа протестацые и возныхъ обдукцие, презъ поводовъ урядовне и правне учиненые сутъ; которые протестацие и возного реляция до позву сего, а позовъ до протестации и реляцыи, деферуеться. Про то поводове, прихиляючисъ до помененое конституции року тисеча шестсотъ тридцатъ первого, о добрахъ церковныхъ владычихъ ухваленое, позываютъ верностъ твою, симъ позвомъ до прислуханя се наказаня, отложеня и заплаченя презъ верностъ твою вины, тою конституциею на таковыхъ, которые добромъ церковнымъ наезды и кгвалты чинятъ, збожа и спряты домовые забираютъ, въ маетности церковные вежджаютъ, и оные безъ правне собе привласчаютъ, заложоное и описаное, трохъ тисечей гривенъ Полскихъ поводовой стороне, и судови по половицы платити повинное, и презъ верностъ твою перепалое, такъ же заплаченя таксы за речи побраные, вышей описаное, и въ позве томъ выражоное, и тежъ нагороженя и заплаченя шкодъ, которыхъ поводове, за такимъ кгвалтовнымъ поступкомъ верности твоей, и знисченемъ добръ тыхъ церковныхъ села Карасина, шацуютъ собе на двадцатъ тисечей копъ грошей Литовскихъ, такъ же привернени и поданя въ посесию поводомъ добръ тыхъ,

вышъменованыхъ, зо всими ихъ кгрунтами, пожитками, бортями, пасеками, сеножатми, озерами, полми, збожемъ озимимъ и ярымъ, засеяными и незасеяными, водлугъ правъ, фундушовъ, декретовъ трибуналскихъ, и посесии поводовъ правне и урядовне поданое, въ которыхъ о томъ всемъ ширей описано естъ, и знесеня тое Волки на тыхъ кгрунтахъ церковныхъ, Сушичанскихъ и Карасинскихъ, презъ тыхъ татаровъ, отъ верности твоей насланыхъ, способомъ кгвалтовнымъ осажоное, и присуженя се зъ кгрунтами всими и зъ людми, на той Волце седячими, стороне поводовой, а одсуженя верности твоей тое Волки и кгрунтовъ и людей, тамъ оселыхъ, яко жадного права и претексту до тыхъ добръ не маючого и кгвалтовне оные посегаючого. А такъ, абы верностъ твоя на термине, вышъозначономъ, станолъ, на то все, што ширей выведено будетъ, судовне одповедалъ, и во всемъ скутечне поводомъ се усправедливилъ. Писанъ у Володимеру, дня двадцатого месеца марца, року панского тисеча шестсотъ тридцатъ семого. Миколай Гораинъ, писаръ«. На которую то таковую пропозицию стороны поводовое, яко неправную и неслушную, умоцованый позваного, заховавши принципалови своему вшелякие обороны и добродѣйства правные, въ цале форумъ актора акции и тое самое мниманое кривды за належныхъ не признаваючи, поведилъ же на тотъ позовъ на мембраме земскомъ и подъ титуломъ его королевское милости до кгроду выданый, справовати се неповиненъ, албовемъ право посполитое добре то оцеркловало и выразило—якие маютъ бити позвы до кгроду выдаваные и на якихъ мембранахъ подъ титуломъ его милости пана старосты и печатю его до земства засъ подъ титуломъ его королевское милости, и такъ кождый судя земский за своими мембранами земскими, а кгродъ—за кгродскими мембранами и позвы, на нихъ писаными, судити звыкли, и тотъ порядокъ обсервуючи оденъ въ другого юриздикцию не вступуетъсе, ижъ теды противко . . . ному праву, поводовая сторона позовъ свой, на мембране земскомъ, до кгроду выдала; теды тежъ позваный за таковымъ позвомъ жадного термину мети не можетъ, по готовю справоватисе не естъ повиненъ. Такъ теды то пленипотентъ позваного, выведши и правне указавши, домавялъсе и просилъ, абы судъ, за таковымъ позвомъ на мембране земскомъ вы-

данымъ, термину не узнавши, позваного одъ тое справы, яко не слушне заданое, волнымъ учинилъ, далшие обороны и добродейства правные до тое справе потребные, въ цале собе заховавши. А сторона поводовая, заховавши собе вшелякие бенефиция и доводы правные, въ цале по показаню през пленипотента пленипотенции одъ позваное стороны, поведила, же терминъ естъ, на передъ, ижъ положеня позву правне доводитъ реляциею возного; другая, же сторона ведаетъ о термине, бо ведаетъ о вписаню въ реестръ, ведаетъ о протестацияхъ, ведаетъ о положоныхъ позвахъ и о зложономъ през позовъ термине на рочкахъ теперешнихъ, фактумъ нонъ некгатъ добра одняла, контроверсуетъ, декрету слухаетъ, што быти инъ контумациямъ не можетъ; а што сторона воведаетъ, же на рочки старостинские естъ выданый позовъ подъ титуломъ короля его милости, а не подъ титуломъ его милости пана старосты Володимерского, тую рацию съ права посполитого такъ акторове реплико-вали: поневажъ тая справа естъ виоленте инвазионисъ, водлугъ описаня позву до конституции року тисеча шестъсотъ тридцатъ первого, подъ титуломъ о добрахъ владычихъ и церковныхъ интентованая, которая морамъ нонъ патитуръ, а до того—ижъ его милостъ панъ староста звыклъ викгоре реио суды свое одпрововати, на которые теперъ присягу выконалъ, взглядомъ чого слушне же подъ титулемъ короля его милости позовъ, передъ выконанемъ присяги выданый, при томъ же конституция, для прудшое справедливости такимъ справомъ въ суде головномъ трибуналскомъ, по отправеню скрутиниумъ, инъ дуабусъ терминъ и форумъ назначила, а скрутиниумъ на першихъ рочкахъ выводити кажетъ, а рочки теперешние сутъ першие постъ фактумъ, о которое идетъ, сколъ се показуетъ, же тая справа морамъ нонъ патитуръ,—теды, яко въ справе целерисъ екзекуционисъ, просили акторесъ, абы судъ екзекуцию позваныхъ о термине одтявши, терминъ узналъ, и тую справу, яко зволоки не терпячую, инъ принципали ремиттовалъ до трибуналу, водлугъ описаня конституции кумъ префикционе термини, инъ дуабусъ въ кождомъ воеводстве и повете, любо конзерватахъ. А при томъ оферовалъ се пленипотентъ дефектумъ цитационисъ суе, если бы былъ який, водлугъ звычаю, скотисъ, поправити. Мы судъ, гродский, Володимерский,

контроверсий одъ сторонъ обохъ вношоныхъ выслухавши, поневажъ сторона поводовая позовъ на мембране земскомъ подъ титуломъ короля его милости, а не пана старосты, месца того передъ судомъ нинешнимъ противко праву и звычаемъ всимъ подноситъ, отъ него пропонуетъ,—теды мы, судъ, позваного отъ термину теперешнего волнымъ учинилисмо. А умоцованый поводовъ того декрету нашего за правный не принявши, одъ него до суду головного трибуналу Любелского, интеръ кавзасъ композити юдиции куюскункве палятинатусъ етъ дистриктусъ юкста конституционемъ инъ дуабусъ апелевалъ. Мы, судъ, ему тое апеляции допустивши, терминъ за нею, передъ меновапымъ судомъ головнымъ, трибуналскимъ, короннымъ, въ Люблине одправуючимъ се межи справами консерватными Браславского, Черниговского, Киевского и Волынского воеводстъ, порядкомъ иншихъ воеводствъ коронныхъ, скоро по одсуженюсе власного воеводства Браславского, до суженя припадаючими и судячимисе, обомъ сторонамъ, ку росправе правной завитый, безъ припозву становитись—зложили и назначилисмо. А умоцованый поводовъ о попарте тое апеляции межи справами композити юдиции куюскункве палятинатусъ етъ дистриктусъ, такъ же и о утяжене противко намъ, судови, протестовалъ. А мы судъ тежъ се противко нему, же те не упорне, але такъ ведле права и слушности быти розумеючи, учинили и всказали, репротестовалисмо; а умоцованый позваного одъ префиксии межи справы консерватъные допусчоное поводомъ апеляции на власное воеводство Волынское, повѣтъ Володимерский, апелевалъ. Мы, судъ, ему тое апеляции ве танте конституционе не допустилисмо; а онъ о попарте се межи справы власного воеводства Волынского противко намъ, судови, протестовалъ се. Што все для памети на потомные часы до книгъ нинешнихъ естъ записано.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, № 1004, годъ 1637, листъ 46 на оборотъ.

CVLII.

Присяжное показаніе атамана с. Городища, принадлежащаго пану Николаю Прежовскому, о числѣ опустѣвшихъ дымовъ въ означенномъ селѣ. 1638 г., іюля 14 дня.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ осмого, месеца июля чотырнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною, Станиславомъ Древновскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становивши очевисто роботный Мойсей, атаманъ зъ села Городища, маетности урожоного его милости пана Миколая Прежовского, именемъ того жъ пана своего оповедилъ: въ тымъ селе Городищу подданыхъ и дымовъ болшей немашъ—тилко двадцатъ, а спустошоно дымовъ двадцатъ. Хотечи тогды присеги ликвидоватъ, просилъ помененый Мойсей атаманъ о придане возного. На которую афектацию я, врядъ, для выконаня того юраменту придаломъ возного енерала воеводства Киевского, шляхетного Яна Вишинского; который Мойсей, за выданемъ собе роты, въ тые слова присяглъ: »я, Мойсей, присегаю пану Богу на тымъ, ижъ въ тымъ селе, въ Городыщахъ, на тотъ часъ нимашъ болшей подданыхъ—тилко двадцатъ, а спустошоныхъ подданыхъ двадцатъ,—такъ ми, Пане Боже, поможъ,—о чимъ тобе, возный, реляцию достаточне учинилъ«. Про тоте жъ тотъ юраментъ до книгъ естъ вписаный.

Книга Житомірская гродская, записовая и поточная, № 9, годъ 1590—1644, листъ 341.

CLVIII.

Жалованная грамота короля Владислава IV полковнику Станиславу Потоцкому на имѣніе Максимовку. 1639 г., іюня 30 дня.

Року тисеча шестъсотъ чотырыдесятого, месеца июля третего дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Киевскомъ, передо мною, Петромъ Брудъновскимъ, намесникомъ замку Киевского, ставши очевисто шляхетный панъ Даниель Мошенский, слуга урожоного его милости пана Станислава съ Потока Потоцкаго, воеводича Браславского, полковника его королевское милости квартяного, для уписанья до книгъ нинешнихъ перъ облятамъ подалъ обляту екстракту зъ книгъ кгродскихъ Каменца Подолского, зъ уписанемъ въ немъ привилею одъ его королевское милости поменоному пану Потоцкому на речъ, въ томъ екстракте нижей выражоную, даного, съ печатю кгродскою Каменца Подолского, и съ подписомъ руки писарское, о чомъ тотъ екстрактъ шырей въ собе маетъ, просечи, абы принятъ и до книгъ уписанъ былъ; которого я, врядъ, прыймуючи, чыталомъ, и такъ се въ собе маетъ: Actum in castro Camenecensi Podoliae, feria sexta ante festum nativitatis sancti Ioannis Baptistae proxima, anno Domini millesimo sexcentesimo quadragesimo. Ad officium et acta praesentia, castrensia, capitanealia, Camenecensia, personaeiter veniens nobilis Ioannes Skotnicky, magnifici Stanislai a Potok Potocky, pallatinidis Braslawiensis famulus, nomine ejusdem magnifici domini sui, obtulit eidem officio prezenti ad acticandum prywilegium sacrae regiae majestatis, predicto magnifico Potocky super bona infrascrypta a sacra regia majestate benigniter collatum, manu ejusdem sacrae ac serenissimae regiae majestatis propria subscriptum et sigillo majoris cancelariae regni communitum, petens hoc idem pryvilegium a se suscipi, cujus affectioni oficium praesens annuendo, hoc idem pryvilegium summa cum reverentia, uti sanum et illaesum, suscepit et actis suis ingrossavi demandawit; cujus pryvilegii tenor de verbo ad verbum sequitur estque talis: »Władisław czwarty, z Bożey łaski król Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Mazowieckie, Żmudzkie, Iflants-

tskie, Smoleńskie, Czernihowskie, a Szwedzki, Godzki, Wandalsky dziedziczny król. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem wobec i każdemu zosobna, komu to wiedzieć należy, jakoś my, rząd, y sprawowanie tey rzeczy-pospolitey z woli Bożey, y wolnych głosów oboiga narodow, na sie wzielli perwsze w tym pieczołowanie, na sie kładziemy, aby cnocie powinny dank, y zasługom za równe nagrody dawane od nas bywali, za czym poglądaiąc na zasługi urodzonego Stanisława z Potoka Potockiego, połkownika naszego, ktory idąc tropem dzielnych przodków swych, dobrze rzeczy-pospolitey i przodkom naszym zasłużonych, w rożnych expedicijach woiennych z odwagą zdrowia i dostatkow znacznych swych, przez lath dwadzieścia służący kosztem swym, półki wodząc często na mieiścu wielmożnych hetmanow naszych nad woyskiem naszym Ukrainnym zostawiony, dzielność y umieiętność swą w regimentowaniu oswiadczał; w którey ochocie swey do usług naszych y rzeczy pospolitey, yż y teraz statecznie zostaie,—przeto z chencią sie, co kolwek, nie tylko do przymnożenia honorów i dostatkow jego ustawiczną w woisku ressidencią nie sczuplą nadwątlonych należy, sklaniamy, a chcąc mu łaske nasze oswiadczyć, pewne dobra nasze, w woiewodztwie Kiiowskim, za Dnieprem, leżące, mianowicie: Maximowke z Horodisczem y z słobodami, która ma swoie granice z Piwami, Hermanem, Jordanką rzeczkami, a z Kurosławem i Białojeziorom, jeziorami, do tego Buzyn i Woronowkę nazwane, słobodki, kture graniczą z Krzywym, i Domanowką, jeziorami po Bystrzyk rzeke, po Starzec, Strzelnikow przewos i po Sawinoce (sic), ze wszystkimi inszymi słobodami, ostrowami, uchodami, siołami, jakim kolwiek nazwiskiem nazwanemi, teraz założonemi, i na potym zakładanemi, poddanemi, rolami, gruntami oranemi i nie oranemi, polami, łąkami, pastwiskami, sianożęciami, lasami, chróstiami, pasiekami, barciami miodowemi, jezorami, stawami, młynami, krynicami, rzekami, rzeczkami, brzegami, gony bobrowemi, łowy zwierzynnemi y rybnemi, danią miodową, y ze wszystkiemi i wynaidzioniemi pożytkami, jakim kolwiek słowem nazwanemi, nic na nas, a ni do skarbu naszego nie zostawuiąc a ni zachowuiąc, pomienionemu urodzonemu Potockiemu prawem lennym samemu, żenie i potomkom jego płci męnskiei, poki jey stawać będzie, tym listem naszym daiemy i conferuiemy. Które to dobra wyrażone urodzony Potocki wolen będzie dać, darować, frymarczyć, przedać, nie bez osobliwego, jednak, consensu naszego, względem którego lennego prawa, on sam, żona i potomkowie jego, płci męckiei, poki ich stawać będzie, do obrony tamtych kraiow od nieprzyiaciela, pod wagą tego prawa obowiązani bendą; a nadto nam żadney inszey i skarbowi naszemu oddawać niebędzie powinności. Na co, dla liepszey wiary,

ręką sie naszą podpisali, i pieczęć koronną przycisnąć roskazaliśmy. Dan w Wilnie, dnia trzydziestego miesiąca Juny, roku pańskiego tysiąc sześćseth trzydziestego dziewiątego, panowania naszego: Polskiego siodmego a Swiedzkiego osmego roku. Maximowka z słobodami, w woiewodztwie Kiiowskim, za Dnieprem leżące, urodzonemu Stanisławowi Potockiemu, połkownikowi. Wladislaus Rex (locus sigilli maioris cancellariæ regni). Offerens authenticum originale recepit. Ex actis castrensibus capitanialibus Camieniecensibus-Podoliæ extractum. У того екъстракту Каменца-Подолского печать кгродская его притиснена, а подпись руки писарское и коректа тыми словы: Heronimus Konarzewsky, wicecapitaneus castrensis Kamenecensis et judex causarum oficii. Correxit Sulaticki. Который же то екъстрактъ, за поданъемъ и прозбою вышъ реченое особы, а за принятъемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешнихъ естъ уписанъ; съ которыхъ и сесь выпись подъ печатю кгродскою, Киевскою, естъ выданъ. Писанъ въ Киеве. Корикговалъ Выговский, manu propria.

М. П.

Настоящій актъ хранится въ собраніи документовъ, принадлежащихъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, и значится по дополнительной описи подъ № 107.

CLIX.

Универсалъ Кіевскаго воеводы Януша Тышкевича приглашающій всѣхъ обывателей Кіевскаго воеводства собраться съ оружіемъ для принужденія коронnаго стражника Самуила Лаща къ исполненію состоявшихся противъ него судебныхъ рѣшеній. 1640 г., января 25 г.

Року тисеча шестсотъ чотыредесятого, месяца февраля осмого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Миколаемъ Вышпольскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, постановившимся очевисто шляхетный панъ Кгабриель

Балыка, для записаня до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Житомирскихъ, подалъ перъ облятамъ универсалъ одъ ясневельможного его милости пана Януша зъ Логойска Тишкевича, воеводы и енерала землъ Киевскихъ, Житомирского, Снятинского, etc. старосты, екстрактомъ съ книгъ кгродскихъ, Киевскихъ, а то, приводечи речъ осужоную до скутку въ справе урожоного пана Александра Олекшича Люшни—Кгеранойского, противко его милости пану стражъникови корунъному выданый, просечи, абы тотъ универсалъ въ кгроде тутошнемъ былъ публикованъ и до книгъ вписанъ; которого я, урядъ, приймуючи, читаломъ; и оною публиковатъ росказаломъ, и такъ се въ собе писаный маетъ: »Выписъ съ книгъ кгродскихъ воеводства Киевского, року тисеча шестсотъ чотыридесятого, месеца генвара двадцатъ семого дня. На рочкахъ судовыхъ кгродскихъ, Киевскихъ, дня четвертаго месеца генвара, въ року, звышъ на акте писаномъ, припалыхъ и судовне отправоватъ зачатыхъ, передъ нами, Яномъ Липленъскимъ, подвоеводимъ, а Теодоромъ Гуменицкимъ, судею, урядниками судовыми кгродскими, Киевскими, постановившисе очевисто урожоный панъ Александеръ Олекшичъ Люшня—Кгеранойский, для вписаня до книгъ нинешнихъ подалъ перъ облятамъ универсалъ одъ ясневельможного его милости пана Януша зъ Логойска Тишкевича, воеводы и енерала землъ Киевскихъ, Житомирского, Снятинского etc. старосты, до всихъ ихъ милостей пановъ обывателовъ воеводства тутошнего Киевского, въ справе вышъменованого урожоного пана Александра Олексича Люшъни Кгеранского зъ урожонымъ его милости паномъ Самуеломъ съ Тучапъ Лащомъ, стражникомъ коронным, въ речи нижей менованой; съ печатю и съ подписомъ руки его милости пана воеводы выданый, о чомъ тотъ универсалъ ширей въ собе описуетъ, просечи, абы до книгъ принято, и возный до публикованя оного приданый былъ; которого мы, судъ, для вписаня до книгъ принявши, возного судового, шляхетного Якуба Островского, для публикованя того универсалу придавши, оный до книгъ уписатъ казалисмо, и такъ се въ собе, писмомъ полскимъ писаный, маетъ: »Janusz z Łohoyska Tyszkiewicz, woedoda y generał ziem Kiiowskich, Żytomirsky, Sniatinski etc starosta, ich mościom panom dignitarzom, urzędnikom ziemskim, grodzkim, y wszyskim rycerstwa obywatelom

woiewodstwa Kiiowskiego, moim y mościwym panom y braciey. Wszem wobec y każdemu zosobna wiadomo czynie, iż urodzony pan Samuel s Tuczap Łaszcz, strażnik koronny, roku niedawno przeszłego, tysięc sześćset trzydziestego piątego, miesiąca aprilia trzydziestego dnia, kilka set człowieka zebrawszy, na maiętność urodzonego pana Alexandra Ołexicza Łuszni Geranoiskiego, miasteczko Borodiankę, y wsi, do nego należące, mocno gwałtem ze wszystkimi pożytkami, pieniędzmi gotowemi, srybrem, złotem, kłeynotami, szatami, y inszym wszystkim ogułem gospodarstwem domowym, w protestacyi y w processie prawnym mianowanym, one gwałtowne s posessyi pana Olexiczowey wsiął, y gdy pan Olexicz eo nomine do groda Kiiowskiego causam expulsionibus, y inne różne actie, tak o te expulsią, jako y o insze rzeczy, onego yntentował, tedy po różnych terminach różne dekreta grodzkie y trybunalskie przeciw panu straznikowi forowane są, których dekretów on żadnemu dosyć czynić nie chciał, zatym lucra per lucra, a nakonieć banitiy cztery, infamiią piątą, w sądzie głownym trybunalskim y w grodzie Kiiowskim otrzymać na sobie dopuścił, jako processy prawne o tym wszystkim szyrzy swiadczą. A iż do tego czasu przerzeczony pan strażnik w rzeczy osądzoney y dekretom dosyć czynić nie chciał y nie chce, owszem lekce ważąc prawo pospolite, we wszystkiem upornie się stał y sprzeciwia, przetoż, po takowych otrzymanych processach prawnych, banitiach, ynfamiey, publikowanych, jego królewska mość pan nasz miłosciwy, jako supremus princeps, s cancelaryi swoiey wielkiey do mnie przysławszy, roskazać mi raczył mocno exequtią na panu strażniku czynić. Będąc ia tedy strożem prawa pospolitego y pierwszym w tym woiewodzstwie senatorem y osobe jego królewskoie mości, jako w odprawowaniu sądow, czynienia exequty, na sobie nosząc, ten list na seymiku, blizko przeszłym Żytomirskim, w kole rycerskim publikować roskazawszy, determinowałem był czas na rozesłanie uniwersałow swoich do tey exequtiey po seymie przyszłym Warszawskim, (adwerso fato) nieskonczonym, we cztyry niedzieli po conkłuxy pomienionego seymu, (ieśli by była staneła), odprawenie. Jednak, życząc tego, aby strona ukrzywdzona mogła być w żalu, zniewagach y szkodach swoich bez tey exequtiey ukoiona, pomienionego pana strażnika, prawem przekonanego (tą kturą mam od jego królewskiey mości daną zwirzchnością), przez przyiaciela upominałem, aby tey exequtiey przez satisfactią stronie powodowey zabieżał, y oney na sobie y dobrach swoich wykonać nie dopuścił, do czego y roskazanie jego królewskiey mości (przez ynny uniwersał w teyże sprawie do mnie z małey cancelaryey coronney przysłany), abym sie zatrzymał, nastąpiło. Lecz gdy pomieniony urodzony pan strażnik a ni na przewode prawne, także banitie, ynfamią, na sobie

otrzymane, a ni na napomnienie moie, a ni naostatek na mandat jego królewskiey mości, pana mego miłościwego, o odprawieniu tey exekutie wydany, respektował, owszem, jako prawo pospolite znieważył, tak y na napomnienie moie nie dbał, a nakoniec łaską y milosierdziem jego królewskiey mości, pana mego miłościwego, pogardził. Za tym, gdy po seymie pomienionym nieskonczonym, czas naznaczony nastąpił, ia, respektuiąc wprzod na chwalebne swięta narodzenia Pana Zbawiciela naszego, potym zaś na cadentią rokow grodzkich y ziemskich Kiiowskich, kture sie y ten raz odprawuią, odprzeć sie wzięty exequutiey supersedować musiałem; ale że teraz znowu jego królewska mość, pan nasz miłościwy, za instantią y żałośną strony powodowey, uniwersał s cancellary małey koronney do mnie przysłać raczył, abym, bez dalszyj odwłoki uniwersałe swoie do waszmość, moich miłosciwych panow obywatelow tego woiewodstwa, rozesławszy, dekreta pomienione do exequutiy prywiod, także maiętności mianowane, pomienionemu urodzonemu panu strażnikowi odebrawszy, one powodowi pomienionemu panu Alexandrowi Olekszyczowi Łuszni Geranoyskiemu w posessią, jako jego własne, podał, o czym te uniwersały jego królewskoie mości szyrzy swiadczą. Ja tedy, roskazaniu jego królewskoie mości, pana mego miłościwego, y powinności urzędu mego, także afectacyi strony powodowey, dosić czyniąc, y te exequtią do skutku przywieść usiłuiąc, o woley y roskazaniu jego królewskoie mości waszey mości, moich miłościwych panow, obwieszczam, y władzą tą, która mi jest od jego królewskoie mości dana, waszey mości, moim miłościwym panom, roskazuie, aby sie wasza mość, moi miłościwy panowie, na dzień dwudziesty piąty, miesiąca lutego, blizko przyszły (gdy ż jeszcze teraz sądy pomienione ziemskie y grodzkie Kiiowskie, które sie o raz odprawuią, są przeszkodą) pod Żytomirz, gdzie y ia yn persona mea, da Bog, stawie sie, wszyscy osobami swemi, zbroyno, iako do woyny, stawili sie, y tam pospoł ze mną y z urzędnikami memi sądowemi, grodzkiemi, Kiiowskiemi, tamque cum brachio regali, tam jako dalsza rezolutia moia nastąpi, y prawo opisane droge poda, przeciwko panu strażnikowi, jako banitowi y infamisowi, prawem przekonanemu, y z panstw koronnych wywołanemu, postąpili, pod winami, w prawie pospolitym na nieposłusznych opisanemi. A lubo to prawem pospolitym y dekretami, tak grodzkimi, jako trybunalskimi, surowie obwarowano iest, aby z banitem y ccj odsądzonym żaden nie conwersował (co y w tey sprawie teraznieyszey przeciwko pomienionemu urodzonemu panu strażnikowi dostatecznie opisano); iednak ia, aby nic na powinności moie y urzędu mego nie szkodziło, zwirzchnością moią

upominam y przestrzegam, aby sie żaden przy przerzeczonym urodzonym panu Łaszczu, strażniku coronnym, wiązać, bawić, rady y pomocy iakim kolwiek sposobem dawać, nie ważył, gdyż s takim kożdym, jako s pomocnikiem ynfamisa y banita, wedle opisania prawa pospolitego, bez wszeliakich dillaty postąpić przydzie. Dan w Kiiowie, dnia dwudziestego piątego miesiąca january, roku pańskiego tysiąc szescset cztyrdziestego. У того универсалу печать его милости пана воеводы Киевского притиснена, подпись руки тыми словы (?) ręką swą. По прочитаню того универсалу возный вышъменованный, шляхетный Якубъ Островский, чинечи досить росказанію нашому судовому и повинности уряду свого возновъского, универсалъ тотъ тутъ на замку, такъ въ ызбе судовой, яко и на кганку, при той избе будучомъ, при бытности велю людей заднихъ, зъ розныхъ воеводствъ згромажоныхъ, справъ своихъ у суду пилнуючихъ, голосомъ вынеслымъ, ижъ тотъ универсалъ въ справе урожоного пана Акександра Олекшича Люшъне Кгераной-ского, повода, съ паномъ Самуеломъ Лашчомъ, стражникомъ коронным, яко правомъ преконанымъ, позванымъ, въ речи вышъменованой выданый и до всихъ ихъ милостей пановъ обывателей воеводства тутошнего писаный, обволалъ и публиковалъ, приводечи то всимъ до видомости, абы зъ пречонымъ паномъ стражникомъ, яко зъ инъфамисомъ и чти одсужонымъ, съ панствъ коронныхъ и великого княжества Литовского выволанымъ, жадного сполку а ни обцованя не мели, рады и помоцы оному ни въ чомъ не додавали, въ домахъ, маетностяхъ своихъ не переховывали, але се зъ нымъ, яко правомъ перекопанымъ, во всемъ, водле сроктости права посполитого заховали, подъ винами въ праве описаными. О чомъ тотъ возный, ижъ тотъ универсалъ обволалъ и публиковалъ, очевисто передъ судомъ нинешнимъ ставши, о томъ реляцию свою учинилъ и созналъ,—што для памети до книгъ нипешнихъ есть записано, съ которыхъ и тотъ выпись подъ печатю кгродскою, Киевскою, есть выданъ. Писанъ у Киевѣ, корикговалъ Чапъчинский. У которого екстракту печатъ кгродская, Киевская, а подпись рукъ тыми словы: Woyciech Rylsky, woyski Żytomirski, pisarz grodski, Kiiowski. Который то экстрактъ универсалу, за принятемъ моимъ урядовымъ и за афектацыею вышъ менованое особы, и за приданемъ моимъ урядовымъ,

презъ возного енерала, шляхетного Яна Вышинского, есть публикованный и до книгъ вписаный.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 15, годъ 1640, листъ 33.

CLX.

Донесеніе вознаго о доставленіи имъ мандата, требующаго на королевскій судъ княгиню Домонтовую, князя Іеремію Вишневецкаго и другихъ лицъ, по жалобѣ коронного стражника Самуила Лаща о наѣздѣ на его имѣнія Домонтовъ, Песчаную и Золотоношу, разнаго рода насиліяхъ, грабежахъ и о совершенномъ отнятіи этихъ имѣній. 1640 г., апрѣля 17.

Року тисеча шестъ сотъ чотыридесятого, месеца априля семнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Миколаемъ Вышъполскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становшы очевисто шляхетный Александръ Костюшковский, возный енералъ воеводства Киевского, Волынского, Браславского и Черниговского, для записаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ, Житомирскихъ, въ тые слова созналъ: ижъ онъ въ року теперешнимъ, тисеча шестъ сотъ чотыредесятомъ, месеца февраля чотырнадцатого дня, маючи при собе сторону шляхту, шляхетныхъ пановъ Якуба Кендзиринского и Томаша Станъковского, мандатъ его королевское милости автентичный, съ печатю коронною меншое канцелярыи до места Доумонтова, въ воеводстве Киевскомъ лежачого, однесши, оный въ браму замку тамошнего воткнулъ, о положеню того мандату челяди и строжомъ, въ тамтымъ замку будучимъ, также войтови и бурмистромъ оповедалъ; писаный тотъ мандатъ по урожныхъ пановъ Александра и Богуфала Олекшичовъ, кнегиню Полонію Домонтовую, яко принципаловъ, а по осветчоного кнежати его милости Еремия Корыбута Вышневецкого, яко по того, который людей своихъ служалыхъ далъ на помоцъ особомъ вышъменованнымъ, на

попелнене учинку, нижей менованого, и по слугъ а ротмистровъ его кнежаты милости, по пановъ: Коленоте, Войне, Кашковского, Турского, Домарацкого, ротмистра першаго Судыцкого, Вишневецкого, Белского, Пирского, Павловского, компрынцыпаловъ учынку, въ тымъ тамъ мандате ширей описаного, въ жалобе инстыгатора коронного и его делятора и велможного его милости пана Самуеля Ласча Тучапъскаго, стражника коронного, Овруцкого, Каневъского старосты, а то такъ по отрыманю контумацый на сейме близко прошлымъ, и яко и справы оджывяючи по смерти зошлого пана Анъдрея Халаима, до готового процесу, въ той справе зачатого, а то о квалтовное наехане на добра его королевское милости, державы его милости пана стражника коронного: места Домонтова, Песчаной, Золотоношы, о позабыяне слугъ, янчаровъ и гайдуковъ и подданыхъ, въ тыхъ маетностяхъ подъ тотъ наяздъ бытыхъ и мешкающихъ, о побране речи немало, такъже коней, стрелбы розное, быдла, стада, о зкгвалцене дивокъ, невястъ, о одебране и одняте тыхъ добръ всихъ вышъ помененыхъ съ посесыи его милости пана Самуеля Ласча Тучапъскаго, стражника коронного, и о вси виоленции и учинки въ протестации о то учиненой, и въ тымъ мандате о тожъ вынесенымъ и поданымъ ширей описуетъ, о чимъ тотъ тамъ мандатъ ширей въ собе обмовляетъ. За которымъ то мандатомъ рокъ сторонамъ обема, такъ поводовый, яко и позваный, на сейме валнымъ Варшавскимъ, шестънеделнимъ, въ Варшаве, албо тамъ, где на онъ часъ его королевская милость зъ дворомъ своимъ счасливе будетъ, передъ судомъ его королевское милости, паны радамы, при боку его королевское милости будучими, найпервей объ положеню того манъдату, до суженя припадаючимъ и одправуючимъ се, становитъсе зложилъ и назначилъ. Што такъ власне, а неиначей бытъ, менованый возный призънавъши, просилъ, абы тое его зознане до книгъ записано было, што и отрималъ.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, годъ 1640, № 15, страница 336.

CLXI.

Жалоба пана Калускаго на крестьянъ мм. Стараго и Новаго Коростешова о томъ, что они произвели нападеніе на живущихъ тамъ »ляховъ«, а при проѣздѣ Калускаго черезъ мѣстечко напали и на него, одного изъ слугъ его избили, изранили и ограбили. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ ранъ. 1640 г., апрѣля 17.

Року тисеча шестсотъ чотыредесятого, месеца априля семнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Миколаемъ Вышъполскимъ, подстаростымъ Жытомирскимъ, становши очевисто урожоный панъ Адамъ Циприянъ Калуский, противъко славетнымъ: Скарженкови, Положенскому, Петрови Дорошенкови, Ярмоле шевъцови, Дуткови, Дымитрови колачникови, Шырку гайдукови, шахварови, сыномъ Лазарчовымъ, зятю Исаинкови, ткачови Рудобрудому, Кондрату, шевъцу и ковалови и иньшымъ всимъ мещаномъ и посполству, также войтомъ, бурмистромъ, местъ Старого и Нового Коростышова, яко принципаломъ и компринципаломъ, которыхъ имена и прозвиска, хоть не суть ексъпресе выражоные, однакъ оныхъ протестантъ зъ выражоныхъ местъ хоче, и, за взятемъ ведомости, въ далшимъ процесе меноватъ будетъ, светчилъ и протестовалъ о то, ижъ они, ничого се не огледаючи на право посполитое и вины, описаные въ нымъ, препомневши боязни Божое, есче въ небытности протестанта, въ року теперешнымъ, тисеча шестсотъ чотырыдесятомъ, месеца кветня шестънадцатого дня, въпродъ во дзвонокъ на кгвалтъ ударивши и тумултъ всчавши,— одъ дому до дому ходечы, где бы одно колвекъ веры католицкое кого знализли, питаючи се, и жиды, который бы смелъ якого заховатъ, биючи,—урожоныхъ пановъ, Карказана и Хмеловского, окрутне а нелитостиве кийми збили, одъ которого збитя неведатъ если живы зостанутъ, а хотя и жыви будутъ, вечное хромоты не уйдутъ,— которымъ волне право о ихъ удесъпекътоване зоставаетъ, яко шляхте. И такъ, одъ дому до дому ходечи, где одно колвекъ якого ляха

налезли, были и мордовали, пияные будучи,—о которомъ тумулте протестантъ не ведалъ; але, яко человекъ спокойный, покоемъ права посполитого и безпеченствомъ приѣздячихъ и одъездячыхъ на суды будучи обваровaный, на сеймъ близко припадаючий, такъже и трыбуналъ Любелский, на справы жолнирские, съ справами до Люблина едучи, до Коростишова приезжаючи, въпередъ челядника, шляхетного Якуба Денбъского, для господы послалъ, который, кгды до места приехалъ, поставивши коня у хлопа, зъ господы шолъ до места шукатъ; которые помененые принципалове зъ компринципалами, на улицы обскочившы, окрутне а нелитостиве збили, змордовали, кийми, жердями, друками, раны сыние, спухлые, кровью набеглые, по плечахъ, по рукахъ, по крыжахъ и голове позадавали и мало на смертъ не забили, кгды бы не одинъ месчанинъ Старого места, якисъ чоловекъ добрый, отратовалъ, оного не оборонилъ, удаючи, же ничого онымъ невиненъ и допюро приехалъ до господы, для пана своего шукалъ. При которимъ збитю, окрутнымъ мордованю, шаблю, за золотыхъ петнадцатъ купъленую; чапъка, кгардлами подшитая, кармазыновая, за золотыхъ десетъ; поесъ чырвоный волошовый, за золотыхъ дванадцатъ, пенезей протестантовыхъ, которые мелъ на справы и на страву ихъ милостей пановъ юристовъ присланые въ тросе на тымъ же челяднику мелковыхъ сто, а бытыхъ двадцатъ, также справы и квиты, релаксацые, его милости пана стражника коронного скрутиниумъ, пана Себестияна Кграсовскаго зъ паномъ Кгумовскимъ справы и ины справи и документа, въ способъ лупу взяли и межи себе розделили. А кгды протестантъ приѣхалъ до места и о таковымъ збитю и мордованю челядника, такъ же и лупахъ доведавшы се, до старосты тамешнего, до его милости пана Русецкого, пошолъ, которого на месте стоячого и тые тумулты усмераючи заставши, и жалъ свой оповедавши, и о учинене справедливости жадалъ, где помененые хлопи, неконтентуючи такими деспектами, збитемъ и лупами, слудзе почыненными, оного протестанта, впередъ словы ушчипливеми, гонорови его шкодячыми, зесромотивши, ку болшей зневазе и обележеню окрыкъ учынивши: »быйми, забийми того собаку, ляха, зъ его челядю,—што позабывши, разомъ одбудемы«. И певне бы забили были, кгды бы въпродъ не Панъ Богъ, а самъ

панъ староста, его милость панъ Русецкий, до господы велъ протестанта, где се и самему пану старосте мало недостало, кгдыжъ хлопство пияное, кого колвекъ тылко подкали, то зневажали. На остатокъ его милости ксендза Танского, который, яко капланъ потстивый, забитыхъ по улицахъ бралъ и до господъ односить казалъ, онего мало незневажили,—якожъ некоторые въ тымъ тумулте волали: »забить и того, бо то ляхъ.« А протестантъ въ господе, посполу зъ челядю и слугами его милости пана стражника коронного: съ паномъ Войтехомъ Кглембовъскимъ, Миколаемъ Лусчикомъ и зъ вознымъ, который на онъ часъ посполу съ протестантомъ до Жытомера ехалъ, шляхетнымъ паномъ Александромъ Костюшковскимъ, зоставшы, и въ господе, замкнувши се, зоставалъ страхомъ накарменый, выглядаючи и сподиваючи се тиранского забитя одъ хлоповъ, кровю шляхецкою заюшоныхъ, которые то хлопи господу обступивши, протестанта добывать одни хотели, а другие на тымъ были, абы не добывали, але брамы стражою осадывши пилновали, абы нихтъ не выѣхалъ зъ места, даючи знать о зневазе и злупеню слуги протестуючого се и самому его милости пану стражникови коронному, которыи, презъ годинъ две за онымъ обступенемъ и вартованемъ, нигде съ дому вынистъ не смели и такъ (у) везеню зоставали. Которые протестанта вартуючи зъ его челядю и товариства, южъ передъ заходомъ слонца учинивши намову,—же: »волимы оныхъ, въ ночи спячихъ, побравши, же бы о тымъ нихтъ не видалъ, позабиять любо утопить«; лечъ протестантъ, по уступеню по той раде хлопства, обачывши его милость ксендза Танскаго, который, яко капланъ почстивый, и перестрегаючи уряду своего капланского, до збитого, а праве конаючого пана Хмеловского, шолъ, оному жаль свой и деспектъ и таковую опресыю оповедавши, который, выдечи таковые бунты, самъ просилъ и персвадовалъ, абы принамней у него съ тыми всими слугами и товариствомъ переночовалъ,—тылко, абы, яко на цишей зъ оного дворку, где сталъ, любо речы вынесоно, любо, по усмереню тумулту, привезоно до плебании оного. Якожъ протестантъ самъ впродъ до него приполъ, а потымъ колясу и другие колясы, такъ возного домененого, яко и свою, который ехалъ посполу съ протестантомъ до плебании въ ночы зъ паномъ канторомъ, который

былъ одъ его милости ксендза Танскаго за стража его самого, слугъ и товариства и возного приданый, якожъ самъ помененый канторъ въ ночи, кгды се хлопи заюшени кровю шляхетскою, за сполною радою своею, маючы брамы и форты добре, абы нихтъ зъ места не виеджалъ, опатренные, розумеючи, же самъ протестантъ мелъ въ той господе ночоватъ, посполу съ товариствомъ, слугами своими и возным помененымъ, абы его, знатъ самого и всихъ, при нимъ будучихъ, спячихъ, такъ здрадецки и потаемне побравши, не забили и потопили, до плебании ушли. Которые хлопи, того будучи розуменя, же онъ въ той господе мелъ ночоватъ, лечъ же за Боскимъ презренйемъ зъ оное господы выехалъ и у его милости ксендза Танскаго ночовалъ, ошукане на голову забитя душъ шляхетскихъ о нимъ зосталo, а бовемъ розумеючи, же тамъ естъ посполу (зъ) своимъ товариствомъ, на то пилновали и черезъ ночъ всю вартовали коло господъ, абы жаденъ, для даня ведомости пана протестуючого, не выехалъ, который домъ, где сталъ самъ, посполу съ товарыствомъ и возным, хлоповъ сто, двесте и далей, яко маетъ ведомостъ, вартовали. А кгды до господы вшедши, протестанта, же его тамъ не зналезли, жаловали, выкрикаючи: »идыжъ, ляше, штось утеклъ, бо бы и тобе то было!— мовилъ, же тымъ хлопомъ шие поттинаютъ за зневаги шляхетские и твою господу обступене,—нашъ панъ Олизаръ насъ неодступитъ, а мы заплатымъ, бо естъ чымъ, а жадному Олизарчикови, который естъ его милости подданный, шию не утнутъ и оныхъ невыдастъ«. Итакъ протестантъ, посполу съ помененною шляхтою, слугами его милости пана стражника и самъ въ везеню зоставши, а по уступеню тумулту, до его милости ксендза Танскаго, до его мешканя плебании ледво живъ утеклъ, которую ночъ, не малъ цалую, ажъ до самого дня хлоповъ до двохъ сотъ вартовали; аже его въ господе рано не обачили—одешли. А на заютръ, видечи дня семнадцатого априля же, его милость панъ Людвикъ Олизаръ Волчкевичъ естъ той маетности дедичомъ, поневажъ его милостъ панъ Русецкий справедливости самъ безъ его милости пана Адама Вилки, пана своего, его милости пана Олизара, яко дедича, чинитъ не хотелъ, допюро протестантъ на приездъ его милости пана Олизара чекалъ за перевазшею его милости пана Мерешки, которому далъ знать его милости пану Олизарови о та-

ковыхъ тумултахъ, сподиваючись его не выежджтъ, до места, чекалъ, а дочекатъ се немогши, до маетности оного, Студеное Воды, запустилъ се, которого въ полю упилновали, одъ Коростишова подкавши, и жаль свой и деспектъ такъ же слугъ его милости панувъ стражниковыхъ, яко своихъ товариства, оповедившы, его милости пана Олизара справедливости жадалъ, который, пожаловавши зневаги протестантовое и товариства его, справедливость учинитъ обецалъ; протестантъ, дуфаючи обытныцы его милости пана Олизаровой, завернулъ се знову, ачъ пилно дорогу маючи, сподиваючи се справедливости, завернулъ се до Корестышова,—кгды приехалъ, тамъ справедливости съ товариствомъ жадалъ. Его милость панъ Олизаръ поведилъ; же «кажу тые лупы и забраня речей и пенезей поворочатъ, учинивши инквизыцию; але о збите челядника и зневаги протестантовой, чинитъ немогу, для тыхъ причинъ, же тую маетностъ заставилъ; а до того, кгды быхъ мелъ справедливостъ ретелную чинитъ, муселъ быхъ тыхъ хлоповъ всихъ выстинатъ, чого учинитъ немогу, бо быхъ маетностъ спустошилъ, которую протко выкуплю«. А такъ протестантъ, посполу съ товариствомъ, съ плачомъ одехать муселъ, вознымъ, шляхетнымъ Александромъ Костюшковскимъ, освядчивши. Его милость панъ Олизаръ, поведилъ: же «то не Чернецка маетностъ, але моя и такий учинокъ, же пана Карказана и пана Хмелевского здеспектовали, похвалилъ жалуючого зневаги протестантовой, слугъ и товариства его, яко невинныхъ; где протестантъ зъ жалемъ своимъ немалымъ, вознымъ помененнымъ осведчивши, одехатъ муселъ. Которымъ таковымъ поступкомъ поменённые мещане право посполитое зневажили, станъ шляхетский, въ побитю помененого Денбъского, яко шляхтича, въ зневагахъ, такъ самого протестанта, яко и товариства и слугъ его, шляхты добре урожоной, вартою и везенемъ, и луповъ, побраныхъ у пана Дебского, зневажили, а за тымъ вины правные заслужили; которыхъ протестантъ всихъ впродъ у его милости пана Русецкого, яко старосту, на месте его милости пана Вилкги будучого, а потымъ у его милости пана Олизара самого, яко дедича тое маетности, арештовалъ до росправи правное, о што все инъ форо фори правне чинитъ оферовавши се, мелиорацыю той протестацыи, если бы того потреба укаже, волне собе зоставивши, на верефикацию того

всего, ставилъ возного, шляхетного Александра Костюшковскаго, который, въ моцъ правдивое свое реляцыи, зезналъ: ижъ онъ былъ при вартованю протестанта и его товариства, выжей выражонного, въ месте Коростешове, и вси зневаги и збите слуги протестуючогосе самого и слугъ его, на завтрее выделъ дня семнадцатого априля, маючи при собе шляхту, шляхетныхъ пановъ Яна Оборского и пана Адама Мосчинского у его милости пана Русецкого, до справы правное арештовалъ ве сту тисечи гривенъ; которого арешту его милость панъ Русецкий принятъ не хотелъ, поведаючи, жемъ »я дочасный староста, а его милость панъ Вилка, панъ заставный,—можетъ мя пренътко одменитъ; тыхъ хлоповъ затриматъ не могу, кгдыжъ и мене дня вчорайшого мало хлопи, посполу съ панемъ Калускимъ и товариствомъ, слугами не забили, кгды быхъ былъ оного до господы не ведлъ, а въ остатку сами видете, пане возный, якие были тумулты дня вчорайшого, же мене и пана Калуского, зъ его товариствомъ, мало не позабияно, чого самъ тылко Панъ Найвышшый былъ обронцою, кгды бысте, за персвазыею его милости ксендза Танского, не ночували у него въ плебании, ноцою тихо выехавши«. А потымъ, панъ Калуский у его милости пана Мерешки будучи и свои зневаги оповедаючи, его милость панъ Мерешка поведилъ, пожаловавши деспекту оного и его товариства, писалъ до его милости пана Олизара за сее, што година сподиваетъ,—которого часъ немалый въ Коростышове очекивалъ; а немогше се дочекатъ и ѣхалъ до Студеное Воды; которого, впулъ дороги поткавши, при мне, вознымъ, шляхте о учинене справедливости жадалъ, где его милость панъ Олизаръ учинитъ обецавши, до места се завернутъ казалъ, обецуючи въ Коростешове справедливостъ учинитъ. Где протестантъ, панъ Калуский, завернувши до Коростешова, становши въ господе, самъ шолъ до его милости пана Олизара, до плебании, где на онъ часъ его милость станулъ, о учинене справедливости жадалъ, которую его милость панъ Олизаръ учинитъ обецалъ былъ въ дорозе. На которое жадане поведилъ: же »я жалую зневаги и деспектовъ его, такъ товариства, яко и слугъ его, и кажу, што колвекъ хлопи забрали и злупили—пошлю до старосты его милости пана Вилдзиного, абы казалъ поворочатъ хлопомъ тымъ; еле што о збитье и такие зневаги, которые онъ въ невинности понеслъ,

хлоповъ на кгарло каратъ хотяй муселъ быхъ, а то не учиню, бо што се стало, то се стало въ тумулте и кгвалте, кгды пана Карказана и пана Хмиловского добывано и его слугу на онъ часъ потымъ тумулте, розумѣючи, же не пана Калуского, але пана Хмилевъского, который челядникъ шолъ, оного збили и што колвекъ побрали при нимъ, каже поворочатъ. А што се тъкне зневагъ самого, слугъ и товариства его, же хлопи, яко пияни, загневанные на пана Хмилевъского и пана Карказана, на немъ се, слугахъ и товариществе его помстили и же здоровъ зосталъ, нехай Пану Богу дякуетъ, а верненемъ трудности речей всихъ и злупенныхъ и забранныхъ нехъ се контентуетъ, бо, ачъ мой добрый приятелъ, але я для него всего места выстинатъ некажу, до чого бы пришло, кгды бымъ скутечную справедливостъ мелъ чинитъ въ деспекте оного, который его поткалъ«. Которую справедливостю панъ Калуский въ своихъ обелкгахъ не контентуючи се, зъ жалемъ немалымъ одехатъ муселъ, за збите слуги и свои зневаги, такъ и товариства и слугъ своихъ справедливости не учинивши, речи полупеныхъ и забраныхъ не одебравъши, але мною, вознымъ, о то все, а я шляхту, при собе будучую, осветчилемъ, и заразъ до Житомира, посполу съ паномъ Калускимъ и тымъ товариствомъ, паномъ Кленбовскимъ и Лусчикомъ, и слугами его поѣхаломъ, где дня сегоднейшего панъ Калуский слуги збитого при мне, вознымъ, у его милости пана подстаростего презентовалъ, а потымъ о придане мене, возного, просилъ; где я, возный, за приданемъ того жъ уряду, съ тоею шляхтою, выжей выражоную, гдемъ быхъ арештуючи тыхъ подданыхъ у его милости пана Русецкого, его милости пана Олизара, выделемъ пана Якуба Дембъского збитого въ Житомеру, въ господе, знаки киеве збытые, спухлые, кровю набеглые на голове, рукахъ, раменахъ, крыжахъ, хрибте, и не малъ одъ стопы тело ногъ, ажъ до самое головы збите, одъ которого збитя вутпливостъ абы живъ зосталъ, а хотя буде—хромоты вечное не уйдетъ. При которомъ збитю и змордованю меновалъ собе помененый панъ Денбъский шаблю, шапъку и пенезей, справы некоторые побраные. Што все возный помененый шляхтою, при собе будучою, осведчилъ, и то, што колвекъ въ протестации естъ написано, и што виделъ и слышалъ, такъ власне, а не иначей, бытъ признавши, и тую

протестацию о збите, лупы, везеня и вартованя затвердивши и апробовавши, просилъ, абы все до книгъ записано было, што отималъ.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, годъ 1640, № 15, стр. 339.

CLXII.

Приговоръ Люблинскаго трибунала, осуждающій на банницію цѣлую роту Черниговскаго воеводы Мартина Калиновскаго, за неявку обвиняемыхъ къ суду, по дѣлу о грабежахъ и насиліяхъ, произведенныхъ ими въ имѣніяхъ Кіевскаго хорунжича Реміяна Ельца. 1640 г., апрѣля 18 дня.

Року тисеча шестъсотъ чотыридесятого, месеца юня двадцатъ шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомірскомъ, передо мною Миколаемъ Вышполскимъ, подстаростымъ Жытомирскимъ, становши очевисто шляхетный панъ Лукашъ Трачевский, подалъ перъ облятамъ баницыю на товариство корогви его милости пана воеводы Черниговъского въ речи и крывде, нижей менованой, въ суде головномъ трибуналъскомъ, коронномъ, Любелъскомъ, въ року нинешномъ, тисеча шестсотъ чотыридесятомъ, въ справе урожоного его милости пана Еремияна Ельца, хоружица воеводства Киевского, отриманую, просечы, абы была до книгъ нинешнихъ принята и выписана, которую я, врядъ, оную примуючи, читаломъ, и такъ се въ собе, писмомъ полскимъ писаная, маетъ: »Actum Lublinij in judicijs ordinaryis generalibus trybunalis regni, feria tertia post dominica boni conductus proxima, anno domini millesimo sexcentesimo quadragesimo. Urodzony jego mość pan Remian Jelec, chorążyc wojewodstwa Kijowskiego, dowodząc sprawiedliwości poddanym swoim z miasteczka Łomli y z miasteczka Kamienki y wsi, do nich należących, powod, urodzonych Jerzego Kalinowskiego, miecznika wojewodztwa Bracławskiego, porucznika roty wielmożnego Marcina na Basiatynie Kalinowskiego,

wojewody Czernihowskiego, Andrzeja Sokolnickiego, chorążego, Jarosza Grochowskiego, Dobrogosta Skarbka, Samuela Mereżke Osiemborowskiego, Marcina Sokołowskiego, y wszytkę kompanię, towarzystwo z pod teyże chorągwie jego mości pana wojewody Czerniechowskiego, ze wszystkich dóbr pozwanych do sądu ninieyszego, głównego trybunału koronnego, Lubelskiego, przez woznego generała, uczciwego Matiasza Wilskiego, cztyry nad prawo razy wołanych a niestawionych się, w zysku nagrodzenia szkod regestrem przez poddanych liquidowanych, zaraz y nieodwłocznie, pod winą banitij wieczney, wyiowszy samego pana wojewode Czerniehowskiego, sądownie wzdał, ato na pozew swóy przeciwko nim, w te słowa pisany: »Władysław czwarty, z Bożey łaski król Polski, wielkie xiąże Litewskie, Russkie, Pruskie, Mazowieckie, Inflanskie, Smolenskie, Crernihowskie, a Szwiedsky, Gotski, Wandalsky dziedziczny król. Urodzonym Jerzemu Kalinowskiemu, miecznikowi wojewodztwa Bracławskiego, porucznikowi roty wielmożnego Marcina na Husiatynie Kalinowskiego, wojewody Czernihowskiego, Andrzejowi Sokolnickiemu, chorążemu, Jaroszowi Grochowskiemu, Dobrogostowi Skarbkowi, Samuelowi Mereżce Osiemborowskiemu, Marcinowi Sokołowskiemu y wszytkiey kompaniey towarzystwa z pod tey że chorągwie jego mości pana woiewody Czernihowskiego, ze wszytkich dóbr wierności waszey, leżących y ruchomych. Przykazuiemy, abyście wierność wasza przed sądem naszym głównym trybunalskim, koronnym, Lubelskim, w roku blizko przyszłym, tysiąc sześć set cztyrdziestym, między sprawami żołnierskiemi, skoro po zaczęciu trybunału po niedzieli przewodney, gdy ta sprawa z regestru spraw żołnierskich, wiedle ordynaty tego sądu, tribunału Lubelskiego, z regestru sądowego przywołana będzie, sami oblicznie y zawicie, iako na roku zawitym, stanowilisie y skutecznie usprawiedliwili na żałobe y prawne poparcie urodzonego jego mości pana Remiana Jelca, chorążyca wojewodztwa Kijowskiego, króry po translatitie terminu za omieszkaniem y niewpisaniem sprawy pomieniony, za zawarciem regestru spraw żołnierskich, na przeszłem trybunale koronnym Lubelskim sądzących, wierność wasze pozywa, dowodząc sprawiedliwości poddannym swoim z miasteczka Łomli y z miasteczka Kamienki, wsi do nich należących, ato o niesłuszne y gwałtowne wyciągnienie stacij y inszych wiele krzywd poczynienia, iako o tym regestr, przez poddannych miasteczek y wsi naszy mianowanych tych szkod comprobowany, szyrzey w sobie ma; przeto abyście na roku wzwysz oznaczonym stali, szkody, na regestrze osobliwym spisane y przez pomienionych poddannych powodowych w grodzie poprzysiężone, z sowitością y winami prawnemi instantum zapłacili, poddanym zbitym, wedle stanu kożdego, rany, podług prawa, nagrodzili,

y na wszytko prawnie odpowiadali. Pisan w Kijowie, roku tysiąc sześćset trzydziestego dziewiątego, miesiąca decembra wtórego dnia. A na umocowanie zysku pomienionego na przerze czonych pozwanych sposobem wyżey opisanym otrzymanego, sąd ninieyszy głowny trybunalski, koronny Lubelski, na przerzeczonych pozwanych wine nagrodzienia szkod, przez poddannych powodowych regestrem liquidowanych, powodowi ninieyszemu do zapłaczenia zaraz nakazuie, ato pod winą wieczney banity, którą, w niedosyć uczynieniu przez nich decretowi temu, zaraz na pomienionych pozwanych (wyiowszy samego pana wojewode Czerniehowskiego), wskazuie y do publikowania winy tey banity wieczney woznego generała, ucciwego Matiasza Wilskiego, przydaie y naznacza, a sprawe te do starostw mieyscyich urzędów należnych, pod których jurisdictią dobra pomienionych pozwanych leżą, y sami w osobach swych, gdzie kolwiek będą, mogli bydź zatrzymani, do czynienia na nich y dobrach ich, według prawa pospolitego, nieodwłoczney executij odsyła; iakoż tenże wzwysz pomieniony wozny generał, ucciwi Matiasz Wilski, z mieysca publicaty wracaiąc się, przed sądem ninieyszym iawnie zeznał: iż on pomienioną banitią wieczną na przerzeczonych pozwanych, sposobem wyżey pisanym otrzymaną, na ratuszu Lubelskim, przy bytności wielu ludzi na ten czas zgromadzonych, publikował y do wiadomości wszytkich, podług prawa, podał. У тое баныции при печати, подпись рукъ тымы словы . . . . . Nicolaus Słoinski . . . . . которая жъ то баницыя, за поданемъ вышъ речоное особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешънихъ, слово въ слово естъ уписана.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, годъ 1640, № 15, стр. 1096.

CLXIII.

Объявленіе отъ имени крестьянъ с. Кошара о томъ, что паны Пясецкіе своими угрозами воспрепятствовали имъ произвести судъ надъ задержаннымъ ими воромъ, который вслѣдствіе этого бѣжалъ. 1640 г., сентября 18.

Року тисеча шестъсотъ чотырдесятого, месеца сентебра осмнадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Петромъ Сосновскимъ, буркграбимъ замку Володимерского, и книгами нинешними, кгродскими, старостинскими, постановившисе очевисто учтстивый Богданъ, войтъ Кошарский и Михалъ Савчене, подданые яснеосвецоного кнежати его милости Адама Александра Санкгушка, воеводы Волынскаго зъ Кошара, именемъ своимъ и именемъ всее громады Кошарское зъ великимъ жалемъ и плачомъ зъ притомностю кнежати его милости, яко пана своего дедичного, светчились и протестовали на противко урожоныхъ пановъ Александра отца и Яна сына Пясецкихъ, о то: ижъ кгды они въ року теперешнемъ, тисеча шестъсотъ чотырдесятомъ, месеца августа девятого дня, съ повинности уряду своего зъ громадою заседши, злочинцу неякого Яска Служку Омелянового, боярина Кошарского, на крадежи пойманого и зъ лицемъ презентованого, послявши по екзекутора, карати хотели, такъ якобы сваволя могла быти гамованая а злустъ (sic) заплату свою однесла, преченые ихъ милости панове Пясецкие, неведати для чого, и овшемъ зъ якоесъ конвенции, а меновите панъ Янъ Пясецкий дня девятого августа, приехавши до Кошара, до войта, где тотъ злочинца осаденный былъ, не заставши есче всее громады толко килку и сторожу, при томъ злочинци будучую, одповедаючи: »ижъ праве, ежели его будете на горло судити, теды васъ всихъ и ката постриляю и позабиваю«,— и съ тымъ одехалъ. Потомъ на завтрее, кгды тая справа припала, и юже громады болшая часть зошла се была, толко очекивали на

пана старосту Кошарского и иншихъ слугъ кнежати его милости, приехалъ самъ панъ Александеръ Пясецкий, отецъ, съ такоюжъ одповедю: »ижъ праве, радъ на тое буду патралъ, коли будете его судити«,—тыежъ слова, што и сынъ, повтораючи. За чимъ протестантесъ, обавляючись, абы, нижъ староста и слуги кнежати его милости приедутъ, непришло до якихъ галасовъ, зъ громады се розошли, а суды свое до завтрия рознели и одложили. А тымъ часемъ, нимъ тая справа на завтрее припала, злочинца тотъ зъ везеня утеклъ, зачимъ протестантесъ, обавляючисъ, абы зась суседы постороные не хотели якихъ кривдъ, презъ того злочинцу починеныхъ, на нихъ доходити, тую свою протестацию заносятъ, оферуючись зъ ихъ милостю паны Пясецкими правне, яко съ права прийдетъ, поступити, на тотъ часъ просили, абы тая ихъ протестация была принята и записана,—которая есть принята и записана.

Книга Владимирская городская, записовая, поточная, и декретовая, годъ 1640, № 1007; листъ 427.

CLXIV.

Заявленіе пана Прежевскаго о нападеніи на его имѣніе хорунжаго Браславскаго (фамилія не обозначена), который произвелъ тамъ разнаго рода насилія и грабежи и поставилъ возлѣ дома Прежевскаго висѣлицу. 1643 г., іюня 22.

Року тисеча шестсотъ сорокъ третего, месяца іюня двадцатъ третего дня.

До уряду и книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Житомирскихъ, до мене Марцина Корвовъскаго, подстаростего Житомирского, писалъ и присылалъ листъ урожоный его милостъ панъ Миколай Прежевский, въ способъ акту въ тые слова писаный: »Mościwe panie kumie, opowiedamsie waszmości, temu mościwemu panu, że mie dnia dziesiątego

pan chorąży Brasławski nasłał, że mie na dom strzeliano y zapust wyrombano, y jeszcze, na większą moię zniewagę szliachecką, y szybienica pod dworem moym kazał postawić; a tak waszmość proszę, aby ta kartka moia w sposob aktu do xiąg była podana, bo iade jutro do Liublina, a prosze przyszli (mi) waszmość woznego na oglądanie porąmbania gaiu y postawienia szybienicy y o podeptanie zboża, prosze y powtore o woznego, nie będzie tego szkoden, co do mnie przyiedzie. Za tym sie łascie waszmości oddaie. Dan w Horodyszczu dnia dwudziestego wtorzego miesiąca juny, anno tysiąc sześćseth cztyrydziestego trzeciego. Wielmożnego mego mościwego pana kum y sługa, Mikołay Przeżewsky. Который то листъ въ способъ акту до книгъ нинешнихъ есть уписанъ.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 16, годъ 1643, листъ 73 на оборотѣ.

CLXV.

Жалоба пана Тумовскаго на пановъ Олизаровъ, наславшихъ на его имѣніе Минійки четырехтысячный отрядъ, который произвелъ тамъ разнаго рода насилія, убійства и грабежи. 1643 г., августа 29.

Року тисеча шестсотъ сорокъ третего, месяца августа двадцатъ девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Марциномъ Карвовскимъ, подъстаростимъ Житомирскимъ, становши очевисто шляхетный панъ Семенъ Станъковский, слуга урожоного его милости пана Оста Тумовского, прихиляючисе до акту черезъ пана своего передъ судомъ кгродскимъ, Киевъскимъ, на рочкахъ, отъ дня петнадцатого месеца июля въ року теперешнемъ судитъ зачатыхъ, дня чотырнадцатого месеца августа занесеного, соленитеръ се светъчилъ и протестовалъ противко урожонымъ ихъ милости панамъ Людвикови Олизарови Волъчъкевичови и Францишце зъ Дембянъ Людвиковой Олизаровой Волъчъкевичовой,

малъжонкомъ, за которыхъ волею и ведомостью, посланемъ и устнымъ росказанемъ учинокъ нижей выражоный сталъ се, о то: ижъ ихъ милостъ, не контентуючися розными такъ анътецессорови пана его, яко и пану протестуючого, въ забиранью кгрунтовъ чинячими кривдами, але тымъ барзей хотечи пана протестуючого зъ кгрунтовъ, до села Миниекъ належачихъ, вытиснутъ, а до места Коростешова и волости, до Коростешова належачей, селъ Нового и Старого городисковъ, привернутъ, року теперешнего, тисяча шестсотъ сорокъ третего, месеца августа десятого дня, сполне се зъ собою нарадивши, а збивши до громады такъ даракгановъ, козаковъ, яко и подданыхъ зъ маетностий своихъ местъ Коростешова, Студеной Воды и волости, до тыхъ местъ належачихъ, которымъ ихъ милостъ панове Олизарове малжонкове имена и прозвиска, яко которого зовутъ, ведаютъ и о оныхъ лепей знаютъ, зъ рознымъ оружъемъ, до войны належачимъ: шаблями, луками, даракганы съ кобылами и кнотами запалеными, хлопы зъ ручницами, косами и иншимъ оружъемъ, до войны належачимъ, которыхъ было человекъ болшей чотырохъ тисячей, надъ которымъ то людомъ починивши старшими слугъ своихъ: надъ даракганами пана Марка Подгаецкого, старосту Коростушовского, а надъ тыми людми пановъ Яна Паръневского, Казимера Козича, Самуеля Мережку, Ерого Подгаецкого, Горъкушу Волошина и иншихъ слугъ своихъ, о которыхъ именахъ и прозвискахъ панъ протестуючого видать не можетъ, однакъ за взятъемъ ведомости въ далшимъ процесе спецификоватъ не занехаетъ, которымъ ихъ милости панове Олизарове, малжонкове, росказали, абы одни на село пана протестуючого наехали, другие, на кгрунтъ наехавши, збожа такъ пана протестуючого, яко и подданыхъ его, подоптали, о которое подопътанъе збожя особная протестация естъ учиненая; теды тые насланцы, чинечи досытъ воли и росказанью ихъ милости пановъ своихъ, розделившисе на килка пулъковъ, корогве розвененые, яко до потребы маючи, одна короговъ даракганская, надъ которою былъ старшимъ и привойцою панъ Марекъ Подъгаецкий, дня вышей менованого десятого месеца августа, наехавши не маетностъ пана протестуючого, селого Минийки, ледво есче было годинъ пулъторы на день, а заставши подданыхъ пана протестуючого всихъ въ селе

убезпечоныхъ, жадного наязду ни одъ кого несподеваючихъ, ударивши вь бубонъ, учинивши окрикъ, съ кобыль стрелятъ и волатъ: »бый, забый«! почали; а подданые пана протестуючого розумеючи, же южъ неприятелъ який пограничный наяхалъ, одъ всего зъ домовъ утекатъ почали, а белые головы и дети, одни въ хворосты, другие, которыхъ одъ хворостовъ заскочоно, въ ставъ топитьсе почали, яко жъ тые насланцы, бегаючи по селу и по домахъ хлопскихъ, подданыхъ, где которого улапитъ мали, были, шаблями секли, зъ сирмягъ, шапокъ, поесовъ одирали, мешки одъ поесовъ съ пенезми одрывали, кони, хомуты, сокиры, серпы, косы, а дѣтя Ивана Денисенка конъми рострутили, которое дня третего по тымъ наяздѣ умарло; малжонку пана протестуючого, зъ наведенъя Божого парализемъ заражоную и ничого се токового небезпечного несподиваючую, страхомъ накормили, которая панъ Богъ ведаетъ если жива будетъ; шляхтянку потъстивую панюю Приборовскую, которая зъ села до двора шла, окрутне шаблями плазами, обухами збили, которой, яко шляхтянце, волное чинене правомъ зостаетъ. А то болшая, халупу Гришка Лозовика зо всимъ домовъствомъ спалили,—ледво што тилко живо зъ душею, зъ жоною и зъ детками съ халупы утекли; а меновите: Ивана Денисенка окрутне а не лютостиве шаблями плазами, обухами, и чимъ который зъ насланъцовъ могль и мелъ, и ранъ сине крывавыхъ спухлыхъ сорокъ задали, же ажъ въвесъ хрибетъ, ноги, руки спухлы, который одъ такъ срокгого збитъя неведатъ, если живъ зостане, и сермягъ три, одну зъ него самого, другую зъ брата его Семена Денисенка, третюю зъ жоны, такъ же пасы и мешки у поясовъ съ пинезми пооддирали, возовъ два посекли; Тимоша самого окрутне а нелютостиве збито, и ранъ синекрывавыхъ двенадцатъ по хрыбте, по рукахъ обохъ и по голове задано, зъ жоны его сермягу, плахту здарто, серповъ три взято; Данила самого окрутне збито и ранъ синекрывавыхъ петнадцатъ по всимъ теле, по хрыбте, по рукахъ, ногахъ позадавали, сермягу, поесъ зъ мишкомъ, и въ мишку золотый пинезей было, зъдарли, серповъ два взяли; Гараска шаблями посекли и ранъ три, одну въ раме правое руки, другую въ бокъ левый, а третюю съ тылу въ шию, шаблями тятые, задали; у Вороны хомутъ взяли; у Илъясченка коня тисавого, который

коштовалъ золотыхъ двадцатъ пятъ, сермягу, серповъ два и косу зъ воза взяли; Силу, Сидоренкового сына, окрутъне и нелютостиве збито и шаблею въ руку правую, вышей локтя, на которую каликою будетъ, тятую, сермягъ три, шапокъ две съ челяди здарто, клячу гнедую, которая коштовала золотыхъ сорокъ и пулътретя, възято, хомутъ, возъ, секиру и косу, toie (sic) коштовало золотыхъ десятъ; а взято у Мойсея Жирки клячу гнедую, которая коштовала золотыхъ тридцатъ пять, взято, сермягъ три зъ сыновъ здарто, сокиру, серповъ два, хомутъ възято, возъ въ нивечъ порубано, што все коштовало золотыхъ шесть. У Леска Кривъченка сермягъ две, одну зъ самаго, другую зъ жоны, и поесъ зъ него самого зъ мешкомъ, въ которомъ было пенезей золотыхъ пулътора, здарто, клячу гнедую, которая коштовала золотыхъ сорокъ, взято; у Мартина Кравченка сермягъ две зъ него и зъ жоны здарто, которые коштовали золотыхъ пятъдесятъ, такъ же косу, сокиру и хомутовъ два, што коштовало золотыхъ пятъ, взято. И такъ тые насланцы ихъ милости пановъ Олизаровъ, малъжонковъ, которые на село пана протестуючого, село Минийки, зъ росказаня ихъ милости наехали, халупу зо всимъ домовъствомъ спаливши, вышъменованые речи побравши и попарповавши, до места Студеное Воды, до замку, въ Студеной Воде будучого, запровадивъши, ихъ милости паномъ Олизаромъ, малжонкомъ, оддали; которые то черезъ насланцовъ ихъ милости побранные речи, одны ихъ милости, одъ тыхъ своихъ людей побравши, на свой власный пожитокъ обернули и привласчили, а другое тымъ людямъ въ поделъ подавали. О што все оферуючи, протестуючий пана свого зъ ихъ милостями паны Олизарами, малжонками, правне чинитъ, и повторе светчилъ и протестовалъ се, зоставивши однакъ волную по— праву тое теперешнее протестации и учинене иншое ширшое, если бы того потреба указовала, на тотъ часъ просилъ, абы тая теперешняя принята и до книгъ записана была. Которая, за принятъемъ урядовымъ, до книгъ естъ записана.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 16, годъ 1643, листъ 264.

CLXVI.

Жалоба пановъ Замойскихъ на пана Душу-Подорецкаго и жену его о томъ, что они, взявъ въ аренду имѣніе жалобщиковъ Новую Волю, всячески угнетали тамошнихъ крестьянъ и совершенно разорили имѣніе. 1646 г., января 29.

Року тисеча шестсотъ сорокъ шостого, месяца генъваря двадцатъ девятого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Криштофомъ Цысовскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становши очевисто шляхетне урожоный панъ Самуель Гуляницкий, слуга урожоныхъ ихъ милости пана Алекъсандра Замойского и панее Ефрозыны Олизаровны Волъчкевичовны Александровой Замойской, малжонковъ, именемъ тыхъ же ихъ милости панства своего, прихиляючисе до акту протестацией, до книгъ кгродскихъ, Киевскихъ, часу и дня въ тымъ же акте выражоного, соленно на противко урожонымъ ихъ милости папу Станиславови Душе-Подорецкому и паней Катерине Кгдешинского Станиславовой Подорецкой, малжонкомъ, заноситъ протестацию о то, ижъ вышъ помененые ихъ милости панове Подорецки, малжонкове, маючи певный контрактъ арендовный зъ ее милостю панею Замойскою теперешнею, а на онъ часъ прими вотн зъ ее милостю панею Марциновою Ходоровскою, и съ тымъ же поменепымъ небожчикомъ его милостю паномъ Марциномъ Ходоровскимъ, яко малжонкомъ ее милости, на летъ по собе непрерване идучихъ тры, взглядомъ певныхъ добръ местечка названого Новой Вилли завартый, которымъ добре тое варовала была собе пречоная ее милостъ пани Замойская, пани протестантисъ, абы надъ тотъ и поданый при тымъ инвентаръ жадное безправе подданымъ ее милости Виллинскимъ не деялосе (яко о тымъ тотъ помененый контрактъ албо интерцыза деактуетъ, дата въ року тисеча шестсотъ сорокъ второго, въ тыхъ же добрахъ Вилли дня осмнадцатого сентебра справена, ширей и достаточней въ собе опеваетъ); нижли помененые ихъ милость панове Подорецъцы, намъней на таковую моцную обликгацию контракту своего не респектуючи,

надъ пречоный инвентаръ черезъ тотъ всей декурсъ трылетный своей арендовней державы пречоного местечка подданыхъ, екстра омнемъ фасъ, тяжъкими роботами ку доброму пожитковы свому, а къ шкоде и знищченю панства протестантисъ, акгравуючи, до розныхъ повинностей потегали, а некоторыхъ тежъ бытемъ и иншою цеменжою о смертъ и злое здорове приправили; яко то въ року прошлымъ, бондара тамечнего, на имя Тимоша, билъ киями самъ его милость панъ Подорецкий, одъ которого рукъ и такового битя, мало што хоруючи, съ того света смертю зшедъ, а по собе въ тяжкимъ сиротстве, убозстве и великихъ долгахъ утрапеныхъ потомковъ позоставилъ; покотелшъчизну, специалней и великой въ тыхъ добрахъ пожитокъ, праву своему неналежный, а ни инвентаромъ до уживаня собе поданый, тое презъ летъ три одъ котловъ шести, десяти и чотырохъ горелчаныхъ, нуллитеръ, ви етъ виолентеръ, отъ тыхъ хлоповъ, которые горилки пиятъ, по золотыхъ десети на каждый рокъ одъ кождого котла выбирали; десетину пчолную, собе до интраты не показано, черезъ тые летъ три пнювъ зъ пчолами и медомъ въ личбе пятдесятъ на пожитокъ свой забравши, оное (до) Шъчешевское державы его милости пана Яна Творковского запровадили; якожъ мимо тое, значне утяженые было хлопкомъ, же они роботизну мимо належностъ въ маетности, до права арендовного нестегаючийсе, въ селе Зарубинцахъ, за милъ килка, а не на кгрунте арендовнымъ, надъ повинностъ, мимо инвентаръ, частокротнымъ зъ велкимъ своимъ уприкренемъ одъправовали. А што болшая и жалоснейшая, же тыхъ же убогихъ подданныхъ жидомъ Котеленскимъ зъ належною ихъ роботизною, такъ пешихъ, яко и коныхъ, праве въ неволи неприятелской запродалъ былъ, которыи тяжкие зъ великимъ своимъ утяженемъ роботизны вшелякие, за милъ чотыри, тамъ и самъ ездячи, и надъ повинностъ по дни два въ кождымъ тыждню трачечи, одправовали; а мимо тое паншъчину на месцу по дний чотыри, а не по два, водлугъ инвентару, одправовать мусели; а што се тъкне подводъ, тые и безъ личбы, мимо постановене, инвентаремъ описаные, за милъ килканадцатъ часто-густо зъ розными ликгуминами помененные ихъ милость панове Подорецъцы одправовать приневоляли; якожъ поневолне, уходечи вшелякого небезпеченства своего, убогие

подданые одправоватъ мусели. А кгды такъ великое хлопкове видечи свою кривду, и не хотечи таковой въ далший часъ терпетъ цимяжи, для такого, яко се вышъ поминило, утяженя, прочъ се ити некоторые, яко то: Давидъ Курило сподарокъ, Грицъ Кравецъ, Андрей Посмикъ и инше розошли, теды ихъ милостъ панове Подореццы позосталые ихъ халупы до села Зарубинецъ некоторые, а иншие тежъ до Волыци, маетности урожоного его милости пана Мацея Души-Подорецкого, отца своего, звезли и праве фундитусъ мешканя вышъ меноваными хлоновъ знесли; а што колвекъ позостало было по ныхъ одъбегшчизны, тое на свой власный пожитокъ обернули; пусшъчи, такъ лесы, яко и дубровы, до пречоныхъ добръ належные, инъ абузумъ уживеня своего, чинечи великие дворы, бровары, солодовни, оздовне, стодолы, стайни, хлевы, коморы, шпихлире и инъшие домовые потребные будинки, въ маетности вышъ помененого отца своего будуючи и некоторымъ приятеломъ своимъ волного урубу въ оныхъ позволяючы, спустошилъ, а на остатокъ гай, къгвули рознымъ потребамъ при дворцу будучий, ночнымъ способомъ подданымъ Зарубинскимъ высечи и до Зарубинцу спровадитъ позволилъ,—якожъ высечено и праве въ невечъ той гай обернено. Але немнейшая и и стулъ патетъ значная ихъ милость пановъ Подорецкихъ нехутъ и дезоляция, во всею огороде такъ коло огородовъ, яко тежъ и фолварку будучое, яко то тынъ дубовый, забратъ и до Зарубинецъ запровадитъ казали, а позосталые на мейсцахъ своихъ оборы, столы и иншие до фолварку належачие будинки, огнемъ знесли и знищъчили, начиня броварные и виничные, властнымъ коштомъ пановъ протестантисъ справленые, а помененымъ ихъ милости паномъ Подорецкимъ до вживаня подане, такъ тежъ броваровъ мейскихъ, кади, прикадки, и разные корита, одно явно, а другое ночнымъ способомъ до тыхъ же Зарубинецъ спровадили; коня подданному Вилейскому, на йме Тимошови, за золотыхъ осмъдесятъ купленого, што ведетъ зъ якои причины кгвалтовне взявши, на свой власный пожитокъ обернули; лое одъ резниковъ Вилейскихъ, неналежный собе пожитокъ, презъ мусъ по вси лета державы своей выбирали; вепри надъ повинность млынаромъ для карменя подъ часъ тенути своей кгвалтовне накидали; бондаровъ и иншихъ ремесниковъ кгвалтовне до

того привели, же намней розныхъ роботъ, вшелякого пачиня, на золотыхъ триста, мимо належную повинностъ, подъ часъ тоей арендовной ихъ милости пановъ Подорецкихъ державы, онымъ переробили, а особливе одъ хлоповъ праве всихъ на такъ же великую суму колесъ, возовъ, саны, ободовъ, осей етъ идиенусъ (sic) завзяли и на пожитокъ свой обернули; лесъ, Холопчу названый, на вшелякую потребу и будинки выгодный, въ нивечъ праве, даючи волю околичнымъ суседомъ вырубу, и самые ихъ милостъ панове Подгорецки на потребу Зарубинскую заживаючи, спустошили; але не меншую межи инными и тое чинитъ подданымъ Вилейскимъ шкоду, кгды пустопашъ быдло и свини свое въ засевы оныхъ пушчаючи, розного рожаю збожа вытравяли, и презъ тое праве въ нивечъ убогихъ хлопковъ оборочали, а такъ барзо, же некоторые зъ мешчанъ, для великого въ полю збожя спашеня, и одного снопу часомъ взять не могъ; на остатокъ выдомымъ шкодцомъ, людямъ люзнымъ, которыхъ право посполитое переховыватъ заказуе, значно личбу цыгановъ, праве годечи на шкоду хлопскую, по тотъ часъ арендовное державы своей въ пречоныхъ добрахъ мешканя ихъ милости панове Подорецки позволяли, за чимъ тежъ въ рознымъ крадежу убогие месчане Вилейсцы значне шкоды понести мусели. А къды южъ експиртумъ тое державы ихъ милостъ подлугъ контракту вышъ пречоного въ року недавно прошлымъ, тисеча шестсотъ чотырдесятъ пятымъ приходитъ мело, и часъ румации одъ светого Михайла до святого Марцина наступовалъ, теды пречоные ихъ милостъ панове Подореццы ставовъ два, до пожитку собе не належныхъ (о што особливая естъ передъ судомъ головнымъ трибуналскимъ, короннымъ, Любелскимъ, учиненая протестация), кгвули пожиткови своему, а шкоде панства протестантисъ, поспусчали. А хотечи боляшую есче тымъ же ихъ милости паномъ Замойскимъ, малжонкомъ, учинитъ прикростъ, розные корогве до тыхъ вышъ помененыхъ добръ, такъ зъ войска квартяного, яко и Запорозского, для спустошеня тоей маетности и темежи хлопское умистъне затегали, якожъ, за таковою ихъ милости пановъ Подорецкихъ инъстанцио, впередъ короговъ его милости пана Балабанова презъ дний килка, такъже тежъ его милости пана воеводы Подолского компания, албу рачый корнетъ реименту пана

Маирового, тудежъ тежъ компания его милости пана Думинского, полковника Переясловского, становиско свое незвычайное за таковымъ жаданемъ и дирекцио ихъ милости пановъ Подорецкихъ одправуючи, значне и барзо великие шкоды мещчапомъ Вилейскимъ починили (о што противко вышъ помененымъ коргвамъ сеорсивамъ акъ специалиамъ протестанционемъ чинитъ и сталыхъ шкодъ инъ форо комъпетенти репетицио презъ помененыхъ ихъ милости пановъ Замойскихъ, малжонковъ, оферовалъ). А на остатокъ, съ помененыхъ добръ водлугъ назначоного интерцизою часу румуючи се, въ замочку Вилейскимъ коморы, дворъ, што ведетъ ближе, презъ самыхъ ихъ милости пановъ Подорецкихъ, чыли тежъ за ведомостю албо мимо ведомостъ челядъ ихъ милости, поотбияно, и въ оныхъ розные речи, въ схованю будучие, а особливе въ скарбцу одбитымъ порохъ, олово, кули, селетру, спрку и розмаитые штуки стрелбы побрано, а надъ тое еще шафу, алиасъ античку, въ алкиру стоячое, добре замчисто розными ароматами и лекарствы для поратованя вутлого здоровя, такъже тежъ розмаитыми наполнено выпменитыми водками и конъфектами, до шчиту што ведетъ, если же при самой румацисй, чили тежъ предъ тымъ, и если же черезъ самыхъ ихъ милости пановъ Подорецкихъ, чили тежъ презъ челядъ ихъ милости злуплено и праве пусто учинено. Ово згола такъ великая нехотъ и неприязнъ ихъ милости пановъ Подорецкихъ противко панство протестантисъ тое справила, же праве фундитусъ тые добра сутъ знишчоные и спустошоные, яко жъ при екъспирацией и румацией, громады водлугъ правного бегу и посполитого звычаю, видечи знатъ въ оней великий дефектъ для розойстя подданыхъ и починеня шкодъ вышъ мѳнованыхъ, а ни самы черезъ себе, а ни урядника своего, паномъ протестантисъ ихъ милости паномъ Замойскимъ не отдавши, а все пенитусъ, што колвекъ имъ належало и не належало, яко столы, зыдле, зыделки, позабиравши, окъна и печи презъ самую злостъ потовкъши, по екъспирацией и румацией, а праве ипса дие румационисъ, зъ рознеми одповедми и пофалками при значной люду служалого купе одехала; а хотечи еще болшого жалю придаючи до жалю и сродзе жалосне въ сердцу ихъ милости пановъ Замойскихъ, панства протестантисъ, чинечи зранене, протестацию, яко досить пра-

ве самою неистостю етъ ирреалитате надейную, на уйме доброй славы подаючи, светови инъ синистрамъ репутационемъ передъ книгами кгродскими, Житомирскими, черезъ слугу своего, Александра Дидковского, яко бы о кгвалтовное съ пречоныхъ добръ Вилейскихъ ексъпулсию и забране при ней розныхъ речий, учинили, при которой, абы тежъ реляция сознана была возного, найме Яна Снецинского, адъ еасдемъ ирреалитатемъ и хотечи знатъ вышъ меновaныхъ починеныхъ шкодъ и хотечи дохоженя оныхъ укрывжонымъ загородитъ дорогу привели. За чимъ помененый протестантъ, такъ о починене верху спецификованое шкоды, яко тежъ и о утворене науйму добрей панства своего екзистимацией ирреалитатеръ и неслушне вышъ помененые ихъ милости пановъ Подорецкихъ учиненые протестацией и при ней возного сознаной реляцией, тудежъ тежъ помененому возному Снецинскому, яко кооператорови еюздемъ ирреалитатисъ, а немней и противко пану Александрови Дидковскому, тое неслушне чинячому, протестацию аткве итерумъ осведчивши, инъ форо фори тыхъ же ихъ милости пановъ Замойскихъ, малжонковъ, панство свое, проутъ де юре комъпециеритъ, чинитъ оферовалъ. И просилъ помененый протестантъ, абы тая протестация его милости принята и записана была,—што отрималъ.

Книга Житомирская, гродская, записовая и поточная, № 17, 1646 годъ, листъ 96 на оборотъ.

CLXXVII.

Жалоба пана Станислава Гурскаго на »хлоповъ« Черкаскаго староства, Омельяна Крановича и Радка Василевича, о томъ, что они, назвавшись шляхтичами, совершили актъ уступки пану Станиславу Потоцкому на имѣніе жалобщика надъ р. Ворсклою, отданное имъ въ залогъ Кіевскому подкоморію, Юрію Немиричу. 1646 г., января 13.

Року тисеча шестсотъ сорокъ шостого, месеца генваря тринадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскомъ, передо мною Діонизимъ Высоцкимъ, наместникомъ Жи-

томирскимъ, ставши очевисто шляхетный панъ Петръ Пресмицкий, именемъ урожоного его милости пана Станислава Кгурского, пана своего, скоро тилко по взятью найпервшой ведомости съ книгъ кгродскихъ, Киевъскихъ, же неякиесъ Омелянъ Крановичъ и Радко Василевичъ, хлопи простые зъ староства Чаркаского, не ведать за чиею информациею и за чиимъ подусченемъ, менячи се бытъ шляхтою, и претендуючи собе право до добръ, которое правомъ дедичънымъ пану протестуючого слугою названыхъ, землею входною сиверу лежачихъ, за Черкасы въ двадцати миль, то естъ почавши одъ Шандбароваго превозу на реце Ворскле, шляку татарского, на низъ тое реки Ворскли, ку уйстю реки положоный, которая съ поля зъ Москвы съ правое стороны реки приходитъ, а въ Ворскло рекою впадаетъ, а съ тамътолъ Ворсклемъ до речки Кустовей, которая тежъ съ поля отъ Орды, зъ левое тамже впадаетъ, и знову Ворсклемъ, ажъ до рубежа Стефана Задъкевича, Аръемовыхъ пясковъ, по обоихъ сторонамъ тое речки Ворскля ростегаетъсе, смели и важилисе въ року недавъно прошлымъ, тисеча шестсотъ тридцатъ осмымъ, месяца ноября двадцатъ втораго дня на тые добра цесие якиесъ безъ подписей и печатей своихъ, бо, яко хлопи простые, писать не умели, на особу велможного его милости пана Станислава съ Потока Потоцкого, воеводича Браславского, пулковника и комъмисара его королевское милости, чинитъ и сознаватъ соленитеръ, противко пререченому Омелъянови яко бы Ивановичови, и Радкови яко бы Василевичовы, сынови и потомкови яко бы Василя и жоны его, именемъ черъни а мнеманому а змысленому внукови Омелъяна Иванова, протестовалъ се ото: ижъ они, ничого не дбаючи на боязнъ Божую и срокгостъ права посполитого, противко фальширомъ постановленого, не ведатъ за чиимъ подусченемъ и инъформациею, будучи хлопами простыми зъ староства Черкаского, смели и важилисе шляхтою и при тымъ и дедичами выжей менованыхъ добръ пана протестуючогосе власныхъ учинитъ, а учинившисе на великую и не змерную шкоду оного, который, продавши тые вышей менованые добра его милости пану Ерому зъ Чернехова Немировичови, подкоморому Киевскому, инъ онере евикционисъ, зостаетъ фалшивую цесыю рукъ своихъ не подписуючи, а ни о подписы на месце свое никого не про-

сечи, водлугъ права и звычаю тутошнего воеводства Киевского, передъ урядомъ кгродскимъ, Киевъскимъ, въ року вышей меноваиомъ, тисеча шестсотъ тридцатъ осмымъ, месеца ноября двадцатъ второго дня, созънаватъ фалшыве, а тые вышей менованые добра пана протестуючого се власные, дедичные, перъ спациемъ тотъ анънорумъ (въ) спокойной посесии будучые, пречоному его милости пану Станиславови съ Потока Потоцкому, воеводичови Браславскому, пулъковникови и коммисарови его королевское милости, заводитъ; за чимъ помененый протестуючий, постерегаючи цалости пана своего, урожоного его милости пана Станислава Кгурского, который, яко се вышей поменило, инъ онере евикционисъ зостаетъ, о неважностъ тоеи фалшивое цесией, скоро тилко по взятю той первшой ведомости и повъторе соленитеръ протестовалъсе, оферуючи о то все инъ форо фори, проутъ де юре венеритъ, такъ зъ Омеляномъ Ивановичомъ и Радкомъ Василевичомъ, яко тежъ и зъ иньшими особами, которые, по взятю досконалое ведомости, до тоей справы будутъ належати, правъне чинитъ; а зоставуючи пану своему волную дорогу до поправеня тое протестации и учиненя ширъшое, если того потреба укажетъ, просилъ, абы то все принято и до книгъ записано было, што отрымалъ.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 17, годъ 1646, листъ 32.

CLXVIII.

Донесееніе вознаго о вводѣ имъ пановъ Чечелей во владѣніе имѣніями Вырицею и Козакомъ, заставленными имъ княземъ Самуиломъ-Карломъ Корецкимъ. 1647 г., марта 20.

Року тисеча шестсотъ чотырдесятъ семого, месеца марца двадцатого дня.

На рочки судовые, кгродские, Луцъкие, отъ дня семого месеца маръца въ року зъвышъ написаномъ припалые и судовне отпра-

вовать зачатые, передо мною Счаснымъ Збожнымъ Ласчевскимъ, подсудкомъ Охачевскимъ, подстаростымъ Луцкимъ, становъши очевисто возный енералъ воеводства Волынъского, шляхетный Юзефъ Дъяковский, для записаня до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Луцкихъ, созналъ въ тотъ способъ: ижъ онъ въ року нинешнемъ, тисеча шестсотъ чотырдесятъ семомъ, месеца генваря шостого дня, маючи при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Станислава Зименского и пана Стефана Лозинъского, былемъ на справе и потребе урожоныхъ пана Ерого Чечеля Новоселецъкого и панее Марины Пясъковского Чечеловое Новоселецъкое, малъжонковъ, въ селе Вырицы и и въ селе Козаку, за добровольнымъ поданемъ и уступенемъ ясне освецоного кнежати его милости Самоеля Кароля на Корцу Корецъкого, водле запису, паномъ малъжонкомъ менованымъ отъ кнежати его милости учыненого, способомъ заставнымъ, пусчаючи тое селце Вырице и дванадцатъ четверътениковъ, то естъ тры волоки оселыхъ въ селе Козаку, въ повете Луцкомъ, а волости Корецъкой, въ певной суме пинезий, то естъ двохъ тисечахъ золотыхъ полъскихъ, одъ трохъ летъ до другихъ трохъ летъ, нерозделъне по собе идучихъ, если бы пинезей не отдалъ паномъ малъжонъкомъ поменемымъ, яко тотъ записъ заставный шырей а достаточъней въ собе объмовляетъ; которое то селъце Вырыце съ подданими и вшелякимы ихъ пожитъками и повинностями оныхъ и тыхъ дванадцаты четверътенъниковъ села Козака, менованими и неменованими, волости Корецъкое, въ записе положоными и на инъвентару отъ кнежати его милости паномъ малжонъкомъ поменемымъ поданими, и по именю кожъдого тыхъ четверътениковъ и прозвисковъ выражоными, и рукою власною кнежати его милости подписаными, въ тенъ сенъсъ: перший Тымошъ Вабинъский четвертинныкъ; по нимъ Грицко Даценя, Стасъко Петреня, Андрей Петреня, Михно Копилъ, Мацъко Ляхъ, Бутромий Павелъко, Миколай Лемишъка, Миколаиха вдова, Оденко Науменя— всихъ до нихъ дванадцаты увезалемъ и ведлугъ запису кнежаты его милости Корецъкого въ посесию, громаду первей у Вырицы зобравъши, потымъ въ селе Козаку, ведлугъ инвентару кнежати его милости, подписаного рукою власною, до вшелякихъ пожитковъ и повинности, ведлугъ права заставного, паномъ малжонкомъ подалемъ

и послушенъство оддавати приказалемъ, которого увезаня нихъто онымъ не боронилъ, а ни зъ жадънымъ правомъ, такъ перъшимъ, яко и последнимъ, не отзывалъ, и о тымъ тую свою правъдивую реляцыю помененый возъный чинитъ и сознаваетъ, просечы, абы была до книгъ принята и записана,—шъто отрималъ.

Книга Луцкая гродская поточная, годъ 1647, № 2488, листъ 702 на оборотъ.

CLXIX.

Рѣшеніе комиссарскаго суда, освобождающее бояръ Овручскаго староства, Грезлянъ, отъ различныхъ повинностей, неправильно наложенныхъ на нихъ старостою. 1647 г., сентября 10

Року тисеча шестъсотъ осмъдесятого мѣсяца априля двадцать шостого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Овруцъкомъ, передо мъною Теодоромъ Левковскимъ, наместникомъ подъстароства Овруцъкого, и книгами нинешъними, кгродъскими, Овъруцъкими, stanowszy oczewisto szlachetny pan Daniel Usarewicz, dla wpisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, Owruckich, podał per oblatam dekret komisarsky, na rzecz, w tym decrecie, niżey inserowanym, mianowicie wyrażoną, Hrezlanom, boiarom jego krolewskiey mości, do starostwa Owruckiego, służący, o czym ten decret szyrzey w sobie opisuie, ktorego podawszy, prosił, aby przyięty y w xięgi ninieysze wpisany był; ja tedy, urząd, dla wpisania do xiąg przyimuiąc, czytałem, ktory tak się w sobie ma: Działo się w Owruczu, mieście jego krolewskiey mości, dworze szlachetnego Samuela Rudzskiego, w dzień czwartkowy po święcie narodzenia naświętszej Panny prętko przypadający, roku pańskiego tysiąc szesćset czterdziestego siodmego, przed urodzonemi Heronimem Duninem, woyskim Opoczyńskim, Gabrielem

Łubowickim y Krzysztofem Trzeciakiem, do starostwa Owruckiego komissarzami i inquisitorami, od króla jegomości pana naszego miłościwego naznaczonymi y zesłanymi. Na terminie dzisieyszym stawając oczewiście przed sądem naszym komissarskim Hrezlanie, boiarowie jego krolewskiey mości do starostwa Owruckiego należące, jako strona powodowa, uskarzali się naprzeciwko urodzonemu Władysławowi Niemirzyczowi, staroście na ten czas Owruckiemu, tudzież arędarzom y namieśnikom iego, zapozwanym, o to: iż oni ych, tak sam przez się, iako y przez pomienionych namieśnikow, przy prawach y wolnościach ych, tak od antecessorow teraznieyszego urodzonego starosty nadanych, iak y od nayjaśnieyszych królów ich mościow, podpisem ręki i pieczęcią koronną potwierdzonych, nie zachowuiąc, do niezwyczaynych ciężarow, to iest stacij oddawania, straży odprawowania, grobel naprawowania, także y do iazdy za karytą swoią pan starosta, na swoię, a nie na rzeczy-pospolitey usługę przymuszaią, piw, miodów, warzenia y gorzałek na ych że potrzebę palenia zabraniaią, suchomerszczyzną, zmyszlonąnad prawo y wolność ych, co rok, ktora dopioro za pana Łaszcza, przeszłego starosty Owruckiego nastała, przez gwałt wybiraią, co się wszystko przeciwko prawom y wolnościom ych, od najaśnieyszych krolow jch mościow nadanym, dzieie, ktore to prawa y wolności swoie przed tymże sądem produkowali; na co zapozwana strona, ozywaiąc się przez plenipotentow swoych, żadnych defensy prawnych nie wniosła, samą się tylko rewisią nie awtentyczną nie pokazuiąc originału teyże rewisiey, według prawa na seymie uchwalonego, zadawała; sąd tedy komissarski, pilno z obudwuch stron controwersiey wysłuchawszy, prawa y przywileie strony powodowey, tudzież y rewizią, ktorą się broniła zapozwana strona, pilno frutinowawszy, pomienionych aktorow, ponieważ się to pokazało z ich praw, że nigdy do takich ciężarow nie należeli, przy prawach, ym że nadanych, zachowuiąc, od stacyi, straży zamkowey, grobelney naprawy, suchomirszczyzny y dani miodowey y iazdy za karytą uwalnia, zachowuiąc jch tylko przy samey służbie rzeczy pospolitey; piwo, miod y gorzałkę, aby na swoię potrzebę, a nie na szynk, warzyli y palili, pozwala; a że się pomienieni boiarowie jego krolewskiey mości oraz y o to uskarżali, że od nich pan starosta pobory, na seymie uchwalone, wybira, o ktore zaś od pana poborce Kiiowskiego na trybunale koronnym turbatię ponoszą, tedy tenże sąd nakazuie, aby pomienieni boiarowie nikomu inszemu, tylko do rąk własnych pana poborce Kijowskiego oddawali. Ktorym dekretom kto by się chciał sprzeciwić y onych wcale do ostatniey decisiey krola jegomości pana naszego miłościwego nie zachował, na takim winy nakazuiemy, cztyry tysiąca grzywien

fisco, et parti permedium, zakłada(my). No co dla lepszey wiary ten list comissiey podpisami rąk naszych y pieczęciami utwierdzamy. У того декрету комисарского при печатехъ подписъ рукъ комисарскихъ тыми словы: Heronim Dunin, woyski Opoczyński, komisarz jego krolewskiey mości. Gabriel z Łubowic Łubowicki, jego krolewskiey mości komisarz. Za apelatią od tych dekretow, stronom sąd termin od daty za niedziel dwanaście naznacza G. Łubowicki, jego krolewskiey mości Komissarz. Который же то декретъ комисарскій, за поданемъ звышъречоное особы и за прозбою, а за принятьемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешнихъ слово въ слово есть уписанъ.

Книга Овручская городская, записовая и поточная, 1678—1780 годовъ, № 3209, листъ 319 на обор.

CLXX.

Арендная запись отъ князя Іеремія Вишневецкаго коронному стражнику Александру Замойскому на городъ Лубны. 1647 г., ноября 1.

Roku pańskiego tysiąc sześćset piędziesiąt pierwszego, miesiąca septembra czternastego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w zamku jego królewskiey mości Żytomirskim, przede mną Mikołajem Kotużyńskim, podstarościm Żytomirskim, stanowszy oczewisto szlachetny pan Ostaphiey Kubiliński, dla wpisania do xiąg nieyszych, grodzkich, Żytomirskich, podał per oblatam intercyze, od jaśnie oswieconego Jeremia Michała Korybuta, xięcia na Wiszniowcu y Łubniach, wojewody ziem Russkich, Kaniowskiego starosty, y od jaśnie oswieconey Gryzelly Konstantiey z Zamoyścia, xiężny Wyszniewieckiey, małżąkow, z pieczęcią y podpisem ręki xięcia jego mości, o arędę miasta Łubien, wielmożnemu jego mości panu Alexandrowi z Zamoyścia Zamoyskiemu, strażnikowi koronnemu, y iey mości paniey Efruzynie Zamoyskiey, małżąkom, daną y służącą, ktorą podawszy, prosił, aby była do xiąg przyjęta y wpisana, którą ja, urząd, przymuąc czytałem, króra tak się w sobie, polskim pismem pisana, ma: «Między jaśnie oświeconym Jeremijem Michałem Korybutem, xiążęcem na Wiszniowcu y Łubniach, wojewodą ziem Russkich, Kaniowskim starostą, y jaśnie oswieconą Gryzellą Konstantią z Zamoyścia, xiążną Wiszniewiecką, małżąkami, z iedney, a wielmożnemi jego mością pa-

nem Alexandrem z Zamoyścia Zamoyskim, strażnikiem koronnym, y iey mością panią Efruzyną Zamoyską, małżąkami, z drugiey strony, stanoł takowego postanowienia sposób: xiąże jego mość dobra swoie dziedziczne, w woiewodztwie kijowskim leżące, miasto Łubnie, samo sczegulnę, ze wszystkiemi jego pożytkami, prowentami y zwyczaynemi w tych tu maiętnościach dochodami, ze wszystkiemi miasta tego okolicznościami, folwarkami, sianożęciami, miastu zdawna należącemi, jego mości panu strażnikowi koronnemu y małżące jego mości do lat trzech zupełnych, po sobie idących, od daty teraznieyszego contractu rachuiąc, w arędowną puścił defacto possessyą, a to za summę dwudziestu tysięcy złotych polskich y iednego na kożdy rok (według rat) po siedmiu tysięcy złotych polskich, monety w koronie zwyczayney, licząc, którą to summę na kożdy rok według rat, oycom Łubieńskiego conventu Bernardynom ordynowanych, płacić jego mość pan strażnik obligatur, tak, aby sine omnimora postponendo, wszystkie, lubo y iakie zaszli na te tam summę ordynanse, naprzód satisfactia na każdą assignatią czasu oycom Łubieńskim nie chibiała, nad którą, cokolwiek przychodzić będzie z każdey raty, według porachowania reszty, to już do skarbu mego y do dyspositiey moiey curret; a że zachowa powinność, swieżo na poddanych włożoną, znosi niektóre od prowentu, który się w arędę rachuję jego mości panu strażnikowi; pożytki, iako mianowicie siano, y w użęciu dwuch kóp robocizne, tedy respectem tego xiąże jego mość, z swoim maiąc sprawę, co kolwiek od arędy przez szachową powinność znaydzie się odeszłego pożytku, defalcate słuszną uczynić obiecuie, ponieważ tę szachi do skarbu xięcia jego mości są obrocone, to iest jego mośc pan strażnik ex nexu contractu obserwabit, aby mieszczanie przy swieżo nadanych sobie od xięcia jego mosci w listach ex integro zachowani byli y libere łaski xiążęcjey mości zażywali, powinnościamy żadnemi agrawowani, nic nie maiąc nad tę, ktore się uniwersałami xięcia jego mości swieżo o szachach wydanemi, wyrazili, drew iednak wywoz według ordynansu osobnego poddani przywieść, iako wiele assignatia nastąpi, będą powinni; do młyna także fury niemają zbraniać na potrzebę własną jego mości pana strażnika domową. ponieważ iem to, przy blizkich młynach, bez wielkiey przychodzić może przykrości; poddany ieżeli by który dla win zbytecznych, dla bicia y znacznych krzywdy, z dania przyczyny jego mości pana strażnika precz poszedł, a taxa prawa pospolitego płacony ma być; ieżeli by też z swey woli albo z uporu iakiego, nie maiąc sobie daney przyczyny, za dzierzawy iego mości uszedł, za to jego mość tumbowany być nie ma; mostowę, wagowę, warzenie piw wolne przy mieszczanach xiąże jego mość zachowuje, czego

jego mość pan strażnik coronny ultro ustępuje, obiecując tego tak dotrzymać onym, oprócz tego, że podczas jarmarków kożdy szynkarz puławara piwa wyszynkować do arędy jego mości sobie żadnego będzie powinien, niedrożey iednak płacona być ma tylko po pułtrzenasta złołego gorzałka, iednak targowę myta, jarmarczne y inne zwyczayne prowenta do arędy jego mości tedere mają, a że tę dobra, iako slico (sic) są położonę, tedy xiąże jego mość wszelakie casus fortuitos od nieprzyjaciela coronnego y od innych przypadków, nawet y dla tych, strzeż Boże, w niedobraney summie defalcatę obiecuię, prepedicią wszelaką ex re et persona sui xiąże jego mości, także in forma amplissima waruie, przy spokoyney jego mości pana strażnika zachowując possessiey, oprócz statiey, powołszczyzny y szachów, tych excepsiey xiąże iego mośc plenam już przy sobie zachowuję, dla których ieżeli by poddani znacznie roziść się mieli, szkodować na tym jego mość pan strażnik przez uymie prowętu swego nie będzie; do grobel włości okoliczne, które przedtym należały, xiąże jego mość incorporuie, aby równo z mieszczanami, dzielnicami swemi, one naprawowali, każda wieś; a który by z poddanych wieskich, za obwieszczeniem przed trzeciem dniem jego mości pana strażnika, albo namieśnika jego, do naprawy nie przybył, tedy poddany szostak winy albo osmaczkę owsa przepada, a pan dzierżawca niełaską moią karany będzie; o karczmę, za mostem Łubeńskim zostawaiącą, że teraz controwersia z panem Woyną y iego mością panem strażnikiem zachodzi, tedy maią w to weyrzyć panowie administratorowie moy, ieżeli wyraźnie pan Woyna pokaże na mie prawo, sin minus, gdzie zdawna należała, tam ją incorporować będą; jeśli by też jego mości panu strażnikowi arędy tej kontract niepodobał się, od roku liberum arbitrium dzierżawy dalszey tey maiętności przy sobie zachowuię. Które to conditię y kożdą z nich zosobna obiecują sobie strony obiedwie nienarusznie dotrzymać, pod zakładem dwudziestu y jednego tysięcy, który in casu contrawentionis strona delinquens popadać ma, na co dla lepszey wiary rękami własnemi podpisując się, w Łochwicy dnia pierwszego nowembris, anno tysiąc sześć set czterdziestego siodmego. U tey intercyzy pieczęć iest przyciśniona a podpis ręki w te słowa: Jeremij Michał Korybut, xiąże na Wiszniowcu y Łubniach, wojewoda ziem Russkich, Kaniowsky starosta.. Która to intercyza, za podaniem wysz mianowaney osoby, a za przyjęciem moim urzędowym, do xiąg ninieyszych, grodzkich, Żytomirskich słowo od słowa iest wpisana.

Книга Житомирская гродская, записная и поточная, годъ 1851—1652, № 20, стр. 161.

CLXXI.

Жалоба пани Смитковской на крестьянъ с. Болболъ, о томъ, что они напали на нее въ лѣсу, гдѣ она скрывалась отъ козаковъ, изранили ее и ограбили, одного сына ея убили, а другой бѣжалъ отъ нихъ и неизвѣстно куда дѣвался. 1649 г., марта 3.

Року тисеча шестсотъ чотырдесятъ девятого, месеца марца третего дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Анъдреемъ Абрамовичомъ Бурчакомъ, наместникомъ подстароства Володимерского, и книгами нинешними, кгродскими, старостинскими, становши очевисто урожопая ее милость пани Іелжбета Мешъковъского, першого малъженъства Самуелевая Пулъковская, а второго Станиславовая Смитъковская, первей протестуетъся противко урожоному его милости пану Захариови Малушицкому, буркграбему Луцкому, о то, ижъ панъ буркграбя Луцъкий, ничого не дбаючи на право посполитое и вины, въ немъ на недбалые урядники описаные, року теперешнего, тисеча шестсотъ четырдесятъ девятого, месеца февраля двадцетъ шостого дня, кгды протестуючая нижей менованую толко самую протестацию безъ реляции, въ кгроде Луцъкомъ хотячи учинити, подавала, его милость панъ буркграбя Луцъкий, не ведати зъ якихъ причинъ, не хотелъ ее приняти, о неприняте теды тое протестации и о вины правные протестуючая зъ паномъ буркграбимъ Луцъкимъ оферовалась правне чинити; такъ же противко урожоному его милости пану Михайлови Лакгановскому, економови влости Турыйское и старосте Турыйскому маетности яснеосвецоного кнежати его милости Владислава Доминика на Острогу и Жаславю, граби на Тарнове, воеводы Сандомирского, Луцъкого.... старосты, дедичныхъ, о неучиненъе съ принципаловъ нижей менованыхъ справедливости, за тымъ о вины правные и о шъкоды зътолъ походячие; а потомъ противко роботнымъ: Данилови войтови, Иванови Куросчупиновi. Семенови Листопадикови, ковалеви, Лавришовцомъ двомъ, брати рожонымъ, дякомъ,

брати двомъ, Терешъкови Чоснычъкови, лесничому, и всей громаде села Болболъ, въ ключу Турыскомъ будучое, маетности того жъ вышъ реченого кнежати его милости пана воеводы Сенъдомирского, которыхъ скаржучая именъ и прозвискъ не могучи другихъ завзяти, волную однако спецификацию въ позвахъ оныхъ зоставуючи, принципаломъ, компринципаломъ и умыслънымъ подъ часъ своеволи козацкое бунътовъникомъ и збойцомъ, жалосне се сведчила и протестовала о то: кгды року свижо прошлого, тисеча шестсотъ чотырдесятъ осмого, своеволя несчасного гультайства козацъкого, уже на тую сторону Луцка ку Володимеру рушивъши, розширила се, скаржучая зъ детками своими и зо всеею одъ мала до велика субъстанъциею своею, ухороняючи здоровья своего, до монастыра Туровинского, маетности его милости пана Федора Яловицкого, зъехала была, а обавяючисъ въ томъ монастыре Туровинскомъ зоставати, до леса тоежъ вси Туровина уѣхала и въ ономъ презъ недель килка, а мало не презъ всю козачъсчину въ томъ лесе зоставала, о которой скаржучой менованая громада Болъболская ведомостъ завзявши, же въ томъ лесе зостаетъ, вси згодную межи собою раду и намову учинивши, кгды уже козаки назадъ на Украину поворочали, помененая громада Болболъская, покозачивъшися, взявши собе умыслъ злый а непристойный, пропомневши боязни Божое, срокгости права посполитого и винъ въ немъ на таковыхъ описаныхъ, вси скупившисе на тотъ лесъ, где протестуючая зоставала, зъ стрелъбою огнистою, косами, сокирами, осчепами, киями, цепами и съ чимъ который могль, яко на неприятелей якихъ, кгвалтовъне нападши, заразъ гукъ и крикъ учинивъши, первей самую протестуючую оденъ зъ тыхъ принципаловъ косою въ голову зверху тялъ и рану кравую, шкодливую задалъ, а другие синихъ, спухлыхъ, киевыхъ, кровью отеклыхъ, по всемъ теле позадавали были и уже неживою быти розумели. А то тожъ урожоного пана Марцина Смитковского, сыночка скаржучое молодшого, одъ нихъ пехотою уходячого, улапивши, первей оного зъ ручницы вдолшъ твари постреляли; а кгды, уже постреложый, на землю палъ, окрутне, нелѣтостиве а праве тиранско, безъ вшелякого милосердя, косами, сокирами, почавши голову, ажъ до ногъ, мало не въ штуки зъсекли, одъ которого такового ти-

ранского зъсеченя заразъ на томъ же местцу папу Богу духа оддалъ. А другий старший сынъ скаржучое, съ першимъ малжонъкомъ сложоный, урожоный панъ Михалъ Тулъковъский, кгды его, хотечи тые принципалове улапити, за нымъ гонили, за чимъ заледве . . . . . ушолъ. Тамъже, заразъ маетность протестуючое жаковати почели,—яко жъ барзо сила въ разныхъ речахъ и достаткахъ шляхецкихъ пожаковали: готовыхъ пинезей въ талярахъ битихъ тисечу золотыхъ; зъособна въ шкатуле золотыхъ триста; адамашку бленкитного локтей пулъдевета локотъ по золотыхъ пяти; китайки на липтвы жолтое локтей пулътора; жупанъ зеленый, атласовый, зъ кгузами сребрными позлоцистыми—золотыхъ сто тридцетъ; катанъка кармазиновая съ петлицами кгришпановое масти—золотыхъ пятдесятъ; контушъ фаленъдышовый зеленый съ петлицами зелеными, зъ липтвами атласовыми, кармазиновое масти — золотыхъ сто; контушъ пулшкарлатный, съ петлицами шкарлатными, адамашкомъ шкарлатнымъ увесъ подшитый, золотыхъ триста; сукна фалендышу, облочистого, локътей пулъпети—по золотыхъ осми локотъ; туркусовое масти сукна локътей пулъпета, по злотыхъ шести локотъ; кгузики туръкусовые, едвабные, зъ зарабянъками—золотыхъ три; шнурка тое жъ масти штучокъ дви—золотыхъ десетъ; футра лисого . . . . . бламъ—золотыхъ пятдесятъ; соболъ—золотыхъ тридцатъ; окгонки соболовые—золотыхъ осмнадцетъ; шлямового лисего футра бламъ—золотыхъ тридцетъ; котового футра бламъ—золотыхъ пятнадцетъ; чамара саевая чорная; поцелицами подшитая,—золотыхъ сто; саи чорное локътей осмнадцетъ, локотъ по грошей чотырдесятъ; пулъпласче гладкои саи, чорными сибирками подшитый—золотыхъ осмдесятъ; сподница перпетуановая, чорная, коштуючая золотыхъ осмъдесятъ; сподница саевая, чорная—золотыхъ чотырдесятъ, муханровая чорная сподница, золотыхъ тридцетъ; кабатъ саевый, чорный, зъ рукавами, золотыхъ двадцетъ; кабатъ перпетуановый, чорный—золотыхъ двадцетъ; кабатъ перпетуановый, чорный—золотыхъ двадцетъ; кабатъ саи гладкое, чорный, зъ штапованъемъ—золотыхъ десетъ; фартухъ адамашковый, чорный—золотыхъ двадцетъ пулъпета; куна одъ шапки великое белоголовское—золотыхъ тридцетъ; килимовъ турецкихъ, пестрыхъ, тыхъ два, кождый зъ нихъ по золотыхъ петънадцетъ; про-

стыхъ килимовъ пятъ, по золотыхъ пятъ, полотна тонкого пулъсетковъ двадцетъ, грубъшего пулъсетковъ пятнадцетъ, коня . . . . . сто таляровъ битыхъ, глинястыхъ коней пару—золотыхъ двисти чотырдесятъ; клячъ три зъ жеребяти розное масти, по золотыхъ сто кождую; колясу коганую—золотыхъ шестъдесятъ, коберцовъ пара, кождый коберецъ по золотыхъ тридцети; коней подводныхъ два, конь по золотыхъ шестдесятъ, скрынъ три, зъ белыми розными речами; бочка съ полотнами; мухаеру червоного широкого, простое роботы, локотъ тридцетъ,—локотъ по грошей двадцети; белого мухаеру простого локътей двадцетъ локотъ—по грошей осмънадцетъ; камлету червоного локтей осмъ, по грошей чотырдесятъ; пасаману штука зеленого—золотыхъ шестъ; шкатула зъ розными речами; банъ-долетъ, — золотыхъ двадцетъ; тлумокъ зъ постелю и инъныхъ речей не мало, которые се паметати не могутъ, которые, дастъ панъ Богъ, часу права у суду особными реестрами ширей спецификованы будутъ. То все, въ способъ лупу побравши, межи себе поделили. Справы розные, записы, такъ самые ориинали и ексътракты, рекогниције отъ розныхъ особъ и на розные долъги, такъ одъ хрестианъ, яко и одъ жидовъ, квиты, реестра и иншые справы, то все посекли, пошарпали и неведати где позадевали. А потомъ, кгды принципалове, тотъ ексцесъ зробивши и тотъ лупъ забравши, одехали, вышъ речоный панъ Михаилъ Тулъковский, сынъ протестуючое, упатривъши часъ способный, пришедши зънову на тое местце, скаржучую панюю, матку свою, ледве што дышачую, а праве въполъумерлую засъставши, зъ милости своее сыновъское взявши ее, до монастыра Туровицкого запровадилъ, и самъ тамъ же зоставалъ. А кгды тыежъ принципалове, доведавшисе, же живая скаржучая естъ и въ монастыре Туровицкомъ зъ тымъ же паномъ Михаломъ Тулковскимъ, сыномъ своимъ, зостаетъ, теды по килка разовъ на тотъ монастыръ хотечи находити, жебы могли зъ паномъ Тулъковскимъ, сыномъ ее, неживити; за чимъ панъ Тулъковский муселъ, на коня вседши, уежжати,—о которомъ и теперъ протестуючая ведати не можетъ—ежели живъ где естъ, албо нитъ. Потомъ знову оденъ зъ тыхъ принципаловъ, Семенъ Листопадикъ, ковалъ, умыслне козаковъ на протестуючую, въ монастыре зоставаючую, на тотъ монастыръ, абы скаржучую въ

остатку здоровъя неживили, напровадилъ, которые козаки напроважоные скаржучую, хотечи стяти, уже на пляцъ были вывели, и толко за счекгульною ласкою Божою и за усилною прозбою чернъца, въ томъ монастыре Туровицкомъ будучого, ледве одъ стятъя ушла. Презъ который то таковый кгвалтовный, непристойный учинокъ свой вышъшей менованые принципалове, громада Болъболъская, право посполитое згвалтилы, въ вины, въ праве о таковыхъ ребеллизантахъ описаные, попали и оные на себе заслужили; о што въсе протестуючая себе самую и того, кому съ права дорога до чиненя правомъ належати будетъ, въ суде належномъ правне чинити оферовала, заставуючи однакъ волную мелиорацію тое теперешнее албо поданъе иншое ширшое, такъ собе самой, яко и кому належати будетъ, протестацией, если того потреба будетъ. А на больший доводъ тое теперешънее протестации протестуючая ставила шляхетнаго Януша Смидецкого, возного енерала воеводства Волынского, который, зъ приданъя моего урядового, маючи при собе шляхетныхъ пановъ Яна Жуковъского и Павла Бонецъкого, сторону, шляхту, веры годныхъ, року теперешнего, тисеча шестсотъ чотырдесятъ девятого, месеца марца третего дня, видилъ за показанъемъ у ее милости панее Іелжбеты Смитковское на верху головы любо юже згойный, але великий шрамъ. Тотъ же возный зознялъ, ижъ зъ приданя уряду моего, року теперъ идучого, марца третего дня, въ замку его королевское милости, Володимерскомъ, трумъну отворивши, тѣло небожчика пана Марцина Смитковского, сына панее Станиславовое Смитъковское, голову и всего зъ ногами мало не въ штуки зъсечоного, видилъ и урядовне огледалъ, которое заданъе собе раны и сына забитъе меновала ее милостъ пани Смитковская презъ всю громаду Болъболъскую, принципаловъ, часу и способомъ выжей въ протестаціи меноваными. Тотъже возный зознялъ, ижъ онъ, зъ приданъя моего, выжей менованыхъ, року тисеча шестсотъ чотырдесятъ девятого, марца третего дня, первей въ томъ же замку Володимерскомъ, другий разъ передъ замкомъ, третимъ противко канцелярии передъ замкомъ стоячое, а четвертымъ въ рынъку миста тутошнего, Володимерского, при згромаженю велю зацъныхъ розного стану, такъ шляхецкого, яко и посполитого, людей, голосомъ вынеслымъ, всимъ

людемъ вырозумелымъ, ижъ небожчикъ панъ Марцинъ Смитковский естъ тыранъско забитый презъ хлоповъ и всю громаду Болъболъскую, подданыхъ кнежати его милости, пана воеводы Сендомирского, принципаловъ, часу и способомъ выщъ въ протестации меноваными, объволалъ и публиковалъ. А потомъ тотъ же возный зознадъ, ижъ онъ року теперешнего, февруария шестнадцатого дня, зъ приданя уряду моего, маючи при собе шляхетныхъ пана Яна Савицъкого и Пражминъского, шляхту, веры годныхъ, былъ въ месте Туриску, въ замку, маетности кнежати его милости, пана воеводы Сенъдомирского, въсполъ зъ ее милостю панею Смитковскою, кгды ее милостъ въ сполъ зъ его милостю, паномъ Самуелемъ Курцевичомъ, до его милости пана Михаила Лакгановского, старосты Турискаго, и економа волостей Турисъкихъ, реквируючи учиненя справедливости зо въсее громады Болболское, принципаловъ и забойцовъ, за ексъцесъ, въ протестации менованый, презъ тую громаду пополненый, кгды его милостъ пана Лакгановъского въ замку Турисъкомъ заставши, реквировала; на которую таковую реквизицию панъ Лакгановъский зборонялъ се справедливости учинити и не учинилъ. Тогожъ, теперъ идучого року, февруаріи двадцатъ третего дня, подъ бытностъ того жъ пана Лакгановъского тутъ у Володимери, зъ тымъ же его милостю паномъ Курцевичомъ и зъ вознымъ, зознаваючимъ, въ господе пана Лакгановского реквировали учиненя тое жъ справедливости; теды панъ Лакгановский одповедилъ, же »безъ ведомости кнежати его милости не учиню«. А потомъ, тогожъ року и месеца, а дня двадцетъ семого, съ приданя уряду моего звышшей меновапого, (зъ) шляхътою паномъ Садицкимъ и паномъ Пражънинскимъ, тотъ же возный, будучи въ замку Туринскомъ и самого пана Лакгановъского заставши, громаду всю Болъболъскую, принципаловъ, въ винахъ правныхъ, за ексцесъ, въ протестации менованый, презъ нихъ пополненый, и въ десяти тисечей копъ грошей Литовъскихъ, абы ихъ дотрымалъ и на кождомъ термине правномъ ставилъ, арештовалъ; который арештъ панъ Лакгановский принявши, доброволне субмиттовалъ себе самого, и кнежати его милости, пана воеводу Сендомирского, яко пана тыхъ подданыхъ дедичного, же тую громаду Болъболъскую ее милости и кому належати будетъ до усправедливеня въ томъ учинку

на каждомъ термине правномъ ставити, оферовалъсе, и то деклярovалъ, же уже тыхъ злочинцовъ въ замку Турисъкомъ у везеню туромномъ маетъ. Счо зознавши возный реляции, просили ее милостъ пани Смитъковъская—протестацию, а возного—реляцию о записанъе до книгъ,—што отрымали.

Книга Владимирская городская, записовая, поточная, декретовая и кондемнатовая № 1017, годъ 1649, листъ 4.

CLXXII.

Жалоба отъ имени жены Виленскаго воеводы, Анны Алоизіи Ходкевичевой, на арендnаго владѣльца м. Вильска, пана Александра Цеклинскаго, и на слугу его Бѣлецкаго, о увозѣ изъ ея имѣній нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, которые и были потомъ совершенно ограблены. 1650 г., января 7.

Року Божого нарожения тисяча шестсотъ пятдесятого, месяца генваря семого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Житомирскимъ, передо мною Яномъ Чайковскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становши очевисто урожоный его милостъ панъ Щасный Вонсовъский, слуга и намѣстникъ всѣхъ маетностей ясневельможной ее милости паней Анны Алоизией Ходкевичевой, воеводиной Виленской, гетмановой великой великого княжства Литовского, на тотъ часъ будучой, именемъ своимъ и именемъ тоижъ ясне велможное ее милости паней воеводиной Виленской, паней своей, сведчилъ и соленитеръ, зъ великимъ жалемъ оповедаючи, протестовался напротивко шляхетному пану Янови Белецкому, слузе и намесникови урожоного его милости пана Александра зъ Цеклина Цеклинского, Вилскому, въ тотъ способъ и о то: ижъ менованый панъ Белецкий, будучи межи козаками писарчикомъ, а маючи знаемостъ зъ Иваномъ Водяникомъ, войтомъ Черницкимъ, зъ которымъ змовившися и нарадивъшися добре, подданныхъ паней протестантисъ зъ розныхъ маетностей, то естъ зъ местечка Черници, зъ села Бровникъ,

зъ селя Старыковъ, зъ села Немилной, зъ села Филиповичъ, зъ села Лупъчицъ, и зъ иншыхъ велю волостий Зъвягелской, до места Зъвягля належачихъ, южъ по завартю пакътъ, подъ Збаражемъ постановленыхъ, а праве подъ часъ конклюзией и конченю сейму теперешънего, не мало намовивши человека сто двадцатъ зъ менованыхъ селъ, зъ маетностей паней протестуючого, убезпечаючи оныхъ, зо всими маетностями выпровадитъ. А потымъ, теперъ свѣжо и не давно, тотъ же то панъ Белецкий, не респектуючи ничого на право посполитое и выны въ немъ описаные, але праве лекце собѣ важечи, подъехавши въ ночи потаемъне подъ менованые маетности паней протестантисъ Зъвягелские, не тылко тыхъ подданыхъ сто двадцатъ, але и зъ иншихъ селъ не мало, о которыхъ протестантъ и не ведаетъ, до осмы десятъ человека зъ собою намовивши, дня двадцатъ девятого месеца декабра, року тисеча шестсотъ чотирдесятъ девятого, до мѣста Вилска припровадилъ и оныхъ, сумненемъ своимъ убезпечаючи, же ихъ зъ мѣста Вилска волно пуститъ обецовався, на тымъ присягъ; а потымъ, не дотримавши имъ слова, и присягу свою опустивъши, до места Вилска въведши и упровадивъши, у оныхъ конѣ кгвалтовне поотбиралъ, возы, скринѣ и всю субстанцию и маетностъ ихъ, иле одно бытъ могло, побравъ, пошарпавъ. А напродъ у Ивана, Водянюка, войта Черницъкого, пинезей готовыхъ чиншовыхъ, который (зъ) зълеценя пана протестуючого зо всѣхъ селъ и волости Звягелской выбиралъ, золотыхъ шестънадцатъ сотъ полскихъ, а его власныхъ дви тисячи золотыхъ полскихъ—взявъ и кгвалтовне выдравъ; у того жъ шабелъ добрыхъ три, палашъ, луковъ два, пистолетовъ пара, сукенъ разныхъ паръ пятъ, колдра турецкая, матерацъ атъласовый, сукъню одну зъ срыбрными петлицами, бутовъ турецкихъ паръ пятъ, вилчуръ двѣ, сукъмановъ бѣлоголовскихъ два, летниковъ пятъ: одинъ турецъкий, жолтокгоронцый, другий червоный турецъкий; коней семъ, бахъмата строкатого власного протестуючого, коневъ мѣдяную, мисъциновыхъ тры, кухелъ оденъ, талировъ шестъ, плахотъ осмнадцатъ, сукна простого локотъ пятдесятъ, хустъ билихъ пятъ скрынъ, котъловъ два, котелковъ три, паневокъ двѣ, быдла сорокъ. У Сухоносенка,—жупановъ два, делѣя третяя, кожухъ новый, хустъ биыхъ скрыня, каганка кграйбринова (sic), сподныхъ речей двое, фален-

дишовые одны, другие пакляковые, пинезей золотыхъ сорокъ; у Олешка: коня лысого, вороного, доброго, пенезей золотыхъ два, обрусовъ коленскихъ чотыры, кошулъ едвабныхъ две, жупановъ два—одинъ кгрубриновый, другий лунский, плахта едвабная, рогатина, сребромъ набиваная, шапокъ две, одна оксамитная соболцовая, другая лисяя фалендышовая; у Назара коня, зовсимъ доброго, жупановъ два, кожоховъ два, сукманъ белоголовъский, плахотъ чотыры,—одна едвабная и лужъникъ, масла ведро, хустъ белыхъ скрыня и бочка забитая; у Микиты: шкапу тисавую, пенезей золотыхъ пятъ и лужныхъ; у Русачъка: готовыхъ пенезей золотыхъ тисечу и тридцатъ золотыхъ полскихъ, делия блакитъная, кунътушъ чорный, лисами подшитый, делия фалендышовая, бабаками подшитая, шапокъ две, одна куняя, другая мармурковая, обрусовъ осмъ, плахотъ пятъ, хустъ белыхъ скрынъ две, сукна простого локотъ двадцатъ, лужниковъ чотыры, полотна суроваго локтей пятдесятъ, коня вилчатого зо всимъ—на на золотыхъ осмъдесятъ, ложокъ срибныхъ две, которые важили лутовъ чотырнадцатъ, пулчамарокъ золотыхъ пятъ, сукня белоголовская съ пасаманомъ оксамитнымъ; у Миска Шевца: шкапу зовсимъ половую, другую гнедую, хустъ белихъ скрыня, жупанъ шиптуховый, колпакъ лисий, чинкотору, лужъникъ одинъ, пенезей золотыхъ осмъ, кожуховъ два; у въ Омеленяты Мартина: коня пленивого, вола полового, пенезей золотыхъ двадцатъ и два, жупанъ синий, перстенювъ три, монисто, золотыхъ шестъ, кожуховъ два, сукманъ белоголовский, шапка фалендышовая, кабатъ турецъкий, мухояровый, поесовъ чынкоторовыхъ два, серпанковъ два; у Игната Волошеняти: ложниковъ два, кожухъ одевалный, серпанокъ одинъ, хустокъ две; у Микиты Турчына: коня рыжого—за золотыхъ сто, шабелъ две, кордъ, срыбромъ оправный, сагайдакъ, жупановъ три синихъ, сукманъ белоголовский одинъ, пенезей золотыхъ сто, плахотъ чотыры, лужъныковъ чотыры, хустъ белыхъ скрыня, оксамиту чорного штука, атласу штука чирвоного, борошна, и иншого немало, самопалъ, пистолетувъ два; у Сидора Черницкого: золотыхъ пятъ готовыхъ пенезей, колпакъ лисий фалендышовый, червоный, поесовъ чынкоторовыхъ два, хустъ белыхъ вуръ набитый пелъный; у Данила Ярмака: сподние речи одны, суконные, шиптуховые, обрусовъ два,

полотна кудилного локоть чотырнадцать; у Васка Крушчы, пенезей готовыхъ золотыхъ чотыры, лужникъ одинъ, самопалъ, кулбаку одну, сукна простого локоть семъ, сермягу одну, обрусовъ два; у въ Уласа Шчерници кожухъ новый одеваный, хусть белыхъ скрыню одну, сукна простого локоть чотыры; мимоходщизны у тыхъ же подданыхъ паней протестуючого одъ возомъ ста двадцати по золотыхъ полтретя одъ кождого взялъ и на пожитокъ собе, чыли тежъ пану своему, обернулъ. А больная, не контетуючисе тымъ, тотъ же панъ Белецъкий зъособна зъ Звягля, учинивши конъдиктаменъ, яко козакъ передъ тытъ будучый, зъ адгерентами и помочниками своими, ему самому по именю кождого добре ведомыми и знаемымы, подехавши подъ села: Филиповичи, Княжъ, Бронники, Романовку, Лубечи, Могильную, также подданыхъ власныхъ паней протестуючого, больней нижли до трохъ сотъ господаровъ, до тогожъ мѣста Вилска перевабивши, зо всего пообдиралъ и хлоповъ, што тылко зъ душами пускаючи, праве наго починивши, зъ места повиганялъ; о што теды менованый протестуючий, постерегаючи целости добръ ясневельможной ее милости паней воеводиной Виленской, паней своей, яко тежъ и своей, и повторе противко тому пану Янови Белецъкому, слузе и намесникови его милости пана Цеклиньского, и адъгерентомъ его сведчи и оповедается, оферуючися зъ нимъ самымъ, любо тежъ съ тымъ, съ кимъ право дорогу укаже, въ суде належнымъ правне инъ форо фори чинитъ, зоставуючи тоей своей протестацией волную мелиорацию, любо тежъ иньшой, ширшей учинене, если бы того потреба, водлугъ права, указывала. А на доводъ тоей своей теперешней, ставилъ возного енерала воеводствъ, Киевского, Волынского, Браславъского и Черниговского, шляхетного Антона Трубелского, который, въ моцъ правдивой реляцией своей, явне, ясне и добровольне въ тые слова созналъ: ижъ онъ, будучи съ приданя урадового возваный на справу и потребу урожоного его милости пана Счасного Вонъсовъского, слуги и намесника ясневельможной ее милости паней воеводиной Виленской, а маючи при собе сторону шляхъту, людей добрыхъ, шляхетныхъ пановъ, собе для лѣпъшого свецства зъ уряду тутошънего кгродского, Житомирского, приданыхъ, съ которыми ездилъ до места Вилска, маетности на тотъ часъ его

милости пана Александра Цеклинскаго аренъдовъней, а дедичъной яснеосвецоного княжати его милости Владислава Домѣника на Острогу и Заславю, граби на Тарнове, конюшого коронного, Луцкого, et caetera старосты, тамъже приехавъши до замочку тамошнего зъ менованою шляхтою, самого его милости пана Александра Циклинского въ тымъ замочку въ светлици за столомъ седячого, и при нимъ пана Яна Белецкого, слугу и намесника его милости Вилского, передъ нимъ стоячого, заставши, во сту тысячахъ копъ грошей литовскихъ арешътовалъ и, жебы до права оного ставилъ, припоручилъ; который арешътъ его милость панъ Циклинский принявши, до права ставитъ оферовалъсе, што менованый возный, того арешту доброволное принятье отъ его милости пана Циклинского менованою шляхтою, при собе будучою, осведчивши, съ тамътолъ одшедши съ тоею жъ помененою шляхтою, пытався въ тымъ же месте Вилску подданыхъ паней протестуючого, зъ розныхъ селъ и волости Звягелской будучихъ, о побраню речей, въ протестацией вышъ помененныхъ; которые всѣ разомъ поведили: же ихъ панъ Янъ Белецкий, слуга и наместникъ его милости пана Циклинского, зъ менованныхъ маетностей и селъ выбавилъ, и до места Вилска припровадивъши, зо всего пообъдиралъ и пообибравъ. Такъ тежъ и то слышалъ, же одъ войта Черницкого, Ивана Водяника, пенезей чынъшовыхъ золотыхъ шестнадцатъ сотъ полскихъ, а его властныхъ дви тисечи золотыхъ полскихъ тотъже, панъ Белецкий кгвалтовне поодиймовалъ и до себе поодъбиралъ. Тедыжъ я, менованый возный, штомъ справовалъ, очима виделъ и ушима слышалъ, менованою шляхтою осветчивши, правъдиве о тымъ реляцыю свою сознаваю, и до книгъ нинешънихъ кгродскихъ, Житомирскихъ, записую. И просилъ менованый возный, посполу съ подавцою тоей протестацией, абы такъ тая протестация, яко и возного реляция зъ арешътомъ, до книгъ были приняты и записаны,—што отримали.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, годъ 1649—1650, № 19, листъ 15.

CLXXIII.

Жалоба Ковельскаго ксендза Петра Козаковича-Прошицкаго на мѣщанъ Ковельскихъ объ ограбленіи и совершенномъ опустошеніи ими мѣстнаго костела во время перваго козацкаго возстанія. 1650 г., марта 14.

Року тисеча шестсотъ пятдесятого, месеца марца чотырнадцетого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною Андреемъ Абрамовичомъ Бурчакомъ, наместникомъ подстароства Володимерского, и книгами нинешними, кгродскими, старостинскими, становши очевисто велебный въ Богу ксендзъ Петръ Козаковичъ Прошицкий, плебанъ Ковелский, на противко славетнымъ, то естъ: Федорови Свинъчикови, лентвойтови, Петрови Лихванчикови, Андрееви Кгарбарчови, Андрееви Малярови, Потееви Римарови, Тимошови Денисьчикови, Грыцови Коновалчикови, бурмистромъ, лавникомъ, мешчаномъ и всему посполъству места его королевское милости Ковля, светчилъ се и протестовалъ о то: ижъ помененые мешчане субъ темъпусъ интеррегни, въ самую козачину, року прошлого тисеча шестъсотъ чотырдесятъ осмого, заразъ по забитю и тыранско замордованю велебного ксендза Якуба Косинского, плебана Ковелского, антецесъсора протесътанътисъ, препомневши права посполитого, на вшелякую своеволю и роспусту вынуздавшисе, розные ексъцесъса посполу зъ козаками, рознымъ тежъ католикомъ злости розмаитые выражали, до веры своее приневоляли, въ воде такъ католиковъ, яко и жыдовъ позосталыхъ, для убозства велыкого уходити немогучихъ, топили, а надто костелъ тамошний, дверы вырубавши, злупили, то естъ меновите въ костеле келихи, патыны, монъстранции и инъшое сребро костелъное закопаное, орнаты, апъпараты, албы и што колъвекъ ено спряту костелного было, все тое выкопавши, въ способъ лупу побрали и межи себе поделили. А и тымъ се неконътенътуючы, инъ конътемъптумъ романе еклезие аткве дивине маестатисъ, олтаровъ два, где санъ-

ктиссиме мисъсе сакрифиция одправоваласе збурили, зъ великого засъ олтаря, анъгелки на нимъ будучие, злотистые, презъ сыновъ а хлопцовъ тамешнихъ позъбияли и въ нивечъ попъсовали; особамъ на великомъ олтару стоячимъ, светого Станислага и Войтеха и иншихъ светыхъ головы постынали и поперетинали, позытивъ на штучки потлукли, дверы костелные побрали, окна вси повыбияли, завесы одъ инъшихъ дверей пообъдерали, дзвонокъ, въ посродку костела высячый, сикгнатъ, взяли, круцификсъ на болшую взгарду, на цментару стоячый, стлукли, такъ же толко руки а ноги оного круцификса висятъ; плебанию засъ въ нивечъ а въ нивечъ обернули, такъ, же лавы не зоставили,—все розобрали, въ которой и сумму, костелови, зъ лекгатъ належачую, взели и межи себе поделили,—што все особнымъ реестромъ у суду будетъ верификовано. А надто тыежъ мешчане борокъ, до костела належачый, вырубали, выпустошили подъ тотъ часъ и въ нивечъ обернули, же толко пне сосенъ зостаютъ, которыхъ и зличити трудно, и шкодъ на тисечу золотыхъ учинили. Што се и повторе осветчивши, а зоставивши собе салве до учиненя ширшое албо мелиорации тое теперешное, была ли бы того потреба, верификуючи контента протестационисъ суе, протестансъ ставилъ возного енерала воеводства Володимерского, шляхетъного Андрея Колодежинского, который, въ моцъ правдивое реляции своее призналъ: ижъ онъ року прошлого, тисеча шестъсотъ чотырдесетъ девятого, месеца новембра третего дня, маючи при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Яна Сколимовъского, былъ на справе и потребе велебного ксенъдза Петра Козаковича Прошицкого, плебана Ковелского, въ месте его королевское милости Ковлю, въ плебании тамошное, где, за показаньемъ оного, виделъ въ нивечъ спустошоный костелъ, окна вси потлучоные, олтари буроные, фикгуры посечоные, святыхъ Божихъ позитивъ до шченту знесеный, у дверей завеси поодираные некоторыхъ, а некоторыхъ дверей и немаешъ, круцификса на цментару тилко руки и ноги высячые, плебанию барзо спустошоную, а на остатокъ борокъ за местомъ заразъ въ нивечъ висечоный, въ которомъ пневъ сосенъ и зличити трудно,—виделъ и оглядалъ. Которую то таковую шкоду меновалъ быти сталую тотъ же ксендзъ плебанъ одъ всихъ мешчанъ тамечъныхъ Ковелскихъ, подъ

часъ ребелъліи и своеволи козацкое. Што устнымъ своимъ зознанемъ ствердивши, просилъ, абы тая реляция, посполу съ протестациею, была принята и до книгъ записана,—што отримали.

Книга Владимірская гродская, записовая, поточная и декретовая, 1650 г., № 1018, листъ 83.

CLXXIV.

Жалоба пана Юрьевича на крестьянъ Кіевскаго подкоморія, Юрія Немирича, ограбившихъ, во время козацкаго возстанія, имѣніе жалобщика Зарубинцы. 1650 г., мая 6.

Року тисеча шестсотъ петдесятого, мѣсеца мая шостого дня.

До уряду актъ нинешнихъ кгродскихъ, Житомерскихъ, до мене Андрея Аслановича, подстаростего Житомирскаго, перъсоналитеръ пришедши урожоный его милость панъ Вацлавъ Юрьевичъ протестовалсе солснитеръ и жалобливе оповедалъ на славетныхъ и працовитыхъ: Андрея Асавулку Ковалевого сына Валкового, Антона Шипилика, стражника, Шипошика Волчого Зуба сына, Солусчика Кгиля, Ювка Бучьного, Стецька Захарчука, Стуйка и инъшихъ месчанъ и обывателовъ места Горошковъ, тудежъ противько: Каленниченкомъ, Шабалътасови, Корецчикомъ, Якубенъкомъ Иванови, Салъкови, Плосене сынови Сенъковому, Чарнолозикови, Словокъчикови, Супруникови Бондарчикомъ, и инъшимъ месчаномъ и подданымъ места Рафалова велможъного его милости пана Ерого Немирича, подкоморего Киевъского, власнымъ, въ тотъ способъ и о то: ижъ тые менованые подданые, подъ часъ инъкурсии до короны презъ неприятеля крижа святого и своеволъной ребелией козацкой, зобравъшисе вси способомъ, якобы козацкимъ, моцно, кгвалтовьне на дворъ и мешканъе села Зарубинъки протестуючого, власный, наехавъши, замъки внутрънные и завесы одъ коморъ и одъ избъ поодъбивъши, и поодлуплювавши, въ способъ зъдобычи непристойное, вси спряты

домовые, кони, быдло, овъцы, свинье и што колвекъ ено въ томъ дворе налезтисе могло, меновите: котловъ горелчаныхъ дванадцать и одинъ затиралный, железа, коней пять, быдла рогатого двисте петдесятъ, вепровъ кормныхъ и свиней надворныхъ въ личбе сто шестдесятъ, и иншие спряты домовые и збожа розные, яко то: масла, сыра, полти солонины, пшеницы, солоды, муки, жита молоченые, куры, качки, гуси, яко тое особънымъ реестромъ тотъ забюръ и шкоды спецификованые и часу права показаные будутъ,—кгвалтовне позабиравъши и на возы свои повкладавъши, и тымже подданымъ Зарубинскимъ и Кропивенскимъ до Горошковъ, и до вуйта на тотъ часъ, Марушенки названого, отвезти и запровадить розказали; а въ мисте Горошъкахъ тые быдла и забюры—одны до вуйта старого, а другие межи себе розобрали и розделили. Также заразомъ подъ тотъ часъ и гречки тыежъ наездъники Рафаловъские стыртъ две, при частыхъ на тотъ дворъ Зарубинъский наездахъ, и при иншихъ забюрахъ до сотника своего, Крука, збожа молоченые, меновите жита—вожували, перевезли и межи себе розобрали. О который таковый наездъ, шкодъ починене, также и о тые вышменованые забюры у дворе Зарубинскимъ, кгды его милость панъ Юревичъ, пришедши до посесыей тыхъ добръ, о справедливость съ таковыхъ наездниковъ у его милости пана подкоморего просилъ и реквировалъ,—на которую реквизицію не тилко панъ подкоморий съ подданыхъ своихъ выступныхъ справедливости не учинилъ, але ешче инъ суммумъ преюдициумъ и шкоде незносной протестуючогосе тые быдла, которые въ селе Зарубинцахъ и у дворе тамошнимъ протестуючогось, властнымъ, тые наездъники забрали, петнованого, въ личбе семдесятъ одъ тихъ наездниковъ и подданыхъ своихъ меноваными Горошковскихъ и Рафаловскихъ его милость панъ подкоморий позабиравши, черезъ слугу своего, урожоного пана Чарновъского, на Волынь, до маетности своей одослалъ. Которое то быдло свое протестуючий въ оборе его милости пана подкоморего, нимъ было на Волынь отосланое, зъ возным и шляхтою огледавъши, водлугъ науки правъное, до актъ нинешнихъ записать чрезъ возного росказалъ. Презъ который то таковый неслушъный и неправъный поступокъ, за неучиненемъ справедливости съ подъданыхъ своихъ, его милость панъ подъкоморий

до великихъ шкодъ протестуючогосе приправилъ. О што все и повторе протестанъсъ осведчаетъ и оповедаетъ, оферуючись въ суде належномъ о тое правне чинить. А теперъ просилъ, абы тая его протестация (которой волъную мелиорацию собе инъ тото заховуетъ) до книгъ была принята и записана,—што отрималъ.

Книга Житомирская, гродская, записовая и поточная, 1649—1650 г., № 19, л. 210 на об.

CLXXV.

Жалоба отъ имени княгини Катерины Четвертинской и пановъ Харлинскихъ на хоругвь Волынского подстолія, Тимофея Карпинскаго, о нападеніи на имѣніе ихъ Новый Островъ, ограбленіе и истязаніе крестьянъ и священника, «хотя онъ и уніатъ». 1650 г., мая 20.

Року тисеча шестсотъ пятдесятого, месеца мая двадцатого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцъкомъ, передо мною Ильяшомъ Малюшицкимъ, буркграбимъ Луцъкимъ, становши очевисто шляхетный панъ Янъ Лесчинский, слуга освецоное княжны ее милости Катарины зъ Лешънева Стефановое Четъвертенское, подкомориное Браславское, и передъ тымъ бывшое Еронимовое Харъленское, старостиное Луцкое, именемъ которое, яко панее оправъное и доживотное добръ всихъ по зашломъ некгды велможномъ его милости пану Ерониме зъ Харлежа Харлинскимъ, старосте Луцъкимъ, прошломъ малжонку ее милости, позосталыхъ, тудежъ именемъ велможныхъ ихъ милости пана Адама сына и панны Анны, цурки, Харлинскихъ, потомковъ и сукцесоровъ добръ тогожъ его милости пана Харлинскаго, старосты Луцкого, яко дедичовъ, прихиляючисъ инъ тото до салвы въ протестации подъ актомъ року прошлого, тисеча шестсотъ девятого, месяца июля чотырнадъцатого дня, именемъ тое жъ княжны ее милости, панее подкомориное Браславское, презъ пана Яна Камодзелского на противъко нижей меновапымъ особомъ въ кгроде тутошнемъ, Луцъкимъ, занесенное до попра-

веня ее албо занесеня ширшое зоставленое, меморуючи оную теперъ, меновите въ томъ: ижъ дедичовъ въ прошлой протестации не доложоно, а до того, же фалъшо кводамъ, для невзятя ведомости, место Томаша Шимона, имя урожоного его милости пана Томаша Козики, подстолего Волынского, положоно, противко тымъ же особомъ, въ первой протестации положонымъ, то естъ урожонымъ: ихъ милости пану Томашови, подстолему Волынскому, ротмистрови, а Шимонови, поручникови, Козикомъ, такъ же противко ихъ милости панамъ Курдвановскому, Лыховскому, Рылскому, Езерскому, Цешановъскому, Олевинскому, Милевскому, Кореневскому, Корбутови, Чапскому, Станиславъскому, Страшови, Вербовъскому, Ясинскому и иншимъ всимъ товарыству и компании, челяди ихъ милости, тое жъ хорогвы его милости пана подстолего Волынского, самому его милости пану ротмистрови и поручникови зъ именъ и прозвискъ лепей ведомымъ и знаемымъ, которыхъ, еднакъ, за взятемъ далпое ведомости, салва еорумъ номинацио, а такъ же кокгъноминацио часу права позвомъ ресерватуръ, соленитеръ етъ кграви кумъ квереллл повторе на тотъ часъ, инъ вимъ префате мелиорационисъ суе, сведчилъ и протестовалсе о то: ижъ ихъ милостъ, не огледаючись на право по сполитое, и овъшемъ оное лекъце собе поважаючи, року прошлого, тисеча шестъсотъ чотырдесятъ девятого, дня второго июля, зъ хорогвою своею меноваиою наѣхавши на маетностъ кнежны ее милости, панее подкоморипое Браславское, и ихъ милости пановъ Харленкихъ, местечко Новый Островъ, тамже приехавши, стацие незъносные у месчанъ тамошнихъ и шляхты, тамъ же мешкаючихъ, беручи, кривды и шкоды великие чинячи, на продъ Анъдрея Ждановъского, шляхтича доброго, не маючи жадное до него причины, впадши до двору его, сами особами своими и зъ челядью своею, и оного окрутне звязавши, яко лотра якого по месте по улицахъ водили, обухами и киями бъючи, мордуючи, и до господы помененого выжей пана Ясинского приведши, за ноги объвесивши до горы, а на долъ головою, допюро задавали муки незносные, яко се имъ подобало, же ледве живого отпустили, на остатокъ у слупа, выведши его на рынокъ, увязали, хотячи его разстреляти, где посполство всего места оного невинности его высведчали. Тымъ се не

контентуючи мордованьемъ, казали ему шию окуповати, где людъ увесь, патрачи такъ на его великие муки, окупуючи его, дали золотыхъ семдесятъ, и тые пинези узявши, а сами впадши до двору его, вси речи рухомые и шаты позабирали. Зънову до Федора Ткача, нападъши въ ночи, сплячого заставъши, окрутъне посекли, которые раны и разы въ реляции возного сутъ спецификованые, укоторого побрали сермяги, желѣза, свердлы, и што колвекъ было въ дому его речей рухомыхъ; Васка, месчанина, челядъ пана Козики, зъ голыми шаблями гонечи его, которого не догонивши, до дому оного впадши, взяли жону его, которую звязавъши, окрутъне мордовали, бючи, мучачи, мовячи: »поведай пинези, сребро«; которую змучивъши и збивши, покинули за умершую; отца свещенъника Новоостровского, любо униата, не маючи респекту на духовъную особу, челядъ пана Страшова, словы неучтивыми зневажаючи, зъ дому выгнавши, полотна взято аршиновъ тридцатъ пять, побили окна, и двери выламали, на остатокъ и до церкви хотели двери одбивати, даючи тую причину, жебы мелъ въ церкви срибро и шаты поховати; у Яна Томковича, зъ росказаня его милости пана Курдвановъскаго, челядъ взяла полотна локтей тридцатъ, убиоровъ двое, кошулъ две белоголовъскихъ, и фартухъ полотна ткацкого, и колпакъ, за который далъ золотыхъ три, подвикъ две; у Филя, месчанина, взяли сермягу; у Андрея Крутъка взяли кожухъ новый и рядно; у Матияша, слюсара замъкового, взяли пару банъдолетовъ, цыны фунтовъ пять, колодокъ двадцатъ, молотовъ два, пороху фунтовъ два, жону збили и зъ дому выгнали; у арендара челядь пана поручниковая обрусъ, фартухъ шытый, коштовный, лыхтаръ мосенъдзовый—взяли, окна высекли въ ночи, пива две бочки, горилки кварть шестъ аквавитои взяли; У Яна Слоневского, бурмистра, скрынку, зъ справами местскую полупали, права местские на ладунки побрали и домъ оного въ нивечъ спустошили. Не досытъ на томъ маючи, же такъ великие кривды и шкоды починили, едли и пили, до возовъ брали, але есче, место другои стации, яловицы, бараны, гуси, куры, пивъ, горилки знову, выежъджаючи, до возовъ брали; а то на болшое спустошенъе чинячи, кони свои въ огороды пусчали и ячмени попасли и незъносныхъ кривдъ и шкодъ починили. Презъ который таковый свой

поступокъ, и же противко праву посполитому выкрочили, а затымъ въ вины, въ немъ описаные, попадли, и до шкодъ не малыхъ, которые часу права позвами ликвидованые будутъ, приведли и припрявили; о што все, итерумъ етъ итерумъ компаренсъ менованый протестующийсе, оферуетъ о то, ижъ ихъ милость пановъ своихъ инъ форо компетенти правне поступити, а на тотъ часъ просилъ, абы тая принята и до книгъ записана была,—што отрималъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2493, годъ 1650, листъ 564 на оборотѣ.

CLXXVI.

Присяжное показаніе крестьянъ изъ имѣній Тышей-Быковскихъ о уменьшеніи числа жителей въ ихъ селахъ, вслѣдствіе козацкихъ войнъ. 1650 г., іюня 15.

Roku tysiąc sześćset, pięćdziesiątego miesiąca junia piętnastego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w zamku jego krolewskiey mości Żytomirskim przede mną Marcinem Karwowskim, podstarościm Żytomirskim, stanowszy oczewiście sławetny Hrehory, ataman Horbolewsky, Trochim Czekanienko, ataman z sioła Mołodyłowa, Wasko Zanczenko, ataman z sioła Osieczy albo Zankow y sioła Wirowki, Szyleyko, ataman z sioła Wydybora y sioła Swidy, Nester Sasienko, ataman sioła Nianiewszczyzny y sioła Horynia, prosili mnie, urzędu, o przydanie woznego ua wydanie rothy a to w sprawie oddawania troyga podymnego z wyszpomienionych maiętnościey dziedzicznych urodzonych ich mościow panow Michała y Gabryela Tyszow Bykowskich, yż jchmościowie, panowie Tyszowie, panowie jch, według ufały seymu walnego Warszawskiego y laudum na seymiku relatijnym Żytomirskim, w roku teraznieyszym, tysiąc sześćset pięćdziesiątym, zgodnie przez jch mościow panow obywatelow woiewodztwa Kiiowskiego troyga podymnych oddawać postanowionych y ufalonych według kwitow poborowych albo podymnych y regestrow skarbowych, nie mogą troyga podymnych do skarbu jego krolewskiey mości wydać, bo mało się co poddanych w zwysz pomienionych ma-

iętnościach po tey rebelliey kozackiey zostało: co możnieysze, wszystkie precz się rozeszli; czego przerzeczeni wierzchu atamani przysięgą tego chcą comprobować. Przeto ja, urząd, woznego generała woiewodztwa Kiiowskiego, Wołyńskiego, Bracławskiego, szlachetnego Marcina Kamińskiego, przydałem, ktorę w te słowa, za wydaniem sobie roty przez woznego, jurament wykonali: «My, Hrehory Klimenko, ataman sioła Horbolewa, Trochim Czekanenko, ataman sioła Mołodylowa, Wasko Zanczenko, ataman sioła Wyrowki, Iwan Szyleyko, ataman sioła Widybora y sioła Swidy, y ja, Nester Sasienko, ataman sioła Nianiewszczyzny y sioła Horyni, przysięgami Panu Bogu, w Troycy świętey iedynemu, na tym: iż w siele Horbolowie dymow ciągłych dwadzieścia pięć, w siele Mołodyłowie dymow dwadzieścia dwa, w siele Widyborze dymow dwanaście, w siele Swidy dymow pięć, w siele Horyni dymow sześć, w siele Osieczy dymow sześć, a w siele Nianiewszczyzny dymow pięć, w siele Wirowce dymow ciągłych trzy, a więcey nad to niemasz,—tak nam Panie Boże pomoż y niewinna męka Pana Jezusa Christusa». Po ktorego wykonaniu juramentu, wyszrzeczony wozny, stanowszy oczewisto przede mną, urzędem, y rellacyą swoją uczynił, iż wyszrzeczeni atamani jurament na tym wykonali, jako więcey w tych maiętnościach ichmościow panow Tyszow poddanych y dymow niemasz, tylko tak jch jest siła, jako się wyżey w juramencie wyraziło; y prosili mnie spolną s przerzeczonym woznym wyszpomienieni atamani, aby iako wykonany jurament przez atamanow, tak też y woznego rellacya przyięto było y do xiąg ninieyszych, grodzkich, Żytomirskich, zapisano,—co otrzymali.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 19, 1649—1650 н., листъ 299.

CLXXVII.

Жалоба Полонскаго мѣщанина Ивана Полонскаго на пана Станислава Славецкаго о томъ, что послѣдній схватилъ его съ товарищемъ на дорогѣ, заключилъ въ тюрму и, принявъ ихъ за козацкихъ шпіоновъ, хотѣлъ казнить. 1650 г., августа 9.

Anno 1650, mensis augusti 9 dnia.

Stanowszy oczewisto Iwan Połoński, przezywaiący Póhaczykow zięć, mieszczanin z miasta Wielkiego Połonnego, poddany wielmożnego jegomości

Konstantego Lubomirskiego, Białocerkiewskiego etc. starosty, zwierzchnością pana swego, iako prędko z więzienia i s tarasu od urodrzonego iego mości pana Stanisława Sławeckiego z sioła Połowieckiej uść mógł, imieniem swoim i imieniem Adama Panczeniaty, rzeźnika i mieszczanina z tegoż Połonnego, żałobnie protestował się i obciążliwie opowiadał naprzeciwko temuż urodzonemu iego mości panu Stanisławowi Sławeckiemu o to: iż pomieniony pan Sławecki, przeciwko prawu pospolitemu, nieoglądaiąc się nic na winy, przeciwko takowym opisane, w roku niniejszym 1650, miesiąca augusta 7 dnia, gdy protestujący, mianowany Iwan i Adam, rzeźnicy, poddani wysz pomienionego jegomości pana starosty Białocerkiewskiego, zabiegając chleba sztuki z rzemiosła swego rzeźniczego, po targach i po iarmarkach bydło skupuiąc, rzeź odprawowali, i od miasta Kotelni dnia pomienionego do Berdyczowa ku jarmarku, dla odprawowania rzemiosła swego. przez wieś Połowiecką zwyczajną drogą szli, tamże idąc na noc zostali; tedy jego mość pan Sławecki, niemaiąc zadnej przyczyny do nich, niewinnie, kazawszy do więzienia pobrać y onych powrozami i stryczkami skrępowawszy, za wartę, mieniąc ich być szpiegami i kozakami swawolnemi, oddawszy, na garle karać umyślił był, iakoż pewnieby tejże nocy owych by nieżywiono, gdyby za Bożą pomocą z tego więzienia i z za warty nie pouchodzili; przy których protestuiących co kolwiek pieniędzy naleziono, mianowicie złotych sto i dziesięć w różnej monecie, między któremi i ieden czyrwony złoty, czapke łazurową, futrem obłożoną, pas dziany, robiony, łazurowy, pierscień sribrny, musat wielki buty, to wszystko jegomość pan Sławecki sobie kazał czeladzi swoiej poodbierać; a tak protestujący, mianowany Iwan, uszedszy z tego więzienia, a niewiedząc dostatecznie, ieżeli towarzysz jego ze zdrowiem uszedł, czyli też tam znowu pojmany i stracony; i powtore o takowy gwałtowny na drodze zastęp, o więzienie swoje i y pobranie pieniędzy i rzeczy z wielkim żalem, a prawie płaczliwie do urzędu donosi i uskarża się, ofiarując o to jegomości pana swego mianowanego i siebie samego z towarzyszem swoim prawnie czynić w sądzie należnym. A teraz prosił, aby te jego opowiadanie do xiąg przyięto i zapisano było,—co i otrzymał. Pisać nie umiejący protestans.

Книга индуктовая гродская, Кіевская и Житомирская, записовая, поточныя и декретовая, № 317, годъ 1598—1773, листъ 94.

CLXXVIII.

Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, которымъ онъ предписываетъ, чтобы крестьяне по прежнему повиновались и отбывали повинности панамъ. 1650 г., сентября 20.

Року тисеча шестъ сотъ пятдесятого, месяца октобра третего дня.

Передъ урядомъ и актами нинешними, кгродскими, Житомирскими, передо мною Марциномъ Карвовскимъ, подстаростымъ Житомирскимъ, становши очевисто урожоный панъ Стефанъ Висоцкий, слуга вельможного его милости пана Криштофа зъ Логойска Тишъкевича, Житомирского, Нефоросского etc. старосты, для вписаня до книгъ нинешнихъ, кгродскихъ, Житомирскихъ, подалъ перъ облятамъ универсалъ одъ его милости пана Богдана Хмелницкого, гетмана войска Запорозского, съ печатю войсковою и съ подписомъ руки его власное, въ речи, нижей въ томъ универсале описанной, до ихъ милостей пановъ обивателовъ воеводства Киевского въ певной речи выданый, который такъ се въ собе, писмомъ рускимъ писаный, маетъ: »Богданъ Хмелницкий, гетъманъ, зъ войскомъ его королевское милости Запорозскимъ. Ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ, кому бы о томъ ведати належало, такъ старшинѣ и чернѣ товариству войска его королевское милости Запорозского, яко тежъ мешъчаномъ и селяномъ, подданымъ всимъ, въ воеводстве Киевскомъ знайдуючимся. Дошла насъ вѣдомость, же нъкоторые своволные подъ часъ теперешней, кгды войско наше до земли Волоское рушило, тые меновите, которые до подданства належатъ, не будучи панамъ своимъ послушними и зычливимы, и овшемъ неприятелми, много шляхты, пановъ своихъ, потопили, позабивали, и теперъ, не устаючи въ передсевзятью своемъ, на здорове панское наступуютъ и послушъними быти не хотятъ, але бунты и своеволю вчинаютъ,—прото симъ универсаломъ нашимъ позволяемъ (ижъ если бы ешъче таковые своеволники знайдовалися, которые бы на здорове пановъ своихъ наступовали и послушъными быти панамъ своимъ не хотели), жебы сами панове, весполъ съ пол-

ковниками нашими, Белоцерковскимъ або Киевскимъ, сурово бы и на горле карали; а тые зась, которые кровъ невинную пролели и покой нарушили, горлового караня не уйдутъ, яко жъ и тутъ за тое не одного на горло скарали есмо. Данъ въ Ямполе, дня двадцатого сентебра, року 1650«. У того универсалу при печати подъписъ руки тыми словы: Богданъ Хмелницкий рукою власною. Который же универсалъ за поданемъ и очевистымъ признанемъ вышменованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ есть уписанъ.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, 1649—1650 г., № 19, л. 550 на оборотѣ.

CLXXIX.

Жалоба пановъ Яна и Габріеля Аксаковъ на свою мачиху, Екатерину Аксакову, о томъ, что она, съ помощью козаковъ, захватила ихъ имѣнія. 1651 г., января 23.

Roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt pierwszego, miesiąca januaryi dwudziestego trzeciego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w zamku jego królewskiej mości Zytomirskim, przede mną, Marcinem Karwowskim, podstarościm Żytomirskim, oblicznie przyszedszy urodzony pan Andrzej Czerchawski, sługa urodzonych ich mościow panów: Jana, stolnika Kijowskiego, rotmistrza jego królewskiej mości, Gabryela Aksaków, braci rodzonych, synów zeszłego niegdy świętej pamięci jego mości pana Stephana Aksaka, sędziego ziemskiego Kijowskiego, Ostrowskiego, Bobrownickiego etc. starosty, imieniem tychże ich mościów panów Aksaków, panów swoich, referując się do aktu protestacyej w grodzie Żytomirskim w roku terazniejszym, tysiąc sześćset pięćdziesiątym (sic), miesiąca septembra dwudziestego czwartego dnia zaniesionego,—świadczył solenniter naprzeciwko urodzoney jej mości paniey Katarzynie z Ciołchan Aksakowej, sędzinej Kijowskiej ziemskiej, małżonce wtórej tegoż zeszłego jego mości pana łowcego (sic) ziemskiego Kijowskiego, protestował się o to: iż

pomieniona jej mość pani sędzina ziemska Kijowską, nic nie respektując na prawo pospolite i winy, w nim opisane, nie mając żadnego nie tylko prawa, ale i pretextu do dobr i majętności panów protestantis dziedzicznych, w roku niedawno przeszłym, tysiąc sześćset piędziesiątym, zaraz po śmierci rodzica ich mościów, pana małżąka swego, wyprawiwszy sobie uniwersał od pana hetmana wojska Zaporozkiego i załogę kozacką, wszystkie majętności ich na panów protestantis dziedziczne, tak za Dnieprem, jako i z tej strony Dniepra, za linią kozacką z tamtej strony będące, mianowicie: za Dnieprem—miasto Chohołow, miasto Switilniow, miasteczko Rożowkę, wsi do nich należące: Zdymorskie (sic), Starycze, Bohdanówkę, Krasiłówkę, Bobryki Rudnia, Płosko i Rusanow; a z tej strony Dniepra: miasto Kniażyce, miasteczko Sołtanowkę, Łysówkę, i wsi do nich należące, mianowicie: Zaborze, Daniłówkę, przez sług swoich; panów Piotra i Jana Wyhowskiego i pana Jana Andruszewicza—z załogą kozacką pozajezdżała; którzy to słudzy jej mości paniej, sędziny ziemskiej Kijowskiej, za własnym rozkazem i posłaniem jej mości paniej swojej, poczowszy od dnia piętnastego miesiąca Junii, aż do dnia dwudziestego siodmego miesiąca Julia, w tych majętnościach zostając, wszystkie czynsze, dziesięciny i insze intraty i pozytki, z tych majętności przychodzące, powybierawszy, gotowe pieniądze zaraz do jej mości paniej sędzinej, pani swojej, do Polski odesłali, a zboża i insze rzeczy—jedne spieniężyli i prędko tamże do jej mości do Polskiej odesłali, a drugie do Hulanik, majętności dożywotnej, posprowadzali, a jej mość to wsystko na własny swój pożytek obróciła. Zaczym jej mość, pani sędzina ziemska Kijowska, ich mościow panów Aksaków, panów protestantis, do szkod nie małych, których sobie być mienią na sto tysięcy złotych, samych intrat wybranych w to nie includując, przyprowadziła. A tym się jeszcze nie kontentując, w roku tymże tysiąc sześćset piędziesiątym, miesiąca oktobra trzeciego dnia, ich mość panowie protestantis factorow swoich—Dmitra Woskobojnika z Hoholowa i Ihnata Klinczanina, mieszczanina Kniażyckiego, dla kupienia futer i inszych rzeczy, dawszy im dwa tysiące złotych posłali byli,—pan Piotr Wyhowski, starosta Hulanicki, tedy, z własnego rozkazania jej mości paniej swojej, na dobrowolnej drodze pod Kijowem ułapiwszy, pieniądze wszystkie i kwity różne, od różnych creditorów panow protestantis służące, pobrawszy, a samych do Hulanik zaprowadziwszy, w więzieniu prywatnym czas niemały trzymali. O co wszystko, jako o winy prawne i szkody, stąd pochodzące, iterum atque iterum swiadczył i protestował się, wolną melioratią tej protestaciej, abo uczynienie inszej i specyficacią intrat i inszych rzeczy, w tych majętnościach pobranych, w in-

szej protestacyi, abo czasu prawa w pozwach, będzie li tego według prawa potrzeba ukazywała, ich mościom panom Aksakom, panom swoim, zostawiwszy, a na ten czas prosił, aby ta jego protestacya do xiąg przyięta i zapisana była,—co otrzymał.

Книга Житомирская гродская, записовая и поточная, № 20, годъ 1651—1652, стр. 59.

CLXXX.

Объявленіе отъ имени Кіевскаго подкоморія, Юрія Немирича, о числѣ разбѣжавшихся во время козацкаго возстанія изъ Лугинскаго имѣнія крестьянъ, съ поименнымъ ихъ перечисленіемъ. 1651 г., августа 21.

Roku tysiąc sześć set pięćdziesiąt pierwszego, miesiąca augusta dwudziestego pierwszego dnia.

Na urzędzie grodzkim w zamku iego królewskiey mości Żytomirskim, przede mną Mikołajem Kotużynskim, podstarościm Żytomirskim, y xięgami ninieyszemi, grodzkiemi, starościnskimi, stanowszy oczewiście urodzony pan Stephan Woderackij, imieniem iego mości pana Jerzego Niemirycza z Czerniechowa, podkomorzego Kijowskiego, pana swego, niżey opisaną zanosił manifestatią, iż iako prędko po szczęsliwey jego królewskiey mości pana naszego miłosciwego nad rebellizantami kozakami viktoryiey, jego mość pan podkomorzy Kijowsky, pan protestantis, przyiechał do maiętności swey, od jego mości pana starosty Owruckiego w summie pięciodziesiąt czterech tysięcy złotych polskich sobie zastawioney, to iest: miasta Łuhin, wsi Tesnowki, Głuchowey, Łuhinek, Terechow, Diwlina, tak zaraz rewizią uczynił y spustoszenia tey maiętności. Z miasta Łuhin ci poddani przecz poszli: Marko, Serhey Kosacz, Artuszenia, Chiłon, Stepan Primacharko, Rybczenia, Zdanko Krawiec, Misko Krzywopust, Michalec Czerednik, Andrzey Woronenko, Jasko Szapował, Andrzey Szczasko, Illa Kowzyk, Serhey Roszko, Chwedor Junakow, Opanas Kotlarz, Omelian Howik, Buraczko Ostap, Paweł Kotlarczenia, Iwan Będnarz, Denis Kosacz, Wasko Zbarazki, Mikita Krasnoszyiow, Moysiey Szwiec, Ostap Krawiec, Hryszko Pryma, Iwan Woron, Jakób Kortel, Swiec, Olexey Susło, Wasyl Tymoszenia, Iwan Kirykow zięć, Horey

Litewczyn, Ostap Winnik, Stephan Dołhinowiec, Ohey Deniskowiec, Iwan Marczaninow, Perechrysta Stephan, Wasko Szapował, Opanas Szczęsny, Honczar, Ianko Żdanenia, Stepan Neradek, Jarema Kowal, Trochim Swiec, Dmiter Kowal, Karp Łukaszow, Samuś Petrenia, Dołhopoły Chilko, Iwan Jałowy, Omelian Rochowicky, Klinasz Szewcow, Żitkowa doczka, Serhey Junak, Iwan Szyło, Janczycha wdowa, Roman Szepiel, Szczon wrotny, wdowa Belałycha, Andrzey Byczko, Matfey Kiryłow, Stephan Ganczarz, Lewon Wysoki, Martin Suchy, Iwan Szapował, Harasko Nowak, Mikołay Sałojad, Dawid Pryma, Stephan Zoniserow, Demid Marcirzyn Łysy, Iwan Soy, Daniło, Demian Daniłów, Iwan Hrebenik, Parchom Pochybły, Kostiuk Owsiow, Choma Winnik, Szczasny Litwinowicz, Daniło Zbarażki, Opanas Szabelnik, Fedor Moskal, Iwan Miałko, Roman Miałky, Hastwicha wdowa, Jakim Czortek, Michał Zima, Trochim Kolesniczenia, Marcin Szczerbaszyn, Rawlicha wdowa, Pilip Oydeienia Jaroszowski, Iwan Jaroszowski, drugi Dasjuk, Wodijata Lew, Wasko Trybuszek, Miakołowczyk Makar, Iwan Kożuszko, Wasko Oskrahow, Jakób Szapował, Kostiuk Kudakało, Stephan Zayko, Iwan Zubczenko, Iwanko Owsejow, Ostap Bogdanowic, Titko Porodczenia, Iwan Litwin, Matfey Bolsun, Hryszko Dubowik, Olexey Socky, Jurko Holadko, Hricko Rochowniczenia, Iwan Nikonczykow, Nikon Horbaczyk, Timosz Szczerbaszy, Denis Sobota, Stasycha wdowa, Hanneczka wdowa, Iwan Kucego syn, Semen Woyt, Chwiesko Klikun, Pilip Hreczenia, Karp Mokijenia, Fedor Sawostianenia, Opanas Homczyszyn, Semen Pohoriłko, Semen Nienka, Masiuczycha wdowa, Jacko Łarzyc, Prokop Bibosz, Jakub Bibosz, Semen Krawiec, Artin Czewerko, Łukasz Oliferow, Jachim Krawiec, Łazar Dubelenia, Ostapicha, Jasko Litwin, Michał Bobosz, Ostap Prozowiec, Bohdan Harzynsky, Ihnat Golan, Paweł u Pinczukowey chacie, Lewko Sowczenia, Iwan Tołsty, Hryszko Czysteńki, Kiryło Nowik, Olexey Netreba, Pilip Łobiszenia, Krysztoph Kozłowsky, Kotok strzelec, Weluczenia strzelec, Szłomija, Leyba Abramowicz, Azyk, Icko Dawidowicz, Icko Wielky, Morduchay Chaim, Sowa Zelmanycha, Abram Rzeznik, Korobeyka Icko, Swinia Coska, Leyb Rzeznik, Rabieńky Jasko, Chaim Dawidowicz, Abram Zielmanik, Jusko Penko, Nochim Jakuchno, Jakub Szłomiszyn brat. Summa poddanych, ktorzy przecz poszli z miasta Łuhin, sto sześć dziesiąt y dziewięć; z tych wytrąciwszy tych, co swieżą powchodzili w chałupy, czterdzieści i sześć, zostaie pustek realiter sto dwadzieścia y trzy, na których odchodzi czynszu trzysta ośmdziesiąt złotych y groszy pułtrzecia, podwodszczyzny odchodzi na tych że sto dziewięćdziesiąt złotych; ze wsi Łuhinek y Terechow poszed przecz Maxim Bumarenko, na którym odchodzi czynszu zło-

tych siedm y groszy pietnaście. Ze wsi Głuchowey ci poddani przecz poszli: Andrzey Radiwonow, Ihnat Sydorow zięć, Fedor Winnik, Kuźma Makarow, Jacko Ganczarz, Roman Metenenia, Fedor Berestenko, Sawa Berestenko, Jachim Koliky, Jowsey Lewonowicz, Fedor Berdniczenia, Jachim Chwedczenia, Jakow Panczenia, Iwan Opanasenia, Olexy Opanasenia, Andrzey Hawryłenko, Taras Kotow, Opanas Żołtobrzuch, Timosz Czerwa, Jochim Holakow, Maxim Stolarz, Trochim Petrenia, Piotr Moskal, bednarz Staś, Iwan bednarzow, Bogdan bednarzow, Hawrył Chomenko, Lewko Kozakowicz, Radko Kudelczyk, Koziel Petrenia, Hryszko Czerlezko, Iwan Holanka, Iwan Czeredniczenia, Jowdak Karmnego syn, Trochim Żołtobruszenia, Serhy Dolenczuk, Czerednik Szypiło, Daniło Trochim; summa chłopów, co przecz poszli z Głuchowey, czterdzieści y ieden, z którey summy wytrąciwszy tych, co swiżą powchodziło w chałupy, iedynascie, zostaie pustek realiter trzydzieści, na których czynszu odchodzi złotych dwieście dwadzieścia y sześć, podwodszczyzny złotych trzyrdzieści y pięć. Ze wsi Tesnowki ci poddani przecz poszli: Wasil Sorodczuk, Hryszko Wydowczenia, Fesko Wyhowczenia, Jowchim Kowal, Szylka Dołhinowiec, Kondrat Leszczenko, Trochim Sierkowiec, Maciej Daniakiewicz, Filon Wychowczenia, Matfey Olichwerow, Opanas Koliky, Onanko Sirkowiec, Karp Serhejow zięć, Hryszko Chwostińsky, Radko Chochol, Jacko Chochol, Fedor Dołhinowiec, Roman Naczanin, Markijan Bolsun, Borys Teresenia, Stephan Klimowicz, Fedor Sycz, Szostak Socky, Hryszko Krawiec, Kuzma, Jakim, Hryszko, Misko Kotasesenia, Opanas Klimenko, Opanas Romanow Deduszenia, Iwan Klimienia, Riaby Semen Jaroszenia, Borys Jaroszow zięć, Iwan Juskiewicz, Hawryło Dokadko; summa chłopow, co przecz poszli z Teśnowki, trzydzieście y pięć, z których wytrąciwszy tych, co swizą powchodzili w chałupy, iedynastu, zostaie pustek realiter dwadzieścia cztery, na których odchodzi czynszu złotych dwadzieścia y dwa y groszy pułpięta, podwodszczyzny złotych szesnaście. Ze wsi Diwlina poszli przecz ci poddani: Sawon Safanowicz, Prokop Bednarz, Kalenik Hłuszkowski, Trochim Chociniec Chwedor Kaska, Chociniec Serhy, Semen Kaszczyk, Misko Szynkarz, Demid Czechowicz, Olexey Moroz, Hryszko Morozenia, Roman Kuzmicz, Hawryło Miakałowicz, Wasko Onisczenia, Łukasz Kalko, Pilip Misko Jarowiec, Piotr Topiecha; summa chłopów, co przecz poszli z Diwlina, dziewiętnaście, z których liczby, wytrąciwszy tych, co swiżo powchodzili w chałupy, dwuch, zostaie pustek realiter siedmnaście, na których odchodzi czynszu złotych czterdzieści y ieden y groszy pietnaście, podwodszczyzny odchodzi złotych czternaście. Suma sumarum pustek we wszystkim kluczu Łuhinskim sto dziewięćdziesiąt

y pięć, a zosobna tych, co nowo osiedli, ośmdziesiąt, summa czynszu, który odchodzi na pustkach, złotych sześcset siedmdziesiąt y ośm y groszy cztery; podwodszczyzny odchodzi na pustkach złotych dwieście pięćdziesiąt y pięć. Nadto względem tego spustoszenia, arędą karczem y młynow taniey sześciąset złotych puścić się musiała. Która to manifestatia, aby do xiąg zapisana była, prosił,—co otrzymał.

Книга Житомирская городская, годъ 1651, № 20, стр. 134.

CLXXXI.

Жалоба паніи Потоцкой на пана Бачинскаго о томъ, что онъ, собравши отрядъ своевольныхъ людей, наѣзжалъ на ея имѣнія, грабилъ и истязалъ крестьянъ, подвергалъ ихъ пыткамъ и съ одного содралъ кожу. 1651 г., сентября 23.

Roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt pierwszego, miesiąca septembra dwudziestego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w zamku jego królewskiey mości Żytomirskim, przede mną Mikołajem Kotużyńskim, podstarościm Żytomirskim, stanowszy oczewisto szlachetny pan Jan Wieląga, sługa urodzonych ich mościów paniey Katarzyny Jankowskiego Floryanowey Potockiey y panow Jana Karola, rotmistrza jego królewskiey mości, y Konstantego Potockich, dziedziców dóbr Narodycz, jmieniem panów swoich pomienionych, jako skoro acta grodu ninieyszego Żytomirskiego po woynie kozackiey są odwarte, y protestuiący przyść mógł, soleniter świadczył y protestował się naprzeciwko panu Bazylemu Baczyńskiemu o to: yż pomieniony pan Baczyński, nie kontentuiąc się pirwszemi krzywdami, przykrościami, poddanych mordami, które, mieszkaiąc przy jeymości paniey Parchomowey Trypolskiey, jako pokrewney swoiey, poddanym jeymości paniey Potockiey y synom jeymości, także y samym, ale zaciągnowszy się pod chorągiew wołoską, tym lepiey y więcey y bezpieczniey —czynił; a potym, po rozgromieniu tey chorągwie, przywiązał się do chorągwie pana jana Ostrowskiego, rotmistrza, z którym, pod czas zpalenia y zpląndrowania miasta Narodycz, zostawał y compryncypałem między drugiemi uczynku tego był; ale iuż i po rozpuszczeniu chorągwie tey, nie dbaiąc nic

zgoła na boiaźń Bożą, ani ostrość y srogość prawa pospolitego y na winy prawne, owo zgoła puściwszy się na wszelaką swawolą, na ucciwe swe (?) nie respektuiąc, w roku tysiąc sześćset pięćdziesiątym pierwszym, w miesiącu juni dwudziestego dnia, różnych przybieraiąc do siebie ludzi swawolnych, jako ktorego czasu wiele mógł, coraz czaty po maiętności pomienionych protestuiących odprawuiąc, we wsi Nozdryszu Maxima Łukienenka, Byska Dziegciarza, na śmierć pozabiiał; we wsi Stawku, pitaiąc się o pieniądzach y maiętności, poddanego Michałka starego męczył, skore z niego od szyie aż do pasa, od piąt aż do kolan złupił, także i po rękach, y insze tyraństwa zadawał, aż umrzeć musiał; w Narodyczach Iwana Płakunenka w bok postrzelił y razów dwa w głowę ciął, ktory pod wątpieniem, aby żyw został; y insze wielkie, ciężkie y nieznośne contempty, poddanych bicie, mordy, męki zadawał, czynił, czyni y czynić nieprzestaie na wielky żal y contempt panów protestuiącego; który to żal, despect, utrapienie swoich urzędowi ninieyszemu opowiedziawszy, obiecuiąc o to prawnie czynić, panom swoim salwa melioratione ejusdem protestationis reservata, prosił, oby ta do xiąg przyięta była,—co otrzymał.

Книга Житомирская городская, записовая и поточная, № 20, годъ 1651—1652, стр. 182.

CLXXXII.

Жалоба пана Стефана Жабокрицкаго на пана Станислава Скоповскаго объ угнетеніи крестьянъ въ арендуемомъ имъ имѣніи жалобщика и о принужденіи священника къ отправленію крестьянскихъ повинностей. 1652 г., марта 1.

Roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt drugiego, miesiąca marca pierwszego dnia.

Przed urzędem i aktami niniejszemi grodzkiemi, Winnickiemi, i przede mną Semenem Postołowskim, burgrabią Winnickim, stanąwszy oczewiście urodzony jego mość pan Stefan Żabokrzycki, świadczył i manifestował się przeciwko urodzonym ich mościom panom Stanisławowi i Maryannie Dziakowskiego Skopowskim, małżonkom, w ten sposob: iż ich mość panowie

Skopowscy, małżonkowie, trzymając od manifestującego się pewnę część we wsi Żabokrzyczu, Torkowie i Sielnicy, zastawnym sposobem, gdzie nie powinni byli ich mość panowie Skopowscy, małżonkowie, powołowszczyzny, do której nie należeli, u poddanych tych brać, którę, w roku niedawno przeszłym, tysiąc sześćset pięćdziesiąt pierwszym pobrali różnego bydła, tak krów, jako i wołów, sto podwód, i z tychże majętności, tak w roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt pierwszym, jako i w roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt drugim, poddani nie powinni byli odprawować najdalej mil siedm, którzy teraz odprawuią mil trzydzieści. Popa, mieszkaiącego we wsi Torkowie, do którego nie należało, do swych posłuszeństw przyniewolaią i przyniewolili,—któremu zosobna wolne prawo zostawują. W ostatku, gdy odpowiadający się, chcąc, aby uboga maiętność, przez te uciążenie poddanych, nie była spustoszona i i do szczętu zniszczona, upominał się u jego mości pana Skopowskiego, żeby poprzestał tych krzywd poddanym Żabokrzyckim i innym nad inwentarz czynić; naco iego mość pan Skopowski powiedział: «wolno mnie nad poddanymi co chcieć to czynić;» nawet powiedział przed wielu ludźmi szlachcie dobrej: »że niech się ze mną i sam pan Żabokrzycki gdzie kolwiek nie spotyka.« O co się manifestujący przede mną, urzędem, opowiedziawszy, a zostawiwszy sobie wolną melioracyą i uczynienie protestacyej, prosił, aby ta jego manifestacya i opowiadanie do xiąg było przyjęto i i zapisano,—co i otrzymał.

Книга Винницкая гродская, записовая и поточная, № 4598, годъ 1652, листъ 38 на об.

CLXXXIII.

Жалоба пана Станислава Сарнецкаго на пана Александра Бочковскаго о томъ, что послѣдній напалъ на арендное его имѣніе Янковъ, которое совершенно разграбилъ а крестьянъ всѣхъ разогналъ. 1652 г., марта 25.

Roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt drugiego, miesiąca marca dwudziestego piątego dnia.

Przed urzędem i aktami niniejszemi grodzkiemi, Winnickiemi, i przede mną Semenem Podołowskim, burgrabią Winnickim, stanowszy oczewiście

urodzony jego mość pan Stanisław Sarniecki, żałobliwie świadczył i protestował się naprzeciwko urodzonym ich mościom panom: Alexandrowi Boczkowskiemu i Annie, pierwszego małżeństwa Alexandrowej Komarowej a terazniejszego tejże Boczkowskiej, jako pryncypałom uczynku niżej mianowanego, w ten sposob: iż przerzeczeni małżąkowie, nic się nie oglądając na prawo pospolite i winy w nim opisane, nie wiedząc (quo jure?) najechawszy na majętność, nazwaną Jankow, w roku przeszłym, tysiącznym sześćsetnym pięćdziesiątym pierwszym, miesiąca julii dwudziestego dnia, protestującemu się od zeszłego niebożczyka pana Jana Komara prawem zastawnym od trzech lat do trzech lat zawiedzione i służące, zajechał, tak szkody nieznośne poczynił, to jest: bydło, owce, konie, tak chłopskie jako i dworskie, samego protestanta, jako też i zboża gołe, tak chłopskie iako i dworskie, tysiąc kop, kocieł piwny ze wszystkim warsztatem, który kosztował sto i dwadzieścia złotych polskich, kotłów ośm gorzałczanych, dziewiąty zacieralny, bydła rogatego półtorasta, krów, drobiazgów i przybytków, owiec dwieście, pasieki półtrzecia stapniów, świni ośmdziesiąt, insze rzeczy ruchome, domowe, mianowicie: masła, syry, przędziwa i insze rzeczy domowe, koło gospodarstwa należące, wołów dworskich szesnaście, co w pługach dwornych chodzili; chłopów wszystkich rozegnali, których rozegnawszy, zboża wszystkie odbiegłszy kop cztyrysta, młóconego zboża miarek sto, bydła u tychże chłopów wziął trzydzieści, pszczół u tychże chłopów sto pniów, owiec pułtorasta, stada klacz dwadziescia wziął, stada młodych źrebiąt, roczniaków, dwuletnich, sześćdziesiąt, skrzynię wielką z płótnami i inszym rzeczami, pszona miarek dziesięć, jako o tym osobny regestr tego wszystkiego opiewa— zabrali i na swój pożytek obrócili; chłopów wszystkiej tej maiętności, prawem zastawnych protestantowi służącej, rozegnali i porozpędzali; owo zgoła wszystkie wieś, nieinaczej jakoby się nieprzyjaciel trzymał, spustoszyli. O co wszystko protestans iterum atque iterum opowiedziawszy się, a zostawiwszy sobie salve do czynienia szerszej protestacyej lubo poprawy tej terazniejszej inquantum by tego potrzeba ukazała, ofiarując się z nim o to in foro fori prawnie postąpić, teraz, na dowod tego wszystkiego, stawił woznego generała wojewodztwa Bracławskiego, Jana Osieckiego, który, w moc prawdziwej relacyi swojej, przyznał: iż on roku terazniejszego, tysiąc sześćset pięćdziesiąt drugiego, miesiąca januarii dwudziestego dnia, był na sprawie i potrzebie jego mości pana Sarnowskiego, nazwanej Jankowie; tamże, mając przy sobie szlachtę ludzi dobrych: Andrzeja, Panasa i pana Jana Niezłotowskiego, do majętności mianowanej przyjechawszy, spustoszenie tej majętności, które się stało przez ich mościów panów Alexandra Boczkowskiego i małżonkę jego

w tej protestacyej, wyżej opisanej, stało się, widział, oglądał i to do ich mościów panów Boczkowskich, małżonków, osiągłych; co iż tak a nie inaczej było, mianowane osoby prosili, aby to było przyjęto i do xiąg żapisano,— co i otrzymali. Stanisław Sarnowski.

Книга Винницкая гродская, записовая и поточная, № 4598, годъ 1652, листъ 75.

CLXXXIV.

Присяжное показаніе крестьянина пана Мясоцкаго о томъ, что въ селѣ Волицѣ изъ шести дворовъ остался жилымъ только одинъ. 1653 г., апрѣля 21.

Року тисяча шестсотъ пятдесятъ третего, месеца априля двадцатъ перьвого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною Еронимомъ Шалайскимъ, буркграбимъ Луцкимъ, и книгами нинешъними, кгродскими, Луцкими, становивши очевисто робочий Хвеско Вудниченя, подданый державы его милости пана Адама Мясоцкого, въ села Волицы, алиасъ Оличовъки, для записаня до книгъ нинешнихъ кгодскихъ, Луцкихъ, на одно подымное присегу выконалъ въ тые слова: »ижъ въ селе Волицы, алиасъ Олицовъце, болъшей дымовъ нимашъ, одно оденъ, а по квите его милости пана Бокия, поборцы прошлого, убыло шесть, съ которыхъ поддане одни вымерли, а другие прочъ пошли, такъ ми Пане Боже помози и невинъная мука Христуса Пана«. А просилъ при томъ, абы тая присега его была принята и до книгъ записана,—што отрымалъ.

Книга Луцкая гродская, поточная, № 2496, годъ 1653, листъ 741.

CLXXXV.

Объявленіе отъ имени наслѣдниковъ Быдгощскаго каштеляна, Станислава Соколовскаго, о запустѣніи имѣній ихъ Щепля и Войсича вслѣдствіе мороваго повѣтрія и бѣгства крестьянъ отъ жолнерскихъ притѣсненій. 1653 года, іюня 21.

Року тисеча шестсотъ пятъдесятъ третего, месяца іюня двадцетъ перваго дня.

На вряде кгродскимъ, въ замку его королевское милости Луцкимъ, передо мною Іеронимомъ Шалайскимъ, буръкграбимъ Луцкимъ, и книгами нинешними, кгродскими, Луцкими, становши очевисто шляхетный панъ Даніелъ Рафаловский, именемъ велможныхъ ихъ милости: панее Ядвикги Соколовского Станиславовое Циосновское, подчашиное Брысътъя Куявского, старостиное Дыбовское, и ее милости панее Анъны Соколовского, малжонки позосталое зошлого съ того света велможного некгды его милости пана Станислава Заполского, старосты Дыбовского, цорокъ, потомковъ и сукцесоровъ добръ зошлого некгды велъможного его милости пана Станислава Соколовского, кашталяна Бидъкгоского, старосты Дыбовъского, а посесорокъ добръ села Шепеля и Войсеча, манифестацию въ тотъ нижей описаный способъ заносилъ: ижъ по першихъ тыхъ добръ, которые въ рокахъ прошлыхъ, то естъ тисеча шестсотъ чотырдесятъ осмымъ, тисяча шестсотъ чотырдесятъ девятымъ, тисеча шестсотъ пятдесятымъ, тисяча шестсотъ пятдесятъ первымъ, стали се, дезоляціяхъ, о чимъ манифестацие, инъ реценти въ кгроде Луцкимъ занесеные, и возныхъ объдукціи ширей въ собе маютъ, тыежъ пречоные добра, село Войсичъ и село Шеплю, съ приселками, до нихъ належачими, въ року свижо прошълымъ, тысеча шестсотъ пятдесятъ вторымъ, въ месяцахъ сентебру, октобру, ноябру и декабру, подъ часъ срогого на Волыню пануючого повитря, што колвекъ есче было людей по першихъ инъкуръсіяхъ козацъкихъ и татаръскихъ и частыхъ переходахъ жолнирскихъ позостало, вси немалъ вымерли, а меновите въ селе Шеплю и селе Вольцы вымерли тыи подданыи, го-

сподари: Макаръ Кулицкий зъ сыномъ, Ясьченятовъ двухъ, Хома и Трохимъ, Степанъ Свиридко, Гаврило зъ сынами двома, Илько мелъникъ Шепелский зъ сыномъ, Моисей зъ сыномъ, Якимъ Рыбакъ зъ сынами двома, Яско Блошка, Хоцъ Баевъский, Данило зъ сыномъ, Грыцько Нагайчукъ зъ сыномъ, Грыцко Баевъский зъ сыномъ, Стефанъ Кгилисъ зъ сыномъ, Миско Поповичъ, Захарко Баевъский, Харко, Якимъ Бакулъчикъ, Андрей Юркасъ, Иванъ Мелникъ, Вулъченятовъ трохъ, Семенъ Юхненя зъ братомъ, Ониско Ветошка; а въ селе Войсечу: Тимошъ Васьченя. Презъ частые засъ переходы жолънирские, такъ въ року тысеча шестсотъ пятдесятъ вторымъ, яко и теперешнимъ, тисеча шестсотъ пятдесятъ третимъ, въ томъ же селе Войсечу господаровъ осмъ, презъ забранъе быдла и всихъ зберовъ и господарства, въ нивечъ спустошало, и пречъ се розошли для великого знисченя. Въ томъ же селе Войсечу жолънире розныхъ хорогвей, часто нападаючи, въ тыхъ же рокахъ, кони выбрали, меновите: у Ивана Марковича коня взяли, у Мартина Стругапика взяли коня, у Ивана Стругека коня, въ Опанаса Цепоровъца коня, у Стецихи клячу, у Ласина Голодка клячу, у Васька Масьченяты клячу, у Сырычка коня; быдъла засъ вси, же и ничого не зостало, такъже жолнире у подданыхъ побрали. Презъ которое вымартъе поддаными и презъ зубожене некоторыхъ, есче отъ поветра зосталыхъ, тые добра, село Войсиче и село Шепле, до остатнего пришли знисченя. А на доводъ того всего ставилъ комъпаренсъ возного енерала воеводства Волынъского, шляхетного Парфена Паниковъского, который, въ моцъ правдивое реляции своее, ку записаню до актъ нинешънихъ доброволне тыми словы созналъ: ижъ онъ такъ року прошлого, тисеча шестсотъ пятдесятъ второго, въ месецу декабру двадцатъ третего дня, яко и въ року теперешнемъ, тисеча шестсотъ пятдесятъ третимъ, месеца априля осъмнадцатого дня, маючи при собе сторону, шляхту, людей добрыхъ, пана Яна Срокгонъского а пана Олбрыхта Микулицкого, былъ въ селе Шепълю, въ селе Войсечу, тамъ же видилъ и огледалъ халупы пустые, въ которыхъ люде въ року прошлымъ, тисеча шестсотъ пятдесятъ вторымъ, въ мѣсяцу июлю и августу, мешкивали, а теперъ пустками стоятъ, а наличилъ тыхъ халупъ пустыхъ трыдцетъ осмъ. А кгды хлоповъ, тамъ

позосталыхъ — презъ што бы тые халупы попустошали? пыталъ,— повидили: ижъ презъ вымартъе подданыхъ, а другие презъ часътые переходы жолънирские, кгдыжъ у подъданыхъ кони, быдло выбрали, за которымъ таковымъ вымартъемъ подъданыхъ, зубоженъемъ оныхъ презъ частые переходы жолънирские и презъ выбранъе быдла, въ нивечъ, а въ нивечъ тые добра спустошали. Которое спустошенъе тыхъ добръ онъ, возный, видечи, пъляхтою, на тотъ часъ при собе будучою, осведчивши, съ тамътолъ одъехалъ, о чомъ реляцию свою сознавъши, о прынятъе ее посполу зъ манифестациею до актъ просилъ, — што отрымалъ.

Книга Луцкая гродская, записовая, № 2496, годъ 1653, листъ 1340.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Сознаніе Овручскаго намѣстника, Сенка Полозовича, о томъ, что дѣйствительно умершій панъ Левъ Тышкевичъ при жизни записалъ Николо-Пустынному Кіевскому монастырю четырехъ данниковъ, изъ имѣнія Скороднаго. 1498—1513 г., іюня 6 дня	1
II.	Инвентарь города Житомира, съ исчисленіемъ приписанныхъ къ нему селъ и земель, а также крестьянскихъ повинностей и даней. (1501) г.	2
III.	Запись Щастнаго Федоровича Полозовича Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю на данника съ землею и данью грошевою и медовою.	
	Привилегія короля Сигизмунда, подтверждающая означенную запись Щастнаго Полозовича. 1514—1529 года, октября 15 дня	6
IV.	Запись отъ Ивана Немирича Николо-Пустынскому Кіевскому монастырю на *человѣка* Алексѣя и земли. 1514—1559—1543 г., ноября 17 дня	7
V.	Листъ старосты Луцкаго, князя Федора Михайловича Чарторыйскаго, четыремъ мужамъ господарскимъ, Подгаецкимъ, объявляющій имъ, что «зъ росказаня господарского» они, вмѣстѣ съ ихъ дворами и повинностями, отдаются пану Ивану Подолянину. 1526 г. марта 1 дня	8
VI.	Листъ Луцкаго ключника, Богуша Мордвиновича, и Василія Шунки, опредѣляющій количество земель, слѣдующихъ къ одному изъ дворищъ с. Подгаецъ, пожалованныхъ королемъ въ вотчинное владѣніе пану Ивану Подолянину. 1528 г., сентября 21.	9

VII. Уставъ короля Сигизмунда I, данный державцамъ и урядникамъ королевскихъ имѣній, находящихся въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, съ изложеніемъ правъ и обязанностей ихъ относительно управленія этими имѣніями, а также сбора и распредѣленія доходовъ, и съ исчисленіемъ повинностей подданныхъ и взимаемыхъ съ нихъ поборовъ. 1542 года, между 27 мая и 15 іюня 11

VIII. Опись Брацлавскаго замка, съ исчисленіемъ приписанныхъ къ нему селъ и земель, а равно земянъ, бояръ и мѣщанъ, и съ указаніемъ на повинности, отправляемыя ими въ пользу замка. 1545 г., августа 21 дня 18

IX. Уставная грамота Луцкаго епископа, Юрія Фальчевскаго, опредѣляющая повинности крестьянъ Витебскаго костела (соразмѣрно съ повинностями другихъ крестьянъ Полоцкаго повѣта): денежныя, хлѣбомъ и другими продуктами и издѣльныя, а также и платежъ въ пользу урядника, съ тѣмъ, однако, чтобы послѣдній не судилъ старцевъ и мужей, и чтобы всякіе вины назначались съ ихъ вѣдома. 1547 г., сентября 8. . . 28

X. Уставъ о волокахъ чиншовыхъ и тяглыхъ, данный для имѣній королевы, находящихся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 1552 года, между 12-мъ августа и 5 сентября 30

XI. Предъявленіе панѣй Ириной Болбасовной закладной записи умершаго мужа своего, Прокопа Матвѣевича Угриновскаго, на имѣніе и крестьянъ, въ селахъ Коттищахъ и Велавску. 1554 г., октября 10 дня. . . 31

XII. Привиллегія короля Сигизмунда Августа князю Александру Ѳедоровичу Чорторыйскому на право заводить въ имѣніяхъ его Столовичахъ и Хиновичахъ мѣстечка, съ установленіемъ въ нихъ по одному торговому дню въ недѣлю, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы эти мѣстечка заселялись людьми вольными, похожими, а не отчичами и не невольниками. 1561 г., іюня 15 дня 34

XIII. Сознаніе вижа предъ урядомъ въ томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о пяти крестьянскихъ семействахъ, бѣжавшихъ изъ имѣнія пана Николая Дубровскаго, Моковичъ, въ имѣнія пана Петра Кир-

дея, Киселино и Твердыню, при чемъ вижъ объявляетъ, что на требованіе его о выдачѣ этихъ крестьянъ, урядникъ Киселинскаго имѣнія отказался исполнить оное. 1561 г., іюля 11 дня 36

XIV. Объявленіе земянина Романа Гулевича о бѣжавшихъ въ имѣніе княгини Любецкой его крестьнахъ. Урядъ посылалъ вижа вмѣстѣ съ урядникомъ Радошинскаго имѣнія, принадлежащаго Гулевичу, съ требованіемъ отъ Любецкой о выдачѣ бѣжавшихъ крестьянъ; но урядникъ Любецкаго замка отказался исполнить таковое требованіе. 1562 г., генваря 26 дня 38

XV. Жалоба земянки Анны Койленской на пана Михайла Ощовскаго за насильное отнятіе двухъ воловъ, которые по распоряженію жалобщицы были заграблены у двухъ крестьянъ ея »за выступокъ«. 1562 г., іюня 8 дня 39

XVI. Закладная отъ Михаила Ивановича Ощовскаго и жены его Маріи пану Гостирадовскому и женѣ его Аннѣ на крестьянъ имѣнія Ощова. 1562 г., декабря 24 дня. 40

XVII. Жалоба земянина Михаила Лабунскаго отъ себя и отъ имени брата своего, Криштофа, на Кременецкаго старосту, князя Николая Андреевича Збаражскаго, о томъ, что онъ дѣлаетъ наѣзды на ихъ имѣнія и разоряетъ ихъ, и, наконецъ, наслалъ вооруженную толпу людей, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые сожгли дворъ со всѣми постройками въ имѣніи жалобщиковъ, Микулинѣ, разорили мельницу, и затѣмъ опустошили села Микулино и Исачково, при чемъ захвачены были изъ этихъ селъ крестьяне съ ихъ семействами и имуществомъ. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ урядоваго вижа. 1563 г., февраля 24 дня 43

XVIII. Объявленіе вдовы пана Матѳея Сенюты и донесеніе уряду вижа о томъ, что крестьяне Сенюты, взбунтовавшись, убили его, а сами съ семействами и имуществомъ убѣжали. 1563 г., іюля 7 дня. 45

XIX. Жалоба отъ имени паніи Ѳедоры Загоровской на подстаросту Владимірскаго, Василія Гулевича, о томъ, что онъ незаконно присвоилъ себѣ право суда надъ крестьянами, данными отъ мужа Загоровской на Владимірскую богадѣльню, сажаетъ въ тюрму и притѣсняетъ ихъ. 1565 г., мая 2 дня 47

XX. Жалоба отъ имени ротмистра Мышки Варковскаго, на княгиню Анну Збаражскую о томъ, что по ея распоряженію, урядникъ ея, Станиславъ Усъ, ночью сдѣлалъ наѣздъ на имѣніе жалобщика, Серники, въ которомъ захватилъ пять крестьянскихъ семействъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ и переселилъ въ имѣніе Збаражской, Берестце; а затѣмъ когда былъ посланъ къ уряднику Усу слуга Мишки Варковскаго съ требованіемъ о выдачѣ бѣжавшихъ крестьянъ, то былъ избитъ, заключенъ въ оковы и посаженъ въ тюрьму. 1565 г., іюня 6 дня 49

XXI. Жалоба земянъ Кремянецкаго повѣта Еловицкихъ на князей Михаила, Максима и Александра Вишневецкихъ за самовольное устройство на ихъ земляхъ четырехъ селеній, разореніе ихъ имѣнія, наѣздъ сдѣланный княземъ Александромъ Вишневецкимъ на села, принадлежащія жалобщикамъ, Лановцы, Забужаны и Орѣшковцы, при чемъ крестьяне этихъ селъ были избиты и изувѣчены, одни изъ нихъ, въ числѣ семи человѣкъ, были захвачены и уведены Вишневецкимъ, другіе же разбѣжались, а крестьянское имущество было ограблено. 1565 г., іюня 10 дня 52

XXII. Запись отъ князя Александра Андреевича Сангушка-Коширскаго слугѣ своему, Перевѣскому, на имѣніе и крестьянъ, въ благодарность за вѣрную его службу, оказанную семейству кн. Сангушко-Коширскихъ. 1565 г., октября 2 дня 55

XXIII. Объявленіе земянина Ивана Леневскаго о томъ, что панъ Иванъ Чапличъ Шпановскій, получивъ съ него подать «серебщину», слѣдуемую съ имѣній Лынева, Цевова, Серхова и Колпытова, не возвратилъ ему оной, какъ бы слѣдовало на основаніи королевскаго листа, по которому повелѣно «серебщину» не взимать, а брать вмѣсто нея «поголовщину». 1566 г., мая 21 д. 58

XXIV. Рѣшеніе копнаго суда по дѣлу о воровствѣ, произведенномъ у крестьянъ имѣнія Любча, принадлежащаго подканцлеру великаго княжества Литовскаго, Евстафію Воловичу и женѣ его Аннѣ. Копа, для разслѣдованія этаго дѣла, собиралась три раза и приговорила оказавшихся виновными въ воровствѣ: Любечскаго урядника, Яна Нетецкаго, жену его Анну, а также Лаврика, изъ Богушовки,—къ повѣшенію. 1568 г., марта 6 дня 59

XXV. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ вмѣстѣ съ урядникомъ князя Романа Сангушка, священникомъ Іоакимомъ, ѣздилъ въ имѣніе княгини Настасіи Козики, ной гдѣ удостовѣрился, что дѣйствительно княгиня Козика велѣла схватить принадлежащаго Сангушкѣ крестьянина, Богдана, посадить въ тюрму и предать его пыткѣ, при чемъ ограблены были находившіеся при немъ деньги. 1568 г., мая 1 дня. 64

XXVI. Жалоба пана Николая Харлинскаго на княгиню Анну Соколинскую о томъ, что она въ половинѣ имѣнія Любча, купленномъ Харлинскимъ, притѣсняла и грабила крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ вознаго. 1568 г., ноября 14 д. 66

XXVII. Жалоба отъ имени пановъ Войтеха и Яна Каменецкихъ на Кременецкаго старосту, князя Михаила Збаражскаго, о томъ, что онъ, вопреки заключенному съ жалобщиками условію, выдавая бѣжавшихъ отъ Каменецкихъ въ его имѣніе 50 крестьянъ, задержалъ жонъ и дѣтей, а также и ихъ имущество; и когда крестьяне возвратились за своими семьями и имуществомъ, то Збаражскій и ихъ задержалъ, отпустивъ только изъ нихъ 18, самыхъ бѣднѣйшихъ, при чемъ взялъ у нихъ по волу и по копѣ грошей Литовскихъ съ каждаго, и отнялъ у нихъ послѣднее имущество. 1570 г., апрѣля 2 дня 70

XXVIII. Приговоръ къ повѣшенію крестьянина Волынскаго воеводы, князя Александра Чарторыйскаго, Куца, за воровство рогатаго скота; казнь сопровождалась пыткой, на которой онъ указалъ на сообщниковъ въ этомъ воровствѣ. 1570 г., апрѣля 19 дня. 72

XXIX. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ имѣніяхъ Сѣрадскаго воеводы, Альбрехта Ласскаго, въ селахъ Постойномъ, Чудлѣ и Бармакахъ, бывшихъ прежде во временномъ владѣніи пановъ Ѳедора и Яцка Гурковъ — Омелянскихъ, при чемъ мужи и подданые означенныхъ селъ объявили, что Гурки, узнавъ о предстоявшемъ переходѣ этихъ селъ къ Ласскому, отогнали въ свое имѣніе, Омеленое, скотъ и лошади, и захватили разное имущество. Кромѣ того мужи и подданные заявили жалобу, что Гурки дѣлали имъ притѣсненія и грабежи, вслѣдствіе чего они пришли въ бѣдность и разореніе. 1570 г., апрѣля 22 дня. . . 74

XXX. Листъ короля Сигизмунда-Августа Луцкому магистрату, предписывающій ему ненарушать прежнихъ привиллегій, на основаніи которыхъ подданные, принадлежащіе Луцкому костелу, изъяты изъ подъ его юрисдикціи. 1570 г., іюня 26 78

XXXI. Актъ продажи земяниномъ Владимірскаго повѣта, Тихномъ Васильевичемъ Радовицкимъ и женою его, Екатериною, дворянину Станиславу Краевскому части имѣнія Радовичъ. Въ числѣ документовъ, приведенныхъ въ этомъ актѣ, включена, между прочимъ, привиллегія короля Владислава отъ 1441 года, данная Дементію Тирику-Русину на село Родовичи. 1570 г., іюля 1 дня. 80

XXXII. Донесеніе возного по дѣлу о женщинѣ Улисѣ, обвиняемой въ покушеніи на отравленіе пана Андрея Добрипскаго и жены его. Обвиняемая объявила возному, что она взвела на себя это преступленіе вслѣдствіе истязаній и пытки, которой подвергнулъ ее Добрынскій. 1571 года, іюня 12 дня. 88

XXXIII. Жалоба отъ имени стольника великаго княжества Литовскаго, Николая Дорогостайскаго, на подкомораго Владимірскаго, Александра Семашка и жену его, Варвару, о томъ, что они переселили въ свое имѣніе, Коблино, два принадлежащія жалобщику крестьянскія семейства. 1572 г., апрѣля 16 д. 89

XXXIV. Дарственная запись отъ Холмскаго каштеляна, Николая Лысаковскаго, боярину Карпу Вакуличу на Супруновское дворище, съ освобожденіемъ его отъ всякихъ повинностей и работъ, кромѣ одной боярской службы. 1572 г., іюля 10 дня 91

XXXV. Инвентарь имѣнія Вышковскаго, съ исчисленіемъ бояръ и крестьянъ, а также ихъ дворовъ и огородовъ. 1572 г., октября 11 дня. 92

XXXVI. Донесеніе вознаго о томъ, что панъ Марко Борейко не допустилъ грабить крестьянъ священника Луцкаго, Герасима, за не отдачу »поседельного«. 1572 г., декабря 24 д. 94

XXXVII. Закладная на десять крестьянъ отъ земянина Луцкаго повѣта, Ивана Ивановича Ощовскаго, старостѣ Звинячскому, Леонарду Якубовскому. Въ закладной исчислены повинности этихъ крестьянъ, а также дани, съ нихъ взимаемыя. 1573 г., мая 7 дня. 97

XXXVIII. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознанія по дѣлу о наѣздѣ, произведенномъ паномъ Малхеромъ Еронимовичемъ Крупскимъ на Бортновское имѣніе, принадлежащее Холмскому каштеляну, Николаю Лысаковскому, при чемъ оказалось, что во время наѣзда Крупскій захватилъ съ собою одного панцырнаго боярина и отрубилъ ему голову, а также избилъ и изувѣчилъ крестьянъ, одного изъ нихъ заключилъ въ тюрьму, а имущество ихъ ограбилъ. 1577 г., генваря 11 дня 99

XXXIX. Донесеніе вознаго, о томъ, что онъ присутствовалъ при повѣшеніи крестьянина Васка, обвиненнаго въ воровствѣ и намѣреніи сжечь дворъ судьи земскаго Владимірскаго, Богдана Костюшковича. 1577 г., августа 1 д. 102

XL. Королевскій листъ, освобождающій крестьянъ князя Константина Острожскаго, въ опустошенныхъ татарами его имѣніяхъ, находящихся въ Кіевскомъ, Луцкомъ и Кременецкомъ повѣтахъ, отъ всякихъ поборовъ и податковъ на восемъ лѣтъ. 1578 г., марта 27 д. . . 104

XLI. Рѣшеніе гродскаго суда, присуждающее слугу пана Холоневскаго, Долмата, причинившаго побои и раны Владимірскому еврею, Хаиму Зетицу Хакову, къ уплатѣ послѣднему »навезки«—30 копъ грошей Литовскихъ; но такъ какъ Долматъ относительно этой уплаты оказался несостоятельнымъ, то, приговоромъ этимъ, онъ долженъ быть выданъ на выслугу еврею, на основаніи арт. 7., розд. 12. Литов. Стат. 1578 г., апрѣля 21 дня 106

XLII. Объявленіе пана Мартина Жулинскаго о томъ, что онъ освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости своего крестьянина »отчича«, Хведка Павловича, такъ какъ послѣдній далъ ему за себя окупъ. 1579 г., марта 24 дня 107

XLIII. Актъ ввода подстолія Волынскаго, Гаврила Прусиновскаго, во владѣніе имѣніемъ Григоровичами, съ исчисленіемъ крестьянъ этого имѣнія, а равно ихъ повинностей и даней. 1582 г., генваря 13 д. . . . 108

XLIV. Актъ ввода пана Александра Вороны Боротинскаго во владѣніе селомъ Мытищами. Въ актѣ этомъ исчислены крестьяне этого села и ихъ повинности. 1582 г., генваря 30 дня 110

XLV. Инвентарь имѣній: Конюховъ, Млынова, Бѣлополя, Кутъ, Деречина и Завидова, съ перечисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1582 г., марта 19 д. 111

XLVI. Списокъ крестьянъ »засѣлыхъ« и »данныхъ«, переуступленныхъ паномъ Станиславомъ Вороничемъ пану Богдану Стрибылю. 1582 г., марта 20 116

XLVII. Жалоба писаря земскаго воеводства Брацлавскаго, Северина Судимонтовича Кропивницкаго, на старосту Брацлавскаго и Винницкаго, Юрія Струся, о томъ, что онъ, съ вооруженнымъ отрядомъ въ числѣ 2000 человѣкъ, напавъ на принадлежащее ему село Скуринцы, выгналъ изъ него жалобщика, причинилъ побои женѣ его, ограбилъ имущество, и деньги »поборовые«, собранные съ обывателей Брацлавскаго воеводства, убилъ слугу жалобщика, и затѣмъ помянутое село Скуринцы, съ крестьянами тяглыми и огородниками, присоединилъ къ Брацлавскому старосту. 1582 г., марта 20 д. 117

XLVIII. Указъ Короля Стефана Баторія о томъ, что-бы старосты Кременецкій, Владимірскій и Луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, вооруженною рукою произвели взысканіе съ Адама, Станислава, Мартина и Яна Лащовъ—Стремелецкихъ для удовлетворенія князя Александра Пронскаго. 1582 г., іюня 9 дня. 126

XLIX. Объявленіе слуги князя Марка Сокольскаго, пана Матыса Хорковскаго, о томъ, что крестьяне села Кобча, ночью, заперевъ его жену, дѣтей а также челядь дворовую въ коморахъ и избахъ, сожгли дворъ, при чемъ сгорѣло его имущество, но семейство Хорковскаго и челядь спаслись,—сами же крестьяне, въ числѣ пятнадцати семействъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ бѣжали. 1582 г., ноября 4 д. 128

L. Закладная отъ князя Юрія Чарторыйскаго пану Валентію Понятовскому и женѣ его, Марынѣ, на имѣніе Дѣковъ. 1583 г., апрѣля 5 д.

LI. Указъ короля Стефана Баторія о томъ, чтобы старосты Кременецкій, Владимірскій и Луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, двинулись въ имѣніе князя Михаила Жаславскаго и вооруженною рукою произвели взысканіе съ него для удовлетворенія пана Яна Комницкаго и жены его, Екатерины, у которыхъ Жаславскій отнялъ имѣніе Оженино,

и кромѣ того, когда, въ слѣдствіе невыполненія судебнаго приговора объ удовлетвореніи Комницкихъ, двинулась, вмѣстѣ съ Луцкимъ намѣстникомъ, повѣтовая шляхта, то Жаславскій выстрѣлами отразилъ ее. 1583 г., іюня 20 дня 137

LII. Донесеніе возного о томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о нападеніи на жолнѣровъ, сдѣланномъ урядникомъ мѣстечка Березнаго, Парѳеномъ Новосельскимъ, священникомъ Березинскимъ, Григоріемъ, а равно крестьянами мѣстечка Березнаго и села Холоповъ, при чемъ оказалось, что одинъ изъ жолнѣровъ былъ убитъ, а нѣсколько слугъ были изранены. 1584 г., марта 15 д. 140

LIII. Жалоба хорунжаго земли Кіевской, Григорія Бутовича, на судича земскаго Кіевскаго, Матвѣя Немирича, о томъ, что Немиричъ, собравъ своихъ слугъ и крестьянъ изъ имѣнія Чернеховскаго, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, съ двумя гаковницами, наѣхалъ ночью на имѣніе жены жалобщика, мѣстечко Топорище, въ которомъ сжегъ фольварки и гумна, причемъ многіе крестьяне были убиты, одному крестьянину отрублены руки, имѣніе же было ограблено. 1584 г., сентября 16 дня 143

LIV. Жалоба Звегольскаго намѣстника, Василія Богдановича Ильинскаго и войта Корецкаго, Томила Манцевича, на Берестейскаго воеводича, Фридриха Тышкевича, о томъ, что онъ переманиваетъ къ себѣ изъ имѣнія Пулинъ крестьянъ, на условіяхъ двадцатилѣтней льготы отъ повинностей. 1585 г., марта . . . . дня 145

LV. Списокъ крестьянъ Житанскаго имѣнія, находящагося въ Владимірскомъ повѣтѣ, съ исчисленіемъ крестьянскихъ повинностей и даней. 1585 г., мая 26 дня 148

LVI. Жалоба поповичей Луки и Ивана изъ мѣстечка Межирича принадлежащаго Троцкому воеводѣ, князю Стефану Корыбутовичу Збаразскому, о томъ, что когда они возвращались вмѣстѣ съ своими семействами домой изъ Волыни, гдѣ они находились на службѣ, то по приказанію пана Григорія Колмовскаго, войтъ принадлежащаго послѣднему имѣнія Серкизова задержалъ ихъ со всѣмъ имуществомъ. 1585 г., іюля 12 д. . 150

LVII. Жалоба отъ имени воеводича Волынскаго, князя

Іоахима Богушевича Корецкаго, на войта и урядника имѣнія Вильска, принадлежащаго князю Константину Острожскому, о томъ, что когда бояре, гайдуки и слуги Корецкаго препровождали черезъ Вильскъ бѣжавшихъ отъ Корецкаго въ имѣніе Острожскаго крестьянъ, то упомянутые войтъ и урядникъ, съ Вильскими мѣщанами, перебили, утопили, а другихъ изъ этихъ бояръ и слугъ Корецкаго изувѣчили,—находившееся же при нихъ оружіе и лошади были ограблены. 1586 года, іюля 21 дня 152

LVIII. Рѣшеніе гродскаго суда, пріостанавливающее исполненіе приговора копы, составленной изъ Житомирскихъ мѣщанъ, по дѣлу Василія Случанина съ Ѳедоромъ Лукашевичемъ Случаниномъ о воровствѣ первымъ у послѣдняго денегъ. Урядъ постановляетъ это рѣшеніе на томъ основаніи, что право суда по этому дѣлу, по силѣ Литовскаго статута, принадлежитъ ему, уряду, а не копѣ. 1586 г., августа 24. 155

LIX. Объявленіе пана Мартина Межинскаго о томъ, что крестьяне села Колпытова, убившіе урядника Озерецкаго имѣнія, принадлежащаго Межинскому, Мартина Витковскаго, и причинившіе раны слугѣ Межинскаго, Григорію Костинскому, уплатили братьямъ Витковскаго головщину, а потому и возникшее по поводу этаго убійства дѣло—прекращается. 1586 г., сентября 24 дня 156

LX. Подписка, данная крестьяниномъ земянина Богдана Ивановича Стрибыла, Санковичемъ и его пасынкомъ Антономъ Марковичемъ, земянину Богдану Щеніевскому въ томъ, что, въ благодарность за освобожденіе послѣднимъ Санковича отъ смертной казни, которой онъ подлежалъ за воровство у Щеніевскаго жеребца, они обѣщаютъ на будущее время не дѣлать зла ни Щеніевскому, ни его пріятелямъ, ни крестьянамъ его, отдавая себя, въ случаѣ нарушенія этой подписки, въ полное распоряженіе и власть Щеніевскаго. 1587 г., марта 19 дня 158

LXI. Закладная старосты Луцкого, князя Александра Пронскаго, данная князю Янушу Жаславскому на мѣстечко Жуковъ и села къ нему принадлежащія, съ передачею Жаславскому права судить и казнить крестьянъ. 1587 г., апрѣля 13 дня. 160

LXII. Запись князя Станислава Радзивила слугѣ своему, Яну Горанну, на село Дубицы, два острова и восемъ волокъ. 1587 г., апрѣля 14 дня 166

LXIII. Жалоба отъ имени земянина земли Кіевской, Василія Сурина, на воеводу Волынскаго, князя Януша Острожскаго, и на князя Михаила Евстафіевича Ружинскаго, поссессора имѣнія Острожскаго, села Рублевки, о томъ, что Острожскій наслалъ Ружинскаго съ большимъ числомъ вооруженныхъ бояръ и крестьянъ на имѣніе Колодежное, принадлежащее Константину и Ѳедорѣ Шауламъ, находящееся въ опекѣ у Сурина, которые выстрѣлами изранили Сурина и слугъ его, при чемъ произвели грабежъ и, захвативъ двадцать четыре семейства крестьянъ, перевели ихъ со всѣмъ имуществомъ въ село Сапогово. 1587 г., апрѣля 29 дня 170

LXIV. Жалоба отъ имени воеводы Берестейскаго, Гаврила Горностая, на воеводича Берестейскаго, Фридриха Тышкевича, о томъ, что онъ, собравъ толпу своихъ слугъ и крестьянъ, въ числѣ около шестисотъ человѣкъ, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, напалъ на имѣніе Горностая, истопталъ лошадьми и возами хлѣбъ на полѣ, билъ и увѣчилъ крестьянъ, однихъ вѣшалъ, другихъ утопилъ, нѣсколько же крестьянъ пропало безъ вѣсти. При жалобѣ находится свидѣтельство вознаго отъ 4 августа, удостовѣряющее справедливость оной. 1587 г., августа 1 дня 175

LXV. Сознаніе вознаго по дѣлу о крестьянахъ пана Андрея Сыпгура изъ села Ноздрыша, ушедшихъ въ имѣніе князя Константина Острожскаго, мѣстечко Бѣлогородку. Одинъ изъ нихъ показалъ возному, что дѣйствительно, онъ, вмѣстѣ съ другими четырьмя крестьянами, уходилъ въ мѣстечко Бѣлогородку, но возвратился оттуда такъ какъ тамъ пашутъ плугами и для него по его бѣдности, это было отяготительно; подкоморій же Кіевскій, Харлинскій, ихъ не перезывалъ, и въ имѣніе его, Хабенское, они не заходили, а даже миновали его ночью, изъ опасенія, чтобы съ нихъ не взяли »мимоходчины«. 1587 г., ноября 13 дня . . 188

LXVI. Закладная подстолія Волынской земли, Криштофа Витвинского и жены его Александры, пану Максиму Ивановичу Лудовичу на имѣніе Хреново, съ передачею

ему права казнить крестьянъ смертью. 1588 г., февраля 9 дня 190

LXVII. Объявленіе сборщика чоповой подати, Якуба Лысаковскаго, о томъ, что вслѣдствіе наѣзда войскаго Луцкаго, Яна Журавницкаго, на мѣстечко Свинюхи, жители оного разбѣжались и мѣстечко опустѣло, почему и подать чоповая не можетъ быть съ означенныхъ жителей собрана. 1588 г., сентября 5 дня.

Донесеніе вознаго по этому же дѣлу. 1588 г., сентября 5 дня 199

LXVIII. Инвентарь имѣнія Верхова, съ исчисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1589 г., сентября 7 дня 200

LXIX. Объявленіе пана Кирилла Зубцовскаго о бѣгствѣ священника изъ принадлежащаго ему имѣнія Подгайцовъ, Василія Владычки, который при этомъ захватилъ съ собою евангеліе, ризы и другія церковныя принадлежности; кромѣ того, увелъ съ собою урядника Подгаецкаго имѣнія съ его семействомъ. 1590 г., генваря 4 дня 202

LXX. Инвентарь имѣній: Коильна, Свойчова, села Волицы и двора, находящагося во Владимірѣ, съ исчисленіемъ крестьянъ, ихъ повинностей и даней. 1590 г., февраля 12 дня 203

LXXI. Рѣшеніе гродскаго суда по дѣлу о боярынѣ Сакѣ, жаловавшемся на пана Ивана Волынца Чернчицкаго о томъ, что послѣдній причинилъ ему побои, присвоилъ себѣ его имущество и заключилъ жалобщика въ тюрьму. Судъ, выслушавъ показанія пана Ивана Волынца Чернчицкаго, отрицавшаго за бояриномъ Сакомъ право иска, тотъ какъ онъ собственный его крестьянинъ, а равно и возраженія на это уполномоченнаго отъ упомянутаго боярина, опредѣлилъ—передать дѣло на рѣшеніе Люблинскаго трибунала. 1590 г., августа 14 дня 208

LXXII. Приговоръ къ повѣшенію крестьянина князя Константина Острожскаго, Ювка, за покупку завѣдомо краденой лошади, принадлежащей крестьянину имѣнія Суходольскаго, Гацу Борисовичу. Въ судѣ участвовали кромѣ шляхты, »вѣрные«, мѣщане Владимирскіе. 1590 г., ноября 18 дня 211

LXXIII. Показаніе крестьянъ селъ: Порцка, Жмучи, воли Жмуцкой и др. по дѣлу, возникшему между панами Василіемъ Еловичемъ Малинскимъ и Павломъ Вышинскимъ о спорной нивѣ, находящейся въ урочищѣ Бабья Криница; крестьяне, между прочимъ, указываютъ на то, что за нѣсколько лѣтъ назадъ, была собираема громада изъ околичныхъ селъ, которая производила »опытъ« по дѣлу оворовствѣ на этой нивѣ рѣпы и пшеницы. 1591 года, ноября 20 дня . . . 215

LXXIV. Жалоба отъ имени епископа Луцкаго и Острожскаго, Кирилла Терлецкаго, на князя Григорія Сангушка Коширскаго о томъ, что онъ наслалъ Каменецкаго арендатора, еврея Пейсаха, на находящееся у Терлецкаго въ залогѣ отъ Сангушка Коширскаго село Ворокомлю, который арендаторъ, находясь въ этомъ селѣ нѣсколько дней, грабилъ у крестьянъ деньги будто бы за раны, причиненныя одному изъ крестьянъ. 1592 г., октября 25 дня 217

LXXV. Жалоба отъ имени епископа Луцкаго и Острожскаго, Кирилла Терлецкаго, на князя Григорія Сангушка Коширскаго о томъ, что онъ наслалъ своего Каменецкаго арендатора, еврея Песаха, на находящееся въ залогѣ у Терлецкого село Ворокомлю, который еврей въ этомъ селѣ производилъ судъ надъ крестьянами, отобралъ у одной вдовы крестьянки землю и отдалъ ее другимъ крестьянамъ. 1592 г., ноября 15 дня. 219

LXXVI. Запись земянина Павла Тимофеевича Пузовскаго, которою онъ освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости своего крестьянина Федора Даниловича. 1593 г., марта 15 дня 221

LXXVII. Инвентарь имѣній, принадлежащихъ панамъ Евстафію, Юрію, Петру и Александру Тышкевичамъ Логойскимъ, находящихся въ Житомирскомъ повѣтѣ, Кіевскаго воеводства, съ исчисленіемъ крестьянъ и мѣщанъ и ихъ повинностей. 1593 года, октября 7 дня. 223

LXXVIII. Запись отъ князя Петра Владиславовича Збаражскаго пану Николаю Вонсовичу и еврею Ново-Збаражскому, Евфраиму, на отдачу имъ въ арендное содержаніе мѣстечка Новаго Збаража и селъ, къ нему принадлежащихъ. 1593 года, декабря 27 дня 233

LXXIX. Листъ воеводы Кіевскаго, князя Константина Острожскаго, митрополиту Кіевскому и Галицкому, Ми-

хаилу Рогозѣ, о томъ, чтобы онъ явился къ суду по дѣлу о бѣжавшихъ отъ маршалка Рѣчицкаго повѣта, Андрея Халецкаго, трехъ крестьянскихъ семействахъ, поселенныхъ въ Кіевѣ, на горѣ, возлѣ церкви св. Софіи. 1594 г., февраля 25 дня 240

LXXX. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ производилъ дознаніе по дѣлу о воровствѣ разнаго имущества, сдѣланномъ въ селѣ пана Пересецкаго, Скалинѣ, крестьянами имѣнія Красносельскаго, находящагося во владѣніи пана Филона Ласка. Возный доноситъ, между прочимъ, что прежде по дѣлу о воровствѣ разныхъ вещей въ мельницѣ, находящейся въ селѣ Шепетовкѣ, громада этого села дѣлала »слѣдъ«, и пришла было къ дому Ласка, находящемуся въ с. Скалинѣ; но панъ Ласко сталъ грозить громадѣ, и, оскорбивъ ее бранными словами, »слѣдъ« уничтожилъ. 1594 г., сентября 1 дня 241

LXXXI. Инвентарь м. Веледникъ и принадлежащихъ къ нему селъ, составленный при отдачѣ этого имѣнія княгиней Богданой Филоновной Друцкой-Горской въ залогъ мужу своему, князю Юрію Друцкому-Горскому. 1595 г., іюня 17. 244

LXXXII. Жалоба слуги князя Януша Острожскаго, Станислава Ножовскаго, на управляющаго имѣніемъ Луцкаго гродскаго судьи Матвѣя Стемпковскаго, Чаруковымъ, Матвѣя Яроцкаго, о томъ, что онъ напалъ на Ножовскаго при проѣздѣ его черезъ Чаруковъ, заключилъ въ тюрьму нѣсколько крестьянъ Острожскаго, а двухъ сжегъ на кострѣ въ полѣ, на курганѣ. 1596 г., марта 10. 254

LXXXIII. Слѣдствіе и распросъ громадъ по дѣлу объ убитомъ панцырномъ боярине Бакшіѣ. Приговоръ къ уплатѣ громадами, неявившимися на копу, головщизны брату убитаго Бакшія 1596 года, апрѣля 17 дня 255

LXXXIV. Королевскій указъ коморнику Яну Чернчицкому о томъ, чтобы онъ произвелъ дознаніе по дѣлу о разореніи и сожженіи княземъ Кирикомъ Ружинскимъ »осадъ« принадлежащихъ Кіевскому епископу. 1596 г., сентября 7 дня 258

LXXXV. Королевскій указъ князю Кирику Ружинскому, состоявшійся по жалобѣ епископа Кіевскаго, Іосифа Верещинскаго, о томъ, чтобы Ружинскій сдѣлалъ надлежащее удовлетвореніе по дѣлу объ ограбленіи иму-

щества Верещинскаго, а ровно и церковныхъ вещей изъ костела въ селѣ Новомъ Верещинѣ, сожженіи мѣстечка Плисова и ограбленіи крестьянъ. 1596 г., сентября 7 дня 260

LXXXVI. Запись Кіевскаго епископа Іосифа Верещинскаго пану Николаю Шадурскому на урочище Дорогинку. Шадурскій этою записью назначается »осадцею« и войтомъ слободы, учреждающейся на этомъ грунтѣ. 1598 г., генваря 1 дня 261

LXXXVII. Запись отъ пана Яна Дмитріевича Курцевича-Булыги еврею Аврааму Якубовичу на отдачу ему въ арендное содержаніе селъ: Туранъ, Вербнаго и Новоселокъ, съ передачею ему права казнить крестьянъ смертію. 1598 года, марта 11 дня 263

LXXXVIII. Объявленіе Черничицкихъ крестьянъ о томъ что по дѣлу о воровствѣ лошади у крестьянки Пелагеи Сачковой была собираема копа, которая не постановила своего окончательнаго приговора, такъ какъ Сачкова объявила, что переноситъ дѣло на рѣшеніе гродскаго уряда. 1598 г., іюля 6 дня 270

LXXXIX. Объявленіе судьи гродскаго Владимірскаго, Демьяна Павловича, о томъ, что слуга его, Станиславъ Доманскій, обокравъ какъ его, такъ равно и другого слугу, Мартина Ястрембскаго, бѣжалъ въ Венгрію. Павловичъ проситъ о выдачѣ означеннаго Доманскаго, для совершенія надъ нимъ казни, ѣдущему въ Венгрію пану Лукѣ Вилковскому. 1599 г., апрѣля 27 дня . . 272

XC. Жалоба слуги Виленскаго тіуна Яна Паца, пана Мартина Сташкевича, на пана Вацлава Еловича-Малинскаго о томъ, что урядникъ имѣнія его Ивачковскаго, Вербята, съ боярами, слугами, цыганами и крестьянами, ночью переселилъ изъ села Волицы въ имѣніе Малинскаго, Ивачково, девять крестьянскихъ семействъ, и что когда послана была за ними погоня, вмѣстѣ съ возвнымъ, то Вербята вооруженною рукою отразилъ оную а означенныхъ крестьянъ ограбилъ. 1600 г., іюля 22 дня 274

XCI. Рѣшеніе копнаго суда по дѣлу о воровствѣ у мѣщанина Клима Трушковскаго стога ржи. Копа опредѣлила: взыскать убытки, понесенные Трушковскимъ отъ этого воровства, съ крестьянъ села Козина, какъ

неявившихся на копу и отказавшихся вывесть »слѣдъ«. 1601 года, марта 10 дня 280

XCII. Арендный листъ князя Григорія Сангушка Коширскаго и жены его Софіи евреямъ Аврааму Шмойловичу Турейскому и Гецу Перцовичу Торчинскому на городъ Гороховъ и села: Старый Гороховъ, Озерцы Рачинѣ, Марковичи, Конюхи, Куты, Бѣлое Поле, м. Перемиль, села: Смоляву и Вербыни, съ передачею этимъ евреямъ права казнить крестьянъ смертью. 1601 года, августа 29 дня 283

XCIII. Донесеніе возныхъ Луцкому гродскому суду объ осмотрѣ ими мѣстечекъ и селъ Луцкаго повѣта, опустошенныхъ и сожженныхъ татарами; по свидѣтельству возныхъ въ этихъ поселеніяхъ жителей вовсе нѣтъ. 1601 года, декабря 7 дня 289

XCIV. Жалоба князя Юрія Воронецкаго на князя Матыса Воронецкаго, жену его Настасію и зятя ихъ Ивана Болбаса о томъ, что они ограбили и разогнали крестьянъ села Щурина и самое село сожгли. 1604 г., генваря 24 дня 292

XCV. Жалоба отъ имени Волынскаго каштеляна, Михаила Мишки Варковскаго на пана Албрехта Речицкаго о томъ, что послѣдній разорилъ находившееся въ заставномъ его владѣніи имѣніе Серники, угнеталъ крестьянъ, вслѣдствіе чего они разбѣжались. 1604 г., мая 11 дня 295

XCVI. Копной судъ по дѣлу о воровствѣ у крестьянина села Домашева, Ивана Крачковича, коня. 1604 г., іюля 8 д. 296

XCVII. Жалоба Соколовскихъ и Михалковскихъ крестьянъ на пана Александра Воронича и жену его Евдокію о томъ, что они наслали сына своего Филона съ толпою вооруженныхъ людей въ нѣсколько сотъ человѣкъ, который ограбилъ ихъ имущество, истязывалъ крестьянъ, повѣсилъ нѣсколько крестьянъ и бояръ, вслѣдствіе чего села Михалково и Соколово опустѣли. 1605 года, мая 9 дня. — Донесеніе возныхъ по тому же дѣлу. 1605 г., мая 13 дня 302

XCVIII. Донесеніе вознаго по дѣлу объ опустошеніи села Молчановскаго, сожженіи хуторовъ, истязаніи и ограбленіи крестьянъ; возный удостовѣряетъ, что это сдѣлано по распоряженію старосты Грежапскаго, пана Мартина Миховского, и что независимо всего этого поставлены были еще на дорогѣ висѣльницы. 1605 г., іюня 11 дня 308

XCIX. Объявленіе пановъ Щеніевскихъ о томъ, что они не могутъ внести съ своего имѣнія Щеніева опредѣленныя Варшавскимъ сеймомъ 1606 года подати съ крестьянъ, такъ какъ татары опустошили ихъ имѣніе, при чемъ одни изъ крестьянъ погибли, другіе же захвачены въ плѣнъ. 1606 года, іюля 3 дня . . . 310

C. Объявленіе отъ имени пана Александра Орды о бѣгствѣ крестьянъ изъ его имѣнія Цминя въ Степанскую волость, принадлежащую князю Константину Острожскому. 1606 г., іюля 12 дня 311

CI. Актъ измѣренія имѣнія Ружинскаго, съ исчисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей, 1606 г., августа 28 дня 313

CII. Инвентарь села Витковичъ, съ исчисленіемъ даней взимаемыхъ съ крестьянъ. 1606 г., сентября 21 дня 337

CIII. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ собиралъ свѣдѣнія относительно участи бѣглыхъ слугъ пана Войтеха Кгешковскаго; оказалось, что одинъ изъ нихъ, Павелъ Ложковскій, былъ пойманъ въ с. Сатыевѣ и выданъ Кгешковскому, который собралъ сосѣднихъ пановъ для суда надъ нимъ, и они приговорили Ложковскаго къ смертной казни, вслѣдствіе чего онъ и былъ повѣшенъ. 1606 г., декабря 10 дня 338

CIV. Арендный листъ пани Александры Еловицкой Дубенскимъ евреямъ, Мошку Ицковичу и Айзику Юсковичу, на имѣніе Микитичи, съ крестьянами, мельницами, ставами и корчмами. 1607 г., января 1 дня . 340

CV. Донесеніе вознаго о томъ, что по дѣлу о воровствѣ крестьянами пана Ивана Кукольского у крестьянъ Брацлавскаго воеводы, Яблонецкихъ, свиней, и у крестьянъ брата Кукольского, Петра, овецъ, былъ собранъ копный судъ; но упомянутый Иванъ Кукольскій обвиненныхъ въ этомъ воровствѣ своихъ крестьянъ на копу не поставилъ и, кромѣ того, причинилъ Петру Кукольскому, ѣхавшему на копу, побои. 1607 года, февраля 9 дня 345

CVI. Объявленіе пана Бабинскаго о томъ, что онъ собиралъ третейскій судъ надъ слугою своимъ Станиславомъ Пяновскимъ, обвиняемымъ въ сожженіи двора крестьянина Шулгана; судъ постановилъ, чтобы Пяновскій принялъ очистительную присягу, но обвиняемый этого не выполнилъ. Возный подтверждаетъ всѣ эти обстоятельства. 1609 года, января 13 дня 347

CVII. Жалоба князя Іоахима Корецкаго и жены его, княгини Анны, на князя Романа Ружинскаго и жену его, княгиню Софію, о томъ, что они, соединившись съ другими панами и собравши шеститысячный вооруженный отрядъ, напали на имѣніе Корецкихъ, мѣсто Черемошку, взяли приступомъ тамошній замокъ, убили многихъ жителей, а остальныхъ ограбили, мѣстечко же и замокъ сожгли дотла. 1609 года, февраля 3. 349

CVIII. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ с. Серникахъ, принадлежащемъ пану Гулевичу и находящемся въ арендѣ у пана Идзиковскаго; здѣсь онъ засталъ и Гулевича, а Идзиковскій заявилъ ему жалобу на Гулевича, что послѣдній поселился въ имѣніи, отданномъ имъ въ аренду, неправильно пользуется разными его доходами и заставляетъ крестьянъ работать на себя, грозя въ противномъ случаѣ вѣшать ихъ по окончаніи срока аренды. 1607 г., іюля 14 353

CIX. Жалоба отъ имени Жидичинскаго архимандрита Гедеона Балабана о томъ, что крестьяне князей Юрія и Криштофа Збаражскихъ выселили изъ монастырскаго села Жидичина два крестьянскія семейства, при чемъ, когда были посланъ за бѣглецами въ погоню шляхтичъ съ тремя боярами, то крестьяне Збаражскихъ избили ихъ и ограбили у нихъ лошадей, а равно находящееся при нихъ имущество. 1609 г. марта 10 дня 355

CX. Объявленіе отъ имени пана Стефана Немирича о томъ, что крестьянинъ села Вересовъ, Грицко, оказался по распросу его предъ копнымъ судомъ невиновнымъ въ покражѣ коня у ночевавшаго у него слуги Немирича, и что Немиричъ никакой претензіи объ этомъ къ нему не имѣетъ. 1609 г., іюля 5 360

CXI. Объявленіе вдовы крестьянина Грицихи о томъ, что она получила головщину съ убійцы своего мужа и освобождаетъ его, поэтому, отъ всякой отвѣтственности за убійство, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ, сверхъ уплаты головщины, выполнялъ за убитаго всѣ его повинности въ теченіи четырехъ лѣтъ. 1611 г., февраля 24. 361

CXII. Рѣшеніе Люблинскаго трибунала, осуждающее пана Мартина Межинскаго на смертную казнь, за нападеніе на имѣніе пана Вилгорскаго с. Капустынъ, истязаніе и ограбленіе крестьянъ, разрушеніе ихъ хатъ, и

за нападеніе потомъ въ дорогѣ на самаго Вильгорскаго, ограбленіе его и убійство его слуги. 1611 г., апрѣля 13 362

CXIII. Условіе объ отдачѣ Львовскимъ подкоморіемъ, Станиславомъ Каменецкимъ, въ аренду панамъ Ганецкимъ свого имѣнія, сс. Жуковецъ и Горзвина. 1611, апрѣля 18 368

CXIV. Арендный листъ отъ Брестскаго воеводича, Фридриха Тишкевича, пану Григорію Чернику, на городъ Бердичевъ и села Быстрикъ и Жидовцы. 1611 г., сентября 1 371

CXV. Жалоба Брестскаго воеводича, Фридриха Тишкевича, на Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о томъ, что Острожскій наслалъ вооруженный отрядъ на земли Тышкевича, которыми онъ самовольно завладѣлъ и основалъ тамъ слободу »Новый Пыковъ«, чѣмъ совершенно преградилъ всѣ выѣзды изъ города Махновки. 1611 г., октября 22. 376

CXVI. Объявленіе отъ имени Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о томъ, что во время набѣга татаръ ими опустошены и разорены его имѣнія въ Острожской волости, а жители ихъ частію убиты, частію уведены въ плѣнъ. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ опустошенныхъ имѣній. 1617 г., октября 12. 380

CXVII. Жалоба отъ имени князей Константина и Януша Острожскихъ на поручика роты Тлумацкаго старосты, Яна Потоцкаго,—Росновскаго и другихъ жолнеровъ той же роты, о нападеніи на имѣніе Острожскихъ, мѣстечко Козминъ, при чемъ мѣщане тамошніе были ограблены, избиты и изранены, а два изъ нихъ убиты. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ убитыхъ и раненыхъ. 1617 г., декабря 1. 383

CXVIII. Жалоба пана Василія Вороны на пана Семена Городискаго о нарушеніи послѣднимъ контракта, по которому онъ отдалъ Воронѣ въ аренду имѣніе свое Городище. Донесеніе вознаго о убыткахъ, понесенныхъ Вороною. 1618 г., марта 12. 387

CXIX. Жалоба отъ имени пана Рафаила Лещинскаго на князя Януша Острожскаго о томъ, что онъ наслалъ урядника своего, Ивана Грузевича, съ толпою слугъ, бояръ и мѣщанъ Лугинскихъ, на принадлежащую жалобщику слободу Ушицу, который урядникъ, поставивъ въ слободѣ двѣ висѣльницы, велѣлъ бывшимъ съ нимъ

боярамъ таскать къ ней привязанныхъ веревками за шею Ушицкихъ крестьянъ, которые здѣсь же подъ висѣльницами подверглись жестокому истязанію; кромѣ того—имущество крестьянъ было ограблено, а сѣнокосы, поля и руды затоплены. 1618 г., іюня 3 дня . 390

CXX. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ ввелъ пана Матчинскаго во владѣніе имѣніемъ Бѣлымъ-Стокомъ, отданнымъ ему въ аренду паномъ Бялостоцкимъ. 1619 года, февраля 22. 393

CXXI. Заявленіе поручика Бараша и другихъ служилыхъ татаръ о томъ, что князь Янушъ Острожскій, нанявъ ихъ на время на свою службу, не хочетъ отпускать ихъ отъ себя и желаетъ ихъ за собою »заневолить«. 1619 г., апрѣля 2 396

CXXII. Жалоба пана Чолганскаго на панію Кашевскую о нарушеніи ею контракта, по которому она арендовала ему свои имѣнія Острожецъ и Заболотье и о притѣсненіи ею тамошнихъ крестьянъ, которые вслѣдствіе того стали разбѣгаться. 1619 г., апрѣля 24. . . . 398

CXXIII. Жалоба отъ имени Жидичинскаго архимандрита, Гедеона Балабана, и всей братіи Жидичинскаго монастыря на князя Самуила Корецкаго о нападеніи на монастырскія имѣнія: Буремецъ, Подгайцы и Сапоговъ, и ограбленіи тамошнихъ крестьянъ. Донесеніе возныхъ, подтверждающее жалобу. 1619 г., апрѣля 26 . . . 399

CXXIV. Донесеніе возныхъ объ осмотрѣ ими опустошеній, произведенныхъ панами Ганецкими въ имѣніи Новоселкахъ, арендуемомъ ими у Луцкаго земскаго писаря, Войтеха Станишевского, и объ угнетеніи ими тамошнихъ крестьянъ. 1619 г., мая 14. 409

CXXV. Объявленіе княгини Анны Порицкой объ опустошеніи татарами имѣній ея: Буглова, Охришковичъ, Плиски, Кутыщъ, Коростовы и Печорной. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ этихъ опустошенныхъ имѣній. 1619 г., мая 14. 412

CXXVI. Присяжное показаніе атамановъ изъ имѣній жены Волынскаго воеводы, князя Острожскаго, объ опустошеніи татарами Полонской и Остропольской ея волостей. 1619 г., мая 15 413

CXXVII. Донесеніе вознаго объ опросѣ имъ пойманныхъ крестьянъ села Терешковца о причинѣ бѣгства ихъ оттуда, при чемъ крестьяне эти показали, что они

ушли вслѣдствіе притѣсненій ихъ арендаторомъ, панóмъ Ржичовскимъ. 1619 г., мая 15 414

CXXVIII. Присяжное показаніе атамановъ изъ имѣній Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, объ опустошеніи татарами его имѣній, волостей: Острожской, Дубенской, Базалійской, Красиловской и Константиновской. 1619 г., мая 18 415

CXXIX. Объявленіе отъ имени князя Януша Острожскаго объ опустошеніи татарами имѣній его въ Острожской и Березовской волостяхъ. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ опустошенныхъ имѣній. 1619 г., мая 22 417

CXXX. Жалоба пана Адама Кукольскаго на пана Матвѣя Тиминскаго о томъ, что онъ, арендовавъ имѣніе жалобщика, село Кононичи, притѣснялъ и угнеталъ крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. 1620 г., февраля 29 дня 419

CXXXI. Жалоба отъ имени Луцкаго епископа, Андрея Липскаго, на пановъ Юрія и Василія Микулинскихъ—Мелешковъ о томъ, что они съ жолнерами сдѣлали наѣздъ на принадлежащія Луцкому капитулу волости Торчинскую и Садовскую, въ которыхъ били, увѣчили и грабили крестьянъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ разбѣжались. 1620 г., апрѣля 25 дня 421

CXXXII. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ селѣ Козлиничахъ, принадлежащемъ князю Юрію Жаславскому, при чемъ удостовѣрился, что вслѣдствіе угнетенія и ограбленія крестьянъ со стороны подсудка Хелмскаго, Фридриха Подгороденскаго, они съ семьями и имуществомъ ушли изъ села, и оное опустѣло. 1622 г., апрѣля 14 дня 424

CXXXIII. Жалоба пана Марка Гулевича на Минскаго воеводича, Казиміра Паца, о томъ, что онъ, собравъ толпу около тысячи человѣкъ людей изъ шляхты, лисовщиковъ, боярь, мѣщанъ и крестьянъ своихъ имѣній, Чорторыйска и Володимерки, напалъ на село жалобщика, называемое Окно, оное взялъ штурмомъ, сжегъ панскій дворъ, корчму и крестьянскія хаты, убилъ нѣсколькихъ слугъ — шляхтичей, при чемъ одному изъ нихъ велѣлъ отрубить голову, ограбилъ имущество какъ жалобщика, такъ и крестьянъ села Окна, и оное совершенно разорилъ и опустошилъ; кромѣ того убилъ

нѣсколькихъ крестьянъ, трупы которыхъ были брошены въ огонь, а другихъ изъ крестьянъ велѣлъ повѣсить. 1622 г., іюля 8 дня 427

CXXXIV. Жалоба паніи Чолганской на старосту Межирицкаго, пана Радзиминскаго, о томъ, что онъ не оказалъ помощи людямъ, посланнымъ въ погоню за крестьянами Чолганской, уведенными неизвѣстными людьми, когда ихъ догнали въ Межиричѣ. Возный подтверждаетъ справедливость жалобы. 1623 г., февраля 7 438

CXXXV. Жалоба пана Незабитовского, войта имѣнія жены Виленскаго воеводы, Анны Ходкевичевой, м. Краснаго Ставу, на урядника имѣнія Волынскаго воеводы, князя Януша Жаславскаго, Григорія Мочульскаго, о захватѣ земель и уничтоженіи большой дороги, при чемъ, въ видѣ угрозы для желающихъ ѣздить по этой дорогѣ, поставлена висѣлица. Возный подтверждаетъ справедливость жалобы. 1623 г., іюня 1 440

CXXXVI. Жалоба пановъ Павловичей, заставныхъ владѣльцевъ имѣній Волынскаго каштеляна, князя Кароля Корецкаго, селъ: Большаго Хручого, Коловерта и Харлукчи, на Корецкаго, о томъ, что насланные имъ вооружонные люди освободили изъ тюрьмы и увели съ собой крестьянъ села Коловерта, виновныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, которые должны быть осуждены на смерть. Жалоба потверждается свидѣтельствомъ вознаго. 1623 года, августа 12 443

CXXXVII. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ былъ въ селѣ Охматковѣ, гдѣ крестьяне объявили ему, что вслѣдствіе угнетеній ихъ со стороны подсудка и осужденія имъ на смертную казнь невинныхъ, десять крестьянскихъ семействъ ушли изъ села, при чемъ оставленное крестьянское имущество было ограблено. 1624 года, іюля 3 дня 445

CXXXVIII. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ ввелъ пана Войтеха Ромера во владѣніе двумя крестьянами изъ имѣнія Остріева, заложенными ему панами Корытинскими. 1624 г., августа 13 дня. 447

CXXXIX. Донесеніе вознаго о допросахъ съ пыткою, произведенныхъ въ его присутствіи паномъ Вишневскимъ двумъ крестьянкамъ, обвиняемымъ въ колдовствѣ и попыткѣ отравить самого Вишневскаго. 1624 г., августа 22. 448

CXL. Жалоба пана Бельскаго на пана Гдешинскаго о уводѣ войтомъ послѣдняго крестьянъ с. Щитиня, заставленнаго Гдешинскимъ Бельскому, и объ оставленіи имъ безнаказанными виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, хотя виновность ихъ была доказана копнымъ судомъ. 1625 года, января 3 451

CXLI. Донесеніе возныхъ о происходившемъ въ присутствіи ихъ судѣ надъ крестьяниномъ пана Костюшковича-Хоболтовскаго, Петромъ Рачикомъ; виновный, сознавшійся въ многочисленныхъ кражахъ, былъ приговоренъ къ смерти. 1625 г., февраля 10 453

CXLII. Донесеніе возного о томъ, что онъ присутствовалъ при допросахъ съ пыткой, снятыхъ, въ присутствіи мужей изъ окольныхъ селъ и громады села Твердыня, съ Льва Рокицкаго, обвиненнаго въ воровствѣ разныхъ вещей у паніи Гулевичевой; Рокицкій, сознавшійся въ преступленіи и указавшій на своихъ соучастниковъ, былъ приговоренъ къ смертной казни. 1625 г., марта 5 д. 456

CXLIII. Инвентарь села Городка, принадлежащаго соборной Владимірской церкви Богоматери, съ исчисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей 1626 г., іюня 24 д. . 462

CXLIV. Жалованная грамота пана Андрея Кашовскаго мѣщанамъ и купцамъ, христіанамъ и евреямъ, поселяющимся въ имѣніи его м. Острожцѣ, на свободу отъ повинностей, магдебургское право и другія вольности; на старожилыхъ же Острожецкихъ жителей грамота эта не распространяется. 1630 г., января 1 . . . 465

CXLV. Жалоба всего шляхетства Водынскаго воеводства на сборщика подымной подати пана Михаила Линевскаго о притѣсненіяхъ и взысканіи излишнихъ податей. 1630 г., марта 9. 467

CXLVI. Жалоба пана Андрея Фирлея на пана Андрея Линевскаго о томъ, что послѣдній угнеталъ крестьянъ арендуемыхъ имъ у Фирлея имѣній. 1630 г., апрѣля 17. 470

CXLVII. Жалоба отъ имени пана Балабана на пана Беневскаго о угнетеніи послѣднимъ крестьянъ въ арендуемомъ имъ имѣніи Балабана, с. Хорохоринѣ. 1630 года, мая 25 473

CXLVIII. Инвентарь с. Радомышля, съ подробнымъ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., мая 16. 476

CXLIX. Инвентарь половины с. Шпакова, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., іюня 23 д. . 479

CL. Инвентарь с. Богурина, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1631 г., іюля 1. 481

CLI. Жалованная грамота короля Сигизмунда III скарбовому писарю Филону-Петру Мировицкому на два пустыя городища надъ р. Ворсклomъ. 1632 г., февраля 16. 486

CLII. Инвентарь имѣній Владимірско-Берестейской епископіи, съ перечисленіемъ крестьянъ и ихъ повинностей. 1633 г., марта 30 488

CLIII. Жалоба отъ имени пана Іеронима Харлезскаго на пана Михаила Линевскаго о томъ, что онъ, арендовавъ у жалобщика имѣніе Бужаны, оное, во время аренды, розорилъ, притѣснялъ крестьянъ и присвоилъ ихъ имущество, вслѣдствіе чего одни изъ крестьянъ совершенно обѣднѣли, а другіе разошлись прочь. Жалоба подтверждается свидѣтельствомъ возныхъ. 1633 года, іюля 23 дня 491

CLIV. Объявленіе пана Яна Кашевскаго о томъ, что новоосаженное мѣстечко Кашово не подлежитъ оплатѣ подымной подати на основаніи льготы, дарованной королевскою привиллегіею. 1634 г., мая 16 дня . . . 497

CLV. Жалоба отъ имени Августинскаго Затурецкаго монастыря на пана Андрея Лагодовскаго о томъ, что онъ, собравъ толпу крестьянъ, ворвался въ монастырь, подъ предлогомъ отысканія будтобы скрывавшагося въ костелѣ своего челядника, выломалъ двери въ костелѣ и произвелъ въ немъ обыскъ, при чемъ избилъ монастырскаго проповѣдника. 1634 г., октября 7 дня . . 499

CLVI. Рѣшеніе Владимірскаго гродскаго суда по жалобѣ Владимірскаго и Берестейскаго епископа Іосифа Мукосія-Баковецкаго на князя Владислава-Доминика Жаславскаго о томъ, что онъ наслалъ вооруженныхъ Татаръ, Волоховъ, Сербовъ и другихъ націй людей, на монастырскія села Карасинъ и Суничаны, которые, поставивъ въ этихъ селахъ болѣе сорока заостренныхъ кольевъ, угрожали сажать на оные крестьянъ и кромѣ того вѣшать ихъ, и затѣмъ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ ограбили, другихъ предали истязанію, часть же изъ нихъ, связавъ, отправили въ Дубно и насильно

поселили на монастырскомъ грунтѣ крестьянъ »слобожанъ«. 1637 г., апрѣля 27 дня 502

CLVII. Присяжное показаніе атамана с. Городища, принадлежащаго пану Николаю Прежовскому, о числѣ опустѣвшихъ дымовъ въ означенномъ селѣ. 1638 г., іюля 14 дня 512

CLVIII. Жалованная грамота короля Владислава IV полковнику Станиславу Потоцкому на имѣніе Максимовку. 1639 г., іюня 30 дня 513

CLIX. Универсалъ Кіевскаго воеводы Януша Тышкевича, приглашающій всѣхъ обывателей Кіевскаго воеводства собраться съ оружіемъ для принужденія короннаго стражника Самуила Лаща къ исполненію состоявшихся противъ него судебныхъ рѣшеній. 1640 г., января 25 дня 515

CLX. Донесеніе вознаго о доставленіи имъ мандата, требующаго на королевскій судъ княгиню Домонтовую, князя Іеремію Вишневецкаго и другихъ лицъ, по жалобѣ короннаго стражника Самуила Лаща о наѣздѣ на его имѣнія Домонтовъ, Песчаную и Золотоношу, разнаго рода насиліяхъ, грабежахъ и о совершенномъ отнятіи этихъ имѣній. 1640 г., апрѣля 17 520

CLXI. Жалоба пана Калускаго на крестьянъ мм. Стараго и Новаго Коростешова о томъ, что они произвели нападеніе на живущихъ тамъ »ляховъ«, а при проѣздѣ Калускаго черезъ мѣстечко напали и на него, одного изъ слугъ его избили, изранили и ограбили. Донесеніе вознаго объ осмотрѣ имъ ранъ. 1640 г., апрѣля 17. 522

CLXII. Приговоръ Люблинскаго трибунала, осуждающій на баниицію цѣлую роту Черниговскаго воеводы Мартина Калиновскаго за неявку обвиняемыхъ къ суду, по дѣлу о грабежахъ и насиліяхъ, произведеныхъ ими въ имѣніяхъ Кіевскаго хорунжича Реміяна Ельца. 1640 г., апрѣля 18 дня 529

CLXIII. Объявленіе отъ имени крестьянъ с. Кошара о томъ, что паны Пясецкие своими угрозами воспрепятствовали имъ произвести судъ надъ задержаннымъ ими воромъ, который вслѣдствіе этого бѣжалъ. 1640 г., сентября 18. 532

CLXIV. Заявленіе пана Прежевскаго о нападеніи на его имѣніе хорунжаго Браславскаго (фамилія не обозна-

чена), который произвелъ тамъ разнаго рода насилія и грабежи и поставилъ возлѣ дома Прежевскаго висѣлицу. 1643 г., іюня 22 533

CLXV. Жалоба пана Тумовскаго на пановъ Олизаровъ, наславшихъ на его имѣніе Минійки четырехтысячный отрядъ, который произвелъ тамъ разнаго рода насилія, убійства и грабежи. 1643 г., августа 29. 534

CLXVI. Жалоба пановъ Замойскихъ на пана Душу-Подорецкаго и жену его о томъ, что они, взявъ въ аренду имѣніе жалобщиковъ Новую Вилю, всячески угнетали тамошнихъ крестьянъ и совершенно разорили имѣніе. 1646 г., января 29. 538

CLXVII. Жалоба пана Станислава Гурскаго на »хлоповъ« Черкасскаго староства, Омельяна Ивановича и Радка Василевича, о томъ, что они, назвавшись шляхтичами, совершили актъ уступки пану Станиславу Потоцкому на имѣніе жалобщика надъ р. Ворсклом, отданное имъ въ залогъ Кіевскому подкоморію, Юрію Немиричу. 1646 г., января 13. 543

CLXVIII. Донесеніе вознаго о вводѣ имъ пановъ Чечелей во владѣніе имѣніями Вырицею и Козакомъ, заставленными имъ княземъ Самуиломъ-Карломъ Корецкимъ. 1647 г., марта 20 545

CLXIX. Рѣшеніе коммиссарскаго суда, освобождающее бояръ Овручскаго староства, Грезлянъ, отъ различныхъ повинностей, неправильно наложенныхъ на нихъ старостою, 1647 г., сентября 10 547

CLXX. Арендная запись отъ князя Іереміи Вишневецкаго коронному стражнику Александру Замойскому на городъ Лубны. 1647 г., ноября 1. 549

CLXXI. Жалоба пани Смитковской на крестьянъ с. Волболъ, о томъ, что они напали на нее въ лѣсу, гдѣ она скрывалась отъ козаковъ, изранили ее и ограбили, одного сына ея убили, а другой бѣжалъ отъ нихъ и неизвѣстно куда дѣвался. 1649 г., марта 3 552

CLXXII. Жалоба отъ имени жены Виленскаго воеводы, Анны Алоизіи Ходкевичевой, на арендная владѣльца м. Вильска, пана Александра Цеклинскаго, и на слугу его Бѣлецкаго, о увозѣ изъ ея имѣній нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, которые и были потомъ совершенно ограбленны. 1650 г., января 7 558

CLXXIII. Жалоба Ковельскаго ксендза Петра Козаковича-Прошицкаго на мѣщанъ Ковельскихъ объ ограбленіи и совершенномъ опустошеніи ими мѣстнаго костела во время перваго козацкаго востанія. 1650 г., марта 14. 563

CLXXIV. Жалоба пана Юрьевича на крестьянъ Кіевскаго подкоморія Юрія Немирича, ограбившихъ, во время козацкаго возстанія, имѣніе жалобщика Зарубинцы. 1650 г., мая 6 565

CLXXV. Жадоба отъ имени княгини Катерины Четвертинской и пановъ Харлинскихъ на хоругвь Волынскаго подстолія, Тимофея Карпинскаго, о нападеніи на имѣніе ихъ Новый Островъ, ограбленіи и истязаніи крестьянъ и священника, »хотя онъ и уніатъ«. 1650 г., мая 20 567

CLXXVI Присяжное показаніе крестьянъ изъ имѣній пановъ Тышей Быковскихъ о уменьшеніи числа жителей въ ихъ селахъ, вслѣдствіе козацкихъ войнъ. 1650 г., іюня 15. 570

CLXXVII. Жалоба Полонскаго мѣщанина Ивана Полонскаго на пана Станислава Славецкаго о томъ, что послѣдній схватилъ его съ товарищемъ на дорогѣ, заключилъ въ тюрму и, принявъ ихъ за козацкихъ шпіоновъ, хотѣлъ казнить. 1650 г., августа 9 571

CLXXVIII. Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, которымъ онъ предписываетъ, чтобы крестьяне попрежнему повиновались и отбывали повинности панамъ. 1650 г., сентября 20 573

CLXXIX. Жалоба пановъ Яна и Габріеля Аксаковъ на свою мачиху, Екатерину Аксакову, о томъ, что она, съ помощью козаковъ, захватила ихъ имѣнія. 1651 г., января 23. 574

CLXXX. Объявленіе отъ имени Кіевскаго подъкоморія, Юрія Немирича, о числѣ разбѣжавшихся во время козацкаго востанія изъ Лугинскаго имѣнія крестьянъ, съ поименнымъ ихъ перечисленіемъ. 1651 г., августа 21. 576

CLXXXI. Жалоба паніи Потоцкой на пана Бачинскаго о томъ, что онъ, собравши отрядъ своевольныхъ людей, наѣзжалъ на ея имѣнія, грабилъ и истязалъ крестьянъ, подвергалъ ихъ пыткамъ и съ одного содралъ кожу. 1651 г., сентября 23 579

CLXXXII. Жалоба пана Стефана Жабокрицкаго на пана Ста-

ниславa Скоповскаго объ угнетеніи крестьянъ въ арендуемомъ имъ имѣніи жалобщика и о принужденіи священника къ отправленію крестьянскихъ повинностей. 1652 г., марта 1. 580

CLXXXIII. Жалоба пана Станислава Сарнецкаго на пана Александра Бочковскаго о томъ, что послѣдній напалъ на арендное его имѣніе Янковъ, которое совершенно разграбилъ, а крестьянъ всѣхъ разогналъ. 1652 г., марта 25 581

CLXXXIV. Присяжное показаніе крестьянина пана Мясоцкаго о томъ, что въ селѣ Волицѣ изъ семи дворовъ остался жилымъ только одинъ. 1653 г., апрѣля 21 583

CLXXXV. Объявленіе отъ имени наслѣдниковъ Быдгощскаго каштеляна Станислава Соколовсваго, о запустѣніи имѣній ихъ Шепля и Войсича вслѣдствіе мороваго повѣтрія и бѣгства крестьянъ отъ жолнерскихъ притѣсненій. 1653 года, іюня 21 584

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОПЕЧАТКИ:

			напечатано:	должно быть:
Стран. 7,	строка 15	сверху	Жягомонтъ	Жигимонтъ
— 20	— 1	—	землевладѣцамъ	землевладѣльцамъ
— —	— 1	снизу	ирава	нрава
— 23	— 4	—	позднѣйшену	позднѣйшему
— 31	— 10	—	приездяючи	приездяючи
— 66	— 4	—	ее	се
— 74	— 2	—	*вко*	*яко*
— 77	— 12	сверху	XVIII столѣтія	XVII столѣтія
— 84	— 3	снизу	породившиеся	нородившиися
— 88	— 16	—	нхъ	ихъ
— 91	— 6	—	Потемкинъ	Потемкинъ
— —	— 5	—	которыхъ	который
— —	— 4	—	1872 г. № 8	1869 г., стр. 920
— 100	— 2	—	стр.	стр. 41, 51
— 111	— 15	—	$^1/_{12}$	$^1/_{11}$
— 115	— 14	—	не лучше, порядкии	не лучше порядки, и
— 117	— ½	сверху	Сигизмунда I	Сигизмундомъ I.
— 141	— 7	—	характеристити	характеристики,
— 144	— 11	снизу	iniculpatus	inculpatus.